

III-2947

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВНИН

Б о ч и н е н и я

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУШИ

1 9 4 9

25429
Historia geografii

18/XI 50 w rezerw
10.40
Staszewski

Rehmann

- PAV
+ UW

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ
ГОЛОВНИН

СОЧИНЕНИЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ШЛЮПЕ „ДИАНА“
ИЗ КРОНШТАДТА В КАМЧАТКУ,
СОВЕРШЕННОЕ В 1807, 1808 И 1809 ГГ.
В ПЛЕНУ У ЯПОНЦЕВ В 1811, 1812 И 1813 ГГ.
ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА
НА ШЛЮПЕ „КАМЧАТКА“
В 1817, 1818 И 1819 ГГ.

с приложением
описания

примечательных
кораблекрушений,
в разные времена предприпленных
русскими мореплавателями

Издательство Главсевморпути
МОСКВА — 1949 — ЛЕНИНГРАД

CBGIOŚ, ul. Twarda 51/55
tel. 22 69-78-773

Wa5161252

hist. 900g

Kol

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРИМЕЧАНИЯМИ
проф. И. П. МАГИДОВИЧА

III - 2947

№Н-58465
PAN slav prof. Stoenitskiy / 67

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В истории русского флота имя Василия Михайловича Головнина занимает одно из самых почетных мест. Замечательные плавания, дважды совершенные В. М. Головниным по волнам трех океанов на военных шлюпах «Диана» (1807—1809) и «Камчатка» (1817—1819), доставили ему заслуженную славу отважного мореплавателя. События, сопутствовавшие плаванию на «Диане»,— пленение корабля англичанами на мысе Доброй Надежды и блестяще осуществленный уход «Дианы» буквально из-под носа англичан—прогремели в свое время на весь мир.

Два года спустя по окончании этого плавания в жизни В. М. Головнина происходят новые события, еще более упрочившие его мировую известность. При описи Курильских островов, когда «Диана» бросила якорь у острова Кунасири для пополнения запасов провианта и пресной воды, Головнин и сопровождавшие его два офицера и три матроса были вероломно захвачены японцами в плен. В томительные дни пребывания в течение двух с лишним лет в японском плену, почти без всякой надежды на освобождение, раскрываются во всей полноте благородные личные качества этого замечательного русского человека—его мужество, великодушие, патриотизм, любознательность ученого-исследователя. Несмотря на тяжелые условия содержания в японской тюрьме, он ведет дневник, изучает, насколько это ему позволяют обстоятельства, жизнь, быт, религиозные воззрения японского народа, государственное устройство этой страны, тогда совсем почти не известной народам Европы. Записки «В плену у японцев», изданные Головниным вскоре по освобождении из плена, были переведены на многие европейские языки.

Вслед за выходом в свет этой книги Головнин печатает свои записки о плавании на шлюпе «Диана» и «Кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка». Эти произведения В. М. Головнина, содержащие описания различных пунктов земного шара, мимо которых лежал путь его кораблей, читаются с большим интересом и сейчас, несмотря на то, что от времени выхода их в свет первым изданием нас отделяет более чем сто лет.

Деятельность Головнина на островах Океании дала право декабристу Кюхельбекеру,—другу Пушкина,—назвать его «преобразователем Сандвичевых островов» и противопоставить гуманность Головнина хищничеству западно-европейских «цивилизаторов».

Насклько живо и проникновенно звучат в наше время борьбы с расовым бесправием и колониальным гнетом слова Головнина о том, что «обширный ум и необыкновенные дарования достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились, и если бы возможно было несколько сот детей из разных частей земного шара собрать вместе и воспитывать по нашим правилам, то может быть из числа их с курчавыми волосами и черными лицами вышло бы более великих людей, нежели из родившихся от европейцев».

Эти слова Головнина были прямым обвинением английским, американским, испанским и другим рабовладельцам, упреком тому народу, который по выражению известного русского путешественника Юрия Лисянского «в денежных обстоятельствах весьма просвещен и к карманному величию имеет безмерную почитительность».

Головнин был великолепным моряком и учителем, создавшим замечательную «головнинскую» школу. Своим учителем считали его такие выдающиеся русские моряки-ученые, как Литке, Врангель, Матюшкин, Анжу, Рикорд и другие.

Любовь к Родине, верность воинскому долгу, чувство товарищества, взаимная выручка — вот те качества, которые воспитывал Головнин в своих офицерах и матросах. Отецеская заботливость, внимательное отношение к нуждам и культурным запросам подчиненных сочетались у Головнина с высокой требовательностью.

Огромные заслуги принадлежат В. М. Головнину и в деле развития и укрепления могущества русского флота. За 8 лет пребывания его на посту генерал-интенданта флота на русских верфях было построено свыше двухсот военных судов, в том числе десять первых в России пароходов.

В нелегких условиях протекает деятельность Головнина в морском ведомстве. Очень часто его начинания наталкиваются на тупое сопротивление косных и ограниченных царских чиновников. В морском ведомстве процветали взяточничество, казнокрадство, бюрократизм. Все это вызывало глубокое возмущение Головнина — прямого, честного, неподкупного. Его переживания выливаются в гневное, обличительное произведение — «Записка о состоянии Российского флота в 1824 году».

Будучи человеком высокогуманным, с широким кругозором, пламенным патриотом своей Родины, Головнин не мог не чувствовать царского гнета и за пределами сферы своей деятельности. Отсюда становится понятным близкое знакомство его с декабристами, тесная дружба с одним из них — Завалишиным. Головнин не мог не разделять чаяний этих передовых людей того времени, их мечты о политическом переустройстве России на благо народа.

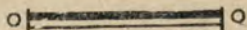
Русские географы увековечили память о знаменитом русском мореплавателе и исследователе, писателе и воине Василии Михайловиче Головнине. Его именем назван залив, расположенный на американском берегу Берингова пролива, мыс, который находится недалеко от Лисбурн, пролив между двумя островами Курильской гряды. На Новой Земле, к востоку от Маточкина Шара высится гора Головнина.

Публикуемые в этой книге литературные произведения В. М. Головнина являются лучшим памятником деятельности этого выдающегося русского мореплавателя. Они не утратили своего значения и в наше время и, несомненно, будут интересны и полезны широкому кругу советских читателей, бережно относящихся к великому культурному наследству прошлого нашей Родины.

Сочинения Головнина в особенности поучительны для нашей молодежи, воспитанной гениальным учителем Иосифом Виссарионовичем Сталиным, большевистской партией, ленинским комсомолом.

Сочинения, вошедшие в однотомник, печатаются с некоторыми сокращениями. Опущены места, утратившие интерес для современного читателя. Редакционные пояснения отмечены внутри текста цифрами и даны в конце каждого раздела книги. Подстрочные примечания, отмеченные звездочками, принадлежат В. М. Головнину.

Книга иллюстрирована рисунками, взятыми главным образом из Альбома путешествий первой половины XIX века. Впервые в книге публикуются оригинальные рисунки художника Тихонова, сопровождавшего Головнина в этом плавании. Рисунки эти были предоставлены издательству Музеем Академии художеств.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ГОЛОВНИН

Завидую тебе, питомец смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседельи!

Пушкин

1

В Эрмитаже давали пьесу «Горе-богатырь». Ее сочинила Екатерина II. Главным героем пьесы был шведский король Густав III. Петербург смеялся над остроносым скандинавским монархом. Но за весельем крылось беспокойство.

Тревожен был 1788 год. На юге началась турецкая кампания; на севере со дня на день ждали столкновения Швеции с Россией.

Рассказывали, что Густав грозит опрокинуть медного всадника — памятник Петру I, что дамам двора своего сулит он блистательный бал в Петергофе и готовит торжественный молебен в Петропавловском соборе. Стремительным натиском предполагал король овладеть русской столицей и в Зимнем дворце продиктовать Екатерине II позорный мир.

Летом 1788 года шведы, не объявляя войны, открыли огонь по русской крепости Нейшлот. После бомбардировки они предложили гарнизону капитулировать. Одноручный комендант, старый вояка майор Кузьмин, ответил неприятелю:

— Я без руки — не могу открыть ворота. Пусть его величество сам потрудится!

И война началась. К границам Финляндии шли русские войска; флот спешно готовился к боям.

В эти дни в Морском корпусе состоялась очередная выпуск. На Балтийском военном флоте нехватало офицеров, и гардемарины отправлялись служить, не закончив курса. Их выпускали «за мичмана». Кадеты толпою ходили провожать своих старших товарищей. Они тащили мичманские сундуки и долго

глядели на шлюпку, отвозившую мичманов на корабли. Вздыхнув и позавидовав тем, кто шел в бой навстречу славе и чинам, кадеты возвращались в «сень наук» — в свой запущенный и полуразрушенный дом, носивший звучное имя — Итальянский дворец.

Кадет Василий Головин был в корпусе новичком. Двенадцатилетнему мальчугану трудно было привыкнуть к суровым корпусным порядкам.

Из поколения в поколение жили Головины в своем родовом Гуляйском имении. 8 апреля 1776 года родился здесь Василий Головин. Кто бы мог думать тогда, что доведется ему на своем веку побывать в таких краях, о которых никогда и не слышали жители глухого Пронского уезда Рязанской губернии. Мальчику едва минуло девять лет, когда он остался сиротой. С детства он был записан в Преображенский полк и со временем должен был надеть мундир армейского офицера. Но родственники решили почему-то иначе: мальчик был отдан в Морской кадетский корпус.

Корпус в те времена выглядел жалко. После пожара, случившегося на Васильевском острове в 1771 году, его перевели в Кронштадт. Профессора и столичные преподаватели ездить туда не желали. Директор корпуса, просвещенный и гуманный Иван Логинович Голенцев-Кутузов, назначенный членом Адмиралтейств-коллегии, в Кронштадте бывал редко. Корпус оказался в руках невежественных «фрунтовики». Офицеры чаще и охотнее посещали кронштадтские трактиры, нежели классы и кадетские комнаты.

Учение в корпусе все же шло. Арифметике учил высокий, широкоплечий, с грубоватыми ухватками Николай Курганов. Преподавал он прекрасно и, ежели б не страсть к горькой, пошел бы в наука далеко. Магистры Эдинбургского университета Някитин и Суворов читали курс тригонометрии. Навигацию учили по Бугеру, морские эволюции — по Госту.

Изучали артиллерию, корабельную архитектуру, механику и фортификацию, чистописание и правописание, рисование, фехтование, иностранные языки, закон божий и прочее.

Василий Головнин учился старательно и успешно. Не по летам серьезный, он казался хмурым и неприветливым. Он привык полагаться только на себя; у него не было ни защитников, ни советников. Когда по праздникам возбужденные и веселые кадеты уезжали к родным в Петербург, он оставался в корпусе, и книги были единственным его утешением. Читал он много, любил рассказы о путешествиях, обстоятельные, длинные и подчас немного скучные.

А на Балтийском море продолжали греметь пушки. Флот доблестно отстаивал столицу. После Гогландского сражения в июле восемьдесят восьмого года петербуржцы стали называть русских моряков «спасителями столицы». «Стремительный» шведский удар не удался.

Однако шведы не унимались...

Незадолго перед выходом в море эскадры вице-адмирала Круза на борт корабля «Не тронь меня» поднялся кадет Василий Головнин.

На рассвете 23 мая 1790 года корабли Круза завязали сражение с шведской эскадрой. Гул орудийной канонады прокатился над Финским заливом и был услышан в Петербурге. В городе заговорили о близости шведов, о неприятельском десанте. В Кронштадте у крепостных пушек появились мещане, адмиралтейские мастеровые, рекруты.

Кронштадт приготовился к обороне.

Сражение продолжалось два дня. Кончилось оно отступлением шведов.

Спустя месяц Головнин участвовал во второй крупной баталии: блокированный в Выборгском заливе шведский флот прорывался в море. Утром 22 июня, пользуясь свежавшим ветром, шведы начали выходить из бухты. Русские канониры открыли огонь. Залив и корабли окутались едким пороховым дымом. Горячка и азарт боя захватили Головнина.

В августе 1790 года мир, заключенный в Верелэ, водворил тишину над волнами

Балтики. Василий Головнин вернулся в корпус, кадетскую куртку его украшала медаль за храбрость. Ему исполнилось тогда четырнадцать лет.

Еще два года продолжалась учеба. Две зимы протекли в классах, два лета — в практических плаваниях на «Изяславле», «Прохоре», «Трех святителях».

Наконец наступил долгожданный день — день выпуска. Василий Головнин по числу баллов закончил корпус вторым. И как сильно он был огорчен, когда узнал, что его «по малолетству» оставляют в корпусе еще на год. Пришлось покориться. Его произвели в сержанты и стали выплачивать небольшое жалованье. Головнин принялся за изучение иностранных языков, истории, физики.

Прошли чередою двенадцать месяцев, показавшиеся ему очень долгими. 1793 год принес Головнину производство в мичманы.

Облачившись в новенький белый мундир, белые чулки и башмаки с пряжками, мичман ходил представляться начальству и благодарить за производство. Он осторожно ступал по грязи кронштадтских улиц и чувствовал себя счастливейшим человеком.

Недолго пробыл Головнин в Кронштадте. На военном транспорте «Анна-Маргарита» ушел он вскоре в Швецию. На корабле Головнин познакомился с русским посланником в Стокгольме Сергеем Петровичем Румянцевым. Румянцев был одним из образованнейших людей России.

Май 1795 года застал молодого моряка на 44-пушечном «Рафайле», который шел в составе эскадры вице-адмирала Ханькова к берегам Англии. Часть похода Головнин провел на корабле «Пимен», где в то время служил его приятель по корпусу Петр Рикорд.

Ханьковская эскадра долго простояла в английских портах. Офицеры часто съезжали на берег. Головнин снял в Лондоне скромную квартирку и, отказывая себе во всем, брал уроки у лучших знатоков математики, астрономии, навигации. Жажда к знаниям, отличавшая его с молодых лет, не покидала его всю жизнь.

II

«Вы должны ознакомиться с организацией морского департамента и, кроме того, наблюдать и изучать все отрасли хозяйства...».

Так в 1802 году напутствовал морской министр адмирал Мордвинов молодых офицеров, уезжавших в Англию. Их было двенадцать. Среди них — Головнин, его друзья Рикорд и Коростовцев, способные моряки Бутаков, Давыдов, Миницкий.

Вот он снова в Британии. Внимательно приглядывается Василий Головнин к стране каменноугольных копей и паровых машин, к стране ткацких фабрик, ремесленных мастерских и судоверфей...

В марте 1803 года, после годовичного затишья, с новой силой вспыхнула борьба Англии с наполеоновской Францией.

Война прервала мирные занятия Головнина. С первых дней ее он сражался во флоте англичан.

За три года службы в действующем флоте Головнин плавал под флагами адмиралов Нельсона, Корнвалиса, Коллингвуда и участвовал в боевых действиях против Тулона и Кадикса.

Капитан фрегата «Фисгард», на котором некоторое время служил Головнин, высоко оценил храбрость русского моряка. После одного ночного абордажного боя он записал о Головнине: «Дрался с необыкновенной отвагой и был так счастлив, что остался невредим».

В 1806 году Головнин вернулся в Россию окольным путем — через Швецию и Финляндию.

Морской министр познакомился с запиской Головнина об английском флоте, а затем и с его сводом «военных морских сигналов для дневного и ночного времени». Этим сводом флот наш пользовался потом четверть века.

В том же году возвратились в Кронштадт, завершив первое русское плавание вокруг света, Крузенштерн и Лисянский.

Почин был сделан. Морское министерство решило отправить в подобное же плавание еще один корабль. Командиром «кругосветного» корабля назначили Василия Михайловича Головнина. Ему поручили заняться географическими изысканиями и гидрографическими работами в Тихом океане.

III

На реке Свирь заканчивали постройку шлюпа, предназначенного для внутренней транспортной службы на Балтийском море. Этот шлюп и доверили Головнину. Он энергично принялся за работу. Нужно было значительно увеличить внутренние укрепления и по-иному устроить трюмы. Парусами корабль оснащали уже на Охте. Затем установили пушки. Головнин принял грузы, набрал команду. В июне 1807 года он доложил, что «Диана» (так окрестили шлюп) может салютовать Кронштадту. Командир порта произвел кораблю «генеральный смотр», удостоверился в его готовности к дальнему вояжу и пожелал морякам счастливого плавания.

25 июля шлюп вступил под паруса. Началось путешествие, столь подробно описанное самим Головниным, что нам остается лишь кратко упомянуть о нем.

Пока «Диана» шла в Англию, в Европе распространились слухи о франко-русском союзе.

В октябре 1806 года Наполеон подписал декрет о континентальной блокаде. Отныне ни один корабль не смел пристать к английским берегам. Континентальная блокада должна была задушить Англию.

Сокрушив Пруссию, французы подошли к границам России. Но военные действия внезапно прекратились. На реке Неман, близ города Тильзит, июньским днем 1807 года состоялось свидание Александра I и Наполеона. Они разговаривали без свидетелей. В июле Россия подписала мир с Францией. Секретным условием его было обязательство России вступить в континентальную блокаду. Осенью русский посол выехал из Лондона. Правительство Александра I опубликовало «декларацию с разрыве между Россией и Англией».

В Портсмуте Головнину пришлось долго убеждать англичан, что путешествуют русские только с научной целью. Наконец, ему выдали разрешение на дальнейшее плавание.

Однако в апреле 1808 года, когда шлюп пришел на мыс Доброй Надежды, английские власти объявили его «задержанным по чрезвычайным обстоятельствам». Только портсмутский пропуск избавил «Диану» от участи обычного призового судна.

Началась долгая переписка губернатора капской колонии с лондонским кабинетом: как быть с русским кораблем?

Русский корабль тем временем втянули в глубь залива, поставили под пушки английского флагмана, окружили многими судами. Хуже всего было то, что хозяева отказывали невольным своим гостям в продовольствии.

Прошли восемь долгих месяцев. Прибыли депеши из Англии. О «Диане» в них не было никакого упоминания.

Минуло еще несколько месяцев. Положение становилось отчаянным. Головнин решился на побег. Это был очень смелый и очень рискованный план: вырваться из лабиринта вражеских судов-сторожей и **вместиться** в океанское плавание с почти пустыми трюмами. Успех дела зависел от решительности и хладнокровия командира, от храбрости и дружной работы экипажа. Капитан и команда оказались достойными друг друга. Вот как описывает сам Головнин уход «Дианы»:

«Наконец, 19 мая (1809 года.— *Ред.*) сделался крепкий ветер. На вице-адмираль-

ском корабле паруса не были привязаны, а другие военные суда, силою превосходящие «Диану», не были готовы идти в море. По сигналам с гор, мы знали, что видны два больших судна, лагирующих в заливе, которые могли быть военные и, может быть, фрегаты, но им невозможно было приблизиться к выходу раньше ночи. Так как положение наше оправдывало всякий риск, то, приготовившись к походу и в сумерках привязав штормовые стаксели, в половине седьмого часа вечера, при нашедшем сильном шквале с дождем и пасмурностью, я велел отрубить канаты и пошел под штормовыми стакселями в путь.

Едва успели мы переменить место, как со стоявшего недалеко от нас судна тотчас дали знать на вице-адмиральский корабль о нашем вступлении под паруса. Какие меры ими были приняты, чтоб остановить нас, мне неизвестно. На шлюпе во все время была сохранена глубокая тишина.

Коль скоро мы миновали все суда, — тогда, спустясь в прогсд, в ту же минуту начали подымать брамстенги и привязывать паруса. Офицеры, гардемарины, унтер-офицеры и рядовые — все работали до одного на марсах и реях. В десять часов вечера мы были в открытом океане. Арест наш на мысе Доброй Надежды продолжался год и 25 дней.

Около двух месяцев видела беглецы только море да небо, слышали только шум волн да пенье ветра. Ни одного судна не повстречали моряки «Дианы» в течение 51 дня. Головнин торопился: провизии становилось все меньше и меньше, он вынужден был держать команду на полуголодном пайке.

В конце сентября 1809 года русские моряки усмотрели берег Камчатки. Острые скалы, сопки, поросшие лесом, далекие горы, пена прибоя — величественная и угрюмая картина.

— Будто сам сатана, — говорили матросы, — расположился здесь лагерем.

Головнин зимовал в Петропавловске-на-Камчатке, который походил тогда скорее на селение, чем на город. Несколько десятков приземистых домиков, православная церквушка, магазины Российско-Американской компании — вот, пожалуй, и все, что тут было.

Летом 1810 года капитан-лейтенант Головнин (звание капитан-лейтенанта он получил в феврале) занялся описью северо-западного берега Америки.

Русской Америкой называли тогда эти суровые, малоизведанные края. Еще при Екатерине II появились в этих землях наши прадеды. Купцы Шелехов и Голиков посла-

ли туда людей добывать драгоценную пушнину. Места были богаты непуганым зверем. Барыш был велик. Люди начали селиться на островах близ американского берега, а в 1799 году правительство признало купеческое предприятие законным и полезным. Так родилась Российско-Американская компания, с деятельностью которой связаны имена выдающихся русских мореплавателей.

«Диана» побывала и на острове Кадьяк, где находилась фактория компании.

На острове моряки встретились с «главным правителем Русской Америки» Барановым. Баранову шел седьмой десяток, но он был еще очень энергичным человеком, с ясным умом и твердой волей. Он возвел на Кадьяке крепостные укрепления, создал богатую библиотеку с ценными коллекциями книг о путешествиях и открытиях, собирал картины, чертежи и рисунки кораблей.

Перезимовав еще раз в Петропавловске, Головнин решил приступить к гидрографическим работам в южной группе Курильских островов, на Шантарских островах и у Татарского берега. 4 мая волны Великого океана снова подхватили «Диану». Плавание прервалось очень скоро и очень печально.

В июле Головнин с семьей спутниками ступил на берег острова Кунасири. Они пришли безоружными, питая самые дружеские чувства к населению. Им пришлось горько за то поплатиться: японцы схватили их, связали и сделали пленниками.

Записки о пребывании в японском плену, написанные впоследствии Головинным без всяких прикрас и преувеличений, достаточно красноречиво рассказывают об этих двух печальных годах его жизни.

На «Диане» место командира заступил верный помощник и старинный друг Головнина — Петр Рикорд. Он предпринял несколько попыток освободить товарищей. Они были безуспешны. «Диана» должна была оставить Кунасири. Залив, где стоял шлюп, Рикорд назвал заливом Измены.

Добрая погода сопутствовала кораблю. «Только в сердце моем, — говорит Рикорд, — свирепствовала буря!» Он ни на минуту не забывал ни о Головнине, ни о штурмане Хлебникове, ни о матросах, томящихся в японском плену.

Из Камчатки Рикорд без усталости писал в Петербург. Он просил помощи морского министра, просил денег и припасов для того, чтобы продолжать поиски товарищей. Но почта в столицу шла месяцами, да и не очень-то тревожились там о судьбе пленных.

Рикорду удалось все же, правда с великим трудом, получить полномочия на то, чтобы вести переговоры с японцами. Наконец,

он сумел добыть достоверные сведения о судьбе плененных моряков, а вслед за тем добиться у японских властей свидания с Головинным. С восторгом записал он в тот день в своей тетради:

«Я имел счастье видеться под японской кровлею с почтенным моим другом В. М. Головинным и свободно беседовать с ним около 6 часов! Какая награда за прошедшие мои терзания! Двухлетнее пребывание в плену положило значительную печать скорби на мужественное лицо моего друга, и хотя в глазах его блистал прежний огонь великой, светлой души его, но утомленность его не могла скрыться от моих взоров».

Вскоре после свидания Головинн и его спутники были освобождены из плена. В октябре 1813 года Головинн вновь поднялся на борт «Дианы». На корабле ликовали, шлюп был празднично украшен, команда кричала «ура». Капитан-лейтенант собрал всех на шканцах, взволнованно поблагодарил экипаж и сказал:

— Сим возвратили вы нам жизнь для отечества нашего!

В декабре Головинн покинул Камчатку. Он сел с Рикордом в сани, собаки рванули и помчали. Замелькали заснеженные деревья, сопки, скалы. Рикорд проводил его до Гижигинска. Там они обняли друг друга, поцеловались и простились на долгое время: Головинн поехал в столицу, а Рикорд — назад, на Камчатку. В пути Головинн пробыл полгода. Только 22 июля 1814 года услышал он:

— Пожалуйте-с подорожную!

В бледном рассвете стояли низенькие черные домики, полосатая караульная будка, полосатый шлагбаум. Петербург! Мореплавателю не видел его целых семь лет.

Через три дня его поздравили капитаном 2-го ранга.

В Петербурге он сел за бумаги. Он писал отчеты и донесения, писал и для публики. Уже в 1815 году один из значительных русских журналов, «Сын Отечества», рассказал читателям об освобождении наших моряков из японского плена. Приключениями Головинна интересовались не только у нас, но и за границей¹. В следующем году в книжках этого же журнала появились статьи Головинна о мысе Доброй Надежды и Камчатке, о Русской Америке.

Спустя почти двадцать лет «во глубине сибирских руд» В. К. Кюхельбекер, литера-

тор и декабрист, с наслаждением читал сочинения Головинна. Он записал в своем дневнике 4 мая 1832 года: «Целый день читал записки В. Головинна. Книга такова, что трудно от нее оторваться». А потом — снова: «Записки В. Головинна — без сомнения, одни из лучших и умнейших на русском языке и по слогу и по содержанию».

В Петербурге Василий Михайлович познакомился с семьей небогатого тверского помещика, бывшего екатерининского офицера Степана Лутковского. Сыновья его учились в Морском корпусе и сделались впоследствии видными офицерами флота. У Лутковского была дочь Евдокия. Головинн посватался и получил согласие. Начали готовиться к свадьбе, но вдруг приказано было Василию Михайловичу собираться в плавание и не в Балтийское море, а в далекое кругосветное. Свадьбу пришлось отложить.

Тридцатидвухпушечная «Камчатка» — военный шлюп, походивший на средний фрегат — снялась с якоря 26 августа 1817 года. День был знаменательный — годовщина Бородинской битвы. Говорили, что примета добрая: плавание началось счастливым днем.

Сто тридцать человек шли под командой Головинна в «кругоземное» путешествие. Он вез в Охотск и Петропавловск различные грузы, кроме того ему было поручено ревизовать деятельность Российско-Американской компании.

В числе офицеров «Камчатки» были Ф. Литке и Ф. Врангель, будущие известные наши мореплаватели, и коллежский асессор Федор Матюшкин.

Это был тот самый Матюшкин, которому Александр Сергеевич Пушкин, товарищ его по Царскосельскому лицее, посвятил прекрасные строки:

*Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!*

«Камчатка» была тем кораблем, на который «с лицейского порога» перешагнул Федор Матюшкин.

В мае 1818 года русские моряки пришли к камчатским берегам. Переход был завершен удачно и по тем временам быстро — за восемь месяцев.

Лето ушло на гидрографическое описание Командорских островов и на ревизию Российско-Американской компании. Головинн

¹ Любопытно, что Генрих Гейне, рассуждая о нравственности в известном своем произведении «Людвиг Берне», пишет: «На главном листе «Путешествия в Японию» Головинна помещены эпитафией прекрасные

слова, которые русский путешественник слышал от одного знатного японца: «Нравы народов различны, но хорошие поступки всюду признаются таковыми» (Г. Гейне, Избранные произведения. ГИХЛ, М., 1934, стр. 46).

обнаружил здесь большие злоупотребления; он составил обширную записку, в которой без обиняков и смягчений рассказал о грабительских деяниях компанейских агентов.

В сентябре 1819 года «Камчатка», пробыв в плавании более двух лет, салютовала Кронштадту. Это было последнее путешествие Василия Михайловича Головнина.

Головнин поселился в Петербурге, в доме на Галерной улице, и отпраздновал, наконец, свадьбу. В 1821 году у Головниных родился первенец — сын Александр.

IV

В доме у Синего моста часто сходились литераторы, моряки, армейские офицеры.

*Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи...*

Они засиживались далеко за полночь. Блики огня падали сквозь окна на плиты панели, на чугунную решетку набережной Мойки. Табачный дым плавал в комнатах.

Спорили подолгу и о многом: о делах на Аляске, о стихах Пушкина, о журнале «Полярная звезда», о порядках в государствах — в чужих и в своем. О государе императоре и его министрах говорили здесь вольно и непочтительно.

Дом у Синего моста принадлежал Российско-Американской компании. Жил в нем с зимы 1824 года новый служащий компании — Кондратий Рылеев. Он и был душою этих крамольных сходок — собраний Северного общества декабристов.

Наведывался сюда и Василий Михайлович Головнин. Его встречали радушно. Прославленный путешественник и ученый моряк хорошо знал многих гостей Рыльева.

С молодым Завалишиным познакомился он еще три года назад. В 1821 году Головнина назначили помощником директора морского корпуса, а Завалишин был там преподавателем. «Нас сблизило, — писал впоследствии Завалишин, — общее негодование против вопиющих злоупотреблений. Мы сделали друзьями, насколько допускало огромное различие в летах¹».

Хлэпотливые и утомительные корпусные дела мешали ученым занятиям Василия Михайловича. Но он был трудолюбив, упорен и работал по многу часов. Он издал книгу о плавании «Камчатки», перевел с английского описание кораблекрушений Дункена, приложив к его труду работу об авариях русских судов, составил правила описи морских берегов и трактат о тактике военных флотов.

¹ Д. И. Завалишин, Записки декабриста. СПб., 1906, стр. 49—50.

Свечи в кабинете Головнина гасли под утро, когда в долгой петербургской ночи начинали смутно выступать старье дома Галерной улицы.

В 1823 году Головнин был назначен генерал-интендантом флота. Большая забота легла на его плечи. Строительство новых кораблей, ремонт старых, верфи и мастерские, портовые сооружения и склады — всем этим он должен был заниматься.

В начале правления Александра I в России существовал отличный флот с боевыми кадрами, прошедшими школу таких адмиралов, как Ушаков и Сенявин. Александр I не берег это наследство. Фрунт, бессмысленные армейские порядки, порядки казарм и плацов, насаждались на кораблях людьми, подобными Аракчееву. Царь «предпочитал терпеть урон от беспрекословного подчинения, нежели выгоды от решительности».

Вопреки императору и придворным ничтожествам, слава флота была поддержана трудами и подвигами самих моряков. Верные традициям адмирала Ушакова, они совершили в первую четверть прошлого столетия немало замечательных дел.

Во время Отечественной войны 1812 года моряки до конца исполнили свой долг перед Родиной.

Усиленно действовал тогда балтийский гребной флот. При отступлении французов один из гребных отрядов преследовал их по реке Аа до Митавы и овладел этим городом. Летом 1813 года несколько десятков судов не раз подходили к Данцигу (он был еще в руках французов) и, невзирая на сильный огонь крепостной артиллерии, бомбардировали его. Тем временем русский корабельный флот успешно крейсировал у голландских берегов.

Мужественные русские моряки сражались и на суше. Морской гвардейский экипаж, плечом к плечу с солдатами, прошел победный путь от Москвы до Парижа, покрыв морские знамена новой славой.

Даже англичане, столь скупые на похвалы флотам чужих стран, вынуждены были признать высокие боевые качества русских моряков. Один английский корабельный хирург писал в своей книге «Путешествие в Санкт-Петербург в 1814 году с заметками об императорском русском флоте»: «Вообще говоря, русские моряки обладают всеми данными для того, чтобы занять первое место среди моряков мира, — мужеством, стойкостью, терпением, выносливостью, энергией».

Русские офицеры и матросы показали себя не только безупречными воинами, но и неутомимыми путешественниками. Лисянский и Крузенштерн первыми из русских обогнули земной шар. Головнин повторил их подвиг.

Карта кругосветных плаваний В. М. Головнина.

Началась эпоха наших кругосветных плазаний. Русский флаг той поры узнали на самых отдаленных берегах.

Новый генерал-интендант Василий Михайлович Головнин сознавал свою ответственность за судьбу русского флота.

Он принялся за дело с жаром. И сразу же началось единоборство с адмиралтейскими старцами, консерваторами и рутинерами, с чиновниками-казнокрадами, с прожорливыми китами-подрядчиками.

В кабинете на Галерной улице Головнин писал вечерами гневную «Записку о состоянии Российского флота в 1824 году». Каждая строка этой «Записки» изобличала и клеймила тупость высшего начальства, бюрократические порядки императорской России. И вместе с тем каждая из них пропитана была горечью истинного патриота, на глазах которого гибло дело, столь важное для отечества.

«Если бы хитрое и вероломное начальство, — писал Головнин, — пользуясь невниманием к благу отечества и слабостью правительства, хотело, по внушениям и домогательству внешних врагов России, для собственной своей корысти, довести разными путями и средствами флот наш до возможного ничтожества, то и тогда не могло бы оно поставить его в положение более презрительное и более бессильное, в каком он ныне находится» («Записка о состоянии Российского флота в 1824 году». СПб., 1861, стр. 1).

Головнин подробно разбирает причины этого бессильного положения флота. Он язвительно говорит о глупости сановников, о «корысти и алчности» царских министров, которые «в состоянии употреблять в пользу свою и своих любимцев казенное имущество» (стр. 22).

Головнин раскрывает жалкую картину гибели живого дела в бесконечных потоках официальных бумаг, в страшных дебрях канцелярий и департаментов.

Все это творилось на виду у правительства, на виду у двора. Император Александр знал о злоупотреблениях, о неслыханном воровстве, но, по словам Головнина, «сколь бы законопреступны и ужасны оные ни были, оставляет виновных без наказания». Начальник морского штаба — лжец, вор и негодяй, а царь «может назваться истинным благодетелем сего алчного нечестивца, ибо наградил его щедро и чинами и богатою арендою».

Язвительные и злые характеристики дал Головнин руководителям тогдашнего флота. Тут и умом недалекий граф Кушелев, и слепо преданный всему «аглицкому», каприз-

ный и своенравный Чичагов, хитрый и лгавый придворный маркиз де-Траверсе, и, наконец, фон-Миллер — вопиющая бездарность и глупость.

Здесь «Записка» обрывается (конца ее так и не удалось разыскать до сего времени) ироническим обращением ко всем тем, кто полагал, что «континентальная Россия» обойдется без сильного флота. Последняя страница ее содержит весьма прозрачный и весьма неслестный намек на государственный ум самого Александра I.

«Дерзновенно было бы с моей стороны, — пишет Головнин, — в деле политическом возражать людям, политикою занимающимся по должности, людям, украшенным пудрой и шитыми кафтанами. Но, как известно нам, что не всяк тот герой, кто носит шпоры и мундир, не всяк тот тонкий дипломат, кто почтен званием посла, и не на всех тронах сидят Соломоны...».

Записки Головнина при жизни его не были опубликованы. Вскоре грянули такие события, что о печатании столь вольных писаний не могло быть и речи. И только спустя тридцать лет после смерти автора, в 1861 году, морская типография в Петербурге выпустила отдельной брошюрой «Записку о состоянии Российского флота в 1824 году». На обложке ее значилось: «Сочинение мичмана Мореходова». От имени мичмана Мореходова вел свой гневный рассказ Василий Михайлович Головнин.

..В доме у Синего моста готовились к решительным действиям. Большие надежды возлагал Кондратий Рылеев на военных моряков. Многие флотские офицеры были членами Тайного общества, а их подчиненные — матросы гвардейского экипажа, расквартированного на Екатерингофском проспекте — могли выступить по первому знаку своих командиров. Подумывали декабристы и об использовании Кронштадта.

Знал ли Головнин о замыслах декабристов? Несомненно, знал. Разделял ли он их? К сожалению, нам не удалось до сих пор обнаружить каких-либо документальных свидетельств членства его в Северном обществе. Однако откровенность и резкость его тогдашних суждений, прямота и благородство его характера заставляют нас с известным доверием отнестись к высказыванию Дмитрия Завалишина, который в своих мемуарах утверждает, что Головнин принадлежал к числу «членов Тайного общества, готовых на самые решительные меры».

Нужно, однако, оговориться, что следующие строки Завалишина кажутся нам более чем сомнительными. Завалишин сообщает: «По показанию Лунина (один из

Путешествие

ШЛЮПА
«ДИАНА»

из Кронштадта
в Камчатку,

совершенное

под начальством
Флота лейтенанта
ГОЛОВНИНА
в 1807, 1808 и 1809 гг.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предмет экспедиции, выбор корабля, вооружение и приготовление оного

В 1806 году, скоро по возвращении в Кронштадт двух судов Российской Американской компании «Надежда» и «Нева»¹, счастливо совершивших путешествие кругом света, оная компания решилась послать вторично судно «Нева» в такую же экспедицию. Тогда его императорскому величеству благоугодно было повелеть отправить с ним вместе военное судно, которое могло бы на пути служить ему обороною. Главный же предмет сей экспедиции был: открытия неизвестных и опись мало известных земель, лежащих на Восточном океане и сопредельных Российским владениям в восточном крае Азии и на северо-западном берегу Америки.

Государственная Адмиралтейств-коллегия, пользуясь сим случаем, заблагорассудила вместо балласта поместить в назначенное для сего путешествия судно разные морские снаряды, нужные для Охотского порта, которые прежде были туда доставляемы сухим путем, с большим трудом и изживением, а некоторые нельзя было и доставить по причине их тяжести.

В выборе удобного для сего похода судна представилось немалое затруднение, ибо в императорском флоте не было ни одного судна, способного, по образу своего строения,

поместить нужное количество провиантов и пресной воды сверх груза, назначенного к отправлению в Охотский порт; купить же такое судно в русских портах также было невозможно. Наконец сие затруднение уничтожилось прибытием в Петербург транспортных судов, построенных на реке Свири. По приказанию морского министра, управляющий Исполнительною экспедициею контр-адмирал Мясоедов и корабельные мастера Мелехов и Курепанов свидетельствовали сии суда и нашли, что с большими поправками они могут быть приведены в состояние предпринять предназначенное путешествие.

Выбор пал на транспорт «Диана». Судно сие длиною по гондеку 91 фут, по килю 80²; ширина его 25, а глубина трюма 12 фут. Строено оно для перевоза лесов, и для того ширина к корме очень мало уменьшается, отчего кормовая часть слишком полна, следовательно, нельзя было в нем ожидать хорошего хода. Впрочем, во многих других отношениях оно довольно было способно для предмета экспедиции. Что же принадлежит до крепости судна, то надобно сказать, что она не соответствовала столь дальнему и трудному плаванью; судно построено из соснового леса и креплено железными болтами; в строении его были сделаны великие упущения, которые

¹ Головин. Сочинения.

могли только произойти от двух соединенных причин: от незнания и нерадения мастеров и от неискусства употребленных к строению мастеровых.

23 августа 1806 года я имел честь быть назначен командиром судна «Диана», которое велено было включить в число военных судов императорского флота и именовать шлюпом³. Через сие оно получило право носить военный флаг; офицеров и нижних чинов предоставлено было мне самому выбрать.

Доколе исправления судна продолжались, начальствующие прилагали всевозможное попечение, всякий по своей части, приготовить для путешествия самые лучшие снаряды и провизии. Сии последние были приготовлены чрез тех же самых людей, которые заготовляли провиант прежде сего для судов Американской компании «Надежда» и «Нева», и до окончания их путешествия сохранялись в самом лучшем состоянии. Некоторыми провиантами нам предоставлено было запастись в чужих портах. Все вещи, провизии и снаряды для шлюпа заготовляемы и отпускаемы были по моему представлению и выбору.

Министр предписал комиссионеру Грейгу в Лондоне заготовить нужные математические и астрономические инструменты, а морские карты и книги Государственная Адмиралтейств-коллегия предписала купить мне самому в чужих портах.

Шлюп «Диана» 15 мая отправился из Петербурга, а 21-го числа прибыл в Кронштадт.

В Кронштадте нужно было сделать некоторые поправки в разных наружных частях судна, а особливо в столярной работе, которая от жестоких зимних морозов и потом от наступивших по весне жаров много попортилась. В Кронштадте сделали нам также новые мачты, бушприт⁴, марсы⁵ и почти весь настоящий и запасный рангоут⁶.

В исходе мая шлюп был готов к принятию груза.

Разместить порядочно такой разнообразный груз в малом судне и притом для столь дальнего путешествия — было дело не весьма легкое. Сверх того, при размещении одного

надобно было стараться дать каждой вещи место, где бы менее она была подвержена, по свойству своему, порче от сырости или стесненного воздуха и не могла бы одна вещь испортить другую в таком продолжительном переходе; и чтобы расположение тяжестей не причинило какого неудобства в морских качествах судна и не подвергло бы его опасности или от излишней остойчивости или от чрезвычайной валкости.

Кроме того, нужно также было иметь великое внимание при укладке такого большого количества морских провизий всякого рода, которыми мы необходимо должны были запастись. Положить их надлежало так, чтобы сухие провианты лежали в местах, менее подверженных влажности и сырости, и все провизии вообще надлежало так поместить, чтобы один сорт не был заложен другим и чтобы все их можно было легко доставать во всякое время и во всякую погоду.

Установка бочек с пресной водой, укладка дров и угля требовали таких же предосторожностей, и я смело могу сказать, что при нагрузке «Дианы» все сии предосторожности были соблюдены с крайней точностью; в продолжение путешествия опыт мне показал, что при укладке груза и расположении провиантов, воды и угля, по моему мнению, никакой ошибки не сделано.

20 июля главный Кронштадтского порта командир сделал у нас обыкновенным порядком депутатский смотр.

Скоро после того я получил повеление отправиться в путь при первом благополучном ветре, который настал в 4 часа пополудни 25-го числа, а в 5 часов «Диана» была под парусами и, сделав с крепостью взаимный салют, пустилась в путь при свежем порывистом ветре от NO.

Оставляя свое отечество, не знали мы и даже не воображали, чтобы в отсутствие наше столь нечаянно могли случиться такие важные перемены в политических делах Европы, которые впоследствии переменили и едва было совсем не уничтожили начальную цель экспедиции. Путешествие сие было необыкновенное в исто-

ГЛАВА ВТОРАЯ

На пути из Кронштадта до Англии и в Англии

Для большей ясности и для избежания излишних повторений в продолжение сего повествования я предвещаю читателей в начале сей главы о следующем:

1. Все расстояния я считаю географическими милями, называя их просто: мили, коих в градусе 60⁸.

2. Румбы правого компаса⁹ везде употреблял я в журнале, как говоря о курсах, так и о положении берегов и проч., а где нужно было говорить о румбах магнитного компаса, там так и означено: румб по компасу.

3. Когда я называю широту обсервованную, я разумею найденную по полуденной высоте солнца, а во всех других случаях показан род наблюдения, по коему она ссыкана.

4. Долготу по хронометрам всегда должно разуместь среднюю из показуемых всеми нашими хронометрами.

5. Высота термометра во всех случаях означена та, которую он показывал, будучи поставлен в тени; а когда был на солнце, то так и сказано, и всегда по фаренгейтову делению¹⁰.

6. Названия приморских мест вне Европы всегда употреблял я те, которыми их англичане называют; потому что счисление нашего пути мы вели по английским картам и употребляли английские навигационные и астрономические таблицы во всех наших вычислениях.

7. Так как все наши инструменты, кроме двух секстантов, заказаны были в Лондоне и мы получили их по прибытии в Англию, а потому в переходе из России до Англии, кроме меридиональных высот солнца, луны и звезд, мы никаких других астрономических наблюдений не могли делать; для той же причины и метеорологических замечаний не делали.

8. Долготы я считаю от Гринвича, потому что все наши таблицы, карты и астрономический календарь сочинены на меридиан гринвичской обсерватории.

Выше я сказал, что мы пошли с Кронштадтского рейда под вечер 25 июля; ветер тогда был от NO и только что начался перед снятием

с якоря; потом задул он при нашедшей дождевой туче с порывами.

Около полуночи ветер нам сделался противный, временно дул крепко, и мы проиграли все то расстояние, на которое днем подались вперед.

Крепкий противный ветер продержал нас, так сказать, в самых воротах двое суток. Хотя он при самом начале путешествия и скучен нам был, однакож не без пользы; в продолжение оного иногда находили жестокие порывы, а особливо в ночи с 26-го на 27-е число, которые дали мне случай увериться в доброте нашего такелажа и парусов, ибо во все это время мы не имели ни малейшего повреждения. Притом я опытом узнал, что шлюп «Диана» не так опасен по своей валкости, как мы думали. Правда, что он, будучи уже совсем нагружен, чувствовал переход 10 или 15 человек с одной стороны на другую и удивительно как много наклонялся при подъеме барказа¹¹, но под парусами он кренился много и вдруг только до известной черты. Я заметил, что при сильных порывах, в одно мгновение приведя нижнюю линию портов к воде, он останавливался, и тогда хотя и кренился больше с усилием ветра, но понемногу и так, что всегда можно было успеть при шквале убавить паруса. Сей случай мне также показал, что матросы наши весьма проворны и исправны в своем ремесле.

В ночь на 31-е число мы имели ужасную молнию и гром; тучи поднимались со всех сторон, дождь был проливной, и молния сверкала почти непрерывно; удары ее в воду мы видели очень ясно, и некоторые были весьма близко от нас. Я редко видал такую грозу, даже в самом Средиземном море, где они довольно часто случаются. Продолжалась она всю ночь и прошла с рассветом.

В 2 часа ночи 4-го числа мы прошли Борнгольмский маяк¹², после полудня увидели мы остров Мен¹³, а на другой день (5-го числа) при рассвете были у мыса Стефенса¹⁴. В Кегебухте¹⁵ тогда открылись нам на яко-

Северный берег Борнгольма.

рях английский линейный корабль и множество мелких, повидимому, купеческих судов.

В 10-м часу поутру подняли мы сигнал для призыва лоцмана с пушечным выстрелом. Между тем с помянутого корабля приехал к нам лейтенант; от него мы узнали о новостях, совсем нам неожиданных, которые, надобно признаться, для нас очень были неприятны. Он нам сказал, что в Зунд¹⁶ недавно пришел английский флот, состоящий из 25 линейных кораблей и большого числа фрегатов¹⁷ и мелких военных судов, что на сем флоте и на транспортных судах, под его конвоем пришедших, привезено более 20 тысяч войск, что видимый нами в Кегебухте купеческий флот пришел недавно от острова Ругена¹⁸ с английскими войсками, которые были посланы в Померанию¹⁹, что Стралзунд²⁰ не в состоянии защищать себя против сильной французской армии, против его действующей под предводительством маршала Брюна; и когда они его оставили, то думали, что сей город на другой день должен будет сдаться; что корабль, с которого он приехал, принадлежит к

эскадре, назначенной крейсировать в Балтийском море.

Вот какие новости нам сообщил сей офицер²¹; впрочем, о назначении экспедиции ни слова не сказал.

Ветер хотя был тих, однакож позволил нам на всех парусах приближаться к Драго²², но лоцмана не выезжали, несмотря на пушечные от нас выстрелы. Во втором часу после полудня мы были очень близко Драго; но баканов²³, которые обыкновенно на мелях сего прохода ставятся, не видали. Я уже был намерен лечь в дрейф и послать шлюпку на берег, как приехал к нам штурман с английского купеческого брига «Пасифик». Он привез новую карту и лоцию Зунда и сказал нам, что баканы все сняты по повелению датского правительства. С помощью сей карты мы стали продолжать наш путь.

Подойдя ближе к деревне Драго, будучи уже между мелями, я приметил, что стоявшие там два столба с фонарями для приметы лоцманам начали снимать. Из сего я увидел, что такое нечаянное посещение англичан не нравилось датчанам и что баканы для них сняты; а так как

английская эскадра крейсирует в Балтийском море, то, может быть, лоцмана приняли наш шлюп за английское военное судно, и потому я велел поднять флаг 1-го адмирала с выстрелом из пушки и в то же время послал шлюпку на берег за лоцманом.

Догадка моя оказалась справедлива: лоцмана выехали навстречу нашей шлюпке, и один из них на ней приехал. Он нам сказал, что жители все вооружены и ожидают со стороны англичан нападения.

В 6-м часу вечера мы стали на якорь.

Английский флот, стоявший по сю сторону острова Вены²⁴, нам был виден. Вечером, часу в осьмом, мы увидели в нем горящее судно и в продолжение нескольких часов приметали, что его течением несет к S и к нам приближает. Наш лоцман, будучи необыкновенным образом ожесточен против англичан, называл их всеми бранными словами, какие только могли ему на ум притти, и старался нас уверить, что это брандер²⁵, с намерением зажженный и пущенный англичанами, чтобы причинить какой-нибудь им вред. Я с моей стороны смеялся его простоте, но не мог его разуверить. Судно в огне, пущенное на волю по ветру и по течению в самой середине Зунда, где нет никаких датских судов, не могло быть брандером, а более ничего как случайно загоревшийся транспорт, на котором утушить пожара не могли, и, снявши людей, пустили по течению.

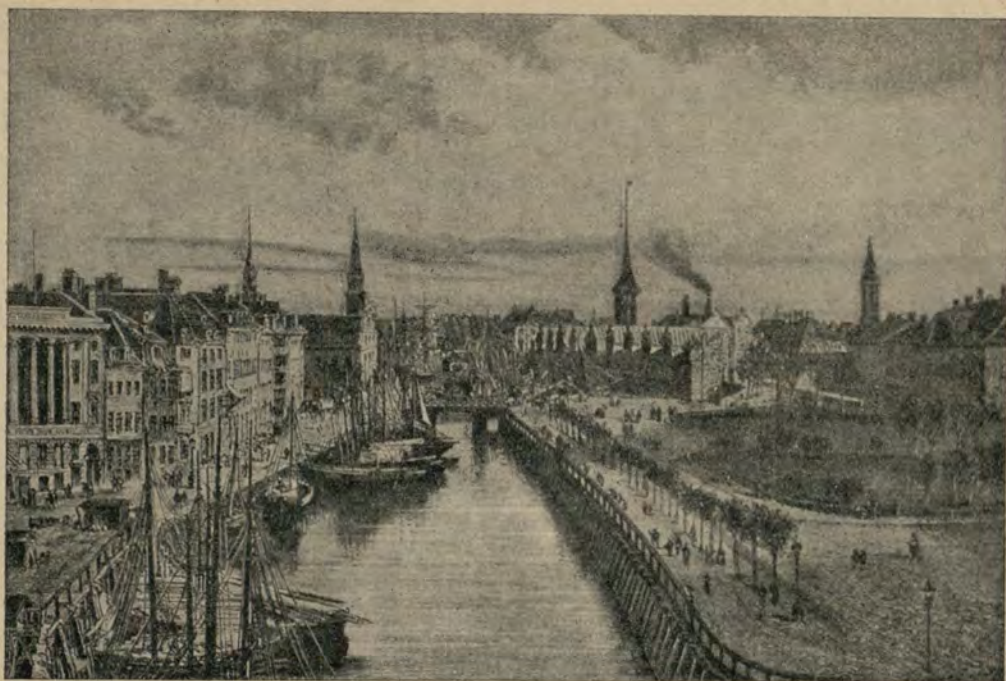
Я не знаю, датчане на берегу одного ли мнения с лоцманом были или нет, только ночью мы слышали у них тревогу, барабанный бой и шум, а изредка пушечные выстрелы с ядрами. Судно сие во всю ночь горело и несло его течением к S. В 4 часа утра оно нас миновало, в расстоянии не более полуверсты; тогда оно было в огне почти до самой воды, палубы сгорели и в трюме было пламя. Если бы на нем был порох, то давно бы прежде его взорвало; следовательно, с сей стороны мы были безопасны от соседства горящего судна. Впрочем, если бы ветер вдруг переменился, мы в минуту могли быть под парусами.

Как офицеры, так и вся команда, были во всю ночь наверху.

Во весь сей день (6-е число) было безветрие. Поутру мы услышали жестокую пушечную пальбу в Копенгагене, но не знали причины оной; а вечером, будучи гораздо ближе к рейду, английский флот хорошо видели. В 6-м и 7-м часу со всех копенгагенских морских батарей палили с ядрами рикошетными выстрелами по направлению к английским кораблям, но ядрам невозможно было доставать на такое расстояние, и потому мы заключили, что шлюпки, посланные промеривать рейд, были целью такой ужасной пальбы, которая нам представляла бесподобную картину. Несколько сот орудий большого калибра рикошетными выстрелами поднимали воду до невероятной высоты; тысячи фонтанов вдруг глазам представлялись, а ужасный гром артиллерии вид сей делал гораздо величественнее.

В 4 часа утра 7-го числа снялись мы с якоря при весьма тихом ветре и пошли к Копенгагенскому рейду. Хотя мне не было известно нынешнее политическое положение дел между Англией и Данией и дойдут ли сии две державы до открытой войны или кончат свои споры миролюбиво, но все, что я видел по приходе в Зунд, достаточно могло меня уверить, что дела между ними идут нехорошо, и казалось, что они начали уже неприятельские действия. В таком случае итти на Копенгагенский рейд могло быть опасно для нас, и легко статья могло также и то, что Россия приняла какое-нибудь участие в сей политической ссоре.

Это были такие предметы, о которых судить не мое дело, и я почитал своей обязанностью исполнить данные мне предписания, и потому я почел за нужное известить о моем прибытии нашего министра, при датском дворе пребывающего²⁶. В письме к нему я упомянул о предмете экспедиции, о надобностях, для которых мне нужно зайти в Копенгаген, и напоследок просил его уведомить меня, могу ли я безопасно простоять на рейде дня три и пристойно ли это будет, судя по настоящему течению дел здешнего двора.

Копенгаген, вид замка Христианборг.
Гравюра середины XIX века.

Депеши мои я отправил с мичманом Муром и приказал ему, получив словесный или письменный ответ, тотчас ехать нам навстречу, чтобы я мог знать содержание оногo, прежде нежели приду на рейд.

На рейд мы пришли в 10-м часу. Посланный на берег офицер возвратился со следующим известием: ни министра нашего, ни свиты его, ни консула в Копенгагене нет — они все, так как и весь иностранный дипломатический корпус, живут в Родсхильде²⁷, но он был у командора Белли, начальствующего обороной города по морской части, и узнал от него, что город осажден английскими войсками и всякое сообщение с окружающими местами пресечено и потому доставить письма к нашему министру невозможно; они ожидают атаки с часу на час и потому советуют нам итти в Эльсинор²⁸.

Желая лучше разведать о состоянии города и притом узнать, нет ли каких средств через самих англичан отправить мое донесение к нашему министру, я тотчас сам поехал на берег, а лейтенанту Рикорду велел итти со шлюпом с рейда и, удалившись от крепостных строений на дистанцию пушечных выстрелов, меня дожидаться.

Едва я успел выйти на пристань, как вдруг меня окружило множество людей, по большей части граждан среднего состояния; все они до одного были вооружены. Крепостные строения усеяны были народом, и я заметил, что на всех батареях делали примерную пушечную экзерцицию. Не знаю, почему им в голову вошло, что шлюп наш послан вперед от идущего к ним на помощь русского флота. Со всех сторон меня спрашивали, то на французском, то на английском языке, а иногда и по-русски, сколько кораблей наших идет, кто ими командует, есть ли на них войска. Караульный офицер едва мог приблизиться ко мне сквозь окружившую меня толпу; нельзя было не заметить страха и огорчения, изображенного на их лицах, а особливо когда они узнали прямую причину нашего прибытия.

Командора Белли я нашел в цитадели, где также был главнокомандующий города генерал Пейман. Командор представил меня ему при собрании большого числа генералов и офицеров, которые тут находились, а потом мы вышли в особливую комнату. Тогда я от них узнал, с каким намерением англи-

чане делали такое нечаянное нападение на Данию: они требовали, чтобы датский двор отдал им весь свой военный флот, со всеми морскими и военными снарядами, находящимися в копенгагенском морском арсенале.

— Англичане, — сказал мне шута командор Белли, — требование сие нам предлагают совершенно дружеским образом, без всяких неприятельских видов. Главная цель лондонского двора есть сохранить для Дании наш флот в своих гаванях, который иначе, по уверению англичан, будет Францией употреблен, вопреки собственному нашему желанию, против Англии; и потому они без всякой просьбы с нашей стороны, из дружелюбия, берут на себя труд защищать его и сверх того требуют, чтобы Кронборгский замок²⁹ отдан был также в их руки.

Генерал Пейман и командор Белли изъявляли чрезвычайное негодование против такого поступка английского правительства. Они удивлялись, что английский флот и с войсками несколько времени были в Зунде, прежде нежели объявили подлинную причину их прибытия, и во все то время датчане снабжали их свежей провизией, зеленью и пресной водой, к немалой невыгоде жителей, имевших недостаток в съестных припасах даже для своего собственного употребления. К несчастью, англичане напали на них в такое время, когда все почти датские войска были в Голстинии³⁰ и столица не имела никакой значащей обороны. Однакоже, несмотря на все такие невыгоды, датчане решились защищать город до последней крайности и на бесчестное и унижительное требование англичан никогда не согласятся. Они были уверены, что Россия примет сторону датского двора и сделает им сильную помощь.

Командор Белли советовал мне ни минуты не оставаться на рейде, потому что они ожидают нападения с часу на час и что неприятельские бомбардирские суда уже заняли назначенные им места и, вероятно, скоро начнут действовать; а когда они станут бросать бомбы, тогда шлюп будет в опасности. Я просил у него лоцмана, но он никак не мог взять с батареи ни одного человека.

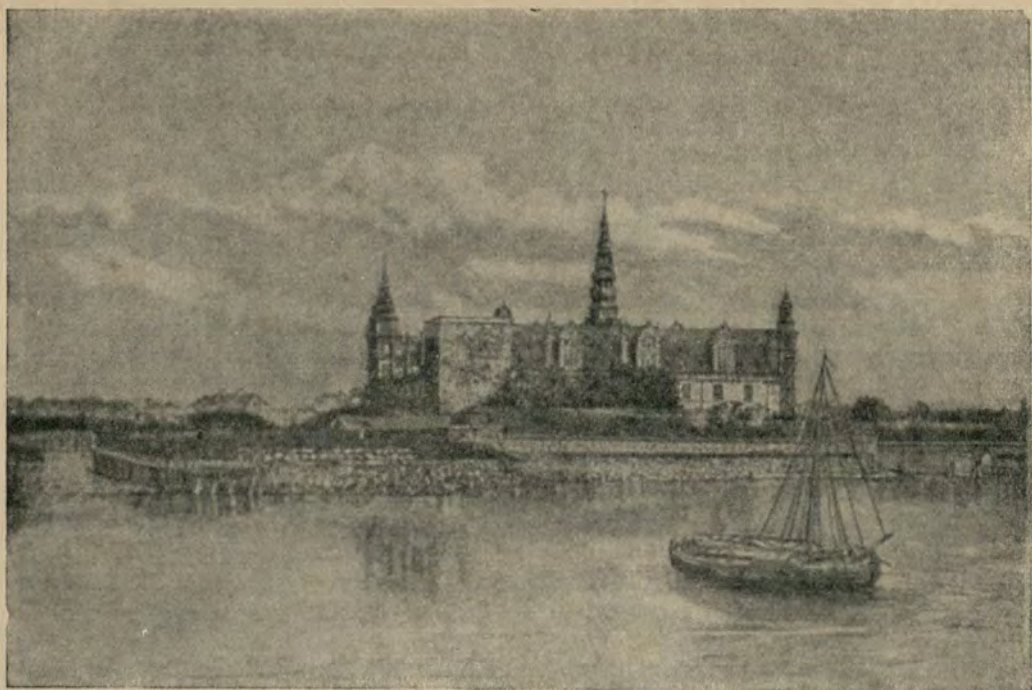
Письмо к нашему министру командор Белли у меня взял и обещался доставить непременно, коль скоро случай представится. Прежде нежели я их оставил, он мне сказал, что с самого вступления на берег английских войск между Копенгагеном и Эльсинором сообщение пресечено и там ничего не знают о состоянии столицы.

Пожелав им успеха, я оставил город в 11 часов.

Совершенное безветрие не позволило нам скоро удалиться с рейда; однакож, помощью завозов, в 2 часа после полудни мы подошли к английскому флоту*. Линейных кораблей я в нем насчитал 22, много фрегатов, шлюпов и всякого рода мелких судов и сверх того до 200 транспортов. Тут же стоял фрегат, на котором был поднят английский флаг над датским; я думаю, что это эльсинорский брандвахтенный³¹ фрегат.

В 8-м часу вечера бомбардирские их суда бросили несколько бомб. В то же время с городских крепостей палили по неприятельским шлюпкам, которые тогда промеривали рейд, и в 3-м часу ночи (8-го числа) батареи опять начали палить, а в 5-м часу утра все бомбардирские суда начали бомбардировать. Скоро после и городские батареи открыли огонь. Ядра их не могли доставать до бомбардирских судов, по крайней мере, не могли причинить им чувствительного вреда, и потому я ду-

* Я не хочу пропустить здесь без замечания одного обстоятельства, которое показывает явно, что английский адмирал имел предписание быть весьма осторожным в своих поступках с русскими военными судами. Мне хорошо известно их правило не пропускать мимо флота никакого судна, не опросив его, и при опросе они обыкновенно стараются разведывать до сама́лейшей безделицы; но в сем случае они даже не прислали шлюпки спросить, откуда и куда мы идем. Когда, лавируя, мы проходили близко их кораблей, они нас не спрашивали, хотя им было известно, что мы останавливались на рейде и имели сообщение с городом. А когда на ночь мы стали на якорь подле их флота, будучи у него на ветре, то один фрегат снялся с якоря и во всю ночь держался под парусами между нами и флотом; но ни шлюпки к нам не прислал и не опрашивал нас. Я уверен, что все сие было сделано по предписанию, иначе англичане не могли бы утерпеть, чтобы не приехать спросить новостей.

Замок Кронборг, вид с Зунда.

Гравюра середины XIX века

маю, что они палили по промеривающим гребным судам.

Наставший попутный ветер обратил наше внимание к другому предмету, хотя не столь любопытному, но более для нас полезному: в исходе 5-го часа мы снялись с якоря и пошли к Эльсинуру. Я признаюсь, что не без сожаления терял из виду такую сцену, которая хотя не может быть забавна или приятна для чувств всякого человеколюбивого зрителя, но должна быть весьма интересна для людей, посвятивших себя военной службе, а особливо военной морской. Видеть обширную приморскую столицу, атакуемую с моря сильным флотом, а с берега сухопутными силами, которую гарнизон и жители решились до последней крайности защищать, может быть, не удастся во всю свою жизнь; такие примеры не часто встречаются в истории народных браней.

С возвышением солнца и ветер утихал, к полудню был настоящий штиль, а после стал опять дуть понемногу и помог нам в 5-м часу притти на Эльсинорский рейд, где мы стали на якорь. После сего скоро приехал к нам датской морской службы офицер Туксон, справиться

о своем сыне, который у нас во флоте служил мичманом, да и сам он много тому лет назад был лейтенантом в нашей службе. С ним я тотчас поехал на берег к коменданту Кронборгского замка.

В воротах главного вала мы должны были дожидаться несколько минут позволения о впусчении меня в крепость. В комнате у коменданта я нашел очень много офицеров, которых привлекло туда любопытство, чтобы скорее узнать об участи их столицы. Они нетерпеливо расспрашивали меня с великой подробностью о состоянии, в каком я оставил Копенгаген; что мне говорил генерал Пейман; все ли они здоровы. Не зная причины сильной пальбы, которая была им слышна в последние три дня, они думали, что флот сделал атаку на приморские укрепления, и полагали, что самые сильные батареи взяты или сбиты. Я им сказал, что сегодня поутру я их оставил под флагом его датского величества и что нападения на них совсем сделано не было. Они изъявили чрезвычайную радость и благодарили чрезвычайно, а особливо сам комендант. Когда я его превосходительству откланялся, он меня проводил до крыльца, не-

смотря на глубокую свою старость и слабое здоровье.

В замке, сколько я мог примечать, находился сильный гарнизон, кроме великого числа граждан, бывших при орудиях на крепостных строениях. Эльсинор совсем не представлял того вида, который он обыкновенно имел в мирное время, будучи, так сказать, постоянным двором всей балтийской торговли. Он летом всегда был многолюдным. Деятельность, неразлучный товарищ коммерции, повсюду в нем являлась. Но ныне едва человека можно было встретить на улице. Купеческие конторы и лавки заперты, лучшие из них вещи перевезены в замок и все молодые граждане, способные к несению оружия, расписаны по пушкам в крепости, где они должны были находиться почти безотлучно. Английские купцы, прежде составлявшие главные коммерческие общества сего места, переехали в Эльсинборг³².

Город так был пуст, и печаль, или, лучше сказать, отчаяние жителей столь велико, что я не имел никакой надежды купить что-либо из нужных для шлюпа вещей. Однакоже упомянутый г-н Туксон сам добровольно взялся мне вспомоществовать.

Свежую провизию мы также получили помощью Туксона. Все мясные лавки и рынки были заперты; с окружающими деревнями сообщение пресечено,— итак мясо и зелень надлежало искать в частных домах. Но для сего нужно было иметь знакомых между жителями и знать их язык, иначе ни в чем нельзя было успеть. Но Туксон, своим старанием, вывел меня из таких замешательств; мы имели довольно свежего мяса и зелени как для офицерского стола, так и для команды и платили, я думаю, не дороже обыкновенных цен, по коим оные продавались в мирное время.

Поутру прошли в Копенгаген около 30 английских судов под конвоем двух линейных кораблей. Они держали ближе к шведскому берегу, вне выстрелов Кронборгского замка.

10-го числа после полудня, в 5-м часу, приехал к нам лоцман, которого я нанял для Северного моря; имя его Досет, родом англичанин,

но, поселившись давно в Эльсиноре, сделался гражданином сего места.

Снявшись с якоря, мы пошли в путь при умеренном ветре. Скагенский маяк³³ открылся нам в 10 часов вечера. Все сутки 12-го числа мы лавировали между ютландским и норвежским берегами.

14-го числа в полдень мы были по обсервации в широте 57°47'. Скагенский маяк от нас находился на WtS в расстоянии 12 или 15 миль; а камня, называемые Патер-Ностер, по новой карте Каттегата³⁴ на NOtO в расстоянии 18 миль.

Утвердя таким образом пункт свой, мы шли на NtW по компасу; до шести часов мы прошли 16¹/₄ миль. Тогда камня самого ближайшего к нам подветренного берега должны были от нас находиться в 14 милях. Однакож, по глазомеру мы гораздо ближе к берегу были, и приметно было, что мы к нему весьма скоро приближались. Ветер дул, и волнение неслось прямо на камня, называемые Лангеброд. По совету лоцмана, в 6 часов поворотили мы на другой галс³⁵, а через полчаса ветер стал заходить; тогда нас начало валить к камням Патер-Ностера, и для того в 7 часов мы опять поворотили на левый галс и легли на NW по компасу. Между тем от берега были не далее 6 миль.

Ветер стих и едва мог наполнять верхние паруса, а зыбью нас приближало к берегу. Небо покрыто было облаками, дождь шел сильный, и страшные черные тучи поднимались от запада. Мы ожидали каждую минуту жестокого шквала, и если бы это случилось, то, по моему мнению, в ту же бы ночь и кончилось плавание «Дианы», а может быть, и мы все окончили бы наше путешествие в здешнем мире. Офицеры и вся команда были наверху по своим местам. Якоря были готовы; но я на них немного надеялся: у самых камней на чрезвычайной глубине, в крепкий ветер и при большом волнении они не могли долго держать. В таком опасном положении мы находились до полуночи, а тогда прежний ветер настал и пошел далее к N, для чего мы поворотили на правый галс.

По рассвете увидели берег в окрестностях Стромста³⁶.

Поутру увидели мы лодку в неко-

Рыбная ловля в Зунде.

тором от нас расстоянии. Полагая, что на ней рыбаки возвращаются с промысла, сделали мы ей лоцманский сигнал; но они, зная, я думаю, копенгагенские новости, сочли нас англичанами и тотчас пустились к берегу.

В 10 часов ночи мы повертели от берега, а в час пополуночи (16-го числа) опять к берегу, который и увидели прямо перед собой. В 7-м часу утра, подойдя к нему, мы увидели, что лоцманские лодки* подле одного разъезжали, и сделали им сигнал. Но они к нам не подходили ближе двух или трех пушечных выстрелов.

Намерение мое было войти в порт и дожидаться благополучного ветра.

* На всех берегах владений датского короля лоцманы обязаны в парусах своих лодок иметь по одному полотну, покрашенному красным, для того чтобы суда могли их узнавать и смелее приближаться к берегу. А для ободрения лоцманов ездить на суда в большом от берега расстоянии учреждено, что если судно делает сигнал для призыва лоцманов не при входе в гавань, тогда оно обязано платить им сверх денег за ввод в гавань известную сумму за всякую милю расстояния, в каком они его встретят от берега. И потому датские и норвежские лоцманы всегда с охотой выезжают навстречу судам, коль скоро приметят сигнал, а часто и без сигнала.

Мы находились перед входом в гавань Мардо, где мне случилось быть в 1796 году на фрегате «Нарва». Мы тогда зашли в нее с английским конвоем за противными ветрами, и при входе командорский фрегат «Андромаха» стал на камень, хотя он и имел лоцмана.

Сей случай напомнил мне, что там могут быть и другие камни. Следовательно, опасно, полагаясь на свою память, идти без знающего проводника. Между тем лоцманские лодки допустили нас к себе на пушечный выстрел, а подъехать к судну не хотели. Призывать их ядрами не годилось, и употреблять сего, хотя, впрочем, верного средства, ни под каким видом я не хотел, потому и решился было послать к ним шлюпку.

Я чрезвычайно желал зайти в Мардо; маленький торговый городок Арендаль, при сей гавани лежащий, мог снабдить нас достаточным количеством всякого рода свежих съестных припасов и очень дешево; воду пресную могли мы получить даром, не имея нужды в Англии платить за нее гинейми, и притом люди имели бы случай отдохнуть. Но наступивший в первом часу ветер от NO

вдруг уничтожил мое прежнее намерение; мы поставили все паруса и пошли к S. Благополучный ветер заставил нас радоваться, что мы не вошли в порт, однакож не надолго: из NO четверти он стал постепенно отходить к SO; потом к SW, а в 8 часов вечера утвердился на румбе WSW, совершенно нам противный. Тогда мы жалеть стали, что не вошли в гавань. Таким случаям мореплаватели бывают часто подвержены: весь успех всех их предприятий и планов зависит от самой непостоянной стихии. Направление ветров и сила их в частях света, лежащих вне тропиков, зависят от стечения столь многих обстоятельств, что весьма мало таких случаев, когда бы можно было без ошибки предузнать погоду. Наш лоцман, человек лет под шестьдесят, в ребячестве вступил в купеческую морскую службу и служил на море лет сорок; он любил предсказывать погоду по солнцу, по облакам и проч. и, к большому его огорчению, всегда ошибался. Казалось, сама природа хотела шутить на его счет: что он ни предсказывал, тому совершенно противное случалось.

Западный ветер продолжал дуть почти до полудня 20-го числа и временно был крепкий, а иногда утихал. Мы во все сие время лавировали в Скагерраке, но не с большим успехом: в трое суток подались мы к западу только на 45 миль.

С нами были сопутники, судов до 20 английских под конвоем брига³⁷. Линейный их корабль, увидевши наш флаг, к нам не подходил и не спрашивал, хотя был близко от нас, а в то же время осматривал нейтральное судно. Сей случай подтверждает мое мнение, что английские корабли, посланные против датчан, имели предписание не подавать ни малейшей причины к ссоре с нашим двором, хотя, впрочем, по последнему между Россией и Англией трактату они имели право осматривать наши военные суда.

Сего дня мы имели первую ясную и тихую погоду со дня отбытия нашего из Эльсинора; пользуясь оной, вся команда вымыла черное свое белье и проветрила платье и постели. Я о сем случае здесь упоминаю для того, что заставлять служителей проветривать их постели и переменять

на себе белье как можно чаще почитается весьма нужным средством, способствующим сохранению их здоровья; и потому во все путешествие я не пропускал для сего ни одной хорошей погоды, и для мытья рубашек давал им пресную воду и мыло*.

В ночь 26-го числа мы прошли сквозь английский конвой, шедший в Категат. В 5-м часу после полудня нашел престестокый шквал с сильным дождем; мы едва успели убрать паруса; и лишь он миновал, как тотчас другой нашел, несравненно жесточе первого; тогда же начался и самый крепкий ветер.

Буря продолжалась до 6 часов утра 27-го числа, а потом начала утихать. К полудню очень вышло, и мы тогда увидели вдали высокие горы норвежского берега. Шторм сей с начала и до конца дул жестокими шквалами, которые находили один после другого минут через пять и десять, сильными порывами, с дождем, или изморосью. Облака отменно быстро неслись по воздуху; лишь туча показывалась на горизонте, как через несколько минут уже была над головой, шквал ревел и продолжался, доколе она совсем не проходила. Притом шквалы сии дули не так, как постоянный шторм, не занимали большого пространства моря. Многие из них проходили мимо нас очень близко, так что мы видели дождь, как он из туч опускался, и слышали шум ветра, но сами их не чувствовали. Во все сие время воздух был особенно холоден.

В полдень 30-го числа по наблюдениям мы были в широте $57^{\circ}23\frac{1}{2}'$. В 3-м часу увидели мы под ветром, в 5 или 6 милях, судно без мачт. Лоцман уверял, что оно должно быть рыбацкое и стоит на якоре на Ютландском рифе³⁸. Я имел случай и прежде много раз видеть рыбаков,

* Рубашки, мытые в морской воде, весьма вредны здоровью тех, кто их носит. Мне опытом известно, что как бы хорошо они высушены ни были, всегда удерживают в себе влажность; и коль скоро пойдет дождь или от тумана в атмосфере будет влажно, то человек, не выходя наверх, даже перед огнем сидя, тотчас почувствует, что рубашка на нем сыра, если она мыта в морской воде. Многие английские искусные мореплаватели такого мнения, что рубашки, мытые в морской воде, вреднее здоровью, нежели долговременное употребление солевой пищи.

стоящих на якоре, на банках Северного моря в крепкие ветры; тогда они обыкновенно, имея съёмные мачты, убирали их. Но в такой сильный ветер и жестокое волнение я не думал, чтобы они решились положить якорь на глубине Ютландского рифа; однакож, приняв мнение лоцмана, продолжал путь.

Между тем, смотря беспрестанно на помянутое судно, мы скоро заметили, что оно не стоит против ветра, а несется боком, часто переменяя положение; тогда уже не осталось никакого сомнения, чтобы оно не было в бедствии. Для вспомоществования ему мы должны были спуститься под ветер много и держаться подле его, доколе ветер и волнение не позволят послать к нему гребные суда, а между тем надобно бы было беспрестанно дрейфовать вместе с ним на подветренный берег. Несмотря на сие, однакож, я решился сделать всякую возможную помощь претерпевающим бедствие, хотя тем подвергнул бы себя большой опасности, если бы крепкий ветер продолжался дня два.

Подойдя к нему на такое расстояние, на какое бывшее тогда жестокое волнение позволяло, мы увидели, что наверху ни одного человека не было. Судно сие величиною было от 80 до 100 тонн; мы выпалили из пушки, но наверх никто не показывался; если бы на нем были люди, то весьма невероятно, чтобы, находясь в таком бедственном состоянии, сии несчастные не стояли по очереди на карауле для поднятия сигнала в случае появления какого-либо судна. Итак, уверившись, что люди с него сняты прежде, и не имея никакого способа спасти судно, мы оставили его на произвол ветра и волн.

К ночи ветер еще усилился и дул шквалами, как и в последнюю бурю. Шторм продолжался почти до 12 часов следующего дня (30-го числа). Ночью большим валом выбило у нас стекло в боковой галлерее, отчего много воды попало в мою каюту. Мы принуждены были парусиною обить окно галлерей.

К рассвету волнение усилилось до невероятной степени. Поутру мы видели под ветром идущих к NO до 30 купеческих судов.

С полуночи 31-го числа ветер стал очень скоро утихать; а в 4 часа утра совсем затих, но тишина стояла только до 9-го часа, а потом ветер сделался нам благополучный. Мы тогда пошли настоящим нашим курсом под всеми парусами. Шли мы, не видя берегов, до 3 сентября. Мы видели всякий день рыбацкие суда на банках, а 1 сентября опрашивали гамбургское судно, шедшее в Опорто³⁹; более никаких судов не видали.

Берег мы увидели в 8-м часу утра 3 сентября; по мнению лоцмана, это был остров Шонен⁴⁰, один из островов Зеландской провинции Соединенных Штатов⁴¹, что весьма было согласно с положением нашим по широте; но мы не ожидали быть так близко к голландскому берегу.

В полдень мы утвердили свое место на карте. Оно пришлось на самой середине между голландским и английским берегом, на 36 миль восточнее счислимого пункта.

От определенного таким образом полуденного пункта мы шли до 8-го часу вечера; ветер был умеренный, и лунная, светлая ночь. Вдруг заметили, что вошли в сильное, толкучее, похожее на бурун, волнение, какое обыкновенно бывает в мелководных местах. Бросили лот: глубина 5 сажень; а за четверть часа прежде была 15. В таком случае не надобно терять времени. Я тотчас велел руль положить на борт и стал поворачивать. Приведя на левый галс, лоцман советовал продолжать идти оным под малыми парусами; его мнение было, что мы пункт наш в полдень отнесли слишком далеко к О; что виденное нами поутру не была земля, а туманная банка или призрак, в мрачности берегом показавшийся; и что мы действительно находимся подле опасной мели Галопера, у английского берега лежащей, на которую прямо и шли.

Такое чудное заключение, в минуту принятое, меня весьма удивило: берег и с башнями или церквями на нем мы видели собственными своими глазами, в том никакого не было сомнения. Голландские рыбацкие лодки, прошедшие мимо нас прямо к нему, ясно показывали, что мы были весьма далеко от Галопера, куда они никогда не ходят; притом

глубина у самого Галопера 18 и 20 сажен по восточную сторону сей мели.

Когда лоцману напомнил я о сих обстоятельствах, он согласился на мое мнение, что мы теперь находимся между Фламандскими банками; следовательно, курс сей ведет нас прямо в берег к мелям, и советовал, ни минуты не теряя, поворотить на другой галс и держать выше.

Поворотя, мы пошли на WNW по компасу и, бросая лот беспрестанно, имели глубину 5—18 сажен; на сей последней глубине поставили все паруса, будучи уверены, что опасность миновалась.

В полночь 4-го числа увидели мы огонь Норд-Форландского маяка⁴² и стали держать по курсу к Доверскому проливу⁴³.

5 сентября в 4 часа после полудня уведели мы остров Уайт⁴⁴. К вечеру подошли к нему. Ночь была лунная, светлая. Но лоцман наш, давно не бывавши в Порсмуте⁴⁵, не хотел вести шлюп ночью на рейд, и потому мы всю ночь при входе лавировали, а с рассветом пошли к рейду. Приметив, что лоцман весьма дурно знал плавание в Английском канале⁴⁶, а еще того хуже входы в гавани оною, и о течениях при здешних берегах не имел никакого сведения, я решился, по случаю усилившегося тогда ветра, потребовать местного лоцмана, который на сигнал от нас тотчас приехал и повел шлюп на рейд.

Перед полуднем мы стали на якорь благополучно, против Портсмута на рейде, называемом англичанами Спитгед, в расстоянии от города 1½ мили; тут между многими английскими военными и купеческими судами находился и наш фрегат «Спешный»⁴⁷.

Я отправился из Портсмута на другой день (7 сентября), препоручив шлюп в командование лейтенанта Рикорда, а поутру 8 сентября приехал в Лондон.

Консул наш и морской комиссионер Грейг был отчаянно болен. И как снабжение шлюпа водкой, ромом, вином и платьем для служителей зависело от него, то я мог предвидеть, какие препятствия должны будут повстречаться в скором нашем отправлении из Англии.

Однакож Грейг при свидании со мной уверил меня, что от его болезни никакой остановки в моих делах произойти не может, потому что попечение о скорейшем доставлении на шлюп всех нужных вещей он возложил на своего брата, и просил меня сноситься с ним по делам, пока он сам так трудно болен.

Будучи таким образом обнадежен консулом, я его оставил и приступил к делам, до меня собственно касавшимся. Я кончил скоро мои дела, отыскал и купил все нужные для нас книги, карты и инструменты и отправил их в Портсмут, равно как и инструменты, сделанные по предписанию морского министра — хронометры, — отослал я к Белли, главному математическому учителю в королевской морской академии в Портсмуте. Барод, мастер двух из наших хронометров, просил его принять на себя труд поместить их в академической обсерватории и наблюдать за ходом до самого нашего отбытия.

Между тем по случаю разных слухов, напечатанных во всех лучших лондонских ведомостях, о приближающемся разрыве между нашим и здешним двором и о причинах оною, которые мне показались весьма основательными, я представил нашему министру, что назначение вверенного моему начальству шлюпа заключает в себе единственно предметы, относящиеся к познаниям, касающимся мореплавания и открытия мест у берегов восточных пределов Российской империи, почему и просил его исходатайствовать мне вид или род паспорта от английского правительства, по которому бы я мог свободно входить в порты, принадлежащие англичанам, и быть обезопасен со стороны их морских сил в случае войны между двумя державами. Словом сказать, я желал иметь такой паспорт, который обыкновенно дают воюющие державы неприятельским судам, отправляемым, подобно нам, для открытий. Его превосходительство признал справедливость моей просьбы и обещал просить здешнее правительство о доставлении мне таковой бумаги, которую я через несколько дней и получил.

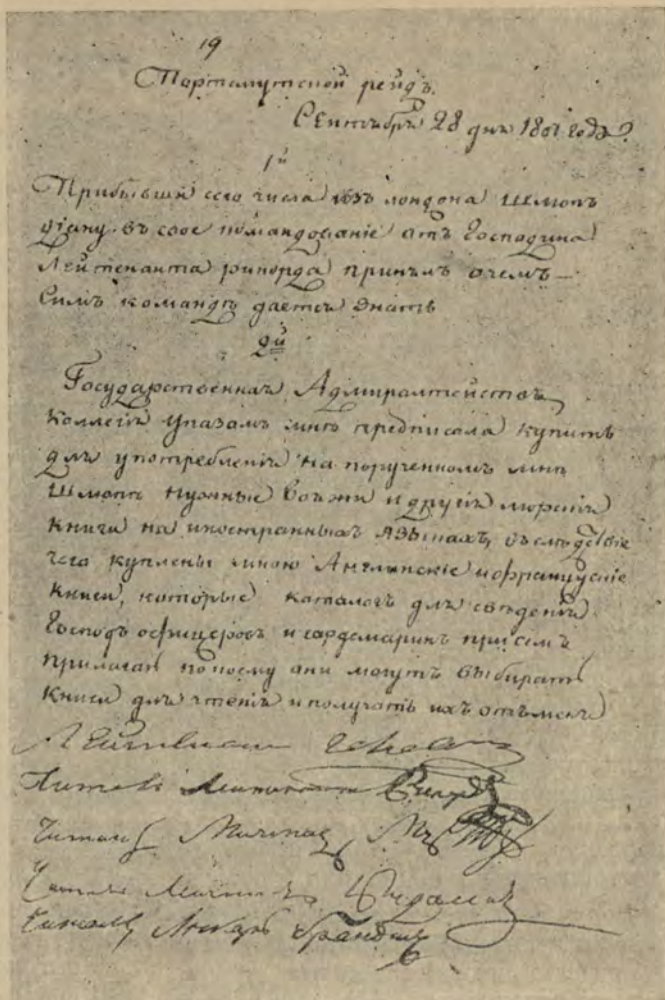
14 сентября последовала кончина нашего консула.

Скоро после сего несчастного случая Грейг письменно меня уведомил, что по смерти брата его он вступил в исправление его должности по части снабжения наших военных судов, которым случится притти в Англию.

Вследствие сего письма я опять стал просить Грейга отправить нас как можно скорее, и в ответ на мое к нему отношение он всегда жаловался на медленное течение дел и на великую точность, с каковой оные производятся в торговом департаменте, уверяя притом беспрестанно, что решения должно ожидать со дня на день. Напоследок, не видя конца сему решению и не имея более никакого до меня принадлежащего дела в Лондоне, я отправился в Портсмут 27 сентября и решился впредь никакого словесного по делам сношения с Грейгом не иметь.

На другой день я приехал на шлюп и нашел, что старшим лейтенанта Рикорда он находился в совершенной готовности итти в путь, и если бы мы имели водку, ром, вино и свинец, то через два дня могли бы сняться с якоря, а может быть, и скорее. 13 октября я получил от Грейга письмо, что свинец отправлен из Лондона 28 сентября, а о напитках он ожидает решения торгового департамента. 19 октября агенты или поверенные Грейга в Портсмуте письменно меня уведомили, что последовало повеление снабдить шлюп требуемым количеством вышеупомянутых провизий беспопышлинно, из коих водку и вино отпускают в Портсмуте, а ром Грейг уже отправил из Лондона.

Но через несколько часов привезли ко мне от тех же агентов другое письмо, которым они меня уведомляют, что в повелении ошибкой написано отпустить восемь галлонов водки

Приказ по команде шлюпа „Диана“ от 28 сентября 1807 года о принятии командования шлюпом В. М. Головинным от старшего лейтенанта Рикорда и о приобретении для офицеров и гардемаринов шлюпа книг на иностранных языках.

Центральный государственный архив Военно-Морского флота.

вместо осьмисот. Следовательно, о сем надобно писать в торговый департамент и ожидать из Лондона перемены или поправки в повелении, а без того невозможно получить водку.

Делать нечего, надобно было ожидать. Однакож в предосторожность я за долг почел обо всех случившихся остановках уведомить министра и на донесение мое получил решение, что он препоручил шведскому вице-консулу, в Портсмуте находящемуся, снабдить меня как можно скорее или требуемым количеством напитков или деньгами на покупку оных на Азорских островах, на Мадере, в Канарских островах или в Бразилии; впрочем, предоставил

мне взять ли их от него, или от Грейга, смотря по тому, кто скорее доставит.

Пока сия переписка продолжалась, дело в торговом департаменте было кончено и решение прислаю. Грейг с ромом приехал в Портсмут. Казалось, всем препятствиям положен конец; свинец прибыл в Портсмут, и 24 октября мы его погрузили в шлюп, а на другой день надобно было принимать водку, ром и вино. Но вдруг того утра я получил от Грейга совсем неожиданное письменное уведомление, что таможня не позволяет везти ром на шлюп, пока «Диана» не будет внесена в таможенные книги и не заплатит всех портовых пошлин, как купеческое судно. Императорскому военному судну сравниться с торговыми судами и платить таможенные и портовые повинности было дело новое и неслыханное. Я прямо уведомил Грейга, чтобы вперед ни таможня, ни другой кто не смел бы и предлагать таких требований; большое количество вышепомянутых напитков покупаем мы не для торгу, а для употребления в вояже, который, может быть, продолжится два или три года.

Водку и вино мы приняли и погрузили в шлюп 27 октября, а между тем вышло позволение и ром отпустить беспошлинно. Но с ним препятствия со стороны таможни еще не кончились: количество привезенного рома заключалось в 8 больших бочках, каждая содержала 35 ведер. Спускать их в трюм и устанавливать было весьма трудно, как по тяжести их, так и по тесноте трюма. Почти 8 часов беспрестанно сия работа нас занимала, и лишь последнюю бочку стали спускать, как вдруг агент Грейга приехал к нам с двумя таможенными и сказал, что они в таможене позабыли ром перемерять, а сие необходимо нужно по их законам, и потому требовали, чтобы я им поднял все бочки.

Надобно знать, что ром был отправлен на судно через таможню с одним из досмотрщиков, который и находился во все время на шлюпе, пока мы его грузили.

Такой их поступок после всех прежних притеснений достаточен был

тронуть и разгорячить самого хладнокровного человека. Я им сказал, сколько трудов и времени нам стоило погрузить бочки в трюм, и затем предложил, если они хотят, то могут вымерить последнюю бочку и по ней определить количество рому, так как бочки все равны; впрочем, если необходимо нужно их поднимать наверх, то после сего я совсем рому брать не хочу. Они могут его отвезти на берег опять, а издержки заплатит тот, кто позабыл мерять его тогда, когда надобно было. Поговоря немного между собой, они согласились на мое предложение и скоро оставили нас в покое.

Многие из читателей, может быть, заключат из моего повествования, что Грейг и сам с намерением почему-нибудь был причиною таких странных и необыкновенных препятствий и медленности, которые продержали нас в Англии почти два месяца. Отдавая справедливость бескорыстному характеру Грейга, я скажу, что не только чтобы делать какие-нибудь остановки в моих делах, — он старался, сколько мог, вспомоществовать нам во всем, о чем его просили, и нередко сам предлагал свои услуги; например, он купил для шлюпа многие нужные вещи с немалой выгодой для казны.

Если Грейг и был причиною вышеупомянутой медленности, то, конечно, без намерения и не для интереса, а по недостатку в той ловкости и хитрости, которые нужны при обхождении с такими корыстолюбивыми и пронырливыми людьми, которые наполняют английские таможни. Все знают, что подлее, бесчестнее, наглее, корыстолюбивее и бесчеловечнее английских таможенных служителей нет класса людей в целом свете. Потому легко могло статься, что Грейг, желая сохранить государственный интерес, не хотел сделать им обыкновенных подарков, или, лучше сказать, дать взятки, к коим они привыкли и ожидают от всякого, в них нужду имеющего человека, как бы своего должного.

31 октября я кончил последние мои дела с Грейгом.

Тогда мы были совсем готовы идти в путь с наступлением первого благополучного ветра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На пути из Англии до Бразилии

Известно, что все императорские военные суда, отправляемые из российских портов в заграничные моря, следуют в содержании команды и продовольствии служителей провиантом одному общему правилу, предписанному в наших морских узаконениях, выключая из сего то, что, по неимению в иностранных портах хлебного вина, ржаных и солодяных сухарей, производят им французскую водку, или ром, белые сухари и виноградное вино с водою вместо квасу. Но провиант, заготовленный для нас, был совсем другого рода и качества от того, которым вообще снабжается наш флот.

Переход из России до Англии нельзя почесть дальним плаванием, которое, по моему мнению, началось только со дня нашего отправления из Портсмута; ибо, оставляя Англию, мы оставили Европу.

В землях, к которым нам надлежало приставать в плаваньи до Камчатки и на возвратном пути оттуда в Европу, нет никаких уполномоченных или доверенных особ со стороны нашего правительства; нет ни русских консулов, ни купцов, и для того все пособия мы должны были просить или от чужестранцев, или искать в собственных своих средствах и запасах.

Петому прежде повествования о дальнем вояже, которое начинается с сей главы, здесь, я думаю, у места будет упомянуть о средствах, принятых мною к сохранению порядка и опрятности в команде и чистоты в шлюпе, а также о положении, по коему провиант был производим служителям в течение сей экспедиции.

Что принадлежит до порядка в команде, опрятности служителей и чистоты в шлюпе, то средства и правила, принятые мною на сей конец, я сообщил письменным приказом следующего содержания.

1. Офицер и гардемарин⁴⁸, стоящие вахту с 5-го до 9-го часа, в те сутки наблюдают за чистотою; они стараться должны, чтобы принадлежащие к сему предписания совершенно были выполнены.

2. Всякий день, кроме чрезвычайно ненастных, койки выносить наверх в 7 часов поутру и раздавать за четверть часа до захождения солнца.

3. В очень ненастные дни коек наверх не выносить, однакож с планок снимать и складывать посредине судна на сундуки и в гротлюк⁴⁹.

4. Наблюдающему за чистотою офицеру в свой день чаще ходить по деку⁵⁰ и посылать гардемарина смотреть, чтобы служители днем не спали, чтобы мокроты в банках⁵¹ не было, чтобы в банках отнюдь никакого мокрого платья не лежало, и на низу сушить ничего не позволять.

5. Все служительские вещи должны храниться в чемоданах, для коих отведено особое место, в банках же никаких вещей, кроме необходимого платья, не иметь.

6. Баки, ложки и все другие нужные для стола вещи хранить поартельно в нарочно для них сделанных местах, а в банках их не держать и полок никаких отнюдь не делать.

7. Время на завтрак, обед и ужин определяется по получасу; к завтраку свистать в 8 часов, к обеду в 12 часов, а к ужину за полчаса часа до захождения солнца. Сие разумеется, если работы нет, в прочем — смотря по обстоятельствам.

8. После обеда и ужина все бывшие в употреблении баки, ложки и пр. перемыть, вытереть и положить на свои места; палубу подмести и мокроту вытереть.

9. Мокрыми швабрами никогда нижней палубы не тереть. Дней для мытья оной не назначается; а когда я велю мыть нижнюю палубу (что всегда будет в хорошую погоду), то пушки выдвинуть, все мелкие вещи передвинуть или вынести наверх; и коль скоро палуба вымыта, то пока совсем не высохнет, служителям вниз сходить не позволять.

10. Вахтенным офицерам наблюдать, чтобы во всякую хорошую погоду виндзейли⁵² были спущены в люки, в трюм, — от времени, как слу-

жители вынесут койки наверх, до раздачи оных.

11. По смене с вахты или после какой работы мокрого платья на низу держать не позволять; а у лестницы все скинув, сложить в шлюпку на ростры⁵³ или в другое удобное место, а потом в хорошую погоду просушить для просушки.

12. Для мытья белья один день в неделю назначается, смотря по погоде. Половина команды должна мыть в один раз; для сего варить в котле пресную воду. Соленой же водой рубашек, простыней и шейных платков не мыть, а прочее платье мыть в соленой воде вместе с койками.

13. Для починки платья дается один день в неделю, смотря по погоде; а если погода хороша, то суббота назначается, буде работа не мешает.

14. Вахтенные офицеры должны также строго наблюдать, чтобы в ночное время или в мокрую и сырую погоду служители отнюдь не выходили бы за чем-нибудь наверх без верхнего платья, в одних рубашках, кроме опасных и чрезвычайных случаев, где они вмиг понадобятся.

15. Вахтенным офицерам особливим образом предписывается наблюдать, чтобы служители ни под каким видом не спали и не лежали на деке, а особливо на мокром или во влажную погоду.

16. В неделю один раз, если погода позволит, просушивать служительские постели, подушки и другие к ним принадлежащие вещи, которые для сего раскладывать по рострам, развешивать по сеткам и вантам⁵⁴.

17. Служители должны белье перемывать на себе два раза в неделю, в которые дни вахтенные командиры должны свои вахты осматривать, к чему назначаются воскресенье и среда.

Провиант служителям производил я вообще по следующему положению, согласно с мнением капитана Крузенштерна.

В портах: мясо свежее по фунту на человека ежедневно, варя оное в супе с зеленью разного рода, какую можно было получить; прочую провизию по уставу, кроме гороха, крупы на кашу и масла, которые,

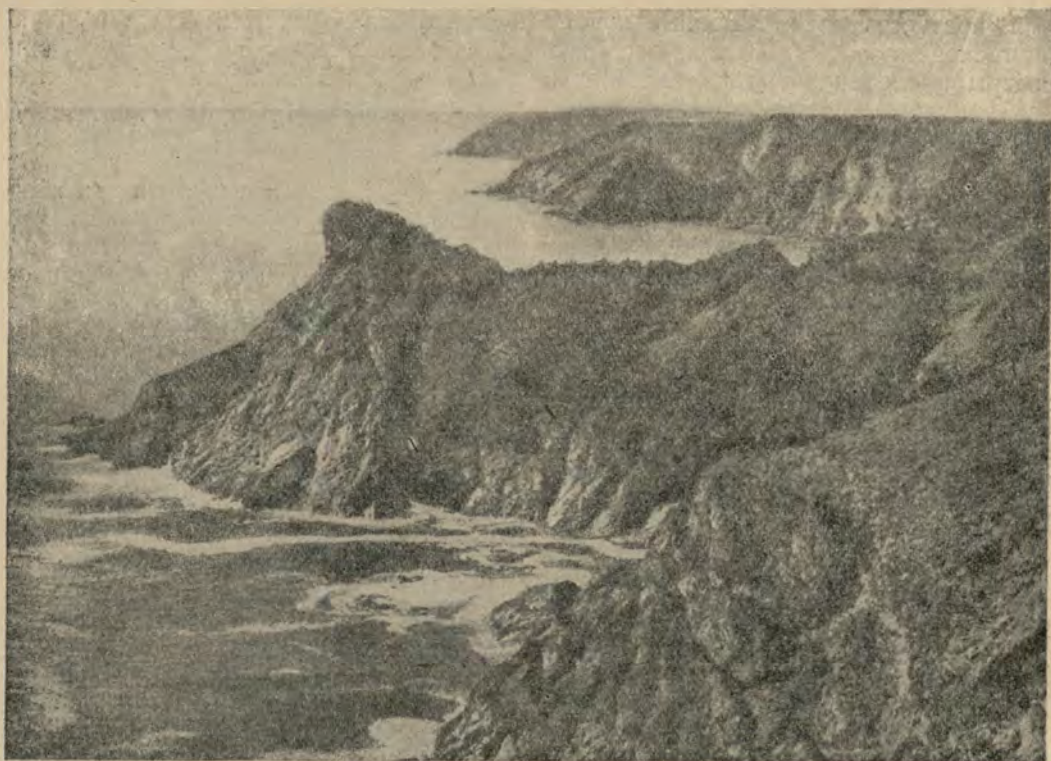
заменяясь мясом и зеленью, оставались натурально в казне. В жарких климатах выдавал я служителям иногда вместо сухарей мягкий хлеб.

В море: в умеренных климатах производилась обыкновенная порция по уставу, когда не было признаков цынготной болезни; в сем случае я особенно следовал капитану Крузенштерну. В поданном от него мнении в Коллегию он говорит, что «всегда старался производить служителям провиант как можно сходнее с регламентным положением». В жарком климате, смотря по погоде, я давал мясо соленое четыре дня в неделю; а горох и кашу три дня, и мясо не всегда согласно уставу, а иногда по полуфунту и часто по четверти фунта, варя оное во щах с крупой и кислой капустой или в супе с крупой и бульоном попеременно, соображаясь с погодой и следуя советам лекаря.

Водку и ром в холодные дни, пасмурные и туманные погоды давал я по целой чарке, не разводя с водой, и нередко по две чарки в сутки, когда обстоятельства заставляли команду в мокрое, ненастное время долго работать наверху, а в умеренные погоды и теплые дни производились оные на $\frac{2}{3}$ чарки водки или рому $\frac{1}{4}$ чарки воды; в жары же на $\frac{1}{2}$ чарки водки или рому $\frac{1}{2}$ чарки воды; если же погода к вечеру делалась чувствительно холоднее, то давал и остальную $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ чарки, мешая также с водой, чтобы сделать целую чарку в день. А в самые большие жары водка и ром совсем производимы не были.

Для питья, вместо квасу, в портах, где можно было получить пиво, я выдавал по полкружки на человека в день и брал оно с собою в море столько, сколько можно было удобно поместить. А там, где не было пива, и в море производил я в холодные дни водку, а в теплые виноградное вино, мешая с водой: водки $\frac{3}{4}$ чарки на 4 чарки воды, а вина по 1 чарке на 5 чарок воды, а там они прибавляли сами воды, если хотели. Иногда в море приготавливал я пиво из сирюсовой эссенции⁵⁵ и раздавал по полкружки на человека в день. Капитан Крузенштерн рекомендует обыкновенное пиво и сей напиток, как уничто-

Мыс Лизард, крайний юго-восточный пункт Англии.

жающие цынготную болезнь. Свойство сие также приписывают оным многие другие знаменитые мореплаватели.

В портах, изобилующих фруктами, я давал служителям ежедневно достаточное количество зрелых плодов, которых, так же как и разного рода зелень, брал большим количеством в море.

Соль производима была по уставу, а уксус — смотря по тому, какую пищу служители имели: в портах со свежим мясом оный совсем производим не был, а в море обыкновенно по уставу; когда же горчицу выдавали или когда рыбу случалось поймать, то порцию уксуса несколько я увеличивал.

В продолжительные холодные и мокрые погоды, особливо у мыса Горна, по вечерам, а иногда и два раза в сутки, поутру и ввечеру, давал я команде чай или пунш.

* * *

1 ноября поутру ветер, утвердся на румбе NWO, дул свежо и ровно. Погода была ясная и отмен-

но холодная, так что лужи и канавки замерзли. Изредка показывались облака, которые быстро неслись по ветру, — все сии знаки предвещали продолжение благополучного нам ветра. Лоцмана, утверждаясь на своих признаках, уверяли, что NO ветер продует долго.

Портсмутский рейд наполнен был судами, давно ожидавшими попутного ветра для выхода из Канала⁵⁶, и все они начали готовиться к отправлению; мы также, со своей стороны, не потеряли времени и не упустили воспользоваться сим благоприятным случаем. В полдень приехал к нам лоцман, а в час пополудни, окончив все мои дела на берегу, я возвратился на шлюп и привез с собою из академии наши хронометры.

В 4 часа после полудня мы снялись с якоря и пошли в путь. В 6 часов вечера миновали все опасности и были на чистом месте в Канале. Тогда я отпустил лоцмана.

Сначала я имел намерение взять лоцмана до самого мыса Лизарда⁵⁷, так, как все наши военные суда прежде делали. Зимнее бурное вре-

мя, краткость дней, туманные погоды и господствующие в Канале западные ветры в сие время года требовали сей нужной осторожности: идучи Английским каналом, надобно всегда быть готову и держать себя в состоянии войти удобно в безопасный порт в случае крепких противных ветров; но чрезвычайная цена (30 фунтов стерлингов), которую лоцман требовал, заставила меня несколько подумать, взять ли его или нет. Наконец я расчел, что состояние атмосферы и другие признаки, с коими начался попутный ветер, предвещали продолжение оного и что, в случае перемены ветра, я могу зайти в три главные английские порта Канала (Портсмут, Плимут и Фальмут⁵⁸). Входы в них мне довольно хорошо известны, так что если бы и лоцмана не выехали, то войти в оные можно бы было безопасно. Потому я решился сам вести судно Каналом, не платя лоцману 300 рублей по тогдашнему курсу.

Сверх того, я имел другой особый предмет в виду; по положению морей, коими нам плыть надлежало, мы должны были по необходимости нередко плавать у опасных берегов и входить иногда в нехорошо описанные или и совсем неизвестные гавани без лоцманов. Следовательно, нужно было заблаговременно показать команде и приучить ее видеть, что не всегда мы можем прибегать к помощи лоцманов, а должны часто сами на себя полагаться.

Второе число ветер продолжал дуть нам попутный. Погода была облачна, иногда шел дождь. На следующий день (3-го числа) на рассвете, в 7 часов утра, открылся мыс Лизард.

Лизард, южный мыс Англии, был последней европейской землей, нами виденной. Нельзя было не заметить изображения печали или некоторого рода уныния и задумчивости на лицах тех, которые пристально смотрели на отделяющийся от нас и скрывающийся в горизонте берег.

Из четырех случаев моего отправления из Европы в дальние моря я никогда не оставлял ее берегов с такими чувствами горести и душевного прискорбия, как в сей раз. Даже когда я отправлялся в Западную Индию⁵⁹, в известный пагубный,

смертоносный климат, и тогда никакие мысли, никакая опасность и никакой страх меня нимало не беспокоили. Может быть, внутренние, нам непостижимые, тайные предчувствия были причиной таковой унылости духа; а может статься, продолжительное время, в течение коего мы должны были находиться вне Европы и в отсутствии от родственников и друзей и необходимо должны неоднократно встречать опасности и быть близко гибели, рождали отдаленным, неприметным образом такие мысли при взгляде на оставляемый берег.

Ветер от О, постепенно усиливаясь, произвел чрезвычайное волнение и к ночи дул жестоким образом, при пасмурной, облачной погоде с дождем. В ночь ветер отошел к NO и дул шквалами с такой же силой, как и прежде, отчего волнение сделалось гораздо опаснее, и около полуночи шлюп, продержавшись слишком много на ветру, попался между волнами. Тогда качало его с боку на бок несколько минут ужасным образом; все снасти и ядра из кранцев⁶⁰ покатались по деку. В сие время валом оторвало с левой стороны висевшую на боканцах⁶¹ пятивесельную шлюпку, самую лучшую из всех наших гребных судов.

Через полчаса после того шестивесельную шлюпку, висевшую за кормой, также оторвало было.

Мы скоро ее опять приподняли и укрепили, однакож волнением много повредили оную. Кроме того, что через сии два случая мы потеряли совсем одно из наших гребных судов и повредили другое, они лишили команду большого количества свежей капусты и другой зелени, заготовленной мной для них в Англии, которые, за неимением места в шлюпе, были сложены в шлюпках.

Ветер стал смягчаться с полудня 4-го числа. 5-го числа во все сутки ветер продолжал дуть умеренный; погода была облачна. Сего числа после полудня мы встретили американское купеческое судно, у которого корма была обтянута парусиной; надобно полагать, что валом ее повредило в прошедший шторм.

В ночь на 6-е число ветер дул умеренно и тихо до полуночи 10 ноября. Почти во все сие время погода

была немного облачна. Иногда было пасмурно и шел дождь, однакож не часто. Во весь почти день у нас было в виду одно купеческое судно, однако мы не знаем, какое оно.

С полуночи 10-го числа погода стояла иногда облачная, изредка с дождем, а большей частью было столько ясно и чисто, что нам всегда удавалось делать нужные астрономические наблюдения.

Около полудня 12-го числа ветер стих, и наступил штиль. Сего числа мы поймали две черепахи; одна из них была очень велика, но у нас никто не умел их приготовить. Я предложил мясо и жир, все вместе, сварить просто в супе, отчего вышла такая странная, наполненная жиром похлебка, что многие из наших молодых господ скоро почувствовали следствие сего блюда, беспокоившее их целые сутки. Впрочем, это надлежало приписать нашему нескусству в поваренной науке, а не действию черепашьего мяса, которое составляет одну из самых приятных и здоровых свежих морских провизий.

До сего дня производилось служителям всякий день по фунту свежего мяса на человека, кроме последних двух дней, в кои было произведено по полунунту, пополам с солониной; свежего мяса, взятого из Англии, нам стало на 12 дней.

15-го числа на рассвете, в 6 часов, открылся нам остров Порто-Санто⁶².

Увидев Порто-Санто, я стал держать прямо на восточную оконечность острова Мадеры⁶³. Ветер от N продолжал дуть умеренно и с одинакою силою во все сии сутки. Пользуясь оным, мы шли под всеми парусами. Волнения почти совсем не было. Но, к крайнему нашему неудовольствию, мы видели, что «Диана» более 8 узлов не могла идти. Следовательно, можно сказать, что 8 узлов было для нашего шлюпа самый большой ход, какой только образ его строения позволял ему иметь. Между Порто-Санто и Мадерой мы видели большого кита.

Перед захождением солнца мы прошли восточную оконечность острова Мадеры, идучи между оной и островами Дезертос⁶⁴. Ветер постоянный от NNW дул умеренно и ровно.

Не желая потерять столь благоприятного случая выбраться из широт переменных ветров и поскорее войти в пассатные ветры⁶⁵, я взял намерение не заходить на Мадеру; и если погода будет продолжаться нам попутная и благоприятная, то и Канарские острова⁶⁶ миновать, а запастись вином в Бразилии, где оно, будучи привозное⁶⁷, хотя немного и дороже, но зато ветер и время не будут потеряны. Что принадлежит до свежей пищи для служителей, то они в ней большой нужды еще не имели.

Из наших господ некоторые жалели, что были лишены случая побывать на Мадере. Мне и самому было неприятно, что обстоятельства не допустили иметь это удовольствие, но что делать! Успех нашей экспедиции того требовал.

Остров Пальму, самый западный из Канарских островов, кроме Ферро, мы проходили поутру 17-го числа, в расстоянии от него на 38 или 40 миль. Мы его видели, только вершина одного была скрыта в облаках. Сего же числа до полудня случилось солнечное затмение.

Беспреданно переменные тихие ветры, маловетрия и частые штили мучили нас до 28 ноября. Тропик Рака мы прошли поутру 28-го числа, но настоящий пассатный ветер от N (хотя и весьма тихий) встретили мы в 6 часов вечера 28-го числа, будучи тогда в широте 20°*.

С 20-го по 28-е число ничего особенно примечательного не случилось. Погода была сухая; небо хотя почти всегда было покрыто облаками, но не дождливыми и не густыми. Солнце часто сквозь них было видно, и нередко сияние его не слишком было для нас приятно в жарком климате. На пространстве сего скучного перехода мы часто видели летучую рыбу (flying-fish) англичанами и poisson volant французами называемую) и разные роды других рыб, но поймать удами ни одной не могли.

1 декабря в 4 часа пополудни

* Можно сказать, во всех учебных навигационных книгах упоминается, что между тропиками беспреданно господствуют пассатные ветры, но я имел случай в зимние месяцы нашего полушария испытать несправедливость сего утверждения, находясь по северную сторону экватора три раза: в 1804, 1805 и в сем году.

увидели мы вершину острова Св. Антония, одного из островов Зеленого мыса⁶⁸. Он показался нам по компасу на $NO\theta O\frac{1}{2}O$ в глазомерном расстоянии, судя по высоте его и чистой погоде, не менее 60 миль. Известно, сколь трудно глазомером определить расстояние от высоких, гористых земель, как бы кто искусен ни был в такого рода замечаниях. Даже, точно зная перпендикулярную высоту вершины видимого высокого берега, едва ли можно, не видя прибоя воды, отгадать расстояние до него, не сделав ошибки на треть или одну четверть оного. Притом надобно помнить и то, какое действие рефракция, зависящая от состояния атмосферы, производит в явлении отдаленных предметов; следовательно, пункт, таким пеленгом определенный, не может служить нисколько основанием для проверки хронометров.

Мореплавателям известно, что пассатные ветры не до самого экватора простираются, и не всякий год и не во всякое время года они перестают дуть в одной и той же широте; иногда уничтожаются они ближе к экватору, иногда далее от него. Ванкувер⁶⁹ в мае 1791 года потерял пассатный ветер в широте $6^{\circ}20'$; Лаперуза⁷⁰ в августе 1785 года оставил он в широте 14° , а Дантрасто⁷¹ — в ноябре 1791 года в широте 9° .

В широтах, где перестают дуть пассатные ветры, наступают обыкновенно штили и маловетрия, сопровождаемые проливными дождями и частым громом. В сей тихой полосе воды подвержены сильным течениям, по большей части имеющим направление к W и к NW. Они производят великое влияние на курсы кораблей по причине малого их хода, и для того, чтобы пройти экватор в известном градусе долготы, надобно заблаговременно, не выходя из свежих пассатных ветров, расположить так курсом, чтобы, приближаясь к экватору, течения не могли в полосе, где почти вечно тихие ветры царствуют, склонить слишком много к западу. Суда, идущие из Европы к мысу Доброй Надежды или в Южную Америку, по большей части проходят экватор между 18 и 26 градусами долготы.

Рассматривая в журналах знаме-

нитых мореплавателей мнение их, под каким градусом долготы выгоднее проходить экватор, я увидел, что некоторые из них совершенно различно думают между собой о сем предмете.

Приняв за правило с самого начала плавания моего более руководствоваться замечаниями и мнением капитана Ванкувера*, я решился принять его совет и для того от островов Зеленого мыса стал держать так, чтобы в состоянии быть перейти через экватор в долготе 26 или 27° .

Свежий пассатный ветер прямо от NO, а изредка от ONO, дул до рассвета 5-го числа, а затем отошел к O и сделался тише. Около полудня перешел он в SO четверть и стал дуть еще тише, переменяясь беспрестанно с одного румба на другой. Сие нам показало, что пассаты нас оставили (в широте 7°) и наступают экваторные штили. В полдень сего числа по обсервации мы находились в широте $7^{\circ}7'41''$; в долготе по хронометрам $23^{\circ}52'49''$.

С 5 по 18 декабря мы находились в самом несносном положении: частые штили и беспрестанно переменяющиеся тихие ветры заставляли нас всякий час переменять курс и вращать парусами. Небо почти во все сие время было покрыто черными, грозными тучами; всякую ночь кругом нас мы видели жестокую молнию и слышали гром, который очень часто гремел прямо над нами, и молния блистала страшным образом.

Дождь лил ежечасно в великом количестве, так что развешанный на шканцах⁷³ тент в минуту наполнял бочку, а что несноснее и мучительнее было как для офицеров, так и для команды, то это шквалы, которые беспрестанно находили с разных сторон горизонта и всегда приносили с собою проливной дождь. Но никогда крепкого порыва ветра мы не имели, хотя известно, что дождевые тучи приносят с собой жестокие вихри. Однакож и в сем случае эти тучи вдаль всегда имели грозный вид и все признаки жестокого шквала, а потому мы всякий час принуждены были держать всю команду

* Выключая славного Кука⁷², капитан Ванкувер, по мнению моему, есть первейший из мореплавателей.

у парусов, в готовности убирать оные. Тихие же ветры принуждали нас нести все паруса, какные только мы имели, даже и в ночное время; иначе целого месяца было бы мало на переход сей несносной полосы жаркого пояса; а имея много парусов, — безопасность мачт, да и целостность самого судна, можно сказать, требовали величайшей осторожности с нашей стороны. Сверх того, невзирая на продолжительные ливни, теплота была чрезвычайная, и хотя солнце редко и не надолго показывалось из-за облаков, но лишь оно начинало сиять, в ту же минуту и жар становился несносным.

Кроме того, что мы терпели от состояния атмосферы, море не менее нам вреда причиняло: во все помянутые 13 дней волнение, или, лучше сказать, зыбь была большая, неправильная, какая бывает обыкновенно после ветров, крепко дующих скоро один после другого с разных сторон. Толчая сия валяла нас то с носу на корму, то с боку на бок, всегда, когда ветер совсем утихал и шлюп не имел ходу.

Казалось, что птицы и рыбы убегают сего неприятного климата: первые мы видели очень мало, из рода петрелей⁷⁴, а последних и того меньше. Однакож нам удалось поймать удою одну из рода известных обжорливых рыб, называемых англичанами shark, а французами requin⁷⁵. Пойманная нами рыба весила без головы и без хвоста 2 пуда 9 фунтов и послужила очень хорошим блюдом для нас и для команды, будучи хорошо уварена и приправлена горчицей, уксусом и перцем.

Кроме сей добычи, мы воспользовались сильными дождями и набрали несколько бочек дождевой воды: она служила нам для варения пищи и для мытья белья. Надобно сказать, что как бы хорошо ни была сварена сия вода, она всегда удерживала в себе какой-то противный вкус и запах; чай из нее совсем терял свою приятность.

Настоящий SO пассат встретил нас около полудня 18-го числа по обсервации в широте $2^{\circ}3'14''$ N, в долготе по хронометрам $25^{\circ}55'1/2'$. Сначала стал он дуть от SSO очень тихо; потом, постепенно усиливаясь и отхо-

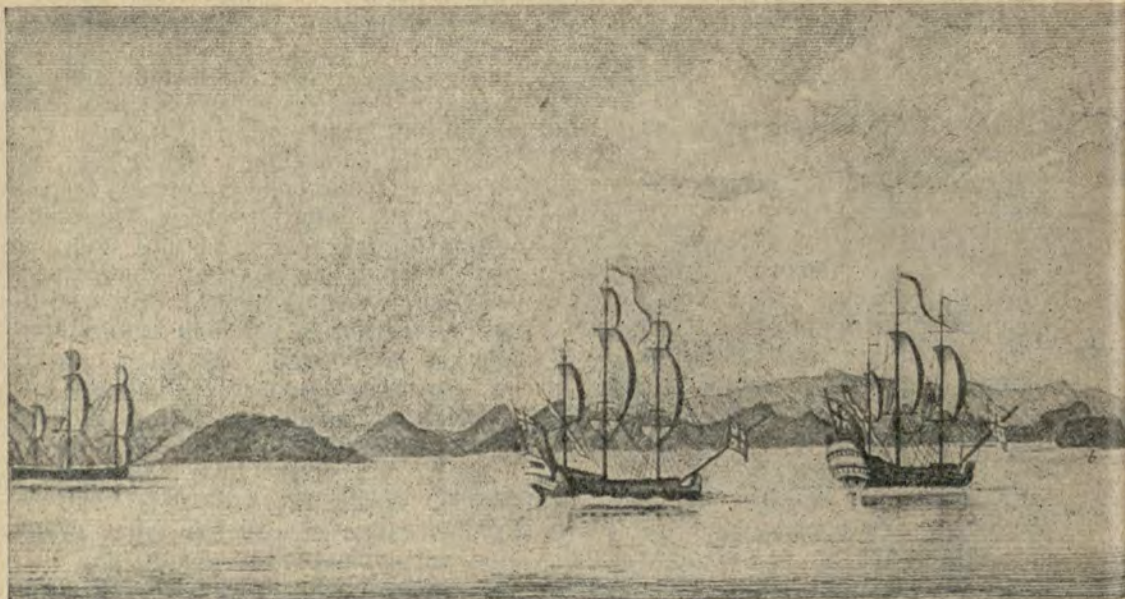
дя понемногу к O, сделался свежий ровный ветер. С пассатным ветром наступила также и ясная погода. Иногда облака покрывали небо, но они были редки, светлы, неслись высоко, не причиняя ни дождя, ни крепких порывов. Прохладительный умеренный ветер и сухая благоприятная погода доставили нам большое удовольствие после всех претерпенных нами неприятностей. Мы вымыли, вычистили и окурили деки. Офицеры и матросы просушили и проветрили свое платье, вымыли белье и вычистили все вещи, которые от тепла начали плеснеть и ржаветь. Можно сказать, что мы получили новую жизнь со дня встречи пассатных ветров.

19 декабря видели мы два судна и с мореплавателями одного из них, принадлежащего Американским штатам, говорили. Оно плыло из Восточной Индии в Северную Америку, а другое, очень большое судно, шло с нами почти одним курсом; по всем приметам, оно должно быть португальское, идущее в Бразилию.

20 декабря во 2-м часу после полудня прошли мы экватор в долготе $27^{\circ}11'$. Ветер тогда был умеренный и погода прекрасная.

У иностранных мореплавателей есть обыкновение совершать при переходе через экватор некоторый смешной обряд, издавна введенный и по сие время наблюдаемый на английских, французских и голландских судах. Оный состоит в том, что все те, которые в первый раз проходят экватор, должны богу морей (коего обыкновенное местопребывание полагать должно на самой границе северного и южного полушария) приносить некоторую дань, обмывшись прежде в морской воде.

На английских военных кораблях обряд сей иногда отправляется с большой церемонией и парадом, к которому за несколько дней начинают приготовляться. Один матрос представляет Нептуна, другой — супругу его Амфитриду, третий — сына их Тритона. Некоторые из них играют роль морских существ, составляющих свиту или двор бога морей. Не нужно сказывать, я думаю, что мифология не призывается в совет к составлению приличных нарядов для сей

Остров
Из книги Дж. Ансона

водяной труппы; им позволяется при таких случаях обыкновенно руководствоваться собственным своим вкусом, который отгадать немудрено: чем безобразнее, тем лучше.

В час прохождения экватора, если это случится днем, а когда ночью, то поутру на другой день, Нептун и вся его свита в полном уборе собираются на бак. Он спускается по веревке с носу корабля почти до самой воды и кричит в рупор страшным голосом: «На корабле — ало?» Тогда непременно капитан сам должен ему отвечать со шканец: «По ответе — ало».

Нептун начинает делать вопросы: какой корабль, кто командир, откуда и куда идет, и есть ли на нем такие, которые в первый раз проходят экватор.

Получа ответы на каждый вопрос порознь, он кричит: «Ложись в дрейф». На сие капитан приказывает класть грот-марсель на стеньгу⁷⁶, не в самом деле, а только примерно, а корабль продолжает плыть без остановки. Тогда Нептун поднимается на бак, садится в сделанную для сего нарочно колесницу и, будучи окружен всей свитой своей, едет по шкафуту⁷⁷ на шканцы. Колесницу его везут шесть или восемь совершенных чудовищ, с длинными распущенными волосами и с распещренным разными красками нагим телом,

от головы до поясицы; музыка ему предшествует.

По прибытии на шканцы строй солдат отдает честь. Капитан принимает его и подает список всем тем, которые прежде не проходили экватора. После нескольких вопросов и ответов с той и другой стороны, в коих Нептун всегда старается вернуть сколько можно более остроумных и замысловатых шуток, он с такой же церемонией при громе музыки отправляется со шканец на палубу. Там царедворцы его ставят пре-большую кадку, наполненную водой, и Нептун посылает, выкликая по списку, за теми, кто не проходил экватора прежде, чтобы представились ему для изъявления своего почтения и для принесения должной дани. В ответ на его призыв обыкновенно офицеры и пассажиры посылают к нему бутылку или две водки, извиняясь, что дурное состояние здоровья, домашние хлопоты и пр. лишают их удовольствия иметь высокую честь представиться владыке морей.

Все такие извинения всегда принимаются отменно благосклонно. Но кто не в состоянии или не хочет сделать упомянутого приношения, тот должен сам явиться непременно и выдержать следующую церемонию: завязывают ему глаза и сажают на

Св. Екатерины.
Путешествие вокруг света*.

доску, положенную поперек кадки, наполненной водой. Один из свиты, представляющий непунова брадобрея, намазывает ему бороду, а часто и все лицо, вместо мыла смолою и бреет куском дерева с аршин в длину, обрубленным наподобие бритвы. После сего, по данному знаку, доску с кадки из-под сидящего на ней вмиг выдергивают, и он погружается в воду, и лишь едва успеет выкарабкаться, как вдруг ведрами со всех сторон его обливают.

Все представляющиеся Нептуну непременно должны следовать сему порядку; этикет его двора требует того. Последствием всех таких церемониальных дней обыкновенно бывает то, что на другой день Нептун, Амфитрида, Тритон, все царедворцы и их друзья чувствуют необыкновенную головную боль от действия многих приношений.

Желая сделать для наших матросов сколько возможно памятнее сей день, в который российское судно проходило экватор, я позволил им следовать подобному обряду, с одним только исключением, а именно: запретил давать им водку; но по окончании церемонии велел сварить для них пунш.

С экватора, при определении курса, вообще держался я того же пра-

вила, как и вступя в SO пассатный ветер: итти самый полный бейдевинд⁷⁸, а когда ветер отходил к О, то шли мы и полнее, наблюдая с точностью, чтобы направление генерального нашего пути было в параллель бразильскому берегу, простирающемуся от мыса Св. Августина до камней, называемых Аброглас⁷⁹, которых параллель прошли мы в ночь с 30 на 31 декабря. На сем переходе ничего особенно занимательного с нами не случилось. Волнения совсем не было, и море всегда было покойно. Почти постоянно светлая погода позволяла нам всякий день делать разные астрономические наблюдения как для определения широты и долготы, так и для сыскания склонения компаса.

С самого вступления в SO пассатный ветер мы беспрестанно всякий день и ночь были окружены великими стадами больших рыб, которые за нами следовали во все время подле самого борта, но поймать мы ни одной не могли. У нас были все рыболовные инструменты: разного рода уды, гарпуны, остроги и пр., и мы пробовали все известные нам средства, однакож всегда без успеха. Я считаю, что для сего надобно особое искусство, или, лучше сказать, ловкость: должно знать сноров-

ку, когда ударить и каким образом, потому что на английских кораблях мне случалось видеть матросов, убивавших острогами по нескольку рыб в день и при весьма большом ходе.

Пройдя параллель камней Аброгос, мы стали держать западнее, вдоль берега, идущего от сих камней к мысу Фрио⁸⁰.

Новый год мы праздновали так, как уединенное наше положение и беспрестанное двухмесячное пребывание в море нам позволило. Команде велел я сварить пунш, а тем, которые не пили пуншу, давали чай.

В полдень 3-го числа прошли южный тропик. На другой день (4-го числа) и поутру 5-го числа видели много носящегося лесу, хворосту, всякой травы и два апельсина; некоторые из деревьев были очень велики. На одно из них мы едва было не нашли; ход судно имело большой, и если бы не успели во-время увидеть и отворотить, то, ударившись в конец дерева, могли бы повредить обшивку. Для того я велел после беспрестанно одному человеку сидеть на утлугаре⁸¹ и смотреть вперед: сим способом мы миновали еще несколько деревьев, не тронув ни одного.

Ветры и погоды продолжали нам благоприятствовать, хотя первые со дня перехода нашего через тропик перестали быть столь постоянны, как прежде.

В ночь с 6-го на 7-е число ветер дул крепкий, порывами, а особливо поутру. Тонкие светлые облака неслись с невероятной скоростью по ветру и были гораздо ниже обыкновенного их стояния в атмосфере здешнего климата. Ночью мы несли только одни марсели⁸², к полудню ветер сделался тише, и мы опять поставили все паруса. Сегодня поутру видели мы под ветром у нас португальское двухмачтовое судно, шедшее нам навстречу; а после полудня прошел мимо нас обыкновенно большой кит: я никогда не видывал кита такой чрезвычайной величины.

В полночь с 7-го на 8-е число мы достали дно на глубине 75 сажен; грунт — черный, жидкий ил. Тогда мы находились от северной оконечности острова Св. Екатерины⁸³ на NO в 60 милях.

По восхождении солнца ветер совсем утих, и сделалось облачно и пасмурно. Кругом нас летали и на воде сидели множество разного рода птиц, которые никогда далеко от берегов не летают. С полудня ветер стал дуть умеренный от S, и в 2 часа открылся нам бразильский берег SW. В 7-м часу мы были к нему довольно близко и могли рассмотреть положение одного и различить остров Св. Екатерины и лежащие при входе в гавань одного два небольших острова — Алваредо и Галеру.

Противный и притом весьма тихий ветер препятствовал нам сегодня войти в гавань, а на другой день (9-го числа) все утро был штиль. Мы тогда видели около себя со всех сторон множество китов, плавающих на поверхности тихой воды.

Скоро после полудня мы вошли в гавань и в половине восьмого вечера стали на якорь в полтора милях к SO от крепости Санта-Крус⁸⁴.

Идучи на рейд, мы сделали обыкновенный сигнал для призыва лоцмана и подняли свой флаг и вымпел, однакож к нам никто не приехал. Португальское военное судно (гардкот⁸⁵) тогда шло из гавани нам навстречу; на нем был поднят флаг, а на крепостях нет. Причиной сего, я думаю, было то, что португальцы боялись нашего салюта, который мы обязаны были сделать по трактату, и им надобно было отвечать на него; а у них, весьма вероятно, или совсем не было пороха, или если и было, то так мало, что они не хотели расстаться даром с такой для них драгоценностью. Мне случилось на английском фрегате быть в Фаяле, одном из Азорских островов⁸⁶, принадлежащих Португалии. Капитан наш послал на берег офицера снести с комендантом, будет ли крепость отвечать равным числом выстрелов на наш салют. Добренький комендант был очень откровенен и прямо признался посланному офицеру, что в крепости почти совсем нет пороха, и потому просил капитана, нельзя ли обойтись без салюта. Этот случай заставил меня такой же причине приписать невнимание португальцев, когда мы шли на рейд, что впоследствии оказалось совершенно справедливым.

Хотя лоцман к нам не приехал, однакож мы пришли в самую средину гавани без малейшего затруднения с помощью плана сей гавани, сделанного капитаном Крузенштерном, который я от него получил в числе некоторых других карт, выгравированных для его вояжа. План этот так верно сделан и все на берегах высоты и приметные места с такой точностью означены на оном, что мы тотчас, почти при первом взгляде, различили все предметы, по коим надлежало править.

К сей части бразильского берега идущие с океана суда могут придти на вид весьма удобно и безопасно, как бы велика разность в долготе у них ни была: в 60 или 75 милях от берега можно достать дно на глубине менее 100 сажень. Потом глубина сия уменьшается постепенно, так что нет никакой опасности править прямо к берегу и идти под всеми

парусами ночью или в туман. Надобно только время от времени приводить в дрейф и бросать лот; а глубина всегда покажет расстояние от берега, к которому самые большие корабли могут безопасно подходить на расстояние полумили.

В переходе из Англии до острова Св. Екатерины у нас никогда не было больных более двух человек, да и те имели самые обыкновенные легкие припадки, не зависящие нисколько ни от морских вояжей, ни от перемены климата, и которые более трех дней не продолжались. Шлюп не потерпел никаких повреждений в корпусе, а в вооружении только одна форстеньга⁸⁷ дала трещину в несносные жары, когда солнце было близко зенита. Действие его лучей могло бы большой вред причинить нашей палубе, наружной обшивке и баргоуту⁸⁸, которые все сосновые, если бы мы не покрывали их парусами и брезентами всегда, когда солнце сияло.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Пребывание в гавани острова Св. Екатерины в Бразилии и описание оной

Января 9-го, в 8-м часу вечера, стали мы на якорь в гавани Св. Екатерины; тогда было уже темно. Но пока мы входили в гавань, невозможно было нас не приметить с трех крепостей, при устье оной находящихся, и с одного гард-кота, стоявшего на якоре под самым берегом. Однакож невнимание гарнизона и жителей было так велико, что казалось — или на всех берегах сей пространной гавани нет ни одного жителя, или они все разбежались по лесам. Как бы португальцы ленивы и беспечны ни были, я не мог себе вообразить, чтобы прибытие в их соседство военного судна (что здесь весьма редко случается) не возбудило в них любопытства, по крайней мере, выйти на берег и взглянуть на него, и более потому, что мы были под флагом, им мало известным.

Пустота в такой обширной гавани, где, кроме вышеупомянутого гард-кота, ни одного судна, ни одной лодки не было, глубокая тишина по берегам оной, высокие окружающие гавань

горы, покрытые непроходимым дремучим лесом, и слабый исчезающий вечерний свет представляли нам сей прекрасный порт в таком диком, нелюдимом состоянии, что прежде не видавшие колоний, принадлежащих Португалии, с трудом поверили бы, чтобы места сии когда-нибудь были обитаемы европейцами. По берегам рассеяно несколько хижин, но они казались нам необитаемыми, или их жители были погружены в глубокий сон. Только лишь на валу одной из крепостей мы видели трех или четырех человек в епанчах; кто они были — монахи, нищие или солдаты, — мы не знаем*.

Положа якорь, я хотел выстрелить из пушки в знак, чтобы жители в селеньях, не на самом берегу лежащих, могли узнать о прибытии к ним чужестранцев и на другой день привезти нам каких-нибудь свежих съестных припасов, в коих мы имели боль-

* Не доходя до устья гавани, мы видели двух земледельцев в работе на полях, лежащих на отлогости гор.

шую нужду. Но прежде нежели сей сигнал был сделан, приехал к нам от начальника одной из крепостей унтер-офицер по обыкновению узнать, кто мы, откуда и куда идем и зачем пришли.

Он не знал никакого языка, кроме португальского, а у нас никто по-португальски говорить не умел. Однакож выбранные из лексикона слова удовлетворили вполне всем его вопросам. То же средство сообщения мыслей при помощи телодвижений помогло нам и его выразуметь: он нам сказал, что на другой день поутру сигналом с крепости дано будет знать в город *Nostra Senora del Desterro*⁸⁹ (губернаторское пребывание) о нашем прибытии, и по получении оттуда ответа мы сами можем ехать в город и закупать все, что нам надобно.

Мы от него узнали, что он здесь находился во время посещения сей гавани кораблями «Надежда» и «Нева»; помнит капитанов Крузенштерна и Лисянского и показал нам место, где они стояли на якоре.

Расстались мы, будучи совершенно довольны один другим, и более потому, что хорошо друг друга поняли; а за всю такую выгоду мы обязаны лексикону.

На другой день (10 января) поутру мы переменили место, подошли ближе к берегу. Приехавший из крепости адъютант уведомил меня, что повеление губернаторское последовало позволить нам приступить к исправлению наших надобностей на берегу, также ехать в город и закупать нужные нам провизии и вещи. В 10-м часу я ездил с адъютантом к коменданту здешних крепостей. По приказанию коменданта адъютант его показал место, где мы можем поставить палатки для обсерватории, и недалеко от оного ручей пресной воды.

После полудня мы успели свезти на берег пустые водяные бочки, поставить палатки для караула и для астрономических инструментов, которые со шлюпа перевезли на берег.

Сегодня, кроме привезенных на лодке к борту арбузов, мы ничего свежего для команды на берегу купить не могли, невзирая на все наши старания сыскать что-нибудь.

Ночью на 11-е число по горам

и прямо над нами был сильный гром и молния с проливным дождем, в продолжение коего нашел жестокий шквал и продолжался около четверти часа; потом опять стало тихо, а к рассвету и гроза прошла. В 9-м часу поутру поехал я на своей шлюпке в город. Комендант послал со мною унтер-офицера показать мне дорогу и пристань. Расстояние от места, где шлюп стоял, до города было от 9 до 10 миль.

По прибытии к губернатору он меня тотчас принял. Как он сам, так и адъютанты его или не знали, или не хотели говорить ни по-французски, ни по-английски (первое, однакож, вероятнее) и потому призвали одного молодого португальца, изрядно знающего английский язык, быть переводчиком между нами.

После ответов на обыкновенные вопросы, относящиеся к нашей экспедиции и к европейским политическим новостям, я стал просить позволения купить в городе нужных для нас провизий и вещей. Губернатор тотчас, призвав одного из богатейших здешних купцов, приказал ему при мне пособить нам сыскать все те вещи, в которых мы имели нужду.

Рекомендательное письмо, данное мне португальским министром в Лондоне к графу Дез-Аркос, рию-жанейрскому вицерю⁹⁰, для доставления к нему я вручил губернатору. По просьбе моей, он также обещался верно препроводить в Рио-Жанейро мои депеши для отправления в Лиссабон, откуда посредством нашего министра или консула они могут быть отосланы в Петербург.

В обхождении, в разговорах и в поступках со мною губернатор показывал отменную учтивость и приветливость, кои были верными знаками хорошего его воспитания. Он приглашал меня к обеденному своему столу; но беспокойство, чтобы не потерять ни одной минуты в приготовлении шлюпа к походу, заставило меня извиниться, что обстоятельства препятствуют мне воспользоваться предлагаемой честью. Губернатор человек молодой, между 25 и 30 годами, мал ростом и нестатен собой, но в лице имеет много приятного.

Любопытство заставило меня пройти по всем главным улицам.

Вид города Ностра Сеньора дель Дестерро на острове Св. Екатерины.
Из атласа к путешествию Крузенштерна

Полчаса совершенно довольно, чтобы видеть весь город; повидимому, в нем от 400 до 500 домов; все каменные, выбелены, двух- и одноэтажные, с большими окнами без стекол; примечательного, заслуживающего внимания путешественника в нем нет ничего.

Условясь о приготовлении нужных для нас вещей и сделав по сему делу все распоряжения, чтобы оные как можно скорее были отсюда отправлены, я оставил город и возвратился на шлюп в 9-м часу вечера. С большим удовольствием увидел я, что работы наши как на берегу, так и на шлюпе, отправлялись очень поспешно. Одно лишь неудобство, какое мы встретили в доставлении команде свежей пищи, было для меня чрезвычайно неприятно. Рогатого скота по берегам довольно, и он недорог; но жители не били скотины и не продавали мяса по частям; надобно было купить живого быка, которого довольно было бы на суточную порцию для всей команды трехдечного корабля. Но для нас одной ноги его было много, а жар среди лета, под 28-м градусом широты, натурально делал невозможным сохранить мясо даже в продолжение только 24 часов, и потому нужно было нарочно им заказывать пригонять телят и свиней, которые хотя,

сравнивая цены по весу, и дороже приходились говяжьего мяса, но для нас было выгоднее несравненно покупать их, нежели быков, которых самую большую часть мы принуждены бы были бросать. Сегодня мы могли только выдать команде по $\frac{1}{4}$ фунта свиного мяса и по столько же свежей рыбы, купленной у жителей.

В покупке свежей провизии нам много помогали два поселившиеся здесь иностранца: один из них немец, а другой ирландец. Каждый из них рассказал нам историю своей жизни и о нынешнем своем состоянии. Но рассказы таких людей обыкновенно бывают не что иное, как вымышленные басни, наполненные странными приключениями; предмет их — склонить пришельцев в свою пользу. Все такие бродяги, оставившие свое отечество, чтобы сыскать пропитание обманом, хитростью или нанявшись в службу чужой земли, обыкновенно рассказывают чудные, так сказать, свои похождения, которые могли бы обратить внимание и привлечь сожаление слушателей к их состоянию. Что они ни говорили, я с моей стороны ни одному слову не поверил. По знанию их португальского языка, они нам были полезны, за услуги их я им исправно платил и притом старался не допускать их обмануть себя, не

показывая, впрочем, ни малейшего сомнения или недоверенности к их честности.

Несмотря на чрезвычайные жары, мы работали от рассвета до сумерек.

Самое трудное дело из всех, какие только нам повстречались, было вытащить из лесу дерево, срубленное нами на стеньгу, и притащить его к берегу. 15-го числа наш плотничий десятник выбрал, срубил и очистил дерево. Годных деревьев для нашей стеньги близкого берега не было; а то, которое мы нашли, находилось на горах в густом лесу, от берега в расстоянии не менее 3 верст. Через все сие расстояние его надлежало тащить сквозь лес и кустарники, по негладкой, гористой земле. Часто нужно было срубить деревья или высокие пни, чтобы очистить место для поворота дерева, иногда спускать и поднимать его в крутых оврагах и перетаскивать через камни в лощинах. Ночью сего сделать невозможно, и потому мы принуждены были днем его тащить.

16-го числа целый день был употреблен для сей работы, которую чрезвычайный жар и зной делали несносной. Люди, употребленные к оной, должны были находиться в густом лесу, где царствовала совершенная тишина, ни малейшего дуновения ветра нельзя было чувствовать; а солнце, будучи почти над самой головой, пронизало своими лучами по всему лесу; не было места, где бы можно было укрыться от действия оных. Жар был более несносен, нежели в банях. Но наши люди работали с начала до конца сего трудного дела, можно сказать, не отдыхая и во все время с веселым духом, без всякой приметной усталости.

18 января мы перевезли с берега астрономические инструменты, палатку и все свои вещи и были в настоящей готовности итти в море.

Продолжение повествования о нашем плавании по выходе из Бразилии я отношу к следующей главе, а здесь помещу сделанные нами замечания о гавани острова Св. Екатерины*.

* Почти в самое то время, когда мы оставили гавань острова Св. Екатерины, португальский двор оставил Европу и прибыл в Америку. Он назначил Рио-Жанейро

Местное положение, гидрография и укрепление гавани

Остров Св. Екатерины лежит между 27°19' и 27°50' южной широты; самая же большая ширина его около 6 миль. Два мыса, выдавшиеся от сего острова и материка Бразилии прямо по направлению О и W, сближаются на расстоянии одних к другому около четверти мили. Сей канал составляет южный вход в гавань, годный только для малых судов. Самая северная оконечность острова находится от матерого берега в расстоянии 6¼ миль по параллели.

От сей черты, можно сказать, начинается вход в гавань. Северный ее предел заключается между крепостью Св. Антония, находящейся на острове Св. Екатерины, и другой крепостью, называемой Санта-Крус, построенной на небольшом островке, отделенном от матерого берега каналом, в ширину не более 150 сажен. Расстояние между сими двумя крепостями 3¾ мили. Оные составляют всю оборону северного входа в гавань, главного и обыкновенного для всех судов.

Длина гавани от северного входа до южного 9¾ мили, и самая большая ее ширина около 6½ миль; но не все пространство оной способно для принятия больших судов.

Сей порт есть один из самых безопаснейших в целом свете; он спо-

резиденцией королевской фамилии и верховного правительства⁹¹. От сего великого политического происшествия вся Бразилия приняла совсем другой вид: кроме внутренних учреждений и перемен, по сему случаю последовавших, торг Бразилии, прежде будучи запрещен для всех народов, кроме португальцев, стал вдруг открыт англичанам, и гавань Св. Екатерины при самом начале назначена главным сборным местом коммерческих судов сего народа. Англичане, будучи изгнаны и исключены из европейской торговли, бросились всюду, где имели только самонаименшую надежду получить прибыль, а оттого Бразилия тотчас наполнилась купцами и произведениями их мануфактур. Перемена в ценах всякого рода вещей из природных произведений сей земли была натуральным следствием сего случая, и потому порт Св. Екатерины почти во всех отношениях принял не тот вид, в каком мы его нашли и оставили, и описание мое об оном относится к тем временам, когда Бразилия была не королевством независимым, а колонией Португалии и управлялась другим порядком.

собен вместить величайший военный или торговый флот. По всему пространству одного дно состоит из ила; нет никаких подводных камней или скрытых мелей, и глубина к берегам уменьшается постепенно. Гавань закрыта от всех ветров, кроме NO, но из сей четверти горизонта крепких ветров здесь никогда не бывает. В зимние же месяцы южного полушария южные ветры нередко дуют с большой жестокостью, но продолжают недолго и опасны быть не могут, потому что гавань от S совершенно закрыта и глубина в ней мала, следовательно и большого волнения ветер в ней развести не в состоянии.

Рек в гавань никаких не впадает, а с гор текут многие ручьи, как на материке, так и на острове. В некоторых из них вода отменно прозрачна и приятна для вкуса.

Город de Nostra Senora del Desterro лежит на самом берегу южной стороны выдавшегося мыса от острова Св. Екатерины, на оконечности коего стоит крепость С.-Жуан; расстояние между городом и крепостью около полумили. Небольшой залив, перед городом находящийся, слишком мелководен для больших судов; но на рейде против него при нас стояли на якоре два или три португальских судна, производящие прибрежный горг. Впрочем, это только летом бывает, а зимой тут опасно стоять судам, потому что рейд совсем открыт южным ветрам.

Кроме города, на берегах гавани есть два других селения: одно лежит на матером берегу, а другое на берегу острова. Впрочем, по всем берегам рассеяны маленькие домики в некотором расстоянии один от другого; внутри же земли, по словам жителей, нет вблизи никаких селений. Горы и обширные непроходимые леса, наполненные ядовитыми змеями и хищными животными, препятствуют иметь сообщение с внутренними местами, и для того жители строятся при берегах морских заливов или при устьях и на берегах судоходных рек и всякое сообщение между селениями, близко или далеко, производится водой. Даже соседи, на берегах сей гавани живущие, может быть не далее полуверсты, ездят друг к

другу в своих кану (так называются маленькие лодки, из одного дерева выдолбленные). Такого рода езду они почитают не столь затруднительной, как итти сквозь лес или кустарник, где едва ли и тропинка есть; даже почты отправляются морем.

Сия провинция принадлежит вице-королевству Рио-Жанейрскому и имеет лишь сухопутное сообщение с Рио-Гранде⁹² — рекой, которая лежит южнее Св. Екатерины, в расстоянии около 240 миль. Долины в соседстве оной усеяны рогатым скотом, который сюда пригоняют дорогой, идущей подле самого морского берега. В городе я видел, однакож, много лошадей; мне сказывали, что их держат жители более для верховой езды, нежели для путешествий и работы. Из селения Св. Антония дорога хороша, и есть повозки для езды.

Крепостные строения гавани, будучи оставлены в небрежении, находятся в очень дурном состоянии. К сему надобно присовокупить, что они не снабжены и достаточным числом орудий; даже и те пушки, которые стоят на некоторых батареях, я не думаю, чтобы были годны к службе. Все они литы, по крайней мере, в XVII веке, если не прежде, и, будучи оставлены без всякого присмотра, от времени, погоды и ржавчины должны притти в негодность; сверх того и лафеты все сгнили.

Что принадлежит до гарнизона, то он во всем совершенно соответствует укреплениям: в крепости С.-Крус, где живет комендант, мы видели, я думаю, всю его силу. Мне показалось, что солдаты вышли нарочно, чтобы нас увидеть, когда мы вошли в ворота. Они смотрели на нас с некоторым любопытством. Если половина их была только так любопытна, то нельзя всему числу гарнизона превосходить 50 человек.

Мундиры, или одежда их, нищенские; солдаты почти босые; ружья у часовых покрыты ржавчиной. Бледные, голодные лица явно показывали, что это были португальские войска. Нельзя бы язвительнее и сильнее написать сатиры на воинское звание, как только изобразить на картине такую фигуру с надписью «солдат».

Но в городе у губернатора караул

меня удивил: рост людей, вид их, платье и оружие были в таком состоянии, что не только в португальских колониях на островах, где мне случалось быть, но даже в самом Лиссабоне я не видывал гвардейских солдат в такой исправности. Правда, что их было очень мало, и легко случиться могло, что губернатор содержит своих телохранителей в лучшем порядке за счет прочих подчиненных ему воинских команд.

Выгоды и невыгоды, какие гавань Св. Екатерины представляет заходящим в нее судам

Суда, идущие из Европы в Тихое море, переходя Атлантический океан, непременно должны, по крайней мере один раз, зайти в какой-нибудь порт для получения пресной воды, свежих провизий и отдыха служителям. Обыкновенные в таких случаях пристани четыре: острова Зеленого мыса, мыс Доброй Надежды, Рио-Жанейро и остров Св. Екатерины. Плывущие восточным путем, то есть около мыса Доброй Надежды, по большей части избирают первые две; а те, кои намерены войти в Тихий океан западным путем, или около мыса Горна, заходят в одну из последних двух. Я буду говорить только здесь о гавани Св. Екатерины и единственно о том, что я сам действительно видел и опытом узнал.

Географическое положение сей гавани есть одно из главных ее преимуществ: восточным ли путем суда идут в Тихий океан или западным, — в обоих сих случаях она лежит на дороге*. Соседственные ей берега чисты, нет при них ни мелей, ни под-

* В рассуждении восточного пути сие выражение покажется несправедливо, принимая оное в literalном (буквальном — ред.) значении. Но есть физическая причина, которая оправдывает его: суда, идущие прямо к мысу Доброй Надежды, пройдя экватор, должны держать бейдевинд, пока не выйдут за пределы пассатных ветров; а желающие зайти в Бразилию идут с полным ветром. Если бы из Европы в одно время прошли два судна равных качеств к какому-нибудь месту Южного океана восточным путем и одно из них зашло бы к мысу Доброй Надежды, а другое в гавань Св. Екатерины, то к порту их (назначая все другие обстоятельства те же) они пришли бы почти в одно время, а может быть, заходившие в Бразилию и скорее.

водных камней; подходить к ним легко и безопасно при всяком ветре и во всякое время; лот всегда верно покажет расстояние от них. Вход в гавань совершенно свободен, в нем нет никаких опасностей и приметить его с моря очень нетрудно.

Другое преимущество сей гавани состоит в безопасности от бурь, которую пользуются стоящие в ней суда. К сему надобно присовокупить и ту еще выгоду, что выход из нее никогда не может быть нисколько затруднителен.

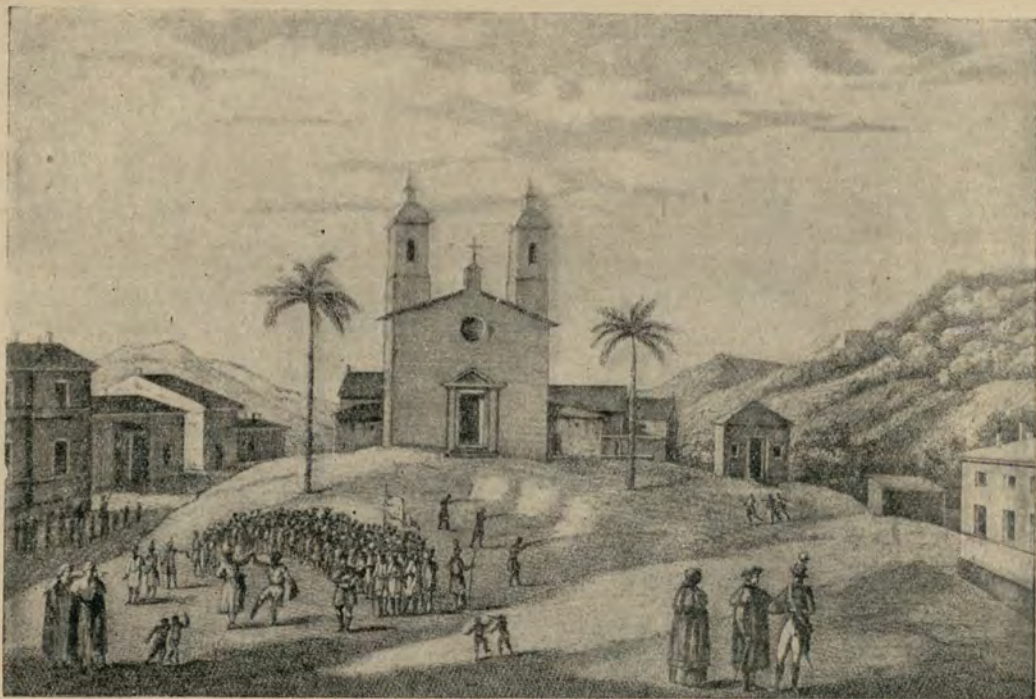
Самая же главная выгода, какую мореплаватели здесь иметь могут и которую они не должны терять из виду, есть великое изобилие разного рода свежих провизий и умеренная цена оных.

Законы Португалии не только что запрещают бразильским своим подданным торговать с иностранцами, но даже и с португальцами не иначе позволяют производить торг, как только в двух главных портах: в С.-Сальвадоре и в Рио-Жанейро. Все продукты отвозятся в помянутые два порта на мелких прибрежных судах, а оттуда отправляются большими конвоями в Европу, отчего другие пристани Бразилии не имеют собственного своего торга. В них нет богатых купцов и никаких коммерческих заведений, и они очень малолюдны; а потому все природные их произведения чрезвычайно дешевы. Главные из них в сей провинции суть: сарачинское пшено⁹³, кофе и китовая ловля**.

Здесь кофе, сказывают, есть самый лучший во всей Бразилии. Впрочем, земля производит много сахара; зелень и фрукты рождаются в большом изобилии. При нас были совсем созревши арбузы, ананасы и бананы; лимоны же и апельсины еще были зелены и малы. Тыквы чрезвычайно много, она очень велика и вкусна.

Рогатого скота и свиней довольно; баранов я не видал. Скот пригоняют с берегов Рио-Гранде; там он в та-

** Здесь есть обширный китовый завод. Ловля сия отдана правительством на откуп компании лиссабонских купцов. Жители сказывают, что она весьма прибыльна. Едучи сюда, мы сами видели большое число китов почти при самом входе в гавань.

Народные пляски на острове Св. Екатерины.

Рисунок Телезиус из атласа Крузенштерна.

ком множестве водится, что его бьют только для одних кож. Из дворовых птиц индеек, кур и уток очень много. Дичины, по словам жителей, иногда бывает чрезвычайно много на озерах низменных мест.

Жители сказывают, что по временам года рыба заходит в гавань великими стаями и ловится в удивительном изобилии. Лаперуз был здесь в ноябре и пишет, что при нем стоило только закинуть невод, чтобы вытащить его полон рыбы. Но мы не были так счастливы: удами нам почти ничего не удалось поймать, а неводом подле берега часа в три мы не более сорока рыб поймали. Они были величиной с плотву, лишь немного толще, и очень вкусны. Да и жители, ловившие рыбу удами на своих лодках подле нас, не лучший успех имели. Они обыкновенно начинали ловить поутру, а в полдень привозили пойманную рыбу к нам продавать, и мы никогда много рыбы у них не видали.

Гавань Св. Екатерины имеет еще одно преимущество, а именно: добросердечный и смиренный нрав жителей, обитающих по берегам ее. Они суеверны, ленивы и бедны, но честны,

ласковы и услужливы. Они ничего у нас не украли и не покушались украсть, хотя и имели разные к тому случаи на берегу. Если за некоторые ими продаваемые нам вещи они иногда и просили дороже того, за что бы они уступили их своим соотечественникам, то разность была очень невелика. Впрочем, это весьма натурально: где же и в какой земле жители при продаже не употребляют в свою пользу неведения и неопытности чужеземцев? Притом, к чести их надобно сказать, что, получая от нас плату за доставленную ими на шлюп свежую провизию, зелень и фрукты в первые дни нашего прибытия почти без всякого торга с нашей стороны, они нимало цены вещам не увеличили, что им легко можно было бы сделать под разными предлогами. Надобно знать, что я не приписываю такой простоты поселившимся здесь немцам и англичанам.

Теперь остается сказать о невягодах, какие могут встретиться судам в сей гавани. Их, по мнению моему, только две: одна постоянная, а другая временная. Здесь нет ни казенного морского арсенала, ни партикулярных верфей, словом ска-

зять, никакое судостроение не производится; а потому и нельзя сыскать ни морских снарядов, ни мастеровых. Следовательно, судно, потерпевшее какие-нибудь важные повреждения, не может от порта получить никакого пособия и всю починку и все исправления должно производить своими материалами и своими людьми, что не всегда можно и делать, ибо повреждения часто могут быть таковы, что без помощи устроенной верфи исправить их невозможно; притом и лес доставать здесь очень трудно. Я выше говорил, каких трудов нам стоило доставить дерево для фор-стенги, длиною только в 34 фута. Впрочем, на горах растет много прекрасного леса, годного на всякое строение; я не знаю, какое название дают сего рода дереву ботаники, а у

мореплавателей оно известно под именем бразильского дерева⁹⁴. Оно несколько красновато, чрезвычайно твердо, а когда сырое, то так тяжело, что на воде тонет.

Временной же невыгоде бывают суда подвержены только в исходе февраля, в марте и в апреле, после чрезвычайных летних жаров. Тогда начинаются здесь эпидемические болезни, часто сопровождаемые пагубными следствиями, а особливо для людей, не привыкших к климату. Надобно, однакож, знать, что это не так, как в некоторых других жарких местах Америки или в Западной Индии, где заразительная смертоносная горячка всякий год периодически опустошает целые селения; здесь же, по словам жителей, не всякий год такие болезни бывают опасны.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На пути от Бразилии к мысу Горну и оттуда к мысу Доброй Надежды

Полутору в 5 часов 19-го числа мы снялись с якоря и пошли в путь.

В инструкции Государственной Адмиралтейств-коллегии мне представлено было избрать путь для перехода в Камчатку и для возвратного плавания оттуда в Европу, в чем я должен был руководствоваться временами года, состоянием погод и господствующих ветров в разных морях, коими нам плыть надлежало.

Время нашего отправления из Бразилии и весьма дурной ход «Дианы» не позволяли мне иметь ни малейшей надежды обойти мыс Горн⁹⁵ прежде марта месяца, который почитается самым бурным и опасным для мореплавателей в сих широтах, и не без причины. Опыты показали, каким бедственным случаям подвержены были многие суда, покушавшиеся обходить мыс Горн в осенние месяцы южного полушария. Но из сего надобно сделать исключения: Маршанд⁹⁶ обходил сей мыс в апреле, не встретив ни штормов, ни продолжительных противных ветров. Корабли «Надежда» и «Нева» обошли его в марте с таким же счастьем. То почему же оно и нам не могло благоприятствовать? Я так же на него мог надеяться, как и дру-

гие, а в случае неудачи всегда можно было спуститься, скоро и безопасно достигь мыса Доброй Надежды по причине господствующих в больших южных широтах западных ветров. Потому я принял намерение покушиться итти около мыса Горна.

Мое намерение было пройти между Фалкландскими островами⁹⁷ и Патагонским берегом⁹⁸, а обойдя мыс Горн, итти прямо к островам Маркиза Мендозы⁹⁹, не заходя никуда. И потому сей переход был бы самый продолжительный из всех прочих, заключавшихся в плане нашего вояжа. Следовательно, запас провизии и пресной воды должен быть соразмерно велик. Сухих и соленых провизий, а также и крепких напитков мы имели большое количество; но живым скотом и птицами теснота шлюпа не позволяла нам завестись, и мы принуждены были сей недостаток вознаградить зеленью и фруктами — луком, тыквами, арбузами, ананасами и лимонами. Пресной воды у нас было 1707 ведер; количества сего могло быть нам достаточно на пять месяцев.

Многие из нижних чинов весьма хорошим поведением, знанием и усердием к должности и всегдашней

готовностью подвергать себя всякой опасности, когда нужда того требовала, заслуживали награждение. Желая сколько возможно приметным образом отличить достойных людей от дурных, я собрал в 1 час пополудни всех офицеров и служителей на шканцы и в присутствии их выдал достойным награждение.

Во всю сию ночь ветер дул крепко и развел немалое волнение; блеск от волн был чрезвычайный, так что пена от носу шлюпа, при скором ходе отбиваемая, разливала свет на передние паруса, подобно как от большого огня, и в две следующие ночи море так же блестело.

25-го и 26-го чисел мы проходили направление устья реки Платы¹⁰⁰, в расстоянии от оного 150 миль. Проходя помянутую реку, мы видели еще несколько летучих рыб и черепаху чрезвычайной величины, хотя широта была почти 15 градусами южнее тропика. Сего числа (27-го) начали показываться разные морские птицы большими стаями. 31 января начало показываться морское растение, отрываемое от камней, которое у нас некоторые называют морским поростом, а другие — морской капустой¹⁰¹; это было в широте 43°. В сие время холод начал быть очень для нас чувствителен и заставил прибегнуть к теплomu платью, а особливо по ночам.

Погода была ясная; поутру 2 февраля увидели мы под ветром пять судов и скоро заметили, что они находятся тут на китовом промысле*. В полдень, подойдя к одному из них, мы узнали, что все они из соединенных областей североамериканской республики.

Мы видели несколько их лодок в погоне за двумя китами, из коих одного им удалось ранить. Когда мы подошли к одному из их судов (не поднимая своего флага), на сем судне оставалось только два или три негра, а прочие все находились на ловле. Такая сцена была еще для всех нас новой, и мы с большим лю-

* Китоловные суда легко можно издали отличить от всех прочих, когда они на промысле, потому что тогда у них обыкновенно брамстенги бьются спущены совсем на низ, и они беспрестанно переменяют курс из одной стороны в другую, смотря по направлению, в котором увидят кита с салинга.

Петрели.

бопытством смотрели на проворство и неустрашимость этих людей, преследовавших китов. Надобно думать, что сия часть океана весьма изобилует китами: мы видели здесь кругом себя множество фонтанов, бросаемых сими животными, а притом пять судов не стали бы заниматься ловлей вместе там, где добыча редко попадает. Это было в широте 45°41', долготе 60°43'.

Февраля 9-го, в 5-м часу поутру, при умеренном ветре, в мрачную погоду, идучи к S под всеми парусами, увидели мы недалеко впереди высокую землю. Земли впереди у нас никакой быть не могло. Но призрак был столько обманчив, что чем более мы его рассматривали, тем явственнее и приметнее казался он землею; горы, холмы, разлоги между ними и отрубы так чисто изображали настоящий берег, что я начал сомневаться, не снесло ли нас к западу весьма сильным течением и что видимая нами земля есть Статенландия¹⁰² и часть Огненной Земли.

Мы легли в дрейф и бросили лот, но линем в 80 сажень дна не достали;

после сего, поставя все паруса, опять пошли прямо к берегу, который скоро начал изменяться в своем виде, а туман стал подниматься вверх. Я во всю мою службу на море не видывал прежде такого обманчивого призрака от туманов, показывающихся вдали берегов; таковые явления англичане называют туманными банками (Fog-Bank).

Сего числа прошли мы параллель мыса Горна в долготе $63^{\circ}20' W$; тут нас встретила весьма большая зыбь и продолжалась два дня, но крепкого ветра не было. До сего времени мы почти всякий день видели китов: пройдя параллель 45° , а особливо против Магелланова пролива, их было очень много. Но здесь они нас оставили, а показались пестрые касатки¹⁰³; в воде они казались шахматными; пестрины были белые и черные; иногда они по двое и по трое суток следовали за судном. Альбатросы и разного рода петрели не переставали нам сопутствовать.

Пройдя параллель мыса Горна, мы имели до 6 часов утра 12-го числа тихий, а иногда умеренный ветер, почти беспрестанно перемежавшийся.

В 7-м часу поутру 12-го числа ветер сделался от NO и продолжал умеренно дуть до 6 часов вечера, а потом перешел к SO и стал несравненно сильнее; погода была пасмурная, дождливая и холодная. Пользуясь благополучным ветром, мы несли все паруса и сего числа прошли меридиан мыса Горна в широте $58^{\circ}12'$.

В полдень 14-го числа ветер сделался от W и стал вдруг крепчать, а в 4 часа пополудни начался жестокий шторм, с сильными шквалами, с пасмурностью и дождем; волнение было чрезвычайно велико, буря продолжалась 12 часов, а в 4 часа утра 15-го числа стала гораздо тише; но к ночи ветер опять сделался весьма крепкий и в ночь дул ужасными шквалами, которые находили почти беспрестанно с дождем, и погода вообще была чрезвычайно пасмурна.

К полудню 16-го числа ветер утих и начал быть умеренный, но не переставал дуть нам противный из NW четверти до утра 18-го числа.

В 8 часов утра 18-го числа сделался умеренный ветер из NO четверти; тогда мы поставили все паруса и

стали править на WtN по компасу. В сие время мы находились в широте $59^{\circ}48'33''$; это была самая большая широта, какой мы достигали.

После полудня 22 февраля начался шторм, который дул частыми шквалами, приносившими с собою всегда дождь, снег или град, и горизонт был беспрестанно покрыт мрачностью и туманом. При начале сей бури мы были в широте $59^{\circ}11'$, в долготе $82^{\circ}20'$. Первые двое суток (22 и 23-го) крепкий ветер дул шквалами от SW, не переходил далее W и иногда, на самое короткое время, смягчался. Но это было не надолго. Часто случалось, что едва успели мы поставить парус, как в то же время и убирать его надобно было от жестоких порывов.

Поутру 24-го числа начался самый ужасный шторм; не было средств нести никаких парусов, кроме штормовых стакселей¹⁰⁴. Жестокое волнение, бывшее натуральным следствием продолжительности бури в таком великом пространстве вод, как Южный океан, совсем лишало шлюп хода вперед; нас несло боком по направлению волн и ветра.

Несмотря, однакож, на бурю и страшное волнение, мы раза два или три поворачивали, смотря до перемены ветра, только без всякой выгоды. Волнение от переменных ветров было с разных сторон и, так сказать, толчею, следовательно вредное для всякого рода судов. Поворотя при перемене ветра, мы должны были лежать почти против волнения, разведенного прежним ветром. В таком случае и с большими парусами невозможно было бы иметь порядочного хода, а под штормовыми стакселями судно совсем ничего вперед не подавалось, а только было подвержено чрезвычайной боковой и килевой качке. Кроме того, при всяком повороте мы по необходимости должны были очень много спускаться под ветер*.

* Чрезвычайное волнение подвергало судно при повороте большой опасности; и хотя у нас люки в таких случаях всегда были крепко закрыты, следовательно валом залить шлюп было невозможно, но он мог, войдя наверх, изломать и унести все, что только ни было на деке, и потому при всяком повороте я ставил фок¹⁰⁵, чтобы дать шлюпу сколько возможно более ходу и тем уберечь от ужасных валов.

Корабль, терпящий бедствие у мыса Горн.

Между тем шторм нимало не смягчался, а продолжал дуть с прежней жестокостью шквалами, со снегом, градом или дождем. Долгота наша нам показала, что мы западнее мыса Пилляра¹⁰⁶ только на $1^{\circ}57'$, что в здешней широте сделает немного более 60 миль; а потому я счел, что в таком море и в такое время года, когда по многим опытам известно, что бури продолжаются непрерывно по целому месяцу и более, неблагоприятно было продолжать на левый галс, который час от часу приближал нас к берегам Огненной Земли, и для того около полудня (27 февраля) мы повернули на правый галс, с тем, чтобы в случае продолжения бури быть безопасным от бедствия.

К 8 часам вечера ветер чувствительно утих, а в 7-м часу шторм опять поднялся с прежней жестокостью; пасмурность, град, снег и дождь по обыкновению сопровождали его; ход наш почти совсем уничтожился, и нас опять потащило боком.

Во всякий крепкий ветер положение наше было чрезвычайно неприятно, а в продолжительные бури оно было очень вредно и даже опасно

для здоровья служителей. В Бразилии я велел законопатить пушечные порты и залить смолой, оставя только по два на стороне для проветривания дека в ясные, тихие погоды. Несмотря, однакож, на сию предосторожность, многие из них чрезвычайным образом текли, и так как они были низки, то, находясь в качку беспрестанно под водой, впускали большое количество воды.

Мы принуждены были часто с дека, где жила команда, и из офицерских кают воду ведрами выносить. Замазывая текущие места портов салом с золой, мы могли уменьшить течь; но мокроты и сырости в палубе избежать было невозможно; люков открыть средств не было. Даже в один небольшой люк, коего только половина не закрывалась для прохода людей, часто попадала вода от всплесков волн, дождя и снега, которые также беспрестанно мочили платье вахтенных служителей, а ненастное время не давало ни одного случая просушить оное. Офицеры имели более платья, нежели нижние чины, но и они принуждены были иногда в мокром верхнем платье выходить на вахту.

Невзирая на такое наше положение, я имел намерение держаться у мыса Горна в ожидании благополучного ветра, пока есть возможность и количество пресной воды позволит. Но лекарь меня уведомил, что он заметил у некоторых служителей признаки морской цынги, и советовал в выдаваемую им водку класть хину. Совет его тотчас был принят.

Сие известие заставило меня обратить все мое внимание на наше состояние. Счастливи и скоро обойдя мыс Горн, путь к Камчатке более не представлял никаких затруднений и препятствий, и мог быть совершен в короткое время; но мы находились в сем море в осеннее равноденствие здешнего климата, а сие время есть самое бурное и опасное в больших широтах. Несчастные примеры многих прежних мореплавателей, которые, упорствуя обойти мыс Горн в то же время года, принуждены были оставить свое предприятие и спуститься с экипажем, зараженным цынготной болезнью, с потерей многих людей и с повреждениями и течью в судне, были верными доказательствами, что здесь крепкие ветры по месяцу и более сряду дуют с западной стороны.

Не говоря о несчастиях, постигших Ансонову¹⁰⁷ эскадру, которая состояла из линейных кораблей и других больших судов, кои, будучи наполнены людьми, отправившимися из самой Англии с разными болезнями, могли бы потерпеть подобные несчастья и в менее неблагоприятном климате, — следующие случаи показывают, сколь должен быть осторожен мореплаватель, покушающийся обойти сей мыс в зимние месяцы.

В 1767 году испанский галион¹⁰⁸ «Св. Михаил», шедший в Лиму¹⁰⁹, у мыса Горна 45 дней боролся с противными крепкими ветрами и, потеряв цынготной болезнью 39 человек из своего экипажа, пришел в реку Плату в таком состоянии, что только офицеры да три матроса были в состоянии отправлять корабельную работу.

Английский капитан Бляй, бывший в вояже с капитаном Куком и после ставший известным в Европе по удивительному своему спасению на небольшом гребном судне, на коем он

переплыл в 41 день около 4000 миль, в 1788 году был послан английским правительством в Тихий океан на судне «Bounty»¹¹⁰, нарочно для сего вояжа приготовленном в королевском доке. В продолжение 30 дней, кои он находился у мыса Горна, почти беспрестанно дули противные крепкие ветры, которые вместе с ужасным волнением причинили судну его такую течь, что они каждый час принуждены были помпами выливать воду; а напоследок сей случай и показавшаяся в команде болезнь заставили его спуститься к мысу Доброй Надежды и итти в Тихий океан около Новой Голландии.

Надежда была весьма слаба с успехом совершить мое предприятие. Ни малейших признаков к перемене ветра не было; ртуть в барометре стояла весьма низко, что по большей части во всех широтах выше тропиков означает продолжение западного ветра. Облака и тучи с дождем, снегом или градом неслись быстро по ветру, который, нимало не утихая, дул сильными шквалами.

С другой стороны, владычествующие в больших широтах западные ветры обещали нам скорый переход к мысу Доброй Надежды, где, исправив судно, дав время людям отдохнуть и запастись свежими провизиями и зеленью, я мог продолжать путь или Китайским морем, с попутным муссоном, или около Новой Голландии¹¹¹, если бы скоро могли мы оставить мыс Доброй Надежды, смотря по времени нашего от него отправления. На обеих сих дорогах есть дружеские порты*, и которым бы путем я ни пошел, в обоих случаях мог до-

* По крайней мере таковыми я их тогда считал, не зная, что между Россией и Англией началась формальная война¹¹², и как мог я ожидать такой внезапной перемены? Перед самым нашим отправлением из Англии достоверно было известно, что вице-адмирал Сенявин, с флотом возвращаясь из Средиземного моря, находится в Гибралтаре и скоро ожидают его в Англию. Фрегат «Спешный» тогда оставался в Англии, на нем было золота и серебра по цене около двух миллионов рублей, а министр его не отправлял. Были ли такие обстоятельства признаком близкого разрыва между двумя державами? Я даже считал нужным и паспорт, данный мне английским правительством, которого просить понудили меня слухи, рассеваемые в народных газетах.

Остров Тристан д'Акунья.

стигнуть Камчатки прежде осени, хотя и гораздо позднее, нежели когда бы нам благополучно удалось обойти мыс Горн.

Рассматривая со вниманием все вышеозначенные обстоятельства, я принял намерение не полагаться на подверженную сомнению удачу и, не теряя напрасно времени у мыса Горна, спуститься к мысу Доброй Надежды, стараясь достигнуть Камчатки, хотя дальнейшим, но зато вернейшим путем; а потому 29 февраля в 10 часов утра, будучи в широте $56^{\circ}40'$, долготе 78° , мы спустились от ветра и стали держать к О; ветер тогда был W, облака иногда неслись почти прямо к N, поднимаясь на горизонте, но после переменяли свое направление и шли по ветру.

10, 11, 12-го и до полудня 13-го числа ветер дул крепкий, по большей части шквалами, с западной стороны, и точно таким же образом, как у мыса Горна, переходя в NW и SW четверти, из одной в другую, причиняя тем чрезвычайное волнение. Во все сие время погода вообще была облачная и пасмурная и часто шел дождь. За две недели перед сим такой ветер был бы для нас чрез-

мерно несносен. Но здесь мы с удовольствием смотрели на его возобновление, как потому, что он был нам попутный, так и для того, что мы более уверились в наступлении периодических продолжительных бурь у мыса Горна, между которым и нами не было никакого берега, следовательно вероятно, что дующие на здешнем меридиане западные штормы приходят оттуда. С полудня 13-го числа ветер стал утихать, а с заходом солнца наступил штиль; ночью шел проливной дождь, блистала молния и слышен был гром; мы тогда находились в широте $50^{\circ}41'$.

На рассвете в 6-м часу 27-го числа открылся нам прямо впереди западный из островов Тристан-д'-Кунья¹¹³, названный на английских картах Непроступным (Inaccessible), в расстоянии по глазомеру 25 или 30 миль, а скоро после и остров Тристан показался. Он сверху более половины вышины покрыт был облаками.

В 11-м часу прошли мы линию створа островов Непроступного и Нейтенгеля в расстоянии от первого 12 или 15 миль. Если южный его берег столько же высок и так же утесист, как и северный, то имя

неприступного не без причины ему дано: с северной стороны нет никаких средств к нему пристать — угестые, перпендикулярные скалы означают большую глубину подле самого берега, который, встречая океанские воды, производит ужасный прибой.

До полудня остров Тристан был почти весь скрыт в облаках, а после атмосфера над ним прочистилась, и мы увидели до самой ночи вершину его, покрытую снегом. Он чрезвычайно высок. Видом он очень похож на купол или на обращенный вверх дном котел. Другие два острова, говоря о них сравнительно с Тристаном, очень низки.

Три острова, из коих самый большой в окружности не более 20 миль, помещенные природой среди океана, в превеликом расстоянии от обоих материков и в поясе, подверженном частым бурям и даже, можно сказать, судя по здешнему полушарию, в суровом климате, конечно несвойственны для обитания людей и не могут ничего производить, что бы привлекало купцов и промышленников; но для мореплавателей они не бесполезны. У Тристана и Найдгенгеля есть хорошие якорные места и безопасные пристани. Все те, которым случилось приставать к ним, уверяют, что пресную воду очень легко можно получить, также и дрова из больших кустарников, а сверх того и рыбы много ловится.

На пути нашем от мыса Горна до островов Тристан-да-Кунья всякий день, когда не было чрезвычайно жестокого ветра, мы были окружены альбатросами, разного рода петреями и некоторыми другими морскими птицами, в крепкие же ветры они скрывались, а лишь одни штормовые петрели летали около нас. Но накануне того дня, как мы увидели помянутые острова и когда проходили их, ни одной птицы не видали. Я о сем случае здесь упоминаю для того, что не надобно считать себя далеко от берегов, когда птицы не являются. Также и когда они покажутся в большом числе, это не есть признак близости земли. Я разумею здесь океанских птиц, как-то: альбатросы, пинтады¹¹⁴, петрели и др. Впрочем, есть водяные птицы, которые никогда далеко от берегов не

отделяются, например бакланы, пингины и другие; появление их всегда означает, что берег должен быть очень близко.

От островов Тристан-да-Кунья мы держали к востоку. Погода стояла облачная и иногда шел дождь, а потом наступили ясные дни и тихие ветры, которые дули с западной стороны. 1 апреля, около полудня, мы прошли гринвичский меридиан в широте 35°, с которого пошли 1 ноября прошлого года, ровно за пять месяцев перед сим. Погода стояла по большей части ясная, иногда была облачная, но сухая, без дождя.

5-го числа был день светлого Христова воскресенья, который мы праздновали так, как обстоятельства наши позволяли нам. Стол наш, как и у всей команды, состоял из казенной солонины и супу. Один лишь альбатрос, которого мы за несколько дней перед сим застрелили, составлял разность между офицерским столом и служительским обедом. Будучи изжарен, видом он очень много походил на самого большого гуся, а в цвете совсем не было никакой разности; но для вкуса даже голодного человека неприятен, а после делался противен: запах морских растений очень чувствителен, коль скоро кусок положишь в рот. Капитан Бляй в своем вояже упоминает, что они ловили альбатросов и пинтад на уду и после держали их несколько времени в курятнике, кормя мукой; мясо их теряло тот неприятный и отвратительный вкус и запах, который оно получает от употребления сими птицами натуральной своей пищи, собираемой ими на поверхности океана, так что пинтады равнялись с лучшими утками, а альбатросы с гусями; нам не удалось сделать подобного опыта.

Тихие ветры дули до 8-го числа, а тогда во все почти сутки был совершенный штиль. Вода была светла и гладка, как зеркало, зыбь лишь, как то обыкновенно в океане бывает, приводила ее в движение. Надобно сказать, однакож, что зыбь как сегодня, так и во все время с наступления таких ветров была очень невелика.

Сегодня убили мы двух альбатросов, которых согласились замочить в уксусе; лекарь наш думал, что сим

Вид мыса Доброй Надежды в 26 милях глазомерного расстояния.

Вход в Фалс-Бай, на мысе Доброй Надежды.

Вид Столовой горы на мысе Доброй Надежды.
Из первого издания сочинения В. М. Головнина „Путешествие шлюпа „Диана“ в Камчатку.“.

способом мясо их теряет тот противный вкус и запах, который все морские птицы более или менее имеют; однакож опыт сей не удался. Вчерашнего числа (7-го), будучи в 35° южной широты, мы видели стадо летучих рыб и в то же время несколько альбатросов. Известно, что природа для обитания первых определила жаркий пояс и они редко видны бывают так далеко вне тропиков. Напротив, альбатросам сырой и холодный климат свойственен, где они показываются в большом числе; итак, можно сказать, что сия широта была границей, разделяющей сии два рода воздушных и морских животных.

16-го числа мы видели морское животное (из рода малых китов), англичанами называемое грампус¹¹⁵, а 17-го числа мы прошли береговой тростник, носимый по морю.

На рассвете 18-го числа, в 6 часов, вдруг открылся нам, прямо впереди у нас, берег мыса Добрая Надежды, простирающийся от Столового залива¹¹⁶ до самой оконечности мыса. Едва ли можно вообразить великолепнее картину, как вид сего берега, в каком он нам представился. Небо над ним было совершенно чисто, и ни на высокой Столовой горе, ни на других ее окружающих ни одного облака не было видно. Лучи восходящего из-за гор солнца, разливая красноватый цвет в воздухе, изображали, или, лучше сказать, отливали, отменно все покаты, крутизны и небольшие возвышенности и неровности, находящиеся на вершинах гор. Столовая гора, названная так по фигуре своей, коей плоская и горизонтальная вершина изображает вид стола, редко, я думаю, открывается в таком величественном виде приходящим к мысу Добрая Надежды мореплавателям.

Когда мы увидели берег, ветер был свежий StW. Столовый залив тогда находился от нас на О по компасу, в расстоянии 32 миль, следовательно, мы могли бы скоро в него войти. Но после апреля ни одно судно без большой и необходимой надобности в нем не стоит, потому что с мая по октябрь здесь часто дуют жестокие ветры от NW, которым залив совсем открыт, и ужасное океанское поднимаемое ими волнение прямо идет в него, не встречая никакого препят-

ствия, и потому редко проходит, чтобы суда, остающиеся в заливе по какому-нибудь случаю на зиму, не претерпели кораблекрушения. Сии причины заставили меня не входить в него, а итти прямо в Симанскую губу¹¹⁷, в которую, однакож, ветры препятствовали нам войти ровно трое суток, ибо самую оконечность мыса Добрая Надежды мы не прежде увидели, как на рассвете 21-го числа, и стали держать под всеми парусами в Фалс-Бай¹¹⁸ при ветре от SW; тогда туда же шел с нами небольшой катер.

При входе в залив ветер сделался очень тихий и иногда, утихая совсем, принуждал нас итти буксиром.

Я послал лейтенанта Рикорда к начальнику английской эскадры снести, будет ли он отвечать равным числом выстрелов на наш салют. Почти в то же время подъехал к шлюпу капитан Корбет, командир фрегата «Нереида». Я его знал, будучи на фрегате «Сигорс» под его командой в службу мою в английском флоте. Узнавши, что мы принадлежим к императорскому российскому флоту (тихая погода не позволила им рассмотреть наш флаг прежде), он тотчас поехал на командорский корабль, не входя на шлюп и не спрашивая, откуда и куда мы идем; такой его поступок я причел к тому, что он не хотел нарушить карантинных постановлений английских портов.

Через минуту после него приехал к нам с командорского корабля лейтенант и, узнав, откуда и куда мы идем, нас оставил. Между тем мы подошли к якорному месту, будучи между батареями рейда и не далее ружейного выстрела от командорского корабля. Тогда фрегат, выпустив канаты, поставил паруса и подошел к нам, и в то же время со всех военных судов, бывших на рейде, приехали на шлюп вооруженные гребные суда. Лейтенант с командорского корабля мне объявил, что по случаю войны между Россией и Англией фрегат снялся с якоря, и он прислан овладеть шлюпом, как законным призом.

Узнавши от меня о предмете нашего вояжа и о паспорте, данном нам от английского правительства,

он тотчас велел своим людям войти опять на свои суда и отправил с сим известием офицера на фрегат к капитану Корбету (капитан Роулей, начальник здешней эскадры и имевший на своем корабле командорский вымпел, находился к Капштате, главном городе сей колонии¹¹⁹, в расстоянии отсюда около 35 верст), который тотчас приказал всем английским шлюпкам нас оставить, и освободил лейтенанта Рикорда, приказав ему уведомить меня, что он в ту же минуту отправит курьера к командору с донесением о нашем деле и будет ожидать его решения. Притом дал ему знать, что хотя караула на шлюп он не посылает, но будет с фрегатом во всю ночь готов вступить под паруса на случай, если мы покусимся уйти, и сверх того велел мастеру-аттенданту* поставить шлюп фертонинг¹²⁰ между их военными судами и берегом, что он и исполнил.

Итак, будучи 93 дня под парусами, мы пришли наконец в порт благополучно, но не могу сказать счастливо. Если бы, подходя к мысу Доброй Надежды встретили мы какое-нибудь нейтральное судно и могли бы от него известиться о войне у нас с англичанами, то я ни под ка-

ким видом не решился бы зайти в здешние порты, потому что состояние наше позволяло нам без большого риска и без всякой опасности пуститься к заливу Адвентюра, лежащему на юго-восточном берегу Вандименовой Земли, где удобно можно получить пресную воду, дрова, несколько дикой зелени и изобильное количество рыбы; в заливе Антрекасто те же пособия могли бы мы найти.

В продолжение трехмесячного нашего плаванья команда только пять дней имела в пищу свежее мясо, однакож более двух человек больных у нас никогда не было, да и те нетрудно и не опасно. Показавшиеся знаки цынготной болезни от необыкновенно морских и сырых погод у мыса Горна по наступлении ясных теплых дней и от употребления хины и спрюсового пива скоро прошли.

Шлюп не имел никаких повреждений. При всех вышесказанных обстоятельствах нашего положения нам ничего не было более нужно для избежания препон нашему вояжу от войны с англичанами, как только знать об объявлении оной; но судьбе угодно было, чтобы сего не случилось до самого прибытия нашего в неприятельский порт, где нас и оставили.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пребывание на мысе Доброй Надежды

Во всю ночь с 21 на 22 апреля на фрегате «Нереида» были огни на палубе у канатов, и временно кругом нас объезжали шлюпки весьма близко, а особливо к канатам. Это нам показало, что капитан Корбет сомневался, чтобы мы не ушли. Сначала такая осторожность мне показалась лишней и не у места; но после, узнавши мнение его о нашем деле, — он действительно боялся, чтобы нас не упустить.

* Master-attendant — служащий при порте офицер; между некоторыми другими его должностями он обязан ставить военные суда на рейде; полагается, что по совершенному его знанию грунта, течения, господствующих ветров и других особенностей гавани или рейда он может лучше других для каждого судна, смотря по его рангу или величине, избрать пристойное место и поставить фертонинг, чтобы одно судно не мешало другому.

На рассвете капитан Корбет прислал на шлюп лейтенанта с письмом ко мне, в котором уведомляет, что, рассматривая наше дело, он считает своим долгом задержать нас и потому присылает офицера по законам своей службы с тем, чтобы быть ему на шлюпе до получения решения от командора, к которому тотчас по прибытии нашем послан курьер с донесением.

Сего же числа (22 апреля) я обедал у капитана Корбета, и он мне откровенно сказал, что, не будучи здесь сам главным начальником, он не знает, как с нами поступить; но, по мнению его, командор не имеет права позволить нам продолжать вояж до получения дальнейшего повеления из Англии. Впрочем, хотя он и не подозревает, чтобы открытия не

были настоящим предметом нашего вояжа, однакож не может до решения командора, по объявленным выше причинам, считать наш шлюп иначе, как военным судном неприятельской державы, задержанным под сомнением по необыкновенному случаю, и потому не может позволить поднимать неприятельский флаг в порте, принадлежащем его государю, а для отличия, что шлюп не сделан призом и принадлежит его императорскому величеству, у нас выпел остается.

Между тем капитан Корбет мне сказал, что здесь есть человек, уроженец города Риги, знающий хорошо русский язык. Если я покажу командору мою инструкцию и он найдет, что, кроме открытий, в ней нет никаких других предписаний, которые могли бы клониться ко вреду Англии, то вероятно, что командор сам собой решится позволить продолжать нам вояж.

На сие я ему сказал, что всякому морскому офицеру известно, с каким секретом у всех народов даются предписания начальникам судов, посылаемых для открытий; что даже собственным своим офицерам открывать их не позволено. Следовательно, объявить их я ни малейшего права не имею и не смею, какие бы последствия, впрочем, от сего ни произошли; а притом теперь это уже дело невозможное, потому что, получая от него (капитана Корбета) письменное уведомление, чтобы я считал шлюп задержанным, я в ту же минуту, исполняя мой долг, сжег инструкцию. Но если командору будет угодно, я имею некоторые другие бумаги, которые не менее инструкции могут доказать, что предмет нашей экспедиции есть вояж открытий, и который я могу ему и всякому другому объявить, не нарушая моего долга и правил военной службы, кои мы так же строго наблюдаем, как и англичане.

На ответ мой он ничего не сказал, а говоря о посторонних вещах, я приметил из некоторых сделанных им замечаний, что он считает наш вояж торговым предприятием, назначенным для меня мехов с жителями западных берегов Северной Америки.

Возвратясь на шлюп, я нашел, что, кроме лейтенанта, прислана к

нам шлюпка, которая со всеми гребцами стояла у нас за кормою; причины сему угадать я не мог.

Командор Роулей приехал на свой корабль 23 апреля и тотчас прислал ко мне капитана Корбета сказать, что он желает видеть мои бумаги, по которым мог бы увериться, что в предмете нашего вояжа главной целью суть открытия. На сей конец я вручил капитану Корбету инструкцию Государственного Адмиралтейского департамента, коей содержание показывает, что она дана судну, в предмете коего ни военные действия, ни коммерческие спекуляции не заключаются, и еще некоторые другие бумаги, показывающие, что шлюп приготовлен и снабжен не так, как судно для обыкновенного плавания или для торговых видов, где большая экономия во всем наблюдается.

В тот же день (23-го) я ездил к командору на корабль. Он объявил, что переводчик их (уроженец города Риги, ныне служащий в корпусе английских морских солдат сержантом) не мог перевести ему ни одного слова из присланных от меня бумаг, и потому он не может сделать никакого решения по сему делу, доколе не сыщет человека в Капштате, который бы в состоянии был перевести их, и не получит совета от губернатора колонии.

Командор Роулей, возвратясь из Капштата, имел свидание со мной 2 мая, при коем объявил мне официально, что, не найдя ни одного человека во всей колонии, способного перевести данные ему мной бумаги, он не в состоянии сделать по ним никакого заключения о нашем вояже. Но, рассматривая дело, как оно есть, он не поставляет себя вправе позволить нам продолжать путь до получения дальнейшего о сем повеления от своего правительства; и более потому, что он командует эскадрой на здешней станции не по назначению адмиралтейства, но только временно, в отсутствие адмирала, по случайному его отбытию, на место коего другой уже назначен и скоро должен прибыть из Англии.

Он и решился ожидать прибытия адмирала; а до этого шлюп должен оставаться здесь, не как военнопленный, но как задержанный под со-

мнением по особенным обстоятельствам. Состоять он будет и управляться в рассуждении внутреннего порядка и дисциплины по законам и заведениям императорской морской службы. Офицеры удержат при себе свои шпаги, и вся команда вообще будет пользоваться свободой, принадлежащей в английских портах подданным нейтральных держав. Я сообщил по команде письменным приказом о всех обстоятельствах нашего положения и сделал нужные распоряжения для содержания шлюпа и служителей в надлежащем порядке. Место для шлюпа я избрал самое безопасное и спокойное, какое только положение Симанского залива позволяло. Дружеское и ласковое обхождение с нами англичан и учтивость голландцев делали наше положение очень сносным. Нужно только было вооружиться терпением провести несколько месяцев на одном месте, в скучной и бесполезной для мореходцев бездейственности.

Транспорт «Абонданс» 12 мая отправился в Англию с донесением от командора Роулея о задержании нашего шлюпа. В своих депешах командор отправил и мое донесение к морскому министру, которое послал я за открытой печатью, при письме к королевскому статс-секретарю Канингу¹²¹, и просил его отправить оное в Россию.

Мая 14-го мы свезли на берег хронометры и инструменты для делания астрономических наблюдений, в нарочно для сего нанятый покой. Комната сия должна была также служить нам квартирой, когда кто из нас, по крепости ветра, не мог с берега возвратиться на шлюп, что в здешнем открытом месте очень часто случается. Горница, по положению своему, совершенно соответствовала намерению, для которого выбрана: во втором этаже и окнами обращена прямо к югу, то есть к полуденной стороне, в которой большая часть находящихся светил могли быть видны. Дом, хотя и каменный, о двух этажах, но построен был так слабо, что весь несколько трясся от стука дверьми и, стоя почти у самого берега на мягком грунте, дрожал от проезжающих почти беспрестанно фур, так что инструмента для наблюдения

прохождения светил через меридиан не было возможности установить.

Коль скоро англичане узнали, что мы имеем особенное место на берегу для астрономических наблюдений, то многие из капитанов военных ост-индских кораблей просили меня принять их хронометры для поверения и после очень были благодарны и довольны нашими трудами.

Назначенный главнокомандующим эскадры на станции мыса Доброй Надежды вице-адмирал Барти (Bartie) прибыл в Симанскую губу 21 июля. На другой день его прибытия я был у него с почтением. Принял он меня чрезвычайно учтиво, сожалел о нашем неприятном положении, в какое завели нас обстоятельства войны, обещал немедленно рассмотреть наше дело, положить свое решение: продолжать ли нам путь или ждать повеления из Англии. Однакож, несмотря на его обещание, я за нужное почел представить ему письменно несправедливость их поступка и требовать, чтобы он, как главнокомандующий, назначенный верховным правительством, рассмотрел наше дело и уведомил меня письменно о своем решении.

Между тем вице-адмирал Барти отправился в Капштат, главный город колонии и обыкновенное место пребывания губернатора, главнокомандующего войсками и начальника над морскими силами. Пять дней не получая никакого ответа от Барти, я решился сам ехать к нему и 28 июля отправился в Капштат. Прием он мне сделал учтивый, но объявил, что в рассуждении моего дела он еще ни на что решиться не мог и что ему нужно посоветоваться об оном с губернатором, обещая притом дня через два письменно меня известить об окончательном решении, что он действительно и исполнил 1 августа коротеньким письмом. Ответ его был, что дело предместником его, а потом и им представлено со всеми обстоятельствами правительству, без воли коего он не имеет права нас освободить.

Итак, мы должны были дожидаться решения из Англии. Другого делать нам ничего не оставалось, как только опять вооружиться терпением.

Будучи в Капштате, я посетил губернатора. Губернатор принял меня и бывшего со мною мичмана Мура очень вежливо, разговаривал с нами более получаса и, наконец, сам лично пригласил нас на бал в день рождения принца Валлийского¹²².

Дня за два до отъезда моего в Капштат забавный случай повстречался с нами. Некоторые из наших офицеров, будучи на берегу, нашли нечаянным образом странного человека — поселившегося здесь русского. Они позвали его на шлюп, и он, к нам приехав, сказал, что его зовут Ганц-Русс.

Сначала ему не хотелось признаться, что он русский, и он выдал себя за француза, жившего долго в России; а для поддержания этого самозванства вот какую историю он про себя рассказал. Отец его француз был учителем в России, которое звание он на себя принял после кораблекрушения, претерпенного им у Выборга на корабле, где он находился пассажиром, желая путешествовать по Европе. Несчастье это случилось в 1764 году. Ганцу-Руссу тогда было 4 года отроду, и он находился со своим отцом, который после сего приключения отправлял учительскую должность в Нижнем-Новгороде, где он содержал пансион и обучал детей у губернатора. Он же, Ганц-Русс, жил десять лет в России, был в Астрахани, откуда приехал в Азов, а из сего места отправился в Константинополь. Потом из Турции пустился морем во Францию, но какими-то судьбами зашел в Голландию, где его обманули, и он попался на голландский ост-индский корабль, на котором служил семь лет, ходил в Индию и был в Японии. При взятии англичанами мыса Доброй Надежды оставил он море и для пропитания пошел в работники к кузнецу, где выучился ковать железо и делать фуры, нажил денег и поселился в Готтентотской Голландии, потом женился. Имеет троих детей и промышляет продажей кур, картофеля, огородной зелени и изюма.

Справедлива ли последняя часть сей истории, нельзя было нам знать. Что же касается до происхождения его, то не оставалось ни малейшего

сомнения, чтобы он не был настоящий русский крестьянин, потом, может быть, казенный матрос, бежал или каким-нибудь другим образом попался на голландский корабль, где и дали ему имя Ганц-Русс, то есть настоящий русский. Французских пяти слов он не знает, а русские слова выговаривает твердо и произносит крестьянским наречием. Все выражения его самые грубые, простонародные, которые ясно показывали его происхождение.

В первое его с нами свидание он не хотел открыться, кто он таков, и уехал от нас французом. Но напоследок некоторым из наших офицеров со слезами признался, что он не Ганц-Русс, а Иван Степанов, сын Сезиомов; отец его был винным компанейщиком в Нижнем-Новгороде, от которого он бежал; по словам его, ему 48 лет отроду, но на вид кажется 35 или 38. Просил он у меня ружья и пороха; но как в здешней колонии никто не смеет без позволения губернатора иметь у себя какое-нибудь оружие и ввоз одного строго запрещен, то я принужден был в просьбе его отказать.

Мы сделали ему некоторые другие подарки, в числе которых я дал ему серебряный рубль с изображением императрицы Екатерины II и календарь, написав в оном имена всех наших офицеров, и сказал ему, чтобы он их берег в знак памяти и не забывал бы, что он россиянин и подданный нашего государя.

Он чрезвычайно удивлялся, что русские пришли на мыс Доброй Надежды.

Здесь, на Симанском рейде, стоял транспорт, шедший в Новую Голландию с преступниками¹²³; на том же самом судне возвращался из Англии в свое отечество сын одного владетеля новозеландского. Владетель сей есть король северной части Новой Зеландии¹²⁴. Королевство его жителями называется Пуна (на карте, кажется, Рососке), а англичанами Bay of Islands¹²⁵. Имя его Топахи. Он весьма ласков и доброхотен к европейцам, а потому англичане стараются сделать ему всякое добро: научили его разным мастерствам, снабдили инструментами, построили ему дом и сделали разные

Edward Jukes Esqr

№ 4^й

Шлюпъ Диана въ Симанской Губы у мыса
Доброй Надежды Генваря 8 дня 1809 Году.

Ваше Высочество

Многостовный Государь

Въ донесеніи моемъ Вашему Высочеству отъ
вѣнковаго отъ мыса Доброй Надежды Маія $\frac{12}{24}$ дня прошлаго года
и по сей думается посланъ $\frac{29}{3}$ Маія Я никакъ не стъ вамъ довести
о привѣтіи вѣнковаго шлюпа Диана въ Мысу Доброй Надежды
не ждалъ о войнѣ между Россіей и Англійей въ сентябрѣ исторіи
Шлюпъ и Задержанъ Эдромъ Англианомъ Ескадромъ донесеніи моемъ
дѣл доставленъ въ С. Петербургъ и препроводить при шлюпѣ въ
Императорскому Секретариату иностранныхъ дѣлъ Капитану За открытій
покажется. Объявилъ наше поворженіе Я приказъ его отправить маѣ
въ Россію отъ послѣднихъ привѣдшаго съ собою похвалъ убѣдивъ Я что
Судно на которомъ послано о Задержаніи Шлюпа донесеніе въ Адми-
ралтейство пришло въ Англій 13 Августа н. с. а похвалъ оставилъ
Англій 29 Сентября н. с. къ Англианомъ правленіе въ командую-
щему Эдромъ Адмиралу ни на что предписанія въ разсудженіи
накъ не сдѣлаю дѣла и отвѣта ни на что не дамъ на его пред-
ставленіе по сему дѣлу равнымъ образомъ и въ Капитанъ на мое
письмо не отвѣчалъ а потому шлюпъ остается попрежнему Задержанъ

Его Высочеству
Павлу Васильевичу Чичагову
Адмиралу, Императору, Объявилъ
Морской силъ и проч.

Черновик письма В. М. Головина на имя министра Военно-морских сил П. В. Чичагова от 8 января 1809 г. со шлюпа „Диана“ из Симанской губы у мыса Доброй Надежды, содержащее сообщение о том, что шлюп попрежнему задерживается английской эскадрой.

Центральный государственный архив Военно-Морского флота.

подарки. Сын его, о котором здесь идет речь, по имени Метарай, по желанію отца своего, жил для учения несколько времени между англичанами в Новой Голландии, откуда на китоловном судне привезли его в Англию, и он жил в Лондоне двенадцать месяцев, а ныне возвращался домой.

Нам хотелось познакомиться с его зеландским высочеством, и для того мы позвали его к себе обедать вместе с лекарем, бывшим пассажиром на том же транспорте. Они у нас были, и мы их угостили так хорошо, как могли; лишь не салотовали принцу.

Лекарь Макмелин — человек скромный, учтивый и умный. Принц 18 лет отроду, малого роста, статен;

оклад лица европейский, цвет темно-лиловый, без всяких узоров, делаемых для украшения по обряду диких народов. Волосы черные, прямые и весьма короткие; в ушах дыры, как у наших женщин для серег. Он жив и весел; разумеет по-английски почти все, в обыкновенном разговоре встречающееся, но говорит очень неправильно, а произносит и того хуже. Кланяется и делает другие учтивости по-европейски, одет так же. Вино пить знает по-английски, и по количеству, которое он выпил без приметного над ним действия, кажется, что он не новичок в сем роде европейского препровождения времени. Ест все, что ни подадут, и много, а особливо любит сладкое.

За столом он много с нами разговаривал. Отвечая на наши вопросы, он нам сказал, что у отца его пятнадцать жен, детей много, и числа он их не знает; а с ним от одной матери три сына и две дочери. Лекарь сказывал, что мать его была сама владетельная особа. Земли ее Топахи завоевал и на ней женился. Метарай сам имеет двух жен, к которым очень привязан. Отец его, при отправлении, дал ему подробное наставление, чем заниматься между европейцами и что стараться перенять у них. Он нам показался с немалыми природными дарованиями; многие из его замечаний не показывали, что он был дикий из Новой Зеландии без всякого образования.

В Англии представляли его королю и королевской фамилии. Он рассказывает, что король говорит очень скоро и что он понимать его не мог; также заметил он, что между принцессами, дочерьми королевскими, была одна косяя.

В Лондоне возили его в театры, в воксал и пр.

Обо всех таких увеселительных местах он нам мало рассказывал, и казалось, что они немного его занимали.

Я показал ему карту морскую, на которой назначены: мыс Доброй Надежды, Новая Голландия и Новая Зеландия. Он тотчас пальцем провел тракт, коим они должны идти, показав на порт Джаксон, на остров Норфолк¹²⁶, к которому им надобно было прежде зайти, и на Залив островов (Bay of Islands); а когда я ему означил наш путь к Камчатке, то он заметил, что Россия (принимая, без сомнения, Камчатку за всю Россию) далее от Англии, нежели Новая Зеландия. Но услышав от нас, что из Англии в Россию можно на корабле притти в неделю, он меня спросил, для чего же мы неидем туда через Англию, это было бы ближе.

Мы также ему показали изображение в полный рост мужчины и женщины Новой Зеландии. Он сказал, что они не похожи, в чем он и справедлив был, потому что эти портреты сняты были с жителей другого края сей земли, с которыми они никогда не видятся.

Король английский пожаловал

сего принца кавалером ордена, учрежденного, или, лучше сказать, выдуманного нарочно для диких владельцев; назван он «орденом дружества». Знаки его состоят в голубой ленте и в серебряной звезде, на которой изображены две золотые руки, схватившиеся одна за другую. А отцу его посланы от короля богатая шапка и мантия вместо короны и порфиры. Сверх того, отправлено множество разных полезных подарков, состоящих в мастерских инструментах, одежде и пр. Все они уложены в ящиках, на * которых подписано: королю Топахи от короля Георга. Сына его также весьма щедро одарили в Англии*.

3 декабря прибыл в Столовый зал с конвоем шлюп «Рес-горс» (Race hogs), вышедший из Англии 17 сентября. Вице-адмирал Барти письменно меня уведомил, что на нем касательно нас он никакого повеления не получил, хотя, впрочем, и известно, что транспорт «Абонданс» прибыл в Англию 1/13 августа; а при свидании со мною он мне объявил, что не только повеления об нас, но даже и ответа о получении от командора Роулея рапорта о задержании шлюпа адмиралтейство не сделало, сказав при том, что будто причины такому их молчанию он не знает.

Прежде прихода к мысу Доброй Надежды судна из Англии, с которым мы ожидали решения о нашем деле, мы совсем изготавились к продолжению нашего путешествия. Во все время приготовления англичане никакого препятствия нам не делали. Решась привести себя в совершенную готовность тотчас выйти в море, коль скоро последует на сие дозволение, я открытым образом подрядил одного купца в Симансштате загото-

* Недавно я узнал, что сей дикий исправно отплатил за дружбу к нему английского правительства. Он коварным образом завладел двумя китоловными судами, сей нации принадлежавшими, и умертвил всех англичан, на них бывших, оставив только в живых двух или трех женщин, которые спаслись отважным бегством, переплыв на английское судно, через несколько времени после в то же место пришедшее. Судну сему готовилась такая же участь; но женщины спасли оное. Сказывают, что английский правительство отправило экспедицию для наказания вероломства сего неблагодарного злодея.

вить и доставить провиант через таможеню.

Когда я уже почти весь оный получил на шлюп (23 декабря), адмирал Барти прислал ко мне офицера, объявить, что, получив известие о намерении моем уйти со шлюпом, он требует письменного от меня обязательства оставаться в заливе до повеления из Англии. Притом офицер сей сказал, что в случае несогласия моего на требуемое обязательство адмирал дал приказание офицеров и команду свести на берег, как пленных, и держать шлюп под английским караулом. Два положения, на одном из коих мы должны были оставаться в неприятельском порте, были столь различны между собой, что я без всякого затруднения решился на выбор лучшего из них.

Дав обязательство не уходить с мыса Доброй Надежды без согласия английского правительства, мне ничего не оставалось более делать, как исполнить и сохранить оное свято до окончания войны. Для сего я перевел шлюп в самое безопасное место залива и принял все нужные меры содержать его сколько возможно без повреждений и в годности кончить вояж до Камчатки. Но содержание офицеров и продовольствие команды представляли мне великие препятствия. Я имел кредитивное письмо от Грейга в Кантон на 5000 пиастров, но на мысе Доброй Надежды его никто не хотел принять. Денег за предлагаемые мною векселя на Государственную Адмиралтейств-коллегию также никто не желал дать, говоря, что между английскими владениями и европейскими государствами на матерой земле всякое деловое и даже письменное сообщение прекращено; следовательно, неизвестно, будут ли впущены мои векселя в Россию.

В таком критическом положении нашего дела Гом, английский купец, дал мне совет требовать нужных пособий от вице-адмирала Барти, что, по его мнению, я был в полном праве сделать, будучи со шлюпом задержан вследствие молчания английского правительства.

Я принял его совет и 14 января писал к вице-адмиралу Барти о сем деле, но ответа на мое представление он, однакож, никакого не делал

около трех недель; а на записку мою, писанную 2 февраля к его секретарю, вице-адмирал Барти прислал ко мне письмо, подписанное 3/15 февраля, в котором обещается снабжать команду провиантом, а деньги советует получать от агентов в Капштате, уверяя, что они не откажут снабжать меня оными за счет и на веру (как он изъясняется) российского императорского правительства. Но на первое письмо я никогда никакого ответа не получал, и повеления о снабжении нас провиантом не было дано.

По приезде вице-адмирала Барти в Симансштат я хотел лично с ним объясниться. Но он вместо того, чтоб дать мне прием наедине, принял меня при двадцати или тридцати чело-веках посторонних и, поговорив со мною несколько об обыкновенных, ничего не значащих вещах, тотчас вышел вон и уехал осматривать новый сигнальный пост. Мне известны обряды и порядок жизни англичан; я знал, что тогда было не время без самой крайней нужды по их обыкновению заниматься такими делами; а притом и удивление, показанное по сему случаю всеми там бывшими, уверило меня, что он старался не допустить меня сделать ему лично представление о нашем положении, а особливо в присутствии такого числа посторонних людей.

Поступки его в рассуждении нас не только что голландцев здешних колоний приводили в удивление и негодование, но даже и самих англичан. Многие из них советовали мне писать к министрам в Англию. Но я не мог надеяться получить от них ответа на мое представление, когда они не дали никакого решения по случаю задержания шлюпа. А господин Канинг не сделал мне чести своим ответом на первое мое письмо, и некоторые даже морские капитаны говорили, что, будучи в подобном моему положении, они ушли бы, в полном уверении, что данное обязательство недействительно, когда неприятель отказывает в прокормлении. Однакож я решился ненарушимо держаться данного слова, доколе есть еще возможность; а чтобы выдату команду свежей пищи на счет оставшейся у меня суммы продолжать сколько возможно более вре-

мени, я прекратил выдавать порционные офицерам, довольствуясь с ними той же провизией, как и нижние чины.

Желая быть строго точен в сохранении данного мною обязательства, я имел намерение для содержания команды продать несколько из менее нужных погруженных на шлюп снарядов. Торговые законы колонии требовали, чтобы продажа была произведена с дозволения губернатора и с публичного торга. Спрашивая о сем деле совета, я узнал, что губернатор не может мне позволить ничего продать со шлюпа, потому что агенты по призовым делам военных судов, бывших на рейде во время нашего прибытия, считают шлюп со всем его грузом собственностью своих препоручителей как прииз, и до окончательного решения английского правительства они вправе запретить всякую с него продажу. Сей случай сделал наше положение еще более критическим.

В то же почти время случилось, что английская эскадра, блокировавшая острова де-Франс и Реюньон¹²⁷, потерпела от бури великие повреждения и исправлялась в Симанском заливе. Тогда адмиралтейство имело большую нужду в рабочих людях. Вице-адмирал Барти, можно сказать, официальным образом, прислал на шлюп помощника корабельного мастера сказать мне, что если я буду посылать знающих мастерство моих людей в док работать, то он велит им выдавать порцию и плату за работу. Но так как корабль, исправленный на мысе Доброй Надежды, мог также и в Балтийском море по случаю служить, то требование губернатора я имел причину считать для себя обидным и всем нам притеснительным: он не хотел нас снабжать съестными припасами, стоящими для нации самой безделицы, за счет нашего государя, а требовал от нас пособия в военных приготовлениях против наших союзников.

Мне известно, что были случаи, в которых поступки неприятеля со своими военнопленными, давшими обязательства ему, принуждали их нарушать оное, в чем они после были оправданы беспристрастным суждением целой Европы. Внутренно я был совершенно уверен, что наше

положение принадлежало к такому роду случаев, и такое же о нем мнение имели многие англичане и голландцы.

Точно подобного примера сему делу невозможно сыскать. Но в разные времена были многие случаи, служащие, как я думаю, к полному моему оправданию.

Я решился, не теряя первого удобного случая, извлечь порученную мне команду из угрожавшей нам крайности. Но чтобы действительно положение, в каком мы находились, и причины, заставившие меня взять такие меры, могли быть точно известны Англии и британскому правительству, а не в таком виде, в каком вице-адмиралу Барти угодно будет их представить, я употребил следующий способ. К нему я написал письмо, объясняя наше состояние и поступки его с нами, с показанием причин, им самим поданных мне, оставить мыс Доброй Надежды, не дожидаясь решения английского правительства. Копии с сего письма я вложил в благодарительные от меня письма к разным особам, как голландцам, так и англичанам, которые своим к нам доброхотством, ласковым приемом и услугами, от них зависевшими, имели право на мою признательность. Я уверен, что через них дело сие в настоящем виде будет известно в Англии, если вице-адмирал Барти и утаит мое письмо к нему.

План мой был уйти из залива и плыть прямо в Камчатку. Не имея же на пути ни одного дружеского порта, принадлежащего европейцам, мы должны были ожидать пособия только от диких жителей островов Великого океана. Такое предприятие привести в действие с успехом было не легко и сопряжено с большим риском.

По назначению самого вице-адмирала Барти, шлюп был поставлен на двух якорях в самом дальнем от выхода углу залива, на расстоянии одного или полутора кабельтова¹²⁸ от корабля «Резонабль» (Raisonable), на котором он имел свой флаг, и так, что при NW ветре, с которым мы только и могли уйти, он был у нас прямо за кормою. Между шлюпом и выходом стояло много казенных

транспортов и купеческих судов в расстоянии одно от другого кабельтов и полукабельтова. Все их нам надобно было проходить. По требованию же вице-адмирала Барти, все паруса у нас были отвязаны и брамстенги спущены.

При таком положении шлюпа сняться с якоря было невозможно. Равным образом и одного якоря поднять не было способа, не обнаружив своего намерения неприятелю, как бы ночь темна ни была. Надлежало отрубить оба каната, чтобы вступить под паруса. Оставить два якоря из четырех для нас было слишком много; обстоятельства вояжа могли нас не допустить в Камчатку до наступления зимы, тогда мы нашлись бы принужденными провести более шести месяцев в островах Великого океана, в коих нет ни одной хорошей гавани и все рейды открыты по корабельное дно, где стоять так долго с двумя только якорями невозможно было, не подвергаясь часто опасности.

К сему присовокупить должно недостаток в сухарях, которых я не мог более выдавать как по фунту в день на человека; свежей провизии мы не имели ни куска, также и никакой зелени не было. Чтобы не подать никакой причины неприятелю открыть мое намерение, я не позволил даже для офицерского стола ничего свежего запасать. Сия предосторожность для меня также была нужна и впоследствии: будучи в море и имея недостаток в пище, я хотел, чтобы все на шлюпе, от командира до последнего человека, получали одинаковую порцию и ели из одного котла.

В таких дурных обстоятельствах я решился пуститься в продолжительное плавание по морям, отдаленным от европейских селений.

Кроме вышеизъясненных препятствий, были еще другие, не столь важные, как первые, однакож такого рода, что намерение наше могло открыться неприятелю прежде исполнения оногo. Коротко знакомые и подружески обходившиеся со мною капитаны английских кораблей просили меня поверить их хронометры вместе с нашими в обсерватории, которую мы имели на берегу. С адмираль-

ского корабля у нас было три хронометра; возвратить мы их никак не могли без причины; взять свои заблаговременно на шлюп, а их оставить было бы подозрительно; а прислать за ними ночью перед самым отправлением уже и совсем не годилось.

Другое затруднение находил я в расплате с подрядчиками, ставившими свежее мясо и хлеб для команды. Приняв намерение уйти, я желал сберець сухари и производил служителям хлеб; без сомнения, деньги их не пропали бы, и, конечно, был бы случай им заплатить даже с избытком, вместо процентов, и они были бы довольны. Но если бы, к несчастью, нас англичане взяли и привели назад, то какими бы глазами стали на нас смотреть в колонии, когда бы покушение с нашей стороны было сделано уйти не расплатясь.

А третье затруднение состояло в верном доставлении писем к тем особам, к коим они писаны.

Для отдаления сего препятствия разные средства были предлагаемы, из коих следующее мне показалось лучше всех. Хронометры наши стояли в доме Сартина, того самого человека, который хлеб на шлюп ставил. Из трех хронометров я оставил на берегу один, который во весь вояж хуже всех шел, и с ним мы сравнивали принадлежащие англичанам хронометры, выдавая его за самый верный, а потому они и не имели причины сомневаться, видя всегда, что наш лучший хронометр на берегу.

К Сартину я написал письмо, в коем, объясняя ему причину тайного нашего ухода и невозможность явным образом с ним расплатиться, я просил его оставленный хронометр продать с аукциона и что следует ему за хлеб, чтобы он взял, а остальную сумму перевел бы в Портсмут на дом Гари, Джокс и компания, кои во время мира с Англией были агенты русского консула в Лондоне и снабжали наши военные суда, заходившие в Портсмут, всем нужным. Господину де-Виту, от коего мы брали мясо, я такого же содержания письмо написал, только что в zapлату должных ему денег препроводил письмо в форме векселя на вышеупомянутый

коммерческий дом, в надежде, что Гари, Джокс и компания не откажутся заплатить такую малость, которую они всегда могут получить с надлежащими процентами.

Что принадлежит до писем, то все оные я запечатал в один конверт с письмом к командору Роулею и положил в ящик его хронометра, хранившегося в нашей обсерватории, и так как ключи от хронометров всегда были у меня, то мы и не имели причины опасаться, чтобы письма открылись прежде нашего ухода. Командор Роулей, человек весьма добрый и строгой честности, притом ко мне был весьма ласков и ко всем нам лучше расположен, нежели другие англичане, почему я мог быть совершенно уверен, что от него все мои письма будут непременно доставлены по надписям.

Долго не было случая, благоприятствовавшему моему намерению: когда ветер способствовал, то на рейде стояли фрегаты, совсем готовые идти в море, а когда с сей стороны было безопасно, то ветер нас удерживал. Несколько раз днем свежий ветер, нам попутный, от NW или от W начал дуть, и мы всегда приготавливались в таких случаях к походу, но к ночи ветер или утихал, или совсем переменался и делался противный.

Я знал, что во всех гаванях и рейдах, лежащих при высоких гористых берегах, ветры очень часто дуют не те, какие в то же время бывают в открытом море, а потому я хотел точно узнать, какое здесь имеют отношение прибрежные ветры к морским. На сей конец я часто на шлюпке ездил в Фалс-Бай, брал с собой компас и замечал силу и направление ветра; на шлюпе то же в те же часы делалось. После многих опытов я удостоверился, что когда в Симанском заливе ветер дует NW или W при ясной или при облачной, но сухой погоде, то в море он дует от SW или S, а иногда и от SO. Всегда, когда в такие погоды я ездил в Фалс-Бай, свежий порывистый ветер от NW или W мигом пронесет шлюпку заливом, а на пределах Симанского залива и Фалс-Бая шлюпка входила в штилевую полосу сажен на 50 или на 100,

которую пройти надобно на веслах. Потом лишь откроется море, то тишина минуется и подхватит южный ветер, более или менее уклонившийся к O или к W, между тем как в Симанском заливе, у шлюпа, попрежнему продолжает дуть свежо и беспрестанно до самой ночи тот же NW и W ветер. Но когда сии ветры начнут дуть крепкими шквалами, принесут облачную мокрую погоду и дождливые тучи, быстро по воздуху несущиеся к SO, тогда можно смело быть уверенным, что и в открытом море тот же ветер дует.

NW ветры господствуют здесь в зимние месяцы, а летом они бывают чрезвычайно редки; а потому-то мы их очень, очень долго ожидали. Напоследок, 19 мая, сделался крепкий ветер от NW. На вице-адмиральском корабле паруса не были привязаны, а другие военные суда, превосходившие силой «Диану», не были готовы идти в море, и хотя по сигналам с гор мы знали, что к SO видны были два судна, лавирующие в залив, которые могли быть военные и, может быть, фрегаты, но им невозможно было приблизиться к входу прежде ночи. Так как положение наше оправдывало всякий риск, то, готовясь к походу и в сумерках привязав штормовые стаксели, в половине седьмого часа вечера, пришедшем сильном шквале с дождем и пасмурностью, я велел отрубить канаты и пошел под штормовыми стакселями в путь.

Едва успели мы переменить место, как со стоявшего от нас недалеко судна тотчас в рупор дали знать на вице-адмиральский корабль о нашем вступлении под паруса. Какие меры ими были приняты нас остановить, мне неизвестно. На шлюпе во все время была сохраняема глубокая тишина.

Коль скоро мы миновали все суда, тогда, спустясь в проход, в ту же минуту начали поднимать брам-стенги и привязывать паруса. Офицеры, гардемарины, унтер-офицеры и рядовые — все работали до одного на марсах и реях. Я с величайшим удовольствием вспоминаю, что в два часа они успели, невзирая на крепкий ветер, дождь и на темноту ночи, привязать фок-, грот-марсели и поста-

вить их, выстрелить брам-стенги на места, поднять брам-реи и брамсели поставить; поднять на свои места лисель-спирты, продеть все лисельные снасти и изготовить лисели так, что если бы ветер позволил, то мы могли бы вдруг поставить все паруса.

В 10 часов вечера мы были в открытом океане. Таким образом кончилось наше задержание, или, лучше сказать, наш арест на мысе Доброй Надежды, продолжавшийся один год и 25 дней.

На мысе Доброй Надежды мы лишились шхиперского помощника Егора Ильина, который 9 мая, за неделю до нашего ухода, умер от

лопнувшего внутри нарыва. Потеря сия для нас была весьма чувствительна, а особливо для меня: он был отменно добрый, усердный, расторопный человек, должность по своему званию во всех частях знал очень хорошо и был содержанием всех припасов по шхиперской должности. Мы хотели почтить его могилу пристойным памятником и уже приготовили его, но не удалось поставить; а потому согласились оставить оный в церкви в Петропавловской гавани, с надписью, по какому случаю памятник поставлен в Камчатке для тела, погребенного на мысе Доброй Надежды.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Состояние колонии мыса Доброй Надежды. Описание вод, его окружающих, и метеорологические замечания

уверен, что во всем южном полушарии нет ни одной страны и очень мало земель и государств в нашем просвещенном свете, о которых столько было бы писано, сколько о мысе Доброй Надежды. Кроме нашей братии мореходцев, писавших о сей славной колонии, многие знаменитые мужи, известные в свете своими дарованиями и ученостью, нарочно посещали оную и издали в свет описания своих путешествий. Итак, я здесь ограничу себя описанием нынешнего состояния мыса Доброй Надежды; а чего, по недостатку случаев, способов или нужных сведений, я не мог сам узнать достоверно или заметить, то взято мною из сочинения Барро, изданного в Англии под названием *Travels into the interior of southern Africa. By John Barrow, esq. F. R. S. London, 1806.* Барро, весьма умный, ученый человек, во время путешествия своего по Южной Африке, был секретарем губернатора колонии лорда Макартнея. Следовательно, он имел все способы в своих руках извлекать самые верные материалы из колониальных архивов и получать из других источников нужные и обстоятельные сведения для своего сочинения.

Описание Капштата и Симанситата

Капштат¹²⁹

Высокая гора, находящаяся от оконечности мыса Доброй Надежды к северу в 15 милях, получила с дав-

них времен название Столовой горы, потому что имеет вершину совершенно плоскую, простирающуюся на значительное расстояние. А от имени сей горы и открытый залив, впадающий в западный берег Южной Африки, назван Столовым. При самой южной впадине сего залива находится небольшая долина, подымающаяся от морского берега едва приметной пологостию до подошвы трех гор, ее окружающих с береговой стороны. Гора, прилежащая к сей долине с юго-запада и запада, имеет подобие покоящегося льва и потому называется Львиной горой. К югу помянутой долины полагает предел Столовая гора, а к юго-востоку возвышается Дьявольская гора, названная так голландскими матросами.

Между Львиной горой и морем есть дефиле¹³⁰, ведущее на другую, небольшую, плоскую и почти горизонтальную долину, которая со всех сторон окружена морем и горами и из которой нет другого выхода, кроме вышепомянутого дефиле. Между Дьявольской же горой и морем из вышепомянутой пологонаклонной долины есть другое дефиле, ведущее в поле; через это только один путь и есть берегом к Капштату, выстроенному на сей окруженной тремя горами долине.

Город Капштат стоит в долине, коей положение описано выше. По берегу залива выстроены магазины Голландской Индийской Компании¹³¹, которые ныне называются королевскими магазинами и употребляются для казенных снарядов и съестных

припасов; за оными пойдут обывательские дома. Улицы прямы, широки и все пересекаются перпендикулярно. Во многих из них по обеим сторонам посажены дубовые деревья, а в некоторых посредине находятся каналы, кои, за недостатком в воде, по большей части бывают сухи; редко для промывания и прочистки впускают в них воду, отчего в жары они испускают нездоровый и отвратительный запах. В разных частях города находятся четыре прекрасные площади.

Строения в Капштате вообще кирпичные; дома частных людей о двух и трех этажах, отменно чисто выстроены и все без изъятия выбелены или выкрашены желтой, зеленой или серой под гранитный цвет краской; крыши плоские с парапетом, на углах и по сторонам коих стоят фигуры ваз, статуй, арматуры¹³² и пр. Голландцы любят украшать свои дома снаружи. Многие имеют над дверьми огромные, даже не соответствующие величине дома фронтоны, а против второго этажа балконы. Почти у каждого дома перед окнами нижнего этажа с улицы есть крыльцо, во всю длину дома камнем выстланное, с железным балюстрадом, где по вечерам они сидят или прохаживаются. На многих домах утверждены громовые отводы.

Внутреннее расположение домов очень покойно и соответственно свойству здешнего климата. По длине дома как в нижнем, так и в верхнем этаже посредине идет широкий коридор, или галлерей, у которой на обоих концах в нижнем этаже пространные двери, а в верхнем большие окна; по обеим сторонам галлерей расположены комнаты. В каждой из них есть двери из галлерей, сообщение же между комнатами зависит от намерения и желания хозяина, смотря по тому, для чего какая комната назначена. В галлерейях двери и окна, будучи в жаркие дни отворены, дают свободный проход свежему воздуху, который и в боковые комнаты входит; притом в них весьма приятно прохаживаться, когда несносный жар не позволяет пользоваться прогулкой на открытом воздухе. Под нижним этажом обыкновенно делаются подвалы для погребов и магазинов.

Дома свои, как снаружи, так и внутри, голландцы держат очень чисто. На матицы¹³³, пол и потолок употребляется лес произведения здешней колонии, называемый гильвуд¹³⁴; брусья и доски, из него сделанные, имеют прекрасный, слоистый, желтый цвет, а потому матиц и потолков здесь никогда не красят, так же как и косяков, притолок, оконных и дверных рам, кои все делаются из привозного леса Батавии¹³⁵, называемого тик; он красноватого цвета, и, будучи хорошо выработан, походит на красное дерево.

Остающееся пространство долины между городом и подошвами окружающих его гор почти все наполнено прекрасными загородными домами, при коих находятся пространные сады плодородных деревьев и большие огороды.

По причине слишком пологого возвышения долины, на коей стоит Капштат, город сей не имеет с моря такого великолепного вида, как приморские города, лежащие на возвышениях гор и являющиеся мореплавателям в виде амфитеатра, как Лиссабон, Фунчал на острове Мадеyre, Фаял на острове того же имени¹³⁶ и другие. Притом наружный вид испанских и португальских городов вообще бывает великолепнее от множества монастырских и церковных башен и куполов, чего в голландских колониях недостает. Но с возвышенного места Капштат, со своими правильными широкими улицами, с загородными домами и садами, с тремя подле него возвышающимися горами и с пространым Столовым заливом, представляет взору зрителя такую картину, какой ни один с тесными, кривыми, нечистыми улицами испанский или португальский город показать не может, несмотря на монастыри, церкви и часовни, коими вообще, так сказать, усеяны города сих двух народов.

Окружностям Капштата придает большую красоту растущее при подошве Столовой горы так называемое серебряное дерево¹³⁷, у которого листья покрыты белым лоском, оттого оно кажется совершенно высеребренным. Надобно заметить, что дерево сие нигде в колонии не растет, кроме помянутого места.

Симансштат городом нельзя назвать, а просто селением, в котором публичных строений: небольшой морской арсенал, казармы, госпиталь, а нет ни одной церкви; обывательских домов до 25, растянутых в одну линию по берегу небольшого залива, из Фалс-Бая* в берег впадшего, который по имени одного голландца, бывшего здесь губернатором, называется Симансов залив.

Настоящих жителей в Симансштате обоего пола едва ли наберется 100 человек; но в зимние месяцы, когда военные корабли и купеческие суда стоят не в Столовом заливе, а здесь, — тогда многие из чиновников и мастеровых, служащих при морском арсенале, таможенные пристава, некоторые купцы и мелочные торговцы приезжают сюда жить, и селение бывает гораздо многолюднее.

Местечко сие окружено высокими горами, вплоть к нему примыкающими. Оно имеет весьма невыгодное местоположение и само по себе совершенно не заслуживает ни малейшего внимания, но для колонии очень важно по безопасности всего залива для стояния судов, потому что Симанский залив есть самый безопаснейший рейд из всех, поблизости мыса Доброй Надежды находящихся.

Произведения колонии, нужные мореплавателям. Обманы, употребляемые купцами при снабжении судов. Средства с выгодой запастись всем нужным, не имея помощи в агентах

Произведения

В продолжительных плаваниях мореплаватели обыкновенно расстраивают свое здоровье, а потому, прибывши в порт, необходимо нужны им для восстановления расстроенного здоровья и укрепления оного на будущее плавание следующие вещи: здоровый воздух, пресная вода, хлеб, свежее мясо, хорошая рыба, поваренная зелень, плоды, виноградное вино и для приготовления надлежащим образом пищи и питья — дрова.

Все эти потребности, кроме дров, на мысе Доброй Надежды находятся в величайшем изобилии; целые фло-

* Фалс-Бай значит фальшивый, ложный, обманчивый залив.

Карта мыса Доброй Надежды и залива Фалс-Бай.

ты без затруднения могут быть ими снабжены.

Климат может похвастаться самым приятным и совершенно здоровым во всех отношениях; здесь не бывает ни чрезвычайных холодов, ни утомительной жары.

В летние месяцы почти беспрестанные свежие юго-восточные ветры прохлаждают воздух, нагреваемый солнцем. Жители здешние не знают ни смертоносных зараз, ни повальных болезней и никаких прилипчивых припадков. Больные, свозимые с кораблей на берег, восстанавливаются весьма скоро в своем здоровье. Это есть один из вернейших признаков здорового свойства здешнего воздуха.

Ручьи и родники пресной воды повсюду находятся в большом изобилии в зимние месяцы, когда бывают частые дожди. Летом большая половина оных высыхает. Однакож колония ни малейшего недостатка в воде не претерпевает, и рейды, посещаемые судами во всякое время года, изобилуют водой. Во многих местах от свойства земли, сквозь которую ключи текут, вода имеет цвет крепкого чая. Однакож это нимало ее не портит: она от того не получает никакого противного вкуса, ни запаха и столь же прозрачна, легка, здорова и для питья приятна, как и самая лучшая ключевая вода, а притом и в море не скоро портится.

Из хлебных растений мыс Доброй Надежды производит пшеницу, ячмень, овес, горох и бобы. Колонисты,

занимаясь более выращиванием винограда, для делания водки и вина, оставляют земледелие в небольшом уважении; однакож для продовольствия колонии и снабжения приходящих судов хлеба всегда бывает достаточно, и продается он недорого.

Что принадлежит до свежей мясной пищи, то, кроме Южной Америки, едва ли есть приморское место на всем земном шаре, которое могло бы доставлять оную мореплавателям в таком изобилии и за такую дешевую цену, как мыс Доброй Надежды. Из домашних животных рогатым скотом и баранами колония мыса Доброй Надежды чрезвычайно изобильна.

Надобно сказать, что в Капштате и Симанштате говяжьего мяса хотя и чрезвычайно много, но оно не очень хорошо и невкусно, ибо скот иногда гонят на расстояние 200 миль бесплодными пустырями, следовательно он худеет, недостаток же в кормах не позволяет откармливать его по пригоне.

Что принадлежит до баранины, то она несравненно превосходит говядину: бывает жирна и вкусна. Здешние мясники готовят бараньи окорока и колбасы отменно хорошо; они славятся тем, что долго могут сохраняться во всяком климате, и потому почитаются хорошей морской провизией; их возят в Бразилию и Батавию. Здешние голландцы всегда о них говорят: «Вези хоть в Батавию, они не испортятся». Для них Батавия на краю света; но если они ошибаются в расстоянии, по крайней мере, поговорка их справедлива в рассуждении климата.

Окорока свиные солят и коптят, как и свиные, и потом укладывают плотно в бочки. Колбасы, около фута длиной и с дюйм в диаметре, делают из свиного или какого другого мяса и жиру с разными специями. Когда они уже готовы, то их по 24 штуки связывают плотно и обшивают крепко воловьим или бараньим пузырем, чтобы воздух не попадал. Мы запаслись как бараньими окороками, так и колбасами в декабре 1808 года; обстоятельства принудили нас оставаться на мысе Доброй Надежды до половины мая, то есть в самое жаркое время, когда термометр подни-

мался иногда до 90°*; и когда мы пошли в море, то они были очень хороши и нимало не попортились. Последние из них мы издержали, войдя уже в северное полушарие.

Мясом здешняя колония так изобильна, что даже в городах мясники вынимают из говяжьих голов только языки, а головы со всем и с рогами бросают.

Кроме домашних животных, здесь много разных родов диких четвероногих, употребительных в пищу; например, из рода оленей¹³⁹, которых иногда приезжающие в город колонисты и готтентоты продают на рынках.

Из птиц домашних жители имеют гусей, уток, кур и индеек, но продают их непомерно дорого.

Из береговых диких птиц, в пищу годных, поблизости Капштата, кажется, только и водятся одни куропатки; в известное время года их бывает много. Водяных птиц прежде, до прибытия англичан, было очень много и легко их было стрелять. Но с тех пор как английские войска сюда пришли, вся дичина скрывается внутрь колоний, да и те, которые остались, сделались так дики и осторожны, что почти никогда не подпустят охотника на ружейный выстрел. Жители жалуются в этом на английских офицеров, которые, по словам их, от праздности почти все до одного стали ходить по полям и стрелять по птицам — умеет или не умеет кто — и тем настращали и отогнали всю дичину.

Что принадлежит до морских птиц, то в заливах их бывает великое множество. Почти все морские птицы, будучи пойманы живые, недели через две, если их держать и кормить мукой, разведенной на теплой воде, теряют неприятный запах морских растений и рыбы, коими они питаются, и мясо их становится довольно вкусным.

Но если морская птица тотчас будет употребляться в пищу, то не должно ее щипать, а надобно кожу снять и потом продержать сутки или 12 часов в пресной воде, отчего она много теряет свойственного ей противного запаха. Яйца морских птиц, бакланьи и чайшны, имеют очень мало про-

* По фаренгейтову термометру.

тивного запаха и довольно вкусны, а особливо в яичнице.

Рыбой берега мыса Доброй Надежды не столь изобильны, как многие другие приморские места. Однако и здесь рыбы столько водится, что всегда почти с небольшими трудами, короткое время, простыми удочками мы всякий день ловили достаточное количество для нашей команды, и часто более, нежели нужно было. Надобно только знать места, где ловить рыбу и что употреблять на приманку.

Иногда, однакож не часто, заходили в Симанский залив большими стадами сельди, которых на удочку ловить было нельзя, а годных для сей ловли сетей у нас не было; неводом немного мы поймали; они были жирны и вкусны.

Тюленья мясо хотя и пахнет морскими растениями и рыбой, но не противно, а впрочем, очень здорово; многие из наших матросов очень его любили, и, надобно сказать, что не от нужды, ибо всякий из них получал в день $1\frac{1}{2}$ фунта хлеба, фунт мяса во щак и фунт, а иногда и более рыбы. Тюленьяго мяса я не пробовал, а ел почки и печень; они отменно хороши и не имеют никакого противного вкуса и запаха.

Всякого рода поваренной зеленью и огородными растениями колония мыса Доброй Надежды богата. Все произведения сего рода, растущие в Европе, и здешний климат производит в изобилии.

На горах и возвышенных местах около Капштата и Симанштата растут разных родов кривые, сучковатые, малорослые деревья¹⁴⁰, совсем ни на какие поделки негодные, но они чрезвычайно тверды, следовательно, и рубить их трудно и медленно, а притом надобно таскать людей. Мы, стоя в Симанском заливе, принуждены были посылать людей на горы за 3, 4 и 5 верст для рубки дров, которые после на себе матросы должны были таскать к берегу.

Но надобно знать, что одни только помянутые города бедны дровами. Впрочем, колония вообще изобильна не только годным для жжения, но и строевым лесом, в ней есть даже обширные леса, как, например, лес, простирающийся от залива Ко-

зель к востоку на 250 английских миль в длину, а ширины между морем и горами имеющий 10, 15 и 20 миль.

В строение годный лес есть здесь разных родов, из коих главные два: африканский дуб, или вонючее дерево, и желтое дерево. Первое одно только и растет в колонии и годится на корабельное строение. Английский корабельный мастер Беларк уверял меня, что крепостью он не уступает настоящему дубу и так тверд, что вода и воздух не более над ним действуют, как и над европейским дубом; желтое дерево отменно красиво, когда выделано в столярной работе. Думали, что оно годится для мачт, стеньг и пр., однакож опытом нашли, что для сего оно слишком слабо.

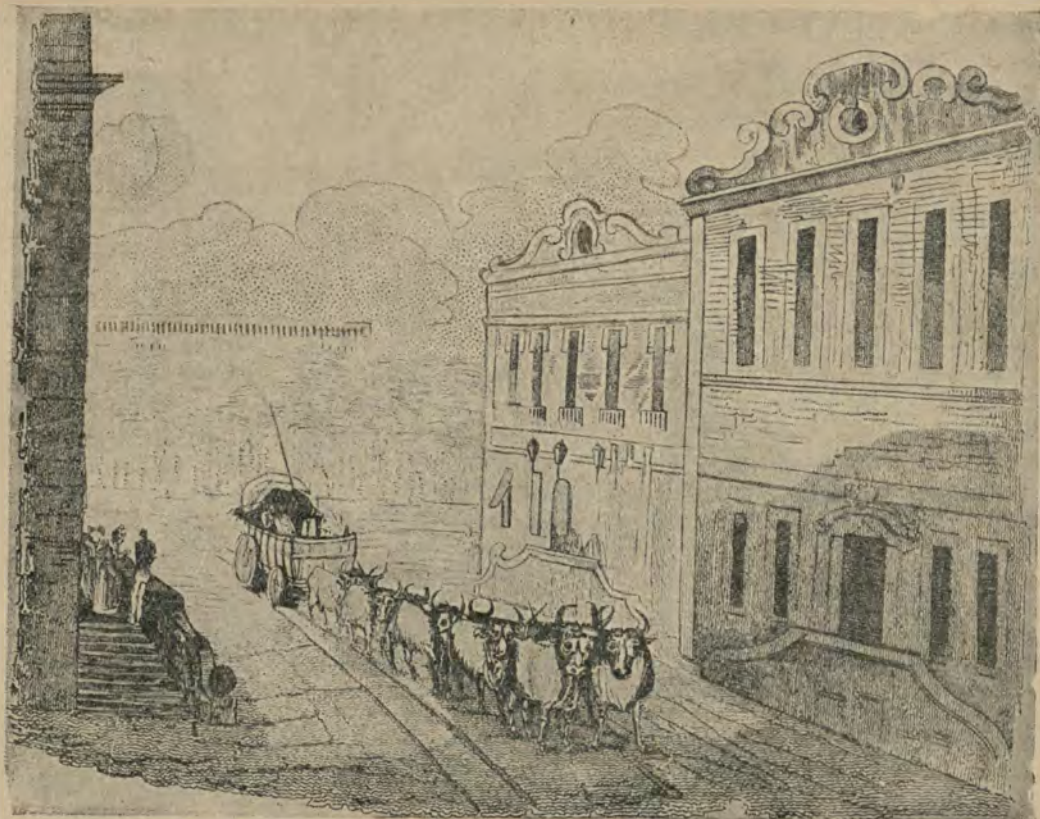
Обманы купеческие при снабжении судов

Купеческие суда всех наций, приходящие к мысу Доброй Надежды нарочно для торговли, снабжаются всем для них нужным корреспондентами своих хозяев, между которыми идет торговля. Следовательно, есть взаимная коммерческая связь, которая обыкновенно продолжается по нескольку лет; а посему сии корреспонденты никогда не захотят обнаружить своего корыстолюбия, выставив неумеренные цены за припасы, доставленные ими для судов, принадлежащих приятелям своим по торговым делам.

Но суда, пристающие на короткое время к мысу Доброй Надежды для запаса пресной воды, съестных припасов, для починки и пр., обыкновенно стараются обойтись без посредства агентов. Но часто случается, что судно имеет нужду в таких пособиях, которых получить без помощи здешнего жителя невозможно. Может много встретиться случаев, которые заставят прибегнуть к маклеру.

К стыду моему, надобно признаться, что я был в двух случаях бессовестно обманут; я говорю по опыту, мною самим изведанному и, судя по недостаточному моему состоянию, очень, очень не дешево купленному.

Не успеет приходящее на рейд судно положить якоря, как его опросят гаванмейстер¹⁴¹ и офицер с во-

Улица Капштата.

Из альбома путешествий первой половины XIX века.

енных кораблей. От них тотчас весь город узнает, какое это судно, откуда и куда идет, и, если оно пришло не с тем, чтобы здесь торговать, то в минуту посетит оно один из так называемых корабельных агентов (настоящее их звание — маклеры). Он рекомендует себя начальнику судна и предлагает свои услуги. Надобно сказать, к чести сих господ, что они почти все вообще отменно ловки в светском обхождении, говорят хорошо на многих иностранных языках, знают чужестранные обычаи и чрезвычайно пронырливы и проворны.

После первого свидания он предложит вам и тотчас пришлет, хотя бы и не получил от вас решительного согласия пользоваться его услугами, разных, необходимо нужных на первый случай вещей; и никогда не упустит, самым неприметным и тонким образом, дать вам разуметь, что это малость, почти ничего не стоящая, и что он, доставляя оную, более делает себе удовольствие, служа чужестранцу, нежели ожидает

приобрести какую-либо выгоду. Лишь только в первый раз съезжает начальник судна на берег, агент тотчас узнает о том, через нарочно приставленных караульных, и встречает его у самой пристани, приглашает в свой дом, где вы находите все готовым к вашим услугам. Но если вы между прочими разговорами коснетесь до покупки, он не увеличивает цены, а уменьшает, и все, что вы ни потребуете, он обещает вам, доставить за самые сходные цены. Всегда такие обещания и уверения бывают на словах; до бумажных обязательств дело он никогда не доведет.

Когда же спросите вы настоящие решительные цены, почему будет он ставить вам такие вещи, то ответ бывает всегда неопределенный. Он вам скажет, что точной цены назначить не может, ибо они переменяются часто, но что разность бывает невелика; впрочем, какая бы перемена ни последовала, цены будут очень умеренные. В уверение, пожалуй, покажет старые свои книги,

когда и по каким ценам он снабжал прежде бывшие здесь корабли, которые и в самом деле выставлены в них очень умеренны.

Но это еще не все: чтобы убедить вас более в своей честности, он пошлет к вам человек двух или трех из своих приятелей, которые очень искусно умеют играть свою роль; они заведут с вами разговор, как с недавно прибывшим иностранцем, о европейских новостях, о войне, о политике и т. п. Между прочими разговорами спросят, кому вы здесь знакомы и какие купеческие конторы дела ваши исправляют. Если скажете, что никого не знаете, то они тотчас вас предостерегут с большим доброжелательством, посоветуют быть осторожным, чтобы не обманули вас, и скажут, что здешние купцы почти все обманщики, кроме такого-то, а именно покажут вам точно на самого того — первого и главного плута.

Коль скоро вы сделали ему ваше поручение, то все ваши требования, все ваши желания исполняются вмиг: нет у него ничего для вас невозможного, кроме одного, то есть подать счет доставленным к вам вещам, чего они под разными предложениями никогда не делают до самого дня вашего отбытия, извиняясь достаточными причинами. Но когда вы настояте иметь счет, то его вам подадут, только не всем, а самым мало-значущим вещам и поставят низкие цены. В неготовности же другого счета у них всегда много причин есть извиниться перед вами.

Коль же скоро дело дойдет до окончательного расчета и вам принесут список доставленным для вас вещам, написанный самой чистой рукой, на прекрасной золотообрезной бумаге, украшенной гербом Англии или каким-нибудь эмблематическим изображением, весьма искусно выгравированным, то, взглянув на красивые графы, заключающие в себе цены вещам, вы ужаснетесь. Но на вопрос, отчего бы могла последовать такая великая разность в ценах, объявленных прежде и поставленных в счете, вам в минуту, нимало не запинаясь, отвечают, что слух пронесся, будто составляющаяся в таком-то порте сильная экспедиция назначается в Индию и должна зайти непре-

менно к мысу Доброй Надежды, а потому-то на все вещи и припасы цены и поднялись до такой чрезвычайной дороговизны. Притом прибавят еще, что если сам агент или один из его приказчиков ночью не скакал бы верхом по окрестным селениям и не успел бы уговорить поселян сделать уступку, то вещи пришли бы еще дороже и того.

Нередко сама судьба благоприятствует им и подает причину оправдать себя в возвышении цен, как то: проливные дожди испортили дороги, и поселяне ни за какую бы плату не согласились везти требуемых у них вещей, если бы агент из особенного усердия к пользам вашим не склонил их к тому; а иногда чрезвычайные продолжительные жары, бывшие внутри колонии, наделали много вреда в поле, и весть сия в окрестностях города была причиной внезапного возвышения цен. Словом сказать, господа сии так способны и скоры на выдумки и имеют столько различных средств себя оправдать и притвориться честнейшими людьми в свете, что невозможно никак, обнаружив и уличив в обмане, принудить их законным образом взять настоящие цены.

Счета их должны быть непременно уплачены; если же кто добровольно не захочет с ними разделаться, то колониальное правление признает их справедливыми и принудит по ним деньги заплатить все сполна. А неопытному, обманутому страннику представляется только право посердиться, побраниться и про себя назвать всех таких агентов бездельниками; а если кому угодно, то, пожалуй, можно и в журнал свой вояжный это замечание вставить, что теперь и я делаю, а более взять нечего.

О характере, обычае и образе жизни жителей

Я не буду говорить здесь о сельских жителях*, из коих очень малое

* Барро здешних сельских жителей описывает, как самый невежественный, грубый и бесчеловечный народ в целом свете, которые, не боясь бога и не уважая человечества, обходятся жестоким образом со своими неграми и готтентстами¹⁴², служащими у них работниками; принуждают их работать сверх сил и за малейшее упущение тирански наказывают; а сами за счет

Готтенты.

Из альбома путешествий первой половины XIX века.

число мне удалось видеть, и то на самое короткое время. Приезжающие сюда не надолго иностранцы почти совсем никакого дела до них иметь не могут; они бывают и видят беспрестанно городских жителей, которых считают более четвертой доли всего населения.

Скромная наружная вежливость и тихий нрав суть две главные черты характера капских жителей. В разговорах они стараются быть осторожными. Все здешние жители, можно сказать, вообще воздержанны; домашние расходы их очень умерен-

ны. труды сих несчастных едят, пьянствуют и спят. Он их выставляет самыми величайшими прожорами из всех известных обжор. «Три раза в день,—говорит он,—стол голландского колониста бывает обременен жирными кусками мяса, плавающими в масле, вытопленном из бараньих хвостиков». Сытная, здоровая пища, беззаботно и спокойно проводимая жизнь, бездействие мыслей и разума, который у них так слаб и ограничен, что, кроме доставления себе жизненных съестных потребностей, ни на что другое они идей своих не обращают, суть главные причины гигантского их роста, чрезвычайной толщины и силы.

ны. Нажить деньги почитают они главной целью своей жизни, а потому самая большая часть городских жителей люди торговые, да и сами чиновники употребляют разные средства приобрести достаток, и нередко такие средства бывают несоответственны званию их и у других народов показались бы унижительными, как то: пускать в свои дома постояльцев и содержать их столом за известную плату по предварительному условию.

Здешние голландцы, занимаясь с самой юности только торгами и изысканием способов обогатиться, недалеко успели в просвещении, и потому их разговоры всегда бывают скучны и незанимательны. Погода, городские происшествия, торговля, прибытие конвоев и некоторые, непосредственно касающиеся до них политические перемены суть главные и, можно сказать, единственные предметы всех их разговоров. Они или делом занимаются, или курят табак; до публичных собраний не охотники и никаких увеселений не терпят.

Молодые люди танцовать любят, но у себя в домашних собраниях. В театре, однакож, бывают, но, кажется, более для обряда: во всю пиесу они беспрестанно разговаривают между собою, и, повидимому, никакая сцена их тронуть не может в трагедии или рассмешить в комедии.

Я не знаю, как жители здешние одевались до покорения колонии англичанами; но ныне все вообще мужчины и женщины, старые и молодые, кроме тех только, которые по обещанию разве держатся старинных мод, все носят английское платье: между мужчинами черный цвет, а между женщинами белый в обыкновении. Все экипажи города, выключая губернаторскую, адмиральскую и одну или две других карет, состоят в малом числе самых старинных колясок, каковых едва ли уже можно развалины найти в Европе. Обыкновенная езда здесь верхом, если пешком итти далеко; женщины садятся боком на дамских седлах; мальчики в четыре или пять лет привыкают к верховой езде, катаясь на выезжанных нарочно для них козлах, которые взнузданы и оседланы: они так же послушны своим седокам, как и верховые лошади.

Встают здесь рано, между 6 и 8 часами; старики и старухи по утрам пьют кофе, а молодые люди чай; и в сем случае следуют обыкновению англичан, подавая с чаем на стол завтрак, состоящий из хлеба, масла, яиц, холодного мяса, рыбы, какой-нибудь зелени и пр. Обедают в 2 или 3 часа; стол их походит более на наш русский, нежели на английский; за столом вина пьют очень мало и после стола тотчас встают. Вечером пьют чай, часу в 10-м ужинают. У них ужин бывает по-нашему горячий, то есть подают суп и соусы.

Жизнь капских колонистов вообще однообразна и крайне скучна: что есть сегодня, то было вчера и точно то же будет завтра; они не наблюдают никаких больших праздников и торжественных дней. Если случится хорошая погода и голландцу удастся заключить выгодный для него подряд, вот ему и праздник.

Впрочем, для них все дни в году равны, кроме нового года; один этот день они празднуют. Рождественники

между собою иногда делают взаимные подарки и вечера проводят вместе по-праздничному. Суеверные люди, привыкшие судить об истинных сердечных чувствах по одной только наружности, сочли бы такое их невнимание к обрядам религии совершенным безбожием.

В Симансштате церкви нет; прежде у жителей было обыкновение в известные дни года посылать в Капштат за священником, который отправлял службу в обывательских домах по очереди; но с некоторого времени это вывелось: в 13 месяцев нашего здесь пребывания ни одного раза никакой службы не было. При нас у одной достаточной дамы хорошей фамилии умер сын, человек совершенных лет, и хотя послать за священником было недалеко, однакож присутствие его не сочли нужным, и покойника положили в землю без всяких духовных церемоний.

Здешние голландцы обещания свои дают с большою осмотрительностью, а давши, исполняют их с точностью и в сем случае никогда не обманут. Но так как они люди и притом купцы, то в других случаях, а особливо при покупке и продаже я не советовал бы совершенно полагаться на их слово. При всем том, однакож, не надобно меня понимать, чтобы я их называл обманщиками. Сказать неправду в торговых делах ныне означаетя техническим выражением: «не терять коммерческих расчетов»; стало быть, взять лишнее за проданные вещи или мало дать за купленные уже более никто не называет обманами, а коммерческими расчетами. Но всякий расчет не что иное есть, как экономическая осторожность; а быть экономну почитается в общежитии не последнею добродетелью; следовательно, голландцы здешние народ добродетельный.

Главнейший из их пороков есть, по мнению моему, жестокость, с каковою многие из них обходятся с своими невольниками; несчастных сих жертв, до акта, последовавшего в английском парламенте, об уничтожении торговли людьми, сюда привозили на продажу, так, как и во все другие колонии, большей частью с африканских берегов и плененных малайцев.

Невольников содержат в здешней

колонии очень дурно: ходят они в лохмотьях, даже и такие, которые служат при столе своих хозяев. Сказывают, что с тех пор, как англичане ограничили жестокость господ в поступках к своим невольникам и запретили торговлю неграми¹⁴³, их стали лучше содержать и более пеших об их здоровье. Скупость, а не человеколюбие, без всякого сомнения, была причиною такой перемены: невозможность заменить дешевою покупкой умерших негров заставила господ обходиться лучше со своими невольниками.

В обхождении капские голландцы просты и не любят никаких церемоний и околичностей. Но у них есть этикет, так, как и у других народов, которые они строго наблюдают. Например, если кто лишится ближнего родственника, тот должен известить публику о своем несчастье через газеты и просить родню и друзей своих, участвующих в его печали, не беспокоить себя делать ему визиты и писать утешительные письма, а оставить бы его наедине предаться скорби и оплакать свою потерю. Вот образец одного такого объявления:

«Мыс Доброй Надежды, сентября 11 дня 1808.

В прошедшую ночь постигло меня ужасное несчастье преждевременною кончиною моего достойного дражайшего, возлюбленного супруга NN, преставившегося 26 лет 5 месяцев и 7 дней от рождения, после счастливого нашего соединения, протолжавшегося год 2 месяца и 27 дней; я желаю и надеюсь в сия тягчайшие для меня минуты горькой печали и сердечной скорби найти утешение, которое единая вера только может доставить несчастным страждущим; а потому прошу моих родственников и друзей, участвующих со мною в горести, извинить меня в непринятии утешительных от них писем и посещений.

Вдова такого-то.

Траурные обряды наблюдают они с великой точностию, даже по дальней родне; впрочем, печаль их очень часто бывает только притворная. Мы знали в Симанштате голландку, которая, лишась престарелой полоумной своей матери, горько плакала и казалась неутешною. Когда же стали представлять ей, что потеря ее невозвратна, что рано или поздно мы и все там должны быть, и другие обыкновенные в таких случаях утешения, тогда она сказала, что все это сама знает, но, лишась матери в такое время, когда фланель очень

дорога, и имея большую семью, которую надобно одеть в траур, будучи сама недостаточная женщина, она должна будет понести очень чувствительную потерю.

При первом свидании с иностранцами капские жители обоого пола кажутся невнимательны, неучтивы и даже грубы; но, познакомившись несколько с ними, они становятся обходительнее, ласковее и очень услужливы. Холодная их наружность смягчается много приятной физиономией и правильными чертами. Здесь из мужчин есть много видных и красивых, а женщины прекрасны, очень многие из них, по справедливости, могут назваться красавицами.

Я не мог заметить, чтоб из иностранцев они отдавали какому-нибудь народу преимущество перед другими. Обхождение их со всеми равно: они всех приезжающих к ним чужих людей принимают одинаково и ко всем, кажется, равно хорошо расположены, кроме англичан, которых ненавидят от всего сердца и души. Непомерная гордость и беспрестанное тщеславие, коих англичане никогда и ни при каком случае скрыть не умеют, из всего света сделали им явных и тайных неприятелей.

Несмотря на многие выгоды, доставленные колонии британским правительством, большая половина жителей обоого пола терпеть не могут англичан и всегда готовы им вредить, коль скоро имеют удобный случай. Смеяться насчет английской гордости они почитают большим для себя удовольствием. Я несколько раз слышал, с каким восторгом голландцы рассказывали мне, что в обществе англичан за обедом целый час ничего более не услышишь, как беспрестанное повторение: передайте сюда бутылку, передайте туда бутылку (pass the bottle), доколе, наконец, бутылки своим скорым обращением не вскружат их голов, и тогда весь стол заговорит вдруг. Один кричит: «Этот голландец очень ученый, прекрасный человек, настоящий англичанин». Другой повторяет: «У такого-то голландца дочь отменно умна и редкая красавица, словом сказать, совершенная англичанка». Иной опять говорит: «Такой-то голландский офицер защищал себя

чрезвычайно храбро, как бы он был англичанин».

Надобно беспристрастно сказать, что капские колонисты имеют причину и право смеяться над англичанами и ненавидеть их. Стоит только себе вообразить, что когда небольшое, ничего не значащее голландское суднишко взято в плен англичанами и сюда придет, то во все время, доколе оно стоит здесь перед глазами жителей, английские офицеры не упускают поднимать на нем голландский флаг под английским, как будто бы такая малость может что-нибудь прибавить к трофеям их флотов. А когда в торжественные дни военные корабли, по обыкновению, украшаются флагами, то на многих из них часто поднимают голландский флаг, в знак унижения оного, под самую подлою частью корабля. Такие случаи с первого взгляда кажутся безделицами, но они являют национальное честолюбие и не легко забываются.

О внутренней и внешней торговле

Торг, как внутренний, так и внешний, производимый на мысе Доброй Надежды, весьма маловажен: поселяне на продажу в город пригоняют рогатый скот и баранов и привозят вино, хлеб, зелень и плоды; а сами покупают чай, сахар, табак, порох, свинец, железо и грубые европейские изделия для одежды, а также и разного рода посуду — вот в чем состоит весь внутренний торг колонии.

Морской ее торг немного значительнее, но также особенного внимания не заслуживает.

Колония ничего такого не производит в большом количестве, что бы нужно было и чем бы дорожили в других землях, а сама, по неимению своих фабрик, имеет надобность почти во всех произведениях европейских мануфактур и без них обойтись не может, но только в таком малом количестве относительно к общему масштабу европейской коммерции, что здешний торг совсем неприметен.

Колония, кроме небольшого количества вина и малости коровьего масла, ничего не отправляет, а пла-

тит за покупаемые вещи чистыми деньгами, кои берет за доставляемые ею войскам, военным кораблям и купеческим судам съестные припасы и вина.

Мануфактурами на мысе Доброй Надежды не занимаются; здесь нет совсем никаких фабрик; все рукоделия их состоят в кузнечной работе, в делании фур, телег и бочек и в выделывании коровьих и оленьих кож.

Овечья шерсть могла бы составить знатный вывозной торг¹⁴⁴, если бы правление обратило на оный свое внимание. Но так как сему торгу и основания не положено, то поселяне ныне, привезя свою шерсть в Капштат, часто принуждены бывают, за недостатком купцов, назад с нею ехать или продавать за самую безделицу, а потому они и не заботятся об улучшении и сбережении сего важного и весьма изобильного в здешней колонии предмета европейской торговли.

Чрезвычайное изобилие в рогатом скоте, достаточное количество соли в разных местах колонии, а особливо около залива Алго (Algoa bay)¹⁴⁵ и прохладные погоды, часто здесь бывающие, дают колонистам мыса Доброй Надежды все способы готовить солонину, коровье масло, сыр и бычачьи кожи для внешней торговли. Но этого ничего нет, кроме небольшого количества масла, отправляемого в Бразилию, где по причине сильных жаров его не делают.

Сыру здешние жители совсем делать не умеют и не стараются научиться полезному сему искусству: какой же ныне у них подают сыр собственного их дела, то есть его почти невозможно.

Китовый промысел, включая в оный морских медведей и тюленей, мог бы составить знатную часть капской торговли, если бы жители принялись заниматься оным. Залив, называемый Делого (Delagoa bay)¹⁴⁶, бывает наполнен в известные времена года китами; а множество островов, недалеко от мыса Доброй Надежды лежащих, по берегам усеяны морскими зверями.

Ныне здесь в Фалс-Бай есть небольшое заведение для китовой ловли и для промысла тюленей, принадлежащее одной купеческой компании, кото-

рая за сию привилегию ничего не платит колонии.

Правительство, желая ободрить такого рода промысел, дает право на оный на три года тому, кто только пожелает им заниматься. Промысел китов начинается в первых числах мая, а кончается в сентябре. Киты, которых промышленники бьют, называются Bone whale. Их, однакож, мало бывает в здешнем заливе, а много заходят другого рода, именуемых горбатыми (Humbacks), но их не ловят; они ни к чему не годятся. Тюленей бьют на небольших островах, лежащих подле мыса Эгвилас¹⁴⁷, по сию сторону его; и сей промысел довольно прибыточен. На острове, лежащем в Фалс-Бай и названном Тюленьим, компания также промысляет сих животных, но мало, и они не так хороши.

Слоновая кость и страусовы перья могли бы также приносить немалую прибыль здешним жителям, если б оные стали отправлять в Европу. Ныне поселяне ими мало занимаются и не стараются промыслять их, потому что расход невелик в городе, а тогда бы не только что сами, но и стали бы доставать от бушманов¹⁴⁸ и кафров¹⁴⁹ как слоновою кость, так и страусовы перья. С распространением торговли и доходы бы знатно увеличились¹⁵⁰.

Сказанное мною здесь о торговле мыса Доброй Надежды я заключаю следующим примечанием. Недеятельность оной относить не должно на счет колонистов и здешних купцов: они расторопны, трудолюбивы, знают свои выгоды не хуже всех людей в свете и страстно любят деньги. Следовательно, не расстались бы добровольно со своими выгодами, если бы правительство благоприятствовало их предприятиям. Но Голландская Индийская компания считала сию колонию постоянным двором богатых своих конвоев и содержала оную, не заботясь нимало доставить ее жителям коммерческие выгоды, от коих сама никакой пользы получать не могла. Британское же правительство, доколе будет в неизвестности, удержит ли Англия мыс Доброй Надежды за собою навсегда¹⁵¹ или при заключении мира обстоятельства заставят опять усту-

пить оную другой державе, — конечно, не приступит ни к каким новым коммерческим узаконениям, которые клониться могут к большой выгоде временных ее подданных.

Географическое положение мыса Доброй Надежды относительно к мореплавателю

Мыс Доброй Надежды имеет центральное положение между Северным и Южным Атлантическим океаном, Великим Южным океаном¹⁵², окружающим мыс Горн и Вандименову Землю, и морями Индийским¹⁵³ и Китайским.

И когда взять в рассуждение, что европейские морские державы посылают ежегодно большие конвои в Индию и Китай, которые должны как туда, так и на обратном пути проходить почти в виду южного конца Африки, что всякий год множество судов употребляется для китового промысла в Южном Великом океане, у мыса Горна, у Новой Голландии и при берегах Новой Зеландии, и что колония здешняя достаточно производит всякого рода съестные припасы для снабжения многочисленных флотов, то мыс Доброй Надежды справедливо можно назвать самым полезным местом для торгового мореплавания. Его было бы прилично именовать коммерческой гостиницей европейцев или морским караван-сараям¹⁵⁴. Владение этим местом, по географическому его положению и по политическим причинам, есть одна из главных целей, которую никогда не выпускают из виду первостатейные морские державы.

Заливы и рейды

Кроме двух главных заливов — Столового и Фалс-Бай, ю коих ниже сего я буду говорить пространно, в пределах колонии находятся еще следующие: залив Св. Елены и Салданья, лежащие на западном берегу, и заливы Моссель, Платенберг и Алгоа, на южном берегу находящиеся. Кроме оных, есть еще несколько других впадин в берег, кои называются на картах заливами.

Залив Св. Елены¹⁵⁵ имеет в отверстии 27 миль, впадает в берег на

20 миль; глубина при отверстии от 15 до 25 сажен; в середине залива около 10, а у берегов 4, 3 и 2; грунт для якорей хороший. Залив сей совершенно открыт всем ветрам NW четверти и потому для стояния кораблей вовсе неспособен.

Залив Салданский¹⁵⁶ есть совершенная гавань: ширина входа в него только 2 мили, да и тот прикрыт двумя островами; глубина от 4 до 10 сажен; грунт по всему заливу хорош. Корабли могут стоять в середине залива на пространстве 1½ миль в диаметре. Сей превосходный порт, закрытый от ветров со всех сторон, конечно, был бы главным местом колонии, если бы не имел весьма важного недостатка, а именно: пресной воды, которой едва с большими трудами можно накопить достаточное количество для находящегося здесь большого караула. В нашу бытность на мысе Доброй Надежды губернатор посылал инженеров сделать опыты, нет ли средств получить воду из колодезей, глубоко вырытых в разных местах, залив окружающих; но все труды их были тщетны.

Заливы Моссель, Платенберг¹⁵⁷ и Алгоа по глубине и грунту могли бы назваться хорошими рейдами, но, будучи совершенно открыты с южной, юго-восточной и восточной сторон, весьма опасны для кораблей, остающихся здесь. Притом открытое положение берегов подвергает их чрезвычайному буруну. Редко можно пристать на шлюпке к берегу без большой опасности, а особливо по обманчивому виду буруна у берегов, несколько приглубых. Будучи в расстоянии 20 и 10 сажен от берега, кажется вода при оном покойна. Но в самое мгновение, когда надобно пристать, бурун поднимается, крутится и, низвергаясь на шлюпку, разбивает ее в куски. Таким образом в заливе Платенберг при нас погиб английский морской капитан Колвергоус с своею женою и со всеми бывшими с ним на шлюпке, подъезжая к берегу. Стоявший на оном человек предостерегал его и кричал, чтобы он воротился по причине опасности от бурунов, но он полагался более на свои глаза и обманулся. Шлюпка была залита и разбита на мелкие

части, а его выкинуло на берег, держащего в руках свою супругу.

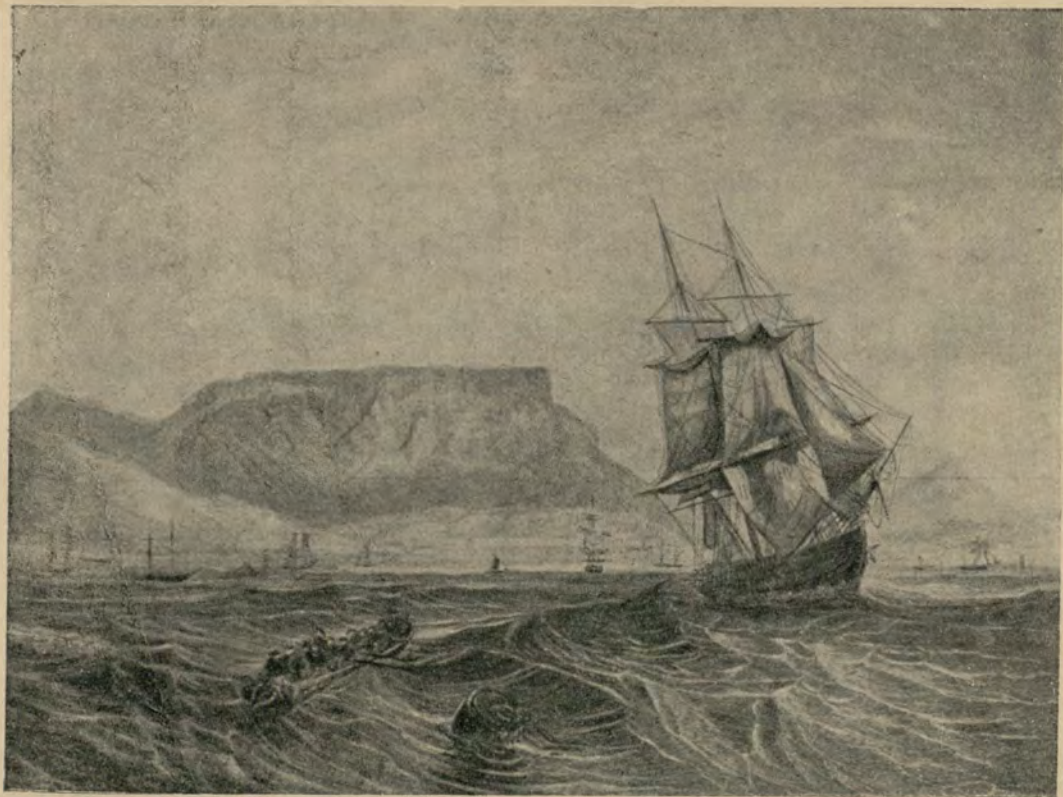
В эти опасные заливы суда купеческие иногда заходят, но бывают там самое короткое время, какое только необходимо нужно для принятия груза. Из залива Моссель они привозят хлеб и лес, из Платенберга строевой лес для адмиралтейства, а из Алгоа соль и соленое мясо.

Столовый залив

Столовый залив есть первая пристань и главный порт колонии мыса Доброй Надежды. Но название это принадлежит ему не по качествам, какие должен иметь приморский порт, а по положению при оном столы колонии. Капштат, заключающий в себе более четвертой доли всего числа жителей, будучи местом пребывания правительства, всех чиновников, войск, купцов и вообще достаточных и значащих людей, заставляет все суда, как военные, так и купеческие, имеющие дело до колонии или надобность в ее пособиях, приходить в здешнюю пристань по необходимости, какова, впрочем, опасна она ни есть.

Прилив бывает невелик и течение весьма слабо: вода не возвышается более 3 футов, кроме жестоких морских ветров и других необыкновенных случаев, поднимающих ее выше сего предела. Открытое его положение для всех ветров, дующих из NW четверти горизонта прямо с океана, делает здешний рейд чрезвычайно опасным и нередко гибельным для кораблей в зимние месяцы, в кои северо-западные ветры господствуют здесь и дуют часто с невероятной жестокостию. Остров Гобен, находящийся перед отверстием залива, почти на середине между обоими его берегами, столь мал в сравнении с расстоянием его от берегов и пространством залива, что служит очень мало значащею защитою стоящим на рейде судам от океанских ветров.

Но рейд здешний не в одни только зимние месяцы опасен, и не всегда при северо-западных ветрах. Нередко были примеры, что в летнее время, при восставших от NW бурях, суда погибали подле самого города. В 1799 году английский линейный

Капштат. На заднем плане видна Столовая гора.

корабль «Скипетр» (Sceptre), летом стоявший в Столовом заливе, 5 ноября, по случаю празднуемого англичанами торжества, в час пополудни салютовал из пушек, а к 10 часам вечера того же дня едва обломки корабельных членов приметны были на берегах залива. С ним погибли в одно время: датский военный корабль и много купеческих судов*. Долго жившие здесь моряки меня уверяли, что редкий год проходит, когда бы у них не было в ноябре месяце, по крайней мере, одной бури от NW.

Ветры SO, в летние месяцы в здешних морях владычествующие, хотя не могут быть гибельны для судов, стоящих на Капштатском рейде, потому что под ветром у них чистое море, но они бывают весьма беспокойны и опасны мачтам, стеньгам и пр. Шквалы или порывы,

* В несчастный этот день погибло на корабле «Скипетр» более 350 человек, в том числе капитан и почти все офицеры, а спаслись только около 50 человек. Датский корабль назывался «Ольденбург» с 6 пушками. Купеческих судов погибло восемь.

низвергающиеся с вершины Столовой горы, иногда дуют с такой силою, что срывают корабли с якорей и уносят в море. Часто ветры таковые продолжаются по два и по три дня. Стремление их невероятно. Я сам видел своими глазами, как они выломали с корнем два больших дуба в губернаторском саду. На площадях и на улицах валяющиеся камешки поднимаются ими и несутся с такой скоростью, как простая пыль при обыкновенных крепких ветрах. Жители всегда при SO бурях закрывают ставни у окон, обращенных к ветру. Но это не защищает их от тонкой пыли, которая, сквозь самые малейшие скважины пробираясь в комнаты, покрывает слоями пол, стены, мебель, платье и пр. и даже набивается в закрытые и запертые сундуки, сквозь ключевые дыры. Трудно бы мне было этому поверить, если бы я не испытал сего над собственным моим платьем, которое было в деревянном, кожей обитом сундуке заперто.

Ужаснее и величественнее картины вообразить себе нельзя, какую

можно видеть здесь в зимние северо-западные бури, всегда сопровождаемые громом и молнией. Ревущий ветер, потрясающий здания и производящий беспрестанный стук в окнах и дверях, прерывается только сильными громовыми ударами, рассыпающимися над самой головой. Частая и яркая молния, освещающая на несколько секунд окрестности и волнующееся, кипящее у берегов море; стоящие на рейде, в большой и беспрестанной опасности, корабли и вершины черных гор, окружающих Капштат; глубокая тишина и бездействие во всем городе — суть такие предметы, которые вселяют в сердце какой-то необыкновенный священный трепет... Случившаяся при мне в Капштате жестокая буря вечно будет живо запечатлена в моей памяти.

Зимними месяцами на мысе Доброй Надежды считаются последняя половина апреля, май, июнь, июль, август и половина или весь сентябрь. В это время здешнее море бывает подвержено частым бурям, дующим из NW четверти, кои иногда свирепостью не уступают почти настоящим ураганам. Поэтому Голландская Ост-Индская компания поставила законом для своих кораблей, чтобы они никогда не останавливались в Столовом заливе от 19 апреля до 15 сентября, а переходили бы в Симанский залив.

Ныне же английские военные суда обыкновенно оставляют его в первых числах мая по новому стилю, а возвращаются в начале сентября. Но купеческие суда бываю там во всю зиму. Малое углубление их позволяет им стоять между берегом и баром, который, перехватывая волны, уменьшает их величину и ярость. Следовательно, они и не подвержены такой большой опасности, как большие суда, ничем не прикрытые от свирепости океанского волнения.

Черные, сгущающиеся на горизонте в северо-западной его четверти тучи, мало-помалу поднимающиеся, суть непрменные и вернейшие признаки приближающейся бури; и тогда все стоящие здесь суда обыкновенно начинают готовиться к отращению бед, коими она угрожает. А в

летние месяцы, когда вершина Столовой горы вдруг покрывается белым облаком, которое постепенно начнет, увеличиваясь, опускаться книзу по крутой стороне горы*, служит никогда не обманывающим предшественником крепкого шторма от SO. При первом появлении сего облака корабли, стоящие на рейде, тотчас начинают спускать стеньги и реи, готовить запасные якоря и пр.

Сей залив имеет столь опасный рейд, что английский контр-адмирал Стерлинг, бывший перед нашим прибытием главнокомандующим здешней эскадры, имел намерение установить, чтобы военные суда во весь год никогда сюда не приходили, а для исправления своих надобностей останавливались бы в Симанском заливе.

Я спрашивал у многих сведущих голландцев, что бы могло быть причиною выбора такого дурного и опасного залива для главного порта и почему первые основатели колонии не предпочли Фалс-Бай сему месту.

Самые сведущие полагали причиною тому незнание, что существует Симанский залив, ибо по документам, сохраненным в архивах колонии, известно, что Симанский залив найден первыми колонистами спустя 30 лет после основания Капштата, когда уже многие здания с великими издержками были там построены. По основании же сего города скоро из него был послан отряд берегом для отыскания со стороны Фалс-Бая удобной пристани, где бы построить город. Тогда вся колония была покрыта лесом, наполненным лютыми зверями; посланный отряд через шесть недель достиг Фалс-Бая по северную сторону Мюзенбурга; следовательно, Симанского залива приметить не мог, и, возвратясь, донес о невозможности далее продолжать изыскания, о трудности пути и об

* Подле самой Столовой горы есть другая высокая гора, называемая Дьявольской, а потому, когда первую из них перед бурей облако станет покрывать, то английские матросы говорят, что на стол чорту накрывают; а голландская примета — что он в гости собирается и это ему парик готовят. Вот что называется «всякий молодец на свой образец»: англичанам нравится сытный обед, а голландцам — хорошо причесанный парик.

опасностях, встречающихся от великого множества львов и тигров*.

Фалс-Бай и Симанский залив

При взгляде на план Фалс-Бая тотчас видно можно, что пространство и открытое положение сего залива не делают его спокойным и безопасным портом. Но природа вознаградила сей недостаток небольшим заливцем, вдавшимся в западный берег Фалс-Бая; залив этот назван Симанским, по имени одного из бывших здесь губернаторов.

В Симанском заливе на мягком песчаном дне и на глубине от 4 до 12 сажен могут стоять судов до пятнадцати, очень спокойно и в совершенной безопасности, кроме того судов 20 и более на выходе залива, не подвергаясь ни малейшей опасности, лежать на якорях могут. Грунт там песчаный, самый лучший для держания якорей, и глубина не более 15 и 17 сажен. Волнение также много уменьшает своей ярости, пройдя почти через все пространство Фалс-Бая. Но стоять в этом месте летом, хотя опасности и нет, очень беспокойно, потому что тогда ветры от SO дуют часто, а волнение при них сильно качает корабль и препятствует иметь сообщение с берегом гребными судами.

Рейд Симанского залива природою кажется разделен на-двое: один можно назвать малым, или внутренним, а другой большим, или наружным, рейдом. Створная линия восточного мыса Фалс-Бая, называемого Фальшивым, и камня, называемого Ноевым Ковчегом, есть предел, разделяющий два рейда. Суда, стоящие на малом рейде, совсем закрыты от волнения при SO ветрах восточным берегом Симанского залива, и чем ближе они стоят к берегу, тем лучше.

Когда колония находилась в руках голландцев, то их военные и ост-индские корабли никогда не останавливались к берегу ближе Ноева Ковчуга и так называемых Римских ка-

меньев, а потому при крепких ветрах от SO они были совершенно открыты всей силе океанского волнения, что самое и было причиной, почему Симанский залив считали столь же опасным в летние месяцы, как Столовый зимою. Но тринадцатимесячный опыт совершенно удостоверил нас в противном: во все это время шлюп дрейфовало только один раз, и то не от крепкого ветра, а оттого, что английский военный катер своим канатом задел за наш якорь и поворотил его. Впрочем, как бы ветер крепок ни был, мы всегда могли отстаиваться на одном якорю.

Правда, что мы стояли в самом заливе и, как я выше его назвал, на малом рейде; но при нас много раз линейные и ост-индские корабли стаивали на большом, или внешнем, рейде и жестокие SO штормы никогда их не дрейфовали. Хотя с большого рейда в крепкие от SO ветры на шлюпках ездить невозможно, но на малом рейде очень редко случается, чтоб с берегом нельзя было иметь сообщения, а пристать к берегу у самого города всегда можно без малейшей опасности.

В Симанском заливе прилив поднимается до 5 фут, а в крепкие с моря ветры вода иногда возвышается более 6 фут, но течение едва приметно бывает. Ветры здесь натурально теми же законами управляются, как и в Столовом заливе. Господствующие из них NW и SO: первый в зимние, а последний в летние месяцы. Но горы, разделяющие западный берег от восточного и находящиеся поблизости Столового и Симанского заливов, причиняют немалую разность в силе и действии ветров, дующих в одно и то же время в тех двух заливах. Разность эта состоит в следующем: северо-западный крепкий ветер в Столовом заливе дует ровно и постоянно, и когда усиливается, то постепенно, а в Симанском заливе в то же самое время приходит он шквалами через несколько минут один после другого, с равною силою и с некоторою переменою в направлении. Юго-восточные ветры, наоборот, точно так дуют в Симанском заливе, как северо-западные в Столовом, и в сем последнем — шквалами.

* Прежде в окрестностях Капштата было множество сих опасных животных, и правление колонии наложило особенную подать, под названием «подать львов и тигров», которая употреблялась для истребления оных. Но ныне львов здесь близко совсем нет, а тигры иногда попадаются¹⁵⁸, только редко; все они ушли далее внутрь колонии.

В 9 часов пополудни 16 мая при лунном свете мы заметили, что оконечность мыса Доброй Надежды находилась от нас по компасу на WtN в 5 милях глазомерного расстояния; от сего места мы стали вести свое счисление.

Намерение мое было скорее удалиться к югу, плыть в больших широтах прямо к востоку и, обойдя Новую Голландию, не приходя на вид берегов оной, пройти между ею и Новой Зеландией, итти по восточную сторону Ново-Гебридского архипелага и, пройдя между Ново-Филиппинскими или Каролинскими островами¹⁵⁹, править прямо к Камчатке. Расстояние было велико, время коротко и главного провианта — сухарей — немного, так что я принужден был производить команде менее двух третей регламентной порции. Но план мой, благодаря судьбе, как то впоследствии видно будет, удался во всем по моему желанию. День и ночь мы несли все возможные паруса; офицеры и нижние чины были неутомимы.

Необыкновенная расторопность и рвение, каковое оказали все служившие на «Диане» при вступлении под паруса, требовали справедливой с моей стороны признательности, которую я изъявил им формальным образом — письменным приказом, назначив нижним чинам по высочайше данной мне власти денежное награждение.

Малоизвестность пути и недостатки в съестных припасах заставили меня принять некоторые особливые меры осторожности в продовольствии, кои предписал я команде также письменным приказом.

Около полудня 19-го числа увидели мы сверху большое трехмачтовое судно прямо у нас впереди, почему и приготовили шлюп к сражению, но по приближении к оному рассмотрели, что то было купеческое судно, которое шло к востоку.

Пользуясь благоприятным ветром, мы правили к югу до 6 часов пополудни 21-го числа, а потом, достигнув широты 40°, стали держать к юго-востоку.

В 3¹/₂ часа после полудня 22-го числа последовала внезапная перемена

ветра. С нашедшим от SW шквалом при дожде и ветер, довольно крепкий, с порывами, начал дуть из сей четверти, причем мы продолжали плыть к SO. Сего числа после полудня мы видели необыкновенное множество альбатросов, пинтад и петрелей. И прежде сии морские птицы, обыкновенные спутники мореплавателей Южного океана, всякий день около нас летали, с самого отплытия от мыса Доброй Надежды, только не в таком множестве.

К ночи ветер стал дуть тише. Погода была облачная с полудня же и дождь пошел. Перед захождением солнца ветер сделался крепкий от O, и на ветре блистала молния, слышен был гром. Тучи постепенно приближались, и временно шел проливной дождь. С 11 часов ночи ветер утих, но до 3¹/₂ часов пополудни часто находили легкие, но продолжительные порывы, которые наносили страшные, грозовые тучи, из коих блистала ужасная молния и гремел чрезвычайный гром. Мы, так сказать, были окружены молниеносными огнями, и некоторые удары били в воду очень близко нас. Я хотел было поднять громовые отводы, но беспрестанно почти переменявшиеся ветры, частые порывы и совершенная темнота ночи заставляли меня опасаться, чтоб оные не произвели противного действия и вместо отведения ударов не привлекли бы их.

Гроза продолжалась до 4 часов утра.

Во всю ночь, доколе молния и гром свирепствовали в высочайшей степени своей силы, все офицеры и нижние чины находились наверху на случай пожара.

25-го числа ветер дул при ясной погоде до 10 часов вечера. Потом нанес тучи, с проливным дождем, из которых блистала почти беспрестанно яркая, жестокая молния с пресильными громовыми ударами. Гроза сия была несравненно ужаснее, нежели та, которую мы имели в прежнюю ночь. Она продолжалась до самого рассвета, и в продолжение оной временно мы видели так называемый

Сент-Эльмский огонь¹⁶⁰ на вершине флюгерного шпица, который был медный. Огонь сей казался шарообразным, величиною с голубиное яйцо, был виден по нескольку минут сряду. Удары молнии били в воду подле самого шлюпа. Один из них столь близко пролетел мимо лица моего, что я почувствовал непомерную теплоту; яркий блеск оного так меня ослепил, что я несколько минут не мог видеть Рикорда, стоявшего в двух шагах от меня. Начал уже думать, не потерял ли я зрения навсегда, но после понемногу предметы мне показались. Сию ночь мы провели с таким же беспокойством, как и прежнюю. Будучи во все время грозы подвержены сильному дождю, стоя при своих местах наверху, шли своим путем, а в ночь с 5 на 6 июня, когда находились в широте около 42° , а в долготе около 65° , выпала большая роса. Я упоминаю о сем обстоятельстве для того, что многие мореплаватели думают, будто роса есть верный признак близости земли. Но в сем случае ближайшая от нас земля находилась в 250 милях¹⁶¹. Разве мы проходили какую-нибудь неизвестную еще землю. Сего числа нашли мы, что многие из водяных бочек были неполны. Почему я счел за нужное уменьшить порцию воды.

В сии дни на море совсем не было зыби, свойственной сему океану; а движение вод не более было, как в каком-нибудь средиземном море. В те же дни видели мы несколько пучков морского растения; по ночам примечали около судна стада морских свинок и двух или трех небольшого роста китов; ночи были яснее дней.

До 7 июля не случилось с нами ничего особенно примечания достойного, ветры дули по большей части из NW и SW четверти и весьма крепкие, при мокрой, сырой погоде. Видели разного рода свойственных климату птиц, китов и морские растения. А достигнув долготы 120° , стали часто встречать светящиеся тела, которые прежде редко видны были, и однажды между множеством темных альбатросов, обыкновенных в здешней стране, попался один белый. Это большая редкость в сей части Южного океана. А сего числа (7 июля) в 11 часов утра мы прошли меридиан

южной оконечности Вандименовой Земли¹⁶² в расстоянии от оного $120\frac{1}{2}$ миль и видели несколько пучков настоящего морского растения, альбатросов, петрелей и пингадов. В ночь летала около нас несколько часов маленькая береговая птичка.

Достигнув меридиана южного мыса Вандименовой Земли, можно сказать, что мы совершили плавание от мыса Доброй Надежды до Новой Голландии, на что употребили 51 день, в которые прошли, считая по прямой черте, 5910 миль, или 10 340 верст. Приняв в рассуждение весьма дурной ход «Дианы», видно, что без большого благоприятства ветров и попутного течения нам невозможно было перейти в такое время столь великое расстояние.

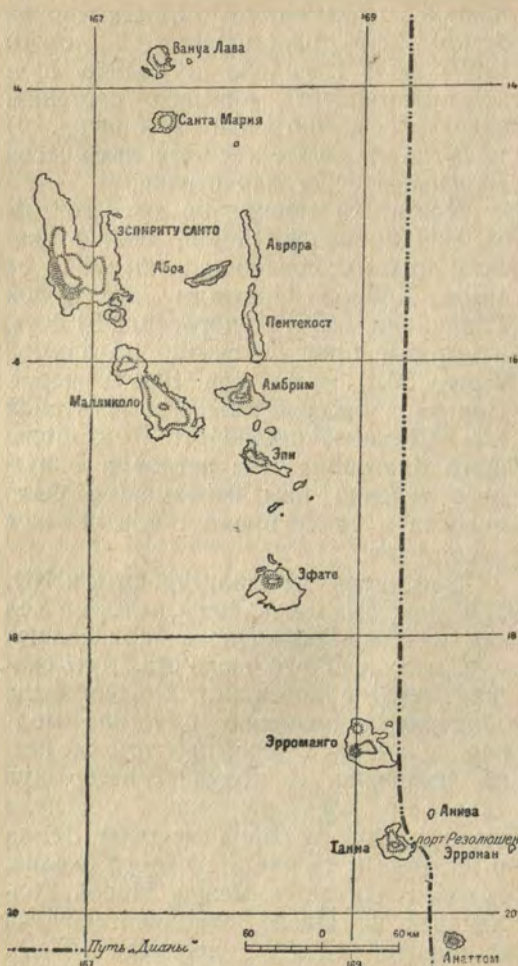
8-го числа мы стали править к NO. Сей курс был ближайший, который вел нас к Ново-Гебридскому архипелагу.

С полуночи 9-го числа стал дуть свежий ветер с порывами. Погода была облачная, и временно блистала молния, а в 4 часа утра, при том же ветре, выяснило. К полудню ветер дул тихо. Но мы уже теперь обогнули южную сторону Вандименовой Земли и входили в ту часть Южного океана, которая вливается между Новой Голландией и Новой Зеландией. Будучи в широте $43\frac{1}{2}^{\circ}\pm$, долготе $153^{\circ}\pm$, имели ужасно большую зыбь от WSW.

Ветер и погода с порывами продолжались до 8 часов утра 11-го числа. Потом ветер сделался гораздо тише, и погода выяснилась; но большая зыбь от WSW шла попрежнему. Сегодня она кончилась; это означало, что мы прошли границу Южного океана с той стороны, ибо мы сего числа в полдень находились почти на параллели северной оконечности Вандименовой Земли.

В 4 часа пополудни 11-го числа нашел шквал с дождем, и с того времени свежий ветер стал дуть из SW четверти с порывами, при облачной дождливой погоде.

12-го числа с полуночи до 5 часов утра был свежий ветер с крепкими порывами, при облачной погоде; а потом при тех же обстоятельствах дул он от S прямо, до полудня 13-го числа; после чего перешел ветер к SO. Погода была облачна, однакоже иногда прояснивало.

Ново-Гебридские острова.

В атмосфере мы начали чувствовать большую перемену: воздух был теплее; сегодня океанских птиц весьма мало было видно, и в первый раз показалась летучая рыба. В полдень мы находились по обсервации в широте $36^{\circ}58'40''$, в долготу по хронометрам $159^{\circ}57'15''$.

Во все сутки 14-го числа ветер дул по большей части тихий и умеренный; погода была малооблачна, с просиянием солнца, а временно облачно и шел дождь. К полуночи на 15-е число ветер стал крепчать, а в полночь, отошед к О, дул прямо от сего румба очень крепкий. До 8 часов утра стояла светлая погода, потом сделалось облачно и временно начинал итти дождь.

Ветер крепкий от О со шквалами дул во все сии сутки; а в ночь на 16-е число от того же румба стал дуть

еще крепче и с жестокими шквалами при дождливой погоде. А на рассвете ветер превратился в ужасную бурю и все дул прямо от О, при дожде и сильных шквалах. Кроме двух штормовых стакселей, мы не могли держать никаких парусов; да и из тех фок-стаксель нашедшим на судно валом, коего часть ударила в сей парус, изорвало в лоскутки.

17-го числа до 5-го часа пополудни также ужасная буря продолжалась прямо от О. Погода была облачная и с дождем, потом ветер несколько смягчился, но все еще дул жестоко до половины шестого утра 18-го числа, а в сие время нашел от N шквал с проливным дождем, громом и молнией. После сего ветер стих и стал отходить к W. Буря продолжалась более трех суток и во все сие время точно от одного румба, то есть от О; это весьма редко случается. Во все сутки (18-го числа) ветер был тихий, погода облачная, иногда с дождем, а часто выяснивало; ночью же к западу видна была молния.

Сегодня мы видели в первый раз свойственную жаркой зоне птицу, которую англичане называют *военным кораблем*, а французы *фрегатом*¹⁶³. Это было в широте $31^{\circ}\pm$, долготу $162^{\circ}\pm$.

Ближайшая из известных земель к нам в сие время была остров лорда Гоу¹⁶⁴, который отстоял от нас в расстоянии около 80 миль.

23-го числа в 6-м часу поутру прошли мы южный тропик в долготу $168^{\circ}50'$.

С полудня мы шли на N и до $6\frac{1}{2}$ часов вечера переплыли 25 миль. Следовательно, должны были по Арросмитовой карте находиться подле самого острова Валполя¹⁶⁵, коего долготу на оной $169^{\circ}18'$, широта $22^{\circ}30'$. Но мы, смотря его до самой ночи, с салинга¹⁶⁶ в зрительную трубу, увидеть не могли, почему я заключаю, что он положен на карте не в своем месте*. На верность же наших хронометров мы положиться могли, ибо во все время плавания нашего от мыса Доброй Надежды они шли очень правильно и всегда

* Сей остров открыт в 1794 году кораблем «Валполем», принадлежащим английской Ост-Индской компании, который шел тогда из порта Джаксона, что в Новой Голландии¹⁶⁷, в Кантон.

показывали почти одинаковую разность в долготе. Лунные наблюдения никогда не разнились с хронометром более 20 миль долготы к востоку.

Сего числа в 5^{1/2} часов пополудни стали мы править прямо к острову Анаттому¹⁶⁸, южнейшему из Ново-Гебридского архипелага*. Остров сей видел капитан Кук и определил географическое его положение, почему мы смело могли взять курс свой на него.

В половине четвертого часа пополудни на 25-е число открылся нам остров. Ночная зрительная труба мне его показала очень хорошо. Сначала, не зная точного до него расстояния, мы на четверть часа остались под малыми парусами. Но, присматриваясь в трубу, примерили, что мы от него далеко еще были. Тогда, поставив все паруса, стали держать прямо к нему.

В 6 часов рассвет нам его показал явственно: лежал он по румбу NW и SO в глазомерном расстоянии между двумя оконечностями миль 15 или 18 и имел фигуру, подобную крыше какого-нибудь большого здания. Но сию фигуру он сохранял, доколе расстояние до него не позволило нам рассмотреть неровностей его вершины; но, приблизившись миль на 15, все возвышения, изгибы и ущелины показались, и он тогда переменил вид. Издали он нам казался диким, голым, бесплодным, огромным, каменистым островом; но чем ближе мы к нему подходили, тем лучше открывались приятные его холмы и прекрасные рощи.

При рассвете, когда нам открылся остров Анаттом, увидели мы также и остров Тану¹⁷⁰ с салинга прямо перед нами. Сей остров приметен по курящейся на нем огнедышащей горе, о коей упоминается в путешествии капитана Кука. А в половине восьмого часа открылся нам с салинга остров Эрронан¹⁷¹.

* Острова сего архипелага открыты испанским мореходцем Кирсом в 1606 году, который назвал их островами Святого Духа; но за неимением способов не мог определить настоящего географического положения их. А капитан Кук, нашед их во втором своем путешествии кругом света, назвал Ново-Гебридскими островами¹⁶⁹, для отличия от Гебридских островов, лежащих на западе Шотландии.

В 10-м часу, приближаясь к острову Анаттому, заметили мы на нем во многих местах дым; сие было несомненным признаком, что остров обитаем. Тогда я велел поднять наш флаг. В самое сие время увидели мы, что с южной стороны от острова к западу простирается риф, в середине коего находился небольшой, покрытый зеленеющими деревьями, между коими видны были пальмы и кокосовые деревья, островок; а скоро после заметили, что за помянутым рифом и островком, ближе к берегу, была тихая вода, по которой жители ездили в своих кану**. Некоторые из них ходили по берегу, а другие плавали в бурунах у самого берега. Чем ближе мы подходили к берегу, тем более видели жителей.

В 12-м часу мы были от середины юго-западной стороны острова милях в двух и заметили множество людей на берегу, совершенно нагих. Они бегали с предлинными копьями, которыми, махая, делали нам знаки; но в угрозу ли оные были, или приглашали они нас к себе, мы не знаем. На их знаки я велел махать с приметного места корабля белым флагом, привязанным на длинном шесте, но жители от берега не отдалялись.

Наконец увидели мы, в расстоянии от нас около полумили, маленькую кану с выстрелами, или коромыслами***, на которой ехали два островитянина. Я тотчас приказал, убрав лишние паруса, держать к ним и велел махать с разных мест шлюпа белыми платками. Но они от нас погребли к берегу, крича что-то очень громко и показывая своими веслами к небольшой заводи, находящейся за рифом. Когда же мы привели на свой курс и стали прибавлять паруса, они опять за намиворотились; но лишь мы в другой раз поворотили к ним, они тотчас стали от нас удаляться и, продолжая кри-

** Так называются лодки всех диких народов, выдолбленные из одного дерева.

*** Так называются два шеста, с одной стороны лодки высунутые, к концам коих привязывается небольшое бревно, которое, тащась по воде с лодкою, препятствует ей опрокинуться, что неминуемо случилось бы без сей помощи.

чать, показывали на берег. Тело они имели черное, лоснящееся и были совершенно нагие; узкие повязки по поясу составляли всю их одежду; а у одного из них на груди висело что-то белое, эллиптической фигуры. Он, положив одну руку на грудь, другою держал весло и показывал к берегу, в знак, я думаю, того, чтоб мы шли туда, к заводу.

Гаванца сия имела пленительный вид; лежит она посредине юго-западной стороны острова. Я очень желал бы посетить сей остров, и более потому, что капитан Кук к нему не приставал. Но неизвестность, какие съестные припасы мы можем на нем получить, есть ли близко берега пресная вода, каково к нему приставать на гребных судах, каков нрав жителей и пр., — понудили меня предпочесть верное сомнительному и итти тотчас в порт Резолюшен* острова Таны, которого я надеялся достичь сего же вечера. Обстоятельства наши требовали, чтоб мы пришли нынешнею осенью в Камчатку; следовательно, поспешность была нужна.

В 1-м часу пополудни прошли мы северо-западную оконечность острова Анаттома, тогда остров Эрронан из-за него открылся. В то же время увидели мы другую кану с 4 человеками, милях в 4 или 5 от нас; к ней подходить мы не покушались, да и они к нам не хотели приближаться.

Остров Анаттом чрезвычайно высок.

Ровный попутный ветер от SO, при ясной погоде, скоро привел нас к острову Тана. Невозможность войти, доколе еще не было светло, в гавань заставила нас дожидаться до утра, почему мы в 7-м часу, убрав все лишние паруса, легли в дрейф и потом во всю ночь, при умеренном ветре, то лежали в дрейфе, то лавировали, делая короткие галсы. Небо было облачно и ночь очень темна, но танская огнедышащая гора, извергая большое пламя, служила нам вместо маяка. Мы знали по описанию капитана Кука, что она лежит близко гавани, почему по ней и располагали своим местом.

* Так названный капитаном Куком по имени его корабля.

Извержение сей горы имело величественный вид: сколь мы ни устали от дневных наших трудов, но не скоро оставили палубу, любясь столь прекрасной и вместе страшной картиной природы. Вообще мы день сей провели хотя в трудах и работе, но очень приятно.

Коль скоро поутру в 7-м часу (26-го числа) довольно стало светло, то мы, при тихом ветре от NO, пошли к юго-восточному берегу острова Таны, чтоб осмотреть вход в порт Резолюшен. А так как помянутого залива карты у нас не было, а к юго-западу от нас показался нам залив, способный принимать суда, то мы туда и стали держать вдоль песчаного берега, перед коим был риф, на котором бурун разливался страшным образом. По берегу бегало множество черных нагих жителей. Все они от старого до малого были вооружены длинными рогатинами и дубинами; они нам делали разные знаки и махали, повидимому приглашая к себе.

Пройдя несколько вдоль берега, увидели мы, что показавшееся нам заливом не что иное было, как небольшая заводь, загражденная рифом, почему мы, поворотив назад через фордевинд, стали держать к северу. Тогда ветер вдруг утих, а зыбь стало валить нас к рифу. Мы бросили лот и нашли глубину слишком большую и неспособную положить якорь. Тогда вмиг спустили мы гребные суда. Но и они не в силах были оттащить нас от камней, к коим нас прибило. Мы видели ясно свою гибель: камни угрожали разбитием нашему кораблю; а несколько сот диких, на них собравшихся, грозили смертию тем из нас, которые спаслись бы от ужасных бурунов при кораблекрушении. Однакож богу угодно было избавить нас от гибели: в самые опасные для нас минуты вдруг повеял прежний ветер, в секунду мы подняли все паруса. Никогда матросы с таким проворством не действовали, и мы миновали в нескольких сажнях надводный камень, которым кончался риф. Вот какова жизнь мореходцев! Участь их часто зависит от дуновения ветра.

Пройдя помянутый камень, увидели мы вдаввшийся довольно далеко

Острова Анаттом, Тана и Эрронан (слева направо).

Остров Анаттом.

Остров Тана.

Рисунки из первого издания книги Головнина.

залив, к которому и жители, стоя на берегу, нам махали, почему я лег в дрейф и послал на шлюпку штурмана Хлебникова осмотреть оный. При выезде нашей шлюпки в залив встретили ее двое диких на одной кану; они держали в руках зеленую ветвь — обыкновенный мирный знак между жителями островов Тихого океана. Хлебников их обласкал, подарил им несколько холстинных полотенцев и бисеру, за что они отдали тринадцать кокосами.

Возвратясь на шлюп, он объявил о гавани следующее: положение оной от N к S, по глазомеру на милю в длину и с полверсты в ширину; глубина в ней от 7 до 8 сажен; на дне мелкий серый песок, а проход с моря 10, 9 и 8 сажен глубиною; гавань открыта только от северного ветра.

Хотя мы точно и не знали, та ли эта губа, в коей был капитан Кук и которую он назвал порт Резолюшен, однакож я решился войти в оную, почему и велел править ко входу. В 9-м часу мы вошли в помянутый

залив и положили якорь, при радостных и громогласных криках великого множества островитян, собравшихся по берегам залива и на лодках около шлюпа. Коль скоро мы вошли в залив, то, сравнив положение внутренности оного с описанием, которое Форстер¹⁷² сделал в своем путешествии порту Резолюшен, мы тотчас уверились, что это тот самый, что и найденною астрономическими наблюдениями широтою после подтвердилось.

Здесь я должен сказать, что по приходе к острову Тане у нас оставалось пресной воды количество слишком достаточное на переход наш в Камчатку. Морских провизий мы здесь получить не могли; но я надеялся запастись плодами, курицами и свиньями для подкрепления служителей, опасаясь, чтобы цынготная болезнь между ними не распространилась; притом мне хотелось узнать кое-что о жителях сих островов, которых из новейших мореплавателей никто со времен Кука не посещал*, да уповательно, что и прежде его один только Кирос их видел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пребывание на острове Тане и некоторые замечания об оном

Между собравшимися около нас на лодках островитянами был один их старшина или владелец по имени Гунама, который разными знаками изъявлял нам свое доброхотство и предлагал услуги; а мы для объяснения ему наших надобностей прибегнули к путешествию капитана Кука, писанному Форстером, выбрав из находящегося там небольшого словаря названия вещей, нам нужных, которые и повторяли жителям, сопровождая оные притом разными телодвижениями. Гунама скоро нас понял, когда мы говорили *тавай* — вода, *буга* — свинья, *нюи* — кокосовые орехи, *эмер* — хлебный плод, *ани* — есть, *нуи* — пить и проч.

Он, во-первых, показал нам на то место, где мы можем наливать пресную воду; по положению оного видно было, что оно то самое, где корабли капитана Кука наливались. Желая прежде осмотреть сие место, я поехал в 12-м часу на берег с двумя во-

оруженными гребными судами. Коль скоро я отвалил от шлюпа, Гунама подъехал ко мне на своей кану. Я пригласил его сесть в шлюпку, что он и исполнил без малейшей отговорки.

На пути он был смел и разговорчив; любовался нашей одеждою и всеми нашими вещами, которые ему на глаза попадались. Я спрашивал его об именах их островов; он знаки мои понял и называл их точно так, как Форстер в своей книге их называет. Я с моей стороны старался ему объяснить, что мы пришли издалека и принадлежим к многолюдному, сильному государству, называемому Россия, и что имя нашего корабля «Диана». Но сколько я ни старался вразумить в него мои мысли, все было без успеха; из всех моих слов,

* Антрекасто¹⁷³, ходивший для искания Лаперуза, плыл в виду сих островов, но не приставал к ним.

телодвижений и знаков он понял, что меня зовут Диана. Сему открытию он весьма обрадовался и тотчас, став на ноги, кричал всем своим товарищам, которые на лодках около нас ехали: «Диана! Диана!», показывая на меня. Они, видя сие, то же повторяли во все горло. Слово «Диана» произносили они весьма хорошо.

Увидав свое неискусство в разговорах с жителями одного острова, я оставил их в тех мыслях, что мое имя Диана, которым они называли меня во все время нашего у них пребывания; да и теперь, может быть, они меня под сим именем помнят. Он хотел знать, есть ли у нас на корабле женщины, и, услышав, что нет, стал громко смеяться. При сем случае он много говорил и казалось, что шутил на наш счет, как мы можем жить и продолжать свой род без другого пола; или смеялся нашей ревности и страху, что мы скрываем от них своих жен.

Между тем несовершенство способ, коими мы объяснялись, и меня ввело в ошибку. Я просил у Гунамы свиней, давая ему разные подарки, как то: ножи, ножницы, бисер и пр., и показывая ему еще другие, лучшие, которыми хотел заплатить за них. Он меня понял очень хорошо и обещался, показывая на пальцы, дать мне десять свиней; причем показал на шлюпку, в коей мы ехали на берег, где он живет. Я заключил, что если придем мы шлюпку к его жилищу, то он променяет на предлагаемые от нас вещи десять свиней. Однакож после открылось, что он предлагал мне такое число сих животных за мою шлюпку, которая была лучшая из всех наших гребных судов и с которою я ни за что не мог расстаться.

Когда он узнал, что я не хочу променять ему шлюпки на свиней, то просил, чтобы за каждую его свинью дал я ему буга с рогами; буга значит свинья, а рога он показывал пальцами; через сие он разумел корову, барана или козу, которых, верно, они видели у капитана Кука; и как кроме свиней не имеют они никаких других четвероногих, то и других животных о четырех ногах также называют буга.

Вот это один случай, который показал нам, что они имели сношение с европейцами; да еще показывает,

что они нас видали, знание их действия и силы пушек, указывая на них, они знаками и шумом извещали, что им известны сии страшные и смертоносные орудия*. Впрочем, нет между ними ни малейших признаков, чтобы к ним приходили когда-либо европейские суда: не видали мы у них никакой европейской вещицы, несмотря на то, что Кук роздал им множество вещей, а особливо железных инструментов; и не знают они ни одного европейского слова.

Таким образом объясняясь с Гунамою, мы пристали к берегу, где встретили нас несколько сот вооруженных людей. Имея при себе ружья и мушкетоны, мы их не боялись и прямо вступили на берег, сказав Гунаме, чтобы он не велел своим соотечественникам близко к нам подходить, если они не отнесут оружия своего в лес. Желание наше он тотчас исполнил; почему из диких множество бросились в кусты, положили там свое оружие и возвратились к нам с простыми руками; самая же большая часть их, не покидая своих дубинок и стрел, стояла поодаль.

Осмотрев место, где должно было брать воду, я увидел, что оно то самое, где и капитан Кук наливал оную. Это было превеличайшее болото, усеянное тенистыми островами, лесом и кустарником. Часть одного, похожая на пруд, подходит на расстояние четверти версты к тому берегу, где мы пристали; тут вода немного глубже, но чрезвычайно мутна и даже грязна. Кук также жалуется на сей недостаток. Я спрашивал у жителей, нет ли воды лучше у них. Они сказали, что есть в горах, только очень далеко; почему принуждены были довольствоваться тем, что есть на берегу.

Одарив более приветливых из диких разными безделками и выме-

* Когда капитан Кук послал свои гребные суда в первый раз здесь на берег, то жители сделали на людей его нападение, но Кук, подозревая их злое намерение, заблаговременно приказал приготовить пушки на кораблях к действию, выстрелы из коих ядрами по лесу мимо ушей жителей тотчас их разогнали и так настрашали, что после они не отважились уже нападать на него. Очень вероятно, что сему средству и мы обязаны за ласковое их с нами обхождение.

няв у них несколько кокосов и других растений, я возвратился в первом часу на шлюп; а между 2 и 3 часами пополудни подошли мы ближе к южному берегу залива, где надлежало нам брать воду. Остальную часть дня занимались мы работами на шлюпе, а за водою посылать было поздно. Сегодня у жителей мы выменяли 114 кокосовых орехов, две ветви платанов¹⁷⁴ и корень ям¹⁷⁵ весом 21 $\frac{1}{2}$ фунтов; а вечером Гунама привез мне в подарок поросенка весом в 29 фунтов, за что я подарил ему большие ножницы, несколько парусных иголок и бисеру.

Осторожность, какую всегда должно наблюдать в обращении с дикими, заставила меня принять меры и сделать распоряжения, какие показались мне нужными. На сей конец предписания мои я сообщил по команде следующим письменным приказом:

*«В порте Резолюшен острова Таны,
июля 26-го дня 1809 года»*

Во время пребывания шлюпа «Дианы» в порте Резолюшен острова Таны, а также и во всех других гаванях островов Тихого океана, населенных дикими народами, если обстоятельства заставят нас пристать к оным, предписывается следующее:

1) Чтоб понудить жителей снабжать нас свежими провизиями, не позволяется ни офицерам, ни нижним чинам выменивать у них никаких других вещей, кроме съестных припасов, коими запасишься от меня будет дано знать, и тогда уже всякий может покупать и менять для себя что хочет.

2) Чтобы всякий из служащих на шлюпе, как те, которые должны беспрестанно заниматься должностию, следовательно, и не будут иметь времени никакой мены с жителями сделать, так и имеющие от своих занятий по службе более досуга, могли равную часть получать свежих провизий, не позволяется никому собственно для себя никаких съестных припасов выменивать, а вся покупка и мена будет производиться вообще и провизия делиться на команду поровну.

3) Над меною будет надсматривать лейтенант Рикорд.

4) На рейде офицерам днем вахт не стоять, а только одним гардемаринам; а ночью стоять всем на вахте, как на море.

5) Вся вахта от наступления темноты до рассвета должна быть вооружена, как описаны они для абордажа¹⁷⁶.

6) При работе на берегу будут мичманы Мур и Рудаков по очереди; им поступать по приложенной в сигналах инструкции.

7) Гардемарину, которого неделя быть у раздачи провизий, наблюдать, чтобы большим никаких привезенных с берега свежих провизий не выдавать без назначения лекаря и не свыше определенного им количества.

Во все сутки 27-го числа погода была ясная, при местных облаках, ветер же самый тихий. Поутру, в 6 часов, послал я вооруженные гребные суда на берег за водой и дровами и сам на своей шлюпке с ними поехал. Встречены мы были небольшим числом жителей. Скоро их собралось множество. Приходили они с деревянными копьями, стрелами и дубинками; всю все почти оружие свои клали в лесу, а к нам подходили безоружны и обращались с нами по-дружески. Многие из них сами вызвались таскать наши бочонки с водою (каждый от 4 $\frac{1}{2}$ до 5 $\frac{1}{2}$ ведер), за что получали по две бисеринки за каждый бочонок и весьма были довольны сею платою.

Около полудня мы возвратились с водою и дровами на шлюп, а после обеда опять поехали на берег. Островитян было более прежнего. Они нас встретили, как старых друзей, и помогали наливать воду и таскать дрова. Несмотря, однакож, на их, по наружности, дружеское расположение, мы были осторожны; поэтому, кроме работавших людей, все прочие были беспрестанно в ружье.

В 5-м часу все мы возвратились на шлюпы. Занятия офицеров на берегу были различны. Всякий из них исполнял, что ему было определено: один надсматривал над работами; другой начальствовал конвойными людьми; кто выменивал у жителей съестные припасы; кто делал астрономические наблюдения и другие замечания, а кто собирал слова языка здешних жителей*. Сегодня мы выменяли у них: кокосовых орехов 250,

* К сему делу был употреблен мичман Мур, тот самый несчастный офицер, который после был со мною в плену у японцев. Он имел удивительное искусство объясняться пантомимами; сим средством составил он довольно пространный словарь танскому языку, который, однакож, во время нашего плена был затерян.

корня яму 175 фунтов, сахарных тростей 66 фут, платанов 4 ветви.

Под вечер мы ездили на восточный берег залива, к жилищу приятеля нашего Гунамы. Шалаш его не отличался ничем от других, кроме величины, и был пуст вовсе. Надобно думать, что они все свое имущество унесли в лес, дабы мы, прельстясь оным, не сняли у них их пожитков. Даже те вещи, которые мы им дарили, на другой день по получении оных от нас они скрывали; также и свиней всех, коих кал около хижины мы заметили, подозрительные островитяне угнали в леса. Известно, что жители островов Тихого океана считают европейцев голодными бродягами, которые скитаются по морям для снискания себе пищи; танские островитяне, верно, опасались, чтобы мы не узнали, что у них много свиней, и не поселились между ними. Капитан Кук, так же, как мы, немного мог выменять у них сих животных.

Гунама нас встретил на самом берегу и принял ласково: потчевал он нас кокосовыми орехами, которые при нас велел одному мальчику лет 10 или 12 достать с дерева. Мы удивились, с какой легкостью мальчик сей взощел на дерево, которое к горизонту было наклонено не менее как градусов на 60; он шел по нему ногами, как по земле, а руками только придерживался. Не менее того удивила нас чрезвычайная крепость, какую жители сии имеют в зубах: мы принуждены были для получения молока или соку из кокосовых орехов прорубать их топором или прокалывать большим ножом, но они прокусывали их зубами в одну секунду и так же легко, как бы нам раскусить обыкновенный орех.

Гунама показал нам двух своих сыновей: один был мальчик лет 14 и назывался Ята, а другой лет 10, по имени Кади. Он с ними вместе и в сопровождении человек пяти или шести других островитян провожал нас по берегу, где мы гуляли; но не хотел, чтобы мы подходили к их кладбищу, которое было в лесу, и мы видели оное только издали. Равным образом препятствовал он нам обойти северо-восточный мыс гавани, о коем Форстер упоминает, что и их туда они не пустили.

Сделав некоторые подарки за ласковый прием Гунаме, детям его и другим, мы при захождении солнца возвратились на шлюп. Ночь на 28-е число была очень хороша, почему я приказал служителям по очереди мыть свое белье; а с рассветом опять поехали наши гребные суда за дровами и водою.

Штурман же Хлебников с учеником Средним были употреблены к описи и промеру гавани.

Около полудня гребные наши суда с водою и дровами возвратились; после полудня еще раз успели они съездить. Жители принимали нас попрежнему дружелюбно, отнюдь не покушаясь украсть у нас что-нибудь, а того менее напасть открытой силой.

Мы возымели к ним некоторую доверенность. Правду сказать, что мы более доверяли их страху огнестрельного нашего оружия, нежели добрым их свойствам.

Впрочем, как бы то ни было, но мы ходили стрелять не более как по двое и по-трое вместе и весьма далеко уходили от берега в лес. Из жителей многие нам попадались навстречу, а некоторые сопутствовали нам для показания птиц, но оскорблений нам никаких не причиняли. Нам делали только некоторую досаду проводники наши, ибо, полагая, что ружья наши могут умерщвлять тех, в кого мы целим на всякое расстояние, они бежали впереди нас, как бешеные, кричали во все горло и пугали птиц; а когда птицы поднимались, то они показывали нам на них, когда они едва видны были, и удивлялись, почему мы в них не стреляем.

А нам не хотелось открыть им, что ружья наши не могут вредить далее известного расстояния; и потому мы принуждены были притворяться, что не видим птиц или что они не стоят того, чтобы их убить. С не меньшею осторожностью мы скрывали от них, что наши ружья надобно заряжать, ибо они думали, что из ружья беспрестанно можно стрелять; открытие сей тайны могло бы послужить к нашей гибели.

Гунаме вчера крайне понравилась моя куртка, и более по причине бле-

стящих пуговиц, на ней бывших, ибо я был столь неосторожен, что не велел их какими-нибудь тряпками обшить. Хотя, впрочем, в рассуждении моего оружия я и употребил сию осторожность, как, например, эфес и оправа у моей сабли, пистолет и ружья были обшиты синею китайкою, чтоб блеск сих вещей не прельстил диких и не заставил бы их просить их у меня.

Итак куртка моя обратила на себя все внимание Гунамы; он несколько раз изъявлял желание иметь ее, а мне не хотелось расстаться с вещью, для себя весьма нужной, почему я притворился, что его не понимаю.

Мы не заметили, чтобы они один другому завидовали, и вообще казалось, что жители сего острова весьма дружны между собой: всегда ходили партиями, обнявшись или схватившись рука за руку. Когда один что-нибудь делал и просил помощи у других, то они охотно ему пособляли; драк между ними мы не видали и ссор не заметили. Но с жителями других островов или, может быть, и с жителями других частей того же острова, они, верно, ссорятся и ведут войну, потому что мне случилось видеть одного островитянина с раною в паху от стрелы. Только я не мог объяснить с ним, где и как он ее получил. Притом множество дубинок, копий и стрел и пр., коими все они от старого до малого вооружены, показывают уже, что они имеют войны.

Хотя мужчины между собою обходятся дружелюбно, но к женщинам никакого внимания они не показывали, и мы заметили, что женский пол у них в презрении и поработен: все тяжкие по образу их жизни работы исправляют женщины.

Сегодня мы выменяли: 289 кокосовых орехов, 1 ветвь платанов, 50 фиг, 16 фунтов корня яму и 36 фут сахарных тростей.

В сии сутки до 10 часов утра была тишина при светлой погоде, а потом сделался ветер; небо покрылось облаками и пошел дождь. До полудня, доколе было ясно, мы просушивали свои флаги, разноцветность и множество конх произвели удивительное действие над жителями, которые день ото дня начинали иметь

более к нам доверенности и в большом числе собирались в своих лодках около нашего шлюпа. Не спуская глаз, они смотрели на флаги и беспрестанно кричали: «Эввау!» — это обыкновенное их восклицание, означающее радость или удивление.

Ласковое наше обхождение с жителями и подарки приобрели, наконец, полную от них к нам доверенность; в первый день они едва осмеливались приближаться к шлюпу, но мы никак не могли склонить их, чтобы они вошли на него; теперь же беспрестанно они нас посещали. Все виденное на судне приводило их в неизреченное удивление, а более всего им понравились наши зеркала и звон колокола; первые над ними имели то же действие, как над животными, которые, видя в зеркале свой образ, ищут за оным другое животное.

В самое то время, как некоторые из островитян были на шлюпе, у нас разливали ром из большой бочки в бочонки. Я предложил им немного рому в рюмке, но они, понюхав, отворотились и говорили *або, або* (нехорошо, худо) и, упоминая слово *кава**, показывали знаками, что сие питье усыпляет; однакож после немного взяли в рот и тотчас выплюнули.

В числе прочих посетителей был у нас Гунама с старшим своим сыном Ятою. Мы позвали их в каюту обедать с нами и с трудом могли посадить их за стол на стулья: они непременно хотели сидеть на полу. Кушанья наши они отвеदывали только, а есть не хотели, однакож не говорили, что оно дурно и им не нравится, но отговаривались тем, что у них *табу-рассисси*, то есть брюхо полно.

Ята ел только жареную рыбу, и то не прежде, как очистив поджаренную кожу и уверившись, что она поймана у них в заливе. Сие показывает, что они или боялись, чтоб мы их не испортили, или пищу нашу считали, так сказать, нечистою, могущею их осквернить.

* У них есть род перечною растением, называемого всеми жителями островов Тихого океана *кава*, которое и танцы так же произносят и знают употребление оно. Английские мореплаватели слово сие пишут «ава», а французские — «кава». Сии последние произносят оное настоящим образом.

После обеда я ездил с Гунамою на берег. Мне чрезвычайно хотелось узнать, имеют ли жители какие-нибудь вещи, оставленные капитаном Куком, но не выдал ни одной. А сегодня увидел у одного старика небольшой обломок весьма толстого болта, каких у нас на шлюпе не было. Полагая, что это есть один из памятников Кукова посещения здешних островов, я предложил старику за него ножик, но он предложения моего не принял. Я прибавил ножицы, он и тем не был доволен. Наконец, полотенце еще предлагал и множество других вещей; но ничто сего упрямого старца не могло склонить променять мне сей бесполезный для него кусок железа, и потому я заключил по летам его, что он помнит капитана Кука и вещь сию хранит как памятник. Но после узнал я, что болт сей был взят на шлюп на мысе Доброй Надежды и служил вместо гири у дверей; матрос Ступин свез его на берег в надежде выменять за него у диких какую-нибудь редкость и променял помянутому старику. Если бы сей островитянин отдал этот кусок железа мне, то я хранил бы его как редкую вещь и представил бы с прочими танскими редкостями правительству, не зная ничего о своей ошибке*.

Нынешний день выменяли у жителей 435 кокосовых орехов, 10 фунтов корня яму, 40 фут сахарных тростей, 3 ветви платанов, 130 фиг и 1 хлебный плод¹⁷⁷.

На 30-е число в ночь дул умеренный ветер и было светлооблачно. В 6 часов утра послали мы в последний раз гребные суда на берег за водою и дровами, но с 8 часов ветер усилился и пошел проливной дождь, а как ветер дул почти прямо в гавань, то у берега сделался большой прибой, который привел было в опасность наши гребные суда. Но командовавший ими офицер Рудаков, видя опасность, потребовал заблаговременно шлюпку на помощь, которая и была к нему послана. Рудаков, возвратясь на шлюп в 11 часов, уведомил меня о большой опасности, в коей он и бывшие с ним люди на-

ходились: баркас едва было не опрокинуло прибрежным буруном, и он принужден был велеть все бочонки из него выбросить в воду. К счастью нашему, жители острова были к нам хорошо расположены: их на берегу было несколько сот, и они, вместо того, чтоб, пользуясь нашим несчастьем, сделать нам вред, бросились в воду, помогли удерживать баркас на воде, и, переловив все бочонки, нам их отдали, потом пособили нашим гребным судам отвалить от берега.

Ветер вскоре после полудня стих, но дождь шел до вечера, а к вечеру прочистилось. Вечером, по совету островитян, поехали мы на берег ловить рыбу, ибо они нам сказали, что теперь ветром много ее в залив нагнало. Они нам помогали вытаскивать невод. Успех был очень невелик: мы поймали две рыбы; и как мы знали по повествованию Форстера, что в здешних водах есть рыба ядовитого свойства, почему и спрашивали у них, можно ли пойманную нами рыбу есть. Они все говорили, что можно; но один молодой малый, видно желая над нами пошутить, показал на лучшую рыбу, говоря: *або, або, або*, что значит не годится, но все другие, показывая в рот, сказали: *ани, ани* (есть). Тогда он засмеялся и сам сделал знак, что рыбу сию есть можно.

Островитяне обходились с нами совершенно по-дружески. Они нам не сделали ни малейшего вреда и не причинили никакого беспокойства; но, напротив того, старались нам услуживать, как умели. Сначала я не позволял никому выменивать у них никаких редкостей, дабы тем понудить их приносить к нам более съестных припасов. Но теперь, увидев, что мы от них все получили, чем они расположены были нас снабдить, я дал позволение выменивать у них, кому что угодно. Они охотно расставались со всем своим оружием за наши безделки, кроме дубинок, которые нелегко могли мы от них получить, ибо они делаются из весьма крепкого дерева, казуарина¹⁷⁸ называемого, и на работу коих употребляется много времени.

Мы заметили, что танцы в менах с нами, будучи отменно пристрастны к нарядам, предпочитали блестящие

* Сколько, может быть, редкостей хранится в музеях и кунсткамерах, подобных этому болту!

безделки полезным вещам, коих употребление мы им показывали на самом деле.

В 12-м часу ночи ветер сделался тихий, с легкими порывами, прямо от огнедышащей горы, которая от нас была не более как в 5 или 6 милях. Прежде она всякую ночь извергала пламя, а ударов слышно не было, но в сию ночь пламени мы не видали, а слышны были частые глухие звуки, подобные отдаленному грому, и необычайный треск; ветром нанесло на шлюп много самого мелкого пепла и слышен был серный запах, а на рассвете увидели, что из разных мест по отлогостям горы поднимались густые пары. То же самое мы и прежде замечали после всякого дождя.

Теперь мы были совсем готовы к походу; нужное количество дров и воды запасли, каких можно было растений и кореньев, годных в пищу, мы наменяли; а с свиньями и курами они никак расстаться не хотели.

Итак, не имея более надобности здесь оставаться, мы в половине шестого часа утра 31-го числа снялись с якоря и пошли из гавани. Лишь только жители приметили, что мы их оставляем, как вдруг на всех берегах кругом нас раздалось громогласное: «Эввау! Эввау!» Погода скоро стихла и дала Гунаме время приехать к нам со своим сыном и четырьмя или пятью другими товарищами. Подъезжая к шлюпу, они беспрестанно кричали: «Диана! Диана!», и показывали руками к якорному нашему месту. Но коль скоро приехали близко, то завывли голосом, что-то припевая, и утирали слезы, которые действительно непритворно текли у них из глаз.

Гунама привез мне в гостинец корень ям, в котором весу было 16½ фунтов. За это мы им дали некоторые подарки, и тогда же шлюп от нашего ветра, взяв ход, стал их оставлять. В то время они беспрестанно махали руками, показывая на гавань, а Гунама повторял жалким голосом: «Диана-а! Диана-а! а! Диана!». Такова чувствительность сих островитян: они плакали и кричали вслед за нами, доколе могли мы слышать. Наконец, отстав довольно далеко, воротились назад.

Расставание с новыми нашими приятелями Тихого океана не слишком для нас было огорчительно, хотя слезы и вопли их несколько нас и тронули. Но в самое то время, как мы выходили из залива, с нами случилось несчастье, которое было ближе к сердцу: в 7-м часу умер плотничный наш десятник Иван Савельев от простудной горячки. Он занемог 27-го числа сего месяца, а через четыре дня лишился жизни, был чрезвычайно здоровый, тучный и сильный человек. Знание его своей должности, усердие и расторопность, а притом кроткий нрав и отменно хорошее поведение делали его для нас бесценным человеком. Потерю его мы все много чувствовали, и, по неимению более людей его ремесла, должность его я возложил на матроса Филиппа Романова.

Сначала я хотел было на несколько часов остаться в гавани, чтобы похоронить на берегу тело усопшего. Но после рассудил, что нам нельзя было сего сделать тайно от жителей острова, ибо они примечали каждый наш шаг.

В исходе 11-го часа, при умеренном ветре и при ясной погоде, прошли мы на NtO, в расстоянии по глазомеру 6 миль, юго-западную оконечность острова Эмира¹⁷⁹. Здесь мы взяли пункт нашего отшествия, от которого и стали вести счисление. На сем же месте, с обрядами нашей веры, какие только было можно учинить без священника, и с церемониею по морскому уставу, предали мы бранные останки нашего покойника водам океана на неизмеримой глубине.

Я уже выше сказал, что из новейших мореплавателей один капитан Кук посещал Ново-Гебридские острова. Он в порте Резолюшен пробыл 16 дней в июле и августе 1774 года; бывшие с ним натуралисты Форстеры* сделали об острове Тане и его жителях разные замечания, в некоторых из коих я с ними не согласен; другие же мы нашли справедливыми. Я здесь выпишу, что повествует о сих островах младший Форстер и присовокуплю к его замечаниям мои собственные.

* Отец с сыном.

О приеме, какой сделали англичанам жители острова Таны, Форстер изъясняется таким образом: «Мы с удовольствием видели, что жители приезжали к нам в своих кану (лодки) со всех сторон залива. Сначала они были в нерешимости и нас опасались, хотя все были вооружены копьями, дубинами и стрелами. Одна или две лодки к нам приблизились и подали нам ям и кокосовый орех, за которые мы их отблагодарили нашими подарками».

Мы имели точно такой же прием, и жители так же были вооружены; один из них дал нам ветвь растения, называемого кава, в знак дружбы и мира, которую я велел привязать на грот ванты, что доставляло им большое удовольствие.

«Число лодок * увеличилось до семнадцати; в некоторых из них было по 22 человека, в других же по 10, по 7 и по 5, в самых малых из них находилось по двое; число же всего народа около нас простиралось до 200 человек».

К нам никогда так много лодок не приезжало, и мы ни одной не видели, на которой было бы 22 человека или которая могла бы вместить такое число; напротив того, много находилось таких, в коих было только по одному человеку.

«Мы спустили в воду за кормою сетку с солониною, чтоб вымочить оную к обеду; один из жителей, старик уже, схватил сетку и начал было отвязывать оную; но коль скоро мы на него закричали, то он оставил свое намерение, однакож в то же самое время другой из них взмахнул на нас своим копьем, а третий, положив стрелу на лук, прицеливался то в одного, то в другого из наших людей, бывших тогда на деке».

У нас они ничего не украли и не покушались никогда что-либо украсть подле судна. Даже мы не заметили, чтоб они в какое-либо время, пользуясь нашей оплошностью, имели намерение утащить у нас какую-либо вещь, кроме одного случая на берегу, где их было очень много, и один захотел с водяного бочонка обруч унести; а угроз они нам ника-

ких совсем не делали, даже и виду сурового или сердитого не показывали.

«Один из них согласился променять капитану Куку свою булаву на лоскут сукна, которое и подали ему в лодку; но коль скоро он получил сукно, то и не заботился более о исполнении своего обязательства».

С нами они никогда этого не делали. Часто случалось, что, променяв свое оружие, а особливо дубинки за какую-нибудь безделицу, которая могла их вдруг прельстить, они после жалели и даже приметно было их раскаяние, но никогда не требовали назад промененной вещи и не покушались возвратить оную.

Форстер, говоря о сопротивлении жителей **, покушавшихся не выпустить англичан на берег, рассказывает следующее: «Когда капитан Кук велел выпалить из ружья сверх их, то один из жителей, стоя на берегу подле самой воды, был столь отважен и дерзок, что, повернувшись к ним задом, ударил себя ладонью несколько раз по заднице; это есть обыкновенный вызов к бою со всеми народами Южного моря (Тихий океан)».

Когда же мы начали в первый день наливать воду, то жителей было на берегу более тысячи человек. Мы ими были окружены, и все они имели при себе какое-нибудь оружие, однакож никакой склонности к нападению на нас не показывали и всегда посторонялись или садились, когда мы от них того требовали.

Кук приказал по обеим сторонам пути, ведущего от морского берега к озеру, где он брал пресную воду, вколотить колья и протянуть веревки, оставя дорогу сажен на 25 или на 30 в ширину, по которой его люди могли бы ходить безопасно, ибо жителям он запретил переступать через пределы, веревками означенные. Но я не употреблял сей предосторожности: она мне показалась ненужною.

Кук настоятельно требовал, чтобы они положили свое оружие; некоторые из них повиновались ему, а другие нет. Что принадлежит до нас, то мы от них сего не требовали, потому что сами никогда оружия из рук не

* Приехавших к английским кораблям, когда они пристали к острову.

** Число их, по его словам, было около 900 человек.

выпускали*; но жители, после уверившись в миролюбивом нашем расположении, сами свои оружия покидали в кустах и приходили к нам безоружны.

Форстер говорит: «Мы часто просили их променять нам несколько своего оружия; но они никогда не хотели расстаться с оным».

При нас не так было: они променявали нам всякое оружие, какое только имели, коль скоро предлагаемая вещь им нравилась. Сначала одних своих дубинок они не хотели нам уступить, но после и те стали променивать.

«Один из них, — повествует Форстер, — променял нам цилиндрической фигуры кусок алебастру, длиною в 2 дюйма, который он носил вместо украшения в носу; прежде нежели он нам вручил его, вымыл он его в море; а от чистоты ли сие произошло или от чего другого, мы не могли узнать».

Я выменял много таких штук, но жители не были так опрятны и учтивы; ибо, вынув вещь из носу, прямо отдавали в руки, предоставляя самому вымыть, если угодно.

Некоторые из островитян при англичанах плясали и во время пляски грозили им своими копьями; прочие же, спокойно стоя, глядели на пляску. Нам же они от начала до конца никаких угроз не делали и даже виду не подавали, что оружие носят для употребления против нас.

С англичанами некоторые из жителей променялись именами, но нам они не предлагали сего; может быть, краткость времени не позволила нам приобрести в большей степени их дружество**.

О наружном виде телосложения жителей острова Таны Форстер говорит следующее: «Они росту среднего, однакож много есть и таких, которые могут назваться высокими; телосложением статны и несколько тонки; впрочем, некоторые из них плотны и крепки; но таких прекрасных станом, какие столь часто встречаются между народами островов Общества, Дружеских¹⁸⁰ и Маркиз-

ских, здесь редко можно видеть. Между танцами я не заметил ни одного тучного человека: все они проворны и чрезвычайно живы и веселы; они имеют открытые черты лица, широкий нос, полные и вообще приятные глаза. Большая часть из них имеют добрую, привлекательную физиономию, хотя, впрочем, есть и такие лица, которые, как и у других народов встречается, означают дурное расположение сердца и злобу».

«Волосы у них черные. Но мы заметили, что у некоторых были русые или рыжеватые волосы: они кудрявы и вообще густы; бороды у них также черные, густые и курчавые. Цвет тела их темнокаштановый, который у некоторых черноват, так что при первом взгляде их тело покажется вымаранным сажею. Кожа у них чрезвычайно мягка: сие самое примечено и у негров. Ходят они почти совершенно нагие; но, следуя общей склонности человеческого рода, они любят носить разные украшения».

Рассматривая жителей острова Таны и сравнивая их с сим описанием, я нашел во всем совершенное сходство и точность, так что мне не остается ничего более прибавить. Скажу только, что нам не удалось видеть ни одного человека, который имел бы хотя несколько злобную физиономию; тоже не заметили мы, чтоб у кого-нибудь из них были русые или рыжие волосы. Еще не согласен я с Форстером в следующем: он говорит, что многие из них имеют опухоль около глаз, что он приписывает некоторым образом привычке их сидеть в дыму. Опухоль сия, по словам Форстера, заставляет их нагибать голову назад, чтоб привести глаза в горизонтальную линию с предметом, который хотят они увидеть. Я, с моей стороны, не мог заметить в них такого недостатка.

Об украшениях сего народа Форстер повествует так: «Волосы убирают они следующим образом: берут столько оных вместе, чтоб они в толщину не превосходили голубиного пера, и обертывают тонкою ниткой или ленточкой, сделанной из древесной коры, так чтобы на конце остался маленький хохолок. Таким точно образом разделяют и связывают они

* Сначала только мы требовали, чтоб вооруженные люди близко нас не стояли.

** На всех островах Тихого океана жители в знак дружбы меняются именами.

Мужчина с острова Таны.

Из альбома путешествий начала XIX века

все волосы на голове, так что у иных бывает по несколько сот подобных хвостов, имеющих длины 3 или 4 дюйма, которые стоят прямо и торчат во все стороны; когда же волосы длиннее, например 8 и 9 дюймов, тогда хвосты висят по обеим сторонам головы. Большая часть из них носят в волосах тонкую палочку или тростник, около 9 дюймов в длину, которою чешут голову; тростник, украшенный перьями петушьими или совиными, также втыкают в волосы для украшения».

Точно таким образом танцы убирают свои головы, и все, как старые, так и малые, следуют сему обычаю. Знакомец наш старик Гунама и сын его четырнадцатилетний мальчик Ята одинаким образом убирали волосы; тростник, перьями обвешанный, втыкают часто в волосы также для украшения. Несколько таких тростников мы у них и выменяли. Но я не заметил, чтоб они носили в волосах палочки или тростник для чесания головы, и не видал никогда, чтоб для

сего они употребляли какую-нибудь вещь.

Далее Форстер говорит:

«Малое число из них носят также колпаки, сделанные из листа зеленого платана или из травяных матов. Некоторые свивают бороды свои наподобие веревки; но большая часть оставляют их расти в натуральном положении. В хряще между ноздрями обыкновенно прорезывается у них отверстие, в котором носят цилиндрической фигуры камень или кусок тростника в полдюйма толщиной. В ушах также делают они большие дыры, в которые продевают кольца из черепаховой кости или часть белой раковины, 1 дюйм в диаметре и $\frac{3}{4}$ дюйма в ширину; иногда в одно кольцо продевают и другие, так что делают род цепи. Кругом шеи носят они иногда снурок, к которому привязывают раковину или небольшой цилиндрический кусок зеленого камня, подобно тому, какой часто попадает в Новой Зеландии. На левой

руке обыкновенно носят браслет, сделанный из скорлупы кокосового ореха, который бывает или гладкий, выполкорованный, или с разной резьбой. Некоторые из них носят пояс, похожий на широкую португую, сделанный из грубой материи, которую они выработывают из внутренней коры дерева; цвет пояса обыкновенно темнокоричневый».

«Лица красят разными красками, для чего употребляют красную руду, белую известь и краску, похожую цветом на свинец, мешая их с маслом кокосовых орехов. Впрочем, белый цвет редко у них употребляется, но чаще красят они себе лицо черным и красным, делая по оному в наклонном положении полосы шириною в 2 или 3 дюйма; иногда одним из сих цветов покрыта одна половина лица, а другим другая. Тело же украшают рубцами и прорезами, которые делают по большей части на руках и на животе таким образом: прорезав кожу острой раковинной, прикладывают к оной известное растение, от которого на прорезанных местах, коль скоро они заживут, делаются возвышенные рубцы».

Все вышеописанное, повествуемое Форстером, весьма справедливо; нельзя было точнее описать украшения жителей острова Таны. Наряды их я все выменял, кроме зеленого камня, с которым дикие ни за что не хотели расстаться; я им предлагал ножи, ножницы, огниво, платки и пр., но все без успеха. Надобно думать, что камень сей у них почитается редкостью и что они достают его с большим трудом. А после сего камня черепаховые кольца наиболее между ними в уважении. Красить лицо у них во всеобщем употреблении. Многие из них в первый день нашего знакомства привезли мне в подарок несколько своих красок, совсем приготовленных, о коих говорит Форстер, и хотели, чтоб я выкрасил ими свое лицо; но я, поблагодарив их за услужливость, старался им изъяснить, что краски их по берегу, доколе не возвращусь домой, чтобы там, выкрасив себе лицо, ими пощеголять между своими соотечественниками. Им очень понравились наши краски, которыми они

себя марили; увидев себя в зеркало, они приходили от радости в иступление: прыгали, шумели и смеялись.

Потом повествует Форстер, что жители острова Таны мужского пола скрывают ту часть тела, которую стыд заставляет людей скрывать почти во всех странах света, таким же образом, как и жители острова Маликолы¹⁸¹, то есть они делают из листьев растения, подобного инбирному, остроконечные чехлы, которые, надев на тайную часть, поднимают вверх и привязывают к животу снурком, кругом тела взятым. Описание сие совершенно справедливо, но что Форстер говорит далее, в том, кажется, он ошибается. Вот его слова: «Мальчики, достигнув шестилетнего возраста, уже начинают носить такие чехлы; сие подтверждает и то, что я прежде заметил о жителях Маликолы, а именно: что прикрытие такое они употребляют не от побуждения стыда или благопристойности, но, напротив, вид оного имеет еще совсем противное действие: в каждом жителе Таны или Маликолы, нам казалось, мы видели живое подобие того ужасного божества древних, которое охраняло у них сады и огороды».

На сие я сделаю мое замечание: шестилетних мальчиков я не видал с такими чехлами; даже дети 8 и 10 лет при нас были совсем нагие; но четырнадцатилетние мальчики и более носили чехлы, как и все взрослые мужчины; и я имею очень хорошее доказательство, что они это делают от благопристойности, а не так, как Форстер думает. Однажды, возвращаясь с Хлебниковым и Средним от горячего родника по берегу, мы подошли к толпе островитян, из коих некоторые лишь только после купания вышли из воды и не успели надеть чехлов. Увидев нас, они тотчас тайные свои части зажали руками, потом отошли в сторону и, створотясь от нас, надели чехлы и пришли опять к нам. Рикорд предлагал одному из них драгоценный для них подарок за такой чехол. Когда он понял совершенно, о чем дело идет, то зажал себе лицо обеими руками, как у нас от стыда делают, засмеялся и побежал прочь.

Оружие, употребляемое танцами, Форстер описывает таким образом:

«Оружие, которое жители Таны бес-

престанно при себе имеют, суть: лук и стрелы, булавы, копыя и пращи. Молодые люди у них обыкновенно употребляют пращи и стрелы, а пожилые действуют булавами и копыями. Луки их делаются из лучшего дерева, называемого *казуарин*, — они очень крепки и упруги. Танцы полируют их чрезвычайно хорошо, а может быть, иногда и маслом натирают для содержания в порядке. Стрелы делаются из тростника около 4 футов длиной; для наконечника к стрелам употребляется то же черное дерево, какое и в Маликоле для сего в употреблении, и весь наконечник, который иногда бывает более фута в длину, имеет на двух или трех сторонах зазубрины. Они имеют также стрелы с тремя наконечниками, но сии по большей части употребляются для птиц и рыбы».

«Пращи свои плетут из волокон кокосовых орехов и носят обвивши кругом руки или около поясницы; в середине они шире, и туда кладутся камни, которые они носят всегда с собой по нескольку в древесном листе. Копья их по большей части делаются из тонких, сучковатых, кривых палок, не более как полдюйма в диаметре и 9 или 10 футов длиной; в толстом их конце они сделаны трехгранными, острием в длину 6 или 8 дюймов, а на каждой грани вырезано 8 или 10 зазубрин. Копья сии бросаются ими очень метко на большое расстояние посредством плетеной веревочки в 4 или 5 дюймов длиной, у которой на одном конце сделана петля, а на другом узел. Они держат копьё между большим и указательным пальцами, надев прежде на последний из них петлю веревочки и взяв оную кругом копыя выше руки; посредством сей веревочки и наводят они копьё в надлежащее направление и бросают с руки».

В сем описании оружия жителей острова Таны сохранена совершенная точность, и мы нашли оное в таком же состоянии, в каком видел их Форстер. Я выменял по нескольку вещей каждого рода; в употреблении их есть небольшая разность между сим описанием и моими замечаниями.

О силе, с каковой сии народы действуют своим оружием, Форстер говорит следующее:

«Я видел, как одно из сих копий было брошено на расстояние 10 или 12 ярдов¹⁸² в кол, имевший 4 дюйма в диаметре: ударило оно с такой силой, что зазубренный конец оного совсем прошел сквозь кол».

Из нас никому не удалось видеть подобного случая. О стрелах же их Форстер говорит, что они на расстоянии 8 или 10 ярдов стреляют ими очень метко и с большой силой; но так как они боятся, чтобы не изломать своих луков, то редко натягивают их до самой большой степени, а потому в расстоянии 25 или 30 ярдов стрелы их будут иметь слабое действие и не опасны. Сие замечание, я думаю, очень справедливо.

Еще Форстер об искусстве сих островитян действовать своим оружием говорит следующее:

«Мальчики бегали перед нами и показывали свое искусство в воинских упражнениях. Они бросали камень в цель пращами с большой точностью и употребляли зеленый тростник или твердые травяные стебли вместо копий. В бросании сих последних они достигли такого совершенства, что никогда не давали промаха, когда металы в какой-нибудь предмет, и умели дать тростинке, которую всякое дуновение ветра могло совратить с пути, столь быстрое стремление и силу, что она входила более нежели на дюйм в крепчайшие деревья».

Мы никогда не видали такого совершенства в их искусстве действовать оружием, и воля Форстера* — а я признаюсь, что последняя часть сего замечания мне кажется очень невероятной.

«Булавы, — продолжает Форстер, — употребляют они для сражения на близкое расстояние, как мы ручное оружие, и всякий взрослый мужчина имеет у себя булаву. Кроме сего употребляют они еще разного рода мелкое оружие. Булавы их четырех или пяти разных форм. Самые дорогие делаются из дерева казуарина, имеют около 4 фут длины, прямые, цилиндрической фигуры, чрезвычайно хорошо выполированы и с обоих концов у них по головяшке; одна из них, за которую они держат булаву

* Если бы он был жив.

рукой, круглая, а другая, коею бьют, имеет фигуру звезды, со многими выдавшимися концами. Другой род дубинок около 6 фут в длину, которая с одного конца выделана сучками, наподобие корня; сии дубинки делаются из крепкого дерева, имеющего темный цвет. Третий род около 5 фут длины, у коих на конце есть род остроконечного топорика, наподобие треугольника, стоящего в прямом угле с дубинкою. Четвертый во всем походит на предыдущий, с той токмо разностию, что топорики находятся на обоих концах. Напоследок пятый род ручного оружия не что иное есть, как кусок кораллового камня, имеющего около 1½ фута длины и 2 дюйма в диаметре; обделан он очень дурно, наподобие цилиндра».

Время никакой перемены не произвело в их оружии. Мы его нашли совершенно сходным с сим описанием и выменяли каждого рода по нескольку штук.

Самое дорогое в глазах сих островитян оружие есть большая дубинка, сделанная из дерева казуарина, за которые они всегда просили у нас какие-нибудь вещи, кои отменно им нравились; а часто ни за что не хотели их променять; прочие же отдавали за безделицу.

Форстер говорит, что никто из жителей острова Таны не ходит без оружия; это справедливо. При нас все они были всегда вооружены, старики и десяти- и двенадцатилетние мальчики. Но вероятно очень, что присутствие столь страшных для них гостей, каковы были англичане и мы, заставило их быть осторожными и не покидать оружия.

О женщинах острова Таны Форстер говорит следующее:

«Сегодня мы видели мало женщин, да и те старались быть от нас далеко. Однакож мы заметили, что они не столь пригожи и гораздо менее ростом, нежели мужчины. У молодых девушек только снурок был повязан к поясу с узеньким фартучком, сделанным из сухой травы, а взрослые имели короткие юбки, из листьев составленные. В ушах у них висело множество колец из черепаховой кости, а ожерелья из раковин висели по грудям. Некоторые из старых женщин имели на головах колпаки из листа

платана или из мата; но этот наряд редко был виден.

Женщины и дети были столь чрезмерно боязливы, что если мы только устремляли взоры на них, то они тотчас бежали от нас, чему мужчины очень много смеялись. Мы заметили, что некоторые из них имели веселые лица, но вообще они казались нам печальны и задумчивы».

Сие описание о женщинах и их нарядах совершенно сходно с нашими замечаниями: при нас сначала они также были боязливы и дики, но после мешались в толпах с мужчинами и не боялись нас. Из женщин многие мне казались очень живы, веселы, а мальчики так были смелы, что часто шутили и играли с нами.

В другом месте Форстер говорит:

«Надлежит заметить, что все тягости сего утра несли одни только женщины, а мужчины шли с ними, мало о них заботясь; они имели только в руках свое оружие. Из сего следует, что жители острова Таны не пришли еще в то состояние, до которого достигли обитатели островов Общества и Дружеских. Мужчины острова Таны имеют одно общее обыкновение — дурно поступать с женским полом, который они принуждают исправлять все трудные и унижительные работы».

Мы точно то же самое заметили; даже десяти- и двенадцатилетние мальчики часто грозили женщинам и толкали их. Все тягости, как то: дрова и домашние их вещи, при нас носили женщины.

В одном месте своего повествования Форстер говорит о замужних женщинах таким образом:

«Сегодня между нами мы видели более женщин, нежели прежде, большая часть из них были замужние; они носили детей своих за спиной в лукошках, сделанных из рожек».

Мы видели и сами, что женщины здесь детей своих точно так носят, как Форстер описывает, но каким образом они их приживают: в сожитии ли с одним мужчиной, наподобие нашего брака, или, так сказать, по-скотски, мы узнать не могли. Я только видел один раз во время дождя под деревом молодого мужчину и пожилую женщину вместе. Спрашивая их знаками, что они — муж ли и жена, они мне объяснили, кажется, что живут вме-

Женщина с острова Таны.
Из альбома путешествий начала XIX века.

сте, но давно ли и на долго ли — осталось без изъяснения.

Говоря об обращении диких с англичанами, Форстер повествует, между прочим, следующее:

«Когда мы предлагали кому-нибудь из жителей бисер, гвоздь или ленточку, то они не хотели прикасаться к оной; но желали, чтоб мы положили предлагаемую им вещь на землю. Тогда они брали оную листом, не дотрагиваясь голыми руками; от суверия ли сие происходит, или от чистоты, или от учтивости — неизвестно и должно оставаться под сомнением».

При нас они этого не делали никогда, а брали все вещи, которые мы им давали, прямо из наших рук, не употребляя на свои руки никакой обвертки. Это показывает, что, увидев в первый раз европейцев, они опасались, чтоб, так сказать, не быть ими испорченными; но, уверившись опытом, что вещи, оставленные у них

англичанами, не причинили им никакого вреда, они нас уже не боялись.

Далее Форстер говорит: «Один из островитян сказал свое имя, которое было Фаннокко, и спрашивал наши имена, кои старался запомнить».

Это правда, что они любят спрашивать имена и желают помнить их; многие из наших имен они произносили чрезвычайно хорошо, так же как и некоторые русские слова.

«Он (Фаннокко) сел с нами за стол и попробовал соленой свинины, но не более съел, как один кусочек. Корень ям, поджаренный в масле или просто сваренный, ему нравился больше всего. Но вообще он ел очень умеренно и кончил обед свой небольшим куском пирога, сделанного из сушеных, червями изъеденных яблоков, который, казалось, был очень приятен для его вкуса. Он также после обеда отведал немного вина; но хотя он и пил оное, не показывая ни малейшего отвращения, однакож не

хотел выпить другой рюмки. Поступки его за столом были чрезвычайно благопристойны; одно только нам очень не нравилось, а именно — что он употреблял вместо вилки палочку, которую носил в волосах, и которою в то же время чесал в своей голове».

У нас они ничего не хотели есть: сын Гунамы Ята, будучи за столом с нами, съел только маленький кусок жареной рыбы. Впрочем, что бы ему ни предлагали, он и отвеживать не хотел, показывая на брюхо и говоря *табу-рассисси*, то есть брюхо полно. Да и рыбу ел, я думаю, потому, что она была при нем поймана и свойства ее ему были известны. За столом Ята был благопристойен и рыбу ел вилкой, а головной палки у него не было.

Форстер пишет, что жители Таны желали, чтобы англичане поскорее их оставили, и они принуждены были считать им по пальцам число дней, сколько корабли намерены простоять у острова, чем и успокаивали их. Но к нам они были расположены иначе и желали, чтоб мы подолее у них остались. Что жители острова Таны боялись англичан, о том Форстер говорит в другом месте следующее.

«Голоса наши тревожили их *. В плантациях, мимо коих мы шли, тотчас слышали, что один или двое из жителей начали трубить в большие раковины, которые между многими дикими народами, а особливо на островах Тихого океана, употребляются для подания сигнала об опасности, или когда нужно тревожить жителей отдаленных селений».

Я с штурманом Хлебниковым далеко ходил от берега в лес во все стороны, и жители нам попадались навстречу. Но, увидя нас, они не показывали страха и тревоги не делали. Большие раковины, коими они дают сигнал об опасности, мы у них видели и несколько выменяли.

Форстер говорит, что танцы ни во что ставили железные инструменты и вещи, предпочитаемая всему безделница, служащие к украшению, из коих более им нравилось отагитское полотно¹⁸³, зеленый камень из Новой Зеландии и жемчужные раковины; но важнее всего для них была черепаховая кость. Мы то же самое заме-

тили. Когда показывали им употребленные железных инструментов, они удивлялись и желали иметь их, но скоро после позабывали, предпочитая им блестящие безделки, которыми они украшались; даже ножницы, ножи и иголки вешали они на шею или к ушам привешивали. Черепаховая кость и при нас была самая дорогая вещь между ними, и мы все свои черепаховые вещи обратили в кольца для них; в сей работе наш слесарь умел совершенно угодить их вкусу.

Форстер подозревает, что жители острова Таны людоеды, о чем он изъясняется таким образом:

«После полудня мы съехали на берег и пошли вдоль одного к восточному мысу, куда жители не хотели нас пустить два раза прежде сего.

Достигнув восточной оконечности гавани, мы хотели пройти через мыс, чтоб идти вдоль морского берега позади одного, но в самое то время 15 или 20 человек из жителей нас окружили и стали просить усиленным образом, чтоб мы воротились. Приметив же, что мы не слишком были расположены уважить их просьбу, они опять стали повторять оную, и наконец изъяснили нам знаками, что если мы не оставим своего намерения, то нас убьют и съедят.

После сего изъяснения мы поворотили от мыса и пошли к хижине, стоявшей от одного сажень в 20, где берег начал возвышаться; но здесь многие из жителей, увидев, что мы к ним приближаемся, взяли оружие из хижины, может быть, с намерением силою заставить нас воротиться. Не желая оскорблять народ на собственной его земле, мы принуждены были оставить свое любопытство, которое могло быть пагубно для некоторых из жителей, если бы они заставили нас прибегнуть к нашему оружию, защищая свою жизнь».

Штурман Хлебников, доктор Бранд и я ездили к мысу и ходили там по берегу. Жители приняли нас ласково и были все без всякого оружия. В сем селении, если только можно несколько шалашей назвать селением, наш приятель Гунама был начальником. Мы доходили и до оконечности мыса, о коей Форстер говорит, и хотели идти кругом оной, но жители нас отговаривали, твердя слово *або, або, або*, которое они

* Когда они прогуливались по лесу.

повторяли и в других случаях, когда им что-нибудь не нравилось. Но угроз они нам не делали. Не желая с ними поссориться за одно пустое любопытство, мы не противились много их просьбам и оставили их в покое. Но на том же самом месте мы подходили ко многим из их хижин без малейшего препятствия или неудовольствия со стороны жителей и смотрели в них. Они низки так, что человек едва прямо сидеть может, с одним отверстием сбоку, и в них ничего нет. Может быть (что весьма вероятно), жители прежде в лесу спрятали свою ответственность в предосторожность.

О языке жителей острова Таны Форстер замечает, что во многих из их слов нужна сильная аспирация и гортанный выговор, которые, однакож, складны и наполнены гласными буквами, а потому и легко произносить их. О танских песнях он пишет, что они складны и превосходят приятностью пение всех народов тропических островов Тихого океана, которые ему случалось посещать, и что в танских песнях более разнообразных нот, нежели у жителей островов Отаити и Тонгатабу*.

Язык их для нашего слуха был очень непротивен и даже некоторые слова приятны. Мы могли произносить их весьма хорошо, и замечания Форстера об оном, кажется, справедливы. Что принадлежит до песен, то я слышал один раз только, как один из них пел сам собою без просьбы с нашей стороны. Песня казалась печальная, или, сказать по-простонародному, заунывная, в которой часто повторялось слово «эмио, эмио».

О старшинах или начальниках танских Форстер в одном месте говорит следующее:

«Мы нашли сидевшего на берегу весьма престарелого, дряхлого человека, которого никогда прежде не видели. Многие из окружающих нас нам сказали, что имя его Иогай, и что он их *арики*, или начальник. Подле него сидел другой человек, который мог бы назваться стариком, если не был в присутствии первого. Жители сказали нам, что он сын Иогая, и называли его Ята».

Слова «арики» мы не слышали. Жители показывали нам многих старшин или начальников разных частей острова, указывая на места, где они лежат, но называли их *тереги*, а не арики. Знакомец наш Гунама также береги и старший его сын называется Ята: может быть, это слово означает не имя, а достоинство.

Остров Тана, по географическому своему положению, мог бы служить весьма хорошим перекупьем для кораблей, которым случится плыть с мыса Доброй Надежды в Камчатку, если бы он не имел невыгод, о коих будет говорено ниже.

Порт Резолюшен на острове Тане от ветров безопасен. Надобно только быть осторожну в выборе якорного места; ибо во многих местах гавани на дне есть кораллы, которые могут перерезать канаты. Вход в гавань можно узнать по огнедышащей горе, находящейся от оного к северу в 9 или 10 верстах. Между гаванью и горою лежит несколько других гор; однакож вершина той, на коей находится жерло, извергающее пламя и дым, видна из всей гавани; к берегу же приставать по всему заливу очень хорошо, ибо вовсе никакого прибоя нет.

Мы приставали к острову Тане в июле, который в здешнем климате соответствует январю нашего полушария; следовательно, можно сказать, что мы там были зимою. Хотя, впрочем, по положению острова в жаркой зоне, их зима несравненно теплее нашего лета и тем только от лета отличается, что в это время часто идут дожди; но при всем этом в произрастениях есть разность, несмотря на то, что многие из них и в зимние месяцы растут и поспевают.

Кокосовых орехов при нас было великое множество; но кореньев — ям, эддо, или карабийской капусты*, хлебного плода, банан, сахарных тростей — весьма мало, ибо некоторым из них время уже прошло, а другие еще не успели. Впрочем, остров должен быть ими изобилен: мы видели большие плантации банановых и фиговых деревьев целыми рощами, которые были огорожены деревянными ограда-

* Первый есть главный из островов Общества, а последний из Дружеских островов¹⁸⁴.

* *Arum esculentum*.

ми*. Также видели мы пространные огороды, засаженные карабийской капустой, которые всегда были на болотистых местах.

Из четвероногих животных мы видели только свиней, а собак, коих такое множество на многих других островах Тихого океана, у них нет. Форстер говорит, что когда они увидели на их корабле собаку, то называли ее *буга*, то есть свинья. Это служит неоспоримым доказательством, что они прежде не видывали сего животного**. Форстер упоминает, что подле каждой хижины они видели кур и по несколько хорошо выкормленных свиней, а по дорогам видали бегающих крыс и в лесу — летучих мышей; а я видел только одну небольшую свинью, подаренную нам Гунамою, да маленького поросенка и цыпленка, которых приносили жители на продажу; крыс же мне не случалось видеть ни одной, также и летучих мышей не видал.

Форстер пишет, что он в лесах видел голубей разных родов и множество других птиц.

Голубей мы не видели ни одного; а всего я заметил 6 разных родов птиц: голубых и красных мухоловок; маленькую желтую птичку; красно-ватого небольшого попугая; птичку, несколько похожую на скворца, и малого рода диких уток и чирков, которых, однакож, вблизи мы никогда не видали, хотя я с Хлебниковым и доктором долго бродили по колону в болоте.

Форстер замечает, что воды около острова весьма изобильны рыбою: в количестве и в разных родах оной.

Он пишет, что они поймали неводом в одну тоню более 9 пуд; но мы не были так счастливы. В последний день нашего стояния ветер, дующий с моря крепко, к вечеру утих, и я поехал на берег. Жители нам изъяснили, что у берегов много рыбы; мы несколько раз завозили невод, но поймали только двух небольших круглых раков и две рыбы.

* Форстер упоминает, что он видел такую ограду каменную, вышиною 2 фута; нам не случалось заметить каменных оград.

** Капитан Кук оставил на острове Танае двух собак разного пола; но мы не могли добиться толку у жителей, что сделалось с ними животными.

Раковины по берегам острова Танае очень редки: жители получают их с других островов, что они нам изъяснили знаками; то же и Форстер замечает.

Вообще можно сказать, что в иные месяцы остров Танае есть дурное место для пристанища мореплавателям: плодов и растений в сие время бывает здесь мало, а свиней и кур жители ни за что променять не хотели, в чем на них и Форстер жалуется. Вот что он говорит: «Мы видели, что один из жителей рубил ветви своим топором, у которого вместо железа служила раковина; мы стали ему помогать и нашим топором в несколько минут нарубили гораздо более, нежели сколько он мог в целый день нарубить. Жители, проходившие часто мимо нас, с удивлением смотрели на действие сего орудия, видели, сколько оно полезно, и некоторые из них изъявили желание иметь топор, предлагая за него свои луки и стрелы. Мы думали воспользоваться сим обстоятельством и предложили жителям променять нам по одной свинье за каждый топор; но они не внимали нашему предложению и не продали нам ни одной свиньи во время стояния нашего у острова».

Они также и наши топоры видели всякий день в работе и удивлялись чрезвычайной их пользе, но, кроме оружия и плодов, ничего не хотели за них дать, то есть ни свиней, ни птиц.

Форстер думал, что жители со временем постигнут пользу, какую они могут получить от железных вещей в своих работах. Вот как он изъясняется по этому поводу.

«Европейские вещи были не в уважении; но как мы оставили на острове большое число гвоздей и несколько топоров, то прочность и крепость металла скоро научит их уважать сии вещи, и вероятно, что следующий корабль, которому случится пристать к сему острову, найдет жителей более склонными променять съестные припасы за железные вещи».

Но как ошибся Форстер! «Диана» была тот самый корабль, который посетил остров после Кука; но мы у жителей не нашли никаких остатков европейских вещей: ни гвоздя,

ни куска железа; и только что ужас, который они показывали, глядя на наши пушки, свидетельствовал о знакомстве их с европейцами. Они удивлялись нашим железным орудиям и желали выменять их, но только за безделицы, а не за свиней и кур — лучшую и самую нужнейшую для мореплавателей пищу, какой только сии острова могут их снабдить.

Другое неудобство, которому мореплаватели, к сему острову пристающие, подвергаются, происходит от недостатка хорошей пресной воды, ибо должны, будучи в жарком, несносном климате, брать сточную воду из тинистых озер*, которая у нас через малое число дней начала несносно пахнуть, так что оставшуюся у нас с мыса Доброй Надежды воду, бывшую уже около трех месяцев в бочках, предпочитали мы сей новой воде.

Растения разного рода, кажется, составляют главную пищу жителей. Некоторые из них, как то: хлебный плод и корень ям, они пекут. Несколько раз выменивали мы у них сии растения печеные и нашли их очень вкусными. Они делают еще род пирога из бананов, карабийской капусты, кокосовых орехов и еще какого-то растения. Мы имели три или четыре таких пирога: они очень вкусны; но, не зная, как их делают, я не мог никогда более двух или трех кусков проглотить без отвращения. Воображение мое мне представляло, что в приготовлении оных нужны те же средства, как и в делании крепкого напитка из корня кавы**. Пироги сии и Форстеру понравились; он их называет пудингами, и, выменяв такой пудинг у женщины, хвалил танских женщин в поваренном искусстве, полагая, что они их пекут; но я не могу

* Форстер говорит, что они не могли узнать, дождевая ли вода наполняет озеро, где мы брали воду, или это остатки реки, текущей из внутренних гор и теряющейся в песках и пепле, извергаемом огнедышащею горой. На сие я скажу, что когда жители показывали мне в первый раз сие озеро, то они знаками изъясняли, что в нем дождевая вода.

** Жители многих островов Тихого океана жуют корень растения, каваю называемого, и, пережевав, выплевывают в один сосуд, которому, таким образом наполнив жеваным корнем, слюною и водою, дают несколько времени постоять. Из сего-то мерзкого состава и выходит пьяный их напиток.

наверное сказать, мужчины или женщины стряпают такие пироги.

Свиней и кур, надобно думать, употребляют в пищу только одни их старшины и люди зажиточные. К сему заключению подает повод думать то, что они ими весьма дорожили. Диких же птиц они все едят; это они нам изъясняли знаками и показывали стрелы, которыми их бьют. У них как для птиц, так и для рыбы есть особенного рода стрелы. Жители Таны любят рыбу, они оную ловят сетями и бьют стрелами. Форстер пишет, что когда англичане ловили рыбу неводами, то жители беспрестанно просили у них рыбы и показывали знаками, что сей способ ловления им известен; а я и сеть у них видел, только очень небольшую, которую и выменял. Они также едят мякоть из раковин, которую и ко мне раза два приносили.

В делании разных нужных им вещей жители острова Таны далеко отстали от жителей островов Общества, Дружеских, Маркиза Мендозы, Сандвичевых¹⁸⁵ и некоторых других. Самые необходимые для них вещи суть их *кану*, или лодки, которые выделаны очень неуклюже. Длинное дерево, грубо внутри выдолбленное, составляет основание кану, к которому с обеих сторон привязаны по одной или по две доски веревками, свитыми из волокон кокосов; веревки сии продеты в дыры, где были сучья. Весла у них очень неудобно сделаны и имеют дурную фигуру.

Форстер говорит, что паруса у них не что иное, как низкие треугольные рогожки, поднимающиеся острым углом вниз. Мы в сей гавани не видали ни одной лодки с парусами, а видели две, которые пристали к берегу севернее гавани. Нам казалось, что они пришли с острова Эмира или Эрроманго; паруса на них были сделаны точно так, как Форстер описывает.

Самая лучшая их работа состоит в выделывании дубинок, которые хотя сделаны из чрезвычайно крепкого дерева, но обработаны очень хорошо, а особливо, когда возьмем в рассуждение, что вместо всех инструментов употребляют они одни лишь раковины.

Они делают род музыкального инструмента, состоящего из 4, 6 или 8

дудочек*, которые связаны рядом по порядку их величины; в эти дудки они дуют, передвигая их подле губ, чем и производится нескладный свист.

Другие искусственные их произведения состоят в черепаховых кольцах, в рогожных кошельках или сумках и в некоторых других грубо сделанных безделицах.

О жителях других островов, соседственных Тане, Форстер говорит следующее: «Они (жители Таны) сказали нам, что сей человек был уроженец острова Эрроманго; казалось, что танцы говорили с ним на его собственном языке и что он не знал их языка; мы не заметили слишком примечательной черты в его лице, которая отличала бы его от жителей Таны; а одежда его, или, лучше сказать, украшения, были такие же, какие они употребляли; волосы он имел кур-

чавые и короткие, а потому они и не были разделены на малые хвостики. Он был веселого, живого нрава и, казалось, был более склонным к забавам, нежели жители Таны».

Об острове Эмире Форстер говорит, что они точно не могли узнать, обитаем он или нет. Но мы узнали, что он обитаем, ибо на Тане видели жителя с него. Нам также удалось видеть одного жителя с острова Анатомы; и если бы танские жители нам об них не сказали, то мы не могли бы их отличить ни по чертам лица, ни по нарядам — так они сходны между собой; в языке же разности нам заметить было невозможно. Жители Таны обходились с ними весьма ласково, и казалось, что они приехали сюда за каким-нибудь делом, потому что нами, повидимому, они весьма мало занимались и смотрели на нас без приметного удивления.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На пути от острова Таны до Камчатки

В предыдущей главе было упомянуто, что мы взяли пункт нашего отшествия, 31 июля в 11 часов утра, от острова Эмира, имея юго-западную его оконечность на $01^{\circ}N$ в 6 милях глазомерного расстояния. Правила мы к N , стараясь сколько возможно для сокращения пути держаться ближе меридиана Петропавловской гавани. Путь сей на всех картах усеян островами, открытыми большей частью мореплавателями XVII века, не имевшими способов верно определять географическое положение мест, а особливо по долготе, в коей разность с истинной иногда простирается до многих градусов. И хотя в существовании островов, лежащих на картах по нашему пути, сомневаться было невозможно, но на точность их положения никак понадеяться нельзя было. А потому плавание наше теперь подвержено было большим опасностям и требовало необыкновенной осторожности. К несчастью же нашему, обстоятельства требовали,

чтоб мы нынешней осенью пришли в Камчатку; для сего и по ночам принуждены были нести много парусов; одно упование на бога и надежда на расторопность и искусство экипажа заставляли меня в столь опасном море, в самые темные ночи иметь такой большой ход. Но в необыкновенных обстоятельствах часто бывает нужен риск, без коего иногда наилучшим образом принятые меры не удаются.

3 августа во все сутки свежий пассатный ветер дул прямо от SO , при облачной и малооблачной погоде; временно показывалось солнце. 4 августа при весьма свежем пассатном ветре шли мы под всеми возможными парусами. Погода по большей части была ясная, лишь поутру только находили временно облака и изредка шел дождь, что едва ли когда бывает в полосах пассатных ветров на Атлантическом океане как по северную, так и по южную сторону экватора.

Сего числа в половине восьмого часа утра увидели мы землю острова Варвеля или Токопии¹⁸⁶ на NW .

После полудня долгота наша была $169^{\circ}12'27''$; а от полудня до 6 часов вечера мы прошли на NtO

* Форстер пишет, что он видел такой инструмент лишь о 8 дудках, но мы всех по несколько у них выменяли.

36 миль; и хотя погода была ясная и с салинга беспрестанно мы смотрели в трубу, но островов Митры и Чери, открытых в 1791 году английским военным судном «Пандора», мы не видели. На карте Арросмита они положены:

	в широте	в долготе
Митра	11°46'	169°54'
Чери	11°32'	169°39'

и над первым из них подписано: «Very high land», то есть весьма высокая земля. Из сего я заключаю, что долгота их нехорошо определена и на карте они положены не на своем месте, иначе мы должны были бы непременно увидеть остров Чери¹⁸⁷, ибо тогда погода стояла ясная и горизонт был весьма чист.

Во все следующие сутки мы продолжали плыть на N по компасу; пассатный ветер дул тихо и нередко на некоторое время прерывался штилями; погода по большей части стояла облачная и временно шел дождь, а иногда выяснивало.

Августа 8-го, в полдень в широте 5°30'54" термометр под тенью стоял на 85°, а на солнце поднялся до 115°; такого жара прежде мы еще не имели. С сего числа ветер стал дуть еще тише, Иногда штилило, и после дул он с разных сторон, через короткое время один после другого; часто находили тучи с сильным дождем. Такая погода продолжалась 9, 10 и 11-го числа.

Пока продолжался свежий пассатный ветер, мы видели разных морских птиц, свойственных тропическому климату, только весьма в небольшом числе. Также и рыбы редко появлялись. Но когда ветер стал дуть тише и часто прерываться штилями, а особливо в последние три дня, тогда появилось великое множество тропических птиц, из коих двух мы поймали. Мы видели также дельфинов, бонит¹⁸⁸, касаток, летучих рыб и шарков. Сих последних несколько мы поймали удами; две из них были довольно велики: одна весила 85 фунтов, а другая 53.

В ночь с 11 на 12-е число, когда мы находились в широте 2½ S, настал свежий ветер ONO, и погода сделалась ясная; из сего я заключил сперва, что мы уже встретили пассат северного полушария. Но через трое суток опять наступившие штили, ма-

ловетрия и переменные тихие ветры мне показали мою ошибку.

13-го числа во все сутки дул тихий ветер при ясной или малооблачной погоде. Сего числа в начале 11-го часа вечера прошли мы экватор в восточной долготе 168°30'.

К полуночи на 15-е число ветер стал утихать, и во все сии сутки был по большей части штиль и маловетрие. Сегодня поймали мы удою рыбу шарк, весом в 61 фунт. Сколь рыба сия ни отвратительна как по своему виду и свойствам, так и по вкусу и запаху оной, но по совершенному недостатку в свежей пище была она лучшим нашим блюдом. Лишь несколько человек из матросов, будучи не в состоянии преодолеть предрассудков, не могли оной есть.

17-го числа во все сутки по большей части был штиль, а ветры самые тихие и маловетрия попеременно дули из всех четвертей горизонта. Погода стояла облачная и временно шел дождь. Такое состояние атмосферы нам показывало, что мы теперь находились в полосе, разделяющей SO и NO пассаты.

Широта наша в полдень по обсервации была 2°32'21", долгота по хронометрам 167°47'.

До полудня 19-го числа ветер дул умеренный, при ясной погоде. После полудня до 8 часов погода также была ясная, но ветер сделался гораздо тише; вечером по горизонту кругом нас блистала молния; также и всю почти ночь на 20-е число. Вечером сего дня поймали мы руками севших на шлюп трех птиц: одного фрегата и двух угольников*.

Постоянный ветер от NOtN, при облачной и ясной погоде, попеременно дул до 11 часов утра 22-го числа, потом уже во все сутки были штили, маловетрия и самые тихие ветры из NO четверти, которые даже иногда и в SO четверть переходили. Такая неправильность и непостоянство ветров показывали, что мы еще не достигли северо-восточного пассата.

С полуночи на 24-е число умеренный ветер начал дуть постоянно от NOtN; погода стояла малооблачная, а временно и солнце показывалось.

* Так названные Лаперузом по цвету их перьев.

В полдень мы находились по обсервации: в широте $8^{\circ}11'15''$, в долготе по хронометрам $165^{\circ}46'47''$. С отбытия от острова Таны и до сего числа мы видели почти всякую ночь молнию вдали на разных частях горизонта, гром же слышали только один раз, и то два и три весьма слабые удара далеко. А нынешнюю ночь (на 25-е число) поднялись на ветре к NO страшные тучи, и пока они были на горизонте, яркая молния блистала часто и ужасный гром гремел. Мы ожидали большой грозы, но тучи, проходя над нами, принесли только свежий ветер и проливной дождь. Молния же блеснула только раз с слабым громовым ударом, и скоро после сего небо выяснилось; остались только вдали тучи, из коих временно показывалась молния, но к рассвету и те исчезли.

В ночь на 27-е число на западной стороне горизонта блистала молния, а ветер пассатный дул от ONO, при котором довольно часто находили порывы с дождем; некоторые из них были очень сильны. После рассвета хотя дождя и не было, но ветер продолжал дуть шквалами, по большей части при облачной погоде. Солнце временно только сияло; притом ветер столь переменялся, что после полудня 4 часа дул от NOtN, а $2\frac{1}{2}$ часа перед полночью — SO. Такое непостоянство ветра в полосе чистых пассатов служило явным признаком близости довольно больших и высоких островов, почему в сие время по ночам мы несли парусов менее против обыкновенного и были во всякую минуту готовы броситься к своим местам, и как офицеры, так и нижние чины не раздевались.

С 28 августа по 8 сентября шли мы к северу с пассатным ветром, который дул по большей части умеренно, при ясной погоде. Изредка, однакож, набегали облака со шквалами и иногда с дождем, да и молния часто по ночам блистала; тогда и направления ветров несколько переменялись. Сие показывало, что мы находились недалеко от какой-нибудь земли.

2 сентября в 2 часа пополудни прошли мы северный тропик в долготе $158\frac{1}{2}^{\circ}$ O, употребив на переход жаркой зоны (выключая 5 дней

пребывания нашего на острове Тане) 36 дней.

В ночь на 8 сентября, когда мы были в широте $32^{\circ}30'$, долготе $155^{\circ}45'$, ветер отошел от ONO через O немного к S и стал дуть гораздо тише. Это было знаком, что пассат нас оставляет.

Оставляя пределы благоприятных погод и всегда умеренно дующих пассатных ветров, мы стали готовиться к встрече с осенними бурями суровых северных стран.

9 и 10 сентября ветер дул умеренно от разных румбов с южной стороны; мы, пользуясь оным, правили на N прямо и имели весьма скорый ход.

10-го числа в 3-м часу пополудни видели мы метеор. Оный состоял в огненном шаре величиною в большую звезду, сопровождаемый длинным светлым хвостом, имевшим направление к зениту. Шар сей имел полет к горизонту, и при его появлении все небо сделалось весьма светло. Подобного сему явления мы еще никогда не видывали. Через две же минуты после того, как он исчез, последовал громкий звук, похожий на пушечный выстрел.

Быстрое наше приближение к Камчатке заставило меня с сего дня увеличить выдаваемую матросам порцию сухарей, которых вместо одного фунта приказал я производить по фунту с четвертью на человека в день. Приближаясь к Камчатке, мы заблаговременно утешали себя мыслями, что найдем там большое изобилие в свежих съестных припасах. Хотя путешествие капитана Крузенштерна и не было еще напечатано при отправлении нашем из России, но по весьма похвальным отзывам офицеров, с ним служивших, о камчатском начальнике*, который снабжал их изобильно всем тем, что производит вверенная управлению его область, и старался сделать пребывание их в оной сколь возможно приятным, мы надеялись найти там подобное же гостеприимство. А перечитывая те места в путешествиях Кука и Лаперуза, где они пишут о Камчатке, мы находили

* В бытность капитана Крузенштерна в Камчатке начальником там был генерал-майор Кошелев.

Вид Петропавловской гавани и Авачинской губы.
Из альбома к путешествию капитана Сарычева.

такие же похвальные отзывы о гостеприимстве и изобилии сей дикой и отдаленной страны. Сии мореплаватели с восторгом говорят об услужливости камчадалов и вообще камчатских жителей, которые, получая от них порох и дробь, охотно стреляли для них дичину. Почему мы заранее представляли себе, как мы будем есть вкусных камчатских уток, лебедей и лучшую рыбу. Один лишь капитан Сарычев* в путешествии своем не весьма похвально относится о продовольствии и гостеприимстве, которое можно было найти в Петропавловской гавани. Но как мы четыре месяца большей частью жили на сухарях и солонине и пили вонючую, гнилую воду, то нам приятно было воображать, что какие-нибудь временные причины произвели недостаток в съестных припасах, который

терпел Сарычев в Камчатке; но что мы этого не потерпим.

Сентября 11-го во все сутки умеренный ветер дул от разных румбов NO-й четверти с небольшими дождливыми шквалами. Погода была так облачна и пасмурна, что мы не могли сделать ни одного наблюдения небесных светил; а со стороны ветра шло большое океанское волнение, или, по морскому сказать, зыбь, которая могла бы нас устроить, будучи предвестницею бурь в других морях, если б мы не знали по описанию прежних мореплавателей, что зыбь с северо-восточной стороны по большей части в здешнем океане бывает без всякого ветра.

После полудня видели мы много китов, и один дельфин около шлюпа плавал; а также видели черного альбатроса.

Умеренный ветер при облачной погоде с временным прояснением дул почти во все сутки 12-го числа; а с 8 часов вечера стал гораздо крепче:

* Гаврила Андреевич Сарычев¹⁸⁹ впоследствии вице-адмирал, член Государственной Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейского департамента.

волнение же попрежнему шло от NO и было велико. Сего числа мы видели в последний раз летучую рыбу.

13-го числа с полуночи до 8 часов утра дул довольно крепкий ветер от O, с порывами при облачной погоде, а с 8 часов начал он усиливаться и к полудню дошел до высочайшей степени жестокости. Погода сделалась пасмурная, с дождем; наблюдений мы никаких сделать не могли.

Жестокий ветер от OSO, с сильными порывами, при пасмурной дождливой погоде, дул до полуночи на 14-е число; а в полночь отошел к SO и дул с прежней силой; волнение было чрезвычайно велико, а в 2 часа пополуночи ветер вдруг пошел к S, потом к SW, к W и к NW, так что через полчаса, то есть в половине третьего часа ночи, он сделался NW, и пока переходил, полчаса было тихо, а потом сделался такой же ужасный ветер, как и прежде, и дул совсем с противной стороны.

Во время сей перемены мы находились в широте $\pm 40\frac{1}{4}$, в долготе $\pm 154^{\circ}45'$; я ожидал от такой необыкновенной перемены настоящего урагана, однакож дело кончилось тем, что NW ветер, продув ровно сутки, стал стихать и скоро после 8 часов утра 15-го числа совсем утих; в обоих сих случаях облака неслись быстро по ветру.

Между множеством летавших около нас альбатросов и петрелей после полудня сего числа видели мы небольшую береговую птичку, которую, надобно думать, ветром унесло на такое большое расстояние от берега.

До 4 часов пополуночи 16-го числа дул умеренный ветер, при пасмурной, дождливой погоде. Сегодня прошли мы несколько носящихся по морю деревьев, из коих два были очень толсты и длиною от 7 до 10 футов; они показались нам довольно свежими; надобно было думать, что они не слишком давно носятся по воде.

В ночь на 17-е число ветер дул довольно крепко, а в 1-м часу нашел сильный шквал с дождем и градом, после которого ветер стал утихать и дул тихо во все сутки. Сегодня видели мы очень много китов в разных сторонах кругом нас.

На 18-е число в полдень широта наша по наблюдению $45^{\circ}20'36''$, долгота по хронометрам $156^{\circ}39'30''$. Поутру сего числа видели мы около нас летающих: множество альбатросов, разных родов петрелей, одну бережную чайку, а на воде двух диких уток* из рода нырков.

20-го числа в 5 часов пополудни умер у нас скоропостижно от воспаления в желудке матрос Перфил Кирилов; он вел себя очень хорошо и был исправный матрос в своей должности, почему заслужил общее сожаление как офицеров, так и нижних чинов.

В ночь на сие число, так и на 22-е, море в разных местах около нас испускало большой свет от известных фосфорических животных, плавающих на поверхности океана.

23 сентября во все сутки ветер дул из NW четверти, только очень умеренно, при малооблачной погоде, а от NO шла большая зыбь. В 12-м часу перед полуднем, ко всеобщей нашей радости, увидели мы камчатский берег. Берег, принадлежащий нашему отечеству! И хотя он от С.-Петербурга отдален на 13 000 верст, но со всем тем составляет часть России: а по долговременному нашему отсутствию из оной, мы и Камчатку считали своим отечеством, единственно потому, что в ней есть русские и что управляется она общими нам законами. Радость, какую мы чувствовали при воззрении на сей грозный, дикий берег, представляющий природу в самом ужасном виде, могут только те понимать, кто бывал в подобном нашему положении или кто в состоянии себе вообразить оное живо.

Первая земля, открывшаяся нам, была южная сопка, названная капитаном Крузенштерном, в честь Камчатской области правителя, Кошелевой сопкою¹⁹⁰.

С полудня шли мы вдоль берега

* Вообще заметить должно здесь, что со времени прибытия нашего на параллель Японии и до самой Петропавловской гавани каждый день мы видели множество разного рода морских птиц и диких уток; сии последние летели большими стадами к юго-востоку; видели также много китов, а приближаясь к Камчатке, стали часто попадаться очень большие касатки и иногда приносило ветром береговых птиц.

к N, смотря по тому, как ветер позволял править. При захождении солнца показались нам еще четыре горы севернее Кошелевой сопки: все они были покрыты снегом.

24-го числа ветер в 4 часа ночи сделался S и дул до полуден: сначала тихо, но после довольно крепко. Погода была пасмурная, и шел мелкий дождь. Мы шли вдоль берега к N; но ни берегов, ни гор на оных, по причине чрезвычайно пасмурной погоды, видеть не могли. Наконец в 11 часов пополудни привели мы шлюп в дрейф, чтобы измерить глубину, но линем в 105 сажен дна не могли достать; почему, не видав берега, пошли к O правым галсом. В исходе 2-го часа пополудни он нам открылся на WSW сквозь мрачность. Тогда мы, поставив все паруса, пошли по румбу, ведущему к входу в Авачинскую губу. В 4-м часу пополудни вдруг тихий ветер задул от разных румбов и заставил нас убрать паруса, а через полчаса сделался он от WSW и, на сем румбе остановившись, дул тихо, но для нас был противный, почему мы и не могли сегодня войти в губу, а принуждены были лавировать перед входом.

Вечером погода была очень ясная, и можно было бы даже назвать ее приятной, если бы дувший со снежных камчатских гор ветер не наносил такой стужи, от которой, по долговременному пребыванию в теплых странах, мы уже и отвыкли, а потому, чтобы иметь удовольствие во весь вечер быть наверху и любоваться величественными картинами природы, которые представляла нам Камчатка, мы принуждены были одеться так тепло, что платье наше не делало нам чести, как уроженцам и жителям северных стран.

Камчатка представляла нам такую картину, какой мы еще никогда не видывали: множество сопки и превысоких гор с соединяющими их хребтами были покрыты снегом, а под ними чернелись вдали леса и равнины. Некоторые из вершин гор походили на башни, а другие имели вид ужасной величины шатров. Это подало повод острякам из наших матросов сказать, что тут чорт лагерем расположился; другие же из них говорили, что Россия сюда обрати-

лась задом. Первая мысль была удачна; и в самом деле, я думаю, что Мильтон в поэме своей «Потерянный рай» не мог бы лучше уподобить военный стан сатаны, когда он вел войну против ангелов, как если бы сравнил оный с камчатскими горами в осеннее время.

Ночь, подобно вечеру, была очень светла до половины восьмого часа утра 25 сентября; при тихом ветре от W мы лавировали, стараясь приблизиться к входу в Авачинскую губу, но успеха большого в лавировке не имели. Наконец, в половине восьмого часа наступила тишина, которая продолжалась более часа; потом настал тихий ветер от SSW, с помощью коего, при весьма ясной погоде, мы, поставив все паруса, пошли к входу.

В 3-м часу пополудни достигли мы прохода, соединяющего океан с Авачинской губой, а в 5-м часу, прошед оным, вошли в губу; тогда открылись нам все берега, окружающие сию прекраснейшую в свете гавань. Мы тотчас бросились с зрительными трубами смотреть, где находилась Петропавловская гавань, прославленная посещением знаменитых мореплавателей: Беринга, Чирикова, товарищей Кука*, Лаперуза, Сарычева и Крузенштерна.

Знавши по карте положение поманутой гавани, нам нетрудно было оную отыскать. Мы скоро усмотрели к северу между двумя горами, на возвышенной, несколько отлогой равнине десятков до пяти крытых соломою избушек, из коих многие могли назваться в точном смысле хижинами. Вот из какого строения состояло селение Петропавловской гавани. Самые великолепные здания в оной были: казенный дом начальника и дом Российской Американской компании. Первый занимал сажен 7 или 8 длиннику и около 5 сажен поперечнику, вышиною был сажени в три; последний почти при такой же величине был покрыт тесом и имел в рамках целые стекла; в первом же вместо оных служила слюда и старые рапорты. Церковь в Петропавловской гавани не была еще готова; она в

* Кук не был в Камчатке, но по смерти его корабли, коими он начальствовал, два раза приходили в Петропавловскую гавань.

сне время была складена только до половины из тополевого леса.

Усмотрев Петропавловскую гавань, мы взяли свой курс к оной таким образом, чтоб миновать мель, лежащую при входе в так называемую Раковую губу. В сем случае мы употребили карту Сарычева; известная

точность сего мореходца, с какою описывал он берега, заставила меня иметь к его планам гаваней полную уверенность; почему мы без всякого опасения шли под всеми парусами и, вошед в гавань около 8 часов вечера, положили якорь. Вот и конец первой половины моего путешествия.

ПРИМЕЧАНИЯ К I и II ЧАСТИ

¹ «Надежда» и «Нева» — корабли знаменитой русской экспедиции под начальством И. Ф. Крузенштерна, совершившие в 1803—1806 годах первое в истории русского флота кругосветное плавание. Бригом «Надежда» командовал И. Ф. Крузенштерн, бригом «Нева» — Ю. Ф. Лисянский.

² «По гондэку 91 фут, по килю 80». Гондек — нижняя палуба корабля. Длина парусных кораблей измерялась по верхней, палубной части и по самой нижней, килевой.

³ Шлюп — небольшое трехмачтовое военное парусное судно, несшее от 20 до 24 легких орудий, имевшее в длину 30—40 метров, в ширину — 8—9 метров и осадку — 4—5 метров. Обычно шлюпы употреблялись для экспедиционных исследований.

⁴ Бугшприт (бугшприт) — горизонтальная или наклонная мачта, укрепляемая в носу парусного судна; бугшприт состоял из нескольких колен.

⁵ Марсы — площадки, устраиваемые на мачтах в месте крепления к ним стеньги (второго колена мачты). Служат для подъема на стеньгу и для помещения матросов, управляющих парусами (марсовых).

⁶ Рангоут — совокупность приспособлений для подъема парусов и для наблюдения — мачты, реи и т. д.

⁷ «Два судна Американской Компании — «Надежда» и «Нева» — смотри примечание 1.

⁸ «Мили, кои в градусе шестьдесят» — т. е. английские морские мили, равные 1,852 километра.

⁹ «Румбами правого компаса» Головини называет румбы, исправленные склонением (см. примечание автора на стр. 274 этой книги).

¹⁰ Фаренгейтово деление. При переводе показаний температуры по термометру Фаренгейта, употребляющемуся в англо-американских странах, на градусы Цельсия, нужно пользоваться следующей формулой:

$$C = \frac{5}{9} (F - 32^\circ),$$

где F — число градусов по Фаренгейту, C — по Цельсию.

¹¹ Баркас — гребное грузовое судно при кораблях для перевозки разных тяжестей.

¹² Борнегодьский маяк — маяк на датском острове Борнхольм на Балтийском море.

¹³ Мен (Мён) — датский остров на Балтийском море у юго-восточной оконечности большого острова Зеландия.

¹⁴ Мыс Стефенса (Stevens klint) — на восточном берегу острова Зеландия у южного входа в пролив Зунд.

¹⁵ Кегебухта (по-датски Kjøge) — у восточного берега острова Зеландия, к югу от Копенгагена.

¹⁶ Зунд, по-датски Эресун (Øresund) — узкий пролив (4—30 километров) между южным, принадлежащим Швеции, выступом Скандинавии — полуостровом Скоניה (Скуне) и датским островом Зеландия; соединяет Балтийское море с широким проливом Каттегат, за которым лежат столь же широкий пролив Скагеррак и Северное море Атлантического океана.

¹⁷ Фрегаты — парусные военные корабли, по силе оружия следующие за линейными кораблями. Во время Головинина они делились на 3 ранга и, в зависимости от ранга, вооружались 40—60 орудиями. Их длина была 45—48 метров, ширина — 11,5—12,5 метра, осадка — до 6,5 метра. В парусном военном флоте фрегаты считались самыми быстрходными судами. Линейные корабли парусного флота были четырех рангов. Корабли 1 и 2-го рангов («стопушечные») вооружались 120—135 орудиями; их длина — 55—60 метров, ширина — 15—16 метров, осадка — 7—8 метров. Корабли 3 и 4-го рангов вооружались 80—90 орудиями, длина их — 52—55, ширина — 14,5—15, осадка — 6—7 метров.

¹⁸ Рюген, правильно Рюген (Rügen), — остров на Балтийском море у берегов Северной Германии; во время наполеоновских войн принадлежал Швеции, которая до 1810 года находилась в состоянии войны с Францией.

¹⁹ Померания (Поморье) — северная прибалтийская область Центральной Европы; во время наполеоновских войн принадлежала Пруссии, за исключением северо-западной ее части (к югу от острова Рюген), которой тогда владела Швеция.

²⁰ Стральзунд (Штральзунд) — главный город шведской Померании, расположенный против острова Рюген.

²¹ Плавание «Дианы» происходило в эпоху наполеоновских войн и действия в Европе так называемой «континентальной бло-

кады», проводившейся Наполеоном по отношению к Англии и заключавшейся в полном запрещении торговых сношений с Англией для всех союзных и подвластных Наполеону стран.

Дания, примкнувшая к континентальной блокаде в 1807 году, подверглась нападению Англии и вынуждена была вести войну с ней, а также с присоединившейся к Англии Швецией. С последней Дания удалось заключить в 1809 году выгодный мир. Борьба с Англией продолжалась до 1813 года. За свой союз с Наполеоном Дания заплатилась потерей Норвегии, отнятой у нее по миру в Киле (1814) и отданной Швеции. Посещение «Дианои» берегов Дании совпало с моментом начала военных действий между Данией и Англией. Англичане внезапно, без объявления войны, подвергла жестокой бомбардировке Копенгаген, атаковала и увела датский флот.

Вслед за этим событием последовало объявление войны Англии со стороны России, находившейся в этот период в союзе с Наполеоном.

²² *Драго*, правильно Драгёр (по-датски Dragør) — пункт на юго-восточном берегу острова Амагёр, у Копенгагена.

²³ *Бакан* (бакен) — пловучий навигационный знак (буй) на якорь, к которому он прикрепляется цепью или стальным тросом.

²⁴ *Остров Вены* (Hven) — шведский остров в Зунде, к северу от Копенгагена.

²⁵ *Брандеры* — суда, применявшиеся в морских сражениях прошлых столетий для сожжения неприятельского флота. Обычно для этой цели использовались старые транспорты, которые нагружались горючими веществами и, подожженные при помощи медленно горящего зажигательного состава, пускались по ветру на неприятельский флот. Известны случаи, когда при помощи брандеров наносился большой урон неприятельскому флоту.

²⁶ «*Наш министр, при датском дворе пребывающий*» — так назывался тогда дипломатический представитель России при датском дворе.

²⁷ *Роскильд*, правильно Роскиле (по-датски Roskilde) — город на острове Зеландия, к западу от Копенгагена, на южном берегу одноименного фиорда.

²⁸ *Эльсинор*, правильно Хельсингёр (по-датски Helsingør) — город на северо-восточной оконечности острова Зеландия, против шведского города Хельсингборг, у самого узкого места Зунда; по преданию, здесь находится могила героя шекспировской трагедии «Гамлета, принца датского».

²⁹ *Кронборгский замок*, правильно Кронборг (Kronborg) — крепость на острове Зеландия к северу от Хельсингера.

³⁰ *Гольштиния* (Гольштиния, по-немецки Holstein), северо-германская земля, в южной части полуострова Ютландия. В 1806 году она была присоединена к Дании; с 1460 года датские короли являлись герцогами Шлезвига и Гольштинии, входивших в Первую Германскую империю («Священную Римскую империю германской нации»), формально распавшуюся в 1803 году, после разгрома Австрии Наполеоном.

В 1865 году, после захватнической войны двух союзных государств — Австрии и Прус-

сии — против Дании, Гольштиния отошла к Австрии, а в 1866 году, после австро-прусской войны, была присоединена к Пруссии и вошла позднее в состав Германской империи.

³¹ *Брандвахта* — сторожевое военное судно при порте. В его обязанность входит осматривать приходящие в порт и уходящие из него суда, а также оказывать им в случае необходимости помощь.

³² *Эльсинборг* (Хельсингборг) — шведский город, расположенный против датского Эльсинора (см. примечание 28).

³³ *Скагенский маяк* — на мысе Скаген (Skagen), крайнем северном пункте полуострова Ютландия (Дания).

³⁴ *Каттегат* — см. примечание 16.

³⁵ *Галс* — направление судна относительно ветра. «Поворотили на левый галс» — так, чтобы ветер дул с левого борта.

³⁶ *Стромстаг*, Стрёмстад (Strömstad) — шведский город у входа в Осло-фьорд, северный залив Скагеррака.

³⁷ *Бриг* — двухмачтовое парусное военное или торговое судно. В военном флоте бриги употреблялись в качестве легких крейсеров, конвойных или посыльных судов; вооружены они были 15—20 легкими орудиями; длина брига обычно 30—35 метров, ширина 8—9 метров и осадка до 4,5 метра.

³⁸ *Ютландский риф* (Ютландская банка) — мель недалеко от северо-западного берега полуострова Ютландия.

³⁹ *Опорто* (правильно Порту) — крупнейший город и порт Северной Португалии.

⁴⁰ *Остров Шонен*, правильно Схоувен (голландское Schouwen) — один из нидерландских островов в соединенном устье Шельды и Мааса.

⁴¹ *Зеландская провинция Соединенных Штатов* — Зеландия, юго-западная нидерландская провинция, расположенная в соединенном устье рек Шельды и Мааса.

⁴² *Норд-Форландский маяк* (по-английски North-Foreland) — пункт у северного входа в пролив Па-де-Кале на английском берегу.

⁴³ *Доверский пролив* (Strait of Dover) — английское название узкого пролива Па-де-Кале, ведущего из Северного моря в широкий пролив Ламанш — между Великобританией и Францией.

⁴⁴ *Уайт* (Wight) — английский остров в проливе Ламанш у южного берега Великобритании.

⁴⁵ *Портсмут* (Porthsmouth) — английская военно-морская база на южном берегу Великобритании у пролива Ламанш, против северного берега острова Уайт.

⁴⁶ *Английский канал* (English Channel) — пролив Ламанш (французское — la manche, рукав).

⁴⁷ *Фрегат «Спешный» и транспорт «Вильгельмина»* направлялись к эскадре адмирала Сенявина, находившейся в Средиземном море.

Во время пребывания этих судов в Портсмуте в Англии было получено известие о разрыве сношений с Россией. Англичане задержали суда и конфисковали груз. (Это произошло уже после отхода «Дианы» из Англии.)

⁴⁸ *Гарделмарин* — воспитанник специальных классов Мореходного корпуса; по окон-

чании последнего он получал звание корабельного гардемарина и после двух плаваний произволился в мичманы.

⁴⁹ *Грот-люк* — люк, расположенный впереди грот-мачты (главной мачты парусного корабля).

⁵⁰ *Дек* — палуба на судне, а также пространство между палубами.

⁵¹ *Банки* — в данном случае помещения для «служителей», как называет матросов Головинн.

⁵² *Виндзейли* — парусинные рукава, служившие для вентиляции внутренних помещений корабля.

⁵³ *Ростры* — запасы деревянных приспособлений для подъема парусов (стенгьи, реи и т. д.); обычно складывались на широких досках, лежавших по бортам корабля между мачтами, связывались вместе и прикреплялись; между ними ставилась шлюпка.

⁵⁴ *Ванты* — смоленые пеньковые или стальные канаты (тросы), которыми укреплялись мачты и стенгьи.

⁵⁵ *Спрюсова эссенция*. Спрус — канадская или черная ель. Из ее экстракта варилось суррогатное пиво, считавшееся противоцинготным средством.

⁵⁶ *Канал* — Английский канал, пролив Ламанш.

⁵⁷ *Мыс Лизарда* (Lizard head) — самый южный выступ полуострова Корнуол, на юго-западе Великобритании.

⁵⁸ *Фальмут* (Falmouth) — английский порт у западного выхода из пролива Ламанш в открытый океан.

⁵⁹ *Западная Индия* (West India) — общее название для Антильских островов и Центральной Америки.

⁶⁰ *Кранцы* — деревянные рамы или веревочные круги на палубе для пушечных ядер.

⁶¹ *Боканцы* — выдвинутые за борт балки для подвешивания шлюпок.

⁶² *Порто-Санто* (Порту-Санту) — островок к северо-востоку от острова Мадейра; принадлежит Португалии и входит в провинцию Мадейра.

⁶³ *Мадера*, правильно Мадейра (Madeira) — португальский остров на Атлантическом океане близ северо-западных берегов Африки; в административном отношении вместе с прилегающими мелкими островками составляет одноименную провинцию Португалии, а не колонию.

⁶⁴ *Дезертос* (Десерта) — скалистые островки к юго-востоку от Мадейры; принадлежат Португалии и входят в провинцию Мадейра.

⁶⁵ *Пассатные ветры* (пассаты) — постоянные ветры, дующие над океанами из субтропических областей в тропические. В северном полушарии пассаты дуют с северо-востока на юго-запад, следовательно, являются попутными ветрами для судов, направляющихся от европейских берегов к Южной Америке. В южном полушарии они дуют с юго-востока на северо-запад.

⁶⁶ *Канарские острова* — архипелаг на Атлантическом океане, южнее Мадейры, близ северо-западных берегов Африки; принадлежит Испании. В административном отношении Канарские острова делятся в настоящее время на две провинции, входящие в состав испанской метрополии.

⁶⁷ *«Записки вином в Бразилии, где оно, будучи привозное...»*. В Бразилии и в настоящее время виноделие развито слабо.

⁶⁸ *Острова Зеленого мыса* (Cabo Verde) — архипелаг на Атлантическом океане, более чем в 500 километрах к западу от Зеленого мыса, самой западной оконечности Африки; португальская колония.

⁶⁹ *Ванкувер* (Vancouver) *Джордж* (1758—1797) — английский мореплаватель. Участвовал во втором и третьем путешествиях Кука⁷². В 1791 году был назначен начальником большой морской экспедиции, исследовавшей западный берег Южной Америки, Сандвичевы (Гавайские) острова, западные берега Северной Америки и соседние острова между 39° и 51° северной широты. Издал описание своего путешествия под названием «Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean».

⁷⁰ *Лаперуз* (La Pérouse) *Жан Франсуа* (1741—1788) — французский мореплаватель. Исследовал многие острова Тихого океана, плывал у северо-западных берегов Америки и северо-восточных берегов Азии. Его именем назван пролив между островом Сахалином и японским островом Хоккайдо.

⁷¹ *Дантркасто* (D'Entrecasteaux) *Жозеф Антуан* (1739—1793) — французский мореплаватель. Его именем назван пролив, отделяющий на юго-востоке Тасманию от небольшого острова Бруни и юго-западный мыс Австралии (у 35° ю. ш.).

⁷² *Джеймс Кук* (1728—1778) — знаменитый английский мореплаватель. Совершил три круговых путешествия (1768—1771, 1772—1774, 1776—1779). Во время последнего путешествия при обследовании Гавайи Кук был убит туземцами. Описания путешествий Кука переведены на многие языки. На русском языке изданы сочинения: «Описание жизни и всех путешествий английского мореходца капитана К.» (СПб., 1790), «Путешествие к Южному полюсу» (СПб., 1780), «Путешествие в южной половине земного шара и вокруг оного в 1772—1775 годах» (СПб., 1797), «Путешествие в Северный Тихий океан с 1776 по 1780 год» (СПб., 1804), «Путешествие к южному полюсу и вокруг света» (М., 1948).

⁷³ *Шканцы* — часть верхней палубы между средней и задней мачтами.

⁷⁴ *Петрель* (французское pétrel) — буревестник.

⁷⁵ *«Обжорливые рыбы, называемые англичанами shark, а французами requin»* — акулы.

⁷⁶ *Стеньга* — см. примечание 5.

⁷⁷ *Шкафут* (часть верхней палубы) — широкие доски, лежащие по бортам корабля перед шканцами (см. примечание 73).

⁷⁸ *Бейдевинд* — курс судна, составляющий с направлением ветра острый угол.

⁷⁹ *Аброгалас*, правильно Аброльос (Abrolhos) — скалы близ бразильского берега, на полпути между портами Байя и Рио-де-Жанейро, у 18° южной широты.

⁸⁰ *Мыс Фрио* (по-португальски Cabo Frio) расположен к востоку от бухты Рио-де-Жанейро; теперь — юго-восточная оконечность бразильского штата Рио-де-Жанейро.

⁸¹ *Утлегарь* — переднее колено бугшприта (см. примечание 4).

⁸² *Марсели* — второй (снизу) ряд парусов.

⁸³ *Остров Св. Екатерины* (по-португальски *Iha de Santa Catharina*) — маленький остров у берега южной Бразилии, в настоящее время связанный с материком стальным мостом длиной в 850 метров. На западном берегу острова, у самого узкого места пролива, которым он отделяется от материка, стоит город Флорианополис, прежде называвшийся Дестерро, — столица бразильского штата Санта-Катарина.

⁸⁴ *Санта-Крус* (*Santa Cruz* — «святой крест») — очень распространенное название крепостей и населенных пунктов в бывших португальских и испанских заокеанских колониальных владениях.

⁸⁵ *Гард-кот* (французское *garde-côte*) — судно береговой обороны.

⁸⁶ *Азорские острова* — архипелаг на Атлантическом океане, в умеренно теплой зоне северного полушария. В административном отношении в настоящее время Азоры входят в состав португальского метрополиса.

⁸⁷ *Форстенъя* — стенага передней мачты (фок-мачты).

⁸⁸ *Баргоут* — утолщенная часть наружной обшивки корабля у грузовой ватерлинии, т. е. у линии пересечения корпуса судна, при полной допустимой нагрузке, с волной поверхностью.

⁸⁹ *Nosstra Senora del Desterro* («Божья мать Дестерро») — старое официальное название города Дестерро; теперь — Флорианополис (см. примечание 83).

⁹⁰ *«Рио-Жанейрский вице-король»* (по-английски *vice-roy*, читается «вайсрой»), — вице-король. Генерал-губернатор Бразилии, когда она была португальской колонией, имел титул вице-короля; его резиденцией со второй половины XVIII века (1760) был город Рио-де-Жанейро, теперь столица «Соединенных Штатов Бразилии».

⁹¹ *«...португальский двор... назначил Рио-Жанейро резиденцией королевской фамилии...»* — Португальский принц-регент Жуан, позднее король португальский Жуан VI, бежал в 1807 году с семьей из оккупированной войсками Наполеона I Португалии в ее южноамериканскую колонию — Бразилию.

⁹² *Рио-Гранде* (*Rio Grande* — «Великая река») — название многих рек в бывших португальских и испанских колониальных владениях. В данном случае речь идет о южной провинции (теперь штате) Бразилии — Рио-Гранде-до-Сул («Великая южная река») изрезанной множеством рек, из которых одна, очень маленькая, называется Рио-Гранде.

⁹³ *Сарачинское пшено* — рис.

⁹⁴ *Бразильское или красное дерево* — одно из красивых деревьев, произрастающих в Вост-Индии и Южной Америке. Принадлежит к видам *Caesalpinia* и *Peltorhagum*. Встречается под различными названиями: бразильское, фернанбуковое, кампешевое. Бразильское дерево идет на изготовление красителей, употребляющихся для окраски тканей, цветной бумаги, обоев и пр.

⁹⁵ *Мыс Горн* (Horn) — южная оконечность одноименного острова к югу от Огненной Земли, открытого в 1616 году голландским мореплавателем Схоутоеном. В настоящее время остров Горн вместе с соседними островами и западной половиной Огненной Земли принадлежит Чили. Меридиан, проходящий через мыс Горн, считается условной

границей между Атлантическим и Тихим океанами.

⁹⁶ *Маршан* (Маршан) Этьен — французский кругосветный путешественник XVIII века; исследовал, между прочим, в 1791 году восточную группу Маркизских островов.

⁹⁷ *Острова Фолклендские*, правильно Фолклендские (Falkland Islands) — архипелаг в южной части Атлантического океана, в 550 километрах к востоку от Магелланова пролива, мировой центр китобойного промысла. С последней четверти XVIII века острова были объектом спора между Англией и Испанией, рассматривавшей их как часть своего колониального владения, «вице-королевства Буэнос-Айрес», включавшего провинции бассейна Ла-Платы, в том числе Аргентину. В 1883 году они были аннексированы Англией, но Аргентина, ставшая независимой республикой, оспаривает этот захват.

⁹⁸ *Патагонский берег*. Патагония — южная часть Аргентины, расположенная в умеренной и умеренно холодной зоне, примерно от 40-й параллели до Магелланова пролива. Название свое области получила благодаря спутникам Магеллана, утверждавшим, что они встречали там «большеногих» великанов-индейцев (*patagon* по-испански — большеногий).

⁹⁹ *Острова Маркиза Мендозы*, теперь Маркизские острова — архипелаг вулканического происхождения в экваториальной Полинезии (Океания) у 140° западной долготы, между 8—11° южной широты. Маркизские острова были открыты известным испанским мореплавателем XVI века Менданья во время его второй экспедиции в поисках «южного материка» (в 1595 году); названы в честь перуанского вице-короля маркиза Мендозы, давшего средства на эту экспедицию. Испанцы не вступили во владение архипелагом, и он оставался «ничьей» территорией до XIX века. В 1804 году северная группа Маркизских островов (в частности, остров Нукагива) была обследована первой русской кругосветной экспедицией Крузенштерна. Во время плавания Головинина там действовали миссионеры и купцы из Англии, Франции и США. В середине XIX века (1842) Франция фактически захватила Маркизские острова, а в последней четверти того же века (1885) включила их в свою колонию «Французская Океания».

¹⁰⁰ *Река Плата*, обычно Ла-Плата. По-испански *la plata* значит серебро. В соответствии с этим, испано-американская страна, расположенная в основном в бассейне этой реки, называется Аргентина — «серебристая».

¹⁰¹ *Морская капуста* — съедобные морские водоросли (*Alaria isculenta*, *Ulva lactuca* — морской салат). Некоторые виды морской капусты составляют предмет промысла (в СССР на Дальнем Востоке, в Японии) и даже разводятся.

¹⁰² *Статенландия* (по-голландски *Statenland*, испанское *Isla de los Ect*) — Земля Генеральных Штатов, т. е. правительства Нидерландов. Это название дано голландским мореплавателем Схоутоеном открытому им в 1616 году острову, расположенному у восточного выступа Огненной Земли. «Статенландия» принадлежит Аргентине, как и соседняя восточная часть Огненной Земли.

¹⁰³ *Касатки* — один из видов зубатых китов, длиной в 5—7 метров, хищные животные, питающиеся рыбой, но нападающие и на морских млекопитающих. Держатся косяками. Промысловое значение касаток невелико.

¹⁰⁴ *Стаксели* — треугольные косые паруса.

¹⁰⁵ *Фок* — нижний прямой парус на передней мачте корабля.

¹⁰⁶ *Мыс Пилляр* (Пильяр) — северо-западная оконечность чилийского острова Десоласьон, расположенного у выхода из Магелланова пролива в Тихий океан.

¹⁰⁷ *Ансон Джордж* (1697—1762) — британский кругосветный мореплаватель, руководивший несколькими каперскими экспедициями. В 1740—1744 годах командовал эскадрой, которой было поручено тревожить испанские торговые суда и колонии в южной части Тихого океана. Во время этого плавания захватил, между прочими «призами», испанский корабль с ценными секретными морскими картами и документами об испанских открытиях в Северной Полинезии в XVI—XVII веках. За эту успешную экспедицию Ансон получил звание адмирала. Описание путешествия было дано в «Voyage round the World» (Лондон, 1748).

¹⁰⁸ *Галион* — старинное парусное судно, приспособленная к плаванию под парусами галера (большое гребное судно).

¹⁰⁹ *Лима* — во время плавания Головнина главный город испанского колониального владения Перу, резиденция вице-короля (испанского генерал-губернатора). В настоящее время Лима — столица республики Перу.

¹¹⁰ «Bounty» («Баунти» — «Подарок») — английское судно, плававшее в 1788—1789 годах под командой капитана Блай. «Проплавилось» из-за последствий мятежа судового экипажа. Возмущенные матросы высадили капитана Блай с несколькими верными ему людьми в шлюпку, на которой он и совершил вынужденное плавание, упомянутое Головниным. Мятежники же после двухлетних скитаний по Тихому океану, основали колонию на острове Питкэрн (1790).

¹¹¹ *Новая Голландия* — прежнее название Австралийского материка, данное в честь голландских моряков, открывших в XVII веке его северные, западные и южные берега.

¹¹² «Формальная война» объявлена была Англии Россией, заключившей временный союз с Наполеоном, вскоре после бомбардировки англичанами Копенгагена (см. примечание 21).

¹¹³ *Тристан-да-Кунья* (Tristan da Cunha) — архипелаг в южной части Атлантического океана, на полпути между мысом Доброй Надежды и Магеллановым проливом, у 37° южной широты и 12° западной долготы. Был открыт португальским мореплавателем Тристан-да-Кунья в начале XVI века. В 1816 году архипелаг присоединен к Великобритании с подчинением губернатору островной колонии Св. Елены.

¹¹⁴ *Пинтада* по-французски pintade значит цесарка; неизвестно, каких морских птиц называет так Головнин.

¹¹⁵ *Грампус* (по-английски grampus) — касатка, см. примечание 103.

¹¹⁶ *Столовый залив* (по-английски Table

Bay) — залив у Кейптауна (Капштадта), главного города колонии мыса Доброй Надежды (теперь одна из четырех провинций Южно-Африканского Союза).

¹¹⁷ *Симанская губа* — бухта у Саймонстауна, у восточного берега мыса Доброй Надежды, часть залива Фолс-бей.

¹¹⁸ *Фалс-Бай*, правильно Фолс-бей (по-английски Fals Bay) — залив у юго-западного берега Африки, отделен мысом Доброй Надежды от Атлантического океана.

¹¹⁹ «Капитат, главный город сей колонии» — голландская колония мыса Доброй Надежды (Капланд). С 1806 года оккупирована англичанами.

¹²⁰ *Фертонг* — способ стоянки на двух якорях, при котором судно при разворачивании в любом положении находится между якорями.

¹²¹ *Канинг* (Каннинг, Джордж) — в 1807—1809 годах министр иностранных дел Великобритании.

¹²² *Принц Валлийский* (правильно принц Уэльский) — наследный принц Великобритании.

¹²³ «Транспорт, шедший в Новую Голландию с преступниками». С конца XVIII века в Новой Голландии (Австралии) англичанами была организована каторжная колония.

¹²⁴ «Король северной части Новой Зеландии». У коренных жителей Новой Зеландии (майори), конечно, не было королей. Речь идет об одном из племенных вождей.

¹²⁵ Bay of Islands — «Залив островов» у восточного берега северного выступа Новой Зеландии (у 174° восточной долготы).

¹²⁶ *Норфолк*, правильно Норфок (по-английски Norfolk) — небольшой остров к востоку от Австралии, на полпути между Новой Зеландией и Новой Каледонией. Одновременно с Восточной Австралией (1788) был присоединен к Великобритании, превращен в каторжную колонию и стал местом ссылки для самых опасных преступников. В настоящее время принадлежит Австралийскому Союзу.

¹²⁷ *Острова дв-Франс и Реюньон* — Маскаренские острова на Индийском океане, к востоку от Мадагаскара. В 1814 году по Парижскому миру Маскаренские острова, до этого целиком принадлежавшие Франции, были поделены так: к Англии отошел Ильде-Франс («Французский остров»), переименованный в остров Маврикия, Франция же сохранила под своей властью остров Реюньон (Reunion по-французски «объединение»; до французской революции последний назывался Бурбон).

¹²⁸ *Кабельтов* — английская морская мера длины, равная 183 метрам.

¹²⁹ *Капитат* — голландское Kaapstad — «Город мыса». Теперь административный центр провинции мыса Доброй Надежды (Капская колония Южно-Африканского Союза — доминиона Британской империи. Современное название (англ.) — Кейптаун — в переводе с английского означает также «Город мыса». Кейптаун — старейший город Южной Африки, основан в 1652 году.

¹³⁰ *Дефиле* — теснина, ущелье в труднопроходимой местности.

¹³¹ «Голландская Индийская Компания», — Голландская Ост-Индская компания, с деятельностью которой связаны все колониальные приобретения Нидерландов в вос-

точном полушарии. Компания основана была в 1602 году и благодаря поддержке нидерландского правительства очень скоро стала мощной организацией, захватившей все морские пути в южных морях восточного полушария. В семидесятых годах XVIII века начался ее упадок. В 1795 году задолженность компании превысила 110 миллионов золотых гульденов, и в 1798 году она была ликвидирована, а все ее огромные колониальные владения (и долги) перешли к государству.

¹³² *Арматура* (английское *armature*) — вооружение, в данном случае — лешное изображение оружия или доспехов.

¹³³ *Матица* — центральная балка.

¹³⁴ *Гильюд* — речь идет, вероятно, о своеобразном хвойном «желтом дереве» (*Podocarpus*) с плоскими широкими листьями, ранее распространенном в Капской колонии. В результате хищнической вырубki роши «желтого дерева» почти исчезли и в настоящее время охраняются законом.

¹³⁵ *Батавия* — главный город и порт Голландской Индонезии; расположен на северо-западном берегу острова Явы; основан Голландской Ост-Индской компанией в 1619 году и стал политическим и торговым центром компании на юго-востоке Азии.

¹³⁶ *Фаял* — один из Азорских островов.

¹³⁷ *Серебряное дерево* (*Leucodendron Argentum* из семейства *Proteaceae* — протеиновые), с листьями, покрытыми блестящими серебристыми волосками.

¹³⁸ *Симанситат* (Саймонстаун); в настоящее время — британская военно-морская база.

¹³⁹ «*Дикие четвероногие... из рода олений*» — антилопы.

¹⁴⁰ «*Около Капштата и Симанситати растут разных родов кривые, сучковатые, малорослые деревья*». Растительность мыса Добрая Надежды настолько своеобразна, что выделяется в особую фито-географическую область, так называемую «капландскую».

¹⁴¹ *Гаванмейстер* — начальник порта («капитан порта»).

¹⁴² *Готтентоты* — южноафриканская народность неясного происхождения, которая в XVII веке заселяла западную часть нынешней провинции мыса Добрая Надежды. По цвету кожи (желтой) и по другим внешним признакам, а также по языку готтентоты резко отличаются от более поздних пришельцев — негров, принадлежащих к обширной языковой группе банту.

¹⁴³ Закон об отмене торговли невольниками, изданный в 1807 году английским парламентом, был вызван, конечно, не гуманными соображениями «ограничения жестокости господ в поступках к своим невольникам», а развитием промышленного капитализма, для которого главным источником накопления становится эксплуатация «свободных» наемных рабочих.

¹⁴⁴ «*Овечья шерсть могла бы составить значительный вывозной торг*». Соображения Головинна вполне правильны: в настоящее время шерсть составляет вторую по ценности статью экспорта Южной Африки (после золота).

¹⁴⁵ *Алго*, правильно Алгоа (*Algoa Bay*) — залив у южного берега Африки у 34° южной широты, 26° восточной долготы. Залив Алгоа открыт португальцами: по-португальски «*al Goa*» значит «к Гоа» (последняя является

португальской колонией на западном берегу полуострова Индостана).

¹⁴⁶ *Делаго*, правильно Делагоа (*Delagoa Bay*) — залив у восточного берега Африки, а за пределами Южно-Африканского Союза; расположен в Португальской Восточной Африке (Мозамбик), у 26° южной широты и 32,5° восточной долготы; также открыт португальцами. Название «*de la Goa*» значит «от Гоа».

¹⁴⁷ *Эгвилас* (правильно Агульаш, португальское *Agulhas*) — мыс Игольный, самая южная оконечность Африки.

¹⁴⁸ *Бушманы* (бушмены) — южноафриканская народность; вероятно, древнейшие обитатели Южной Африки. Бушмены были вытеснены в пустынные районы Калахари позднейшими пришельцами — готтентотами и неграми. По внешнему виду и языку бушмены резко отличаются от негров, но имеют некоторые черты сходства с готтентотами, возможно, в результате смешения (наличие у тех и других шелкающих звуков в языке).

¹⁴⁹ *Кафры* — общее название различных негритянских народностей Южной Африки, говорящих на языках банту. Слово *кафр* арабского происхождения: *кяфир* — значит неверный. Так мусульмане — арабы — называли анимистов («язычников»), негров-банту.

¹⁵⁰ Замечания Головинна о возможности для колонии с выгодой продавать страусовые перья впоследствии оправдались. Торговля страусовыми перьями имела одно время очень крупное значение для Южно-Африканского Союза. В 1912 году здесь насчитывалось 776 тысяч страусов. Но в связи с изменением моды спрос на страусовые перья упал, и этот предмет торговли совершенно потерял свое значение.

¹⁵¹ «*Удержит ли Англия мыс Добрая Надежды за собою навсегда*». Эта колония (теперь провинция) была окончательно присоединена к Великобритании в 1815 году.

¹⁵² «*Великий Южный океан*» у Головинна — антарктическая часть Тихого океана. Во время своего второго кругосветного плавания (1772—1774) капитан Джеймс Кук заходил в очень низкие широты южного полушария и проник сначала до 67° 15' со стороны мыса Добрая Надежды, а затем, в конце января 1774 года, т. е. в середине лета южного полушария, достиг параллели 71° 10' (у 107° западной долготы). Он разрушил, таким образом, легенду о «южном материке» (Терра Австралис), простиравшемся якобы от южного полюса до экваториальной полосы. После этого плавания Кука утвердилось мнение, что обширного антарктического материка совсем не существует и что почти все пространство к югу от мыса Добрая Надежды, мыса Горн и Австралии покрыто океаном. Головинн делит его на две части: «Южный Атлантический» и «Великий Южный» океаны. Такое мнение существовало более полувека, несмотря на первые открытия берегов Антарктиды великой русской экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева в 1819—1821 годах, значение которой в то время не было оценено по заслугам. В настоящее время термин «Южный океан» не употребляется, а антарктические воды условно делятся между Тихим, Атлантическим и Индийским океанами.

¹⁵³ *Море Индийское* — Индийский океан.

¹⁵⁴ *Караван-сараями* назывались на Востоке большие общественные строения в городах, на дорогах и в ненаселенных местах, служившие кровом для путешественников.

¹⁵⁵ *Залив Св. Елены* (Saint Helena Bay) — открытый залив Атлантического океана у западного берега Капской колонии (у 32,5° южной широты и 18° восточной долготы).

¹⁵⁶ *Залив Салданский* (Saldanha Bay) — небольшой, хорошо защищенный со стороны океана залив, расположенный несколько южнее залива Св. Елены (у 33° южной широты).

¹⁵⁷ *Залив Моссель* (Mossel Bay), расположен у южного берега Капской колонии (34° южной широты и 22° восточной долготы). *Залив Плетенберг* (Pletenbergs Bay) — далее к востоку, у 23,5° восточной долготы.

¹⁵⁸ «В окрестностях Капитата тигры иногда попадают». Тигров нет ни в Южной Африке, ни вообще в Африке. Видящему, Головин имел в виду леопардов.

¹⁵⁹ *Каролинские острова* — цепь из нескольких сот мелких вулканических и коралловых островов, разбросанных в восточной половине Тихого океана, в экваториальной полосе северного полушария, на протяжении около 3500 километров. Некоторые из Каролинских островов были открыты испанцами еще в 1526 году и присоединены к Испании по праву первого открытия. В 1899 году они были проданы Испанией Германии; в 1920 году по мандату Лиги наций переданы в управление Японии, владевшей ими до 1945 года.

¹⁶⁰ *Сент-Эльмский огонь* (огни Св. Эльма) — тлеющий электрический разряд, обычный при низком атмосферном давлении (особенно на море).

¹⁶¹ *Ближайшей землей от «Дианы»*, находившейся на 42° южной широты и 65° восточной долготы, был архипелаг Кергелен, формально присоединенный к Франции в конце XIX века.

¹⁶² *Вандименова Земля* (Van Diemen's Land). Так назвал голландский мореплаватель Тасман в честь нидерландского правителя ван-Димена мнимую юго-восточную окраину австралийского материка. В конце XVIII века был доказан островной характер Вандименовой Земли, но ее новое название (Тасмания) окончательно укрепилось только во второй четверти XIX века.

¹⁶³ *Фрегаты* — морские хищные птицы из отряда веслоногих *Pelecaniformes*, размах крыльев достигает 2,3 метра. Очень хорошо плавают (откуда и название), но большую часть жизни проводят в воздухе.

¹⁶⁴ *Остров лорда Гоу*, правильно Хау (по-английски Lord Howe Island) — вулканический островок у 31,5° южной широты и 159° восточной долготы, в 800 километрах к северо-востоку от города Сидней. Остров Хау открыт англичанами в 1788 году, подчинен Австралийской колонии (теперь штату) — Новому Южному Уэльсу.

¹⁶⁵ *Остров Валполя* (Valpoles Island). Никакого острова в данном пункте в действительности нет, но близ него, у 170° восточной долготы, есть группа коралловых рифов.

¹⁶⁶ *Салинг* — рама, устанавливаемая на вершине стеньги; представляет собой вторую площадку мачты над марсом.

¹⁶⁷ «Порт Джаксон, что в Новой Гол-

ландии — гавань Сидней в австралийской колонии (теперь штате) Новый Южный Уэльс. В 1788 году английский капитан Филлип основал здесь каторжную колонию — первое европейское поселение на Австралийском континенте.

¹⁶⁸ *Анаттом*. К юго-востоку от него есть несколько островов, включаемых в настоящее время в архипелаг Новые Гебриды.

¹⁶⁹ *Ново-Гебридские острова*. Кирос (Quigos), о котором упоминает Головин, — известный мореплавец, португалец на испанской службе, плававший в конце XVI века под командой Менданья, открывшего Маркизские острова (см. примечание 99). В 1605 году Кирос отплыл от Перу на запад во главе экспедиции из трех кораблей и наткнулся на Ново-Гебридские острова, которые он принял за северную часть несуществующего южного материка, якобы простирающегося от тропиков до Южного полюса. Кирос назвал открытую им землю «Австралией Духа Святого» (испанское *austria* — южный). Дальнейшие сообщения о Киросе противоречивы. По одной версии, он злонамеренно бросил два корабля с их экипажем, чтобы на третьем поскорее вернуться в испанские владения и добиться королевского патента на управление «южным материком». По другой версии, его корабль был отброшен на восток, он не мог снова найти свою «Австралию» и вынужден был вернуться один. Командование покинутыми кораблями принял испанец Торрес. Обнаружив, что вновь найденная земля — не часть материка, а сравнительно небольшой архипелаг, Торрес повел свои корабли дальше на запад и прошел с ними через пролив, позднее названный его именем, отделяющий Новую Гвинею от настоящей Австралии. Следовательно, Торрес доказал островной характер Новой Гвинеи (начало 1606 года) и первый видел берега северо-восточной Австралии, точнее берега полуострова Фюрк.

Испанское название — Эспириту Санто (Espiritu Santo — Дух Святой) в настоящее время сохранилось за северо-западным крупнейшим Ново-Гебридским островом. Капитан Джеймс Кук вторично «открыл» архипелаг в 1774 году, во время своего второго кругосветного плавания, и дал ему новое название, принятое сейчас.

После Кука первым на островах побывал Головин. В XIX веке их часто посещали торговцы, главным образом, из-за очень ценного дикорастущего сандалового дерева. В течение многих десятилетий Ново-Гебридские острова были объектом спора между Англией и Францией, а с 1906 года стали кондоминиумом (совместным владением) обеих держав.

¹⁷⁰ *Тана* (Танна) — один из южных небольших Ново-Гебридских островов, к северу от острова Анаттом.

¹⁷¹ *Эрронан* (на теперешних картах Эроманга или Эрроманго) — следующий за Танной к северу, более крупный остров Ново-Гебридского архипелага. В старом издании «записок» Головина этот остров называется по-разному: Эротан, Эратон, Ирроманго и — правильно — Эрроманго.

¹⁷² *Форстер*, Рейнгольд и его сын Георг — натуралисты, сопровождавшие Кука во вре-

мя его второго кругосветного плавания; оставили описание этого путешествия.

¹⁷³ *Антрекасто* — см. примечание 71.

¹⁷⁴ *Платан* (испанское *plátano*) — банан.

¹⁷⁵ *Корень ям* (ямс или китайский картофель *Dioscorea Patatos*); богатые крахмалом корни его иногда весят десятки килограммов.

¹⁷⁶ *Абордаж* — подход вплотную одного судна к другому для непосредственного захвата последнего.

¹⁷⁷ *Хлебный плод*. Хлебное дерево (*Artocarpus*) дает мучнистые плоды, которые, сливаясь, образуют тяжелые соплодия, иногда свыше 20 килограммов весом. На Новых Гебридах есть только культурные формы хлебных деревьев, дающие плоды без семян. Из заквашенных плодов хлебных деревьев пекут лепешки.

¹⁷⁸ *Казуарина* (*Casuarina*) — безлистное ветвистое дерево.

¹⁷⁹ *Эмир* — небольшой остров севернее Эроманга.

¹⁸⁰ *Острова Общества* (по-французски *Société*) — архипелаг в южной Полинезии; был открыт испанской экспедицией Кироса в 1605 году. Английские мореплаватели, посещавшие его во второй половине XVIII века, дали ему название *Society Islands* в честь английского Географического общества. На русских картах упрочилось неправильное название — острова Товарищества. Важнейший остров архипелага — Таити (*Tahiti*). В первой половине XIX века архипелаг был объектом соперничества между Англией и Францией. В 1847 г. французы окончательно им завладели; позднее остров Таити стал центром колонии «Французская Океания».

Острова Дружеские, Дружбы или Тонга (по-английски *Friendly of Tonga Islands*) — архипелаг в южной Полинезии к юго-востоку от Фиджи; открыт в 1642 году гол-

ландцем Тасманом. С конца XVIII века на Тонга действовали английские миссионеры и купцы; с шестидесятих годов с ними стали конкурировать немцы. В 1900 году острова Тонга были присоединены к Великобритании.

¹⁸¹ *Маликола* (правильно Малликоло) — один из крупных северных Ново-Гебридских островов к юго-востоку от Эспириту Санто.

¹⁸² *Ярд* — английская мера длины, равная 0,9144 метра.

¹⁸³ *Отагитское полотно* — ткани с острова ва Отаити (Таити)

¹⁸⁴ *Тонгатабу* — наиболее выдвинутый к юго-западу остров архипелага Тонга (Дружбы).

¹⁸⁵ *Острова Сандвичевы* — здесь Гавайские острова.

¹⁸⁶ *Остров Варвеля или Токони* (Туконпия) — коралловый островок севернее островов Бенкс (*Banks Islands*).

¹⁸⁷ *Остров Митра* (Фатака) действительно был неправильно нанесен на карту: он расположен восточнее 170° восточной долготы. Островок же *Чери* (Анада) и сейчас показывается примерно на том самом месте, где его не мог найти Головинн.

¹⁸⁸ *Бонито* — крупная хищная рыба из семейства макрелевых.

¹⁸⁹ *Сарычев Гавриил Андреевич* (1763—1831) — гидрограф, участвовал в экспедиции Биллингса (1785—1793), исследовавшей большую часть берегов Охотского моря, Алеутских островов и часть северо-западного берега Северной Америки. Издал описание трудов экспедиции в книге «Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану с 1785 по 1793 гг.» СПб., 1802.

¹⁹⁰ *Кошелева сопка* (другие названия Чаохч, Опалинская) — вулкан; последнее сильное извержение его было в конце XVII века.

З а п и с к и

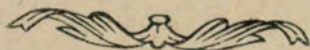
ВАСИЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА

ГОЛОВНИНА

В ПЛЕНУ У ЯПОНЦЕВ

В 1811, 1812 и 1813 гг.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Первое свидание с японцами на Итурупе.— Взятие нас в плен.— Содержание в тюрьме в Хакодате.— Содержание в тюрьме в Мацмае.— Перемена к лучшему в нашем заключении.— Намерение наше уйти, причины и способы.— Мур остается, мы же обманываем его и уходим.

В апреле 1811 года, командуя императорским военным шлюпом «Диана», находившимся тогда в Камчатке*, получил я от морского министра предписание описать точнейшим образом южные Курильские острова, Шантарские острова и Татарский берег от широты 53°38' N до Охотска.

В повелении министра было упомянуто о двух бумагах, содержащих в себе подробное описание возложенного на меня поручения и посланных с оным повелением в одно время из Адмиралтейств-коллегии и из Адмиралтейского департамента. Но сих бумаг я не получил, да и получить их в Камчатке прежде будущей осени, зная здешние почтовые учреждения, никакой возможности не предвидел.

Я очень жалел, что не получил упомянутых бумаг вместе с повелением министерским, и чувствовал все неудобства, могущие произойти от

* Шлюп «Диана» под моей командой отправлен по высочайшему повелению из Кронштадта в 1807 году с особенными поручениями, из коих главнейшими были открытие и опись малоизвестных земель восточного края Российской империи. В 1809 году он прибыл в Камчатку, а в 1810 плавал к западным берегам Северной Америки.

неприсылки оных; но, с другой стороны, ясно предвидел потерю времени, убыток для казны и невозможность сделать что-либо порядочное, стоящее издержек и трудов. Словом сказать, совершенное упущение целого лета, без всякой значительной пользы по предмету предпринятой экспедиции, если б я пошел сначала в Охотск¹.

Мнение мое основывалось на следующих причинах:

1. Судя по времени года, в которое открывается с моря доступ к Охотскому порту, и прибавив к тому время, нужное на перевоз провизии, на запас пресной воды, дров и прочего и на переход от Охотска к южным Курильским островам, я не мог, со всякой поспешностью и благоприятством ветром, быть на том месте, с которого надлежало начинать опись, прежде первых чисел июля; следственно, май и июнь потеряны.

2. Состояние шлюпа и некоторым образом команды требовало, чтобы он зимовал в порте, где можно было бы его осмотреть, очистить и исправить, потому что с самого отправления нашего из Кронштадта, в 1807 году, я не имел случая его разгрузить и осмотреть внутренние и наружные подводные повреждения; ибо в Петропавловской гавани едва достает

кое-каких дурно выстроенных амбаров для помещения провианта, принадлежащего гарнизону, а для посторонних вещей нет никакого строения, и потому все провизии и материалы хранились на шлюпе в течение обеих зим. От этого завелось невероятное множество крыс, поедавших провиант и портивших запасные паруса, армяк, бочки и все, что только им попадалось. Чтобы истребить их, непременно нужно было шлюп очистить совсем; да и гнилых членов мы нашли много в тех местах, кои могли осмотреть. Сверх того, люди износили почти все свое платье и обувь, и нужно было их обмундировать, чего без помощи Охотского порта невозможно было сделать. Все сии причины понуждали меня необходимо зимовать в Охотске, куда надобно было притти в исходе сентября или, по крайней мере, в начале октября. Следовательно, всего времени для описи оставалось около трех месяцев, самых неблагоприятных (кроме июля) для сего дела.

Все мореплаватели, бывшие в здешних морях, жалуются на необыкновенные туманы и мрачные погоды, препятствовавшие им видеть и близко подходить к берегам для осмотра и описи оных. Идучи в прошлом году в Америку и возвращаясь оттуда в Камчатку вдоль гряды Алеутских островов, по южную сторону их, я сам испытал то же. Кроме сих препятствий, останавливающих мореплавателей в описи берегов и островов сего края, они бывают здесь подвержены еще другим, гораздо большим и опаснейшим затруднениям: находясь между Алеутскими или Курильскими островами, от чрезвычайно быстрых течений и неудобноизмеримой глубины подле самых берегов сих островов (из коих у многих в расстоянии от берега трех миль полутораста или двухсотсаженным лот-линем дна нельзя достать), лот, в большей части морей служащий верным и надежным показателем приближения к земле, недействителен, — а это, в соединении с беспрестанными почти туманами, делает плавание по здешним водам весьма опасным.

Сии обстоятельства были мне известны и заставили меня стараться

о выборе лучшего и удобнейшего времени для исполнения данных мне поручений. На сей конец я рассматривал описания путешествий известных мореплавателей, посещавших этот край. Вот как они о нем отзываются:

В 1779 году английские королевские суда «Резолюшен» и «Дисковери», по смерти капитанов Кука² и Кларка доставшиеся в команду капитана Гора, отправились из Авачинской губы 9 октября по новому стилю с намерением между прочими открытиями, относившимися к цели их вояжа, осмотреть Курильские острова. Но им удалось видеть только первый и второй из сих островов — Сумсю и Парамусир. Прочих же, несмотря на все их старания приблизиться к ним, они не видали, по причине частых и сильных ветров с западной стороны. Первую землю, после помянутых двух островов, они увидели на восточном берегу Японии, в широте 40°05', 26 октября. Капитан Гор нетерпеливо желал осмотреть южные Курильские острова, но почти беспрестанные бури в том ему препятствовали. Авачинскую губу оставил он, по старому стилю, в исходе сентября. Итак, можно заключить, что сентябрь и октябрь суть неудобные месяцы для описывания Курильских островов.

Лаперуз, пройдя пролив между полуостровом Сахалином³ и островом Мацмаем⁴ (после названный его именем) в половине августа 1787 года, от мыса Анивы до мыса Тру острова Штатенландии (земли Штатов), никакой земли не видал и, усмотрев сей мыс 19 августа по новому стилю, видел после того Компанейскую Землю и Марикан⁵, между коими прошел, назвав сей пролив, именем своего фрегата *La Boussole* (компас). Почти беспрестанные густые туманы препятствовали ему производить дальнейшую опись Курильских островов, и он нашелся принужденным, оставив свое намерение, итти в Камчатку. На сем пути не видал он, по причине туманов, ни одного Курильского острова, кроме трех вышепомянутых. Это было, по старому стилю, в первых числах сентября.

Капитан Сарычев (в изданном им путешествии по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю, Во-

сточному океану и пр.) пишет, что из Авачинской губы отправились они 6 августа (по старому стилю) 1792 года с намерением описывать Корейское море⁶, и шли к SW вдоль Курильской гряды; но сырые туманы препятствовали им видеть землю до 20-го числа, а тогда, будучи в широте 47°28', увидели они, как Сарычев полагает, остров Марикан и некоторые другие. Они хотели осмотреть их, но туманы помешали. Позднее время принудило их оставить намерение описывать Корейское море и возвратиться в Охотск. На обратном пути видели они седьмой остров и пик на двенадцатом острове; потом видели южный край второго острова и верхи трех сопок пятого; но все это являлось в тумане, так что они не могли определить географическое положение сих мест.

Английский капитан Бротон, в 1796 году, оставив Волканический залив, находящийся на южном крае Мацмая, плыл по восточную сторону сего острова, прошел между островами Кунасири и Итурупом, приняв первый из них за часть Мацмая. Потом, идучи вдоль северо-западного берега острова Итурупа (Штатенландии), видел лишь первую половину его протяжения и северо-восточную оконечность, не зная, что они составляют один и тот же остров; пройдя вдоль западной стороны Урупа (Компанейской Земли) и Симусира (Марикана), доходил до острова Кетоя; оттуда воротясь, проходил по южную сторону Урупа, Итурупа и Кунасири, не сделав никаких примечаний о берегах сих островов. Сколько, впрочем, велико ни было желание капитана Бротона точнейшим образом осмотреть сии столь малоизвестные земли, но он не успел в своем намерении по причине туманов, крепких ветров и вообще неблагоприятной погоды. Плавание капитана Бротона по

Японск 12

Записки
Флота-Капитана Головинна

о приключеніях его

въ плену

у Японцев

въ 1811, 1812 и 1813 годах.

съ

прибавленіемъ его замѣчаній о Япон-
скомъ Государствѣ и народѣ

Примеч.: Места замѣченныхъ красными черточками судо-
во, которыя Урузура не пропустила.

Титульный лист рукописи „Записки флота капитана Головинна о приключениях его в плену у японцев“. Центральный государственный архив Военно-Морского флота.

водам южных Курильских островов происходило в октябре.

Капитан Крузенштерн, в 1805 году, возвращаясь из Японии в Камчатку, находился у Курильских островов в последних числах мая и в первых июня. Потом, идучи к полуострову Сахалину, проходил он мимо их в первой половине июля, а на обратном пути — в исходе августа*. Мне это известно было по карте, приложенной к вояжу капитана Крузенштерна, но, не читавши второй части его вояжа, я не знал, какие погоды он встретил у Курильских островов.

Кроме сих знаменитых мореплавателей, у которых я, так сказать, заимствовал советы в моем деле, старался я также и здесь, в Камчатке, отыскать людей, бывавших в ме-

* Крузенштерн в веденном им журнале употреблял новый стиль.

стах, предназначенных мне для описи, и расспрашивал их обо всех обстоятельствах с большой подробностью. Но от людей, не знающих мореплавания и вообще с весьма ограниченными понятиями, каковы камчатские промышленники, которые одни только, вместе с гражданскими чиновниками, ездят на ближние обитаемые Курильские острова для сбора ясака и прочего, мало можно получить нужных мореплавателю сведений. Они знают только, что летом бывают ясные дни и хорошие погоды; но как часто и в каких месяцах более — обстоятельно сказать не могут.

Но некто, подштурман Андреев, человек с порядочными по своему званию сведениями, бывший с лейтенантом Хвостовым на компанейском⁷ судне у южных Курильских островов в первых числах июня, уверял меня, что тогда погоды стояли хорошие. В прошлом году я шел из Камчатки в Америку в июне, а возвращался в августе и сентябре; в оба раза имел я очень часто пасмурные погоды и туманы, а горизонт почти каждый день был покрыт мрачностью.

Итак, все вышесказанное мною о погодах в Восточном океане уверяло меня, что этому морю свойственны туманы, что они бывают здесь часты и продолжительны во всех месяцах без исключения, только в одних чаще, нежели в других, и что здесь нет такого времени года, в которое хорошие и ясные дни стояли бы по неделе сряду. Это самое заставило меня думать, что для описи такого пространного берега непременно нужно употребить целое лето, с начала мая по октябрь. Для сего надобно стараться сколько возможно держаться ближе берегов, если ветер позволяет, во всякую погоду и, когда выяснит или туман прочистится, тотчас подходить к ним вплоть. Иначе в три года едва ли можно кончить сию опись, если только употреблять на то средние летние месяцы, то есть июнь и июль. Сии заключения понудили меня приступить к делу как возможно ранее.

Здесь упомяну кратко о моем плане, как производить опись. Он состоял в следующем. Из мореплавателей, имевших средства опреде-

лять долготу места на море астрономическими наблюдениями, видели Курильские острова: Гор, Лаперуз, Сарычев, Бротон и Крузенштерн. Капитан Гор видел только два первые от Камчатки острова — Сумусю и Парамусир. Лаперуз видел Итуруп (Штатенландию), Уруп (Компанейскую) и Симусир (Марикан). Сарычев не упоминает в своем путешествии об определенном им географическом положении виденных им островов. Бротон видел часть Мацмая, Кунасири, Итуруп, Уруп, Симусир и Кетой издали. Крузенштерн проходил Курильскими островами три раза, и, судя по трактам его, положенным на карте, надобно думать, что он видел с разных сторон все острова от мыса Лопатки до острова Расёва, который, по его карте, тринадцатый из островов Курильских. Следовательно, нет сомнения, чтобы все сии острова, виденные капитаном Крузенштерном, по широте и долготе не были положены во всех отношениях с величайшей точностью. Что же касается южных островов, виденных Лаперузом и Бротном, то они осмотрены ими не со всех сторон. Следовательно, сии мореходцы не могли определить настоящего их местоположения, а притом не занимались описью оных и, кроме Марикана, на который капитан Бротон один раз посылал шлюпку, не посещали ни одного из них.

Что ж касается старых наших мореплавателей и промышленных, посещавших Курильские острова, то стоит только сравнить карту капитана Крузенштерна северных Курильских островов с прежними картами, изданными с повествования сих господ, чтоб увериться в недостатке их описей. Некоторые острова в двух местах положены под разными именами; другие, маленькие, ничего не значащие, увеличены в пять или в десять раз против настоящей своей величины; одни между собою сближены, другие, напротив, отдалены. Словом, множество разных грубых ошибок наполняют все старые карты Курильских островов. По сим причинам я положил, оставив Камчатку, идти прямо к проливу Надежды между островами Мацува и Расёва, где, поверив свои хронометры по положе-

Вид Петропавловской гавани с морской стороны.
Из альбома к путешествию Крузенштерна,

нию оных, если лунные обсервации сделать сего не позволят, пуститься вдоль южной гряды Курильских островов, начав опись с острова Кетоя, которого «Надежда»* не видала, и продолжать описание каждого острова одного за другим по порядку до самого Мацмая. Потом пройти между островами Кунасири и Мацмаем, описать всю северную сторону сего последнего до самого Лаперузова пролива, а оттуда пойти, в виду восточного берега полуострова Сахалина, до самого места (в широте $53^{\circ}38'$), откуда должна начаться опись Татарского берега, и кончить лето описанием сего берега и Шантарских островов.

Составив таким образом план свой, я немедленно стал приготовляться к походу. Мы прорубили в Петропавловской гавани лед и 25 апреля вывели шлюп из сей гавани в Авачинскую губу, а 4 мая отправились в путь. Мая 14-го достигли пролива Надежды, то есть предела, откуда, по моему предположению,

* Корабль капитана Крузенштерна.

должна была начаться опись. Не стану описывать ни плавания нашего между Курильскими островами, ни того, каким образом мы производили опись: для сего предмета назначена особая книга⁸; скажу только, что до 17 июня, то есть до дня, когда мы случайно имели первое наше свидание с японцами, невзирая на то, что почти беспрестанные густые туманы и сильные неправильные течения много препятствовали в нашем деле, мы успели описать из числа Курильских островов: тринадцатый — Ра-сёва, четырнадцатый — Ушисир, пятнадцатый — Кетой, шестнадцатый — Синсиру, или Марикан, семнадцатый — два Чирпоя⁹ и Макантор и западную сторону осьнадцатого, или Урупа.

Теперь, прежде нежели я приступлю к описанию сношений наших с японцами и последовавшего потом со мною несчастья, за нужное почитаю сказать нечто о существовавшем тогда политическом отношении между Россией и Японией, как оно мне было известно.

С лишком за тридцать лет перед сим, на алеутском острове Амчите японское торговое судно претерпело кораблекрушение. Спасшийся с него экипаж, в числе коего находился начальник того судна Кодай, был привезен в Иркутск, где японцы жили около или более десяти лет. Наконец, блаженной памяти императрице Екатерине Великой благоугодно было приказать отправить их в отечество из Охотска и с тем вместе попытаться о восстановлении с японским государством торговли ко взаимной выгоде обеих держав. Высочайшее именное повеление по сему предмету, данное сибирскому генерал-губернатору Пилю, заслуживает особенного внимания. В нем, между прочими наставлениями, именно предписано было генерал-губернатору отправить в Японию с посольством малозначащего чиновника и подарки от своего имени, как от пограничного генерал-губернатора, а не от императорского лица, и притом замечено, чтобы начальник судна был не англичанин и не голландец.

В исполнение сей высочайшей воли, генерал-губернатор Пиль отправил осенью 1792 года в Японию из Охотска поручика Лаксмана, на транспорте «Екатерина» под командою штурмана Ловцова. Лаксман пристал к северной части острова Мацмая и зимовал в небольшой гавани Немуро¹⁰, а в следующее лето, по желанию японцев, перешел в порт Хакодате, находящийся на южной стороне помянутого острова, при Сангарском проливе, откуда сухим путем ездил в город Мацмай, отстоящий от Хакодате к западу на три дня хода, где и имел переговоры с чиновниками, присланными из японской столицы. Следствием их было следующее объявление японского правительства:

1. Хотя по японским законам и надлежит всех иностранцев, приходящих к японским берегам, кроме порта Нагасаки, брать в плен и держать вечно в неволе, но как русским сей закон был неизвестен, а притом они привезли спасшихся на их берегах японских подданных, то сей закон над ними теперь не исполнен и позволяется им возвратиться в свое отечество, без всякого вреда, с тем

чтоб впредь к японским берегам, кроме Нагасаки, не приходили и даже если опять японцы попадут в Россию; то и их не привозили; в противном случае помянутый закон будет иметь свое действие.

2. Японское правительство благодарит за возвращение его подданных в отечество, но объявляет, что русские могут их оставить или взять с собою, как им угодно, ибо японцы, по своим законам, не могут их взять силою, предполагая, что сии люди принадлежат тому государству, к которому они занесены судьбою и где спасена жизнь их при кораблекрушении.

3. В переговоры о торговле японцы вступать нигде не могут, кроме одного назначенного для сего порта Нагасаки, и потому теперь дают только Лаксману письменный вид, с которым один русский корабль может притти в помянутый порт, где будут находиться японские чиновники, долженствующие с русскими договариваться о сем предмете.

С таким объявлением Лаксман возвратился в Охотск осенью 1793 года. По отъезду его видно, что японцы обходились с ним с большой вежливостию, оказывали ему разные по своим обычаям почести; офицеров и экипаж содержали на свой счет во все время пребывания их при берегах японских и при отправлении снабдили съестными припасами без всякой платы, сделав им разные подарки. Он жалуется на то только, что японцы, исполняя строго свои законы, не позволяли русским свободно ходить по городу и держали их всегда под прищмотром.

Неизвестно, почему покойная государыня не приказала тотчас по возвращении Лаксмана отправить корабль в Нагасаки. Вероятно, что беспокойства, причиненные в Европе французской революцией, были тому причиной. Но в 1803 году, при императоре Александре I, послан был в Японию камергер Николай Петрович Резанов. Путешествие капитана Крузенштерна познакомило с сим посольством всю Россию. Я знал, что объявление японского правительства, сделанное Резанову, состояло в строгом запрещении русским судам приближаться к японским берегам, и даже людей их, буде принесены

Судно принца Чингодзина, на котором российский посланник (Резанов — *ред.*) поехал с корабля на берег.

Из альбома к путешествию Крузенштерна.

будут к нашим пределам, запретили они привозить на наших кораблях, а предложили присылать их, если хотим, посредством голландцев.

Резанов, возвратясь из Охотска в Камчатку, отправился оттуда в Америку на компанейском судне, которым командовал лейтенант Хвостов. Оттуда он, на следующий год, с тем же офицером возвратился в Охотск и поехал сухим путем в Петербург, но на дороге занемог и умер, а Хвостов пошел в море и сделал нападение на японские селения. О всех сих происшествиях упоминается в предисловии к книге под заглавием: «Двукратное путешествие Хвостова и Давыдова» и пр., изданной вице-адмиралом Александром Семеновичем Шишковым. Мне достоверно было известно, что правительство не одобрило поступков Хвостова. Впрочем, если бы Резанов и Хвостов находились в живых, то, может быть, поступки последнего были бы лучше объяснены.

Получив повеление описывать южные Курильские острова, знал я, что некоторые из них заняты японцами.

Я не хотел без повеления высшего начальства иметь с японцами никакого сношения и свидания. На-

мение мое было плавать подле берегов тех островов, которые они занимают, не поднимая никакого флага, чтобы не произвести страха и сомнения в подозрительных японцах. Но судьбе угодно было все расположить иначе.

После полудня 17 июня, мы находились весьма близко западной стороны северной оконечности острова Итурупа, не зная тогда, что она составляет часть сего острова. Оконечность сия, напротив того, казалась нам отдельным островом, ибо залив Сана, вдавшись далеко внутрь земли, походил на пролив, да и на карте капитана Бротона сия часть берега оставлена под сомнением, по неизвестности, пролив ли тут или залив. Желая узнать это достоверно, приблизились мы к берегу мили на три итальянские. Тогда увидели на берегу несколько шалашей (по-сибирски барабор), две большие лодки (байдары) и людей, бегущих взад и вперед.

Полагая, что тут живут курильцы, отправил я, для отобрания от них сведений об острове и о других предметах, к нашему делу принадлежащих, мичмана Мура и штурманского помощника Новицкого на вооруженной шлюпке с четырьмя гребцами, а

усмотрев, что с берегу едет большая лодка к ним навстречу, и не зная, как жители хотят их встретить, тотчас подошел со шлюпом ближе к берегу и потом, на вооруженной шлюпке, с мичманом Якушкиным и с четырьмя гребцами, поехал сам к ним на помощь. Между тем лодка, встретив первую нашу шлюпку, воротилась и вместе с нею погребла к берегу, куда и я приехал.

На берегу нашел я, к великому моему удивлению, мичмана Мура в разговоре с японцами. Он сказал мне, что тут есть несколько наших курильцев с тринадцатого острова, или Расёва, занесенных сюда в прошлом лете погодою, которых японцы, продержав около года в заключении, решились наконец освободить. Теперь они приведены были на это место под конвоем японских солдат, с тем чтоб при первом благополучном ветре отправиться им отсюда на лодках к своим островам. Мур показал мне японского начальника, стоявшего на берегу, саженьх в сорока от своих палаток к морю; его окружали осьмнадцать или двадцать человек в латах, вооруженные саблями и ружьями. Каждый из них в левой руке держал ружье у ноги без всякого порядка, как кто хотел, а в правой два тонких зажженных фитиля. Я ему сделал приветствие, по нашему обыкновению, поклоном, а он мне поднятием правой руки ко лбу и небольшим наклоном всего тела.

Мы говорили посредством двух переводчиков: первый был один из его воинов, знавший курильский язык, а другие — наши курильцы, умевшие немного говорить по-русски. Японский начальник сделал мне сперва вопрос, зачем мы пришли к ним: если торговать, а не с худым против них намерением*, то чтобы шли далее вдоль берега за сопку, где находится главное селение сего острова, Урбитч¹¹. На это велел я ему сказать, что мы ищем безопасной для нашего судна гавани, где могли бы запастись пресной водой и дровами, в коих имеем крайнюю нужду, а получив нужное нам количество воды и дров, тотчас оставим

их берега**. Впрочем, опасаться нас они не должны, ибо судно наше есть императорское, а не купеческое, и мы не намерены причинять им никакого вреда.

Выслушав мой ответ со вниманием, он сказал, что японцы имеют причину бояться русских, ибо за несколько лет перед сим русские суда два раза нападали на японские селения и все, что в них ни нашли, то или увезли с собою или сожгли, не пощадив даже ни храмов, ни домов, ни съестных припасов.

Следовательно, невозможно, чтобы японцы, видя русское судно столь близко у своих берегов, были покойны и не боялись. На этот вопрос отвечать было трудно посредством таких плохих переводчиков, каковы были курильцы. Однакож я старался вразумить им мои мысли и желал, чтобы они постарались пересказать мои слова сколько возможно точнее.

Я спросил японского начальника: если бы их государь хотел на какой-нибудь народ итти войною, то много ли бы судов и людей он послал? Ответ его был: «Не знаю». «Но судов пять или десять послал бы?» спросил я. «Нет, нет, — сказал он засмеявшись, — много послал бы, очень много». — «Как же японцы могут думать, — продолжал я, — чтобы государь русский, обладатель такой обширной земли и великого множества народа, мог послать два суднишка вести войну с Японией? И потому они должны знать, что суда, сделавшие на них нападение, были купеческие, и все те люди, которые ими начальствовали и управляли, не принадлежали к службе императорской, а занимались звериными промыслами и торгами, напали на японцев и ограбили их самовольно, даже без ведома последних наших начальников. Но коль скоро поступки их дошли до сведения начальства, дело было исследовано, и виновные наказаны по нашим законам. Доказательством сему может послужить и то, что суда

* Наш переводчик выражал этот вопрос: «С добрым умом или с худым умом вы пришли сюда?»

** Такое объявление я сделал для того, чтобы под видом отыскивания удобной гавани обойти кругом все их острова и сделать им точнейшую опись; настоящей же причины нашего к ним прихода никак невозможно было открыть японцам.

Помещение русского посольства в Японии.
Из альбома путешествий начала XIX века.

сии, сделав два набега, которые оба имели совершенный успех, более уже не являлись в течение трех лет. Но если б наш государь имел причину и желал объявить японцам войну, то множество судов приходило бы к ним всякий год, покуда не получили бы того, чего требовали.

Японец, приняв веселый вид, сказал, что он рад это слышать, всему, что я ему говорил, верит и остается покоен, но спросил, где теперь те два человека, которых увез у них Хвостов, и не привезли ли мы их с собою. «Они бежали из Охотска на лодке, — отвечал я, — и где скрылись, неизвестно».

Наконец, он объявил нам, что в этом месте нет для нас ни дров, ни хорошей воды (что мы и сами видели), а если я пойду в Урбитч, то там могу получить не только воду и дрова, но сарачинское пшено¹² и другие съестные припасы, а он для сего даст нам письмо к начальнику того места.

Мы его поблагодарили и сделали ему и приближенным к нему чиновникам подарки, состоявшие в разных европейских вещах, а он отдал свежую рыбу, кореньями сарана, диким чесноком и фляжкою японского напитка sake*, которым потчевал нас, отведав наперед сам, и я поил начальника и всех его товарищей французскою водкой, выпив сперва сам, по японскому обыкновению, дабы показать, что в ней нет ничего опасного для здоровья. Они пили с большим удовольствием, прихлебывая понемногу и прищелкивая языком. Принимая от меня чашечку, из которой пили, они благодарили небольшим наклоном головы вперед и поднятием левой руки ко лбу.

Я взял у одного из них фитиль, чтоб посмотреть его, и когда стал

* Напиток sake делается из сарачинского пшена; вкусом не противен и не крепок, однакож от большого количества может опьянеть и приобвыкший к крепким напиткам человек.

ему отдавать, изъясняя знаками вопрос, можно ли мне от него немного отрезать, они мне тотчас предложили весь моток.

Начальник их, видя, что мне хотелось посмотреть их ставку, тотчас повел меня туда. Она состояла из весьма длинной, невысокой, крытой соломенными или травяными матами палатки, разгороженной поперек на многие отделения. В каждое из них вход был особенный с южной стороны; окон не было, а свет проходил дверьми. Его отдельные находилось на восточном краю; пол в нем устлан чистыми матами, на которые мы сели, поджав ноги, как портные. В середине поставили большую жаровню и принесли ящик в чехле из медвежьей кожи, шерстью наружу. Начальник положил две свои сабли в сторону и стал снимать кушак. Приметив, что он собирается угощать нас не на шутку, а на дворе становилось поздно, и шлюп был слишком близко к берегу для ночного времени, я поблагодарил его за ласковый прием, велел сказать, что приеду к нему в другой раз, а теперь остаться не могу, и пошел к шлюпке.

Когда я был с начальником на берегу, ко мне подошел с большим подобострастием и унижением престарелый тайон, или старшина, мохнатых курильцев¹³ в сей части острова. Их тут было обоего пола человек до пятидесяти. Они показались нам так угнетены японцами, что тронуться с места не смели; сидели в куче и смотрели с робостью на своих повелителей, с которыми не смели говорить иначе, как стоя на коленях, положив обе руки ладонями на ноги немного выше колен и наклонив голову низко, а всем телом нагнувшись вперед.

Я желал поговорить с ними на свободе и сказал, чтобы они приехали к нам, если это не будет противно японцам и не причинит им самим вреда. Впрочем, велел я, чтоб они уверили японцев в нашем дружеском к ним расположении и что мы не намерены делать им отнюдь никакого вреда. Курильцы пересказали им мои слова, но за точность перевода я ручаться не могу. В ответ же они мне объяснили, что японцы нас боятся и не верят, чтоб мы к

ним пришли с добрым намерением (или с добрым умом, как они говорили), но подозревают, что мы с таким же худым умом пришли, с каким приходили к ним суда Хвостова. Я желал разведать о сем деле более и сказал курильцам, чтобы они поговорили с японцами, и узнали, что они о нас думают, а потом приехали к нам.

Мы возвратились на шлюп в 7 часов вечера, а курильцы приехали через час после того; их было двое мужчин, одна женщина и девочка лет четырех. Мужчины оба говорили по-русски столько, что нас понимали и мы их могли разуместь без затруднения. Они привезли нам обещанное письмо японского начальника к главному командиру в Урбитче, уверяя, что оно содержит в себе извещение о приходе нашем сюда не с злым, а с добрым намерением, и сказали, что тотчас по отъезде нашем из селения японцы отправили в Урбитч с подобным известием байдару (большую лодку), которую мы и сами видели, когда она отправилась.

Сверх того, вот какие вести сообщили нам курильцы. Японцы не хотят верить, чтоб мы пришли к ним за каким-нибудь другим делом, кроме грабежа, почему они давно уже все свое имущество отправили внутрь острова.

Весть сия крайне огорчила всех нас. Однакож курильцы утешили нас уверением, что не все японцы так мыслят о русских, но один только здесь находящийся при них начальник и товарищи его считают русских грабителями и боятся их, чему, конечно, причиною чрезвычайная трусость сих людей.

В доказательство они рассказали нам свои приключения. В прошлом лете принесло их сюда бурей. Японцы их взяли, посадили в тюрьму и предлагали им множество вопросов касательно сделанного на них русскими нападения. Они отвечали, что курильцы в поступках русских никакого участия не имели. После этого объявления (продолжали курильцы) японцы сделались к ним добрее, стали их содержать лучше и наконец велели немедленно отпустить, одарив пшеном, sake, табаком, платьем и другими вещами, а теперь они сюда

привезены с тем, чтобы им с первым благоприятным ветром отправиться на свой острова.

Между прочими разговорами, когда они сделались посмелее от двух рюмок водки, часто упоминали они, что имеют крайнюю нужду в порохе, что им зимою нечем будет промышлять зверей и что японцы (так называют они японцев) все им дают, кроме пороха. Частое повторение о порохе нетрудно было понять: они хотели просить его у меня, но не смели, а я, будучи уверен, что они имеют в нем надобность действительно только для промыслов, дал им полтора фунта мелкого английского пороха, прибавив к тому еще табаку, бисеру и сережек. Позднее время не позволяло мне продолжать с ними разговор, и я отпустил их в 10-м часу на берег, сказав, чтобы они сколько возможно старались изъясниться с японцами и уверить их в нашем миролюбивом и дружеском к ним расположении.

Безветрие, продолжавшееся всю ночь на 18-е число, не позволило нам удалиться от берега, а рано поутру увидели мы едущую к нам байдару под флагом.

Около 8 часов байдара подъехала к нам так близко, что виден был белый кусок мата или рогожки вместо флага, а вскоре после того узнали мы старых своих друзей, курильцев, тех же самых, которые и вчера нас навестили. С ними был еще один молодой мужчина, который называл себя Алексеем Максимовичем. Мужчины были в японских длинных и очень широких халатах, с короткими, широкими же рукавами: халаты сии сшиты из толстой бумажной материи синего цвета с частыми сероватыми полосками. Женщина была в парке¹⁴, сшитой из птичьих шкур; на спине у ней, для украшения, висели в несколько рядов носы топорков*; на голове был бумажный платок. Мужчины были с открытыми головами; на ногах торбасы, или русские бахилы, сделанные из горл сивучей.

Есаул взошел на шлюп босой, но, прежде нежели поклонился или стал с нами говорить, сел на шкафуте,

надел свои торбасы, а потом подошел ко мне и присел с таким же подобострастием, с каким они кланяются японцам. Из этого я заключил, что у них неучтиво босому показаться людям, которых они уважают. Человек он лет пятидесяти и, повидимому, очень дряхлый; маленькую дочь свою во все время таскал он у себя за спиною в своем халате, придерживая веревкою, кругом его обвязанною, которая обыкновенно была против груди спереди, а когда надобно было ему действовать руками, то, сжимая плеча, она не мешала, он поднимал ее на лоб, для чего в том месте, где веревка должна касаться лба, пришит был к ней широкий ремень.

Мужчины имели большие, густые, черные, как уголь, волосы и бороды. Волосы они носили так, как наши ямщики; искусственных украшений никаких у них на лице и на теле не было, а у женщины рот кругом по губам на четверть дюйма выкрашен синею краскою и так же испещрены руки. Они привезли к нам в гостиницу два пуда рыбы — трески и кунжи, несколько сараны и черемши¹⁵.

Первый вопрос мы им сделали о японцах, и узнали, что начальник их, вследствие подаренной ему мною бутылки водки, спал весь вечер и ночь до самого утра весьма покойно и крепко, но прочие во всю ночь не спали и стояли в ружье. Подозрения своего в дурных наших против них замыслах они не оставляют и грозят курильцам, что если мы на них сделаем нападение, то им отрубят головы, как русским поданным, для чего и отпустили их к нам всех, а некоторых оставили у себя под стражею. И этих во всю ночь караулили, и поутру послали сами нарочно к нам, чтоб точнее выведать, зачем мы пришли и чего хотим.

В этот раз курильцы наши сбились в словах и признались, что их сюда не непогодю занесло, а приехали они к японцам торговать, что в старые годы им позволялось, но ныне, по причине неприятельских поступков со стороны русских, японцы их захватили и поступили с ними, как выше описано, а потом велели отпустить, дав им на дорогу двадцать мешков пшена, sake и табаку. Хотя

* Топорок — морской попугай.

им возвращена была свобода, но дурные погоды мешали им уехать до нашего прихода. Ныне же японцы хотят опять удерживать их с тем, что они головами своими должны будут отвечать за наши дурные против них поступки. Они приехали к японцам в числе семи мужчин, шести женщин и двух ребят, из коих во время их пребывания на сем острове, от заключения в тесном месте, умерло трое мужчин и три женщины; они не умели назвать по-русски болезни, бывшей причиною их смерти, но, по описанию, это должна быть цынга и слабость.

Рассказывая свои приключения, они часто сбивались и противоречили друг другу; наконец, стали меня просить взять их с собою и отвезти на их остров Расёва, потому что они имеют крайнюю нужду там быть. На вопрос мой, если я их возьму, что тогда будет с их товарищем, двумя женщинами и ребенком, оставшимися у японцев, они молчали, но скоро опять возобновляли свою просьбу, говоря, что японцы их убьют.

По всем их рассказам, из коих многие не стоят того, чтоб об них здесь упоминать, можно было догадываться об их положении: лишь только японцы, подозревая, что мы хотим напасть на их селения, сказали об этом курильцам и погрозили наказать их за наши поступки, то они, имея причину так же дурно мыслить об нас, как и японцы, стали опасаться, чтоб не потерять голов, и для спасения жизни желали лучше быть у нас, оставляя на жертву своего товарища, двух женщин и ребенка, почему и просили меня взять их с собою.

Я старался их убедить, что им японцев бояться нечего; мы им ни малейшего зла не желаем и не делаем, следовательно и они нам вредить не захотят, что мы только вышем гавань, запасемся водою и дровами и потом оставим берега их в покое. Для начальника японского послал я в подарок четыре бутылки французской водки, узнавши, что им отменно нравится этот напиток.

При расставании я предложил, не хочет ли один из них остаться на шлюпе, чтоб показать нам гавань в Урупе и, если пойдем в Урбитч, слу-

жить переводчиком. На предложение мое все они тотчас согласились остаться, но этого нельзя было сделать; итак решено было оставаться Алексею, а прочим ехать на берег.

К полудню ветер стал изрядно дуть от С. Погода была светлая. Чтобы успеть осмотреть восточный берег Урупа, отправив наших гостей, мы поставили все паруса и пошли к О. Но, оставив их от нас на полмили или на версту, мы увидели, что они стояли в байдаре с поднятыми вверх руками, махали нам и громко что-то кричали. Думая, что байдара тонет, я велел тотчас остановиться. Они приехали к нам опять очень благополучно, только для того, чтоб сказать, что они боятся японцев, которые их убьют, если мы сделаем им что-либо дурное. Надобно было их снова уговаривать. Последнее прощание с нами этих жалких бедняков очень меня тронуло; они кричали нам с байдары своей: «Прощайте, мы вам наловим рыбы, наберем черемши и сараны и будем вас ожидать, если японцы не убьют нас».

От Итурупа пошли мы к восточному берегу Урупа, у которого для описи провели три дня, а потом хотели возвратиться к Урбитчу, но ветры не позволяли пройти проливом де-Фриза, а посему и стали мы держаться к югу вдоль восточного берега Итурупа, для описи сего острова.

Между тем, по необходимости, мы должны были усилить подозрение нашего курильского лоцмана в том, что хотим напасть на японцев. Когда день был тихий, со светлой, сухой погодой, мы обучали команду абордажной экзерциции с настоящей пальбой. Коль скоро курилец наш увидел всех в ружье, одно отделение с большими мушкетонами, другое с малыми, третье с пистолетами и пиками и пр., то при виде такого, по его понятиям, множества оружия не мог скрыть своего удивления. Мы старались уверить его, что сами боимся нападения на нас японцев и для того готовимся защищаться, а им от нас вреда никакого не будет, если они обойдутся с нами дружелюбно. Он хотя и качал головой в знак согласия, но про себя думал совсем не то.

Впрочем, часто он сам открывал

Курильцы.

нам нечаянно такие вещи, в которых на вопросы наши заперался и приходил в замешательство. Например, он не хотел признаться, каким образом они прежде производили торговлю с японцами, когда мы его о том прямо спрашивали, а после, между посторонними разговорами и особенно за чаем, сам рассказывал, почему за какие товары японцы им платили, не помышляя нисколько, что объявлял тайну, которую хотел прежде скрыть.

Этим способом при разных случаях я от него узнал, что торг с японцами до разрыва с нами они действительно производили постоянный и правильный. Курильцы возили к японцам на промен бобровые¹⁶ и нерпичьи (тюленьи) кожи, орлиные крылья и хвосты, а иногда лисиц, которых, однакож, японцы покупают редко и за дешевую цену; от них же получали сарачинское пшено, бумажные материи, платье (главное, халаты), платки, табак, курительные трубки, деревянную лакированную посуду и другие мелочи.

Японцы употребляют крылья и хвосты орлиные для своих стрел, почему они у них отменно ценны. Впрочем, в большом уважении и по

весьма дорогим ценам продаются у них разные европейские вещи, которых курильцы не имеют. Главные из них — алое и красное и других цветов сукна, стеклянная посуда, янтарные и бусовые ожерелья, стальные вещи и пр. Алое сукно употребляют они для знатных гостей, растилая кусок оно в квадрате на аршин и более на том месте, где гость должен сидеть, а из других сукон шьют платье.

С не меньшей откровенностью гость наш Алексей Максимович, когда кстати и обняками заставляли его о том говорить, рассказывал нам об успехах своих промыслов, также о способах, какими они производят их, и о своем прокормлении. Он жаловался, что ныне бобров стало мало, в чем верить ему очень можно, ибо и на Алеутских островах и на американском берегу, занимаемом работниками промышленной там компании, сих животных ныне не стало. Они все, испугавшись человеческого гонения и взора, удалились далее к югу в проливы, рассеянные между бесчисленными островами, окружающими северо-западные берега Америки. Летом, когда море

бывает покойно и позволяет безопасно ездить и отдаляться от берегов на байдарах, курильцы бьют бобров стрелами, а зимою у берега стреляют их из ружей или ловят сетями, протягивая оные между камнями, где сии животные бывают.

Лисиц они промышляют, как чернобурых, сиводушек, так и красных, тремя способами. Во-первых, если попадется, то стреляют из винтовок. Во-вторых, ловят кляпцами, как и в Камчатке, то есть ставят западню с приманкой, которую козь скоро зверь дернет, спускается острое железо и ударяет в него. Третий способ — чайками: привязав чайку к чему-нибудь в том месте, где приметят лисьи следы, окружают ее петлями, а охотник сидит притаившись, чтоб лисица не успела, попавшись в петлю, перегрызть ее; зверь, услышав порханье чайки, тотчас бросается на свою добычу и попадает в петлю.

Песцов на Курильских островах нет, и жители имени их не знают. Увидев у нас кожи сих животных, они называли их белыми лисицами.

Сивучей и нерп они стреляют, а орлов ловят чайками, только не таким образом, как лисиц: ставят небольшой шалаш с одним отверстием на самом верху; внутри шалаша, под отверстием, привязывают чайку. Орел, спустившись, вцепляется в нее когтями, и пока он силится добычу свою оторвать или остается там пировать на ней, его убивают. Орлы у них бывают только зимою, а летом, как они говорят, улетают хищные сии птицы в Камчатку, что и справедливо: их там бывает множество. Многие рыбу изобильные реки, текущие по сему полуострову, доставляют им обильную пищу.

Бобры, сивучи, тюлени, лисицы и орлы суть единственные промыслы курильцев, производимые для торговли; для своего прокормления и домашних потреб они промышляют разных морских птиц, как-то: гусей, уток разных родов, чирков и прочих и рыбу.

Из птиц гусей и уток они промышляют редко, потому что этот промысел сопряжен с трудами и издержками пороха и снига, но ловят руками топорков, старичков и еще род птиц, называемых на их

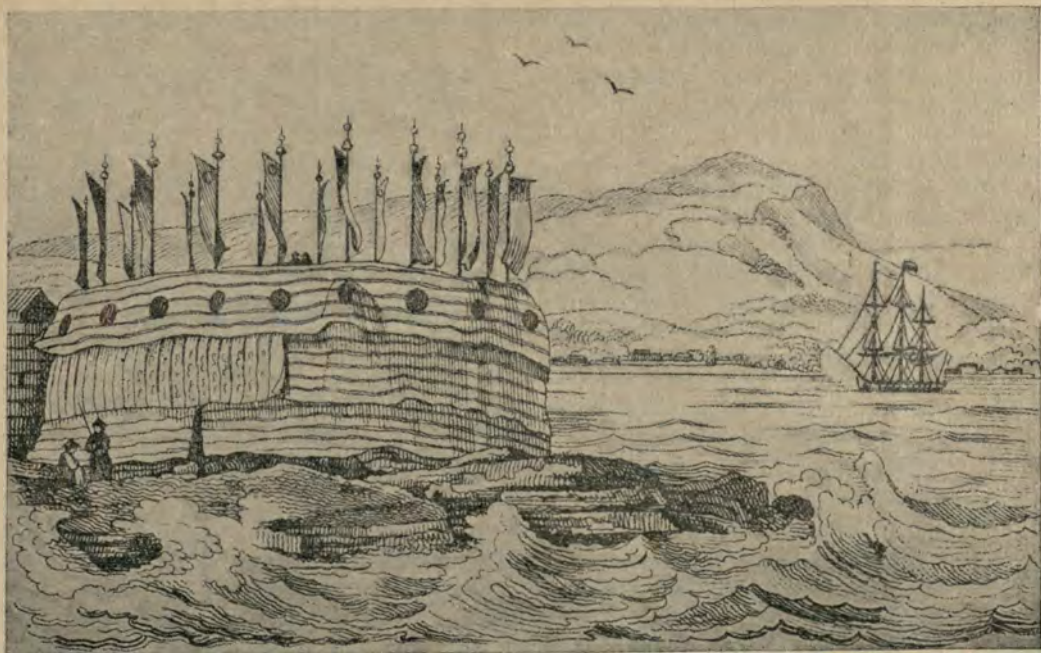
языке мавридори*, в их гнездах, так что один человек в день наберет их 40 и 50 штук. С них сдирают кожу с перьями и, сшивая, делают парки для жителей обоего пола; из жиру топят сало, а мясо, выкоптив над дымом, берут в зимний запас. Это мясо с черемшею, сараною, разными дикими кореньями, ракушками, морскими яйцами и разными родами морского растения составляет главный и, можно сказать, единственный их запас, к которому иногда прибавляется купленное у японцев пшено.

Вдобавок к сему описанию провозвкупаю еще следующие подробности о курильцах. Наши курильцы вообще бреют бороду. Хотя найденные на Итурупе были с бородами, но это делают они из подражания мохнатым, которые носят длинные бороды, а потому наш Алексей, находясь между русскими, изъявил желание выбриться, в чем его и удовлетворили. Сверх того, я велел дать ему пару казенного платья.

Жители Сумусю и Парамусира ездят на собаках, подобно камчадалам, а на Расёва и Ушисире не ездят, по неумению, но некоторые держат сих животных для лисьей травли. Я выше не говорил о сем способе промышлять лисиц, потому что он не общий и употребляется только некоторыми на острове Расёва, где есть свои лисицы, а ушисирские жители, не имея их у себя, ездят на другие острова, и потому с собаками таскаться им невозможно; впрочем, на обоих островах собачьи кожи употребляются для зимних парок.

Алексей нас уведомил, что на южной стороне острова Кунасиры

* Птицы, описанием соответствующей мавридори, я не мог прибрать в Бюфоновой «Естественной истории» и потому сообщу здесь описание ее: мавридори величиною с голубя, перья на спине и на верхней части крыльев черноватые и темносерые, часто перемешанные, а на брюхе и под крыльями светлосерые; крылья длинные, состоящие из двух частей, соединенных суставом. Когда они растянуты, между концами два фута восемь дюймов, а от конца носа до конца хвоста тринадцать дюймов; лапы с трех пальцев с едва приметными когтями, которые во всю длину соединены перепонкою, а сзади небольшой палец, более похожий на ноготь; лапы и перепонки цвета свинцового; нос острый, черный, на конце вниз загнутый, с двумя сверху дырами.

Японская крепость.

Из альбома путешествий начала XIX века.

(двадцатый из Курильской гряды) есть безопасная гавань и укрепленное при ней селение, где могли мы запастись дровами, водой, пшеном и зеленью; почему я и вознамерился в Урбитч уже не ходить, а итти прямо к Кунасири. Главной же причиной сему намерению было желание мое описать подробнее гавань и пролив, отделяющий Кунасири от Мацмая, который прежде сего европейским мореплавателям не был известен и на многих картах Бротона оставлен он под сомнением.

Сверх того, и другая причина еще понуждала меня поскорее притти к селению в безопасную гавань: мы нашли, что в трюме у нас крысы съели более четырех пудов сухарей и около шести четвериков солоду, а как мы не могли знать, в каком состоянии находится провизия, лежащая внизу, то и нужно было поспешить к месту, где бы, в случае нужды, можно было получить какой-нибудь запас.

Ветры, туманы и пасмурность не позволяли нам войти в пролив между Мацмаем и Кунасири прежде 4 июля. Во все это время мы бились у островов Итурупа, Кунасири и Сикотана, часто их видели, но по большей

части они были скрыты в тумане. Вечером подошли мы близко к длинной низкой косе, составляющей восточную сторону кунасирской гавани, а чтоб не причинить беспокойства и страха японцам входом нашим в гавань к ночи, я рассудил стать в проливе на якорь. Во всю сию ночь на двух мысах гавани горели большие огни, вероятно для сигнала о нашем приходе.

На другой день (5 июля) поутру пошли мы в гавань; при входе нашем с крепости сделаны были два пушечных выстрела ядрами, которые упали в воду, далеко не долетев до нас. Мы заключили, что японцы здесь не получили еще известия с острова Итурупа о миролюбивом нашем расположении.

Между тем густой туман покрыл крепость и залив, почему мы бросили якорь, а когда погода прочистилась, опять пошли ближе к крепости, с которой уже более не палили, хотя промеривавшая глубину впереди шлюпка была от нее не далее пушечного выстрела. Крепость вся кругом была обвешана полосатой материей, состоявшей из белых и черных или темносиних широких полос, так что ни стены, ни палисада нельзя

было видеть; местами между материей поставлены были щиты с нарисованными на них круглыми амбраурами, но так грубо, что даже издали нельзя было принять их за настоящие батареи.

Мы могли только видеть некоторые строения внутри крепости, кои, будучи расположены по косоугору, видны были через вал; в числе их дом начальника отличался от прочих множеством флагов и флюгеров, над ним выставленных; на прочих частях города также развевалось много сих знаков, но гораздо менее, нежели у начальника.

Алексей не знал причины, для чего это делается, но сказывал, что город всегда украшается таким образом, когда приходит в порт чужое судно или приезжает чиновная особа.

Остановясь на якоре в расстоянии верст двух от крепости, поехал я на берег, взяв с собою штурманского помощника Среднего, четырех гребцов и курильца. Японцы, подпустив нас сажен на пятьдесят к берегу, вдруг начали с разных мест крепости стрелять в шлюпку из пушек ядрами. Мы тотчас поворотили назад и стали грести, как всякий и сам легко догадаться может, из всей силы. Первые выстрелы были очень опасны, и ядра пролетели, так сказать, мимо ушей наших, но после они пушки свои заряжали медленно и наводили нехорошо.

С нашего шлюпа при первых выстрелах старший по мне офицер, капитан-лейтенант Рикорд, отправил к нам на помощь все наши вооруженные гребные суда, в коих, однако, к счастью, мы не имели нужды: ни одно ядро в нашу шлюпку не попало. Когда я уже выехал из дистанции пушечных выстрелов, японцы не переставали палить и даже продолжали по приезде моем на шлюп.

Бесчестный их поступок крайне огорчил меня. Я думал, что одни только дикие в состоянии поступить таким образом: видя небольшую шлюпку с семью человеками, едущую прямо к ним, и подпустив вплоть к батареям, они стали в нее палить, так что от одного ядра все бывшие на ней могли бы погибнуть.

Сначала я считал себя вправе

отомстить им за это и велел было уже сделать один выстрел к крепости, чтобы, судя по оному, лучше можно было видеть, как поставить шлюп. Но, рассудив, что время произвести мщение не уйдет, а без воли правительства начинать военные действия не годится, я тотчас переменял свое намерение и отошел от крепости, а потом вздумал объясниться с японцами посредством знаков.

Поутру следующего дня (6 июля) поставили мы перед городом на воде кадку, пополам разделенную. В одну половину положили стакан с пресною водою, несколько полен дров и горсть сарачинского пшена, в знак, что мы имеем нужду в сих вещах, а на другую сторону кадки положено было несколько пиастров, кусок алого сукна, некоторые хрустальные вещи и бисер, в знак того, что мы готовы за нужные вещи заплатить им деньги или отдарить вещами. Сверху положили мы картинку, весьма искусно нарисованную мичманом Муром, на которой была изображена гавань с крепостью и нашим шлюпом; пушки на нем были означены очень явственно и в бездействии, а с крепости они палили, и ядра летали через нашу шлюпку. Сим способом я хотел некоторым образом упрекнуть их за их вероломство.

Лишь только мы оставили кадку и удалились, как японцы, тотчас взяв ее на лодку, отвезли в крепость. На другой день мы подошли ближе пушечного выстрела к крепости за ответом, будучи на всякий случай готовы к сражению; но японцы, казалось, не обращали никакого на нас внимания: ни один человек не выходил из крепости, которая вся кругом была обвешана попрежнему.

В таком затруднительном положении я потребовал письменным приказом, чтобы каждый офицер подал мне на бумаге свое мнение, как поступить в этом случае; они все были согласны, что неприятельских действий без крайней нужды начинать не должно, пока не воспоследует на то воля правительства. Вследствие сего мнения офицеров отошли мы от крепости.

Я принял другое намерение и послал вооруженные шлюпки под командой капитан-лейтенанта Рикор-

да в рыбацкое селение, находящееся на берегу гавани, с повелением взять там нужное нам количество дров, воды и пшена, оставив за оные плату испанскими пиастрами или вещами, а сам со шлюпом держался подле берега под парусами, в намерении употребить силу для получения нужных нам вещей, буде бы японцы стали противиться выходу нашего отряда на берег. Однакож в селении не только солдат, но и жителей ни одного не было; воды там, кроме гнилой, дождевой, Рикорд не нашел, а взял дрова, небольшое количество пшена и сушеной рыбы, оставив в уплату разные европейские вещи, которые, по словам курильца Алексея, далеко превосходили ценою то, что мы взяли.

После полудня я сам ездил на берег, любопытствуя посмотреть японские заведения, и, к удовольствию моему, увидел, что оставленные нами вещи были взяты. Это показывало, что после Рикорда тут были японцы, и теперь в крепости знают, что мы не грабить их пришли. На сей стороне гавани были два рыбацких селения со всеми заведениями, нужными для ловли рыбы, для соленья и сушения ее и для вытопки жиру. Невода их чрезвычайной величины, и все, принадлежащее к этому промыслу, как то: лодки, котлы, пресса, лари и бочки для жиру и пр., находилось в удивительном порядке.

Июля 8-го поутру увидели мы выставленную на воде перед городом кадку; тотчас снялись с якоря и, подойдя к ней, взяли ее на шлюп. В кадке нашли мы ящик, завернутый во многих кусках клеенки, а в ящике три бумаги. На одной было японское письмо, которого мы прочитать не умели, следовательно все равно как бы его и совсем не было, и две картинки: на обеих были изображены гавань, крепость, наш шлюп, кадка, едущая к ней шлюпка и восходящее солнце, с той только разностью, что на первой крепостные пушки представлены стреляющими, а на другой обращены дулом назад.

Рассматривая эти иероглифы, всякий из нас толковал их на свой лад, да и немудрено: подобное этому нередко и в академиях случается. Мы

только в одном были согласны: что японцы не хотят с нами иметь никакого сношения. Я понимал эти знаки таким образом, что в первый раз они не палили в шлюпку, которая ставила кадку перед городом, и позволили ее поставить, и если в другой раз станем делать то же, то стрелять будут. Посему и пошли мы к небольшой речке на западном берегу гавани и, остановясь на якоре, послали вооруженные шлюпки наливать пресную воду. Почти весь день работали мы на берегу, и японцы нас не беспокоили: они только выслали из крепости несколько человек курильцев, которые, будучи от нашего отряда в полуверсте, примечали за нашими движениями.

На другой день, 9 июля, поутру, опять поехали наши шлюпки на берег за водою. Тогда подошел к нашему отряду высланный из крепости курилец. Он приближался потихоньку, с величайшей робостью держал в одной руке деревянный крест, а другой беспрестанно крестился. Он жил несколько лет между нашими курильцами на острове Расёва и известен под именем Кузьмы; там, вероятно, научился он креститься и, узнав, что русские почитают крест, оградил им себя и отважился итти к нам парламентаром.

Первым встретил его лейтенант Рудаков. Он его обласкал, сделал ему некоторые подарки, но, несмотря на все это, Кузьма дрожал от страха, как в лихорадке. Я пришел после, но хорошенько объясниться с ним не мог; Алексея с нами не было, а посланный не хотел его ждать и на шлюп ехать боялся; силою же задержать его мне казалось неловко, а порусски он и десяти слов не знал. Однакож кое-как из знаков его я мог понять, что начальник города желает встретить меня на лодке с таким же числом людей, какое будет у меня, и со мною переговорить, для чего и просит подъехать к городу с четырьмя или пятью человеками, на что я охотно изъявил мое согласие и отпустил его, дав ему в подарок нитку бисера. Он оттого сделался смелее и сам попросил курительного табаку, которого, однакож, со мною тогда не случилось, и я обещал привезти его после.

Между тем японцы выставили другую кадку перед крепостью, но так близко батарей, что подъезжать к ним я считал неблагоприятным; из крепости никто ко мне навстречу не выезжал, махали только белыми веерами, чтобы я ехал на берег. Из этого я заключил, что мы с курильцем худо объяснились и я не так его понял. Но когда я стал возвращаться, то с берега тотчас отвалила лодка, на которой подъехал ко мне какой-то чиновник с переводчиком курильского языка. Людей у них было гораздо более, нежели на моей шлюпке, но как мы все были хорошо вооружены, то я не имел причины их бояться.

Разговор они начали извинением, что палили в меня, когда я ехал на берег, поставляя сему причиной недоверчивость их к нам, происшедшую от поступков двух русских судов, нападавших на них за несколько лет перед сим: с этих судов люди сначала также съезжали на берег под предлогом надобности в воде и дровах. Но теперь, увидев на самом деле, сколь поступки наши отличны от поведения тех, которые приезжали на прежних судах, они более не имеют в нас никакого сомнения и готовы оказать нам всякое зависящее от них пособие.

Я велел нашему переводчику Алексею объявить им, что прежние суда были торговые, нападали на них без воли правительства, за что начальники оных наказаны.

Они отвечали, что всему этому верят и очень рады слышать о добром к себе расположении русских.

На вопрос мой, довольны ли они оставленной платой за вещи, взятые у них в рыбацком селении, они сказали, что все взятое нами они считают безделицей и думают, что мы оставили за то более, нежели надобно; притом уверили, что начальник их готов снабдить нас всем, что у них есть. При сем случае они спросили у меня, что нам еще нужно. Я попросил у них десять мешков пшена, несколько свежей рыбы и зелени и предлагал за плату пиастры, сколько им самим угодно будет назначить. Они просили меня ехать на берег, чтоб переговорить с самим начальником города, но я на сей случай отказался, обещаясь приехать на другой день, когда шлюп

будет ближе к крепости. По обещанию, данному парламентару Кузьме, я привез с собою табак, но курильцы не смели принять оного без позволения японского чиновника, а он на это не соглашался.

Я желал было поговорить с японцами поболее, но Алексей мой, нашед на лодке гребцами своих приятелей, почти беспрестанно с ними разговаривал: я велю ему говорить японцам, а он заведет свой разговор с курильцами. Когда мы с ними расстались, Алексей рассказал, что ему говорили курильцы. По их словам, японцы были в чрезвычайном страхе и смятении при появлении нашего судна: они думали, что мы тотчас сделаем нападение, и потому немедленно отправили в лес все свои лучшие пожитки, да и сами мы видели, как они вели из крепости в горы выючных лошадей. Палили они в нашу шлюпку, как уверяли курильцы, действительно от страха, и когда наши гребные суда поехали в рыбацкое селение, то они уверены были, что мы непременно будем там все грабить и жечь. Но коль скоро мы оставили берег и они, осмотрев свои дома, увидели, что в них все находилось в целости, а за взятое пшено, рыбу и дрова положены были разные не дешевые между ними европейские вещи, тогда японцы обрадовались до чрезвычайности и совершенно успокоились.

10-го числа поутру мы наливали последние наши бочки водой и не успели подойти ближе к крепости, а после не позволил ветер. Между тем японцы выслали лодку, с которой делали знаки, что желают с нами переговорить. Я тотчас поехал к ним, но, подъезжая, увидел, что лодка, оставив на воде кадку, погребла назад. В кадке нашли мы все оставленные нами на берегу вещи и даже те, которые они прежде того взяли в поставленной нами кадке. Прибавив к ним 18 пиастров и несколько шелковых ост-индских платков, хотел я ехать на шлюп, но японцы вдруг на берегу начали махать белыми веерами и делать знаки, чтобы я пристал к берегу. Я приказал гребцам, коих со мною было только четыре человека, положить свое оружие под парусинную покрывку непременно, но

КАРТА САХАЛИНСКАГО МОРЯ

СЪ ОПИСЬЮ ЮЖНЫХЪ КУРИЛЬСКИХЪ ОСТРОВОВЪ,
СЪБЛАННОЕ НА ШЛЮПѢ ДІАНА въ 1811 г. ПОДЪ КОМАНДОЮ
КАПИТАНА ГОЛОВНИНА;
а ПОТОМЪ въ 1812 и 1813 годахъ, на томъ же шлюпѣ, ПОДЪ КОМАНДОЮ
КАПИТАНА РИКОРДА.

Между
другую кад
так близко
к ним я сч
крепости н
выезжал, м
рами, чтоб
го я заклю
худо объяс
нял. Но к
то с берег
на которой
чиновник с
языка. Лю
более, неж
как мы все
то я не им

Разгово
что палили
берег, пост
верчивость
от поступи
нападавши
перед сим:
чала также
предлогом
вах. Но те
ле, сколь
поведения
на прежни
ют в нас
оказать на
пособие.

Я вел
Алексею
суда были
без воли
чальники

Они от
рят и оче
к себе рас

На вот
оставленно
них в ры
зали, что
тают безд
оставили
но; прито
их готов с
есть. При
меня, что
у них дес
ко свежей
за плату
угодно бу
меня еха
реть с са
я на сей
приехать

так, чтоб вмиг можно было оное выхватить.

Мы пристали к берегу, в расстоянии сажен шестидесяти или осьмидесяти от ворот крепости. Я, курилец Алексей и один матрос вышли на берег, а прочим приказано от меня было держать шлюпку на воде, не позволять японцам до нее дотрагиваться и, не спуская глаз с меня, слушать, что я буду приказывать. На берегу встретил меня японский чиновник, называемый оягода*, и с ним еще два офицера. При них было двое простых японцев и более десяти человек курильцев. Все японцы, как чиновники, так и рядовые, были в богатом шелковом платье и в латах с ног до головы и имели при себе по сабле и по кинжалу за поясом, а курильцы были без всякого оружия. У меня же была наружу одна сабля, а шести пистолетов, разложенных за пазухой и по карманам, они видеть не могли.

Оягода принял меня очень учтиво и ласково и просил подождать на берегу начальника крепости, который скоро выйдет. Я его тотчас спросил, что бы значило то, что они положили все оставленные нами вещи в кадку и выставили на воду.

— С тем чтобы возвратить вам, — сказал он, — ибо мы думали, что вы не хотите более вступать с нами ни в какие переговоры, а до окончания их мы ничего принять не можем.

Я тотчас вспомнил описание посольства Лаксмана, где упоминается, что японцы до окончания веденных им переговоров никаких подарков принимать не хотели, а после брали все, что он им давал; почему с сей стороны я совершенно успокоился.

Вскоре и начальник появился в полном вооружении, в сопровождении двух человек, также вооруженных; один из них нес предлинное копьё, а другой его шапку или шлем, похожий на наш венец, при бракосочетаниях употребляемый, с изображением на нем луны. Ничего не может быть смешнее его шествия: потупив глаза в землю и подбоченясь фертом, едва переступал он, держа ноги одну от другой так далеко, как бы между ними была небольшая канавка.

* Звание, соответствующее нашему исправнику¹⁷.

Я ему сделал европейский поклон, на который он мне отвечал поднятием левой руки ко лбу и наклонением головы и всего тела вперед, а потом начался у нас разговор. Я извинялся, что крайняя нужда заставила нас причинить им столь много беспокойства, а он жалел, что по незнанию настоящей цели нашего прихода принуждены они были в нас палить, и спрашивал, зачем, при входе нашем в гавань, не послали мы от себя шлюпки навстречу к выехавшей из крепости лодке; если бы мы это сделали, то не произошло бы никакого недоумения. Я уверял его, что мы никакой лодки не видали, чему, вероятно, туман был причиной. Впрочем, приметно было, что он искал предлога извинить свой поступок и говорил неправду; ибо, при входе нашем в гавань, мы смотрели, по обыкновению, весьма зорко вокруг себя, так что и птица не скрылась бы от нас, не только лодка. Потом спросил он, я ли начальник корабля или там есть другой, старее меня, и повторял этот вопрос несколько раз.

Напоследок спрашивал, откуда мы идем, зачем пришли к их берегам и куда от них намерены идти. Чтоб не возбудить в них страха и подозрения объявлением настоящей причины плавания нашего вокруг их островов, сказал я, что мы возвращаемся из восточных пределов нашей империи в Петербург, встретили много противных ветров и, быв долго в море, имеем недостаток в воде и дровах, для запасения коих искали удобной гавани; но, нашед случайно на острове Итуруп японский военный отряд, получили письмо от их начальника в город Урбитч, которое я теперь позабыл на шлюпе, но после пришлю, с уверением, что нам окажут всякую помощь.

Тогда он сделал замечание, что на Итуруп говорили мы, будто пришли к ним торговать, а здесь говорим другое. На это я уверил его, что если было им так сказано, то ошибка эта должна произойти от курильцев, не умеющих говорить по-русски; мы на Итуруп сказали точно то же, что и здесь. Ошибка же такая и действительно могла случиться, ибо на курильском языке нет слов, означающих деньги и покупать, а

выражают они это словами менять, торговать.

Далее спрашивал он имя нашего государя, как меня зовут, знаю ли Резанова, бывшего у них послом, и есть ли в Петербурге люди, умеющие говорить по-японски. На все вопросы дал я ему удовлетворительные ответы, уведомил о смерти Резанова и о том, что мы имеем в России переводчиков их языка. Надобно заметить, что он рачительно записывал на бумагу все мои ответы.

Напоследок стал он меня потчевать чаем, табаком курительным, напитком их sake и икрою. Всякая вещь была принесена на особливом блюде и особливыми людьми, кои все были вооружены саблями и кинжалами. Принесши что-нибудь, каждый оставался у нас, так что кругом нас составилась добрый круг вооруженных людей. В числе прочих вещей, привезенных мною для подарков, была французская водка, и потому я предложил начальнику, не угодно ли ему отведать нашего напитка, и приказал принести бутылку, а в то же время, под видом приказания о водке, повторил своим матросам, чтоб они готовы были на всякую крайность. Сказать же японцам, что я их боюсь и чтобы лишние из них удалились, не позволяло мне честолюбие, а притом и не хотел я показать, что им не доверяю; однакож я видел, что они ни на какое насилие не покушались, хотя легко могли бы все о нами сделать, с некоторою только потерею.

Мы курили табак, пили чай, шутили; они спрашивали меня, как называются некоторые вещи по-русски, а я любопытствовал знать слова японские. Напоследок я встал и спросил его, когда могу получить обещанные их чиновником съестные припасы и что должен я заплатить за все вместе, показав притом пиастр, чтобы он назначил число их. Но, к удивлению моему, услышал от него, что он не главный начальник крепости и договариваться об этом не может, а просит, чтобы я пошел в крепость для свидания с самым главным начальником. На это, однакож, я не согласился, сказав, что я и так уже долго у них гощу. Второй начальник нимало меня не удерживал

и при расставании подарил мне кувшин sake и несколько свежей рыбы, извиняясь что теперь более нет; показав на большой завезенный невод, сказал, что он закинут для нас, и просил прислать перед вечером шлюпку, говоря, что тогда доставит всю рыбу, которую поймают. Равным образом и от меня принял зажигающее стекло и несколько бутылок водки, но табаку курильцам брать от нас не позволял. Сверх того, дал он мне белый веер, в знак дружбы, сказав, чтоб мы, подъезжая к берегу, им махали, и что это будет служить сигналом мирного нашего к ним расположения.

К вечеру подошли мы к крепости на пушечный выстрел и стали на якорь. Самому мне на берег ехать для переговора было поздно, почему послал я, для доставления к японцам письма с острова Итурупа и за рыбою, мичмана Якушкина на вооруженной шлюпке, приказав ему пристать в том месте, где я приставал, и на берег отнюдь не выходить. Он исполнил мое приказание в точности, возвратился на шлюп по наступлении уже темноты, привез от японцев более ста больших рыб и уведомил меня, что японцы обошлись с ним очень ласково, и когда он им сказал, что сегодня мне быть к ним поздно и что я намерен приехать на другой день поутру, то они просили, чтобы в туман мы не ездили, и притом сказали, что они желали бы видеть со мною на берегу несколько наших офицеров.

Надобно признаться, что это последнее приглашение от такого народа должно бы возбудить во мне некоторое подозрение, но я сделал ошибку, что не поверил Якушкину. Он был чрезвычайно любопытный и усердный к службе офицер; ему хотелось везде быть, все знать и все видеть самому; я думал, что он, заметив, что я ездил на берег один, вымыслил это приглашение от себя, чтоб я его взял на другой день с собой, а более в том уверило меня то, что он в ту же минуту стал просить позволения ехать со мной, но я, пригласив еще прежде мичмана Мура, штурмана Хлебникова, принужден был ему отказать.

11 июля поутру, в 9-м часу, поехал я с мичманом Муром и штурманом

Хлебниковым на берег, взяв с собою четырех гребцов* и курильца Алексея. В благомыслии об нас японцев я был уверен до такой степени, что не приказал брать с собою никакого оружия: у нас троих только были шпаги, да Хлебников взял с собою ничего не значащий карманный пистолет, более для сигналов, нежели для обороны. Проезжая мимо стоявшей на воде кадки, мы заглянули в нее, чтоб узнать, взяты ли наши вещи, но, увидев, что они все были тут, я опять вспомнил Лаксмана, и этот случай приписал также обыкновению японцев не принимать никаких подарков до совершенного окончания дела.

Наконец, пристали мы к берегу подле самой крепости. Нас встретили оягода и два других чиновника, те же самые, которые встречали меня накануне. Они просили нас подождать немного на берегу, пока в крепости все приготовлено будет для нашего приема. Желая доверенности своей к японцам отдалить от них всякое против нас подозрение, велел я шлюпку нашу до половины вытащить на берег и, оставив при ней одного матроса, приказал прочим трем нести за нами стулья и вещи, назначенные в подарки японцам.

Минут десять или пятнадцать мы дожидали на берегу. В это время я разговаривал с оягодой и его товарищами, расспрашивая их о положении бывших тогда на виду у нас мацмайских берегов и о торговле здешних островов с главным их островом Нифоном¹⁸. На вопросы мои они отвечали не очень охотно, по крайней мере так мне показалось. Потом повели нас в крепость.

Войдя в ворота, я удивился множеству представившегося мне народа: одних солдат, вооруженных ружьями, стрелами, копьями, было от трех до четырех сот человек. Они сидели вокруг довольно пространной площади на правой стороне ворот, а множество курильцев с луками и стрелами окружали палатку, из полосатой бумажной материи сделанную, которая стояла против площади на левой стороне ворот, в расстоянии

от оных шагов на тридцать. Мне в голову никогда не приходила мысль, чтоб в такой маленькой крепостце могло быть столько вооруженных людей. Надобно думать, что, пока мы были в этой гавани, их сбিরали из всех ближних мест.

Лишь только мы вступили в крепость, нас тотчас ввели в помянутую палатку, где прстив входа на стуле сидел их главный начальник в богатом шелковом платье и в полной воинской одежде, имея за поясом две сабли. Через плечо у него висел длинный шелковый шаур, на одном конце коего была такая же кисть, и на другом стальной жезл, который он держал в руках и который, конечно, служил знаком его власти. За ним сидели на полу его оруженосцы: один держал копье, другой ружье, а третий шлем, такой же, какой я видел прежде на втором начальнике, только на этом изображено было солнце. Второй начальник с своими оруженосцами сидел по левую сторону главного начальника и также на стуле. Только его стул был пониже, а по сторонам у них вдоль палатки сидели на полу, как наши портные, по четыре чиновника на каждой стороне; на них были черные латы и по две сабли за поясом.

При входе нашем оба начальника встали. Мы им поклонились по своему обычаю, и они нам тоже. Потом просили нас сесть на приготовленные для нас скамейки, но мы сели на свои стулья, а матросов наших они посадили на скамейки позади нас.

После первых приветствий и учтивостей они нас стали потчевать чаем без сахара, наливая, по своему обычаю, до половины обыкновенной чайной чашки, и подносили на деревянных лакированных подносах без блюдец; по прежде потчевания спросили нас, чего нам угодно, чаю или чего другого. Потом принесли трубки и табак и начали говорить о деле: спрашивали о наших чинах, именах, об имени шлюпа, откуда и куда идем, зачем пришли к ним, какие причины заставили русские суда напасть на их селения; знаем ли мы Резанова и где он ныне.

На все эти вопросы мы дали им ответы, сходные с прежним нашим объявлением, а второй начальник за-

* Матросы первой статьи Дмитрий Сионов, Спиридон Макаров, Михайло Шкаев и Григорий Васильев.

писывал. Потом сказали они, что для определения количества нужных нам съестных припасов им должно знать, сколько у нас всех людей. Мы сочли за нужное увеличить свою силу вдвое против настоящего: 102 человека. Алексей не понимал сего числа, а потому я принужден был поставить на бумаге карандашом такое число палочек и дать японцам перечесать. Далее спросили они, есть ли у нас в здешних морях еще такой величины суда, как «Диана». Много, сказали мы, в Охотске, Камчатке и в Америке очень много таких судов. Между прочим, предлагали они несколько ничего не значащих вопросов касательно нашего платья, обычаев и прочего и рассматривали привезенную мною карту всего света, ножи с слоновыми черенками и зажигательные стекла, назначенные в подарки начальнику, а также пиастры, которыми я хотел расплатиться с японцами.

Пока мы разговаривали, мичман Мур заметил, что солдатам, сидевшим на площади за нами, раздают обнаженные сабли, и сообщил об этом мне. Но я думал, что Мур увидел одну саблю, обнаженную как-нибудь случайно, и сказал ему с усмешкою, не ошибся ли он.

Но вскоре после того открылись основательные причины к подозрению их в злых умыслах. Второй начальник на несколько времени выходил и, сделав какие-то распоряжения, опять вошел и шепнул что-то главному начальнику, который, встав с места, хотел уйти. Мы в то же самое время встали и хотели с ним прощаться. Тогда он опять сел, просил нас сесть и велел подавать обед, хотя и рано еще было. Ласковое обхождение японцев и увещания их, чтоб мы ничего с их стороны худого не опасались, опять нас успокоили, так что мы никакого вероломства не ожидали. Они потчевали нас сарачинским пшеном, рыбою в соусе с зеленью и другими какими-то вкусными блюдами, неизвестно из чего приготовленными, а напоследок напитком их, sake.

После этого главный начальник опять покушался выйти под пустым предлогом. Мы сказали, что нам нет времени дожидаться и пора ехать.

Тогда он, сев на свое место, велел нам сказать, что ничем снабдить нас не может без повеления мацмайского губернатора, у которого он состоит в полной команде, а пока на донесение его не последует решения, он хочет, чтобы один из нас оставался в крепости аманатом¹⁹.

Тут уже японцы начали снимать маску! На вопрос мой, сколько дней нужно будет на то, чтобы отослать в Мацмай донесение и получить ответ, отвечал он: пятнадцать. Оставить таким образом офицера аманатом мне показалось бесчестно, а притом я думал, что с таким народом, как японцы, делу конца не будет; губернатор, верно, без правительства ни на что не согласится, и решительного ответа я и до зимы не получу. Почему я отвечал японцам, что без совета оставшихся на шлюпе офицеров так долго ждать решиться не могу, а также и офицера оставить не хочу.

Засим мы встали, чтобы идти. Тогда начальник, говоривший дотеле тихо и приятно, вдруг переменял тон: стал говорить громко и с жаром, упоминая часто Резаното (Резанов), Николай Сандрееч (Николай Александрович)*, и брался несколько раз за саблю. Таким образом сказал он предлинную речь. Из всей речи побледневший Алексей пересказал нам только следующее: «Начальник говорит, что если хотя одного из нас он выпустит из крепости, то ему самому брюхо разрежут».

Ответ был короток и ясен: мы в ту же секунду бросились бежать из крепости, а японцы с чрезвычайным криком вскочили с своих мест, но напасть на нас не смели, а бросали нам под ноги весла и поленья, чтоб мы упали. Когда же мы вбежали в ворота, они выпалили по нас из нескольких ружей, но никого не убили и не ранили, хотя пули просвистали подле самой головы Хлебникова. Между тем японцы успели схватить Мура, матроса Макарова и Алексея в самой крепости, а мы, выскочив из ворот, побежали к шлюпке.

Тут с ужасом увидел я, что во время наших разговоров в крепости, продолжавшихся почти три часа,

* Так звали лейтенанта Хвостова.

морской отлив оставил шлюпку совсем на суше, саженьх в пяти от воды, а японцы, приметив, что мы стащить ее на воду не в силах, и высмотрев прежде, что в ней нет никакого оружия, сделались смелы и, выскочив с большими обнаженными саблями, которыми они действуют, держа в обеих руках, с ружьями и с копьями, окружили нас у шлюпки.

Тут, смотря на шлюпку, сказал я сам себе: «Так! Рок привел меня к предназначенному мне концу; последнего средства избавиться мы лишились; погибель наша неизбежна!», и отдался японцам, которые, взяв меня под руки, повели в крепость и повлекли туда же и несчастных моих товарищей. На пути один из солдат ударил меня несколько раз по плечу небольшой железной палкой, но один из чиновников сказал ему что-то с суровым видом, и он тотчас перестал.

В крепости ввели нас в ту же палатку, но ни первого, ни второго начальника в ней уже не было. Тут завязали нам слегка руки назад и отвели в большое, низкое, на казарму похожее строение, находившееся от моря на противной стороне крепости, где всех нас (кроме Макарова, которого мы не видали) поставили на колени и начали вязать веревками, в палец толщины, самым ужасным образом, а потом еще таким же образом связали тоненькими веревочками, гораздо мучительнее. Японцы в этом деле весьма искусны, и надобно думать, что у них законом поставлено, как вязать, потому что нас всех вязали разные люди, но совершенно одинаково: одно число петель, узлов, в одинаковом расстоянии и пр. Кругом груди и около шеи вздеты были петли, локти почти сходились и кисти рук связаны были вместе; от них шла длинная веревка, за конец которой держал человек таким образом, что при малейшем покушении бежать, если б он дернул веревку, руки в локтях стали бы ломаться с ужасной болью, а петля около шеи совершенно бы ее затянула. Сверх того, связали они у нас и ноги в двух местах — выше колен и под икрами; потом продели веревки от шеи через матицы²⁰ и вытянули их так, что мы не могли пошевелиться, а после того, обыскав наши кар-

маны и вынув все, что в них только могли найти, начали спокойно курить табак. Пока нас вязали, приходил раза два второй начальник, и показывал на свой рот, разевая оный, как кажется, в знак того, что нас будут кормить, а не убьют.

В таком ужасном и мучительном положении мы пробыли около часа, не понимая, что с нами будут делать. Когда они продевали веревки за матицы, мы думали, что нас хотят тут же повесить; я во всю мою жизнь не презирал столько смерть, как в этом случае, и желал от чистого сердца, чтобы они поскорее совершили над нами убийство. Иногда приходила нам в голову мысль, что они хотят повесить нас на морском берегу в виду наших соотечественников.

Наконец, они, сняв у нас с ног веревки, бывшие под икрами, и ослабив те, которые были выше колен, для шагу, повели нас из крепости в поле и потом в лес. Мы были связаны таким образом, что десятилетний мальчик мог безопасно вести всех нас, однакож японцы не так думали: каждого из нас за веревку держал работник, а подле боку шел вооруженный солдат, и вел нас одного за другим в некотором расстоянии.

Поднявшись на высокое место, увидели мы наш шлюп под парусами. Вид сей поразил мое сердце; но когда Хлебников, шедший за мною, сказал мне: «Василий Михайлович! Взгляните в последний раз на «Диану»!», яд разлился по всем моим жилам. «Боже мой, — думал я, — что значат эти слова? Взгляните в последний раз на Россию; взгляните в последний раз на Европу! Так. Мы теперь люди другого света. Не мы умерли, но для нас все умерло. Никогда ничего не услышим, никогда ничего не узнаем, что делается в нашем отечестве, что делается в Европе и во всем мире». Мысли эти терзали дух мой ужасным образом.

Пройдя версты две от крепости, услышали мы пушечную пальбу. Наши выстрелы мы удобно отличали от крепостных по звуку. Судя по многолюдству японского гарнизона и по толстоте земляного вала, каким обведена крепость, нельзя было ожи-

дать никакого успеха. Мы страшлись, чтобы шлюп не загорелся или не стал на мель и через то со всем своим экипажем не попал в руки к японцам. В таком случае горестная наша участь никогда не была бы известна в России.

Более всего я опасался, чтобы дружба ко мне Рикорда и других оставшихся на шлюпе офицеров не заставила их, пренебрегая правилами благоразумия, посадить людей на берег в намерении завладеть крепостью, на что они могли покуситься, не зная многолюдства японцев, собранных для обороны оной. У нас же оставалось всего офицеров, нижних чинов и со слугами пятьдесят один человек. Мысль эта мучила меня до чрезвычайности, тем более, что мы никогда не могли надеяться узнать об участи «Дианы», полагая, что японцы нам не откроют, что бы с нею ни случилось.

Я был так туго связан, а особливо около шеи, что, пройдя шесть или семь верст, стал задыхаться. Товарищи мои мне сказали, что у меня лицо чрезвычайно опухло и почернело. Я едва мог плевать и с нуждою говорил. Мы делали японцам разные знаки и посредством Алексея просили их ослабить немного веревку, но пушечная пальба их так настрашала, что они ничему не внимали, а только понуждали нас итти скорее и беспрестанно оглядывались. Я желал уже скорее кончить дни свои и ожидал, не поведут ли нас через реку, чтобы броситься в воду; но скоро увидел, что этого мне никогда не удастся сделать, ибо японцы, переходя с нами через маленькие ручьи, поддерживали нас под руки. Наконец, потеряв все силы, я упал в обморок, а пришед в чувство, увидел японцев, льющих на меня воду. Из рта и из носа у меня текла кровь. Несчастные товарищи мои, Мур и Хлебников, со слезами упрашивали японцев ослабить на мне веревки, хотя немного, на что они согласились с большим трудом. После этого мне сделалось гораздо легче, и я с некоторым усилием мог уже итти.

Пройдя верст десять, вышли мы на морской берег пролива, отделяющего сей остров от Мацмая, к небольшому селению, где ввели нас

в комнату одного дома. Сперва предложили нам каши из сарачинского пшена, но нам тогда было не до еды. Потом положили нас кругом стен, так что мы один до другого не могли дотрагиваться. Дали каждому по пустой кадке, чтобы облокотиться; веревки, за которые нас вели, привязали концами к железным скобам, нарочно на сей случай в стену вколоченным, сняли с нас сапоги и связали ноги в двух местах, попрежнему очень туго.

Сделав все это, японцы сели в середине комнаты кругом жаровни и начали пить чай и курить табак. Если б львы таким образом были связаны, как мы, то можно было бы между ними спать покойно без всякого опасения. Но японцы не могли быть спокойны: они каждую четверть часа осматривали всех нас — не ослабли ли веревки.

Здесь свели нас с матросом Макаровым; от крепости до того места его вели особо. Он сказал нам, что японцы, захватив его в крепости, тотчас привели в какую-то казарму, где солдаты потчевали его sake и кашею, и он довольно исправно поел. Потом связали ему руки и повели из города, но лишь только вышли в поле, то развязали его тотчас и до самого здешнего селения вели развязанного, позволяя часто по дороге отдыхать. Один же из конвойных несколько раз давал ему пить из своей дорожной фляжки sake, а подойдя уж к самому селению, опять его связали, но не туго.

В таком положении мы находились до самой ночи. Я и теперь не могу помыслить без ужаса о тогдашнем моем состоянии. Великодушные поступки Мура и Хлебникова при сем случае еще более терзали дух мой: они не только не упрекали меня в моей неосторожной доверенности к японцам, ввергнувшей их в погибель, но даже старались успокаивать меня и защищать, когда некоторые из матросов начинали роптать, приписывая гибель свою моей оплошности.

Я признаюсь, что за упреки тех матросов ни теперь, ни тогда не имел я против их ни малейшего неудовольствия: они были совершенно правы. Притом негодование свое ко мне изъясляли они очень скромно,

не употребив ни одного не только дерзкого, но даже неучтивого слова, а тем чувствительнее были для меня их жалобы. Положение наше делало нас равными; мы никогда не надеялись возвратиться в отечество, следовательно, простые люди, с другими чувствами и хуже ко мне расположенные, могли бы употребить свой язык и по крайней мере хотя дерзкой бранью отомстить или наказать меня за свое несчастье, но наши матросы были очень далеки от этого.

Несмотря на ужасную, можно сказать, нестерпимую боль, которую я чувствовал в руках и во всех костях, будучи так жестоко связан, душевные терзания заставляли меня по временам забывать и не чувствовать почти никакой боли, но при малейшем движении, даже одной головой, несносный лом разливался мгновенно по всему телу, и я тысячу раз просил у бога смерти как величайшей милости.

По наступлении темноты конвойные наши засуетились и стали собираться в дорогу. Около полуночи принесли в нашу комнату широкую доску, к углам коей были привязаны веревки, как бывает на весах, другими концами вверху вместе связанные с продетым сквозь них шестом, которым несли доску люди на плечах. Японцы, положив меня на эту доску, понесли вон.

Опасаясь, что нас хотят разлучить и что это, может быть, последнее наше в сей жизни свидание, мы простились со слезами и с такой искренностью, как прощаются умирающие. Прощание со мною матросов меня чрезвычайно тронуло: они навзрыд плакали.

Меня принесли к морскому берегу и положили в большую лодку на рогожу; через несколько минут таким же образом принесли Мура и положили со мною в одну лодку. Этим неожиданным случаем я был чрезвычайно обрадован и почувствовал на короткое время некоторое облегчение в душевной скорби. Потом принесли Хлебникова, матросов Симонова и Васильева, а прочих троих поместили в другую лодку. Наконец, между каждым двумя из нас сели по вооруженному солдату и покрыли нас рогожами, а, приготовившись

совсем, отвалили от берега и повезли нас, куда — неизвестно.

Японцы сидели смиренно, не говоря ни слова и не обращая ни малейшего внимания на наши стоны. Только один молодой человек, лет двадцати, умевший говорить по-курильски и служивший нам переводчиком, сидя в весле, беспрестанно пел песни и передразнивал нас, подражая нашему голосу и стонам, когда мы, от боли и от душевного мучения, иногда зывали к богу.

На рассвете 12 июля пристали мы подле небольшого селения к берегу острова Мацмая. Нас тотчас переложили в другие лодки и повели их бечевою вдоль берега к юго-востоку. Таким образом ташили нас беспрестанно целый день и всю следующую ночь, останавливаясь только в известных местах для перемены людей, тянувших бечеву, которых брали из селений, находящихся по берегу.

Весь сей берег, так сказать, усеян строением: на каждых трех или четырех верстах встречаются многолюдные селения; при каждом обильная рыбная ловля. Заведения японские по сей части промышленности беспримерны; мы часто проезжали топи в то время, когда вытаскивали из воды на берег невода огромной величины, с невероятным количеством рыбы*. Лучшая здешняя рыба вся из рода лососины, та же самая, какая ловится в Камчатке.

Японцы предлагали нам кашу из сарачинского пшена и поджаренную рыбу. Кто из нас хотел есть, тому они клали пищу в рот двумя тоненькими палочками, которыми и сами едят, употребляя их вместо вилок. Что касается меня, то я не мог употреблять никакой пищи.

Как бы то ни было, а добра от японцев нам ожидать было нельзя. Мы думали, что самая большая милость, которую они нам окажут, будет состоять в том, что нас не

* Японцы обыкновенно протягивают большие свои невода вдоль берега в расстоянии от него сажень на 20—25 и более и оставляют оные на поплавах, пока рыба, идущая во время лова беспрестанно вдоль берегов, не зайдет в невод; тогда они, большим числом людей, вдруг притягивают концы оного к берегу.

убьют, а станут держать по смерть нашу в неволе.

Мысль о вечном заключении ужасала меня в тысячу раз более, нежели самая смерть. Но как человек и в дверях самой гибели не лишается надежды, то и мы утешали себя мечтою, не представится ли нам когда-нибудь случай уйти. Не вечно же японцы станут нас держать связанными; теперь они боятся, чтоб мы не ушли, ибо корабль наш недалеко; но после, конечно, нас развяжут, не понимая, на что могут отважиться люди отчаянные. Следовательно, мы будем иметь средство уйти, завладеем лодкой, переправимся на Татарский берег, скажем, что претерпели кораблекрушение, и будем просить, чтоб нас отвезли в Пекин, а оттуда нетрудно будет, с позволения китайского правительства, приехать в Кяхту. Вот и в России, в своем отечестве!

Но такие приятные, утешительные мечтания мгновенно исчезали. Так, японцы вас развяжут, говорил нам здравый рассудок, но это будет в четырех стенах, за железными запорами, — вот вам и Татарский берег, вот и Кяхта, и отечество ваше.

Мысль сия повергала нас в ужаснейшее отчаяние. Тогда уже и одной искры надежды не оставалось. Я неоднократно говорил: если б кораблекрушение, бедствие, случившееся на море, или другой необходимый случай вверг меня в руки к японцам, то я нимало не роптал бы на судьбу свою, и все несчастья самого ужасного плена переносил бы равнодушно. Но я сам отдался им добровольно. От чистого сердца и от желания им добра поехал я к ним в крепость, как друг их, а теперь что они с нами делают? Я менее мучился бы, если б был причиной только моего собственного несчастья; но еще семь человек из моих подчиненных также от меня страдают. Товарищи мои старались меня успокоить.

13 июля, на рассвете, остановились мы подле одного небольшого селения завтракать. Жители со всего селения собрались на берег смотреть нас; из числа их один, видом почтенный старик, просил позволения у наших конвойных попотчевать нас завтраком и sake, на что они и со-

гласились. Старик во все время стоял подле наших лодок, и смотрел, чтоб нас хорошо кормили. Выражение его лица показывало, что он жалел о нас непритворно.

После завтрака опять потянули наши лодки вдоль берега далее. День был прекрасный, тихий; мрачность вся исчезла, и горизонт сделался совершенно чист. Все соседственные горы и берега были весьма ясно видны, в том числе Кунасири и берега, образующие ужасную для нас гавань, мы очень хорошо могли отличить, но «Дианы» нашей не видали. Я, с моей стороны, и не желал ее увидеть: зрелище это, если только можно, еще увеличило бы нашу грусть.

Часа за два или за три до захождения солнца мы остановились при небольшом числе шалашей, обитаемых курильцами. Тут японцы вытащили обе наши лодки на берег, а потом, собрав множество курильцев, потащили их со всем, с нами, с караульными на гору сквозь кусты и небольшой лес, очищая дорогу и уничтожая препятствия топорами. Мы не могли понять, что бы могло их понудить тащить на гору лодки такой огромной величины*.

Но вскоре после того дело объяснилось. Подняв лодки на самую вершину довольно высокой горы, начали спускать их на другую сторону и спустили в небольшую речку, весьма много похожую на искусственно вырытый канал. Всего расстояния тащили они нас от трех до четырех верст. В это время у матроса Васильева пошла из носу кровь с таким стремлением, как из открытой жилы. Мы просили японцев ослабить на нем веревки, а особливо около шеи, но они нимало не внимали нашим просьбам, а затыкали ему нос хлопчатой бумагой. Но когда применили, что это средство не могло остановить течения крови, тогда уже ослабили веревки, и то очень мало.

Рекою вышли мы в большое озеро, которое, как нам казалось, имело сообщение с другими обширными озерами. По озерам плыли мы всю ночь и следующий день, только очень

* Наша лодка имела, по крайней мере, около тридцати футов в длину и футов восемь ширины.

медленно. Лодки наши часто должны были идти мелями, и не иначе, как таким образом, что курильцы сходили в воду и тащили их.

В половине ночи пристали мы к одному небольшому селению или городку для перемены гребцов. На берегу разложены были большие огни, которые освещали несколько десятков японских солдат и курильцев, стоявших в строю: первые были в воинской одежде и в латах с ружьями, а последние со стрелами и луками. Начальник их стоял перед фронтом в богатом шелковом платье, держа в руке, наподобие весов, знак своей власти. Старший из наших конвойных подошел к нему с великим раболепством и, присев почти на колени, с поникшею головой, долго что-то ему рассказывал, надобно думать о том, как нас взяли.

После сего начальник всходил к нам на лодку с фонарями посмотреть нас. Мы просили его велеть нас несколько облегчить. Стражи наши, понимая, чего мы просим, пересказали ему, но он, вместо ответа, засмеялся, проворчал что-то сквозь зубы и ушел. Тогда мы отвалили от берега и поехали далее, а в ночь на 15-е число пристали к большому огню, разведенному на берегу. Тут развязали нам ноги и стали нас выводить одного после другого и ставить подле огня греться, а наконец, повели всех на гору, в большой пустой амбар, в котором, кроме одних дверей, не было никакого отверстия. Там дали нам одеяла постлать и одеться, положили нас, связали опять ноги попрежнему, покормили кашей из сарачинского пшена и рыбой. Сделав все это, японцы расположились курить табак и пить чай и более уже о нас не заботились. 15-го числа во весь день шел проливной дождь, и мы оставались на той же квартире и в том же положении. Кормили нас три раза в день, попрежнему кашей, рыбою и похлебкою из грибов.

16-го числа поутру было уже ясно, и мы стали собираться в дорогу. Ноги нам внизу развязали, а выше колен ослабили, чтоб можно было шагать; надели на нас наши сапоги и вывели на двор. Тут спросили нас, хотим ли мы идти пешком или чтобы нас несли в носилках; мы все пожелали

идти пешком, кроме Алексея, у которого болели ноги.

Японский оягода здешнего места долго устраивал порядок марша. Наконец, шествие началось таким образом. Впереди шли рядом два японца из ближайшего селения, держа в руках по длинной палке красного дерева, весьма искусно выделанной; должность их была показывать дорогу; они сменялись вожатыми следующего селения, которые встречали нас, имея в руках такие же жезлы, на самом рубеже, разделяющем земли двух селений. За ними шли три солдата в ряд, потом я. Подле меня шли по одну сторону солдат, а по другую работник, который отгонял веткой мух и комаров; сзади же другой работник, державший концы веревки, коими я был связан. За мной одна смена курильцев несла мою носилку, а другая шла подле, в готовности переменить людей первой смены, когда они устанут. Потом вели Мура, за ним Хлебникова, там матросов одного за другим, точно таким же образом, как и меня, и, наконец, несли Алексея. Весь же конвой замыкали три солдата, шедшие рядом, и множество разных прислужников японцев и курильцев, несших вещи, принадлежащие нашим конвойным, и съестные припасы. Всего при нас было от полтораста до двухсот человек; у каждого из них к поясу привешена была деревянная дощечка с надписью, к кому из нас он определен и что ему делать, а всем им список оягода имел при себе.

На дороге японцы часто останавливались отдыхать и всякий раз спрашивали, не хотим ли мы есть, предлагая нам сарачинскую кашу, соленую редьку, сушеные сельди и грибы, а вместо питья чай без сахара. В половине же дня остановились мы обедать в одном довольно большом, опрятном сельском доме. Хозяин дома, молодой человек, сам нас потчевал обедом и sake. Он приготовил было для нас постели и просил, чтоб нам позволили у него ночевать, так как мы устали. Караульные наши на это были согласны, но мы просили их продолжать путь: чрезмерная боль в руках заставляла нас не шадить ног и стараться как

возможно скорее добраться до конца нашего мучения, полагая, по словам японцев, что в Мацмае нас развяжут.

День был ясный и чрезвычайно жаркий. Мы устали до крайности и едва могли переступить. Но в носилках сидеть не было способа: они были так малы, что мы должны были сгибаться, а завязанные руки не позволяли нам переменить положение без помощи других, отчего нестерпимая боль разливалась по всему телу. Притом мы шли по узкой тропинке, сквозь лес, где носилки наши часто ударялись о пни, и как курильцы шли очень скоро, то всякий такой удар, причиняя сотрясение телу, производил боль еще несноснее, и потому минут по десяти ехали мы в носилках, а потом по часу шли пешком.

Наконец, перед закагом солнца, пришли мы к небольшой речке, где ожидали нас две лодки. Речка эта, сказали нам, впадает в залив, при котором стоит Аткис²¹, и объявили, что мы через короткое время будем там. Мура, меня и двух матросов посадили в одну лодку, а Хлебникова с прочими в другую. Лодки наши кругом были завешаны рогожками, так что кроме неба и того, что было в лодке, мы ничего не могли видеть.

Людей, поверженных в великое несчастье, малейшее приключение может тревожить и утешить. Случай сей мы тотчас истолковали счастливым предзнаменованием: мы думали, что подозрительность японцев заставила их закрыть нас, чтоб мы не могли видеть залива и окрестностей приморского города, а если так, то конечно конвойные наши имеют причину полагать, что заключение наше будет не вечное и что рано или поздно нас освободят; иначе, к чему бы им было таить от нас то, чего мы никогда не будем в состоянии употребить ко вреду их.

Между тем лодки наши выплыли из речки в залив, и когда мы были наверху, надежды увидеть еще свое любезное отечество, один из бывших с нами солдат, отдернув рогожи, сделал нам знак, не хотим ли мы встать и посмотреть залив и город. Боже мой! Какой для нас удар — с верха надежды мы вмиг погрузились в пропасть отчаяния.

Но надежда не совсем еще нас оставила. Мы вспомнили, что за двадцать лет перед сим в здешний залив заходил русский транспорт; следовательно, японцам не было причины от нас скрывать то, что русские давно уже видели и знают. Мысль сия несколько нас успокоила, но все же мы лучше желали бы, чтоб солдат не отдергивал рогожек, которых настоящая цель была скрыть нас от комаров, а не внешние предметы от нас.

Мы приехали в Аткис уже ночью и встречены были отрядом воинской команды с фонарями. Нас ввели в крепостцу, обвешанную полосатой бумажной материей, и поместили в хороший дом, чисто внутри прибранный и украшенный живописью в японском вкусе. Для нас всех была отведена одна большая комната, в которой прикреплены были к стенам доски со вколоченными в них железными скобами, за которые привязывали концы наших веревок. Впрочем, дали нам постели и одеяла*, накормили ужином, связали ноги попрежнему и оставили в таком положении до утра.

* Японские постели состоят из одного большого одеяла, шелкового или бумажного, смотря по состоянию человека (нам давали бумажные), которое подложено ватой пальца на два и простегано изредка на живую нитку, чтоб можно было вату вынимать для мытья наволочки. Одеяла сии они сгибают вдвое и стелют на полу, который во всех японских домах и даже в хижинах покрыт мягкими соломенными матами, весьма чисто и красиво сделанными, и ложатся совсем нагие, завернувшись в преобладающей халат с широкими короткими рукавами, сшитый также из шелковой или бумажной материи и подложенный очень толстой ватой. Вместо подушек употребляют они разным образом из дерева сделанные штуки. Простые люди кладут в голову круглый кусок дерева, совершенно похожий на те, какие употребляют в простонародной у нас игре, называемой городками, с той только разностью, что японцы с одного конца наверху делают выемку для вмещения задней части головного черепа. Положив на сей обрубок голову, без всякой мягкой подстилки, спят они от привычки очень покойно. Лучший же или богатый класс людей употребляет вместо подушек очень красиво сделанные ящики вышиной дюйма в четыре, наверху коих привязана круглая подушка длиною дюймов в шесть или восемь, а толщиной в размере дюйма в два или в три. В ящике хранят они вещи своего туалета, как то: бритвы, ножички, помаду, зубные кисточки, порошки и прочее.

17 июля мы дневали в Аткисе. Поутру развязали нам руки на несколько минут, а потом опять завязали, обернув их в больших местах тряпицами. Когда веревки были сняты, мы не в силах были сами руки свои привести в натуральное положение, а когда японцы начали их разгибать, боль была нестерпимая и еще сделалась сильнее, когда опять стали они их завязывать. Кормили нас здесь три раза в день, и дали по бумажному халату на вате, чтоб надевать сверху во время дождя или холода.

18-го числа поутру перевезли нас через залив на южную сторону онога к небольшому селению, накормили завтраком и повели далее таким же порядком, как я описывал выше. Носилки были с нами, и кто из нас хотел, тот мог ехать; но конвойные наши всегда шли пешком; изредка только садились на короткое время, по очереди, на вьючных лошадей.

Во все время путешествия нашего японцы наблюдали один порядок: в дорогу собираться начинали они до рассвета, завтракали, нас кормили завтраком и отправляли в путь, часто останавливались по селениям отдыхать, пить чай и курить табак, а в половине дня обедать. Через час после обеда опять шли далее и часа за два до захождения солнца останавливались ночевать, и почти всегда в таком селении, где была военная команда. Такие места обыкновенно были, на случай нашего прихода, завешиваемы полосатой бумажной материей. Отводили для нас всегда очень хороший дом* и помещали в одной комнате, но к скобам привязывать не упустили. Приходя на ночлег, всякий раз приводили нас к дому начальника и сажали на скамейку, покрытую рогожами. Начальник выходил и смотрел нас; тогда отводили нас в назначенный нам дом и на крыльце разували и мыли нам ноги теплой водой с солью; потом вводили уже в нашу комнату.

Кормили по три раза в день: поутру перед вступлением в дорогу,

* Один раз только в маленьком селении поместили нас в пустом амбаре, где прежде хранилось пшено. Жар был пренесносный, и на полу ползало бесчисленное количество червячков, которые нас очень беспокоили.

в полдень и вечером на ночлеге; в кушанье, как при завтраке, так обеде и ужине, не было большой разности. Обыкновенные блюда были: вместо хлеба сарачинская каша, вместо соли кусочка два соленой редьки, похлебка из редьки, а иногда из какой-нибудь дикой зелени, или лапша, и кусок жареной или вареной рыбы. Иногда грибы в супе; раза два или три давали по яйцу, круто сваренному. Впрочем, порции не назначались, а всякий ел, сколько хотел. Обыкновенное питье наше было очень дурной чай без сахара; изредка давали sake. Конвойные наши ели точно то же, что и мы, надобно думать, на казенный счет, потому что старший из них на каждом постое с хозяином расплачивался за всех.

19-го числа просили мы своих стражей, чтоб они на несколько минут развязали нам руки — поправить тряпицы, на которых засохшая кровь и гной при малейшем движении трением по ранам причиняли нам чрезвычайную боль. Вследствие нашей просьбы они тотчас сели вокруг и составили совет**. Решено было удовлетворить нас, с тем, однакож, условием, чтоб прежде им нас обыскать и отобрать все металлические вещи; на требование их мы охотно согласились, а они, обыскивая нас, взяли и кресты наши.

Осторожность, или, лучше сказать, трусость их была так велика, что они не хотели развязать нас всех вдруг, а только по два человека, и не более как на четверть часа; потом, переменяв тряпицы, опять завязывали.

Сегодня догнал нас посланный из Кунасири чиновник*** и принял на-

** Конвойные наши были солдаты княжества Намбу²². Они все были в одном звании и хотя в некоторых случаях принимали приказы от старшего, но вообще в таких обстоятельствах, которые выходили из обыкновенного порядка, все делали с общего совета.

*** Мы тогда его считали чиновником по отличному платью и по почтению, какое оказывали ему наши конвойные; но после узнали, что он был солдат императорской²³ службы, а не княжеской, следовательно против княжеских воинов имел старшинство и большие преимущества; почему они и уважали его, как своего начальника. Он даже занимал особенную комнату, и ел не вместе с ними.

Берег острова Хоккайдо.

чальство над нашим конвоем. С нами обходился он весьма ласково, а на другой день (20-го числа) велел развязать кисти у рук совсем, оставив веревки только выше локтей. Тогда мы в первый раз нашего пленника ели собственными своими руками.

После этого мы уже шли свободнее. Местами только переезжали с мыса на мыс, водою на лодках; тогда опять на это время нам связывали руки; но такие переезды были невелики и случались не часто. Японцы так были осторожны, что почти никогда не подпускали нас близко к воде, и когда мы просили их позволить нам в малую воду итти подле самого моря, по той причине, что по твердому песку легче итти, то они соглашались на это с великим трудом и всегда шли между нами и морем, хотя бы для того нужно было им итти и в воде.

21 и 22-е число провели мы в одном небольшом селении, где были, однакож, начальник и военная команда. Разлившаяся от дождя река препятствовала нам продолжать путь. Тут был лекарь, которому приказано было лечить нам руки. Для этого он употреблял порошок, весьма

похожий на обыкновенные белила, коим присыпал раны, и пластырь лилового цвета, неизвестно мне из чего сделанный, который прикладывал к опухлым и затвердевшим местам пальцев и рук. Мы скоро почувствовали облегчение от его лекарств, которыми он нас снабдил и в дорогу.

Получив облегчение в руках, мы могли уже покойнее спать и легче итти, а когда уставали, то садились в носилки и ехали довольно покойно, не чувствуя никакой большой боли.

При входе и выходе из каждого селения мы окружены были обоим пола и всякого возраста людьми, которые стекались из любопытства видеть нас. Но ни один человек не сделал нам никакой обиды или насмешки, а все вообще смотрели на нас с соболезнованием и даже с видом непритворной жалости, особливо женщины; когда мы спрашивали пить, они наперерыв друг перед другом старались нам услужить. Многие просили позволения у наших конвойных чем-нибудь нас попотчевать, и коль скоро получали согласие, то приносили sake, конфет, плодов или другого чего-нибудь; на-

чальники же неоднократно присылали нам хорошего чаю и сахару*.

Они нас несколько раз спрашивали о европейском народе, называемом орандо²⁴, и о земле Кабо²⁵. Мы отвечали, что таких имен в Европе нет и никто их не знает. Они крайне этому удивлялись и показывали вид неудовольствия, что мы им так отвечаем. Мы после уже узнали, что японцы называют голландцев орандо, а мыс Доброй Надежды — Кабо.

Узнав от Алексея, что положенную в кадке картинку рисовал Мур, японцы просили его нарисовать им русский корабль. Он, полагая, что одним рисунком дело и кончится, потщился сделать им очень хорошую картинку и этим выиграл то, что ему ослабили веревки на локтях, но зато беспрестанно просили, то тот, то другой, нарисовать им корабль. Работа эта для него одного была очень трудна, и Хлебников стал ему помогать, а я, не умея рисовать, писал им что-нибудь на веерах. Все они нетерпеливо желали, чтобы у них на веерах было написано что-нибудь по-русски, и просили нас о том неотступно, не только для себя, но и для знакомых своих; другие приносили вееров по десяти и более вдур, чтоб мы написали им русскую азбуку, или японскую русскими буквами или счет русский, либо наши имена, песню или что нам самим угодно.

* Японцы имеют свой чай, зеленый и черный. Последний из них очень дурен: кроме цвета, в нем нет ничего похожего на обыкновенный китайский чай, ни вкусу, ни запаху. Японцы пьют его, когда пить захочется, как мы квас, теплый или горячий, только без сахару, а зеленый чай пьют изредка, как лакомство. Сперва поджаривают или подогревают его на огне в бумажной коробочке, пока он не пустит крепкого запаха; потом кладут его в медный чайник кипящей воды; от этого чай их получает особенный вкус и запах, для нас очень неприятный, но японцам он нравится. Головного сахара у них нет, а лучший сорт песку привозят голландцы. Он продается весьма дорого в небольших круглых коробочках. Есть у них и свой сахарный песок, только он очень грязен, черен и не сладок. Японцы редко пьют чай с сахаром, а любят просто есть его: положив на ладонь ложку сахару, берут в рот, как маленькие дети. Когда мы потчевали своих караульных присылаемым нам в гостинеч сахаром, то они всегда с большими комплиментами отговаривались, а ночью, лишь только мы засыпали, они все съедали дочиستا.

Они скоро заметили, что Мур и Хлебников писали очень хорошим почерком, а я дурно, и потому беспрестанно к ним прибегали, а меня просили писать только тогда, когда те были заняты. Японцы было и матросов просили писать на веерах, но крайне удивились, когда они отозвались неумением**.

Во всю дорогу мы им исписали несколько сот вееров и листов бумаги. Надобно сказать, однакож, что они никогда не принуждали нас писать, но всегда просили самым учтивым образом и после не упускали благодарить, поднеся написанный лист ко лбу и наклоняя голову, а часто в благодарность потчевали чем-нибудь или дарили хорошего курительного табаку.

Когда у нас развязали руки, японцы стали давать нам курить табак из своих рук, опасаясь вверить нам трубки, чтоб мы чубуком не умертвили себя; но после, наскучив этим, сделали совет и решились дать трубки нам самим, с такою только осторожностью, что на концах чубуков подле мундштука насадили деревянные шарики, около куриного яйца величиною; но когда мы, засмеявшись, показали им знаками, что с помощью этого шарика легче подавиться, нежели простым чубуком, тогда они и сами стали смеяться и велели Алексею сказать нам, что японский закон повелевает им брать все возможные осторожности, чтоб находящиеся под арестом не могли лишиться себя жизни.

Любопытство японцев было так велико, что на всяком постое почти

** Японцы употребляют два способа писания. Один китайский, в котором почти всякое слово означает особенным знаком. Знаки сви, по словам японцев, они заимствовали около тысячи лет назад в Китае, так что название какой-либо вещи хотя совершенно различно выговаривается на китайском и японском языках, но пишется одним знаком. Этот способ употребляется в лучших сочинениях, в официальных бумагах и вообще в переписке — между людьми хорошего состояния. Второй способ — алфавитом, в котором у японцев 48 букв²⁶ и посредством которого пишет простой народ. В Японии нет человека, впрочем какого бы низкого состояния он ни был, который не умел бы писать сим способом, и потому-то они удивлялись, каким образом из четырех человек наших матросов ни один не умел писать.

беспрестанно нас расспрашивали, как, например: имена наши, каких мы лет, сколько у нас родни, где, из чего и как сделаны бывшие тогда при нас вещи и прочее, и записывали все наши ответы. Более же всего любопытствовали они знать русские слова, и почти каждый из них составлял для себя лексикончик, отбирая названия разным вещам то от нас, то от матросов. Заметив это, мы заключили, что они поступают так не из любопытства, а по приказанию начальства, следовательно, в ответах своих должны мы были наблюдать большую осторожность.

29 и 30 июля мы пробыли на одном месте.

Алексей узнал от некоторых из курильцев, что в городе Хакодате, куда нас ведут, не готов еще дом для нашего помещения и потому из этого города присланы, с повелением остановить нас, навстречу нам чиновники, которые, числом трое*, к нам и явились, объявив о себе, что присланы от хакодатского начальника нас встретить для препровождения в город и надзирать, чтобы на дороге мы не имели ни в чем нужды. Старший из них, по имени Я-манда-Гоонзо, во всю дорогу был при нас почти неотлучно.

С прибытия их к нам содержать нас столом стали гораздо лучше. Гоонзо уверял, что по прибытии в Хакодате мы будем помещены в хороший дом, нарочно для нас приготовленный и убранный, веревки с нас снимут, будут содержать нас очень хорошо, и многие из господ станут с нами знакомиться и приглашать к себе в гости.

Такие рассказы нам казались одними пустыми утешениями, когда мы помышляли, что нас ведут связанных веревками, как преступников. Но, с другой стороны, мы слышали, что японцы и своих чиновников, когда берут под арест (правы ли они или виновны после окажутся), всегда вяжут**. Следовательно рассуждали

* Мы тогда их считали чиновниками, но они были не что иное как императорские солдаты, о коих я упоминал выше.

** Связывать веревками в таком обыкновении у японцев, как то мы после узнали, что в училищах мальчишкам за леность или за шалости связывают в наказание руки назад на некоторое время, смотря по важности вины.

мы, нам не должно сравнивать их обычаи с европейскими и из сего заключать, что хорошего состояния люди не могут быть в обществе с нами.

Из товарищей Гоонзо один был молодой человек, скромный, приятный в обращении. Он обходился с нами очень учтиво и с большой ласковостью, а другой, старик, никогда с нами не говорил, но всегда, глядя на нас, улыбался и с величайшим вниманием слушал, когда мы разговаривали между собой. Мы и стали подозревать, что он из числа японцев, бывших в России, умеет говорить по-русски и определен к нам нарочно подслушивать, что мы говорим. Подозрение это казалось тем более вероятным, что конвойные наши никогда не сказывали нам, что у них в Мацмае есть люди, знающие русский язык, но в одном селении на постое потихоньку нам сказал о них писарь начальника.

С того времени, как мы встретили Гоонзо, японцы стали делать между нами различие. Всегда, когда мы останавливались, нас сажали на одну скамейку, а матросов на другую, и маты нам подстилали лучше, а им похуже, и где позволял дом, нам отводили особливую от них комнату. Но в пище никакой разности не было.

7 августа попался нам навстречу один из главных мацмайских чиновников, ехавший на остров Кунасири для исследования на месте всех обстоятельств по нашему делу. Он сидел в беседке*** с двумя другими чиновниками; подле беседки стояло несколько человек его свиты. Нас посадили против него на доску, лежавшую на двух кусках дерева и покрытую рогожками. Он спросил наши имена, сколько нам отроду лет и здоровы ли мы. Вопросы его и наши ответы записал бывший с ним чиновник, который при сем случае, кажется, исправлял должность секретаря. Потом, пожелав нам счастливого пути, он велел нас вести далее.

Вскоре после сего поднялись мы на гору и увидели обширную долину, а вдали город Хакодате. Потом, спустившись с этой горы, пришли мы на

*** Везде по дорогам в японских владениях на каждых четырех или пяти верстах сделаны для удобства путешественника беседки или шалаша.

последний ночлег, в селение Онно. Это селение есть величайшее из всех, через которые мы проходили, и по местному своему положению самое лучшее. Оно лежит в обширной долине, имеющей в окружности верст двадцать пять или тридцать. С трех сторон долина окружена высокими горами, защищающими ее от всех холодных ветров, а с южной стороны находятся Хакодатская гавань и Сангарский пролив. Долина орошается множеством небольших быстро текущих речек и ручьев. Селение Онно стоит, так сказать, в саду: каждый дом имеет при себе обширный огород и сад. Кроме всякого рода обыкновенной в Европе огородной зелени, мы видели и деревья с плодами: яблони, груши, персиковое дерево, а сверх того, местами коноплю, табак и сарацинское пшено. Онно находится верстах в семи от Хакодате.

На всем берегу, по которому мы шли, протягивающемся почти на 1100 верст, нет ни одного залива, ни одной заводи, где бы не было многолюдных селений²⁷; даже между селениями на летнее время становятся шалаши, в которых живут люди. Все они вообще занимаются рыбной ловлей. Добываемую рыбу солят и сушат. Достают также морские раковины и сушат их. Равным образом собирают приносимое к берегу в великом количестве морское растение, называемое русскими в том краю морской капустой. Расстилая ее на песке, сушат, потом складывают в кучи, похожие на сennые копны, и покрывают рогожами, пока не придет время грузить ее на суда для отправления в порты главного их острова — Нифона. Море ничего не производит такого, чего бы японцы не ели: всякого рода рыба, морские животные, раковины²⁸, растения морские, трава, растущая на каменьях, — все это употребляется ими в пищу, и потому-то множество людей занимаются беспрепятственно прибрежными промыслами для прокормления народонаселения Японии.

Верстах во ста пятидесяти или двухстах к северо-востоку от Хакодате кончаются курильские селения²⁹ и начинаются японские; их разделяет небольшая, но весьма быстрая река, через которую мы, по причине не-

давно бывших дождей, могли переехать с немалым трудом.

Курильские селения большей частью невелики и состоят из хижин; нет при них ни огородов, ни садов, и вообще имеют они вид бедности. Одни только японские домики между ними, в которых живут начальники или приставы японские и приказчики, надзирающие над промыслами, построены порядочно, содержатся опрятно и окружены огородами и садами.

Японские селения, напротив того, имеют совсем другой вид: они очень обширны, расположены правильно улицами, строение все деревянное*, но весьма чисто отделанное; при всяком доме есть огород, а при некоторых и садик; в улицах и домах опрятность удивительная.

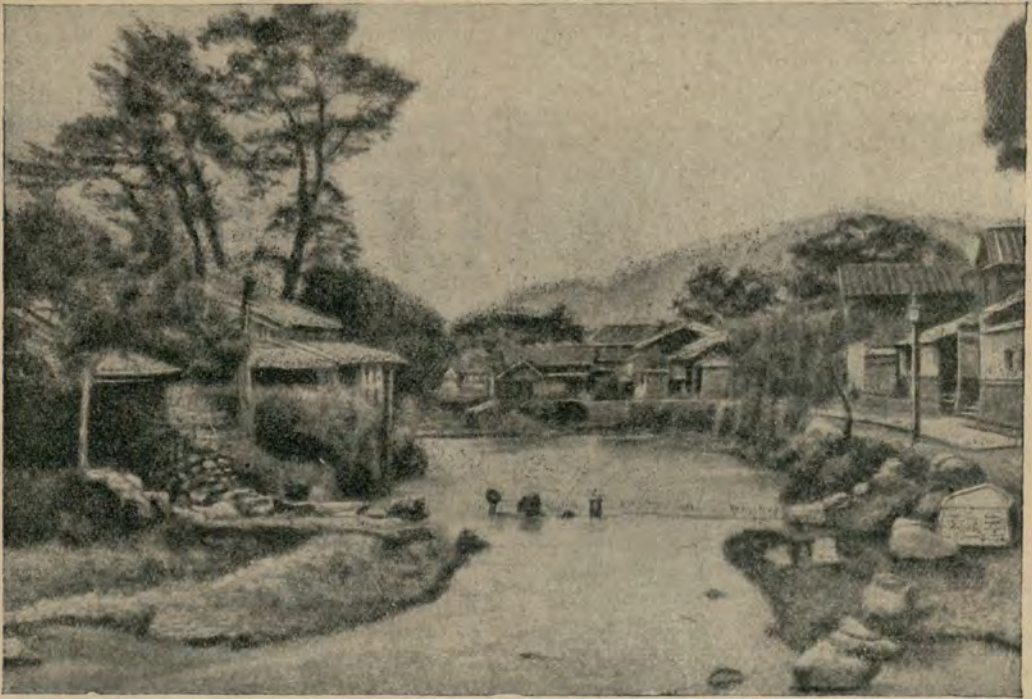
Мацмайские курильцы довольно высоки, статны, проворны и гораздо виднее и мужественнее, нежели те, которые обитают на островах Итурупе и Кунасири**.

8-го августа поутру конвойные наши стали готовиться к церемониальному входу в город: надели новое платье, латы и военные свои шляпы. Завтрак нам дали гораздо лучше обыкновенного, а именно: курицу в соусе с зеленью, очень хорошо приготовленную, что у них почитается одним из самых лакомых кусков, а это не добро предвещало. Мы еще прежде несколько раз замечали, что если японцы должны были сделать для нас что-нибудь неприятное, то всегда прежде потчевали лучше против обыкновенного.

И в этом случае было точно так: лишь только кончили мы свой зав-

* Во всей Японии нет другого строения, кроме деревянного³⁰. Японцы несколько раз говорили нам, что они могли бы строить каменные дома не хуже других народов, но землетрясения, часто у них бывающие, того не позволяют.

** Курильцы острова Мацмая отчасти особенный народ от жителей других Курильских островов и имеют свой язык, в котором хотя и есть много курильских слов, но курильцы их понимать не могут. Алексей и жители островов Итурупа и Кунасири совершенно разумели друг друга, но с мацмайскими курильцами он объяснялся с большим трудом, а иногда и понимать их не мог; но в том, что все они некогда составляли один и тот же народ, нет ни малейшего сомнения: наружный вид, обычаи и множество сходных слов в их языках слишком достаточно о том свидетельствуют.

Японская деревня.

трак, как намбуские солдаты, отправленные с нами из Кунасири, посредством своего курильского переводчика и нашего Алексея, по обыкновению своему торжественным образом* объявили нам, что, к великому их сожалению, они не могут нас ввести в город иначе, как связав нам руки попрежнему, и тотчас приступили к делу без дальних обиняков. Гоонзо со своими товарищами и намбуский офицер, узнав о том, не хотели, чтоб руки у нас были завязаны назад, но солдаты не соглашались на это и делали свои представления с учтивостью. Тут у них начался спор, продолжавшийся более четверти часа. Солдаты часто упоминали кунасирского начальника (надобно думать, что они ссылались на его приказание непременно доставить нас в Хакодате связанными) и настояли на своем; но Гоонзо отправил с до-

несением о сем деле в Хакодате нарочного, который встретил нас верстах в двух или трех от Онно с повелением развязать нам опять руки, что и было исполнено в ту же минуту.

Не доходя верст трех до города, мы остановились в одном домике ожидать, пока пришьют повеление вести нас; между тем из Хакодате вышло множество людей обоего пола и всякого возраста. Из мужчин некоторые были верхом, в шелковом платье; одежда их и сбруя на лошадях показывали, что они люди хорошего состояния.

* Когда японцы хотели известить нас о чем-либо, то всегда делали это с некоторой важностью и торжественно: сами становились в ряд против нас; переводчик их и наш Алексей становились на колени между ними и нами. Потом провозглашаемо было, чтобы все предстоящие молчали, и тогда уже старший из них начинал объяснять дело тихим голосом и медленно своему переводчику, тот — Алексею, а он нам.

Наконец, ввели нас в город, где народу было еще более, так что конвойные наши с трудом могли очищать дорогу. Пройдя городом с полверсты по одной длинной, весьма узкой улице, поворотили мы налево в переулок, который вел в чистое поле. Тут, на возвышенном месте, увидели мы определенное для нас здание. Вид его поразил меня ужасом. Мы могли видеть только длинную его крышу, судя по коей можно было заключить о пространстве его. Самое же строение было закрыто от взора нашего деревянной стеной, которую украшали большие железные

рогатки, а кругом стены обведен был, немного пониже ее, земляной вал, обвешанный на сей случай полосатой материей. Подле ворот был караульный дом, в котором сидели чиновники, а от караульного дома по дороге, где мы шли, стояли солдаты в полном воинском уборе, в расстоянии сажен двух один от другого, и с разным оружием, как то: один с ружьем, другой со стрелами, третий с копьем и т. д. Офицеры были перед фронтом. В воротах принимал нас от конвойных наших по списку какой-то чиновник и велел вести далее на двор.

Тут-то открылся глазам нашим весь ужас предназначенного нам жилища. Мы увидели большой, почти совсем темный сарай, в котором стояли клетки, сделанные из толстых брусьев, совершенно подобные клеткам птичьим, кроме величины; притом темнота не позволила нам обозреть их вдруг. Японцы поставили нас всех рядом к стене, а сами стали рассуждать о нашем размещении.

С полчаса мы стояли в ужаснейшем унынии, воображая, что, может быть, нам суждено вечно не выходить из этого страшного жилища. Наконец, японцы спросили меня и Мура, которого из матросов мы хотим иметь с собою. Мы очень обрадовались, полагая, что они не хотят заключить нас каждого порознь, и просили, нельзя ли еще присоединить к нам Хлебникова. Но японцы на это не согласились. Причина отказа их была весьма основательна: они сказали, что с матросами должен быть один из офицеров для того, чтоб он мог своим примером и советами ободрять и утешать их в несчастии, без чего они совсем потеряют дух и предадутся отчаянию. Сделав нам такой ответ, японцы повели меня, а за мною Мура и матроса Шкаева вдоль строения в одну сторону, а прочих в другую.

Мы со слезами простились со своими товарищами, считая, что, может быть, уже никогда не увидимся. Меня ввели в коридор, сняли сапоги и вовсе развязали веревки; потом велели войти в маленькую каморку, отделенную от коридора деревянной решеткой. Я оглянулся, думая найти за собою Мура и Шкаева; но в ка-

кое изумление пришел, увидев, что их тут не было, и не слыша их голоса. Японцы же, не сказав мне ни слова, заперли дверь замком, а вышед из коридора, и его замкнули также. Тогда я остался один; воображив, что мы заключены все порознь и, вероятно, никогда уже друг с другом не увидимся, я бросился на пол в глубоком отчаянии.

Долго я лежал, можно сказать, почти в беспмятстве, пока не обратился на себя моего внимания стоявший у окна человек, который делал мне знаки, чтоб я подошел к нему. Когда я исполнил его желание, он подал мне сквозь решетку два небольших сладких пирожка и показывал знаками, чтоб я съел их поскорее, объясняя, что если другие это увидят, то ему будет дурно. Мне тогда всякая пища была противна, но чтоб не огорчить его, я с некоторым усилием проглотил пирожки. Тогда он меня оставил с веселым видом, обещая, что и вперед будет приносить. Я благодарил его, как мог, удивляясь, что человек, по наружности бывший из последнего класса в обществе, имел столько добродушия, что решился чем-нибудь утешить несчастного иностранца, подвергая себя опасности быть наказанным.

Вскоре после сего принесли мне обедать, но я не хотел есть и отослал все назад. Потом и ужинать приносили, но мне и тогда было не до еды: я то ложился на пол или на скамейку, то ходил по комнате, размышляя, нельзя ли как-нибудь уйти.

На сей конец рассматривал я внимательно строение моей тюрьмы. Она была в длину и в ширину по шесть шагов, вышиною футов восьми. От коридора отделялась деревянной решеткой из довольно толстых брусьев, в которой и двери были с замком; в стенах находились два окна с крепкими деревянными решетками снаружи и с бумажными ширмами внутри, которые я мог отодвигать и задвигать по воле, одно окно было обращено к стене какого-то строения, отстоящей от моей стены шагах в двух, а другое к полуденной стороне ограды нашей темницы. Из этого окна я мог видеть горы, поля, часть Сангарского пролива и противоположный нам берег Японии. Подле

дверей, в сторону, был небольшой чуланчик с отверстием на полу в глубокий ящик за замком, для естественных надобностей. Посреди каморки стояла деревянная скамейка такой величины, что я едва мог лежать на ней, а на полу в одной стороне постланы были три или четыре рогожки — вот и вся мебель.

Рассмотрев весь состав места моего заключения, я увидел, что с помощью одного обыкновенного ножа легко можно было перерезать в окне решетку часа в три и вылезть на двор, а пользуясь темнотой ночи, мог я также перелезть через деревянную стену и через вал. Но дело состояло в том, первое, где взять нож, когда нам и иголки в руки не давали, а второе, если б я и вышел на свободу, — куда идти одному и что после делают японцы с несчастными моими товарищами?

К ночи принесли мне бумажное одеяло на вате, совсем новое, и большой спальный халат, также на вате, но так изношенный и перемаранный, что от него происходил несносный запах гнильи и мерзкой нечистотой. Я бросил его в угол без употребления. Во всю ночь, каждый час, кругом стены ходили обходы и стучали в трещотки*, а солдаты внутреннего караула также и в коридор ко мне заходили с огнем — смотрели, что я делал. Рано поутру, когда еще вокруг была глубокая тишина, вдруг поразили мой слух русские слова. В ту же секунду, вскочив со скамейки и подошед к окну, обращенному к стене ближнего строения, услышал я, что там разговаривали Мур со Шкаевым. Нечаянное это открытие чрезвычайно меня обрадовало.

Я нетерпеливо желал открыть товарищам моим о моем с ними соседстве, но не смел на это отважиться, опасаясь, чтоб разговоры мои не причинили для всех нас вредных последствий. Между тем караульные и работники, вставши, начали приниматься за свои дела, и наступивший шум за-

* Японцы на караулах часы бьют двумя сухими звонкими дощечками; сначала мы называли их трещотками. Дозоры такие ходили и на дороге вокруг домов, где мы имели ночлег. Долго нам неизвестно было, что они значили; но после уже мы узнали, что это патрули караульных, бьющие часы и осматривающие посты.

Японский офицер в обыкновенной форме.

глушил и разговоры их. Тут принесли мне теплой и холодной воды умываться, отперли дверь, а когда я умылся, опять заперли; потом принесли завтракать, но я все еще не мог ничего есть.

Около половины дня пришел ко мне в коридор один из чиновников здешнего города. С ним был вновь определенный к нам переводчик курильского языка**, человек лет под пятьдесят, лекарь***, и наш Алексей. Они стояли в коридоре и говорили со мною сквозь решетку. Чиновник спрашивал, здоров ли я, и, указывая на лекаря, велел мне объявить, что он прислан из Мацмая тамошним губернатором нарочно с тем, чтоб иметь попечение о нашем здоровье.

** После мы узнали, что переводчика зовут Вехара-Кумалджеро.

*** Лекарь прозывался Того.

Пока японцы при сем случае разговаривали между собою, я успел сделать несколько вопросов Алексею и узнал от него, что Хлебников заключен с Симоновым, Макаров с Васильевым, а он отдельно, как я. Алексей прибавил еще, что у них каморки очень дурные: темные, совсем без окон и крайне нечисты.

В полдень принесли мне обед, но я отказался от еды. Караульный отпер дверь и, проворчав что-то с сердцем, велел кушанье у меня оставить и запер дверь.

Под вечер опять пришел ко мне тот же чиновник с переводчиком Вехарюю и с Алексеем для объявления, что начальник города, полагая, что мне скучно быть одному, велел спросить меня, кого из матросов я желаю иметь при себе. На ответ мой, что они для меня все равны*, он сказал, чтоб я непременно сам выбрал, кого мне угодно, ибо таково есть желание их градоначальника. Я сказал, что они могут со мною быть по очереди, и начал с Макарова, которого в ту же минуту перевели ко мне. Я уговаривал Алексея, чтобы он попросил японцев поместить его с Васильевым на место Макарова; но он на это не согласился, и это заставило меня очень сомневаться в его к нам расположении.

При сем случае я узнал, что чиновник этот первый в городе по главном начальнике. Я спросил его, всегда ли японцы думают нас так содержать, как теперь. «Нет, — отвечал он, — после вы все будете жить вместе, а потом отпустят вас в свое отечество». — «Скоро ли сведут нас в одно место?» — «Не скоро еще», — отвечал он. Люди в подобном нашему положении всякое слово берут на замечание и толкуют: если бы он сказал скоро, то я почел бы речи его одними пустыми утешениями, но в этом случае я поверил ему и несколько успокоился.

Когда японцы нас оставили, я обратился к Макарову. Он чрезвычайно удивлялся приятности моего жилища; с большим удовольствием смотрел на предметы, которые можно бы-

* Я сказал это для того, что в жестоком нашем положении не хотел показать несчастным своим товарищам, что одного предпочитаю другим.

ло видеть из моего окна. Клетка моя казалась ему раем против тех, в которых были заключены Хлебников, Симонов, Васильев и Алексей и откуда его перевели ко мне. Описание их жилища навело на меня ужас: они были заперты в небольших клетках, сделанных из весьма толстых брусьев и поставленных одна подле другой, посреди огромного сарая, так что клетки эти были окружены со всех сторон коридорами; вход же в них составляли не двери, а отверстия, столь низкие, что должно было вползать в них. Солнце никогда к ним не заглядывало, и у них господствовала почти беспрестанная темнота.

Обнадеживание японского чиновника и разговоры с Макаровым несколько смягчили грусть мою, и за ужином стал я в первый еще раз есть в Хакодате, и поел исправно, не смотря на то, что здесь стол наш был весьма дурен и совсем не такой, как в дороге**. Вечером принесли нам по одной круглой подушке, похожей на те, какие у нас бывают на софах; наволочки были бумажные, а внутри шелуха конопляного семени.

10 августа, еще поутру, переводчик Кумаджеро известил меня, что начальник города желает сегодня видеть всех нас и что нас к нему поведут после обеда. В назначенное время нас вывели на двор, одного подле другого, обвязав каждого около пояса веревкою, за конец которой держал работник, но рук уже совсем не вязали.

Нас вели очень медленно, почти через весь город, по одной улице, в которой все дома были наполнены зрителями. Тогда в первый раз мы заметили, что у них почти во всех домах были лавки со множеством

** В Хакодате кормили нас очень дурно, а особенно сначала: обыкновенную нашу пищу составляли каша из сарачинского пшена, похлебка из простой горячей воды с тертой редькой, без всякой приправы, горсточка зеленого лука, мелко накрошенного, или вареных бобов, а иногда, вместо лука или бобов, кусочка по два соленых огурцов или соленой редьки. Изредка варили нам лапшу из бобовой муки, подавали гнилую треску или китовый жир вместо редечного супу, и раза два в пятьдесят дней дали по половине камбалы с соей на человека; есть давали три раза в день: в восемь часов поутру, в полдень и в четыре часа вечера; пить же давали теплую воду, а иногда очень дурной чай без сахара.

разных товаров. С улицы повертели мы влево на гору к замку, обведенному земляным валом и палисадом, воротами вошли мы на большой двор, где стояла, против самых ворот, медная пушка на станке и двух колесах, весьма дурно сделанных. С этого двора прошли мы небольшим переулком на другой двор, где находились в ружье несколько человек императорских солдат.

Нас привели в небольшой закоулок между двумя строениями и посадили троих офицеров на скамейку, а матросов и Алексея на рогожи, по земле разостланные. Тут велено нам было дожидаться.

Мы дожидались более часа. Наконец, в окно ближнего к нам строения назвали меня по имени: капитан Головин (но японцы фамилию мою произносили почти как Ховарин³¹), и велели ввести. Два караульных солдата, идучи у меня по обеим сторонам, подвели меня к большим воротам и, впустив в обширную залу, опять их затворили, а там тотчас меня приняли другие.

Здание, в которое я вошел, походило одной половиной своей не столько на залу, сколько на сарай, не имея ни потолка, ни пола. В ближней половине его к воротам, вместо досок, на земле насыпаны были мелкие камешки; в другой же половине пол от земли возвышался фута на три; на нем были постланы соломенные, весьма чисто сделанные маты. Вся же эта зала величиной была сажен восьми или десяти в длину и в ширину, а вышиною футов восемнадцати и от других комнат отделялась изрядно расписанными подвижными ширмами. Окон было два или три, со вставленными в них деревянными решетками, а вместо стекол задвигались они бумажными ширмами, сквозь которые проходил тусклый, унылый свет. На правой стороне, подле возвышенного места, вышиною фута в четыре от земли, во всю стену развешаны были железа для кования преступников, веревки и разные инструменты наказания; других же никаких украшений не было. С первого взгляда на это здание подумал я, что это должно быть место для пыток; да и всякий на моем месте делал бы подобное заключение: так страшен был его вид.

Японский писец.

Главный начальник сидел на полу, посреди возвышенного места; по сторонам у него, немного назади, сидели два секретаря, перед коими на полу же лежала бумага и стояли чернильницы. По левую сторону от главного начальника сидел первый по нем чиновник, а по правую — второй; потом на левой и на правой стороне еще по чиновнику. Все они сидели на коленях, с поджатыми назад ногами, так что ноги лежали плотно на матах, а задняя часть тела касалась подошв. Они были в обыкновенных своих черных халатах, имея за поясом кинжалы, а большие сабли лежали у каждого из них на левой стороне, подле боку. По обеим сторонам возвышенного места на досках, положенных на земле, сидели по часовому без всякого оружия, а переводчик Кумаджиро сидел на том же возвышенном месте подле края, на правой стороне.

Принявшие меня в зале солдаты подвели к возвышенному месту и хотели посадить на камень, но начальник сказал им что-то, и они оставили меня на ногах против него. Потом таким же образом привели Мура и поставили его подле меня на правой стороне; после ввели

Хлебникова, которого поместили подле Мура*. Наконец, ввели матросов, одного за другим, и поставили рядом за нами, а после всех привели Алексея, которого посадили в ряд с нами на правой стороне подле Хлебникова, ибо он должен был переводить.

Устроив все таким образом, переводчик сказал нам, по приказанию начальника, указав на него, что это главный начальник города. Тогда мы ему поклонились по-своему, а он отвечал небольшим наклоном головы, опустив глаза. После сего, вынув из-за пазухи бумагу, стал он по ней нас спрашивать. Сначала спросил мой чин и фамилию, потом имя, а после отчество**. Ответы мои оба секретаря записали. Потом те же вопросы были предложены Муру, Хлебникову и всем прочим. Секретари записывали и их ответы.

За сим допросом последовали другие, каждому из нас порознь: сколько отроду лет; живы ли отец и мать; как зовут отца; есть ли братья, сколько их; женат ли, есть ли дети; из каких мы городов; во сколько дней от наших городов можно доехать до Петербурга; какие наши должности на кораблях в море; что мы делаем, будучи на берегу, и как велика команда, которая тогда нам вверяется.

На каждый из сих вопросов ответы наши записывали, как и прежде. На ответ наш, из каких мы городов, японцы сделали замечание: «Почему вы служили на одном корабле, будучи все родом из разных городов?» На это ответ наш был, что мы служим не своим городам, а всему отечеству, и, следовательно, все равно, на одном ли мы корабле ходили или на разных, лишь бы корабль был русский.

* У японцев левая сторона имеет преимущество, как у нас правая; мы везде это у них замечали, а после они и сами то же нам сказывали, но причины сего обычая объяснить не могли.

** Этот вопрос немало сделал нам затруднения. Алексей, не умея выразить его по-русски, спрашивал нас: «Какой хвост у твоего имени?» Надобно знать, что на курильском языке хвост и конец называются одинаково. Мы не могли понять, что он хочет сказать, пока не вошла ему в голову счастливая мысль объяснить вопрос свой примером. Он сказал: «Вот меня зовут Алексей, и еще хвост у имени моего, Максимыч, а у тебя какой ич?»

Потом японцы спрашивали имя нашего судна и хотели знать величину его маховыми саженьями и число пушек, в чем мы их удовлетворили, а напоследок начальник сказал нам, что в бытность у них Лаксмана он имел длинную косу и большие волосы на голове, в которые сыпал много муки (пудрился), а у нас волосы острижены, — итак, не переменен ли в России закон. Когда мы сказали им, что уборы головные не входят в наши законы³², японцы засмеялись, немало удивясь, что на это нет общего устава, но и этот ответ наш они также записали.

В заключение они требовали, чтоб мы объяснили им и показали на карте, где мы шли и когда, с самого отбытия из Петербурга. Карта у них для того была скопированная с русского академического глобуса, напечатанного при покойной императрице.

Они не только расспрашивали, где мы шли, но хотели знать точное время, в какие месяцы мы какие места проходили и куда когда пришли.

По причине слабых знаний нашего переводчика в языке и необыкновенной точности, с какой японцы отбирали от нас ответы, они занимали нас несколько часов.

Наконец, главный начальник велел нам идти домой, объявив, что когда нужно будет, нас опять сюда приведут, а до того времени советовал нам отдыхать.

Мы возвращались из замка в сумерках, точно таким же порядком, как и пришли, с той только разностью, что по причине прекращения всех дневных работ число зрителей было гораздо более прежнего. По возвращении в темницу нас опять развели по прежним каморкам и дали, на счет градоначальника, каждому из нас по одному легнему японскому халату из бумажной материи, а также попотчевали нас вином и sake.

Во время нашего отсутствия японцы соединили мой коридор с коридором Мура и посредине оных сделали место для внутренней стражи, откуда могли видеть сквозь решетки, что делается у меня в каморке и у него. Через это способ к побегу совсем

уничтожился; но в замену мы имели ту пользу, что могли лучше слышать разговоры наши, а потому я с Муром и переговаривался не прямо, а под видом, что говорю товарищу своему, Макарову, и он то же делал, обращая разговор к Шкаеву; но это продолжалось лишь несколько дней. После при одном случае спросили мы второго чиновника по градоначальнице, можем ли мы между собою разговаривать, и получили в ответ: «Говорите, что хотите, и так громко, как вам угодно». После этого объявления мы разговаривали уже свободно, но остерегались говорить что-либо предосудительное японцам, опасаясь, не определены ли к нам люди, знающие русский язык, чтобы подслушивать. По той же причине боялись мы говорить и на иностранных языках, чтобы приставленные к нам тайно переводчики не объявили о наших разговорах не на своем языке своим начальникам и не возбудили тем в сем подозрительном народе какогонибудь сомнения.

После первого нашего свидания с градоначальником восемнадцать дней нас к нему не призывали; но во все это время каждый день поутру и ввечеру приходили к нам дежурные городские чиновники по очереди, с лекарем и переводчиком, навевались о нашем здоровье и спрашивали, не имеем ли мы в чем нужды; однакож, невзирая на такое их внимание, кормили нас очень дурно и большей частью пустым речечным бульоном.

Мур занемог грудью. Лекарь тотчас предписал ему пить декокт из разных кореньев и трав, но диеты не назначил, а советовал только более есть того, что дают*. Когда же Мур жаловался на дурное содержание и объяснял японцам, что при такой худой пище лекарство не может иметь действия, второй в городе начальник** спросил, что русские едят в болезни. «Что назначит лекарь», сказал Мур. «Однакож что обыкновеннее?» спросил он. «Курицу, сваренную

в супе». Тогда Отахи-Коеки расспросил подробно, как русские делают такой суп, чтобы японцы могли сварить для нас подобную пищу. Мур рассказал все очень подробно, и он записал; но это было только для любопытства или в насмешку, ибо после о супе с курицей мы ни слова не слышали, а ели то же, что и прежде.

Этот чиновник, один из всех японцев, нередко шутил над нами; он обещал нам мяса, масла и молока, говоря, что русские это любят, а через несколько дней в насмешку извинялся, что коровы еще ходят в поле. Однажды, дав нам sake, хотел он, чтобы я велел матросам петь песни и плясать, рассказывая, что он видел русскую пляску, когда Лаксман был здесь, и что она ему очень нравится, но когда я ему сказал, что в нынешнем состоянии нашем никто в свете и ничем не может нас к тому принудить, он, засмеявшись, сказал мне в ответ: «Правда, правда! И японцы также в подобном вашем состоянии не стали бы петь и плясать».

Кроме дежурных чиновников, в известные часы нас посещавших, переводчик Кумаджеро и лекарь Того были при нас всякий раз часов по шести и более. Оба они отбирали у нас русские слова и составляли лексиконы. Надобно сказать, что каждый занимался этим делом порознь: когда один был на нашей половине, другой в то же время находился у Хлебникова; для сего они приносили к нам всякую всячину и спрашивали, как что называется. Лекарь был человек очень сведущий в географии, имел у себя весьма чисто гравированный японский глобус, снятый с какого-нибудь европейского, и разные рукописные карты японских владений, которые он нам иногда показывал и объяснял все, о чем мы его спрашивали.

Но более всего японцы нас беспокоили просьбами своими написать им что-нибудь на веерах или на особенных листах бумаги; как чиновники, так и караульные наши солдаты беспрестанно нас этим занимали, а особливо последние. Но как они всегда просили нас учтивым образом и после не упускали благодарить с большими комплиментами, то мы ни-

* Японские лекари нимало не заботятся, чтобы больные их наблюдали диету; они всегда советуют им более есть, и чем более больные едят, тем они довольнее, ибо хороший аппетит, по их мнению, всегда есть верный признак скорого выздоровления.

** Имя этого чиновника Отахи-Коеки.

когда не отказывали в их просьбах. Некоторые из них, пользуясь нашим снисхождением, были так бессовестны, что приносили вдруг по десяти и по двадцати вееров, чтобы их исписать. Эта скучная работа лежала более на Муре и Хлебникове, потому что они писали очень чисто и красиво; первый из них для одного из наших караульных исписал более семидесяти листов бумаги; почему мы имели причину думать, что они нашим письмом торгуют, рассылая оное на продажу, как вещь, достойную кабинетов редкостей*.

Скучнее всего нам было писать для чиновников, потому что они всегда хотели знать, что мы им писали, а получив от нас перевод, тотчас ходили к Хлебникову, чтобы и он перевел то же. Они слыхали переводы и усматривали, правду ли мы говорим, а когда он что для них писал, то они к нам после приносили для проверки перевода. Таким образом однажды я причинил большой страх и хлопоты Хлебникову. Один из чиновников просил меня, в третий уже раз, написать ему что-нибудь порусски. Я в досаде написал следующее: «Если здесь будут когда-либо русские не пленные, но вооруженные, то они должны знать, что семерых из их соотечественников японцы захватили обманом и коварством, посадили в настоящую тюрьму и содержали, как преступников, без всякой причины. Несчастные просят земляков своих отомстить вероломному сему народу достойным образом». И подписал свой чин и имя, а когда японец спросил, что это такое, то я сказал ему: «Русская песня. Береги ее до того, как в другой раз здесь будут русские, и покажи им». Он понес ее для перевода Хлебникову, который не знал, что ему делать, но после попал на ту же мысль, что это очень мудреная песня и перевести ее трудно; тем и отделался.

* Японцы большие охотники до редкостей: первая их страсть собирать какие-нибудь необыкновенные вещицы. При нас не было ни одного солдата, который бы не показал нам чего-нибудь почитаемого им редкостью; у некоторых хранились в нескольких бумагах складные матросские ножи, полученные ими от Лаксманова экипажа; другие берегли медные деньги наши или луговики; иной хранил какую-нибудь бездельную ракушку или камешек и т. п.

25 августа пришел к нам второй начальник Отахи-Коеки. Он прихаживал редко и всегда с чем-нибудь необыкновенным; с ним была большая свита. Остановясь в коридоре перед моею каморкою, велел он подле решетки постлать рогожки. Смотрю, что будет. Наконец, велел что-то нести, и вдруг вижу я, что четыре или пять человек несут на плечах мой сундук, стоявший у меня в каюте на шлюпе, чемоданы Мура и Хлебникова и еще несколько узлов. При этом виде я ужаснулся, вообразив, что японцы не иначе могли получить наши вещи, как завладев шлюпом, или его разбило на их берегах, а вещи выкинуло. С большим усилием отвечал я прерывающимся голосом на их вопросы, кому из нас принадлежат эти вещи. Наконец, они нам объявили, что шлюп наш перед отходом своим из Кунасири свез все вещи на берег и оставил. Тогда я совершенно успокоился.

После сего японцы, записав, что из присланных вещей принадлежало мне, пошли о том же спрашивать других моих товарищей. Посылки состояли в некотором нашем платье, белье и обуви, которые преемник мой по команде Рикорд за нужное почел прислать к нам. Это впоследствии послужило для нас к большой пользе, хотя в сем случае японцы нам не дали ничего из присланных вещей.

Этот день памятен для меня по двум обстоятельствам: во-первых, по беспокойству, причиненному мне присланными вещами, а во-вторых, что, за неимением бумаги, чернил или другого, чем бы я мог записывать случившиеся с нами примечательные происшествия, вздумал я вести свой журнал узелками на нитках. Для каждого дня, с прибытия нашего в Хакодате, завязывал я по узелку: если в какой день случилось какое-либо приятное для нас приключение, вязывал я белую нитку из маншет, для горестного же происшествия черную шелковинку из шейного платка; а если случилось что-нибудь достойное примечания, но такое, которое ни обрадовать, ни опечалить нас не могло, то вязывал я зеленую шелковинку из подкладки моего мундира; таким образом, по временам

перебирая узелки и приводя себе на память означенные ими происшествия, я не мог позабыть, когда что случилось с нами.

Между тем Муру сказали за тайну караульные наши, что нам недолго жить в Хакодате, но мы им не верили, ибо имели многие признаки, что мы помещены здесь на немалое время. Во-первых, дали нам новые тяжелые на вате халаты, которые японцы употребляют для снажья вместо одеяла и редко берут с собою в дорогу; а во-вторых, около стены нашей тюрьмы в двух разных местах построили, через несколько дней по прибытии нашем, караульные дома и во внутреннем расположении сделали вновь некоторые перемены.

Полуночь 28 августа повели нас во второй раз к градоначальнику. Заняв свое место, вынул он из-за пазухи тетрадь, всю исписанную, и положил перед собою. Потом, назвав каждого из нас, смотря в тетрадь, по фамилии, велел переводчику сказать нам, что ответы наши на прежде сделанные вопросы были отправлены к мацмайскому губернатору*, от которого теперь получено повеление исследовать наше дело самым подробным образом, и потому на вопросы, которые нам станут они делать, мы должны отвечать справедливо и обстоятельно, ничего не утаивая и не переменяя, что знаем.

Главные предметы, о коих они нас спрашивали, были следующие:

«Куда Резанов поехал из Японии?»

«Каким путем он возвращался в Россию?»

«Когда прибыл в Петербург?»

«Кто дал повеление двум русским судам напасть на японские берега?»

«По какой причине они нападали?»

«Зачем сожгли селения, суда и вещи, которых с собою увезти не могли?»

* По главному начальству сего чиновника над всей областью, должность его, конечно, соответствует тому званию, что в Европе называется губернатором; почему мы его и называли так, но у японцев он называется, когда о нем говорят с почтением, буйнио или, в обыкновенных разговорах, бунно и бунносо; почему впоследствии я буду называть его бунно.

«Что сделалось с японцами, увезенными на русских судах?»

«Каким образом употреблены в России увезенное японское оружие и другие вещи?»

В ответ на эти вопросы мы описали японцам возвратный путь Резанова в Камчатку, плавание его к американским компанейским селениям³³, в Калифорнию и возвращение в Охотск и прибавили, что, не доехав до Петербурга, он умер в Красноярске; а суда, нападавшие на японские берега, были торговые, но не императорские, и управлявшие ими все люди не состояли в службе нашего государя. Нападение сделали они самовольно, а целью их, вероятно, была добыча. Они полагали, что жалоба от японцев не может дойти до нашего правительства, чему сами японцы виною, объявив Резанову, что не хотят с русскими иметь никакого сообщения. Сожжение всего того, чего суда не могли увезти, должно было произойти также от своевольства начальников; увезенные ими два японца были в Охотске на воле, а не в заключении. Воспользовавшись своею свободой, они взяли ночью лодку и уехали, а после о них ничего не было слышно.

Японцы желали знать имена начальников судов, делавших на них нападение, и удивились, когда мы их назвали Хвостов и Давыдов. Они тотчас спросили нас, те ли это люди, которые известны им под именем Никола-Сандреэч (Николай Александрович) и Гаврило-Иваноч (Гаврило Иванович).

Мы не понимали, каким образом японцы могли знать их имена и отчества, а фамилий не знали.

Оба они нам были коротко знакомые люди, но мы не хотели японцам сказать, что знаем, как их звали по имени и отчеству, а говорили, что они нам известны только под именами Хвостова и Давыдова, а более мы о них ничего не знаем. Они непременно захотели бы знать, чьи они дети, как воспитывались, каких были лет, какого нрава и образа жизни и пр., и пр., и потому-то, чтоб избавиться от таких скучных, или, лучше сказать, мучительных расспросов, сказали мы, что знали их только по одним слухам.

Наиболее они старались узнать от нас, почему после первого нападения допустили их вторично напасть на японцев. Они подозревали даже, не был ли из нас кто-нибудь при сделанных на них нападениях или по крайней мере не находились ли тогда мы сами в Камчатке.

Другое их подозрение против нас, как мы заметили по вопросам их, состояло в том, не пошли ли мы из Петербурга по возвращении туда Резанова вследствие сделанного им правительству представления о неудаче его посольства. На сей конец они расспрашивали нас, зачем мы посланы были так далеко, как велико и как вооружено было наше судно, сколько людей, пушек и мелкого оружия мы имели.

При сем случае сделали они несколько и смешных вопросов, по крайней мере, по совершенству, до какого доведено наше мореплавание, они должны показаться смешными; как, например: каким образом мы могли так долго быть в море, не заходя никуда за съестными припасами, за водою и дровами; зачем русские строят такие крепкие суда, что они могут так долго плавать в открытых океанах³⁴; зачем мы имеем пушки и оружие; зачем плыли океаном, а не вблизи берегов от самого Петербурга до Камчатки, и т. п. Главную причину нашего похода, то есть что мы посланы были для открытий и описи малоизвестных берегов, мы от них утаили, а сказали, что пришли мы в Камчатку с разными казенными вещами, нужными для здешнего края.

Расспрашивая о нашем плавании, не упускали они, под видом посторонних вопросов, будто для одного любопытства, спросить, между прочим, расстояние от Камчатки до Охотска, а оттуда до Иркутска и до Петербурга, и во сколько дней почта и путешественники обыкновенной и скорой ездой могут это расстояние переехать. Но мы довольно ясно видели, что вопросы сии клонились к тому, чтоб определить им точнее, мог ли Резанов быть в Петербурге до нашего отбытия.

Японцы судили по малому странству своих владений и по крайне ограниченному сношениям их с ино-

странцами, где всякое малейшее происшествие, в котором замешаются чужеземцы, занимает все их государство, как весьма важное и великое приключение, достойное быть во всей его подробности передано позднешему потомству, и потому воображали, что не только Россия, но даже вся Европа должна знать о нападениях Хвостова.

Сомнением и странными своими вопросами они нас доводили иногда до того, что мы им с досадою говорили: «Неужели вы можете воображать, чтобы такой малозначающий клочок земли, какова Япония, которого и существование не всем европейцам известно, мог обращать на себя внимание просвещенных народов до такой степени, что каждый человек должен знать о всех подробностях, как на некоторые ваши селения нападали самовольно два незначущие купеческие суднишка? Довольно и того, что вам говорят и доказывают, что нападение было своевольное, без воли русского императора».

Таковыми нашими замечаниями они отнюдь не обижались, а только смеялись. Японцы одарены удивительным терпением. Каждый из своих вопросов повторяли они по два и по три раза, стараясь всеми мерами, чтобы переводчики мысли их нам, а ответы наши им переводили со всякою точностью.

Они продержали нас до самого вечера, позволив раза два выйти для отдохновения и обеда.

На другой день, 29 августа, поутру опять пошли мы к градоначальнику. Коль скоро введены мы были в залу и главный начальник вышел, то, сев на свое место, вынул он из-за пазухи несколько бумаг, из которых одну отдал первому по нем чиновнику Отахикоеки, а сей подле него сидевшему, от коего перешла она в руки переводчика Кумаджеро, который, развернув ее, сказал нам, по повелению начальника, чтоб мы ее прочитали, и с сими словами положил ее перед нами.

Взглянув на бумагу, мы в ту же секунду увидели, что она была подписана всеми нашими офицерами, оставшимися на шлюпе. Неожиданное явление тронуло нас чрезвычайно. Мы тотчас представили себе прежнее свое

состояние и нынешнее и, воображая, что это последнее к нам письмо от наших друзей, с которыми так долго вместе служили, а теперь, вероятно, уже никогда не увидимся, мы не могли удержаться от слез, а особенно Мур. Он был так тронут, что упал на колени и, приложив письмо к лицу, горько плакал. Письмо сие было следующего содержания:

«Боже мой! Доставят ли вам сии строки, и живы ли вы? Сначала, общим мнением всех оставшихся на шлюпе офицеров, утверждено было принимать миролюбивые средства для вашего освобождения; но в самую сию секунду ядро с крепости пролетело мимо ушей наших на дальнее расстояние через шлюп, отчего я решился произвести и наш огонь. Что делать? Какие предпринимать средства? Малость наших ядер сделала мало впечатления на город; глубина не позволяла подойти ближе к берегу; малочисленность наша не позволяет высадить десант, и так, извещая вас о сем, мы предприняли последнее средство: поспешить в Охотск, а там, если умножат наши силы, то возвратимся и не оставим здешних берегов, пока не освободим вас или положим жизнь свою за вас, почтенный начальник, и за вас, почтенные друзья. Если японцы позволят вам отвечать, то предписывай, почтенный Василий Михайлович, как начальник: мы все сделаем на шлюпе; все до одного человека готовы жизнь свою положить за вас. Июля 11 дня 1811 года.

Жизнью преданный *Петр Рикорд*.

Жизнью преданный *Илья Рудаков*.
и проч. и проч.

Когда мы прочитали письмо несколько раз, японцы требовали, чтоб мы перевели его. Нам не хотелось открыть им, что шлюп не был в состоянии сделать им ни малейшего вреда, хотя и желал бы того, и что принужден он идти в Охотск с намерением получить там подкрепление, и потому мы сочли за нужное дать в некоторых строках другой толк нашему письму: пальбу шлюп произвел, по нашему переводу, в собственную свою защиту, но не с тем, чтоб нападать на японцев, ибо они первые начали палить в него с крепости; малость ядер истолковали мы малым числом выстрелов; десант означало не то, чтоб съехать на берег и напасть на крепость, но окружить оную, чтоб не дать способа японцам нас увести отсюда; для сей-то цели на шлюпе

было мало людей; умножить силы в Охотске значило умножить или распространить власть действовать, ибо настоящим образом, без воли правительства, напасть на японцев шлюп не мог.

Когда мы перевели это письмо таким образом, что японцы поняли наши мысли, на что было употреблено слишком час, тогда они меня спросили, что бы я написал на шлюп, если бы японцы в Кунасири позволили мне отвечать.

— Чобы шлюп, — сказал я, — ничего не предпринимая, шел скорее к русским берегам и донес обо всем случившемся правительству.

По окончании расспросов о письме приступили они опять к другим вопросам. Важнейшие их вопросы были следующие:

«Знали ли мы о посольстве Лаксмана в Японию, и какой ответ ему дали японцы?»

«Знали ли, какой ответ сделан Резанову в Нагасаки?»

«Зачем мы пришли к их берегам, когда японцы запретили русским ходить, объявив Резанову именно что у них существует закон, по которому приходящие к ним, кроме порта Нагасаки, иностранные суда должно жечь, а людей брать в плен и вечно держать в неволе?»

На эти вопросы ответы наши заключались в следующем: о посольстве Лаксмана, о сделанном ему японцами ответе, а также и о том, что они сказали Резанову, знаем мы по одним слухам в публике, но не по общепризнанным описаниям, и слышали, что японцы не хотят позволять русским кораблям приходить к ним для торгова. Но мы никогда не слыхали и даже вообразить не могли, чтоб запрещение это могло простираться на те суда, которые, быв поблизости японских берегов, претерпят какое-либо бедствие или, по случаю недостатка в чем-либо для них необходимом, будут иметь нужду в их пособии, ибо большая часть самых необразованных, диких народов никогда не отказывает давать прибежище и помощь бедствующим мореплавателям.

Между тем японцы и сего числа вопросами, принадлежащими непосредственно к общему, спрашивали нас о разных посторонних предметах, как, на-

пример: о жителях Дании, Англии и других земель, где мы проходили; в каких местах у нас суда строятся, из какого леса, как скоро и пр.; а притом, под предлогом любопытства спросили, велики ли у нас сухопутные и морские силы в здешнем краю.

Обстоятельства и положение дел между двумя державами требовали, чтоб мы увеличили и то и другое; почему в Сибири прибавили мы довольно крепостей и войск, а также и в числе судов не скупились и рассеяли их по портам Охотского берега, по Камчатке и по северо-западному берегу Америки. Между прочим, слепой случай заставил нас сказать, что и в Петропавловской гавани немало у нас императорских судов. Когда же японцы спросили сколько, то мы нечаянно, к беде нашей, как то после окажется, попали на число семь.

В следующие два дня нас не призывали. Но мы заметили, что японцы стали обходиться с нами ласковее, позволяли давать нашим матросам горячей воды и выпускали их по одному в коридор для мытья своего и нашего белья*. Дали нам по чистой рубашке из присланного к нам платья, а также и матросам, по просьбе нашей, дали из нашего белья по одной рубашке, согрели для нас ванну и позволили вымыться**.

* С самого того дня, как нас взяли, по сие время японцы только один раз в дороге вымыли наши рубашки, и то, по неимению мыла, очень дурно. Итак, легко вообразить себе можно, до какой степени ныне они были черны и даже гадки; следовательно, позволение вымыть их должны были мы почитать немаловажным снисхождением.

** Ванну японцы сделали для нас в большом чану, нагрев воду посредством вставленной в боку чана медной трубы с небольшой камерой вместо печки, в которой жгли дрова несколько часов сряду, пока вода не согрелась. Они послали нас мыться по очереди, начиная с меня и до Алексея, и всех в одной и той же воде. Сначала нам показалось досадно; мы думали, что они в этом случае поступают с нами, как с презренными преступниками, которых восемь человек могут мыться в одной грязной воде, но успокоились совершенно с сей стороны, когда, к немалому нашему удивлению, увидели, что после всех нас в той же самой воде, не прибавляя ни капли свежей, мылись три или четыре человека из наших караульных солдат императорской службы. Звание сие довольно почетное в Японии. Из сего видно, что японцы нимало не брезгливы и не имеют отвращения к христианам, которых многие другие азиаты считают существами погаными.

Но за все эти снисхождения, нас несколько утешавшие, японцы открыли нам такую новость, которая повергла нас в ужасное уныние. 31 августа поутру, при обыкновенном посещении нас дежурным офицером, лекарем и переводчиком, последний говорил с Муром что-то, чего я слышать не мог, и подал ему бумагу. Мур, приняв ее, притворно смеялся и говорил, что это обман. Потом вдруг сказал мне прерывающимся голосом, каким обыкновенно говорит человек в страхе и смущении: «Василий Михайлович, слушайте, слушайте!» и начал читать следующее:

«1806 г. октября 12/24 российский фрегат «Юнона», под начальством флота лейтенанта Хвостова, в знак принятия острова Сахалина и жителей оного под всемирнейшее покровительство российского императора Александра Первого, старшине селения на западном берегу губы Анивы пожаловал серебряную медаль на владимирской ленте. Всякое другое приходящее судно, как российское, так и иностранное, просим старшину сего принимать за российского подданного.

Подписано: Российского флота лейтенант *Хвостов*.

«У сего приложена герба фамилии моей печать».

Теперь всяк легко может себе представить наше положение! Могли ли мы вообразить, что японцы нам поверят? Правительство их могло ли быть убеждено одними нашими словами, чтоб человек, так мало значущий в государстве, осмелился простереть дерзость свою столь далеко, чтоб брать самовольно формальным актом народ в подданство России и раздавать сим людям медали с изображением своего государя? Бумага сия уверяла японцев, что нападавшие на них действовали по воле нашего императора. В таком случае они нас не иначе должны были считать, как шпионами, которые думали в японцах сыскать дураков и верить, что нападения на них сделаны были своевольством частного лица, а между тем высмотреть их берега и укрепления.

Сколь жестоко ни тронуло нас сие приключение, однакоже мы не потеряли твердости и смело сказали японцам, что если они нам не верят, то пусть убьют; смерть нас не страшит,

а рано или поздно дело сие откроется в настоящем виде; японцы станут расквашаться в своем легковерии и пожалеют о нашей участи, но уже пособить будет поздно. Нам только то больно, что японцы так дурно мыслят о нашем правительстве. Как могут они думать, чтобы монарх такой великой и сильной империи, какова Россия, унижил себя до такой степени, чтоб послать горсть людей разорять беззащитные селения и пустые земли присваивать своему скипетру? И чем? Раздачею медалей с его изображением и бумаг за подписанием начальника торгового судна, которые были вручены людям, никакого понятия о их значении не имеющим. Такой поступок заслужил бы одно посмеяние, но если бы обстоятельства заставили российского императора послать медали со своим изображением в какое-либо чужое государство, то мы смело можем японцев уверить, что поручение это было бы возложено не на Хвостова; посланный не стал бы ни жечь, ни грабить бедных поселян, и меры взяты были бы иные. Смешно было бы причесть воле японского императора поступок двух или трех ваших купеческих судов, сделавших на каком-нибудь нашем Курильском острове то же, что русские суда сделали у вас.

Японцы объяснение наше слушали со вниманием и на все говорили: «Да. Так». Но сами смеялись и, казалось, ничему не верили. Они хотели знать настоящее значение бумаги Хвостова, где он взял медали и действительно ли Хвостов и Никола-Сандрееч один и тот же человек. При переводе бумаги мы принуждены были уверить японцев, что российский фрегат не значит то, чтобы это было императорское военное судно, ибо фрегат может быть и купеческий, а российский означает только, что он принадлежит русским. Другую перемену мы сделали в изъяснении владимирской ленты, назвав ее полосатой лентой. Ибо мы уже хорошо знали приятелей своих японцев: если б сказать им истинное значение сего наименования, то они стали бы нас пять или шесть часов мучить вопросами: надлежало бы сказать, кто учредил сей орден, на какой конец, кто был Владимир, когда царствовал, чем прославился, почему ордену дано его имя,

есть ли какие другие ордена в России, какие их преимущества и т. п., словом — надобно было бы объяснить все наши орденские статуы; теперь же все это изъяснено было одним словом полосатой ленты.

Что принадлежит до медалей, то мы сказали японцам: «Хотя никто в России не имеет права носить медали, кому не пожалована она государем, но серебряные медали даются у нас рядовым за храбрость, оказанную ими на войне, и также другим невысокого состояния людям за какую-нибудь услугу отечеству, и их можно купить после умерших. Хвостов же купил ли эти медали или снял со своих подчиненных промышленных, которые, может быть, находившись прежде в императорской службе, их получили, — нам неизвестно. В рассуждении же его имени мы только можем сказать, что судами; нападавшими на ваши берега, действительно начальствовал бывший в службе торговой компании лейтенант по имени Хвостов; если он вам известен под именем Никола-Сандрееч, то это один и тот же человек». С такими нашими ответами японцы ушли от нас.

На другой день (1 сентября) утру привели нас в замок к градоначальнику, наблюдая во всем прежний порядок, а сверх того, по причине бывшего тогда дождя, шел подле каждого из нас работник и нес над головою зонтик, чтобы нас не замочило. Такую же предосторожность брали они всегда и после, когда водили нас в ненастную погоду.

Там сначала они нас расспрашивали о грамоте и медалях Хвостова.

Между вопросами своими о бумагах Хвостова японцы спрашивали нас и о других предметах, из коих, повидному, более всего занимали и беспокоили их две небольшие медные дощечки, оставленные нами на Итурупе и на Кунасири. На первом из сих островов мы вручили ее самому японскому чиновнику, а на последнем оставили в пустом селении. На сих дощечках была вырезана следующая латинская и русская надпись:

Nav. Imp. Russ Diana
An. Dom. 1811

Е. И. В. шлюп Диана.

Капитан-лейтенант Головин.

Мы оставляли такие дощечки на всех островах, нами посещаемых, как на обитаемых, так и на тех, где жителей не было, прибывая оные к деревьям, с тем, чтобы в случае кораблекрушения и гибели нашей со временем могло быть открыто, где мы были и где должно было последовать с нами несчастье. Объяснив сии причины японцам, мы не могли их убедить в истине. Сначала они несколько раз принимались расспрашивать нас, что означает надпись, и требовали объяснения на каждое слово порознь, переставляя иногда их в другой порядок и надеясь тем нас запутать; потом сказали нам, что они слышали в Нагасаки от голландцев, будто такие дощечки европейцы оставляют на тех пустых островах, которые хотят присвоить себе во владение, — и итак, не имели ли и мы того же намерения? Ответ наш, что доски, о коих они говорят, оставлять есть у европейцев обыкновение, только с другой надписью, не мог их успокоить; прямо они нам не говорили, но мы ясно могли видеть, что они нам не верили и сомневались, так ли мы переводим нашу надпись.

Возвратились мы из замка уже поздно вечером.

Положение наше всем нам казалось самым ужасным. Опровергнуть подложность грамоты Хвостова мы считали невозможным, и как мы ни рассуждали, но видели, что японцы не иначе должны о нас думать, как о шпионах.

На другой или на третий день после сего происшествия, когда дежурный чиновник, лекарь и переводчик во время обыкновенного утреннего своего посещения занимались с Муром и расспрашивали его о русских словах, Алексей несколько раз проходил по коридору подле моей каморки, глядел на меня пристально, изредка посматривая на японцев, и, казалось, хотел сообщить мне что-то тайно от них, но когда я начинал с ним говорить, он не отвечал ни слова. Наконец, сыскав случай, когда японцы на нас не смотрели, вдруг бросил ко мне сквозь решетку завернутую бумажку. Я тотчас наступил на нее ногой и стоял на одном месте, пока японцы не ушли; потом, взяв ее, нашел, что в нескольких лоскутках бумаги завер-

нуты были небольшой железный гвоздик и записка, гвоздем писанная. Подписана она была Хлебниковым, но я не мог разобрать ее, сколько ни старался: черты многих слов были неясственны; я только мог прочитывать в разных строках следующие слова: бог, надежда, камчатский исправник Ламакин, Алексей, курильцы, будьте осторожны, и несколько других.

Я не мог вообразить, что бы значила эта записка. Если Хлебников пишет о деле, что и должно быть, то какую связь имеет с нашим делом какой-то Ламакин, о котором мы отроду не слыхивали? Наконец, я начал бояться, не лишился ли он ума.

Мысль эта жестоко меня тревожила; потерять лучшего и благороднейшего из товарищей для всех нас было горько. Когда Алексей пришел опять в наш коридор вечером, я спросил его, не потерял ли ума Хлебников и что значит записка его, которой я разобрать не мог. «Нет, после все узнаешь», сказал он и опять оставил нас в величайшем недоумении. Я сообщил это обстоятельство Муру, но записки послать не было возможно; он также не постигал, какую роль неизвестный нам Ламакин мог бы играть между японцами и нами.

Напоследок, 4 сентября, повели нас опять в замок, где, по обыкновению, до представления градоначальнику, посадили на дворе на скамейки и дали курить табак. Тут мы имели случай свободно говорить, и Хлебников открыл нам ужасную тайну, в которой Алексей ему признался. Она состояла в том, что когда японцы, захватив с лишком за год перед сим Алексея и его товарищей, расспрашивали их, зачем они приехали, то курильцы, вместо вымышленной ими басни, которую они нам рассказали на «Диане», объявили японцам, что их послал камчатский исправник Ламакин высмотреть японские селения и крепости, а на вопрос их, зачем ему это надобно, они отвечали, что на другой год* придут к японцам из Петропавловской гавани семь су-

* То есть точно в то время, когда мы пришли к их берегам, как будто нарочно, чтоб подтвердить показание курильцев.

дов*: четыре в Мацмай, а три на Итуруп, за тем же точно, за чем приходил Хвостов.

Курильцы вымыслили эту сказку с тем намерением, чтобы отвлечь беду от себя и уверить японцев, что они силою принуждены были русскими к ним ехать. Теперь же Алексей просил Хлебникова уговорить нас, чтоб мы подтвердили, что они точно были посланы Ламакиным.

Пусть всяк теперь поставит себя на нашем месте и вообразит, в каком мы должныствовали быть положении. Медали и грамоты, им розданные, и, наконец, последнее объявление курильцев — все убеждало японцев, что мы их обманываем, а доказательства в нашу защиту в том только и состояли, что государь наш употребил бы большую силу, нежели два судна, если бы хотел объявить войну Японии.

Самое сильное против нас доказательство заключалось в Алексее. Я уже сказывал, что он требовал от нас подтверждения вымышленной им и его соотечественниками лжи. Это значило, чтоб мы, быв правы, обвинили сами себя, а его, виноватого, оправдали.

Итак, мы сказали ему ласково и дружески, что согласиться на его просьбу никак невозможно и что это было бы дело ни с чем несообразное. Алексей слова нам не отвечал и заставил нас думать, что мы в нем имеем отныне непримиримого и опасного врага.

Когда нас представили градоначальнику, то он с самого начала стал нас спрашивать, справедливо ли, что камчатский исправник посылал курильцев для высматривания японских жилищ и укреплений. Получив в ответ, что мы этого не слышали, да и быть этому никогда невозможно, они спрашивали Алексея, но ни их вопроса, ни ответа его мы не разумели. Наконец, его долго расспрашивали, а когда его привели к нам и мы спросили у него, о чем японцы с ним говорили, он отвечал нам коротко и сухо: «О своем старом деле». В продолжение дня одного

* Не должно позабыть, что прежде сего слепой случай заставил нас попасть на число семь, говоря о судах, находившихся в Петропавловской гавани.

Переводчик в придворном costume.

Алексея раза два вводили к градоначальнику, но он не хотел нам сказать, о чем японцы его расспрашивали.

Сегодня в числе многих пустых вопросов был один очень важный и любопытный, показывающий мнения японцев о справедливости и их законы. Они спросили нас, для чего мы взяли на берегу дрова и несколько пшена без согласия хозяев. Мы отвечали, что, лишась всякой надежды переговоров с японцами, мы взяли в оставленном ими селении небольшое количество дров и пшена, оставив за них плату разными европейскими вещами, а сверх того, и в кадку еще положили вещи и серебряные деньги. Когда же японцы с нами снеслись, то мы и в крепость поехали расплатиться с ними и спрашивали, чтоб они сами назначили цену.

На сей ответ градоначальник спросил нас, есть ли в Европе закон,

по которому в подобных случаях можно было бы брать чужое.

— Именно закона письменного, — сказали мы, — на это нет, но если человек, умирающий с голоду, найдет оставленное хозяевами жилище и возьмет нужную пищу, положив притом на месте плату, далеко превосходящую ценою взятое, то никакой европейский закон не обвинит его.

— Но у нас другое, — возразили японцы: — по нашим законам, должно умереть с голоду, не смея тронуть одного зерна пшена без согласия хозяина...

5 сентября мы были у градоначальника в последний раз. До полудня японцы расспрашивали весьма обстоятельно о семи человеках, спасшихся с их судна, разбитого на Камчатском берегу. Мы им сказали о месте и времени, где и когда судно разбилось, сколько людей и как спасен, и что они находились при нашем отбытии в Нижне-Камчатске. Мур их там видел, но он не хотел об этом сказать японцам, опасаясь, что они замучат его вопросами.

После полудня мы долго сидели на дворе, пили чай и курили табак. В это время переводчик Кумаджеро беспрестанно к нам выбегал и спрашивал разные русские слова, которые записав, опять уходил.

Наконец, ввели нас в залу. Один из чиновников, старик лет семидесяти, бывший еще при Лаксмане употреблен к составлению русского лексикона, развернул перед нами пре-большой лист бумаги, весь исписанный японскими письменами, и начал читать, по своему обычаю, нараспев. Из первых десяти или двадцати слов мы ничего не могли разобрать, но после поняли, что он воображает, будто читает по-русски. Слова «россияно», «корабля», «вашу государя», «Хвостос» (Хвостов), «огонь», «Карафта» (Сахалин) и пр. показали нам, что он потщился сделать перевод на русский язык нашего дела. Мы не могли удержаться от смеха и сказали японцам, что тут мы ничего не понимаем, кроме небольшого числа слов, рассеянных в разных строках. Тогда все бывшие с нами японцы, да и сам семидесятилетний переводчик, начали смеяться и более не беспокои-

ли нас сею бумагой. Потом градоначальник, распрощавшись с нами, отпустил нас из замка.

Караульные позволяли иногда Муру выходить из своей каморки, греться у огня в коридоре и подходить к моей решетке, где мы могли с ним разговаривать потихоньку, о чем не смели говорить громко, опасаясь, нет ли между караульными из тех японцев, которые были в России, знающих русский язык. Но содержания нашего стола они не улучшали, несмотря на то, что мы часто упрекали их в варварских поступках против иностранцев.

Во время нашего заключения видна была комета. Мы желали узнать, имеют ли японцы понятие о телах небесных, и спросили их о том. Из ответов их мы могли только угадать, что им известно непостоянное пребывание в небе сих звезд и что они редко являются. Когда мы их спросили, не почитают ли они светила сего каким-нибудь предвозвещением, они, к величайшему нашему огорчению, сказали, что в тот год (1807), когда русские суда сделали на них нападение, видна была на небе точно такая же звезда, и теперь, при нашем прибытии видимо подобное явление.

3 сентября, первый при градоначальнике чиновник объявил нам, что по причине наступления холодной погоды он имеет повеление выдать нам теплое платье из числа того, которое оставил наш шлюп для нас в Кунасири, и спрашивал, что нам надобно; потом тотчас, по назначению моему, выдал мне форменную шинель, фризковые фуфайку и нижнее платье, шапку, рубашку, чулки и платок, а после и всем моим товарищам выдано было, чего они требовали.

Я прежде упоминал, что японцы согласились матросов держать с нами по очереди, почему еще 31 августа Васильева перевели к Муру, а Шкаева посадили одного; 23 же сентября Макарова, содержавшегося со мною, сменили Шкаевым. От него узнал я две новости. Первая — что японцы ошибкою дали Симонову большой складной нож. И вот каким образом. Он имел у себя в кармане в фуфайке матросский ножик, привя-

занный к петле фуфайки на ремне, что матросы обыкновенно делают, чтоб не потерять ножа, когда лезят на мачты. Фуфайка его лежала в шлюпке, когда нас захватили, и ныне, при раздаче платья, отдана ему без осмотра, хотя ремень был весь на виду.

Нам крайне удивительно показалось, каким образом любопытные и осторожные японцы пропустили это без замечания и не сняли ремня, особливо, когда мы видели, что они осторожность свою в рассуждении нас простирали столь далеко, что не давали нам ножниц для обрезывания ногтей, и мы должны были просовывать руки сквозь решетку, где караульные обрезывали нам ногти; даже иглою не вверяли нам, но работникам приказывали чинить наше платье.

Ножу этому я чрезвычайно обрадовался, в надежде, что со временем он может быть нам полезен, и при первом случае дал Симонову знать, чтоб он берег его как глаз, а если японцы спросят, зачем был у фуфайки ремень, то сказал бы, что к нему привязывается шляпа, чтоб ее не унесло ветром.

Другая же новость Шкаева состояла в том, что караульные разговаривали что-то о нашем отправлении в Мацмай и что прежние наши носилки принесены уже на двор. Весть эту на другой же день поутру подтвердили сами японские чиновники, обьявив нам формально, чтоб мы готовились в дорогу. Вечером дали каждому из нас по одному бумажному лакированному плащу, по соломенной шляпе с круглыми полями, по одной паре японских чулок и по паре соломенных лапотков, какие японцы носят в дороге.

С рассветом 27-го числа начали собираться. Поутру приходили к нам разные городские чиновники прощаться. Все делали это церемониально: подойдя к каморке каждого из нас, приказывали переводчику сказать нам учтивым образом, что такие-то чиновники пришли нарочно с нами проститься, что они желают нам здоровья, благополучного пути и счастливого окончания нашему делу. Между тем нам повязывали по поясу веревки, выводили нас на двор, где

ставили рядом, определяя к каждому из нас по солдату для караула и по работнику держать веревку. Эти приготовления худо соответствовали учтивости, с какой японцы с нами прощались.

Около половины дня мы отправились в путь. Вели нас точно таким же порядком, как и прежде, с той только разностью, что сверх носилок были еще при нас верховые лошади, на которых, вместо седел, были положены наши одеяла и спальные халаты. От тюрьмы сажен на сто по улице стоял в строю военный отряд пехоты, мимо которого мы проходили. День был очень теплый и ясный, почему зрителей собралась большая толпа; из них многие провожали нас версты три. Конвой наш состоял из одного начальствовавшего им чиновника, двенадцати или шестнадцати человек солдат, двух непременных работников и большого числа переменных на станциях людей, которые несли наши носилки, вели лошадей и пр., а сверх того, были при нас переводчик Кумаджеро и лекарь Того.

Пробыв пятьдесят дней в заключении, мы лучше согласились идти пешком, нежели ехать, а садились на лошадей тогда только, когда уставали. При сем случае японцы, свернув веревку, закладывали ее к нам за пояс и оставляли нас. Но это делали они только в поле, а проезжая селениями, всегда держали за конец веревки, так точно, как и в то время, когда мы шли пешком.

От самого Хакодате мы шли подле берега около всей гавани, а поровнявшись с мысом полуострова, на котором стоит город, поднялись на гору, где была батарея, которая, повидимому, поставлена с намерением защищать вход в залив, хотя и нимало не соответствовала сей цели как по чрезвычайной высоте горы, где она стоит, так и по большой ширине пролива, составляющего вход. Японцы провели нас через эту батарею и тем не мало причинили нам беспокойства и горести. «Вот, — говорили мы друг другу, — они и укрепления своих от нас не скрывают; что ж это иначе значит, как не то, что они никогда не намерены нас выпустить».

Вспоминая притом обо всех обстоятельствах, открывшихся в Хакодате, мы не находили другого средства к своему спасению, кроме побега, и начали помышлять, как бы привести в действие наше намерение, но скоро увидели невозможность такого предприятия. Ночью сделать этого было нельзя, потому что хотя японцы позволяли нам на ночь совсем снимать с себя веревки, но почти половина из них по ночам не спала, и несколько человек находилось беспрестанно в нашей комнате, а днем должно было силою отбиваться, чего также нельзя было исполнить по причине множества людей, всегда нас окружавших, и по неимению у нас, кроме одного складного ножа, какого-либо оружия.

Дорожное наше содержание ныне было такое же, как и на пути в Хакодате, и кормили нас также по три раза в день. В этой части острова сселения чаще и многочисленнее; все здешние жители беспрестанно занимаются рыбной ловлей и сборищем морской капусты, а сверх того, имеют еще пространные огороды; особливо сеют много редьки*: целые поля засеяны оной.

С 29 на 30 сентября мы имели последний наш ночлег в селении на половину дня хода от Мацмая. Переводчик Кумаджеро советовал нам в Мацмае отвечать на вопросы, которые там будут нам предлагаемы, совершенно сходно с прежними нашими ответами, говоря, что если хотя в малости мы будем показывать разное, то, по японским законам, нас должно обвинить. Во-вторых, роздал он каждому из нас по несколько очень хорошего табаку и бумаги** и сказал нам, что делает это для того, чтобы начальники в Мацмае, приме-

тив, что у нас нет этих вещей, не отнесли того к упущению сопровождавших нас, и что в таком случае им сделан будет выговор. Наконец, советовал нам не верить лекарю, уверявшему нас, что в Мацмае мы будем жить в хорошем доме и все вместе.

30 сентября, вскоре после полудня, остановились мы в одном селении, верстах в трех от Мацмая, где встретили нас несколько солдат и множество народа. Мы пробыли тут с полчаса, в которое время конвойные наши надели на себя хорошее свое платье и потом повели нас в город, точно с такой церемонией, как вводили в Хакодате, только что зрителей, по причине многолюдства города, было несравненно более.

Городом мы шли вдоль морского берега версты четыре или пять. Потом вышли на большую площадь, окруженную множеством народа, стоявшего за веревками, нарочно вокруг площади протянутыми. С площади поднялись на довольно высокую гору, к самому валу замка, и, пройдя вдоль оного на небольшое расстояние, повертели во двор, обнесенный совершенно новой высокой стеной. Тут встретил нас отряд солдат в военной одежде. С этого двора маленькими дверьми прошли мы за другую стену выше первой, а тут вдруг увидели перед глазами почти темный сарай, в который нас тотчас ввели и поместили: нас троих офицеров в одну каморку, подобную клетке, а матросов и Алексея в другую.

* * *

День был прекрасный, светлый, а у нас темнота уже наступала, ибо лучи солнечные к нам не проникали. Обозревая наше жилище, мы думали, что сегодня в последний раз в жизни наслаждались зрением солнца. Тюрьма наша, окружавшие двор заборы, караульные дома, словом сказать, все было совершенно новое, лишь только законченное, так что еще не успели очистить щепок. Здание же это*** было большое, сделан-

* Японцы редьку варят в похлебке, как богатые, так и бедные люди; словом сказать, редька у японцев точно в таком же употреблении, как у нас капуста, а сверх того они солят ее и подают к кушаньям вместо соли, кусочка по два, которые с рыбой или со всем тем, что хотят посолить, прикусывают не по многу.

** У японцев нет в употреблении носовых платков; они сморкаются и плюют в писчую бумагу, которую для сего всегда носят с собою в книжке или за рукавами; богатые люди употребляют лучший сорт бумаги, а бедные поуже; нам в Хакодате давали очень дурную бумагу; а в этом случае дали из лучшего сорта.

*** Вот для любопытных описание нашей тюрьмы. Наобно вообразить четырехугольный деревянный сарай длиною шагов в двадцать пять, шириной в пятнадцать, а в

Город Мацмай.
Из альбома Крузенштерна.

ное из прекрасного леса, и, конечно, не дешево стоило японскому прави-

вышину сажени в две. С трех сторон у сарая глухие стены, в которых нет ни малейшего отверстия, а с полуденной — вместо стены, решетка из толстых брусьев джюма четыре в квадрате и в таком же расстоянии брус от бруса. В этой решетке сделаны дверь и еще маленькая калитка; та и другая всегда на замке. Посредине сарая стояли две клетки, сделанные из таких же брусьев; они отделялись от стен и одна от другой коридорами. Одна из клеток была в длину и в ширину по шести шагов, вышиною же футов десять, а другая при той же ширине и высоте имела восемь шагов длины. Первая из них назначена была для нас троих, а последняя для матросов и Алексея. Вход в них был так низок, что мы принуждены были вползать; дверцы состояли из толстых брусьев и запирались толстым железным запором; над дверцами находилась небольшая дыра, сквозь которую нам подавали пищу. При задних стенах клеток были небольшие чуланчики, также из толстых брусьев, с небольшими отверстиями на полу в ящики для естественных нужд; смежные же стены клеток были обиты досками, чтоб мы матросов, а они нас видеть не могли; для этой же причины и между чуланчиками стоял щит. Подле же решетки сарая, с наружной стороны, была приделана караульная, в которой беспрестанно сидели по два солдата императорских войск. Они могли сквозь решетки видеть все, что мы делали, и глаз с нас не спускали. Весь сарай, в расстоянии от одного шагов на шесть или на восемь, окружен был высокой стеной с деревянными шпиками; для выхода из сего двора служили небольшие ворота прямо против дверей сарая; вокруг же первой стены находилась другая, поменьше; она окружала пространный двор, в котором подле ворот большой стены на одной стороне был караульный дом, а на другой кухня и комната для работников. Все это здание стояло между крутым и глубоким оврагом, в котором текла речка, и валом замка, от коего отделялось оно не очень широкой дорогой. Ночью тюрьма наша казалась еще ужаснее, ибо огня у нас не было, а горел только ночник из рыбьего жира в караульне и то в бумажном фонаре, от коего чрезвычайно слабый свет едва мог освещать сквозь решетку некоторые места огромного сарая.

тельству. Следовательно, рассуждали мы, японцы не стали бы употреблять времени, трудов и издержек напрасно, если б они намерены были освободить нас скоро; для помещения нашего на год или и на два могли бы они сыскать место, но расположение и прочность жилища нашего показывают уже, что нам определено не выходить из него до самой смерти.

Мысли сии беспрестанно терзали дух наш; мы долго пребывали в глубоком молчании, поглядывая друг на друга и воображая себя обитателями того света. Наконец, работник принес нам ужин, состоявший из сарачинской каши, небольшого кусочка рыбы и горсти бобов с патокой. Подавая пищу сквозь решетку, он не заметил меня, лежавшего в углу, и сказал: «Где третья человека?». Мур тотчас спросил его, где он научился говорить по-русски. «В Камчатке», отвечал работник. На это Мур сказал ему, что он и сам был в Камчатке, а японец, поняв Мура, что он видел его в Камчатке, очень тому обрадовался и тотчас сообщил эту новость переводчику.

Мы уже говорили еще прежде им несколько раз, что при нас в Камчатке не было японцев, кроме семерых, спасенных прошлой весной с разбитого их судна, которые находятся в Нижне-Камчатске и которых мы не видали. Почему, когда мы стали переводчику объяснять ошибку работника, он сказал нам в ответ: «Лукавый, лукавый», и ушел, а мы остались с новым горем, возродив в японцах подозрение, что были в Камчатке, когда их люди там находились, но не хотим того им открыть. Нам желательно только было знать, из тех ли японцев был этот человек,

которых увозил Хвостов, или из тех, которые претерпели в Камчатке кораблекрушение и после того ушли.

1 октября дали нам знать, что на другой день поведут нас к бунюсу (то есть к губернатору), что и случилось поутру 2 октября. Вели нас точно таким же порядком, как в Хакодате, с той только разностью, что здесь не работники, а солдаты императорской службы держали концы наших веревок. Дорога к полуденным воротам замка или крепости, в которые нас вводили, лежала между самым валом и оврагом, на краю коего стоял замок, расстоянием от тюрьмы нашей до ворот на четверть версты.

В крепости привели нас на большой двор, усыпанный мелкими камешками, и посадили в длинную бедуку на скамью, всех рядом. Тут мы дожидались около часа. Напоследок отворились ворота на другой двор, куда нас и повели. Подойдя к воротам на третий двор, конвойные наши солдаты сняли с себя сабли, кинжалы и башмаки* и оставили у ворот, а нам велели снять сапоги. Тогда отворили ворота, повели нас по весьма чистым соломенным матам к огромному деревянному зданию и поставили перед большой залой, у которой на двор все ширмы, составляющие по образу японского строения стены, были раздвинуты. Нас троих поставили впереди на возвышенном месте рядом, матросы рядом же стояли за нами ступенькой пониже, а на левой стороне у них посадили Алексея.

Зала была огромной величины; стены в ней состояли из ширм; те, которые стояли к наружной галлерее, были бумажные, а другие деревянные, раззолочены и расписаны японской живописью; на них были изображены ландшафты, разные звери и птицы; но главное украшение залы заключалось в чрезвычайно красивой резьбе дерева разных родов, из коего были сделаны двери, рамы и прочее; пол же весь устлан был прекрасно отработанными матами. По обеим сторонам залы, в длину ее,

* Или, лучше сказать, соломенные подошвы, ибо японцы не носят ни сапогов, ни башмаков, а плетут из соломы или из травы подошвы.

сидели, по японскому обычаю, на коленях чиновники, по пяти человек на каждой стороне. У всех были за поясом кинжалы, а большие сабли лежали подле левого бока только у троих, которые сидели выше. Одеты же они все были в обыкновенных своих халатах.

Подождав с четверть часа, в которое время японцы между собой разговаривали, шутили и смеялись, вдруг из-за ширм услышали мы шорох идущих людей. Тогда один из чиновников произнес: «Ши», и в ту же секунду водворилось глубокое молчание. Сначала вошел японец, просто одетый, у самого входа присев на колени, положил руки ладонями на пол и наклонил голову. За ним вошел бунюс в простом черном халате, у которого на рукавах, так, как и у всех японцев, вышит его герб. За поясом имел он кинжал, а саблю нес за ним один из пяти человек (считая и того, который шел впереди) его свиты, держа ее за конец эфесом вверх и в платке, так что голыми руками до нее не касался.

Бунюс по входе тотчас сел на пол, так же, как сидели и другие, лицом прямо к нам. Все чиновники свиты его сели рядом за ним, шагах в трех от него; несший саблю, положил ее подле бунюса на левой стороне.

Лишь только он уселся, все японцы вдруг изъявили ему свое почтение, положив руки ладонями на пол, наклонились так, что лбом почти касались пола, и пробыли в таком положении несколько секунд, а он им отвечал довольно низким поклоном, при котором положил руки ладонями на свои колени.

Мы сделали ему наш европейский поклон, и он в ответ кивнул нам головой, беспрестанно улыбаясь и стараясь показать хорошее свое к нам расположение. Потом, вынув у себя из-за пазухи лист бумаги и смотря в оный, называл каждого из нас чином и именем, на что мы отвечали ему поклоном, причем и он кланялся.

Вопросы их начались тем же, чем и в Хакодате: спрашивали наши имена, отчества, фамилии, чины, живы ли у нас отцы и матери, как их звали, есть ли братья, сестры, жены,

дети и пр. Только здесь расспрашивали нас с большей подробностью и все наши ответы записывали. Вопросы предлагал всегда сам буннос, а чиновники в присутствии его ничего у нас не спрашивали. Потом сделал он несколько вопросов касательно возвращения Резанова из Японии и о причинах нашего к ним прихода, о чем нас прежде еще в Хакодате спрашивали.

Наконец, после множества разных вопросов спросил он, не имеем ли мы какой-нибудь к нему просьбы.

«Мы не понимаем,—отвечали мы,— что значит этот вопрос, и что губернатор разумеет под ним, ибо он и сам без нашей просьбы может видеть, в чем должна она состоять, когда мы обманом взяты и теперь содержимся в самом жестоком заключении».

На это он отвечал, чтоб мы подали к нему просьбу, где желаем жить: в Мацмае, в столичном их городе Эдо³⁵, или в другой какой-либо части Японии, или хотим возвратиться в Россию.

«У нас два только желания,—отвечали мы:— первое состоит в том, чтоб возвратиться в свое отечество, а если этого невозможно, то желаем умереть; более же мы ни о чем не хотим просить японцев».

Тогда он произнес с великим жаром очень длинную речь, которую все присутствовавшие слушали с знаками глубочайшего внимания, и на лицах их, казалось, было изображено сожаление. Видно было, что они этой речью сильно тронулись. Но когда наш Алексей, приняв ее от переводчика на курильском языке (конечно, уже не в том виде), начал нам переводить, то признался, что ему говорено так много и так хорошо, что он и половины не умеет пересказать в точности.

— Генерал* говорит, — сказал Алексей, — что японцы такие же люди, как и другие, и что у них также есть сердце, как и у других, а потому мы не должны их бояться и тужить; они дело наше рассмотрят,

* Так наш Алексей величал бунноса, ибо в том краю сим названием именуют камчатского областного начальника: должность эту с 1799 по 1812 год отправляли генерал-майоры.

и, если увидят, что мы их не обманываем, и о своевольных поступках Хвостова говорим правду, то нас отпустят в Россию, наделят пшеном, sake и другими съестными припасами, а также одарят разными вещами. Но между тем будут они стараться, чтоб мы ни в чем не имели нужды и были здоровы. Почему и просят нас, чтоб мы не печалились много и берегли себя, а если в чем имеем нужду, как то: в платье или в какой особенной пище, чтобы просили не стыдась.

Мы поблагодарили бунноса за его утешение и обещание оказать нам справедливость. Тогда он ушел, а по выходе его из залы и нам велено было возвратиться в нашу темницу.

Речь губернатора очень много нас успокоила.

На другой день (3 октября) опять повели нас в замок и представили бунносу. О деле спрашивал он нас очень мало, но более любопытствовал знать о разных обычаях и образе жизни европейцев.

Продержав часа два, отпустил он нас отдохнуть. Мы пришли на большой двор и сели в беседке, где японцы, по велению губернатора, потчевали нас чаем с сахаром; но табаку курить не давали, ибо у них не позволено курить на дворе в замке, где имеет свое пребывание губернатор, а потому и конвойные наши уходили для сего по очереди на кухню или в караульные дома.

Между тем пришел к нам переводчик Кумаджеро с одним чиновником и с портным и объявил, что губернатору угодно приказать сшить нам платье по тому образцу, как мы сами хотим, японское или русское. На ответ наш, что у нас платье довольно и мы в нем нужды не имеем, японцы говорили, что губернатор хочет сделать нам подарок, следовательно, и не должно от него отказываться.

Мы сказали, чтобы они нам сшили теплое платье по образцу фризового капота, присланного со шлюпа Хлебникову. Они тотчас повели портного в кладовую, тут же в крепости, где хранилось наше платье, и показали ему капот, а потом пришел он снять с нас мерку. Они не употребляют мерок, а меряют человека вокруг футом, разделенным на десять

частей, и записывают на бумаге; таким образом портной вымерял и нас всех*.

После того приводили нас опять в присутствие буниоса, где он расспрашивал еще несколько часов и отпустил, сделав опять увещание, чтобы мы не предавались отчаянию, но молились богу и ожидали терпеливо конца нашего дела, а притом были уверены, что он употребит все средства исходатайствовать у своего государя позволение возвратиться нам в свое отечество и что на сей конец он велит дать нам бумаги и чернил с тем, чтобы мы все свое дело написали по-русски, а потом переводчик, вместе с нами, напишет оное по-японски. Тогда губернатор, рассмотрев, препроводит его к своему правительству и будет иметь попечение, чтоб оно кончилось в нашу пользу; изложение же нашего дела должны мы представить ему при прощении. Поблагодарив его за такое к нам доброжелательство, мы возвратились опять в мрачное свое жилище, оставаясь попрежнему в большом сомнении, искренно ли японцы нас обнадеживают.

После сего свидания не представляли нас буниосу до 6-го числа; между тем кормили в Мацмае гораздо лучше, нежели в Хакодате. По обыкновению японцев, сарачинская каша и соленая редька служили нам вместо хлеба и соли. Сверх того, давали нам очень хорошую жареную или вареную рыбу, свежую, а иногда соленую, суп из разной зелени или похлебку, наподобие нашей лапши; часто варили для нас уху или соус с рыбою или похлебку из ракушек. Рыбу жарили в маковом масле и приправляли тертой редькой и соей. Самыми же лучшими кушаньями, по мнению японцев, были китовина и си-

* Через несколько дней мы получили обещанные платья. Для нас трюх шито оно было из толстой бумажной материи, похожей несколько на байку, вишневого цвета, которая по-японски называется момпа, на вате и бумажной подкладке, а для матросов из простой бумажной материи на бумажной же подкладке, также на вате, и одного покроя с нашим. Это платье было шито так странно, что не походило ни на шинель, ни на капот, ни на тулуп, ни на сюртук, а кажется, всего тут было по частице. Алексею же дали халат на японский покрой.

вучье мясо. Работникам нашим, так как они бывали в России, приказано было стараться готовить кушанье на наш вкус; почему иногда делали они для нас пирожки из яичной муки с рыбой, довольно вкусные, а иногда варили жидкую кашу — два русских блюда, которые только они и умели стряпать. Кормили нас, по своему обычаю, три раза в день. Для питья давали теплую или горячую чайную воду, а когда водили в замок, то по возвращении давали каждому из нас чашки по две чайных подогретой sake; то же делали, когда погода была холоднее обыкновенной.

Так как мы жили почти на открытом воздухе, а погода стала наступать холодная, то японцы дали и матросам по большому спальному халату, которых у них прежде не было, а потом им по одной медвежьей коже, а нам по две. Узнав, что русские не любят спать на полу, велели сделать для нас по скамейке на каждого для спанья; матросам всем дали одну скамейку, на которой могли бы они сидеть. Такое внимание их к нам не очень согласовалось с жестокостью нашего заключения, и странность эта была тогда для нас непостижимая.

Кроме дежурных чиновников, ежедневно посещавших нас по очереди, был еще определен к нам один непременный, на которого было возложено попечение о нашем продовольствии. Обхождение всех их с нами подало нам повод спросить одного из чиновников, нельзя ли на задней стороне нашего сарая сделать окно, чтоб мы могли что-нибудь видеть, ибо в теперешнем положении сквозь решетки, кроме неба и вершин двух или трех деревьев, мы не видим ничего. Он не отказал нам в сей просьбе; тотчас пошел осмотреть, где бы прорубить окно, спросил о том наше мнение, похвалил выбор и ушел. Мы уже думали, что окно тотчас будет сделано, но не тут-то было. Когда же мы через несколько дней повторили нашу просьбу, чиновник сказал в ответ, что японцы берегут наше здоровье и боятся, дабы мы от холодных северных ветров не простудились, а потому и окна прорубить нельзя. Тем дело и кончилось.

Октября 6-го и потом почти до исхода сего месяца через день и через два водили нас к губернатору и по большей части на весь день, так что и обед работники приносили нам туда.

С половины октября*, когда уже наступили холода, буннос стал принимать нас не в зале, а в судебном месте, в другой части замка, которое было точно так же устроено, как и в Хакодате, и орудия наказания были разложены таким же порядком.

Нельзя дать счета вопросам, которые сделал нам буннос в продолжение этого времени. Спросив о каком-нибудь одном предмете, к нашему делу принадлежащем, предлагал он после того сто посторонних, ничего не значащих и даже смешных вопросов, которые иногда заставляли нас выходить из терпения и отвечать ему дерзко. Несколько раз мы с грубостью принуждены были говорить ему, что лучше было бы для нас, если бы японцы нас убили, но не мучили таким образом. Например, кто бы не вышел из терпения при следующем вопросе. При взятии нас у меня были в кармане десять или двенадцать ключей от моих комодов и от казенных астрономических инструментов. Буннос хотел знать, что в каждом ящике и за каким ключом лежит, а когда я, показав на мою рубашку, сказал, что в одном сундуке такие вещи, то он тотчас спросил: «Сколько их там?» — «Не знаю, — отвечал я с сердцем, — это знает мой слуга». Тогда вдруг последовали вопросы: сколько у меня слуг, как их зовут и сколько им отроду лет. Потеряв терпение, я спросил у японцев, зачем они мучат нас такими пустыми расспросами, к чему им все это знать. Ни вещей моих, ни слуг здесь нет, они увезены в Россию. На это губернатор сказал нам с лаской, чтоб мы не сердились за их любопытство; они не хотят принуждать нас к ответам, но спрашивают, как друзей. Такая вежливость тотчас нас успокаивала, а он, сделав нам вопроса два дельных,

* Первый снег выпал в Мацмае ночью с 14 на 15 октября, но, пролежав несколько дней, опять сошел, а около половины ноября выпал настоящий снег и наступила зима.

снова обращался к пустякам и опять заставлял нас приходиться в сердце. Таким образом каждый день мы ссорились и мирились раза по три и по четыре.

Чтобы сообщить любопытным, что японцы хотели знать и чего нам стоило объяснить им и толковать о разных предметах, обращавших на себя их любопытство, помещаю здесь несколько из их вопросов, которые составляют, я думаю, не более сотой доли всего их числа. При сем надлежит помнить, что мы должны были отвечать посредством полудикого курильца, который о многих вещах, входивших в наши разговоры, не имел ни малейшего понятия, да и слов, их означающих, на его языке не было. Вопросы же свои японцы предлагали, не наблюдая порядка, бросались от одной вещи к другой, не имеющей с первой никакой связи. Вот подлинный образец беспорядка их вопросов:

«Какое платье носит ваш государь?»

«Что он носит на голове?»**

«Какие птицы водятся около Петербурга?»

«Что стоит сшить в России платье, которое теперь на вас?»

«Сколько пушек на государевом дворце?»***

«Из какой шерсти делают сукно в Европе?»****

«Каких животных, птиц и рыб едят русские?»

«Как они пищу готовят?»

«Какое платье носят русские женщины?»

«На какой лошади государь ваш ездит верхом?»

«Кто с ним ездит?»

«Любят ли русские голландцев?»

«Много ли иностранцев в России?»

** Узнав, что Мур умел очень хорошо рисовать, они просили его, чтоб он изобразил на бумаге государеву шляпу.

*** Когда мы им сказали, что европейские государи не укрепляют своих дворцов и не ставят на них пушек, то сначала они не поверили нам, а после немало дивились такой, по мнению их, неосторожности.

**** Сказав им об овцах, надлежало Муру нарисовать барана, а потом козла; наконец, дошло дело до ослов, лошаков, до карет, саней и прочего; одним словом, японцы хотели, чтобы он изображал на бумаге все то, чего нет в Японии и чего они видеть в натуре не могли.

«Чем кто торгует в Петербурге?»
«Сколько сажен в длину, ширину и в высоту имеет государев дворец?» *

«Сколько в нем окон?»

«Какое вы получаете жалование?»

«Давно ли в службе?»

«За что получали чины?»

«Сколько раз в день русские ходят в церковь?»

«Сколько у русских в году праздников?»

«Носят ли русские шелковое платье?»

«Каких лет женщины начинают рожать в России и в какие лета перестают?»

Но ничем столько японцы не причиняли нам досады, как расспросами своими о казармах. Прежде сего я упомянул уже, что в Хакодате они непременно хотели знать, над каким числом людей мы должны, по чинам нашим, начальствовать на сухом пути. Здесь они повторили тот же вопрос и потом спросили, где матросы живут в Петербурге. В казармах, отвечали мы. Тут стали они просить Мура начертить им, сколько он может припомнить, расположение всего Петербурга и означить на нем, в которой части стоят матросские казармы. Хотели они знать длину, ширину и высоту казарм, сколько в них окон, ворот и дверей; во сколько они этажей; в которой части их живут матросы и где хранят они свои вещи; чем матросы занимаются; сколько человек стоит на часах при казармах и пр. Но этого еще мало: от матросских казарм обратились они к солдатским; непременно хотели знать, сколько их всех; в каких частях города находятся и велико ли число войск все они вместить могут.

* На ответ наш, что мы этого не знаем, японцы просили сказать хотя примерно. То же делали они и при всех вопросах, когда мы отговаривались незнанием, и даже упорством своим нередко сердили нас, требуя настоятельно, чтоб мы сказали им примерно то, чего мы совсем не знаем, например: число портов во всей Европе, где строятся корабли, или сколько во всей Европе военных и купеческих судов. Можно было сказать им наугад, но в таком случае надлежало все это помнить, ибо они все ответы наши записывали и спрашивали об одной и той же вещи раза по два и по три, только в разное время и другим порядком.

Мы старались всеми мерами не подать им причин к каким-либо вопросам и всегда отвечали коротко, но это не помогало. Всякое слово наше доставляло им материю предложить несколько вопросов. Например, удивляясь красивому почерку и искусству в рисованье Мура, почитали они его человеком весьма ученым, а потому и спросили, где он воспитывался. Мур не сказал им, что получил воспитание в Морском кадетском корпусе, чтоб тем не подать японцам повода к тысяче вопросов касательно сего заведения, а отвечал, что он воспитан в доме дяди своего. Тут пошли вопросы: кто дядя его, богат ли, где живет, сам ли он учил его и пр., а на ответ, что он нанимал для него учителя, тотчас спросили имя учителя, где он сам учился и пр. Когда же меня спросили, где я воспитывался, чтоб избежать несносной скуки, я отвечал, что меня учил мой отец. Я думал, что тут и конец вопросам, но ошибся: надлежало еще им сказать, в каком месте это было, давно ли, большое ли состояние имел мой отец, какие науки он знал и пр.

Между прочим показывали они нам все отобранные у нас вещи и спрашивали о каждой порознь, как они называются, к чему и каким образом употребляют их, из чего и где сделаны, чего стоят и пр. Все наши ответы они записывали, а к вещам привязывали ярлыки, также с надписями. Однажды в присутствии буниоса вдруг принесли один из оставшихся после меня на шлюпе ящиков с английскими и французскими книгами, о котором мы и не знали, что он прислан. Японцы, вынужденные из него все книги, стали нам их показывать и расспрашивать, о чем в них писано. Объяснения наши на каждую книгу записывали и приклеивали к ней.

Но между чрезвычайным множеством к одному любопытству принадлежащих вопросов или других и совсем ни к чему не служащих японцы хотели выведать от нас о войсках сухопутных и морских, о крепостях, о богатстве и силе империи нашей и пр.

Что касается до предметов, собственно к нашему делу принадлежа-

щих, то здесь буниос повторил по нескольку раз все те вопросы, на которые мы уже дали ответы в Хакодаде; но предлагал их в разные дни и не более как по одному и по два в день, между безделицами, так точно, как бы они для японцев не имели никакой важности. Но, спросив о чем либо, до дела касающемся, старался он всеми мерами получить подробный и ясный ответ. При сих вопросах открылось нам весьма неприятное обстоятельство, очень много нас огорчившее: мы узнали, что определенные к нам два работника были те самые, которых Хвостов увез с острова Сахалина и, продержав зиму в Камчатке, опять возвратил в Японию; но с какой целью все это он делал, мы не знали. Работники эти по очереди ходили с нами в замок и всегда находились при наших свиданиях с буниосом. Однажды, расспрашивая нас о Хвостове, спросил он что-то у бывшего тут работника, который в ответе своем (что мы очень хорошо поняли) говорил и показывал, что Хвостов носил мундир с такими же нашивками, какие у меня и у Мура, чему японцы, поглядывая на нас, много смеялись.

Буниос, расспросив нас обо всем, сказал, что теперь он нас долго не позовет к себе и даст нам время описать подробно все наше дело.

Теперь упомяну я о некоторых снисхождении, которые японцы оказали нам в течение октября. Я сказал уже выше о теплом платье и о медвежинах, которые японцы нам дали, а как погода становилась день ото дня холоднее и мы жили, можно сказать, почти на открытом воздухе, то японцы наружную решетку между столбами оклеили бумагой, оставив сверху окна, которые открывались веревкой и закрывались, как корабельные порты. Окна сии, однакож, сделали они по усиленной нашей просьбе, ибо посредством их по крайней мере иногда могли мы видеть небо и вершины дерев. В нашем положении и то нас утешало, что хотя изредка могли мы, подобно людям, на свободе живущим, смотреть на небо. Потом перед каждой клеткой, шагах в полутора или двух, вырыли они большие ямы и на всех

сторонах их положили толстые плиты, а внутрь вместо вынутой земли насыпали песку. Таким образом устроив очаги, стали они держать на них с утра до вечера огонь, употребляя для того дровяной уголь. У огня мы могли греться, сидя в своих клетках на полу, подле решеток.

Через несколько дней после того дали нам японцы курительный табак и трубки на весьма длинных чубуках, на середине коих насадили они деревянные круги такой величины, чтобы не проходили они сквозь решетку между столбами. Это сделано было в предосторожность, чтоб мы не могли взять к себе в тюрьму трубок с огнем. Такая странная недоверчивость была нам крайне неприятна, и мы не скрывали этого от японцев, упрекая их за варварское их мнение о европейских. Но они смеялись и ссылались на свои законы, говоря, что они повелевают не давать ничего такого пленным, чем бы могли они причинить вред себе или другим, и что табак позволяют нам курить по особенному снисхождению губернатора.

Японцы говорили нам, что, по их обыкновению, ничего нельзя делать вдруг, а все делается понемногу, почему и наше состояние улучшают они постепенно: да и в самом деле, мы испытали, что японцы двух одолжений в один день никогда не сделают.

В последней половине октября приступили мы к описанию нашего дела. Для того были нам даны бумага и чернила. Кумаджеро хотел, чтоб мы сперва написали на собственных листах сами за себя и за матросов наших, так сказать, послужные наши списки, то есть где и когда мы родились, имя отца, матери, сколько лет в службе и пр., и пр. Мы удовлетворили его требованию; но когда это было кончено, он хотел, чтоб мы на тех же листах продолжали писать всякий вздор, о котором они нас спрашивали. Таких пустых вещей мы писать не хотели, сказав, что нашего века не достанет описать все безделицы, о которых японцы нас расспрашивали.

Японцы сначала сердились и увещевали нас, чтоб мы не отговаривались делать то, что может послужить нам в пользу. Однакож мы поставили на своем, и они согласились,

чтобы мы не писали ничего, к нашему делу не принадлежащего. Дело же наше должно быть описано с отбытия нашего из Петербурга: зачем пошли, где плавали и зимовали, как увиделись с японцами и пр. Притом они сказали нам, что все прочее может быть описано коротко, но о сношениях наших с японцами надлежит писать как можно подробнее и вразумительнее, не выпуская самонаименованного происшествия, а притом в описании нашем нужно упомянуть о Резанове и Хвостове все то, что мы словесно сообщили японцам.

Мы на это согласились и условились с Кумаджеро таким образом, что в небытность его у нас в тюрьме мы станем писать, а когда он придет, то, взяв Алексея в нашу клетку, будем переводить написанное на японский язык, а он нас просил копию для перевода писать так, чтобы между каждыми двумя строками можно было поместить еще две и более.

Условясь таким образом, принялись мы за дело. Нам хотелось сперва писать начерно, чтобы иметь у себя копию; но, опасаясь, чтобы караульные наши этого не заметили и после не отобрали у нас наших бумаг, мы делали это весьма скрытно и с величайшим трудом. Хлебников садился обыкновенно подле решетки в большом своем халате, спиною к японцам, ставил подле себя в маленькой деревянной ложечке* чернила и писал соломинкой**, а я ходил взад и вперед и давал ему знать, когда кто из караульных принимал такое положение, что мог приметить его занятия. Бумаги, которую приносил нам Кумаджеро, мы не смели употреблять, опасаясь, не ведет ли он ей счет, но писали на мерзкой бумаге, которую получали для сморкания носа, а Мур переписывал набело наши сочинения, которые мы диктовали ему под видом обыкновенного разговора.

* Японцы не употребляют ни ложек, ни вилок, а едят двумя тоненькими палочками; жидкое же кушанье прихлебывают из чашки, как мы чай; почему в дороге еще курильцы сделали для нас маленькие деревянные ложечки, из коих одна теперь пригодилась нам на чернильницу.

** У них перья не в употреблении, а пишут они кистями, которыми так скрытно нельзя было Хлебникову владеть; поэтому принуждены мы были прибегнуть к соломинкам, попавшимся на полу.

Но это было еще ничто в сравнении с трудностью, которую встретили мы при переводе с такими толмачами, каковы были Алексей и Кумаджеро. Правда, что мы старались написать свою бумагу, употребив в оной сколько возможно более слов и оборотов, к которым Алексей привык; так, например: вместо очень или весьма, ставили *шибко*; неприятельские действия начинали словом *драться*; вместо *приходил с дружескими намерениями*, писали: *с добрым умом*, и пр., так что наше сочинение могло бы очень позабавить читателя своим слогом. Но со всем тем мы не в силах были, да и способов не имели выразить мысли наши совершенно понятным для Алексея образом, а иногда встречались такие места, которые он весьма хорошо понимал, но не находил на курильском языке приличных слов или выражений, чтоб сообщить японскому переводчику.

Кумаджеро приступил к делу следующим образом. Сначала спрашивал у нас настоящий русский выговор каждого слова и записывал его японскими буквами над тем словом. Записав таким образом произношение слов целого листа, начинал он спрашивать, что каждое из них значит само по себе независимо от других, и также записывал над словами японские значения.

Вот тут мы довольно помучились: он был человек лет в пятьдесят, от природы крайне туп и не имел ни малейшего понятия о европейских языках и, я думаю, ни о какой грамматике в свете. Когда мы ему толковали какое-нибудь слово посредством Алексея, и знаками, и примерами, он, слушая, беспрестанно говорил: «О! о! о!», что у японцев значит то же, как у нас: да, так, понимаю. Таким образом толковали ему об одном слове полчаса и более и оканчивали, воображая, что он хорошо понял. Но лишь мы переставали говорить, он нас в ту же минуту опять о том же спрашивал, признаваясь, что совсем нас понять не мог, и тем досаждал нам до крайности. Мы сердились и бранили его, а он смеялся и извинялся тем, что он стар, а русский язык слишком мудрен. Одно слово «императорской» занимало его более двух дней, пока понял он, что оно значит.

Часа по два сряду мы объясняли ему это слово, приводя всевозможные примеры. Алексей знал его значение очень хорошо и также толковал ему, а он слушал, улыбаясь, приговаривал: «О! о! о!» (так), но едва успевали мы кончить, как вдруг говорил он: «Император понимаю, «ской» не понимаю», то есть что такое император, я понимаю, но не понимаю, что значит «ской».

Более всего затрудняли тупую его голову предлоги; он вообразить себе не мог, чтобы их можно было ставить прежде имен, к которым они относятся, потому что по свойству японского языка должны они за ними следовать, и для того крайне удивлялся, да и почти не верил, чтобы на таком, по его мнению, варварском и недостаточном языке можно было что-нибудь изъяснить порядочно.

Написав же значение слов, начал составлять смысл, разделяя речь на периоды. Тут представлялась новая беда и затруднения: ему непременно хотелось, чтобы русские слова следовали одно за другим, точно тем же порядком, как идут они в японском переводе, и он требовал, чтобы мы их переставили, не понимая того, что тогда вышел бы из них невразумительный вздор. Мы уверяли его, что этого сделать невозможно, а он утверждал, что перевод его покажется неверным и подозрительным, когда в нем то слово будет стоять в конце, которое у нас стоит в начале, и тому подобное.

Наконец, по долгом рассуждении и спорах, мы стали его просить, чтобы он постарался привести себе на память как можно более курильских и японских речений, одно и то же в обоих сих языках. «Я знаю, что не так, — отвечал он, — но язык курильский есть язык почти дикого народа, у которого нет и грамоты, а на русском языке пишут книги».

Замечанию этому мы немало смеялись, да и он сам смеялся, не менее нас. Напоследок мы уверили его честным словом, что в некоторых европейских языках есть множество сходных слов, но писать на них так, чтобы слова следовали одно за другим тем же порядком, невозможно, а с русским и японским языками уже и вовсе нельзя этого сделать. Тогда он

успокоился и начал переводить как должно; поняв смысл нашего периода, прибрал японские выражения, то же означающие, не заботясь уже о порядке слов. Но когда случилось, что смысл был сходен и слова следовали одно после другого тем же порядком или близко к тому, он чрезвычайно был доволен.

По окончании перевода нашего дела (что последовало не прежде половины ноября) написали мы к губернатору прошение. Над переводом прошения трудились и хлопотали мы также немало. Наконец, после множества вопросов, пояснений, замечаний, прибавлений и пр., которые мы делали по требованию чиновников, рассматривавших японский перевод, дело было кончено, и нам сказано, что нас скоро представят бунносу и что он будет спрашивать нас лично обо всем написанном, чтоб проверить точность перевода.

Между тем, пока мы занимались сочинением своей бумаги, Алексею позволено было и без Кумаджера быть у нас. Но так как мы не доверяли его искренности к нам, то в нужных случаях говорили между собою отборными словами, которых, мы уверены были, он не разумел, а нередко вмешивали и иностранные слова. Алексей очень скоро заметил это и своим языком сказал нам с большим огорчением, сколь прискорбно ему видеть нашу к нему недоверчивость и что мы, подозревая его, скрываем от него наши мысли, как будто бы он был не такой же русский, как и мы, и не тому же государю служил. При сем он сказал, что по взятии курильцев на острове Итуруп японцы разделили их на две партии: одну оставили на Итуруп, а другую, в которой находился Алексей со своим отцом, отправили на Кунасири. Ложное показание, будто русские их послали, выдуманно первой из сих партий, но та, где он был, долго отвергала этот обман, пока японцы, застрашав их пыткой и наказанием, если они станут запирается, а в противном случае обещая освобождение и награду, не принудили их подтвердить выдуманную ложь. Теперь же Алексей сказал нам, что он решился признаться японцам в сделанном курильцами обмане, готов перенести пытку и принять

смерть, но в правде стоять будет и тем докажет, что он не хуже всякого русского знает бога. Десять или двадцать лет жить ему на земле ничего не значит, а хуже будет, если душа его не будет принята в небо и осудится на вечное мученье, почему и просил он нас поместить это обстоятельство точно так, как он его нам сказывал, в нашу бумагу.

Мысли свои сообщил он нам с такой твердостью и чувством и с таким необыкновенным для того в нем красноречием, что не оставалось ни малейшего сомнения, чтоб он притворствовал и говорил не от чистого сердца. Мы хвалили его за такое доброе и честное намерение и уверяли, что в России за сказанную им ложь он никогда наказан не будет, ибо был доведен до того своими товарищами, но сомневаемся, поверят ли ему японцы.

«Нужды нет, — отвечал он решительно и твердо, — пусть они верят или нет, мне все равно, лишь бы я был прав перед богом; я буду говорить правду, вот и только; пускай меня убьют, но за правду умереть не стыдно». Тут показались у него на глазах слезы; нас это столько тронуло, что мы стали помышлять, каким бы образом, не обвиняя бедного Алексея, открыть японцам тот обман, но не находили никакого способа.

Между тем он сам, при первом случае, объявил переводчику Кумаджеро, что товарищи его обманули японцев, сказав им, будто они были присланы русскими: напротив того, они сами приехали торговать. Кумаджеро крайне удивился этому объявлению и называл его дураком и сумасшедшим, но Алексей спорил с ним, уверяя его, что он не дурак и не сумасшедший, а говорит настоящую правду, за которую готов умереть.

Мы не знаем, сообщил ли Кумаджеро тогда же объявление Алексея высшим своим чиновникам. Но когда нас стали опять водить в замок к губернатору, где он иногда сам, а иногда старшие по нем чиновники, читая японский перевод нашей бумаги, поверяли его и дошли до того места, где упоминается о сделанном курильцами обмане, тогда Алексей стал опровергать прежнее свое показание

с такой же твердостью и присутствием духа, как и нам говорил. Все бывшие тут японцы, как и караульные наши в тюрьме, удивлялись тому, что он сам себя губит; называли его бессмысленным дураком, вероятно полагая, что он действует по нашему наущению, вопреки истинному делу.

Объявление его и твердость, с какой он настаивал в справедливости дела, заставили японцев призывать его одного несколько раз. В таком случае мы жестоко испугались, чтоб они не принудили его признать ложным последнее свое показание и обратиться к прежнему. При возвращении его из замка мы старались тщательно замечать все черты его лица, чтобы видеть, в каком расположении духа он находится, а так как ныне позволено нам было иногда выходить из клеток, греться у огня и прохаживаться по коридорам, то мы научали потихоньку матросов, чтоб они выведывали у Алексея, о чем его спрашивали и что он отвечал, и если он сообщит им что-нибудь для нас благоприятное, возвестить нас о том, кашлянув несколько раз, а в противном случае молчать.

К удовольствию нашему, всякий вечер они поднимали такой кашель, как будто между ними было поветрие.

Японцы, отобрав у Алексея все, что им было нужно, привели нас к губернатору. Первый вопрос его был, действительно ли правда, что русские не посылали курильцев к их берегам, а потом спросил, когда Алексей признался нам, что они обманули японцев. Алексей не робел и, смело подтверждая свое объявление, требовал очной ставки с его товарищами, о которых японцы никогда достоверно нам не сказывали, отпустили ли они их с Итурупа по отбытии «Дяны» или задержали.

Мы возвратились домой в большой горести, полагая, что японцы непременно считают объявление Алексея выдумкой и обманом, которые, натурально, должны они приписывать нашему изобретению, что, конечно, послужит несравненно к большему еще против нас предубеждению. «Теперь уже, — говорили мы, — японцы имеют полное право поступить с нами, как с шпионами и

обманщиками, хотя, впрочем, сколь мы ни правы, но невинность наша известна только одному богу и нам».

Мысль о вечном заключении и о том, что мы уже никогда не увидим своего отечества, приводила нас в стчаяние, и я в тысячу крат предпочитал смерть тогдашнему нашему состоянию. Японцы, приметив наше уныние, несколько улучшили наш стол и, под видом попечения о нашем здоровье, дали нам по другому спальному халату на вате, а наконец, 19 ноября, повели нас всех в замок.

Долго очень ждали мы в передней, пока не ввели нас в присутственное место, где находились почти все городские чиновники; напоследок вышел и буннос. Заняв свое место, спросил он нас, здоровы ли мы*, а потом спрашивал, действительно ли все то правда, что написали мы о своевольстве Хвостова и о том, что приходили к их берегам без всяких неприязненных видов. Когда мы это подтвердили, он произнес довольно длинную речь, которую Алексей не в силах был перевести как должно, но, по обыкновению своему, пересказал нам главное ее содержание. Вот в чем она состояла.

Прежде сего японцы думали, что мы хотели грабить и жечь их селения. К такому заключению дали повод поступки Хвостова и другие обстоятельства, нам уже известные. Почему они, заманив нас к себе в крепость, силою задержали, с намерением узнать причину неприязненных поступков россиян. Теперь же, услышав от нас, что нападения на них были учинены торговыми судами, не только без воли государя и правительства российского, но даже без согласия хозяев тех судов, он, то есть губернатор, всему этому верит и почитает нас невинными, почему и решился тотчас снять с нас веревки и улучшить наше состояние, сколько он в праве сделать. Но мы должны знать, что мацмайский буннос не есть глава государства и что Япония имеет государя и высшее правитель-

* Надобно сказать, что он и прежде почти всякий раз, при свидании с нами, приветствовал нас вопросом о состоянии нашего здоровья, а иногда еще сверх того спрашивал, всем ли мы довольны, каково нас содержат и не делают ли нам каких обид.

ство, от которых, в важных случаях, он должен ожидать повелений, почему и теперь без их воли освободить нас не смеет. Впрочем, уверяет он нас, что с его стороны будут употреблены все способы, чтобы преклонить их правительство в нашу пользу и убедить оное к позволению нам возвратиться в свое отечество, и что на сей конец посылает он в столичный город Эдо нарочно с нашим делом одного из первых мацмайских чиновников.

Когда Алексей кончил свое изъяснение и японцы уверились, что мы его поняли, тогда тотчас велели караульным снять с нас веревки и стали поздравлять нас, как по наружности казалось, с непритворной радостью. Мы благодарили губернатора и чиновников за участие, принимаемое ими в нашей судьбе. После сего он откланялся и вышел; тогда и нас вывели из присутственного места.

Возвратясь в свою темницу, нашли мы ее, к крайнему нашему удивлению, совершенно в другом виде. Передние решетки у наших клеток были вынуты до основания и клетки соединены с передним коридором, во всю длину коего успели они настлатъ пол из досок и покрыть его весьма чистыми, новыми матами, так что он представлял длинную, довольно опрятную залу, по которой мы могли прохаживаться все вместе. На очагах кругом сделали обрубы, где поставили для каждого из нас по чайной чашке, а на огне стоял медный чайник с чаем**; сверх того, для каждого было приготовлено по курительной трубке и по кошельку с табаком; вместо рыбьего жира горели свечи. Мы крайне удивились такой нечаянной и скорой перемене.

Ужин подали нам не просто в чашках, как прежде, но, по японскому обыкновению, на подносах. Кушанье же было для всех одинаково, только несравненно лучше прежнего, и sake не

** У японцев огонь с очага ни летом, ни зимою не сходит от утра до вечера. Они беспрестанно сидят около него и курят табак как мужчины, так и женщины, а на очаге всегда стоит чайник с чаем, ибо чай есть обыкновенное их питье для утоления жажды. Когда нет чаю, они пьют теплую воду, холодной же воду никак пить не могут. Они даже вино подогретое предпочитают холодному.

разносили чашечками по порциям, как то прежде бывало, но поставили перед нами, как у нас ставится вино.

Эта ночь была еще первая во все время нашего плена, в которую мы спали довольно покойно.

На другой и на третий день мы также были очень покойны и веселы, считая возвращение свое в Россию не только возможным или вероятным, но почти верным. Однакож радость наша не была продолжительна. Новые происшествия опять вселили в нас подозрение в искренности японцев.

Во-первых, содержание наше столом они тотчас свели на прежнее, так что, кроме посуды, ни в чем не было никакой разности, и свечей нам давать не стали, а употребляли рыбий жир. Важнее же всего было то, что снятые с нас веревки караульные наши принесли и опять повесили в том же месте, где они прежде обыкновенно висели.

Второе: еще до последней перемены мы слышали, что кунасирский начальник, обманувший нас, помощник его и чиновник, давший нам письмо на Итурупе, приехали в Мацмай. Но ныне буниос решился призвать к себе Алексея в их присутствии и спрашивать его опять, каким образом курильцы обманули японцев, сказав, будто они посланы русскими, и точно ли это правда. Причина же сему была та, что они объявили это сперва кунасирским чиновникам. Из сего следовало, что дело наше буниос не полагал совершенно законченным. Алексей же, возвратясь из замка, рассказывал, что губернатор стращал его смертной казнию за перемену прежнего наказания. Но Алексей был тверд, сказал, что смерти не боится и готов умереть за правду, почему губернатор, обратив угрозы свои в шутку, советовал ему быть спокойным и не думать о том, что он говорил. С тем и отпустил Алексея, сказав, что через несколько времени призовет его опять.

Третье: Кумаджеро привел к нам молодого человека, лет двадцати пяти, по имени Мураками-Теске, и сказал, что буниосу угодно, чтоб мы учили его по-русски, для того, чтоб они вместе могли поверить перевод нашего дела, которого теперь япон-

ское правительство не может признать действительным, потому что переводил один переводчик, а не два.

Полагая наверное, что тут непременно кроется обман, сказали прямо переводчику с досадою: «Мы видим, что японцы нас обманывают и отпустить не намерены, но хотят только сделать из нас учителей; если б мы уверены были, что японцы намерены точно возвратить нас в Россию, то день и ночь до самого времени отъезда стали бы их учить всему, что мы сами знаем, но теперь, видя обман, не хотим». Кумаджеро смеялся и уверял нас, что тут нет ни малейшего обмана и что мы так мыслим по незнанию японских законов. Наконец, Мур, Хлебников и я сделали между собою совет, как нам поступить: учить нового переводчика или нет, и по некотором рассуждении согласились учить понемногу до весны.

Сие происшествие повергло нас вновь в мучительную неизвестность. Между тем Алексея опять водили к буниосу и по возвращении его, на вопросы наши, о чем его спрашивали, он отвечал сухо: «О том же, о чем и прежде», так что мы боялись, не отперся ли он от последнего своего объявления и не сказал ли, что мы его научили говорить это.

Новый переводчик Теске, получив наше согласие на обучение его русскому языку, не замедлил явиться к нам с ящиком, наполненным разными бумагами, в которых находились прежние словари, составленные японцами, бывшими в России, и тетради, заключающие в себе сведения, которые они сообщили своему правительству о России и обо всем виденном ими вне своего государства. Вместе с Теске стали к нам ходить также лекарь Того и Кумаджеро.

Теске в первый день, так сказать, своего урока, показал нам необыкновенные свои способности: он имел столь обширную память и такое чрезвычайное понятие и способности выговаривать русские слова, что мы должны были сомневаться, не знает ли он русский язык и не притворяется ли с намерением. По крайней мере, думали мы, должен быть ему известен какой-нибудь европейский язык. Он прежде еще выучил наизусть много наших слов от Кумад-

жеро, только произносил их не так. Причиною сему был дурной выговор учителя. Но он в первый же раз приметил, что Кумаджеро не так произносит, как мы, и тотчас попал на наш выговор, что заставило его с самого начала поверить собранный Кумаджеро словарь, в котором над каждым словом ставил он свои отметки для означения нашего выговора.

Ученики наши ходили к нам почти всякий день и были у нас с утра до вечера, уходя только на короткое время обедать, а в дурную погоду и обед их приносили к ним в нашу тюрьму*. Теске весьма скоро выучился читать по-русски и начал тотчас записывать слова, от нас слышанные, в свой словарь, русскими буквами по алфавиту, чего Кумаджеро никогда в голову не приходило. Теске выучивал в один день то, чего Кумаджеро в две недели не мог узнать.

Теперь уже и нам позволено было иметь чернильницу и бумагу в своем распоряжении и писать что хотим, почему и стали мы собирать японские слова. Но замечания наши записывать мы опасались, подозревая, что японцы вздумают со временем отобрать наши бумаги.

Через несколько дней знакомства нашего с Теске привел он к нам своего брата, мальчика лет четырнадцати, и сказал: «Губернатору угодно, чтобы вы его учили по-русски». — «Мало ли что угодно вашему губернатору, — отвечали мы с досадой, — но не все то расположены мы делать, что ему угодно; мы вам сказали прежде уже, что лучше лишимся жизни, нежели останемся в Японии в каком бы то ни было состоя-

* Японцы между местом нашего заключения и настоящею тюрьмой делали различие: первое они называли *оксио*, а последнюю *ро*; разность же, по словам их, состояла в том, что в тюрьме нет огня, не дают ни чаю, ни табаку, ни sake (которую ныне стали нам давать через четыре или пять дней по две чайные чашки), а также и кормят гораздо хуже и даже кашу дают порциями, впрочем образ строения и строгость караула одинаковы. Мы сначала думали, что *оксио* значит место для содержания пленных; но после узнали, что в известных случаях они и своих людей в таких местах содержат. И так по всему можно назвать это место тюрьмою высшей степени.

нии, а учителями быть очень не хотим; теперь же видим довольно ясно, к чему клонятся все ваши ласки и уверения. Одного переводчика, по словам вашим, было недостаточно для перевода нашего дела, нужен был другой: этого закон ваш требовал, как вы нас уверяли; мы согласились учить другого, а спустя несколько дней является мальчик, чтобы и его учить; таким образом в короткое время наберется целая школа; но этому никогда не бывать; вы можете нас убить, но учить мы не хотим».

Ответ наш чрезвычайно раздражил Теске. Быв вспыльчивого нрава, он вмиг разгорячился, заговорил, против японского обычая, очень громко и с угрозами, страшая нас, что мы принуждены будем учить против нашей воли, и что мы должны все то делать, что нам велют, а мы также с гневом опровергали его мнение и уверяли, что никто в свете над нами не имеет власти, кроме русского государя: умертвить нас легко, но принудить к чему-либо против нашей воли невозможно.

Таким образом мы побранились не на шутку и принудили его оставить нас с досадой и почти в бешенстве. Мы опасались, не произведет ли ссора сия каких-нибудь неприятных для нас последствий, однакож ничего не случилось. На другой день Теске явился к нам с веселым видом, извинялся в том, что он накануне слишком разгорячился и оскорбил нас своей неосторожностью, чему причиной поставлял он от природы свойственный ему вспыльчивый характер, и просил, чтобы, позабыв все прошедшее, мы были с ним опять друзьями. Мы, с своей стороны, также сделали ему учтивое извинение, тем и помирились.

Он и в этот раз привел к нам своего брата, но не с тем, чтоб брать у нас урок, а как гостя. Однакож после, дня через два, опять напоминал, что губернатор желает сделать из него русского переводчика и хорошо было бы, если б мы стали его учить. Он говорил это под видом шутки, и мы отвечали ему шутя, что если японцы помирятся с Россией и будут нам друзьями, то брата его и несколько еще мальчиков мы можем

взять в Россию, где они научатся не только русскому языку, но и многому другому для них полезному, а если они не хотят с нами жить в дружбе, то и мы учить его не хотим, да и ему зачем ломать голову попустому? После того он уже никогда не напомнил нам об учении его брата.

Между тем сказано нам было, что отправляемый с нашим делом в столицу чиновник собирается в дорогу и что с ним буниос посылает на показ к императору своему по одной из каждого сорта наших вещей и в том числе хочет послать несколько книг. Но как он намерен позволить нам от скуки читать наши книги, то и велел нам отобрать, которые желаем мы оставить у себя, для чего переводчики принесли к нам и ящик наш с книгами. Выбрав несколько книг, мы их отложили в сторону, в надежде, что японцы хотят оставить их у нас. Но не так случилось: они только их разделили и положили на них свои знаки, а с каким действительно намерением, мы не знали. Затем унесли ящик назад, не оставив у нас ни одной книги.

При разборе книг случилось одно происшествие, которое привело нас в большое замешательство и причинило нам большое беспокойство. Кумаджеро, перевертывая листы в одной из них, нашел между ними красный листок бумажки, на котором было напечатано что-то по-японски; такие билетцы они привязывают к своим товарам, и я вспомнил, что принес его ко мне на показ в Камчатке один из наших офицеров, и после он остался у меня в книге вместо закладки*.

Кумаджеро, прочитав листок, спросил, какой он, откуда и как попал в мою книгу. На вопросы его я сказал: «Думаю, что листок этот китайский; получил же я его, не помню каким образом, в Камчатке и употреблял в книге вместо закладки». — «Да, так, китайский», сказал он и тотчас его спрятал. Теперь мы стали опасаться, чтоб не вышло нового следствия и японцы не сочли нас участниками в нападениях Хвостова.

«Боже мой! — думал я. — Воз-

можно ли быть такому стечению обстоятельств, что даже самые ничего не значащие бездельцы, в других случаях не заслуживающие никакого внимания, теперь клонятся к тому, чтобы запутать нас более и более, и притом в глазах такого осторожного, боязливого и недoverчивого народа, который всякую малость взвешивает и берет на замечание. Надобно же было так случиться, чтобы я читал тогда книгу, когда листок этот ко мне был принесен, чтоб понадобилась мне в то время закладка и, наконец, чтобы книга находилась в том из семи или восьми ящиков, который товарышам нашим рассудилось послать к нам». Мы часто говорили между собою, что и писатель романов едва мог бы прибрать и соединить столько приключений, несчастных для своих лиц, сколько в самом деле над нами совершается; почему иногда шутили над Муром, который был моложе нас, а притом человек видный, статный и красивый собою, советуя ему постараться вскружить голову какой-нибудь знатной японке, чтоб посредством ее помощи уйти нам из Японии и ее склонить бежать с собою. Тогда наши приключения были бы совершенно уже романтические; теперь же недостает только женских ролей.

Перед отправлением назначенного ехать в столицу чиновника приводили нас к буниосу. Он желал, чтобы мы показали сему чиновнику, каким образом европейцы носят свои шляпы и шляпы, и велел их принести. Любопытство их и желание знать всякую бездельцу простиралось до того, что они спрашивали нас, что значит, если офицер наденет шляпу вдоль, все ли их носят поперек, и всегда ли углом вперед или иногда назад. Они удивлялись и, казалось, не верили нам, когда мы им сказали, что в строю, для виду и порядка, офицеры носят шляпы таким образом, в прочем — кто как хочет, а в чинах и в достоинстве это не показывает никакой разности. После сего дошло дело до матросов, каким образом они носят свои шляпы.

Наконец, после всего, губернатор сказал, что живущим в столице любопытно будет видеть рост таких высоких людей, как русские, и что ему

* Это был ярлык с японских вещей, которые взяты Хвостовым на Итурупе и привезены в Камчатку.

желательно было бы снять с нас мерку*, почему нас всех тогда же с величайшей точностью смерили и рост наш записали.

Но этого было еще мало для любопытства японцев: они хотели послать в столицу наши портреты и поручили снять их Теске, о коем до сего времени мы и не знали, что он живописец. Теске нарисовал наши портреты тушью, но таким образом, что каждый из них годился для всех нас: кроме длинных наших бород, не было тут ничего похожего ни на одного из нас. Однакож японцы отправили сии рисунки в столицу, и, верно, их там приняли и поставили в картинную галерею, как портреты бывших в плену у них русских.

Дня за два до своего отъезда чиновник, отправлявшийся в столицу, приходил к нам, сказав, что пришел с нами проститься и посмотреть, каково мы живем, чтобы он мог о содержании нашем дать отчет своему правительству; притом уверял он нас, что постарается всеми мерами доставить нашему делу самое счастливое окончание, и, пожелав нам здоровья, оставил нас. Из Мацмая же поехал он в исходе декабря, взяв с собою бывшего кунасирского начальника, помощника его, чиновника, давшего нам письмо на Итурупе, переводчиков курильского языка, употребленных при наших с ними переговорах, и несколько из здешних чиновников.

По отъезде их мы думали иметь покой, но ожидание наше было тщетно: чем более Теске успевал в нашем языке, тем более нам было трудов; впрочем, он нам казался человеком добрым, откровенным; многое мы от него узнали, чего Кумаджеро никогда бы нам не сказал, да и ему иногда препятствовал рассказывать о некоторых вещах.

Вообще казалось, что Теске был расположен к нам лучше всех японцев; он редко приходил без какого-нибудь гостинца, да и губернатор стал к нам еще снисходительнее. Причиной сему также был Теске. Теперь

мы узнали, что он отправлял у него должность секретаря и был в большой доверенности, которую употребил в нашу пользу и внушил ему самое выгодное о нас мнение, несмотря на то, что мы с ним частенько ссорились. Причиною наших ссор было не другое что, как несносное его любопытство, которым он докучал нам ужасным образом.

Японцы как будто нарочно хотели занимать нас беспрестанно переводами, чтоб иметь случай учиться русскому языку, но более, кажется, происходило это от любопытства и недоверчивости. Например, показывали они нам копию с грамоты, привезенной Резановым от нашего государя к японскому. Содержание ее, конечно, должно быть им известно от слова до слова; но они хотели, чтоб мы ее перевели для них. При сем случае мы спрашивали у них о настоящем титуле их императора, но они отвечали только, что он весьма длинен и помнить его трудно, и никогда нам не сказывали. Равным образом таили они от нас и имя государя: хотя прямо и не отговаривались сказать оное, но все они на наши вопросы порознь сказывали разные имена; это уже и значило, что подлинное его имя они скрывали. Мы только узнали, что, по японскому закону, никто из подданных не может носить того имени**, которое имеет царствующий государь, почему при вступлении на престол наследника все те, которые имеют одно с ним имя, переменяют оное.

Кроме русских бумаг, с которых японцы желали иметь переводы, Теске и Кумаджеро приносили к нам множество разных вещей и несколько японских переводов с европейских книг, на которые хотелось им получить от нас изъяснение или знать наше мнение, а более, я думаю, желали они поверить точность переводов, чему причиною была обыкновенная их подозрительность. Между прочими вещами показывали они нам китайской работы картину, представ-

* Мы трое в Европе считались бы среднего роста, но между японцами были великанами; матросы же наши и в гвардии его императорского величества были бы из первых. Итак, какими исполинами они должны были казаться японцам!

** У японцев есть фамильные имена и собственные; только фамильное имя они ставят прежде, а собственное после; например: Вехара есть фамилия, а Кумаджеро собственное имя; говорят же и пишут Вехара Кумаджеро.

ляющую вид Кантона, где над факториями разных европейских народов изображены были их флаги. Японцы спрашивали нас, почему нет тут русского флага, а, узнав причину, хотели знать, каким же образом намерены мы были идти в такое место, где нет наших купцов. Они крайле удивились и почти не верили, когда мы им сказали, что в подобных случаях европейцы друг другу все помогают, к какому бы государству они ни принадлежали.

Еще Теске показал нам чертеж чугунной восемнадцатифунтовой пушки, вылитой в Голландии. Честолюбие заставило его похвастать и сказать нам, что пушку эту за двести лет перед сим, в последней их войне с корейцами³⁶, японцы взяли у сего народа в числе многих других после великой победы, одержанной над их войсками. Но мы видели по латинской надписи на пушке, что и сталей не прошло, как она вылита для голландской Ост-индской компании; однакож не хотели его пристыдить, а притворились, что верим и удивляемся беспримерному их мужеству.

Но более всего удивили нас нарисованные теми японцами, которых Резанов привез из Петербурга, планы сего их плавания; на них были изображены Дания, Англия, Канарские острова, Бразилия, мыс Горн, Маркизские острова, Камчатка и Япония, — словом, все те моря, которыми они плыли, и земли, куда приставали. Правда, что в них не было сохранено никакого размера ни в расстоянии, ни в положении мест, но если мы возьмем в рассуждение, что люди сии были простые матросы и делали карты на память, примечая только по солнцу, в которую сторону они плыли, то нельзя не признать в японцах редких способностей.

Любопытство японцев понудило их также коснуться и веры нашей. Теске просил нас именем губернатора, чтоб мы сообщили ему правила нашей религии и на чем она основывается, а причину, почему губернатор желает иметь о ней понятие, объявил он следующее: губернаторы порта Нагасаки, куда приходят голландцы, имеют надлежащее сведение о их вере; итак, если здешний губернатор возвратится в столицу и не

будет в состоянии ничего сказать там о нашей, то ему в сем случае будет стыдно.

Мы охотно согласились, для собственной своей пользы, изъяснить им нравственные обязанности, которым учит христианская религия, как то: десять заповедей и евангельское учение; но японцы не того хотели: они нам сказали, что это учение есть не у одних христиан, а у всех народов, которые имеют доброе сердце*, и что оно было от века им давно уже известно. Любопытство их более состояло в том, чтоб узнать значение обрядов богослужения. Но это был предмет, к которому мы никак приступить не могли с таким ограниченным способом сообщить друг другу свои мысли, какой мы имели с японцами. Мы сказали им решительно, что никогда не согласимся говорить с ними о сем предмете, пока не будем в состоянии совершенно понимать друг друга.

Алексей также был не без работы: у него отбирали японцы сведения о Курильских островах и заставляли его иногда чертить планы оных. Алексей, не отговариваясь, марал бумагу как умел, а для японского депо карт все годилось. Они говорили, что в Японии есть закон: всех иностранцев, к ним попадающихся, расспрашивать обо всем, что им на ум придет, и все, что бы они ни говорили, записывать и хранить, потому что по сравнении таких сведений можно легко отделить истинное от ложного и они со временем пригодятся.

Между тем на вопросы наши о новостях из столицы касательно нашего дела, переводчики по большей части говорили, что ничего еще не известно, а иногда уверяли, что дела идут там хорошо и есть причина ожидать весьма счастливого конца. В январе сказали нам переводчики за тайну, что есть повеление перевести нас в дом и содержать лучше и что приказание сие губернатор намерен исполнить в японский новый год**. Переводчикам мы поверили и

* По выражению японского языка «белое сердце»: с дурными же свойствами человека они называют человеком с «черным сердцем».

** Ныне (1812) первое число года у японцев было нашего 1 февраля, а как

обрадовались не дому, а тому, что показывается надежда возвратиться в отечество; почему стали с большим нетерпением ждать февраля.

С того времени, как переделали нашу тюрьму, караульные внутренней стражи были почти безотлучно у нас, сидели вместе с нами у огня, курили табак и разговаривали.

Сколь ни скрытны японцы и как строго ни исполняют свои законы, но они люди, и слабости человеческие им свойственны. И между ними нашли мы таких, хотя и мало, которые не могли хранить тайны. Один из них, знавший курильский язык, рассказал нам потихоньку от своих товарищей, что два человека, бежавшие от Хвостова на остров Итуруп, убиты были тогда же курильцами, которые, по отбытии судов, пришед первые к берегу и увидев этих людей пьяных, подняли их на копья. Сим, однакоже, японское правительство не было довольно, и это очень вероятно, ибо умертвить их всегда было в воле японцев, но от преждевременной смерти сих двух человек японцы лишились способа получить многие нужные для них сведения.

Таким же образом узнали мы еще*, что на Сахалине бежал от Хвостова алеут, именем Яков; он долго у них содержался, напоследок умер в цынге.

Объявления его японцам много служили в нашу пользу, ибо он утверждал, что нападения на них русские суда делали без приказа их главного начальника, о чем, по его словам, слышал он от всех русских, бывших на тех судах. Ненависть же его к Хвостову была так велика, что, очернив сего офицера всеми пороками, просил он у японского чиновника в крепости ружья и позволения спрятаться на берегу, чтобы при выходе Хвостова из шлюпки убить его и тем отомстить за несправедливость, ему оказанную, которая состояла в том, что один раз

он был пьян и Хвостов высек его за то кошками³⁸.

По мнению же Алексея, промышленных убили не курильцы, а японцы, ибо первые не смели бы сами собою этого сделать, а чтоб доказать справедливость своего мнения, рассказал он нам следующее происшествие. Японцы, продолжая несколько лет войну против курильцев, живущих в горах северной части Мацмая, не могли их покорить и решились вместо силы упстробить хитрость и коварство, предложив им мир и дружбу. Курильцы согласились на это с большою радостью. Мир скоро был заключен, и стали его праздновать. Японцы для сего построили особливый большой дом и, пригласив сорок курильских старшин, с храбрейшими из их ратников, начали их потчевать и пить. Курильцы, по склонности к крепким напиткам, тотчас в гостях у новых своих друзей перепились, и японцы, притворяясь пьяными, мало-помалу все вышли. Тогда двери вдруг затворились, а открылись дыры в потолке и стенах, сквозь которые копьями всех гостей перебили, отрубили им головы, посолили и в кадках отправили в столицу, как трофеи, показывающие победу.

Что же мы должны были чувствовать, находясь у того самого народа, который мог сделать такое ужасное вероломство и варварство? Бедный Алексей, рассказав нам это, извинялся, что не сказывал прежде, для того чтоб не заставить нас печалиться, и что у него есть еще в памяти о японцах много кой-чего тому подобного, но он не хочет уже про то рассказывать, приметив, что и от первой повести мы сделались невеселы.

Между тем наступил и февраль, японский новый год, но о доме никто не упоминал. Мы думали, что японцы слишком заприздновались и им уже не до нас, почему и заключили, что в половине месяца** мы можем

они считают лунные месяцы³⁷, дополняя недостаток к солнечному году через известное число лет прибавкою 13-го месяца, то их год в то же число солнечного года приходит через девятнадцать лет.

* Этого, однакоже, японцы не таили, потому что Теске после рассказывал нам то же.

** Японцы празднуют Новый год целый месяц; но настоящее общее празднество продолжается только от новолуния до полнолуния, то есть две недели. В это время у них нет ни присутствия, ни работы, и ничем они не занимаются, а только ходят по гостям и пируют; в остальные же дни месяца трудолюбивые уже принимаются за работу. Новый год есть самый важный праздник в японском календаре. К нему

надеяться получить обещанную милость. Но ожидание наше не сбылось, а напротив того, мы находили себя в худшем положении перед прежним: в пищу нам стали давать одно лшено и по кусочку соленой рыбы.

Вместо перемещения в дом губернатора сделал нам два одолжения: позволил брать по две или по три из наших книг для чтения и велел, по требованию нашему, давать нам бритвы, если мы пожелаем бриться. Бороды у нас были уже довольно велики; сначала они делали нам некоторое беспокойство, но теперь, привыкнув к ним, я и Хлебников не хотели пользоваться таким снисхождением японцев, и более потому, что бриться надлежало в присутствии чиновника и нескольких человек караульных, которые строго наблюдали, чтобы кто-нибудь из нас не вздумал зарезаться бритвой.

Наконец, уже и переводчики не стали таить от нас, что дело наше в столице идет не очень хорошо.

Советуясь между собою о нашем положении, мы все были согласны, что нет никакой надежды получить освобождение от японцев; оставалось одно только средство — уйти.

На такое отчаянное предприятие Мур и двое из матросов* никак согласиться не хотели. Я и Хлебников употребляли все способы склонить их на это покушение; мы представляли и доказывали им возможность уйти из тюрьмы и у берега завладеть судном, а там пуститься, смотря по обстоятельствам, к Камчатке или к Татарскому берегу, как бог даст. Говорили, что гораздо лучше погибнуть в море, на той стихии, которой мы посвятили всю жизнь свою и где ежегодно погибает множество наших собратий, нежели вечно томиться в неволе и умереть в тюрьме. Впрочем, предприятие это хотя весьма опасно, но не вовсе было отчаянно или невозможно. Японские суда неоднократно

шьют они обновы и делают великие приготовления, как у нас к пасхе. Обыкновенно требует в этот праздник всем знакомым, в том же городе находящимся, сделать визиты, а отсутствующих поздравить письмами; почему переводчики и караульные наши за несколько дней еще начали заготавливать визитные билеты и поздравительные письма.

* Симонов и Васильев.

но одним волнением и ветрами были приносимы к нашим берегам, а если мы будем править к ним, то достигнем их скорее.

Но все наши представления и доводы были напрасны: Мур оставался непреклонен, а следуя ему, и сказанные два матроса не соглашались. Однакож в надежде когда-нибудь убедить их к принятию нашего плана мы стали заготавливать съестные припасы, оставляя каждый раз, когда нам приносили есть, по нескольку каши таким образом, что караульные и работники не приметили; ночью потихоньку сушили мы ее и прятали в маленькие мешочки.

Между тем наступала весна. Дни стали гораздо длиннее и настала теплая погода. Посему в начале марта губернатор приказал нас выпускать иногда на двор прохаживаться. Четвертого же числа сего месяца Теске открыл нам обстоятельство великой важности: он сказал, что Хвостов при первом своем нападении на них увез несколько человек японцев, которых, продержав зиму в Камчатке, на следующий год возвратил, выпустив их на остров Лиссель (Pic de Langle) с бумагой на имя мацмайского губернатора, которую покажут нам со временем. Теске не знал (или, по крайней мере, говорил, что не знал), кем она подписана и какого содержания. Но как японцы прежде уже показали нам каждый русский локуток, какой только у них был, и требовали перевода, а об этой бумаге ни слова не упоминали, то мы и заключили, что это должна быть какая-нибудь важная бумага, которую, конечно, берегут они для окончательного уличения нас в обмане.

Лишь только Теске нас оставил, Мур сказал, что теперь он видит весь ужас нашего положения и решается уйти с нами; Симонов и Васильев, услышав это, также скоро согласились. Теперь оставалось нам подумать, как поступить с Алексеем. Мур уговорил нас открыть ему наше намерение и взять его с собою, ибо, по знанию его разных корней и трав, годных в пищу, а также многих признаков на здешних морях, он мог нам быть весьма полезен.

Когда мы ему об этом сказали, он сначала крайне испугался, поблед-

нея и не знал, что говорить; но, подумав, оправился и тотчас согласился, сказав: «Я такой же русский, как и вы; у нас один бог, один и государь; худо ли, хорошо ли, но куда вы, туда и я — в море ли утонуть, или японцы убьют нас, вместе все хорошо; спасибо, что вы меня не оставите, а берете с собою». Мы удивились такой решительности и твердости в этом человеке и тотчас приступили к совещанию, каким образом предприятие наше произведсти в действие.

Выйти из тюрьмы мы имели два способа: из караульных наших, составлявших внутреннюю стражу, находились при нас беспрестанно по два человека, которые весьма часто, или, лучше сказать, почти всегда сидели с нами у огня до самой полуночи и иногда тут засыпали. Притом многие из них были склонны к крепким напиткам и частенько по вечерам, когда не было им причины опасаться посещения своих чиновников, приходили к нам пьяные. Следовательно, дождавись темной нчи и попутного ветра, мы могли вдруг кинуться на караульных, связать их и зажать им рот так, чтобы они не успели сделать никакой тревоги; потом, взяв их сабли, перелезть сзади через ограды и спуститься в овраг, пробираться им потихоньку к морскому берегу и стараться завладеть там судном или большой лодкой и на ней пуститься к Татарскому берегу.

Но как на этот способ мы согласиться не могли, то и выбрали другой. С полуночи стражи наши уходили в свою караульную, запирали нашу дверь замком и ложились покойно спать, не наблюдая нисколько той строгости, с какой присматривали за нами прежде. В дальнем углу от их караульной находилась небольшая дверь, сделанная для чищения нужных мест; дверь эта была на замке и за печатью. Но, имея у себя большой острый нож, мы легко могли перерезать брус, в котором утверждены прибой, и отворить ее; потом, потихоньку выбравшись, перелезть через стену посредством трапа, или морской лестницы, которую мы сделали из матросской парусинной койки*, а

* Когда нас взяли в Кунасире, на нашей шлюпке постлана была под сукном

чтоб не быть нам совсем безоружными, мы имели у себя длинные шесты для сушения белья и для проветривания платья, из коих намерены были в самую ночь исполнения нашего предприятия сделать копыя, или, лучше сказать, остроги.

Решась твердо сим способом привести в действие наше намерение в первую благоприятную ночь, мы ожидали ее с нетерпением. Наконец, 8 марта повеял восточный ветер с туманом** и дождем. Постоянство его обещало, что он продует несколько дней, и если удастся нам завладеть судном, то донесет нас до Татарского берега. В сумерки мы стали готовиться самым скрытым образом, чтобы караульные не могли заметить. Но по наступлении ночи облака стали прочищаться, показались звезды, а вскоре потом заметили мы, что ветер переменился и стал дуть с западной стороны. По сей причине мы нашлись принужденными отложить предприятие свое до другого времени.

Дня через два после того опять подул благоприятный для нас ветер и с такой погодой, какой лучше нельзя было желать; но когда я и Хлебников сказали, что в следующую ночь, с помощью божней, мы должны приступить к делу, к крайнему нашему удивлению и горести, Мур отвечал, что нам ни советовать, ни отговаривать не хочет. Что же касается до него, то он нам не товарищ, приняв твердое намерение ожидать своей участи в заточении, что бы с ним ни случилось. Сам же собою никогда ни на что для освобождения своего не покусится.

Мы старались было его уговаривать и просили, ради бога, основательно раздумать, что он делает. Но представления наши были недействительны: он нам отвечал с сердцем и колко, что он не ребенок и знает весьма хорошо, что ему делать; впрочем, он нам нисколько не мешает; мы можем, буде хотим, уйти без него и одни, а в заключение просил нас

матросская койка. Сукна, которое мы просили вместо одеяла, японцы нам не отдали, но койку еще в Хакодате дали одному из матросов, и она теперь пригодилась нам на лестницу.

** В здешних морях туманы суть всегдашние спутники восточных ветров.

более не упоминать ему об этом, ибо, что бы мы ни говорили, все наши доводы и убеждения будут бесполезны и он нас слушать не станет.

С сей минуты Мур совершенно переменил свое поведение в отношении к нам: стал нас избегать, никогда ни о чем с нами не говорил, на вопросы наши отвечал коротко и часто даже с грубостью; но к японцам сделался крайне почтитель, начал перенимать все их обычаи и с чиновниками их не так уже говорил, как прежде того делывали мы все, соблюдая наши европейские обыкновения и сохраняя свое достоинство, но как будто они были его начальники, и часто, даже к удивлению и смеху самих японцев, оказывал им почтение по их обряду.

Не зная, что нам в таком положении делать, я было предложил взять с Мура честное слово или клятву, что он допустит нас уйти и до самого утра не откроет караульным, а нам со своей стороны оставить письмо к губернатору такого же содержания, какое хотели мы написать об Алексее, и обязаться, если нас поймают, сказать, что Мур не был участником в нашем предприятии и ничего о нем не знал.

Но матросы все в один голос были противного мнения, утверждая, что в этом случае на обещание Мура никак положиться нельзя; я принужден был согласиться с ними, что в таком важном деле верить себя ему опасно, а как переводчики нас уверяли, что по наступлении теплых дней будут нам позволять ходить по городу под присмотром небольшого числа японцев, то мы решились подождать, не будут ли нас водить иногда за город и не представится ли случай силой отбиться у японцев. Тогда уже нечего нам будет опасаться Мура, а чтобы он заблаговременно не открыл им нашего прежнего намерения, согласились притвориться перед ним, что, следуя ему, мы также оставили всякую мысль об уходе и решились ждать конца своей участи в плену, предавшись во всем на волю божию. Но он нам не верил и нимало не переменил своего обхождения.

Между тем явилось к нам новое лицо: это был присланный из япон-

ской столицы землемер-астроном, по имени Мамия-Ринзо. В первый раз он пришел к нам с нашими переводчиками, которые сказали, что он приехал недавно из Эдо. Правительство их, по совету врачей, знающих европейские способы лечения, прислало с ним некоторые припасы, могущие предохранить нас от цынготной болезни, в здешней стороне весьма обыкновенной и опасной. Припасы сии состояли в двух штофах лимонного соку, в нескольких десятках лимонов и апельсинов и в небольшом количестве какой-то сушеной травы, имеющей весьма приятный запах, которую советовали нам японцы понемногу класть в похлебку. Сверх того, губернатор тогда же прислал нам от себя фунта три или четыре сахарного песку и ящичек вареного в сахаре красного стручкового перца, до которого японцы большие охотники.

Но все эти гостинцы, как мы скоро заметили, клонились к тому, чтобы нас, так сказать, задобрить и понудить, не отговариваясь, учить японского землемера нашему способу описывать берега и делать астрономические наблюдения. На сей конец он не замедлил принести к нам свои инструменты, как то: медный секстан английской работы, астролябию с компасом, чертежный инструмент и ртуть для искусственного горизонта, и просил нас показать ему, как европейцы употребляют сии вещи.

Он стал ходить к нам всякий день и был у нас почти с утра до вечера, рассказывая о своих путешествиях и показывая планы и рисунки описанных им земель, которые видеть для нас было весьма любопытно. Между японцами он считался великим путешественником; они слушали его всегда с большим вниманием и удивлялись, как мог он предпринимать такие дальние путешествия, ибо ему удалось быть на всех Курильских островах до семнадцатого, на Сахалине, и он достигал даже до Маньчжурской земли и до реки Амура.

Тщеславие его было так велико, что он беспрестанно рассказывал о своих подвигах и трудностях, им понесенных, для лучшего объяснения коих показывал дорожные свои сквородки, на которых готовил кушанье, и тут же у нас на очаге вся-

кий день что-нибудь варил или жарил, сам ел и нас потчевал. Также имел он кубик для гнания водки из сарачинского пшена, который беспрестанно у него стоял на очаге; выгнанную же из него водку пил он сам и нас потчевал, что матросам нашим весьма нравилось.

Он умел брать секстаном высоту солнца на естественном горизонте, как по полуденной высоте сыскать широту места, для чего употреблял таблицы склонения солнца и всех входящих тут поправок, переведенные на японский язык, по словам его, с голландской книги.

Не имея у себя наших таблиц, мы не могли узнать, довольно ли их таблицы верны; но кажется, что они взяты из какой-нибудь старинной голландской книги.

Мамия-Ринзо сообщил многие весьма любопытные сведения, которые нашему правительству не бесполезно знать, и тем более, что они заслуживают вероятия, ибо прежде сего мы то же самое слышали от других японцев. Я буду иметь случай упомянуть о них в другом месте.

В самом почти начале нашего знакомства с сим геодезистом мы узнали, что он известен между японцами не только как человек ученый, но и славится как отличный воин. При нападении на них Хвостова он был на острове Итурупе, где с прочими своими товарищами также дал тягу в горы, но, к счастью его, русская пуля попала ему в мягкое место задней части; однакож он не упал и ушел благополучно, за что награжден чином и теперь получает пенсию.

Иногда он перед нами храбрился и говорил, что после набегов Хвостова японцы хотели послать в Охотск три судна, с тем, чтоб разорить это место до основания. Мы смеялись и шутили над ним, говоря: «Крайне жалеем, что японцы не могут найти туда дороги; иначе не худо было бы, если бы они послали не три судна, а тридцать или триста: верно, ни одно из них не возвратилось бы домой». Тогда он обижался и уверял нас, что японцы не хуже других умеют драться.

Мамия-Ринзо, умея найти широту места по солнечной высоте, слышал также, что и долготу можно сыскать по расстоянию луны или звезды от

солнца, и хотел, чтобы мы выучили его, как это делать. Но каким способом возможно было приступить к сему делу? Мы не имели при себе ни нужных для того таблиц, ни календаря астрономического, а притом и переводчики наши столько смыслили по-русски, что мы самые простые вещи могли объяснять им с нуждою.

Отказ наш произвел в этом японце великое против нас неудовольствие; он даже грозил нам, что из столицы скоро будут сюда переводчики голландского языка и японские ученые, чтоб отбирать от нас объяснения на некоторые предметы, до наук касающиеся, и что тогда уж не посмеем мы отговариваться и хотим или нет, но должны будем отвечать. Новость эта не слишком нам была приятна: она показывала, что японцы собираются силой принуждать нас учить их. Мур взялся за это добровольно; только математическим наукам учить не хотел, отговариваясь незнанием, а советовал им употребить к тому Хлебникова, которому эта часть была очень хорошо известна.

Хотя ученый сделался нам большим врагом, однако не всегда мы с ним спорили и ссорились, а иногда разговаривали дружески о разных материях, в числе коих политические предметы более прочих заслуживают внимания. Он утверждал, что японцы имеют основательную причину подозревать русских в дурных против них намерениях и что голландцы, сообщившие им о разных замыслах европейских дворов, не ошибаются.

Но Теске не так думал: он полагал, что голландцы с намерением внушили японскому правительству подозрение на Россию и Англию, уверив оное, что сии две державы, воюя соединенными силами против Франции и союзных ей земель, имеют также в виду распространяться к востоку: Россия по сухому пути, а Англия морем, обещаясь помогать друг другу и со временем Китай и Японию разделить между собой. Голландцы приводят в доказательство своему мнению со стороны России приобретение Сибири, Алеутских и Курильских островов, а в отношении к Англии — распространение ее владений в Индии, показывая через то японцам, сколь близко эти

два народа подвинулись к ним в короткое время.

Известно, что английский капитан Бротон³⁹ два лета плавал к японским берегам, в оба раза к ним приставал и имел с жителями сношение; это случилось в самое то время, когда Англия и Россия союзно действовали против Франции и Голландии, и потому голландцы, по словам Теске, старались уверить японцев, что англичане с намерением высматривают их гавани, чтоб после на них напасть.

Мы опровергали такое мнение, стараясь уверить японцев в истинной причине плаванья Бротона около их берегов, которая также известна была очень хорошо и самим голландцам. Но непомерное их корыстолюбие и зависть произвели страх, чтобы японцы не дали позволения русским и англичанам торговать с ними. В таком случае голландцы должны были бы лишиться значительного прироста, ибо не могли бы уже обманывать их и продавать европейские безделицы за высокую и, можно сказать, бессовестную цену.

Теске был в этом с нами совершенно согласен и верил, что одно сребролюбие и коварство заставляют голландцев говорить так; но Мамя-Ринзо не хотел согласиться. При сем случае Теске рассказал нам об одном происшествии, которое жестоко раздражило японское правительство против англичан, и говорил, что если бы теперь пришло к их берегам английское судно, они тотчас сыграли бы с ним такую же штуку, как и с нами.

Происшествие сие было следующее.

Через год или через два после Резанова, показалось перед входом в Нагасакскую гавань большое судно под русским флагом. Несколько человек голландцев и японцев, по повелению губернатора, тотчас поехали на оное, где первых всех, кроме одного, задержали, а последних вместе с голландцем отправили назад — сказать, что судно принадлежит англичанам, и как они в войне с голландцами, то всех людей сего народа увезут с собою в плен, если японцы не пришлют к ним известного числа быков и свиней. В ожидании ответа

англичане разъезжали на шлюпках по всей гавани и промеривали оную. Между тем оставшиеся на берегу голландцы склонили губернатора на сей выкуп. На судно послали свиней и быков, и выменяли за них захваченных голландцев. Губернатор за это лишился жизни, и дано повеление повсюду поступать с англичанами неприятельски.

По случаю же замечания нашего, что голландцы обманывают японцев привозом к ним дурных вещей и продажей оных за дорогую цену, Теске нам сказал, что правительству их все это известно, но оно не хочет переменить прежних своих постановлений и допускает голландцев возить к ним то самое, что возили в начале их торговли с Японией; впрочем, худое ли или хорошее, до этого им нужды нет. При сем рассказал он нам следующий анекдот.

По причине войны с Англией голландцы, не находя средств доставлять в Японию европейские товары, наняли корабли соединенных американских областей⁴⁰, чтоб американцы привезли нужные им вещи в Нагасаки и пришли под голландскими флагами. Товары были уже выгружены на берег, как японцы увидели обман, приметив, что между сими кораблями и их экипажами большая разность с теми, которые посещали их прежде, а более всего возымели они подозрение, видя отменную доброту товаров (которые были английские); но, невзирая на это, правительство приказало все привезенное погрузить опять в те же корабли и выгнать их из порта.

С половины марта губернатор позволил нам ходить прогуливаться по городу и за городом. Водили нас в неделю раза два, часа на четыре, в сопровождении пяти или шести человек солдат императорской службы, содержавших при нас внутреннюю стражу, и трех или четырех солдат княжеских, под распоряжением одного из переводчиков. Кроме этого, так сказать, конвоя, ходили с нами по нескольку человек работников, которые несли чайный прибор, сагу, маты для сидения, а нередко и кушанье, ибо иногда мы обедали в поле. Сверх того, от города назначался полицейский служитель, которого

Сад зажиточного японца.

должность состояла в том, чтоб он шел впереди и показывал дорогу.

Японцы водили нас иногда версты за четыре от города на горы и вдоль морского берега. Мы тотчас заметили, что отбиться от них нам нетрудно было бы их же собственным оружием*. Но дело состояло в том, куда после деваться, и потому мы решились ожидать случая, не попадется ли нам у берега большая лодка, на которой, отбившись от японцев, могли бы мы уехать. Для этого просили мы их водить нас гулять вдоль берега и запасенную нами провизию всегда таскали с собой. Но Мур, подозревая наше намерение, упрашивал японцев не ходить далеко от города под предлогом, что у него болят ноги.

В последних числах марта переводчики и караульные наши опять начали поговаривать о переводе нас из тюрьмы и что дело стоит только за некоторыми переправками в назначенном для нас доме.

* Военные японцы всегда носят за поясом по сабле и по кинжалу; даже когда они и дома сидят, то одну саблю только снимают, а кинжал редко; если же когда и вынут его из-за кушака, а понадобится им хотя на одну минуту выйти из дома, тотчас опять берут, словом — без кинжала ни на минуту.

1 апреля с утра японцы начали переносить наши вещи в дом, а после обеда повели нас в замок и представили бунносу, который в присутствии всех знатнейших чиновников города сказал нам, что теперь переводят нас из тюрьмы в хороший дом, в котором прежде жил японский чиновник, и что содержать нас станут гораздо лучше прежнего, а потому мы должны жить с японцами, как со своими соотечественниками** и братьями; с тем нас и отпустил.

Из замка пришли мы прямо в назначенный для нас дом, который находился почти против самых южных ворот крепости, между валом и высоким утесом, под коим расположена средняя часть города. Стоял он посредине обширного двора, окруженного высокой деревянной стеной, с рогатками наверху; двор был разделен пополам также деревянной стеной; одна половина, ближняя к утесу, была назначена для нас; тут стояли три или четыре дерева и несколько пучков тростнику, что, все вместе, японцы называли садом, когда показывали нам прелести нового нашего жилища, а лужу, в одном углу двора

** Или, по переводу Алексея: «как со своими земляками».

бывшую, величали озером*; находившейся же в ней куче грязи давали имя острова.

Сообщение с нашего двора, или «сада» (говоря согласно с японцами) на другой двор было посредством небольших ворот, которые всегда были на замке; они отпирались только, когда начальник сангарских войск или их дежурный офицер приходил осматривать наш двор или когда нас водили гулять. По ночам, от захождения до восхождения солнца, каждые полчаса караульные наши ходили дозором и осматривали вокруг всего двора, а с другого двора ворота были на дорогу подле самого вала и запирались только на ночь.

Дом наш, по направлению средней стены, также был разделен пополам деревянной решеткой, так что одна его половина находилась на нашем дворе, а другая на другом. В первой из них были три комнаты, разделявшиеся между собою ширмами, а во второй, за решетками, в одной части содержали караул, при одном офицере, солдаты сангарского князя, которые могли видеть нас сквозь решетку. От них к нам была дверь, но всегда на замке; солдаты были вооружены, кроме саблей и кинжалов, ружьями и стрелами, и офицер их почти беспрестанно сидел у решетки, смотря в наши комнаты.

Подле этой караульни, рядом с нею, также за решеткою, находилась

небольшая каморка, в которой сидели посменно по два человека императорских солдат, коих настоящая караульня была за каморкою; они также могли видеть все, что у нас делалось; притом от них к нам дверь запиралась только на ночь; но они сначала и ночью приходили к нам по нескольку раз, а днем бывали у нас очень часто.

На нашей половине около дома была галерея, с которой мы могли через стену видеть к югу Сангарский пролив, противоположный берег Японии и мачты судов, стоящих у берега**, а в щели стен видели и самые суда и еще одну часть города; к северу же видны были крепость и горы Мацмайские.

Теперь жилище наше во многих отношениях переменялось к лучшему. Мы могли по крайней мере наслаждаться зрением неба, светил небесных и разных земных предметов; также свободно прохаживаться по двору и пользоваться прохладой ветров и чистым, не вонючим воздухом. Этих выгод прежде мы не имели. Сверх того, и пищу стали нам давать, против прежнего, несравненно лучшую. Но все это нас нимало не могло утешать, когда только мы вспоминали о последних словах бунниоса. Прежде, бывало, при всяком случае, расставаясь с нами, утешал он нас обещанием ходатайствовать по нашему делу и обнадеживал, что мы будем возвращены в свое отечество, а ныне уже и это перестал говорить, советуя нам почитать японцев своими соотечественниками. Что же это значило, как не то, что мы должны водвориться в Японии, а о России более не помышлять?

Японские чиновники и переводчики наши, по обыкновению своему пришедшие нас поздравлять с переменою нашего состояния, тотчас заметили, что дом не произвел над нами ожидаемого ими действия и что

** Город Мацмай стоит при большом открытом заливе и не имеет никакой гавани; но японские суда затаиваются к самому берегу и стоят за грядями камней, которые, останавливая волны, служат им защитой; в некоторых местах, по уверению японцев, глубина в малую воду простирается до четырех сажен, следовательно, очень достаточна для больших европейских коммерческих судов.

* Японцы большие охотники до садов и любят подражать природе. Прогуливаясь по городу, мы заходили в некоторые дворы и почти на каждом находили, буквально сказать, судя по величине, лужу, обсаженную зеленью и деревьями, в середине коей две или три кучи земли представляли острова, на которых местами лежали камни, изображающие скалы и утесы, а инде посажен тростник; на воде же плавали суда и лодки, весьма грубо сделанные. Это мы видели у бедных людей, у которых и весь двор не более нескольких сажен в окружности; но у богатых есть сады прекрасные. Мацмайский климат, невзирая на выгодное географическое положение сего острова, от местных причин не благоприятствует садоводству; но мы знаем по описанию самих японцев, что на главном их острове, Нифоне, есть множество великолепнейших садов, принадлежащих князьям и вельможам, из коих многие полагают в том главное свое удовольствие, чтобы в их садах прогуливался народ и удивлялся чрезвычайной их красоте и пышности.

мы так же невеселы, как были и прежде, почему и сказали нам: «Мы видим, что перемена вашего состояния не может вас радовать и что вы только и помышляете о возвращении в свое отечество: но как правительство японское ни на что еще в рассуждении вас не решилось, то губернатор нынешним летом, по прибытии своем в столицу* употребит все средства и зависящие от него способы склонить свое правительство дать вам свободу и отправить в Россию».

О намерении губернатора стараться в нашу пользу Теске говорил нам неоднократно и однажды, рассказывая, как много губернатор нам доброжелательствует и как хорошо он к нам расположен, открыл такое обстоятельство, которое понудило нас уйти непременно до наступления лета. Теске сказал нам, что на-днях губернатор получил из столицы повеление, которое он при нем распечатал. Но, прочитав, выронил из рук и в изумлении и печали повесил голову. Когда же он спросил его о причине, губернатор отвечал, что правительство не уважило его представления, коим испрашивал он позволение, буде русские корабли придут к здешним берегам, снестись и объясниться с ними дружески о существующих обстоятельствах; но вместо сего теперь ему предписывается поступать с русскими судами по прежним повелениям, то есть делать им всякий возможный вред и стараться суда жечь, а людей брать в плен, и потому, ожидая прибытия русских в Кунасири, приказано князю Намбускому⁴¹ послать туда большой отряд войск под предводительством знатного военного чиновника, много артиллерии и разных снарядов, а равным образом укрепить и усилить и прочие приморские места.

«Если так, — сказали мы, — то война должна последовать необходимо, и теперь уже русские не будут виновны в кровопролитии: японцы сами поставляют преграду к примирению».

* Во всех японских областях, не принадлежащих владетельным князьям, а зависящих от самого императора, бывает по два губернатора: один из них живет в своей провинции, другой в столице. Они сменяются погодно.

«Что же делать? — отвечал Теске, — война будет, но не вечно же она продолжится; когда-нибудь мы примиримся, тогда вас и отпустят домой».

«Так, — думали мы, — отпустят! Это случится тогда, когда уже и кости наши истлеют».

Мы очень хорошо знали, что с пособиями Охотского порта невозможно было сделать никакого впечатления над японским правительством, чтобы понудить оное к примирению: для этого надлежало бы отправить сильную экспедицию из Балтийского моря; но это зависело от того, скоро ли прекратится война с Англией, а между тем бы время текло и обстоятельства постепенно забывались.

Вот что страшило нас и понуждало уйти до прибытия наших судов: с появлением их у японских берегов караул за нами сделался бы строже; притом японцы опять могли бы нас запереть в клетки.

Утвердясь в сих мыслях, мы помышляли единственно о том, каким способом привести в исполнение смелое предприятие, которому величайшую преграду находили в товарище своем Муре. Это несчастное обстоятельство делало положение наше еще ужаснее, если только возможно.* Мы ясно видели, что он, так сказать, переродился и сделался совсем другим человеком. Он даже перестал называться русским** и уверял японцев, что вся родня его живет в Германии, и пр. Явные разговоры его с переводчиками показали нам очень хорошо, что мы должны от него ожидать, а Алексей сказал нам за тайну, что Мур открыл ему свое намерение вступить в японскую службу и быть переводчиком европейских языков и что он его приглашал к тому же, обещая ему свое покровительство, когда он будет в случае. Тогда мы увидели, что он для нас был самый опасный человек и что мы непременно должны поспешить исполнением своего предприятия.

Если б мы все были согласны уйти, то исполнение такого покуше-

** Отец Мура был немец в нашей службе, но мать русская, а потому он и крещен в нашей вере. Воспитание получил он в Морском кадетском корпусе.

ния было бы не слишком трудно. Солдаты сангарского караула, хотя и не спали по ночам, но нами не занимались, сидели обыкновенно около жаровни, разговаривали и курили табак. Их дело было только каждые полчаса обойти кругом двор и простучать часы. Офицер же их хотя и сидел беспрестанно у решетки, но сквозь нее смотрел на нас не часто, а большей частью читал книгу*. Что же касается до внутренней при нас стражи, состоявшей из императорских солдат, то они только сначала строго исполняли свою должность, но после по ночам по большей части спали или в задней караульне читали книги, а другие играли в карты или в шашки**.

Итак, около полуночи мы все могли потихоньку, один за другим, выбраться на двор, оставив на постелях у себя лишнее платье, подделав оное наподобие свернувшегося под одеялом человека; потом в том месте, где была под оградой небольшая канавка для спуска воды со двора, легко и скоро мы могли прокопать отверстие, в которое один человек мог пролезть. Выбравшись за стену, надлежало нам потихоньку, а инде и ползком, пробираться сквозь город к морскому берегу и, подойдя к высмотренному нами во время про-

* Японцы чрезвычайно любят заниматься чтением; даже простые солдаты, стоя в карауле, почти беспрестанно читают, что нам крайне не нравилось, ибо они всегда читают вслух и нараспев, несколько похоже на голос, которым у нас читается псалтырь над усопшими.

** Карточная игра и шашки в большом употреблении между японцами; они любят играть в деньги и часто проигрывают до нитки. С картами познакомили их голландские матросы, ибо прежде они могли свободно обращаться с жителями, посещая в Нагасаки питейные дома и непотребных женщин. Карты в Японии были известны под европейским их именем и состояли из пятидесяти двух листов; но как они были запрещены по причине случившейся в карточной игре ссоры и смертоубийства, то японцы выдумали, для отклонения закона, сделать колоду из сорока восьми карт: они величкую вчетверо менее наших и употребляют всюду. В шашки игра их премудрая, которой мы никак не могли дать толку: они употребляют преобладающую шашечницу и около четырехсот шашек, которыми ходят и берут в разных направлениях и разным образом. Матросы наши играли в обыкновенные шашки: Японцы тотчас переняли эту игру, и она вдруг распространилась по всему городу, причем они выучи-

гулок судну, переехать на оное на маленьких лодках, которых по всему берегу много, и, завладев им, пуститься в море.

Для исполнения сего плана нужно было только дожидаться крепкого ветра с берега. Но как Мур от нас уже отделился и, подозревая наше намерение, примечал за нами, как то мы несколько раз замечали, то одни мы покуситься на такое предприятие никак не могли, ибо он, увидев и уверившись, что мы ушли, может быть, не более как через четверть часа после нашего выхода за ограду, а вероятно и скорее, встревожил бы караульных и открыл бы им наши намерения; в таком случае они вмиг бросились бы к берегу и пересекли бы нам путь, потому что до самого берега должны мы были проходить городом, а у японцев в улицах есть часовые и часто ходят патрули; притом ночью у них никто не смеет ходить без фонаря. Следовательно, мы должны были пробираться, так сказать, ползком, на что потребно было по крайней мере несколько часов. Потому этот план без содействия Мура не годился, а были другие два.

Первый: вместо того чтобы прокрадываться к морскому берегу, мы могли итти между деревьями, насаженными на плотине, составляющей род гласиса⁴² за рвом с западной стороны крепости, ибо в прогулках наших мы заметили, что у японцев ни на валу, ни на гласисе не бывает часовых, а только внутри крепости у ворот по два часовых сидят в большой будке и покуривают от скуки табачок, как должно добрым служивым. Гласисом могли мы притти в длинную аллею больших дерев и потом на главное городское кладбище***, которое было расположено на

лисы употреблять русские названия, в этой игре обыкновенные. Эти названия со временем, может быть, подадут какому-нибудь ученому мужу повод к заключению, что русский и японский язык происходят от одного корня.

*** Кладбищем мы могли итти как угодно скоро, ибо японцы, точно так как и европейцы, неохотно по ночам приближаются к таким местам; если б случилось кому-нибудь из них быть тут близко, то увидев несколько теней такого роста, как мы, мелькающих между памятниками, он и сам бы не скоро опомнился.

Иллюстрация из японской книги издания 1617 года.
Охота на соколов.

большом пространстве вдоль глубокого оврага; пройдя кладбище, мы были бы уже в чистом поле, а тут версгах в двух начинаются и горы. Горами мы должны были идти дня три к северу, а потом, вышедши на морской берег, искать случая овладеть судном.

Другой план был тот, чтобы силой отбиться у конвойных, если на прогулке по берегу попадется нам исправная лодка. Этот план мы предпочитали первому, ибо, ушедши в горы, мы могли дать время японцам разослать повеления по берегу, чтобы везде имели строгий караул повсюду при судах, а первый план тем был неудобен, что надобно было ожидать стечения двух случаев: свежего попутного ветра и удобного судна. Время же и обстоятельства не позволяли нам медлить.

Однакож мы решились подождать несколько дней, не удастся ли исполнить второй из наших планов.

Между тем мы запасались всем нужным к вояжу, разумеется, чем могли. Например, прогуливаясь за городом, нашли мы огниво; один из матросов, наступив на него, стал поправлять обувь и тотчас тайно от японцев положил в карман. Потом из

нескольких кремней, бывших у наших работников, нашли мы случай также потихоньку присвоить себе в собственность парочку. Лоскут же старой рубашки, будто бы случайно упавший на огонь и сгоревший, доставил нам трут. Притом мы ежедневно увеличивали количество съестных припасов, которые всегда таскали с собой, привязав около поясицы, подмышками и пр.

Эти заготовления делались по части экономической, а по военной нашли мы в траве на нашем дворе большое острое долото, вероятно, позабытое тут плотниками. Мы тотчас его спрятали и тогда же решили при первом удобном случае насадить оное на длинный шест и употреблять вместо копья. Такое же назначение определили мы заступу, принесенному на наш двор на время, который будто бы случайно или по ошибке загнули мы под крыльцо.

Но это еще не все: пословица, что нужда всему научит, весьма справедлива. Хлебников сумел даже сделать компас; на сей конец выпросили мы у работников две большие иголки для починки платья и сказали им, что потеряли их. Японцы в домах своих снаружи во многих местах

обивают пазы медью, и в нашем доме было то же; только от времени почти вся медь изоржавела и пропала. Однакож Хлебников сыскал лоскуток, вычистил его и иголки соединил медью, сделав в середине ямку для накладывания на шпильку. Иголкам же, посредством часто повторяемого трения о камень, им выбранный, сообщил достаточную магнитную силу, так что они весьма порядочно показывали полярные страны света. Футляр сделал он из нескольких листов бумаги, склеенных вместе сарачинским пшеном.

За компасом работы было немало. Мы должны были соблюдать большую осторожность: если бы японцы приметили Хлебникова, трущего иголку о камень, то, конечно, не поняли бы настоящей причины, а подумали бы, что он точит ее; но Мура нельзя было обмануть, и потому, когда Хлебников в заднем углу двора занимался этим делом, тогда кто-нибудь из нас ходил по двору и подавал ему условленные знаки о приближении подозрительных людей.

Однажды, прогуливаясь по берегу, подошли мы к двум маленьким рыбацким лодкам; в то же время точно вдоль берега шла большая лодка под парусами. Она была такая, какую мы искали; надлежало отбиться от японцев, завладеть рыбацкими лодками и догнать большую. Мы тотчас стали с Хлебниковым советоваться, но, увидев, что успех предприятия подвержен был крайнему сомнению, мы оставили оное. Ибо пока мы отбивались бы от конвойных, рыбаки могли отвалить, да и, завладев лодками, сомнительно было, догоним ли еще большую лодку.

Между тем Мур, примечавший каждый шаг наш, тотчас догадался по положению, которое взяли мы в рассуждении конвойных, к чему дело клонилось. По возвращении нашем домой Алексей немедленно сказал нам потихоньку, что мы в большой опасности, ибо Мур научал его открыти японцам о нашем намерении отбиться и уйти; в противном случае грозил, что сам об этом им скажет, и потому Алексей спрашивал нас, точно ли мы решились это сделать, и если так, то просил, чтобы его не покидали.

Надобно знать, что последний наш план мы скрывали от Алексея, опасаясь, чтобы он не струсил покуситься на такое отчаянное дело и не изменил нам. Притом мы заметили, что он всякий день по несколько часов скрытно от нас разговаривал с Муром, и подозревали, нет ли и тут какой хитрости.

Хлебников, однакож, думал, что этот курилец расположен к нам искренне и что ему можно открыти нашу тайну. Я колебался и не знал, на что решиться; но матросы все единогласно решили не делать его участником в таком важном для нас деле, говоря, что какие бы прежде мысли он об нас ни имел, но Мур мог своими наставлениями переменить их и склонить его на свою сторону. В положении, подобном нашему, невозможно повелевать, а должно уговаривать, соглашать и уважать мнение каждого; почему мы приняли совет матросов наших и сказали Алексею, что отнюдь нет у нас никакого намерения уйти, разве летом об этом подумаем, а между тем стали спрашивать его мнения, как бы это лучше сделать и в какое время.

Теперь оставалась нам только забота, как поступить с Муром: нельзя ли его также как-нибудь уверить, чтобы он нас не подозревал в таком замысле? На сей конец я и Хлебников согласились открыти ему, что мы намерены уйти и его приглашаем с собою, сказать, однакож, что не прежде думаем покуситься на это, как по приезде нового губернатора, когда уже узнаем содержание присланной Хвостовым бумаги и увидим, как новый буннос будет к нам расположен и что он нам скажет.

На это Мур сказал нам, что судьба его решена: какие бы новости буннос нам ни привез, он не уйдет, решаясь остаться в Японии. Мы, к удовольствию нашему, в первые два дня приметили, что хитрость наша удалась: Мур совершенно успокоился и перестал за нами примечать.

Наконец, пришло и 20 апреля; скоро должно было наступить время, когда мы могли ожидать прибытия наших судов, полагая, что «Диана» ушла на зиму из Охотска в Камчатку, а удобного случая отбиться и завладеть лодкой мы не находили, да

и по всему казалось, что никогда не найдем. Между тем неосторожность наших матросов, а может быть, отчасти и наша собственная, возбудила опять подозрение в Муре, и он стал посматривать на нас косо. Делать было нечего, и мы вывели следующее заключение: берега Мацмая усеяны селениями, большими и малыми; при всяком из них множество судов и людей. Итак, невозможно, чтобы везде мог быть строгий и крепкий караул; впрочем, в небольших рыбацких шалашах можем употребить и силу (а смелому бог помогает), и потому решились уйти в горы.

Апреля 23-го нас водили гулять за город. Мы предложили японцам, под видом любопытства, пойти посмотреть храм, строившийся вновь после пожара при самом кладбище*.

* Когда мы ходили гулять, японцы часто показывали нам свои храмы и часовни и даже позволяли в них входить и там все рассматривать, без малейшего препятствия. В этом отношении они менее суеверны, нежели многие европейские народы. Японцы сами нас приглашали входить в их храмы и все показывали, а после тут же в дверях храма сажали нас, потчевали чаем, сагою и давали курить табак, да и сами то же делали. Внутренность их храмов с первого взгляда весьма походит на католические церкви: таким же образом стоит иконостас, множество резных или вылитых фигур, больших и малых подсвечников со свечами и пр.

Этот способ доставил нам случай очень хорошо высмотреть и заметить все тропинки, по коим мы должны были идти. Ходя в поле, мы прилежно собирали дикий лук и набрали такое количество, что Мур мог увериться в нашем намерении пробыть еще несколько времени в его сообществе, а по возвращении домой притворились, что крайне устали и легли отдыхать.

Вечером матросы наши взяли на кухне, скрытым образом, два ножа, а за полчаса до полуночи двое из них (Симонов и Шкаев) выползли на двор и спрятались под крыльцо, и коль скоро пробил полночь и сангарский патруль обошел двор, они начали рыть прокоп под стену. Тогда и мы все (кроме Мура и Алексея) вышли один за другим и пролезли за наружную сторону. При сем случае я, упираясь в землю ногой, скользнул и ударился коленом в небольшой кол, воткнутый в самом отверстии; удар был жестокий, но в ту же минуту я перестал чувствовать боль. Мы вышли на весьма узенькую тропинку между стеною и оврагом, так что с великим трудом могли добраться по ней до дороги, потом пошли скорым шагом между деревьями по гласису и по кладбищу, а через полчаса были уже при подошве гор, на которые надлежало подниматься.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Русские скитаются по горам Мацмая.— Японцы окружают их и возвращают в Мацмай.— Пребывание в плену.— Двукратное прибытие шлюпа «Диана» к берегам Японии.— Освобождение.

Надобно знать, что весь обширный остров Мацмай покрыт кряжами высочайших гор⁴³. Низменные долины находятся только при берегах и занимают небольшое пространство от моря до подошвы гор, которые после возвышаются постепенно хребтами, разделенными между собой глубокими лощинами и так, что один хребет выше другого; дошед напоследок до чрезвычайной высоты, они продолжают по всему острову, местами несколько понижаясь, а инде опять возвышаясь. И потому вся внутренняя часть острова необитаема⁴⁴, а селения, как японские, так и курильские, находятся только по берегам.

Мы начали подниматься на горы верстах в пяти от морского берега и старались, где место позволяло, итти прямо к северу, направляя путь свой по звездам. При подъеме на первую гору я уже стал чувствовать в полной мере жестокую боль в ушибленном колене, которое вдруг опухло чрезвычайным образом. Когда мы шли по ровному месту, то с помощью палки я мог слегка ступать больной ногой, и оттого боль несколько уменьшалась, но, поднимаясь вверх или идучи по косогору, по необходимости должно было упираться и больной ногой, тогда уже боль делалась нестерпимой. Притом, не быв в состоя-

нии ровно итти обеими ногами, я скоро устал и почти вовсе выбился из сил; почему товарищи мои принуждены были каждые полчаса останавливаться, чтоб дать мне время отдохнуть и облегчить хотя немного больное колено.

Намерение наше было прежде рассвета достигнуть покрытых лесом гор, чтобы иметь способ скрыться от поисков неприятеля; ибо японцев мы должны были теперь считать непримиримыми себе врагами.

Когда мы прогуливались в долинах, окружающих город, лес казался недалеко, но тут узнали опытом, как мы обманулись: прямой тропинки к нему мы не сыскали, а поднимались где могли, почему иногда, по причине весьма темной ночи, не имея возможности видеть предметы в нескольких шагах от себя, приближались к такой крутизне, что подняться на нее не было средств; в таком случае мы принужденными находились итти по косогору не вперед, а в сторону, в ожидании встретить удобный подъем. Попав же на оный, тотчас опять карабкались вверх, пока не встречали новых препятствий.

Таким образом мучились мы более трех часов; наконец, поднялись на высокий хребет гор и пошли по ровной вершине к северу. Но судьбе угодно было везде поставлять нам препятствия и затруднения: мы достигли теперь такой высоты, где ме-

стами лежал снег на большое пространство, а как по снегу идти нам было невозможно, ибо японцы достигли бы нас по следу, то, выбирая чистые места, где снегу не было, и не видя, далеко ли вперед они простираются, мы принуждены были ходить из стороны в сторону, а иногда и воротаться; отчего исходили пребольшие расстояния и измучились, но вперед подались мало.

Напоследок, за час до рассвета, вышли мы нечаянно на большую дорогу, по которой японцы ездят с вьючными лошадьми из города в лес за дровами, отчего дорога избита лошадиными копытами и людскими следами, притом и снегу на ней не было; следовательно, японцы наших следов никак приметить не могли; вела же она прямо на север к лесу и лежала по ровной вершине горного хребта. Мы весьма обрадовались такой встрече и удвоили свой шаг; теперь, идучи по ровному месту, я хотя и чувствовал в колене и даже во всей ноге жестокую боль, но в сравнении с тем, что испытал я, поднимаясь на горы, можно было назвать это великим облегчением.

Мы думали уже скоро достигнуть дремучего леса, и располагали, забравшись в чащу, отдыхать там целый день, но матрос Васильев, оглянувшись, вдруг сказал: «За нами гонятся на лошадях с фонарями», и с сими словами бросился с дороги в лощину. Взглянув назад, мы увидели несколько огней, показавшихся весьма близко; тогда и мы последовали за ним и начали спускаться по крутизне в глубокую лощину. Долго мы спускались, не находя ни леса, ни кустов, где можно было бы спрятаться, а между тем уже рассветало; если б тогда был день, то нас можно б было видеть со всех окружающих гор, а скрыться было негде.

Наконец, спустились мы на самый низ пространной лощины, со всех сторон окруженной почти голыми горами; в лощине лежало еще много снегу, но места, где бы можно было скрыться, мы не находили, а день уже настал. Несколько минут стояли мы на одном месте, озираясь кругом себя и не зная, что нам предпринять. Напоследок усмотрели в одном каменном утесе отверстие и, подойдя к

оному, нашли, что тут была небольшая пещера, в которой мы все едва могли поместиться. Подле самой пещеры лился с горы большой водопад и выбил в снегу под нею яму до самого дна лощины, футов на десять.

К пещере подошли мы по снегу, ибо в этом углу рывины было его набито весьма много. Она находилась в утесе, сажени на полторы от низу лощины, и водопадом снега выбито было столько, что мы едва могли, с помощью небольшого деревца, стоявшего у самого отверстия пещеры, ухватясь за оное, шагнуть в нее. Малейшая неосторожность (или если бы корень деревца был слабо утверждён в расщелине, из которой оно выросло) могла бы повергнуть кого-нибудь из нас в выбитую водопадом яму, перемочило бы его до нитки, да и выкарабкаться оттуда было бы ему трудно, а мне с больной ногой моей и вовсе невозможно. Однакож, благодаря бога, мы все благополучно вошли в пещеру.

Сидеть нам было очень непросто, а притом и жестко, ибо грот ваш до половины был наполнен плитняком, из коего состояла вся гора и который лежал в беспорядке. Многие плиты высунулись вверх краями и углами. Хуже всего было то, что мы почти не смели пошевелиться и принуждены были с величайшей осторожностью перемещать положение тела, потому что дно пещеры было покато к яме, сделанной водопадом, а плитняк мелок и сыпуч, так что мы с часу на час ожидали, что он покажется со всем и с нами в рывину.

Итак, мы не могли ни лечь, ни протянуться, а только облакачивались с одной стороны на другую. Впрочем, убежище наше было очень скрытно. Японцы, не подойдя вплоть к пещере, никак не могли нас видеть, а к счастью нашему, весьма холодный утренник так скрепил снег, что следы наши на нем не были приметны. Нас беспокоил только один случай, которому виною был товарищ наш Шкаев: когда мы уже спускались в лощину, он потерял колпак свой, сшитый им на дорогу из шерстяного русского чулка. Японцы, нашедши, тотчас увидели бы, что эта вещь из нашего гардероба, и могли бы к нам добратся. Притом надобно

сказать, что мы также опасались, чтобы снег у нашего выхода из пещеры в течение дня от действия солнечных лучей не стаял в большом количестве: тогда нам уже невозможно было бы опять выйти, ибо поутру, как я выше сказал, мы с трудом могли влезть в пещеру.

В таком положении мы просидели до самого захождения солнца, разговаривая о своем состоянии и о будущих наших предприятиях. День был весьма ясный, но солнечные лучи к нам не проникали, а сосед наш водопад еще более охлаждал окружающий нас воздух, отчего иногда едва зуб на зуб у нас попадал. В течение дня мы часто слышали удары топоров в лесу, который теперь был уже от нас не очень далеко, а перед захождением солнца, выглядывая из пещеры, видели на горах много людей. Впрочем, особенно примечательного ничего не случилось, разве то, что в одно время услышали мы шорох, как будто бы кто спускался к нам с горы; шорох увеличивался и приближался; мы ожидали уже каждую минуту увидеть отряд солдат, нас преследующих, и готовились защищаться и отбиться, буде можно, но вдруг явился дикий олень, который лишь только почуял близость людей, то вмиг от нас скрылся.

Когда появились на небе звезды, мы вышли из пещеры и стали подниматься к северу на высокую гору, которая отчасти была покрыта мелким редким лесом. В это время состояние мое было самое ужасное: сидя в пещере, я старался держать больную свою ногу почти всегда в одном положении, и она меня не слишком беспокоила; но когда мы пошли, а особенно когда стали подниматься на гору, тогда боль не только в одном колене, но и по всей ноге, от пятки до поясицы, сделалась нестерпимой. Я видел, какое мученье должен был перенести, поднявшись на одну эту гору, но что будет далее? Сколько раз еще нам надобно будет спускаться в пропасти и подниматься на утесы? А обстоятельства требовали, чтоб мы шли скоро.

Я чувствовал, что делал большую помеху своим товарищам и мог быть причиной их гибели, и потому стал

просить их именем бога оставить меня одного умереть в пустыне; но они на это никак согласиться не хотели. Я представлял им, что, видно, судьбе угодно уже, чтоб я погиб здесь, ибо при самом начале нашего покушения я сделался неспособным им сопутствовать, и так почему же им, быв в полном здравье и в силах, без всякой пользы для меня погибать со мной, когда они могут еще, завладев судном, спастись и достигнуть России. Следуя за ними, я должен буду только их задерживать и сам претерпевать лишнее мучение; рано или поздно они должны же будут меня оставить, и пр.

Однакож они просьбы моей не уважили, а говорили, что пока я жив, то не оставят меня, и что они готовы каждую четверть часа останавливаться и давать мне время отдыхать; когда же достигнем безопасного места, то можем пробыть там дня два или три для отдохновения и поправления больной моей ноги; сверх того, матрос Макаров вызвался сам добровольно помогать мне при подъемах на горы, таким образом, чтобы я шел за ним и держался за его кушак.

И так я решился, претерпевая ужасное мучение, следовать за моими товарищами, но уже, можно сказать, не шел, а Макаров тащил меня.

Поднявшись на первую гору, достигли мы ровной вершины ее, покрытой высокой прошлогодней травой и мелким растением дерева бамбу⁴⁵. Отдохнув несколько времени, пошли мы по вершине, направляя путь свой по звездам, к северу. Ночь была тихая и светлая, мы хорошо видели вдаль превысокие хребты, снегом покрытые, которые надлежало переходить. Тот хребет, по вершине коего мы шли, и следующий за ним были разделены преужасной ложиной, столь глубокой, что мы никак не могли решиться ночью спускаться в нее, опасаясь, чтобы не зайти в такую пропасть, из которой и назад выбраться будет трудно. Поэтому, вместо того, чтобы идти к северу, пошли мы вдоль ложины на запад в надежде встретить горы, соединяющие сии два хребта. Да и в самом деле недолго мы находились в бес-

покойстве и скоро нашли как будто нарочно искусством сделанную плотину, которая лежала прямо поперек всей лощины и соединяла оба хребта; она очень походила на дело рук человеческих, и только одна огромность ее показывала, что она есть творение природы.

Спускаясь на сей переход, увидели мы два шалаша, из коих происходил изредка свист, точно такой, каким у нас манят перепелов; присев в траву, мы долго слушали, желая удостовериться, птица ли это или охотники, сидевшие в шалашах. Наконец, решились итти к ним, полагая, что их не может быть такое число, с которым не могли бы мы управиться; но, подойдя поближе, увидели, что ночью два костра жердей нам показались шалашами.

Взяв из них по одной жерди вместо копий, пошли мы далее, а перейдя на другой хребет, попали на большую дорогу, ведущую к северу, по которой возят дрова и уголье на вьючных лошадях в город. Между тем заметили мы, что нынешней весной никто еще по ней не ездил, хотя везде кругом нас видны были огни, происходившие от жжения угля в ямах.

Продолжая итти по найденной нами дороге, начали мы встречать мелкий густой лес и большую траву и потому, когда время было уже за полночь, мы вздумали отдохнуть, забравшись в чащу, ибо, сидя в пещере на острых камнях, мы ни на минуту даже не могли задремать.

Проспав часа два, а может быть и более, пошли мы далее по дороге, которая с вершины хребта повела нас разными кривыми излучинами в преглубокую лощину. Спустившись туда на самый низ, пришли мы к небольшой речке, которая была ме-

Смешанный лес на острове Хоккайдо.

стами покрыта льдом и глубоким снегом, но он был так тверд, что мог нас поднимать. Тут мы потеряли свою дорогу и потому перешли по снегу всю лощину поперек оной к подъему на следующий хребет, в то место, где, по нашим догадкам, ожидали найти продолжение потерянной нами дороги. Однакоже большой дороги сыскать не могли, а карабаясь на гору, попали на небольшую тропинку.

Поднимаясь по ней, взошли мы на вершину хребта, который был выше всех тех, кои мы прошли, и как мы лезли весьма тихо, останавливаясь притом очень часто для отдохновения, то вершины хребта достигли перед самым почти рассветом

и, нашед тут удобное место для дневания, расположились остаться на весь день. Для этого мы умяли в густой чаще горного тростника (или мелкого растения бамбу) на такое пространство, на котором бы нам всем можно было лечь вплоть один к другому, чтобы хотя этим средством немного согреться, ибо утро было очень холодное, а мы одеты были не слишком тепло. Но и двух часов, я думаю, мы не в состоянии были пролежать, а спать почти и вовсе не могли: так много беспокоила нас стужа.

Лишь только настал день, мы встали и осмотрели все окружавшие нас предметы. Мы находились на превысокой горе и со всех сторон были окружены хребтами высоких гор; те из них, которые находились от нас к полуденной стороне, были ниже того хребта, на котором мы расположились, а находившиеся к северу несравненно его превышали. Впрочем, кроме неба, гор, леса и снега, мы ничего не видали, но эти предметы имели весьма величественный вид.

Приметив, что все вершины хребтов были покрыты небольшой мрачностью, мы заключили, что если у нас будет огонь, то с окружающих гор нельзя рассмотреть дыма; почему согласились развести юный между тростником, чтоб погреться около него и согреть чайник* не для того, чтобы пить чай (у нас его не было), а чтобы можно было засохшее и покрытое плесенью и гнилью наше пшено удобнее прогнать в горло. Мы хотели было сварить какой-нибудь дикой зелени, но в горах ничего не могли сыскать годного в пищу; здесь, можно сказать, почти еще царствовала зима: так высоко мы забрались.

Наломав сухих сучьев, развели мы огонь и согрели снежную воду; потом, сделав из горного тростника трубочки, пили посредством их воду, как насосом, и немного поели. Между тем с востока из-за дальних хребтов начали подниматься страшные тучи, и ветер в горах стал завывать.

* Уходя от японцев, мы не позабыли взять с собою медный чайник, который, к счастью нашему, в ту ночь работники оставили на очаге в каморке, где спали матрсы.

По мере возвышения туч расстилались они по хребтам, и ветер усиливался; грозный вид облаков показывал приближение ненастья. Мы думали, что в такую пору, верно, в горах нет опасности встретить кого-нибудь сильнее нас, а посланные в погоню издали нас приметить не могут, и решились, не дожидаясь ночи, пуститься в путь; к тому понуждал нас и холод, который стал теперь, несмотря на огонь, много нас беспокоить.

Пошли мы прямо на север по тропинке, бывшей на вершине горы, но она, поворачивая понемногу в сторону, тотчас повела нас назад; почему, своротив с нее, пошли мы сквозь горный тростник своим направлением и скоро пришли к спуску с хребта в долину; он был крут и местами покрыт снегом. Боль у меня в ноге не уменьшалась, и я с жестоким мучением шел или тащился, держась за кушак Макарова; но когда стали мы спускаться, нестерпимая боль заставляла меня катиться по снегу, сидя на одном лишь платье без всякой подстилки и управляя палкой с привязанным к ней долотом, которая служила мне также для уменьшения скорости, когда я катился по крутым спускам.

Ожидание ненастья не сбылось: облака рассеялись, сделалась весьма ясная погода, и все горы показались очень хорошо; но мы уже решились на один конец и не хотели останавливаться. Спускаясь к самой долине, увидели мы в ней, на берегу небольшой речки, две или три землянки, но в них не было никого. Переправясь через речку вброд, стали опять подниматься на превысокий хребет, по весьма крутой горе, которая, однакож, была покрыта большим лесом, почему мы имели ту выгоду, что могли, хватаясь за деревья, легче подниматься, а притом, прислонясь к ним, можно было чаще отдышаться, да и видеть нас с соседственных гор в лесу не было возможности.

Поднявшись уже довольно высоко, встретили мы крутой утес, на который надлежало нам карабкаться с превеликим трудом и опасностью. Достигнув самого верха утеса, мне нельзя уже было держаться за кушак Макарова, иначе он не мог бы с

такой тяжестью взлезть на вершину, и потому я, поставив пальцы здоровой ноги на небольшой камень, высунувшийся из утеса, а правую руку перекинув через молодое дерево, подле самой вершины его бывшее, которое так наклонилось, что было почти в горизонтальном положении, стал дожидаться, пока Макаров взлезет наверх и будет в состоянии мне пособить подняться; но, тащив меня за собою, Макаров, хотя, впрочем, весьма сильный, так устал, что лишь поднялся вверх, как в ту же минуту упал и протянулся как мертвый. В это самое время камень, на котором я стоял, отвалился от утеса и полетел вниз, а я повис на одной руке, не будв в состоянии ни на что опереться ногами, ибо в этом месте утес был весьма гладок. Недалеко от меня были все наши матросы, но от чрезмерной усталости они не могли мне подать никакой помощи; Макаров лежал почти без чувств, а Хлебников поднимался в другом месте.

Пробыв в таком мучительном положении несколько минут, я начал чувствовать чрезмерную боль в руке, на которой висел, и хотел было уже опуститься в бывшую подо мною пропасть в глубину сажен с лишком на сто, чтоб в одну секунду кончилось мое мучение, но Макаров, пришед в чувство и увидев мое положение, подошел ко мне, одну ногу поставил на высунувшийся из утеса против самой моей груди небольшой камешек, а руками схватился за ветви молодого дерева, стоявшего на вершине утеса, и, сказав мне, чтоб я свободной своей рукой ухватился за его кушак, употребил всю свою силу и вытащил меня наверх. Если бы камень из-под ноги у Макарова упал или ветви, за которые он держался, изломались, тогда бы мы оба полетели стремглав в пропасть и погбли бы без всякого сомнения.

Между тем Хлебников, поднимавшийся в другом месте, почти на половине высоты утеса встретил такие препятствия, что никак не мог лезть выше, а что всего хуже, то и на низ спуститься уже не был в состоянии, почему матросы, связав несколько кушаков, спустили к нему один конец и пособили ему выйти из такого опасного положения.

Добравшись все до половины утеса и отдохнув тут, стали мы опять подниматься на хребет. Мы издали видели близ вершины этой горы землянку, или, может быть, что-нибудь показалось нам землянкой, почему и вознамерились мы, достигнув ее, переночевать в ней и для того поднимались к тому месту, где предполагали найти ее.

Перед заходом солнца достигли мы, с превеличайшими трудами, самой вершины хребта, который был один из высочайших по всему Мацмаю⁴⁶, ибо из гор, виденных нами к северу, немногие превышали его вышиной. Вершина сего хребта вся покрыта была горным тростником, между коим повсюду лежал снег. Большие деревья только изредка стояли кое-где; землянки мы не нашли; но тут считали себя в совершенной безопасности, ибо никак не ожидали, чтоб японцы вздумали искать нас на такой ужасной высоте, почему тотчас развели огонь и стали готовить ужин, состоявший в черемше и конском щавеле, набранных нами по берегам речки, которую мы сегодня (25 апреля) прошли в долине вброд. Растения сварили мы в снежной воде, а между тем высушили свое платье, которое перемочили при переходе рекой, где вода была гораздо выше колена, и построили на ночь из горного тростника шалаш.

Наевшись вареной травы с небольшим количеством нашего запаса, мы легли спать, когда уже наступала ночь. От жестокой усталости и от неспанья более двух суток сначала я уснул крепко и, может быть, часа три спал очень покойно. Но, проснувшись и почувствовав, что у нас в шалаше было чрезвычайно жарко, я вышел на воздух.

Тут, подле шалаша, прислонившись к дереву, стал я размышлять на свободе. Сперва обратил на себя все мое внимание величественный вид окружавшего нас места: небо было чисто, но под ногами нашими, между хребтами, носились черные тучи, и надобно было полагать, что на низменных местах шел дождь; все горы, кругом покрытые снегом, видны были весьма ясно; я никогда прежде не замечал, чтоб звезды так

ярко блистали, как в эту ночь. В окрестностях же царствовала глубокая тишина.

Но это величественное зрелище мгновенно в мыслях моих исчезло, когда я обратился к своему положению. Мне представился вдруг весь ужас нашего состояния: мы, шестеро только, находились на одном из высочайших хребтов Мацмая, без платья, без пищи, а что всего хуже — и без оружия, помощью коего можно было бы достать то и другое; мы были окружены неприятелями и дикими зверями*, не имея при себе способов к обороне. Мы скитались на острове, для переезда с коего нужно было завладеть судном и иметь силы управлять им, а мы уже почти вовсе их потеряли от чрезвычайных трудов, встретившихся нам на пути через горы. Сверх всего этого, больная моя нога на каждом шагу заставляла меня терпеть ужасное мучение.

Размышление о беспомощном нашем состоянии доводило меня до отчаяния; между тем некоторые из моих товарищей также проснулись; их вздохи, стоны и звания к богу еще более меня растрогали; тогда же я позабыл свое состояние, а сожалел единственно о них. В таком положении я простоял более часа; наконец, чрезвычайный холод заставил меня искать убежища в шалаше, где я опять лег, но уже более не мог сомкнуть глаз.

На рассвете (26 апреля) мы встали, развели огонь, сварили опять черемши и щавелью для завтрака, поели и пошли в путь. Сего утра мы решились не идти уже далее по горам, а нашедши речку, текущую к западу, стараться по ней выйти на морской берег и по берегу идти к северу, изыскивая случай овладеть судном или лодкой.

Приняв такое намерение, спустились мы с хребта в преглубокую лощину, в которой и нашли точно такую реку, какой желали; почему,

* Мацмайские леса наполнены медведями⁴⁷, волками, лисицами, зайцами, оленями, дикими козами; также водятся в них и соболи, только шерстью они красноваты, почему и не имеют почти никакой цены; здешние медведи чрезвычайно люты и нападают как на людей, так и на скотину.

не поднимаясь на горы, пошли берегом вниз по реке к западу, но путь наш и тут был немногим легче того, какой мы имели, идучи горами. Река текла местами немалое расстояние в узких ущелинах между каменистыми горами, с великим стремлением. В таких местах мы принуждены были пробираться с преобладающим трудом и опасностью, ибо малейшая неосторожность или нечаянность угрожала нам падением в воду, быстрина коей увлекла бы нас и разбила между камнями. Притом мы каждые четверть часа и чаще еще должны были переходить реку вброд с одного берега на другой.

Избегая утесистых берегов, по которым идти нельзя, и выбирая ровные, мы всегда старались переходить там, где течение реки не так быстро, но иногда по необходимости переходили в таких местах, что едва с помощью палки могли держаться против стремления воды. Глубина же реки была не одинакова: местами до колена, а инде и в пояс.

Когда мы прошли немного далее к западу, начали нам попадаться по берегу пустые хижины, в коих летом живут дровосеки и выжигатели угляев. Мы искали в них съестных припасов, но ничего такого тут не было, а нашли старый топор и долото, покрытые ржавчиной, и две чашечки под лаком, которые и взяли с собой. День был ясный, и солнце сияло очень ярко, почему, прежде нежели скрылось оно за горы, мы расположились ночевать в одной хижине, при которой была угольная печь, с намерением высушить на солнце свое платье, измоченное при переходе через реку; огня же большого для того мы развести не смели, чтоб не подать знака о себе японцам, и имели только небольшой огонь, на котором сварили черемшу, купырья и щавель, собранные на пути. Высушив платье, легли спать в хижине, которая не имела половинны крыши, почему мы спали под чистым небом. Ночь была холодная, но холод нас мало беспокоил, ибо мы легли на солому и ею же прикрылись.

Поутру 27 апреля, окончив обыкновенный наш завтрак, пошли далее вниз по реке; но, пройдя часа два, увидели хижину, из которой шел

Японский горный ландшафт.

дым. Мы не находили никакой пользы сделать насилье бедным жителям, а показаться им и оставить их было опасно, чтобы они не дали знать о нас посланным за нами в погоню, почему мы, поднявшись на гору, покрытую лесом, пошли по косогору к западу; потом спустились в лощину по найденной нами тропинке, где, у ручья, в половине дня поели немного бобов и пшена и стали по той же тропинке подниматься на гору.

Поднявшись, увидели мы через другие, меньшие горы море; но все они, как и та, на которой мы находились, были совершенно голые; на них не росло ни кустарника, ни высокой травы; впрочем, все они были, так сказать, исчерчены дорожками в разных направлениях. День же был так ясен, что, стоя на одной горе, можно даже было видеть собаку, бегущую по тропинке на другой. Следовательно, нам тут итти было опасно: японцы могли издалека, по числу и даже по росту нашему, угадать, кто мы таковы. Но, с другой стороны, нам жаль было терять время даром. Мы хотели, к вечеру подойдя вплоть к морскому берегу, отдохнуть немного, а в ночь пустить-

ся вдоль его, почему и решились итти согнувшись и в некотором расстоянии один от другого, примечая во все стороны, не покажутся ли люди.

Таким образом шли мы с час и спустились на другую небольшую гору; но тут итти было очень опасно, ибо даже и с берега, где у японцев лежит большая дорога, нас могли приметить, почему мы легли на траве и советовались, что нам предпринять.

В самое это время вдруг показался конный отряд, ехавший прямо к нам по тропинке; мы тотчас ползком спустились в лощину и засели в кусте, которыми были покрыты обе ее стороны. Конные проехали, не приметив нас; тут мы увидели, сколь неблагоразумно было итти нам по горам, ибо если б в это время, когда они вдруг взъехали на гору, мы не лежали, а шли, то нам нельзя было бы не открыть себя им и они тотчас бы нас настигли.

По лощине, в которую мы спустились, тек небольшой ручей. Дно его было грязно и наполнено сгнившими корнями и листьями; разрывая оные, мы находили в тине небольших раков, в полдюдма величи-

ною; вид их был весьма отвратителен, но мы ели насекомых, как какое-нибудь лакомство.

Просидев около часа в лощине, мы согласились идти по ней (ибо она вела к морскому берегу прямо), пока есть кусты по сторонам ее или покуда не увидим ясно со дна дорожек на горах. Таким образом шли мы более часа. Напоследок пришли в такое место, которое видно было с разных дорог, по горам лежащих; почему мы засели в мелкий лес, в котором также много было горного тростника. Тут мы нашли прекрасные молодые деревья; сделали из них себе копья, на которые насадили ножи и долото, а другие просто заострили. Один же из матросов был вооружен найденным в хижине топором.

Пока мы занимались сим делом, вдруг услышали голоса приближающихся к нам людей; они прошли по другой стороне лощины близко нас, и Хлебников их видел, но они нас не приметили; однакож это были не посланные за нами, а рабочие люди, потому что между ними находились женщины.

Перед сумерками мы пошли далее и, когда настала ночь, вышли на морской берег и пошли по нем к северу. Но, не пройдя и версты, вдруг очутились подле самого селения, стоявшего при высоком утесе, отчего мы не приметили его прежде. Сначала мы остановились и опасались идти селением, полагая, что в нем есть караул; но как на утес подниматься было высоко и трудно, то и решились мы во что бы то ни стало пуститься прямо. Нам удалось пройти селение без малейшего препятствия; мы никого не видали, и на нас даже собаки не лаяли. Мы еще останавливались для осмотра попавшихся нам двух лодок; они были очень хороши, только малы; потому и пошли мы далее, в надежде со временем сыскать суда удобнейшие для нашего намерения.

Случай сей был для нас весьма приятен: мы уверились, что японцы караулят не всякое селение и суда в оном. В продолжение ночи прошли мы еще несколько селений так же смело, как и первое, видели подле них лодки, но ни одной не находили

для нас годной. Впрочем, дорога наша по берегу не так-то была легка, как мы сначала предполагали, ибо между горами и берегом была высокая равнина, весьма часто пересекаемая глубокими оврагами, из коих в некоторых текут из гор к морю речки и ручьи, а там, где крутые каменные утесы, встречающиеся здесь очень часто, препятствуют идти подле самой воды, дорога поднимается с берега на равнину и идет через помянутые овраги. Спуски и подъемы с них круты и часто для облегчения идут излучинами по весьма узким тропинкам, посему мы часто их теряли, а особливо спустившись в лощины, которые обыкновенно были усеяны мелкими камнями или песком. Мы уже не видали дороги и не знали, в котором месте настоящий подъем на другой стороне, а потому принуждены были по часу и более искать дороги. Иногда же, не быв в состоянии найти оную, должны были в темноте карабкаться наверх в таком крутом месте, что с величайшим трудом и крайнею опасностью едва могли достигать вершины. Нередко также случалось, что, идучи по низменному берегу, мы встречали непроходимые утесы и камни, почему или ворочались или карабкались наверх с беспрестанной опасностью сломить себе шею.

Перед рассветом (28 апреля) стали мы подниматься в горы, чтобы спрятаться на день. Когда уже рассвело, мы находились на высокой, почти совсем голой горе, не имея места, где нам скрыться. Напоследок нашли при ее вершине к оврагу небольшой приступок, на котором было несколько маленьких кустиков: тогда мы, наломив в разных местах по горе прутьев из кустов, воткнули их тут же и сели за ними. К несчастью нашему, на этих горах снегу уже не было, да и воды достать было невозможно, почему нас ужасным образом мучила жажда.

На другой стороне оврага, против того места, где мы сидели, шла дорога в лес, по которой взад и вперед несколько раз проезжали люди с выючными лошадьми; мы их весьма хорошо видели и даже могли бы узнать в лицо, если бы они нам были знакомы, но они нас не приметили.

Впрочем, могли бы увидеть, если бы кто из них пристально посмотрел в нашу сторону.

Во весь день мы занимались работой: сшили два паруса из своих рубашек и приготовили из взятых с собою веревок и из лоскутьев бумажной материи, свитых веревками, все нужные к ним снасти.

От того места, где мы сидели, близко было одно селение, которое мы видели. К вечеру мы заметили, что одно из судов, шедших вдоль берега, подошло к селению и стало на якорь. Мы тотчас решились в эту ночь напасть на него, если ветер будет благоприятствовать; почему, по заходе солнца, спустились с горы к морскому берегу и пошли назад к помянутому селению.

Подойдя, мы услышали необыкновенный шум, происшедший от многих голосов с того судна; мы сели с намерением дожидаться глубокой ночи, а тогда уже сделать нападение, но скоро увидели, что судно снималось с якоря, и люди на нем шумели, работая. Тогда нечего было терять времени, и мы пошли опять вперед по берегу. В эту ночь мы терпели более, нежели в первую, ибо враги встречались чаще и были выше, а притом во многих лощинах мы принуждены были переходить реки вброд.

Около полуночи пришли мы к чрезвычайно большому селению; сначала вошли в улицу и хотели пройти сквозь него прямо; но, заметив, как оно велико, и услышав, что в середине его караульные били часы, по японскому обыкновению, дощечками, принуждены были обойти кругом. При сем селении огороды занимали такое пространство, что мы никак не могли их миновать, а идучи ими, оставили следы свои, которые, по одной величине их, уже были слишком приметны*.

* По непривычке носить японскую обувь мы просили, чтобы нам дали кожи, а один из матросов, быв сапожником, мог сшить нам сапоги. Японцы дали нам тюленью кожи на голенища, а кожу с медвежьих голоз на подошвы. Из этого материала Симонов сшил нам сапоги, или, лучше сказать, бахилы, называемые по-сибирски торбасами. Они были чрезвычайно велики, а след ног матросов наших, обутых в такие сапоги, конечно, был более нежели

По берегу в разных местах видели мы большие огни. Сначала нам не было известно, что они значат; мы думали, что по берегу расставлены пикеты, которые их жгут. Но вскоре после увидели, что это были маяки на выдавшихся в море мысах для судов, которые тогда проходили, ибо коль скоро на судне, проходившем мыс, показывались фонари, зажигали в то же время огонь и на мысу.

На заре (29 апреля) стали мы подниматься в горы для дневки. Когда совсем рассвело, мы были на вершине высокой голой горы, где, однакож, не было для нас убежища, ибо во всех направлениях кругом мы видели тропинки, по которым жители из разных селений ходят в лес. Мы спустились на другую сторону в глубокую, покрытую лесом лощину, на дне коей тек ручей. Тут мы расположились в безопасном месте и развели огонь, чтоб обсушиться и обогреться, ибо день был отменно холодный и ветреный, а притом набрали черемши, дегильев и бортовнику, которые сварили и поели, только не весьма с хорошим аппетитом, ибо трава да трава, без всякой другой пищи, кроме горсточки бобов или пшена, слишком нам наскучила и даже сделалась отвратительной, так что я вовсе потерял позыв на еду, но пил почти беспрестанно, когда вода попадалась.

Теперь мы начали помышлять, как бы прежде нападения на судно снабдить себя съестными припасами да забраться в какое-нибудь безопасное место в лесу, построить там шалаш и поправить немного свои силы, ибо мы почти все их потеряли как по недостатку пищи, так и по чрезмерно трудным переходам. К несчастью нашему, горы на большое расстояние от берега были оголены** совершенно, а селения попадались нам почти на каждых трех верстах;

вдвое против японских следов; итак, нельзя, чтоб они, увидев наши следы, не догадались, чьи они.

** К востоку от Мацмая берега до самого моря покрыты лесом, почему мы думали, что и те, которые находятся к западу от горюда, также много имеют лесу. Но нашли совсем противное, ибо от моря на большое расстояние внутри острова весь лес вырублен на дрова и на уголь, которым здесь чрезвычайный расход, потому что японцы не

из них днем люди беспрестанно ходят по горам в лес, а потому близко берега в дневное время мы не имели никакого способа укрыться, но должны были перед рассветом тащиться по горам несколько верст в лес, а к ночи опять той же утомительной дорогой выходить на берег, так что, достигнув только берега, мы были уже изнурены и едва могли идти.

Выбирая способы снабдить себя пищей, мы не хотели без крайности употреблять силу, чтоб тем не раздражить еще более японцев и не заставить их увеличить надзор и стражу при судах. Завладеть судном — был наш главный предмет, ибо мы знали, что их суда всегда бывают достаточно снабжены съестными припасами и пресной водой. В ожидании же удобного случая мы решились, проходя селениями, искать вешал, на коих японцы вялят и сушат рыбу, или стараться поймать в поле лошадь или две, увести их в лес и, достигнув там безопасного места, убить и кормиться до времени лошадиным мясом.

По закате солнца мы поднялись в поход и, достигнув морского берега, пошли вдоль него, встречая прежние трудности, а в некоторых отношениях еще и более, ибо овраги становились круче и выше, реки в лощинах стали попадаться чаще, а притом текли они с чрезвычайной быстротой и были в глубину местами в пояс. Сверх всего этого, шел сильный дождь, который, вымочив нас, препятствовал еще и отдыхать на траве.

В эту ночь, идучи вдоль берега, подле самой воды, увидели мы перед собою недалеко огонь, но когда приблизились к нему, вдруг он исчез. Там, где он показался, мы встретили утес чрезвычайной высоты, но ни пещеры, ни хижины никакой не нашли и не знаем, откуда происходил огонь, или это был только призрак.

На утес поднялись мы с превеликим трудом и после, пройдя неболь-

имеют печей, а держат беспрестанно огонь в очагах, и как зимы здесь бывают холодны и продолжительны, то для такого великого народонаселения потребно множество дров и угля. Недостаток в лесе на ближних к морю горах с западной стороны Мацмая показывает, что японцы в этом краю стали селиться сначала, а восточную сторону заняли недавно. Основание города Мацмая они считают около четырехсот лет перед сим.

шое расстояние, спустились в весьма глубокую лощину, и когда из нее поднялись на равнину по крутой излучистой и скользкой тропинке, Хлебников поскользнулся и покатился в овраг; на несколько минут он задержался, но после опять покатился ниже. Тогда мы ничего не могли слышать, что с ним сделалось. На вопросы наши, произносимые обыкновенным голосом, он не отвечал, а кричать было невозможно, ибо по обе стороны от нас недалеко были селения. Ночь была так темна, что в десяти шагах ничего не было видно.

Мы вздумали связать все наши кушаки; к одному концу их привязали Васильева, который и стал спускаться в овраг, куда упал Хлебников, а мы сели и, держа кушаки крепко, понемногу выпускали их; наконец, выпустив все, принуждены были опять его вытащить. Васильев сказал нам, что он опускался низко, но далеко ли еще простирается эта пропасть в глубину, увидеть никак не мог. Он кликал Хлебникова, но ответа не получил.

Таким образом мы решились ждать рассвета, а тогда одному из нас спуститься в овраг и посмотреть, жив ли Хлебников и в каком он состоянии. В такой мучительной неизвестности об одном из самых полезных наших товарищей пробыли мы часа два. Наконец, услышали в траве шорох, а потом, к неизяснимому нашему удовольствию, увидели, что это был Хлебников. Он сказал нам, что, упав в рытвину, катился он несколько сажень, потом на несколько минут задержался, но, покушаясь подниматься и не видя ничего около себя, опять покатился; наконец, сажени на четыре перпендикулярной высоты упал в лощину, но, к счастью, не на камень, однакож жестоко ушибся*; наконец, встал и, карабкаясь кое-как, достиг того места, где мы его ожидали. Отдохнув немного, он опять пошел с нами, хотя и чувствовал боль в разных частях тела.

Я и теперь без ужаса не могу помыслить, на какие страшные утесы мы иногда поднимались и в какие пропасти часто принуждены были

* Следствие сего удара он чувствовал несколько лет.

спускаться. Иногда, поднимаясь на превысокий утес, имея под собою камень, хватались мы за какой-нибудь прут, выросший в расщелинах горы, не зная, крепок ли его корень или не иссох ли он сам, так что если бы он выдернулся, то державшийся за него вмиг полетел бы в пропасть и разбился бы вдребезги о камень. Часто становились мы на высунувшиеся из утеса камни, которые даже шатались.

Отчаянное наше положение заставляло нас забывать все опасности, или, лучше сказать, пренебрегать ими.

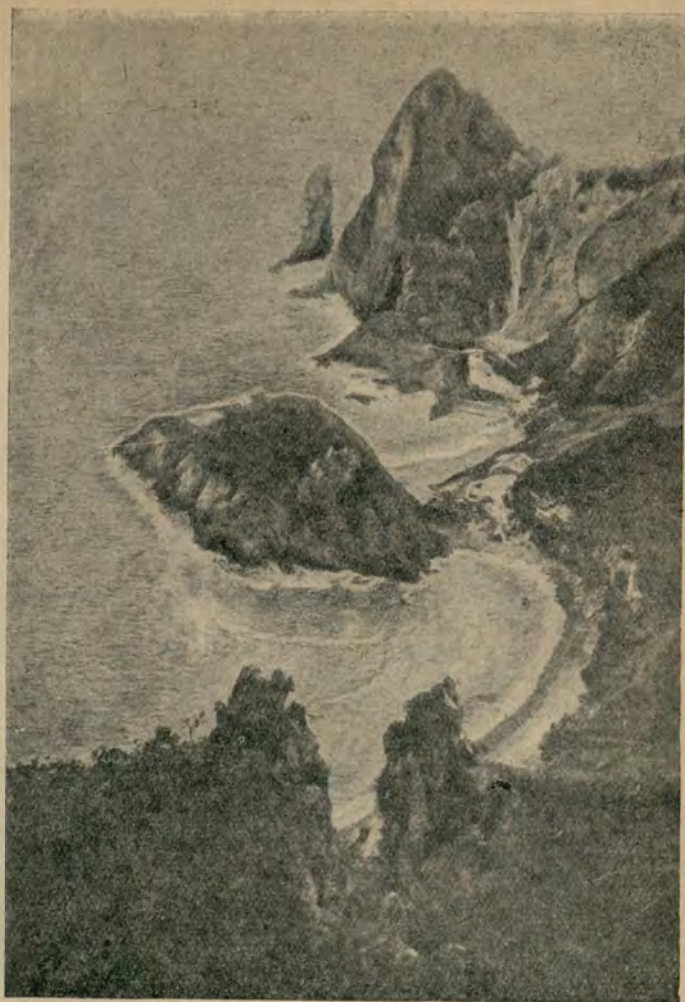
Я только желал, чтоб, в случае если упаду, удар был решительный, дабы не мучиться несколько от боли.

Перед рассветом (30 апреля), по обыкновенно нашему, стали мы подниматься на горы и забрались в частый мелкий лес, где и засели недалеко от дороги, почему и огня нам нельзя было иметь, а нужно было бы, ибо мы все были мокры, да и тогда шел дождь.

Итак, мы легли рядом друг к другу и оделись нашими парусами. В продолжение дня товарищи мои немного поели из бывшей у них провизии; но я вовсе потерял аппетит, и только жажда меня мучила ужасным образом.

При наступлении ночи мы вышли опять на берег и пошли далее. Во всех селениях, коими проходили, не видали мы ни одной лодки, удобной для нашего предприятия, и, к несчастью нашему, осматривая вешала, рыбы на них не нашли. Надобно думать, что тогда лов еще не начинался, или на ночь японцы рыбу снимают. В поле видели мы лошадей и пытались ловить, но нашли их столь пугливыми и осторожными, что никак не могли поймать ни одной.

В эту ночь подошли мы к крутому спуску с равнины на морской берег и, спустившись до половины,

Скалистые берега острова Хоккайдо.

приметили, что спуск вел нас в самое селение; продолжая идти, мы сбились с тропинки и, приняв в темноте наваленную стогом вплоть к горе солому за отлогость спуска, взошли на онаю и, покотившись с нею вместе, вдруг очутились подле дома на гумне. Тут бросились на нас собаки, но мы, поправясь, продолжали спокойно свой путь. Видели двух человек с фонарями, которые, конечно, должны были нас заметить. Жажда мучила нас всех до такой степени, что мы не пропускали ни одной речки, ни одного ручья, чтоб не напиться. Но всякий раз, когда я пил воду, в ту же минуту после начинало меня тошнить: настоящей рвоты не было, а беспрестанно шла слюна и через четверть часа после делался сильный позыв на питье.

Таким образом, встречая часто

воду, я почти беспрестанно пил и мучился позывом на рвоту, но есть мне совсем не хотелось. В это время у всех нас изнутри происходил отвратительный запах, который самим нам был несносен.

Мая первого мы дневали на косогоре, при берегу реки, в густом лесу, подле самого селения, находившегося на песчаном мысу у моря. Из лесу видели мы многих конных и пеших, переходивших вброд через реку, и подле нас близко по дороге ходили люди; и потому принуждены мы были просидеть целый день без огня, а когда наступила ночь, пошли в путь. Встретив несколько человек с огнями, мы прижались к деревьям и пропустили их; они скоро воротились, тогда и мы пошли. Подойдя к селению, услышали мы, что там обходные били часы; это означало, что тут была военная команда, а как ночь не довольно еще стемнела и они могли нас увидеть, то решились мы подождать.

Между тем, увидев подле самого селения на лугу лошадь, привязанную на аркане, мы хотели ее взять, завести подалее в лес и убить; на сей конец уже и аркан отрезали, но вдруг вскочил жеребенок. Это была кобыла; ее жеребенок, бегая кругом, стал ржать очень громко; поймать же его мы никак не могли, а потому, опасаясь, чтобы по ржанию его японцы нас не настигли, мы принуждены были оставить кобылу. После хотели было надоить от нее в чайник молока, которое послужило бы нам к большому облегчению, но она подошедшему к ней матросу дала было такого толчка, что мы потеряли охоту к молоку.

Когда наступила совершенная ночь, мы пошли мимо селений в нескольких шагах от оною, подле самого берега, и когда поравнялись против середины селения, бросились на нас собаки. Опасаясь, чтобы они лаем своим не возбудили внимания караульных, мы принуждены были сесть на берегу за высокой песчаной насыпью. Собаки остановились, смотрели на нас и ворчали; но лишь только мы встали с места, чтоб итти, они тотчас бросались на нас, начинали лаять и заставляли опять садиться; таким образом принуждены мы

были более получаса просидеть на одном месте, пока собаки не удалились.

После того прошли мы еще несколько селений. При одном из них увидели стоящую у берега на воде лодку, а подле нее на берегу была палатка, наподобие будки. Матрос Шкаев, желая нетерпеливо узнать, нет ли в палатке чего-нибудь съестного, просунул туда руку и схватил невзначай за лицо спавшего там человека, который в ту же секунду громко закричал. Опасаясь, чтоб из селения на нас не напали, и не зная точно, могла ли лодка вместить всех нас, мы тотчас удалились и легли за камень, а потом двое из нас подошли потихоньку высмотреть лодку, но, увидев, что на ней ходил человек и озирался во все стороны, мы сочли за нужное оставить его, и пошли далее вдоль селения.

Не пройдя еще оною, нашли мы несколько лодок, затащенных на бугор к самым домам; мы их осмотрели и нашли, что они были очень для нас удобны, но стояли от воды так далеко, что спустить их мы не имели никакого способа; почему и принуждены были продолжать путь далее.

Вскоре после того нашли мы на пустом берегу большую лодку, стоящую под крышей, в которой, кроме парусов*, был весь нужный снаряд, даже ведерки, в которые могли бы мы запасти пресную воду. В это время и ветер нам благоприятствовал. Но, к несчастю нашему, лодка стояла боком к воде, следовательно, для спуска оной, надлежало прежде ее поворотить, для чего у нас не доставало сил. Если бы она стояла к морю носом или кормой, мы бы ее спустили и, в первом доме ближнего селения, отбив силой несколько съестных припасов, пустились бы в море. Но как спустить лодку возможности не было, то мы, взяв из нее лейку, чтоб доставать и пить ею воду, пошли далее, а на заре, по обыкновению нашему, стали подниматься на дневание в горы.

День наступил, но мы еще были на голой горе, на которой находилось несколько мелких кустов; кругом же

* Но паруса у нас были свои.

нас были везде тропинки; по берегу видели мы селения, а густой лес, где бы нам можно было скрыться, находился от нас в таком расстоянии, что мы долго достигнуть до него не могли. Итак, решились по необходимости сесть между кустами в том месте, где мы были при наступлении дня.

День был ясный. Мы стали просушивать свое платье, а между тем составляли новый план нашим действиям. Мы видели, что, не употребив силы, невозможно нам будет получить съестных припасов, а сделав это и остаршися на берегу, могли мы только лишь понудить японцев увеличить осторожность свою и расставить караулы по берегам. Завладеть же удобным для нашего предприятия судном едва ли могли скоро сыскать случай, почему и стали мы помышлять, нельзя ли взять две рыбацкие лодки, каких по берегу везде было много, и переехать на небольшой, покрытый лесом остров, находившийся от берега верстах в двадцати пяти или тридцати⁴⁸, на котором, как то мы прежде еще в Мацмае слышали от японцев, нет жителей. Там могли мы устроить порядочный шалаш и держать огонь, когда угодно. Притом можно было без всякой опасности ходить днем по берегу и собирать раковины и разные морские растения, употребляемые в пищу. Таким образом имели бы мы средство долго жить в ожидании случая напасть в тихую погоду на какую-нибудь идущую с грузом лодку, ибо в течение трех дней, когда мы имели в виду сей остров, замечено нами, что все суда и лодки, шедшие в обе стороны вдоль берега, проходили между сим островом и берегом Мацмая, и, как казалось, гораздо ближе к острову. Потому мы и думали, во время тишины морской, какая здесь летом часто бывает по вечерам, буде случится в виду лодка, выехать и напасть на нее. Если этого не удастся скоро сделать, то уже летом, когда ветры бывают тише и дуют почти беспрестанно с восточной стороны, пуститься в тех же рыбацких лодках на Татарский берег, отстоящий от Мацмая в четырехстах верстах.

Но в то самое время, когда мы

занимались изобретением способов к нашему спасению, судьба готовила нам другую участь. Мы увидели, что люди стали ходить кругом нас по тропинкам, хотя нас и не примечали. Однакоже напоследок Хлебников увидел, что в некотором расстоянии от нас, на высоком холме, стояла женщина, которая, часто посматривая к нам, поворачивалась во все стороны и махала рукой, сзывая людей. Мы тотчас догадались, что она нас видит и, верно, делает знаки поселянам, почему и стали спускаться в лощину, чтоб пробраться по ней к лесу. Но не успели мы сойти на самый низ ее, как вдруг лощину с обеих сторон окружили люди, прибежавшие и приехавшие верхом; они подняли страшный крик.

Я и Макаров пошли в мелкие кусты и скоро от них скрылись. Но из кустов далее идти нам не было возможно, почему мы тут легли, ожидая своих товарищей и высматривая, сколько было тут поселян и чем они вооружены. Но, к великому нашему удивлению, увидели, вместо поселян, несколько десятков солдат, под командой одного офицера, бывшего на лошади; они все были вооружены не только саблями и кинжалами, но и ружьями и стрелами. Они уже успели окружить наших четырех товарищей, которые принуждены были сдаться. Мы из кустов видели, как японцы им связали руки назад, спрашивали о нас и повели к морскому берегу.

Народ же между тем сбегался, и японцы принялись искать нас двоих. Тогда Макаров спросил меня, что мы двое будем делать. Я ему сказал: может быть, до ночи японцы нас не сыщут; мы проберемся к морскому берегу, спустим рыбацкую лодку и уедем на остров, а потом на Татарский берег. Но где паруса наши, чайник, огниво, большие ножи? Это все было у наших товарищей и попало к японцам, а у нас осталось только по рогатине: у меня с долотом, а у Макарова с ножом. Однакож, несмотря на это, я предложил моему товарищу, если мы освободимся от японцев, поискать на берегу рыбацкой хижины и силой получить все нам нужное; он согласился.

Мы сидели, прижавшись в кустах,

и видели сквозь ветви солдат и посе- лян, бегавших по обеим сторонам лощины и нас искавших. Наконец, четыре человека, из них двое с саб- лями, а двое с копьями, спустились в лощину и пошли вдоль ее прямо к нам, а прочие по сторонам лощины шли рядом с ними, держа ружья и стрелы в руках. Те четверо, которые шли рядом с ними, держа ружья и собака с трудом могла бы скрыть- ся, ощупывали концом копья, а потом к нему приближались.

Когда они были уже близко нас, Макаров, увидев, что я взял в руки свою рогатину, стал со слезами меня просить, чтобы я не защищался и не убил кого из японцев, говоря, что в таком случае я погублю всех своих товарищей, но, отдавшись, могу спа- сти их, сказав японцам, что я, как начальник, приказал им уйти со мной и что они не послушать меня не сме- ли, опасаясь наказания в России, буде бы когда-нибудь мы туда воз- вратились.

Слова сии, касавшиеся до спасе- ния моих товарищей, произвели надо мной такое действие, что я в ту же минуту, воткнув в землю мое копьё, вышел вдруг из куста к японцам, а за мною и Макаров. Такое явление заставило их отступить шага на два; но, увидев, что у нас не было ничего в руках, они к нам подошли смело, взяли нас, завязали слабо руки назад и повели к морскому берегу в селе- ние. Впрочем, не делали никаких обид или ругательств; напротив того, приметив, что я хромал и не мог без большой боли ступать, двое из них взяли меня под руки, помогали под- ниматься на горы и вообще пособ- ляли идти трудными местами. В селе- нии привели нас в дом, где были уже наши товарищи, с которыми и нас посадили.

Тут дали нам sake и накормили сарачинской кашей, сельдями и редь- кой, а после напоили чаем; потом развязали нам руки и связали их иначе, наперед, весьма слабо, со- всем не с такой жестокостью, как в Кунасири. Пробыв с час в селении, повели нас по берегу в Мацмай, за крепким конвоем. Тут заметили мы, что по следам нашим, на берегу, где мы шли ночью, японцы ставили тычинки, а где мы поднимались в

горы, там они след наш теряли; но после на песке по морскому берегу опять находили. Это показывало, что они беспрестанно следовали за нами*, но напасть на нас не хотели, вероятно, опасаясь, чтоб мы, защи- щая себя, многих из них не пере- били, а может быть, и по другим причинам.

Когда мы проходили селения, весь народ собирался смотреть нас, но никто из них не делал нам никаких обид, ниже насмешек, а смотрели на нас все с выражением жалости. Впро- чем, конвойный наш начальник обхо- дился с нами суровее, нежели как прежде дельвали японские чиновники. Например, мы шли беспрестанно пеш- ком, хотя мог бы он дать нам верхо- вых лошадей. Через ручьи и речки не переносили нас, как то прежде быва- ло, а мы должны были переходить вброд; от дождя не закрывали зонти- ками, а накинули на нас рогожи и ве- ли целые сутки, останавливаясь толь- ко в некоторых селениях не более как на полчаса, в которое время давали нам сарачинскую кашу, сушеные рако- вины или вяленые сельди, а иногда чай без сахара.

Мы устали чрезвычайно, а особли- во я; боль в ноге препятствовала мне скоро идти, почему японский чинов- ник, управлявший нашим конвоем, велел, чтобы по два человека, чере- дуясь, вели меня под руки; приказан- ние это японцы исполняли с величай- шей точностью.

В продолжение ночи (которая была очень темна), вели нас с чрез- вычайной осторожностью: перед каж- дым из нас несли по фонарю, перед японскими чиновниками тоже. Мы шли один за другим в линии. Впе- реди и назад шли люди с фонарями, а на крутых спусках и подъемах бежало впереди нас множество посе- лян, назначенных из ближних селе- ний для препровождения нашего. Из них каждый нес с собою по боль- шому пуку соломы, которую раскла- дывали при опасных местах и, по приближении нашем, зажигали,

* После мы слышали от самих японцев, что они шли по нашим следам в ночное вре- мя и часто нас видали. Рассказывая нам о том, они показывали, как мы останавлива- лись, пили воду и прочее; но почему не по- кушались они нас поймать, мы от них не слышали.

отчего такие места проходили мы, как днем. Если б кто из европейцев посмотрел издали на порядок нашего шествия в продолжение ночи, то мог бы подумать, что сопровождают церемониально тело какого-нибудь знаменитого человека.

На другой день (3 мая) около полудня, в расстоянии верст десяти от Мацмая, в одном небольшом селении встретили нас один из числа первых здешних чиновников и переводчик Теске с отрядом императорских солдат. Тут мы остановились. Встретивший нас чиновник не говорил нам ничего и смотрел на нас, не показывая ни малейшего знака своего гнева или досады, а Теске упрекал нас с сердцем, что мы ушли, и стал обыскивать. Кто-то из матросов сказал ему, что обыскивать нас не нужно, ибо у нас ничего нет. Он отвечал: «Знаю, что ничего нет, но японский закон того требует».

В этом селении начальствовавший взявшим нас отрядом офицер и все его подчиненные оделись в парадное платье, но как тогда шел дождь, то на время они надели епанчи, а подойдя к самому городу, остановились, епанчи скинули и, устроив весь наш конвой в должный порядок, пошли в город чрезвычайно тихими шагами, при стечении множества народа. Все зрители были, по причине дождя, под зонтиками, что делало весьма странный вид.

Шествие наше происходило таким образом: два проводника из обывателей, с деревянными жезлами, шли впереди по обеим сторонам дороги: за ними гордо выступали несколько солдат, один за другим, и подле каждого из нас шли по два солдата. За нами шло еще несколько солдат с ружьями, также один за другим, как и первые. Наконец, ехал верхом офицер, который нас взял. Он был в богатом шелковом платье и посматривал на народ, стоявший по обеим сторонам дороги, как гордый победитель, заслуживающий неизреченную благодарность своих соотечественников.

Таким образом нас повели прямо в замок. Здесь надлежит заметить, что прежде того мы хаживали в замке в шапках, но теперь в самых воротах их с нас сняли. Привели нас

в прихожую перед судебным местом и посадили на скамьи; потом дали нам сарачинской каши, соленой редьки и чаю без сахара, а наконец ввели в судебное место, куда через несколько минут привели и Мура с Алексеем и поставили в некотором от нас расстоянии.

Когда все чиновники собрались и сели по своим местам, вышел и губернатор. На лице его не было ни малейшей перемены против прежнего: он также казался весел, как и прежде, и не показывал никакого знака негодования за наш поступок. Заняв свое место, спросил он у меня какие причины понудили нас уйти. Тут я просил переводчиков сказать ему, что, прежде ответа на его вопрос, я должен известить их, что поступку нашему виною один я, принудив других против их воли уйти со мной, а приказаний моих они опасались слушаться, чтоб со временем, если б удалось нам возвратиться в Россию, не отвечать за это там; и потому я просил японцев лишить меня жизни, если они хотят, а товарищам моим не делать никакого вреда.

На это буннос велел мне сказать, что если японцам нужно будет меня убить, то убьют и без моей просьбы, а если нет, то сколько бы я их ни просил, они этого не сделают. Потом повторил вопрос, зачем мы ушли.

— Затем, — сказал я, — что мы не видели ни малейших признаков к нашему освобождению, а, напротив того, все показывало, что японцы никогда не хотят нас отпустить.

— Кто вам сказал это? — спросил буннос. — Я никогда не упоминал о намерении нашем держать вас здесь вечно.

— Повеления, присланные из столицы, — отвечали мы, — как встречать русские корабли, и приготовления для сего не предвещали доброго.

— Почему вы это знаете?

— Нам сказал Теске.

Тут начал губернатор спрашивать Теске, а что именно, мы понять не могли. Теске, отвечая, бледнел и краснел. Прежде вопросы свои губернатор делал мне, а потом спросил Хлебникова и матросов, по какой причине они ушли, и когда они сказали, что сделали это по моему приказанию, не полагая себя в праве

ослушаться своего начальника, Мур, засмеявшись, сказал японцам, что это неправда, доказательством чему представлял себя, ибо он меня не послушался, и уверял японцев, что в Европе пленные никогда из заключения не уходят. Но они, казалось, не обращали на слова Мура слишком большого внимания, а продолжали спрашивать нас, каким образом мы ушли.

Они хотели знать все подробно: в котором часу мы вышли и в котором месте; каким путем шли, городом * и за городом; что в какой день делали, какие вещи и какой запас имели с собой. Потом спрашивали, не помогали ли нам уйти кто из караульных или работников или не знал ли кто из японцев о таком нашем намерении. На все вопросы мы объявляли им сущую правду, каким образом происходило дело.

Наконец, губернатор желал знать, с которого времени мы стали помышлять об уходе нашем и каким образом намерены были произвести предприятие свое в действие. При сем случае Мур, обратясь к матросам, сказал им, чтоб они говорили правду, как перед богом, ибо он все уже рассказал японцам.

Мы и без его увещания не намерены были ничего скрывать; но, рассказывая японцам обо всех наших сборах и намерениях, как уйти, мы тотчас узнали по возражениям Мура, что хотя матросам он и советовал говорить правду, как перед богом, но сам не слишком много помнил о боге, ибо, рассказав им все дело точно, как оно было, прибавил только безделицу, а именно, что прежнее намерение его уйти с нами было притворное, ибо давно уже заметил, что мы сбирались спастись бегством, и потому нарочно с нами согласился, чтобы, зная все наши планы, мог не допустить нас к исполнению их или открыть о них японцам и тем оказать услугу губернатору. Что же касается до него, то он во всем положился на милость японского государя: если он велит отпустить его в Европу, он поедет, а если нет, то будет почитать себя довольным и в Японии.

* Для этого заставили они нас начертить расположение нашего дома и той части города, которую мы проходили.

Через четверть часа после того спросил нас губернатор, кто писал письмо к нему об Алексее, когда мы сбирались сами уйти, а его оставить. На это Мур сказал, что писал он, но, позабыв прежнее свое объявление, прибавил, что писал письмо не по своей воле, а по моему приказанию. Это заставило и самих японцев засмеяться. Наконец, спросил губернатора, с какой целью мы ушли.

— Без сомнения, чтоб возвратиться в отечество, — отвечали мы.

— Какими средствами намерены вы были того достигнуть?

— Завладеть на берегу лодкой и уехать с Мацмая на наши Курильские острова или на Татарский берег.

— Но разве вы не думали, что по уходе вашем тотчас будут разосланы повеления иметь караулы при всех судах?

— Мы ожидали этого, конечно, но в продолжение некоторого времени строгость караулов могла бы ослабеть и мы успели бы исполнить свое предприятие там, где нас не ожидали.

— Вы прежде шли по Мацмаю, да и в прогулках ваших могли видеть, что остров состоит из высоких гор, следовательно должны были знать, что горами далеко вам уйти было невозможно, а по берегам у нас сплошь находятся селения, в которых множество людей: они не допустили бы вас итти берегом, а потому поступок ваш не походит ли на безрассудность или ребячество?

— Однакож мы шесть ночей шли вдоль берега и прошли множество селений, но нас никто не остановил. Поступок наш был отчаянный, и потому японцам он может показаться безрассудным или ребяческим, но мы не так о нем думаем: положение наше все извиняло; мы никогда не ожидали иным средством возвратиться в свое отечество, а напротив того, имели перед глазами лишь вечную неволю и смерть в заключении и потому решились на один конец: или возвратиться в Россию, а не то умереть в лесу или погибнуть в море.

— Но зачем ходить умирать в лес или ездить в море для того? Вы и здесь могли лишить себя жизни.

— Тогда была бы верная смерть, а притом от своих рук; но, жертвуя

жизнию, чтоб достигнуть своего отечества, мы могли еще, с помощью божьей, успеть в своем предприятии.

— Если б вы возвратились в Россию, что бы вы там сказали о японцах?

— Все то, что мы здесь видели и слышали, не прибавляя и не убавляя ничего.

— Когда бы вы возвратились в Россию без Мура, то государь ваш не похвалил бы вас за то, что вы оставили одного из своих товарищей?

— Правда, когда б Мур был болен и по той только причине не мог нам сопутствовать, тогда поступок наш можно было бы назвать бесчеловечным, потому что мы не подождали его выздоровления, но он добровольно пожелал остаться в Японии.

— Знали ли вы, что если б вам удалось уйти, то губернатор и многие другие чиновники должны были бы лишиться жизни?

— Мы знали, что караульные, как то в Европе бывает, должны были бы пострадать, но не думали, чтобы японские законы были столь жестоки и осуждали на смерть людей невинных.

Тут Мур сказал губернатору решительным и твердым голосом, что мы точно знали об этом японском законе, ибо он сам нам сказывал.

На это мы отвечали:

— Правда, что Мур сказывал нам, будто в Японии существует такой закон, но, по нашему европейскому понятию о справедливости, мы не верили его словам, а думали, что Мур выдумал это для того, чтобы отвлечь нас от нашего намерения*.

Потом губернатор спросил:

— Есть ли в Европе закон, по которому пленные должны уходить?

— Именно на то писаного закона нет, но, не дав честного слова, уходить позволительно.

Мур и тут, сделав возражение, обращал ответ наш в насмешку и уверял японцев, что этого никогда не бывает.

Наконец, губернатор сказал нам речь, которая, по объяснению двух наших переводчиков, заключала в себе такой смысл: «Если б вы были японцы и ушли из-под караула, то

* Мы и действительно сомневались в истине этого.

следствия для вас были бы весьма дурные. Но вы иностранцы, не знающие наших законов. Притом ушли вы не с тем намерением, чтобы сделать какой-нибудь вред японцам. Цель ваша была единственно достигнуть своего отечества, которое всякий человек должен любить более всего на свете, и потому я доброго моего мнения о вас не переменял. Впрочем, не могу ручаться, как поступок ваш будет принят правительством, однакож буду стараться в вашу пользу так точно, как и прежде, чтоб доставить вам позволение возвратиться в Россию. Теперь же, по японским законам, до решения о вас дела, матросы будут помещены в настоящую тюрьму, а вы в другое место, называемое *инверари***.

Окончив речь, губернатор вышел, а потом и нас вывели в прихожую. Прежде караульными при нас были императорские солдаты, но незнакомые нам лица; они были под командой того самого нарядного офицера, который нас вел. Теперь он вошел с четвертым по губернаторе чиновником, отправляющим должность уголовного судьи, по имени Накагава-Мататаро, и сдал нас ему. Потом приказал всем своим солдатам выйти, и в ту же секунду вошли мацмайские солдаты, прежние наши знакомые, коим Мататаро велел перевязать нас иначе: меня и Хлебникова таким образом, как они вяжут своих чиновников, а матросов, как простых людей***. Сделав это, повели нас, часу в пятом или в шестом, из замка по городу к настоящей тюрьме, которая была от крепости в расстоянии около версты. В это время шел дождь, но стечение народа было чрезвычайное, и все зрители стояли под зонтиками.

Городская тюрьма стояла при подошве высокого утеса и кроме двух деревянных стен была обведена еще земляным валом, на коем были поставлены рогатки. Вошед во внутренний двор, увидели мы огромный са-

** Тюрьма по-японски *ро*, а что такое *инверари*, сказано будет ниже.

*** Японцы чиновников вяжут веревкой около поясицы, а руки привязывают по кистям против самых пахов, так чтобы нельзя было одной рукой коснуться до другой. Простым людям связывают руки назад, так, как мы были связаны в Кунасири.

рай; вступив в оный, нашли, что внутреннее расположение тюрьмы было точно такое же, как той, где мы содержались по прибытии в Мацмай, с той только разностью, что здесь было, вместо двух, четыре клетки, из коих одна побольше, две поменьше.

В сарае тюремный пристав*, по имени Кизиски, развязывал нас одного после другого и обыскивал с ног до головы, для чего мы должны были раздеваться до рубашки; обыскав меня первого, велели мне войти в самую малую клетку**, стоящую в темном углу здания; Хлебникова поместили подле меня в другую клетку, которая была побольше моей и посветлее; подле него содержался один японец; а в четвертую клетку, самую большую и, по положению своему, лучшую***, поместили всех матросов; потом заперли наши клетки замками и дверь затворили.

Мы не могли понять, что значили губернаторские слова, что матросы будут содержаться в настоящей тюрьме, а мы в инверари; напротив того, теперь видим, что наши места гораздо хуже. После мы уже узнали, что различие состояло в том, что из нас каждый имел свою клетку, а матросы помещены были все вместе в одной. Впрочем, мы такой милости не очень желали, да и наши клетки были так близки, что я с Хлебниковым свободно мог разговаривать.

Заключенный подле Хлебникова японец тотчас вступил с ним в разговор, сказав свое имя и объявив, что через шесть дней его выпустят; потом подал он ему небольшой кусок соленой рыбы, за который Хлебников

* Тюремный надзиратель в Японии равняется званием с солдатом императорской службы; он имеет право носить саблю и кинжал. Сверх сей должности, он и палач: казнит и наказывает преступников. Японцы с ним разговаривают и шутят, но вместе есть не станут и табаку в одном месте с ним не курят; даже гнушаются раскурить трубку на том огне, на котором он ее раскуривал.

** Она была в длину шесть шагов, а в ширину пять; вышины же имела футов десять.

*** Лучшая потому, что проходило в нее более света и свежего воздуха, а притом из нее можно было видеть разные наружные предметы; от меня же ничего не было видно.

подарил ему белую косынку****, а рыбой поделился со мной. Голод заставил нас почесть этот кусок большим лакомством. Поздно вечером уже бывший наш работник Фок-Массе с двумя мальчишками принес нам ужин, состоявший из жидкой кашицы и двух маленьких кусочков соленой редьки на каждого, а для питья теплой воду. Фок-Массе имел вид сердитый; на вопросы наши отвечал грубо, но не бранил и не упрекал нас в том, что мы ушли*****.

После ужина японцы подали мне сквозь решетку какой-то старый спальный халат, пронесли что-то и к моим товарищам; потом двери у сарая заперли на замок, и у нас сделалось совершенно темно, ибо решетка между нами и караульнею была обита досками, почему свет оттуда к нам не проходил. Колесо скоро при захождении солнца ударило шесть часов, то после того каждые полчаса караульные к нам входили с фонарями и осматривали нас, а иногда будили и заставляли откликаться, и как ночные летние часы у японцев очень коротки, то они почти беспрестанно к нам входили и не давали нам покоя.

На рассвете (4 мая) пришел к нам чиновник и всех нас перекликал по именам, а около полудня сказали, что мы должны идти к губернатору, и повели нас в замок, связав, как накануне, и таким же порядком за конвоем, как водили прежде. В замке посадили нас в переднюю перед судебным местом, и через несколько минут привели Мура и Алексея, которых, однакоже, посадили в судебном месте особо.

Через несколько времени ввели нас в присутственное место, развязав прежде руки мне и Хлебникову совсем и оставив только веревки по поясу, а матросам развязали одни кисти, лок-

**** Однакоже после Кизиски, увидев эту косынку случайно и узнав, откуда он ее получил, взял у него и представил начальникам своим, которые и велели хранить ее с прочим нашим платьем.

***** Сначала мы думали, что он опять будет при нас, но узнали, что ему велено было только показать мальчикам, как с нами обходиться, и выучить их русским названиям необходимых для нас вещей; хотя это и не нужно было, ибо мы могли уже выразить свои надобности и на японском языке.

ти же оставались связанными, но Мур и Алексей связаны не были.

Когда губернатор вошел и занял свое место, то начал снова предлагать нам многие из прежних вопросов, а на некоторые из них требовал пояснения. Когда же все было кончено, спросил меня, как я считаю поступок своего ухода — хорошим или дурным, и как признаю себя — правым или виноватым перед японцами.

— Японцы сами, — отвечал я, — заставили нас принять такие меры: во-первых, взяв нас обманом, наказания нашим не верят и не хотят снестись с нашими судами, буде бы они пришли сюда, чтобы получить от нашего правительства уверения в справедливости того, что мы объявляем. Итак, что нам было делать? Посему я и не считаю себя перед ними виноватым по самой справедливости дела.

Губернатор на это сказал, что он удивляется моим словам: взятие нас в плен старое дело и говорить о нем не должно, а он спрашивает только, прав ли я или виноват в том, что ушел, и что если я буду считать себя правым, то он этого никак не может представить своему государю. Я тотчас заметил, что ему хотелось, чтобы мы признали себя виноватыми, и потому сказал: «Если бы мы судились с японцами перед богом, или там, где были бы мы наравне, то я мог бы много кое-чего сказать в оправдание нашего поступка; но здесь японцев миллионы, а нас шесть человек, и мы у них в руках. Итак, пусть они судят, как хотят, прав ли я или виноват; я только прошу их считать виноватым меня одного, ибо прочие мои товарищи ушли по моему приказанию».

Приметно было, что губернатор с большим удовольствием принял признание мое в том, что я виноват, и сказал: похвально, что, желая оправдать своих соотечественников, я беру всю вину на себя; но в таком случае послушание моим повелениям может быть только некоторым образом извинительно матросам, а не Хлебникову, ибо он, быв сам офицером, должен знать, что начальство мое над ним простиралось, пока мы были на корабле, а не в плену.

Потом сделал он Хлебникову по-

добный вопрос, признает ли он себя виноватым, и когда Хлебников стал приводить в наше оправдание доводы, что по всем правилам справедливости и человеколюбия нельзя нас обвинять, то японцы начали было сердиться и беспрестанно повторяли, что таких ответов нельзя им представить своему государю. Напоследок уже то лаской, то гневом убеждали нас всех сказать прямо, что мы нехорошо сделали, говоря, что это нам же послужит в пользу; и когда мы на это согласились, то они весьма были довольны. После того вскоре губернатор отпустил нас, оставив у себя для распросов Мура и Алексея.

По выходе из судебного места нам завязали руки и отвели нас в тюрьму прежним порядком. Я нашел в своей клетке, вместо данного мне накануне мерзкого халата, прежнее одеяло и большой халат на вате; к товарищам моим также положили спальный прибор.

Теперь стали нас содержать, можно сказать, настоящим образом по-тюремному, так же точно, как и японца, вместе с нами заключенного.

Я уже сказал, в каких клетках мы были заключены; внутри они были очень чисты, а также и в коридорах наши работники мели каждый день. Когда же нас водили в замок, они выметали наши клетки и спальное наше платье выносили на солнце просушивать.

Кормили нас по три раза в день: поутру, в полдень и вечером. Пища состояла в крутой из сарачинского пшена каше вместо хлеба, которую давали по порциям, меркой, наподобие наших гречневиков. Такой порции для нас было слишком достаточно, и мы не могли всю ее съесть, но матросы находили, что она для них мала. Впрочем, это только вначале, пока после трудного нашего путешествия и претерпенного голода мы чувствовали большой * позыв на еду, а после и для них порции сей было достаточно.

С кашей давали нам похлебку из морской капусты или из какой-нибудь

* Я и Хлебников, не съедая своей порции каши, посылали остаток матросам; работники наши охотно относили ее к ним, пока не приметил того Кизиски; тогда бездельник тотчас запретил им это делать.

дикой зелени, как то: из бортовнику, черемши или дегильев, подмешивая в нее для вкуса квашеных бобов, называемых по-японски *мисо*; к чему иногда прибавляли несколько кусочков китового жиру, а временем, вместо похлебки, давали кусочка по два соленой рыбы с квашеной дикой зеленью, что бывало по большей части по вечерам.

Пили мы теплую воду, и всегда, когда угодно было: если бывало ночью спрашивали мы пить, то караульные тотчас без всякого ропота будили работников и приказывали приносить нам воды. Но уже умываться нам здесь не приносили и гребней не давали, а умывались мы той водой, которую спрашивали для питья. Гребенку же стали давать через несколько времени после, и она, как кажется, была штатная тюремная, ибо зубцы ее были крайне малы — видно, для того, чтоб мы не могли ими сделать себе вреда.

Спустя несколько дней от последнего нашего свидания с губернатором повели меня одного в замок, где в присутствии некоторых чиновников первый и второй по губернаторе начальники меня расспрашивали, приказав прежде, чтоб я, по болезни в ногах, сел на поданный мне стул. До входа моего еще в присутственное место выходил ко мне Теске. Разговаривая со мною о Муре, сказал он, что Мур жестоко на нас сердит и говорил очень много дурного о наших поступках; но Теске советовал мне не печалиться, ибо японцы не расположены верить всем словам Мура. Сверх того сказал он мне, что Мур просился в японскую службу.

Прежде нежели японские чиновники стали меня спрашивать, я просил их, чтоб они позволили мне открыть им мои мысли и выслушали меня со вниманием, а переводчиков просил передавать мои слова как можно вернее. Они отвечали, что рады будут слушать все, что я желаю им сообщить.

Тогда я спросил их: «Если бы три японских офицера были где-нибудь в плену и двое из них сделали точно то, что мы, а третий то, что сделал Мур, и подробный отчет об их поступках дошел бы до Японии, то пусть они теперь мне скажут по чистой

совести, как бы японцы стали о них судить».

Они засмеялись и не дали на вопрос мой никакого ответа, но вместо того, старший из них сказал мне, чтоб я ничего не боялся: для японцев как Мур, так и все другие русские равны; им только нужно знать настоящее дело. Потом продолжал, что по японским законам ничего скоро не делается, и потому мы теперь в тюрьме; но когда приедет новый губернатор, нас переведут в другое, лучшее место, а после и в дом, и есть надежда, что правительство их велит отпустить нас в Россию.

После сего начали они меня спрашивать. Первый их вопрос был: справедливо ли, что они слышали от курильцев, будто Резанов участвовал в сделанном на них нападении, дав прежде о сем Хвостову повеление, которое после хотя он и отменил, но Хвостов не послушался, а исполнил первое повеление.

Нетрудно было мне угадать, кто таковы были эти курильцы: все это открыл им Мур. На сей вопрос я сказал, что мы никак не можем верить, чтобы Резанов участвовал в сем деле, но что Хвостов исполнил то без его повеления.

Потом японцы предлагали мне множество вопросов из лежавшей перед ними тетради касательно нашего плавания, предмета экспедиции, о состоянии России и о политических ее отношениях к европейским державам, а особливо к Франции. Я видел, что все их сведения получили они тем же путем.

Когда самое неприятнейшее для меня дело это было окончено, старший из двух чиновников сказал мне, чтобы мы ничего не боялись и не печалились, а помнили, что японцы такие же люди, как и другие, следовательно, никакого зла нам не сделают, и с таким утешением отпустил меня.

Вскоре после сего случая пришел к нам чиновник Накагава-Мататаро с обоими переводчиками. Они принесли с собой бумагу, в которой были записаны наши ответы, с тем, чтобы их поверить. При сем случае они нам сказали, что показание наше, где и как мы взяли ножи, а также известие, слышанное нами о повелении,

как поступать с русскими судами, и об отправлении войск и пушек в Кунасири, не записано и чтоб мы в другой раз, когда губернатор станет нас спрашивать, о том не говорили. Это сделано было без сомнения для того, чтобы пощадить своих людей, в сем деле запутанных. Мы и сами, желая избавить от беды невинных солдат и работников, через оплошность коих получили мы ножи, а также спасти и самого Теске, охотно согласились на это предложение.

Но второе их требование было слишком нам противно; оно произвело между японцами и нами горячий спор и заставило Мататаро, против его обыкновения, слишком разгорячиться, бранить и угрожать нам. Он хотел, чтоб мы сами совершенно оправдали Мура, признали, что намерение его уйти с нами было действительно притворное и что он Симонова и Васильева никогда не уговаривал согласиться на наш план. Но мы на это не согласились и ничего не хотели переменить в ответах наших по сему предмету. Мы говорили: «Какое намерение имел в сердце Мур, нам неизвестно, но поступки его не показывали, чтобы он притворялся, и мы уверены, что он действительно хотел уйти с нами и, вероятно, ушел бы, если б робость ему не воспрепятствовала пуститься на такое отчаянное предприятие».

Мы имели весьма важные причины не давать ему способ вывернуться из этого дела. Считаю за нужное объяснить сии причины, чтобы читатели не приписали наших поступков мщению или желанию погубить Мура. Он, как я сказал выше, покушался исключить себя из числа русских и старался уверить японцев, что он родом из Германии. Следовательно, если б мы сами засвидетельствовали непричастность его в наших видах и всегдашнюю преданность к японцам, то немудрено, что японцы, погубив нас, могли бы отправить его на голландских кораблях в Европу для возвращения в мнимое его отечество, Германию, откуда он мог бы прибыть в Россию. Тогда, не имея свидетелей, в его воле было составить своим приключением какую угодно повесть, в которой он, может быть, приписал бы свои дела нам, а наши себе, и

сделал бы память нашу навеки ненавистной нашим соотечественникам.

Вот какая мысль более всего нас мучила, и потому мы не хотели отступить от истины для оправдания Мура. Впрочем, если б это оправдание, от нас зависевшее, могло доставить ему достоинство первого вельможи в Японии, лишь бы только не возвращение в Европу, мы охотно бы на это согласились, несмотря на то, что он изыскивал все средства вредить нам*. Мататаро и переводчики приходили к нам дня два или три сряду и уговаривали нас переменить наше показание касательно Мура; но как мы твердили одно и то же, то они нас оставили, но сделали ли какие-нибудь перемены в наших ответах, мы не знаем.

Между тем я крайне беспокоился мыслями, что Мур какой-нибудь хитростью выпутается из беды, получит со временем дозволение возвратиться в Европу, очернит и предаст вечному бесславию имена наши, когда никто и ни в какое время не найдет для опровержения его. Такая ужасная мысль доводила меня почти до отчаяния. Я в это время захворал, и хотя первые семь или десять дней лекарь к нам не ходил, несмотря на то, что матросы требовали его помощи, но теперь японцы умилились, и лекарь стал посещать нас каждый день.

Вскоре после того японцы немного улучшили наше содержание, начали иногда давать нам род лапши, называемой у них *туфа*; с кашей варили

* В числе многих было следующее. В Кунасири между прочими моими вещами японцы взяли у меня записную карманную книжку. Спустя много времени после того, вспомнил я, что в книжке моей, по некоторому случаю, были записаны имена Давыдова и Хвостова. Я тотчас о сем обстоятельстве объявил Муру и Хлебникову и просил их совета, что нам сказать, когда японцы разберут содержание дела и станут нас спрашивать. Тогда еще мы и Мур помышляли и действовали одной душой и одним сердцем. Теперь же он открыл японцам, что имена помянутых офицеров стоят в моей книжке, перевел им содержание дела и сказал, что они некогда были моими друзьями. Об этом открыл мне Теске, объявив притом, чтобы я не беспокоился. Дурных следствий от сего не произойдет, ибо, по его словам, Мур открыл о сем деле японцам без всякой нужды; да и действительно, они ни слова у нас не спросили по сему обстоятельству.

мелкие бобы, которые они почитают не последним лакомством, а несколько раз давали и похлебку из курицы; для питья же, вместо воды, стали давать чай.

Соседу нашему, японцу, содержащемуся не шесть дней, как он нам сказал прежде, но гораздо более, сделано было на тюремном дворе телесное наказание*, так что мы крик его могли слышать. В тот же день пришел к нам с переводчиком Кумаджеро чиновник и уголовный судья Мататаро объявить, по приказанию губернатора, чтоб мы, слышав о наказании преступника, содержавшегося с нами в одном месте, не заключили, что и мы можем быть подвержены подобному наказанию, ибо, по японским законам, иностранцев нельзя наказывать телесно.

В то время мы думали, что сие уверение было ложное, сказанное только, чтоб нас успокоить; но после узнали, что действительно у них существует такой закон, из которого исключены только те иностранцы, кои будут проповедовать японским подданным христианскую религию; ибо против таких у них есть самые жестокие постановления**.

* Преступление его состояло в том, что в общих, или, по нашему сказать, торговых, банях он оставлял свое хуленкое платье, а брал другое, понаряднее, будто бы ошибкой. При нас водили его несколько раз в суд со связанными руками. Наконец, в один день дали ему двадцать пять ударов, а через три дня еще двадцать пять; но чем секли, мы не видели, а слушали удары и что он громко кричал. Приводили его в тюрьму с обнаженной спиной, которая была в крови. Работники плевали на спину и растирали слюну, тем и лечили его. Потом, когда спина поджила, на руки выше локтей положили клеймы, означающие, что он был наказан, где и когда, и отправили на Курильские острова.

** Японцы не могут называться гонителями чужих вер; доказательством тому служат различные секты, в их собственном государстве исповедуемые, и поклонение курильцев; но они не терпят христианской религии, ибо католические священники, под разными предлогами жившие в Японии и пользовавшиеся всею возможною свободою, начали проповедовать христианскую веру, успели многих обратить и произвели самую ужасную междоусобную войну. И потому теперь, по изгнании и совершенном истреблении христиан, на вышесказанных в публичных местах, на площадях и в улицах каменных досках в числе иссеченных на них законов первым пунктом стоит: кто уличит человека, исповедующего христианскую веру, тот по-

В половине июня водили нас всех раза два к губернатору, где, в присутствии его и других чиновников, читали нам наши ответы и спрашивали, так ли они написаны. Все те случаи, которые могли быть пагубны для японцев, впутанных в наше дело, и о коих я говорил выше, были выпущены, почему мы о них и не упоминали. Но когда читали ответы Мура, то мы делали возражения, ибо он от всего отперся и уверял, что никогда не уговаривал матросов уйти.

При сем случае Шкаев ему сказал: «Побойтесь бога, Федор Федорович! Как вам не совестно? Разве вы никогда не надеетесь быть в России?» Я и Хлебников сказали ему: «Молчи!» Мур это тотчас взял на замечание, и мы после за эти слова дорого было заплатили, как то впоследствии будет описано. Наконец, японцы, видев наши споры, взяли на себя согласить сделанные нами ответы и отпустили нас.

29 июня прибыл в Мацмай новый губернатор Ога-Савара-Исено-Ками. 2 июля повели нас в замок. В присутственном месте нашли мы всех тех чиновников, которые обыкновенно бывали при наших допросах, и Мура с Алексеем. Лишь только мы вошли, как Мур сказал мне, чтобы я ничего не боялся, ибо дела идут хорошо. Через полчаса прибыли оба губернатора со свитами; у каждого из них по одному чиновнику шли впереди, а все прочие назад. В свите нового губернатора, который был старше***, находилось двумя человеками более,

лучит в награждение 500 серебряных монет. Также есть у них закон, чтобы господа не прежде нанимали слуг, как получив от них письменное объявление, что они не христиане. Сверх того, в городе Нагасаки, где христианство в прежние времена более всего распространилось, сделана лестница, состоящая из нескольких ступеней, на коих положена утварь католической церкви. По сей лестнице в каждый новый год японского календаря все жители города Нагасаки должны пройти в знак того, что они не христиане. Переводчики наши уверяли нас, будто некоторые христиане, там живущие, делают то же из корыстолюбия. Но чему дивиться — разве в Европе не то же самое случается ежедневно? Ложная присяга не есть ли попирание ногами христианской религии?

*** В Японии на губернаторские места определяются люди из дворян, или, лучше сказать, бояре; класс сей, после владетельных князей, называемых *даймио*, есть первый; они именуются *хадамадо*⁴³. Старший-

нежели у прежнего; шел он впереди, и сел на левой стороне, а прежний губернатор рядом с ним на правой. Все бывшие тут японцы отдали им свое почтение обыкновенным у них образом, о коем я упоминал прежде, а мы поклонились по-своему.

Прежний губернатор, Аррао-Тадзи-мано-Ками, указав на товарища своего, сказал, что это приехавший к нему на смену буниос Ога-Савара-Исено-Ками, и велел нам сказать ему, начиная с меня, чины и имена наши, что и мы сделали с поклоном, говоря: я такой-то. На это он нам отвечал с улыбкой и небольшим наклоном головы вперед.

Потом прежний губернатор, приказав одному из чиновников принести большую тетрадь, сказал, что она написана Муром и что теперь нам нужно ее прочитать и объявить им, согласны ли мы в том, что описывает Мур. После сего оба губернатора вышли, поручив бывшим тут чиновникам выслушать наше мнение.

Мур сам стал читать свое сочинение, в коем, после многих комплиментов прежнему губернатору, уделяя частицу и новому, описывает он все наши сборы уйти почти так, как они действительно происходили, утверждая, однакож, что его согласие с нами было притворное. Опровергает наши ответы, стараясь нас обвинить. Потом открывает японцам причину нашего путешествия; описывает подробно состояние восточного края Сибири и делает некоторые замечания о России вообще, а в заключение просит у японцев для нас милости.

Выслушав бумагу, мы стали на некоторые места делать свои возражения; но японцы жестоко против нас за это рассердились и говорили, что мы не имеем права оспаривать

ство между ними считается по заслугам и древности фамилии; так и начальство им дается. Впрочем, новый губернатор и летами был гораздо старше: он имел семьдесят четыре года от роду, а прежний пятьдесят, но оба казались несравненно моложе своих лет. Новый губернатор по росту был выродок из японцев — не ниже наших матросов, и потому японцы смотрели на него, как на некое чудо. Услышав, что он назначен в Мацмай губернатором, японцы тотчас сказали нам, что великан сюда едет и мы увидим, что в Японии есть люди не ниже нас. Еще видели мы одного офицера службы князя Намбуского, который и у нас считался бы большого роста.

Мура; посему я сказал, что если они хотят объявления Мура непременно принять за справедливые, то мы переспорить их не можем, свидетелей здесь нет, и так пусть будет по их желанию. Хлебников предложил еще несколько возражений и тем более раздражил японцев; напоследок и он замолчал; но мы приняли твердое намерение не подписывать бумаги Мура, если б японцам вздумалось утвердить оную нашей подписью, чего, однакож, не последовало.

По окончании сего дела оба губернатора опять вошли прежним порядком, и один из чиновников донес им, что бумага Мура нами прочитана. Что же он сказал касательно нашего о ней мнения, мы разобрать не могли. После сего новый губернатор вынул из-за пазухи конверт, по-европейски сделанный, отдал его прежнему губернатору, а этот одному из чиновников, от коего передан он переводчику, а наконец дошел и к нам. Русская надпись на нем заключалась в двух словах: «Мацмайскому губернатору». В конверте находился лист, на коем написаны были по-русски, с французским переводом, угрозы японцам и пр. в случае, если они не согласятся торговать с нами. Мы тотчас увидели, что это бумага, присланная Хвостовым, о коей японцы нам говорили прежде.

Впрочем, она была без числа, никем не подписана, и не сказано в ней, по чьему повелению послана она в Японию. Сим старались мы доказать, в чем и Мур нам усердно помогал, что произошла она от своевольства частного человека и что мы уверены и можем клятвой утвердить, что правительство наше не имело в деле ни малейшего участия, хотя писавший оную и простер свою дерзость столь далеко, что такую бумагу осмелился послать в Японию. Она не что иное, как подложное сочинение, написанное дерзким, малозначащим человеком.

Когда губернаторы выслушали наши доказательства, новый из них сказал, что он не спрашивает, подложная ли это бумага, а хочет только знать подлинное ее содержание, чтобы мог о том донести своему государю. Посему мы ее тут же перевели словесно, а после Мур перевел и письменно.

В заключение новый губернатор сказал нам, что в непродолжительном времени нас переведут в другое, лучшее место и содержание наше улучшат. После сего оба губернатора вышли, а потом и нас отвели опять в тюрьму.

С этого дня все японцы, при нас бывшие, переменили свое обхождение с нами: они сделались гораздо снисходительнее. От Теске узнали мы, что Мур и Алексей, по уходе нашем, переведены были в прежнее наше жилище, которое теперь назначается для нас, а для Мура с Алексеем там же делают особливую пристройку*, и потому, пока она не будет готова, мы должны оставаться в тюрьме. Сверх того, Теске нам сказал, что государь их при отпусковой аудиенции нового губернатора велел ему всячески стараться о сохранении нашего здоровья и по прибытии его в Мацмай тотчас переменить содержание наше к лучшему.

9 июля привели нас опять к замку в присутствии обоих губернаторов. Тогда новый из них сказал, что как мы ушли единственно с той целью, чтоб возвратиться в свое отечество, впрочем, не имели намерения сделать какой-либо вред японцам, то он теперь, по согласию с своим товарищем, переменил наше состояние к лучшему, в надежде, что в другой раз на подобный поступок мы не покусимся, а станем ожидать терпеливо решения о нас японского государя. Что же принадлежит до них (губернаторов), то оба они будут всеми мерами стараться о доставлении нам позволения возвратиться в отечество.

С окончанием сей речи вмиг сняли с нас веревки; мы почти и не заметили, как прежде солдаты, сидя за нами, развязывали их и приготовлялись снять в одну секунду. После сего прежний губернатор уверял нас, что доброго своего расположения к нам он нимало не переменил и столько же будет печься о нас, как и прежде; потом, пожелав нам здоровья, и дав совет, чтобы мы молились богу и уповали на его волю, простился с нами.

* Сперва мы думали, что японцам угодно поместить нас порознь, а после уже узнали, что желание их было содержать нас вместе, но Мур просил их убедительным образом поместить его с Алексеем особо.

* * *

Теперь пошли мы уже не в тюрьму, а в прежнее наше жилище, называемое по-японски *оксио*, где мы жили до перевода нас в дом. Нам шестерым назначили прежнее наше место, а Мура с Алексеем поместили в пристроенной к одной из наших стен каморке, в которую был особенный вход со двора. С переменою нашего жилища и содержание наше улучшилось. Пищу нам стали давать гораздо лучше, нежели какую мы получали, живши прежде в том же самом месте, а сверх того, каждый день велено было давать нам по чайной чашке саке**. Дали трубки, табачные кошельки и весьма хороший табак. Чай у нас был беспрестанно на очаге; сверх того, дали нам гребенки, полотенцы и даже пологи от комаров, которых здесь было несметное множество.

Состояние наше чрезвычайно переменилось; японцы стали нам давать наши книги, дали чернильницу и бумаги. Пользуясь этим, вздумали мы собирать японские слова, записывая их русскими буквами. Наконец, хотелось нам выучиться писать по-японски, и мы просили переводчика Кумаджера написать нам азбуку, но он сказал, что для этого ему нужно прежде выпросить позволение своих начальников, а потом объявил, что японские законы запрещают учить христиан читать и писать на их языке, почему начальники на сие и не могут согласиться. Итак, мы должны были довольствоваться тем, что могли собирать японские слова и записывать их по-русски.

14 июля отправился из Мацмая прежний губернатор; с ним вместе поехал Теске в должности секретаря. Он обещался к нам писать из столицы о новостях по нашему делу и просил

** Старший при нас работник, по имени Иеске, страстно любил горячие напитки; почему сделал он заключение, что лучше редко, да больше выпить, нежели часто, но понемногу, и потому вместо одной чашки каждый день давал нам по две через день. Из них, однакоже, уделял немалую часть для себя и почти всегда к вечеру был пьян. Наконец, караульные, приметив, где он напиивается, побрали его. Тогда уже он боялся воровать наше вино, а ожидал, когда мы сами его потчевали.

нас отвечать ему, отдавая письмо для пересылки Кумаджеро. Решения из столицы скоро ожидать мы не могли, ибо губернатору нужно было на один проезд туда употребить двадцать три или двадцать пять дней. Но мы со дня на день ожидали прибытия наших судов; боялись только, что японцы не скажут нам о них, и мы ничего не узнаем, когда они придут и что сделают.

Между тем, мы от скуки курили табак, перечитывали старые свои книги, записывали и твердили японские слова, а сверх того, вздумал я записать на мелких лоскутках бумаги все случившиеся с нами происшествия и мои замечания. Писал я полусловами и знаками, мешая русские, английские и французские слова, так чтобы кроме меня никто не мог прочитать моих записок. Я опасался, чтоб японцы со временем нас не обыскали и не отняли сих бумаг, для чего и носил их около пояса в длинном узеньком мешочке, который мне шил Симонов из моего жилета.

Впрочем, по нынешним поступкам японцев, мы не имели большой причины опасаться, чтоб они привязались к нашим бумагам, ибо когда мы ушли, то черновая копия поданного нами губернатору показания была у Шкаева, которую после у него японцы взяли, но ни слова не спрашивали у нас, что это за бумага. Компас Хлебникова также попался к ним, и они не полюбопытствовались спросить, к чему могла бы служить такая вещь, а сами, верно, не знали, что это был компас; иначе, без всякого сомнения, стали бы расспрашивать, как мы его сделали. Надобно думать, что японцы такую необыкновенную для них вещь сочли каким-нибудь симпатическим лекарством*.

Новый губернатор опытами показывал, что он не менее хорошо был

* Всего чуднее был способ, каким Симонов спас свой нож от обысков японцев, когда тюремный надзиратель обыскивал меня и Хлебникова и все японцы, тут бывшие, обратили на нас глаза, Симонов имел столько смелости, что засунул нож в землю подле самой клетки, для матросов назначенной, а потом ночью, просунув руку сквозь столбы решетки, достал и спрятал его; с тех пор все время он находился в нашем владении, да и ныне я храню его как памятник странных наших приключений.

к нам расположен, как и предместник его. Дозволять нам выходить из места нашего заключения несовместно было с японскими законами, почему он и не мог этого сделать; но чтобы доставить нам способ пользоваться свежим воздухом, приказано от него было держать растворенными настежь ворота в нашем здании с утра до вечера, а один раз в праздник** прислал он к нам ужин со своей кухни.

6 сентября, после полудня, Мура и меня повели в замок, где, в присутствии некоторых главных чиновников, кроме губернатора, который был болен, показали нам две бумаги с нашего шлюпа «Диана», писанные от 28 августа.

Первая из них заключала в себе письмо командира «Дианы» Рикорда к начальнику острова Кунасири, в котором он пишет, что, по высочайшей воле государя императора, привез он спасшихся при кораблекрушении на камчатских берегах японцев, из коих одного называет мацмайским купцом Леонзаймо, с тем, чтоб возвратить их в свое отечество, и уведомляет его, что российский корабль, к ним теперь прибывший, есть тот самый, который, по недостатку в некоторых необходимых потребностях, заходил сюда же в прошлом году и с коим прежде японцы обошлись дружески, обещая всякое пособие, но по прибытии начальника корабля на берег задержали вероломным образом его, двух офицеров, четырех рядовых и курильца, и что с ними сделалось, неизвестно. Почему Рикорд, уверяя кунасирского начальника в миролюбивом расположении нашего императора к Японии, просит известить его, может ли он нас освободить сам, а если нет, то

** Это случилось в половине августа, когда у японцев бывает большой детский праздник⁶⁰, в который вечером всех детей мужского пола собирают в замок, где они, в присутствии губернатора и всех городских чиновников, играют, поют, пляшут, борются и фехтуют на саблях; после их угощают ужином и дают разное лакомство. В нынешний раз, по словам Кумаджеро, их было до 1500 человек. Но надобно знать, что на этот праздник собираются те только дети, которых родители могут порядочно одеть, а худо одетые сами стыдятся показываться в таком собрании. Женского же пола детей тут не бывает, ибо женщинам, по японскому закону, воспрещен вход в укрепленные места.

уведомил бы, как скоро может он надеяться получить на сие требование ответ японского правительства и где мы теперь находимся. Доколе он (Рикорд) такого уведомления не получит, не оставит здешней гавани. В заключение же просит позволения налить на берегу свои бочки пресной водой, не имея нужды ни в чем другом.

Другая бумага была письмо Рикорда ко мне, в котором, извещая меня о прибытии своем в Кунасири, прописывает, что послал он к начальнику острова бумагу на русском языке с японским переводом касательно цели его прибытия и что он в надежде и страхе ожидает ответа. Между тем он не знает, жив ли я, и просит, буде японцы не позволят нам отвечать ему, чтобы письмо его на той строке, в которой находится слово «жив», я надорвал и возвратил с посланным от него на берег японцем.

Читая письмо от моего сотоварища по службе и искреннего друга, я был глубоко тронут, да и Мур не мог скрыть своих чувств и с сей минуты стал со мной говорить ласково и дружески.

По желанию японцев, мы перевели им оба письма словесно, а потом велели они нам списать с них копии, которые мы, по их же требованию, взяли с собой, чтобы перевести их вместе с Кумаджеро письменно на японский язык, а оригиналы оставили они у себя.

Новость о прибытии нашей «Дианы» обрадовала всех моих товарищей. Письмо Рикорда ясно показывало, что правительство наше не намерено принимать никаких насильственных мер, но желает миролюбивыми средствами убедить японцев в их ошибке. Однакож мы пребывали между страхом и надеждой, не зная, как поступят японцы. Мы просили их о позволении написать к Рикорду хотя одну строку, что мы живы. Они обещались доложить губернатору, но после сказали, что губернатор, без предписания из столицы, не может на это согласиться.

Между тем бумаги были переведены и тотчас отправлены в Эдо, а какое повеление послано к кунасирскому начальнику, нам не сказывали. Переводчик же Кумаджеро вскоре

после сего в разные дни известил нас, что Рикорд пришел не с одним судном, а с двумя, из коих одно о трех, мачтах*, а другое о двух, и что он спустил на берег четверых японцев, одного после другого.

Эта последняя новость не предвещала доброго и крайне нас огорчила; она показывала, что японцы не дают никакого ответа Рикорду, а потому он и посылает к ним людей их, одного после другого. В это время Мур рассудил с нами помириться и прислал в книге, под видом, что посылает ее ко мне для чтения, записочку, коей уведомил, будто один из стражей сказал ему за тайну, что на одном из наших судов восемьдесят человек экипажа, а на другом сорок и четыре женщины.

Наконец, около 20 сентября, пришли к нам два чиновника и сказали, что губернатор приказал им объявить нам об отплытии наших судов из Кунасири, которое последовало за несколько дней перед сим, и что писем ни к японцам, ни к нам не оставлено, иначе они тотчас бы их нам показали. Помолчав немного, чиновники продолжали, что суда наши остановили одно японское судно, шедшее с острова Итурупа в Кунасири, и взяли с него пять человек людей, которых и увезли с собою, и потому спрашивали они нас, с каким намерением наши суда это сделали. «Не знаем, — отвечали мы, — но думаем, что они хотят точно узнать о нашей участи, почему и взяли с собою несколько японцев, которых, верно, на будущий год привезут назад». «Это правда, мы и сами так думаем», отвечали чиновники и ушли от нас.

Весть эта нас очень опечалила, а особливо потому, что мы не знали, каким образом наши суда взяли японцев: всех ли они забрали с судна, сколько их там оставалось, то есть пять человек**, или более их на судне было, но прочие Рикордом оставлены; также неизвестно было нам, каким образом наши соотечествен-

* Это была наша «Диана».

** Когда Хвостов брал на Сахалине японское судно, то все люди с оногo побросались в воду и пустились влечь к берегу, кроме четверых, спрятавшихся внизу, которых он и взял; почему мы опасались, не то ли самое и теперь случилось.

ники с ними поступили и что сделали с японским судном. Более всего нас беспокоили ответы переводчиков и караульных, которые всегда отзывались незнанием, когда мы спрашивали их о обстоятельствах сего дела, а двое из караульных не могли скрыть своей ненависти и угрожали матросам, что мы никогда не возвратимся в Россию за взятие русскими их судна.

Наконец Мур сообщил мне, посредством записочек, присланных в книгах, следующие известия, слышанные им от одного из караульных, который был болтливее других * прося, чтобы я не все объявлял моим товарищам, дабы их не опечалить.

Первое сообщил он нам, что по прибытии наших судов в Кунасири японцы часто начинали с крепости стрелять в них ядрами, но как ядра не долетали, то наши и не отвечали им, а покойно наливали воду. Когда же появилось идущее в гавань японское судно, с наших судов посланы были шлюпки овладеть оным. Завладев судном, наши перевязали всех бывших на нем людей. Но, узнав, что мы живы, тотчас их развязали, стали с ними обходиться ласково, одарили разными вещами и отпустили судно, взяв с него с собою пять человек японцев.

Второе известие Мура состояло в том, будто японское правительство, поймав курильцев (товарищей Алексея) и узнав от них, что они были посланы русскими для высматривания их селений и крепостей, определило отрубить им головы, как шпионам; но губернатор Аррао-Тадзимано-Ками представил своему правительству, что наказать смертью сих несчастных людей, не имеющих своей воли, а единственно слепо повинующихся русским, которые за послушание, может быть, лишили бы их жизни, будет японцам стыдно и грешно, почему вместо казни предлагал отпустить их. Правительство уважило совет и повелело поступить по оному.

Весть сия не соответствовала сделанному нам от японцев формальному объявлению, что по их законам иностранцы не наказываются. Но тут

* У нас всегда сидели по два сторожа, а у Мура по одному; от этого происходило, что нам они не могли открыть никакой тайны.

дело другое: японцы считают, вероятно, и наших курильцев некоторым образом им принадлежащими, но не делают формального на то притязания, опасаясь войны с нами.

На вопросы наши, что говорят привезенные из России японцы, Кумаджеро уверял нас, что они подтверждают наши слова. Притом сказал он нам, что один из них есть тот, которого Хвостов увез с острова Итурупа **, по имени Городзий; в бумаге же Рикорда назван он мацмайским купцом Леонзаймо ***, потому что он — неизвестно, по какой причине — счел за нужное обмануть русских, назвав себя купцом и переименовав имя. Настоящее же его звание было на Итурупе досмотрщика над рыбной ловлей одного купца, а товарищ его, взятый Хвостовым в одно с ним время, при побеге из Охотска объелся китового мяса и умер. Его же поймали тунгусы и возвратили русским.

Уверение Кумаджеро, что возвращенные из России японцы говорят согласно с нами, подтвердилось в мыслях наших еще следующим обстоятельством: губернатор приказал шить нам шелковое платье, хотя мы и не имели в нем нужды ****. Из этого мы заключили, что японцы хорошо отзываются о наших соотечественниках.

Вскоре после сего Мур сообщил нам, что губернатор умер, но японцы, по законам своим, хранят смерть его в тайне до известного времени ***** , о

** В бумагах Рикорда этого упомянуто не было.

*** Нам прежде еще, тотчас по прочтении бумаг Рикорда, японцы говорили, что купца сего имени никогда в Мацмае не бывало и он должен быть из какого-нибудь другого места.

**** Японцы, узнав, что один из наших матросов был портной, стали давать нам только материи, чтоб мы шили платье по своему желанию; для легкости мы предпочитали покрой матросских брюк и фуфаяк всем другим.

***** У японцев в обыкновении скрывать смерть всякого чиновника, доколе правительство не назначит ему преемника и не даст чина старшему его сыну, а буде нет сыновей, то пока не сделает какой-либо милости для его семейства или ближнего родственника, чтобы тем несколько смягчить горесть их. Впрочем, о такой тайне только не говорят явно и не доводят до сведения родственников, но потихоньку друг от друга в короткое время все узнают.

чем дня через два и один караульный, семидесятилетний старик, проговорился, но, вспомнив свою ошибку, просил нас никому из японцев о том не рассказывать.

В половине октября меня и Мура повели в замок, где два старших городских начальника, в присутствии двух или трех чиновников, показав нам русское письмо, сказали, что оно было отдано на нашем судне одному из японцев, который, просушивая свой халат, выронил его, и что недавно нашли его, почему прежде нам и не показывали, а теперь желают, чтобы мы его прочитали и перевели. Мы видели увертку японцев и знали настоящую причину, почему письма они нам прежде не показывали: они не смели этого сделать без предписания из столицы. Я сказал им, засмеявшись: «Понимаю, понимаю этому причину». Тогда и японцы вместе с переводчиком стали смеяться над уловкой, какой старались извинить себя.

Письмо это было писано Рудаковым, одним из офицеров, служивших на «Диане», к Муру. В нем, во-первых, он его извещал, что японский начальник в Кунасири, в ответ на письмо Рикорда, посланному с оным японцу велел возвратиться на шлюп и сказать, что мы все убиты; почему они решились начать неприятельские действия, из коих первым было взятие судна, на котором находился начальник десяти судов. От взятых японцев узнали они, что мы живы и живем в Мацмае, почему они и причили ложное известие о нашей смерти обману посланного японца (которых всех уже они отпустили на берег) и оставили намерение свое поступать с японцами неприятельски, а, взяв с этого судна начальника, четырех японцев и курильцев, отпустили оное и пошли сами в Камчатку, чтоб там ст сих людей обстоятельнее выведать все касательное до нас. Потом Рудаков извещает о намерении их на будущий год возвратиться в Мацмай... и оканчивает письмо желанием нам здоровья, счастья и обыкновенными учтивостями.

Японцы велели нам, после словесного истолкования, списать копию и взять ее к себе для перевода на бумагу. Пока Мур списывал копию,

я спросил чиновников с досадой и горестью:

— Правда ли, что кунасирский начальник дал такой ответ и что бы понудило его сказать нашим соотечественникам такую гнусную ложь, которая могла для всей Японии произвести неприятные и даже опасные следствия?

— Не знаем, — отвечали они.

Но когда я спросил, как они думают о таком поступке — одобряют ли они его или нет, они все его порицали.

По окончании перевода тотчас отправили его в столицу. Тогда и Кумаджеро не стал таиться и открыл нам искренно, что прибывшие из Охотска японцы говорят: Леонзаймо, или, то же, Городзий, уверяет, что Россия непременно в войне с Японией и что теперешние наши миролюбивые поступки не что иное, как один обман, чтобы нас выручить из плена, и что мы потом станем действовать иначе. Он соглашается, что по прибытии в Охотск Хвостов и Давыдов были отданы под стражу и после ушли, но за что — ему неизвестно, вероятно и за то, что мало привезли пленных и не столько добычи, сколько там ожидали; впрочем, он уверен, что они не сами собою действовали, а по воле правительства, ибо в Охотске никто не объявлял ему, чтоб поступки сии были самовольные и что он будет возвращен в отечество.

К сожалению нашему, и те японцы, которые спаслись при кораблекрушении на камчатском берегу и там зимовали, отзывались о русских весьма дурно; они говорили, что пока содержал их в Нижне-Камчатске протопоп, им жить было хорошо, но когда отправили их в камчадалское селение, называемое Малкою, то они, кроме вяленой рыбы, никакой другой пищи не имели* и ходить им было почти не в чем.

В первых числах ноября призывали Мура и меня в замок, где стар-

* Мы после узнали, что иркутский гражданский губернатор определил достаточную сумму на их содержание; но как от японцев нельзя было опасаться, чтоб они жалобы свои довели до Иркутска, то, вероятно, тайон, или старшина малкинского селения, находил другое для их денег употребление.

шие чиновники показали нам свидетельство, данное Леонзайму от начальника Охотского порта флота капитана Миницкого.

В бумаге важнее всего было то, что, между прочим, в ней поступки Хвостова называются самовольными, и сказано, что он ими навлек на себя гнев правительства; упоминается также, что Леонзаймо и товарищ его два раза уходили из Охотска, не дождавшись высочайшего повеления о возвращении их в свое отечество, которое последовало вскоре после второго их побега. 8 ноября возвращенные из России японцы приведены были в Мацмай и помещены в том доме, из которого мы ушли. Здешние начальники сделали им несколько допросов, при которых находился и Кумаджеро. В Мацмае они жили около недели, а потом отправили их в столицу.

В декабре Кумаджеро сказал нам за тайну, будто он видел сон, что нас велено отпустить, но после открылось, что это не сон был, а настоящая молва; он слышал от приехавшего из столицы одного из первых здешних чиновников, что дело наше идет весьма хорошо и что благородный и честный поступок Рикорда с японцами, находившимися на задержанном им судне, обратил на себя внимание не только правительства, но и всех жителей столицы*.

---

* Кумаджеро и другие японцы, при нас находившиеся, с удовольствием рассказывали об отзыве этих людей о Рикорде, которых он задержал на японском судне. Узнав, что мы живы, он тотчас велел их развязать, обошелся с ними весьма ласково и сделал многим подарки. Тут находилась подруга того купца, которого он взял с собою. Рикорд приказал привести ее на шлюп и велел русским женщинам ее угощать и показывать все любопытное на нашем судне; отпуская ее со шлюпа, Рикорд подарил ей несколько европейских вещей, которые японцы ценят в 30 золотых монет; потом позволил мужу ее написать к своим родственникам письмо и уверить их, что он на будущий год непременно будет возвращен в свое отечество, а между тем теперь живет в каюте вместе с Рикордом и после до самого возвращения будет жить с ним. Такое внимание к их соотечественнику японцам весьма нравилось. Также сказал нам Кумаджеро, что намерение Рикорда сначала было взять одного человека и еще курьера для переводов, но четыре человека японцев сами добровольно согласились ехать со своим хозяином.

Весть сию скоро подтвердил запиской ко мне Мур, известив, будто он слышал от одного из стражей, что все наши вещи, бывшие в Эдо, возвращены в Мацмай и делаются приготовления к возвращению нашему в Россию.

В течение января получили мы несколько писем от Теске, в ответ на наши, в коих, между прочим, он говорит откровенно, что решение нашего дела еще сомнительно, ибо правительство их так много имеет причин быть предубежденным против нас, что малое число доказательств, служащих в нашу пользу, недостаточно поколебать прежнее мнение. При сем Теске весьма кстати ссылается на японскую пословицу: «веером тумана не разгонишь»**.

В начале февраля вдруг отобрали у Мура все письма, писанные к нему от Теске***. С солдатами, составлявшими при нас внутреннюю стражу, стали посылать в караул сержанта или унтер-офицера, из коих некоторые весьма строго начинали было с нами обходиться, но как мы пожаловались, то им приказали обращаться лучше.

Наконец, в половине февраля Кумаджеро сказал нам за тайну, что дело наше решено, но в чем состоит решение, до прибытия нового губернатора, который уже назначен, никто объявить нам не смеет под опасением жестокого наказания; однакож он может нас уверить, что худого ничего в решении японского правительства для нас нет.

11 марта Хлебников впал в чрезвычайную задумчивость и сделался болен; несколько дней сряду он не пил и не ел, да и сон его оставил. Расстроенное воображение представляло ему непонятные ужасы. В продолжение времени при разных обстоятельствах здоровье его хотя и поправлялось, но он не прежде совсем избавился от болезни, как по приезде уже на шлюп.

** Во всех землях народные пословицы берутся от предметов, их окружающих. Японские берега подвержены частым туманам, а все жители Японии обоего пола и всякого возраста в летнее время веера из рук не выпускают.

*** А я и Хлебников успели писанные им к нам письма сжечь.

18 марта прибыл новый губернатор и с ним, между прочими чиновниками, приехали Теске, ученый из японской академии по имени Адати-Саннай и переводчик голландского языка Баба-Сюдзоро. Теске утешил нас известием, что новый губернатор имеет повеление снести с русскими кораблями, почему тотчас разошлются во все порты повеления не палить уже при появлении их у японских берегов.

Теске сказал нам, что японское правительство отнюдь не хотело иметь с Россией никаких объяснений, считая по прежним происшествиям и по объявлению Леонзаймо, что со стороны правительства нашего, кроме коварства, обмана и насилия, ожидать ничего нельзя; но Аррао-Тадзимано-Ками, допрашивая Леонзаймо вместе с нынешним губернатором, заставил его запутаться и признаться, что мнение свое, будто Россия желает вредить Японии и что Хвостов действовал по воле нашего правительства, он говорил наугад.

Против других доводов членов японского правления он также сделал достаточные опровержения, а потом склонил их снести по предметам существующих обстоятельств с пограничным российским начальством. Но как правительство их хотело требовать, чтобы объяснение по сему делу русские корабли привезли в Нагасаки, то он и на это сделал опровержение, представив оному, что русские, получив такой отзыв японцев, конечно, сочтут оный за обман и коварство, ибо как им вообразить, чтоб японцы поступали искренно и честно, требуя, чтобы они шли столь далеко за таким делом, которое можно решить гораздо ближе и скорее в какой-нибудь гавани Курильских островов.

Когда же правительство отозвалось ему, что без нарушения законов своих оно не может согласиться добровольно на приход русских кораблей в другой какой-либо порт, кроме Нагасаки, то Аррао-Тадзимано-Ками дал им следующий достопамятный ответ: «Солнце, луна и звезды, творение рук божьих, в течении своем непостоянны и подвержены переменам, а японцы хотят,

чтобы их законы, составленные слабыми смертными, были вечны и непреременны; такое желание есть желание смешное, безрассудное»*.

Таким образом он убедил правительство возложить на мацмайского губернатора переговоры с русскими, не требуя, чтобы оные шли в Нагасаки. Далее Теске сообщил нам, что Аррао-Тадзимано-Ками отставлен от звания мацмайского губернатора, но дана ему другая должность, важнее губернаторской, хотя жалованья он будет получать и менее**, ибо в Мацмае все несравненно дороже, нежели в столице, где ему должно жить. Определен же он главным начальником над казенными строениями по всему государству.

Дня через два или три по приезде губернатора пришел к нам Кумаджеро сказать по повелению первого по губернаторе начальника, гинмиягу Сампея, чтобы мы учили русскому языку приехавшего из столицы ученого и голландского переводчика и сказывали им все, о чем нас станут спрашивать. «Странно мне кажется,—сказал я Кумаджеро,—что губернатор по приезде своем сюда нас не видал и не объявил нам еще, какое решение в рассуждении нас сделало японское правительство, а хочет, чтоб мы учили присланных из столицы людей».

Потом я спросил через стену Мура, как он думает о сем предложении. Он мне отвечал, что, пока губернатор не объявит решение о нашем деле, дотоле не будет он ни под каким видом учить японцев, а коль скоро такое объявление последует, тогда он рад будет учить их день и ночь. Я советовал ему до прибытия наших судов заниматься с ними каждый день по несколько часов и заме-

* Теске сказал нам, что никто из японских вельмож не отважился бы сделать правительству подобное представление; но Аррао-Тадзимано-Ками, известный по своему редкому уму, не боялся говорить правду. Сверх того, он имел два важных случая, будучи зятем генерал-губернатора столицы, которое место занимает всегда один из самых приближенных к государю особ, и братом родным одной из императорских любовниц.

** Жалованье его в Мацмае простиралось до трех тысяч больших золотых монет; каждая по весу превосходит несколько наш империял, а о качестве золота судить я не могу.

тил, что тогда мы будем в состоянии узнать подлинное намерение японцев в рассуждении нас и взять другие меры. Но Мур отнюдь не хотел согласиться на мое мнение. Тогда я не постигал причины такой его твердости, полагая, что он позабыл все старое и сделался опять с нами единомышленным, но после открылось другое. Таким образом Кумаджеро оставил нас, не получив никакого решительного ответа.

Через несколько дней после этого повели меня и Мура в замок, где первые два по губернаторе начальника, в присутствии других чиновников, объявили нам, что им повелено писать к начальникам русских кораблей, если они придут к японским берегам, и требовать объяснения касательно поступков Хвостова от начальства какой-нибудь нашей губернии или области, почему, сказали они, намерения их есть послать во все главные порты* северных местностей письма, заключающие в себе показанное требование с русским переводом. Перевод должны сделать мы вместе с Теске и Кумаджеро, а теперь они хотят нам показать и изъяснить письмо их, на японском языке написанное, и узнать наши мысли, прилично ли будет с их стороны послать оное в Россию.

Переводчики растолковали нам содержание сего письма. Я нашел, что оно было написано весьма основательно, и благодарил их за такое доброе намерение, которое может избавить как Россию, так и Японию от бесполезного кровопролития, и уверял, что правительство наше, конечно, доставит им удовлетворительный ответ.

После сего они объявили, что если суда наши придут к самому городу Мацмаю или в Хакодате, то намерены они с помянутым письмом отправить одного или двух из наших матросов. При сем случае я заметил, что такое намерение весьма похвально, ибо матросы, являсь на наши корабли, тотчас могут уверить соотечественников наших, что мы живы; а для той же причины просил их позволить нам написать записочки, что мы все живы, и приложить оные к пись-

мам, кои они думают разослать по портам.

Японцы тотчас на предложение мое согласились, но сказали, что записки наши должны быть как можно короче и что их прежде нужно послать на утверждение в столицу, и потому советовали нам написать их поскорее, что я и сделал немедленно по возвращении домой.

После сего приступили мы к переводу японской ноты, для чего позволено было и Муру с Алексеем ходить к нам. В это же самое время явился и ученый с переводчиком голландского языка. Первое их посещение было церемониальное: о деле они ничего с нами не говорили, а только принесли нам в гостинец конфет, познакомились с нами и выпросили у меня на время французские лексиконы и еще две книги.

Между тем Мур сделал мне вдруг следующее нечаянное предложение:

— Вам первому ехать на наши суда, — сказал он, — не годится, ибо вы причиной нашего несчастья. Андрей Ильич (так зовут Хлебникова) при смерти болен, а матросы глупы и ничего не могут там порядочно пересказать, и потому должно ехать мне, а товарищем со мною надлежит быть Алексею, ибо он содержится здесь уже три года, а матросы только два. Но как мне просить японцев о самом себе нехотится, то вы все должны просить их об этом, ибо собственное ваше счастье от того зависит: если вы этого не делаете, то должны будете погибнуть.

— Как так, — спросил я, — от чего?

— Я знаю отчего, — отвечал значительным тоном Мур.

На это я сказал ему:

— Если японцы уже намерены послать с письмом на русские суда матроса, то это последует, конечно, по воле их правительства, без коего они никакой перемены не сделают, да и правительство их в таких решениях долго медлит; почему я отнюдь не намерен просить японцев о посылке вас первого на наши суда.

— А как скоро так, — отвечал он, — то вы увидите свою ошибку и раскаетесь, но уже будет поздно.

Я не понимал, что значили эти

* В Кунасири, на Итуруп, на Сахалин, в Аткис и Хакодате.

угрозы, и остался в недоумении при расставании нашем с Муром. Но на другой день сказал он мне сквозь стену, будто один из караульных открыл ему, что японцы хотят захватить командира с нашего судна и столько же офицеров и матросов, сколько нас здесь, задержать их, а нас отпустить; но как при сем случае может быть кровопролитие, то советовал мне хорошенько подумать, что ему непременно нужно ехать первому, ибо матросы не могут так настоятельно говорить, как он, а он убедит капитана Рикорда и двух офицеров сменить нас добровольно.

Но это была такая сказка, которой едва ли поверил бы ребенок: возможно ли, чтобы караульный открыл такую важность, да и сказал он на скромного старика в семьдесят лет, и потому я отвечал ему сухо: «Сомнительно, чтоб это было их намерение».

Но тем дело не кончилось. Вскоре после сего Мур сказал, что намерение их не то, как он прежде мне сказывал, но они хотят захватить все судно наше и со всем экипажем, а потом отправить от себя посольство в Охотск на своем уже судне, и потому опять предлагал, что ему нужно ехать, а в известии своем сослался на прежнего старика и другого молодого караульного.

Эта басня была еще смешнее первой, и потому я дал ему короткий ответ: «Что бог сделает, то и будет», и замолчал.

Между тем, мы перевели бумагу, назначенную к отправлению на русские суда. Она начиналась так: «От гинмияг, первых двух начальников по мацмайском губернаторе, командиру русского корабля». Содержание оной было весьма коротко: сказано там, что приходил в Нагасаки посол Резанов; в сношениях с ним японцы поступали по своим законам, но оскорбления никакого отнюдь ему не сделали; потом напали на их берега русские суда без всякой причины; почему при появлении нашего судна кунасирский начальник, считая всех россиян неприятелями Японии, взял нас семерых в плен, и хотя мы говорим, что поступки прежних судов были самовольные, но так как мы пленные, то японцы не могут нам по-

верить; почему и желают иметь от высшего начальства сему подтверждение, которое надлежит доставить им в Хакодате.

Японцы старались, чтобы мы перевели бумагу сию с величайшей точностью и таким образом, чтоб слова тем же порядком следовали одно за другим в оригинале и в переводе, сколько свойство обоих языков позволяло, не заботясь, впрочем, нисколько о красоте слога, лишь бы только смысл был совершенно сходен.

Наконец, дело было кончено; мы сделали бумагам европейские куверты и надписали по-русски: «Начальнику русских судов»; тогда их отправили по портам.

27 марта представляли нас всех губернатору. Он был довольно высокий, статный человек, лет тридцати пяти от роду. Свита его состояла в восьми человеках, и он родом был знатнее прежних двух губернаторов. Назвав каждого из нас по чину и имени из бывшей у него в руках бумаги, объявил он нам то же, что объявляли прежде и двое начальников, и обнадеживал, что дело кончится хорошо. Потом, спросив нас, здоровы ли мы и каково нас содержат, вышел, а мы возвратились с переводчиками домой.

В тот же день с ужасом услышали сквозь стену разговоры Мура с переводчиками. Он требовал, чтоб его одного представили губернатору, а когда Теске спросил, зачем, то Мур отвечал, что он желает объявить ему некоторые весьма важные дела. Но Теске сказал, что он не может быть представлен губернатору, доколе прежде не доведет, посредством переводчиков, до его сведения, по каким причинам он требует свидания с самим губернатором. Тогда Мур продолжал, что шлюп наш приходил описывать южные Курильские острова, но с какой целью, он этого не знает, а советует им допытаться от меня, ибо я один знаю сию тайну, потому что инструктор мой от начальства я никогда не показывал своим офицерам. Второе, — что мы скрыли от них некоторые обстоятельства и в разных бумагах не так переводили слова. Сверх того, Мур много говорил о некоторых других предметах.

Теске, выслушав его, спросил, не

с ума ли он сошел, что бредит такой вздор на свою гибель. «Нет, — отвечал он, — я в полном уме и говорю дело».

Тогда Теске вышел из терпения и сказал ему, что если он и дело говорит, то теперь это поздно и ненужно, ибо прежнее дело совсем уже решено и оставлено, а участь наша, несмотря на старые дела, зависит от поступков наших судов, и если на требование их доставлен им будет удовлетворительный ответ, то нас отпустят. Но как он настаивал на своем, чтобы его представили губернатору, то Теске жестоко разгорячился; напоследок, заключив, что Мур действительно лишился ума, оставил его и, пришедши к нам, говорил, что Мур или сумасшедший или имеет крайне *черное* (то есть дурное) сердце.

На другой день Мур начал и действительно говорить как сумасшедший; но подлинно ли он ума лишился или только притворился, о том пусть судит бог.

Дня через два после сего пожелал он, чтобы его перевели к нам, на что японцы тотчас согласились и как его, так и Алексея, поместили опять с нами.

В это же время и ученый с переводчиком стали к нам ходить всякий день. Первого из них мы называли академиком, потому что он был член ученого общества, соответствующего отчасти европейским академиям, а второго именовали голландским переводчиком. Последний начал поверять все словари русского языка, прежде собранные, и скоро их поправил и дополнил. Он имел у себя печатный лексикон голландского языка с французским и, узнав от нас французское слово, соответствующее неизвестному русскому, тотчас отыскивал оное в своем словаре.

Переводчик был молодой человек двадцати семи лет и имел весьма хорошую память; зная уже грамматику одного европейского языка, он очень скоро успевал в нашем, что заставило меня написать для него русскую грамматику, сколько я мог оной припомнить*, а академик занялся пе-

реводом сокращенной арифметики, изданной в Петербурге на русском языке для народных училищ, которую, по словам их, еще Кодай** привез в Японию.

Объясняя ему арифметические правила, мы увидели, что он их знал все, но хотел только иметь русское на них толкование.

Однажды он спросил у меня, какой стиль времясчисления употребляется в России, заметив, что голландцы употребляют новый. Когда я сказал, что мы держимся еще старого стиля, он желал, чтоб я ему объяснил, в чем состоит разность между старым и новым стилем, и растолковал, отчего она происходит. По окончании моего толкования он сказал, что это времясчисление еще несовершенно, ибо через такое-то число веков опять наберется 24 часа разности, и тем показал мне, что спрашивал меня, любопытствуя узнать, имею ли я понятие о вещи, которая ему хорошо была известна. Солнечную коперникову систему они принимают за истинную, знают об открытии и движениях Урана и спутников его, но о планетах, открытых после Урана, еще не слышали⁵¹.

Хлебников от скуки занимался сочинением таблиц логарифмов, натуральных синов (синусов) и тангенсов и некоторых других, к мореплаванию принадлежащих, которые привел он к концу с невероятным трудом и терпением. Когда таблицы были показаны академику, он тотчас узнал логарифмы, а также и натуральные сини

мья, и писал оную более четырех месяцев. В предисловии, между прочим, упомянул я, что если попадется она в руки кому-нибудь из русских или знающему русский язык, то надобно ему помнить, что я писал наизусть. Примеры же в ней помешал приличные нашим обстоятельствам, что японцам весьма нравилось. Они с величайшей охотой переводили мои тетради на свой язык и кончили оные скоро, хотя они составляли все вместе добрую книгу. Теске и Баба-Сюдзоро весьма хорошо понимали изъяснения грамматических правил, а особливо последний из них; им только недоставало времени учить их наизусть. Сверх того, я перевел для них на русский язык разговоры, помещенные во французской грамматике с голландским переводом, которые, конечно, голландскому переводчику будут весьма полезны для изучения русского языка.

** Японец, привезенный к ним Лаксманом в 1792 году.

и тангенсы. Для изъяснения, что они ему известны, он начертил фигуру и показал на ней, что такое син и что тангенс.

Желая узнать, как они доказывают геометрические истины, мы спросили его, так ли японцы думают, как мы, что в прямоугольном треугольнике (который я и начертил) два квадрата из сторон равны одному квадрату из гипотенузы. «Конечно, так же», отвечал он. А на вопрос наш — почему, он доказал это самым неоспоримым доводом: начертив фигуру циркулем на бумаге и вырезав квадраты, начал те из них, которые были написаны из сторон, гнуть и разрезать, а потом отделенные части по большому квадрату уложил так, что они точно заняли всю его площадь.

Солнечные и лунные затмения они вычисляют с большой точностью, по крайней мере он нам так сказывал, да и немудрено, ибо они имеют у себя переводы многих статей из де-Лаландовой астрономии⁵² и содержат в столице, как я упоминал выше, европейского астронома.

С сим ученым и с переводчиком голландского языка обыкновенно к нам прихаживал и Теске с Кумаджеро.

Они у нас просиживали целое утро, а иногда бывали и после обеда. Большую часть сего времени мы употребляли на разговоры, не до наук касающиеся, а рассказывали друг другу анекдоты и т. п.

Между прочим, Теске сообщил нам любопытный допрос, который нынешний губернатор и прежний, Аррао-Тадзимано-Ками, сделали привезенному из России японцу Леонзаймо, или Городзю. Он утверждал, что россияне народ воинственный и любят войну, а доводы его о сем предмете заключались в том, что он заметил: если русский мальчик, идя по улице, найдет палку, тотчас ее поднимает и станет ею делать экзерцицию, как ружьем, а часто он видал, что несколько мальчишек с палками соберутся вместе сами собою и учатся ружью, подражая во всем солдатам, и солдаты везде, где только он ни встречал их в России, почти беспрестанно учатся. Из чего он и выводил, что мы в войне с японцами, ибо в сем

краю у нас имеются только два соседа: Китай и Япония; с Китаем мы торгуем, следовательно, все замеченные им приготовления делаются против Японии.

Над последним его замечанием, Теске сказывал, оба бунноса очень много смеялись и называли его дураком, ибо он должен знать, что и в Японии мальчики учатся биться на саблях, а солдаты часто упражняются в экзерцициях, однакож японцы не для того это делают, чтоб нападать на какой-нибудь народ.

Аррао-Тадзимано-Ками желал, чтоб Леонзаймо сделал примерный рисунок расположения улиц в Иркутске и означил, где стоит какое из публичных зданий. От сего он отказался, сказав, что он мало ходил по городу. «Разве русские не позволяли тебе ходить везде по городу?» спросил его буннос. На это он отвечал, что не только позволяли, но и советовали как можно чаще прогуливаться, чтоб не быть больным; даже сам губернатор несколько раз ему об этом говорил. «Зачем же ты не воспользовался таким снисхождением к тебе русских, — спросил буннос, — и не высмотрел всего в городе с особенным вниманием, чтоб по возвращении сюда быть в состоянии дать полный отчет обо всем, тобою виденном?» На такой вопрос он не мог ничего отвечать, а только признавал себя виноватым и просил прощения.

На вопрос, что же он делал, сидя беспрестанно дома, он отвечал: «Записывал мои замечания». Тогда губернаторы и все присутствующие много смеялись. Наконец, спросили его, какие замечания мог он записывать, когда ничего не хотел видеть. «Я записывал то, что слышал от живущих там японцев», — был его ответ.

Однакож к таким замечаниям Леонзаймо губернаторы возымели не слишком большую веру, сказав ему, что если бы он представил им то, что сам видел или слышал от самих русских, то это заслужило бы их внимание; но то, что он им сообщил, происходит от японцев, отрекшихся от своего отечества и переменивших свою веру, следовательно, и не должно ими быть принято за известия, заслужи-

Японская карта конца XVII века.

вающие какое-либо уважение правительства.

Губернаторы весьма много спрашивали его касательно состояния той части Сибири, по которой он ехал, и Леонзаймо представлял все в самом бедном и жалостном положении, жителей охотских называл нищими и пр., а народонаселение всего края, от Иркутска до Охотска, сравнил с числом жителей одного из своих небольших городов.

Рассказывая о торговле нашей с Китаем, он винит наших купцов в обманах китайцев, а их оправдывает и говорит, что по сему поводу китайское правительство несколько раз запрещало нам торговать с ними; однакож наше начальство снова запрашивало позволение, обещая наказать виноватых. Это также он слышал от земляков своих, живущих в Иркутске.

Леонзаймо собирался с своим товарищем уйти и, зная, что им могут встретиться тунгусы, унес с собою медный образ, дабы тем уверить их, что они русские. Достигнув гилякских жилищ, объявил он * сему народу, что послан в их землю великим китайским императором, а в доказательство показывал им образ и называл оный изображением китайского государя,

* Их ушло трое: два японца и один ссыльный русский; но один из японцев, сбъевшись китового мяса, умер, а ссыльный оставил его; Леонзаймо же достиг Гилякской земли ⁶⁰.

почему и был принят гиляками хорошо. У них он расположился было прозимовать, чтоб продолжать путь весной, но дошедшее в Удский острог ⁵⁴ известие о месте его пребывания уничтожило все его замыслы: он был взят и привезен в помянутый острог.

Теске также не скрыл от нас, что кунаирский начальник посланному к нему от Рикорда с письмом японцу, отправляя его назад, действительно велел сказать, что мы все убиты, а причина такому ответу была следующая. Доставивший ему письмо Рикорда японец уверял его, что Россия точно в войне с Японией и теперешние дружеские наши поступки один только обман. Рикорд писал, что доколе не получит о нас удовлетворительного ответа, до тех пор не оставит гавани, а как присутствие наших судов принудило всех рыбаков и других рабочих людей, живущих по берегам южной стороны Кунасири, забраться в крепость, отчего все промыслы и работы остановились, то начальник и рассудил скорее сделать один конец, а чтобы понудить наших выйти на берег и напасть на крепость, он велел сказать, что мы все убиты. Но вероятно, что и личная ненависть сего чиновника к русским подстрекала его дать такой ответ, ибо это был Отахи-Коеки, тот самый, который в Хакодате делал нам разные насмешки.

Впрочем, Теске уверял, что прави-

тельство их не показывало неудовольствия за такой его ответ, а напротив того, многие из членов одного одобряют его за это, он считается у них весьма умным, рассудительным человеком.

Сверх того, Теске рассказал нам, какие ему были хлопоты в столице по случаю открытия переписки его с нами. Отобранные у Мура его письма препровождены были в Эдо, где принудили его представить правительству и наши письма, им полученные, которые все принужден был перевести, причем колкие на счет японцев места он перевел иначе.

Члены, рассматривавшие переводы сии, спросили, как он смел переписываться с иностранцами, разве неизвестен ему закон, именно это запрещающий. Теске извинял себя, что он не думал, чтоб под сим законом понимаемы были и те иностранцы, которые содержатся у них в неволе, и уверял вельмож, что намерения его были чистые и что он переписывался с нами из единого сожаления о нас, происшедшего от человеколюбия.

Однакож важного ничего не последовало и только дали ему наставление, чтобы впредь он был осторожнее. Письма же правительство оставило у себя и поступка сего не вменило ему в преступление: это доказало оно данным ему чином за труды и усердие, оказанные им в изучении русского языка и в переводах нашего дела. За это также и Кумаджеро награжден был чином.

Теперь, с крайним прискорбием, обращаюсь я опять к тому предмету, воспоминание о котором мне и поныне огорчительно. Я разумею поступки Мура.

Коль скоро Мура перевели к нам, он с японцами начал говорить по большей части как человек, лишившийся ума, уверяя их, что он слышит, как их чиновники, сидя на крыше нашего жилища, кричат и упрекают его, что он ест японское пшено и пьет их кровь; или что переводчики с улицы ему кричат то же, а по ночам приходят к нам и тайно со мною и Хлебниковым советуются, как бы его погубить. Но иногда разговаривал с ними уже в полном уме и всегда наклонял разговор свой к одной цели. Например, однажды сказал

он Теске, что у нас на «Диане» есть множество хороших книг, карт, картин и других редких вещей и что если японцы отпустят его на наше судно первого, то он всем здешним чиновникам и переводчикам пришлет большие подарки.

В другой раз Мур, в присутствии обоих переводчиков, или, лучше сказать, всех трех переводчиков (включая в то число и голландского) и академика, сказал, что от усердия своего к японцам он теперь должен погибнуть, ибо здесь его не принимают, а в Россию ему возвратиться нельзя. «Почему так?» спросили переводчики. «Потому, что здесь я просился в службу, а потом даже в услуги к губернатору*, о чем вы рассказывали моим товарищам; это будет доведено до нашего правительства; итак, что я буду по возвращении в Россию? На каторге?»

Мы, с своей стороны, уверяли его, что он напрасно страшится возвращения своего в Россию. Но Мур не мог успокоиться. Некоторые тайные обстоятельства, открытые им японцам, жестоко его мучили. Это самое он и разумел под словом *усердия* к японцам. Несколько раз покушался он разными образами обратить внимание их на его к ним привязанность. Он им говорил, что если б они могли открыть и видеть, что происходит в его сердце, то, конечно, не так бы стали с ним обходиться и возымели бы более к нему доверенности.

Наконец, переводчики сказали ему прямо, что, по японским законам, и природные японцы, жившие несколько времени между чужестранцами, лишаются доверенности. Итак, возможно ли принять им в службу к себе иностранца, как бы он хорошо ни казался расположенным к ним?

Что касается до поведения Мура в рассуждении нас, то он не часто говорил с нами, как человек не в полном уме, а большею частью молчал. Изредка только делал нам предложения свои, но затем напрямки и без дальних обиняков.

Сначала он мне сказал твердым и решительным образом, что у него

* Это последнее мы только в первый раз при сем случае услышали от него самого.

есть две дороги: одна состоит в том, чтоб мы все просили японцев послать его с Алексеем первого на русский корабль, тогда и мы будем избавлены от несчастья, а когда мы на это не хотим согласиться, то он должен будет идти по другой дороге и, не щадя себя, погубить всех нас объявлением японцам некоторых обстоятельств, которые мы прежде скрывали, и что дело это еще сомнительно, в войне ли мы с ними или в мире.

На такие угрозы я отвечал ему с твердостью, что отнюдь не страшусь его. Японцев теперь узнал я хорошо. Они никаким доносам вдруг не поверят. Между тем начнутся переговоры и, верно, дело окончится для нас счастливо.

«Знаю я, — отвечал он, — как вы не думаете мне зло делать; помню я, что Шкаев сказал мне перед губернатором: разве мы никогда не возвратимся в Россию?»

Эти слова Шкаева жестоко его беспокоили, и он их повторял весьма часто, а когда я спрашивал его: если японцы словам его поверят и, вступив в переговоры, обманут наши суда и возьмут их, что он будет тогда чувствовать? Тогда он обыкновенно начинал говорить, как полоумный, делая совсем несообразные вопросу ответы. Когда же я спрашивал его: а если японцы возьмут суда наши, но после дело объяснится и мы рано или поздно возвратимся в Россию, что с ним будет тогда? «То же, что и ныне, когда приедем мы в Россию», отвечал он.

Мур, уверившись, что никакими угрозами не в силах заставить нас исполнить его желание, начал было угрозы приводить в действие. На сей конец несколько раз покушался открывать переводчикам то, чем нас страдал. Но они, слушая такие странные, клонящиеся к общей нашей гибели представления, называли его сумасшедшим и вместо ответа посылали за лекарем, а напоследок и действительно заставили лечить его. Это возбудило во мне сомнение, не кроется ли тут какая-нибудь хитрость и не притворяются ли японцы с намерением, будто Муру они не верят, считая его за сумасшедшего, но в самом деле хотят нас убедить в искренности своего доброго расположения к Рос-

сии, чтоб таким образом посредством посланных на наши суда матросов удобнее их обмануть и, употребив при переговорах хитрость и коварство, захватить их и тогда уже приступить к подробному исследованию всего, что говорил им Мур.

Такое подозрение, оказавшееся впоследствии неосновательным, заставило меня написать потихоньку пять одинакового содержания писем на имя Рикорда и велеть матросам и Алексею защитить оные в свои фуфайки, чтоб, в случае обыска, японцы не могли их найти. Эти записки приказано им от меня было отдать командиру того русского судна, на которое их отправят.

Главное содержание моих писем было таково, чтоб Рикорд при переговорах с японцами был сколько возможно осторожен и не иначе имел с ними свидание, как на шлюпках далее пушечного выстрела от крепости, а притом не сердился бы за их медлительность в ответах, потому что их законы не позволяют вдруг ни на что решаться, а всякое важное дело должно быть обстоятельно рассмотрено высшим правительством, прежде нежели последует исполнение. Притом описал я все, что Мур открыл японцам, дабы, известив о сем Рикорда, приготовить его к ответам, какие при переговорах, вероятно, от него будут потребованы. Между прочим, упомянул я, что, кажется, есть надежда помириться нам с японцами, а может быть, со временем восстановится и торговля.

Неудача Мура в покушениях его застрашать нас или склонить японцев на свою сторону доводила его до совершенного отчаяния. Раза два или три он покушался на свою жизнь. Однакож приготовления его к тому всегда были примечаемы нами и караульными заблаговременно, и его не допускали до самоубийства. Впрочем, действительно ли он имел такое пагубное намерение или только делал один вид, — точно неизвестно. Кажется, однакож, что с большей скрытностью, нежели какую он употреблял, покушаясь на жизнь свою, он мог бы удавиться так, что никто бы из нас того не приметил.

Как бы то ни было, только японцы стали примечать за ним строго:

даже, когда он спал, закрывшись одеялом, один из караульных сидел подле него и слушал, дышит ли он; когда же не мог ничего слышать, тотчас открывал одеяло и смотрел. То же делали караульные и при смене.

Такая осторожность не покажется излишней, когда мы вообразим, что если б кто из нас умертвил себя, то не только внутренней страже и оставшимся в живых нашим товарищам была бы большая беда, но и наружному караулу, который не имел права даже и входить к нам, было бы не без хлопот. Вот как строги и чужды японские законы.

Осторожность японцев отняла у Мура все способы покуситься на жизнь свою. Тогда он позабыл себя до такой степени, что стал употреблять различные средства, чтоб запутать начинающиеся переговоры между японцами и нами. На этот конец начал он им советовать, чтоб по прибытии к ним наших судов потребовали японцы от них пушки и другое оружие в залог за увезенную Хвостовым японскую собственность и держали их у себя, доколе правительство наше не доставит к ним оставшихся в целости японских вещей, а за потерянные не сделает приличного вознаграждения. Но японцы такого совета не уважали, говоря, что если наше правительство известит их, что поступки русских судов были самовольные, то японскому государю неприлично требовать вознаграждения от другого великого монарха за убытки, таким образом причиненные. Притом частные люди, потерпевшие от сего, давно уже от своего государя получили вознаграждение за все их потери.

Мур, видя, что ни один из его планов не удастся, предался отчаянию: по несколько дней сряду он ничего не ел, а иногда уже съедал один за пятерых.

Я, с моей стороны, также не был покоен: равнодушие японских переводчиков, с каким они слушали важные объявления Мура, для меня было непостижимо; оно нимало не соответствовало прежнему их любопытству, когда бывало, услышав от нас какую-нибудь новую безделицу, тотчас привязывались и старались

узнать всякую подробность, к ней принадлежащую.

10 мая принесли к нам черновую нашу записку, которая должна была быть отправлена в порты для доставления на наши суда; она была в столице и утверждена правительством, следовательно, теперь нельзя было переменить в ней ни одной буквы; списав с нее пять копий, мы их подписали, а японцы в тот же день отправляли оные, куда следовало. Вот подлинное содержание записки:

«Мы все, как офицеры, так матросы и курилец Алексей, живы и находимся в Мацмае. Мая 10-го дня 1813 года.

Василий Головин».

Хлебников не подписал записки, по причине болезни, которой был одержим.

Время года уже настало такое, когда мы со дня на день должны были ожидать прибытия наших судов, и как по письму Рудакова мы думали, что они придут прямо в Мацмай, то всякий крепкий ветер меня немало беспокоил: я опасался, чтоб при туманах, сопутствующих в здешних морях восточным ветрам, не претерпели суда наши крушения. В мае, июне и июле в других частях северного полушария стоит самая приятная погода и дуют легкие ветерки, но здесь в это время года весьма часто бывают бури с туманом и дождем. Будучи и на море, едва ли с такой точностью наблюдал я погоду, как здесь, и записывал.

В ожидании наших судов японцы дали нам материи, чтоб мы сшили себе новое платье, говоря, что если понадобится нам ехать на суда, то им будет стыдно, когда они отпустят нас в старом платье. Нам троим дали они прекрасной шелковой материи на верх и на подкладку и ваты, а матросам бумажной материи; Алексею же они сами сшили японский халат.

Наконец, 19 июня сказали нам, что за девять дней пред сим японское судно, стоя на якоре у одного из мысов острова Кунасири, увидело прошедший мимо него к кунасирской гавани русский корабль с трех мачтах, тотчас снялось с якоря и прибыло с сим известием в Хакодате, а 20-го числа японцы получили официальное донесение о прибытии «Диа-

ны» в Кунасири, но о дальнейшем его содержании они нам ничего не объявляли.

На следующий же день переводчики спросили меня по повелению своих начальников, кого из матросов хочу я послать на наш корабль. Не желая преимуществом, оказанным одному, огорчить прочих, я сказал: «Пусть сам бог назначит, кому из них ехать». Я предложил жребий, который пал на Симонова. Потом я велел попросить начальников, чтобы с ним вместе отправили они Алексея. Они согласились и велели им собираться, а меня и Мура в тот же день призывали в замок, где оба гинмиягу⁵⁵, в присутствии других чиновников, формально спросили нас, согласны ли мы, чтобы эти два человека ехали на корабль. Я изъявил мое на то согласие, а Мур молчал. После сего Сампей сказал нам, что он сам едет в Кунасири для переговоров с Рикордом, и обещал стараться привести дело к счастливому окончанию, дав слово притом иметь попечение об отправляющихся с ним наших людях; с тем он нас и отпустил.

22 июня меня и Мура опять позвали к начальникам в крепость и показали нам полученные от Рикорда бумаги. Одно письмо к кунасирскому начальнику, а другое ко мне; в первом извещает он японцев о своем прибытии к ним с миролюбивыми предложениями и что соотечественники их, Такатай-Кахи и два матроса, взятые им в прошлом году, ныне привезены назад, но двое японцев и курилец умерли в Камчатке от болезни, невзирая на все старания, какие были употреблены для сохранения их жизни. Впрочем Рикорд думает, что Такатай-Кахи, умный и достойный человек, может уверить японское правительство в истинном к ним расположении русских и побудит оное возвращением нас отвратить неприятности, могущие в противном случае последовать, и что в надежде на добрые качества и миролюбие японцев он будет ожидать ответа. В письме ко мне Рикорд, извещая нас о своем прибытии, просит, если можно, чтоб я ему отвечал и уведомил его, здоровы ли мы, в каком находимся состоянии и пр.

Содержание сих писем показыва-

ло, что они были писаны прежде, нежели Рикорд получил японскую бумагу, для него заготовленную, что привело нас в немалое изумление, ибо японцы уверяли, что приказано тотчас при появлении у их берегов русского корабля отправить на него с курильцами помянутую бумагу.

Сампей и Кумаджеро 24-го числа отправились на судне в Кунасири, взяв с собою Симонова и Алексея. Первому из них с самого дня его назначения и по сие число при всяком случае я твердил, что он должен говорить на «Диане» касательно укреплений, силы и военного искусства японцев; как и в каком месте, если обстоятельства заставят, выгоднее на них напасть и пр. Он, кажется, все хорошо понял, и я доволен был, что, по крайней мере, мог сообщить нашим соотечественникам многие важные сведения*.

Между тем, перед отправлением своим Симонов открыл мне, что Мур поручил ему сказать Рикорду, чтоб он прислал к нему все оставшееся на «Диане» после него имущество. Не понимая, с какой целью он того требовал, велел я Симонову сказать о сем его желании Рикорду, но просить, чтобы он ничего не посылал, дабы такой поступок не причинил нам здесь новых хлопот. Хлебников также отправил с ним записочку на «Диану», предостерегая наших от искушения японцев, буде они неискренни в своих уверениях.

До 2 июля мы ничего не слыхали из Кунасири, а сего числа показали нам короткое письмо Рикорда к кунасирскому начальнику, которого он благодарит за доставление на «Диану» своеручной нашей записки, уверившей его точно, что мы живы.

Напоследок, 19 июля, в присутствии губернатора и многих других чиновников, показали мне и Муру официальное письмо Рикорда к Такахаси-Сампею, письмо ко мне и другое к Муру, оба от него же. В первом из них Рикорд благодарит японское правительство за желание вступить с нами в переговоры и обещается немедленно итти в Охотск,

* Однакож я крайне ошибся. После открылось, что не доехав до «Дианы», Симонов все позабыл и, кроме некоторых несвязанных отрывков, ничего не мог пересказать.

с тем чтоб к сентябрю возвратиться и доставить им требуемое объяснение. Но как вход в хакодатскую гавань нам неизвестен, то он намеревается зайти в порт Эдомо⁵⁶, и просит послать туда искусного лоцмана, который мог бы оттуда провести корабль в Хакодате. Далее благодарит он Сампея за дозволение Симонову приехать на шлюп.

Письмо ко мне он начинает условными между нас словами, в знак, что записка моя им получена. Потом поздравляет нас с приближающимся освобождением из плена и обещает непременно к сентябрю возвратиться. Муру же коротенькой записочкой советует быть терпеливее и не предаваться отчаянию, упоминная, что и им самим встречалось немало беспокойства, забот и опасностей.

Вскоре после сего японцы сказали нам, что «Диана» наша, по отправлению помянутых бумаг на берег, тотчас пошла в путь. Это, по нашему расчету, должно было быть около 10 июля. Через несколько дней после сего возвратились в Мацмай Сампей, Кумаджеро и два наши товарища, которых поместили опять с нами.

Теперь пусть читатель судит по собственному своему сердцу, что мы должны были чувствовать, встретив, так сказать, «выходца из царства живых». Два года ничего мы не слыхали не только о России, но ниже о какой-либо просвещенной части света; даже и японские происшествия не все нам объявляли, да и могли ли они нас занимать? Япония для нас была другим миром.

Любопытство наше было чрезмерно. Мы жадничали его удовлетворить: надеялись подробно узнать все, что делается в России и в Европе, но крайне ошиблись в своих ожиданиях. Симонов был один из тех людей, которых политические и военные происшествия во всю их жизнь не дерзали беспокоить; все, что он нам по сему предмету сообщил, состояло в том, что француз с тремя другими земляками, которых назвать он не умел, напал на нас и был уже в шестидесяти верстах от Смоленска, где, однакож, мы задали ему добрую передрагу, несколько тысяч положили на месте, а остальные обще с Бонапартом едва

уплелись домой*. Но когда это было, кто предводительствовал войсками и чем все дело после того кончилось, он позабыл. Однакож нас, по крайней мере, утешала мысль, что он говорил не без основания: знать, думали мы, и в самом деле мы одержали над неприятелем какую-нибудь важную победу.

Впрочем Симонов мог очень хорошо припомнить все подробности самонаименнейших происшествий, случившихся в кругу его товарищей, и доставил великое удовольствие матросам рассказами, не выходящими из тесных пределов их понятий. Мы же, с своей стороны, должны быть довольны и тем, что он дал нам подробный отчет о всех наших сослуживцах, и всего приятнее было то, что все они здоровы.

Но если Симонов не мог удовлетворять нашего любопытства касательно европейских происшествий, то, по крайней мере, с удовольствием услышали мы от него, как японцы переговаривались с нашими соотечественниками.

Кумаджеро, находившийся там вместе с Сампеем, обнадеживал нас, что начатое ныне сношение между ними и нами непременно будет иметь самый счастливый конец, и это приписывал он уму Рикорда, который успел так хорошо привязать к себе бывшего с ним японца Такатай-Кахи и вселить в него такие высокие мысли о добронравии и честности русских, что он клянется перед своими начальниками в искренности наших предложений.

Слова его возымели такое действие над Сампеем, что он согласился отступить от некоторых требований, кои прежде намерен был предложить. Рикордом, офицерами «Дианы» и вообще всеми теми, с коими он был знаком в Камчатке, Такатай-Кахи нахвалиться не может. Он приехал в Мацмай вместе с Сампеем, но видеться ему с нами не было позволено, хотя и он и мы того очень желали. По закону японскому, он содержался под караулом; однакож родственники и друзья могли его навещать,

* При отбытии «Дианы» из Камчатки там не знали еще о происшествиях, случившихся после смоленского сражения (в начале августа).

Гавань в Нагасаки.
Старинный рисунок.

сидеть у него сколько угодно и разговаривать с ним, только лишь бы это было в присутствии стражей из императорских солдат.

Если Симонов сообщил нам о политических делах Европы слишком мало, то японцы уже чересчур много рассказали. Сначала они нам объявили о прибытии в Нагасаки двух больших голландских кораблей из Батавии, нагруженных товарами, состоящими из произведений восточной Индии. Прибывшие на них голландцы уверяли японцев, что по причине морской войны, свирепствующей между Англией и Голландией, они не могут доставлять к ним европейских товаров; но как две Ост-Индские компании, голландская и английская, заключили между собою мир и торгуют, то голландцы теперь находятя принужденными возить в Японию произведения бенгальские.

Вследствие этого объявления японцы хотели от нас слышать, возможное ли это дело по европейским обычновениям. Мы прямо им сказали, что тут, верно, кроется обман. Настоящее же дело, вероятно, состоит в том, что англичане взяли Батавию и, опасаясь, чтоб японцы не прекратили своей торговли с голландской компанией, когда

будет известно, что главное ее владение в других руках, хотя скрыть от них это происшествие, на какой конец и вымыслили они подробную ложь. Я советовал японцам сказать прибывшим в Нагасаки голландцам, что они теперь ведут переговоры с русскими, которые уверили их, что Батавия действительно взята англичанами, и по сему требовать от них признания*.

* Спустя месяца два после сего перевдчки уведомили нас, что голландцы впоследствии пригуждены были признаться в обмане и объявить, что англичане, заняв Батавию, взяли у них японские грамоты, данные на позволение приходить ежегодно в Нагасаки двум голландским кораблям, почему они нашлись принужденными привести ныне товары английские. По сему объявлению японское правительство предписало задержать суда и товары до дальнейшего решения. При сем же случае Теске и Баба-Сюдзоро сказали нам, что правительство их очень вознегдовало на голландских переводчиков за то, что они русским бумагам давали кривой толк. Они признались откровенно, что голландцы при переводе бумаги, присланной Хвостовым к мацмайскому губернатору, прибавили, будто русские грозят покорить Японию и прислать священников для наставления японцев в христианской религии, а чин Хвостова — лейтенант, Lieutenant, перевели они (как то на французском языке название сие иногда значит) заместником. И потому-то японцы с таким беспокойством старались выведать у нас, точно ли Хвостов

Японцы тем с большой охотой уважали наше мнение и приняли мой совет, который, по их желанию, я подал им на бумаге для отправления в столицу, что и прежде открыли мы им весьма важное обстоятельство касательно Голландии, которого подлинность напоследок, по счастью, удалось нам доказать им неоспоримо.

Вот в чем дело это состояло.

Голландцы, живущие в Нагасаки, сами объявили японцам, что правление у них переменилось и Голландия уже не республика, а королевство и что королем в ней брат французского императора Наполеона. Но о том, что она перестала быть особенным государством и присоединена к числу французских провинций, голландцы не сказывали, кажется, потому, что они и сами об этом происшествии еще не знали, ибо в течение многих последних годов не приходило в Японию ни одно голландское судно.

О сей перемене мы иногда говорили переводчикам, но они слушали нас равнодушно и, казалось, не верили, считая невозможным, чтобы Наполеон, дав королевство своему брату, так скоро и лишил оно; ибо японцы никогда вообразить себе не могли, чтобы в Европе так легко было делать королей и королевства и опять уничтожать их.

Наконец, Мур, перебирая оставленные с «Дианы» вместе с книгами русские газеты, нашел там случайно манифест Бонапарта, которым он объявляет Амстердам третьим городом французской империи. Содержание сего манифеста тогда же он открыл японцам. В то время переводчики их довольно порядочно могли уже понимать наш язык, почему и приступили к переводу сего акта с великим усердием, а окончив, послали в столицу. После мы узнали, что голландцы, живущие в Нагасаки, на вопрос о сем предмете отозвались, что до них известие об этом не дошло, и это весьма вероятно.

Говоря о голландцах, надобно сказать, что ныне японцы совсем не так к ним расположены, как прежде.

и Никола-Сандрееч один и тот же человек, ибо они полагали, что первое из сих слов имя сибирского генерал-губернатора, а последнее начальника судов, сделавших на них нападение.

Доказательством сему послужить может известие, сообщенное нам переводчиком голландского языка, при нас находившимся. Он сказывал, что в продолжение последних пяти лет ни один голландский корабль не бывал в Нагасаки, отчего живущие там голландцы претерпевают крайний недостаток во всем, и даже принуждены вынимать стекла из окон, чтоб покупать за оные нужные им съестные припасы. А когда мы спросили его, для чего же японское правительство не снабжает их всем, что им надобно, за что после они в состоянии будут заплатить, тогда переводчик отвечал, что японцы не так теперь думают о голландцах, как прежде. Узнав же, что Голландия уже есть часть французских владений, они непременно прервут всякое сношение с сим народом.

Самая важная новость, которую прибывшие в Нагасаки голландцы привезли японцам, а они сообщили нам, была о взятии Москвы. Нам сказали, что сию столицу сами русские в отчаянии сожгли и удалились, а французы всю Россию заняли по самую Москву. Мы смеялись над таким известием и уверяли японцев, что этого быть не может. Нас не честолюбие заставляло так говорить, а действительно от чистого сердца мы полагали событие такое невозможным: мы думали, что, может быть, неприятель заключил с нами выгодный для него мир, но чтоб Москва была взята, никак верить не хотели и, почитая эту весть выдумкой голландцев, оставались с сей стороны очень покойны.

21 августа Кумаджеро объявил нам за тайну, что дней через пять или шесть переведут нас в дом, который теперь японцы готовят нарочно для помещения нашего. Известие это было справедливо: 26-го числа повели всех нас в замок, где в той самой большой зале, в которой прежний губернатор, Аррао-Тадзимано-Ками, сначала принимал нас, нашли мы всех городских чиновников, собравшихся и сидевших на своих местах, а сверх того, тут же находились академик и переводчик голландского языка, которые сидели вместе с чиновниками, только ниже их.

Вскоре по приходе нашем вышел губернатор. Заняв свое место, вынул он из-за пазухи бумагу и велел пере-

водчикам сказать нам, что это при- сланное к нему из столицы повеление, касающееся до нас. Потом, прочитав оное, приказал перевести его нам. По толкованию наших переводчиков, смысл оного был такой, что если рус- ский корабль, обещавшийся нынешним же годом притти в Хакодате с требу- емым японцами ответом, действительно придет и привезенный им ответ здешний губернатор найдет удовле- творительным, то правительство упол- номачивает его отпустить нас, не до- жидаясь на сие особенного решения.

Когда повеление сие нам было изяснено, губернатор объявил, что вследствие оного мы должны через несколько дней отправиться в Хако- дате, куда после и он придет и бу- дет еще с нами видеться, а до того времени, пожелав нам здоровья и счастливого пути, вышел; потом и нам велено было итти.

Из замка отвели нас уже в хоро- шо прибранный дом, в тот самый, где мы жили в прошлом году; только теперь наши его в другом виде. Тогда, быв перегорожен решетками, за коими беспрестанно в глазах у нас находился вооруженный караул, он походил некоторым образом на тюрь- му, а ныне увидели мы совсем дру- гое: решеток не было, и стража не была вооружена стрелами и ружьями. Мне назначили одну лучшую комна- ту, Муру и Хлебникову другую, а матросам и Алексею особливую камор- ку. Стол наш сделался несравненно лучше, и кушанье подавали на пре- красной лакированной посуде хорошо одетые мальчики и всегда с великим почтением.

После сей перемены, кажется, японцы перестали нас считать плен- ными, а принимали за гостей: во- первых, дали нам особенные комнаты, а во-вторых, приметив, что матросы наши требовали от них более вина, нежели сколько, судя по их сложе- нию, может выпить трезвый человек, они тотчас приказали не давать им вина без моего позволения. Через это они стали признавать меня их началь- ником, чего прежде не бывало.

В Мацмае мы, после объявления нам о намерении японцев возратить нас, жили три дня.

Наконец, 30 августа поутру отпра- вились мы в путь. Городом вели нас

церемониально при стечении множе- ства народа. Коль скоро мы вышли за город, то уже всякий из нас мог итти или ехать верхом по своей воле.

Шли мы той же дорогой в Хако- дате, какой и оттуда пришли, и оста- навливались в тех же селениях; толь- ко теперь мы имели гораздо более свободы и содержали нас несравненно лучше.

2 сентября вошли мы в Хакодате при великом стечении зрителей. Там поместили нас в один казенный дом недалеко от крепости. Комнаты наши открытой своей галлереей были обра- щены к небольшому садику. Перед решеткой галлерей поставлены были из досок щиты, которые нижними концами плотно были прибиты к осно- ванию галлерей, а верхними отхо- дили от нее фута на три, и сим-то про- странством проходил к нам весьма слабый свет; сверх того, мы не могли видеть ничего из наружных предме- тов. В таком положении дом наш не- сколько походил на тюрьму, хотя в других отношениях был довольно опрятен и чисто прибран; однакож дня через два, по просьбе нашей, щиты были сняты, и у нас стало очень светло. Тогда могли мы уже сквозь решетку видеть и садик.

Здесь стали содержать нас также хорошо; кроме обыкновенного ку- шанья, давали нам и десерт, состоя- щий из яблок, груш или из кон- фет, не после стола, а за час до обеда, ибо таково обыкновение япон- цев: они любят есть сладкое прежде обеда.

Вскоре по прибытии нашем в Хако- дате навестил нас главный начальник города.

Спросив нас о здоровье, сказал он, что дом сей для нас мал, но мы по- мещены в нем потому, что теперь здесь много разных чиновников, да и губернатора ожидают, для которых отведены все лучшие дома, а притом есть надежда, что русский корабль придет скоро и мы на нем отправимся в свое отечество. Если же, паче чая- ния, он ныне не будет, то на зиму приготовят для нас другой дом.

Через несколько дней после нас приехал на судне гинмиягу Сампей, и с ним прибыли академик, перевод- чик голландского языка и наш Кумад- жеро. Переводчики и ученый тотчас

нас посетили, потом стали к нам ходить всякий день и просиживали с утра до вечера, даже обед их к нам приносили. Они старались до прибытия «Дианы» как можно более получить от нас сведений, всякий по своей части.

Между прочим, голландский переводчик, списав несколько страниц из Татищева французского лексикона, вздумал русские объяснения французских слов переводить на японский язык, заметив, что сим способом может он узнать подлинное значение многих слов, которые иначе оставались бы ему навсегда неизвестными. Эта работа наделала нам много скуки, беспокойства и даже хлопот. Одного примера будет достаточно, чтоб показать любопытным, сколько имели мы затруднений и неприятностей на этом деле.

Между множеством русских слов, собранных японцами в свой лексикон, находилось слово: *достойный*, которое, как мы им изъяснили, означает то же самое, что и почтенный, похвальный. Когда же японцы переводили с нами вместе толкование на французское слово *digne*, то, встретив там пример: *достойный виселицы*, заключили, что слово «виселица», конечно, должно означать какую-нибудь почесть, награду, чин или что ни есть тому подобное; но лишь мы изъяснили им, что такое виселица, наши японцы и палец ко лбу. Как так, что это значит? почтенный, похвальный человек годен на виселицу! Тут мы употребили все свое искусство в японском языке для уверения переводчиков, что мы их не обманули, и приводили им другие примеры из того же толкования, где слово *достойный* употребляется точно в том смысле, как мы им изъяснили прежде.

Такие затруднительные для нас случаи встречались нередко, и при всяком разе японцы, повесив голову на сторону, говорили: «Мудреный язык, чрезвычайно мудреный язык».

Любопытнее и важнее всего были для нас занятия Теске. Сначала он нам сказал, по повелению своих начальников, что правительство их сомневается, поняли ли Лаксман и Резанов ответы, данные японцами на их требования, и потому оно желает, чтоб мы, вместе с японскими пере-

водчиками, перевели на наш язык с оригинальных бумаг ответы их Лаксману и Резанову и по прибытии в Россию постарались переводы сии довести до сведения нашего правительства, а если возможно, то и самого государя. Сверх сего, просили они списать на такой же конец копии с двух бумаг Хвостова. Потом японцы стали с нами переводить на русский язык бумаги, которые они хотели вручить, при отправлении нас на ожидаемый корабль, Рикорду и нам.

По окончании переводов всех сих бумаг Теске объявил нам приказание своих начальников, чтоб мы, по содержанию оных, не считали японцев такими ненавистниками христианской веры, которые принимали бы исповедующих оную за людей дурных и презрительных; этого они нисколько не думают, а напротив того, очень знают, что во всякой земле и во всякой вере есть люди добрые и злые; первые всегда имеют право на их любовь и почтение, какого бы исповедания они ни были, а последних они ненавидят и презирают. Но что христианская вера строго запрещена японскими законами, тому причиной великие несчастия, которые прежде они испытали в междоусобной войне⁵⁷, последовавшей от введения к ним сей веры.

Между тем приехал в Хакодате Отахи-Коеки, бывший начальником на острове Кунасири в оба прибытия туда Рикорда. Он тотчас пришел нас навестить и общелся с нами не по-прежнему: не делал уже нам никаких насмешек, а напротив того, говорил очень учтиво и ласково; спрашивал нас о здоровье и поздравлял со скорым возвращением в отечество. При сем случае Теске сказал нам, что, дав Рикорду прошлой осенью ответ, будто мы все убиты, он мог действительно нас погубить, но затем в последнее прибытие нашего корабля твердостью своей загладил прежний свой поступок, и вот каким образом. В Кунасири гарнизон состоял из войск князя Намбуского, и начальником оного был весьма значащий чиновник, гораздо старше Отахи-Коеки, хотя и повиновался ему, потому что последний управлял островом со стороны императора. Намбускому начальнику было сообщено о намере-

нии японского правительства войти в переговоры с нашими кораблями, следовательно, палить в них не следовало; но он до самого прихода Рикорда не получал на сие повеления от своего князя, а потому, коль скоро «Диана» появилась, он решил, следуя прежним приказаниям, стрелять в нее, но Отахи-Коеки и товарищ его, присланный к нему по случаю ожидания чужестранных судов, став против пушек, сказали ему, что прежде он должен убить их и всех японцев, тут находящихся, которые состоят в службе императора, а потом может уже поступать с русскими, как захочет; но пока они живы, не допустят его исполнить своего намерения. Сим способом заставили они этого упрямого японца уважить волю правительства. Мы спрашивали Теске, как государь их примет такой дерзкий поступок, и он нам сказал, что об этом поступке должен судить князь Намбуский, а государь спросит только князя, почему повеления, согласного с его волей, не дано во-время.

Наконец, наступила вторая половина сентября, а о «Диане» и слухов не было. Мы крайне беспокоились, чтобы она не опоздала притти сюда и в позднее осеннее плавание в здешних опасных морях не повстречалось бы с ней какого несчастья. Мы лучше желали, чтоб Рикорд отложил поход свой до будущей весны, отчего нам надлежало бы лишние восемь или девять месяцев пробыть в заключении, лишь бы только не подвергался он опасности. Но он непременно хотел кончить начатые им с таким успехом переговоры в нынешнем же году и тем показать японцам, что русские знают, как держать свое слово.

16 сентября ночью пришли к нам переводчики, по велению своих начальников, поздравить с приятным известием, лишь только сейчас полученным, что 13-го числа сего месяца примечено было большое европейское судно о трех мачтах близ мыса Эрмио, образующего западную сторону того большого залива*, внутри коего лежит порт Эдомо⁵⁸, куда Рикорд обещался притти за лодма-

ном. Сомнения не оставалось, что это была наша «Диана».

Переводчики сказали нам также, что с сим известием тотчас отправили они курьера к губернатору и думают, что по получении оного он немедленно будет сюда. До 21 сентября никаких слухов о нашем корабле не было; но вечером того числа сказали нам, что в полдень того же дня видели оный весьма близко восточного берега Волканического залива и заметили, что он старается войти в порт Эдомо.

Между тем собралось в Хакодате из ближних мест чрезвычайно много чиновников и солдат, которые, из любопытства нас видеть, беспрестанно к нам приходили. Приметив такое множество новых лиц и вспомнив, что по всему Хакодатскому заливу на берегах вновь построены на небольших расстояниях батареи и казармы, которые мы видели, когда шли в Хакодате, я стал беспокоиться, воображая, не намерены ли японцы коварством или силой захватить наш корабль, в отмщение за то, что Рикорд задержал их судно и взял несколько человек с собою.

Подозрение мое усиливалось и тем обстоятельством, что в сношениях японцев с Рикордом они ни слова о сем деле не упоминали; и потому я спросил Теске, к чему собралось такое множество солдат в Хакодате и что значат все сии приготовления. На вопрос мой он отвечал, что японский закон требует великих осторожностей, когда приходят к ним чужестранные суда, и что когда Резанов был в Нагасаки, то еще несравненно большее число батарей было построено и собрано войск, но здесь потому так мало, что негде более взять. Впрочем, он смеялся моему подозрению и уверял, что мы не имеем причины бояться ничего худого со стороны японцев.

24 сентября переводчики известили нас о прибытии «Дианы» в Эдомо и показали письмо Рикорда к здешним начальникам, писанное на японском языке переводчиком Киселевым. Теске изъяснил нам содержание оного. Рикорд, получив вместо лодмана одного из привезенных им весной сего года японских матросов, просил, чтоб прислали к нему более надежного человека и именно требовал Такатая-

* Названного от английского капитана Брстона Волканическим заливом, по сопке (volcano), близ него лежащей.

План порта Эдермо.

Из первого издания книги Головнина „Записки в плену у японцев“.

Кахи, на которого он мог совершенно положиться. Извещал японцев, что имеет недостаток в воде, прося позволения налить оную, да еще просил, чтобы японцы ответы свои на его бумаги писали простым языком, а не высоким, которого чтение переводчику Киселеву неизвестно.

Теске и Кумаджеро сказали нам, что послано повеление не только позволить нашему кораблю налить воду, но и снабдить его съестными припасами, какие только есть в Эдомо. Касательно же просьбы Рикорда отвечать на его бумаги простым языком, заметили, что такие записки могут быть подписываемы только людьми низкого состояния. Если же ответ должен содержать в себе что-либо важное, тогда подписать его надлежит начальникам, но ни один японский чиновник не может, по их закону, подписать никакой официальной бумаги, написанной простым языком, почему и невозможно удовлетворить сему желанию Рикорда. Что принадлежит до требования его, вместо лоцмана, послать Такатай-Кахи, то

отправить его отсюда без повеления губернатора не имеют они права, а на переписку о сем с губернатором потребно несколько дней, почему здешние начальники, быв уверены в лоцманском искусстве назначенного для сего дела матроса, советуют Рикорду итти с ним к Хакодате. Когда же корабль придет на вид сей гавани, тогда Такатай-Кахи немедленно будет выслан к нему навстречу.

Японцы хотели, чтоб обо всем этом я написал Рикорду. На это я охотно согласился, прибавив внизу, что пишу по желанию японцев. Еще они советовали мне упомянуть, что в Хакодате для наших соотечественников нет никакой опасности. Однакож на это я не согласился, страшась сделаться виновником гибели наших товарищей, буде, паче чаяния, японцы имеют злое намерение и хитрят, и сказал, что не хочу этого написать, а в том, что для наших нет здесь опасности, японцы сами должны уверить Рикорда своими искренними и честными поступками.

На другой день приходил к нам

гнмягу Сампей подтвердить то же, что переводчики говорили накануне, и сказать, что письмо мое к Рикорду отправлено.

В ночи на 27-е число сделался недалеко от нашего дома пожар: загорелся магазин, принадлежащий одному купцу*. Вдруг пошла по городу тревога; караульные тотчас сказали нам о причине шума и стали готовиться выносить все вещи, буде бы нужно было. Но в ту же минуту пришли к нам переводчики, а потом и самый старший здешний чиновник Сампей известить нас, что меры взяты не допустить огня до нашего дома и чтоб мы с сей стороны были покойны. И действительно, пожар через несколько часов кончился истреблением только одного того магазина, где начался.

Поутру 27 сентября прибыл сюда губернатор, а вечером подошел к гавани наш корабль «Диана», к которому японцы, по обещанию своему, тотчас выслали навстречу Таката-Кахи и с ним вместе начальника здешней гавани, как наиболее сведущего в лоцманском искусстве по сим берегам.

Наступившая темнота не позволила ввести «Диану» в гавань того же числа, почему и поставили онее у входа в безопасном месте, о чем нас известил в ту же ночь гавенмейстер, когда возвратился на берег.

На другой день поутру «Диана» вошла в гавань при противном ветре, к великому удивлению японцев. Мы

* Нынешней весной у того же купца сгорели два магазина с товарами, а среди лета дом. Из этого японцы заключают, что какой-нибудь злодей поджег их, но найти его не могут. Переводчики сказывали нам, что у них такие случаи бывают часто, несмотря на ужасное наказание, какому японские законы подвергают зажигателей. Виноватого в преступлении раздевают донага, привязывают к столбу на лобном месте, которое у японцев обыкновенно бывает за городом, обкладывая кругом на некотором расстоянии дровами и зажигают их. В таком положении преступник не горит, а жарится, и наконец умирает мучительной смертью. Тогда огонь отгребают, на столб прибивают надпись с именем и означением преступления злодея и оставляют тело его на съедение хищным зверям и птицам. Дозажигательство, по японским законам, почитается вторым преступлением после отцеубийства.

видели из окна каморки, где стояла наша ванна, как шлюп лавировал; залив был покрыт лодками, возвышенные места города — людьми. Все смотрели с изумлением, как такое большое судно подавалось к ним ближе и ближе, несмотря на противный ветер. Японцы, имевшие к нам доступ, беспрестанно приходили и с удивлением рассказывали, какое множество парусов на нашем корабле и как проворно ими действуют.

Через несколько часов после того, как «Диана» положила якорь, явились к нам оба наши переводчика, академик и переводчик голландского языка с большим кувертом в руках, который привез на берег от Рикорда Такатай-Кахи. Они пришли, по повелению губернатора, для перевода присланной с «Днаны» бумаги, которая была написана от начальника Охотской области на имя первых двух по мацмайском губернаторе начальников в ответ на их требования. В ней Милицкий объяснял подробно, что нападения на японские селения были самовольные, что правительство в них нимало не участвовало и что государь император всегда был к японцам хорошо расположен и не желал им никогда наносить ни малейшего вреда, почему и советует японскому правительству, не откладывая нимало, показать освобождением нас доброе свое расположение к России и готовность к прекращению дружеским образом неприятностей, последовавших от своеволия одного человека и от собственного их недоразумения. Впрочем, всякая с их стороны отсрочка может быть для их торговли и рыбных промыслов вредна, ибо жители приморских мест должны будут понести великое беспокойство от наших кораблей, буде они заставят нас по сему делу посещать их берега.

Японцы чрезвычайно хвалили содержание сей бумаги и уверяли нас, что самовольные поступки Хвостова в ней объяснены для японского правительства самым удовлетворительным образом; почему они и поздравляли нас с приближающимся нашим освобождением и возвращением в свое отечество.

Теперь я должен возвратиться к

неприятному предмету. С самого того дня, как мы услышали о появлении «Дианы» у японских берегов, Мур сделался печальнее и задумчивее прежнего. Увидев, что ему нет ни малейшей надежды остаться в Японии, решил он запутать производимые переговоры и на сей конец начал уверять японцев, что бумага Миницкого написана неблагопристойно, потому что в ней есть оскорбительные угрозы, будто русские суда могут их беспокоить и вредить японской торговле и приморским жителям. Он называл это одними пустыми словами. Но переводчики в ответ сказали ему с негодованием, что японцы не дураки; им и самим очень хорошо известно, какое великое беспокойство и вред могут на их берегах причинить наши корабли в случае войны; впрочем, письмо Миницкого во всех отношениях написано благоразумно. Такой их отзыв о сей важной для нашего дела бумаге совершенно нас успокоил. Над Муром же просьбы и увещания наши отнюдь не действовали.

Миницкий в письме своем, между прочими официальными предметами, обращал частным образом от своего собственного лица к здешним начальникам просьбу в пользу бывшего в России японца Леонзайма, который, по дошедшему до Миницкого слуху *, навлек на себя гнев своего правительства. После переводчики нам сказали, что сие понравилось чрезвычайно здешнему губернатору и всем начальникам, которые превозносили поступок сей до небес и говорили, что теперь сидящие в столице старики ** узнают свою ошибку и уверятся, что русский народ человеколюбивый и сострадательный.

В тот же день от переводчика узнали мы, что у Рикорда есть письмо и подарки к мацмайскому губернатору от иркутского гражданского губернатора и что Рикорд намерен сам вручить оные японским чиновникам, для чего и назначен будет день, когда он должен приехать на берег. На шлюпках же встретить Рикорда,

* Такатай-Кахи сообщил о сем Рикорду.

** Разумея тех членов верховного своего правления, которые душно мыслят о России и противятся каждому дружескому сношению с ней.

чтоб с ним видеться и переговаривать, японские чиновники не могут. Это известие некоторых из моих товарищей немало встревожило. Они думали: к какой стати японцы, не освободив ни одного из нас, хотят, чтобы второй начальник корабля приехал к ним, поступив таким образом с первым? Они с большим нетерпением и страхом ожидали, чем свидание это кончится.

Оно произошло, наконец, 30 сентября. Во все продолжение оно к нам приходили несколько японцев и приносили грубо сделанные, ни на что не похожие, изображения (по мнению их) наших офицеров и матросов, говоря, что они сняли их на месте; но о переводчике сказали, что у него японские черты лица и, верно, он японец, хотя и в русском платье. Мы и сами не знали, кто таков был Киселев, и когда переводчики изъясняли нам письмо, полученное от Рикорда из Эдомо, писанное на японском языке переводчиком Киселевым, то на вопрос их, кто он таков, мы сказали: думаем, какой-нибудь иркутский житель, выучившийся их языку у оставшихся добровольно там японцев.

По окончании первой конференции переводчики тотчас прибежали к нам сказать, что губернатор позволяет нам взойти наверх и посмотреть, как Рикорд поехал назад. Взойдя во второй этаж, мы увидели парадную губернаторскую шлюпку***, едущую с берега к «Диане» под тремя флагами: один из них был японский, а другие два — наш военный и белый перемирный, но людей, по отдаленности, различить было невозможно.

Мы еще не успели сойти, как японцы принесли к нам для перевода привезенное Рикордом письмо, к чему мы приступили в ту же минуту. Письмо это иркутский гражданский губернатор написал по первым донесениям Рикорда, когда ему не была еще известна японская бумага, впоследствии от них на «Диану» доставленная. Губернатор начинает свое письмо изложением обстоятельств нашего к ним прибытия и коварных поступков, посредством коих они нас

*** По величине своей она более походила на галерею, нежели на шлюпку.

взяли, и объясняет своеволие дел Хвостова. Потом просит мацмайского губернатора освободить нас или вступить в переговоры с Рикордом, от него уполномоченным. Если же ни того, ни другого без воли своего правительства он сделать не может, то уведомить его, когда и куда должен он будет прислать корабль за ответом. Между прочим, упоминает он о посылаемых от него подарках, состоящих в золотых часах и красном казимире, которые он просит мацмайского губернатора принять в знак соседственной дружбы. Притом говорит, что Рикорд имеет у себя другое к нему письмо, благодарительное за наше освобождение, которое приказано ему тотчас, коль скоро нас освободят, вручить мацмайскому губернатору.

В окончании же письма упоминается, что к оному приложены маньчжурский и японский переводы; но японцы сказали нам, что здесь нет у них маньчжурского переводчика, а в японском переводе многих мест они понять не могут, и потому непременно им нужно иметь наш перевод, которым мы занимались более двух дней*. Когда же мы его совсем кончили, переводчики представляли оный губернатору; потом опять принесли к нам спросить объяснения на некоторые места.

Они очень хвалили содержание сего письма, только одно место в нем им не нравилось, где упоминается, что его императорское величество приписывает вероломный против нас поступок японцев самовольному действию кунасирского начальника, учиненному против воли японского государя. Это, конечно, не могло им нравиться, ибо они сами в своей бумаге признали и нам сказывали, что мы взяты по повелению правительства**.

К крайнему моему сожалению, должен я опять говорить о Муре. Бумагу иркутского губернатора он называл дерзкой, обидной для японцев, а подарки его столь маловаж-

ными, что они годились бы только для какого-нибудь малозначащего японского чиновника. К счастью нашему, свезенные на берег Рикордом подарки японцы из любопытства оставили на время у себя и часы приносили к нам на показ. В них был редкий механизм, для японцев удивительный и непонятный: когда заведешь в них особенную пружину, польется изображение воды и лошадь начнет пить, поднимаемая и опускаемая голову несколько раз. Тогда и Мур уверился, что этот подарок не так-то маловажен, как он представлял его. Японцы же уверяли нас, что о часах такой редкой и удивительной работы они никогда не слыхивали.

По окончании всех изъяснений о переводе губернаторского письма переводчики предлагали Рикорду прислать на берег то благодарственное письмо, о коем иркутский губернатор упоминает; но мы им на это сказали, что сие дело невозможное, ибо Рикорду предписано вручить сие письмо мацмайскому губернатору уже по освобождению нашем; и потому он не смеет отдать оно, пока мы еще находимся в руках японцев. Переводчики возражение наше тотчас признали справедливым и более уже о письме не упоминали.

Между тем Такатай-Кахи, которого японцы употребляли для словесных сношений с Рикордом, привез своим одноземцам новость, а они нам сообщили, что Москва действительно была взята и сожжена французами, которые, однакож, после с великим уроном принуждены были бежать из России. Такая неожиданная весть крайне нас удивила; мы с нетерпением желали знать, как случилось все эти странные происшествия, почему, с позволения японцев, написал я Рикорду записку, чтоб он прислал к нам газеты.

На другой день переводчики доставили нам присланный с «Дианы» журнал военных действий и несколько писем на мое имя от разных моих

* Прежде японцы и копий с русских бумаг у нас не оставляли, а ныне оригинальное письмо иркутского губернатора, то есть самая важная бумага, из России к ним присланная, было у нас двое суток, даже и на ночь у нас оставалось. В этом мы находили хороший признак.

** Сначала, как нас взяли, японцы

притворились, что кунасирский начальник употребил против нас коварство сам собой, к великому неудовольствию их правительства, но после признались, что он, как и все прочие начальники приморских мест, имел повеление, буде русские корабли появятся у их берегов, стараться обманом или силой захватить их.

знакомых и родных. Я тотчас объявил переводчикам, что писем своих распечатывать и читать не хочу, а просил Теске запечатать их в один пакет и отослать обратно на корабль. Переводчики похвалили мое намерение и согласились доложить о моей просьбе начальникам. Мне, так же как и им, известно было, что если бы я письма распечатал и прочитал, то надлежало бы со всех списать копии, перевести их на японский язык и потом все это вместе отправить в столицу. После переводчики объявили мне, что теперь уже до освобождения нашего писем моих назад послать начальники не соглашались, но запечатали их в один пакет за своими печатями и прислали ко мне с тем, чтобы я хранил его

у себя, не распечатывая, пока не приеду на корабль. На это условие я охотно согласился. Что же принадлежит до журнала, то мы читали его с нетерпением: он заключал в себе происшествия от вступления неприятеля в Россию по самую кончину светлейшего князя Смоленского. Японцы также нетерпеливо желали знать, каким образом случился такой чрезвычайный оборот, и просили нас перевести им описание важнейших военных действий.

3 октября позволено нам было в первый раз видеть Такатаю-Кахи. Он пришел к нам с переводчиками, возвратясь с «Дианы». Почтенный старик не умел говорить по-русски, но объяснялся с нами на японском языке посредством переводчиков. С величайшей похвалой и сердечной благодарностью относился он о поступках с ним Рикорда, офицеров «Дианы» и служителей и вообще всех русских, которых он знал в Камчатке. Видев человека, недавно приехавшего из России, мы хотели бы многое кое о чем его спросить, но он не был в состоянии удовлетворить нашему любопытству, потому что обстоятельства, для нас важные, а ему чуждые, не могли доходить до его сведения.

Такатай-Кахи.

Из первого издания „Записок в плену у японцев“.

Расставаясь с нами, он просил меня уведомить Рикорда письмом, что он виделся с нами. На это я охотно согласился, а он взялся лично доставить к нему мою записку.

Наконец, переводчики, по повелению своего начальства, объявили нам, что губернатор бумаги, привезенные Рикордом, находит совершенно удовлетворительными, почему и решился нас освободить. Но прежде нежели последует отправление наше на «Диану», я должен на берегу иметь свидание с Рикордом: надлежало мне лично объяснить Рикорду следующее.

Первое — что японцы ни малейшей неприязни к России не имеют, но подарков, присланных от иркутского губернатора, мацмайский губернатор принять не может, ибо, взяв оные, он должен был бы взаимно и от себя послать подарки, что запрещается японскими законами, потому японцы просят, чтоб возвращением подарков мы не оскорбились.

Второе — на бумагу их, посланную к Рикорду нынешнего года в Кунасири, полный и удовлетворительный ответ заключается в письме начальника Охотской области, а потому в

объявлении, которое их губернатор письменно делает Рикорду, только о сей одной бумаге упомянуто будет.

Третье — так как дело будет кончено по письму начальника Охотского порта, письмо же иркутского губернатора писано тогда, когда ему не были известны многие обстоятельства, сопряженные с поступками Хвостова, и притом не знал он намерения японского правительства объясниться по сему предмету с Россией, то мацмайский губернатор не может отвечать на сие письмо.

Четвертое — что японцы просят Рикорда написать к первым двум по мацмайском губернаторе чиновникам письмо, объясняющее им, что иркутский губернатор не знает ни о бумагах, самовольно оставленных Хвостовым в японских селениях, ни о ложном извещении курильцев, а также и желание японского правительства снестись с Россией ему известно не было, когда он писал к мацмайскому губернатору.

И, наконец, пятое — чтобы Рикорд на объявление мацмайского губернатора, с которого копия при свидании нашем ему показана будет, написал ответ, что русский перевод сего объявления он понял хорошо и по возвращении в Россию не упустит представить оный своему правительству.

5 октября был день, назначенный для свидания моего с Рикордом. Японцы предлагали и Муру быть при сем случае со мною вместе, но он, к немалому их и всех нас удивлению, отказался от свидания. Хлебников желал иметь удовольствие видеться со своими сослуживцами и соотечественниками, однакож японцы не позволили, отговариваясь, что Мура в нынешнем его полоумии и с таким расстроенным воображением нельзя оставить без собеседника, который был бы в состоянии его занимать.

Поутру в назначенный для свидания день переводчики принесли ко мне один мою шляпу, а другой саблю, и вручили с знаками большого почтения. Платье надел я, по просьбе японцев, то самое, которое они сшили нам еще в Мацмае (фуфайку и шаровары из богатой шелковой материи), нарочно с тем, чтоб нам в нем явиться

на свой корабль*. Правда, что при таком одянии сабля и треугольная шляпа не слишком были бы кстати в глазах европейцев, но как для японцев все равно, и они, возвратив оружие, не считали нас уже пленными, то я, желая сделать им удовольствие, не отрекся, по просьбе их, показаться моим соотечественникам в таком странном наряде, в котором им трудно было меня узнать. Притом надобно сказать, что для легкости я носил волосы в кружок, по-малороссийски. Жаль только, что в Хакодате, когда нам объявили о намерении японцев нас отпустить, я выбрил длинную свою бороду и тем причинил немаловажный недостаток в теперешнем моем наряде.

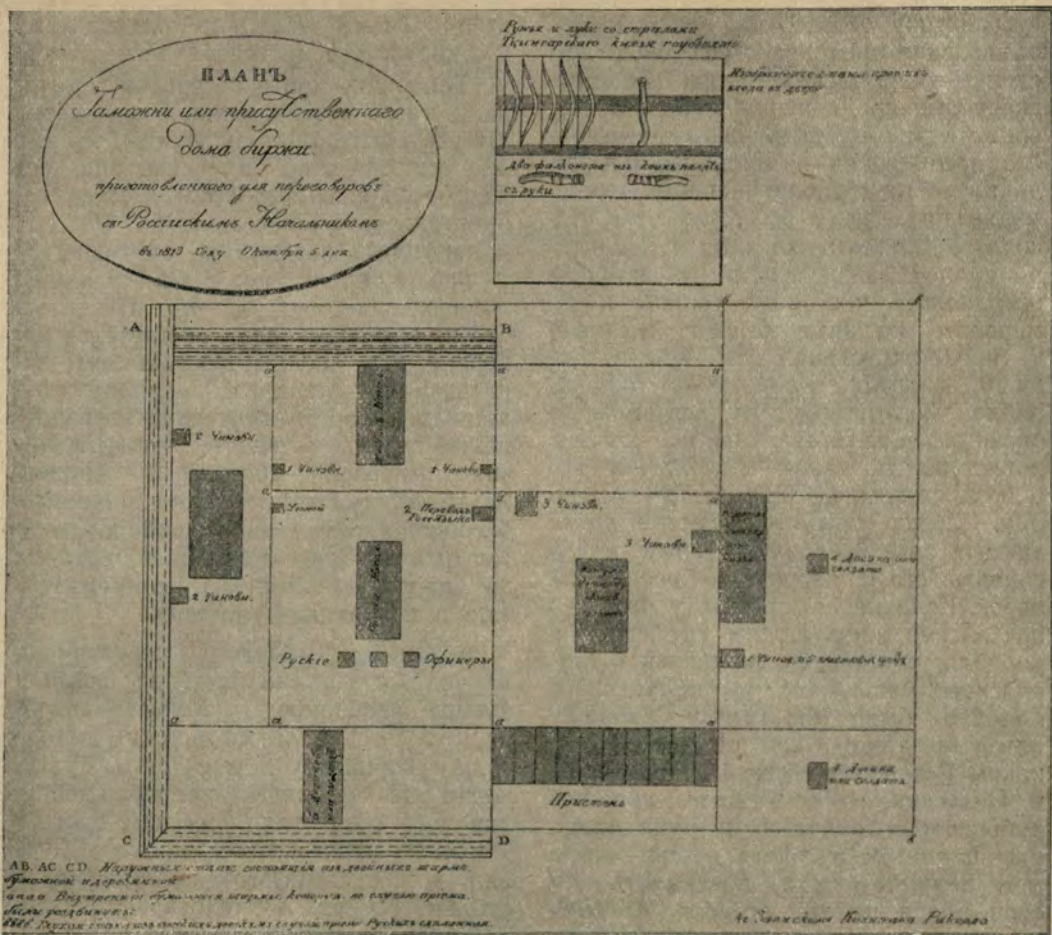
Место нашего свидания назначено было на самом берегу, в прекрасной комнате таможенного суда, и оно должноствовало происходить в присутствии трех переводчиков**, академика и некоторых других нижнего класса чиновников.

Около полудня привели меня в таможенный дом, у которого было собрано множество солдат в богатом парадном платье. Переводчики и я вошли в комнату, назначенную для нашего свидания. Японцы сели на пол, по своему обычаю, а мне дали стул.

Вскоре после нас и Рикорд прибыл на губернаторской шляпке с одним офицером Савельевым, переводчиком Киселевым и небольшим числом нижних чинов, которые остались на площади перед домом, а Рикорд, Са-

* Когда японцы хотели нам сшить нарядное платье, принесли к нам несколько кусков богатой шелковой материи, похожей на камку, разных цветов, из коих каждый лежал в особенном ящике. Они хотели, чтоб мы сами выбрали себе матерью, каждый по своему вкусу, но мы этот выбор предоставили им, отзвываясь тем, что для нас все цвета равны. Однакож они непременно требовали, чтобы мы выбрали матерью по своему желанию, ибо так приказано из столицы, потому я и показал на первый, стоявший ближе всех ко мне ящик. Другие мои товарищи сделали то же, не заботясь нимало о выборе. Однакож японцы открыли все ящики, чтоб мы могли видеть разницу материи, говоря: правительство их писало сшить нам платье из лучшей материи, какая только есть в Мацмае, и по собственному нашему выбору, потому и должны они показать нам все.

** Включая в то число и переводчика голландского языка.

План таможни, где происходили переговоры между Рикордом и японцами. Из первого издания „Записок в плену у японцев“.

вельев и Киселев вошли в ту комнату, где я находился. Предоставляю читателю самому судить, что мы чувствовали при первом нашем свидании.

Японцы тотчас подали Рикорду стул, и переводчики, сказав нам, что мы можем говорить между собою сколько времени угодно, отошли в сторону, занялись своими разговорами, не мешая нам и не подслушивая, что мы говорим.

Всяк легко может себе представить, что при первой нашей встрече радость, удивление и любопытство мешали нам, при взаимных друг другу вопросах и ответах, следовать какому-либо порядку. Рикорд желал слышать, что с нами случилось в плену, мне хотелось знать, что делается у нас в России. Отчего проис-

ходило, что мы, оставив один предмет недоконченным, обращались к другому и т. д. Наконец, я сообщил ему главную цель нашего свидания и объявил желания японцев, а он сказал мне о предписаниях, данных ему от иркутского гражданского губернатора касательно постановления, с обоюдного согласия, между двумя государствами границ и взаимных дружеских связей.

Приняв в рассуждение настоящее положение дел, мы согласились, что требования японцев справедливы и мы должны удовлетворить им, а предлагать о постановлении границ и сношений теперь не время, и вот почему именно. Мы уже знали по бумагам, прежде нами переведенным, на каком основании дозволено было японским правительством здешнему

губернатору освободить нас и какое объявление предписано ему было нам сделать. Следовательно, на все другие новые предложения с нашей стороны не мог он дать никакого ответа без предписания из столицы, в ожидании коего кораблю нашему непременно надлежало бы остаться в Хакодате. Зимовать же здесь и не быть в полной зависимости у японцев невозможно, ибо хотя гавань и не мерзнет, но зима бывает жестокая и продолжительная. В течение ее люди, живучи беспрестанно на корабле, могли подвергнуться разным опасным болезням, отчего корабль дошел бы до такого положения, что и возвратиться не был бы в состоянии. Сверх того, свирепствующими здесь в зимнее время бурями могло сорвать его с якорей и бросить на берег. Если же выпросить у японцев позволение жить людям на берегу, а корабль, расснастив, поставить в безопасное место, то, по их законам, надобно было бы всему экипажу жить на таком же основании, на каком Резанов со своей свитой жил в Нагасаки, то есть всему кораблю добровольно отдаться в руки японцам и притом в такое время, когда мы должны были предъявить им свои права на три острова, по мнению нашему, несправедливо ими занимаемые. Сверх того, переводчики несколько раз говорили мне стороной *, что, невзирая на неблагоприятный ответ японского правительства, случай к восстановлению между Россией и Японией дружеских связей еще не ушел: надобно только, чтоб с нашей стороны поступали осторожно.

Когда Рикорд и я кончили наш разговор и согласились на меры, которые нам должно предпринять, японцы показали ему русский перевод объявления мацмайского губернатора, а он написал требуемые ими бумаги, которые Теске перевел на японский язык и, показав своим начальникам, дал нам знать, что они их одобрили. После сего японцы потчевали нас чаем и конфетами, не давая ни малейшего знака, что свидание наше слишком продолжительно. Наконец, мы уже сами видели, что нам пора расстаться. Я проводил своих дру-

зей до самой шлюпки; они поехали на корабль, а я возвратился домой.

Товарищи мои с нетерпением ожидали моего возвращения. Я рассказал им все слышанное мною от Рикорда о политических происшествиях в Европе, о разных обстоятельствах неприятельского нашествия на Россию, о некоторых переменах, случившихся у нас в последние годы, о наших родных, знакомых и пр. Я скрыл от них только два обстоятельства: первое, что японцы, посредством Таката-Кахи, узнали о повелениях, данных Рикорду касательно постановления границ, и еще то, что переводчик Киселев — природный японец. Я утаил это с тем, чтоб не причинить беспокойства и страха наиболее мнительным из моих товарищей, которые до последней минуты сомневались еще в искренности японцев.

6 октября поутру переводчики вручили, с знаками почтения, сабли и шляпы Хлебникову и Муру и сказали, что сего числа мы должны явиться к губернатору и выслушать объяснение его о нашем освобождении, для чего советовали они нам одеться в лучшее наше платье, сшитое в Японии, и представиться губернатору в саблях. На это мы охотно согласились. Около полудня повели нас в замок и в доме главного начальника, где жил губернатор, троих нас ввели в одну комнату, очень хорошо отделанную, а матросов и Алексея в другую.

Через несколько минут привели Хлебникова, Мура и меня в большую залу, где находились все бывшие тогда в городе чиновники, академик и переводчики. Их было более двадцати. Все они сидели в два ряда по обеим сторонам залы, куда скоро и губернатор вошел в сопровождении своей свиты. Он занял свое место. Чиновники оказали ему почтение. Мы ему поклонились по европейскому обычаю, и он нам отвечал. Все это происходило попрежнему, с той только разностью, что оруженосец губернаторский ныне не положил сабли возле губернатора, как то прежде бывало, но, сидя за ним, держал ее обеими руками за конец, эфесом вверх, несколько возвысив.

С самого начала губернатор вы-

* А их слова были выражением мысли губернатора.

нул из-за пазухи большой лист бумаги и, подняв оный вверх, сказал: «Это повеление правительства». Переводчики перевели нам эти слова, а чиновники сидели, опустив глаза и не делая ни малейшего движения. Потом, развернув бумагу, стал он читать вслух и по прочтении велел перевести нам в коротких словах то же, что пространнее написано было в бумаге, для нас назначенной, которую мы перевели еще прежде*, то есть что поступки Хвостова были причиной взятия нас в плен японцами, а теперь губернатор, уверившись в том, что Хвостов действовал своевольно, освобождает нас по повелению правительства и что завтрашний день должны мы будем отправиться на корабль. Он послал одного из старших чиновников с Кумаджеро объявить то же матросам, а между тем вынул другую бумагу, которую, прочитав вслух, велел Теске перевести оную нам и потом отдать ее мне навсегда. Она содержала в себе губернаторское нам поздравление, и вот ее точный перевод:

«С третьего года вы находились в пограничном японском месте и в чужом климате, но теперь благополучно возвращаетесь; это мне очень приятно. Вы, г. Головин, как старший из своих товарищей, имели более заботы, чем и достигли своего радостного предмета, что мне также весьма приятно. Вы законы земли нашей несколько познали, кои запрещают торговлю с иностранцами и повелевают чужие суда удалять от берегов наших пальбою, и потому, по возвращении в ваше отечество, о сем постановлении нашем объявите. В нашей земле желали бы сделать все возможные учтивости, но, не зная обыкновений ваших, могли бы сделать совсем противное, ибо в каждой земле есть свои обыкновения, много между собой разнящиеся, но прямо добрые дела везде таковыми считаются; о чем также у себя объявите. Желаю вам благополучного пути».

Выслушав нашу благодарность, губернатор вышел. Тогда и нам велено было возвратиться в свой дом.

Когда мы возвратились домой, начали приходить к нам с поздравлением все чиновники, солдаты и многие другие японцы, а первые три по губернаторе начальники принесли с собою пись-

менное поздравление, которое вручили мне, чтоб я хранил оное на память нашего знакомства. Вот оно в переводе.

«От гимназг.

Все вы долго находились здесь, но теперь, по приказу Обунно-Сами, возвращаетесь в свое отечество. Время отбытия вашего уже пришло, но, по долговременному вашему здесь пребыванию, мы к вам привыкли и расставаться нам с вами жалко. От восточной нашей столицы⁵⁹ до острова Мацмая расстояние весьма велико и по приграничности сего места во всем здесь недостаточно, но вы перенесли жар, холод и другие перемены воздуха и готовы к благополучному возвращению. О собственной вашей радости при сем не упоминайте, мы и сами оную чувствуем и с нашей стороны сему счастливому событию радуемся. Берегите себя в пути, о чем и мы молим бога; теперь, желая с вами проститься, написали мы сие».

В тот же день (6 октября) японцы послали одного из чиновников и переводчика Кумаджеро на наш корабль уведомить Рикорда, что последовало формальное от губернатора объявление о нашем освобождении, о чем, по желанию их, я написал к нему письмо. Вечером переводчики в верхних комнатах нашего дома, по приказанию губернатора, угощали нас ужином, который состоял из девяти или десяти разных блюд, большей частью лучшей рыбы, приготовленной в разных видах, дичины, гусей и уток. За ужином потчевали нас лучшей японской сагою (саке), а по окончании угощения принесли в комнату несколько ящиков с лакированной посудой разного рода, назначенной нам в подарки, будто бы от самих переводчиков, за книги, которые правительство позволило им принять от нас, а впрочем, ничего другого брать им не велено. Между тем нам очень хорошо было известно, что подарки сии сделаны были на счет правительства.

На другой день поутру (7 октября) оделись мы в лучшее наше платье, а работники и караульные стали увязывать и укладывать в ящики постели наши и другое имущество, не оставляя никакой безделицы, и все это выносили в сени. Наконец, около половины дня повели нас всех к берегу, а за нами в то же время множество рабочих людей несли все наши вещи, сделанные нам подарки

* О ней упомянуто выше.

и назначенные в дорогу для нас съестные припасы*.

На берегу меня, Хлебникова и Мура ввели в одну небольшую каморку какого-то строения, бывшего подле таможенного дома, а матросов — в другую. Через несколько минут приехал Рикорд в сопровождении Савельева, переводчика Киселева и небольшого числа нижних чинов. Его, с двумя офицерами, ввели в ту же самую залу, где я с ним имел свидание, а вскоре после того и мне с Хлебниковым и Муром велено было войти туда же. Там находились, в числе многих других чиновников, два первые по губернаторе начальника, Сампей и Хиогоро. Они сидели рядом в таком положении в рассуждении прочих чиновников, в каком губернатор обыкновенно садится, а для нас стулья были поставлены против них.

Сначала старший из них приказал одному из чиновников нижнего класса поднести Рикорду стоявший тут высокий на ножках поднос, на коем лежал ящик, а в нем было завернутое в шелковую материю объявление мацмайского губернатора. Чиновник поднес это Рикорду с некоторой церемонией, весьма почтительно. Перевод сего объявления, по желанию японцев, Рикорд прочитал тут же.

После сего подали мне бумагу под названием: «Напоминание от двух первых по мацмайском губернаторе чиновников». Она была в таком же ящике и также обернута шелковой материей, только не на подносе, и подал ее мне не тот уже чиновник, который подносил Рикорду. Хотя я знал содержание сей бумаги, но должен был, для порядка, тогда же прочесть ее.

Потом возвратили они подарки иркутского губернатора и показали нам список съестным припасам, которые они намерены были дать нам на дорогу. Наконец, японские начальники, пожелав нам счастливого пути, простились с нами и вышли.

Через короткое время, когда все было готово к нашему отправлению, посадили нас всех и с нами вместе

Такатая-Кахи на губернаторскую шлюпку и повезли на «Диану», а за нами в ту же минуту отвалило множество лодок, на которых везли наши вещи, подарки и съестные припасы. Когда мы из таможенного дома шли к шлюпке, все японцы, на площади находившиеся, знакомые и незнакомые, прощались с нами и желали нам благополучно достигнуть своего отечества.

На «Диане» встречены мы были как офицерами, так и нижними чинами с такой радостью, или, лучше сказать, восхищением, с каким только братья и искренние друзья могут встречаться после подобных приключений. Что же касается до нас, то после заключения, продолжавшегося два года, два месяца и двадцать шесть дней, в которое время, исключая последние шесть месяцев, мы не имели никакой надежды когда-либо увидеть свое отечество, нашед себя на императорском военном корабле, между своими соотечественниками, между теми, с коими служили мы пять лет в одном из самых дальних, трудных и опасных морских путешествий и с коими мы были связаны теснейшими узами дружбы, — мы чувствовали то, что читателю легче можно себе представить, нежели мне описать.

* * *

По заглавию сей книги, с окончанием предыдущей главы надлежало бы мне прекратить и повествование мое, но происшествия, описываемые в сей главе, имеют столь тесную связь с приключениями моими в плену у японцев, что, надеюсь, читатель не сочтет прибавления сего излишним.

Губернаторская шлюпка, на коей приехали мы на корабль, тотчас возвратилась на берег. На ней отправил Рикорд привезенного им из Охотска японца, который там оставался за болезнью**; он хотел отослать его в Эдому, но японские чиновники ни там, ни в Хакодате его не принимали до сего дня, говоря, что возьмут после.

* Пятьдесят мешков пшена, несколько бочонков sake, множество соленой и свежей рыбы, редьки и прочего.

** Японец этот был один из тех, которые в 1811 году претерпели кораблекрушение на камчатском берегу, где он ознобил

Пополудни приехали к нам многие японские чиновники, которые, по рангу своему, были в третьей и четвертой степенях ниже губернатора, и с ними бывшие при нас переводчики и академик. Теске и Кумаджеро привезли мне и Рикорду в подарок по штуке шелковой материи, лучшего японского чаю, саке и конфет. Гостей своих мы угощали чаем, сладкой водкой и ликером. Два последних напитка чрезвычайно им понравились, так что многие из них заговорили повеселее.

Между тем, Рикорд вручил переводчикам благодарственное письмо от иркутского губернатора к мацмайскому губернатору и как он имел с сего письма копию, то переводчики тут же вместе с нами перевели ее на японский язык.

При расставании с японцами мы наделили их всех разными подарками, смотря по важности услуг, ими нам оказанных. Они брали их у нас потихоньку, чтоб земляки их не могли того видеть, и такие только вещи, кои могли они спрятать в широкие рукава своих халатов, служащие им вместо карманов. Но больших вещей, из коих многие мы им предлагали, они отнюдь взять не хотели. Книги, карты и картины брали явно, без всякого опасения. Например: мы подарили им атлас капитана Крузенштерна, много карт из Лаперузова атласа и разные другие книги и карты; картины брали они без рам и без стекол.

Рикорд подарил им гравированные портреты графа Каменского и князя Багратиона и еще портрет покойного светлейшего князя Смоленского, нарисованный весьма хорошо карандашом, с гравированного портрета, сыном иркутского губернатора. Японцы, узнав, каких знаменитых людей сии портреты, приняли их с восторгом и с величайшей благодарностью, но рам и стекол не брали, хотя мы и объяснили им, что рамы не что иное, как простое дерево под золотом, блестящая безделка, не имеющая никакой

цены. Однакож они не соглашались взять их, и когда мы им сказали, что портрета князя Кутузова нельзя им везти без рамки и без стекла, ибо карандаш сотрется, то они отвечали, что до берега повезут картину в руках, а там примут меры сберечь такую редкую вещь.

Пока японские чиновники находились у нас в каюте, палубы корабля были обременены людьми. Солдаты, простой народ и даже женщины приезжали смотреть русский корабль. Когда же начальники их уехали, все они бросились в каюту. Мы не хотели отказать им в удовольствии видеть наши редкости, которые для них были крайне любопытны, а особливо украшения в каюте, убранной Рикордом с особенным вкусом. В память, что японцы посещали русский корабль, Рикорд давал каждому из них по куску тонкого красного сукна на табачный кошелек и по два граненых стеклышка из люстры. Последние они считали за величайшую редкость. Даже и детям всем делали мы подобные подарки и сверх того давали сахару, который отцы их тут же у них отнимали и, завернув в бумажку, прятали с осторожностью. Посетители наши не оставляли нас до самой ночи; только с захождением солнца получили мы покой и время разговаривать о происшествяях, в России случившихся, и о наших приключениях.

На другой день (8 октября) поутру, до приезда японцев, любопытствовали мы открыть сундук, который привезли с нами вместе с берега, и, к великому нашему удивлению, нашли в нем все наши вещи, бывшие с нами, как-то: платье, белье, деньги, все, даже до последнего лоскутка и пуговики. На каждой безделице подписано было имя того, кому она принадлежит. В числе прочих вещей, оставленных для нас в Кунасири Рикордом, была бритвенница, а в ней зеркало*. Японцы того не знали, и при перевозе оно разбилось на мелкие куски; теперь куски нашли мы в мешочке, к которому привязан был билетец, содержащий извинение, что зеркало разбилось

ногу до такой степени, что, невзирая на все старания наших врачей, должен был ее лишиться и ходить на деревянной ноге, чему японцы чрезвычайно удивились, ибо у них весьма мало таких смельчаков лекарей, которые, научась у голландцев, могут делать ампутации.

* У японцев нет стеклянных зеркал, а все металлические; некоторые из них так хорошо выполированы, что немного уступят обыкновенным нашим зеркалам.

в дороге по незнанию японцев, что оно находилось в ящике.

Первый посетивший нас сего числа японец был Такатай-Кахи. Он приехал нам сказать, что на прежние наше намерение, которое и он очень хвалил — Рикорду и мне ехать на берег с визитом к губернатору* и благодарить его лично — японские начальники не согласны и что они просят нас поскорее отсюда отправиться, а воду, в коей корабль наш имел нужду, приказано тотчас нам доставить. Вследствие сего множество лодок беспрестанно к нам приезжали, брали наши бочки и возвращались с берега с водой.

На другой день мы были уже в состоянии отправиться в путь, но ветер был противный, а 10 октября поутру снялись мы с якоря и стали лавировать из залива. Провожали нас Теске, Кумаджеро и Такатай-Кахи, с несколькими лодками, присланными для вспомоществования нам. Во все время, пока мы лавировали в гавани, весь берег около города усеян был народом.

В плавании нашем от Хакодате до Петропавловской гавани ничего особенного, примечания достойного, не повстречалось, кроме разве жестокой, необыкновенной бури, которую мы терпели в одну ночь, бив по восточную сторону острова Мацмая. Надобно, однакож, сказать, что ни у мыса Горна осенью, ни на пути от мыса Доброй Надежды до Новой Голландии⁶⁰ в зимнее время южного полушария, мы не встречали такой свирепой и опасной бури, какую испытали здесь.

3 ноября вошли мы в Авачинскую губу. В это время года едва обитаемая Камчатка, с своими горами, соп-

ками и дремучими лесами, была покрыта глубоким снегом, но нам казалась она раем, потому что составляла часть России. Первые встретили наш корабль лейтенант Якушкин, служивший со мной на «Диане», и гарнизонной артиллерии поручик Волков. Увидев меня, они пришли в такой восторг, а особливо первый из них, как бы видели воскресшего из мертвых своего брата. Потом приехали лейтенанты Нарманский и Подушкин, с которыми я познакомился. С ними в десять часов вечера сего же числа съехал я на берег в Петропавловскую гавань.

2 декабря я и Рикорд отправились на собаках из Петропавловской гавани в Петербург. Новый, 1814 год встретили мы на той безлесной, пустой, необитаемой степи, простирающейся с лишком на триста верст, которая в здешнем краю называется Парасольским Долом⁶¹, где в часто случающиеся здесь бури и метели нередко погибают путешественники.

В начале февраля, после разных препятствий, приехали мы в город Ижигинск⁶², откуда Рикорд из усердия своего к службе, по делам, по нее касающимся, добровольно воротился, а я, продолжая путь, 11 марта прибыл в Охотск, проехав всего расстояния на собаках более трех тысяч верст. Из Охотска сначала ехал я также на собаках, потом на оленях верхом, после на лошадях, верхом же, а наконец, за двести верст не доезжая Якутска, поехал в повозках. Зимним путем достиг я Иркутска в исходе апреля, а в половине мая отправился из сего города летней дорогой и приехал в Петербург 22 июля**.

* Рикорд не видал губернатора, но губернатор его видел: при свидании нашем на берегу он приходил в таможенный дом инкогнито и сидел за ширмами.

** 22 июля 1807 года я оставил Петербург и точно в том же часу (в десятом полуночи), в котором ныне приехал сюда; следовательно, путешествия мои продолжались ровно семь лет.

¹ Почта на Камчатку шла через Охотск.

² *Джеймс Кук* — знаменитый английский мореплаватель; убит на Гавайских островах 14 февраля 1779 года (см. примечание на стр. 118). Его сменил капитан *Кларк* (Клерк), умерший в том же 1779 году.

³ *Полуостров Сахалин*. Французский мореплаватель Лаперуз, обследовавший в 1787 году южный и юго-восточный берега Сахалина, принял его за полуостров. Знаменитый русский мореплаватель Крузенштерн, обследовавший восточные и северные берега Сахалина в 1805 году, также принимал его за полуостров азиатского материка. Островной характер Сахалина окончательно доказан русским моряком Невельским в результате экспедиции 1849—1852 годов.

⁴ *Остров Мацмай*. Мацумаэ (искаженное европейскими путешественниками в Мацмай или Матсмай), теперь Фукуяма — город на крайнем юго-западе острова Хоккайдо, у входа в Сангарский пролив со стороны Японского моря, первое постоянное японское поселение на Хоккайдо. По этому городу иностранные путешественники часто называли Мацмаем весь остров. Сами японцы называли его Езо (на старых европейских картах Иессо).

⁵ *Остров Штатенландия* (Земля Штатов). Южные Курильские острова были посещены в 1643 году голландским мореплавателем де-Фризом (правильно Врис, по-голландски Vries). Он был на службе у торговой Голландской Ост-Индской компании. Землей Штатов он назвал остров Итуруп в честь законодательного органа Нидерландской республики — Генеральных Штатов.

Компанийская Земля, теперь остров Уруп, назван был де-Фризом в честь Голландской компании.

Марикан, теперь Симусир.

⁶ *Корейское море*. Так европейцы называли Японское море.

⁷ *Компанийское судно* — в данном случае судно Российской-Американской компании.

⁸ «Сокращенные записки флота капитан-лейтенанта Головнина о плавании его на шлюпе «Диана» для описи Курильских островов, в 1811 году».

⁹ *Два Чирпоя* — острова Чирпой и Брат Чирпов Курильской гряды, к северо-востоку от Урупа.

¹⁰ *Немуро* — рыбачий порт на восточной оконечности острова Хоккайдо.

¹¹ *Урбичи* — вероятно, селение Рубецу на западном берегу острова Итуруп.

¹² *Сарачинским пшеном* в то время русские называли рис.

¹³ *Мохнатыми курильцами* русские называли айну.

¹⁴ *Парки* — верхняя одежда; у камчадалов делается из оленьих шкур.

¹⁵ *Кунджа* (кунжда) — крупная рыба семейства лососевых, до 10 килограммов.

Сарана — дикорастущая лилия, сладкая луковича которой богата крахмалом.

Черемша — дикорастущее пряное растение (черемша — «медвежий лук»).

¹⁶ *Бобровые кожи*. Головнин говорит здесь и ниже не о речных бобрах, а о так

называемых камчатских, или морских, бобрах, о морской выдре, не имеющей ничего общего с обыкновенным бобром. В начале XIX века за шкуру «морского бобра» платили несколько десятков рублей (в начале XX века — от 600 до 1000 рублей).

¹⁷ *Исправник* — начальник уездной полиции в царской России.

¹⁸ *Нифон* (правильно Ниппон или Нихон) — официальное название всей Японии. Европейцы думали, что оно относится только к главному острову, который сами японцы называют Хонсю (или Хондо).

¹⁹ *Аманат* — (от тюркского «аман» — милость, пощада) — заложник.

²⁰ *Матица* — центральная балка русской избы.

²¹ *Аткис* — вероятно, Аккеси, рыбачий поселок на южном берегу Хоккайдо, у залива Аккеси, между портами Немуро и Кусиро.

²² *Намбу*. Княжеская фамилия Намбу с XIV века владела северо-восточной областью острова Хонсю; ее резиденцией был город Ивате (теперь Мориока).

²³ *Солдат императорской службы*. Императором Головнин здесь и ниже называет сёгуна, наследственного светского правителя страны (с начала XVII века — из фамилии Токугава), противопоставляя его «духовному императору» (тенно или микадо), не имевшему до 1867 года никакой реальной власти. Князья (даймио) подчинялись сёгуну, и потому их солдаты были ниже по положению, чем солдаты на службе у сёгуна.

²⁴ *Орандо* — по-японски земля Оранская. Японцы так называли Голландию, потому что знали (со слов торговавших с ними голландцев), что во главе правительства Нидерландской республики стоят члены Оранского дома (с 1815 года — королевская династия).

²⁵ *Кабо* — по-испански и португальски значит мыс. Как имя собственное («Мыс») до сих пор сокращенно употребляется для обозначения провинции (прежде колонии) Мыса Доброй Надежды.

²⁶ *«Алфавит, в котором у японцев 48 букв»*. Оба японских алфавита (слововые азбуки), катакана и хирагана, в настоящее время применяются обычно в комбинации с китайскими иероглифами; последние обозначают корни слов, а знаки слоговой азбуки — окончания, частицы и другие служебные слова. Грамотность среди японцев-горожан в начале XIX века была распространена гораздо больше, чем в остальных азиатских странах, и, вероятно, больше, чем во многих европейских странах, но массы городской бедноты и крестьянства тогда были неграмотны. Обязательное обучение детей школьного возраста было введено только в последней четверти XIX века.

²⁷ «...На всем берегу, по которому мы шли, протягивающемуся почти на 1100 верст, нет ни одного залива, ни одной заводи или даже изгиба берега, где бы не было многолюдных селений». У Головнина сложилось неправильное представление о заселенности южного берега Хоккайдо, по которому конвойные вели пленных русских: те селения, которые он считал многолюдными, были, за

малыми исключениями, временными рыбацкими поселками, оживлявшимися только в летнее время (дело было в июле). На всем острове в начале XIX века было несколько десятков тысяч постоянных жителей — японцев; даже через 60 лет (в 1869 году), по официальным данным, на Хоккайдо их было всего лишь 60 тысяч. Численность же айну (курильцев) и тогда не могла быть велика: на малолюдность их селений указывает ниже сам Головин.

28 *Раковины*. Речь идет о съедобных ракушках.

29 *«Кончатся курильские селения»*. Цепь селений айну кончалась у входа в Вулканический залив, там, где теперь стоит город Муроран. В 45 километрах к северо-востоку от него до настоящего времени сохранилась «показательная» деревня айну.

30 *«Во всей Японии нет другого строения, кроме деревянного»*. В Японии в начале XIX века действительно было лишь несколько каменных зданий — замков.

31 *«Японцы фамилию мою произносили почти как Ховарин»*. В японском языке нет звука «л»; в иностранных словах он заменяется звуком «р».

32 *«Уборы головные не входят в наши законы»*. Поручик Лаксман, служивший при Екатерине II и бывший в Японии в 1792—1793 годах, носил пудренный парик с косичкой, как тогда полагалось по форме. При Александре I этот «закон» в России был изменен.

33 *Американские компанейские селения* — промышленные поселки Руссийско-Американской компании на Аляске.

34 *«Зачем русские строят такие крепкие суда, что они могут так долго плавать в открытых океанах?»* В 1636 году правитель (сёгун) Японии запретил своим подданным под страхом смертной казни посещать чужие страны и строить крупные суда, годные для дальнего плавания. Запрет этот существовал до шестидесятых годов XIX века. Воспитанные в таких традициях, японские чиновники, допрашивавшие пленных, считали, что и русские могли покидать свою родину и совершать дальние плавания только для выполнения очень важных правительственных заданий.

35 *Эдо* — столица сёгунов. После ликвидации сёгуната (1867—1868) резиденция императора была перенесена из Киото в Эдо, и город был переименован в Токио.

36 *«Последняя их война с корейцами»*. Речь идет о корейско-японской войне 1591—1598 годов.

37 *«Они считают лунные месяцы»*. В настоящее время у японцев, как и у народов европейской культуры, год начинается 1 января и кончается 31 декабря.

38 *Кошки* — плети в несколько концов, употреблявшиеся в то время во флоте для наказания провинившихся матросов.

39 *Бротон*. На английских картах пролив между Кореей и двойным островом Цусима до настоящего времени называется каналом Бротона.

40 *Соединенные американские области* — США.

41 *Князь Намбуский* — см. примечание 22.

42 *Гласис* (военно-инженерный термин) — земляная насыпь перед крепостным рвом.

43 *«...Весь обширный остров Мацмай покрыт краями высочайших гор»*. Головин неверно представлял себе рельеф Мацмая (Хоккайдо). Там есть и широкие береговые низменности и обширные речные долины. Горы Хоккайдо невысоки (высшая точка, гора Асахи в центре острова, 2 290 метров над уровнем моря), особенно по сравнению с хорошо известными Головнину горами Камчатки (Ключевская сопка — 4870 метров над уровнем моря).

44 *«Вся внутренняя часть острова необитаема»*. В настоящее время внутренняя часть Хоккайдо, расположенная в бассейне реки Исикари, представляет собой густо населенный сельскохозяйственный и горно-промышленный район.

45 *Дерево бамбу* — бамбук (франц. *bam-*бу).

46 *«Достигли самой вершины хребта, который был один из высочайших по всему Мацмаю»*. Горы на юго-западе полуострова Осима, где блуждали русские, ниже 1000 метров над уровнем моря, следовательно, никак не могут быть причислены к одним из высочайших на острове Хоккайдо. Ошибка Головина объясняется крайним утомлением беглецов.

47 *Медведи* Японских островов принадлежат к двум видам: на южных островах и Хонсю встречается только небольшой черный медведь, на Хоккайдо — бурый медведь.

48 *«Остров, находившийся от берега верстах в двадцати пяти или тридцати»*. На таком расстоянии от города Мацумаэ (Фукуяма) находится островок Ко-дзима.

49 *Хадамодо* — правильно хатамото, вышший слой самураев (дворян), бывших непосредственными вассалами сёгунов фамилии Токугава.

50 *«...В половине августа... у японцев бывает большой детский праздник»*. Праздник «сити-го-сан» («7—5—3 года») установлен в честь мальчиков, достигших 5 лет, и девочек, достигших 3 и 7 лет. В настоящее время празднуется в Японии повсеместно 15 ноября.

51 *«...О планетах, открытых после Урана, еще не слышали»*. Уран был открыт в 1781 году. Головин под планетами, открытыми после Урана, подразумевал три малые планеты (Церера, Паллада, Юнона), известные с 1801—1804 годов, а может быть, и четвертую — Весту, известную с 1807 года.

52 *Де-Лаландовая астрономия*. Лаланд — известный французский математик и астроном (умер в 1807 году).

53 *Гилякская земля* — низовья Амура.

54 *Удский остров* — русское военное поселение в низовьях реки Уды, впадающей в Охотское море против Шантарских островов.

55 *Гинмиягу* — по объяснению Головина, старший помощник губернатора.

56 *Эдомо* находится у вулканического залива, к западу от мыса Эрмио (Эримо). См. также примечание 58.

57 *Междоусобная война* в первые десятилетия XVII века происходила между сторонниками сёгунов («светских императоров»), утвердивших свою власть в большей части Японии, и южными князьями (с

острова Кюсю), опиравшимися в значительной мере на португальцев, испанцев и принявших крещение японцев, слепо подчинявшихся католическим монахам.

⁵⁸ «...мыс Эрмио, образующий западную сторону... (Вулканического) залива, внутри коего лежит порт Эдомо». В тексте у Головина ошибка или описка: мыс Эрмио (правильно Эримо) образует не западную, а восточную сторону Вулканического залива.

⁵⁹ *Восточная столица* — Эдо (теперь Токио) — резиденция «светского императора»

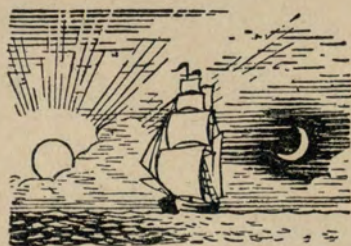
(сёгуна); западная столица Киото — резиденция «духовного императора» (тенно).

⁶⁰ *Новая Голландия* — Австралия (см. примечание 111 к «Путешествию на шлюпе «Диана»).

⁶¹ *Парапольский Дол*, низменность (100—200 метров над уровнем моря) к северу от полуострова Камчатка, между Корякским хребтом и Пенжинскими горами.

⁶² *Ижигинск*, теперь Гижига — поселок у Гижигинской губы в северо-восточной части Охотского моря.

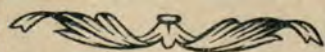
П у т е ш е с т в и е

ВОКРУГ СВЕТА

НА ШЛЮПЕ
« КАМЧАТКА »

В 1817, 1818 и 1819 ГОДАХ

ФЛОТА КАПИТАНА
ГОЛОВНИНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Приготовление к путешествию.— Плавание от Кронштадта до Рио-Жанейро и пребывание в сем порте с замечаниями об оном

Государь император в 1816 году изволил высочайше утвердить доклад морского министра об отправлении одного военного судна в Северо-восточный океан¹. При назначении сего путешествия правительство имело три предмета в виду: 1) доставить в Камчатку разные морские и военные снаряды и другие нужные для сей области и Охотского порта припасы и вещи, которые по отдаленности сих мест невозможно или крайне трудно перевезти туда сухим путем; 2) обозреть колонии Российско-Американской компании и исследовать поступки ее служителей в отношении к природным жителям областей, ею занимаемых, и, наконец, 3) определить географическое положение тех островов и мест российских владений, кои не были доселе определены астрономическими способами, а также посредством малых судов осмотреть и описать северо-западный берег Америки от широты 60° до широты 63°, к которому, по причине мелководия, капитан Кук² не мог приблизиться.

Весной того же года морское начальство определило нарочно построить для предназначенного путешествия военное судно по фрегатскому расположению³, с некоторыми только переменами, кои были необходимы по роду службы, судну сему предстоявшей. Сие судно через год было гото-

во. Начальствовать над оным определен я в феврале 1817 года. Мне предоставлено было самому выбрать всех офицеров и нижних чинов, долженствовавших составлять экипаж судна, которое 12 мая было спущено на воду и наречено шлюпом⁴ «Камчатка». Величиною сей шлюп равнялся посредственному фрегату, вмещаю до 900 тонн груза и имея батареи для 32 орудий, которых, однакож, сочтено за нужное, по случаю всеобщего мира, послать только 28. Сверх морских чиновников, старанием президента Академии художеств определен на шлюп молодой, но искусный живописец Тихонов. Во всех подобных путешествиях такой человек весьма нужен, ибо много есть вещей в отдаленных частях света, которых образцов невозможно привести и самое подробное описание коих не в состоянии сообщить об них надлежащего понятия; в таком случае одна живопись может несколько заменить сии недостатки.

9 июня шлюп «Камчатка» привели в Кронштадт и тотчас начали готовить его к походу.

В приготовлении нашем не последовало ни малейшей остановки.

Высшее морское начальство определило снабдить нас самыми лучшими съестными припасами, из коих некоторые были заготовлены в Петербурге особыми подрядами, а другие, коих в России не находится, как то: ром, водку, виноградное вино, предо-

ставлено было купить в иностранных портах.

Сверх обыкновенных снарядов и съестных припасов, отпускаемых на корабли, мы имели много запасных, а также назначено было купить в Англии достаточное количество разных вещей и вновь изобретенных составов, служащих предохранительными средствами противу цынготной болезни*, столь губительной экипажу, между коим, по несчастю, она распространилась. Морской министр приказал снабдить шлюп всеми лучшими морскими картами, книгами и инструментами, принадлежащими к мореплаванию и для делания астрономических наблюдений; в числе сих последних были три хронометра, или астрономических часов, работы лучших английских мастеров.

К половине августа мы были почти совсем готовы к походу, а потому 15-го числа вышли мы из гавани на рейд, где, окончив остальные работы и приняв порох и огнестрельные снаряды, поутру 26-го числа сего же месяца, в день вечно для России достопамятный бородинским сражением, отправились в путь с благополучным ветром от северо-востока**; он нам благоприятствовал только до Ревеля⁶: против сего города мы во всю ночь на 28 августа имели безветрие, а днем с боковым не совсем попутным ветром прошли его.

После того мы имели переменные ветры то попутные, то противные, и по большей части тихие, с которыми не прежде могли пройти мыс Дагерорт⁷, как 30 августа. С сим мысом кончились последние владения России, и мы вступили за пределы нашего отечества. Ветер тогда дул нам благополучный, и погода была ясная.

1 сентября прошли мы острова Готланд и Эланд⁸ и на другой день

* Чай, сахар, горчица, лимонная эссенция, спрюсова эссенция⁵ и некоторые другие.

** Где я говорю северный, восточный, южный, западный ветер или от северо-востока к северо-западу и пр., я не разумею, чтоб направление было точно по сим румбам, а близко оных; но где нужно именно означать какое-либо направление, там румб показан морским названием. Притом все румбы в сем путешествии означены по компасу, не исправленному склонением магнитной стрелки, а где надобность требовала употребить румб, исправленный склонением, там именно сказано: по правому компасу.

миновали остров Борнгольм⁹. В сие время дул свежий восточный ветер и погода стояла ясная, столь хорошая, что предзнаменовала продолжение восточных ветров, а это самое заставило меня помышлять о перемене прежнего плана нашего путешествия. Я располагал на несколько дней остановиться в Копенгагене, чтобы запастись для служителей водкою, ромом, вином, уксусом и многими другими потребностями для дальних плаваний, которыми в прежнее мое путешествие я запасался в Англии, и потом итти прямо в Бразилию; но установившийся попутный ветер, при благополучной погоде, которые столь редко случаются в осеннее время года, заставили меня думать: не лучше ли, не теряя благополучного ветра, миновать Копенгаген и направить путь прямо к Англии, где можно нимало не дороже получить все нужные нам припасы, когда правительство позволит купить оные без пошлин, что весьма легко было исходатайствовать посредством нашего посланника. Впрочем, сей план я еще не вовсе принял, предоставляя решиться на то или на другое по прибытии в Зунд.

К ночи подошли мы к острову Мэну¹⁰ и с наступлением темноты пошли между сим островом и Фалстербоуским рифом¹¹. Невзирая на дурной маяк, мы с помощью лота и осторожности обогнули сей опасный риф очень хорошо и всю ночь продержались под парусами в Зунде против Кеgebухты¹². С рассветом (3 сентября) я надеялся получить лоцмана и итти к Гельсингеру¹³, но наступивший туман принудил нас в 6-м часу утра стать на якорь.

До 5-го числа безветрие и туманы не позволили нам приблизиться к Копенгагену, невзирая на все наши покушения; но сего числа, с помощью хорошего восточного ветра, дувшего при ясной погоде, на рассвете подняли мы якорь и пошли к Гельсингеру. Против Копенгагена стоял тогда наш фрегат «Поллукс», на коем прибыл сюда российский посланник. Фрегат сей готов был отправиться в Россию, и в то время, когда мы приблизились к нему, он снимался с якоря; отправив на него донесение мое к морскому министру, мы пошли в путь, отсалютовав крепости и получив ответ по

трактату. Погода была прекрасная, с весьма свежим восточным ветром; с нами и навстречу нам шло множество судов.

В десять часов утра подошли мы к Гельсингеру, где, по обыкновению, салютовали крепости и брантвахте, с которых отвечали нам равным числом выстрелов. На Гельсингерском рейде мы на якорь не остановились, а держались под парусами; между тем послал я на берег двух офицеров, барона Врангеля¹⁴ и Савельева, сыскать для Северного моря лоцмана и купить несколько свежих съестных припасов как для офицеров, так и для служителей. Они исполнили возложенное на них поручение гораздо скорее, нежели я ожидал, и в 2 часа пополудни возвратились на шлюп. Тотчас пошли мы в путь.

Я не могу здесь обойти молчанием одного обстоятельства, для меня довольно странного: лоцман, ныне к нам приехавший, был тот самый старик Доссет, который вел «Диану» за десять лет перед сим и который, конечно, не стоил того, чтоб его взять; но из жалости и уважения к его бедности и престарелым летам я не хотел огорчить его и отослать на берег.

6 сентября поутру, в 8-м часу, при весьма свежем ветре от юго-востока и ясной погоде, прошли мы мыс Скаген¹⁵ в расстоянии от него миль десять и пошли вдоль Ютландского берега к западу.

Юго-восточный ветер нам благоприятствовал; без всяких заслуживающих любопытства приключений прошли мы Доверский канал¹⁶ в ночь на 10-е число сентября и после полудня того же числа пришли в Портсмут, где тотчас явилось к нам множество торговых людей предлагать свои услуги. Но я их предложениями не хотел воспользоваться в ожидании пособий от уполномоченного нашим лондонским генеральным консулом поверенного г-на Марша.

12 сентября вечером отправился я из Портсмута, взяв с собою гардемарина Феопемта Лутковского, для переписки набело английских бумаг.

Поутру 13-го числа приехали мы в Лондон. Первое мое дело было отыскать нашего консула, с которым увиделся я не прежде вечера и узнал, что требование в казначейство о поз-

волении нам купить водку, ром и пр. без пошлин он подал и решения должен ожидать завтрашний день. Между тем сегодня я успел побывать у лучших здешних мастеров астрономических инструментов. Карты и книги велено было приготовить разным книгопродавцам и отправить в Портсмут.

Я в один день сделал все то, что до меня собственно касалось; относительно же повеления о пропуске на шлюп водки и рому без пошлин я решил подождать три дня, и если одного не последует, тотчас итти в Брест¹⁷ и там купить сии запасы.

В воскресенье 16-го числа, в 11 часов утра, поехали мы из Лондона и через 12 часов приехали в Портсмут; на другой день узнал я, что на шлюпе у нас прошедший жестокий шторм не причинил никакого повреждения. Сего числа (17-го) умер у нас матрос Федор Рогов: он сделался жертвою сильного желания быть в сем путешествии, ибо за пять дней до нашего отправления из Кронштадта приключилась ему болезнь, которую он скрывал, опасаясь, чтоб его не оставили; наконец, по выходе в море, на другой день объявил он о своей болезни, которая причинила ему гнилую горячку. При всех стараниях лекаря нельзя было его спасти.

18-го числа все вещи, как то: книги, карты, инструменты и разные припасы, нужные для сохранения здоровья служителей, купленные мною в Лондоне, были уже в Портсмуте, и ветер был нам благополучный. Но остановка последовала только в английском казначействе о пропуске рома и водки без пошлины. 20 сентября получили мы в Портсмуте повеление дать нам сии припасы со снятием пошлин, после полудня и часть ночи мы принимали ром и устанавливали бочки, а в 4-м часу утра 21 сентября снялись с якоря.

На рассвете (21 сентября) мы были уже на просторе; тогда, отдав лоцману мои бумаги к консулу, подписанные для доставления в Россию, я его отпустил и, поставив все паруса, пошел в путь. Свежий ветер от северо-востока, дувший при ясном небе, быстро нес нас Английским каналом¹⁸, так что на другой день пред рассветом прошли мы мыс Лизард¹⁹.

От сего места мы взяли, говоря морским языком, наше отшествие из Европы.

Я решился править к острову Мадере. Ветры на сем переходе дули с разною силою и с разных сторон; но более нам благополучные, нежели противные, и бури ни одной не случилось.

По выходе нашем из канала до широты мыса Финистера²⁰ имели мы большею частию дождевые и пасмурные погоды, а потом стояли довольно ясные дни. Не встретив ничего достойного внимания, достигли мы Мадеры в 12 дней. Поутру 3 октября увидели остров Порто-Санто²¹, а вечером прошли Мадеру; благополучный ветер и довольно счастливый переход из Англии делали ненужным приставать к сему острову.

Октября 5-го поутру увидели мы остров Пальму, северо-западный из Канарских островов. При отбытии нашем из Англии я располагал зайти к острову Тенерифу²², чтоб запастись свежими съестными припасами, пресной водою и вином; но скорый переход наш Северным Атлантическим океаном заставил меня переменить мое намерение: в продолжение 14 дней, как мы оставили Англию, у нас воды вышло слишком немного, ибо более 10 дней служители получали по кружке в день пива, вместо воды; притом она нимало не попортилась, и оставалось оной на два месяца, не включая еще той, которую трудно было доставать из трюма; свежее мясо недавно только вышло, зелени оставалось довольно, а дров очень много; следовательно, вина только надобно было получить в Тенерифе. Но так как нам нужно было не более четырех бочек, а сие ничего не значащее количество и в Рио-Жанейро сыскать легко было, конечно, несколькими сотнями рублей дороже. Но такая бездельная экономия не стоила того, чтоб терять прекрасный попутный ветер.

По сим причинам решился я пройти Канарские острова, из коих Пальму прошли мы поутру в расстоянии от оного к северо-западу от 10 до 15 миль, а Ферро — перед захождением солнца. Юго-западная оконечность сего острова в 5 часов вечера находилась от нас на расстоянии по

глазомеру от 15 до 20 миль. Тогда стали мы держать к юго-западу со свежим ветром, дувшим от севера при ясной погоде. С нами шло одним курсом трехмачтовое большое купеческое судно, которое мы увидели еще на рассвете и которое, казалось, было английским вест-индским. Юго-западный курс я взял с тем намерением, чтоб, не приближаясь к африканскому берегу, скорее войти в пассатные ветры.

В ночь на 6-е число, когда мы находились от острова Ферро милях в ста, северный ветер переменялся на северо-восточный и стал дуть почти с такую же силою и при такой же погоде, как дуют настоящие пассатные ветры; но в такой большой широте и притом в осеннее время настоящий пассат встретить было невероятно.

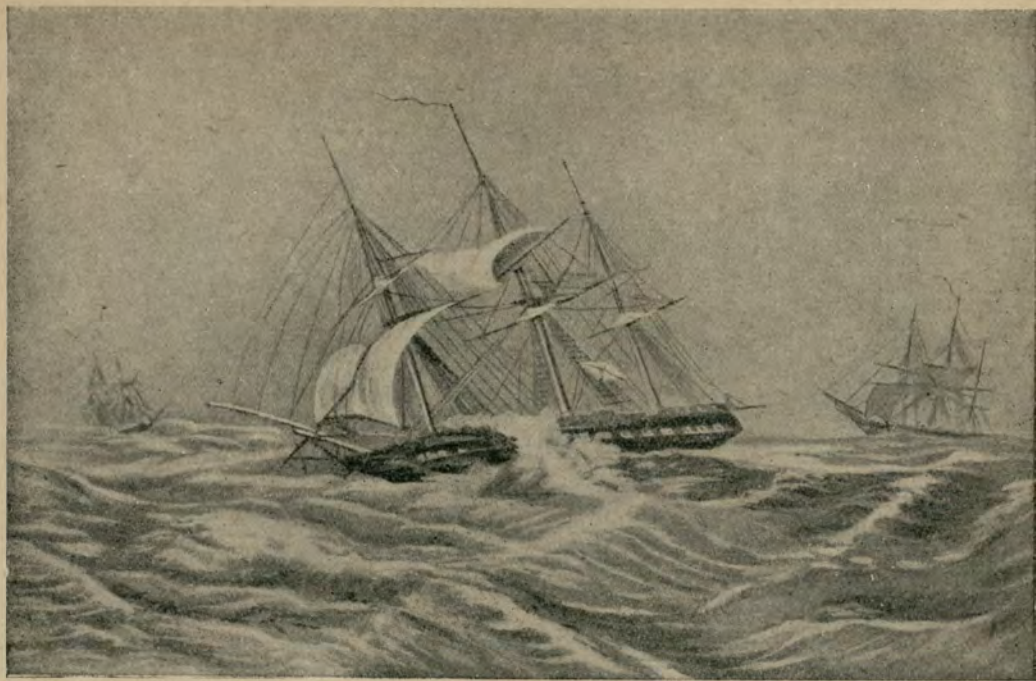
Двие суток ветер сей дул тихо и помог нам вечером 7-го числа пройти северный тропик в долготе 21°* ; сего же числа стала показываться летучая рыба.

В ночь на 8-е число северо-восточный ветер стал дуть сильнее и все при ясной погоде; это более еще обнадежило нас, что мы вошли в настоящий пассат.

Пользуясь весьма свежим благополучным ветром, мы скоро шли на всех парусах и 9-го числа поутру прошли параллель той широты (20°06'), в которой я, идучи на «Диане» в 1807 году, встретил пассатный ветер. Итак, теперь не оставалось ни малейшего сомнения, чтоб благоприятствующий нам ветер не был настоящий пассат: необыкновенное счастье встретить свежий пассатный ветер у Канарских островов!

Сего числа умер у нас еще один матрос (Сергей Максимов) от гнилой горячки; причина смерти сего человека была та же, от которой мы лишились первого матроса в Портсмуте: народом искоренить глупой и несчастной привычки не объявлять о своей болезни до самой крайности. В надежде обойтись без лекарской помощи и не желая быть на диете, они перемогаются, запускают болезнь, и

* Долготы считаю я от меридиана Гринвичской обсерватории и всегда к западу до 360°, потому что плавание наше кругом света было на запад.

Российские корабли в кругосветном плавании.

ничего не значащие припадки делаются смертельными.

10-го числа поутру проходили мы остров св. Антония, западный из островов Зеленого мыса²³, в расстоянии от одного 57 миль; однакож мы его не видали, хотя, судя по его вышине, и можно было бы видеть.

Идучи с хорошим ветром, мы не встретили ничего примечательного до 12-го числа; а сего числа в широте 13° , долготе 25° , при частом захождении солнца увидели на ветре большое судно, которое шло гораздо полнее нас; сначала я думал, что оно идет своим курсом, но, приблизившись к нам на расстояние миль 4 или 5, оно стало держать *выше*, приближаясь к нам, и показало, что оно за нами в погоне. Я полагал, что это один из английских крейсеров, наблюдающих у африканских берегов, чтоб не производили торговли невольниками²⁴. Судно сие, не успев спуститься к нам, принуждено было лечь с нами одним румбом; тогда на нем сожгли фальшфейер²⁵ и подняли несколько опознательным сигналом. В 9 часов, не быв в состоянии нас догнать, корабль сей выпалил под ветер из

пушки* в знак, что желает с нами говорить. Тогда и мы отвечали ему пушечным выстрелом под ветер, давая тем знать, что наше судно военное, и в то же время убрали многие паруса, чтоб его дождаться, изъявляя через то готовность нашу переговорить с ним; но он, вместо того, чтоб тотчас к нам подойти, сам убрал паруса и не пошел к нам.

Я знаю правило англичан: они тотчас бы подошли под самую корму. Поступок сего судна заставил меня сомневаться, английское ли оно; видев, что оно к нам не подходит, мы поставили прежние паруса и пошли своим курсом; тогда и оно пошло за нами и поставило все паруса. Такие его движения заставили меня думать, что это судно принадлежит американским инсургентам²⁶, которые нападают на все суда без разбора, ибо я полагал, что оно боится на нас напасть, доколе хорошо не высмотрит, как мы сильны.

Желая поскорее с ним разделаться

* Выпалить под ветер из пушки на море означает желание говорить с другим судном, в виду находящимся, по-дружески, а против ветра выстрел показывает намерение силою остановить судно, буде само не остановится.

ся, я велел приготовить шлюп к бою, и когда все было готово, то в половине десятого часа мы опять убрали все паруса и привели к ветру, чтобы с ним сблизиться; но оно в ту же минуту сделало те же движения и не хотело к нам подойти. Такие робкие его поступки более меня удостоверили, что это не английское военное судно.

После опять мы пошли своим путем, и оно за нами; таким образом шли мы всю ночь; на рассвете же 13-го числа подняло оно английский флаг, а мы свой. В сию ночь (в широте 11°) мы потеряли пассатный ветер, который кончился жестоким порывом от юго-востока с дождем и громом. Потом ветры дули порывами от разных румбов с юго-восточной стороны, коими пользуясь, мы подавались очень хорошо к югу. Чужое судно за нами шло; наконец, в 11 часов выпалило под ветер из пушки; приготовя шлюп к сражению, легли мы в дрейф, и часа через полтора оно подошло к нам. Тогда мы узнали, что это английский военный шлюп «Блюссом»; идет из Портсмута в Сан-Сальвадор²⁷. Капитан оного, Гикей, старинный мой знакомый, служил со мною на фрегате «Фисгард»²⁸ два года, где он был первым лейтенантом. Узнав обо мне от присланного к нам от него офицера, он тотчас сам ко мне приехал и объяснил причину, почему ночью не хотел к нам приблизиться: он нас также считал испанскими инсургентами, как и мы его; зная же, что экипажи их в какое ни пошло судно палат без разбора, он прежде хотел увериться, точно ли мы из того рода судов. Таким образом дело объяснилось, и как мы шли тоже к бразильским берегам, то я стал править с ним одним курсом.

14-го числа ветер тихий, а иногда умеренный, при светлооблачной погоде, дул с восточной стороны. С полудня спутник наш англичанин стал держать к SSW, а мы правили на S; из сего я заключил, что он решил проходить экватор далее к западу, чтобы заранее увидеть бразильские берега около мыса св. Августина²⁹.

До 18 октября мы имели переменные ветры как в силе, так и в направлении; погода также была непостоянная: иногда было ясно, а иногда об-

лачно и дождь; нередко гром и молния, а особливо по горизонту. Впрочем, вообще погода была совсем не такова, какую встречают обыкновенно мореплаватели, проходя сию полосу жаркого пояса, где часто царствуют ужасные громы и проливные дожди при тихом ветре, иногда только пресекаемые порывами; а сего числа настал настоящий свежий пассат южного полушария, дующий с юго-восточной стороны; мы встретили его в широте 4 $\frac{1}{2}$ ° северной, долготе 26°. Сие обстоятельство еще более убеждает меня быть согласным с капитаном Ванкувером³⁰, что экватор гораздо лучше проходить западнее долготы 25°, нежели восточнее.

После сего ветер дул уже беспрестанно постоянный пассат с ясной погодою, помощью коего мы плыли с большою скоростью. 23-го числа, в 5-м часу утра, ровно через 58 дней по выходе из Кронштадта, прошли мы экватор в долготе 29 $\frac{1}{2}$ °. Такой скорый переход заставил меня обратить внимание на усердие, с каким офицеры и нижние чины исправляли свою должность. Я желал торжественно изъявить им, сколь много они спешествовали скорому нашему переходу, и потому в 9 часов утра, собрав всю команду наверх, прочитал им следующий приказ:

«По высочайшей воле его императорского величества дана мне власть нижним чинам начальству моему вверенного шлюпа в разных случаях выдавать денежное вознаграждение, смотря по моему рассмотрению. Необыкновенно скорый наш переход из Кронштадта под экватор, совершенный в 58 дней, случился оттого, что как офицеры и гардемарины, так и нижние чины с неусыпным усердием старались о скором приготовлении шлюпа к психоду в Портсмуте; а в море, надеясь на их искусство и расторопность, можно было нести много парусов. Не имея права сам делать никакого награждения гг. офицерам и гардемаринам, я при первом случае представлю об них высшему начальству, а нижним чинам определяю в награждение двухмесячное жалование, которое теперь же выдаст им клерк 13-го класса³¹ Савельев».

Вследствие сего приказа тогда же и было выдано им награждение пиастрами³².

До 1 ноября правили мы выгодными курсами вдоль бразильского берега,

Рейд Рио-де-Жанейро.
Со старинной гравюры

чтоб пройти в пристойном расстоянии мыс Августин и мели Абриохос³³. Ветер нам благоприятствовал. Сего числа на рассвете облака по горизонту приняли вид медного цвета, что почитается признаком урагана, которого нельзя было ожидать у бразильских берегов в сие время года³⁴. Однакож подобный ему ветер случился, который можно назвать ураганом в самом малом виде; ибо с полуночи на 2-е число вдруг ветер перешел к N и стал дуть порывами с дождем, постепенно прибавляясь в своей силе; а в 2 часа пополудни вдруг порывом перешел к W и от сего румба дул весьма крепкими порывами несколько часов, потом опять вдруг же перешел к SW, наконец к S, и все дул весьма крепко; наконец стих после полудня 3-го числа. Я прежде не думал, чтоб такой ветер мог случиться здесь в летние месяцы.

1 ноября стали мы держать прямо к мысу Фрио³⁵; мыс Фрио мы увидели в 6-м часу утра 4 ноября. От нас он находился на запад в расстоянии около 30 миль.

На рассвете 5 ноября увидели вход в Рио-Жанейро, в который и вошли около полудня. При входе са-

лютовали мы крепости, называемой Санта-Крус³⁶, и по силе трактата получили выстрел на выстрел; а когда мы уже вошли в залив, то приехали к нам на разных шлюпках два португальских офицера, чтобы узнать, кто мы, откуда и пр. Один из них был с брантвахты, а другой — морской капитан и адъютант королевский. К нам он приехал по обязанности своей доносить королю³⁷ обо всех приходящих военных судах.

Став на якорь, я тотчас послал двух офицеров на берег отыскать нашего генерального консула, который вечером с ними ко мне приехал. Тут мы условились, каким образом поскорее шлюп снабдить всем нужным, чтобы, не теряя времени, мне можно было отправиться в дальнейший путь. К великому моему удовольствию, узнал я от него, что 8-го числа сего месяца английское судно отправляется прямо в Англию, и что на оном едет один его знакомый, который скоро может доставить мои письма в Лондон.

6 ноября поутру мы поставили шлюп на два якоря, а потом я с офицерами ездил на берег, обедал у нашего генерального консула и про-

был там до самой ночи. Мы были у него в загородном его доме, имеющем прелестное местоположение.

До сего я ничего не говорил о температуре воздуха, какую мы имели на нашем переходе; мы были так счастливы, что не имели ни больших жаров, ни холода; в продолжение нашего плаванья шлюп не потерпел никаких повреждений и пришел в Рио-Жанейро в хорошем состоянии, как и команда оного.

Ноября 7 числа весь день я был на шлюпе, занимаясь приготовлением писем, которые в 6 часов вечера и вручил генеральному нашему консулу для отправления в Лондон на английском корабле. Между тем дал ему список припасам, кои нам нужны, и просил о скорейшем приготовлении оных.

Сего числа приезжал к нам опять прежний морской капитан, адъютант королевский. Он мне объявил, что его величество рад видеть здесь военное судно российского императора, столь много им уважаемого, и что он повелел оказать нам всякое вспомоществование, какого только я пожелаю.

За такое внимание я просил адъютанта изъявить мою благодарность его величеству, и что о сем я долгом себе поставлю довести до сведения нашего правительства; впрочем, будучи хорошо снабжен всем в своих портах, нужды ни в каком пособии здесь не имею.

Этот адъютант королевский показался мне предобрым и услужливым человеком, но ученость его была не слишком велика: увидев в моей каюте распятие, вдруг с великим удивлением бросился он смотреть на него и, разглядев, вскричал: «Это Иисус Христос!» — «Да, — сказал я ему, — это изображение его распятия». — «Так вы веруете в Христа?» — спросил он. — «Конечно!» — «И все русские веруют?» — «Без сомнения, все русские веруют, — отвечал я с видом удивления. — Да разве вы об этом не знали?» — «Никогда не слышал, — сказал он мне, — чтоб русские были христианами; я всегда почитал их греками». Он, верно, полагал, что мы идолопоклонники и веруем в Юпитера, Марса³³ и пр.

Вечером сего же числа наш консул дал мне знать, что на представ-

ление его, когда королю угодно будет позволить мне с офицерами представиться его величеству, получил в ответ, что король был бы очень рад нас видеть, но теперь нездоров; коль же скоро будет ему лучше, то он назначит день и нас примет.

Хотя переход наш до Рио-Жанейро был непродолжителен, но как мы прошли поперек весь жаркий пояс из холодного климата и имели много дождей, то верхняя часть шлюпа требовала некоторых небольших поправок, равно как снасти и паруса, исправлением коих экипаж занимался, также налитием пресной воды и другими необходимыми в портах работами. В сих занятиях португальцы не делали нам никакой помощи. Да мы и не требовали оной. Я только просил доставить на их больших судах пресную воду, и консул наш получил ответ от морского министра на его отношение, за несколько дней к нему посланное, что повеление дано доставить к нам пресную воду немедленно; но мы оной и в следующий день не получили, а продолжали возить ее с берега на своих гребных судах и своими людьми: таковы-то португальцы на обещания и услуги! Сначала сами от имени короля и начальника порта предлагали их, а на деле самой малости — несколько бочек пресной воды — не хотели привезти из порта, где есть все нужные для сего суда и способы. Впрочем, я очень рад, что они и не дали нам воды: иначе эту малость вменили бы они в большое одолжение и заставили бы нашего поверенного в делах представить о сем государю, чтоб доставить за ничто русский орден какому-нибудь чиновнику. Лучше всего никому в чужих портах не одолжаться, если есть способы без сего обойтись.

Между тем они были довольно учтивы: начальник эскадры их, стоявшей тогда на рейде, присылал ко мне своего капитана поздравить с прибытием и предложить зависящие от него услуги; а второй по нем командир даже сам, предупредив меня, приехал ко мне с визитом, прежде нежели я успел у него быть. Командиры двух австрийских фрегат, сопровождавших из Ливорно³⁹ до сего места эрц-герцогиню австрий-

Водопад в окрестностях Рио-де-Жанейро.
Рисунок Тихонова.

скую, супругу наследного принца бразильского, прибывшую на португальском линейном корабле, также сделали мне честь своим посещением и даже в самый час нашего прихода прислали офицеров предложить их услуги и пособие, в которых мы, однакож, ни малейшей нужды не имели.

Во время пребывания нашего в Рио-Жанейро, когда занятия наши по службе позволяли, мы были всегда на берегу для осмотра города и стоящих любопытства окружных мест. 9 ноября я и многие из наших офицеров взяли наемные коляски и под руководством нашего консула, который нам все показывал и изъяснял, объездили почти весь город. Бывши в Западной Индии, я уже знал о состоянии здесь негров, и меня нисколько не изумил так называемый рынок негров⁴⁰, но товарищам моим показался крайне удивительным: это одна длинная улица, называемая Волонга, где в каждом доме внизу есть лавка, в которой нет никаких товаров, кроме негров на продажу. Они все сидят кругом на лавочках, и тут приходят покупатели, осмат-

ривают их, шутают, узнают здоровы ли они, торгуют и покупают, как какой-нибудь домашний скот.

11 ноября, по приглашению нашего консула, ездил я с некоторыми из наших офицеров и гардемарин верст за 25 от города смотреть водопад: место очень любопытное. При конце обширной плодородной и весьма хорошо обработанной долины, окруженной с трех сторон высокими горами и с одной стороны морем, находится сей водопад, низвергающийся двумя уступами, каждый из коих имеет вышины сажен до 40. Подле же самого водопада, под огромным камнем, находится пещера, в коей поставлены две из камня иссеченные ниши, наподобие кнотов, и из камней сложены стол и скамейка. Здесь, рассказывают, лет за сто пред сим, во время осады Рио-Жанейро французами⁴¹*, укрывался

* Французы высадили несколько войск в вершине морского рукава, вдаввшегося далеко в берег с западной стороны города, поблизости коего на холмах поставили батареи и хотели выжечь город бомбардированием; однакож вицекороль⁴² согласился спасти его уплатою большой суммы денег. Французы, получив ее, немедленно удалились.

здесьшний епископ с своим причтом и совершал богослужение. На столе вырезают свои имена путешественники. Тут мы завтракали и пробыли, доколе наш художник Тихонов не снял с него вида. Потом возвратились мы в дом, на половине дороги находящийся, где оставили свои коляски, а ехали к водопаду верхами, ибо сия половина дороги весьма гориста и стоить дурна, что иначе и ехать нельзя, да и то только на лошадях, привыкших ходить по горам. В сем доме на половине дороги дожидалась нас супруга консула; здесь мы пообедали и уже ночью возвратились в город. Эту дорогу можно сравнить с нашею петергофской, потому что от города до самых гор по обеим сторонам находятся загородные дома и сады, принадлежащие вельможам и людям богатым; дома по большей части очень малы, а сады обширные и прекрасные; но это здесь не редкость: вся Бразилия сад.

16-го числа Лангсдорф⁴³ известил меня, что король примет нас завтра вечером в загородном своем дворце, куда мы должны отправиться в 6^{1/2} часов пополудни, чтоб быть там в 8-м часу вечера. Вследствие сего назначения на другой день мы хотели ехать, но консул уведомил меня, что по причине полученных сего числа из Лиссабона новостей о случившемся там бунте* король отсрочил представление наше к нему до понедельника (19-го числа); а как мы были совсем готовы к выходу в море и на следующий день я располагал отправиться в путь, то мы и не надеялись иметь честь видеть его величество. Однакож наступившая 17-го числа пасмурная, дождливая погода при юго-западном ветре, продолжавшаяся несколько дней, помешала нам выйти в море; и потому в назначенный день вечером, в 7 часов, я с пятью офицерами и с консулом поехали в загородный королевский дворец**, отстоящий от Рио-Жанейро верстах в семи или восьми. Мы приехали, когда король был в церкви у вечерней молитвы. Стоя в дверях

* Когда в Лиссабоне повесили Гомеца де-Феру и нескольких чиновников⁴⁴.

** Здание сие не похоже на дворец: оно принадлежало частному человеку и куплено королем по нужде, потому что лучшего не было.

церкви, дожидались мы почти целый час; слышали королевскую музыку и певчих: играли и пели они очень недурно, но странно, что как музыканты, так и певчие, из коих многие мулаты и негры, одеты как ни попало и вообще очень дурно.

По окончании молитвы первый королевский камергер, одетый в богатый красный мундир, с двумя звездами, доложил о нас, и через четверть часа из галлерей, где мы находились, вдруг двери отворились в огромную залу, в дальнем конце коей стояло что-то похожее на трон, завешенное белыми занавесами. Зала сия была очень слабо освещена. Король, в синем мундире, в двух лентах и с двумя звездами, в шарфе, со шпагою и с палкою, стоял у стола с своим камергером. По этикету здешнего двора, вступив в залу, мы королю поклонились; пришед на половину залы, опять поклонились и, подойдя к нему, еще раз; тогда и он нам поклонился и сделал шага два вперед. Лангсдорф, в звании поверенного в делах, нас ему представил. Тогда король стал говорить со мною о нашем путешествии, о фрегате, как-то нам нравится здешний климат и город, и, сделав вопросов десять, поклонился, пожелав благополучного плавания. Мы также, выходя спиною назад до самых дверей, сделали ему три поклона.

Мокрая погода с тихим южным ветром продолжалась во весь день 20-го числа и мешала нам идти в море. Однакож на следующий день я решился попробовать выйти из гавани с намерением удалиться от берегов миль на 80 или 100, где по всей вероятности, мы имели причину надеяться встретить хороший юго-восточный или восточный ветер и ясную погоду.

Я не должен умолчать об учтивости и внимании, оказанных нам капитаном бывшей здесь корветты⁴⁵ Соединенных американских штатов: он первый приезжал ко мне и со мною познакомился; после, по приглашению, я у него на корветте завтракал, где был также американский посланник со всем своим семейством, которому он меня рекомендовал. Посланник и фамилия его обошлись со мною чрезвычайно хорошо, так, как

Сан-Сальвадор (Байя)— портовый город восточной Бразилии.

и многие другие гости из разных наций; мы все состояли из девяти разных народов: русские, американцы, англичане, австрийцы, голландцы, папские итальянцы⁴⁶, венециане, иллирийцы⁴⁷ и французы⁴⁸ но из хозяев здешней земли, то есть из португальцев и бразилиянцев, никого не было. В Рио-Жанейро также нашел я одну даму, урожденную богемиянку, жену недавно приехавшего сюда австрийского ученого; дама сия жила долго в Москве гувернанткой в одном знатном доме и говорит весьма хорошо по-русски. Приятно в такой отдаленности от своего отечества встретить людей, которые там бывали и знают наш язык, столь мало известный в чужих странах.

Замечания о Рио-Жанейро и о Бразилии вообще

Рио-Жанейро, называемый так в обыкновенном разговоре, и *Рио-де-Жанейро Сан-Себастьян*⁴⁸ в официальных бумагах, есть столица Бразилии. Город сей лежит при обширном, от всех ветров закрытом заливе, который от первых, посетивших оный европейцев получил название Рио (река), потому что он показался им рекою, и когда наименование сие вошло в общее употребление, то о перемене оного не заботились⁴⁹. Город находится на юго-западной стороне залива и лежит при самом берегу, на весьма низком месте, будучи окружен превысокими горами,

и, так сказать, *между* горами, ибо и в середине самого города есть горы, на коих построены церкви и монастыри. Горы сии, заслоня большую часть города от приходящих в залив судов, весьма уменьшают его в глазах зрителя; а соседство превысоких кряжей представляет взорам его все здания в уменьшенном виде, и потому, доколе не съехали мы на берег и не посмотрели города внутри его, он нам показался ничего не значащим; но в самом деле он довольно просторен.

Дома в нем кирпичные, выбеленные; большая часть в два этажа, много одноэтажных, но редкие имеют три этажа*. На многих из двух- и одноэтажных домах есть, так сказать, *наделки*: иные наподобие мезониннов, а другие — бельведеров⁵⁰. Вообще здешние жители любят украшать свои дома: кругом окон и дверей делают они резьбу или разноцветные *бордюры*, а наверху по углам ставят какие-нибудь вазы и фигуры. Это придает улицам их, вообще чрезвычайно узким, какую-то странную пестроту. Улицы все вымощены булыжником с узенькими тротуарами.

Как из общественных, так и из частных зданий нет во всем городе ни одного, которое бы достойно было внимания европейца по огромности

* Здесь не строят больших домов по той причине, что правительство отводит в них постой чиновникам и почти отнимает у хозяев.

или красоте архитектуры. Дворец, стоящий на берегу у самой главной пристани, походит на дом частного человека. Церквей и монастырей огромных вовсе нет; одни лишь крепости хорошо построены, да и в тех, говорят, внутри большой беспорядок. Иностранцам не позволено входить в оные, и потому мы не могли видеть их внутри.

Жителей в Рио-Жанейро считают 120 тысяч; в том числе полагается 15 негров на одного белого. Войска же находилось при нас от 4 до 5 тысяч. Город сей считается первым торговым местом во всей Бразилии. Теперь здесь находится 60 английских торговых домов, которые управляют отсюда великое количество сахарного песка, пшеница сарачинского⁵¹, хлопчатой бумаги и кофе; сии товары берут они за получаемые ими английские произведения⁵². Здешняя область славится своим превосходным кофе, а Фернамбуко* — хлопчатую бумагою; С.-Сальвадор же** производит лучший сахар.

Народонаселение и произведения Бразилии чрезвычайно увеличились со времени прибытия в оную королевского дома. В одно время с королем переселились в Рио-Жанейро 20 тысяч португальцев, и с того времени беспрепятственно приезжают португальцы и иностранцы, покупают земли и заводят плантации. Недавно поселился здесь один богатый француз, живший на острове Сен-Доминго⁵⁵, купил большое поместье и, употребляя в работу 50 негров, в короткое время развел 50 тысяч кофейных дерев. И наш консул Лангсдорф купил неподалеку от Рио-Жанейро землю, пространством в одну квадратную португальскую лигу, за 5000 пнастров; он устраивает на ней кофейную плантацию и имеет уже более тысячи дерев.

До прибытия сюда королевского дома наблюдалась здесь чрезвычайная строгость в отношении к иностранцам: никто не мог без солдата съехать на берег и ходить по городу

* Сию область иностранцы называют иногда Олигда, но португальцы не знают ей другого имени, кроме Фернамбуко⁵³.

** Португальцы называют оную область не С.-Сальвадор, а Бахия (Bahia), то есть залива, от залива Всех Святых⁵⁴.

иначе, как под таким же конвоем; за город же иностранцам ходить отнюдь не позволялось. Ныне, напротив того, все пользуются здесь такою же свободою, как в европейских столицах; мы сами ездили верст за 25, не имея с собою ни одного португальца. Гребных судов наших, ездивших на берег, никогда не осматривали, и мы, как офицеры, так и матросы, могли ходить и ездить без всякого надзора. Даже всем иностранцам позволяют ныне путешествовать внутри Бразилии и делать свои наблюдения. Недавно приехали сюда несколько ученых австрийцев с тем, чтоб делать замечания о произведениях Бразилии. Они получили позволение ездить, где и как им угодно.

Достоин примечания, что и к рудникам ездить не запрещено. Наш консул Лангсдорф был там. Место, где добывается золото, начинается от Рио-Жанейро в 500 верстах и хотя называется минами (minas)⁵⁶, но мин там нет никаких, а сама земля так богата золотом,⁶ что, промывая оную, получают немалое количество сего металла. Всякому дозволено доставать золото сим способом, с тем только, чтоб пятую часть платить королю. Драгоценных камней также позволено искать частным людям, платя известную долю в казну. Только алмазы⁵⁷, сколько их ни найдется, принадлежат королю; и правительство принимает самые строгие меры, чтоб воспрепятствовать тайному вывозу сих камней; только не всегда в том успевают. Сказывают, что ежегодно вывозится на превеликие суммы алмазов тайным образом. Лет за десять пред сим один ученый англичанин, путешествовавший по Бразилии, получил позволение осмотреть алмазные мины с правом, чтоб его на заставах не осматривали***. Воспользовавшись сим позволением, он вывез большие сокровища и в Лондоне завел лавку драгоценных камней. Но дурно отплатил португальским приставам: он издал в свет книгу, в которой подробно описал все плутни и хитрости, употребляемые в

*** Надобно знать, что всех возвращающихся из алмазных мин на заставах обыскивают с ног до головы; даже разбирают селла и разламывают сундуки, чтоб между досками не было скрыто алмазов.

Бразилии при тайном вывозе алмазов, и назвал по именам всех чиновников, участвующих в сих злоупотреблениях. Правительство, увидев сию книгу, предало суду всех тех, о коих в ней упоминается, и приказало перевешать.

В Рио-Жанейро можно запастись всеми жизненными потребностями, из коих многие, однакож, привозятся из Европы и дороги, например: лук привозят из Опорто⁵⁸; картофель, масло и сыр — из Ирландии и Англии; скот же пригоняют из Рио-Гранде⁵⁹, отчего говядина здесь очень нехороша и вовсе без жира.

Что же касается до европейских изделий, то англичане оными, можно сказать, завалили сей город. Надобно знать, что этот народ пользуется здесь большими торговыми преимуществами. Во-первых, англичанам позволено привозить сюда все изделия своих фабрик и мануфактур без изъятия; во-вторых, платят они по 15 процентов пошлины с цены ввозимых ими товаров, между тем как сами португальцы должны платить по 16, а все прочие иностранцы по 24. Английские купцы, здесь живущие, сами своих товаров не выписывают, а получают оные на комиссию из Англии и берут за продажу и высылку денег по 7 $\frac{1}{2}$ процентов, а за закупку и высылку здешних произведений по 5 процентов; таким образом, они скоро обогащаются, не опасаясь банкротства.

Самую большую выгоду получают здесь капиталисты, отдающие наличные деньги в долг за большие проценты молодым людям, решающимся составить свое счастье торговлею в Индии или в Китае. Сие производится следующим образом: молодой человек хорошего поведения, желающий испытать счастья в торговле, снискивает доверенность богатых людей и с их поручительством занимает деньги за 30 и за 35 процентов в год; покупает товары и едет с ними в Индию, а заимодавец платит 8 процентов, чтоб застраховать свой долг на случай кораблекрушения и прочих несчастных случаев. И так из 30 процентов ему остается 22 верных, ибо в случае неудачи занимаателя в торгу или по дурному расчету платят долг поручители, а в случае несчаст-

ного приключения на море отвечает страховая контора.

Теперь намерен я сообщить некоторые замечания, которыми могут пользоваться мореходцы при посещении Бразилии.

Что принадлежит до географического положения Рио-Жанейро, то хотя при взгляде на карту и кажется, что сей порт лежит далеко в стороне от пути, коим должны плыть суда, идущие в Индию или около мыса Горна; но сведущий мореплаватель тотчас усмотрит, что он находится на самой, так сказать, большой дороге и как будто бы нарочно природой предназначен служить ему местом отдохновения, *постоялым двором*. По вступлении его в пределы тропической полосы всегда господствующие в ней пассатные ветры и производимые ими течения нечувствительно увлекают его к западу, и, наконец, против его воли, приближают к берегу Бразилии, так что ему уже останется весьма малый переход, чтоб войти в какой-нибудь порт сей части Южной Америки; а из всех пристаней ее Рио-Жанейро бесспорно есть самая лучшая, и вот почему:

Во-первых, Рио-Жанейро лежит почти под тропиком, еще несколько далее, следовательно на краю южных пассатов и близко к полосе, где начинают господствовать западные ветры, и потому по выходе из него очень немного надобно пройти к югу, чтоб встретить ветры, благоприятствующие плыть к востоку, буде путь лежит около мыса Доброй Надежды. Если же нужно идти к мысу Горн, то те же ветры и в ту сторону непротивны.

Второе: вход в Рио-Жанейро, так как и самый порт, есть один из самых удобных и безопасных.

Наконец, я сделаю кое-какие замечания в отношении к способам продовольствия, коими утомленные мореплаватели могут здесь пользоваться. Разумеется, что суда, отправляющиеся из Европы в дальние путешествия, дома запасаются такими съестными припасами, кои могут долго сохраняться, например, сухарями, соленым мясом, маслом и пр., следовательно на пути только могут иметь нужду в свежих припасах, каковые

Рио-Жанейро может доставить в большом изобилии для целого флота. Правда, что не все они лучшего качества, как-то: говядина и баранина очень нехороши, потому что скот пригоняют из областей св. Екатерины⁶⁰ и Рио-Гранде чрез большое пространство и, не дав ему времени поправиться, убивают. Мне случалось видеть стада быков, кои пригоняли в город: они точно состояли только в коже да костях, и потому здешнее мясо сухо, жестко и не имеет ни куска жиру. Затем довольно много есть вкусных птиц — кур, уток и индеек, которые, однакож, дешевы. Рыбою здешнее место изобильно.

В осторожность тем мореплавателям, которые сами будут ловить в рио-жанейрской гавани рыбу, надобно сказать, что здесь есть два рода ядовитых рыб, но их узнать нетрудно: одна из них походит на угря и скользка, а другая — безобразная рыба, имеющая весьма большую голову и нос, подобный птичьему.

Из всех съестных припасов в большом изобилии здесь находится зелень; рынки обременены ею: капуста, салат, огурцы, тыква, редька в преобладающем изобилии; плоды же бывают по временам года: при нас были только в пору арбузы, бананы, апельсины, лимоны и некоторые другие. Ананасов поспевших еще не было. Впрочем, здесь всегда можно застать за умеренную цену в сахаре приготовленными разного рода плодами.

Лук, картофель и кокосы здесь привозные и потому недешевы, однакож их можно достать во всяком количестве.

В окружающих местах находится много дичины, как то: уток, разного рода куликов, диких голубей и пр., только не так близко, чтоб можно было приходящим сюда мореплавателям пользоваться охотою; впрочем, хотя в гавани есть большой остров, лежащий недалеко от якорного места (означенный на карте под именем Королевского острова), который наполнен дичиною, но на нем ни рыбы ловить, ни птиц стрелять не позволяют, потому что он принадлежит королю.

Рио-Жанейро имеет также некоторые произведения, которыми выгод-

но можно застаться, как настоящею морскою провизиею, каковы суть: сарачинское пшено и ром; первое очень хорошо и дешево, а ром сначала дурен, но после улучшается. Здесь еще есть одно произведение, заменяющее саго⁶¹: это крупа, делаемая из корня маниока⁶² и называемая тапиока. Маниок — растение очень известное, из коего корня делается мука, употребляемая в пищу негров, а тапиока есть лучшая часть сего корня.

Что же принадлежит до морских снарядов, то оные хотя здесь и есть, но мало и очень дороги; и починка судов должна быть медленна и крайне затруднительна. Прежде здесь была королевская верфь, на которой строились суда, но по причине затруднения в доставлении лесов уничтожена, а корабельное строение ныне производится в С.-Сальвадоре, где лесов больше и они ближе. Здесь же в арсенале почти ничего нет: я исходил его во всех направлениях и, кроме нескольких старых мачт и полусгнивших под золотом королевских галер, ничего не видал.

По географической широте Рио-Жанейро, лежащего под тропиком, жары были бы в нем несносные для европейца, если бы не было так называемых морских ветров, свойственных всем жарким странам, дующих с довольною силою с моря почти в течение всего дня. Ветры сии прохладят воздух и делают пребывание на морском берегу не только сносным, но и приятным. В Рио-Жанейро морская ветер обыкновенно начинается около 12 часов утра от востока и дует почти до самого захождения солнца, потом на несколько часов наступает тишина, после коей легкие ветерки дуют от разных румбов с берега, и сие продолжается до солнечного восхода; потом опять делается безветрие, продолжающееся до наступления морского ветра. Величайший жар бывает во время утреннего безветрия: при нас он никогда не превышал по Реомюру $26\frac{1}{2}^{\circ}$ (в полдень)*, а самой малой теплоты было

* Наши замечания были деланы на шлюпе, а в городе, конечно, теплота превосходила ту, которую мы имели; но я полагаю, что разность была не слишком велика, ибо влияние морского ветра и на город распространяется.

14° (при дожде); среднее же стояние термометра было 17, 18, 19 и 20. Впрочем, мы были в Рио-Жанейро в начале только лета, когда большие жары еще не настали, которые здесь бывают в январе и феврале.

Погоды при нас были очень непостоянные: из 17 дней пребывания нашего в рио-жанейрской гавани 5 дней были, в которые дождь шел по нескольку часов, и 5 дней, когда при пасмурной, мрачной погоде во

весь день шел мелкий дождь, и это всегда случалось при ветрах между юга и запада, кои обыкновенно наносили мрачность, а иногда туман. Крепких ветров при нас здесь не было: они всегда дули умеренно. Гром мы имели только однажды, и то не слишком сильный и кратковременный. Жители сказывают, что будто прежде у них гораздо чаще и сильнее были громы, которые сделались *реже* со времени приезда сюда *короля* ⁶³.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Плавание от Рио-Жанейро около мыса Горна.— Прибытие в порт Каллао, на берегу перуанском, и пребывание в оном

Ноября 23-го числа в 5-м часу утра снялись мы с якоря и с помощью весьма легкого ветерка от востока, попутного течения и буксира пошли в путь. До полудня успех наш был очень мал, и мы чуть подавались вперед, а с полудня ровный ветер, при весьма ясной погоде, стал дуть от юго-востока; тогда мы стали править настоящим своим курсом к юго-западу.

В бытность нашу в Рио-Жанейро испанский посланник, посредством нашего консула пригласив меня к себе, просил о весьма важном для испанского двора деле, которое состояло в следующем. С того времени как португальцы завладели Монтевидео ⁶⁴, дела между испанцами и ими пошли очень нехорошо. Первые европейские державы взялись быть посредниками между ними и получили обещание португальского посланника, в Париже находящегося, что двор его сдаст Монтевидео испанцам; но в самом деле из Рио-Жанейро беспрестанно посылали туда подкрепления, да и при нас три тысячи войска готовы были отправиться. На требование же испанского министра объяснений по сему случаю давались ему самые колкие и надменные ответы, даже до того, что он почитал их почти объявлением войны. «Каждый почерк пера бразильского кабинета есть объявление войны», сказал он мне, говоря о нотах к нему здешнего министерства.

О таком положении дел между сими двумя дворами испанский ми-

нистр должен был как можно скорее сообщить перуанскому вицeroю ⁶⁵: безопасность их владений в Южной Америке того требовала, а как он не имел для сего никакого случая, то и прибегнул ко мне и просил, чтобы в уважение дружбы и доброго расположения нашего государя к Испании я согласился, по пути, зайти в Лиму и отвезти туда его бумаги. Поелику время мне позволяло и я нимало от настоящего своего пути, следуя в Камчатку, уклониться принужден не был, то охотно согласился оказать услугу испанскому двору, которая, по уверению генерального нашего консула, должна быть приятна его императорскому величеству, о чем, однакож, прежде я никому не говорил, но сего числа объявил по команде, что мы идем в Перу.

Оставив Рио-Жанейро, я должен сказать, что место сие мне очень понравилось по чрезвычайной красоте природы, о чем в замечаниях моих более сказано.

В 8 часов вечера 23-го числа ветер перешел к северо-востоку и при совершенно ясном небе начал дуть с такою силою, как обыкновенно дуют у здешних берегов муссоны; мы несли все паруса и шли миль по 7 и по 8 в час. Правил я таким образом, чтоб пройти устье реки Платы ⁶⁶ в расстоянии около 200 миль, дабы избежать действия сильного течения, стремящегося из сей огромной реки. Между тем мы приготовили и разложили наверху все ручное оружие, картузы с порохом,

лядунки, рога, фитили и пр., чтоб быть во всегдашней готовности к сражению. Сию нужную осторожность я принял вследствие полученных мною в Рио-Жанейро известий, что возмутившиеся в Южной Америке испанцы нападают на суда всех народов*, кроме англичан⁶⁷; а русских, по каким-то слухам, недавно стали они считать союзниками короля испанского.

Ветры, дующие с разной силой и при разных состояниях погоды, продолжали нам благоприятствовать: мы очень скоро подавались вперед. До 30-го числа с нами ничего примечательного не случилось, а сегодня в широте 34°, долготе 48¹/₂°, совсем против нашего чаяния, встретили мы русское судно, или, лучше сказать, судно под русским флагом, потому что на нем ни одного человека русского не было. Судно сие называется «Двина» и принадлежит архангельскому купцу Бранту. Корабельщик же оно — немец, по имени Спратто. Из Архангельска оно пошло 3 сентября прошлого года и в ноябре того же года пришло в Гамбург, а в декабре вышед оттуда, 7 августа сего года прибыло в Буэнос-Айрес; 27-го числа сего месяца оттуда вышло и теперь идет в Гамбург. Не желая задержать его, чтоб отправить с ним письма, я дал ему только записку о нас, с тем, чтоб по приходе в Гамбург, он напечатал в газетах, где он нас встретил и что у нас все благополучно и все мы здоровы. Капитан сего судна сообщил нам другое о расположении инсургентов к русским, нежели что мы слышали в Рио-Жанейро: он сказывал, что они не только обходились с ним хорошо, но и по торговым его делам поступали справедливо и честно, оказывали ему особенное перед другими командирами купеческих судов уважение, и не иначе называли его, как капитаном великой нации.

* Республиканцы сии недавно взяли два португальских купеческих корабля, шедших из Индии; по требованию бразильского двора они их возвратили и присудили корсара заплатить убытки, простирающиеся до 30 тысяч пиастров. Корсар же сей был вооружен в Соединенных американских штатах иждивением их консула, находящегося в Буэнос-Айресе, и укомплектован американцами.

С 1 декабря до прихода нашего на вид Статенландии⁶⁸, что случилось 19-го числа, мы шли с разными ветрами, большею частью с северо-западной и юго-западной стороны; дули они вообще умеренно, но несколько раз и бури восставали, только не надолго и не в такой силе, чтоб заслуживали особенного замечания. Погоды не были долго постоянные: мы имели часто ясные дни и туманные; иногда было облачно и дождь, а несколько раз и гром с молнией случался. Но все сии обстоятельства не заключают в себе ничего необыкновенного, чтобы стоили подробного описания. Следующие лишь случаи, на сем переходе повстречавшиеся, заслуживают некоторого внимания.

Будучи уже в широте 37¹/₂°, долготе 53°, мы видели еще множество летучей рыбы, дельфинов и несколько черепах, которые, как известно, редко далеко от пределов тропиков показываются; в то же время появились и петрели⁶⁹, обитатели холодных стран; а в широте 38³/₄°, долготе 54¹/₂° стали нам попадаться морские растения и видели мы первых альбатросов. Воздух сделался гораздо холоднее, даже слишком холоден, судя по широте, в коей мы находились, ибо термометр стоял не выше 16°⁷⁰.

В полдень 8 декабря случилось достойное замечания явление: в 3-м часу пополудни на стороне ветра по горизонту показались тучи, из коих блистала вдали почти беспрестанно яркая молния. С рассветом тучи сии приблизились к нам; ветер стал дуть порывами, утихая иногда и часто переменяясь; молния блистала над нами с громовыми ударами; дождя же было очень мало. Погода в таком состоянии продолжалась почти до полудня, а после прояснилось, остались только местные облака. Но доколе гром был, каждый почти раз с переменной ветра наносил он чрезвычайно теплый воздух, который тотчас после первого дуновения принимал обыкновенную свою температуру, здесь тогда бывшую; термометр показывал 13°, а когда я поставил юный против нашедшего теплого воздуха, то он вдруг поднялся еще на 3°.

Примечательно еще, что так назы-

ваемых тропических птиц *, кои и имя свое получили от обыкновенного места своего пребывания между тропиками, мы видели в широте 46°, долготе 60°, а в широте 49¹/₄°, долготе 61¹/₄° видели мы около нас нырявших и плававших пингвинов, только такого рода, коего я никогда прежде не видывал. Один из них несколько времени следовал за нами: беспрестанно нырял в воду и опять показывался, производя крик, похожий на крик молодых утят. Сколькo я мог заметить, что это должен быть род пингвинов, названных у Линнея *Diomedea demersa*; цвет их темнокофейный, брюхо казалось белое, и если не все, то по крайней мере, имели они по бокам белые полосы, которые мы очень хорошо видели, и около глаз были белые овальные круги.

Декабря 16, в широте 52°, долготе 64¹/₄° видели мы большое трехмачтовое судно, которое во весь день шло с нами одним путем, но при захождении солнца пошло к северо-востоку, по направлению к тому месту, где видны были многие фонтаны, пускаемые китами, почему я и заключил, что сие судно должно быть китоловное, находящееся на промысле. Сегодня мы видели очень много китов, а также и пингвины показывались. Некоторые мореплаватели утверждают, что появление пингвинов означает близкое расстояние от земли; но сегодня мы находились от ближайшего к нам берега Фалкландских островов не менее 100 миль, а 13-го числа, почти в таком же расстоянии к северу от них, мы видели пингвинов.

На сем переходе мы почти всегда находили, посредством астрономических наблюдений, что течением сносило нас к северу и северо-востоку иногда более 20 миль в сутки. Я заключил, что течение так сильно стремится здесь к северо-востоку потому, что мы находились на струе вод, кои, обтекая мыс Горн из Великого океана, направляются между Статенландиею и Фалкландскими островами в

Атлантический океан, и что если бы мы находились на меридиане Лемерова пролива⁷², то есть ближе к патагонскому берегу, то совсем не имели бы противного течения, а вероятно еще, что оно бы нам благоприятствовало, почему я старался приблизиться к берегу Патагонии, но западные ветры до того не допустили.

Восточный мыс Земли Штатов, называемый Сан-Жуан⁷³, увидели мы в 6-м часу вечера 19 декабря, будучи от него в 20 или 25 милях расстояния по глазомеру.

На другой день мы прошли Землю Штатов и стали огибать мыс Горн. Здесь нашли мы многочисленные стада альбатросов и множество касаток. Доколе обходили мы Землю Штатов, то течение в 42 часа увлекло нас к северо-востоку на 51 миль. Чтоб совсем обойти мыс Горн, употребили мы 25 дней, ибо почти беспрестанно имели противные ветры, дувшие большею частию от северо-запада и от севера.

В продолжение сего времени весьма часто терпели мы бури, которые иногда, а особливо от севера, свирепствовали с ужасной силой, но как судно наше было новое, очень крепко построенное и снабженное самыми лучшими снарядами, то бури сии, при всех своих жестокостях, не могли причинить нам никакого важного повреждения, ниже подвергнуть опасности. Однажды только, при весьма жестокой буре от севера, которая развела столь сильное волнение, какого мы во все путешествие не имели, один вал, вышед из-под кормы, так сильно ударил вверх, что в кормовых окнах выбил рамы и щиты и наполнил мою каюту водою, которою множество из вещей перемочило. Я принужден был велеть во все окна вставить щиты, обить их изнутри парусиною и приготовить парус, чтоб обтянуть корму, на случай, если бы щиты волнением выбило, что нередко случается в здешнем бурном море.

Погода часто была ясная, но большею частию, особливо при крепких ветрах от севера, пасмурная с дождем и градом и довольно холодная: термометр нередко стоял только на 5° выше точки замерзания. Однажды лишь был прекрасный

* Так их называют англичане (*Tropic Bird*), а у Линнея известны они под именем: *Phaeton aethereus*; французы называют их *Paille-en-cul*; но матросы наши, услышав о сем названии от офицеров, дали им русское имя: полянки. Сарменто⁷¹ (*Pedro Sarmiento Gambia*) видел их в заливе Троицы (*de la Trinidad*), в широте 50°.

день, какого мы еще не имели с самого отхода от устья реки Платы: при ясном небе и тишине термометр в полдень того дня стоял на 40°.

Время, употребленное нами для обхода мыса Горн, не только было крайне беспокойно для нас, ибо, по причине частых бурь и внезапных порывов, мы почти беспрестанно должны были находиться наверху, но и чрезвычайно скучно: кроме моря и неба, ничего не было видно, и шлюп качало ужасным образом. Одни лишь альбатросы и петрели * летали около нас, а особливо первых было чрезвычайно много. Мы их ловили на уду и в разные дни поймали около сотни, более для забавы, ибо мясо сих птиц, как мы оное ни приготавливали, всегда удерживало противный запах морских растений, и потому по привычке только может быть употребляемо в пищу. Впрочем, издержав всю живность, которой запаслись в Рио-Жанейро, мы и альбатросами не гнушались. Птицы сии еще и того более были бы в чести у нас, если бы я не запасся разного рода приготовленными супами и мясом, жареным и вареным.

Новый год встретили мы у мыса Горн, будучи тогда в широте 54°, долготе 76°. Для сего дня унтер-офицерам и рядовым была дана лишняя порция вина; а между тем и жалованье роздал я им, в первый еще раз в сие путешествие, по двойному окладу и по курсу, как оное производилось на шлюпе «Диана», по которому матрос 1-й статьи вместо 4 рублей 32 копеек, получаемых им в России, получил здесь 2²/₃ червонца, то есть около 30 рублей. Это все вместе доставило им большое удовольствие, и они, сверх обыкновенных праздничных веселий нашего простого народа, вздумали еще играть комедию собственного их сочинения, что и было охотно им позволено, и дано еще изобретателям сего спектакля небольшое вознаграждение. Ничто так не способствует к сохранению здо-

* Однажды только мы видели португальскую курицу⁷⁴ — птицу, известную в Куковом путешествии, которая, говорят, от берега никогда далеко не отлетает; но мы тогда находились от ближайшего к нам берега Огненной Земли не менее как в 200 милях.

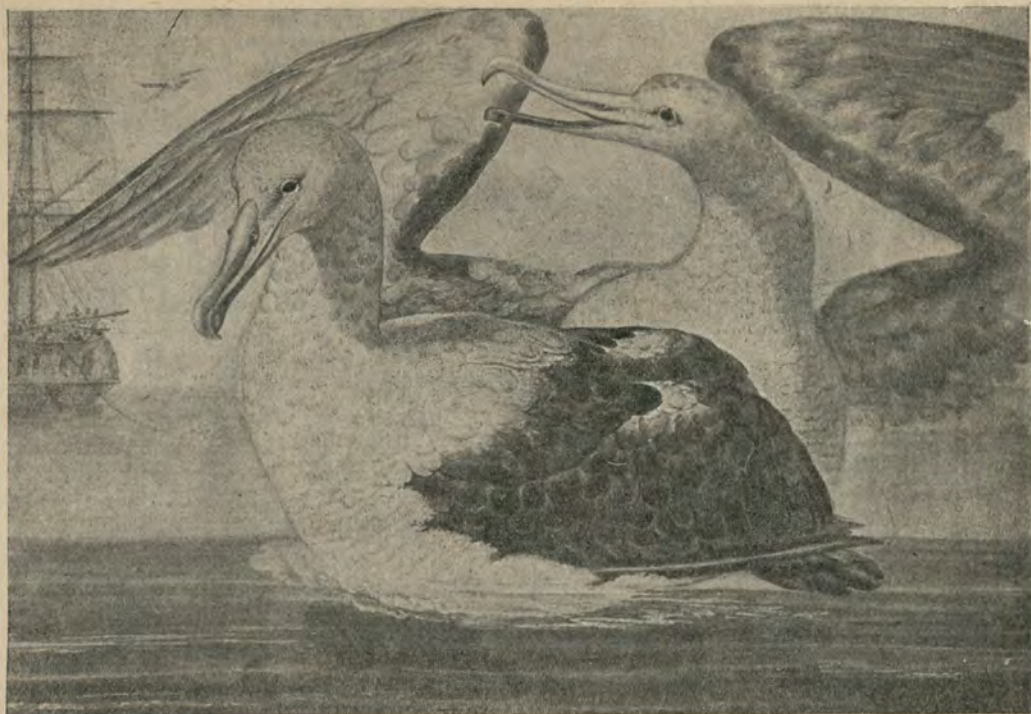
ровья служителей, как веселое расположение их духа: сим правилом всегда должно руководствоваться, а особливо в трудных походах.

Января 16-го мы *обогнули* мыс Горн. На другой день поутру видели мы очень ясно четыре высокие горы к востоку, в расстоянии по глазомеру от 40 до 50 миль. По наблюдениям нашим, оные должны были находиться на северной части острова Кампаньи⁷⁵. Скоро после восхождения солнца горы сии покрылись облаками, и мы потеряли их из виду.

Сего числа продолжался тот же попутный ветер, который имел все признаки постоянного ветра, вдоль берегов Хили⁷⁶ и Перу беспрестанно с южной стороны дующего и в полосу коего, казалось, мы вступили. Однако он скоро перешел в западную сторону и потом несколько дней дул, переменяясь от северо-запада к юго-западу, и часто бывал довольно крепок. Настоящий же прибрежный пассат встретили мы 25-го числа в широте 33¹/₂°, долготе 74¹/₂°, с которым шли очень скоро и покойно. На всем этом переходе ничего достойного примечания не встречалось, разве только то, что в широте 43¹/₂° мы видели летучую рыбу⁷⁷, где я не помню, чтобы кому-нибудь она попадалась. Впрочем, часто видели мы китов и много морских растений, а по приближении к тропику встречали разного рода тропических птиц.

Февраля 1-го будучи в широте 15°, долготе 77° в 8-м часу вечера вдруг увидели мы влево довольно большой огонь, повидимому милях в четырех от нас, и хотя не могли рассмотреть судна, но по скорости, с какою мы его проходили, явно очень было, что он находился на судне, в противную нам сторону шедшем. Он был у нас в виду почти до 10 часов и закрылся за кормою. Некоторые из наших офицеров видели другой еще огонь, недалеко от первого: это еще первые суда, которые мы встретили по сю сторону мыса Горн.

Поутру 2-го числа сделалось по горизонту облачно. Потом облака сии превратились в туман и покрыли весь горизонт; туман скоро прочистился, но пасмурность осталась. Полагая, что нам не удастся взять полуденного наблюдения солнца, я стал, по рас-

Альбатросы, пойманные на уду у мыса Горн.

Рисунок Тихонова.

свете, держать к северо-востоку, чтоб приблизиться к берегу гораздо южнее Лимы, дабы после, идучи вдоль его в самом близком расстоянии, удобно было узнать и отличить остров, который для не бывавших в Каллао⁷⁸ один только и есть признак для узнания сего порта. К полудню стало несколько прочищаться и показалось солнце. В полдень нам удалось взять высоту его, но на таком пасмурном горизонте, что широта, по ней определенная ($12^{\circ}44'$), не могла быть верна. Мы должны были находиться весьма близко берега, который, однакож, мрачность не позволила нам видеть до 2-го часу пополудни; а тогда, по очищении оной, вдруг открылись горы чрезвычайной вышины. Они состояли из трех хребтов, один за другим стоявших, из коих задний был непомерно выше других.

Усмотрев берег, мы смелее стали к нему приближаться, и в 3-м часу будучи в 10 милях от него, мы нашли глубину 85 сажен, на дне зеленоватый ил с мелкими камнями. В 4-м часу мы подошли к ближнему от нас берегу на расстояние миль пяти; он казался островом.

Опасаясь, чтоб не потерять своего места, буде здесь есть течение к северу, мы стали держаться к ветру до следующего утра. Густой туман, а часто пасмурность с мокротою, поддержали нас у берегов Лимы до 7 февраля, которого числа после полудня достигли мы порта Каллао; но по слабости ветра принуждены были в 4-м часу вечера положить якорь при самом входе в порт. За три дня перед сим видели мы у здешних берегов два небольших инсургентских корсара⁷⁹, которые, однакож, к нам приблизиться не смели; испанцев же берут и грабят они подле самых их гаваней.

Лишь только положили мы якорь, как увидели шедшую к нам от стоявших в порте кораблей шлюпку, которая в 6-м часу к нам приехала, имея на корме военный испанский флаг. Мы чаяли найти в ней офицера, но увидели, что приехал простой квартирмейстер спросить нас, какое наше судно, откуда и пр., и нет ли писем из Испании. На первые вопросы дали мы ему удовлетворительные ответы; а о бумагах я не сказал ему, опасаясь их вверить в руки незначущего человека.

Ни квартирмейстер, ни гребцы его, кроме испанского языка, не знали никакого другого, а потому мы принуждены были толковать с ними кое-как. Мы от него узнали, что за восемь месяцев пред сим были здесь два больших русских корабля*, шедшие в Северную Америку; что Вальпарайсо⁸⁰ в руках инсургентов, где они имеют 6 тысяч войска; а Консепция⁸¹ под королевским правлением и войск там 7 тысяч; что при здешних берегах находится много крейсеров со стороны инсургентов, из коих многие состоят из граждан Соединенных североамериканских областей и имеют патенты⁸² от правительства новой республики.

Вот первые известия, которые мы получили от первых приехавших к нам испанцев!

Они, уезжая, сказали нам, что на другой день, когда мы подойдем ближе, придет к нам портовый капитан. Однакож я, желая скорее отправить бумаги к вице-рою и притом, чтобы они были ему вручены нашим офицером, не хотел дожидаться капитана над портом и рано поутру на другой день послал мичмана барона Врангеля в Каллао с тем, чтоб он спросил у коменданта, будут ли с крепости на наш салют отвечать равным числом выстрелов, и просил позволения ехать к вице-рою в Лиму с проводником. С ним же послан был клерк 13-го класса Савельев для покупки свежего мяса и зелени, который должен был и ответ привезти, в случае отправления Врангеля в Лиму. С рассветом увидели мы в гавани пять больших судов, пришедших ночью с моря: они были испанские. После мы узнали, что суда сии отвезли 4 тысячи войска в Консепцию, потом блокировали Вальпарайсо и теперь пришли сюда починиваться.

В 10-м часу сделался легкий ветерок от запада; мы тотчас пошли в Каллао. Потом ветер отошел к югу и стал дуть свежее, почему мы принуждены были лавировать и не прежде могли притти на рейд, как в 2 часа пополудни. Подходя к рей-

ду, встретили мы возвращающегося из города Савельева, который сказал нам, что на наш салют испанцы будут отвечать тем же числом выстрелов и что Врангель поедет в Лиму в 3 часа пополудни, когда от вице-роя получено будет позволение.

Приблизившись к якорному месту, мы салютовали крепости из 7 пушек и получили выстрел за выстрел. Скоро после того как мы стали на якорь, приехало к нам несколько испанских господ, в числе коих директор таможни, желавший, как он сказал, поздравить нас с прибытием сюда и познакомиться с нами. Сначала мы не знали, как их принять, потому что они приехали на большой шлюпке под военным флагом и квартирмейстер стоял; это показывало, что на ней ехали люди значащие, но одеты они были в какие-то белые холстинные фуфайки и широкие панталоны, без галстуков и в круглых шляпах. После уже узнали мы, что здесь этот наряд во всеобщем обыкновении.

Вслед за сими гостями приехал от капитана над портом офицер и с ним один итальянец вместо переводчика. Офицер был послан сказать мне, что капитан над портом получил от вице-роя повеление тотчас отправить Врангеля в Лиму и шлюпу сделать всякое пособие, какого только я потребую. После еще у нас были гости, в числе коих находились три дамы, одна из их жена здешнего генерала: они любопытствовали видеть шлюпу.

Врангель возвратился уже поздно вечером и сказал, что вице-рою принял его весьма хорошо, но не мог с ним говорить, потому что не сыскал переводчика; он же, кроме испанского языка, других не знает. В числе сегодняшних посетителей был миссионер отец Франциско, который предлагал нам свои услуги.

Февраля 9-го поутру, в 9 часов, ездил я на берег посетить капитана над портом и коменданта крепости: первый был болен, и потому меня приняла жена его, ласковая пожилая дама, а второй, старик лет шестидесяти, сам принял меня очень приветливо. После сих посещений я осмотрел место, где корабли наливают воду, и возвратился на шлюпу.

* Суда Российско-Американской компании «Кутузов» и «Суворов», под начальством флота капитана Гагенмейстера.

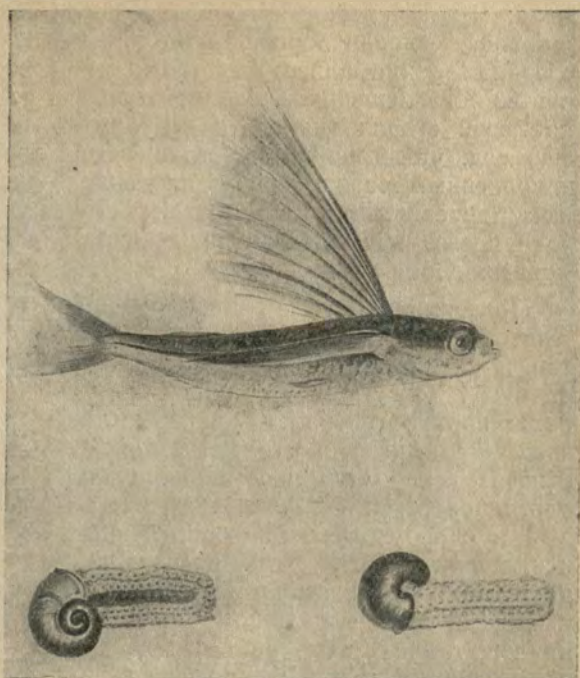
В 11 часов подошли мы ближе к берегу для удобства возить воду.

Поутру было у нас много посетителей, в том числе несколько дам, а после полудня приехал камергер⁸³ вицероя с письмом ко мне: он был в богатом красном мундире с широкими позументами и со шпагою; переводчиком служил ему Абадиа, главный фактор Филиппинской компании⁸⁴, тот самый, которому государь император пожаловал орден св. Анны 2-й степени за услуги, оказанные им одному из кораблей Российско-Американской компании. Камергер имел повеление звать меня завтрашний день к вицерою обедать и сказать мне, что он пришлет за мною свою карету; а Абадиа дал мне знать, будто бы от себя, что вицерою угодно завтра принять меня с некоторым парадом и что я могу взять с собою несколько из наших офицеров; но после я мог уже ездить к нему запросто.

Сколько много считал он себя мне обязанным за доставление к нему бумаг, покажет письмо его ко мне. С Абадиа условились мы о снабжении шлюпа всем нужным.

Вечером приехал к нам с визитом комендант крепости Каллао с некоторыми из его офицеров и секретарь вицероя, весьма учтивый, приятного обращения человек, а также много дам, от которых мы не прежде захождения солнца получили покой. Несноснее всего было то, что они и кавалеры, их сопровождавшие, не знали никакого языка, кроме своего природного.

10-го числа в 9-м часу утра прислали с берега сказать мне, что вицеройская карета приехала за мною и дожидается; я тотчас с некоторыми из наших офицеров поехал в Каллао и нашел карету у самой пристани. Она была огромной величины; кругом в стеклах, внутри обита малиновым бархатом; выкрашена, однакож, просто. Запряжена была шестью мулами одной шерсти; шоры и мундштуки на них были малинового бархата с серебряною оправою; кучера сидели верхом на передней паре и на задней, и как они, так и два лакея одеты были в красные суконные ливреи с серебряным позументом. При сем эки-

Летучая рыба и моллюски.
Рисунок Тихонова.

паже находились два гусара верхами. Присланный за мною офицер был подполковник Плато, начальник конной гвардии вицероя. Он мне сказал, что вицерой ожидает всех наших офицеров к обеденному столу; за мною прислал он свою собственную карету, а для прочих приготовлены другие.

Приехав на берег, пошли мы к коменданту завтракать, по приглашению его, вчера нам сделанному. Он нас угощал шоколадом, холодной водой и сигарками, извиняясь в бедности его мебели и сервиза и жалуюсь, что инсургенты всего его ограбили, взявши Сант-Яго, столицу Хили, где он был начальником артиллерии.

В 11 часов утра отправились мы из Каллао и часа через полтора приехали в Лиму. Дорога широкая, совершенно прямая и ровная, местами песчаная и местами усеянная мелкими камнями. От Каллао до Лимы расстояние 2 испанские лиги (10¹/₂ верст). От Лимы в 2 или 3 верстах начинается аллея: по дороге насажены высокие деревья* в четыре

* Перуанские явы, свойственные только здешней стране.

ряда; между средними двумя лежит широкая, ездовая дорога, а по обеим сторонам узкие аллеи под тенью деревьев для пешеходов. Подле города на левой стороне находится публичный сад, чрезвычайно пространный и наполненный разного рода плодоносными деревьями, а на правой стороне целые рощи апельсиновых и лимонных деревьев.

Провожавший нас подполковник Плато — здешний уроженец, но воспитан и служил в Испании. Он был в плену у французов, от них ушел в наш корпус генерала Сакена и был знаком со многими русскими, о коих относится с большою похвалою и благодарностью. Он человек ласковый и словоохотливый: дорогою объяснял он мне все, что встречалось нашим глазам, называл все загородные дома и сказывал, кому они принадлежат. Не было ни одного из них, который можно было бы даже назвать изрядным, не только хорошим, или красивым, и дорога здесь вообще кажется пуста и дика: кроме аллей, о коих я выше говорил, не видали мы ничего стоящего внимания.

При въезде в город находятся большие каменные ворота, довольно хорошо сделанные и украшенные столпами дорического ордена⁸⁵, над коими выставлен герб Испании, окруженный арматурою и надписью, означающею, что они построены при Карле IV, 1799 года. За ними тотчас начинается город, который нисколько не соответствует красоте ворот. Я очень много обманулся в своих ожиданиях, думая найти Лиму красивым городом⁸⁶; но теперь увидел, что нет большего города в целом свете, который бы имел столь бедную наружность: улицы длинны и прямы, но крайне узки и нечисты; домики все одноэтажные и двухэтажные, низенькие, с смешными деревянными балконами, оштукатурены и выбелены, но так дурно, что все они кажутся запачканными в грязи. Почти перед каждым из них есть маленький дворик, имеющий вход с улицы узкими воротами. В воротах сих по стенам на обеих сторонах грубо нарисованы какие-нибудь фигуры, по большей части конные солдаты на лошадях с обнаженными саблями, как бы на ча-

сах тут стоящие. Церкви велики, но невысоки и украшены снаружи множеством колонн и резьбы, без всякого вкуса расставленных.

Проехав тремя улицами, выехали мы на большую площадь, весьма нечистую и наполненную съестными припасами: мясо, зелень, плоды — все здесь продается. Тут рынок, и кто бы мог вообразить, что сие запачканное место было главною площадью города? На одной стороне ее стоит соборная церковь, на другой — вицeroйский дворец, в котором также и присутственные места; а против собора и дворца, сказать по-нашему, гостиный двор: большое здание в два этажа с галлереями, где продается всякая всячина.

Когда мы подъехали к вицeroйскому дворцу, встретил нас военный чиновник в мундире с двумя эполетами. В сенях стояла во фронте стража, состоявшая из нескольких гренадеров. У входа в первую залу были на часах два человека, одеждой не похожие на людей военных, но с алебардами; в первой зале находилось несколько чиновников, а во второй сам вицeroй* с большим числом разных особ, в мундирах и во французских кафтанах. Вицeroй, ни слова не говоря, повел меня во внутренние комнаты, а за нами пошли и прочие. Пройдя комнаты три или четыре, пришли мы в большую залу, весьма богато убранную, в которой на стене висели образ и портрет короля; под ними поставлены были большие кресла, а по сторонам два стула. Вицeroй сам сел на софу, на которую и меня посадил, а подле меня велел сесть одному чиновнику в шитом кафтане и с орденами, которого он называл *Senor Intendente*⁸⁸. Сей интендант говорил по-французски и должен был переводить наши разговоры. Всех прочих, как наших офицеров, так и своих чиновников, вицeroй пригласил сесть поодаль.

Сначала вицeroй спросил меня о моем здоровье и счастливо ли я дошел до сего порта. Дав на это ответы, я просил интенданта поблагода-

* Он был в синем мундире с красными, богато вышитыми золотом воротником и лацканами; на левой стороне имел две звезды, а через плечо ленту ордена Изабеллы католической⁸⁷.

рить его за предложение своих услуг и за весьма лестное письмо, коим он меня удостоил. После спрашивал он меня о европейских новостях, о Рио-Жанейро, как мне нравится здешняя страна и пр., и, поговорив с полчаса, пригласил нас к вице-ройше. Тогда мы пошли далее внутрь покоев и вошли в большую залу, где она сидела с 4 или 5 кавалерами, одетыми в шелковые голубые кафтаны одного цвета и покроя и в башмаках: это были придворные кавалеры вице-роя. Вицeroй нас ей представил, и так как она, кроме испанского языка, другого не знает, то разговор наш и не был продолжителен. Она была в простом шелковом, полотом платье, но вся в богатейших жемчугах и драгоценных камнях и сидела на креслах, имея под ногами малиновую бархатную подушку с золотыми позументами.

Морские купанья в Каллао.
Рисунок Тихонова.

В 2 часа пошли мы за стол: вице-ройша шла впереди*, за ней дочь ее (молодая женщина, жена генерала, находящегося в Хили), потом вице-рой, подле него я, а за нами офицеры наши** и все прочие. Пройдя несколько комнат и большую галерею, находившиеся подле самого сада, вошли мы в столовую залу. Вицeroй сел на переднем конце стола; по правую сторону села вице-ройша, а меня посадил он подле себя по левую сторону; на другом конце против него сидела дочь его; подле нее президент⁸⁹ и другой какой-то знатный чиновник; подле меня сидел генерал, командующий здешними войсками; он был у нас переводчиком. Офицеры наши сидели в разных местах. Всех за столом было человек тридцать, в том числе одна

* Я прежде спросил у Абадиа, в обыкновении ли здесь водить дам к столу, как в Европе; но он мне сказал, что это здесь совсем не водится, а они всегда ходят впереди сами по себе, кавалеры же за ними.

** Нас всех было 5 человек.

духовная особа. Столовый прибор был не вице-ройский: простая фаянсовая посуда, серебряные ножи и вилки. Стол состоял из множества блюд, приготовленных в испанском вкусе: жирно и с чесноком. Говядина, ветчина, сосиски, голуби, индейки, разные другие птицы и пр. были приготовлены в соусе и жареные; много зелени, плодов разного рода: но рыбы совсем не было⁹⁰. Вино было только красное, и им не потчевали: всякий наливал и пил, когда и сколько хотел.

После стола пошли мы тем же порядком в прежнюю комнату, где подали кофе, ликер и сигары. Через час после того, узнав от Абадиа, что уже время нам отправиться, потому что испанцы после обеда отдыхают⁹¹, мы встали и откланялись. Вицeroй проводил нас через две залы и велел сказать, что дворец и стол его всегда

к нашим услугам, что мы можем видеть все в городе и он даст повеление показать нам все его достопамятности.

В вицеройском дворце многие комнаты убраны очень великолепно, а другие, напротив, слишком просто. Мне показалось самым лучшим и пристойным украшением изображение в человеческий рост богини правосудия, нарисованное довольно искусно на дверях вицеройского кабинета; впрочем, может быть, богиня и не всегда помогает своими советами!

От вицеры пошли мы в соборную церковь. Огромное здание сие нимало не походит на деревянное: снаружи множество колонн и резьбы; внутри редкого ничего нет, кроме несметного богатства. В главном храме — алтарь круглый, весь из серебра; колонны в два ряда, балюстрады, подсвечники, лампы, пьедесталы под изображениями святых — все серебряное, и многие сии изображения также из серебра.

Из собора пошли мы в дом Абадиа, потом, к вечеру, я с двумя офицерами в вицеройском экипаже, а прочие в других каретах, отправились в Каллау, заехав прежде в Лиму на минуту к адмиралу, начальствующему здешними морскими силами, который сего утра присылал от себя офицера поздравить меня с прибытием. Проезжая по аллее, о которой я выше упоминал, мы видели по обеим сторонам дороги очень много прогуливающихся как дам, так и кавалеров, из коих многие нам кланялись. В 6-м часу вечера возвратился я на шлюп, проведя день весьма приятно.

Февраля 11-го я во весь день был на шлюпе: мы возили воду и дрова. Примечательного ничего не случилось; посетителей было очень мало; накануне, 10-го числа, по случаю воскресного дня, во весь день беспрестанно приезжали из Лимы дамы и кавалеры видеть наш шлюп. Офицеры, оставшиеся на оном, сказывали, что одна партия, состоявшая из нескольких дам и кавалеров, приехала с гитарами. Посмотрев шлюп, они сели на шканцах и просили позволения потанцевать. Нашим офицерам это показалось очень странным, но бывший тут ирландец сказал им, что

здесь так водится и что партия состоит из людей благородных. Они танцевали по-двое, кавалер с дамою, какой-то испанский танец. А вчера вечером, когда некоторые из наших офицеров прогуливались на берегу, один богатый испанец пригласил их к себе, сказав, что у него сего вечера собрание благородных людей, приехавших из Лимы*. Офицеры нашли там очень много дам и танцевали.

Мы вообще заметили, что испанцы весьма учтивы и приветливы, и кажется, что они особенно хорошо расположены к русским. Другие европейские народы нередко имели с ними вражду, грабили, разоряли их и подрывали их торговлю. Россия же никогда ни в чем им не вредила, а напротив того, последнею войной с Францией она содействовала избавлению их от чужеземного ига; они в этом и сами признаются и считают себя обязанными русскому императору. Большая часть посетителей приезжали на шлюп для того, чтоб видеть портрет его величества, стоявший у меня в каюте.

Февраля 12-го в 10-м часу утра отправился я, взяв с собою трех гардемаринов**, из Каллау в Лиму; мы поехали в двух наемных экипажах, заложенных каждый двумя лошадьми. Сии повозки на двух колесах называются здесь балансины (Balap-

* Из Лимы всегда приезжает много посетителей в Каллау; они пользуются здесь морскими ваннами.

** Один из них, Феопемт Лутковский, был во все время нашего путешествия всегдашним моим спутником в таких поездках; он один знал довольно хорошо английский язык, известный во всех приморских местах, европейцами населенных, и приносил мне большую пользу и помощь. Здесь кстати заметить, что в путешествия такого рода необходимо нужно назначать офицеров и гардемаринов, знающих чужеземные языки, но, к несчастью, по неизъяснимой странности, дворяне наши, определившие себя жить в России, знают разные языки и не иначе хотят друг с другом говорить, как по-французски, а из служащих во флоте весьма мало таких, которые знали бы один или два языка, хотя им часто случается быть за границей, где как по делам службы, так и для собственного удовольствия должны сии обращаться с иностранцами. Если бы кадеты морского корпуса понимали, как стыдно и больно офицеру, находящемуся в чужих краях, не знать никакого иностранного языка, то употребляли бы все возможное старание на изучение оных.

сип). Во всю жизнь мою я не выдывал экипажей смешнее, грязнее и беднее здешних; те, в которых у нас в Петербурге возят актеров, могут назваться почти великолепными в сравнении с римскими наемными каретами: снаружи они сколько возможно замараны, так что едва цвет краски приметет; внутри все, чем они были обиты, оборвано, и остались одни голые доски, и те все в пыли, паутине; на двух колесах и без рессор, они очень тряски и для лошадей тяжелы; лошаки же — только что кожа да кости, в оборванной упряжке. Кучер — негр, сидит верхом, будучи, буквально говоря, прикрыт только рубищем, сквозь которое лоснится в разных местах черное его тело; полуобутый, небритый — и ко всему этому привязаны веревкою или ремнями ужасной величины шпоры. В таких экипажах шествие наше в Лиму было инкогнито: мы были в партикулярных платьях.

Приехали мы около полудня прямо к Абадиа. Поговорив с ним о делах, касательно снабжения шлюпа всем нужным и распорядив все таким образом, чтоб в будущее воскресенье (17 февраля) мне можно было отправиться в путь, пошли мы с ним смотреть город. Он нас водил в три монастыря: Милосердия, св. Августина и св. Доминика. Все они чрезвычайно велики, в два этажа, имеют по 8 и по 4 двора внутри, кругом коих строение в обоих этажах с пространными галлереями. Здания сии, по огромности своей, более походят на казармы, чем на монастыри. Внутри их очень чисто; церкви же наполнены богатствами: алтари из чистого серебра. Самый богатый алтарь во всей Лиме мы видели в монастыре св. Доминика, посвященный богоматери Росарии (de Rosaria); он стоит по правую сторону главного алтаря. В нем, в весьма высокой церкви, от полу до потолка нет ничего, кроме серебра: колонны, пьедесталы, балюстрады, все верхние и нижние украшения, лампы, подсвечники, изображения святых — все из серебра. Венцы на богоматери и на Иисусе, которого она держит в руках, украшены множеством самых редких драгоценных камней, равно как и ризы. Самый огромный монастырь

здесь св. Франсиска, но мы не ходили его смотреть, потому что, кроме величины, он ничего примечательного не имеет. Мы хотели видеть женские монастыри, но нам сказали, что туда вход всем мужчинам строго запрещен. В Лиме мужских и женских монастырей не менее, как и во всяком другом испанском городе одной с ним величины.

После монастырей ходили мы смотреть реку Римак, текущую через город, недалеко от вицeroйского дворца и подле самого монастыря, принадлежавшего иезуитам. Река очень не широка: не более, я думаю, 50 сажень, но чрезвычайно быстра; через нее сделан нарядный каменный мост.

Обедали мы у Абадиа. В звании первого фактора Филиппинской компании, живет он с прочими ее служителями в весьма большом доме, ей принадлежащем. Каждый из них имеет свои особенные комнаты, но все пользуются общим столом, который сегодня был очень недурен и, что удивительно, противу испанского вкуса: ни в одном блюде не было чесноку.

В 5 часов вечера мы поехали из Лимы и едва, на тощих конях, дотащились до Каллао и уже вечером поздно приехали на шлюп. Тут я узнал, что некоторые из тех господ, с которыми я познакомился у вице-роя, приезжали посетить меня.

Февраля 14-го в 8-м часу утра я с некоторыми из наших офицеров и гардемаринов отправился в Лиму смотреть артиллерийский арсенал и монетный двор, которые, по приказанию вице-роя, должно было нам сегодня показать. Приехали мы прямо к Абадиа, с которым я сначала пошел к вице-рою, чтоб ему откланяться и благодарить за его хорошее к нам расположение. Однакож он не хотел сегодня со мною прощаться и уговорил меня, чтоб я в субботу (16-го числа) приехал к нему обедать запросто в семейном кругу.

После осматривали мы арсенал и монетный двор: оба сии заведения, в сравнении с европейскими, заслуживают весьма мало внимания. В арсенале находятся и казармы артиллерийских служителей; в них довольно чисто и опрятно; но это все

было приготовлено. Офицеры в богатых парадных мундирах, солдаты в чистом платье, по казармам все уложено и вычищено — все сие ясно показывало, что велено было приготовиться, чтоб нас принять. Впрочем, маленький литейный завод, на котором льют мортиры и пушки из меди, привозимой из Хили; оружейная, где почищают старые ружья и приделывают замки и ложки к стволам, привозимым из Европы; рабочая, где делают лафеты из некоего рода здешнего весьма крепкого дерева; литейная пуль и другие маленькие заведения — вот все, что составляет существенное достоинство лимского арсенала, а остальное ничего не значит. Орудий больших и мелкого, как огнестрельного, так и ручного, оружия очень мало. Достойною замечания, а может быть, и подражания показалась мне зала, где преподаются артиллерийские науки; в ней на стенах развешаны большие планы и профили почти всех фортификационных и артиллерийских предметов в соразмерной величине, так что учащийся, куда ни взглянет, везде видит что-нибудь, до его службы касающееся, и столь явственно, что получит, конечно, какое-нибудь впечатление.

Монетный дом достопамятен только по множеству миллионов золота и серебра, чрез него из Америки в Европу перешедших. Прежде выливание слитков, вытягивание оных, резьба и пр. производились посредством деревянных колес, грубо устроенных; ныне же употребляются литые машины, деланные в Англии; старые остались целы, хотя без употребления. Завод действует водою. Особенно замечательно в нем то, что серебро в больших и малых кусках везде разбросано, и кажется, никто не думает, чтоб золотник оного мог быть украден. Это не то, что в Европе, где ноги надобно оскоблить при выходе. Мастерские и работники на монетном дворе негры, кроме надзирателей, которые все белые.

Ныне каждый день вырабатывают на нем 10 200 пиастров, но не всегда бывает серебра достаточно, потому что самые богатейшие рудокопни потопило водою, и недавно только привезли из Англии паровые машины для осушивания оных. Казначейство

также пусто; в нем уже нет тех миллионов, которые прежде сыпались из него в Европу. Испанцы рассказывают, что прежде они так мало дорожили серебром и так не берегли его, что однажды отправили в Европу на одном фрегате 10 миллионов пиастров⁹²: в других государствах с такою суммою послали бы целую эскадру.

16 февраля, в 9 часов утра, отправился я в Лиму за город смотреть пантеон — здесь так называется городское кладбище. Здание и место, сами по себе, ни в каком отношении ничего не значащие; но испанцы удивляются оному и показывают иностранцам за нечто редкое и необыкновенное. Пантеон сей состоит в круглом здании весьма посредственной вышины и обширности, с двумя небольшими флангами; над серединою здания маленький купол, под коим стоит катафалк самой простой работы; а на оном стеклянный гроб, в коем лежит восковое, очень неискусно сделанное изображение Христа Спасителя. На плафоне купола написана картина посредственной работы, представляющая ангелов, херувимов и серафимов, парящих в разных видах.

При сем здании находится пространное место, окруженное высокою оградой. Место это есть общее городское кладбище, на котором нет, однакож, никаких памятников, ни надгробных камней, как то в других местах бывает. Для погребения людей достаточных, которые в состоянии заплатить 200 пиастров за место, сложены кирпичные стены по несколько сажен в длину, футов до семи в высоту и столько же в толщину. В стенах сих сделаны в три ряда пустые места, снаружи подобные печным устьям и почти во всю толщину стены, величиною же в отверстия так, чтоб гроб мог войти. Поставив в такое место гроб, закладывают отверстие кирпичом и замазывают глиною; иногда делают надпись или эпитафию; но гораздо чаще ставят номер, по которому всегда можно в книге приискать, кто тут погребен. Когда места во всех стенах наполнятся, то давно погребенных вынимают и кости их кладут в общую могилу, а места остаются для новых покойников. Бедных же людей зарывают просто в землю.

Недалеко от кладбища есть пороховой завод, который мы весь осматривали; он принадлежит одному частному человеку, сделавшему договор с правительством поставлять порох в казну по известным ценам. Вся работа на сем заводе производится водою, и, кажется, все в нем весьма хорошо устроено и работа идет успешно. Пороху на нем каждый год делается 10 тысяч квинталей (от 25 до 30 тысяч пудов). Вицерой сказывал, что здешний порох не уступает добротой английскому и что во время нашествия французов на Испанию отправлено его туда из Лимы 12 тысяч квинталей. Серу на сей завод привозят из Хили, а селитру делают недалеко отсюда. Замечательна мне показалась неосторожность испанцев: там, где порох мелется в зерна и полируется и где он просушивается, пол выложен камнем, по коему валяются мелкие камешки, легко могущие, ударившись между собою от движения ходящих по заводу, дать огонь и поднять все огромное и многих тысяч стоящее заведение в один миг на воздух.

Обедал я сегодня, по прежнему предложению, у вицероя, хотя он сам был болен и не выходил к столу. Вицеройша нас угощала за семейным столом; посторонних было мало. Вицеройша, именем своего супруга, вручила мне в подарок трость, сделанную из черепаховой кости с золотыми набалдашником и наконечником, и просила принять ее в память моего здесь пребывания и знакомства с ними.

Вечером, в 6-м часу, возвратясь на шлюп, нашел я, что почти все нужные нам к походу вещи доставлены и

остановки к отправлению в путь никакой не последует.

Февраля 17-го с восхождением солнца стали мы готовиться к походу. Между тем послал я офицера к капитану над портом и к коменданту поблагодарить за хороший прием и ласки, от них нам оказанные. Притом велел с комендантом объясниться о салюте: он сказал, что будет отвечать равным числом выстрелов. Около половины дня приехал Абадиа с некоторыми из своих приятелей и купцы, ставившие нам разные вещи, с своими счетами. С сими господами мы часа два рассчитывались и расплачивались; наконец, в 3-м часу пополудни приятели наши, испанцы, нас оставили, и мы тотчас снялись с якоря и пошли с рейда. Тогда я салютовал крепости семью пушечными выстрелами, на которые, однакож, крепость не отвечала, а с испанского фрегата выпалили из трех пушек. Видев, что крепость не отвечает, я воротился на рейд и послал офицера сказать коменданту, что мы ожидаем салюта. Коль скоро офицер объявил ему, за чем он прислан, то с крепости тотчас отвечали нам семью же выстрелами, и офицер, возвратясь, объявил, что комендант много извинялся и жалел, что задержал нас: виною сему поставлял он морского начальника, который взял на себя возвратить нам салют. Узнав теперь, что этот дерзкий испанец, командир фрегата, нам отвечал тремя выстрелами, я велел выпалить из трех пушек, в знак, что отвечаю на его салют. Разделавшись таким образом с испанцами в сем пустом, впрочем необходимом деле, в 5-м часу пошли мы в путь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Замечания о Лиме и Перу

Лима, столица Перуанского королевства⁹³, основанная известным в истории нового света Пизарро⁹⁴ в 1535 году, лежит на западном берегу Америки при Великом океане*, под

* Море сие я называю Великим океаном, следуя Флиорье⁹⁵. Вообще же оно известно географам и мореплавателям под именем Тихого или Южного океана: то и другое из сих названий даны ему очень несклади. Испанцы называли оное Тихим, по-

широтой южною 12°02' и долготою западною 76°54' от Гринвича. Город сей расположен в 10¹/₂ верстах от морского берега, где стоит порт Каллао, на возвышенной равнине, у

тому что оно у берегов только тихо, а вдали от них столько же в известные времена бурно, как и все другие моря; а название Южного оно от них же получило, ибо они в первый раз увидели оное к югу с западного берега Дарьенского перешейка⁹⁶.

подошвы горного хребта одной из отраслей Кордильерских. Высокая гора, называемая горой св. Христофора, находится подле самого города. Лима, будучи одним из богатейших городов в свете, имеет самые бедные строения; он расположен правильно, так что все улицы пересекаются в прямых углах, и между ними находится несколько площадей, но улицы очень узки; дома, большею частью одноэтажные, есть много и двухэтажных, но в сравнении с первыми их мало. Строение вообще все деревянное, только оштукатурено и выбелено, так что оно кажется каменным, в самом же деле каменные только одни фундаменты. Сильные землетрясения заставляют жителей в своих зданиях, вместо кирпича или камня, употреблять лес. Испанцы здесь так искусны в сем роде строения, что самые огромнейшие здания они сооружают из дерева. Но ни одно из них не заслужило бы никакого внимания в большом европейском городе, разве только дворец по своей обширности: он занимает целый квартал и вмещает в себе как жилище вицерея со штатом, так и все присутственные места. Монастыри также чрезвычайно обширны, но самой простой архитектуры; внутри каждого из них есть по нескольку дворов и кругом идут пространные галереи против каждого яруса, как у нас в гостином дворе. Через реку Римак, текущую сквозь город, сделан каменный мост; жители здешние, не бывавшие никогда в Европе, показывают его как чудесное произведение зодчества; в самом же деле он не заслуживает того, чтоб об нем и говорить.

Весь город обведен высокою стеною, сложенной из необожженного кирпича, или, лучше сказать, из глиняных четырехугольных кусков, на солнце высушенных. Так как в Лиме никогда не бывает дождей*, поему

* Сие явление достойно внимания физиков. Кажется, что оно никогда еще не было изъяснено удовлетворительным образом. В 25 или 30 верстах от Лимы в горах часто бывают проливные дожди, а в Лиме ни дождей, ни грома не бывает. По здешним летописям видно, что гром с самого основания Лимы до сего года случился только 3 раза: в 1552 году молния два раза в одну ночь блеснула с громом, в 1802 году в ночь с 19 на 20 апреля слышны были 8 или 9 ударов, и 1804 года апреля 12 было 7 ударов.

такого рода стены здесь довольно крепки и во всеобщем употреблении: они служат оградами дворам, садам, разделяют поля, и даже многие загородные домики и хижины сложены из такой глины. Стена сия имеет 4 или 5 ворот. Двое из них я видел: они построены из кирпича с колоннами и выкрашены; ворота сии могут назваться изрядными.

Внутри домов людей зажиточных есть пространные дворы и даже сады. Убор и мебели в покоях все старинного вкуса, но чрезвычайно богаты: вместо обоев дорогие шелковые материи; занавесы у окон также шелковые с золотыми кистями, и мебели из редких дерев с резьбою и часто бывают вызолочены. Мне случилось быть в четырех домах, в которых я видел такое старомодное великолепие. Монастыри и церкви лимские, по справедливости, славятся своим богатством: они, можно сказать, наполнены дорогими металлами.

Область Перу испанцы называют Перуанским королевством (El Reyno del Peru); она составляет одно из четырех вицерайств, на кои разделяются все испанские владения в Америке.

Каждая из сих областей управляется вицерою почти с неограниченною властью. Вицери один от другого не зависят. Испанцы в шутках называют их маленькими королями, и действительно, они походят на королей: имеют свой придворный штат, свою гвардию, огромные дворцы и пр. Назначаются они на сей важный пост на пять лет, но иногда остаются и долее. Жалованье перуанского вицерея 60 тысяч пиастров (300 000 рублей) в год; сверх того, он имеет еще другие выгоды: одна из них та, что он не нанимает необходимого по его званию множества слуг, а употребляет способных солдат своей гвардии в домашние услуги. Титул перуанского вицерея есть следующий: «высокопревосходительный вицери, губернатор и капитан-генерал королевства Перуанского».

Главное правительственное место в Перу, называемое королевской аудиенцией⁹⁷, состоит из множества разного звания чиновников, не имеющих, однакож, почти никакой власти, которая вся заключается в вицерию.

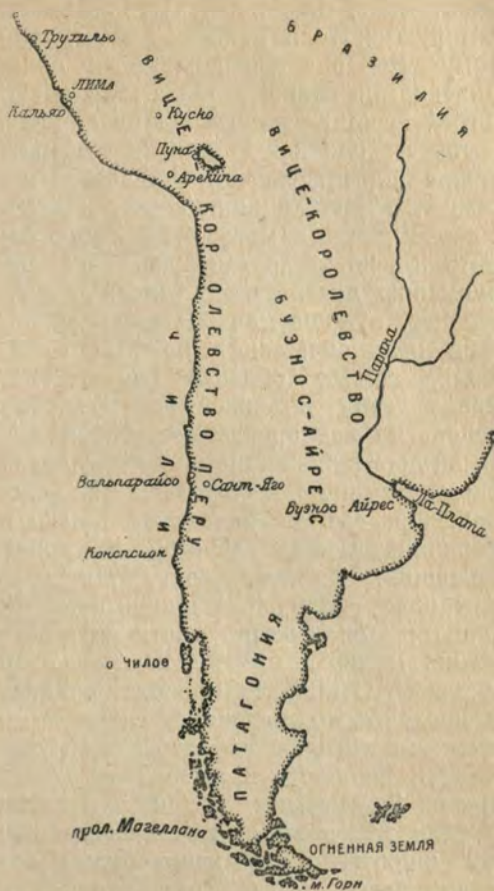
Кроме того, есть много других присутственных мест, заведывающих разными частями, к управлению области принадлежащими. Все сии места наполнены чиновниками, получающими большое жалованье.

Церковными делами управляет архиепископ лимский. Он есть первая духовная особа в Перу. Звание сие весьма важно, оно почти равняется с вицерайским. Жалованье архиепископа получает такое же, какое определено вицераю. К духовному правлению принадлежит также и святая инквизиция⁹⁸, в Лиме находящаяся; в ней членов бывает 3 и 4, из коих каждый получает жалованья 4 тысячи пиастров (20 000 рублей) в год за то, чтоб ничего не делать. Кроме архиепископа, в здешнем вицерайстве есть еще 5 епископов, а монахов, монахинь, простых священников и миссионеров такое множество, что на вопросы мои о числе оных испанцы отвечали, что нет возможности перечесть их.

По случаю возмущения южных провинций ныне привезено из Испании несколько войск, которые и употреблены в Хили. В обыкновенное же время военная сила, в Перу содержащаяся, очень незначительна и большую частью состоит из нерегулярных войск.

Содержание войск в Перу должно стоить чрезвычайно много испанскому правительству, ибо, кроме дороговизны съестным припасам, солдатам дается весьма большое жалованье: здесь каждый рядовой получает 18 пиастров (90 рублей) в месяц.

Лима по географическому своему положению находится в самом жарком поясе, однакож местные свойства не только делают климат здешний сносным, но даже и приятным. Почти беспрестанные туманы, покрывающие здешние берега, и каждый день с моря дуящие ветры уничтожают действие вертикальных лучей солнца и прохлаждают воздух, а особливо в зимние или те месяцы здешнего полушария, когда светило сие находится по северную сторону экватора. Тогда туманы продолжаютя по несколько дней сряду и скрывают солнце от глаз жителей. В то время здешние уроженцы жалуются на холод, а европейцы нахо-

дят теплоту самую умеренную. Мы были здесь в феврале месяце, который соответствует августу нашего полушария, и несносных жаров не чувствовали. Сухие туманы были весьма часто, и свежий прохладительный ветер дул ежедневно с моря от 10 часов утра до захождения солнца; термометр на шлюпе один раз только в 8 дней показывал по Реомюру $23\frac{1}{2}^{\circ}$; обыкновенное же его стояние было на 16, 17 и 18° . На берегу теплота несколько более, но по наблюдениям, в Лиме производимым, видно, что термометр летом в феврале месяце, который бывает здесь самый жаркий, редко поднимается выше 22° , а зимою (в июле) опускается до 9° . Дождей здесь, как то я выше упоминал, никогда не бывает, но выпадающая всякую ночь большая роса доставляет прохлаждение воздуху и плодотворную силу полям, которые в окрестности Лимы производят в изобилии разных родов огородные растения и древесные плоды.

Земля здешняя в изобилии производит маис, или индейскую пшеницу, которую жители наиболее сеют, потому что она употребляется в пищу индейцами. Они составляют из нее и питье, весьма похожее на наш квас, которое, однакож, сильно слабит; также кормят маисом лошадей, лошаков, ослов, домашний скот и птиц. Впрочем, земля могла бы производить и всякий другой хлеб, но, по неимению достаточного числа хлебопашцев, нужное для здешней провинции продовольствие привозили из Хили, доколе область сия не объявила себя независимую, и потому теперь на все произведения, которые были доставляемы оттуда, последовала здесь страшная дороговизна. Но плодородная земля находится только в равнинах, между горами и морем лежащих, а где начинаются горы, там пойдут дикие, бесплодные места; ибо горы сии состоят почти из голого камня и верхи их покрыты снегом и льдом. С них лед привозят в Лиму и продают по мелочам, сверх того разносят лимонад со льдом на улицах и подают в кофейных домах и пр. Я удивился, когда у вицероя подали за столом мороженое: под 12° широты такая вещь чудо. Торговля льдом здесь на откуп; откупщики платят правительству в год по 30 тысяч пиастров (150 000 рублей), и сии деньги идут к вицерою в счет его жалованья.

Хотя съестные припасы здесь дороги, но в них недостатка нет: мне случилось ездить в Лиму рано поутру, и я всегда видел множество поселен обоего пола, гнавших туда, можно сказать, табуны ослов, навьюченных зеленью, плодами и пр., кои они везли туда на продажу; рынки я всегда находил наполненными всякого рода живностью и другими, к пропитанию служащими, потребностями. Дороговизна сия, вероятно, происходит оттого, что здесь денег слишком много, и если пришедший сюда корабль станет платить за все ему нужное деньгами, как то мы должны были делать, служа на военном судне, то ему здешние цены покажутся чрезвычайными; но если бы он стал выменивать на товары, тогда он во всем нашел бы дешевизну, потому что европейские товары поку-

паются здесь по непомерно высоким ценам. Должно, однакож, знать, что иностранными кораблям не позволено сюда приходить для торговли; об этом я буду говорить ниже сего.

Сколь ни плодородна земля долин перуанских, но испанцы не в них находят свои выгоды: горы бесплодные и обнаженные заключают в себе сокровища, которые привлекли их сюда из Европы; может быть, в целом свете нет таких богатств серебряных руд, как в Перу.

Сверх казенных рудокопен, всяк из подданных испанского короля вправе разрабатывать мины дорогих металлов, платя известную часть с добываемого количества. Многие из испанцев сим правом пользуются с большою выгодною. Возмущения, случившиеся в Верхнем Перу⁹⁹, и вода, затопившая некоторые из самых богатых мин, произвели большую остановку в добывании серебра, так что лимский монетный двор часто бывает без дела. Для осушивания мин некоторые из частных владельцев прибегли к паровым машинам.

Объявление себя независимыми жителей Буэнос-Айреса и Хили¹⁰⁰ сделало чрезвычайную расстройку в Перу и произвело на все потребности жизни непомерную дороговизну, кроме соли, которой здесь чрезвычайное изобилие в соленых озерах. Во-первых, Хили снабжала Перу хлебом (пшеницею), пенькою, селитрою, медью и пр. (даже горчицу из Хили привозили); а также негров, коих испанцы покупали в Рио-Жанейро¹⁰¹ или на африканских берегах, нельзя было иначе доставлять в Перу, как через Хили*; ибо если бы вздумали везти их морем, то у мыса Горн они все померли бы от холода и бурь. Теперь же все сии пособия пресекались, а сверх того, республиканские крейсера разъезжают подле самых портов и перехватывают идущие в них и из них суда, отчего приходящие из Европы купцы стараются вознаградить потерю свою наложением на товары превысоких цен.

Республиканские крейсера так

* Их привозили обыкновенно в Буэнос-Айрес, откуда вели сухим путем в Хили¹⁰² до порта Вальпараисо; всего расстояния 400 лиг (несколько более 2000 верст), а оттуда перевозили морем в Перу.

деятельны и смелы, что недавно один из них взял у самого Кадикса корабль, принадлежащий Филиппинской компании, шедший из Индии с товарами; он стоил 80 000 пиастров, или 4 миллиона рублей. Напротив же того, королевские морские силы и малы и слабы: в Перу не более двух или трех весьма плохих фрегатов и столько же и таких же шлюпов. Один из их фрегатов блокировал Вальпарайсо, когда шла туда военная корветта северных американских областей, по имени «Онтарио», под командою капитана Биделя (Biddle); капитан испанского фрегата объявил ему, что порт в блокаде и чтоб он туда не ходил, но Бидель ему отвечал, что если он хочет его остановить, то пусть сделает это силою, которую он отражать будет, а слов его не послушает, и вошел в порт. Испанец не осмелился употребить силы.

Подходя к Лиме, мы сами видели подле сего порта два республиканских судна (бриг и шхуну), а испанское правительство не имеет здесь военных судов, чтоб держать в границах толь слабые силы, каковы теперь у республиканцев. Ныне крейсеров сих большею частью вооружают граждане Соединенных областей Северной Америки на свое иждивение и, получа патент от правительства Буэнос-Айреса, чтоб корабль их был признаваем принадлежащим сей новой республике, разъезжают они под ее флагом по всем морям, где есть испанцы, и чинят над ними поиски, получая от призов величайшую выгоду. Флаг сей республики в Европе еще неизвестен; он состоит из трех равной ширины поперечных полос: белой в середине и двух синих по краям.

Торговля перуанская могла быть весьма значительна, если бы она была открыта европейцам или если бы сами испанцы были так деятельны, как англичане; но теперь она находится в совершенном стеснении. Известно, что испанское правительство в своих владениях вне Европы строго держится колониальной системы и не позволяет никаким чужестранным кораблям входить туда для торговли. Весь же торг должен быть производим испанскими подданными и на испанских судах; лишь Манила

на Филиппинских островах и Гавана на острове Кубе открыты для всех европейцев. По недейтельности и лениности сего народа весьма малое число купцов отваживаются посылать корабли так далеко, и потому можно сказать, что торговля в Америке почти на откуп; притом чрезвычайно большие пошлины служат к немалому ее стеснению. Теперь за все произведения и изделия испанские платится пошлин 12 процентов, а за все иностранные произведения по 36 процентов. Такие стеснения, причиняющие страшную дороговизну, дают повод к весьма смелой и отважной запрещенной торговле, из коей самая значительная производится англичанами из Ямайки¹⁰³ посредством Дарьенского или Панамского перешейка. Служащие при вицееро чиновники сказывали мне, что посредством сей торговли из Перу в руки англичан переходит каждый год от 5 до 6 миллионов пиастров (от 25 до 30 миллионов рублей).

Кроме сей торговли из Ямайки, деятельные агличане и с здешней стороны не упускают случая пользоваться слабостию испанцев. Промышляющие сим ремеслом обыкновенно поступают следующим образом: нагрузив корабль всякого рода английскими товарами, посылают его за мыс Горн на китовый промысел, где он, убив кита или двух и наполнив несколько бочек жиром, идет в перуанский или хилийский порт под предлогом надобности в починках или съестных припасах, а между тем соглашается с здешними контрабандистами, назначает необитаемое место к выгрузке товаров, и корабль отправляется туда, где товары отдает, а пиастры получает. Мы нашли в Лиме одно английское судно, задержанное испанцами за покушение войти в Вальпарайсо. Суперкарг, или приказчик сего судна¹⁰⁴, сам сказывал нам, что когда, подходя к порту, они увидели шедший к ним испанский фрегат, то тотчас вылили пресную воду, оставив лишь одну бочку, и объявили, что крайность заставляет их итти в порт. Опираясь на сие, они требовали освобождения судна, но испанцы, ссылаясь на великое число найденных в судне товаров, утверждают, что оно не по нужде

шло в Вальпарайсо, а для торговли. При нашем отбытии дело сие еще решено не было.

Что же принадлежит до товаров, кои можно брать на обмен из Перу, то оные состоят преимущественно в пиастрах, ибо здесь и серебро можно назвать товаром, и в небольшом числе естественных произведений, кои суть: хина¹⁰⁵, сассапарель¹⁰⁶, хлопчатая бумага, вигонья шерсть¹⁰⁷; но это такие товары, которыми нельзя полное судно нагрузить. Испанские суда часто без всякого груза уходят отсюда в Европу, взяв только за привезенные ими товары вырученные деньги. В нашу бытность в Каллао находилось там судно, готовое итти в Кадикс¹⁰⁸; на нем вместо балласта положено было 600 000 кокосовых орехов, из коих, вероятно, большую половину хозяин должен будет бросить в воду, но все же для него выгоднее хотя часть их довести до Европы в хорошем состоянии, нежели итти с камнями.

Между разными областями испанской Америки, при Великом океане лежащими, почти вся торговля отправляется морем. Высокие горы препятствуют сухопутному сообщению, кроме некоторых только мест в равнинах, близ моря лежащих; а между Перу и Хили вовсе никакого сухопутного сообщения нет¹⁰⁹, ибо Кордильерские горы между сими двумя областями непроходимы. Торговля, которую можно назвать *прибрежною* торговлею, состоит в доставлении из одной области в другую естественных произведений. Только из Панамы¹¹⁰ привозят в Перу разные европейские товары, доставляемые туда из Портобелло¹¹¹, куда привозятся они чрез Атлантический океан из Испании. Американские же области снабжают себя взаимно своими произведениями. Из Хили в Перу доставляли (до возмущения) хлеб, пеньку, медь, серу горючую и пр., а из Калифорнии¹¹² не только хлеб, сало и воловьей кожи, но даже сушеную говядину. Филиппинская компания снабжает Перу изделиями Восточной Индии; на сей конец в Лиме есть фактория сего торгового общества, управляемая двумя факторами, присылаемыми сюда из Испании на 6 лет.

Жители Перу с большою похвалою отзываются о сей стране, так как и поселившиеся здесь испанцы. Они говорят, что их беспокоят только случающиеся часто землетрясения и политика испанского правительства в отношении к своим колониям и что последнее гораздо несноснее первого. Землетрясения здесь и ныне бывают почти каждую неделю раз и два, но весьма слабы и не причиняют никакого почти вреда; а прежде они производили ужасные опустошения и несколько раз знатную часть Лимы превращали в развалины. Самое страшное землетрясение и последнее из столь гибельных случилось в 1746 году в октябре месяце: оно разрушило большую часть города. То же самое землетрясение залило порт Каллао, разрушило в оном крепости и каменный мол, выкинуло на берег и погубило множество судов со всеми их экипажами и причинило во всей провинции ужасные опустошения.

Всему свету известно, что жители испанской Америки имеют полное право жаловаться на политику своего кабинета. Притеснения сии они чувствуют в полной мере; говорят о них открыто и, имея перед глазами пример Буэнос-Айреса и Хили, готовы всякую минуту объявить себя независимыми. Ненависть и презрение их к нынешнему правлению простираются до чрезвычайности. Они говорят, что Перу рано или поздно должен отпасть от Испании¹¹³, но теперь участь его зависит от успеха королевских сил в Хили: если республиканцы возьмут верх, Перу немедленно провозгласит свою независимость и соединится с ними; в противном случае, должно будет подождать благоприятного случая.

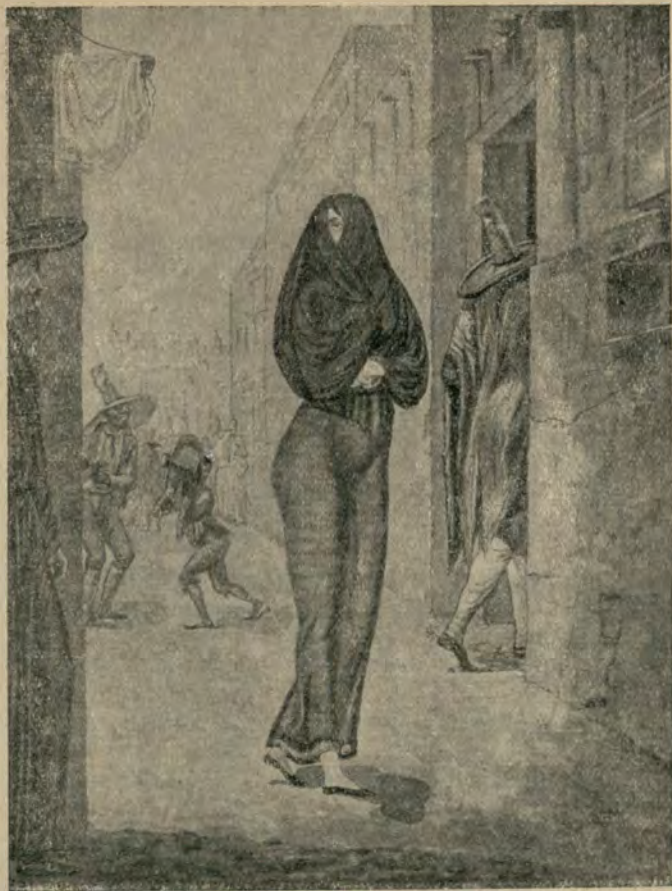
Лимские жители, в надежде на слабость Испании и на помощь одной сильной морской державы¹¹⁴, нисколько не сомневаются в совершенном успехе своего предприятия, коль скоро начнут только действовать. Испания столь бессильна и правление ее в сих странах столь бедственно, что и по сие время не могла она употребить значащей силы против возмущившихся провинций, которым другие, для выгод своей торговли, почти открытым образом помогают, снабжая их оружием и всякого рода военными

снарядами. Королевское правление в Перу весьма слабо: вицерой каждую минуту страшится возмущения; пленных республиканцев, которых Испания признает бунтовщиками и изменниками, содержит он как военнопленных, опасаясь сделать им малейшее насилие, чтоб народ не взбунтовался.

Незадолго до нашего прихода в Лиму был здесь военный фрегат, принадлежащий одной европейской морской державе. Он привозил из Вальпарайсо уполномоченного от возмущившихся для переговора с вице-роем о размене пленных. Прежде нежели сей депутат съехал на берег, капитан фрегата взял с вице-роя честное слово не делать сему уполномоченному никакого насилия. Договор не состоялся, но его возвратили на фрегат, и он оставил в Лиме 10 тысяч пиастров на содержание своих пленных, чтоб они не терпели нужды, а испанское правительство и не думает о

своих поданных, попадающихся в руки республиканцев. Сей поступок послужил очень много в пользу возмущившихся, ибо он весьма большое число здешних граждан привлек на их сторону. Но как объяснить поступок капитана, согласившегося на военный королевский фрегат взять посла от возмущившихся провинций, которых независимость ни одна держава еще не признала? Неужели он сделал сие без воли своего правительства? И не значит ли это, что сия держава таким образом намекает уже перуанцам, что она готова признать всю испанскую Америку свободною и независимую нацию, и не только признать, но и помогать ей? Ибо сей поступок: привезть бунтовщика и обязать законную над ним власть в сохранении его безопасности есть прямая и действительная помощь.

Весьма сомнительно, чтоб Испания когда-либо в состоянии была покорить опять Америку. Вопрос только остается:

Перуанская дама.
Рисунок Тихонова

будут ли начальники возмущившихся провинций так умны и единомысленны, чтоб удержать целостность всех своих владений, дабы из оных составить одну республику или королевство, буде пожелают избрать короля, а не раздробляться на разные, независимые одна от другой области? ¹¹⁵ В первом случае западные американцы скоро сделались бы сильным и богатым народом, ибо области их в недрах своих имеют все нужное к соделанию их торговою, богатою и великою нациею. В разных портах сих провинций много леса, годного для кораблестроения, и есть все для сего необходимое; в Гваяквиле ¹¹⁶ строятся фрегаты, а в 1752 году и линейный корабль был построен.

Отдаленность верховного правительства, слабость оного и неудовольствия против него здешних жителей причиною, что в Америке дела идут не так хорошо, как бы шли они, если бы здесь была независимая нация:

тогда было бы больше усердия, деятельности и привязанности к правительству. Теперь в Перу нет никакой полиции; даже между Лимой и портом Каллао ночью опасно ездить, чтоб не ограбили и не убили. Это здесь нередко случается, и правительство никаких мер к истреблению зла сего не принимает; когда же грабежи и разбои слишком распространятся, то иногда частные молодые люди из хороших фамилий составят вооруженный отряд и пустятся за славою на полицейское поле чести: ловить воров. Когда их поймают, то правительство осудит и накажет, но само не ловит.

Между Перу и Бразилиею обитает варварский лютый народ¹¹⁷, который почитается самым злым и жестоким во всей Америке и который причиняет много вреда жителям внутренних стран в Перу. Если сии индейцы поймают испанца, то он в их руках никогда ранее трех или четырех дней не умирает; в сие время они держат его привязанного и рвут в разных частях его тело маленькими кусочками, чтоб более продлить мучение его и варварское свое удовольствие, видя его терзания. Правительство против сего народа также не принимает никаких мер, потому что такие меры были бы сопряжены с большими издержками, и трудами*, а управляют страню испанцы, которые, побыв здесь несколько лет, возвращаются в Европу и не думают о Перу, в благоденствии коего они не принимают ни малейшего участия.

Индейцы, живущие между испанскими селениями, смирны и покорны, но не забывают древнего своего состояния. У Абадиа есть престарелый слуга из сего рода, он происходит

от поколения инков¹¹⁸. Когда он ходит закупать для своего господина съестные припасы в рынок, куда индейцы привозят всякую всячину, то они оказывают ему, по их обычаю, почтение, как принцу, потому что их государей. Индейцы, живущие в соседстве Лимы, занимаются земледелием и рыбною ловлею, и уже не так честны, как предки их были: двум рыбакам я заказал привезти рыбы; им же заехать на шлюп было по дороге, но они запросили с меня впятеро дороже той цены, по которой рыба сия продавалась в Лиме, куда им надобно было бы везти ее на осле 10½ верст, вместо того, что мне продали бы ее, не приставая к берегу.

Индейцы живут все по маленьким селениям в хижинах, из сухой глины сложенных. Прежних их городов едва следы приметны: в 5 лигах (27 верст) от Лимы находятся развалины древней их столицы Пачакамы¹¹⁹, но в таком состоянии, что нужно прежде услышать от кого-нибудь, что это развалины многолюдного города: в продолжение слишком двух с половиною веков испанцы беспрестанно там рылись в надежде сыскать сокровища, в земле спрятанные, и не оставили камня на камне. Некоторые из наших офицеров там были и привезли за редкость головной человеческий череп, но с испанских ли он плеч или с индейских, я не могу сказать.

В заключение сих замечаний скажу, что корабль, имеющий нужду в починках, не должен заходить в Лиму, ибо морские снаряды здесь чрезвычайно дороги, а многих и ни за что достать нельзя, также и работникам должно производить большую плату.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Плавание от Лимы до Петропавловской гавани. Пребывание в Камчатке с краткими замечаниями о сей области

Оставив перуанские берега, привил я так, чтоб безопасно пройти

* В область сего народа переезд чрез Кордильерские горы чрезвычайно труден, а особливо при перевозе артиллерии; для действия в горах испанцы имеют особенные пушки четырехфунтового калибра, из коих под каждую употребляется три лошака: на одном положена пушка, на другом лафет,

ночью камня Гормигас¹²⁰**, а с утра 18 февраля велел держать прямо к западу; намерение мое было не слишком приближаться к экватору, чтоб, не теряя свежего пассат-

на третьем колеса; а каждый лошак может везти 10 арроб или 250 испанских фунтов (нашего весу 7 пудов 12 фунтов).

** По-испански *Hormiga* значит муравей.

ного ветра, достигнуть меридиана островов Галиопагос¹²¹; тогда держать к северу; пройти экватор к западу градуса на три от сих островов и, достигнув широты 13°, править прямо на запад до долготы 165° О, потом держать уже по курсу к Камчатке. По всему, что я читал и опытом знаю о плавании в Великом океане, сей план мне казался удобнейшим.

Вечером видели мы большое испанское судно, лавировавшее к югу. Сего числа показалось много летучей рыбы, из которых одна, довольно большая в своем роде, взлетела на шлюп.

Февраля 20, в широте 10 $\frac{1}{2}$ °, долготе 83 $\frac{1}{2}$ °, имели мы безветрие с проливным дождем. Оно, вероятно, происходило оттого, что мы находились в пределах, где кончается прибрежный пассат и начинается настоящий, по всему пространству океана в тропических морях дующий, потому что после сего свежий ветер стал дуть с юго-востока.

Не встречая ничего, примечания достойного, мы скоро шли по своему настоящему пути.

В широте 7 $\frac{3}{4}$ °, долготе 90°, видели к северу во всю ночь сильную и частую молнию. Это показывало, что экваторные дожди и громы, сопутствующие безветрию и сильными порывами, угрожали скорее нас встретить, нежели как мы ожидали, что и действительно последовало. В ночь на 25-е число юго-восточный пассат совсем утих, а ветер сделался от севера с проливным дождем, и как мы последние три ночи видели к северу почти беспрестанную молнию и теперь, будучи только в широте около 5°, встретили тишину и дожди, то я имел причину полагать наверное, что мы пассата лишились и должны будем широкую полосу около экватора проходить при тихих ветрах и проливных дождях, чего я прежде не ожидал. Потому я решился, удалясь

Потомок перуанских инков, находившийся в услужении у главного фактора Филиппинской компании.

рисунок Тихонова.

опять к югу до 8° широты, править на запад до меридиана островов Маркиза Мендозы¹²² и под оным уже пройти экватор. На сей конец в 6 часов утра стали мы держать к юго-западу. Северный ветер с дождем продолжался часов до 10-ти, потом отошел к юго-востоку и дул до самой ночи с неравною силою, но утихал и начинал дуть порывами с проливным дождем попеременно; в ночь же на 26 февраля выяснело, и свежий пассат начал правильно дуть от юго-востока.

Тогда я стал править так, чтоб идти близко параллели 7° до долготы 115°, потому что в 1786 году в широте 7°04', долготе 112° английский капитан Портлок видел стадо береговых птиц и несколько черепашек — явные признаки близости земли, почему я и надеялся, что нам удастся, может быть, открыть оную, тем более, что наступили лунные ночи,

которые позволяли нам в ночное время без всякой опасности нести все паруса и видеть землю издали. Намерение мое было около означенной долготы плыть по параллели $7\frac{1}{2}^{\circ}$. Но я должен заметить, что такие перемены курса отнюдь не мешали успеху нашего плавания, потому что если я увеличивал расстояние от экватора, чрез который впоследствии надлежало нам переходить, затем в большей широте ветер дул свежее и ускорял ход наш.

Марта 3-го в полдень, мы находились по наблюдениям в широте $7^{\circ}40'56''$, в долготе по хронометрам $110^{\circ}54'58''$; следовательно, сего числа перешли путевую линию Лаперуза и были очень недалеко от меридиана, на котором Портлок видел признаки земли, почему мы с большим вниманием смотрели кругом себя. Но, не смотря на ясную погоду и весьма чистый горизонт, ничего не видали и даже признаков земли не имели.

4-го числа скоро после полудня стоявшие на вахте видели птицу величину с голубя, похожую на ястреба, которую они почитали береговою, но я не успел ее видеть.

7-го числа примечательного случилось то, что около 10 часов утра видели мы вдали стадо птиц, летевших к югу; оные казались не из рода морских, а притом летели они прямо, как обыкновенно пролетные птицы, итак, вероятно, что где-нибудь поблизости нас земля находилась.

8-го числа день был мрачный и дождливый; часто находили тучи; солнце только изредка показывалось. В 4-м часу пополудни, когда широта наша была $8^{\circ}17'40''$, а долгота 124° , увидели мы в некотором от нас расстоянии множество птиц, которые издали казались чайками или водорезами*, летавшими над одним местом; я полагал их от 150 до 200, а некоторые из наших офицеров до 300 насчитывали. Такое множество их подавало основательную причину думать, что недалеко от нас должна быть земля; почему, приведя в дрейф, бросили мы лот, но слишком ста са-

жениями дна не достали. Вечером же, в 8-м часу (в долготе $124\frac{1}{2}^{\circ}$), несколько времени летала вокруг шлюпа береговая птица.

Во весь сей день было пасмурно; дождливые облака с порывами ветра находили временно почти до самой полуночи, а потом выяснело, и во весь день уже при ясной погоде дул от востока весьма свежий ветер, с которым шли мы по 8 и 9 миль в час. После полудня около шлюпа плавало множество касаток, из коих в двух матросы наши попали острогами, но по причине скорого хода они сорвались; у юдной из них острогом разрезало всю спину, и кровь лилась так, что след на воде оставяла, но касатка вместе с прочими плыла и от шлюпа не отставала.

После полудня 13-го числа увидели мы остров Ауага, восточный из Вашингтоновых островов^{123 **}, а на другой день прошли их. В полдень сего числа мы находились от острова Гиау¹²⁴ к западу в 15 милях; тогда стали мы править к северо-западу, чтоб, переменяя долготу, приблизиться к экватору и пройти оный около 150° . Сначала я имел намерение продолжать мое плавание по параллели 8 и 7° южной широты, до долготы 180° , в надежде найти какие-нибудь новые острова. Но как в сей полосе бывали многие из мореплавателей, переходя экватор, то и сомнительно, чтоб в ней могли находиться большие неизвестные острова; а если и есть, то, верно, малые, ничего не значащие. Экватор же я поспешил перейти для того, чтоб воспользоваться лунными ночами; ибо, как известно, под экватором ветры беспрестанно переменяются и дуют порывами, почему и нужно быть весьма осторожну; в светлые же ночи можно несравненно более нести парусов и удобнее с ними управляться.

Пройдя Вашингтоновы острова, мы тотчас встретили северо-восточный ветер, который 15-го числа дул с довольною силою. С сего дня горизонт стал быть всегда весьма облачен и тучи часто местами покрывали небо, однакож было сухо; лишь ночью, в

** Острова сии весьма хорошо описаны в путешествии капитана Крузенштерна, который приставал к одному из них, называемому Нукагива.

* Я употребил перевод английского именования: Shearwater. У Линнея сии птицы названы *Procellaria Puffinus*.

Развалины селения инков в южном Перу.

10-м часу, быстро через нас прошла туча с проливным дождем, но без порыва ветра.

В широте $2\frac{1}{2}^{\circ}$ заметили мы, что течение стало действовать весьма чувствительно на наш ход к западу: сильное течение в сей полосе Великого океана замечено всеми мореплавателями, здесь бывшими. После полудня ветер стал понемногу утихать, а к вечеру и очень было стих; небо покрылось темными тучами, и я уже ожидал, что скоро начнутся обыкновенные под экватором проливные дожди и порывы ветра; однако же ночью прояснело, и ветер опять стал дуть свежо от северо-востока. 19-го марта во 2-м часу после полудня прошли экватор в долготе почти 150° , пробыв в южном полушарии без четырех дней 5 месяцев.

Пройдя экватор, имели мы несколько дней такие же погоду и ветер, какие встретили, приближаясь к нему. 21-го числа вечером видели мы во всех направлениях много разного рода морских птиц, почему на ночь убавили парусов, чтоб нечаянно не приблизиться слишком к какому-либо неизвестному острову; а 23-го числа в широте 6° встретили настоящий пассатный ветер, который стал дуть по-

стоянно и весьма крепко от северо-востока, большею частию при пасмурной погоде.

Ночь на 27-е число была темная, и ветер дул крепкий; а так как курс наш был чрез параллель и близости каменного рифа, означенного на старых испанских картах под именем Вахо de Manuel Rodrigue (то есть мель Имануила Родерика)¹²⁵, то для предосторожности во всю ночь мы шли под самыми малыми парусами; а на рассвете поставили их все и стали править так, чтоб более переменять долготы. Многие сочинители нынешних морских карт выпустили острова, камни и мели, назначенные на старых картах, и потому только, что новейшие мореплаватели не нашли их в тех местах, где они положены на оных. Но это правило может быть пагубно для многих несчастных путешественников, ибо назначенные на старых картах острова и пр., по всей вероятности, действительно существуют, только что географическое их положение, по неизмению в те времена средств, неверно определено.

Ветер был крепкий, так что иногда мы шли по 10 миль в час.

Марта 28-го, как ночь, так и день

были пасмурные и облачные; однако солнце иногда сияло. В 6 часов утра, будучи в широте 13° , стали мы править к западу прямо, чтоб между сею параллелью и 14° достичь 175° восточной долготы и потом уже держать прямо к Камчатке.

До 6-го апреля мы шли своим путем, не встретив ничего примечательного. Апреля 6-го оставил нас пассатный ветер в широте $20\frac{1}{2}^{\circ}$. Когда это случилось, я думал, что ветер перешел к югу на время, а потом опять задует пассат и доведет нас градусов до 30 широты*, однакож после того все уже ветры были переменные, а погоды непостоянные.

Прошед столь великое пространство жаркого пояса, мы никогда не имели утомительных жаров; свежий ветер прохладил воздух, а когда случалась тишина, то почти всегда было облачно. На всем переходе жарким поясом, в коем мы провели около трех месяцев, считая со вступления в оный от мыса Горн, больных у нас было весьма мало, и те самыми маловажными, скоро проходящими припадками, и весьма часто по несколько дней сряду не было ни одного больного. Это может свидетельствовать, что наши люди, рожденные и воспитанные в холодной стране севера, способны переносить и жар без вреда здоровью.

Нет плаванья успешнее и покойнее, как с пассатными ветрами, но зато нет ничего и скучнее. Единобразие ненавистно человеку; ему нужны перемены: природа его того требует. Всегдашний умеренный ветер, ясная погода и спокойствие моря хотя делают плавание безопасным и приятным, но беспрестанное повторение того же в продолжение многих недель наскучит. Один хороший ясный день после нескольких пасмурных и тихий ветер после бури доставляют во стократ более удовольствия, нежели несколько дней непрерывно продолжающейся хорошей погоды.

Мы шли к северу и в ночь на 8-е число прошли северный тропик. Скоро после сего в широте около 28° терпели мы сильную бурю от северо-

* В сентябре 1809 года, идучи на шлюпе «Диана» Великим океаном в Камчатку от Ново-Гейбридских островов, мы пользовались пассатом до $32\frac{1}{2}^{\circ}$ широты.

востока, продолжавшуюся 7 или 8 часов. Во время случившейся тогда перемены ветра вал, ударив в корму, изломал у нас висевшую за оной шлюпку, и несколько воды попало в каюту.

14 апреля (день светлого воскресенья), будучи в широте $29\frac{1}{2}^{\circ}$, имели такой холод, какого давно уже не чувствовали: термометр стоял на 13° . Сего числа для высокого и пресветлого христианского праздника выдал я нижним чинам в награждение за ревностную их службу и труды третное жалованье: сей награды они по всей справедливости были достойны.

После сего, идучи с разными переменными ветрами к северу, при погодах, также переменявшихся, не встретили мы ничего примечательного до 19-го числа, а в тот день, находясь в широте 34° , видели мы почти в одно время несколько тропических птиц, много пучков морских растений, множество разного рода медуз или моллюсков, а также и альбатросы в первый раз еще показались и киты вечером были видны. Я здесь упоминаю о сем по редкости случая, что в одном месте показались вдруг столь многие животные, из коих некоторые по свойству своему принадлежат к двум противоположным климатам, как, например, альбатросы и тропические птицы. Впрочем, вообще я не говорю, когда каких животных, обыкновенных и свойственных полосе места, мы видели, ибо об оных во всех путешествиях почти на каждой странице упоминается.

Апреля 29-го числа после полудня увидели мы камчатский берег; первая земля, открывшаяся нам сквозь мрачность, был Безыменный мыс, лежащий на карте капитана Крузенштерна в широте $51^{\circ}35\frac{1}{2}'$, и камень, от него находящийся к юго-западу в 5 милях. Прочие же берега и горы были покрыты туманом или пасмурностью. От ближнего берега мы находились в 10 милях. После сего противные ветры, пасмурность с частым снегом и туманы продержали нас трое суток у камчатских берегов, не позволив войти в Петропавловскую гавань. Во все сие время берега, большею частью, были открыты в пасмурности; иногда только местами

Вид Петропавловской гавани.

Из альбома к путешествию Литке.

могли мы видеть их сквозь мрачность, и очень редко, когда они открывались на большое пространство. Тогда представлялись они в самом странном виде, будучи от самых вершин гор до моря покрыты снегом.

Наконец, 2 мая, скоро после полудня, самый легкий ветерок стал дуть от юго-востока. При помощи одного пошли мы прямо ко входу в Авачинскую губу. Вход сей, по прощению пасмурности, очень хорошо рассмотрели, а между тем курс и расстояние до него определили по наблюдениям. Но ветер дул так тихо и так часто совсем уничтожался, что мы, пользуясь, так сказать, каждым дуновением его, ставили все паруса и не прежде половины десятого часа вечера достигли устья прохода. Так как, приближаясь к нему, засветло с салингов мы осмотрели, что кругом нас в виду ни одного куска льда не было, проход же мне весьма хорошо известен, то я и решился итти ночью, не желая пропустить свежего попутного ветра, который теперь начал дуть. В проходе мы прошли несколько небольших льдин, не коснувшись ни одной из них. В 12-м часу ночи

вошли в Авачинскую губу, а в час пополудни на 3 мая, подойдя к Петропавловской гавани, стали на якорь, совершив путешествие от Кронштадта до сего порта в 8 месяцев и 8 дней, в продолжение которого времени мы находились в портах только 34 дня, а прочее время все в походе. Больных у нас было весьма мало, и то самыми легкими припадками, а часто и совсем не было.

Прибытие наше в Камчатку в такое раннее время, в какое никогда еще, после кораблей капитана Кука, ни одно судно не приходило, и величина шлюпа, по рассвете, привели жителей в немалое удивление. Приехавший к нам офицер здешней экипажной роты Калмыков, мой старый знакомый, которого я знал в прежнюю мою бытность в Камчатке, едва глазам своим верил. Он был прислан от начальника области* поздравить нас с прибытием и привез от него несколько свежих съестных припасов. От него мы узнали, что только три дня прошло, как Авачинскую губу

* Флота капитан 1-го ранга Петр Иванович Рикорд.

сломало и лед вынесло*; следовательно, весьма кстати случилось, что противный ветер задержал нас у берегов. В 8 часов мы салютовали крепости из 7 пушек и тотчас получили равный ответ. Такая исправность меня удивила, ибо я знал, что прежде всегда пушки по 8 месяцев в году лежали в сараях.

В 9 часов с некоторыми из наших офицеров ездил я к начальнику области с рапортом о прибытии. Свидание мое с Рикордом было на сей раз непродолжительно, ибо я спешил возвратиться на шлюп, ожидая, что на нас понесет лед от берегов, где его было весьма много, что и действительно случилось в 3 часа утра следующего дня; но лед был слаб и мелок, так что мы свободно отталкивали его шестами, и он шлюпу ни малейшего вреда не причинил.

Для выгрузки шлюпа непременно нужно было ввести оный в Петропавловскую гавань, в которой стоял еще лед, почему Рикорд и я согласились прорубить его. Употребляя для сего наших людей и береговую команду, начали мы работу сию 3-го числа. Между тем носящийся по Авачинской губе лед нас часто беспокоил и принуждал по несколько часов отталкивать льдины шестами; а 10-го числа в 9-м часу утра свежим южным ветром нанесло на нас преобладающую льдину, которую мы ни перерубить, ни оттолкнуть не могли: льдина сия сдернула нас с якорей. Мы отдали другие якоря; но она не пустила их на дно, почему и прижало нас к мели в самую малую воду. Льдину мы скоро отвели, а прилив пособил нам во 2-м часу пополудни отойти от мели без малейшего вреда.

С прибытия нашего время почти беспрестанно стояло прекрасное. Ясные дни, светлые лунные ночи и легкие ветерки вознаграждали нас за грозный вид здешних гористых бере-

* Авачинская губа прошла 29 апреля по нашему счету, а по счету в Камчатке — 30 апреля. Я два раза здесь зимовал, и она никогда так долго не стояла. Первые русские пришли в Камчатку с запада, а мы с востока, отчего в счете времени произошла у нас разность целые сутки. Матросы наши, увидев, что в Петропавловской гавани считают воскресенье, когда у нас еще суббота, не понимая сему причины, думали, что камчатские жители как-нибудь сбились в счете и потеряли один день ¹²⁶.

гов, покрытых снегом, которые мы имели пред глазами. Пользуясь благоприятною погодою, мы посылали гребные суда ловить рыбу в разные места здешней губы и имели большой успех. В сие время ловилась только одна камбала: она здесь велика и вкусна. Мы ловили ее такое множество, что достаточно было для всей нашей команды.

К 12 мая мы успели прорубить половину льда в Петропавловской гавани, и как стоя в Авачинской губе, нельзя было нам поспешно выгрузить шлюп и работа могла слишком продлиться, то на другой день вошли мы в Петропавловскую гавань. Время тогда стояло прекрасное, при тихом ветре. Но в 11-м часу ночи вдруг нашел от северо-востока порыв, который принес нас к самому берегу, и шлюп стал на мель. Порывы стали находить часто с большою силою, а потому стянуть с мели было невозможно. Опасаясь, чтоб при отливе не повалило нас на бок, мы с большим трудом подтянули к себе пустой охотский транспорт «Иоани» и прикрепили свои борты и реи к его бортам и мачтам. В таком положении мы оставались до утра. Потом, когда ветер утих, мы завезли на глубину завозы, сгрузили со шлюпа много тяжестей и в 9 часов вечера, при полной воде, сняли его с мели. Сей случай не причинил шлюпу ни малейшего вреда, хотя в малую воду его повалило к глубокому месту на 13 $\frac{1}{2}$ °. На ночь остались мы в самом входе в гавань, а на другой день вошли в оную и в удобном месте утвердили шлюп как должно. Тогда ничто уже нам не мешало приступить к работе с возможною деятельностью.

Величайшее затруднение нам предстояло в привозе балласта и дров: первого нам нужно было до 8 тысяч пудов и надлежало брать оный от гавани в 7 верстах; а дров надобно было более 25 сажен и должно было их рубить в Раковой губе, в расстоянии от нас 5 верст. Если бы нам привелось сии две необходимые потребности возить на гребных судах, то и в два месяца невозможно было бы изготовиться к походу; но мы для сего употребили, с позволения областного начальника, находившийся здесь охотский транспорт, послав на оном

Петр Иванович Рикорд.

своих офицеров и матросов, и он в три раза привез все нужное нам количество балласта и дров. За сию поспешность обязан я деятельности и усердию мичмана барона Врангеля, которому поручил я начальство над транспортом.

Между тем мы исправляли снасти и паруса; свозили на берег и сдавали снаряды, назначенные для здешней области и для Охотска; красили шлюп и пр. Работа шла, при деятельности офицеров и гардемарин и усердии нижних чинов, так успешно, что в половине июня мы совсем изготовились. Надобно сказать, что мы не все время нашего здесь пребывания проводили в работе и занятиях: офицеры и гардемарины были при должности по очереди, почему имели время ездить на охоту, на теплые воды¹²⁷ и пр.; а нижним чинам по праздникам позволялось пользоваться прогулкой на берегу.

Начальник области употребил все способы, от него зависящие и какие только состояние здешнего края могло ему представить, чтоб сделать нам пособие и доставить разные удовольствия. Дом и стол его для всех нас были открыты; по праздникам он приглашал вместе с нами чиновников города и других почтенных людей, чтоб только доставить нам приятное занятие. Супруга и сестра его обходились с нами, как с родными. Он всякий почти день присылал к нам для стола чего-нибудь свежего: мяса, дичины, рыбы, молока и пр.; даже нарочно для нас и для матросов наших велел купить рогатого скота в Большерецке и пригнать сюда. Словом, я не могу описать всех одолжений, которые он нам и всей команде делал. Следуя его примеру, и другие живущие здесь почтенные люди оказывали нам доброхотство, гостеприимство и услуги, всякий по своей воз-

можности; за что мы старались их отблагодарить, как могли.

О Камчатке так много было писано хорошего и худого, что я совершенно излишним считаю предлагать читателю мои замечания о ней, но не могу умолчать о счастливой перемене, последовавшей в сей области от нового преобразования правления оной и от определения в начальники над нею одного из самых справедливейших людей, который, живши здесь несколько лет, имел случай и способность вникнуть во все дела сей страны. Прежде еще своего назначения, он уже видел все бывшие здесь злоупотребления и недостатки и знал, как пособить им. Рикорд при назначении своем областным камчатским начальником находился в Петербурге, а потому мог лично ходатайствовать за бедных здешних жителей и доставить им пособие правительства, чего он и не упустил сделать.

Известно, что главную пищу большей половины камчатских жителей составляет рыба, которую в четыре летних месяца они заготавливают на целый год; а когда она дурно ловится, зимою бывает голод, и тогда многие бедные люди питаются древесною корою. Но Рикорд исходатайствовал дозволение выдавать, в случае нужды, из казны муку жителям по цене, в какую она обходится казне, а бедным давать за половинную цену и дешевле, смотря по состоянию просящего помощи. И так как здесь вольной продажи муки нет, то теперь камчадалы и не от голода покупают оную из казны, которая от того ничего не теряет, а, напротив, выигрывает тем, что люди делаются здоровее и способнее к трудам.

Второй предмет не маловажное первого, за который Камчатка обязана нынешнему своему начальнику. Почти все из простого состояния здешние жители обоего пола и даже дети заражены известною дурною болезнью. Прежде лекаря из года в год объезжали область и помогали больным только советами, а лекарства редко сюда привозились; но если бы и были они, то можно ли таким образом вылечить болезнь, требующую диеты, покоя, теплого жилища и пр. Ныне Рикорд учредил лазарет, выписал сухим путем все нужные

медикаменты, а морем мы ему привезли, по его же требованию, все госпитальные материалы; притом истребовал он двух искусных врачей, из которых один* по гражданскому ведомству имеет попечение о больнице.

Сначала камчадалы, думая что их станут лечить попрежнему, то есть без всякой пользы, не хотели вступать в лазарет; но после, узнав, как их там хорошо содержат, кормят и пр., а более, увидев едва ходивших прежде своих товарищей совершенно извлеченными, стали со всех сторон привозить больных в лазарет, и Любарский своим искусством и старанием справедливо заслужил полную их доверенность и благодарность.

Заведенная в Петропавловской гавани Рикордом ремесленная школа, для которой мы, по его же требованию, привезли все нужные инструменты и снаряды английской работы, также со временем принесет большую пользу здешним жителям: теперь камчадал едет за 300 или 400 верст отдать в починку свое ружье, которое ему необходимо, или сделать какую-нибудь нужную ему железную вещь, потому что во всей области 3 или 4 слесаря и кузнеца. Духовное училище, Рикордом же заводимое, так же останется не без пользы.

Количество пороху и свинцу, выдающееся камчадалам из казны, по ходатайству Рикорда увеличено, и бедные камчадалы перестали платить непомерные цены за сии две необходимые для них вещи, которые они должны были покупать у купцов. Лазарет военнослужащих, состоящий под управлением также искусного врача**, теперь на таком же основании, как и в других русских портах: лекарства, инструменты и госпитальные материалы, по требованию Рикорда, присланы с нами из Петербурга. Больных содержат хорошо; когда нужно, покупают свежую говядину; а прежде хотя и находился здесь казенный рогатый скот, но до прибытия Рикорда в Камчатку, больных кормили медвежьим мясом, и то весьма редко; впрочем, они ели, как и здоровые, летом свежую рыбу, а зимою вяленую.

* Штаб-лекарь Любарский.

** Штаб-лекарь Застолпский.

Могила капитана Кларка в Петропавловске.
Из альбома к путешествию Крузенштерна.

Супруга Рикорда немало также приносит пользы здешнему краю, подавая всем пример трудолюбия. Будучи рождена и воспитана в одном из самых прекрасных климатов Российской империи, она с удовольствием предприняла многотрудный путь с своим супругом чрез всю Сибирь, а потом морем из Охотска в суровую Камчатку, где совсем не ропщет на ужасные, неприступные горы и дремучие леса, никакого сравнения не имеющие с родимыми ее украинскими долинами и садами, будучи довольна своим супругом и своими занятиями. Она соорудила первую еще оранжерею в Камчатке: о сем роде хозяйства здешним жителям и по слухам не было известно; она научила их, что можно победить природу, не позволяющую рано садить семена, деланием рассадников.

Я весьма счастливым себя считаю, что сей почтенной даме мог принести удовольствие, доставив в Камчатку фортепяно и парные дрожки со всею упряжью. Первое удалось мне довести в совершенной сохранности. Для дрожек, к счастью,

нашлись здесь две смирные и довольно статные лошади, которые с первого раза пошли хорошо. Это был еще первый экипаж на колесах в Камчатке от сотворения мира, и потому жители смотрели на него несравненно с большим удивлением, нежели у нас стали бы смотреть на того, кто по Петербургу поехал бы на собаках.

Заметив все главные и полезнейшие перемены, сделанные Рикордом, не должно оставить без внимания и других, служащих к опрятности и чистоте города. Теперь уже жители не могут ставить своих домиков где и как попало, но обязаны строиться на показанных местах и наблюдать около них чистоту, для чего учреждена полиция, которая запрещает бросать на улицу всякую зловонную дрянь, столь же отвратительную для вида, как и вредную для здоровья. Здесь кстати заметить следующий, достойный похвалы, поступок Рикорда, показывающий уважение его к памяти людей, кои были полезны свету, какой бы, впрочем, нации они ни принадлежали. По новому расположению

города, памятник, воздвигнутый офицерами корабля «Надежды» над могилою известного английского мореплавателя капитана Кларка¹²⁸, должен был бы стоять в самой худой части города, почему Рикорд решил перенести его на другое, приличное место. Для сего надлежало и прах сего мужа перенести туда же; что он, с согласия здешнего духовенства, и сделал в нашу бытность. Остаток гроба и прах были положены в другой ящик и с пристойною церемониею, в сопровождении всех нас и стоявшей в ружье здешней экипажной роты, был перенесен к назначенному месту и опущен в могилу; причем память покойника гарнизон почтил 7 пушечными выстрелами.

Июня 15 вышли мы из гавани в Авачинскую губу. Я хотел в тот же день отправиться в море, но тишина и противный ветер с густым туманом не только продержали нас весь этот день, но и еще трое суток. Транспорт

«Сильф», под начальством лейтенанта Рудакова, назначенный итти в Охотск с почтою, с коюю и мои донесения отправились, терпел одну с нами участь. Мы несколько раз покушались итти, но ветры всегда нас оставляли. В сей промежуток времени Рикорд и другие господа с берега нас посещали и всякий день присылали чего-нибудь свежего, а особливо много прекрасной рыбы, называемой здесь хайко*, которая ныне начала ловиться. Мы посолили несколько бочек рыбы для морской нашей провизии, а также запаслись и черемшею: известно, что растение сие сильно действует против цынги.

17 июня я в последний раз виделся с Рикордом и распрощался, а 19 июня на рассвете, при тишине, подняли мы якорь и помощью течения и буксира к 8 часам утра вышли из пролива на простор, где вскоре задул ровный ветер от юга, с которым мы и пошли в путь, взяв курс к Шипунскому мысу¹²⁹.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Плавание из Петропавловской гавани к Беринговым островам, оттуда к западнейшему из островов Алеутских и вдоль гряды сей.— Прибытие к острову Кадьяку и пребывание на оном

В числе предметов, принадлежащих к цели моего путешествия, находилась опись американского берега, как то я выше упоминал, простирающегося от широты 60° до широты 63°, которого капитан Кук не мог описать по неимению малых парусных судов; мне же предписано было взять из Камчатки транспорт. Но в таком случае, когда я узнаю, что лейтенант Коцебу¹³⁰, начальник брига «Рюрик», иждивением государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева посланного в здешние моря для открытий, имевший от его сиятельства поручение описать и сей берег, к оному приступил, предписано мне оставить сию статью моей инструкции без исполнения. В Камчатке же, по полученным с почтою газетам, увидел я выписку из донесения Коцебу к государственному канцлеру; она достоверно мне показала, что Коцебу к сему делу приступил с успехом и сделал все распоряжения, чтоб на следующий (1816) год опять

продолжать исследования свои с помощью больших лодок, кои он велел приготовить на острове Уналашке¹³¹; а по сему и надлежало исполнить только прочие статьи данного мне предписания. На сей конец я решил итти к островам Берингову и Медному для определения их положения; ибо знаменитый наш мореплаватель вице-адмирал Г. А. Сарычев, в своем путешествии по здешним морям, говорит, что остров Медный на карте капитана Кука положен 25 минутами южнее настоящей его широты: ошибка в широте до полуградуса весьма важна, и потому надлежало достовернее о ней разведать.

В 8-м часу вечера Шипунский Нос был от нас прямо на запад, в расстоянии 8 или 10 миль. От сего места я стал держать к Кроноцкому мысу¹³². В 9 часов увидели мы сопку сего имени¹³³ почти на север, ибо

* Из роду лососей: почти все лучшие здешние рыбы суть лососинового рода (salmo).

погода была ясная, чистая; но на рассвете 20 июня нашел густой туман и скрыл от нас берега, почему в 8 часов утра мы направили путь прямо к Берингову острову¹³⁴, который в сие время находился от нас в расстоянии 210 миль. Туман, при умеренном ветре, продолжался до вечера; потом он прошел; горизонт сделался чист, и небо местами выяснено, но берега были покрыты мрачностью, и мы их видеть во весь день не могли.

Во всю ночь на 21-е число мы правили к Берингову острову и шли со скоростью 6 и 7 миль в час. Поутру, хотя было облачно и горизонт не совсем чист, однакож позволял видеть предметы на большое расстояние. В половине десятого часа увидели мы Берингов остров прямо перед нами; тогда, по нашему счислению, он должен был от нас находиться в расстоянии 40 миль, но по глазомеру казался гораздо ближе. Если бы мы и не ожидали встретить здесь землю, то птицы показали бы нам приближение к оной: они летали в большом числе около нас и такие, которые никогда от берега далеко не отлетают.

Скоро после полудня открылся нам в пасмурности остров Медный, к которому мы прямо шли, а на другой день в 3 часа утра пошли к южной оконечности сего последнего и, приближась к оной на расстояние 1½ мили, пошли вдоль берега. Ветер тогда дул от юго-запада крепкий и с туманом; но мы, будучи под ветром у острова, не чувствовали силы его, и у нас было ясно.

Мы шли вдоль острова под малыми парусами, опасаясь порывов из-за гор, до 10½ часов утра. В полдень удалось нам взять прекрасную высоту солнца на самом чистом горизонте; по сей высоте нашли мы широту острова.

После полудня погода сделалась совершенно ясная, и ветер стал утихать, что и препятствовало нам подойти ближе к берегу. Мне хотелось послать к нему шлюпку, чтоб доставить случай нашему ботанику сделать наблюдения над произведениями острова.

Поелику я заметил, что ветер был тих только вблизи острова, который,

прерывая его, не допускал к нам, то и оставил намерение посылать шлюпку на остров, и более потому, что по прежним описаниям скудные произведения сего дикого, едва людям приступного острова довольно уже известны, а вместо того направил путь к острову Атте, самому западному Алеутской гряды. Географическое положение сего острова, как я слышал, не совсем-то хорошо определено.

В 7-м часу вечера пасмурность по горизонту скрыла от нас остров Медный.

Погода и ветер в течение двух дней благоприятствовали нам определить положение как сего острова, равно и южной оконечности Берингова, довольно хорошо.

Оба сии острова состоят из высоких холмов, которые в другой части света могли бы назваться высокими горами, но так как они находятся в соседстве камчатских сопок и горных хребтов, то название холмов мне показалось для них приличнее. Берингов остров выше Медного, но оба равно обнажены и состоят из скал; едва кое-где зеленелась трава, а местами снег лежал в большом количестве; вершины холмов во все время были покрыты туманом. Заливов ни при одном из них нет, а есть небольшие впадины берега, которые промышленники называют губами; при оных бывают обыкновенно низменные берега, где они могут приставать к берегу и вытаскивать свои байдары (лодки).

Оба сии острова необитаемы. Впрочем, сколько вид их ни ужасен и сколько ни неприступны они кажутся, однакож и на них могли жить люди. Не говоря уже о экипаже капитана Беринга, спасшемся здесь при кораблекрушении и жившем целую зиму, в наше время 11 человек промышленных* Российско-Американской компании, оставленные в 1805 году для промысла зверей, жили на сих диких островах 7 лет и были здоровы. Они думали, что их забыли,

* Так называет компания своих служителей, в Америке находящихся. Прежде они действительно были звериные промышленники, но ныне по большей части исправляют должности мореходцев, военных, художников¹³⁵, а имя удержали прежние: промышленные.

как штурман Васильев, находившийся в службе помянутой компании, имел удовольствие в 1812 году посетить их для снабжения всем нужным. Я не могу не поместить здесь в собственных словах Васильева положения, в каком он их нашел, и восторга их, когда они, полагая себя вовсе брошенными на пустом острове, увидели своих соотечественников. Васильев в своем журнале говорит:

«При тихом восточном ветре подошел я (в мае 1812 года) к юго-восточной оконечности острова Медного, намереваясь начать отсюда поиски высаженных в 1805 году штурманом Потаповым 11 человек русских. Я пошел в параллель берега и беспрестанно смотрел в зрительную трубу; уже под вечер, к величайшей радости, увидел в одном заливе строение, велел выпалить из пушки и поднять флаг, а сам продолжал идти к берегу. Скоро усмотрел я лодку, которая плыла из того залива прямо к судну. На лодке находился промышленный Шипицын и еще шестеро русских. Лишь только они взойшли к нам на судно, то, перекрестясь, со слезами вскричали: «Слава богу, есть еще на свете люди!» Невозможно описать их восторга, когда они увидели своих знакомых: обнимались, целовались, плакали, крестились! Потом стали упрекать, что их бросили на острове и целые семь лет о них забыли. Сперва они никак не хотели оставаться долее на острове, а требовали, чтоб отвезти их в Охотск; но после, когда первый ропот прошел и они посоветовались между собою, то один за другим и все решились остаться здесь еще на год; один только из них за болезнь просил меня взять его с собою в Охотск, на место же его выискался охотник из наших промышленников.

Помянутый промышленный Шипицын — человек высокого роста, здоровый и сильный. Он более 20 лет находится в службе Американской компании. Усердие и ревность его к пользам компании примерные. По малой мере целую треть всего промысла он добыл один с своею женою. Из его книги усмотрел я, что он 800 котов * промыслил в один год, а

* Коты, котики, морские коты — так наши промышленники в Америке называют двухстихийное тюленьего рода животное; также иногда называют оное морским медведем.

иной в это время и 200 не добудет. «Много вытерпел я, — говорил он мне, — на сем острове от непослушания, буйства и несогласия моих подчиненных, а особливо в последние годы. Когда, бывало, посылал кого на промысел, то никто идти не хотел, а требовал от меня платья и привозной пищи. Я всячески их уговаривал, обнадеживая, что, верне, скоро придет судно и привезет нам все нужное. Но когда последний наш провиант вышел и другие нужные вещи все издержались, то ропот умножился. Может быть, они посягнули бы на мою жизнь, если бы не опасались того, что я очень силен. Когда привезли нас сюда, то строжайше запретили, чтоб никто не смел ничего из промысла употреблять для себя. Суровость климата и глубокие снега принудили нас помыслить об одежде. Тогда все приступили ко мне и просили дозволить им употребить из промысла, сколько нужно на платье и обувь. Я принужден был согласиться и скоро увидел их одетых с головы до ног в меха морских котов и песцов. Не проходило дня, в который бы мы, собравшись за стол, не говорили о присылке к нам судна и о нашей участи. Разные об этом были мнения; напоследок мы все согласно заключили, что о нас вовсе забыли. Так жили мы, бедные, как брошенные люди, на сем пустом острове семь лет, без всякой помощи и надежды. Иногда приходило нам на мысль пуститься на волю Божию в Камчатку, но, не имея карты, не отважились. Итак, решились подождать еще нынешнюю весну, а летом, оставя весь промысел здесь, переехать на Берингов остров и там поселиться, в надежде, что там скорее нас найдут. Недостаток в зверях и в жизненных потребностях понуждал нас оставить остров Медный. На Беринговом же острове зверей, рыбы, птиц, птичьих яиц, корней и других потребностей жизни очень довольно: да и климат там гораздо лучше здешнего. Каждое воскресенье и каждый праздник мы собирались на молитву; двое из нас, знающие грамоте, читали часы и другие молитвы».

Так рассказывал мне промышленный Шипицын. С ним была тут же

Остров Беринга.

жена его, русская, и трое детей. Впрочем, я нашел всех сих людей здоровыми и веселыми, кроме одного, о котором выше упомянул. У них были скрипки, и я часто слышал музыку их, песни и пляски. Если когда-либо музыка прогоняла грусть и скуку и вселяла бодрость в сердца унылые, то, верно, у сих бедных людей. Они просили дать им священных книг и азбук, и я охотно снабдил их оными».

После сего Васильев навестил товарища сих людей, Якова Мынькова, который один оставался на Беринговом острове для караула наловленного ими промысла. Вот что говорит он о сем человеке:

«Окончивши сие дело, пошли мы 6 июня в полдень, при попутном ветре, мимо небольшого, но высокого острова, называемого промышленниками Яичным островом. В 6 часов вечера прошли влево от сего острова мимо подводного камня, который полною водою покрывается в одной версте. Потом велел я выпалить из трех пушек и поднять флаг. Вечеру, часу в осьмом, увидел человека на северо-восточном берегу острова Берингова. Тотчас приказал я спустить лодку и итти за ним.

Через час посланные привезли того человека на судно. Надобно быть свидетелем его удивления, восторга и благодарности, чтоб описать сие! Долго он не мог промолвить ни слова и только проливал слезу, стоя на коленях, подняв руки к небу. Первые его слова были: «Слава богу, что ты до меня милостив! Я думал, что меня совсем здесь бросили и забыли навсегда!» Потом, увидевши своего товарища с Медного острова, которого (как выше упомянуто) я взял с собою, он стал ему выговаривать, что его оставили на острове без всего.

Долго он горько жаловался на свою судьбу. «Надобно было, — говорил он, — достать себе пищу и одежду. Несколько дней я совсем ничего не ел; в реке рыбы много, но чем ее ловить? Нужда научила меня сделать из гвоздя уду, и я наловил себе рыбы. Тут надлежало подумать, как достать огня, в котором я имел нужду и для варения пищи и для согревания себя от стужи. Долго не придумывал я способа; наконец, вспомнил, что у меня, к счастью, была бритва. Нашел кремь, древесную губку от тальника, растущего на острове, и мне удалось высечь

огонь. В жизнь мою ничему так не радовался, как тогда! На том месте, где меня высадили, мало было способов для пропитания, и для того я перешел на другую сторону острова и расположился жить при реке, в которой было много рыбы. На зиму опять возвратился на прежнее место, где нашел весь промысел песцов, оставленный мною в юрте и уже испортившийся. Я об этом не жалел, а думал только о своем спасении. Настала зима, юрту занесло снегом, платье и обувь — все износилось. Всего нужнее был для меня огонь, и я с трудом мог добывать его. Тут-то я горько плакался о своей бедной участи: оставленный всем светом на пустом острове, без пищи, без платья, без всякой помощи! Что было бы со мною, если бы я сделался болен? Пришлось бы умереть бедственною смертию! Тщетно я ждал своих товарищей, которые обещали за мною приехать, но не бывали. Я боялся, не потонули ли они, переезжая через пролив, или, может быть, приехало за ними судно и взяло их, а меня, бедного, оставило здесь без милосердия. Разные мысли приходили мне в голову и иногда доводили меня до отчаяния».

Он часто со слезами умиления взирал на небо и благодарил бога, что он прислал ему судно. На нем было платье и обувь из звериных шкур, так же как и на товарище его, взятом с Медного острова.

До прибытия к острову Атте¹³⁶ с нами ничего достойного примечания не случилось. Остров сей могли бы мы увидеть 23-го числа, если бы густой туман не препятствовал; но он не прежде открылся нам, как в 6-м часу вечера 24 июня, когда мы были от него в расстоянии не более 10 миль. В 8-м часу приблизились мы к нему на расстояние 4 миль; тогда бросили лот, но 170 сажнями дна не достали. После сего повертели мы от острова и пошли к западу в надежде иметь на другой день время, более благоприятное для определения астрономическими способами положения сего острова, которого сегодня мы не могли и видеть по всему его пространству, по причине тумана. Мы видели одну северо-восточную его сторону, которая состоит совершенно

из голого камня с высокими холмами; на самом лишь низу едва кое-где зеленела трава, а на холмах лежало много снега.

На другой день дул весьма свежий ветер, и было пасмурно, а часто находил и туман. Мы лавировали под малыми парусами по северную сторону острова Атты, который видели сквозь мрачность. Прежде полудня горизонт прочистился, и остров открылся, почему мы тотчас повертели и пошли к нему. В полдень удалось нам определить по меридиональной высоте солнца широту свою и долготу по хронометрам и взять пеленги. Через 2 часа мы спустились к востоку вдоль острова и до 4 часов брали пеленги, по коим и по широте и долготе определили широту и долготу северо-западной оконечности острова Атты; видимое протяжение его было $27\frac{3}{4}$ миль, по компасу почти О и W, но, вероятно, мрачность не позволила нам весь его видеть, ибо на карте вице-адмирала Сарычева он положен длиннее. Для долготы наблюдений хотя и немного было, но на оные положиться можно.

От острова Атты пошли мы к востоку вдоль гряды Алеутских островов по такой параллели, по коей никто из известных мореплавателей прежде не плавал, как то было означено на карте, данной мне от Государственного адмиралтейского департамента и сочиненной под надзором вице-адмирала Сарычева.

Крепкий ветер от юго-запада, при пасмурной погоде, продолжал дуть во весь день. Остров Атта временно нам открывался, а Агатту¹³⁷ показался только один раз, в 4 часа полудни. Первого из сих островов высоты к вечеру опять хорошо открылись и были видны до 9 часов, когда середина их находилась от нас в расстоянии около 50 миль.

После сего, идучи в беспрестанном тумане, мы не видали берегов до 28-го числа, а того дня в 5-м часу утра горизонт так очистился, что мы видели весьма хорошо высокие горы острова Танаги¹³⁸.

Во весь день мы видели великое множество носящейся по морю морской травы, в том числе был один род, какого я прежде не видывал: растение сие величиною и видом

Карта владений Российско-Американской компании.

похоже на большое страусово перо и было обыкновенного, всем морским травам свойственного цвета.

Горизонт не во весь день был чист, но более покрывался мрачностью и туман временно находил; берега изредка только показывались, и то местами до 3-го часа пополудни; но тогда ветер почти затих, и горизонт сделался так чист, что мы вдруг могли видеть острова: Канагу, Адах, Ситхин и всю Атху*. На Ситхине есть высокая сопка, из коей мы видели шедший дым.

Берега были видны до 10-го часа вечера, а в 8 часов мы пеленгами определили свое место. Острова сии чрезвычайно высоки и гористы; на высоких местах лежал снег большими полосами, а особливо по разлогам гор. Это показывает, каков здесь климат: с выхода нашего из Камчатки термометр редко поднимался выше 4° теплоты, а часто опускался до 3°.

На следующий день в ночь, также и днем, ветер самый тихий дул с восточной стороны, при пасмурной, мокрой и туманной погоде, которая не позволила нам ни астрономических наблюдений делать, ниже видеть берег; по счислению же в полдень северная оконечность острова Атхи была от нас в расстоянии 63 миль.

Ночью на 30-е число было маловетрие от северо-востока, с пасмурною, туманною и дождливою погодою, а в 5-м часу утра от севера сделался умеренный ветер, который скоро перешел в северо-западную четверть; тогда несколько прочистилось. Около 8 часов открылся нам на короткое время прямо к югу один остров, который, по счислению нашему, должен быть Ситхин. В 10-м часу он опять показался и другой небольшой островок, первый от западной оконечности Атхи, который мы прошли милях в десяти, оставя его к югу. Около полудня все выдавшиеся мысы острова Атхи к северу означились; горы же и высоты скрывались в облаках и пасмурности. Мы шли вдоль острова в самом близком расстоянии, так

* Сии четыре острова принадлежат к Адриановской гряде¹³⁹, так названной по имени судна «Адриана и Наталии», на котором промышленник Адриан Толстых в 1760 году открыл их.

что в трубы легко могли видеть мелкие каменья, коими был покрыт низменный берег.

Идучи вдоль берега, мы беспрестанно делали пеленги, по коим положили сию часть острова на карту. Положение Атхи весьма хорошо определено вице-адмиралом Сарычевым; только в том месте, где находится так называемая Коровинская гавань, у него назначен глубоко вдавшийся залив; и в путешествии своем он говорит (стр. 82, часть II), что «залив, называемый Коровинская гавань, идет близ северного мыса Атхи; при входе в него разделяется он на двое и простирается далеко внутрь острова». Но нам казалось, что залив сей недалеко входит внутрь земли, а, повидимому, в нем есть две весьма низкие долины, лежащие между горами, которые и мы издали приняли было за залив; но, подойдя на такое расстояние, что ясно видели каменья на берегах сих долин, открыли свою ошибку. Впрочем, вышеупомянутые два рукава, очень вероятно, действительно далеко простираются внутрь острова, только в таком направлении, что мы не могли их приметить.

Так называемая Коровинская гавань весьма плоха. Штурман Васильев, командир одного из судов Российско-Американской компании, в сей гавани зимовал. Он говорит о ней, что «гавань совсем неудобна, вход в нее узок, и нагруженное судно с трудом войти может, не подвергаясь опасности стать на мель; а особливо с начала входа, где не более 5 аршин глубины; грунт — камень; от прилива и отлива быстрое течение и с моря большая зыбь».

Обошед северную оконечность Атхи, мы пошли на южную сторону сей гряды между островами Амлею и Сегуагом¹⁴⁰, из которых первый тотчас нам открылся, и мы видели его до 11 часов ночи, а второго вовсе не видали. Остров же Атха до самого вечера был виден, и когда мы северо-восточную его сторону проходили, то временно и горы показывались и даже превысокая сопка, стоящая на сей оконечности. Она временно причиняет опасные землетрясения, и в 1812 году, когда штурман Васильев здесь зимовал, она горела и такое производила трясение земли,

что жители боялись, чтоб их не задавило в их юртах (землянках).

По счислению нашему мы полагали себя в час пополудни 1 июля уже на просторе, по южную сторону гряды, почему и пошли вдоль оной к востоку. Сего числа ветер дул западный, ровный и весьма свежий, так что мы шли от 8 до 9 миль в час. Погода облачная, однакож сухая и светлая, только над островами стояла мрачность, которая препятствовала нам их видеть, хотя мы не далее 15 миль от них находились. Астрономических наблюдений никаких сделать было невозможно.

В ночь на 2 июля ветер от запада сделался сильнее и днем продолжал дуть довольно крепко; погода была облачная и пасмурная. Поутру 4 июля увидели мы юго-восточный, небольшой, но высокий остров Шумагина гряды*. Положа наше место от вчерашнего полуденного пункта, весьма хорошими обсервациями определенного, на карту вице-адмирала Сарычева, нашли мы, что этому острову почти в таком положении и надлежало быть, расстоянием от нас на 35 миль. В полдень чистый горизонт и появление солнца позволили нам определить широту острова Тахки-наха¹⁴².

Сего числа ветер то тихо, то умеренно дул с западной стороны при светлооблачной погоде; мы правили прямо на остров Укамок¹⁴³ и шли под всеми парусами. Вчера и сегодня видели мы множество разного рода океанских птиц и показалось морское растение, коим слишком изобилуют северо-западные берега Америки, русскими называемое морским луком.

Июля 5-го в 8 часов утра пасмурность уменьшилась и позволила видеть предметы в должном расстоянии; тогда я стал править к острову, открытому в 1794 году английским капитаном Ванкувером и названному им островом Чирикова**, с тем чтоб, увидев оный, плыть к острову Укамоку. Причина сему намерению была

* Так названы Берингом по имени одного из его матросов, похороненных на сих островах; но алеуты их именуют Унгинскими, от самого большого из сих островов, называемого Унга¹⁴¹.

** Ванкувер назвал остров сим именем в честь нашего мореплавателя капитана Чирикова¹⁴⁴.

следующая. на данной мне карте Адмиралтейского департамента остров Чирикова не был назначен, почему я полагал, что департамент считает его несуществующим, а вместо оного принимает Укамок, положенный на карте вице-адмирала Сарычева в широте 56°08', в долготе 156°15' западной.

К полудню показалось солнце и горизонт очистился. Скоро после полудня ветер пошел опять к западу, почему мы стали править к острову Укамоку, ибо, дошедши до Чирикова острова, нельзя бы нам уже было при западном ветре итти к Укамоку, который, как мы и сначала полагали, открылся в 5½ часов полудни, в расстоянии около 20 миль. Вице-адмирал Сарычев называет его «низменным» островом, но он нам казался весьма высоким, а подошед к нему ближе, мы усмотрели вместе с ним еще острова; сие показало нам, что это не Укамок. Притом открылся он нам не на NNW, как мы счисляли, а на NW: в таком положении должныствовали от нас находиться Евдокийские острова***.

Перед вечером мы находились, по карте Сарычева, от острова Укамока не далее 10 или 12 миль, но не могли его увидеть, несмотря на то, что погода была светлая и горизонт чист. Хотя вице-адмирал Сарычев и называет сей остров низменным, но, вероятно, по сравнению с здешними гигантскими островами, ибо он упоминает, что видел его в 26 милях. В 9½ часов вечера, имея западную оконечность южного Евдокийского острова в расстоянии 7 миль, мы бросили лот и нашли глубину 140 сажень, на дне черный песок и хрящ; тогда мы поворотили и пошли к востоку, при весьма тихом ветре от юга. Сегодня мы видели превеличайшие стада птиц, множество разного рода морских растений и много китов.

Во всю ночь на 6-е число было тихо и шел дождь, а в 4 часа сделался ветер, нашла пасмурность и временно туман находил. В 7-м часу утра в пасмурности увидели мы берег, который сначала показался от нас в большом расстоянии. Скоро

*** Они получили сие имя от капитана Беринга, открывшего их 4 августа 1741 года¹⁴⁵.

после открылись обе его оконечности, которые показали, что это был небольшой остров и не слишком высокий. Капитан Ванкувер хорошими наблюдениями определил Чирикова острова широту $55^{\circ}49'$, долготу $154^{\circ}56'$. Это близко соответствовало положению нашего места в отношении к Чирикова острову, посему я думал, что Чирикова остров и Укамок один и тот же.

Желая совершенно в том увериться, принял сей остров за Укамок вице-адмирала Сарычева и в 9 часов взял курс к острову Чирикова, которого хотя и не надеялся найти, но, не доверяя нашим хронометрам и счислению, думал еще, что, может быть, виденный нами остров не есть тот же, что Чирикова. Однакож ветер не позволил нам править желаемым курсом. Между тем мы приблизились к южной стороне острова и были прямо на S милях в двух от низменного берега, простиравшегося на версту или на две между двумя высокими утесами. На низменном берегу показались нам юрты и байдара (лодка); а на возвышенном месте стоявший флагшток мы все ясно видели, почему в 10 часов утра, поворотив на другой галс к S, легли в дрейф.

Я приказал поднять наш флаг и выпалить из пушки, думая найти тут промышленных Американской компании; они могли бы к нам приехать и доставить некоторые сведения об острове. В то время бросили мы лот и нашли глубину 33 сажени, на дне мелкий, черный с серым песок.

Взяв рифы и пролежав с полчаса в дрейфе, пошли мы бейдесинд¹⁴⁶ к S, ибо ветер стал делаться крепче и погода туманнее, следовательно нельзя было ожидать, чтоб промышленные к нам выехали, если бы они и находились тут. Доколе мы лежали в дрейфе, весь южный берег открылся нам столь хорошо, что мы ясно видели все его протяжение, высоты, низкие места, излучины и гряды камней, простирающуюся от юго-западной оконечности к западу. Сравнив виденное нами с тем, что говорит Ванкувер о сей стороне острова, я совершенно уверился, что мы находились подле Чирикова острова, который есть тот же самый, что Укамок. На ванкуверовы наблюдения можно положиться, и более потому, что он

во многих случаях нашел погрешности в долготах, определенных капитаном Куком, и показал причины, от коих они произошли. Итак, уверившись, что Укамок и Чирикова есть один и тот же остров, я стану его называть первым из сих имен, потому что оно дано ему природными жителями здешнего архипелага, а первоначальные имена переменять, мне кажется, никто не вправе.

Будучи поблизости от острова, мы определили северной оконечности оною широту и долготу. В южной его стороне он высок и утесист; утесы состоят из камня; на вершинах кое-где лишь зеленелась трава, а к северу почти с половины длины его начинается он постепенно и ровно спускаться мысом, который, снижаясь, доходит до самой воды, и очень вероятно, что он простирает на значительное расстояние в море отмель; а потому с северной стороны подходить к нему должно с осторожностью. Сей низменный мыс, имеющий несколько невысоких холмов, весь покрыт зеленью, вероятно травой, годною для скотоводства; но ни леса, ниже кустарника видно не было, а только видели мы ясно на низменном берегу одной впадины несколько костров небольших бревен, повидимому собранных из выкидного леса промышленными, приезжавшими сюда для ловли морских зверей, которые, верно, здесь водятся, судя по уединенности острова. Китов же мы сами видели во всех от нас сторонах. Это был первый Алеутский остров, на котором не заметили мы ни клочка снега. На острове Кадьяке узнал я, что на Укамоке всегда живет отряд промышленных для ловли явращек¹⁴⁷ и птиц.

От сего острова стали мы править прямо к острову Ситхуноку¹⁴⁸. Ветер был OSO, то ровный, то тихий; погода облачна, но суха и по горизонту не туманна. В 5 часов вечера мы были почти на линии Укамока и Ситхунока: от первого в 33 милях, а от другого в 36, и с салинга они оба были хорошо видны; но земли, о которой Ванкувер упоминает, мы не видали, хотя были от нее только в 15 милях, и потому кажется, что она не существует; да и сам Ванкувер неутвердительно об ней говорит и поставил ее на своей карте под сом-

Вид порта Уналашко (капитанская гавань).
Из атласа к кругосветному путешествию на бриге „Рюрик“.

нением. В сие время (5 часов) увидели со шканцев остров Тугидок¹⁴⁸, простиравшийся на немалое расстояние от S к N, так что северной его оконечности мы и видеть не могли. В 7 часов мы были довольно близко к сему острову и к Ситхуноку, чтоб делать пеленги, и имели для сего хороший ход. Мы нашли широту южной оконечности Тугидока и расстояние юной от восточного мыса Ситхунока. Впрочем, мы не успели сегодня увидеть, далеко ли сей остров простирается к северу.

Ночь на 8 июля была дождливая, но тихая; мы старались держаться под малыми парусами на одном месте. Утро было туманное. В 8 часов горизонт очистился и настал прекраснейший день. Острова Ситхунок и Тугидок открылись нам весьма ясно; мы находились от берега милях в трех и пеленгами определили взаимное их положение.

Тугидок низкий, ровный, почти совершенно плоский остров и утесистый, простирается по румбу NO и SW на расстояние 10 или 12 миль. Лесу на нем нет, но местами зеленелась трава, впрочем, он, кажется, совсем бесплоден. От северной его оконечности через весь пролив, отделяющий его от Ситхунока, идет гряда камней, примыкающая к сему последнему, из коих многие могут назваться маленькими островами. Мы смотрели с салинга и не заметили, чтоб где-нибудь был проход для

большого судна сквозь сию гряду, на которой ходил страшный бурун, хотя ни ветра, ни волнения не было.

Ситхунок же довольно высокий остров: берега его большею частию состоят из каменных утесов, а внутри высокие холмы, между коими есть 3 или 4 низменности, через кои мы видели остров Кадьяк¹⁴⁹. Мы проходили в расстоянии не более двух миль от южной стороны Ситхунока, но не видали на оном ни леса, ниже кустарника, одна только трава зеленелась; на берегу же лежало множество выкидного леса: это показывает, что здесь часто дуют ветры, наносящие сей лес с берегов полуострова Аляксы¹⁵⁰.

Нынешний день был ясный и теплый, какого мы еще с самого отбытия из Камчатки не имели. Нам удалось взять очень хорошо высоты солнца для широты и долготы по хронометрам, с помощью коих мы определили географическое положение сих двух островов.

В 3 часа пополудни открылся нам Кадьяк, а вечером прошли мы пролив, разделяющий вышеупомянутые острова и Кадьяк, и шли вдоль берега милях в четырех, правя к острову Угаку¹⁵¹. Против пролива видели мы непонятное множество китов, которые и ночью нас окружали, бросая воду столпами и испуская при сем какой-то странный, громкий шум, подобный вздохам. Ночью сделалось облачно, а на рассвете и пасмурно, так что мы

иногда едва могли видеть берега, из коих самые высокие были покрыты местами снегом; но как пасмурность иногда делалась реже и позволяла нам видеть берега, то мы продолжали идти прямо к Угаку, который увидели сего числа в 6-м часу утра, а в 9 прошли в расстоянии одной мили и стали от него править к мысу Чинниатскому, составляющему южную сторону большого залива Чинниатского, при коем находится гавань Павла — главное место на сем острове Российско-Американской компании.

Маленький, но высокий островок Угак, имеющий не более 10 или 12 верст в скружности и отстоящий от кадыкского берега в 2½ милях, как будто нарочно поставлен служить приметою идущим в сей порт кораблям; иначе весьма трудно было бы его найти, потому что частые туманы и пасмурность не позволяют иногда по несколько дней сряду определить своего места по наблюдению светил небесных и в то же время скрывают приметные места. Остров же Угак есть у сего берега один, следовательно, стоит только править вдоль берега милях в четырех от оногo, когда верно его увидишь; а от острова весьма легко уже будет найти Чинниатский залив. Мы точно таким образом в весьма пасмурную, дождливую погоду нашли оный.

В Чинниатский залив вошли мы в первом часу пополудни, когда только виден был один мыс сего залива, прочие же все берега были закрыты мрачностью; но, не желая потерять прекрасный ветер, я решился идти в гавань, надеясь на карту капитана Лисянского¹⁵², но за сию доверенность едва не заплатил было кораблекрушением. Я бы ни слова о сем не сказал, если бы молчание мое не могло со временем послужить к гибели какого-нибудь мореплавателя, который также положится на сию карту. Карта сия имеет большие недостатки, которые я объясню. От Чинниатского мыса я правил прямо к Камню Горбуну, чтоб, увидев его, определить второй курс. Камень сей мы и действительно увидели, как ожидали, и прошли от него в полуверсте. Лисянский в своем путешествии говорит, что, входя в сей залив, он «боялся островов Пустого и Лес-

ного, коих берега для кораблей очень опасны». Он шел к SW; после в тумане не знал, где он находился, доколе не приехал к нему правитель селения и не дал своего штурмана, который и ввел корабль его в гавань, не говоря, каким проходом.

Читая сие место и глядя на карту Лисянского, нельзя было не заключить, что он шел подле южного берега, где у него не означено никакой опасности, между тем как во многих других местах залива поставлены рифы и камня, и как на карте сказано, что она сочинена с описи, под его надзором штурманом Калининым сделанной, то я, нимало не сомневаясь, шел, как я полагал, самым безопасным путем; но в какое удивление пришел*, когда увидел прямо перед собою рифы камней, на карте не означенные! Люди были все по местам, и потому мы в миг отворотили от опасности и легли в дрейф.

Я велел было спустить шлюпки, чтоб послать промеривать, как увидел ехавшие к нам две байдары**, из коих на одной был промышленный, который сказал нам, что там, куда мы шли, пройти невозможно по причине множества наружных и подводных камней, а проход лежит подле Лесного острова, но что он направления и ширины его точно не знает. Мы сами пошли туда по лоту; между тем сделали несколько пушечных выстрелов для призыва кого-нибудь из гавани. Скоро к нам приехал лоцман и повел нас подле самого берега Лесного острова, который Лисянский считал столь опасным. В 5-м часу пополудни вошли мы в Павловскую гавань и стали на якорь благополучно; а на другой день утвердили шлюп канатами против самого селения, в расстоянии от берега 40 или 50 сажен.

* Строки, косыми буквами напечатанные, я не имел намерения выпустить в свет с именем Лисянского, которого весьма много уважаю как искусного мореходца, а каким образом это случилось в противность моего желания, можно видеть в прибавлении под № 4. (От редакции. В прибавлении под № 4 Головин указывает, что, направляя статьи из книги для напечатания в журнале «Сын Отечества», он отметил места, где упоминалось имя Лисянского и название его корабля, красными чернилами с тем, чтобы эти места не опубликовывались. Редакция журнала не приняла во внимание желания Головина, и статья была напечатана полностью.)

** Алеутские кожаные лодки, о коих много уже было говорено в разных путешествиях.

Все, составлявшие наш экипаж, были здоровы, кроме пяти человек, имевших легкие припадки, и шлюпу не было надобности ни в каких исправлениях, а потому мне только нужно было пробыть здесь несколько дней для проверки хронометров, для описи залива и для исследования поступков служителей Российско-Американской компании в отношении к жителям, как то мне было предписано.

Для описи Чиниатского залива и Павловской гавани употребили мы пять дней при весьма благоприятной погоде и в малую воду, когда горы, все мысы и берега были хорошо видны, рифы и камни открыты; лишь светлые облака закрывали солнце, почему нельзя было делать астрономических наблюдений. Мы вымерили расстояние между некоторыми предметами, взяли с них пеленги и промерили глубину. Но когда приступили к составлению карты, тогда я узнал, что в компанейской здешней конторе находится карта, сочиненная штурманом Васильевым, весьма искусным и прилежным человеком, который, находясь в службе Компании, жил здесь около года и имел случай и время сделать хорошую опись. Положа наши пеленги и расстояния на его карту, мы нашли совершенное сходство; промеры также сходились. Это избавило бы нас от труда делать новую опись, если бы мы прежде о сем знали; нам только надлежало на Васильева карту наложить наши промеры там, где у него их не было, и сделать некоторые маловажные дополнения.

Нашу опись производили штурман Никифоров, гардемарины Тобулевич и Лутковский 2-й и штурманский помощник Козьмин; сей последний составлял и карту. На оной рифы и камни, которых нет на карте Лисянского, означены красными чернилами. *Из сего видно, сколь карта сего последнего должна быть пагубна для мореходцев, здесь плавающих, и тем более, что на ней написано, что она составлена под особенным его надзором, следовательно, тут предполагается и особенная верность.*

Между тем ежедневно являлись ко мне челобитчики как русские, так и природные жители, которые все приносили жалобы на своих правите-

лей; некоторые из сих жалоб, вероятно, были дельные, а другие пустые и неосновательные. Чтобы лучше разведать прямое состояние здешних дел, отнесся я письменно к начальнику духовной миссии монаху Герману, по слухам, человеку умному и благочестивому, которого здесь большая часть жителей довольно выхвалять не может. Он доставил мне многие весьма важные сведения письменно и утвердил их своею рукою. Равным образом и правитель здешний* на запросы мои подал объяснения, довольно ясно показавшие мне все обстоятельства, сопряженные с состоянием здешнего края.

Собрав нужные мне сведения, я со многими из старших офицеров начальствующего мною шлюпа 17 июля ездил на берег и осматривал все заведения, в селении гавани Павла находящиеся, о состоянии коих мы составили бумагу и все общею подписью утвердили.

Флота капитан Ю. Ф. Лисянский в изданном им «Путешествии кругом света» весьма хорошо и довольно подробно описал здешний край. В путешествии морских наших офицеров Хвостова и Давыдова¹⁵³ также много правды о том же предмете сказано, а по сему самому я за излишнее почитаю тем же скучать читателю.

19 июля вышли мы из гавани в так называемый северный проход, но за безветрием не могли сего числа отправиться в путь и простояли тут на якоре целые сутки. Сей проход, находящийся между берегом Кадьяка и Лесным островом, есть настоящий рейд и самый безопасный. Гавань же очень узка: большие суда с трудом могут стоять в ней покойно.

Июля 20-го в 8-м часу утра, при самых тихих, переменных ветерках, с помощью течения и буксира, пошли мы в путь; но в полдень принуждены были против Елового острова стать на якорь. Легкий ветерок от юга в час пополудни позволил нам опять сняться с якоря. К 4-м часам стал он дуть свежее при весьма ясной погоде, так что мы стали править прямо на мыс Эчком** к порту Ново-Архангельску.

* Мещанин Потарочин.

** Cape Edgumbe, так названный Куком, но русские компанейские служители на-

Здесь должно заметить, что на острове Кадьяке нашел я алеута, бывшего в звании переводчика с Коцебу на бриге «Рюрик» в плавании его к северу. От сего человека узнал я, что Коцебу действительно осматривал те берега, кои мне было предписано изведать, в случае, если бы в цель его путешествия не входил сей предмет. Здесь же узнал я, что главный правитель компанейских колоний в нынешнем году, по желанию государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, отправил отсюда отряд, который должен сухим путем пробираться от полуострова Аляксы к северу, сколько возможно будет, для описи берегов и пр. После сего мне уже ничего не оставалось делать в здешнем краю, разве только заняться мелочною подробностью, описывая разные ничего не значащие острова, не заслуживающие того, чтоб для них употреблено было большое иждивение, которое требовалось на содержание многочисленного экипажа.

Об острове Кадьяке

Остров Кадьяк, или Кодиак, по географическому своему положению и по сходству жителей оного с некоторыми народами северо-западного берега Америки, есть один из американских островов и самый величайший из всех, принадлежащих российскому skipетру. Он находится между северными широтами $56\frac{3}{4}$ и 58° и долготами западными от Гринвича 152 и 154° , имея протяжения в длину около 90, а в широту 70 миль. Кругом вблизи оного находится много небольших островов, составляющих вместе с ним как бы одну нераздельную землю; знатнейшие из них суть: Афонгак, Яврашечий, Еловый, Угак, Салтхидак, Ситхунок и Тугидок.

Кадьяк весь, так сказать, усеян горами, из коих многие весьма высоки и покрыты вечным снегом; но огнедышащих гор на нем нет. Между горами находится множество обширных долин и текут реки; внутренность острова русским не довольно

известна; берега же все кругом были ими посещаемы.

Земля здесь прекрасной чернозем, покрытый везде лесами или пастбищами. Свойство земли весьма удобно к хлебопашеству, но климат сему не способствует: почти беспрестанные туманы и весьма частые дожди, бывающие по крайней мере по 2 и по 3 дня сряду каждую неделю, всегда будут препятствовать успехам земледелия. Начальник здешней миссии, монах Герман, пытался на Еловом острове сеять пшеницу и ячмень; последний годом родился изрядно, а у пшеницы зерна никогда не вызревали и для семян вовсе не годились. Даже из огородной зелени капуста растет только в лист и вилок никогда не бывает; впрочем, здесь родится в изобилии картофель, репа, редька, хрен; но вся здешняя зелень от частых дождей имеет водяной вкус. Пастбищами же Кадьяк изобилует: менее чем в 15 лет Компания, от весьма малого числа, развела до пятисот голов рогатого скота, более ста баранов, столько же свиней и несколько коз. Мясо их самое вкусное и жирное, кроме свиного, которое имеет отвратительный запах по той причине, что сих животных кормят здесь рыбою. Местоположение и тучность пастбищ позволяет иметь всякое количество скота, если бы трудность не предстояла в заготовлении для него корма на зиму, ибо жителей здесь мало, а зимы бывают продолжительны и снег лежит долго: иногда с половины декабря по исход марта; морозы простираются часто до 10° по Реомюру, и реки и озера всякую зиму замерзают.

Кадьякские горы покрыты лесом, и внутри острова есть, вероятно, леса, годные во всякое строение, но, по невозможности доставлять их к берегам, они бесполезны. В приморских же местах южная часть острова вовсе годного к строению леса не имеет; а в северной есть еловый, но он так слаб, что строение здесь чрез 10 лет сгнивает, чему также и сырой климат много способствует. Впрочем, на острове растут береза, ольха, тополь и некоторые другие.

Из диких растений, употребительных в пищу, почти все то же есть, что и в Камчатке. По лесам много

зывают его мысом Трубицына, потому что у Чирикова боцман сего имени умер, когда он находился подле здешних берегов.

Вид селения купца Шелехова на острове Кадьяк.
Из атласа к путешествию капитана Сарычева.

груздей, рыжиков, шампиньонов и других грибов; ягоды также растут в большом изобилии: клюква, брусника, мамура, морошка, голубика, шикша¹⁵⁴ * и малина; сия последняя крупна и яркого красного цвета, но водяна и вовсе ни вкуса, ни запаха малины не имеет. Сне, без сомнения, происходит от частых дождей, ибо и у нас в России, когда случается лето весьма дождливое, то как плоды, так и огородная зелень бывают водяны, невкусны и имеют слабый запах.

Из животных четвероногих природные острову суть: медведи, разного рода лисицы, горностаи, собаки, явращки и мыши; но волков и зайцев нет. Медведи здешние велики, но шерсть их бурая и жесткая, почему они и цены никакой, как пушной товар, не имеют. Явращек здесь удивительное множество: каждый год компанейские промышленники убивают их многие тысячи, но они не переводятся. Компания парками, из явращек сшитыми, платит алеутам за

их промыслы и своих промышленных одевает. Паркою называется платье, похожее на стихарь, только рукава уже и длиннее; для каждой парки надобно сто явращечьих шкурок. Впрочем, сколько они ни нужны для Компании, но пастбищам делают большой вред, ибо от нор их под землею травяные корни лишаются соков и растения вянут и сохнут. Ядовитых пресмыкающихся, как то: змей и ужей, вовсе нет. Из береговых птиц водятся орлы, журавли, куропатки, разного рода кулики, вороны, сороки и несколько родов маленьких птиц; а из водяных разных родов — утки, кулики, гуси и лебеди Морских же птиц при берегах Кадьяка бывает несчетное множество, как то: урилов, ар, топорков, гагар и много других родов.

Из дворовых птиц здесь разведены только одни куры.

Воды, окружающие сей остров, изобилуют морскими животными и рыбою: первые суть киты, сивучи, тюлени (нерпами здесь называемые) и касатки; последняя разных родов и

* Шикша — камчатское название.

Тайон с острова Кадьяка.
Рисунок Тихонова.

повсюду при великом количестве ловится, а особливо летом: с исхода апреля по начало ноября все реки и ручьи наполняются красною рыбою, стремящеюся в них с моря. Рыба сия того же рода, что и в Камчатке, и тем же порядком входит в реки: красная рыба, хайко¹⁵⁵, горбуша, кижуч; сверх того, есть чавыча, некоторый род семги и гольцы¹⁵⁶. Чавыча есть самая вкусная и нежная рыба; на Кадьяке ловится она в некотором изобилии только в реке Карлуке и в гавани Трех Святителей: последняя жирнее и вкуснее. Впрочем, попадаетса она и в других местах, только редко.

В летнее время, когда красная рыба идет в реки, тогда жители ни во что ставят белую: треску мальчишки

ловят для одной забавы, чтоб после привязать к ней что-нибудь или одну с другой связать и опять пустить в воду. Красная рыба здесь ловится в чрезвычайном количестве: кроме того, что ею одною жители питаются сами, но кормят свиней и собак и запасают еще как для себя, так и для сих животных вяленую рыбу на всю зиму. Нередко случается, что жители бросают в море по 10 и 20 тысяч рыб, которые, будучи развешаны для сушения, от продолжительных дождей испортятся; но оттого почти никогда недостатка в оной не бывает, ибо скоро после опять наловят они такое же количество. Заметить надобно, что здесь с весны до сентября месяца в рыбе всякого рода бывают небольшие черви, но для употребления в пищу рыба сия не вредна.

Жители острова Кадьяка имеют большое сходство с американцами соседственного берега как в обычаях, так и в языке. Бывший с нами натуралист Вормскильд, посещавший прежде Гренландию, тотчас заметил большое сходство в языке

гренландцев с кадьякским¹⁵⁷. Они вообще малорослы, но плотны и довольно статны; лица имеют смуглые, круглые, с высунувшимися щеками; глаза черные, небольшие; волосы длинные, прямые, черные; бороды также черные, только невеликие. Ныне число жителей на всем Кадьяке и окружающих его островах, по ведомостям компанейских контор, мужского и женского пола не превышает трех тысяч душ, и они почти все считаются христианами. Но некоторые и по сие время держатся своих обрядов, имеющих сходство с богопоклонением: есть у них вещи, которые они боготворят, и есть правила, кои почитаются между ними священными. Только теперь весьма трудно узнать,

в чем религия их состоит. Ибо первые русские, поселившиеся здесь, когда видели жителей, исправлявших обряды своей веры, смеялись и шутили над ними; также когда узнавали от них о разных преданиях их относительно к сотворению мира и к бытию человека, то обращали в смех и оказывали презрение к их мнениям, а потому ныне на вопросы касательно сего предмета ни один кадьякский житель правды не скажет.

Я нашел на сем острове человека, природного тамошнего уроженца, которого, когда он был еще очень молод, покойный Шелехов¹⁵⁸, между прочими, брал с собою в Иркутск, где его научили читать и писать и играть на скрипке и на флейте; он говорил по-русски очень хорошо. Я хотел, посредством его, расспросить их о понятиях, какие они имеют о боге и свете. Но он мне сказал, что сам он ничего об этом не помнит, ибо оставил в молодых годах свою родину на долгое время, а прочих нечего и спрашивать, потому что они правды не скажут. О разных их прежних обрядах и обычнностях, имеющих некоторую связь с их понятиями о существе вышнем, и о нравах и обычаях их можно

читать в путешествии Лисянского. Он жил на сем острове более года, следовательно имел случай лучше меня заметить все, касающееся до сего народа. В том же путешествии довольно подробно описано состояние жителей в отношении к Российско-Американской компании и замечено почти все, что они терпят от компанейских правителей. Но я здесь только прибавлю, что дела Компании шли здесь не очень хорошо при прежнем начальнике; нынешний же главный всех компанейских колоний правитель** принял самые деятельные и строгие меры к истреблению зла, по разным частям компанейских дел, вопреки благонамеренности самой Компании существовавшего; а особливо прилагал он старание остановить притеснения и обиды, кои терпели жители от промышленных, и улучшить их состояние. Во многом он уже успел; и потому-то замечания Лисянского читатель должен относить к прежнему положению дел в здешней стране, а не к нынешнему.

Я мог бы к замечаниям Лисянского присовокупить много того, что я, так же как он, сам видел и знаю, но писать о том, что было и прошло, значило бы писать не путешествие, а историю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Плавание от острова Кадьяка к северо-западным берегам Америки и пребывание в порте Ново-Архангельске, с замечаниями об оном

Во время плавания нашего от острова Кадьяка до северо-западных берегов Америки ничего особенного внимания достойного не случилось. Мы шли с переменными ветрами, большею частию нам попутными, которые только, будучи сопровождаемы почти беспрестанными туманами, дули столь тихо, что мы не прежде могли увидеть мыс Эджком*, образующий северную сторону входа в Ситхинский залив, как в 6 часов вечера 25 июля. День сей примечателен для нас также по несчастному случаю: мы лишились одного из самых лучших наших матросов, по имени Евдо-

кима Маркова; он часто жаловался на слабость, наконец, приключилась ему горячка, от которой он и умер.

Противные ветры, с юго-восточной стороны дувшие и часто с большою силою при туманной, дождливой погоде, продержали нас в море против входа в залив трое суток; наконец, 28-го числа настал умеренный ветер от северо-запада, с которым мы и пошли к порту. Но когда вошли в залив, то ветер вдруг затих и после того дул полосами, часто совсем утихая, так что мы не прежде, как в 4-м часу пополудни вошли в порт Ново-Архангельск¹⁶⁰. По приходе нашем крепость салютовала нам семью вы-

* Так называемый англичанами, испанцы же именуют его мысом Обмана — *Sapo d'Engano*, а бывший правитель компанейских колоний коллежский советник Баранов¹⁵⁹, усердный почитатель славы русского имени, нарек сей мыс именем капитана Чирикова.

** Флота капитан Леонтий Андреевич Гагенмейстер; он долго служил в английском флоте и имел случай видеть разные колонии сего народа.

стрелами, а потом американский бриг таким же числом; первой возвратили мы выстрел за выстрел, а последнему двумя выстрелами менее. Здесь нужным считаю заметить, что в салютах на море мы по сие время руководствуемся Петра Великого морским уставом, в котором, между прочим, повелено: «а капитаны партикулярные имеют ответствовать торговыми двумя выстрелами меньше». Закон сей относится к судам, о торговых же крепостях ни слова не сказано, потому что их тогда не существовало. Следовательно, компанейской крепости, находившейся под купеческим флагом, по-настоящему надлежало бы салютовать также двумя выстрелами менее; но, с другой стороны, приняв в уважение то, что компания сия, хотя и торговое общество, но владеет пространными областями, находится под высочайшим покровительством государя и имеет в торговом своем флаге императорский российский герб, я решился возвратить ей равный салют, чего другой на моем месте, может быть, не сделал бы, а отсалютовал бы по точному смыслу вышеприведенных слов устава.

Едва успели мы положить якорь, как приехали к нам многие господа, находящиеся здесь в службе Российско-Американской компании*. От них узнали мы, что вступивший на место коллежского советника Баранова в должность главного правителя над колониями флота капитан Гагенмейстер за месяц до нашего прихода сюда отправился в Калифорнию, чтобы купить там хлеба для здешних селений, и не прежде хотел возвратиться, как в октябре месяце, и что за отсутствием его управление над колониями препоручил он Яновскому и Хлебникову, из коих первый находился в компанейской службе в качестве капитана над Ново-Архангельским портом. Сии господа предложили мне все зависящие от них услуги и пособия, в чем они меня и не обманули. Во всю бытность нашу здесь они не упустили случая снабжать нас свежими съестными припасами, как то: мясом, рыбою, зеленью и пр.

* В том числе флота лейтенанты Яновский и Подушкин и правитель здешней конторы купец Хлебников.

Они же своими рабочими людьми доставили нам деревья для запасных стенов, брамстенов и других рангоутных вещей, в коих мы имели нужду.

Лишним было бы здесь писать посуточно, что мы когда делали, будучи в порте. Довольно сказать, что главный предмет нашего прибытия сюда было исследование поступков компанейских чиновников и служителей и поверение хронометров; первое было нетрудно исполнить, и я надеюсь, что начальство не будет иметь причины обвинять меня в пристрастии к кому-либо или упущении, когда рассмотрит мое донесение, относительно к сему предмету, которое по существу дела и по многим обстоятельствам, с оным связанным, не может быть здесь помещено. Что же принадлежит до поверки хронометров, то по причине беспрестанных дождей и туманов никак мы не могли поверить их удовлетворительным для нас образом, ибо в 21 день нашего здесь пребывания ясных дней было только два, когда солнце с утра до вечера сияло; облачных, но без дождя, три, а во все прочие или шел дождь или был мокрый туман, и потому только два раза могли взять соответствующие высоты солнца, по коим разность, хронометрами делаемую, определили довольно хорошо, но ход их верно найти случая не было, а посему мы предоставили это будущему времени, надеясь определить оный в Монтерее¹⁶¹, куда и решили итти для свидания с Гагенмейстером¹⁶².

В Ново-Архангельске оставили мы привезенный нами компанейский груз, вместо коего положили в шлюп балласт и большое количество дров, которые рубить было легко и близко на островах; налили достаточное количество воды и, исправив снасти и паруса, поспешили приготовить шлюп к походу, но противные ветры не допустили. В бытность нашу здесь мы иногда занимались охотою, ездили по островам или проводили время в обществе здешних чиновников. Нередко забавляли нас ситхинские жители, из которых два племени тогда находились поблизости от крепости и были в дружбе с компанейскими служителями. Они к нам несколько раз при-

Женщина с острова Кадыяка.

Рисунок Тихонова.

езжали на своих лодках, будучи одеты в разные смешные наряды, состоящие из смеси европейской одежды и их собственной. Но так одевались одни лишь старшины и их родственники, все же прочие имели вместо платья только байковое одеяло на голом теле. Женщины их также приезжали с ними. Приближались они всегда с песнями и не прежде всходили в шлюп, как объехав кругом его раза два или три и потом у борта пропев песню, заключающую в себе предложение и обещание мира и дружбы.

В обычаях своих они не сделали никакой перемены со времени Кука и теперь точно так же живут и ведут себя, как описано в путешествиях сего славного мореплавателя, Лаперуза и Ванкувера, кроме того только, что ныне они знают употребление огнестрельного оружия.

Они у нас бывали по несколько часов сряду, и я обыкновенно их потчевал патокою с сухарями и водкою, что им весьма нравилось. Но, несмотря на такое дружеское об-

ращение, люди сии были весьма опасные соседи, ибо они редко упускают случай воспользоваться оплошностью чужеземца и тотчас нападут и перебьют всех, кого смогут, чтоб завладеть имуществом их, а часто и без всякой цели грабежа умерщвляют они русских промышленников по одной варварской злости. Один из старшин, к нам приезжавших, по имени Котлеан, был при истреблении русских¹⁶³, которые сначала здесь поселились, от чего он и не отпирается, но говорит, что дядя к тому его принудил, а сам он того не желал, будучи всегда верным другом русских. За сие уверение главный здешний правитель дал ему серебряную медаль, между тем брата его родного держит в крепости заложником. Это такие люди, которых вероломство и самое лицо их показывает. Тихонов весьма удачно нарисовал их портреты, как то и вообще во всех его рисунках находится большое сходство с подлинниками.

Противные ветры, безветрие и туманы продержали нас в порте 4 дня. Наконец, потеряв терпение, я решил-

ся вывести шлюп из-за островов на просторное место завозами, в надежде найти там хотя легкие ветерки, помощью коих можно было бы выйти в море, и, к счастью, в ожидании моем я не обманулся, ибо 19-го числа, начав работу с утра при безветрии, мы провели к 6-ти часам вечера шлюп завозами мимо всех опасностей в большой залив, где, пользуясь слабым ветерком, дувшим попеременно от разных румбов NW четверти, к рассвету 20-го числа вышли из Ситхинского залива в море и, удалясь от берегов на расстояние миль 20 или 30, пошли вдоль оных. Ветер был тогда свежий от NW, при сухой облачной погоде, и продолжался во весь день. В 9-м часу утра говорили мы с американским бригам «Брутусом», который прежде видели в Ново-Архангельском порте: он ходит по здешним заливам для торговли.

Замечания о Ново-Архангельске

Ново-Архангельскою крепостью названо главное селение Российско-Американской компании в ее колониях, лежащее под широтою 57°03', при северо-западных берегах Америки. Оно находится внутри Ситхинского залива. Залив сей пространен: в отверстии имеет он не менее 25 или 30 верст и внутрь вдался почти на столько же. У берегов, его образующих, почти по всему их протяжению, кроме северо-западной части, находится множество разной величины покрытых лесом островов, между коими есть немало хороших и безопасных гаваней: находящаяся при компанейском селении внутри залива есть одна из лучших, будучи пространна и островами закрыта от всех ветров; притом имеет она хорошее дно и пристойную глубину для безопасного стояния на якорях в самые жестокие ветры; а сверх того входит в нее и выходит из оной можно разными проходами между островами, следовательно, и при разных ветрах.

Крепость стоит на высоком каменном холме у самой гавани; и если судить о ней по главному ее назна-

чению и цели, с какою построена она, то это компанейский Гибралтар, ибо, стоя на высоком месте и будучи обнесена толстыми палисадом с деревянными башнями, служащими вместо бастионов, и снабжена десятками пятью разного рода и калибра орудий и достаточным количеством мелкого оружия и военных снарядов, она действительно страшна и неприступна, но против европейской силы, даже против силы одного фрегата, она уже не крепость.

Здесь местопребывание главного правителя. Он живет в двухэтажном деревянном доме, построенном на самом возвышенном месте крепости, и имеет пред собою прекраснейшие виды. Обширный Ситхинский залив весь открыт ему. Ближние зеленеющие острова с узкими между ними проливами, извивающимися в разных направлениях, представляют подобие пространного сада. С другой же стороны являются взору высокие горы, из коих вершины некоторых покрыты всегда снегом. В селении есть церковь, магазины, казармы, мастерские и несколько других строений компанейских и собственно служителям ее принадлежащих. Сии последние, также и церковь — вне крепости. Здесь Компания имеет верфь и все нужные к тому заведения. Она построила уже несколько судов из лиственничного дерева. Здешний лес непрочен: строение в крепости лиственничное через десять лет уже во многих местах сгнило; причиною сему и климат, может быть, ибо здесь не проходит недели, в которую бы по крайней мере 4 или 5 дней не было дождя, и из тех большею частию идут проливные. Душное дерево крепче, но оно для строения тонко и притом далеко доставать его из внутренности лесов, которыми все здешние берега сплошь покрыты.

Компания основала сие селение и удерживает его для промысла бобров¹⁶⁴, и в сем отношении нельзя лучше выбрать места; ибо оно находится, так сказать, в середине привалов, где животные сии обитают во множестве; следовательно, Компании весьма легко отправлять суда и артели во все стороны как для промыслов собственными своими промышленниками, так и для выменивания бобров и других дорогих зверей от

ся вывести просторное де найти та помощью к в море, и, моем я не о начав работ мы провели завозами м большой за. бым ветерк от разных, рассвету 20. ского залив берегов на 30, пошли тогда свеж облачной г весь день. рили мы «Брутусом», ли в Новс ходит по торговли.

о Но

Ново-Ар названо гла Американск ниях, леж при северо- ки. Оно на го залива. отверстии 30 верст и столько же щих, почти кроме севе дится мно покрытых коими ест пасных га компанейск есть одна странна и ветров; при дно и при пасного с жестокие н дить в нее разными д ми, следо ветрах.

Крепост ном холм судить о н

природных жителей; равным образом и сим последним удобнее и ближе приезжать в сию крепость за товарами, кои могут быть для них нужны, нежели в другие компанейские селения. Но во всех прочих отношениях место сие самое несносное. Больших холодов здесь не бывает и земля снегом редко покрывается; иногда случаются морозы, от коих озера на несколько дней покрываются льдом, довольно крепким, чтоб поднять человека.

Но чрезвычайно мокрый и сырой климат гораздо хуже всякого холода: он причиняет разные болезни, а особливо цынготную, коею страдают множество компанейских служителей и от коей немалое число ежегодно умирает.

Невзирая на умеренность здешнего климата, земледелия здесь никогда быть не может по причине частых или почти непрерывных дождей. Хлеб не может там созреть, где даже обыкновенная, грубая огородная зелень на открытом воздухе полного своего роста не достигает; например, огурцы здесь не могут родиться, и капуста растет только в лист, а вилки бывают у той, которую сажают при горячих ключах, в некотором расстоянии от крепости. Прочая обыкновенная огородная зелень, как, например, репа, салат, картофель, родится хорошо, но имеет особенный какой-то водяной вкус.

Дремучие леса, коими покрыты все берега и острова по всему протяжению здешнего края, не позволяют иметь скотоводства, и теперь здесь находится не более 10 голов рогатого скота и несколько свиней, да и тех должно держать поблизости от крепости, иначе опасно за ними ходить; ибо природные здешние жители, *колюжами*¹⁶⁵ называемые, столько, по наущению иностранцев, ожесточены против русских и столь дики, что, не-

Тайон с острова Ситхи по имени Котлеан.
Рисунок Тихонова.

смотря на все способы, употребляемые Компанией расположить их к дружескому сношению, по сие время остаются непримиримыми ее врагами. При том они так вероломны и хитры, что именно тогда, когда войдут в какое-нибудь дружеское сношение и дадут обещание жить миролюбиво, их надобно опасаться более. Они не упускают случая убить русского, если могут сделать сие, не подвергаясь сами опасности, и потому здешние промышленники ходят из крепости работать в огородах вооруженные и целыми артелями.

За несколько месяцев до нашего сюда прибытия колюжи верстах в 3 или 4 от крепости убили двух промышленников, когорые ходили туда рубить нужное им дерево и были снабжены ружьями. Но так как здешние дикие не составляют одного целого общества, управляемого одним старшиною, а разделяются на разные по-

колениа, которые живут или скитаются по своему произволу, друг от друга нимало не зависят и часто даже одно из них враждует против другого, то и невозможно над ними произвести мщения; ибо нельзя узнать, к какому поколению принадлежат виновные; разве поставить за правило мстить им без разбора! Но в таком случае они все могли бы соединиться для нападения на компанейское селение и могли бы сделаться оному весьма опасными, особливо если бы удалось им нечаянно ворваться в крепость. Притом такое правило могло бы вмениться компанейскому правителю в жестокость и преступление. Посему русским здесь остается одно средство: быть всегда осторожными и вооруженными и жить, как в осажденной крепости. Но приятно ли в таком положении находиться несколько лет сряду?

Главную, а часто, бывало, и единственную пищу промышленников составляет рыба. В летние месяцы ловится она здесь в большом изобилии, а особливо разные роды лососиной породы и палтусы; есть также треска и несколько других родов, только не в таком количестве, как первые. Летом рыбу вялят, а иногда солят и коптят на зиму. Приправою к рыбе служит им огородная зелень и картофель, буде кто имеет огород и успел возделывать его; изредка продают им муку. В лесах здесь есть много диких растений, которые и не по нужде могли бы служить приятною пищею, а также разного рода ягоды, как, например, малина, морошка, черная смородина, голубика и несколько других; из грибов растут здесь сморчки, грузди и сыроежки*. Но промышленные не имеют способов и времени запасть их. Жены и дети их не могут ходить в леса, не подвергаясь опасности быть убитыми или увлеченными в неволю, да и сами промышленные на большое расстояние от крепости не могут удалиться иначе, как отрядами и вооруженные.

О занятиях Американской компании в здешнем краю и о многих других обстоятельствах, относящихся к сему обществу, говорил я в замечаниях об острове. Кадьяке и сказал

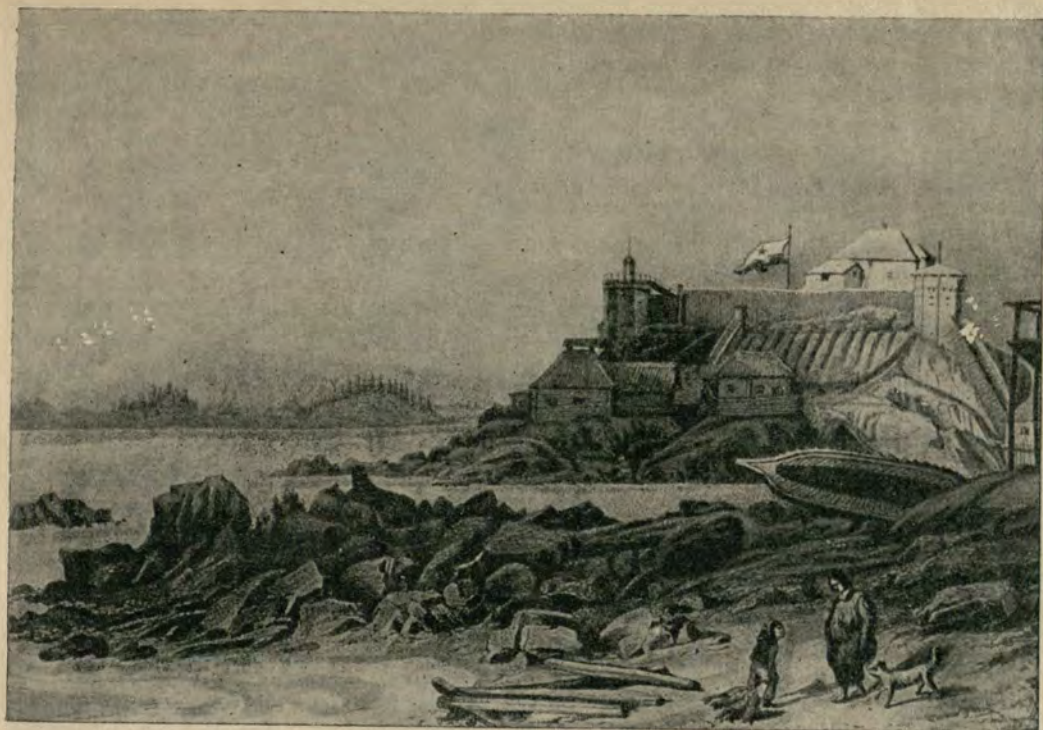
все, что, по мнению моему, было можно, нужно и должно сказать. Но здесь считаю необходимым упомянуть о таком обстоятельстве, которое довести до сведения участников Компании я даже обязанностию почитаю и тем более, что я сам, не будучи членом сего общества, не могу лично для себя получить ни пользы от надлежащего и справедливого хода дел Компании, ни понести урона от злоупотребления, в делах ее существующего; но говорю, как должно говорить россиянину, желающему пользы и славы своему государю и отечеству.

Известно, что блаженной памяти император Павел I государственною грамотою пожаловал на определенное время исключительную привилегию одному соединенному обществу, под названием Российско-Американской компании, производить на островах Северо-восточного океана и по северо-западному берегу Америки промыслы и торговлю на правах и постановлениях, высочайше утвержденных. В грамоте означены пределы российских владений, на исключительную выгоду помянутому обществу пожалованных. Право обладания России сим краем основано на началах, принятых за истинные и справедливые всеми просвещенными народами, а именно: по праву первого открытия и по праву, еще того важнейшему, первого занятия. Вся Европа ведает и признает, что северо-западный берег Америки, от широты 51° к северу, открыт нашими мореплавателями Берингом и Чириковым. Русские первые из просвещенных народов подробно изведали здешний край и основали в нем свои промыслы; а потому, кажется, нет никакого сомнения, чтобы Россия, наравне с прочими державами, имеющими в их зависимости подобные области или колонии, не могла располагать ими сообразно с своими постановлениями, основанными на благе и выгодах ее подданных.

Но, к удивлению моему, как в нынешнем, так и в прежнем** моем путешествии, я видел совсем другое. Граждане соединенных областей Северной Америки ежегодно посылают туда по несколько судов, число коих иногда простирается до двадцати, для

* *Agaricus aeris*.

** В 1810 году на шлюпе «Диана».

Ново-Архангельск.
Из атласа к путешествию Литке.

торговли с жителями в пределах России принадлежащих и ею занятых. Подрыв, какой они делают торговле и промыслам Американской нашей компании, простирается до чрезвычайности. Довольно сказать, что в бытность мою на Сандвичевых островах нашел я там несколько судов, принадлежащих помянутой республике, из коих одно собрало на северо-западном берегу Америки в два лета 3500 бобров, другое в одно лето получило их более 1000. Из сего можно видеть, какое большое число сих животных все они ежегодно доставляют в Кантон. Все сии бобры или, по крайней мере, самая большая часть из них должны были бы чрез руки россиян ити к китайцам.

Это еще не все. От сей, можно сказать, хищнической торговли происходит другое, гораздо важнейшее зло: сии суда снабжают жителей порохом, свинцом, ружьями и даже начали доставлять им пушки, явно с намерением употреблять сии орудия против россиян, из коих весьма многие пали от действия оных, и я смело могу утверждать, что самая большая часть русских промышленников, по-

гибших от руки диких американцев, умерщвлены порохом и пулями, доставленными к ним просвещенными американцами.

Я не понимаю, каким образом согласить такую явную вражду сих республиканцев с правами народными. Свобода их плавать при берегах мест, нами занятых, должна бы основываться на одном из следующих трех обстоятельств. Первое: если бы государь, пожаловав право одному обществу россиян на промыслы и торговлю в известной части своей империи к исключению всех прочих своих подданных, не хотел иностранцев лишить сих выгод и в грамоте своей, не упомянув о них ни слова, подразумевал, что они могут оными пользоваться наравне с Российской компаниею. Но таким образом изъянять высочайшую грамоту невозможно. Второе: что торгуют они в наших владениях с согласия и позволения самой Компании, но и этого нет; ибо захочет ли Компания добровольно дать участие в правах и выгодах, ей одной волею монарха предоставленных! Наконец, третье: что места, занятые Компаниею, суть уголья общие,

в которые всяк, кто пожелает, может иметь свободный въезд; а это возможно ли допустить? Сие означало бы, что государь пожаловал Компании чужое — то, что России не принадлежит.

Я уже выше сказал, что на обладание местами, нами занимаемыми, Россия имеет неоспоримое право, и хотя капитан Кук приписывает себе первое открытие северо-западного берега Америки выше широты 57°, но он был введен в сие заблуждение по незнанию о плаваниях в том краю наших мореходцев и что тот край был нам лучше известен, нежели англичанам. Например: славный сей мореплаватель утвердительно пишет, что он нашел большую реку, которую лорд Сандвич назвал его именем. Кук приводит и доказательства, что это действительно река. Но русские знали, что так называемая Кукова река есть не река, а большой залив, который мы и теперь называем Кенайскою губою. И если бы не Ванкувер, то и по сие время русским никто бы не верил, а открытие Кука считали бы за истинное и залив слыл бы и ныне рекою. Но Ванкувер, соотечественник и последователь Кука, подтвердил опытом опись русских.

Пролив между Кадьяком и Афогнаком Кук принял за залив. Другого пролива между Кадьяком и Аляксою Кук вовсе не знал, но русским он был известен под именем Кенайского пролива. Англичанин Мирс (Mears) в 1786 году, зашед в него, не знал, где он, доколе русские к нему не приехали и не сказали, что он в проливе, которым может пройти безопасно. Он по их наставлению прошел пролив и весьма наглым образом счел его своим открытием и даже дал ему имя; но Портлок, также англичанин, которому Мирс о полученном им от русских сведении рассказывал, напечатал о сем в своем путешествии.

Капитан Кук сделал также и другие ошибки, которые русским были известны, например: острова Ситхунок и Тугидок принял за один остров и назвал островом Троицы (Trinity Island). Евдокийские острова, или Семиды, также показались ему одним островом и так положены на карту под

именем Туманного острова, и пр., и пр. Прежним нашим мореплавателям запрещалось объявлять свету о своих открытиях, а журналы и описи их были представляемы местному начальству, которое в те времена, по примеру испанцев, все их держало в тайне и тем лишало славы своих мореплавателей. Впоследствии многие из сих бумаг сгнили и растерялись; оставалось лишь несколько кратких выписок из них, да и те были сделаны людьми, в мореплавании не сведущими, каков, например, Миллер¹⁶⁶, который, вероятно, многого, в морских журналах писанного, и не понимал. Если бы нынешнему мореплавателю удалось сделать такие открытия, какие сделали Беринг и Чириков, то не токмо все мысы, острова и заливы американские получили бы фамилии князей и графов, но даже и по голым камням рассадил бы он всех министров и всю знать; и комплименты свои обнаружил бы всему свету. Ванкувер тысяче островов, мысов и пр., кои он видел, роздал имена всех знатных в Англии и знакомых своих; напоследок, не зная, как остальные назвать, стал им давать имена иностранных посланников, в Лондоне тогда бывших. Беринг же, напротив того, открыв прекраснейшую гавань, назвал ее по имени своих судов: Петра и Павла; весьма важный мыс в Америке назвал мысом св. Илии, по имени святого, коего в день открытия праздновали; купу довольно больших островов, кои ныне непременно получили бы имя какого-нибудь славного полководца или министра, назвал он Шумагина островами, потому что похоронил на них умершего у него матроса сего имени.

Но Беринг и Чириков — не одни наши мореплаватели, которые обозревали тот край; впоследствии там плавали Левашев, Креницын и многие штурманы, командовавшие торговыми судами, которых журналы могли быть любопытны и полезны, если бы в Охотске с них брали списки и отсылали в Адмиралтейскую коллегию, где бы из них делали надлежащее употребление. Если бы журналы наших мореплавателей не сгнили в архивах, а были бы исправлены, сличены один с другим, приведены в исторический порядок и напечатаны,

тогда иностранцам (от мыса св. Илии к северу) не осталось бы другого занятия, как только определить долготы разных мест астрономическими наблюдениями, чего наши мореплаватели тех времен не имели способов делать.

После всего, мною в сих строках приведенного, странно покажется, что директоры, управляющие делами Компании, позволяют чужестранцам пользоваться правами и выгодами, монаршею милостию одной ей дарованными, или, лучше сказать, допускают их грабить Компанию.

Кажется, можно быть уверену, что если бы главное правление компании представило о сем зле куда следует и просило бы о защите высочайше дарованных Компании привилегий и пособий к обороне ее имущества, то прозорливое и попечительное правление Компании казало бы в просьбе оного *, и тем более, что отогнать от своих областей контрабандистов есть дело позволительное; а привительство американских Соединенных областей ¹⁶⁷ объявило уже, что оно не может запретить своим подданным не торговать там-то и там-то, и что всякий из них за поступки свои в чужих владениях и за нарушение постановлений в оных должен сам за себя отвечать.

Надобно, однакож, откровенно сказать, что правление компанейских владений не так устроено, чтоб могло поставить их в почтение у приходящих туда иностранцев. Мне кажется, что всякое торговое общество, владеющее по воле своего правительства

* Строки сии были напечатаны в журнале «Сын Отечества» в апреле 1820 года, а в сентябре 1821 года, по представлению Компании, последовал высочайший указ об охранении ее владений, посредством вооруженных крейсеров, от поисков и покушений контрабандистов.

Старшина колюжей с острова Баранова в воинской одежде
Рисунок Тихонова.

областями, получившее право иметь военные силы и крепости, действовать не только оборонительно, но, в случае нужды, и наступательно против врагов оного, обязано сохранять в своих крепостях и войсках совершенный военный порядок и устройство. Теперь в компанейских владениях недостает трех главных вещей: определенных должностей, различия чинов и единообразной одежды или мундира. Правитель, или начальник крепости, по своему соизволению назначает должности, определяет в них кого хочет, сменяет когда хочет, и всяк одевается, как кому угодно. Во всей крепости не увидишь ни одного человека, похожего на солдата.

Иностранцы, приходящие с кораблями в компанейские владения, могут ли подумать, чтоб оные составляли области и укрепленные места, россий-

скому скипетру принадлежащие, когда они не находят там ничего подобного регулярному гарнизону? Естественно, они заключат, что места сии не иное что, как временные оборонительные укрепления, сделанные промышленниками для защиты себя против диких, следовательно и никакого уважения к ним иметь не могут. Я сам несколько раз, приезжая с своими офицерами в компанейские крепости, смеялся над странною противоположностью, ими представляемою: подъезжая к ним, видишь довольно хорошо укрепленные места, снабженные достаточною артиллериею, и флаг, в своем месте величественно развевающийся, — все это

вместе имеет приличный воинственный вид. Но лишь войдешь в крепость, как вдруг представляется взору стража почти во все возможные платья русского простого наряда одетая, и не увидишь ни одного чиновника, который походил бы на военнослужащего человека: все они одеты во фраки, в куртки или в сюртуки. По моему мнению, Компания должна иметь свой мундир, правительством утвержденный. Единообразная воинская одежда не к одному только украшению и наружному блеску служит, как то многие полагают. Напротив того, я думаю даже, что она есть начало или первое основание дисциплины в войсках.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Плавание от Ново-Архангельска к крепости Росс, на берегу Нового Альбиона находящейся, оттуда в порт Монтерей и пребывание в оном

Умеренно свежий ветер с западной стороны благоприятствовал нам до самой полуночи на 22 августа, но после перешел он к северу и хотя был нам совершенно попутный, однакож дул с такою ужасною силою, что, убрав почти все паруса и облегчив мачты, спустив сколько возможно верхнее вооружение на низ, шли мы прямо по ветру с превеликою опасностью, по причине волнения ожидая каждую минуту, что или вал ударит в корму, либо от неосторожности рулевых шлюп бросится к ветру и валом переломает у нас все вещи на палубе. В дрейфе же оставаться мне не хотелось, чтоб не терять времени и попутного ветра; а потому, принимая все возможные осторожности, шли мы с величайшею скоростью и почти до полудня с опасностью, а потом смягчившийся ветер и волнение, сделавшись легче, избавили нас от всякого опасения.

С полудня ветер стал утихать не приметным образом, а к вечеру дул весьма умеренно. Благополучные с западной стороны ветры, при ясной погоде, с коими очень хорошо мы плыли, держа к мысу Мендосино¹⁶⁸, служили нам до 24-го числа, а в ночь на сие число настал южный ветер, принесший с собою пасмурную, дождливую погоду. Сей против-

ный нам ветер дул до 4 часов утра 27-го числа, а потом уступил северо-западному ветру, который скоро усилился, принес холодную погоду и позволил нам, правя настоящим путем, итти со скоростью 7 и 8 миль в час.

30-го числа в 10 часов утра мы увидели к востоку гористый берег, казавшийся в расстоянии от нас миль 40 или 50. Северо-западный умеренный ветер и ясная погода стояли во весь день; мы плыли вдоль и в виду берега; нас беспокоила только большая зыбь. Ночь на 31-е число была прекраснейшая, какой мы давно уже не видали: на небе не было ни одного облака, луна и звезды сияли в полном блеске. Умеренный ветер от NW дул до самого рассвета, а потом сделался гораздо крепче и нанес облака; над берегами же стояла мрачность, не позволявшая нам их видеть, хотя мы и приблизились к мысу Мендосино на 15 миль расстояния.

С полудня ветер от NW стал ужасно усиливаться и скоро превратился в жестокую бурю при совершенно ясной погоде. Мы, спустив брамстенги и все тяжести с мачт на них и закрепив все паруса, едва могли итти по ветру под одним фоком¹⁶⁹. В 9 часов вечера мы были весьма недалеко от крепости Росс, к которой подойти нам нужно было.

Семейство колюжей с острова Ситхи в воинской одежде.

Рисунок Тихонова.

Сентября 1-го, поутру, ветер дул попрежнему жестокий, при совершенно ясном небе, и хотя он был нам попутный и крепость Росс находилась от нас не далее 30 миль, но как она стоит на прямом, совершенно открытом с океана берегу без всякой гавани или якорного места, то и невозможно почти было в такую бурю подойти к ней; да если б с некоторою опасностью мы подошли, то было бы бесполезно по невозможности иметь с берегом сообщения.

С полудня буря стала смягчаться, а в 4 часа дул уже обыкновенный крепкий ветер и волнение уменьшилось; посему мы пошли к берегу; но скоро после захождения солнца ветер совсем почти затих, и происшедшая оттого весьма большая зыбь лишила нас совсем хода: в ночь мы едва подавались вперед.

Сентября 2-го до 6 часов утра была тишина с превеликою зыбью; а после легкий ветерок подул от О прямо, нам противный. Погода же была совершенно ясная, лишь берега были покрыты мрачностью. Мы их видели только несколько минут, когда солнце из-за них выходило; после опять

они скрывались, хотя мы от них не далее находились, как милях в 15 или 18. Около полудня ветер тихий сделался от юго-востока, с которым мы пошли к берегу. На небе не было ни одного облака, и солнце весьма ярко сияло, но мрачность скрывала от нас берега, к которым, однакож, умеренный ветер, дувший ровно по направлению оных, позволял приблизиться безопасно, и мы смело шли под всеми парусами до половины десятого вечера, будучи беспрепятственно готовы сделать нужное движение для поворота шлюпа от берега. В сие время вдруг он открылся прямо у нас перед носом, и мы увидели бурун, или прибой морской, и услышали шум оною; тогда тотчас легли в дрейф и нашли глубину 35 сажен. Берега против нас, казалось, образовали впадину или вдавшийся немного изгиб. Счисление наше и видимое положение берега показывали, что мы находились весьма близко того места, будучи от берега в расстоянии от 2 до 3 миль, где стоит крепость Росс; почему, поворотив, мы выпалили из двух пушек и сожгли фальшфейер для возвещения жителям о нашем соседстве и чтоб они зажгли огонь, а

сами, между тем, пошли от берега к югу, опасаясь, чтоб так близко к оному не застигло нас безветрие. Тогда зыбь могла бы привести нас в опасное положение.

Отворотив от берега, мы в ночь на 3-е число и днем по причине пасмурности, скрывавшей от нас берега, лавировали вблизи оных, в ожидании, когда они откроются, до самого полудня; а в 1-м часу пополудни увидели берег в расстоянии от нас миль 5 или 6 и скоро после того рассмотрели крепость Росс, на которой развевался флаг Российско-Американской компании. Тогда и мы подняли свой флаг при пушечном выстреле и, приближаясь к берегу на расстояние миль двух, увидели ехавшие к нам от него три алеутские лодки: на одной из них в 2 часа пополудни приехал к нам правитель крепости коммерции советник Кусков, от которого я имел удовольствие узнать, что главный правитель компанейских селений флота капитан Гагенмейстер находится в Монтерее и что я могу непременно заставить его там.

Кусков пробыл у нас на шлюпе до 9 часов вечера, доколе мы не получили с берега разных свежих съестных припасов, о доставлении коих на шлюп он послал в крепость приказание. В ожидании оных мы лавировали подле берега под малыми парусами. Получив же все нам нужное, мы с Кусковым простились и в 9 часов вечера пошли в путь при тихом ветре от юго-востока; погода была облачная, но сухая.

Крепость, или селение, Росс, как то выше я сказал, находится в широте $38^{\circ}33'$ и стоит на довольно возвышенном месте, подле самого берега, при малом, едва приметном вглубе оно. Тут не только нет гавани, но даже и на якоре нельзя стоять без большой опасности; грунт хотя хорош, но глубина велика; в полумиле от берега мы имели онюю 50 сажен, а Кусков сказывал, что во 100 саженях от оногo нет менее глубины, как 25 сажен. Но так близко стоять на якоре опасно, ибо место сие совершенно открыто и в случае крепкого ветра с моря или большой зыби удалиться от берега не было бы средств*.

* Во второй части «Путешествия...» Голловин пишет о крепости Росс:

Замечания о сем селении помещены в главе о Новом Альбионе¹⁷⁹.

По отбытии нашем от крепости Росс ветер был беспрестанно с южной стороны, нам противный; но как он дул не постоянно, то мы шли теми галсами, кои для нас были выгоднее, и приближались к порту Монтерее. На рассвете, в половине шестого часа, 7-го числа открылся нам мыс, составляющий северный предел залива Монтерее, а вскоре после берега самого залива и южный мыс. Погода была облачная и несколько пасмурная, однакож не мешала нам хорошо видеть берег.

В 11-м часу утра увидели мы прямо на ветре шедшее из залива большое трехмачтовое судно, которого одни лишь паруса были видны; вскоре рассмотрели на нем флаг Российско-Американской компании, и тогда уже сомнения не осталось, что это корабль «Кутузов», под начальством капитана Гагенмейстера, с которым я имел нужду видеться, и как мы находились недалеко от якорного места в Монтерее, то я решился его воротить. На сей конец сначала, поднявши свой флаг, привели мы к ветру и тотчас поворотили на один с ним галс, чтобы показать, что желаем говорить с ним, а через четверть часа опять поворотили на прежний галс, убрали все паруса, кроме трех главных,

«Крепость Росс стоит на открытом прямом берегу, при котором нет ни гавани, ни рейда, ниже обыкновенного якорного места. Странно покажется, что людям, которых все здешние предприятия, то есть торговля и промышленность, сопряжены с мореплаванием, вошла в голову мысль избрать неприступный берег для основания крепости и в то время, когда в 30 верстах был порт¹, несравненно для сего удобнейший! Но как все люди для своих действий имеют свои причины, так и г. Баранов при сем выборе руководствовался своими соображениями: он хотел затруднить взятие его крепости, еслиб кто из европейцев вздумал на сие покушиться, и в намерении своем имел совершенный успех: сверх трудности сделать здесь высадку², можно уверительно поручиться, что до разрушения мира, клочок земли, занимаемый крепостью Росс, никому не понадобится.

¹ Порт малой Бодяги или графа Румянцева.

² При небольшой мрачности, когда крепость ею покрыта, даже невозможно узнать с моря, где стоит она. Единственным путеводителем к ней, сверх астрономических наблюдений, может служить камень неслашком большой, но весь белобезымян³ от птичьего кала. Камень сей лежит подле самого берега и находится милях в двух к северу от крепости. По близине своей он открывается в ярочном расстоянии сквозь пасмурность, когда ни гор, ни берегов, ниже прибор или бурунов не видно и потому один только он может быть приметно для желающих подойти к крепости.

и, выпалив из пушки, спустились по курсу к якорному месту. Через это дали мы знать ему, что не хотим потерять времени и удалиться от берегов; потом, когда он за нами пошел и поставил все паруса, тогда и мы стали понемногу прибавлять парусов для показания того, что имеем нужду видетсья с ним в Монтерее. Но он не отгадывал значения наших движений и, не будучи в состоянии нас догнать, скоро после полудня привел к ветру и пошел своим курсом от нас прочь. Тогда и мы, переменяв курс, пошли за ним. Увидев сие, он пошел к нам навстречу. В 2-м часу подошли мы близко друг к другу, и после взаимного салюта капитан

Гагенмейстер приехал ко мне и, узнав мое желание с ним видетсья и причины, тотчас решился следовать за нами. Тогда он возвратился на свой корабль, и мы пошли к якорному месту, куда пришли в 5-м часу пополудни. Поставив шлюп на два якоря, я немедленно отправил к губернатору офицера сказать о причине нашего прибытия. Губернатор предложил нам свои услуги.

На другой день поутру приехал ко мне комендант от имени губернатора поздравить с приходом и предложить все зависящие от него услуги и пособия.

В 12-м часу мы с Гагенмейстером поехали на берег к губернатору и коменданту и были обоими приняты и обласканы чрезвычайно. Губернатор охотно согласился на все мои требования, которые состояли в следующем: позволить взять пресной воды и нарубить дров; купить для экипажа свежих съестных припасов; дать позволение и конвой натуралисту и живописцу ездить по окрестностям и заниматься каждому по своей части,

Жители острова Унимок.
Рисунок Тихонова.

делать на берегу астрономические наблюдения.

Губернатор даже предложил своих лошадей мне и всем нашим офицерам, если мы пожелаем ехать в соседственные миссии¹⁷¹. Офицеры тот час воспользовались сим случаем; а мне нельзя еще было, ибо надлежало кончить дела с Гагенмейстером как можно скорее, чтоб его не задержать, потому что корабль его был нагружен хлебом для компанейских колоний, кои в нем давно уже терпели недостаток. По сей-то причине я согласился даже отвезти бывших у него алеут и разные огородные семена в крепость Росс, чтоб ему уже прямо плыть в Ново-Архангельск.

В три дня мы кончили все дела свои, и 10 сентября поутру Гагенмейстер отправился. Между тем за день до его отбытия пришел сюда английский купеческий бриг «Колумбия», шкипер оного по имени Робсон. Он был с нами вместе в Ново-Архангельске, но как там, за отсутствием Гагенмейстера, продать ничего не мог, то и пришел сюда, чтоб с ним переговорить, а опасаясь, чтоб испанцы его не захватили как контрабандиста, он, прежде нежели положил якорь, письменно просил моей защиты в случае такого их покушения. Я послал к губернатору офицера сказать о причине прихода сего судна и спросить, позволит ли он ему здесь на несколько времени остановиться, на что он охотно согласился.

Мы могли бы 11 сентября уйти, но надлежало ждать съестных припасов, а особливо зелени, потому что оные привозят из дальних миссий, здесь же весьма мало, а некоторых и вовсе нет. Между тем я познакомился с начальником одного испанского корабля; он сообщил мне очень много любопытного касательно сей страны.

Сентября 12, при тихом южном ветре, стояла весьма дождливая погода. Доселе же все были ясные дни, а так случилось, что этот дождливый день был назначен губернатором для обеда, который он хотел нам дать, почему нас исправно помочило, когда мы шли к нему. Я был приглашен со всеми офицерами шлюпа. Ласковый старик губернатор старался, сколько было в его силах, показать нам свое гостеприимство и свою приветливость. Ему хотелось изъявить свою радость о нынешней дружеской связи между двумя дворами. На сей конец он расставил на каждой из тарелок с плодами и конфетами по два лоскута бумаги с нарисованными на них флагами: русским и испанским. Он сделал все, что мог: там, где едва могли набрать рюмок кое у кого, чтоб достало по одной на каждого гостя, нельзя ожидать пышных украшений и фейерверков.

Со всем тем некоторым молодым нашим офицерам, весьма ревностным защитникам чести и достоинства русского флага, этот комплимент не понравился: им казалось, что флаг унижен, будучи выставлен на столе.

Сентября 13-го день был прекрасный: совершенно ясная погода, при умеренном ветре от северо-запада, стояла во весь день. Поутру многие из наших офицеров и я ездили в миссию св. Карла, отстоящую от Монтеррея в расстоянии около 5 миль. Губернатор был так услужлив, что дал нам своих верховых лошадей и послал с нами коменданта и вооруженный конвой рейтар¹⁷².

В миссии нашли мы одного монаха, по имени Padre Juan (отец Иоанн); товарищ же его (их только двое), будучи начальником духовенства северной Калифорнии, поехал осматривать прочие миссии. Монах сей встретил нас с колокольным звоном и принял весьма учтиво и приветливо: показывал церковь, сад свой, поля, жилища индейцев и другие заведения. Церковь довольно пространна для вмещения пяти или шести сот человек, впрочем самая простая и бедная. Внутренняя отделка оной работана индейцами, а изображения святых деланы в Мексике и Лиме. Строение все вообще каменное в один невысокий этаж и расположено четырёхугольником с одними большими воротами и несколькими калитками. Внутри сего здания живут только монахи, их прислужники и 5 или 6 солдат для караула; тут также их кладовые и мастерская для делания шерстяных одеял; оную завел один англичанин, управляющий ею и ныне.

Индейцы живут вне сего здания, в казармах, нарочно для них построенных: каждому семейству определяется небольшое отделение с одними дверьми и одним окном. Ныне при миссии индейцев около 400 человек обоего пола. Монах сказывал, что все они христиане, разумеется, именем только; занимаются обработыванием полей, присмотром за садом и другими монастырскими занятиями.

Местоположение сей миссии весьма хорошо: при заливе и на берегу реки, имеющей течение на расстоянии 130 или 140 миль. Земля здесь чрезвычайно плодородна, производит в большом количестве пшеницу, ячмень, манс, горох, бобы. Манс и бобы составляют главную пищу индейцев; говядину дают им редко; пища им к обеду и ужину выдается из общественной кухни. В саду мы видели множество груш, яблонь, пер-

сиков, оливок. Огородной зелени чрезвычайно много.

Падре Хуан угостил нас порядочным обедом. После обеда несколько мальчиков из индейцев пели священные стихи на латинском, испанском и еврейском языках¹⁷³; а до обеда играла музыка, состоявшая из баса, трех скрипок и флейты. Музыканты также все были индейцы: игры порядочной нельзя было от них ожидать; довольно и того, что они делали, что умели. В час мы поехали из миссии. На другой день новый наш знакомый, священник из миссии, прислал ко мне несколько плодов и зелени.

16-го числа губернатор и комендант, с некоторыми другими испанцами, обедали у меня на шлюпе. По званию его я сделал ему при его приезде салют 7 выстрелами, и с крепости тотчас отвечали тем же числом. За столом, при питии здоровья короля испанского, палили мы из 21 пушки и также получили с крепости ответ. После обеда, при ясной погоде, ветер до того усилился, что мы принуждены были спустить брамстеньги, волнение произвело у берегов такой прибой, что без опасности пристать нельзя было к ним, почему губернатор со всею своею свитою пробыл у нас до вечера и от колебания шлюпа сделался болен. Он никогда не ездил на корабли, а к нам приехал только из почтения к российскому флагу.

17 сентября после обеда мы ездили опять в миссию, пили там шоколад и возвращались вечером другою дорогою близ взморья. Были на одной высокой горе, где учрежден сигнальный пост и откуда дают знать губернатору о появлении в море каждого судна. Дорога наша лежала большею частию лесом, в средине коего местами попадались лошины и луга, где видели мы диких лошадей

и рогатый скот. Мы приехали прямо к пристани, где дожидались нас гребные наши суда, в 7 часов вечера, проехав в 3¹/₂ часа по крайней мере 15 миль. Здешние лошади, будучи учены скакать всегда в галоп, делают верховую езду не только легкою, но и приятною. Осторожность же, с какою они умеют по привычке спускаться под гору на самых крутых местах и на всем скаку избегать множества ям, вырытых яврашками, удивительна. Доказательством сему может послужить то, что во всю бытность нашу здесь всякий день офицеры наши, гардемарины и многие из унтер-офицеров, вообще все самые плохие ездоки, разъезжали в окрестностях; некоторые из них скакали во всю прыть и никто не ушибся.

На другой день в 4 часа пополудни комендант привез заказанные вещи и счета. Получа по оным плату, он от нас поехал; а мы пошли в путь при свежем ветре от юго-запада; погода была ясная, только над нами носился в виде тумана дым, покрывавший почти весь залив; оный произошел от загоревшегося леса и травы и ветром наносился с берега.

В 6 часов мы потеряли ветер, и после уже маловетрием тащило нас по половине и по четверти мили в час по направлению нашего курса, почти во всю ночь на 19-е число; ибо не прежде, как в 4-м часу утра, стал дуть умеренный ветерок при весьма ясном небе. В 6 часов утра увидели мы под ветром английский бриг «Колумбия», накануне поутру оставивший Монтерей: опасаясь испанцев, он вышел прежде нас и дожидался при выходе, чтоб вручить мне письма его в Лондон, ибо прежде приготовить их не успел. В 9-м часу мы подошли к нему, взяли его письма и пошли своим путем, а он своим.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Замечания о Калифорнии

Калифорния есть одна из тех благословенных стран земного шара, на которые природа излила все дары свои, могущие споспешествовать на-

родному богатству, величию и счастию. Благорастворенный климат, не подверженный ни чрезвычайным жарам, ни холсду и чуждый всяких

опасных прилипчивых болезней или месту свойственных недугов, есть первое благо сей части света. Необыкновенное плодородие, свойство и положение земель, ее составляющих, обеспечивают изобилие в продовольствии самого многочисленного народа. Соседство океана и безопасные пристани дают средство к основанию и распространению морской торговли, а обширные при берегах растущие леса, наполненные лучшим разных родов строевым лесом, доставляют все способы завести кораблестроение, столь необходимое для безопасности и благоденствия приморских держав. Словом, в Калифорнии все для человека нужное есть или быть может в чрезвычайном изобилии, кроме дорогих металлов; но и те со временем, вероятно, откроются, хотя они, впрочем, как то опыты свидетельствуют, для деятельного и благоразумного правительства не нужны: богатство в других произведениях доставит и золото и драгоценности.

Надобно заметить, что я говорю о той части Калифорнии, которую испанцы называют Верхнею, или Новою, Калифорниєю (*California alta o nueva*), ибо южная часть Калифорнии, называемая ими старою Калифорниєю (*California Antiqua*)¹⁷⁴, много уступает первой. Она бедна произведениями, и климат в ней очень нездоров.

Новая Калифорния простирается от миссии св. Диего¹⁷⁵, в широте 32°49' до широты 37°; а старая от той же миссии до мыса св. Луки¹⁷⁶ в широте 22°50'. Хотя пределы Новой Калифорнии к северу не назначены испанцами и губернатор в Монтерее сказал Лаперузу, что она простирается до конца Америки, но после испанское правительство в разных случаях было принуждено отступить от сего нелепого притязания. Итак, утвердительно можно положить 37° широты северным ее пределом; далее же начинается Новый Альбион.

Я был в Калифорнии спустя 32 года после Лаперуза и 25 лет после Ванкувера, но нашел политическое ее состояние точно в таком положении, в каком и при них оно было, кроме весьма неважных перемен, из коих некоторые к лучшему, а многие к худшему.

Лаперуз в путешествии своем говорит, что природных жителей в обеих Калифорниях в 1786 году считалось 50 тысяч человек, из коих 10 тысяч были окрещены в католическую веру и жили при миссиях, которых тогда существовало 10 в новой Калифорнии и 15 в старой. Число же испанцев было весьма мало, и именно: несколько человек чиновников, по два или по три монаха при каждой миссии и 282 человека солдат. В бытность здесь Лаперуза обе Калифорнии составляли одну область и были под управлением одного губернатора, имевшего место своего пребывания в Монтерее; но ныне они управляются разными губернаторами, кои не зависят один от другого и действуют под начальством мексиканского вице-роя. Теперь Монтерей — главное место новой Калифорнии, а Лорето¹⁷⁷ старой.

В нашу бытность число миссий в одной Новой Калифорнии простиралось до 20*, из коих каждою управляют два монаха, а некоторыми три, и для обороны их при всякой миссии находятся по одному унтер-офицеру и по 4 рядовых; да в Монтерее, главном месте Новой Калифорнии, 76 человек нижних чинов и человек 6 или 7 офицеров, включая в то число и самого губернатора. Итак, число испанцев со времени Лаперуза здесь нимало не увеличилось, а индейцев, окрещенных при всех миссиях Новой Калифорнии, находится 19 862; некрещенных же число неизвестно, ибо они суть народ скитающийся, постоянных жилищ не имеющий, и притом они стараются убежать испанцев. Для того всегда кочуют в местах, от миссий удаленных, следовательно и счета им не только верного, но ниже приближенного испанцы сделать никогда не могли.

Правление сей страны и содержание крещеных индейцев, при миссиях живущих, и по сие время находится в том же состоянии и отправляется тем же порядком, как было во время путешествия Лаперуза. Должность губернатора состоит попрежнему в том только, чтоб охра-

* Верховный глава всех здешних миссий ныне (в 1818 году) епископ провинции Соноры¹⁷⁸, лежащей к востоку от Верхней Калифорнии. Он же епископ обеих Калифорний.

Танец калифорнийских индейцев в миссии Сан-Франциско.

Из альбома к кругосветному путешествию Коцебу.

нять область от покушений здешних неприятелей и от запрещенной законами иностранной торговли и доставлять миссионерам способы обращать индейцев в христианскую веру, оказывая помощь по их требованиям.

Миссионеры содержат индейцев точно на тех же правилах, какие нашел здесь Лаперуз: в будни работают они в поле каждый день 7 часов; в церкви проводят 2 часа; в праздники работы нет, но по 4 и 5 часов в день употребляют на моление. Кормят их также три раза в день киселем из ячной муки, сваренным в воде с мансом, бобами и горохом; изредка дают мясо говяжье, а трудолюбивые из них ловят для себя рыбу. Пищу варят в общественных котлах и раздают по колоколу. За отступление от правил, католическою религиєю предписываемых, за леность и за преступления миссионеры наказывают их по своему произволу телесно или заключением, а чаще заковывают виновных в железо; плодами же полевых трудов своей паствы они сами пользуются. Короче, я не нашел никакой разности в состоянии миссии св. Карла (San Carlos), отстоящей от Монтеррея в 9 верстах, в которой Лаперуз был в 1786 году, а я в 1818, кроме двух малозначащих перемен. При нем она

имела в своем ведении обоего пола индейцев и с детьми 740 человек, и они жили в шалашах, а мы нашли их только 400 душ; сие могло произойти оттого, что ныне число миссий вдвое более, нежели сколько тогда их было. И живут они уже не в шалашах, а в нарочно построенных для них каменных хлевах, ибо лучшего названия им не могу дать: длинный ряд строений в высоту не более одной сажени, а в ширину на полторы или на две, без пола и потолка, разделенный простенками на участки, длиной также не более 2 сажень, из коих в каждом маленькая дверь и окно в соразмерности, — можно ли иначе назвать, как не сельским двором для домашнего скота и птиц? В каждом таком участке живет целое семейство. О чистоте и опрятности и говорить нечего: у хорошего хозяина хлевы чище бывают.

Калифорнские индейцы вообще малорослы, сложением кажутся слабы и бессильны; телом черноваты, лицо имеют несколько плоское, волосы у них прямые, весьма черные и жесткие; зубы ровные, белые; многие носят бороды, но другие еще в молодости выдергивают их посредством двух раковин, и такие кажутся от природы не имевшими волос на бороде.

Народ сей, по мнению Лаперуза и Ванкувера, крайне слабоумен. Сии путешественники говорят, что все их изделия и собственные произведения показывают, что нет у них ни малейшей способности к изобретениям и приводят в пример их копья, луки, стрелы, говоря, что у многих других диких народов такие вещи могли бы служить только игрушками детям.

Ванкувер особенно ссылается на их лодки, или, лучше сказать, плоты, связанные из тростника и травы, кои, по мнению его, показывают более всего недостаток или необыкновенную отсталость здешних индейцев. В составлении сих плотов употребляется несколько пучков длинной травы или тростника, плотно и крепко связанных. Несколько таких пучков, крепко связанных, составляют травяной плот сажени полторы длины и в полсажени ширины посредине, к концам же он становится уже. Гребут на нем одним веслом с двумя лопастями. Человек, сидящий на плоту, бывает иногда сам по пояс в воде. Такое изобретение в стране, совершенно безлесной, могло бы даже сделать честь уму жителей, но в Калифорнии все берега поросли строевым лесом разного рода, множество есть валежника, из которого, без всякого труда срубки, жители могли бы по крайней мере долбить однодеревки, кои были бы гораздо безопаснее и покойнее на воде.

Но как люди сии проводят жизнь в беспрестанном кочеванье и переезды водою делают весьма редко, от моря в пищу они ничего не требуют, кроме раковин, собираемых ими по берегам в малую воду, и, переходя с одного места на другое сухим путем, иногда через лес и горы, они не могли бы брать с собою деревянных своих лодок и должны бы были бросить вещь, на сделание коей надлежало бы употребить им много трудов и времени, то изобретение травяных плотов, на составление коих потребно только несколько часов и кои притом употребляются случайно и редко и оставить их ничего не стоит, нельзя назвать презрительным.

То же можно сказать и о шалашах их, сделанных из прутьев, о коих вышеупомянутые путешественники говорят с презрением. Но шалашы сии делаются на несколько дней только и

в таком климате, который большую часть года позволяет жить под открытым небом, ибо здесь больших холодов никогда не бывает: весьма редко случается, что в одном январе месяце замерзают лужи и земля покрывается инеем, и то на самое короткое время. Термометр почти никогда не опускается ниже точки замерзания. Одни дожди лишь, бывающие в декабре, январе и феврале месяцах, могут беспокоить жителей. Климат здесь столь умерен, что бобы, горох, салат, капуста и прочая зелень круглый год с поля не сходят: когда одни растения поспевают, другие всходят.

Впрочем, индейцы сии делают вещи, которые и в Европе заслужили бы похвалу. Я имею в моем собрании редкостей много вещей их работы, например корзинки, сплетенные из корней и травы столь плотно и твердо, что воды не пропускают, и в коих, посредством разгоряченных камней, варят они себе пищу; шляпы их, сделанные из тех же материалов и часто украшенные раковинами; те и другие из сих вещей сделаны не только прочно, но и весьма красиво. Головные же их наряды, из перьев составленные, можно сказать, даже сделаны со вкусом. Если народ имеет способность к выдумкам в безделицах, то, верно, мог бы сделать и полезные изобретения, когда бы необходимость привела его к тому. Но природа, щедро снабжая калифорнцев всем, что для физического продовольствия человека может быть нужно, избавила их от хлопот выдумывать способы для своего существования.

Итак, кажется, я не без причины осмелился быть другого мнения с знаменитыми путешественниками, о коих выше упомянуто, насчет природных способностей калифорнских индейцев. Мнение мое подтверждают также и сами индейцы, живущие в миссиях. Многие из них скоро научаются разным мастерствам. Например, в миссии св. Карла каменная * церковь построена индейцами; плотничная и столярная работа ими же про-

* Испанцы для строения употребляют здесь камень, из земли доставаемый; слои его лежат неглубоко; цвета он светложелтого и сначала немного тверже глины, но на воздухе скоро твердеет и делается крепок.

Калифорнийские индейцы, причесанные для танцев.
Из альбома к кругосветному путешествию Коцебу.

изведена; даже есть там и резьба на дереве их работы; стены штукатурили и расписывали индейцы же. Правда, что мастерство их принадлежит к самому низкому разбору в своем роде, но и наставники их, отцы миссионеры, не из лучших художников, а если бы они учились у хороших мастеров, то, вероятно, не уступили бы европейцам. В той же миссии мы нашли музыкантов и певчих, кои играли и пели на слух, не имея никакого понятия о нотах, но не хуже многих скрипачей, забавляющих наших областных *полубояр*.

Главное обилие Калифорнии состоит в земляных произведениях: она может производить всякого рода хлеб, в Европе употребляемый, и теперь производит в большом изобилии пшеницу, манс, ячмень, горох и бобы двух или трех родов.

Урожай против посева в большой части миссий бывает в необыкновенной и в Европе неслыханной соразмерности.

Ванкувер пишет, что в миссии св. Карла обыкновенный урожай пшеницы сам-двадцать пять и самтридцать, и это правда.

Впрочем нет сомнения, что урожай хлеба мог бы здесь быть еще значи-

тельнее нынешнего, если бы земледельцы лучше знали свое дело; ибо, судя по сельским их работам, которые мне случилось видеть, надобно полагать, что и в поле они не искуснее возделывают и обсеивают землю, и такие же простые орудия употребляют, как и в гумне. Например, я видел в миссии св. Карла, что индейцы с поля, отстоявшего верстах в $1\frac{1}{2}$ или 2 от миссии, таскали снопы на носилках и на дороге, когда им хотелось отдохнуть, бросали оные несколько раз и садились на них, отчего, конечно, многие зерна выпадали из колосьев. Между тем при миссии находится много лошадей и рогатого скота, и если бы на телегах или на вьючных животных возить хлеб, то работа шла бы успешнее и не изнуряла бы земледельцев. Молотят они хлеб простыми палками, толщиною с обыкновенную трость, а длиною около сажени. Такой способ весьма недостаточен, и большое количество зерен остается и пропадает в колосьях. Молочный хлеб индейцы носят в житницы в одеялах, которые им служат вместо нижнего платья. Калифорнские индейцы ходят нагие с повязкой по поясу; но крещеным из них миссионеры велют носить

одежду, что им весьма не нравится, и даже самое это принуждение заставляет многих из них отвергать христианскую веру. Чтобы платье их было сколько можно проще и свободнее, миссионеры заставляют их носить одну рубашку, а около пояса до пяток повязывать кругом тела, наподобие юбки, шерстяное одеяло собственной их грубой работы. Сей наряд есть общий мужчинам и женщинам.

Вообще говоря, нельзя без крайнего удивления и некоторой досады смотреть на здешних испанцев: лень и нерадение их простираются до неизъяснимой степени. Здесь есть реки, быстрые ручьи и почти всегда дуют свежие ветры, но они не имеют ни водяных, ни ветряных мельниц. Самый высокий механизм их по сей части состоит в том, что из двух жерновов, один на другой положенных, нижний лежит неподвижно, а верхний, посредством одного лошака или лошади, медленно вертится. Вообще же муки, можно сказать, не мелют, а растирают зерна руками: какова должна быть работа! Европейцу трудно поверить, какие фуры здесь употребляются: колеса оных сколочены из толстых, тяжеловесных досок, приделанных одна к другой столь нерадиво и грубо, что в расстоянии 100 сажень можно видеть изгибы, неровности и даже почти углами выдавшиеся выпуклости обвода колеса; затем в такие фуры с тяжестью, из 15 или 20 пудов состоящую, впрягают по 4 и по 6 быков.

Огородная зелень и овощи родятся в непонятном количестве: разных видов капуста, салат, лук, чеснок, тыква, картофель, морковь и некоторые другие; но репы и свеклы в Монтерее нет, а огурцов не найдешь и во всей Калифорнии, и это, как кажется, происходит от беспечности миссионеров.

Плоды, коими Калифорния изобилует, суть яблоки, груши, персики, виноград, арбузы, дыни. В миссии св. Карла не созревают ни дыни, ни арбузы, ни виноград, ибо здесь почти беспрестанный туман носится над берегами. Напротив того, на другой стороне залива, в миссии Санта-Крус, отстоящей от первой только в 50 верстах, всегда ясное небо и как хлеб, так и все овощи родятся не-

сравненно в большем количестве; но для кораблей нет там хорошего якорного места, и гребным судам к берегу приставать весьма трудно. Табак также родится, только здесь не умеют приготавливать его. Деревья лимонные и апельсиновые здесь есть, но плоды их не созревают по причине частых туманов.

Оливковых и лавровых деревьев много, но за ними ходить старания не прилагают. Вино делают только в одной миссии св. Михаила. Я отведал его у губернатора: оно весьма невкусно, но могло бы доставлять хороший укус.

В строевом лесе лучших родов Калифорния не имеет недостатка, и притом растет он не на неприступных горах, но в равнинах и близ морского берега, а особливо около залива св. Франциска, который есть самый превосходный порт во всей Калифорнии и один из лучших в целом свете.

Рогатого скота и лошадей в диком состоянии весьма много. Они подходят иногда так близко к миссиям, что быков индейцы убивают для пищи, а жеребят испанцы ловят и приучают к езде. Мы сами видели стада их в лесу, когда ездили из Монтерея в миссию св. Карла. Больших дворовых собак испанской породы весьма много, и, кажется, без проводника страшно приблизиться к миссии, но они так смиренны, что никогда не нападают на людей.

Домашнего или ручного скота при миссиях весьма много, но птиц дворовых мало, да и тех не во всех миссиях держат.

В лесах калифорнские перепелки * водятся в непонятном множестве. В лесу подле самого селения они обитают стаями, состоящими иногда из двух и трех сот птиц; они весьма вкусны, и ловить их нетрудно: для меня в один день два мальчика поймали двадцать живых птиц.

Из водяных птиц водятся разного рода дикие утки, кулики и множество других родов, а особливо на озерах, которых в Калифорнии весьма много и некоторые из них очень обширны. Озера сии, как дичиною, так и рыбю, изобилуют. Сверх того, и реки, впадающие в море, чрезвычайно

* Лаперуз называет их куропатками.

обильны рыбою, которая и при морских берегах ловится у каменьев. В бытность нашу в Монтерее мы всякий день, когда ветер и погода позволяли, отправляли четырех алеутов, бывших у нас для отвоза в крепость Росс, на рыбную ловлю, и они с рассвета до полудня удами столько ловили рыбы, что иногда сверх нашего собственного продовольствия мы могли уделять испанцам, которые чрезвычайно любят сию пищу, но не могут преодолеть лениности своей, которая, кажется, из привычки вошла к ним в природу. Можно ли себе представить, чтоб в главном селении и порте области, куда часто заходят иностранные суда, находились только один, вполвину сгнивший бот и другая, вовсе к употреблению негодная лодка? Первый служил парадною шлюпкою губернатору, следовательно на рыбную ловлю послан быть не может. Вот сей часто ломало волнением у берега, потому что на нем не было дрека*, а испанцы не умели сделать такой мудреной вещи. Важный недостаток сей отвратил я, подарив губернатору дрек, которых мы имели более, нежели нам нужно было.

Доселе я говорил только о таких произведениях, которые почему-либо полезны могут быть жителям в домашнем их хозяйстве, но теперь упомяну о тех предметах, коими область может производить весьма выгодную внешнюю торговлю. Главнейшие из них суть морские бобры и морские коты. Животные сии во множестве водятся по всему западному берегу Новой Калифорнии, а особливо в об-

Житель Калифорнии.
Рисунок Тихонова.

ширном заливе св. Франциска. Надобно знать, что морских бобров и котов только найти можно между северными широтами 23 и 60°, вдоль западного берега Америки.

Изданное в свет третье путешествие капитана Кука показало испанскому правительству, что в Калифорнии много бобров и что в Китае они дорого ценятся. Прежде испанцам это не было известно, и потому Лаперуз нашел здесь испанского комиссионера, присланного от правительства основать в Калифорнии бобровые промыслы, которые хотели обратить исключительно в пользу или монополию коронную. Бывший тогда губернатор уверял Лаперуза, что он может ежегодно собирать по 20 тысяч бобровых кож, и если бы в Китае расходилось оных 30 тысяч, то он мог бы и сие число получить, сделал

* Маленький шлюпочный якорь, фунтов в 15 или 20 весом.

два или три заселения к северу от залива св. Франциска.

Но губернатор ошибался и ошибся, ибо для промысла бобров мало того, чтоб их много у берегов какой области водилось, — еще нужно уметь их добывать. Для сего потребны смелость на воде, чрезвычайное проворство, ловкость, сноровка и охота к сему упражнению, то есть все именно те качества, каких ни испанцы, ни калифорнские их индейцы вовсе не имеют. Наша Американская компания, если бы имела право промышлять у здешних берегов, могла бы в год добыть тысяч двадцать бобров, но и то в первые только два или три года. Она обладает алеутами — таким народом, которому ничто на свете не может принести большего удовольствия, как гоняться за бобрами. При виде сего животного на море алеут глаз с него не спускает и весь дрожит, как охотничья собака при виде зверя. С самой юности привикают они к сему трудному и для неопытных охотников опасному промыслу.

Почти в то же время, когда мы находились в Монтерее, компанейский корабль «Кутузов» был в миссии Санта-Крус, где для своих колоний купил хлеб. На нем находились 4 человека алеут. Люди сии, на двух своих лодках, промышляя притом с величайшею осторожностью, чтоб испанцы не могли приметить, убили в две недели 72 бобра, из коих 20 в одну ночь. Это такое число, какого испанцы не добыли бы в целый год. После алеуты сии были у меня; они ездили в такое место на рыбную ловлю, где испанцы всегда могли их видеть, и потому я строго запретил им бить бобров, но они не утерпели и однажды убили большую самку и двух бобренков, а третьего привезли живого; он жил у нас несколько дней, питаясь мясом и рыбою. Когда, бывало, один алеут увидит бобра, которые часто около нас плавали, то немедленно призовет своих товарищей, и они смотрят на него с таким видом, который явно показывает страсть их к сему промыслу. Алеут, едущий в своей лодке, утерпеть не может, чтоб не бросить стрелы во что бы то ни было, что попадется ему на воде: в морское животное, в

рыбу, в птицу или в клочок носящейся травы. Впрочем, и испанцы могли бы пользоваться сими промыслами, если бы у них правление здесь было основано на других правилах.

Морские коты также водятся здесь во множестве. Главное их пристанище в каменистых островах, называемых Фаральонес*, кои лежат пред входом в залив св. Франциска. Известно, что шкуры сих животных продаются выгодно в Китае, куда и бобры должны быть также отправляемы. На тех же островах много и сивучей, кои доставляют пищу нашим промышленникам и кожи для обтяжки их лодок. Киты у здешних берегов также водятся, и Монтерейский залив часто бывает, так сказать, наполнен ими. По местному положению в нем весьма удобно завести китовые промыслы.

Главный торг сим товаром должен быть производим с Китаем, и поелику корабля нельзя же нагрузить бобрами и котами, то строевой и мачтовый лес, весьма дорогими ценами продающийся в Кантоне, мог бы отправляться вместо балласта.

Воловьих кожи и сало также могли бы составить важную часть торговли. Число рогатого скота так велико в Калифорнии, что товаров сих всякий год можно заготовлять превеликое количество без препятствия размножению животных. Бычачьи кожи, сало, пшеницу и бобы отправляют и ныне отсюда в Перу. Даже в нашу бытность одно испанское судно нагрузилось оными для Лимы, но в таком незначительном количестве, что едва ли сии перевозки можно назвать торговлею.

Новая Калифорния имеет четыре порта, безопасные для судов во всякое время года и находящиеся в удобном расстоянии один от другого по всему пространству берегов ее. Оные суть: св. Франциска, Монтерей, св. Варвары¹⁷⁹ и св. Диего. Залив св. Франциска есть один из превосходнейших портов в свете: вход в него безопасен. Имея в ширину менее 2 верст и будучи подвержен сильному стремлению прили-

* От испанского слова Farallion, означающего небольшой каменный островершинный остров.

ва и отлива *, он позволяет малыми средствами укрепить его, так что неприятельские суда не легко могут пройти оным; а если не пожалеть некоторого иждивения, то можно его сделать неприступным. Пространство порта и берега, покрытое во многих местах строевым лесом, дает способы к кораблестроению. Можно основать в разных местах верфи и строить все суда, потребные для области, ибо прочие порты ее такой удобности для сего не имеют. Здесь бы надлежало быть главному областному городу, и Ванкувер не без причины называет место сие ключом Калифорнии.

Ныне у испанцев ничего этого нет, и управление их находится в самом жалком, презрительном состоянии. Если взглянуть на места, занятые испанцами за двести или за триста лет пред сим, и сравнить их с теми, коими завладели они в исходе протекшего века, то нельзя подумать, чтоб они принадлежали одному и тому же народу. В первых находятся огромные каменные строения и укрепления, не уступающие европейским, а в последних даже жилища чиновников походят на хижины. Например, в Монтерее, главном месте Верхней Калифорнии, пресидия ** их есть не что иное, как четверугольное строение вышиною не более 1½ сажени, построенное из вышеупомянутого мягкого камня и имеющее в длину около 150, а в ширину около 120 сажен. В середине его на-

„Алеуты в нарядных платьях показывают, как они бывають на промысле“.
Рисунок Тихонова.

ходится пространный двор с выходом посредством одних ворот и двух калиток. Снаружи окон нет, а внутри всего здания идет галерея и в одной стороне построена небольшая церковь.

В сей на тюрьму похожей казарме живут губернатор, комендант пресидии, все офицеры и солдаты. Тут же арсенал, магазины и мелочные лавочки. Укрепление порта состоит в земляной насыпи, между двумя рядами невысоких свай кое-как наваленной, с оставленными промежутками вместо амбразур, из коих высунуты 8 или 10 пушек. Сия крепость, подобная обыкновенному полевому реду, стоит на высоком месте, откуда хорошие батареи могли бы совершенно защищать рейд и препятствовать высадке, ибо прибой морской или бурун в сем заливе только и позволяет безопасно приставать к берегу, находя-

* В самом проходе течение стремится со скоростью 8, 10 и даже иногда 12 верст в час.

** Все свои селения в Америке, имеющие вид укрепленного места и в коих находится гарнизон, хотя бы он, впрочем, состоял из десятка солдат или менее, испанцы называют пресидиями.

щемуся в расстоянии ближе пушечных выстрелов сей высоты.

Невзирая на свое бессилие, здешние испанцы хотят уверить приходящих к ним иностранцев, что они в состоянии дать порядочный отпор, если бы кто дерзнул покунуться сделать на них нападение. Для сего они употребляют разные хитрости. Всего забавнее маневр, который делают они, когда приходят к ним иностранные суда. Едва судно покажется, как сигнальный пост, на высокой горе расположенный, дает уже знать о сем губернатору, и гарнизон, за исключением больных и в отсутствии находящихся, из каких-нибудь двух или трех десятков состоящий, сберется в пресидию и приготовится. А от пресидии до крепости дорога лежит подле самого берега, против коего станоятся суда. Коль скоро идущее судно приблизится к якерному месту, то вся рать пустится во всю конскую прыть к крепости и не вместе, а порознь, делая вид, как будто это последние, бывшие на других постах, скачут соединиться с главным корпусом. Надобно знать, что в Калифорнии весь горнизон состоит из конных солдат. Все они, прискакав, прячутся за укрепление, между тем как на пришедшем судне с мачт не только всех их пересчитать легко, но посредством зрительной трубы можно видеть одежду каждого из воинов и усмотреть, какое оружие они имеют. В нашу бытность здесь два или три раза они забавляли нас таким маневром.

Весь доход, получаемый королем испанским в сей области, кажется, только и состоит в одних мольбах,

кои миссионеры и окрещенные индейцы по три раза в день о здравии и благоденствии его величества к богу воссылают, за что, однакож, он должен платить пиастрами, ибо каждый миссионер получает на свое содержание по 400 пиастров в год. Губернаторское жалованье состоит из 3000 пиастров; коменданту дается 1200, прочим офицерам по сравнению, и каждому рядовому положено на свое и лошади его содержание 17 пиастров в месяц, коих, однакож, они уже за 6 лет не получали. Но говядина им дается даром, ибо всякую субботу посылают отряд ловить дикий рогатый скот, и мясо делят по артелям на всю неделю.

В казну достаются изредка безделицы от пошлин, ибо есть постановление, что в случае прибытия иностранного судна по какой либо неизбежной надобности, как-то: имея нужду в починке, по недостатку в съестных припасах и пр., за требуемые им пособия дозволено брать в уплату товары, взыскивая по 22 процента; но такой ужасный налог заставляет корабельщиков прибегать к миссионерам, которые пособляют им сбывать свои товары за чистые деньги без всякой пошлыны.

Я думаю, что при другом правлении Калифорния скоро сделалась бы значащею, просвещенною и даже богатою областью. О сем предмете я буду говорить пространнее в замечаниях моих о компанейской крепости Росс, на берегу Нового Альбиона основанной, где также приложу некоторые замечания о природных жителях Калифорнии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Плавание от Монтерея до порта Румянцева, пребывание в оном и плавание из оного до крепости Росс, с замечаниями о Новом Альбионе

Сентября 19-го от 10 часов утра до 3 пополудни стояло безветрие, потом настали легкие переменные ветры, направлением коих пользуясь, мы выбрали путь, приближавший нас к месту нашего назначения — к порту Румянцева.

После полудня 20-го числа прошли мы каменные островки Фаральонес,

миновав южные из них в расстоянии миль двух, так что ясно видели сидевших на берегу алеут, живущих здесь для промысла сивучей и морских котов. Тихий ветер с юго-восточной стороны ночью позволил нам пройти мыс Де-Лос-Рейес¹⁸⁰ и перед рассветом 21-го числа приблизиться к порту Румянцева¹⁸¹, в который мы и

Алеут на промысле.
Рисунок Тихонова.

пошли к якорному месту, где в 10-м часу перед полуднем, пришедши на глубину 6 сажень, стали на якорь в расстоянии от ближнего берега на одну милю.

К полудню мы поставили шлюп на два якоря и тотчас отправили гребные суда за пресною водою на берег, а одну треть команды — мыть свое белье. Открытое местоположение здешнего рейда делает оный весьма опасным при южных ветрах, и сие самое заставило меня сколько возможно скорее кончить здесь наши дела и убраться.

22 сентября мы продолжали возить воду на шлюп, а часть экипажа мыла белье свое на берегу. К вечеру мы кончили обе сии работы. Между тем из крепости доставили нам 2 быков, 10 баранов, 4 свиней, несколько кур и множество зелени. Сегодня я провел время с Кусковым. Он сообщил мне все нужные сведения касательно здешней страны. После обеда были мы вместе в селении индейцев, или, лучше сказать, в шалашах их; видели, как они живут, что едят, как лечат наговорами больных и как играют на корысть палочками: все сие будет описано впоследствии.

Весь день сего числа дул тихий южный ветер, при пасмурной, дождливой погоде, а ночью по временам

шел проливной дождь; но поутру 23-го числа с переменою ветра к северо-западу и погода сделалась ясная. Будучи совсем готов, я располагал поутру сего числа выйти из залива и подойти к крепости Росс, где мне нужно было побывать. Но как ветер был противный и притом столь крепкий, что Кусков не мог туда отправиться, то я рассудил лучше простоять сутки здесь. Притом старшина независимых индейцев, при здешнем заливе живущих, приезжал ко мне с переводчиком, объяснил весьма важные дела касательно несправедливого притязания испанцев на сию страну и просил меня, чтоб русские приняли их в свое покровительство и поселились между ними. Все это дело обстоятельнее будет описано впоследствии.

24-го числа сделался легкий ветерок от северо-запада, с которым мы, вышедши из залива, стали лавировать к крепости, при весьма ясной погоде. Но около полудня ветер стал усиливаться и, наконец, сделался весьма крепкий.

По причине крепкого ветра мы никак не могли приблизиться к крепости, да и подходить к ней при таком волнении было бы бесполезно, ибо прибой у берега никак не позволял пристать к оному, и потому мы,

на отходя далеко от берега, лавировали, держа столько парусов, сколько по нужде возможно было. Крепкий ветер, с некоторыми промежутками, продолжался до ночи с 25 на 26 сентября, тогда стал утихать и на рассвете 26-го числа был уже очень тих.

Ветер, перешедши к востоку, не прежде позволил нам подойти к крепости, как поутру 27-го числа, когда мы увидели оную сквозь мрачность. В 10-м часу утра приехали к нам на большой лодке компанейские служители; они были отправлены от Кускова, который послал их за нами, полагая, что я с некоторыми из офицеров поеду на берег. Но как погода была пасмурная и даже временно находил туман, то с моей стороны было бы неблагоприятно в такое время оставить шлюп под парусами; на якорь же стать, как я выше сказал, здесь почти невозможно.

В 5-м часу приехал к нам Кусков и привез с собою разные свежие съестные припасы и список (для которого единственно я сюда заходил во второй раз) с акта, по коему значится, что земля здешняя уступлена индейцами русским.

Кусков, пробыв у нас до половины шестого часа, отправился на берег, а мы пошли в путь и стали править к юго-западу при ветре, наступившем после нескольких часов тишины, от северо-запада. Ветер сей, прогнав пасмурность, стал вдруг усиливаться и скоро превратился в настоящую бурю: мы едва в половине осьмого часа успели убраться с парусами.

Замечания о Новом Альбионе

Часть северо-западного берега Америки, называемую *Новым Альбионом*, должно считать между широтами северными 38 и 48°, ибо английский мореплаватель, второй путешественник вокруг света, Дрейк¹⁸², назвавший сим именем американский берег, видел протяжение оного от широты 48° до широты 38°. В сей последней нашел он открытый залив, в котором стоял на якорь и который впоследствии получил название Дрейкова залива¹⁸³. Селение Российско-Американской компании, названное

крепостью *Росс*, находится на сем берегу, подле небольшой речки, в широте 38°33' и в расстоянии от пресидии Сан-Франциско¹⁸⁴, составляющей северную границу Калифорнии, около 80 миль. Крепость сия основана в 1812 году с добровольного согласия природных жителей, которые здесь суть индейцы того же рода, что и в Калифорнии, но непримиримые враги испанцев, которых без всякой пощады умерщвляют они, где только встретят и смогут. При заведении сего селения компания имела в виду промыслы бобров и хлебопашество, для которого земля и климат чрезвычайно удобны; бобрами же, так сказать, наполнен обширный залив св. Франциска.

Крепость Росс составляет четверугольный из толстых и высоких бревен палисад, с двумя по сторонам деревянными башнями, и защищается 13 пушками; внутри оной находится весьма хорошее строение — дом начальника, — казармы и магазины. К чести основателя сего заведения, коммерции советника Кускова, надобно упомянуть, что в крепости есть колодец, хотя она стоит подле реки. Это весьма нужная мера воинской осторожности на случай вражды с природными жителями или при покушениях стороннего неприятеля. Вне крепости есть баня и скотные дворы.

Гарнизон состоит из 26 человек русских и 102 алеут, из коих многие часто отлучаются на промысел. В нашу бытность здесь, 74 человека алеут находились у мыса Мендосино для ловли бобров, которые водятся между сим мысом и заливом Троицы (Trinidad)¹⁸⁵, хотя и не в большом количестве. И с такою-то силою здешний правитель, коммерции советник Кусков, не страшится испанцев и пренебрегает всеми их угрозами.

При самом основании сего заведения губернатор Верхней Калифорнии знал об оном, равно как и все другие испанцы, в зависимости его находившиеся, и они даже сами помогали русским, снабжая их на первое обозаведение скотом и лошадьми, и после имели с Кусковым дружеское сношение и торговлю. Миссионеры покупали у него разные товары на хлеб и на чистые деньги; испанские чиновники ездили к нему в гости, и он у

Миссия Сан-Франциско.

Из атласа к кругосветному путешествию Коцебу.

них бывал. Словом, они жили, как должно двум дружественным соседним народам. Но это было, когда они не признавали Иосифа королем испанским¹⁸⁶. Ныне же, когда дела Испании пришли в прежний порядок, прибывший сюда новый губернатор требовал, чтоб русские оставили сии берега, как принадлежащие короне испанской, а в противном случае угрожал согнать их силою. Кусков сначала не знал, что ему делать, по непривычке к сношениям такого рода, не зная притом ни одного иностранного языка. Но как ему хорошо было известно, сколь слабы и презрительны те силы, коими губернатор может располагать, то он дал ему короткий и смелый ответ, что селение он основал по предписанию своего начальства, следовательно, и оставить его не должен, не может и не хочет иначе, как по повелению той же власти. Сие заставило губернатора прекратить свои требования и угрозы и удовольствоваться тем только, что он запретил иметь какое-либо сношение с крепостью и не позволяет Кускову ловить бобров в заливе св. Франциска.

Русские имели, по всем обычаям народным, полное право поселиться на здешних берегах, а испанцы хотят изгнать их по неосновательным и совершенно пустым притязаниям. Русские основали селение свое с добро-

вольного согласия коренных жителей сей страны, с дозволения народа, не признающего власти испанцев и в вечной вражде с ними пребывающего. Народ сей уступил право выбрать на его берегах место и поселиться за известную плату, выданную ему разными товарами. Дружеское расположение сего народа, до сего времени продолжающееся к русским, явно свидетельствует, что они не настолько завладели сею землею. Русские промышленники по одному и по два ходят стрелять в леса диких коз, часто ночуют у индейцев и возвращаются, не получив от них ни вреда, ни обиды. Напротив того, испанцы в малом числе и без оружия показаться между ними не смеют, иначе все будут убиты. Индейцы сии охотно отдают дочерей своих в замужество за русских и алеут, поселившихся у них; и в крепости Росс теперь их много. Чрез сие составились не только дружество, но и родственные связи. Сверх того, русские поселились на таком берегу, который никогда никаким европейским народом занят не был, ибо, кроме Лаперуза и Ванкувера, много других, после их здесь бывших английских и американских торговых мореплавателей можно привести в свидетели, что далее пресидии св. Франциска к северу испанцы никогда никакого селения не имели. В северной же стороне пространного

залива сего имени основали они миссию св. Рафаила спустя три года после нашего заселения, и основали оную на земле, принадлежащей к Новому Альбиону, а не к Калифорнии; индейцы сожгли сие их заведение. Вот права русских на занятие Нового Альбиона.

Испанцы основывают свои притязания на праве первого открытия и на соседстве своем с сими берегами. Видели ли испанцы здешние берега прежде Дрейка, — это подлежит крайнему сомнению, ибо и в новейшее времена мореплаватели их обнаружили, что о западных странах Северной Америки они ничего не знали.

Но положим, что испанцы видели сии берега прежде всех других европейских народов и, как у них водится, на всех мысах и во всех гаванях, где они приставали, исполнили весьма смешной и глупый обряд принятия земель во владение своего короля, то и за всем тем одно открытие, без действительного занятия мест, нисколько не дает права на обладание. Иначе испанцы могли бы утверждать, что вся Америка от мыса Горн до Северного полюса им принадлежит, и даже на Восточную Сибирь предъявить могут свои права, ибо они славу открытия Берингова пролива себе присваивают и называют его именем какого-то испанца *, который, по всей вероятности, никогда там не плавал, а может быть, и вовсе не существовал. Правило, что открытие без действительного занятия области не составляет обладания и не дает никакого права на оное, испанское правительство несколько раз признавало. Еще при английской королеве Елисавете двор испанский требовал, чтобы английское министерство велело англичанам оставить одно место в Северной Америке ¹⁸⁸, которое, по праву открытия, принадлежало Испании. Елисавета в ответ приказала сказать им, что испанцы открыли сие место, когда там не было пушек, и что теперь снова надлежит открыть оное, если хотят им владеть. Залив Нутку ¹⁸⁹, из которого в 1789 году они выгнали англичан, сделав над ними разные жестокости, и где начальник судов их, Мартинес, сказал

им, что вся Западная Америка от Берингова пролива до мыса Горн принадлежит королю испанскому, принуждены они были в 1791 году уступить англичанам, которые права свои точно на том же основали, на чем ныне русские основывают свое в занятии Нового Альбиона, а именно, на добровольном уступлении земли за плату природными жителями, то есть законными ее обладателями.

В прежней главе я упомянул уже, что старшина народа, живущего в соседстве порта Румянцева, в бытность мою там, приехал ко мне на шлюп. Он привез подарки, состоящие из разных нарядов, стрел и домашних приборов, и просил, чтоб Россия взяла его под свою защиту. Переводчиком у нас был один алеут, живший более года между сим народом. Сей старшина, по имени Валенила **, именно желал, чтоб более русских поселилось между ними, дабы могли они защитить жителей от притеснения испанцев. Он выпросил у меня флаг наш, с тем, как он говорил, чтоб при появлении у их берегов русских судов мог он поднимать оный в знак своей дружбы и союза с русскими. После сего, я не думаю, чтоб можно было, не поступив явно против справедливости и здравого рассудка, утверждать, что россияне заняли чужие земли и поселились на берегу Нового Альбиона, не имея на то никакого права ¹⁹⁰.

По уверению Кускова и по собственным нашим замечаниям, климат в Новом Альбине прекрасней и земля плодородна. Летом большую часть дуют северо-западные ветры и стоит теплая ясная погода; а когда бывают ветры с юга, то всегда тихие; только в три зимних месяца (ноябрь, декабрь и январь) дуют они с большою силою и идет много дождя; холода же большого никогда не бывает; в сии же месяцы случаются часто сильные громы, а особливо в декабре, с самую ужасною молниєю.

Земля производит здесь в изобилии многие растения: теперь у Кускова в огородах родится капуста, салат, тыква, редька, морковь, репа,

** Его иногда называют также Хойбо, но это слово означает начальника, старшину; таким образом Кускова они называют апихойбо — «большой начальник».

* Апиан — пролив Аниана ¹⁸⁷.

Вид залива Сан-Франциско в начале XIX века.

свекла, лук, картофель. Даже созревают на открытом воздухе арбузы, дыни и виноград, который недавно он развел. Огородная зелень весьма приятного вкуса и достигает иногда чрезвычайной величины. Особенно плодлив картофель, и притом сажают его два раза в год: посаженный в первой половине февраля снимают в исходе мая; а в октябре поспевают тот, который сажают в июне. Кусков, для опыта, завел у себя маленькое земледелие, но, по неимению достаточного числа работников и нужных орудий, а может быть, и по неопытности, урожай не соответствовал ожиданиям, ибо в нынешнем году пшеница родилась у него только вчетверо против посева, а ячмень впятеро.

Он разводит также скот, и в успехе нет сомнения, ибо обильные пастбища, водопой, круглый год подножный корм позволяют с небольшим числом людей иметь большие стада. Теперь у него есть 10 лошадей, 80 голов рогатого скота, до 200 овец и более 50 свиней. Все сии животные в весьма хорошем состоянии: в двух быках, от него мною полученных, чистое мясо весило 47 пудов. Дворовых птиц — гусей и кур — он имеет много. К домашней его экономии принадлежит мельница и выделка кож на обувь. Ныне он собирается делать свое сукно и учить индианок, вышедших в замужество за алеут, прядь шерсть. Словом, Кусков умеет пользоваться добрым свойством климата и плодородием земли; он такой человек, ко-

торому подобного едва ли Компания имеет другого в службе, и если бы во всех ее селениях управляли такие же Кусковы, тогда бы доходы ее знатно увеличились и она избежала бы многих нареканий, ныне директорами ее без причины претерпеваемых.

Кроме сельской экономии, которая способствует ему снабжать компанейские суда лучшими жизненными потребностями, Кусков умел воспользоваться изобилием в прекрасном строевом лесе: он построил в порте графа Румянцева два мореходных судна*, названные бригантина «Румянцев» и бриг «Булдаков», и несколько гребных судов.

Сверх всех вышеупомянутых занятий, он не упускает из виду и главного своего дела — отправлять артели для промысла бобров. На островах же Фаральонес¹⁹¹ живут у него другие люди для промысла сивучей и морских котов, которые бывают там иногда в большом числе. Сих последних начинают бить с половины октября, когда их шерсть достигает полной своей длины и пушности. Острова сии приличнее называть большими каменьями, ибо они действительно состоят из голого камня и нет на них ни леса, ни земли, ни пресной воды, кроме дождевой, в ямах скопляющейся; лес попадает только по берегам, выкидываемый также морем.

* Построены они из так называемого американского дуба, а палубы — из досок елового леса.

Рыбою берега здешние не изобильны: водятся почти те самые роды, какие попадаются в Монтерее. Но Кусков сказывал мне, что в реке, находящейся между портом Румянцева и крепостью Росс, названной Славянкою, бывают осетры, наружностью во всем сходные с нашими, только вкусом гораздо хуже.

Индейцы Нового Альбиона суть тот же самый народ, что и калифорнские жители, может быть, с некоторыми оттенками в нравах, обычаях, языке, кои для европейца неприметны. Они вообще смирны, миролюбивы и незлобны. Удобность, с какою испанцы их покорили и владеют лучшими местами земли их, при помощи весьма слабой силы, которую жители могли бы в одну ночь истребить, если бы составили заговор, показывает их миролюбивое свойство; а жестокость, часто против их употребляемая испанцами и не произведшая доселе всеобщего возмущения или заговора, свидетельствует о незлобивом их нраве.

Они даже имеют высокое понятие о справедливости. Например, прежде они поставляли себе за правило, да и ныне некоторые роды из них сего держатся, убивать только такое число испанцев, какое испанцы из них убьют, ибо сии последние часто посылают солдат хватать индейцев, коих они употребляют в пресидиях для разных трудных и низких работ и держат всегда скованных. Крещенные же индейцы, к миссиям принадлежащие, к таким работам не могут быть употреблены, разве в наказание за вину по воле миссионеров. Солдаты хватают их арканами, свитыми из конских волос. Подскакав во всю прыть к индейцу, солдат накидывает на него аркан, одним концом к седлу привязанный, и, свалив его на землю, тащит на некоторое расстояние, чтоб он выбился из сил. Тогда солдат, связав индейца, оставляет его и скачет за другим; а наловив, сколько ему нужно, гонит их в пресидию с завязанными руками.

Сим же способом испанские солдаты ловят здесь диких лошадей, быков и даже медведей: гонятся за каждым животным два человека с двух разных сторон, арканы накидывают почти в одно время и, накинув,

вдруг поворачивают лошадей в противные стороны. Таким образом, вытянув арканы, имеют уже они животное в своих руках и могут оное на месте убить или вести на арканах куда угодно.

Но при ловле индейцев арканами нередко убивают их до смерти. После того соотечественники их ищут случая отомстить, и когда удастся им захватить где испанцев, то, убив из них столько, сколько умерщвлено их товарищей, прочих освобождают. Ныне, однакож, испанцы вывели их из терпения, и они никого из них не щадят, а особливо индейцы Нового Альбиона. К сему немало послужили хорошие и ласковые поступки с ними русских, которые, вместо того чтоб ловить и заковывать их, дарят им часто разные вещи, хотя маловажные, но для них дорогие, и даже, как я выше упомянул, вступают в супружество с их дочерьми. Такое благо разумное поведение Кускова скоро показало жителям разность между двумя народами, и по мере привязанности их к русским, коих они почитают как друзей и братьев, увеличилась их ненависть к испанцам, кои считают индейцев не лучше скотов.

Индейцы Нового Альбиона, так же как и калифорнские, на свободе живущие, кроме повязки по поясу, никакой одежды не употребляют; зимою только в холодное время накидывают на себя кожу какого-нибудь животного: оленю, волчью и пр. Наряд же их состоит в головном уборе, из перьев сделанном, и в повязках из травы и цветов. Копья и стрелы составляют их оружие. О возделывании земли для своего пропитания они не заботятся, пользуясь добровольными дарами природы; притом в выборе пищи они весьма неразборчивы: едят без малейшего отвращения мясо всех животных, какие только им попадутся, всех родов раковины и рыбу, даже самых гадов, кроме ядовитых змей.

Из растений главную их пищу составляют дубовые жолуди, кои они и на зиму запасают, и зерна дикой ржи, которая здесь растет в большом изобилии. Для сбора зерен сих употребляют они весьма легкий, впрочем странный способ: они зажигают все поле; трава и колосья, будучи весьма сухи, скоро стоят, зерен же огонь истребить не успеет, а только опалит.

После индейцы собирают оные и едят без всякого приготовления. Растение сие по большей части индейцы сожигают ночью, а потому, подходя к здешним берегам, всегда можно знать, где расположились их станы.

Из животных, кроме рыбы и раковин, чаще всего добывают они диких оленей, ибо способ их убивать весьма легок и прост. Индеец привязывает к своей голове голову оленя и покрывается оленью кожей. В таком одеянии подкрадывается он к стаду сих животных, которыми в движениях и прыжках народ сей весьма искусно умеет подражать. Будучи же в стаде, ему нетрудно стрелами убить столько оленей, сколько хочет.

Вообще здешние жители, как и все другие непросвещенные народы, ведут жизнь праздную. Для препровождения времени, которого они имеют так много, что не знают, куда девать, изобрели они игру. У них нарезано несколько небольших палочек. Один из игроков, сидя на коленях, беспрестанно вертит их с чрезвычайною скоростью, между тем кричит, поет и кривляется, стараясь быть смешным, чтоб отвлечь внимание соперника от рук своих, коими, воспользовавшись, по расчету его, благоприятную минутою, прячет несколько палочек в лежащую перед ним траву, а руки с остальными палочками закидывает мгновенно за спину. Соперник его должен отгадать, сколько палочек в траве: если не отгадает, то проигрывает; в противном случае выигрывает его. Они столь пристрастны к сей игре, что в порте Румянцева, получив от нас табак и прочие мелочи за разные редкости в подарок, тут же, в глазах наших, сели и начали

Жительница залива Румянцева.

Рисунок Тихонова.

друг другу проигрывать полученное от нас.

О религии их я ничего сказать не могу, но знаю, что они верят сверхъестественным действиям своих колдунов, или, как сибирские народы их называют, шаманов. В вышеупомянутом порте видел я, как один такой шаман лечил больного. Сидя над больным в шалаше, он беспрестанно что-то говорил нараспев и пел, махая разным образом бывшею у него в руках палкою с привязанными к ней перьями. Семейство больного, находившееся в том же шалаше, в известное время ему отвечало и помогало петь. Сие продолжалось при нас более часа, и после, когда мы оставили их, шаман продолжал свои действия.

Новый Альбион имеет один только весьма важный недостаток для заве-

дения колонии: по всему протяжении берегов сей области нет ни одного удобного и безопасного пристанища. Порт Румянцева, лежащий под широтою $38^{\circ}18'$, закрыт от всех ветров и совершенно безопасен, но по мелководию своему удобен только для самых малых судов, рейд же его с юга совсем открыт.

Реки, текущие в море в пределах Нового Альбиона, хотя велики и глубоки, но в устьях своих или совсем мелководны или имеют мели от наносных песков и ила, часто переменяющиеся, которые делают вход и выход не только весьма трудным, но и крайне опасным. Такова, например, река, впадающая в океан под широтой $46^{\circ}18'$ и которую испанцы называют Рио-де-лос-Рейес *, а граждане северо-восточной американской республики ¹⁹² — Колумбию.

Здесь у места будет сказать, что россияне, поселившиеся в Новом Альбионе, в короткое время отыскивали реки, заливы и горы, которые испанцам вовсе были неизвестны. Для доказательства сего не нужно упоминать о всех открытиях, россиянами в том краю сделанных; довольно будет привести следующие примеры. Две большие реки, впадающие в северную сторону залива св. Франциска ¹⁹³, испанцам вовсе не были известны, даже и пределов сего самого залива они не знали, а русские в нем несколько раз были и нашли, что залив простирается к северу до параллели входа в Большую Бодегу. Из рек, в сию часть его впадающих, одна

течет с северо-запада, а другая — с северо-востока. Первая из них, по уведомлению индейцев, из того же весьма большого озера, из которого течет река Славянка ¹⁹⁴, а по второй русские ездили верст на сто и нашли там высокую горящую огнедышащую гору ¹⁹⁵, о существовании коей испанцы и не слыхивали. Индейцы уверяют, что из того же озера течет на запад еще третья большая река, которая, судя по их словам, должна быть одна из тех, кои впадают в залив, находящийся верстах в 20 к северу от мыса Мендосино ¹⁹⁶ и отысканный россиянами в прошлом году. Залив сей разделяется на два рукава и довольно велик, но мелководен; в него впадают две большие и три малые реки, весьма изобильные рыбою, в числе коей много осетров и семги; в больших же реках водится много тюленей. По берегам залива и рек растет в превеликом количестве годный на строение крупный лес, большею частью еловый и ольха. Между сим заливом и заливом Троицы есть еще залив, более первого, в который также впадают две большие реки, при коих русские были. Итак, на пространстве 70 верст от мыса Мендосино до залива Троицы находятся четыре большие и три малые реки; на испанских же картах назначена только одна, под именем Рио-де-лас-Тортолас **. Сие явно показывает, сколь мало страна сия известна испанцам; между тем они делают на оную притязания, как на свою законную собственность.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Плавание от берегов Нового Альбиона до Сандвичевых островов и пребывание на оных

Буря продолжалась во всю ночь. Перед рассветом 28-го числа смягчилась, и ветер отошел к западу; днем же дул он умеренно, с небольшими порывами, находившими с дождливыми тучами, и погода стояла то облачная, то ясная. После полудня мы видели так называемую тропическую птицу: сей род птиц весьма редко показывается в таких больших широтах.

* Rio de los Reyes, то есть «королевская река».

От берегов Нового Альбиона я взял намерение идти к параллели 30° , в долготу 135° и потом плыть по сей параллели к западу, ибо на некоторых испанских картах около оной в сем море назначены два острова: один в широте $28^{\circ}50'$, в долготу $135^{\circ}00'$, а другой в широте $28^{\circ}00'$, в долготу $143^{\circ}35'$. Лаперуз на пути из Монтерейя в Кантон шел близко сих мест, но островов не видал; в суще-

** Rio de las Tortolas — «река горлиц».

Жители залива Румянцева Нового Альбиона. Женщина толчет дикую рожь, отбивая из нее зерна.
Рисунок Тихонова.

ствовании же их, кажется, нельзя сомневаться, только они дурно положены на карту, ибо около того же места наш моряк, лейтенант Подушкин, начальствуя компанейским кораблем, шедшим из Ново-Архангельска к Сандвичевым островам, видел, как он пишет в своем журнале, *табуны морских котиков*; известно, что сии животные никогда от берегов далеко не отплывают, и как Лаперуз шел южнее параллели означенных островов, то я счел за лучшее итти севернее, чтоб иметь случай найти оные.

До 7 октября, не встретив ничего особенно примечательного, мы плыли к югу, большею частью с попутными ветрами и ясною погодою, а сего числа в полдень место наше было, по наблюдениям и хронометрам, в широте $28^{\circ}55'$, долготе $135^{\circ}03'$. Следовательно, мы находились почти на самом том месте, где на некоторых испанских картах, как то выше я сказал, помещен остров. Однакож мы не только земли, но ниже признаков

оной не видали, кроме трех тропических птиц, которые летали вместе. По прежнему моему предположению надлежало бы теперь нам править на запад, но как ветры дули от сей стороны и притом весьма тихо, так что нам и в неделю бы на 50 миль по сей параллели не податься к западу, то я стал держать к югу, чтоб поскорее встретить пассаты, а потом уже плыть к Сандвичевым островам, избирая пути, где прежде никто не плавал.

Октября 11-го вечером, будучи в широте 25° , долготе 137° , встретили мы северо-восточный пассатный ветер, с которым и стали править прямо к острову Овайги¹⁹⁷. Сиям путем не шел никто из известных мореплавателей. Здесь надлежит заметить, что от самой Америки до сего места* мы только сначала имели крепкий ветер, потом большею частью дули тихие переменные ветры, а зыбь всегда по-

* И потом далее почти до самых Сандвичевых островов.

стоянно шла от северо-запада и часто была столь велика, что сильным качанием шлюпа причинила нам величайшее беспокойство. Ванкувер также на сем переходе имел большую зыбь от северо-запада. Странно, что в полосе океана, где никогда не бывает крепких ветров и в такой отдаленности от всех, бурям подверженных климатов, всегда бывает такая большая зыбь! Что бы могло быть причиною сего явления?

После сего до самого прихода нашего к Сандвичевым островам ничего примечательного не повстречалось, кроме следующих, впрочем не очень важных случаев: в широте $23^{\circ}52'$, долготе $138^{\circ}22'$, прошли мы большое, носящееся по морю дерево, повидимому еловое или сосновое, которое должно быть с американского берега или с каких-нибудь неизвестных островов, к востоку лежащих. Ванкувер видел на Сандвичевых островах большие лодки, сделанные из наносного елового дерева. Он объясняет, что такие деревья должны быть приносимы из Америки, в чем, кажется, и сомневаться нельзя. Потом в широте $22^{\circ}19'$, долготе $143^{\circ}03'$ летал несколько времени около шлюпа береговой кулик. Судя по расстоянию, он не мог сюда залететь ни с американского берега, ни с Сандвичевых островов. Итак, долженствовал находиться поблизости нас какой-нибудь неизвестный остров, но мы, сколько ни старались кругом себя смотреть, ничего похожего на землю не видали.

Октября 16-го пассат дул довольно крепко и временно находили сильные порывы с тучами и дождем. Мы шли под весьма малыми парусами, опасаясь иметь много хода, чтоб не найти на какую-нибудь неизвестную банку или остров. С рассветом порывы находить перестали, но ветер все дул крепко, и мы, идучи на фордевинд, имели большой ход. В 8-м часу утра летала вокруг шлюпа маленькая береговая птичка: тогда мы находились в широте 21° , долготе 148° .

С полуночи на 17-е число ветер дул порывами и находили тучи. В сию ночь мы приняли более мер осторожности, нежели прежде, ибо я имел причину опасаться, нет ли по восточную сторону Сандвичевых островов таких же опасных мелей, какие по

северо-западную, западную и южную * найдены, а потому шли мы под самыми малыми парусами. С носу шлюпа, кроме часовых матросов, гардемарин с ночною трубою беспрестанно смотрел вперед; на фор-салинге же во всю ночь посменно были часовые для слушания бурунов, ибо в темные ночи часто шум, производимый прибоем моря на мелях, скорее слышен бывает, нежели пена от бурунов покажется.

Попутру пассат стал дуть ровнее, погода же была весьма облачна и солнце очень редко показывалось из-за облаков; но вечером и в ночь на 18-е число ветер опять стал дуть крепко и сильными порывами, с тучами и дождем, а к северо-западу и западу была видна почти беспрестанная молния. Мы в сию ночь шли с тою же осторожностью, как и в прошедшую; а на рассвете поставили все паруса.

В исходе шестого часа утра 19 октября, увидев хорошо берег, мы подошли к нему на 4 или на 5 миль и при весьма свежем пассате пошли вдоль одного к SW. В 9 часу открылась весьма хорошо превысокая гора Мауна-Роа²⁰², коей весь хребет, составляющий вершину горы, был покрыт снегом. Часа через два она опять скрылась в облаках, и мы ее более уже сегодня не видали; впрочем, погода была ясная. Гора сия хотя чрезвычайной высоты, но не имеет, подобно всем другим высоким горам, острой вершины. Она возвышается от моря постепенно и кончается хребтом наподобие обороченной вверх дном лодки, у которой корма и нос одной фигуры, а потому она и не имеет такого величественного вида, как сахарной голове подобные горы, и для непривык-

* К северо-западу от сих островов Лаперуз нашел остров (Isle de Necker) и мели (Basses des fregates francaise)¹⁹³; на последних едва он не погиб и за спасение свое обязан хорошим глазам матроса. В том же направлении наш моряк, капитан Лисянский, стал ночью на мель подле неизвестного, едва приметного островка, названного им островом Лисянского¹⁹⁹, и если бы не было в то время совершенной тишины, то мы бы и по сие время о корабле «Нева» ничего не знали. К западу от помянутых островов Лисянским же найден маленький островок (Крузенштерна)²⁰⁰, а к юго-западу англичанин Джонстон нашел такой же опасный для мореходцев лоскуток земли²⁰¹.

Врачевание больного наговором в заливе Румянцева.

Рисунок Тихонова.

ших судить о высотах гор кажется гораздо ниже, нежели есть в самом деле.

В 2-м часу пополудни мы обогнули южный мыс острова в расстоянии от одного миль 3. Мы ясно видели не только хижины жителей, но и самих людей. Пассат, самый свежий, нес нас со скоростью 9 миль в час; к тому же и течение помогало. Мы шли вдоль южного берега, в 2 или 3 милях от него. В 4-м часу пополудни, подошед к юго-западному мысу, вдруг потеряли пассат, и легкие переменные ветерки настали; тогда из лежащих по берегу селений начали к нам приезжать островитяне: до захождения солнца было у нас 6 лодок, в каждой от 5 до 4 человек. Они ничего к нам на продажу не привезли, кроме того, что на одной лодке была свинья, за которую они просили кусок сукна. На некоторых лодках были молодые женщины, которых мужчины, слишком вразумительными знаками, предлагали к услугам матросов. Почти на всех из них повязки около пояса были из европейских материй. Из мужчин

некоторые одеты были в оборванных матросских фуфайках, полученных ими с американских и английских судов. Приезжали они в обыкновенных своих одинаких *кану*, или лодках, кои были столь часто, а нередко и хорошо, описаны в разных путешествиях.

Вечером и ночью ветры были самые тихие переменные, а часто и штили. Опасаясь сильных порывов ветра с гор, мы не смели нести много парусов и едва подавались вперед. Погода стояла ясная: по берегу были видны во многих местах во всю ночь огни, по которым мы заметили, что течение никакого действия над нами не имело. На рассвете же 20-го числа мы поставили все паруса и, пользуясь направлением маловетрией и легких ветерков, кои прерывали иногда совершенную тишину, в 10 часов утра поровнялись с заливом Кареккуа²⁰³, к которому и спустились; с помощью маловетрия и буксира вошли мы в оный в 3-м часу пополудни и стали на место, которое занимал Ванкувер.

Когда мы находились милях в 4 от залива, приехало к нам множество лодок, и почти на каждой из них были женщины, привезенные для гнусного торга. На одной из лодок приехал высокого роста, сильный по виду сандвичанин, который, вступая с моего позволения на шлюп*, без дальних околичностей сел, развернул с полдюжины тряпиц и вынул из них несколько бумаг, содержащих в себе одобрения, данные ему от начальников разных бывших здесь военных и торговых судов. Почти все они представляют его как сведущего лоцмана для здешнего залива, как искусного пловца и водолаза и как проворного и хитрого плута, который никогда ничего не крадет, доколе не уверится хорошо в успехе, почему и советуют его остерегаться. Первые два искусства он скоро показал нам на опыте: сперва нырял несколько раз под шлюп с одной стороны на другую, а потом указывал место для положения якорей точно то, которое Ванкувер похваляет и куда мы шли без пособия лоцмана; а третье достоинство его обнаружить предоставлено было времени.

Едва успели мы положить первый якорь, как приехал к нам лоцман, определенный владельцем овайгийским вводить и ставить суда в безопасное место на якорь. Бумага, писанная на английском языке и подписанная англичанином Элиотом, свидетельствовала звание и должность сего человека, который имел два имени: овайгийское Гейгекууй и английское Джак. Сначала он изъявил было неудовольствие лоцману, бывшему у нас, что он в ненадлежащем месте нас поставил, но, узнав, что я сам тут стал, похвалил выбор. Первый же лоцман ему был покорен, по лишь Джак от нас уехал, как он в досаде, ударив сильно рукою в сетку, стал нам объяснять что-то; как мы после поняли, это значило, что ему бы надлежало быть главным лоцманом, а не Джаку.

Сегодня только был у нас один старшина из последнего класса, но простого народа множество окружало шлюп; вели они себя очень смиренно и

не покушались нисколько сделать какое-либо похищение. Джак разумел немного по-английски, и я посредством его дал знать жителям, что когда по захождении солнца спустят у нас флаг и выпалит пушка, тогда *корабль табу*** и чтоб все лодки ехали прочь, что они и исполнили в назначенное время с точностью и ночью отнюдь нас не беспокоили.

По берегу в 10-м часу ночи подле самого утеса от селения Кавароа до Карекекуа шли несколько человек с факелами и кричали что-то нараспев. После мы узнали, что это был патруль, ходивший по селениям и по повелению короля провозглашавший, чтоб жители не смели ночью приближаться к шлюпу и не сделали нам какого вреда.

На другой день по рассвете, когда мы подняли флаг при пушечном выстреле, начали к нам приезжать лодки, и скоро набралось их множество с обеих сторон. Между тем я получил от Элиота ответ на мою записку о прибытии нашем, к королю вчера посланную. Он меня извещал, что король, по причине болезни своей сестры, не может приехать к нам, но дал приказание старшинам здешним позволить жителям привозить к нам на продажу съестные припасы, и что он, Элиот, по повелению короля, на тот же конец сам к нам приедет. Надобно сказать, что сей Элиот, родом шотландец, был подлекарем на одном английском военном корабле; потом служил на разных купеческих судах в звании лекаря, а иногда как мореходец или суперкарг. В сей последней должности находился он в службе нашей Американской компании на судне «Ильмень», с которого был взят в плен испанцами; получив свободу, вступил в службу короля сандвического, в звании министра иностранных дел. По его решению, жители привезли к нам на продажу множество зелени, плодов и кур, но свиней не было. Только они просили за все такую цену, что нам невыгодно было у них покупать: например, за два арбуза требовали они складной или столовый нож или нож-

* Мы не всех их пускали на шлюп, а по выбору: кто казался знатнее или держал какую-нибудь бумагу в руках.

** Табу — слово, известное в Европе по многим путешествиям, означющее запрещение, пост, воздержание и пр.

Вид горы Мауна-Роа на острове Овайги.

Вид восточного мыса острова Овайги.

Вид острова Гуахана.

Из первого издания книги Головнина „Путешествие вокруг света на шлюпе „Камчатка“.

ницы; за дыни — то же. Железо ставили ни во что; листовую медь брали, но за безделицу, может быть потому, что мы сами уронили цену ее, бросая куски оной в воду и заставляя тем сандвичан нырять и доставать их из воды; они делали это с удивительным проворством. Надобно знать, что ныне все сандвичане, как мужчины, так и женщины, курят табак из деревянных трубок, которые внутри обделывают медью.

В 10-м часу утра приехал к нам в небольшом двойном кану Элиот с братом первой королевской жены, которого сандвическое имя Калуа, а европейское Джон Адамс. Должно заметить, что многие из знаменитых островитян принимают имена английские или американские. Например, первый министр по имени Кремоку называется мистер Пит²⁰⁴ и пр. Гости наши извиняли неприбытие короля болезнию его сестры и привезли от него в подарок мне 15 четвериков картофеля и 6 четвериков тарро*; зелени же, плодов и десять свиней приказано было управителю его здесь ко мне доставить. Но он, обещавши привезти зелень на другой день, сказал, что только одну свинью может дать, ибо более не имеет. Отказ сей Элиот приписывал его плутням и хотел донести о том королю.

Поговорив с Элиотом около часа, я поехал с ним и с некоторыми из своих офицеров на берег в селение, называемое Кавароа, где славный Кук лишился жизни. Сначала мы пошли в дом к здешнему старшине, которого нашли сидящим в креслах европейской работы. На нем был коричневый суконный сюртук с металлическими пуговицами, надетый на голое тело. Жена его, одетая в рубашке и в ситцевом, на халат похожем, платье, сидела подле него на одном из трех европейской работы сундуков, стоявших в комнате. Подле нее сидел молодой человек в матросском платье и с виду похожий на португальского матроса; он шил сюртук из английского сукна и был, как мы после узнали, не портной, но так-

* Тарро есть растение, свойственное жарким странам; из корня оного делают муку, которая вкусом несколько подобна нашей ячной муке, смешанной со ржаной.

же старшина и второй муж хозяйки дома. Здешние знатные дамы позволяют себе свободу и явную маленькую прихотливость иметь пару мужей. Кроме сих значащих и по-европейски одетых особ, были тут трое или четверо мужчин и две женщины в отечественной одежде, то есть нагие, с повязками по поясу.

При входе нашем Элиот сказал, кто я. Старшина встал, взял меня за руку, пожал по английскому обычаю и посадил на кресла, а сам сел на пол и всех моих спутников посадил на пол же. Разговор у нас был непродолжителен, ибо я более занимался с Элиотом, отвечавшим на мои вопросы об их обычаях и других предметах, касающихся до сих островов.

Между тем старшина, по имени Найти, предложил нам вича с водою. Но вместо вина подали рому, и когда мы все выпили по очереди из одного стакана, тогда ему налили стакан, который он выпил, вышедши из дому на свободный воздух. Возвратясь, объяснил нам посредством Элиота, что всякий сандвичанин обязан иметь три дома, хижины или шалаша, смотря по состоянию: в одном они спят, в другом едят мужчины, а в третьем едят женщины, и как мы находились в спальне, в которой им ни пить, ни есть не дозволяется, то он и вышел вон, чтоб сделать нам учтивость выпить за здоровье наше. Мы, как иностранцы, не были обязаны держаться сего правила, но Элиот хотя и был в мундире английских морских лекарей и с кортиком, но как поселившийся между ними не смел нарушить сего правила и ничего не пил. Причем он мне сказал, что ему велено также иметь три дома и наблюдать все их табу, или запрещения.

От старшины пошли мы по селению, входили в разные дома, видели работу их ткачей и способ, как они красят свои изделия; рассматривали образ строения домов их и пр. Все сие подробно описано во многих путешествиях, напечатанных и на нашем языке. Нас сопровождало множество людей обоего пола и всякого возраста, от стариков до детей; все они вели себя очень смиренно, служивали нам, доставали с дерев кокосо-

Убийство Кука сандвичанами.

вые орехи и потчевали соком оных, и никто из них нимало не покушался украсть что-либо у нас. После всего были мы на том самом камне, на котором знаменитый мореплаватель Кук умерщвлен каменным кинжалом, и видели сквозную пробоину, сделанную ядром с английских кораблей, которые после сего случая стреляли по жителям. Нынешний король Тамеамеа²⁰⁵, бывший тогда простым старшиною, рассказывал Элиоту на самом том месте, со всеми подробностями, как сие дело происходило: как стоял Кук, как упал он в воду лицом и пр.

Из селения Кавароа поехали мы на шлюпках на противную сторону залива в другое селение, называемое Какуя или Карекекуа, где жители нас приняли так же хорошо, как и в первом, и так же были услужливы. Тут видели мы развалины прежних домов королевских, находившихся при небольшом пруде, обсаженном вокруг высокими, ветвистыми деревьями; подходили к капищу их, куда нас не пустили; но Элиот имел право входить туда, будучи принят в число их сограждан. Видели два кокосовых дерева, пробитых ядрами при том же случае. Потом показывали нам старые полусгнившие военные лодки, которых теперь они не употребляют; ныне строят они суда по

европейским образцам: бриги, шкуны и пр. В сем селении жители потчевали нас пивом, сделанным из корня дерева, которое они называют *ти*; из сего же корня гонят они ром. Пиво сие вкусом и запахом весьма похоже на наше пивное сусло.

Во 2-м часу после полудня мы возвратились обедать на шлюп, где нашел я того старшину с женою, у которого мы были в селении Кавароа, и двух или трех других, менее значащих старшин. Первый был уже не в сюртуке, а в одной только европейской рубашке; жена же его в прежнем платье. Другие старшины были тоже в одних рубашках, исключая королевина брата, который, кроме одной повязки по поясу, вовсе никакой одежды на себе не имел.

За столом гости мои употребляли ножи и вилки и так ловко, как европейцы, и после каждого кушанья клали ложку, нож и вилку на тарелку и отдавали человеку переменить. Принц все ел без разбора, но прочие были под разными запрещениями: один не мог есть свинины; другой, увидев на столе курицу, выскочил на лодку. Он же после хотя курил наши сигарки, но раскуривал не нашим огнем, а тем, который брал с лодки. Жена старшины во время обеда вышла на дек, ибо у них женщины

не только есть вместе с мужчинами, но не могут и быть там, где мужчины едят. После обеда она пришла и пила вино, если не более, то верно наравне с мужчинами.

Принц, налив рюмку вина, пил здоровье «Рукини», то есть России или русских, а потом «Рукини Александра» (русского Александра) и тотчас после, не дав мне времени отблагодарить за учтивость, пил здоровье короля Таеаеа. Впрочем, он довольно разумеет по-английски и из вопросов моих о разных предметах редко чего не понимал.

Гости наши разъехались уже вечером, а с заревою пушкою, по захождении солнца, и все лодки удалились. Принцу сделал я подарки, которыми он казался доволен; а для сестры своей, королевы, сам выпросил у меня два графина с наливкою и две граненые рюмки. Элиот наскзал мне столько хорошего о старике короле, который и без того уже, по описанию Ванкувера и по слухам от американских корабельщиков, был мне известен с весьма хорошей стороны, что я принял намерение зайти в залив Кайруа²⁰⁶ и посмотреть короля, тем более, что сие местопребывание королевское от нас было не далее 10 миль по пути.

22-го числа мы прибыли в Кареккуа, ожидая съестных припасов назначенных королем нам в подарок, которые не прежде были привезены, как вечером, и состояли в одной свинье и нескольких пучках зелени. Между тем нас посетили разные старшины, из коих два были с своими женами, одетыми в ситцевые платья, сшитые на европейский манер, и жена того старшины, у которого мы были в Кавароа, со вторым своим мужем, которого, по здешнему обычаю, называют другом мужа. Они привезли по одному маленькому поросенку и понемногу зелени в подарок, но за сии гостинцы заставили меня дорого заплатить; ибо, взяв от меня, что я сам им предложил, выпросили еще несколько графиров и рюмок. Я потчевал их обедом. Мужчины ели свинину, баранину и все, что им подавали, а женщины ели свое кушанье, состоявшее в тесте из тарры и сырой рыбе с водою и уксу-сом; с нашего же стола ели один только сыр. Зато пили более мужчин,

и жена каваровского старшины одна выпила два полных больших графина крепкой наливки. Второй ее муж уговаривал и даже бил ее, доколе сам не напился. Потом, разбранившись с нею, уехал на берег, и она, сколько ее ни уговаривали, не хотела ехать, а желала ночевать и идти с нами в Кайруа. Наконец, когда зашло солнце и надобно было палить заревую пушку, я принужден был пригрозить ей, что силою отвезу ее к мужу, если она добровольно не поедет. Тогда принуждена она была ехать, однакож прежде того надавала несколько ударов разным старшинам и сопровождавшим ее людям, подозревая, что они научили меня не позволять ей оставаться на шлюпе. Одни терпеливо сносили от нее побой, а другие прятались за мачты. Нельзя было не смеяться, смотря, как высокая, здоровая женщина, одетая в шелковом платье и в довольно дорогом мериновом платке, расхаживала по палубе и колотила старшин — рослых, тучных мужиков. Когда мы отправили сию пьяную бабу, у нас сделалось все спокойно; остались на шлюпе люцман наш Джак и два трезвых, хорошего поведения старшины, которые хотели с нами ехать в Кайруа.

В 10-м часу ночи подул береговой ветер довольно сильно. Тогда мы подняли якорь и пошли в путь. Ветер скоро сделался опять тих, да и мы не спешили, чтоб не прежде рассвета подойти в Кайруа, и потому шли под самыми малыми парусами.

На рассвете 23-го числа шлюп находился против самого сего залива, в который мы лавировали, доколе позволял береговой ветер. Но наступившая после оного тишина и потом легкое маловетрие продержали нас близости от залива целый день и не прежде, как вечером в 7-м часу проложили мы якорь под руководством действовавшего вместо люцмана Элиота, который приехал к нам еще поутру и провел весь день со мною, рассказывая множество любопытных вещей о здешних жителях. Доколе мы приближались к заливу, к нам приезжало много лодок продавать зелень и плоды, а вечером все они удалились и нас более уже не беспокоили.

Во всю ночь дул тихий береговой ветер и погода была ясная. Мы

стояли очень покойно. В 8-м часу утра 24-го числа, когда, подняв флаг, выпалили мы из пушки, стали к нам приезжать лодки. От некоторых из приезжих скоро мы узнали, посредством нашего переводчика Джака, что слышанный нами во всю ночь на берегу вой происходил от жителей, которые приходили к дому за сутки пред сим умершей сестры королевской и плачем изъявляли печаль свою. Мы сначала думали, что островитяне забавляются на наш счет и передразнивают наших часовых, когда они пускали сигналы.

В 10-м часу утра сего числа, взяв с собою несколько офицеров и гардемарин, поехал я на берег. Пристали мы на песчаном берегу подле самых королевских домов. У пристани встретил нас Элиот, а король тут же стоял подле своего дома. Он был одет по европей-

ски, только весьма запросто: одежду его составляли бархатные светлозеленые панталоны, простая белая рубашка, шелковый на шее платок, кофейный шелковый жилет, белые чулки, башмаки и круглая пуховая шляпа; в руке держал он тоненькую, хорошо обделанную тросточку, имевшую разрез в тонком конце, коим он держал ее вверх, со вставленным в оной листом какого-то растения. Тросточку сию сначала я принял за знак власти, соответствующий нашему скипетру, но после узнал, что она употребляется здесь в игре, о которой после будет сказано.

Когда мы подъезжали еще к берегу, то видели много островитян, стоявших около домов королевских. Они были вооружены: некоторые держали обнаженные тесаки, а другие имели ружья со штыками. На

Тамеамеа, король сандвичан.

Рисунок Тихонова.

площадке же, находившейся на песчаном берегу между королевскими домами, видели мы пять стоявших рядом небольших шалашей. Сначала я не мог догадаться, к чему они могли служить. Но когда мы стали подъезжать, то их потащили прочь, и открылось, что это были покрышки для 5 осьмнадцатифунтовых чугунных пушек, стоявших просто на берегу без платформ, на корабельных станках с чугунными колесами.

На берегу встретил нас Элиот и множество народа, также и стража королевская вооруженная, как я выше сказал. Чуднее войска вообразить себе нельзя: многие из них нагие, лишь с повязками по поясу; другие имели на себе белую холстинную рубашку, без всякого другого платья, а иные красную шерстяную; у некоторых панталоны состав-

ляли всю одежду; у других жилет служил вместо платья и пр. Оружие же все было покрыто ржавчиною, и хотя рать сия была собрана для почести нам или для того, чтоб показать королевскую силу, но когда мы стали приставать к берегу, войны сии бросились к нам без всякого порядка и как бы хотели напасть на нас.

Элиот показал нам короля, стоявшего подле угла своего дома, на возвышенном фундаменте. Когда мы к нему подошли, он тотчас протянул ко мне руку по английскому обычаю и сказал: «How do you do», а потом на своем языке *ароха* (здравствуй). После сего сделал он такое же приветствие и всем другим бывшим со мною офицерам и пригласил нас в свою столовую комнату, которую по всем отношениям можно назвать весьма большим шалашом. Там нашли мы в одной стороне преогромный сундук с ручным оружием (по словам Элиота); подле одного большого красного дерева европейской работы бюро; два стола — один большой с углами, а другой круглый, оба красного дерева. Последний из них был покрыт синею салфеткою; на нем стоял штоф с ромом, графин, наполовину наполненный красным вином, большой стакан с водою и три или четыре поменее пустых; а около стола — кресла и два или три стула европейской же работы. На стенах висели два самых простых, ценою по нашему рублей в пять, зеркала и внизу к стенам приставлено несколько ружей, тесаков и пик. Сия половина шалаша была покрыта травяными коврами; в другой же на полу ничего не было, а стояла чугунная корабельная печка, в коей горел огонь, и в углу разная посуда. Вот в чем заключался весь убор королевской аудиенц-залы!

Король посадил меня в кресла, а сам сел подле меня на стуле, предоставив прочим разместиться, кто как мог: некоторые сели на большой ружейный сундук, а другие стояли. Старшины же его, которых тут было человек до пятидесяти, все сидели на полу; главные из них на рогожках ближе к нам, а прочие на голом полу далее. Первый его советник, или министр, по имени Кремоку, которого англичане называли мистер Пит, сидел в середине их против него, а перво-

священник подле меня. Когда мы все уселись по местам, то из стоявших перед дверями дома пушек сделано было пять выстрелов, и Элиот, по повелению короля, сказал мне, что это салют нам, на который, по приезду моем на шлюп, мы отвечали.

Между тем король вышел и тотчас возвратился в парадном мундире английского морского капитана и в шляпе с позументом и с плюмажем, которые подарил ему начальник фрегата «Корнвалис», за несколько лет пред сим здесь бывшего. Посещение наше было непродолжительно, ибо король прямо объявил, что ему играть хочется, и во все время нашего разговора один раз только сказал дело, именно, что на Овайги нельзя водою наливать и съестных припасов мало, а на Воагу²⁰⁷ то и другое удобно можно получить, и советовал мне итти туда, обещаясь послать приказание дать нам свиней и зелени и воду привезти на здешних лодках. Впрочем, занимался он рассматриванием наших шляп и одежды. Заметив у шляп ремешки и узнав, для чего они сделаны, он тотчас велел пришить к своей, для сего и выпросил у меня ремешок, пряжечку и башмаки, которых лоск ему понравился. Он пенял мне, для чего я не привез ему медных болтов для судна, которое он теперь строит.

Потом, когда мы встали и готовились итти, он нас остановил и хотел, чтоб мы выпили рому с водою. Мы это и сделали; пили его здоровье. После сего он сам себе налил рому и воды и, спросивши у Элиота о имени нашего государя, пил здоровье его величества, и сыну своему велел то же сделать, подав ему сам стакан. Сын его сидел у дверей и, по их обычаю, не мог войти в дом отца своего, будучи по матери знатнее родом, нежели сам король. Принц сей лет двадцати, непомерно толст; он был в вязаных панталонах, в рубашке, с платком на шее и на голове имел круглую шляпу.

Из своего дома король отвел нас к женам своим, которых у него пять. Они были в одних рубашках, с повязками по поясу, и сидели на полу; некоторые из них ели так называемые морские яйца* — род морского

* В Камчатке их называют морскими репками, но более известны они под именем морских яиц.

животно-растения²⁰⁸. Потом ходили мы к королевскому сыну и видели жену его: она молодая, весьма статная женщина, имеющая самую прекрасную физиономию. Она была в национальной своей одежде, то есть нагая с повязкою.

После осматривали мы *адмиралтейство* сего владельца, где производится строение небольших судов. Были в гостях у Элюта и возвратились опять к королю, которого нашли на дворе сидящего в мундире и в шляпе на полу и играющего с нагими своими вельможами в любимую его игру, которая состоит в следующем. Все игроки садятся в кружок; у каждого в руках тоненькая палочка, фута в три длиною; в середине между ними положены 5 подушек рядом, вплоть одна подле другой. Один из игроков, по очереди, прячет камешек под подушки, а прочие по порядку бьют палочкою по той подушке, под которою, как они полагают, камень находится. Те, которые отгадают, выигрывают.

Король, давши нам посмотреть на его игру, встал и пошел проводить меня до самого берега. Я звал его на шлюп, но он верного слова не дал и сказал, что, может быть, придет.

Часа через два по приезде моем на шлюп прибыли к нам четыре королевские жены, весьма толстые и высокие женщины, которые всю корму моей шлюпки загрузили своею тяжестью. Они ходили по всему шлюпу, были у меня в каюте, выпили много наливки, выпросили по целому графину и уехали, взяв еще с собою несколько рюмок. Потом каждая из них, за мои подарки, прислала несколько зелени. Королю же, по просьбе его, послал я две пары башмаков, семь живых калифорнских перепелок и сафьянную, шитую золотом книжку. За то он прислал мне десять свиней и несколько картофеля и,

Старшина по имени Бок.

Рисунок Тихонова.

сверх того, отправил со мною человека и письменный приказ на остров Воагу, чтоб там дали мне без платы десять свиней, полную шлюпку разной зелени и пресную воду доставили на своих лодках.

Сего числа был для нас самый беспокойный день по множеству посетителей, которые все были люди знатные, и мы были весьма рады, когда наступил вечер и они все разъехались.

В 7 часов вечера, при тихом береговом ветре, пошли мы из залива. Во всю ночь ветер дул тихо, но поутру 25 октября, когда мы довольно отдалились от берега, встретили весьма крепкий пассат, дувший сильными порывами. Я правил к западной стороне острова Моротоя. К вечеру подошли мы к острову Мови²⁰⁹. Ночью прошли острова Тагорору и Ренай²¹⁰, а на рассвете 26-го числа находились подле западной оконечности Моротоя, от которого стали дер-

жать к Воагу, и в первом часу пополудни, подойдя к гавани Гонолулу, положили якорь на глубине 27 сажен и песчаном дне.

В гавани тогда находились четыре купеческих судна Соединенных американских областей и два брига, принадлежавшие королю овайгйскому, и на боку еще лежали затонувшие Российско-Американской компании судно «Кадьяк» и одно американское, проданное королю. Суда сии стояли в гавани, при устье коей находилась четверугольная каменная крепость с 52 пушками. Зрелище сие далеко превосходило все, что мы видели в русских и испанских селениях в здешнем краю, и когда мы вообразили, что видим каменную крепость, суда и огнестрельные орудия у народа, который ходит еще нагой; видим флаг сего народа и проч., то нельзя было не дивиться успехам его просвещения.

По прибытии нашем в залив тотчас приехали ко мне два капитана с американских судов; один из них, по имени Ней (Nay), был мне знаком. Они сообщили мне некоторые любопытные обстоятельства, касающиеся до сего края. После обеда приехали к нам американский же капитан Девис, старинный мой знакомый, один из самых добрых и честнейших людей, и испанец Маннини, живущий на здешних островах более 20 лет. Они взялись показать мне все, что здесь есть любопытного, и доставить нужные нам сведения.

27-го октября в 8-м часу утра поехал я с некоторыми из своих офицеров на берег; при проезде моем мимо американских судов они салатовали мне по 7 выстрелов с каждого, а при выходе на берег с крепости из 5 пушек. На салюты сии после мы отвечали со шлюпа. На берегу встретили нас все американские капитаны, начальник острова и начальник морских сил короля овайгйского.

После первых приветствий пошли мы осматривать примечательные здесь места, как, например, дома жителей, места богослужения их, поля, где обрабатывается тарро, служащая им вместо хлеба, водопады, водопроводы для наводнения таррных плантаций и винограда Маннини; в крепость же нас не пустили, но мы обошли кругом ее. Она стоит на самом берегу и сделана

из коралловых камней. Стена вышиною около 7 футов и бруствер со стороны берега почти такой же вышины; а с моря сделаны в стене амбразуры. Цель ее — защищать вход в гавань, и на сей конец она хорошо поставлена.

Обедал я у капитана Девиса, где были и все другие его товарищи, начальник острова и морской начальник; первый из них по имени Бокки, а другой Гекири; сему последнему, однако ж, англичане дали имя М-г Сохе (г. Коке), и оно ему очень нравится. Бокки сегодня исправил в точности королевское повеление: прислал к нам свиней и зелень; а воду вчера еще начали возить. После обеда велел он собрать несколько молодых мужчин и женщин, которые забавляли нас своими плясками, кои Ванкувер описал весьма подробно и верно.

На другой день, 28 октября, утро провел я опять на берегу. Нам показывали, как островитяне готовят себе пищу в ямах посредством разгоряченных камней. На сей конец испекли они поросенка, несколько рыбы и зелени и сделали при нас весь этот процесс, начиная с того, как удушили поросенка. Надобно знать, что они животных не режут, а завязав рот, душат.

Сегодня обедали у меня американские капитаны и два вышеупомянутых старшины: Бокки и Гекири. Первый из них привез мне в подарок десять свиней, за что я отдал ему зрительною трубою. Островитяне были в известных их мантиях из перьев, и каждый из начальников имел при себе большую свиту так же одетых чиновников. Они были весьма довольны, что наш живописец изображал их на бумаге.

Гости наши пробыли у нас почти до вечера. Островитянам более всего доставило удовольствие действие пожарных труб, которые сами их старшины наводили в лодки, бывшие подле шлюпа. В Карекекуа и Кайруа мы также должны были, по просьбе приезжавших к нам старшин, показывать действие сих инструментов, к великому удовольствию даже и тех, на коих они были наведены.

29-го числа был я еще раз на берегу и обедал у Девиса. Перед обедом Бокки велел своим островитянам поза-

бавить нас примерным сражением. Для сего копья и стрелы были употребляемы из сахарных тростей. Сражение их было походило на игру, нежели на воинственные маневры. Бокки извинялся, что не может заставить их употреблять копья и камни, ибо прежде бывали случаи, что они, рассердясь друг на друга, начинали действительное сражение, и прежде нежели можно разнять две стороны, было много убитых и раненых. Я и сам, не желая быть причиною кровопролития, просил его не позволять им доходить до сей крайности. После начались кулачные бои; но только две пары бились, и то слабо; ибо многие выходили, но не могли согласиться, считая себя один другого бессильнее.

Американцы сказывали мне, что сандвичане совсем потеряли свой воинственный дух, мужество и искусство действовать ручным оружием, потому что, находя огнестрельное оружие гораздо преимущественнее, принялись за ружья и пистолеты, которыми не научились хорошо владеть, а от своего отстали.

К вечеру простившись с американцами, возвратился я на шлюп, а вскоре и Манини приехал для расчета со мною за доставленные нам вещи. Он привез с собою двух сандвичан, которых Бокки счел за нужное послать со мною на остров Атуаи²¹¹, чтоб успокоить жителей касательно нашего прихода: они могли подумать, что мы пришли им мстить по угрозам доктора Шефера, основавшего между ними компанейское заселение²¹² и после ими изгнанного. Третий сандвичанин, молодой, проворный человек, сам назвался к нам в службу, прося неотступно взять его, а как у них не запрещается оставлять свое отечество и, по словам американцев, они великие охотники служить на европей-

Старшины острова Воагу посещают шлюп „Камчатку“.

Рисунок Тихонова.

ских судах, то я и взял его, полагая, что он, узнавши русский язык, может быть весьма полезен Американской компании в торгах ее с Сандвичевыми островами. Имя сего сандвичанина Лаури, которое мы обратили ему в фамилию, назвав его Терентием, во имя святого того дня, когда он вступил к нам и как бы тем признал его своим покровителем.

Кончив все свои дела и собрав, сколько было возможно, сведений касательно поступков доктора Шефера, в 9 часов вечера пошли мы в путь к острову Атуаю, к которому пришли на другой день и в 5-м часу пополудни стали на якорь в заливе Вимеа, в расстоянии от крепости, на которой был поднят английский флаг, с небольшим в миле. Я надеялся застать здесь американский корабль «Энтерпрайс», на котором был переводчик, знающий хорошо сандвический язык. К нему я имел письмо от Девиса с

просьбою, чтоб он пособил мне объясниться с здешним старшиною Тамари. Но корабля сего мы здесь не нашли, почему на приезжавшей к нам лодке я послал на берег привезенных нами с Воагу островитян сказать, чтоб прислали оттуда какого-нибудь европейца. Вследствие сего часа через полтора приехал к нам один живущий здесь английский матрос. От него я узнал, что Тамари здесь находится, но что живущих с ним двоих европейцев, хорошо знающих язык, здесь нет. Один из них всегда живет на северной стороне острова, а другой поехал туда отпускать сандаловое дерево²¹³ и что они не преж-

де могут быть оттуда, как через три дня; здесь же находящиеся 4 европейца имеют весьма недостаточное знание в языке и служить переводчиками не могут. Поелику три дня ждать в таком опасном якорном месте, как залив Вимеа, для дела не весьма важного и для которого я прежде уже на других островах собрал достаточные сведения, было бы слишком неблагоразумно, а притом и небо по всей южной стороне покрылось бурными облаками и сильные шквалы с дождем начали находить от востока, то я, боясь крепкого юго-восточного ветра, в 6 часов вечера пошел в путь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О Сандвичевых островах

Сандвичевы острова представляют нам картину, где несколько тысяч взрослых и даже сединами украшенных детей вступают на ступень чело века совершенных лет. Картина сия заслуживает быть описана не таким наблюдателем, как я, и не таким слабым пером, как мое; она достойна внимания и прилежного наблюдения просвещеннейших людей: ученый и мудрый человек, проживший несколько времени между сандвичанами, открыл бы такие истины, касающиеся до разума, сердца и понятий человека, которых, вероятно, ни один кабинетный философ не мог постигнуть.

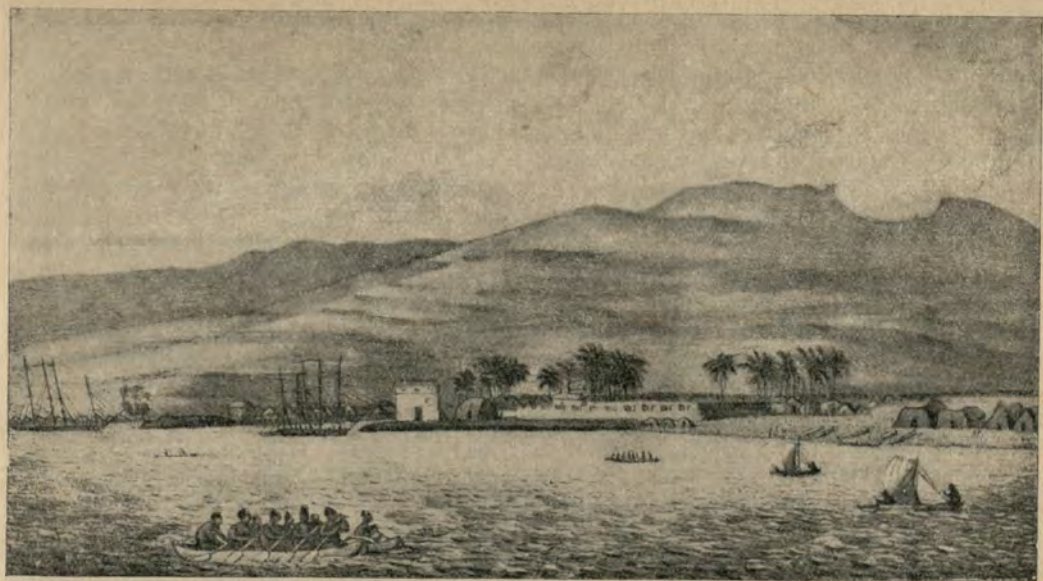
О Сандвичевых островах много было писано*, и все, что о них писано, я читал, но более того слышал от людей, которых занятия в жизни обязывают по шести месяцев каждый год проводить на оных** и иметь беспрепятственные сношения и дела с жителями; наконец, случилось мне и самому там быть в последнее путешествие.

* О Сандвичевых островах Европа в первый раз узнала из путешествия капитана Кука, который нечаянно к ним пристал в 1777 году, и хотя англичане приписывают ему честь открытия их, но я впоследствии покажу, что не он первый открыл оные, а испанцы. После него посещали сии острова: Мирс, Портлок, Диксон, Лаперуз, Ванкувер, Крузенштерн, Лисянский и некоторые другие мореплаватели, сообщившие свету свои путешествия, и многие другие, коих путешествия не напечатаны.

** Граждане Соединенных северо-американских областей, производящие торг бобрами на северо-западных берегах Америки, каждую зиму с своим кораблями проводят в

Третье путешествие капитана Кука, изданное капитаном Кингом, появясь в свет, тотчас обратило внимание предприимчивых английских купцов к северо-западному берегу Америки как неисчерпаемому источнику бобровых промыслов. От Кинга также узнали они о высоких ценах, по коим покупаются китайцами кожи сих животных, чего, кроме россиян, торгующих с сим народом на Кяхте, никому из европейцев известно не было. К торговым предприятиям на помянутых берегах споспешествовало также открытие Сандвичевых островов, которые, по географическому своему положению, по прекрасному и здоровому климату, по чрезвычайному изобилию в съестных припасах и, наконец, по кроткости нравов и обходительности жителей, представляли мореплавателям самое лучшее место для отдохновения и запаса жизненных потребностей. Англичане, после русских, первые начали производить торг на американских берегах, откуда привозили бобров на продажу в Кантон. Но как китайских товаров получать они не могли, потому что торг с Китаем принадлежит одной Ост-Индской компании²¹⁴, то, не находя большой выгоды в торговле бобрами, они скоро свои предприятия

пристаниях Сандвичевых островов. Я со многими из них был коротко знаком в бытность мою в тех краях, некоторые по 10 лет и более там находились.

Вид порта Гонолулу.

Из альбома к кругосветному путешествию Коцебу.

оставили, а место их заступили граждане Северо-Американской республики, которые и по сие время ежегодно до 15 судов и более посылают к северо-западному берегу Америки и получают в Кантоне от сей торговли превеликую выгоду.

Все сии суда проводят в Северо-Восточном океане по два, по три года и более, прежде нежели отправятся в свое отечество. Летом плавают они по проливам и у северо-западных берегов Америки, где выменивают у жителей на разные безделицы бобров, а на зиму удаляются из сей холодной, бурной страны в благоуханный климат Сандвичевых островов, на которых проводят всю зиму. Весною же опять возвращаются к американскому берегу. Столь частые и продолжительные посещения их скоро познакомили сандвичан с употреблением многих европейских вещей и даже с обычаями просвещенных народов, к чему более способствовало сильное желание нынешнего их владетеля просветить свой народ. Честными и справедливыми поступками с европейцами* и ласкостию к ним он привлек к себе с купеческих судов

* Надлежало бы сказать: с американцами, а не с европейцами, ибо самая большая часть поселившихся здесь белых суть граждане Соединенных Штатов Северной Америки, но как название американцев может относиться и к коренным народам и ввести чита-

многих матросов и даже мастеровых, которые поселились между сандвичанами и взяли себе жен из природных островитянок. Когда здесь был Ванкувер (с 1791 по 1794 год), то король имел уже в своей службе 11 человек европейцев; ныне же их считается на Сандвичевых островах около 150, в числе коих есть тимерманы²¹⁵, слесаря, котельщики, столяры и много плотников и кузнецов. Теперь 40 лет только, как сандвичане узнали европейцев, и во времена посещения их Куком ружейный выстрел наводил на них ужас; но ныне они имеют до ста пушек разного калибра, коими умеют действовать, и более 6000 человек, вооруженных ружьями и всею пужною для солдата амунициею. На острове Воагу, самом прекраснейшем из всей сей купы, при гавани Гонолулу, построена у них каменная четверугольная крепость по всем правилам, как строятся приморские укрепления; она выбелена и снабжена нужным числом крепостных орудий. Когда мы подходили к сей гавани, тогда стояли в оной два брига, принадлежащие сандвическому королю, и четыре американских судна. Увидев все их под флагами и сандвический флаг, развевающийся на

тебя в ошибку, то вообще всех белых, живущих на Сандвичевых островах, я называю европейцами.

крепости, я не мог взирать на такой шаг к просвещению сего народа без удивления и удовольствия.

Нынешний их король при капитане Куке был простым старшиною, но по родству с тогдашним их владельцем Терребу не мало значил. Тогда он назывался Мйехамейха, но по смерти короля он сумел всю власть на острове Овайги захватить в свои руки, а потом, с помощью вступивших к нему в службу европейцев, покорил все прочие острова и ныне владеет один ими самовластно, бесспорно и покойно. Сделавшись королем, он переименовал свое имя и стал называться Тамеамеа.

Тамеамеа уже очень стар: он считает себе 79 лет от роду. Вероятно, что точное число лет ему и самому неизвестно, но наружность его показывает, что большой разности в его счете быть не может. Впрочем, он бодр, крепок и деятелен; воздержан и трезв; крепких напитков никогда не употребляет и ест очень умеренно. В нем видна разительная смесь ребяческих поступков и самых зрелых суждений и деяний, которые не обесславили бы и европейского государя. Честность его и любовь к справедливости могут показать в настоящем виде разные поступки. Недавно при берегах острова Овайги стало на мель английское судно, для облегчения коего, чтоб снять его с мели, капитан принужден был бросить из своего груза 90 слитков меди, каждый весом около 150 фунтов. Медь сия уже была потеряна для хозяина, и экипаж был весьма рад, что такую дешевою ценою избавил корабль от гибели. Некоторые из англичан, в службе Тамеамеа находящихся, советовали ему послать своих водолазов, чтоб достать медь и употребить ее в свою пользу. Он принял совет их, послал водолазов, и медь всю вынули, но он не хотел ее присвоить себе, что легко мог бы сделать, а спросил, как в таких случаях поступают в Европе. Когда ему сказали, что в Англии за спасение груза погибающего корабля одна осьмая доля принадлежит спасшим оный, то он, отсчитав себе 12 слитков, прочие возвратил капитану.

Один американец обманул короля Тамеамеа при покупке сандалового

дерева. Ему советовали остановить, или, по нашему сказать, конфисковать собственность, принадлежащую сему американцу, бывшую на берегу в его руках. Но он не сделал сего, а велел Элиоту написать на него просьбу американскому правительству, объявив, что, когда не получит удовлетворения, тогда поступит по своему; но до того не хочет употреблять никаких насильственных мер.

Правда, мне сказывали американские капитаны, будто Тамеамеа не всегда исполняет свои обещания и нередко отпирается от данного им слова. Но они приводили такие примеры, по которым он мог быть прав или нет, смотря по силе условия его с ними. Например: недавно общество европейцев, под управлением одного чужестранного для них медика²¹⁶, поселилось на острове Атуае, с позволения владельца сего острова, который, впрочем, находится, как то я прежде сказал, в полной зависимости Тамеамеи. Сначала сандвичане полагали, что сии европейцы хотят жить между ними для торговли, но неосторожный доктор скоро обнаружил свои виды, что он хочет завести колонию на сих островах, пособить владельцу атуаискому завладеть всеми прочими островами и не позволять американским кораблям приставать к здешним гаваням. Он был до того прост, что, не приготовив старшин к сему предприятию, начал уже строить укрепления и поднимать флаг того народа, над отрядом которого начальствовал, и даже приезжал на остров Воагу с вооруженным караулом, который несколько времени имел у дверей своего дома, и также поднимал флаг. Наконец, известный Юнг, бывший тогда начальником на острове Тамеамеа, запретил ему угрозами сие делать и велел караул отправить на свое судно. Всего забавнее, что этот проказник в политических своих тайных переговорах с владельцем Атуае употреблял для переводов американских матросов, на сем острове живущих, надеясь подарками заставить их хранить тайну. Они подарки брали, а дело все открыли своим соотечественникам — капитанам американских кораблей. Сии, видя затею и ухищрения против их торговли, тотчас объяснили Тамеамеа опасное его

положение и убедили его немедленно согнать пришельцев с Атуая. На такой конец и дано было от него повеление владельцу острова, не делая им никакого насилия, требовать, чтоб они отправились туда, откуда пришли, а в случае непослушания употребить силу. Но как доктор храбрился и грозил им скорым прибитием к нему позорного креста, то Тамеама и не на шутку струсил, воображая, что какое-нибудь сильное государство в сем деле участвует. Однако американцы скоро его в этом разуверили и убедили, что предприятие сей партии произошло от своевольства и необузданности старшины одного мало значащего и малосильного заселения, а один из американских капитанов вызвался остаться с своим кораблем, доколе партия пришельцев не удалится, и в случае нападения их на него защищать его; за сие Тамеама обещал дать ему полный груз сандалового дерева. Между тем доктору, который имел плохую надежду на присылку пособия, показалось, что рецепт уступить и убраться домой гораздо спасительнее и здоровее, нежели ратоборствовать и возложить на меч руку, приобихшую к ланцету. От сего союзник Тамеама не имел случая оказать ему помощь, но обещанный груз сандалового дерева требовал, в чем, однакож, сандвичанин отказал, утверждая, что сию награду обещал он дать за действительную помощь, а не за простой, за который он снабдил его большим количеством съестных припасов. Определить, кто прав и кто виноват в сем деле, — зависит от содержания договора, который был словесный и без свидетелей. Впрочем, если бы иногда он в подобных сему делах и обманул американцев, то что же за беда? Ведь тут дело идет о политике и дипломатических сношениях, а при заключении и нарушении трактатов где же не кривят душою, когда благо отечества, или, лучше сказать, министерский расчет того требует?

По совету служащих у него европейцев, послал он в Кантон с сандаловым деревом бриг* — судно о

* Бриг сей называется «Кугаману», по имени любимой королевской жены, которых у него четыре прежних и одна вновь взятая — молодая девочка.

двух мачтах, под управлением американца, но под своим флагом. Известно, что китайцы с иностранных судов, к ним приходящих, берут чрезвычайную пошлину, простирающуюся до нескольких тысяч рублей, за то только, что суда в их порте положат якорь, а продадут ли товары — до того им дела нет. По возвращении сего судна, когда Тамеама при отчете узнал, что такая сумма заплачена за положение якоря в китайской гавани, он заметил, что это очень дорого, и тогда же решил, что если другие державы берут за сие деньги с его судов, то и он должен то же делать, только не так много, и назначил, чтобы все приходящие в наружную гавань Гонолулу европейские суда платили ему по 60 пиастров, а во внутреннюю, где покойнее стоять, по 80.

Однажды, прогуливаясь с Элиотом по селению Кавароа в заливе Карекекуа, я хотел видеть место, где убит капитан Кук. Пришедши к морскому берегу на тот самый камень, где пал сей славный мореплаватель, я и бывшие со мною офицеры взяли по одному камешку и положили в карман в память сего происшествия. Это подало повод Элиоту рассказать нам анекдот. Будучи на сем самом месте, Тамеама рассказывал ему о ссоре, случившейся между островитянами и англичанами, и каким образом Кук был убит. Элиот, так же как и мы, взял камешек и хотел положить в карман. На вопрос Тамеама, для чего он ему нужен, сказал он, что хочет послать к своим приятелям в Англию. При сих словах сандвичанин переменялся в лице, глаза его засверкали. Он вмиг вырвал камень из рук Элиота и бросил его в море, сказав, что он сею посылкою хочет напомнить своим соотечественникам о несчастном приключении, которое должно быть забыто, и что добрые люди после примирения старых ссор никогда вспоминать не должны.

Между тем человек с такими высокими понятиями о справедливости и народном правлении, увидев у одного из наших офицеров (барона Врангеля), бывших со мною на берегу, простой, пестрый бумажный платок, тотчас взял его, несколько минут его рассматривал и любовался им и, как казалось, хотел просить, чтоб платок

ему отдали, но лишь Элиот сказал ему, что это нехорошо, то он вдруг бросил платок к Врангелю и, поджав руки, присмирел, как мальчик, которого побранили за шалость. После того увидел он на мне большие английские, довольно поношенные башмаки, которые я тогда носил, будучи болен ногами, и стал у меня просить их, говоря, что американцы привозят к нему много, но таких больших и хороших башмаков он не видел, и я принужден был к нему после отослать их. Он имеет множество разных европейских вещей, и даже дорогих, как, например: богатый серебряный сервиз, хрустальную посуду редкой работы, много фарфоровых вещей и пр., а также и денег считается у него до 200 000 пиастров, которые хранит он в крепких сундуках в каменных домах, нарочно для того построенных. Следовательно, платок или башмаки не могли служить для него предметом удивления, и он также знал, что это безделица, почти ничего не стоящая, но тут было мгновенное действие ребяческого образа мыслей.

Хотя слабости сии в Тамеаеа свойственны только детскому возрасту, а не сединами украшенному старцу, но не могут затмить истинных природных его дарований и достоинств: он всегда будет считаться просветителем и преобразователем своего народа. Правда, что многие понятия о вещах и делах и способности, принимаемые им к лучшему устройству своих владений, не его собственные, а сообщенные ему служащими у него европейцами; но желание и умение пользоваться их советами при состоянии, в коем он родился, взрос и живет, делают его необыкновенным человеком и показывают, что природа одарила его обширным умом и редкою твердостью характера.

Другая, не менее важная, статья состоит в том, чтоб никому из приходящих иностранцев не давать преимущества перед другими, но со всеми одинаково поступать, позволять всем иметь с его подданными равный и свободный торг и запрещать европейцам заводить свои собственные заселения. На сей конец, когда он находящимся в его службе англичанам и американцам дает во владение земли, то всегда с тем, чтоб они принадлежали им, доколе они живут на островах

его, передать же их другому они никаким образом не могут, и земли сии по отъезде их или по смерти опять к нему поступают. Ванкувер или не понял его, или с намерением ошибся, когда в своем путешествии написал со всею мелочною подробностью о торжественном уступлении острова Овайги английскому королю. Ни Тамеаеа, ни старшины острова никогда не думали отдавать земли своей. Все это дело они понимают в другом виде и отнюдь не так, как Ванкувер его хотел понимать.

Теперь здесь есть европейцы, живущие между сандвичанами более 20 лет. Они мне сказывали, что Тамеаеа без досады слышать не может, когда ему напоминают, что англичане имеют право на его владения по собственному его договору, постановленному с Ванкувером. Он так далек от сего мнения, что даже и островов своих не позволяет называть Сандвичевыми островами — именем, данным им капитаном Куком; но велит, чтоб каждый из них был называем своим именем; вся же купа вместе именуется *острова короля или владетеля овайгийского*.

Он принял английский флаг от Ванкувера и поднимал его всегда, но не знал, что это значит по европейским обычаям; а когда в последнюю войну англичан с американцами один корабельщик последней из сих наций пошутил над ним и сказал ему, что американцы вправе отнять у него острова его, потому что он поднимает флаг той земли, с которою они в войне, и когда Тамеаеа выслушал и понял настоящее значение флага, то сказал американцу, чтоб он не считал его дураком, ибо у него в магазинах есть много флагов разных европейских народов, и если английский не годится, то он другой поднимет. После сего случая он тотчас захотел иметь свой собственный флаг, который для него англичане и выдумали: оный состоит из семи полос*, а в

* Число полос означает 7 островов, находящихся в непосредственном управлении Тамеаеа; прочие же четыре принадлежат владельцу острова Атуаа, но он не что иное, как вассал короля овайгийского, к которому приезжал он на остров Воагу принести свою покорность и обязался платить ежегодную дань, состоящую в полном грузе одного судна сандального дерева.

углу английский гюйс²¹⁷ означает дружбу с англичанами, как с первым европейским народом, с которым он познакомился. Договор же его, или уступку земель, как Ванкувер рассудил назвать сей акт, сандвичане считают соглашением дружбы и помощи, или, по нашему сказать, оборонительным союзом, только в другом виде: Тамеамаеа обещался оборонять приходящих к нему англичан от голода, снабжая их съестными припасами без платы, а англичане должны были защищать их от нападения других европейцев; с правом же собственности и независимости сандвичане и не воображали никогда расстаться.

Впрочем, и поверить такой покорности невозможно: она могла произойти от страха, что и в Европе нередко случается; но Ванкувера они уже не признавали существом выше человека, как капитана Кука, который, однакож, пал от их же руки. Ванкувер был между ними в то уже время, когда они не только знали действие наших огнестрельных орудий, но и сами имели их и проучили уже многих из европейцев, чему примеры в его же путешествии можно найти. Доколе островитяне, при посещении их в первый раз европейскими мореплавателями, видели только одно действие нашего огнестрельного оружия, не зная способов употребления оно, то они думали, что ружья или пистолеты наши, по собственному своему устройению, могли в одно мгновение и на всякое расстояние производить толь ужасное, чудесное и непонятное для них действие. При таком мнении сотни их, с своими стрелами, копьями и дубинами, не отваживались напасть на одного человека с ружьем в руках. Был даже пример, что англичанин (см. второе путешествие Кука), зашедший далеко внутрь острова и приметивший намерение островитян напасть на него, имея при себе никакого оружия, привел их в ужас круглым футляром для зубочисток, который, держа в руках, обращал отверстым концом к наступившим на него островитянам; а они, ожидая всякую минуту, что оттуда покажется огонь и гибель для них, не смели к нему приблизиться, и он благополучно достиг берега и соединился с своими товарищами.

Такой страх может показаться смешным и трусостью европейцу, привыкшему судить обо всем по своим познаниям и обычаям. Но причина оного весьма естественна и нимало не показывает, чтоб эти люди, приходящие в ужас и смятение при виде нашего оружия, были люди робкие и малодушные. Подобное сему могло бы случиться и с лучшими европейскими войсками. Положим, что обширный ум или случай показал бы какому-нибудь народу способ составлять вещество, подобное пороху, только в несколько крат сильнее действующее, и по оному изобрести соразмерные орудия, которые производили бы свое действие на расстояние нескольких верст. Если бы небольшое ополчение с таким оружием появилось пред многочисленным европейским войском и показало бы, что, будучи едва в виду оного, оно одним выстрелом может поражать целые батальоны, то вся армия ударилась бы в бегство. Пушечный с корабля выстрел производил и должен был производить то же действие над жителями острова. Но когда они приметили, по неосторожности самих же европейцев, что оружие наше бывает столь страшно и губительно только с некоторым приготовлением и что, впрочем, оно хуже их дубинок, то многие скоро воспользовались сим важным для них открытием. Англичане, убитые в Новой Зеландии и после на Сандвичевых островах, где и сам Кук поражен, погибли от своей слишком большой и неуместной доверенности к огнестрельному оружию, которым они думали привести в ужас жителей острова, получивших уже некоторое понятие о действии оного. Они воображали несколькими выстрелами обратить их в бегство, как стадо овец. Но островитяне, приняв первый огонь, не дали времени солдатам зарядить своих ружей и бросились на них с стремлением и страшным криком и в одну минуту положили их жизни — и всему делу конец.

Природа не так, как люди, присвояющие себе божескую власть на земле: она не расточает даров своих на любой уголок своих обладаний. Обширный ум и необыкновенные дарования достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились, и если

бы возможно было несколько сот детей из разных частей земного шара собрать вместе и воспитывать по нашим правилам, то, может быть, из числа их с курчавыми волосами и черными лицами более вышло бы великих людей, нежели из родившихся от европейцев. Между островитянами, без сомнения, есть люди, одаренные пронзительным умом и необыкновенною твердостью духа. Такие люди хотя и считали европейцев, при начальном свидании с ними, существами выше человека, но скоро усмотрели в них те же недостатки, какие и в самих себе находили, и увидели, что они во всем равны. Между ними есть даже мудрецы, твердостью характера не уступающие древним философам, которых имена сохранила история. Например капитан Кинг в путешествии Кука говорит, что, услышав об одном чудесном старике, живущем в горах острова Овайги, хотел он его видеть и с некоторыми из своих офицеров, в сопровождении сандвичан, с превеликим трудом добрался до местопребывания отшельника. Старик, при виде людей, совершенно для него новых и необыкновенных как по цвету лица, так и по одежде, не показал ни малейшего удивления или любопытства, и когда Кинг хотел подарить ему несколько европейских вещей, которые в глазах всех островитян казались неоцененными сокровищами, то он отвергнул их с презрением и удалился в свою хижину; не есть ли он овайгийский Диоген?

Таинство огнестрельного оружия более всего изумляло и ужасало сандвичан; но европейцы сами же открыли им оное, а через то потеряли то уважение, можно сказать, с боготворением соединенное, какое имели к ним островитяне. Безрассудные из мореплавателей часто ходили на охоту стрелять птиц, в присутствии островитян заряжали свои ружья и притом не по-солдатски, но медленно и мерю, как обыкновенно охотники заряжают. Тогда островитяне перестали уже бояться их, а особливо, когда заметили, что и расстояние, на какое оружия наши действие производили, весьма ограничено. Сандвичане все это знали, имея уже в своем владении ружья, когда Ванкувер там был, следственно Тамеамеа не мог быть страхом принужден уступить владе-

ния свои англичанам, а кто поверит, чтоб какой-нибудь народ добровольно расстался с своею свободою?

* * *

Приведение в оборонительное состояние владений своих также немало занимает Тамеамеа. Я уже упомянул о числе огнестрельного оружия, к нему европейцами доставленного. Надобно сказать, что в том числе есть мортиры и гаубицы; первыми, однакож, они едва ли умеют действовать, по недостатку в людях, знающих сие дело; но пушки они очень скоро и хорошо заряжают. Я сам это видел при салюте, когда Тамеамеа предложил нам выпить здоровье нашего государя; тогда сделали они салют с открытой батареей, подле дома его находящейся. Войско его нимало не походит на регулярное ни по одежде, ни по искусству действовать оружием. Теперь солдаты большею частию выходят в строй совсем нагие, с одною только повязкою по поясу и с сумкою для патронов; прочие же — кто в жилете без всякого другого платья, или в одних панталонах; некоторые щеголяют в рубашках, один был совсем нагой, но в колпаке или в шляпе, и пр. В ружейной экзерциции и в движениях их есть много своих собственных смешных и странных приемов. Но если мы рассудим, что в такое короткое время народ сей успел познакомиться с европейским оружием и владеть им мог вооружить 6000 человек * оным и завел артиллерию, то нельзя не признать, что сандвичане сделали большой шаг к просвещению.

Хотя войска сии обучаются европейцами, но Тамеамеа не дает им начальства, а управляют армиею его старшины, и первый из них, или главнокомандующий, по имени Калуа, есть брат первой королевской жены, о которой я выше упоминал. Сей Калуа, человек молодой, но превысокий, толстый и в большчми дарованиями. Он приезжал ко мне на шлюп, и я удивлялся, с какою свободою он изъясняется по-английски.

* Элиот сказывал, что у него 8000 воинов, вооруженных огнестрельным оружием; но испанец Манниа, живущий здесь более 20 лет, уверял меня, что их только 6 тысяч, и сие последнее известие, полагаю, справедливее первого.

Я даже думал сперва, что он был в Америке, но Элиот меня удостоверил, что он выучился от поселившихся здесь европейцев. Другой его брат, по имени Гекири, имеет начальство над морскими силами, которые состоят в двух или трех бригах, купленных у американцев, и в нескольких шхунах и больших палубных баркасах, кои все вооружены пушками или фальконетами²¹⁸. Матросы на них все из сандвичан, и многими управляют природные жители. Плавание их простирается с острова на остров.

Этот народ имеет чрезвычайные способности: у него теперь не только есть много хороших плотников, кузнецов и пр., которые были бы не последними мастерами и на европейской верфи, но я видел в королевских сараях большой шестнадцатилетний или восемнадцатилетний катер, построенный по размеру и под руководством сандвичанина, так что к строению одного ни один европеец и не приступался.

Притом они любят вступать в дружбу на европейские суда, и американцы их всегда имеют по несколько человек. Они их весьма хвалят, как людей усердных, послушных и смысленных и притом весьма привязанных к начальнику. Были примеры, что в случае всеобщего возмущения на купеческих судах они держали всегда сторону начальников, а потому-то американские корабельщики, подозревающие матросов в каком-нибудь опасном замысле, берут, идучи к северо-западному берегу Америки, по несколько человек сих островитян, которых Тамеама охотно увольняет, надеясь, что по возвращении, они будут ему полезны своими познаниями, кои приобретут в плаваньи на судах. К нам весьма многие просились, но, не имея в них надобности, я им отказывал. Наконец, один молодой, проворный и веселый малый сам собою юстался на шлюпе и не хотел ехать на берег. Чтоб свести его, надлежало бы употребить силу; а так как я узнал, что он никакого преступления не сделал, то и согласился взять его, зная, что на судах Американской компании весьма легко отправить его назад*. К сему более побудило меня

* Он уже и отправился в 1820 году на компанейском корабле «Кутузов».

желание посредством него познакомиться с сандвичан с Россиею.

Более всего будут спешествовать просвещению сего народа дети, родящиеся от европейцев и островитянок, которые от отцов своих приобретут некоторые познания и будут иметь привязанность к своей родине по матери и по привычке. Я видел многих из них: они ходят почти нагие, как и все здешние жители, но разумеют английский язык и разные мастерства.

Тамеама желает всеми способами заслужить дружбу и доверенность европейцев. Для безопасности приходящих к нему судов назначены им при рейдах лоцмана, которым даны на английском языке за его знаком (ибо он писать не умеет) свидетельства в искусстве их. Один такой лоцман у меня был; но как я не люблю слепо поступать по советам лоцманов даже и в Европе, а тем менее верить сандвичанину, то, идучи на рейд Карекекуа, мы брали свою осторожность, меряя беспрестанно глубину. Такая недоверчивость к нему много его огорчила. Впрочем, он нам показал знание своего дела, и более удивил своею осторожностью, которая и европейскому лоцману сделала бы честь, ибо, приближаясь к якорному месту, он пошел на низ и осмотрел, готовы ли и чисты ли у нас канаты, а потом и с якорями то же сделал. Мы очень много смеялись сему его поступку: он, как будто бы нарочно, за нашу к нему недоверчивость хотел отплатить тем же и считал нас столь плохими мореходцами, что мы в состоянии, идучи в порт, позабыть приготовить якоря.

Для безопасности европейцев учреждена полиция, которая печется, чтоб недоброжелатели их из природных жителей не могли нанести им никакого вреда. В первую ночь, когда мы стали на якорь в заливе Карекекуа, патруль ее ходил по окружным селениям и кричал нараспев, как то мы после узнали, что пришедшее к ним судно есть дружеское и чтобы жители, под опасением строгого наказания, не осмеливались делать никаких против нас покушений и даже в ночное время не подъезжали близко к нам. Разными способами, какими Тамеама обеспечивает жизнь и собственность живущих

у него белых, довел он большую половину своих подданных до тех же правил. Ныне смело можно вверить им самое лучшее белье для мытья, и ни одна вещь не будет украдена; мы сами этого не испытали, но к нам являлись, так сказать, прачки-мужчины с свидетельствами от разных корабельных капитанов о их честности, исправности и искусстве мыть белье.

При самом первом свидании с приходящими к ним мореплавателями многие из жителей стараются показать им свою честность и что им ничего не надобно даром. Когда мы подходили к острову Овайги, к нам приезжало много островитян, только все простой народ: старшины ни одного не было. Лейтенант Муравьев одному из них дал небольшой кусок меди, и он тотчас отдал бананом; другого же один из унтер-офицеров стал потчевать кашею из сарачинского пшена, но он не хотел есть, доколе унтер-юфицер не принял от него бананы.

Впрочем, было бы безрассудно утверждать, что они все крайне честны; воры есть и у них и притом много, только, по крайней мере, с прочими европейскими искусствами научились они и воровать так, как это ремесло у просвещенных народов отправляется, то есть ныне сандвичанни ни одной не нужной ему вещи не украдет, как то прежде они делали, а если какую вещь он решится украсть, то выжидает случая и делает так, чтоб и следов покражи сыскать нельзя было. Сначала же они тащили все, что ни попадало, и даже в глазах у тех самых, у кого крали. На острове Воагу утащили они у меня с своих лодок стоявший на кормовых окнах дорожный небольшой погребчик и кожаный со шкатулки чехол так искусно, что я на другой день это уже приметил, невзирая на то, что мы кругом шлюпа имели часовых, нарочно определенных смотреть за приезжавшими к нам лодками.

Надобно, однакож, сказать, что это не относится к их старшинам, которые стали ныне почитать за стыд и бесчестье такие поступки; но в простом народе склонности сей скоро истребить невозможно. Старшины же

только не стыдятся просить, если что им понравится.

Мне сделали *честь* своим посещением четыре королевы, жены Тамеа-меа. Я их потчевал вином и наливкою; они выпили по нескольку рюмок и при отъезде попросили у меня по графину, из которых я угощал их. Я на это тотчас согласился. Тогда они сказали, что графины гораздо красивее кажутся, будучи наполнены вином нежели пустые, и это было в минуту сделано. После сего заметили они, что если у кого есть вино, то надобно, чтоб и посуда была, чем пить оное, и потому каждая, взяв со стола по рюмке, спросила у меня, поволю ли я взять оные. Я был весьма рад, что такую дешевою ценою мог разделаться с ними, и расстался дружески. Однакож они меня отблагодарили, прислав довольно плодов и зелени, а первая королева прислала четыре апельсина: этот плод еще большая редкость на Сандвичевых островах, ибо недавно разведен на оных.

Сандвичане теперь сделались весьма искусны и расчетливы в торговле, а особливо сам владетель их Тамеамеа. Доказательством сему может послужить и то, что он имеет у себя несколько человек из старшин низшего класса, знающих немного английский язык; должность их состоит в том, чтоб приезжать на иностранные суда и узнавать от матросов, в чем и в каком количестве состоит груз их; они же должны пересчитать, сколько людей на судне, дабы, сообразно сему, Тамеамеа мог назначить цену на товар свой и на съестные припасы. Первый из них только и состоит в одном сандальном дереве, которое они раскладывают на три или на четыре сорта и всегда прежде показывают самое худшее, потом, если первого не возьмут, лучше, и когда дело имеют с знатоками, то после многих споров продадут самое лучшее, иначе обманут точно так, как и в Европе в торговых делах нередко случается. Дерево сие не то сандальное, которое мы сим именем называем. На всех Сандвичевых островах его чрезвычайно много; но как оно растет на горах, то доставать его весьма трудно, ибо надобно приносить с гор верст 40 и бо-

лее. Американцы отвозят оное в Кантон и продают китайцам, которые делают из него разные ящички, шапкушки и тому подобное; а более употребляют оное для гробов и делают из него род масла для жжения в храмах.

В продаже съестных припасов иностранцам есть у них общая такса, а особливо на свиней, коз и кур. Тамеама назначает, какие цены брать, и ни один уже из жителей не смеет сбавить их, а более взять может. От сего происходит, что приходящие к ним военные суда, имеющие нужду в съестных припасах, но без товаров, должны весьма дорого платить за все, что у жителей покупают; ибо американцы, беспрепятственно в том мире торгующие, привозят множество всяких европейских безделок и стараются более иметь таких, которых жители еще не видавали, и ими платят за все, что от них покупают, делая иногда счет пиастрами. Часто они дают сандвичанам за свинью вещь, стоящую полпиастра, но ценят ее в 7 или 8 пиастров. Житель получает вещь, не зная настоящей ей цены, но потому только, что она ему нравится и в глазах его стоят свиньи, и когда другой из них привезет такую же свинью на военное судно, где нет никаких товаров, чтоб заплатить ему, то он просит за оную также 7 или 8 пиастров для покупки у американца такой вещи, какую купил его товарищ. Теперь военное судно сделает худой расчет, если вздумает, при большом недостатке в съестных припасах, идти на Сандвичевы острова. Я заплатил за двух посредственной величины свиней 15 пиастров, но мы не имели большой надобности покупать много съестных припасов, потому что недавно оставили Калифорнию, где купили по весьма сходным ценам очень большой запас всего, да и путь наш был к изобильным Марианским островам и на переход к оным от Сандвичевых островов немного нужно было времени. Притом Тамеама подарил мне 20 свиней и много зелени, а если бы все то, что мы получили в Калифорнии, в Россе и от Тамеама в подарки, покупать здесь на пиастры, то это стоило бы гораздо больше денег, нежели в самой дорогой европейской столице.

Гражданское правительством Сандвичевых островов вовсе еще не образовано, и в постановлениях их почти ничего европейского не введено, кроме налогов, которые некоторым образом уподобляются нашим и кои Тамеама ввел по совету европейцев, не уничтожив, впрочем, и прежнего порядка в своих финансах, который состоял в том, что коль скоро королю нужны какие-либо съестные припасы или другие вещи, то объявляется, чтоб со всех округов или некоторых привезли к нему требуемое, так точно, как бы господин дома приказывал своим служителям принести к нему или отдать кому то и то. Это постановление и по сие время исполняется с величайшею точностью и без ропота; и сверх того, по примеру европейскому, назначена постоянная подать. Например: владельцы земель должны платить ежегодный налог по числу работников, возделывающих оные. Элиот за свою землю, на которой работают от 10 до 20 человек, платит 40 пиастров; за позволение при берегах ловить рыбу платится по одному пиастру с каждой людки за время рыбной ловли, которая бывает по временам года. О других постоянных и непременных податях я не слышал; но деньги король собирает, когда ему захочется, так же как и припасы, назначая принести к нему по пиастру с каждого человека, имеющего торг с европейскими судами, и сей его доход можно назвать пошлинами.

Другое новое постановление, похожее на европейское, состоит в назначении правителей на острова, из коих на каждом есть доверенный европеец в должности секретаря. Если Тамеама посылает какое повеление к своим губернаторам, то это всегда бывает чрез одного из последнего класса старшин, который сообщает оное изустно; но в то же время Элиот пишет повеление, к которому король прикладывает свой знак, всегда одинаковый. Получивший повеление рассматривает знак и слышит, что сказал посланный и что объяснит секретарь его, и если сходно, исполняет, а если нет, то посылает за повторением приказаний. О выдаче мне десяти свиней и полной шляпки разной зелени с острова Ваогу таким

Девушка с Сандвичевых островов.
Рисунок Тихонова.

же образом дано было повеление: я сам на шлюпе отвез туда посла и указ.

Элиот старается сколько возможно придать важности достоинству овайгйского владельца и желает, чтоб по крайней мере по наружности сандвичане казались народом более просвещенным, нежели каковы они в самом деле. Когда мы пришли в залив Карекекуа, я узнал, что король это место оставил и живет ныне в другом, называемом Кайруа, отстоящем от первого в 20 верстах; а потому написал к нему записку по-английски, зная, что у него есть кому перевести оную: я просил его ехать в Карекекуа для переговоров со мною о снабжении нас свежими съестными припасами или прислать какого-нибудь европейца, который мог бы пособить нам в покупке оных и в получении пресной воды. Но как я удивился, получив на

другой день на мою простую записочку следующего содержания официальную ноту, писанную на английском языке, с которой русский перевод прилагается здесь сколько возможно от слова до слова:

«Командиру его императорского российского величества фрегата Камчатка.
М. Г.

Его овайгйское величество сожалеет, что не может иметь удовольствия посетить вас в Карекекуа по причине болезни сестры его величества Пепи, которая находится при последних минутах своей жизни. Его величество дает полную свободу разным старшинам и прочим жителям продавать вам съестные припасы, в коих вы имеете нужду; что же принадлежит до пресной воды, то его величество советует вам взять оную на острове Мови; ибо в Карекекуа вода весьма нехорошая. Я имею повеление от его величества приехать к вам завтрашний день.

Примите уверение истинного к вам почтения его величества, с каковым и я также имею честь быть ваш покорный слуга Джон Элиот-де-Кастро, его величества статс-секретарь.

Кайруа.
Ноябрь. 1818»

Разные причины препятствуют сандвичанам принять европейские гражданские узаконения. Но более всего делает преграду принятию оных религия сих островитян, которая явно предписывает им деяния, совершенно противные европейским обычаям и законам, каковы, например, приношение людей в жертву божествам их, содержание многих жен, исключение женщин из разных прав, предоставленных мужчинам, и пр. Но ввести чужую религию у свободного и сильного народа не легко! Покоренные и завоеванные народы принимают веру своих победителей, или, лучше сказать, наружные обряды веры всегда почти по принуж-

дению или в уважение некоторых преимуществ и наград, новообращенным предоставленных; а над свободным народом должно действовать убеждениями; но скоро ли можно в этом успеть? Употребить силу — значит прибегнуть к кровопролитию; тогда последует не просвещение, а истребление.

Ванкувер покушался внушить Тамеамеа мысль о принятии христианской веры. Тамеамеа, полагая, что Ванкувер своему богу отдает преимущество, а сандвического поносит, предложил ему идти на превысокий, подле залива Карекекуа находящийся каменный утес, куда также хотел послать своего первосвященника, с тем, чтоб они оба вместе бросились оттуда на низ: кто жив из них останется, того бог сильнее и справедливее и того он признает богом истинным. Опыт Ванкуверу не понравился, и он не только отверг его, но и в своем путешествии ничего об нем не упомянул; тем дело о религии и кончилось.

Историю сию рассказывал американским капитанам известный по многим напечатанным путешествиям англичанин Юнг, живущий более 25 лет на Сандвичевых островах, который тогда служил переводчиком между Ванкувером и королем, а мне сообщил оную Девис. Юнг рассказывал также о забавном возражении Тамеамеа, сделанном Ванкуверу, когда он, показав ему глобус, изъяснил, что земля кругла и вертится и что англичане и сандвичане ходят, обратясь одни к другим ногами. Тамеамеа долго рассматривал и повертывал глобус; смотрел, где Сандвичевы острова, где Англия, но ничего не говорил и предался глубокой задумчивости. Наконец, когда сели они обедать, то он, положив на тарелку один большой сухарь, а на него несколько маленьких кусков, сказал ему: «Ну, вот это земля (показывая на тарелку), а это (большой сухарь) Овайги; вот тут Тамеамеа (указывая на кусочки), Ванкувер и все прочие сидят хорошо и обедают; теперь смотри, что будет!» При сих словах повернул он тарелку, с которой куски полетели на пол; тогда он сказал Ванкуверу, что Тамеамеа не дурак и вздорным рассказам не поверит.

В приношении человеческих жертв

постепенно сделалась у них перемена и ныне, по уверению Элиота и капитанов американских судов, только одних преступников, достойных смерти, умерщвляют в капищах, как на лобном месте, и оставляют там как жертву.

Впрочем, если бы Тамеамеа обращал такое же внимание на права своих подданных, какое обращает он на права живущих у него европейцев, или даже и в половину только против того, то он мог бы облегчить во многом нынешнее тяжкое состояние простого народа, которого теперь жизнь и собственность находится в полной воле старшин; а сих последних права и преимущества наследственные.

Старшины владеют всеми землями и одни только вправе употреблять мясную пищу и некоторые роды лучшей рыбы, которых простолюдинам есть не позволено. Равным образом и женщины, какого бы состояния они ни были, свиней в пищу употреблять не смеют, но собак, кур, дичину и рыбу знатные из них могут есть. Надобно здесь заметить, что собака у них не есть презрительная пища: старшины сами едят их, и даже Тамеамеа мясо собаки предпочитает свинине; ему почти каждый день к обеду подают жирного жареного щенка. Некоторым из живущих здесь европейцев так понравилось собачье мясо, что оно сделалось обыкновенною их пищею. Они сравнивают его с самою лучшею бараниною, что весьма правдоподобно, ибо собаки здешние питаются плодами и растениями. Ванкувер, доставив к ним несколько быков, коров, баранов и овец, взял торжественное, по их обряду, в капище обещание, чтоб в продолжение 10 лет ни одного из сих животных они не убивали, а потом требовал, чтоб они уничтожили навсегда запрещение, по коему женщины не могут есть свиней, и позволили им употреблять всякое мясо наравне с мужчинами. Но на это они не согласились, сказав ему, что как свиней не он к ним доставил, то ему и дела нет до них, и женщинам они никогда не позволят их есть; а быков и овец, привезенных им, включают в число собак, тогда и женщины будут вправе ими пользоваться. Равным образом и другое требование Ванкувера — чтоб

женщинам позволено было есть вместе с мужчинами — отвергнуто.

В отношении к женщинам и к простому народу все подобные постановления строго исполняются, но из старшин многие не наблюдают совсем запрещений, до них касающихся. Например, в известные времена они не должны есть свинины, кур и пр.; однакож они не смотрят ни на что и все едят, что им вздумается. Однажды многие из них у меня обедали, и в том числе был шурина Тамеамеа и начальник его войска, о коем я выше упомянул. Большая половина из них все ели, что ни подавали на стол, и с большим аппетитом. Некоторые отказывались от свиного мяса или кур, а один только при виде курицы вскочил из-за стола и бросился из порта (корабельной амбразуры) в воду. Элиот мне говорил, чем старшина важнее, тем менее следует подобным постановлениям, и сии, так сказать, вольнодумцы более привязаны к европейцам и согласнее с ними живут. Женщина же, как бы знатна ни была, не может нарушить ни одного запрещения, до их пола касающегося.

Меня посетила также жена первого старшины всего округа в соседстве Карекекуа: длинное шелковое, на старинный европейский манер сшитое платье и довольно дорогой белый платок показывали уже, что она знатная дама; но когда мы сели за стол с старшинами, я не мог ее никак упросить не только отобедать, но даже и в каюте остаться. Она в ответ мне только и говорила «табу», то есть запрещено, и обедала на шканцах с женою другого старшины. Стол их состоял в тесте из муки корня тарро и одной сырой рыбе, которую они, вместо уксуса, обмачивали в морскую воду; нашей же пищи никакой есть не хотели, кроме сухарей и сыра; а вина и наливки пили очень много.

Сандвичане стараются подражать европейцам как в платье, когда имеют на что купить оное, так и в поступках при общественном обхождении; только одеждою европейскою они располагают по климату и по своим понятиям о вещах. Когда они видят на европейце одежду, составленную из разных отдельных частей,

как, например, фрак, жилет и пр., то не думают, что, по нашим обычаям, благопристойность того требовала и что без кафтана, как бы прочее платье богато и нарядно ни было, у нас нельзя нигде показаться, а приписывают это тщеславию, и говорят, что мы хотим показать как можно больше платья в одно и то же время, и потому при церемониальных случаях сами так же одеваются. В другое же время запросто один наденет исподнее платье, впрочем без чулок и без всего; другой в одном жилете с повязкою по поясу щеголяет; третий в кафтане, на голое тело надетом, и это у них почитается, как бы у нас быть в простом будничном платье. Но самое любимое одеяние их из европейского платья есть обыкновенная белая рубашка с манжетами или длинный сюртук. Старшины по большей части ходят, надев одно что-нибудь: рубашку или сюртук; в прочем уже ничего не имеют с ног до головы. Простые люди часто наряжаются в старенькие матросские фуфайки или шаровары, кои выменивают у американцев; самые неимущие, будучи не в состоянии выменять никакого платья, иногда при нагом теле, с одною лишь по поясу повязкою, надевают шляпу и думают, что одеты по-европейски. Надобно, однакож, признаться, что если многосложная европейская одежда в жарком климате и для нас самих обременительна, то природным жителям теплых стран, привыкшим держать тело свободно от всяких, так сказать, детских пеленок и любящим несколько раз в день купаться, она должна быть крайне тягостна.

При свидании с европейцами они кланяются и берут их за руку по нашему обычаю, а между собою наблюдают собственное свое обыкновение: прикасаются друг к другу носами и также берутся за руки.

Старшины в образе жизни начинают перенимать европейские обычаи. Например, ныне они по два раза в день, в обыкновенное время поутру и ввечеру, пьют чай. К столу приготавливают некоторые блюда по-нашему — варят, жарят. Прежде же как мясо, так и коренья печени были у них в ямах посредством разгоряченных камней. Только в установлен-

Танец мужчин на Сандвичевых островах.
Из альбома к кругосветному путешествию Коцебу на бриге „Рюрик“.

ное время обедать и ужинать они никак не могут привыкнуть, а едят по требованиям желудка.

К несчастью, горячие напитки вошли у них слишком в большое употребление; многие из старшин сделались горькими пьяницами; даже сын и наследник королевский, молодой человек, о коем я выше упомянул, и первый советник, или, так сказать, министр короля, родственник любимой его жены, неумеренно пьют и тем более приносят огорчения старику Тамеамеа, который, будучи сам человеком весьма трезвым, не в силах их воздержать.

Простой народ также пристрастен к сему пагубному пороку, и теперь на острове Воагу, куда более всех прочих приходит судов, за некоторые съестные припасы платят, как по таксе, горячими напитками. Например, за большую козу американцы дают две бутылки рому, за малую — одну и пр. Мы были у них за несколько дней пред самым большим их праздником, который начинается в первой половине ноября и продолжается 21 день; тогда жители никаким делом не занимаются, даже на лодках не позволяется им ездить, а

проводят они время в еде, играх и пьянстве, и потому старшины, которым предлагал я подарки из бывших у меня вещей за плоды и зелень, коими они меня дарили, отказывались от них и просили рому, говоря, что у них скоро наступит продолжительный праздник, в который они должны быть непременно каждый день пьяны.

Они имеют еще и другой порок, их собственный: страсть к азартным играм, в которые часто проигрывают все свое имущество. Ныне ввели они в употребление наши карты и игру в них сами изобрели: она состоит в отгадках.

Неумеренность, причиняя ссоры и драки между жителями, производит впоследствии зависть и злобу, от коих рождается желание мщения. Для достижения сего употребляют они разные ухищрения, и так как ныне, при одном сильном и строгом владельце, они не смеют решать споров своих оружием, как прежде между ними водилось, то прибегают к клеветам и ябедам, друг за другом присматривают и употребляют шпионов. Элиот мне сказывал, что система шпионства у них в совершен-

стве; даже к каждому из европейцев приставлено по одному шпиону, которые доносят старшинам о их поступках, а за самым Элиотом присматривает четверо, определенные Тамеа-меа, любимую его женою, первым его советником и одним из первых старшин.

Надобно, однакож, заметить, что европейцы привозом крепких напитков и карт только распространили пьянство и игру, а не ввели их между сандвичанами, ибо последние, как то я сказал, были у них свои еще до прибытия Кука. Упоительный напиток они также прежде умели составлять из известного перечного растения, называемого *кава*²¹⁹, и употребляли оный неумеренно. Напиток сей весьма противного и отвратительного вкуса и многим не мог нравиться; напротив того, до европейских напитков все сандвичане страстные охотники.

Другой их порок, который ввели европейцы же, причиняет великий вред сему доброму народу распространением той заразительной болезни, которая столь пагубна для развратных людей. Кук сам признается, что любострастная болезнь на сии острова завезена его экипажем. Я спрашивал у давно живущих между сандвичанами европейцев их мнения, и они утверждали, что до Кука болезнь сия здесь была неизвестна. Европейцы, приходящие сюда и поселившиеся здесь, не только не стараются истребить или уменьшить оную, но и сами распространяют ее.

Из числа поселившихся здесь европейцев, конечно, есть люди честные и хороших правил, но большая часть не может похвалиться своею нравственностью и все вообще они без всяких познаний в науках. Такие люди могут научить сандвичан тому только, что сами разумеют. Познания же их состоят в разных мастерствах, в управлении судами и действии оружием.

Если б путешествие капитана Ванкувера было переведено на наш язык, то мне больше ничего не оставалось бы говорить о Сандвичевых островах; но как сей книги на русском языке нет, то я прилагаю о них некоторые статистические замечания.

Сандвичевы острова, лежащие в Северном Великом океане, занимают пространство между широтами 19 и 22° и долготами 155³/₄ и 159¹/₂° к западу от Гринвичского меридиана. Имена сих островов, коими жители их называют, суть следующие: Овайги, Мови, Тагурова, Ренай, Моротой, Воагу, Атуай, Онигу, Оригуа, Тагура и Марокин — всего одиннадцать²²⁰.

Овайги, юго-восточный сей купы, есть самый обширный и более прочих населенный; в длину простирается за 150 верст, а самая большая ширина его 130 верст. Остров сей имеет вид треугольника и внутри заключает превысокие горы, из коих две считаются в числе высочайших в свете²²¹. Незирая на жаркий климат, в коем находятся Сандвичевы острова, вершины сих гор покрыты вечным снегом.

Между горами по всему острову и при берегах моря есть много обширных и плодоносных долин, из коих некоторые жители обрабатывают. Главные произведения острова суть: тарро — хлебный плод, картофель, платаны²²², бананы, кокосы, сахарные трости, корень ям и сладкий картофель. Сей последний бывает иногда весом до 10 фунтов; а капитан Кук видел на острове Атуае картофель, весивший 14 фунтов. Тарро, которая здесь есть общий хлеб всякого состояния жителей и главная, а часто почти единственная пища простого народа, не в большом изобилии родится на Овайги, по причине трудности доставлять воду, ибо растение сие должно беспреостанно находиться под водою в половину своей вышины. Поэтому много оной привозят с других островов, а особливо с Воагу. Кроме вышеупомянутых главных произведений, рождаются здесь в изобилии арбузы, дыни, тыквы.

Из животных четвероногих есть только свиньи, собаки и рогатый скот. Сей последний привезен Ванкувером и теперь расплодился, только для мореплавателей он бесполезен, ибо от небрежия жителей одичал и скитается внутри острова по долинам, в коих находит хорошие пастбища и много воды. Следовательно, пригнать к морскому берегу диких быков никак невозможно, а убить и

Танец женщин на Сандвичевых островах.
Из альбома к кругосветному путешествию Коцебу на бриге „Юрикс“.

мясо доставить — климат не позволяет: здесь никакое мясо не может пробыть одного дня, чтоб не испортиться. В диком же состоянии на всех Сандвичевых островах, кроме крыс, нет никаких четверногих.

Капитан Кинг ошибся, сказав, что сандвичане не имеют к собакам такой привязанности, как европейцы, и держат их только для употребления в пищу. Это правда, что самая большая часть собак содержится здесь как домашний скот. Но есть много и таких, которых они держат в домах, ласкают и имеют к ним большую привязанность. Я сам видел двух маленьких собачек в доме первого старшины всего округа в соседстве Карекекуа: жена его поила их из того же сосуда, из которого сама пила. А один старшина с острова Воагу считал, что он ничем более не мог изъявить верноподданнической своей привязанности к королю, как назвав любимую свою собаку его именем: Тамеамеа.

Кур здесь водится множество; они до прибытия европейцев уже были на сих островах. Ныне же разведены индейки, гуси и утки; сих последних мы сами видели; они из того рода, который называется у нас шипунами, только их еще немного. Мне удалось

доставить на сей остров несколько калифорнских перепелок: они весьма плодливы. Я подарил их королю, который, верно, будет иметь о них надлежащее попечение. Диких лесных и морских птиц здесь немного. Я упомяну о них впоследствии, говоря о всех островах вообще, также и о рыбах, которыми берега здешние изобильны, но она вся морская и из того рода, которая не слишком вкусна, хотя жители весьма оную любят.

На Овайги жители делают из морской воды, посредством бассейнов и действия солнечных лучей, большое количество соли, которая ничем не уступает лучшей европейской. Они до прибытия еще Кука знали употребление оной и умели уже солить свинину и рыбу, сберегая их в сосудах, сделанных из больших тыкв.

В горах растет много сандалового дерева, но по отдаленности от морского берега доставлять оное весьма трудно. Прежде дерево сие ни на что у них не употреблялось, следовательно, и не было им надобности доставлять оное, но ныне оно составляет важный товар, за который король и старшины получают хорошую плату от американцев, а потому для достав-

ления одного с гор употребляется множество людей. Полезные же для жителей деревья суть: бумажное, так названное потому, что из коры одного делают в Китае писчую бумагу, из коей сандвичане умеют делать довольно крепкие и красивые материи и ковры, и дерево, называемое ими ти; из корня одного составляют они род сладкого напитка, похожего на сусло, а европейцы научили их гнать из него ром. Листья же, по своей величине и крепости, употребляются в строение домов, и то у людей знатных, ибо дерева сего не столь много, чтоб всякий мог им пользоваться. В селении Кайруа, где ныне живет Тамеама, только в строении его домов и в доме Элиота лист сего дерева употреблен. Гораздо уже после Ванкувера американцы доставили на здешние острова лимонные и апельсиновые деревья, которые теперь и плод приносят, и деревья хлопчатой бумаги²²³. Сии последние мы видели в Карекекуа. Элиот сказывал, что здешнюю хлопчатую бумагу американцы возили в Кантон, где китайцы весьма ее хвалили и уверяли, что она никакой бумаге, им известной, не уступает.

Число жителей на острове Овайги капитан Кинг полагает во 150 тысяч, но это слишком много. По уверению живущих здесь европейцев, полагаемое капитаном Кингом число жителей как на сем острове, так и на других без погрешности можно уменьшить вдвое²²⁴.

Жаль, что сей прекрасный остров не имеет ни одной закрытой от ветров и безопасной пристани. Суда должны останавливаться на открытых рейдах, отчего в зимние месяцы могут произойти для них самые губельные следствия. На восточной стороне острова есть глубоко вдавшийся залив, называемый жителями *Вайката*. Ванкувер подходил к нему и посылал своего штурмана осматривать его. Штурман объявил, что залив открыт и ничем не защищен от северо-восточного пассата, который дует здесь с большою силою и причиняет великое волнение. Но американский капитан Девис сказывал мне, что он с своим кораблем недавно был в сем заливе и нашел там безопасное якорное место за банкою, вы-

дашеюся от мыса, и что гребные суда могут весьма удобно приставать в одной из двух рек, текущих в него. В сию реку шлюпки при всякой воде без малейшей опасности войти могут. Ванкуверов штурман, как известно по его путешествию, не входил в самую внутренность залива, опасаясь сильного с моря волнения, и потому, вероятно, не приметил банки, защищающей от волнения якорное место. Девис говорит, что жители в окружности сего залива столь богаты съестными припасами, что он в самое короткое время купил у них за 25 пиастров 400 кур, а зелени и плодов такое количество, что не знал, куда поместить оное на своем корабле. Элиот меня также уверял, что восточная сторона острова гораздо богаче и изобильнее и что старик Тамеама не живет там только по причине частых дождей²²⁵, вредных его здоровью, которые пассатный ветер наносит; а горы, останавливая облака, причиняют дожди в восточной стороне острова, а в западной засуху. На западном берегу хорошей пресной воды весьма мало: старшины для своего употребления посылают за оною на горы к рудникам за 7 и за 10 верст.

Следующий за Овайги остров, по величине своей, есть Мови, имеющий 70 верст длины и 40 самой большой ширины. Сей остров также не имеет ни одной закрытой пристани. Однакож на западной его стороне есть рейды, довольно безопасные, а при пассатных ветрах и покойные, где удобно приставать к берегу. Из всех Сандвичевых островов ни на одном нельзя так легко получить весьма хорошую пресную воду. Произведения острова суть те же самые, что на Овайги, кроме разведенных европейцами, которых здесь нет еще, да и природные произведения не в таком большом количестве находятся, как на первом острове. Число жителей на оном Кинг полагает 65 400²²⁶, но и здесь надлежит сделать такое же сокращение, какое на Овайги. Остров Мови весьма много потерпел в войну его против Тамеама, который, при покорении одного, выехал на него с многочисленною ратью и, будучи вспомоществуем европейцами и огнестрельным оружием гораздо в боль-

Внутренний вид жилища старшины на Сандвичевых островах.
Из альбома к кругосветному путешествию Кодебу на бриге „Рюрик“.

шем количестве, нежели сколько имел владетель Мови, он скоро победил его и опустошил остров до того, что он и по сию пору не пришел еще в прежнее состояние.

Воагу, имеющий около 60 верст длины и 30 ширины, есть третий по своей величине в сей купе и из всех самый прекраснейший и выгоднейший как по своему положению, находясь почти в середине оной, так по изобилию плодоноснейшими долинами, ровными местами, пастбищами и пресною водою. Для европейцев же он важнее и полезнее всех прочих, потому что на южной стороне его есть совершенно закрытая и безопасная гавань, называемая Гонолулу, подле которой находится, между морем и горами, пространная, ровная, едва приметным показом от гор понижающаяся долина, на коей у самой гавани расположено главное селение острова и крепость; на сей долине довольно места для весьма обширного города. В гавань впадает небольшая, но довольно быстрая река, вытекающая из гор ручьями, наводняющими бесчисленное множество плантаций тарро. Воагу произво-

дит такое изобилие сего необходимого для сандвичан растения, что великое количество оного отправляется ежегодно на остров Овайги.

Все произведения, бывшие на здешних островах до открытия оных европейцами, на Воагу рождаются в изобилии; а как ныне большая часть европейцев, поселившихся между сандвичанами, живет на сем острове, где получили они от Тамеамеа обширные владения, то и обработан он лучше всех. Многие из них прилежат с великим усердием к земледелию и разводят все естественные произведения, свойственные климату и качеству земли. На сей конец ни один американский капитан не приходит сюда, чтоб не привезти семян или самых растений, здесь еще неизвестных.

Испанец Манини более всех славится своим хозяйством. Теперь на Воагу, сверх природных произведений, как то: тарро, хлебного плода, бананов, картофеля, сахарных тростей, кокосов, платанов, тыкв, рождаются в большом количестве арбузы и дыни, есть лимоны, апельсины, ананасы²²⁷, фиги и виноград. Лозы сего

последнего привезены из Калифорнии; он крупен и вкусен. Сделанное из него вино очень приятно, когда молодое; тем и другим Манини меня потчевал. Он развел здесь табак, из которого сигары немного чем хуже панамских: разность сия могла произойти от неискусства их делать. Европейская огородная зелень родится здесь очень хорошо, как то: капуста, огурцы, чеснок, горчица; прочие еще разводятся. Теперь зеленью нетрудно здесь запастись. Надобно сказать, что с нас брали за все весьма дорого. Арбузов здесь такое изобилие, что часто свиной ими кормят.

Манини сделал недавно опыт над пшеницею и нашел, что она родится очень хорошо: сего года он более оной посеял. Он также посадил на маленьком клочке земли для опыта сарачинское пшено. Но один недавно бывший на сем острове «*ученый естествоиспытатель*», нашедши оное, вырвал из земли более половины сего «*чудного и неизвестного*» в ботанике растения и, прибежав в восторге к Манини, спрашивал, как жители называют сие произведение их острова. Манини, увидев свое пшено истребленным, едва в обморок не упал. И ныне, когда мы пришли на Воагу, то при первом знакомстве со мною спросил он, нет ли между нами ботаника, и если есть, то хорошо ли он знает свое дело, иначе он покорно просит опытов его не истреблять. Как Манини, так и другие европейцы, занимающиеся здесь садоводством и земледелием, уверяют, что на Сандвичевых островах могут хорошо произрастать чай и кофе. Сей неутомимый испанец старается достать несколько кофейных дерев и чайных кустов, но донныне ему не удалось еще их получить.

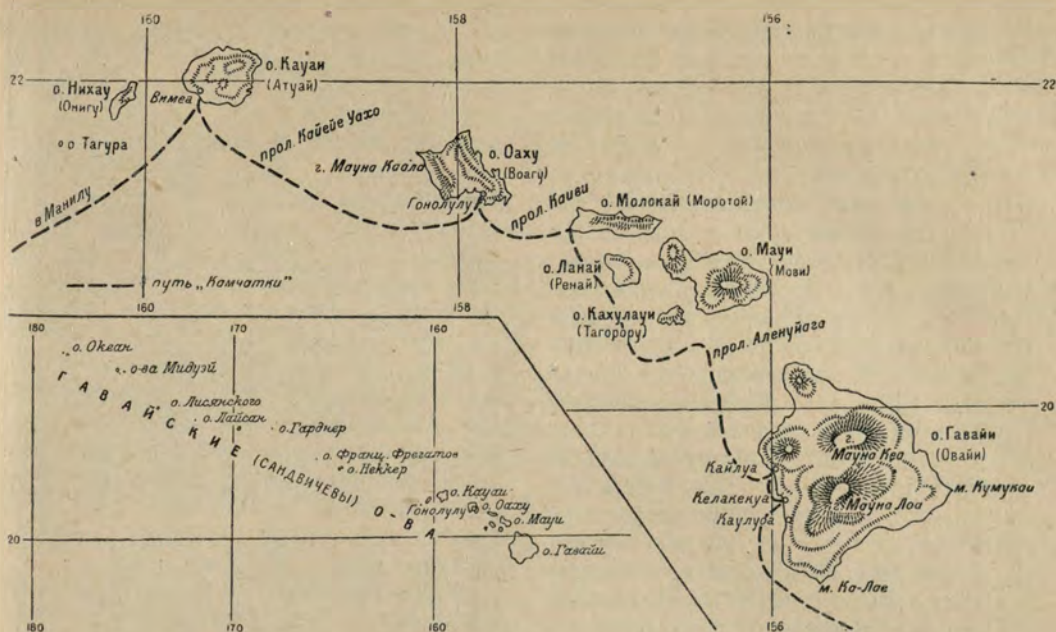
Из четвероногих животных, кроме множества свиней и собак, природных сим островам, ныне находится здесь более 20 лошадей, много рогатого скота, коз и кроликов; из домашних же птиц — индейки, куры, гуси, утки и голуби. Берега острова должны быть весьма изобильны рыбою; на рифах, окружающих гавань, мы видели множество лодок, беспрестанно занимавшихся рыбною ловлею. Число жителей на Воагу, по предпо-

ложению Кинга, простирается до 60 тысяч.

Если бы политика какого-нибудь европейского народа требовала основать колонию на Сандвичевых островах, то лучше места нельзя сыскать на всей сей купе, как гавань Гонолулу²²⁸.

За Воагу следует остров Атуаи, северо-западный Сандвичевых островов. Он почти круглый и имеет около 40 верст в поперечнике. Капитан Кинг полагает число жителей на оном в 54 тысячи²²⁹. Остров сей горист и на нем мало ровных мест в сравнении с другими, но изобилует всеми произведениями, природными сим островам, и некоторыми из завезенных, только не в таком количестве, как Овайги или Воагу. Главное же богатство сего острова состоит в сандаловом дереве, которого, может быть, здесь не более, нежели на других островах, но по местному положению гор, на коих оно растет, получать его не столь трудно. При острове Атуае нет ни одной безопасной пристани. Залив Вимеа, на юго-западной стороне острова находящийся, открыт и, имея способное для якорей место на весьма малом пространстве, очень опасен в зимние месяцы. При сем заливе главное местопребывание владельца острова, называемого Тамури; у него построена тут небольшая каменная крепость, на которой при нас был поднят английский флаг; а года за два перед тем поднимал он на ней флаг другой сильной европейской державы²³⁰ и носил морской ее мундир по *патенту*, данному ему доктором, о коем прежде было упомянуто²³¹.

Остров Моротой невелик: в длину простирается он до 50 верст; но самая большая его ширина не более 10. Он лежит по направлению почти востока и запада. Ванкувер говорит, что восточная его часть имеет прелестный вид; в нем находятся плодородные, хорошо обработанные долины, и сия часть многими произведениями изобилует. Западная имеет вид дикий и бесплодный; в ней живут только бедные люди, занимающиеся рыболовством, ибо при здешних берегах весьма много рыбы. Но рыбаки должны даже пресную воду доставать для себя с восточной стороны. Сей стороны я не видал, но подле

Карта Сандвичевых островов.

западной мы шли весьма близко, и она действительно такова, как Ванкувер ее описывает. Пристаней для судов сей остров вовсе не имеет. Жителей на нем, по исчислению капитана Кинга, 36 тысяч; но здесь он втрое положил против настоящего ²³².

Ренай еще менее Моротоа, будучи только около 25 верст длиною и 14 поперек, в самом широком его месте, но обитаем, и число жителей, по мнению Кинга, составляют 20 400 человек ²³³. Остров сей не имеет ни пристаней, ни рейдов и весьма неизобилен произведениями, а потому как к нему, так и к Моротою никогда суда не приходят.

Остров Онигу почти ровен с Ренаем, но менее населен. Кинг полагает число его жителей в 10 тысяч ²³⁴. Сей остров плодороднее первого, а особливо изобилует корнем ямом и растением *ти*, для получения коего нарочно пристают к оному европейские суда. Они становятся на южной стороне острова, где есть два открытых и очень дурных рейда, на коих многие суда были подвержены большой опасности. Впрочем, кроме вышешомянутых растений, остров сей очень беден всеми другими произведениями, но на нем в озерах жители добывают большое количество соли.

Остров Тагурова хотя имеет в

окружности около 40 верст, но необитаем ²³⁵ по дурному и каменистому свойству земли; затем водится на нем несчетное множество морских птиц.

Маленькие островки Марокин, Тагура и Оригуа также необитаемы ²³⁵ и не заслуживают никакого внимания. Хотя капитан Кинг пишет, будто на сем последнем острове 4 тысячи жителей, но он ошибся: мне сказывали на Воагу, что там никогда жителей не бывало. Да и капитан Ванкувер, который вплоть к сему островку подходил, говорит, что он весьма мал и состоит из голого, рывтинами образованного камня, на котором ничего не может произрастать, и для обитания людей он вовсе неспособен.

К числу Сандвичевых островов надлежало бы причислить еще два необитаемых островка: один, лежащий от острова Тагура на запад, о котором жители Атуая сказывали капитану Куку, что они туда ездят ловить черепах и морских птиц; они называют его Моду-Папатах*; а другой, называемый ими Моду-Ману ²³⁷**, от острова Онигу в 200 верстах лежащий к северо-западу; сей последний открыт в 1788 году английским торговым судном «Принц Валлийский».

* Моду значит остров, а папатах — плоский.

** Ману — птица, птичий.

Климат на Сандвичевых островах жаркий, но чрезвычайно здоровый: здесь нет никаких повальных болезней и заразы вовсе жители не знают.

Я уже прежде сказал, что из коры так называемого бумажного дерева сандвичане делают разной доброты и цвета материи и ковры. Она же служит им для вития веревок, кои употребляются у них на невода, уды* и другие надобности. Из коры же небольшого куста, называемого ими *арима*²³⁸, делают они тонкие веревки и шнуры**. Кокосовое дерево сверх плода, составляющего для жителей приятную пищу и питье, доставляет им веревки для оснащивания их лодок и для других надобностей; они их выют из волокон оболочки, окружающей кокосовые орехи, и в таком множестве и такой длины, что могут продавать приходящим к ним судам. К нам привозили они их весьма много, и американские капитаны покупают у них сии веревки для легких снастей. Они делают сие не по нужде, но находят, что они мало уступают в крепости пеньковым снастями и обходятся им гораздо дешевле.

Еще есть у них дерево (*Pandanus*)²³⁹, из листьев коего сандвичане весьма искусно плетут ковры, служащие им на постилку в домах и вместо постелей; из них также делают они род простой материи. Надобно заметить, что жители всех жарких стран, даже самые северные европейцы, давно в них поселившиеся, не могут спать на постелях или на чем-либо мягком, а почти всегда на соломенных тюфяках, либо на коврах, из травы сплетенных.

Сандвичевы острова, равно как почти и все острова Великого океана, производят два весьма крепких, красивых дерева: первое столь же хорошо, как настоящее красное дерево, а другое так черно и твердо, как эбеновое: из них делают жители свои булавы, копья и стрелы.

Для делания лодок-однодеревок употребляют они довольно крепкое растущее на островах дерево, а в состав больших или военных лодок вхо-

дило сие же самое дерево и некоторые другие, но ныне они более уже их не делают, а строят по европейским образцам бриги, шкуны, канонирские лодки и вооруженные баркасы. Военные лодки сандвичан были обыкновенно длиною 8 сажен. Но Ванкувер видел одну, которая имела длины 61½ футов, или 8¾ сажени. Она была сделана из елового дерева, которое на один из островов выкинуло: оно, должно быть, принесено из Америки. Посуду свою сандвичане делают из тыкв, скорлупы кокосовых орехов, из дерева, называемого ими *этое*, или священное дерево. Но старшины ныне начинают употреблять европейскую посуду: у всякого из них в доме можно найти чайники, чашки, стаканы, рюмки, бутылки и пр.

Из диких птиц, годных для употребления в пищу, водятся гуси, лебеди, утки, два или три рода куликов и голуби и сверх того великое множество, а особливо на необитаемых островах, морских птиц всех родов, свойственных тропическому климату. Все сии птицы служат только в пищу жителям; в прочем ни к чему другому не употребляются. Но из перьев маленькой красной птички, столь подробно описанной в разных путешествиях, делают старшины нарядные свои плащи или мантии, которые, они и поныне, при введении европейского платья, не оставляют и во всех торжественных случаях употребляют оные.

Я хотел купить одну из сих мантий и предлагал за нее весьма хорошее английское охотничье ружье в ящике со всем прибором и большую зрительную трубу, но мне сказали, что все подобные наряды принадлежат королю и без его позволения никто располагать ими не может. А когда на острове Овайги я хотел посредством Элиота купить подобный сему наряд, то он мне тоже сказал, что, кроме короля, никто их продавать не может, а Тамеамаеа менее 800 пиастров не возьмет, ибо капитаны американских кораблей за такую цену их у него покупают. Но как они ему платят товарами и вместо 800 пиастров, вероятно, дают только 50, то они не теряют, потому что вещи сии покупают на продажу для собирателей редкостей. Мне, признаться, не хотелось заплатить 4 тысячи рублей за

* Крючки для уд они делают из раковин, костей или из крепкого дерева и предпочитают их нашим железным.

** Весьма тонкие шнуры для нарядов они выют и плетут из человеческих волос.

вещь, годную только для показа любопытным. Тамеама так дорого ценит сии наряды по причине трудов и медленной работы, употребляемых на делание оных, ибо для каждой из таких мантй нужно наловить несколько сот, а может быть, более тысячи птичек и потом весьма мелкие их перья прибирать и пришивать вместе, приклеивая на материю, похожую на редкий холст. Птиц сих сандвичане ловят посредством длинных шестов, у коих верхний конец намазывается клейким веществом, добываемым из дерева. Птички, севши на шест, прилипают и, не имея довольно силы освободиться, становятся добычею охотника.

Я прежде упомянул, что воды, окружающие Сандвичевы острова, изобильны рыбою, но что большая часть оной не слишком вкусна, хотя жители предпочитают ее тем родам, которые для нас приятнее, например акула или собака-рыба есть самый лакомый кусок сандвических старшин. Между здешними рыбами есть один род ядовитый. Рыба сия жителями называется *нихи*. Она так приметна, что и без рисунка и описания ее легко узнать можно, ибо образование ее головы имеет величайшее сходство с головою совы, и других рыб сего вида здесь нет.

Черепашки также ловятся в некоторых местах разных островов, а раков чрезвычайно много.

Географы и по сие время несо-

гласны, были ли Сандвичевы острова прежде капитана Кука посещены европейцами²⁴⁰, или он первый к ним пристал. Куски железа, найденные Куком у жителей сих островов, и высокая цена, какую они полагали на сей металл, выменивая оный от англичан, при самом первом с ними свидании свидетельствуют, что они знали уже пользу, металлом сим приносимую, а получить его они иначе не могли, как от какого-нибудь европейского, занимавшегося обширным мореплаванием народа. Кук утверждает, что с американских берегов могло принести к ним какой-нибудь корабельный член, в коем было железо, или мачту, или пустую бочку, брошенную или случайно упавшую с корабля. Все это могло быть, и я скоро сего решить не могу, но в заключение моих замечаний скажу, что Манини и другие европейцы, давно здесь поселившиеся, меня уверяли, будто у сандвичан есть предание, что на восточной стороне острова Овайги несколько человек белых давно уже поселились и взяли жен и что потомство их и теперь гораздо белее прочих сандвичан; и что там же найден был железный якорь. Кук не мог о сем обстоятельстве слышать по незнанию языка жителей, с которыми он объяснялся, так сказать, по пальцам; но европейцы, живущие между сандвичанами по 20 лет и более, конечно, имели случай выучить язык их и более узнать, нежели капитан Кук.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Плавание от Сандвичевых островов до острова Гуахана.— Пребывание на оном, с замечаниями об островах Марианских.— Плавание до Манилы и пребывание в сем порте

По отбытии с острова Атуая всю ночь на 31 октября правили мы на SSW, имея из NO четверти весьма хороший пассат, который нередко превращался в крепкий ветер. Погода большею частию была ясная, и мы, пользуясь сим ветром, не встретив ничего примечательного, достигли 4 ноября широты $13\frac{1}{2}^{\circ}$ в долготе 172° и стали править на запад, по направлению к Марианским островам.

16 ноября, в широте $13\frac{1}{2}^{\circ}$, долготы $204\frac{1}{2}^{\circ}$ ²⁴¹, день был весьма жаркий: в полдень термометр стоял на

$25\frac{1}{2}^{\circ}$, и после того наступила погода чрезвычайно теплая и жары стали несносные; у некоторых из наших людей показалась сыпь и веред — болезни хотя неопасные, но беспокойные. Я счел за нужное прибавить для питья воды по 5 чарок на каждого человека*.

* Обыкновенная доля воды в длинных переходах у нас была: на пищу кружка, а для питья $7\frac{1}{2}$ чарок; сверх того, чарка виноградного вина или уксусу и два раза в неделю спрюсового пива по полукружке на каждого человека; а с сего числа воды для питья назначено по кружке.

Ноября 19-го в полдень остров Гуахан²⁴², к которому мы шли, отстоял от нас прямо на запад в 128 милях, почему ночью мы имели весьма мало парусов, и как ночь была весьма темная и мне показались признаки земли, то в полночь мы бросали лот; однакож 180 саженьями дна не достали, почему и пошли далее. По рассвете приметили, что не токмо никакой земли, но и признаков оной не было. Ровный пассат позволил нам нести все паруса и иметь хороший ход. Погода стояла ясная.

В 3-м часу пополудни, когда по карте должно было находиться подле самого острова, мы только с верху мачт едва могли его видеть; к вечеру открылся он нам и со шканец. Северная его сторона показалась сначала тремя островками, но скоро после мы рассмотрели и низменности, сии возвышения соединяющие. В 6 часов вечера остров стал закрываться. Как вечером, так и ночью, стояла совершенная тишина, тучи поднимались со всех сторон и носились в разных направлениях. Вид атмосферы был самый грозный, но порывов ветра не случилось; временно лишь шел дождь.

На рассвете 21 ноября, когда открылся нам Гуахан, мы увидели, что в ночь нас к нему приблизило; в сие время мы находились от северо-восточной его оконечности милях в 15 к юго-востоку. Поутру небо выяснело, но тучи лежали по всему горизонту. При слабом ветре из юго-восточной четверти мы едва подавались вперед, правя к южному концу острова. Вскоре после полудня все небо покрылось тучами, и во втором часу, при ветре от NO, пошел проливной дождь. Хотя остров находился от нас в 6 или 8 милях, но по причине сильного дождя он скрылся от нас, как будто в тумане.

В исходе третьего часа дождь прекратился, облака начали исчезать и скоро совсем прояснело. Тогда берега острова открылись вместе с маленьким островком, находящимся при юго-западной стороне Гуахана. Мы правили вдоль полуденной стороны Гуахана к южной оконечности сего маленького островка и при маловетрии из северо-восточной четверти шли под всеми парусами не более 1 $\frac{1}{2}$ мили в час.

Будучи милях в 7 от берега, бросили мы лот, но 120 саженьями не могли достать дна. Между тем увидели две лодки, к нам шедшие, из которых одна приблизилась прежде и впереди нас повернула в сторону, почему я велел убрать лишние паруса и махать ей белым флагом, привязанным к шесту. На сей сигнал лодка тотчас подъехала к нам. На ней были три нагих индейца и один мулат в европейском платье. Он взшел на шлюп, и мы узнали от него о местоположении залива Умэта, где находится губернатор. По его словам, нам надлежало обойти по южную сторону Кокосова острова и править прямо к берегу Гуахана, находящемуся в одной испанской лиге²⁴³ от помянутой оконечности, где мы должны были увидеть залив. Впрочем, мы не могли узнать о причине его приезда, а должно было думать, что его послали разведать о нашем шлюпе. Я далему о нас записку к губернатору. Он тотчас отправился к приближавшейся уже к нам десятивесельной шлюпке и, подъехав к ней, сказал несколько слов. Тогда лодка и шлюпка под парусами и на веслах пустились к берегу, и мы прошли своим путем.

Во всю ночь небо было ясно и дул весьма тихий ветер; мы шли под небольшими парусами в таком расстоянии от берега, что слышали шум бурунов; временно переменили курс, чтоб обогнуть остров. До 6 часов утра 22-го числа с 6 часов вечера мы прошли, взяв общее плавание по прямому курсу, только 15 миль; но по рассвете Кокосова острова не видели, почему я заключил, что он, слившись с берегом в пасмурности, был неприметен. А к востоку открылся нам высокий, ровный, утесистый, полуостровом выдавшийся мыс; на самой высоте оного мы рассмотрели испанский флаг, а подле мыса двухмачтовое судно. Посему мы полагали, что это залив Умата, к которому мы лавировали при свежем ветре от северо-востока.

Вскоре приехал к нам испанец и уведомил, что он, по повелению губернатора, доставляет на приходящие сюда корабли съестные припасы. Около полудня мы подошли к самому заливу. Испанец брался привести шлюп в настоящее якорное место, но

я не решился поручить ему такое дело, а хотел прежде узнать положение прохода и все обстоятельства, с оным сопряженные. После нужных изъяснений я увидел, что если он и знает проход, но о морском деле никакого понятия не имеет. Сие заставило меня, лавируя у входа, послать с испанцем офицера в крепость — просить у губернатора настоящего лоцмана.

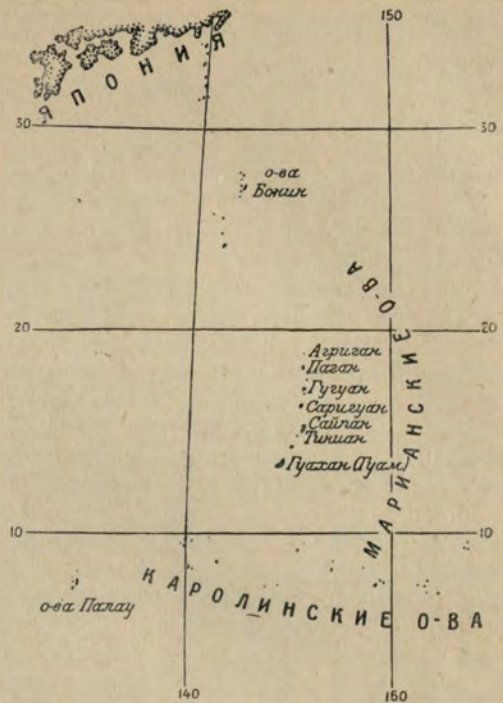
Шлюпка наша отправилась; но скоро я увидел, что она идет не в крепость, а вдоль берега к югу. Я не знал сему причины, доколе не пристало к нам во 2-м часу пополудни бывшее в виду гребное судно, на котором, по повелению губернатора, приехал вчерашний мулат, лоцман и англичанин по имени Джонсон, служащий в испанской службе прапорщиком. От них мы узнали, что это не залив Умата, но Калдера, и что течением, всегда здесь стремящимся к северо-востоку, в ночь так далеко подало нас к северу.

Узнав свою ошибку, мы тотчас пустились под всеми парусами к заливу Умата. Между тем приехавший к нам лоцман сказал, что при северо-восточном ветре в Калдере мы никак войти не могли, не подвергнув шлюп опасности. Я весьма был рад, что не послушал испанца. В 6 часов вечера прошли мы в залив Умата и тотчас поставили шлюп на два якоря. Залив сей с западной стороны совершенно открыт; но как ветры от запада и юго-запада дуют только в течение сентября, октября и ноября месяцев, то в прочее время года, когда господствует пассат, стоять на якорю безопасно.

Подходя к заливу, я послал с Джонсоном к губернатору мичмана барона Врангеля объявить, кто мы, зачем пришли, и просить позволения запастись водою и съестными припасами.

На другой день рано поутру барон Врангель и Джонсон возвратились на шлюп. Первому губернатор объявил, что припасы будут доставлены, а воду мы сами можем брать близ селения в речке и что на салют наш будут отвечать таким же числом выстрелов.

Джонсон привез от губернатора в подарок экипажу несколько пудов масла и плодов и пригласил нас от его имени к обеду; притом сказал, что по здешнему обыкновению гу-

Карта Каролинских и Марианских островов.

бернатор просит меня, как капитана военного корабля, приехать на его парадной шлюпке и что он извиняется в том, что вчера они меня обманули. Причина тому та, что уже два года они никаких известий из Манилы не получали, ни одно испанское судно сюда не приходило и что виденная нами в Калдере шхуна три месяца назад пришла из Манилы с уведомлением, что хилийских республиканцев фрегат «Аргентина», под начальством француза Бушара, имел намерение сделать нападение на сей остров, и как они приняли наш шлюп за фрегат Бушара, то и скрывали настоящее дело; но теперь, когда узнали, кто мы, обман сделался ненужен.

Вышеупомянутый Бушар за несколько времени до прихода нашего к Сандвичевым островам был там и ушел, как он объявил, в Калифорнию, с намерением, чтоб там уничтожить королевское правление и восстановить республиканское. Бушар был на службе у Наполеона, бежал из Франции и от нужды сделался мореходцем, вступая в службу Хили. Американцы на острове Воагу мне сказывали, что экипаж его якобы состоял из людей всех наций и самых рас-

пущенных, которые едва ли не взбунтуются и не убьют его. Дисциплины никакой у него нет, и надлежащим образом преступников он не наказывает, а бьет их сам плетью, имея в другой руке пистолет.

В 11 часов утра приехала за мною губернаторская шлюпка. Она была самой простой работы, некрашенная и вся перемаранная, весла на мочалках, но подушки, зонтик и занавесы сделаны из богатой шелковой материи малинового цвета с золотым позументом. Гребцы были одеты в синие из бумажной материи брюки и фуфайки, на голове имели синие колпаки с красным околом, похожие на наши прежние солдатские фуражные шапки; спереди серебряный испанский герб. Когда мы поехали от шлюпа, то подняли на шлюпе шелковый испанский флаг и вымпел; таким же образом нас привезли назад.

Губернатор со всеми своими чиновниками принял нас чрезвычайно ласково, извинялся, что недостаток места не позволяет ему сделать для нас то, чего он желал, и просил нас дом его считать нашим собственным. Между тем подали завтрак и сигары. Потом пошли смотреть здешнее селение, которое так бедно и худо населено, что и селением едва ли может назваться.

В 4-м часу мы обедали. Стол не соответствовал бедности места, ибо состоял из множества прекрасных блюд, и вино было очень хорошо. С нами обедал капитан прибывшей из Манилы шкуны. Он служил лейтенантом в экспедиции Малеспины²⁴⁴. Во время бытности его в Маниле бриг «Рюрик»²⁴⁵, принадлежащий Н. П. Румянцеву, там находился. Он рассказывал нам некоторые обстоятельства, до него касающиеся. «Рюрик» и у сего острова стоял 5 дней, а после уже пошел в Манилу.

В 6 часов мы возвратились на шлюп. В отсутствие наше приезжали с берега лодки с зеленью, плодами, курами и поросятами.

24 ноября в 10-м часу утра приезжал ко мне губернатор с некоторыми из своих чиновников и с капитаном шкуны и был принят с приличною почестью; они у меня завтракали. Губернатор звал меня к себе обедать, но так как мне нужно было

сделать астрономические наблюдения, то я отказался, а некоторые офицеры к нему поехали. Он просил меня взять от него бумаги в Манилу, и я охотно на сие согласился. Вечером привезли нам от губернатора свиней, кур, зелень, плоды и другие припасы; нужное количество воды мы уже взяли и совсем были готовы идти в путь.

В следующий день, в 9 часов утра, я поехал к нему благодарить за ласковый прием и расплатиться за доставленные к нам съестные припасы. Но он никакой платы за них взять не согласился, объявляя, что он обязан был сие сделать, будучи уверен, что поступил согласно с волею своего государя. Сие заставило меня подарить ему некоторые вещи, в которых он, по словам Джонсона, имел надобность, в том числе несколько лекарств. В первом уже часу возвратился я на шлюп. В 5 часов губернатор привез свои бумаги и, пробыв полчаса, с нами распрощался, а мы тотчас пошли в путь.

Марианская, или Ладронская, купа²⁴⁶ состоит из 12 островов и занимает место на земном шаре между северными широтами 13 и 20°, а в долготе восточной от Гринвича 146°; все они почти на одном меридиане. Главнейшие из них суть: Гуахан*, Тиниан (столь много, хотя и без причины, прославленный в путешествии лорда Ансона²⁴⁷), Сайпан, Саригуан, Гугуан, Паган и Агриган; прочие же малы и незначительны.

Острова сии при занятии их испанцами были многолюдны, но насильственное обращение жителей в христианскую веру и покушение истребить коренные их обычаи, с коими они неохотно могли расстаться, а особливо с правом многоженства и несоблюдением никаких постов, дали повод язычникам к сопротивлению. От сего произошли войны, в которых многие из жителей погибли; многие же удалились к югу на соседственные острова, известные под именем Каролинских, куда власть испанцев не достигала²⁴⁸. По уверению последнего испанского путешественника Малеспины, в 1792 году на

* Иностранцы остров сей называют Гуам, но сами испанцы дают ему имя Гуахан, которое и я сохранил.

всех обитаемых островах сей гряды (ибо большая часть из них необитаема) число жителей простиралось до 40 тысяч²⁴⁹, что подтвердил и губернатор. В Маниле получил я ведомость о народонаселении здешних владений, в ней показано в 1815 году число жителей на Марианских островах только 4680 человек. Я не знаю, как согласить такую разность, но как Малеспина в своем путешествии, изданном в свет, так и губернатор, при разговоре с иностранцами, могли увеличить число жителей, каждый по долгу своего звания.

Остров Гуахан есть главный из всей гряды как по изобилию, народонаселению и по местопребыванию губернатора. Резиденция губернаторская находится на западной стороне острова и называется городом св. Игнатия Аганского²⁵⁰,

при котором нет ни гавани, ниже рейда, способного для судов, и потому губернатор имеет дома при двух пристанях, куда он приезжает в случае прихода кораблей. Пристани сии называются порт Св. Лудовика Апры²⁵¹ и рейд Умата. Порт довольно хорошо защищаем от ветров с моря, но вход в него узок и сопряжен с некоторою опасностью: недавно разбило при входе фрегат Филиппинской компании, на коем было полмиллиона пиастров; деньги все достали, кроме 1800 пиастров, помощью сандвичан, которые, по некоторой причине, о коей впоследствии будет упомянуто, здесь поселены. Для обороны порта находятся две или три крепостцы, из коих Санта-Круц и Рота весьма выгодно расположены. Рейд же Умата совершенно открыт, но свойство дна и глубина на оном для якорного стояния весьма хороши, и он с декабря по июнь совершенно безопасен,

Жители острова Гуахан, главного из Марианских островов.
Рисунок Тихонова.

ибо тогда постоянно дует пассат или муссон от северо-востока, то есть прямо с берега, с которого хотя и срываются часто жестокие порывы, но для судов они губительны быть не могут. Губернатор мне сказывал, что в шестилетнее его здесь пребывание он не помнит, чтоб когда-либо дули ветры с западной стороны в вышеупомянутое время года; но в июне, июле, августе и сентябре, а иногда, хотя и не часто, в октябре и ноябре, сей рейд опасен, ибо тогда, при западном муссоне, в соседстве здешних островов дующем, а особливо в полнолуние и новолуние, бывают жестокие бури, кои в направлении переходят чрез все румбы кругом горизонта.

Более якорных мест остров не имеет, будучи окружен отовсюду рифами, так же как и все другие острова сей купы, при которых есть только открытые рейды, а при некото-

рых и вовсе нет никакого отстойного места.

Климат здешний не столь жарок, как бы, по географическому положению острова, ожидать надлежало. Причиною сему северо-восточные ветры, всегда свежо дующие, и частые проливные и продолжительные дожди, прохладжающие воздух. Но если здешний климат не так смертоносен, как на островах Западной Индии, то для многих жителей бывает пагубен, причиняя часто простудные горячки и поносы, которые, по неимению способов пользоваться помощью медиков, большею частию бывают смертельны.

Сам губернатор не скрывал от нас, что на Гуахане много людей ежегодно умирает от двух вышепомянутых болезней.

Остров сей имеет хорошие земли и много воды. Он чрезвычайно плодороден; до занятия его испанцами он производил в большом количестве сарачинское пшено, маис, хлебный плод, корень ям, сладкие и обыкновенные бананы и кокосы. Сии четыре последних растения доставляли главную пищу жителям: кокосовые деревья на восточной стороне острова составляют обширные леса. Испанцы развели здесь лимоны, апельсины, ананасы, арбузы, дыни, виноград и табак. Странно, что здесь не было тыкв до нашего прихода: я дал губернатору для семян десять самых лучших тыкв, полученных мною на Сандвичевых островах.

Из четвероногих животных жители имели только свиней, диких оленей и коз, крыс и летучих белок*. Ныне же разведены бараны, козы, собаки, лошади; а рогатого скота на всех островах считается до 30 тысяч, и большею частию на острове Тиниане, на котором постоянных жителей нет, а находится чиновник и с ним несколько человек, которые бьют дикий скот, сушат и солят мясо, и оно после развозится по всем островам, где есть жители.

Из домашних птиц разведены испанцами индейки, гуси, утки, только не в большом количестве; куры же и прежде были, а теперь их мно-

жество, и жители имеют о них великое попечение, потому что, будучи страстными охотниками до петушьих боев, продают дорожкою ценою сильных и рослых петухов на суда, идущие в Манилу, где петухи Марианских островов, после китайских, почитаются самыми сильными и храбрыми. В Гуахане к нам привезли сего разбора несколько петухов, и я никогда не видывал таких больших. За некоторых просили с нас по 2 пиастра (10 рублей), а за одного 10 пиастров (50 рублей). Сначала, не зная еще предмета, на какой они их продают, мы думали, что жители дурачат нас, полагая, что мы в состоянии дать им такую цену за петуха, и потому предлагали по 1 реалу (65 копеек) за каждого, которых мы купить хотели для стола, а не для боя. Таким предложением жители огорчились. Наконец, уже по некотором изъяснении мы поняли друг друга и увидели, что каждый из нас был прав.

Лесу строевого на островах много, но он бесполезен, ибо здесь ничего из дерева не делают, кроме небольшого числа гребных судов. Дома же казенные и значащих людей построены каменные, а простой народ живет в хижинах, из тонких столбов составленных, у коих плетни служат вместо пола и стен, а трава прикрывает их.

Все жители Марианских островов исповедуют католическую веру, и все они здешние уроженцы, кроме губернатора да еще двух или трех офицеров, на королевской шкуне сюда прибывших. Все здешние чиновники назначаются в должности и производятся в чины из природных жителей по выбору губернаторскому. Я об этом узнал от него самого и довольно странным образом. Когда он в первый раз пригласил меня с офицерами к обеду, то, прежде нежели мы сели за стол, он меня спросил потихоньку, не противно ли мне будет обедать вместе с его офицерами и чиновниками, которые все из природных здешних жителей и им самим на места определены, а мы европейцы и получили чины от нашего государя. Здешние священники также из уроженцев островов сих, только воспитывают их в Маниле. Странная и

* На белку видом и величиною похожее животное, только с крыльями, как у летучих мышей.

Женщина с острова Гуахан (анфас и профиль).

Рисунок Тихонова.

неслыханная вещь в католических колониях, что на всех Марианских островах нет ни одного монастыря.

Острова сии, будучи весьма изобильны съестными припасами, бедны во всех других отношениях. Они не только не приносят никакой пользы испанской короне, но еще она терпит от них убыток. Губернатор получает жалованья по $3\frac{1}{2}$ пиастра в день, что составит около 6400 рублей в год, да отпускается ему на содержание чиновников и гарнизона 20 тысяч пиастров (100 тысяч рублей). Сию сумму присылают к нему товарами, кои жители покупают от него по ценам, им самим назначенным, отчего большая половина оной остается у него в руках. Приезжавшие к нам жители сказывали, что за исподнее платье до колена из самой простой бумажной материи берут с них по 3 и по 4 пиастра; за широкий нож длиною вершков в 10, коим они исправляют все свои сельские работы, он же служит им вместо оружия, должны они платить по 4 пиастра. И как по изобилию в пище и по уединенности места расходы губерна-

тора не могут быть значительны, то он, так сказать, за ссылку сюда и скуку, здесь им переносимую, хорошо награждается. Но многие здешние жители, хотя и родились здесь, скачуют, а особливо из рабочего народа. Множество из них неотступно просились в нашу службу, и один молодой, хороший человек хотел даже оставить жену и двоих детей. Они знали, что мы едем в Манилу, и просились с тем, чтоб там убежать.

Доходов королю никаких с островов не собирается, даже табачный откуп, почти во всех испанских владениях принадлежащий королю, здесь не существует, и всякий, кто возвращает табак, поступает с ним как хочет; посему здешние жители ходят почти беспрестанно с сигарою в зубах. Меня уверяли, что многие из них, даже бедные, выкуривают по 30 сигарок в день.

Марианские острова ни с кем никакой торговли не производят. Из Манилы присылают сюда в год одно небольшое судно с вещами, нужными для жителей, да и то не всякое лето, и весьма редко случается, чтоб два

судна в один год приходили. Надобно знать, что хотя от Филиппинских островов до Марианских только с небольшим 2000 верст, но по причине ветров, на переход из Манилы до Гуахана испанские суда употребляют дней 50 и более; обратный же путь совершают в 15 или 12 дней. Иностранные же суда в несколько лет однажды здесь появляются за пресною водою и съестными припасами, и тогда у жителей праздник, ибо они и получают за произведения свои хорошую плату вещами или деньгами.

Губернатор, который ничего не продает, но дарит съестные припасы, также рад сим гостям; ибо всякий мореходец должен отдарить его какими-нибудь европейскими вещами, в коих здесь недостаток. Прежде манильские галлоны²⁵² на обратном пути сюда заходили, но ныне они уже оставили сие плавание.

Испанцы удерживают за собою Марианские острова единственно для того, чтобы не занял их другой народ, который мог бы быть весьма опасным соседом богатым их владениям на Филиппинских островах²⁵³. Недавно общество корабельщиков Североамериканской республики, торгующих на северо-западном берегу сей матерой земли, затеяло было основать колонию на самом северном острове Марианской гряды, называемом Агриган, с намерением иметь на переходе из Америки в Кантон пристанища, где бы могли они даром получить съестные припасы, вместо того, что на Сандвичевых островах должны платить за оные. На сей конец перевезли они с сих последних островов на Агриган несколько семейств сандвичан под управлением двух или трех своих матросов. Испанцы долго не знали о существовании сей колонии, но когда было получено в Маниле о ней сведение, генерал-губернатор велел всех колонистов забрать, поселить на Гуахане и употреблять к делу по способности; там и нашли мы десятка два бедных сандвичан. Состояние их было бы сносно, если бы росла здесь тарра, из которой они делают род жидкого кислотатого теста, составляющего любимое их кушанье. Когда они увидели у меня посаженную в кадках тарру, то пришли в

неизъяснимый восторг; в ту же минуту приступили ко мне с просьбами, чтоб я отдал им ее посадить на берегу, и, не дождавшись моего согласия, вздумали было тащить ее на лодку.

В заключение замечу, что испанцы и Сандвичевым островам дают имя Каролинских, равно как и тем, кои к югу от Марианских (Las Carolinas), и сандвичан называют каролинцами (Carolinos).

Когда мы оставили остров Гуахан, порывы ветра с дождем сопровождали нас на некоторое расстояние от берега; но с полуночи 26-го числа погода сделалась ясная и дул свежий пассат во все сутки. Вечер был прекраснейший: луна блистала в полном своем величии, море было покойно, и умеренный ветер давал быстрый ход шлюпу. В 10-м часу вечера, сидя в моей каюте, я услышал запах дыма. Не зная, откуда оный происходил, я тотчас пошел в другую каюту осведомиться и с ужасом узнал от одного из моих людей, что на кубрике в одной из офицерских кают пожар. Я бросился туда, велел подать воды, и пожар был скоро потушен. После того велел я выломать на кубрике все каюты и переборки, дабы впереди иметь там один общий огонь под присмотром часового. По исследовании нашлось, что замоченное ромом белье от искры, нечаянно на него попавшей, вспыхнуло. В сем случае было всего хуже то, что в начале пожара не дали знать об оном, желая сами погасить его и скрыть случай сей от сведения других, а чрез то подвергали шлюп и экипаж неизбежной гибели.

Теперь для перепутья предстояли нам два порта, по положению своему равно выгодные: Кантон в Китае и Манила на Филиппинских островах; но разность их заставила меня предпочесть во всех отношениях Манилу. Одно только желание видеть столь странный и необыкновенный народ, каковы китайцы, могло понудить меня итти в Кантон, но сим любопытством я должен был пожертвовать пользе службы: чрезвычайная дороговизна на все съестные припасы в Кантоне, обманы купцов, притеснения, какие мандарины²⁵⁴ делают европейским кораблям, могли уже

отклонить меня от намерения итти в Кантон. Но я имел еще другую, важнейшую причину не заходить в китайские порты: подозрительность китайского правительства столь велика и безрассудна, что, вероятно, прибытие к ним русского военного шлюпа оно приписало бы не случаю, а какой-нибудь цели, и от того могли произойти следствия, долженствовавшие быть вредными для нашей торговли на Кяхте.

Избрав Манилу портом роздыха, я правил к островам Баши²⁵⁵, чтоб между ними и островом Луконию²⁵⁶ вступить в Китайское море²⁵⁷. Весьма свежий северо-восточный пассат благоприятствовал нашему плаванью. Мы очень быстро приближались к месту нашего назначения, пользуясь притом по большей части ясною погодою; изредка, однакож, было облачно и пасмурно с дождем.

Таким образом плыли мы до 1 декабря, не встретив ничего достойного примечания. В тот день по горизонту было весьма облачно; впрочем, погода стояла ясная с местными облаками, ветер же дул с восточной стороны весьма слабо, но в 3-м часу пополудни вдруг задул весьма свежо от севера и потом, усиливаясь, к вечеру сделался столь крепок, что принудил нас остаться под самыми малыми парусами и спустить все верхнее вооружение на низ. Это показало нам, что мы потеряли пассат и встретили муссон, который в сие время года в здешних морях всегда дует крепко.

Крепкий ветер от севера с порывами и весьма облачная погода с пасмурностию и временно с дождем продолжались во всю ночь и в следующий день 2 декабря; волнение было велико. К вечеру ветер несколько смягчился, а с тем вместе с волнением сделалось легче. В ночь же

Мальчик с Каролинских островов.
Рисунок Тихонова.

на 3-е число выяснено и ветер стал еще тише и дул, как обыкновенно дует самый свежий пассат, так что мы безопасно могли нести довольно много парусов.

В ночь на 5 декабря подошли к островам Баши, а около полудня, по южную сторону острова, собственно сим именем называемого, вступили в Китайское море. Тогда стали править к Маниле. Слабые ветры, хотя и попутные, и сильные противные течения заставили нас употребить на переход сего малого расстояния 6 дней. Мы не прежде 11-го числа вошли в проход лавировкою; а в 6 часов вечера стали на якорь между камнями Каваллою и Фраелем будучи в 2 милях от каждого. К ночи ветер несколько смягчился, но с полуночи 12 декабря стал дуть чрезвычайно крепко от северо-востока с сильными порывами. К счастью еще, что волнения совсем не было.

К рассвету ветер стал дуть умереннее и отошел к северу. В 7 часов утра мы снялись с якоря и начали лавировать. Лавирование наше продолжалось при переменных ветрах от севера до северо-востока, которые дули с разною силою целый день и уже в 10½ часов ночи стали на якорь в 11 милях от Манилы. Ночь была тихая. В Маниле и Кавите²⁵⁸ мы видели пускаемые ракеты и разные огни, что, конечно, было по случаю кануна рождества Христова*.

Декабря 13-го поутру, в 7-м часу, при северном ветре и ясной погоде, снялись мы с якоря и пошли к Маниле. Когда мы приблизились к городу, встретила нас парадная генерал-губернаторская шлюпка. На ней приехал от генерал-губернатора морской офицер поздравить меня с прибытием и благодарить за доставление с острова Гуахана бумаг, которые я отдал приезжавшему к нам при входе в залив офицеру.

В 11-м часу утра, подойдя к городу, мы стали на два якоря недалеко от прочих судов и от крепости к югу в одной миле.

По положении якорей я тотчас отправил барона Врангеля к генерал-губернатору объяснить ему наши надобности и условиться о салюте.

Вечером прислал генерал-губернатор свежего мяса, хлеба и разной зелени на всю команду.

14 декабря в 10 часов утра с некоторыми офицерами поехал я на берег; у пристани дождалась нас генерал-губернаторская парадная карета, в которой мы к нему и поехали. Он принял нас самым дружеским образом, как бы старых своих знакомых, и, узнав, в чем имеем надобность, тотчас дал повеление доставить нам все нужное. Я имел желание свезти лишние вещи со шлюпа на берег и проветрить и высушить трюм, чего в Маниле сделать было неудобно, а потому решился итти в Кавиту, куда генерал-губернатор послал повеление исполнять все мои требования. Он оставил нас у себя обедать; прежде обеда мы ездили к здешним градоначальникам и осматривали город. Вечером пригласили нас в индийский театр²⁵⁹.

15-го числа, в 10-м часу утра, пошли мы от Манилы, а в 12 пришли к Кавите и стали на два якоря в одной версте к востоку от крепости. Комендант и начальник арсенала присылали адъютантов поздравить с приходом и предложить услуги; на другой день я ездил к ним. Последний из них, по приказанию генерал-губернатора, назначил в арсенале весьма удобное место для наших вещей, и мы сегодня же начали свозить дрова и водяные бочки и приступили к конопатной работе. Погода стояла ясная, при тихих переменных ветрах, и благоприятствовала нашим работам, но для людей была весьма утомительна: мы принуждены были всякий день ставить шлюп боком к ветру, чтоб он мог сквозь порты продувать его.

В Кавите мы простояли 20 дней, в которые беспрестанно занимались работою по шлюпу, и успели переправить снасти, починить паруса, выконопатить все палубы и весь шлюп; снаружи выкрасить его и мачты и пр. Сверх того, для просушки и очищения трюма свезены были на берег все водяные бочки, дрова и многие другие тяжести. Водяные бочки все перечинили, а многие за гниlostию вновь переделали; гребные суда переправили и выкрасили и сделали в шлюпе множество разных других мелких поправок. В свободное от службы время ездили в Манилу и Кавите и делали замечания о любопытных предметах.

Исправив все наши надобности в Кавите, 4 января перешли мы в Манилу, где надлежало нам принять заказанные для похода съестные припасы и налить остальные бочки пресною водою; на сие мы должны были употребить около двух недель. В сие время часто ездили на берег как для удовольствия, так и для собрания сведений о столь любопытной стране. Нижних же чинов отпускал я на берег по очереди, где они могли свободно прогуливаться, и сие способствовало к сохранению их здоровья. В первые дни нашего прихода к Маниле из Кавиты дожди часто препятствовали прогулкам нашим, но после стояла хорошая погода.

В бытность нашу в Маниле, не смотря на трудные работы и утоми-

* 24 декабря по новому стилю.

тельные жары, мы имели весьма мало больных, и притом ничего не значащими припадками, которые чрез два или три дня проходили; а часто не было ни одного больного во всем экипаже.

Генерал-губернатор ничего не упустил, чтоб только пребывание наше в Маниле сделать для нас приятным. Дом и стол его всегда для нас были открыты, и как он сам, так две его дочери, молодые девушки, составляющие все его семейство, и чиновники города, коих он к себе приглашал, оказывали нам всевозможные ласки и учтивость. Нам, как в городе, так и за городом показывали все, что есть любопытного для путешественника. Он даже дал нам свою шлюпку, на которой несколько офицеров, живописец и натуралист ездили на большое озеро, отстоящее от Манилы в 12 часах скорой езды по реке, для снятия прекрасных видов.

Благосклонность генерал-губернатора и уважение, какое он нам оказывал, требовали с моей стороны признательности. Я не мог изъявить оной иначе, как приглашением его и первых чиновников города на шлюпку к обеду, причем оказал ему все надлежащие по его званию воинские почести. Он был весьма доволен сделанным ему приемом, и я заметил, что ему и бывшим с ним испанцам особенно было приятно, когда при питье за здоровье короля испанского был сделан салют 21 выстрелом.

На другой день со многими, из своих офицеров был я у него на последнем обеде, а вечером мы распрощались.

Теперь, будучи совсем готов к путешествию, 17 января поутру послал я барона Врангеля к генерал-губернатору поблагодарить за гостеприимство и уведомить, что сего числа мы отправляемся в путь и будем салютовать крепости, ожидая равного ответа. Генерал-губернатор, оказав всякое приветствие Врангелю, уверил его, что ответ на наш салют, без всякого сомнения, будет сделан равным числом выстрелов.

Во 2-м часу после полудня подняли мы якорь и, поставя паруса, салютовали крепости 7 выстрелами,

с которой чрез полчаса уже сделали 4 выстрела. Это заставило меня опять стать на якорь и послать офицера к генерал-губернатору узнать о причине такому поступку. По возвращении его на шлюпу уведомил он, что генерал-губернатор чрезвычайно огорчен оплошностью караульного офицера, который за отдаленностию не слышал звука выстрелов, а считал их по дыму и видел только 4 выстрела, которые были сделаны со стороны, обращенной к крепости, а трех выстрелов с другой стороны он не заметил. Генерал-губернатор извинялся в такой ошибке; между тем сделаны были с крепости недостающие 3 выстрела. Тогда мы (в 5-м часу пополудни) снялись с якоря и пошли к выходу, выпалив из пушки в знак, что мы поправкою ошибки довольны. К выходу пришли мы уже по наступлении ночи, но как оба прохода совершенно безопасны, то мы северным из них пошли под всеми парусами, при весьма свежем ветре от NNO.

Таким образом, пробыв 35 дней в Маниле и проведя время сие с пользою и удовольствием, мы отправились в путь. Филиппинские острова, из коих главный Люсон, на котором находится Манила, во многих отношениях заслуживают внимания европейцев, а более россиян, по соседству их с нашими восточными владениями, где во всем том крайняя бедность, чем Филиппинские острова изобилуют. Положение сих островов в отношении к Сибири, безопасные гавани, здоровый климат*, плодородие и богатство земли во всех произведениях, для пища и торговли служащих, многолюдство и, наконец сношения их с китайцами — все сие заставляет обратить на них внимание.

Они достойны подробнейшего описания, нежели то, которое помещено в следующей главе.

---

* В исходе 1820 года свирепствовала там смертоносная горячка *Colera morbus*, причинившая то ужасное возмущение между индейцами, стоившая жизни весьма многим из поселившихся там европейцев, о которой недавно еще так много было писано во всех ведомостях; но болезнь сия есть столь необыкновенное явление на Филиппинских островах, что подобной ей никто там не помнит.

Манила, главный город Филиппинских и Марианских островов*, или, лучше сказать, столица всех испанских владений в Азии, по многим отношениям достойна внимания морских держав.

Манила находится на западной стороне острова Луконии**. Город сей имеет самое выгодное положение для торговли с целым светом, будучи в соседстве с богатейшими странами Азии и почти на середине между Европою и Америкою. Местное же его положение такое, какого нельзя лучше желать для приморского торгового города. Стоит он на берегу пространного залива, имеющего в окружности около 180 верст, и при устье реки Пасиг, текущей из большого озера и впадающей в Манильский залив. Вход в сей залив и плавание по оному совершенно безопасны; а глубина и свойство дна удобны для якорного стояния. В нем есть одна только мель, но положение ее таково, что при самой обыкновенной осторожности можно как днем, так и ночью пройти ее безопасно. С ноября по май большие суда стоят против самого города верстах в двух или трех от устья реки, ибо тогда господствует северо-восточный муссон, который, дует с берега и почти всегда тихо***, не может быть для них опасен. В прочее же время года, при юго-западном муссоне, дующем с морской стороны и часто с большою силою, причиняющею в заливе волнение, они находят безопасное убе-

жище и в порте Кавите, в том же заливе находящемся и отстоящем от Манилы только в 12 верстах, а малые суда, коих углубление в воде 9 или 10 футов, входят в реку и стоят подле самого города, или, лучше сказать, в городе, ибо оба ее берега застроены.

Манилу окружает с трех сторон пространная долина, по которой протекают в разных направлениях реки. Некоторые из них соединены каналами между собою и с главною рекою Пасиг, на левом берегу коей стоит крепость.

Река Пасиг способствует доставлению с берегов озера, на коих находится до ста индейских селений, произведений сего острова. Кроме сей реки, в Манильский залив впадает шесть довольно больших рек, глубина коих позволяет грузовым лодкам острова за произведениями оною и ходить на немалое расстояние внутрь для отвоза туда европейских товаров. С отдаленными же частями оною и с другими соседственными островами жители имеют сообщение посредством мореходных судов.

Манила есть один из городов, свидетельствующих о прежних подвигах испанцев. Правильная обширная крепость с замком и многими наружными укреплениями, обведенная глубокими рвами и одетая камнем снаружи и внутри, воздвигнутыми на краю света, показывает какого труда и иждивения стоило испанцам занятие сего места****. Но если присовокупить к сему огромные каменные***** публичные и частные здания, каменные мосты через реку и разные каналы и каменные же на сваях молы и сравнить заведение сии с нынешними их делами, то нельзя не сказать, что прежние испанцы были совсем другой народ.

Из публичных зданий более прочих огромностию своею привлекают на себя внимание путешественников: соборная церковь, дома генерал-губернатора и архиепископа, дом Филиппинской компании, три или четыре мона-

* Сии острова открыты в 1521 году Магелланом и названы им: первые Воровскими (Ladrones) по свойству жителей, а последние архипелагом Св. Лазаря, в день которого он открыл их; но после в честь короля Филиппа II и королевы Марии-Анны, супруги Филиппа IV, дали им имена Филиппинских и Марианских.

** Испанцы называют сей остров Лусон (Luzon), что значит «толкая», которым пшено сарачинское толкут. Имя сие дали ему первые испанцы, посетившие остров, потому что они жителей беспрестанно видели с пестом в руках в сем занятии. Другие же испанцы называли его Новою Кастилиею; но первое именование одержало верх и по сие время остается в употреблении.

*** В бытность нашу в Манильском заливе ни разу не было крепкого ветра.

**** Манила основана в 1571 году.

***** В Маниле употребляется на строение мягковатый серый камень, привозимый с верху реки; он на воздухе твердеет.

стыря, дом кабилды²⁶⁰, или градской думы, табачная фабрика и пр.; но самое обширное здание есть бывший коллегийум иезуитов, в котором теперь помещаются семинария и гарнизон. Все сии здания построены весьма крепко, судя по толщине стен и сводов, к чему, вероятно, подали повод случающиеся иногда здесь землетрясения*, кои вообще бывают слабы и даже едва чувствительны; но где они есть, там могут быть и сильнее.

Дома обывателей, кроме индейских, построены из такого же материала, как и казенные здания, и все вообще о двух этажах: в нижних находятся подвалы, кладовые, конюшни и сараи, а в верхних — жилые покои. Образ построения манильских домов весьма удачно приспособлен к климату и, по моему мнению, лучше всех тех, мною виденных, которые употребляют европейцы в жарких странах.

Жары здесь бывают несносные. Март, апрель, май и июнь месяцы составляют здешнее лето. В сие время жители, имеющие состояние, уезжают в загородные дома, и в городе производство дел прекращается; но даже и в те месяцы, которые здесь зимними назвать можно, термометр часто возвышается до 30°. В таком климате, в домах, построенных по обыкновенному европейскому расположению, было бы почти невозможно жить. Здесь комнаты второго, или жилого, этажа пространны и весьма высоки. В лучших домах имеют они до 3 сажень вышины. В стенах окон нет, а на расстоянии от 10 до 12 футов сделаны большие двери, против коих кругом всего дома идет крытый коридор, шириною в 4 и 5 футов, утверченный на выдавшихся за стену концах матиц²⁶². Снаружи сего коридора от пола фута на 4 обнесен он легким деревянным балюстрадом, на коем поставлены мелко переплетенные задвижные рамы; вместо стекол, в них вставлены выполированные плоские устричные раковины. Рамы сии можно все задвинуть и закрыть ими весь коридор или, отодвинув, открыть оный. Первое делается с той стороны, откуда дождь ветром наносится или солнце сияет, ибо раковины, хотя и пропускают свет немногим слабее

* Жители сказывают, что землетрясения в Маниле случаются однажды или два раза в год; но извержения гор, кои производят сии землетрясения²⁶¹, часто бывают.

Карта Манильского залива.

того, какой сквозь стекла проходит, но солнечные лучи в них не проникают и воздух внутри покоев нагреть они не могут; а коридор, будучи открыт со стороны ветра, прохлаждает воздух.

Имя Манила принадлежит той части города, которая находится в стенах крепости и где, кроме испанцев, никому жить не позволено; но весь город состоит из разных предместий, простирающихся на несколько верст в длину.

Строение в предместиях каменное, во всем подобное находящемуся в городе, кроме лавок, которые составляют длинные ряды одноэтажных низких зданий, и жилищ простого народа, находящихся на самых выездах из предместий. Сии последние похожи на шалаши, поставленные на столбах; сделаны они из дерева бамбу²⁶³ и покрыты кокосовыми листьями. Слабые сии строения, судя по климату, довольно покойны для живущих в них. В предместиях улицы широки, но в городе весьма узки; сие немало вредит жителям в толь жаркой стране.

Число жителей в самом городе, или в собственно называемой Маниле, простирается до 10 тысяч, а со всеми предместиями более ста тысяч²⁶⁴. Я не думаю, чтоб испанцы увеличивали настоящее число жителей, ибо в бытность мою здесь я всякий день ездил по всем частям города и везде находил улицы, наполненные народом; множество людей занимается также на

реках, где они и живут в своих лодках. На всем же острове Луконии испанское правительство считает до миллиона подданных, а вообще на Филиппинских и Марианских островах два миллиона с половиною²⁶⁵. Но если это правда, то по крайней мере в сем числе считаются многие тысячи, которые, обитая в неприступных горах, не только не признают над собою владычества испанцев, но и сами нередко делают на них набеги.

Здесь жители состоят из следующих классов: Первый составляет духовенство, которое здесь, как и во всех испанских колониях, весьма многочисленно и имеет главою архиепископа, живущего в Маниле, и несколько епископов, находящихся в провинциях. В Маниле считается 5 монастырей мужских и 3 женских.

Гражданские и военные чиновники, кои почти все из испанцев, присланных из Европы или родившихся здесь, но от испанских родителей, составляют второй класс, к которому принадлежат и иностранцы, служащие в испанской службе*. Хотя б сему классу и надлежало стоять первым, но я помещаю их по степени народного уважения, а здешние жители духовных всем предпочитают. Гражданским и военным чиновникам здесь весьма мало дела, и они проводят время в праздности, курении сигарок и карточной игре, за которую садятся даже с самого утра; словом, в Маниле ломбер то же, что в России бостон или вист.

В третий класс можно поместить купцов, владельцев плантаций и держателей сахарных и ромокурных фабрик. В сем классе есть много богатых людей, и почти все они имеют чины полковников, майоров, капитанов и пр., в которые их производит генерал-губернатор, определяя в земское войско, должствующее собираться в случае ожидания неприятельских покушений. Для них учреждены весьма богатые мундиры, без которых люди сии никогда не показываются в публике. В Маниле нет ни одного владельца дома, который бы не имел милиционного чина и не щеголял в мундире, вышитом золотом или

* Нужно ли напоминать, что испанцы из иностранцев принимают в свою службу одних католиков, и потому только прежние французы²⁶⁶ и ирландцы у них здесь служат?

серебром. Впрочем, они не одним нарядом в сем звании пользуются, но всеми почестями и преимуществами, кроме жалованья, наравне с чиновниками королевских войск, а оные не маловажны.

К чести, однакож нынешнего правительства надобно сказать, что мы не нашли уже в Маниле той чинности и пустых, отяготительных церемоний, на которые Лаперуз жалуется. Он говорит, что в его бытность здесь число лошадей в экипажи запрягалось по рангам, и в улице или на дороге младший старшего себя чином объехать не мог. Ныне это вовсе оставлено. Я несколько раз видал на публичном гулянье, что всякий, кто хотел, объезжал карету самого генерал-губернатора.

При захождении солнца, ибо днем жары здесь нестерпимы, жители Манилы прогуливаются кругом крепости, при самой подошве гласиса²⁶⁷, по гладкой, широкой дороге. Прекрасный вид крепостных строений и города, с одной стороны, высокие отдаленные горы, с другой, и открытое положение долин и полей, не прерывающих нимало прохладительных ветров, делают прогулку сию чрезвычайно приятною. Экипажи здешние состоят в каретах и колясках, запряженных парю; один генерал-губернатор ездит в четыре лошади с почетным конвоем.

После купцов следует класс торгующих в лавочках и ремесленников. Люди сии, почти все без изъятия, суть поселившиеся здесь китайцы. Китайцы же — столяры, плотники, кузнецы, портные, сапожники, хлебники, мясники и пр., и пр. Словом, все мастерства ими отправляются: в числе ремесленников нет ни одного испанца и весьма мало природных жителей. Китайцы сии, которых в Маниле считается до шести тысяч, весьма искусны в своих ремеслах и крайне трудолюбивы, но они не стыдились с нас просить за вещь в пять и шесть раз дороже настоящей цены.

Кажется, что, кроме обыкновенного покровительства законов китайцы никакими особыми правами и преимуществами в сравнении с простым народом не пользуются, а напротив того, обременены налогами, ибо платят подати королю по 6 пиастров (30 рублей) в год с каждой души; да городу за позволение держать лавку или отправлять ремесло по 5 пиастров (25 руб-

лей), между тем природные жители платят только в год с души подати 5 реалов (3 рубля 10 копеек).

Простой, или рабочий, народ составляет пятый класс; он весьма многочислен и происходит от древних здешних жителей²⁶⁸. При покорении испанцами острова Луконии они нашли на оном жителей, разнившихся между собою обычаями, языком, наружным видом и просвещением. Некоторые из них, а особливо обитавшие при морских берегах, имели правителей, известные законы и права, кои строго наблюдали, а другие жили в горах. По именам сих народов и теперь еще испанцы разделяют остров на провинции и по оным их называют. Жители Таголы²⁶⁹ были самые просвещенные; они имели свою грамоту и писали на листьях пальмы или платана.

Испанцы с горными народами никак не могли сладить и хотя многих из них истребили, но все еще остается довольно, чтоб причиняя иногда вред внутри острова; а прибрежных жителей, имевших уже некоторое просвещение, они скоро покорили, дали им свои законы и ввели к ним христианскую веру, и теперь потомки их едва ли не самые усердные католики в целом свете. Все они говорят по-испански²⁷⁰, но не забывают и природного языка, на котором даже играют испанские театральные пьесы, нарочно для них переведенные. Я видел, как они играли трагедию.

Индейцы сии малого роста, весьма слабого сложения и нестатны, цвет лица изжелта-черноватый, волосы у них черные, прямые. Они проворны. Одна лишь набожность заставляет их не пропускать ни одной молитвы, ни крестного хода, которые в католических городах почти всякий день

„Малайцы острова Луконии, живущие в Маниле.—Аррей и Томас*.

Рисунок Тихонова.

случаются. Но и к сему, вероятно, праздность и любопытство их привлекают. Сей народ жить может на открытом воздухе под деревом; рубашка, нижнее платье, соломенная или травяная шляпенка составляют весь наряд его, а часто сии люди ходят и нагие. Дикие плоды могут служить пищею, а бросив уду, в час поймает рыбы на целый день. Если ему удастся где найти работу, то в один день вырабатывает столько, что может купить на неделю сарачинского пшена. Вся роскошь сих людей состоит в петухе, с которым они таскаются по улицам и из заклада сводят с другими петухами драться*. Если индеец лишится в сражении петуха, то прежде изжарит

* Здешние жители все вообще пристрастны к бою петухов, и для того нарочно устроен у них театр, куда за деньги пускают зрителей; по праздникам он бывает наполнен людьми.

Костюмы малайцев с острова Луконии (Люсона).
Из альбома к кругосветному путешествию Коцебу.

и съест его, а потом пойдет в работу, чтоб получить денег на покупку другого. Начальники всех иностранных торговых судов, при нас в Маниле бывших, жаловались на индейцев в разных покражах, и надобно знать, что правительство за воровство жестоко наказывает; но они весьма искусны в сем деле и редко попадают в руки полиции.

Здесьние королевские войска и милиция составлены из индийцев. Говорят, будто они весьма храбры. Это весьма вероятно; впрочем, дело подлежит еще опыту. Мне сказывали, что в Маниле и окрестностях оной число войск всегда простирается до 8 тысяч, в том числе эскадрон кавалерии.

Странно покажется, что доходы, получаемые королем испанским с богатых Филиппинских островов, недостаточны для содержания на оных чиновников и войск и, вместо того, чтоб получать с них доход, привозили ежегодно из Мексики по 500 тысяч пиастров на содержание служащих. Но со времени нарушения спокойствия в Америке галионы перестали плавать, и ныне многие из служащих несколько лет уже не получают полного содержания. Ныне государственные доходы, кроме подушных сборов, которые сами по себе весьма незначительны, состоят в пошлине на морскую торгов-

лю, в откупе табаку, крепкого вина, делаемого из кокосовых орехов, и бетеля²⁷¹. Сии два последних дохода очень неважны, но табачный откуп доставляет короне большой доход.

Пошлины также могут быть значительны по мере распространения торговли; но она теперь еще в самом младенчестве, ибо порт недавно открыт европейцам.

Все жители, сеющие табак, должны продавать оный в казну, которая берет его за самую низкую цену. Купленный табак доставляется на фабрику, где делают из него сигарки и нюхательный

табак. При нас сею работою занимались ежедневно, кроме праздников, 2125 женщин — изготовлением обыкновенных сигарок и 600 мужчин — деланием оных в бумаге*. Надобно знать, что в Маниле нет человека, который бы не курил табаку; даже дамы, девушки и двенадцати- и пятнадцатилетние мальчики нередко сидят с сигарками во рту.

Англичане, французы и американцы привозят сюда сукна, разные бумажные материи, полотна, фаянсовую и хрустальную посуду, вина, портер, французскую водку, джин, мебели, картины и множество разных безделц, к роскоши служащих. В уплату за сии товары получают сахар, кофе, хлопчатую бумагу и индиго²⁷². Сия суть главные произведения острова; некоторые покупают черепаховую кость и берут сарачинское пшено. Но больше всего отпускается сахару²⁷³, которого в прошлом (1818) году англичане и американцы вывезли 130 тысяч квинталей**.

Здесьняя торговля весьма для иностранцев затруднительна и сопряжена

* Обыкновенная сигарка есть скатанный в трубку лист табаку, длиною три дюйма и в окружности дюйм; а бумажная сигарка не что иное, как трубочка, из бумаги сделанная с мелко искрошенным табаком; бумажные сигарки вдвое менее обыкновенных.

** Вывоз табаку и бетеля запрещен.

„Индеец в Маниле сорвал с Тихонова подле лавки шляпу и убежал“.

Рисунок Тихонова.

с некоторым риском, ибо они не имеют здесь ни своих консулов, ни коммерческих домов. Ныне всякий корабельщик, приходящий сюда, нанимает дом и магазины, свозит товары свои через таможню на берег и начинает продавать оные желаемым. Из вырученных денег платит пошлину, а на остальные закупает нужные ему товары, и таким образом стоят они в порте по 5 и по 6 месяцев, доколе не кончат своих дел. Они по необходимости имеют дело с китайцами, кои покупают у поселян и перепродают им произведения острова; неосторожный покупатель всегда бывает ими обманут²⁷⁴. Невзирая на опытность американских корабельщиков в торгах с китайцами, сии последние в некоторых случаях и их обманывали, ибо здесь необходимо нужно пересмотреть со дна доверху каждый ящик сахару, каждую кипу хлопчатой бумаги и каждый мешок кофе, и всякий из них должно свесить; а сделавши все это, немедленно надлежит товары отправлять на корабль или класть в свои магазины за печатью и ключом, потому что китайцы, после пересмотра, находят способы добавлять в сахар песку и сору, в бумагу — простых охлопьев, а

в сухой хороший кофе — горсти гнилого и сырого.

Манила издавна производит торг с Китаем, хотя весьма незначительный: несколько джонок* под конец северо-восточного муссона**, который им попутный, приходят в Манилу из провинции Фокин²⁷⁵, и, простояв до того, как жестокие бури, случающиеся при перемене муссонов, кончатся и юго-западный муссон, им попутный на обратном пути, восстановится, отправляются они домой и до той же поры следующего года уже не являются, ибо с боковыми ветрами они плавать не могут.

Товары, привозимые китайцами, суть: чай, фарфоровая и глиняная посуда, шелковые материи, шелк, китайка, плоды, в сахаре вареные, лимоны, апельсины***; из Манилы берут они

* Китайские мореходные суда.

** В исходе января и в первой половине февраля.

*** Лимоны и апельсины рождаются и здесь, но от жаров не имеют того вкуса, какой в умеренных климатах. Здесь же достаточные люди в своих садах не собирают апельсинов, а оставляют их на дереве, доколе они, наполнив соком, не лопнут; а тогда сок скоро вытечет, и они, засохнув, сожмутся и служат украшением саду вместо цветов.

сарачинское пшено и индиго. В Манилу приходят также суда из английских владений в Ост-Индии. Сей торг отправляется более армянами, которые нанимают английские суда и привозят индейские изделия: кисею, платки, бумажные материи; они получают плату пиастрами.

Славная торговля Манилы с Мексикою, о которой так много писали и которая по существу никогда много не значила, а доставляла только случай наживаться небольшому числу духовных и чиновников, ныне вовсе пресеклась, и корабли, употреблявшиеся для сего, теперя гниют в порте Кавите. Торговля сия, немногим в Европе известная, состояла в следующем: испанское правительство никакому европейскому народу не позволяло торговать в свих колониях, а снабжало оные всеми нужными товарами, испанские купцы отправляли их на испанских судах. Торговля же с Восточною Индиюю предоставлена была Филиппинской компании, которая обязана была выписывать индийские товары в Манилу и из Манилы уже отправлять в Европу, откуда отвозили их и в Америку. Потом узаконение сие во многих отношениях было поправлено: испанские суда Филиппинской компании могли возить товары прямо из Индии в испанские или американские владения. Но прямой торг из Манилы с Америкою король предоставил в пользу некоторых частных лиц, живущих на Филиппинских островах. Для сего было издано постановление, чтоб каждый год из Манилы в американский порт Акапулку²⁷⁶ плавал большой королевский корабль, называемый *галионом**, с товарами, по распродаже коих купцам, приезжающим из Мексики, возвращался бы с американскими товарами в Манилу; в то же время привозил он по 500 тысяч пиастров казенных денег на издержки колонии. Право отправлять товары на сем галионе король предоставил в пользу монастырей, церквей, городских и таможенных чиновников, департамента призрения бедных, в пользу вдов и сирот, госпиталей и пр., разделяя всем права сии на определенное чис-

ло участков для каждого сословия. Те из сословий, кои не могли или не хотели сами отправлять товары, продавали купцам право свое, отчего некоторые монастыри и церкви имеют ныне по нескольку миллионов капитала и ссужают купцов деньгами за большие проценты. Каждое сословие, отправляя товары, назначало при оных одного приказчика и над всеми таковыми приказчиками правительство определяло общих суперкаргов, которые, по прибытии в Акапулку, поставляли на привезенные товары общие цены, по которым уже и продавались они приказчиками, иногда в 20 и 30 раз дороже, чем в Маниле. Ныне сего уже быть не может: мексиканские купцы отказались ездить в Акапулку и принудили, чтоб товары доставлялись в Мексику на счет привезших оные, где мексиканцы дают им свои цены.

Остров производит в изобилии²⁷⁷ сарачинское пшено, пшеницу, маис, горох, бобы разного рода и почти всякую европейскую огородную зелень. Окрестности Манилы весьма удобны для скотоводства, и здесь находятся в большом количестве коровы, буйволы, лошади, козы, бараны, которых, однако, менее и они довольно дороги; индейки, куры, гуси, голуби**. Залив и реки, в него впадающие, изобилуют рыбою.

Соли прекрасной, белой добывается много из соляных копей и из морской воды.

Ныне, при самом посредственном трудолюбии и при весьма дурных способах земледелия, на острове Луконии получается большое количество сахару, но хлопчатой бумаги, индиго, кофе немного, потому что расход на них не велик; а плодородие земли и свойство климата позволяет иметь их сколько угодно. Кофе растет здесь дикий, без всякого присмотра и добротой не уступает рижанейскому, а индиго от нерадения не в уважении, но сему легко может пособить колониальное начальство.

Хлопчатая бумага здесь двух родов: одна растет на дереве, а другая на кусте; первая нехороша и употребляется вместо пуха в подушки, а по-

* Суда сии поднимают груза более 1000 тонн (62 тысячи пудов).

** Голуби здесь в таком уважении, что в праздничных столах у первых людей почитаются одним из лучших блюд.

следняя чрезвычайно бела и нежна. Здесь родится бумага желтоватого цвета, наподобие китайской.

Табак, какао, саго, корица и перец обыкновенный и красный рождаются в большом количестве: табак здесь так плодovit, что по срезании стебля вырастает новый и пускает листья. Саго получается из дерева, называемого здесь *иоро*, но она не уступает настоящей; корица и в диком состоянии весьма хороша.

Лукония производит два рода дерева, которые могли бы служить предметом торговли: одно называется здесь *сибукао*, а другое *нарра*; они не уступают крепостью и красотой бразильскому дереву.

В горах находятся в большом количестве богатые серебряные, медные и железные руды²⁷⁸. В первые годы владычества Испании над здешним краем, некоторые покоренные народы платили подать испанскому королю золотом. Испанцы сперва не разрабатывали здешних руд, потому что слишком много имели их в Америке, когда же Испания пришла в упадок, то не имели уже средств приступить к сему.

Меди здесь должно быть много, ибо и самородная часто попадает; а железная руда в таком изобилии, что индейцы, живущие подле гор, собирают и выкапывают оной такое количество, какое нужно на потребные им вещи.

Сера и селитра добываются в достаточном количестве. Подле Манилы есть пороховой завод, который удовлетворяет надобностям колонии.

Здесь есть еще произведение, которое могло бы по изобилию своему служить значительною отраслею торговли, если бы жители не были весьма ревностные католики. Я разумею воск,

Манильские индейцы.
Рисунок Тихонова.

добываемый в большом количестве от диких пчел; но и сего количества недостает на церковные потребности и на крестные ходы. Кто не жила в католических городах, тот вообразить себе не может, какое непонятное множество восковых свеч сгорает в них ежедневно. Крестные ходы бывают почти каждый день, продолжаются они по нескольку часов. В них иногда более тысячи человек идут с горящими свечами.

В заключение остается сказать о местечке Кавите, которое есть не иное что, как порт, принадлежащий к Маниле. Местечко сие само по себе бедно, и большую часть жителей оно составляет чиновники, гарнизон и рабочие при арсенале. Крепость, построенная для защиты арсенала, и сей последний заслуживают внимания путешественника. Арсенал, окруженный крепостными строениями, стоит

на мысу низкого песчаного острова, отделенного от материка узким протоком, чрез который проведен деревянный на сваях мост. Крепость и арсенал содержатся в порядке относительно наружного вида и чистоты. Но последний из них весьма беден снарядами, ибо и малозначащих моих требований он удовлетворить не мог и, покупая вещи с воли, отпускал мне за свои. За несколько месяцев до нашего прихода разъезжал у здешних берегов республиканский крейсер и много беспокоил прибрежное плавание жителей. Генерал-губернатор решился выслать для поисков над ним один из бывших в порту галионов. Но арсенал должен был, для приведения галиона в состояние выйти в море, покупать снаряды у частных людей, и одно приготовление сего судна стоило казне более 40 тысяч пиастров (200 тысяч рублей).

В Кавите прежде строились галионы, фрегаты и корветы, но ныне испанцы не в состоянии сего предпринять. Начальник порта сказывал

мне, что они имеют повеление из Испании построить 6 корвет для обороны колонии; он показывал лес, для них заготовленный*, но других материалов нет для исполнения сего повеления. Все это меня не удивляло, потому что подобные сему беспорядки, к несчастью, я очень часто видал и в европейских портах.

От Кавите к Маниле есть дорога, проложенная вдоль берега. Сначала на 5 или на 6 верст идет она по песчаным местам. Но после лежит по ровному, твердому основанию между хижин и плантаций поселян и совершенно подобна садовой аллее, имея по обеим сторонам высокие деревья бамбу, апельсиновые, лимонные, фиговые и другие. Изредка являются поля с сарачинским пшеном, пшеницею и выгоны, где пасутся буйволы**.

Дорогу сию во многих местах перерезывают речки, чрез кои сделаны красивые каменные мосты. Устроение сей дороги и мостов принадлежит уже испанцам нынешних времен.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Плавание от Манилы до острова Св. Елены, с замечаниями об оном.

В 8-м часу вечера 17 января 1819 года мы вышли из залива и стали править к WSW, ибо намерение мое было выйти из Китайского моря Гаспарским и Зондским проливами²⁷⁹.

На другой день утром увидели мы впереди американское судно, которое вышло из Манилы несколькими часами прежде нас, и когда мы с ним поровнялись, то капитан оного просил меня позволить ему держаться за шлюпом, доколе не пройдет Гаспарского пролива, где всегда бывает множество малайских разбойников, весьма опасных для купеческих судов. На сие я охотно согласился, потому что судно его шло почти так же хорошо, как и наше.

Первые сутки мы шли при умеренном восточном ветре, но вечером сего числа ветер отошел к северу и дул довольно крепко — так, как почти всегда муссоны в здешнем море дуют. Погода же стояла иногда ясная, но

чаще облачная, а нередко и дождь шел. Мы шли своим надлежащим путем очень скоро. 19-го числа волнение несколько увеличилось; тогда в шлюпе оказалась течь в 2 дюйма в час. Она, вероятно, произошла от разохшейся обшивки выше ватерлинии, ибо коль скоро пазы замазали, то и течь прекратилась.

В ночь на 2-е число северный ветер дул сильно, при облачной и часто пасмурной погоде.

С полудня ветер от северо-востока стал крепчать и к ночи сделался весь-

* Лес для строения судов привозят из разных частей острова Луконии; он весьма крепок, но тяжел.

** Здесь полевая работа и перевозка тяжестей отправляется на буйволах. Правительство почитает сей скот столь важным и необходимым для блага колонии, что ни один хозяин не вправе убить своего буйвола без позволения, которое дается по освидетельствовании, что животное по старости или по какому-либо повреждению к работе не годится.

ма крепкий. Большим волнением вышибло в боковой галерее раму, и в мою каюту попало много воды, почему и встали в некоторые окна щиты. В ночь мы несли одни зарифленные марсели; но спутнику нашему было слишком тяжело за нами держаться, и утром 22-го числа он пропал у нас из виду, а потому мы и поставили более парусов.

22-го числа весьма крепкий муссон от северо-востока дул во весь день, большею частью при облачном небе, а к вечеру и пасмурно было. Около 6 часов вечера мы видели вдаль много морских птиц, а одна береговая птичка летала около шлюпа. Тогда ближайшая к нам из известных земель был остров Пуло-Кондор²⁸⁰, находившийся от нас к северо-востоку в 100 милях. На рассвете 23-го числа увидели мы судно, со сломанною бизань-мачтою, шедшее с нами одним курсом, но скоро потеряли его из виду. Сегодня муссон дул свежий NO, только гораздо умереннее вчерашнего, и погода была не столь облачна: солнце во весь день светило сквозь весьма тонкие облака. Ночью, при лунном свете, мы плыли под всеми парусами, держа прямо к острову Тимоану²⁸¹, который прошли после полудня 24-го числа, но Пуло-Аора²⁸² мрачность видеть не позволила.

Января 26-го, на рассвете, прошли мы экватор, а в 8-м часу утра увидели с мачт впереди три лодки с косыми парусами, шедшие к востоку. Оные должны быть дозоры малайских разбойников, сообщающих известия главному стану о приближающихся к проливу судах. Это были довольно большие, высокие суда, могущие вместить в себя около ста человек экипажа. Они имели по три мачты, с большими, так называемыми латинскими парусами²⁸³. Коль скоро мы к ним приблизились, они подняли флаги: у задних двух были синие, а у передней синий с белыми сверху и внизу каймами — вероятно, сей флаг их атамана. Величина нашего шлюпа удержала разбойников от нападения*.

В 11-м часу увидели с салинга остров Тоти²⁸⁴. Мы стали держать прямо к вышеупомянутому острову, вече-

ром его миновали и пошли к северной оконечности острова Банки²⁸⁵, который нам скоро показался. Во всю ночь на 27-е число мы шли под малыми парусами, идя вдоль восточного берега северо-востока к югу, меряя глубину через каждые 2 часа, дабы избежать опасных мелей, по сю сторону острова находящихся**.

В 10-м часу увидели остров Гаспар²⁸⁶. Ровный ветер от северо-запада, при светлой погоде, ускорял наше плавание и делал оное весьма приятным. В первом же часу после полудня, когда мы проходили к острову, названному англичанами *Древесным*, а французами *Каменным Кораблем*, скопившиеся над берегами тучи двинулись от северо-запада с сильным ветром и дождем, который как бы туманом покрыл окрестности. Один лишь помянутый островок был виден. Но как он и узкий проход между островом Средним²⁸⁷ и берегом острова Банки хорошо определены, то, опасаясь, что пасмурность может продолжиться во весь день, мы спустились в проход, взяв все предосторожности, которые вскоре сделались ненужными, ибо тучи рассеялись и наступила светлая погода, открывшая нам все берега. Итак, мы при весьма свежем ветре засветло миновали все опасности, прошед Гаспарским проливом в один день и ни разу не оставиваясь на якорь.

Ночью держали мы к Зондскому проливу при ветре от северо-запада, который скоро после захождения солнца утих и во всю ночь дул весьма умеренно. К югу над островом Суматру блистала ужасная молния. Грозные тучи медленно поднимались, и удары грома делались сильнее и продолжительнее. Молния начинала падать в море ближе к нам, а перед рассветом тучи висели над нашими

варваров, а экипаж предан смерти, ибо сии злодеи пленных по большей части убивают, а оставшихся в живых продают в рабство. Ныне малайские разбойники так размножились, что купеческие суда здесь плавают с большой опасностью.

** Берега острова Банки весьма разнообразны: весь остров состоит из низменностей, холмов, ровных возвышений и даже довольно высоких гор, перемешанных между собою без всякого порядка, так что и в небольшом расстоянии от берега возвышенности его кажутся многими отдельными островами.

* Многие небольшие, слабо вооруженные купеческие суда сделались жертвою сих

головами, и молния, сопровождаемая жестоким громом, заставила меня вызвать команду наверх и приготовить к пожару. В начале 6-го часа, при сиянии молнии, увидели мы впереди судно, которое поутру оказалось малайским, шедшим, повидимому, в Батавию. Скоро по восхождению солнца буря утихла, но проливной дождь продолжался до 11-го часа. К полудню показалось солнце; мы тогда держали на SW, к берегу Суматры, чтоб, увидев оный, спуститься к островам, называемым *Двумя Братьями*, от коих начинается Зондский пролив²⁸⁸.

29 января в 6-м часу утра миновали острова *Двух Братьев*, оставя их к востоку. Ветер стал утихать. Но попутное течение скоро несло нас вдоль пролива, за коим с мачт мы видели в море струи на воде, показывавшие нам, что там дул весьма свежий ветер. Когда мы находились в самом выходе из пролива, тогда ветер вдруг сделался от SW, которым мы, при пособии благоприятного течения, стали лавировать к острову *Каракатоа*²⁸⁹. Намерение мое было на ночь, в случае тишины, отдать подле него на якорь; но как в 5-м часу ветер из юго-западной четверти очень усилился, то я решился ночью лавировать между вышеупомянутым островом и островом *Принца*²⁹⁰.

Обошед сей западный край Зондского пролива, мы стали править к SSW, чтоб скорее достигнуть порося пассатных ветров. На рассвете в 6 часов видели в пасмурности часть Принцева острова и западный мыс Явы. Переход наш Китайским морем и проливами был весьма удачен и счастлив, ибо от Манилы до выхода из Зондского пролива мы плыли только 13 дней; в проливах ни разу не становились на якорь, и экипаж был совершенно здоров.

До 11 февраля мы не встретили ничего примечательного, а сего дня, в широте 18°56', 81°04' восточной долготы, видели носящееся по морю дерево: оно имело свежую кору и сучья и показывало, что оно недавно в воде. Но так как близняя от нас земля на ветре была Новая Голландия²⁹¹ и острова Амстердам и Павел²⁹², отстоявшие от нас весьма да-

леко, чтоб дерево могло быть перенесено волнами, не потеряв коры, то и вероятно, что вблизи есть какая-нибудь земля, избежавшая понсков мореплавателей.

Февраля 13-го (в широте 21°, долготе 74° восточной) случилось очень необыкновенное явление: когда высота солнца была около 60°, мы видели весьма ясно близ зенита большую звезду и по вычислению нашли, что это была Венера. Прежде я не думал, чтоб среди дня и при такой большой высоте солнца можно было видеть какую-либо звезду или планету. В следующие два дня она также показывалась. В ночь на 15-е число выпала довольно большая роса, хотя ближайшая к нам земля (маленький остров Родриг²⁹³) тогда отстояла от нас в расстоянии около 350 миль и находилась под ветром; я и прежде много раз заметил, что роса не есть признак близости земли, как то некоторые полагают

Марта 2 прошли мы С.-Петербургский меридиан в широте 34°, совершив путешествие кругом света, а потому в счете времени последовала у нас с живущими в Европе разность в 24 часах. Для поправления сего нынешний день (воскресенье) надлежало бы считать понедельником и 3 марта; но я не хотел воскресный день исключить из счета и следующий день (понедельник 3-го числа) письменным приказом по команде велел именовать вторником 4 марта и так вести счет по порядку²⁹⁴.

5 марта показались признаки бури: от запада пошла зыбь, и барометр предсказывал оную. Утром 6-го числа настал свирепый шторм, дувший ужасными, вихрю подобными, порывами, с дождем и градом. Буря сия с одинаковою жестокостию свирепствовала во весь день. В сие время случилось забавное происшествие: находящийся у нас с острова Воагу сандвичанин, доселе не видавший льда и града и не имевший о них никакого понятия, вообразил, что камни валяются с неба, и тотчас начал собирать градины на платок, объясняя нам, что хочет показать их своим соотечественникам. Когда они таяли, то он, полагая, что это происходит от мокроты, начал их вытирать; нельзя вообразить его удивления, когда он увидел, что

нимые камни не иное что, как затвердевшая вода.

7-го числа буря смягчилась. 10 марта мы увидели и прошли мыс Доброй Надежды и стали от него править к острову Св. Елены²⁹⁵, чтоб там запастись водою.

Попутные ветры скоро довели нас до настоящего пассата, который мы встретили 15 марта, в широте 24½°, и на другой день прошли тропик; но погода была не тропическая: холод не соответствовал климату. Теплую приятную погоду мы встретили 19 марта, достигнув широты 18°; а по рассвете 20-го числа открылся нам остров Св. Елены, в расстоянии более 50 миль. Погода была совершенно ясная, и мы, с помощью свежего пассата, шли очень скоро. Недалеко от острова встретил нас английский военный шлюп, капитан коего сделал сигнал в крепость и в ответ получил разрешение позволить нам идти на рейд. На рейде встретил нас лейтенант с адмиральского корабля* и объявил, что мы можем стать на якорь у западного мыса залива и что воду нам привезут всю в продолжение ночи; в 5 часов вечера стали мы в назначенном месте на якорь.

Едва успели мы положить якорь, как тотчас привезли к нам воды 12½ тонн, половину количества, нам нужного; а другую обещали доставить на рассвете следующего утра. Между тем приезжали ко мне с брантвахтенного судна капитан, а с адмиральского корабля лейтенант официально объявить, что по нынешнему уложению острова ночью на берег никто не может съезжать, но что завтрашнего утра я могу быть на берегу и видеть губернатора**, адмирала и нашего комиссара*** при Наполеоне. Сии господа рассказывали мне много кое-чего любопытного касательно знаменитого их пленника; достойное замечание будет помещено в своем месте.

Ночью ездила беспрепятственно по рейду дозорная шлюпка: спрашивала, нет ли с судов кого на берегу, и наблюдала, подняты ли шлюпки.

* 74-пушечный корабль Sir Hudson.

** Sir Hudson Lawe, армии генерал-майор.

*** Его императорского величества флигель-адъютант граф Бальмен.

Утром 21-го числа ездил я на берег; на пристани встретил меня пехотный офицер, а потом капитан адмиральского корабля; он проводил меня к нашему комиссару, который в продолжение трех лет никого из русских не видал и был очень доволен моим посещением. Губернатор и адмирал не приезжали в город из своих сельских домов: первый извинялся делами, что отправляет почту, а другой болезнью; мне же по уложению острова нельзя было ехать за город; но мне позволили осмотреть город и пробыть в нем до ночи.

Около полуночи возвратился я на шлюп и нашел, что англичане доставили нам все нужное количество воды. На другой день посетили шлюп наш и французский**** комиссары, капитан адмиральского корабля, первый член ост-индского совета²⁹⁶ и три или четыре морских капитана с здешних военных судов. Они осмотрели собранные в путешествии редкости, завтракали у меня и распростились. В 8-м часу вечера отправились мы в путь.

Остров Св. Елены

Остров св. Елены (длиною около 35 верст, шириною от 10 до 15) есть вершина высокой горы, со дна морского на неизмеримой глубине поднимающейся. Мы увидели его в расстоянии 70 верст. Обгорелые камни и лава, из коих остров отчасти состоит, неоспоримо свидетельствуют, что он есть произведение сильных землетрясений и что земли, окружавшие его, низвергнуты. Доселе сей лоскут земли был известен по уединенному своему положению. Находясь один посреди обширного океана, в расстоянии от африканского берега в двух и от американского в трех тысячах верст***** он служит местом роздыха для утомленных мореходцев; ныне же обращен в тюрьму для необыкновенного человека. Остров сей почти весь покрыт горами, кроме одной долины, находящейся от города и пристани в 10 верстах и называемой англичанами Лонгвуд (Longwood); на ней построен дом Наполеона. Прочие разлоги ме-

**** Генерал-майор маркиз Моншеню.

***** Он лежит в 15°15' южной широты и 5°43' западной долготы от Гринвича.

жду горами, хотя жители и называют долинами (Valley), но их приличнее именовать ущельями.

Город Св. Иакова (James Town), который один только и есть на всем острове, стоит на северо-западной стороне оною, на берегу моря, в так называемой Церковной долине, которая находится между двумя высокими горами, возвышающимися почти перпендикулярно; расстояние между горами не более полуверсты. Равнина, где стоит город, от моря внутрь острова возвышается постепенно на небольшое расстояние, потом вдруг начинаются крутые горы, по которым нет другого способа ездить, как верхом, и то по тропинкам, с великим трудом проложенным. Другого экипажа здешние жители не видали: даже дамы на бал ездят верхами. С гор нередко скатываются камни и причиняют вред жителям: за несколько дней до нашего прихода на одной из батарей двух солдат убило скатившимися с гор камнями.

Дома, которых здесь немного, ибо весь город состоит из одной улицы, все каменные и построены по обыкновенному английскому образцу, только окна гораздо более, нежели какие делаются в Англии. Сия разность и то, что все дома выкрашены белою или желтою краскою, придают городу приятность и красоту, что английские города не имеют. Отличных зданий здесь нет: одна церковь во всем городе самой простой работы. Губернаторский дом, который называют здесь замком, есть не иное что, как обыкновенный большой дом.

Земля на острове плодородна: здесь родится в изобилии почти всякая огородная зелень и множество плодов. Недавно компания²⁹⁷ вздумала разводить на горах строевой лес, а особливо сосну и ель, и говорят, что предприятие сие обещает полный успех. Хлеба жители вовсе не сеют, за неимением обширных полей, и почитают выгодным получать муку из Англии. У них есть рогатый скот, овцы, свиньи, также и дворовые птицы: куры, утки, гуси и индейки, но недостаточно для приходящих сюда кораблей, и потому всякую живность привозят с мыса Доброй Надежды, а также и овес для лошадей. Нынешний год даже сено и со-

лому оттуда привозили, потому что весьма большие жары пожгли почти всю траву на острове.

Берега острова Св. Елены состоят из высоких каменных утесов и столь приглубы, что для кораблей неприступны, кроме одной северо-западной стороны, где версты на две от города есть хорошая глубина и дно для якорного стояния. Место сие называется *рейдом Св. Елены*. Хотя оно совсем открыто с океана, но как здесь вечно дует один пассатный юго-восточный ветер, то есть прямо с берега, то для стояния совершенно опасно. Сия сторона острова хорошо укреплена. Поперек долины, против города на морском берегу от одной горы до другой поставлен сплошной ряд укреплений, перед которыми вырыт глубокий ров и на отлогостях подле моря везде поделаны батареи. Равным образом и на вершинах гор есть укрепления, кои командуют берегом и городом. Вход в город с берега чрез одни ворота и подъемный мост чрез ров. Все сии укрепления снабжены орудиями самого большого калибра. Для овладения сим местом нужны не малозначащие силы.

Число жителей на острове простирается до 3 тысяч человек, как мне сказывал один из членов здешнего совета. Они состоят из чиновников и разных лиц, служащих Ост-Индской компании, из владельцев домов и поселян. Мастеровых и ремесленников здесь вовсе нет. Работы по нагрузке судов исправляют солдаты, получая за то условленную плату. Человек, который не может выписывать платья и обуви из Англии и носить всегда нового, должен посылать кафтан или сапоги для починки в казарму к солдату или на корабль к матросу.

Здесь находится многочисленный гарнизон из королевских и компанейских войск. Все они состоят на содержании компании, потому что они берегают ее крепости. Она дает офицерам двойное жалованье против того, которое они получают в Англии. Но как морские силы компания считает для охранения острова ненужными, то и не принимает их на свой счет; а потому они получают от правительства только обыкновенное содержание и присылаются сюда на

Джемс-Таун на острове Св. Елены.
Из альбома к путешествию Крузенштерна.

3 года. Даже адмирала, командующего ими, который также и главнокомандующий на *станции* мыса Доброй Надежды, компания не признает нужным для ее службы, и дом ему дает только из одолжения, а не по обязанности; ибо морские силы находятся здесь единственно для караула Наполеона, до которого ей дела нет.

Остров Св. Елены уже довольно известен и так хорошо описан, что всякая подробность о нем в отношении к естественному и гражданскому его состоянию была бы лишнею, и потому краткие замечания о нем я поместил, как введение к тому, что я хочу сказать о заключенном на нем знаменитом пленнике.

Наполеон, вознесшись на вершину славы, познакомил с собою Европу так, что и утратив свое величие, оставил приятным для каждого известие о его заключении. Я опишу только то, что имел случай узнать от самовидцев и чего сам был свидетелем. Осторожность и строгость, с каковыми англичане караулят Наполеона, явно показывают, что он имеет еще сильную партию, старающуюся о его освобождении, ибо ему самому, при самой обыкновенной

страже, уйти нет возможности. На рейде всегда находится несколько военных судов, в числе коих один линейный корабль для адмирала, и по обе стороны острова беспрестанно крейсируют корветы и опрашивают каждое судно, идущее на рейд. Английские военные корабли и принадлежащие Ост-Индской компании прямо идут на показанное место, потому что экипажи их обязаны присягою не только не способствовать побегу Наполеона, но даже и писем к нему не доставлять и от него не брать. Все же прочие суда должны объявить дозорному судну причину своего прибытия и дожидаться позволения губернатора, что делается посредством сигнальных постов, по всему берегу поставленных.

Иностранные корабли и английские торговые суда могут только приставать здесь в случае важных повреждений или недостатка пресной воды и съестных припасов. Если достаточная причина объявлена будет, то позволение тотчас дается итти судну на рейд, где встречает его офицер с адмиральского корабля, отводит на якорь в самое отдаленное место рейда и объявляет капитану, чтоб

он отнюдь гребных судов не посылал на берег; за исполнением сего строго наблюдает стоящая в том месте военная брантвахта. Едва успеет пришедшее судно положить якорь, как тотчас начинают оное починивать, если нужно, или доставлять воду и жизненные потребности, когда имеется в них надобность, делают счет и чрез несколько часов отправляют в море.

Мне позволили простоять у острова двое суток и быть на берегу по уважению того, что там находится наш комиссар, определенный к Наполеону. Впрочем, я только один мог съехать, и вечером уже на своей шлюпке не позволили мне возвратиться, но отвезли на одном из дозорных гребных судов, мою шлюпку при самом заходе солнца отслали на шлюп, не позволив во весь день ни одному человеку из нее даже ступить на берег, кроме бывшего тогда со мною гардемарина Лутковского.

От захождения до восхождения солнца никакое гребное судно не может быть на берегу, даже и с английских военных кораблей, кроме дозорного, стоящего у берега на случай надобности. Дозорными судами командуют лейтенанты; они во всю ночь разъезжают по рейду, опрашивают каждое судно, нет ли с него на берегу шлюпок, и наблюдают, чтоб на всех кораблях гребные суда были подняты и чтоб с берега никто не ездил на рейд. Для опознания дается пароль, который они объявляют военным судам при проезде оных и при встрече друг с другом; и если шлюпка не знает пароля, то оную тотчас берут под караул.

Паролей каждый вечер отдается три: сухопутный военный, морской военный и гражданский; с первым можно идти на береговые посты и батареи; со вторым ехать на рейд и с рейда в крепость, а с третьим можно беспрепятственно ходить в городе мимо караулов. Такая осторожность составляет великую преграду для Наполеона освободиться даже и с помощью измены; но чтоб он не отважился пуститься на лодке к необитаемому острову Вознесения, где приверженцы его могли бы его дожидаться, англичане тотчас заняли сей пустой,

голый, каменный остров и держат там одно военное судно и гарнизон, которому даже пресную воду доставляют с острова Св. Елены. Сверх сего, посылали они отыскивать некоторые острова, означенные на старинных картах, недалеко от острова Св. Елены, хотя существование их крайне сомнительно.

Все сие показывает, что английское правительство хорошо знает человека, с кем дело имеет. В разговоре с одним английским морским офицером я сказал, что осторожности, принимаемые англичанами в рассуждении Наполеона, мне кажутся слишком строгими и во многих отношениях ненужными. На сие он мне отвечал, что он думает иначе, ибо Наполеон *проворен на эти дела*, и что даже теперь, при всех строгостях, они боятся, чтоб он их как-нибудь не обманул.

Теперь скажу о попечениях, прилагаемых на сухом пути относительно Наполеона.

От города до его дома есть одна только дорога или тропинка, лежащая на 10½ верст. На сем пространстве каждую ночь ставятся 3 поста унтер-офицерских и 15 часовых кроме конных патрулей. На высотах, окружающих долину Лонгвуд, всегда находятся несколько постов и 30 часовых. Караульные офицеры, посредством зрительных трубок, видят в лицо каждого, кто входит и выходит из дома Наполеона. В сумерки часовые начинают понемногу приближаться к дому, как к центру круга с обвода его; каждый из них должен видеть ближних к нему двоих по обеим сторонам. Движение сие они так производят, что при наступлении темноты все 30 часовых окружают дом, будучи в 5 шагах от окон. При рассвете они начинают отступать и с дневным светом находятся опять на возвышенностях.

Без позволения губернатора никто не может не только видеть Наполеона, но даже и ехать в долину Лонгвуд: мне не позволено было доехать до первого поста, на горе находящегося, откуда я хотел только взглянуть в зрительную трубку на толь примечательное место. Известно, что с прибытия Наполеона на остров ему было позволено ездить верхом по

Мои́ла Наполеона на острове Св. Елены.
Из альбома путешествий первой половины XIX века.

долине в виду часовых, без конвоя, а несколько далее в сопровождении английского офицера и конвоя. Он этим огорчился, жаловался на притеснения, на малость дома и на дурное содержание. Ныне английское правительство увеличило его содержание более нежели вдвое. Дом для него велено построить новый, гораздо обширнее прежнего, и уже лес для сего из Англии привезен. Ему позволено ездить по всему острову, куда он пожелает, только в сопровождении офицера с конвоем. Но он уже несколько месяцев не выезжает, а играет дома на бильярде или перевертывает в книгах листы и читает то, что обратит на себя его внимание. Часто по несколько часов сряду ходит по комнате и свищет; иногда заставляет камердинера читать, а сам слушает или диктует ему свою историю. В последний раз видели его на балконе в белом фланелевом халате, в красных туфлях и с красною шалью на голове. В одной руке у него был кий, а в другой зрительная трубка. 22 марта принимал он члена мадрасского со-

вета²⁹⁸ Рикетса, возвращавшегося из Индии в Англию; но это потому, что он племянник лорда Ливерпуля, одного из министров, а Наполеону хотелось при нем побранить английское правительство, что он и сделал. Рикетс сказывал, что Наполеон несколько недель не бреется и, повидимому, хочет носить бороду.

Наполеон весьма недоволен, что его держат на острове Св. Елены, находя климат чрезвычайно нездоровым, и беспрестанно жалуется, что он болен. Многие англичане сами говорят, что он точно болен, и приписывают болезнь его нездоровому климату острова, ибо у них здесь весьма много умирает солдат и матросов*. Другие же, напротив, утверждают, что климат действует на солдат и матросов потому, что они часто принуждены бывают по несколько

* На нынешнем адмиральском корабле (Сопьерог) в первый год прибытия его к острову более ста человек лишилось жизни от болезни, климату свойственной. Из рекрутов также много умирает, несмотря еще на то, что здесь продажа крепких или спиртуозных напитков всякого рода вовсе запрещена.

часов сряду ночью и в худую погоду работать и спать на открытом воздухе; по дороговизне употребляют дурную пищу, да и сами вообще о сохранении своего здоровья не пекутся. Но причины сии не могут иметь влияния на здоровье Наполеона и что он болен не телом, а духом, в чем согласен и здешний главный медик, который на вопрос губернатора, как лучше пособить Наполеону в его болезни, отвечал: «Я не знаю другого средства к его излечению, кроме того, чтоб отвезти его в Европу и дать ему двести тысяч войск в команду».

Адмирала Кокборна, который привез Наполеона на сей остров и несколько времени исправлял на оном должность губернатора, он очень уважал, часто приглашал к себе и по несколько часов проводил с ним в разговорах. Кокборну однажды сказал он, что ему надлежало бы умереть в Москве. Он часто говорит о своих сражениях и даже вспоминает о деле при Ватерлоо; но о походе в Россию никто не слышал от него ни слова. С нынешним губернатором и адмиралом он поссорился, и они к нему не ездят. Первого из них при одном случае разбил он до того, что губернатор потерял терпение, надел шляпу и, сказав ему: «Я не затем сюда прислан, чтоб вы меня бранили», вышел; с того времени они уже не видались.

Из французов при Наполеоне остались только Бертран и Монтолон, с семействами, и камердинер. Повар у него китаец, нанятый из здешних жителей*. Надобно заметить, как осторожно поступают англичане в отправлении свиты его в Европу: если кто захочет оставить остров, того тотчас отсылают на мыс Доброй Надежды, где он должен дожидаться позволения английского правительства, и когда оное последует, то он едет прямо с мыса в Европу.

Я ласкал себя надеждою, что увижу Наполеона, но по прибытии к острову Св. Елены, скоро узнал невозможность *иметь эту честь*. Граф Бальмен уверен был, что он непременно принял бы меня, если б только

англичане на это согласились. Но губернатор даже и за город не позволил мне выехать, в чем его и винить нельзя, ибо он поступает по предписанию своего правительства. Впрочем, англичане обходились со мною весьма учтиво. В строгостях же караула беспрестанно извинялись тем, что остров Св. Елены я должен теперь почитать самую важнейшую тюрьмою в свете.

Надобно заметить, что и комиссарам англичане не позволяют видеть Наполеона, потому что он почитает себя незаконно захваченным и заключенным и не признает никаких комиссаров, а желает охотно их видеть у себя, как частных людей; но частным людям губернатор не вправе позволить посещать его.

Невзирая на строгое наблюдение за поступками Наполеона, он находит случай тайно отсылать письма в Европу; ибо всякое письмо от него и к нему велено прочитывать губернатору, но Наполеон избавил его сего труда, ибо он сим каналом не хочет ни получать писем, ни писать. Многие статьи напечатаны в его пользу в разных лондонских газетах и с такими обстоятельствами, кои явно показывают, что они от него присланы, но с кем — неизвестно. Говорят, будто многие из здешних жителей ему преданы; правительство на некоторых имеет подозрение, и недавно отправили в Англию одного пехотного офицера и лекаря по случаю важного в пользу его заговора.**.

Пребывание Наполеона на острове Св. Елены большей части здешних жителей весьма не нравится, а особливо офицерам гарнизона и эскадры, ибо они должны издерживать много денег и без всякого удовольствия. Сверх того, караулы, дозоры и пр., во время которых малейшая ошибка может иметь весьма неприятные для них последствия, крайне им наскучили. Хозяева домов прежде получали много дохода, отдавая дома свои в наем капитанам и пассажирам с проходящих сюда кораблей, ныне же никому посторонним не позволено и одну ночь про-

* На острове находится около 400 китаев в службе компании и в услугах у частных людей.

** После я узнал, что заговор сей не доказан, и подозреваемые в оном освобождены.

вести на берегу. Хозяин дома, в котором живет граф Бальмен*, долго со мною разговаривал о разных предметах, до Наполеона касающихся; он сам один из тех, которые получали доходы свои с домов. Напро-

тив того, поселяне, имеющие сады и огороды, выигрывают, ибо для Наполеонова стола употребляется весьма много разных припасов** и всегда самое лучшее, за что не жалеют платить денег, какая бы ни была цена.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Плавание от острова Св. Елены до острова Вознесения, с замечаниями в сем последнем, и от острова Вознесения до острова Фаяла. Пребывание на оном. Замечания об Азорских островах.

Ровный пассатный ветер от юго-востока дул во всю ночь на 23 марта; мы держали к острову Вознесения в намерении завестись там черепахи, ибо на острове Св. Елены, по дороговизне, нельзя было купить много съестных припасов. Погода сего числа большею частью была облачная и изредка шел мелкий дождь. Поутру сего дня мы увидели впереди три английских ост-индских корабля, которые вчера часов за шесть прежде нас пошли с рейда; к вечеру мы оставили их назади и потеряли из виду. 27-го числа утром увидели мы остров Вознесения и пошли к заливу Креста, находящемуся на северо-западной стороне острова; а в 8 часов утра стали на якорь, в расстоянии от берега одной мили.

Начальник английской браунвахты дал мне знать, что мы можем сами ловить черепах, только на сие требуется много времени, ибо с тех пор, как поселились здесь люди, число их весьма уменьшилось. Он предложил нам наловленных десять черепах, которых прислал в 12-м часу. Я не рассудил долее оставаться здесь, ибо остров не заслуживает внимания, и потому в самый полдень снялись мы с якоря и пошли в путь.

Остров Вознесения²⁹⁹

Сей остров лежит под южною широтою 8°, в долготе западной от Гринвича 14°20', в расстоянии от

* Этот дом есть самый лучший из частных в городе. Он примечателен потому, что по прибытии Наполеона он со всею своею свитою жил в нем, доколе не построили ему дома в Лонгвуде. Наполеон занимал ту комнату, где теперь гостиная у графа. Будучи в ней, я воображал, что Наполеон чувствовал, вступая в первый раз в нее!

острова Св. Елены на 1200 верст к северо-западу; в окружности имеет верст 40 или 50 и состоит весь из вулканических произведений. В южной его стороне есть высокая гора, на коей находится несколько кустарника и зеленеет трава или мох; там водятся дикие козы. Пресной воды на нем нет, кроме дождевой, собирающейся на камнях, но и той столь мало, что живущие ныне здесь англичане получают оную с острова Св. Елены. По соседству места заключения Наполеона, владеющие островом англичане имеют здесь на берегу военный пост, состоящий из полного комплекта офицеров и нижних чинов, положенного по их штату для брига. Начальствует оным морской лейтенант. Они построили временные казармы и две или три небольшие батареи.

Остров сей ничего полезного для человека не производит. Все пособие, какое мореплаватель может найти здесь, состоит в черепахах, тропических птицах и в так называемых сухопутных раках, коих мясо очень вкусно. Черепахи бывали здесь с января по июнь месяц в чрезвычайном множестве, ибо в сие время они кладут на берегу яйца. Прежде нередко

** Для стола его одной говядины употребляется ежедневно по 50 фунтов; такое количество в большом городе немного бы значило, но для здешнего острова оно слишком велико, и потому говядина считается здесь редким и дорогим блюдом. Когда поселянин убивает быка, то прежде посылает в знатные дома повестку и назначает цену, чтоб присылали для получения, кому какое надобно количество мяса. Чиновникам и офицерам, здесь живущим, в продовольствии много помогает остров Вознесения, с которого часто присылают черепах, до коих и в Лондоне, при всем изобилии, англичане большие охотники.

приставали к острову суда нарочно для черепах; но ныне англичане много их ловят как для себя, так для отправления на остров Св. Елены и для заходящих сюда кораблей, и притом напугали их, и они теперь несравненно в меньшем числе выходят на берег. Англичане устроили здесь небольшой пруд, в котором держат живых черепах, остающихся у них за расходом; из сих-то десять, весьма больших, они нам подарили. Сии животные выходят по ночам на песок класть яйца, и потому ловить их весьма легко. Для сего несколько человек, разделившись по двое, без шума и не говоря ни слова, ходят вдоль берега подле воды и, увидев черепаху, поворачивают ее на спину, — тогда она уйти не может. Они идут далее и поступают таким образом с другими попадающимися им черепахами; поутру же собирают их.

Якорное место находится на северо-западной стороне острова, где, в расстоянии около версты от берега, глубина и дно для якорей удобны, и хотя рейд открыт, но так как здесь постоянно дует пассатный ветер прямо с берега, то он безопасен. Но по причине силы, с какою ветер часто здесь дует, прибой у берега бывает велик, и пристать не везде можно. Лучшая пристань находится в юго-западной части залива, недалеко от английских жилищ, подле камня, которому мореплаватели дали имя Почтового дома; ибо, заходя к острову, они оставляли на оном письма для своих спутников или дощечки с именем корабля, означением времени бытности здесь и с описанием обстоятельств, которые хотели довести до сведения тех, кто мог притти сюда.

Вот все, что можно сказать об острове Вознесения. Разве прибавить еще, в предосторожность мореплавателям, что англичане нашли на рейде риф, опасный только для больших кораблей и простирающийся от западной стороны оного на небольшое пространство к морю, по заливу. Рифа сего, однакож, можно легко избежать: англичане похоронили здесь начальника одного военного корабля на довольно возвышенном месте и над могилою его воздвигли каменную выбеленную пирамиду в таком положении, что когда она

будет проходить в одну линию с батареею, поставленною на высоком месте, то значит, что корабль приближается к опасности и должен поворачивать. Назначить место могиле и памятнику морскому офицеру в таком положении — прекрасная мысль! Покойник и по смерти предостерегает товарищей своих, мореходцев, от угрожающего им бедствия!

27 марта во весь день ветер дул самый свежий от юго-востока при облачной погоде; мы правили на NNW: намерение мое было пройти экватор между 22 и 25° долготы. Ночью к северу видна была беспрестанная молния, но ветер был прежний до 6 часов утра 28 марта, потом вдруг затих и скоро стал дуть умеренно от разных румбов северной стороны и часто с проливным дождем. Сия несносная погода, к счастью, продолжалась только до 10 часов утра, потом прояснело, и ветер сделался из юго-восточной четверти. Сего числа в первый еще раз во все наше путешествие мы ели черепаху. Сначала я думал, что матросы будут иметь отвращение к сей пище, однакож с удовольствием увидел, что она им очень нравилась, и они мясо черепах сравнивали с телятиною.

С 28 марта настали тихие ветры и безветрия. Плавание наше было весьма медленно и единообразно. В ночь на 6-е число (светлое христово воскресение) тишина стояла попрежнему, погода была то ясная, то облачная; горизонт часто покрывался тучами, из коих к северу блистала молния. На рассвете увидели мы бриг, на который послал я офицера узнать новости. Судно сие шло из Бордо, но судовщик никаких новостей не знал и ничего нам не сообщил, кроме своего имени. Сего утра пошли мы, или, лучше сказать, протащило нас течением, чрез экватор.

Пройдя экватор, мы, так же как и прежде, имели тихие ветры, дувшие с разных сторон; погода большею частью стояла ясная. В первые три дня случился два раза гром, но не ужасный, какие бывают обыкновенно около экватора. Ночью на 17-е число небо было совершенно ясно, даже на горизонте находилось мало облаков; ветер дул попрежнему тихий. В сию ночь несколько раз слышали мы не-

далеко от себя в разных сторонах шум, похожий на происходящий от спорных течений или когда крепкий ветер после тишины приближается; надобно думать, что оный происходил от большого стада рыбы. В полдень по астрономическим наблюдениям нашли мы широту ($7^{\circ}20'09''$) и долготу ($17^{\circ}28'19''$) свою; а вскоре после полудня увидели прямо на ветре большое судно милях в трех от нас, которого прежде ни с верху мачт, ни с палубы нельзя было видеть. Я хотел узнать о новостях, почему, по приближении судна, которое между тем подняло английский транспортный флаг, послал на него офицера; возвратясь, он известил только, что это английский транспорт, идущий из Англии в Африку к Золотому берегу, на коем англичане имеют крепость. Новостей никаких нет, кроме неудачи северо-полярной их экспедиции³⁰⁰.

Ветер, почти беспрестанно дувший с северо-западной стороны, приводил нас в самое неприятное положение: сильное течение, склонявшее шлюп к берегу, который не позволял нам долго править к северо-востоку; а курс другого галса вел нас опять в полосу тишины и дождей. В сем случае я решился итти сколько возможно далее к северу. Сильные течения, в сей полосе к востоку стремящиеся, могут нечувствительно приблизить корабль к самому африканскому берегу, когда он считает себя в 200 или 300 милях от оного, буде не имеет астрономических способов для определения долготы. Но мрачность, похожая на туман, весь горизонт покрывающая, и множество разного рода и цвета весьма больших моллюсков покажут мореплавателю, что он близко от берега.

До 3 мая плавание наше было крайне медленно и неприятно, и тем хуже, что у нас не было никаких свежих съестных припасов, и мы принуждены были питаться сухарями и солониною. К счастью нашему, море всегда было покойно. Иначе большая зыбь, при тихих ветрах и часто при совершенной тишине, была бы для нас беспокойна и вредна для шлюпа. На сем продолжительном переходе ничего примечательного не случилось.

13 мая во весь день стояла совершенная тишина, и море было спокой-

но. В 5 часов пополудни я позволил служителям купаться, и когда последним из них надобно было выходить из воды, появились у борта две большие *прожоры рыбы*, которых мы прежде не видали; я упоминаю о сем для того, чтоб заметить, случайно ли они подошли к нам, или издали, увидев в воде людей, пустились на добычу. Впрочем, как бы то ни было, а купаться служителям надобно позволять, с большою осторожностью, и непременно люди должны смотреть с марсов во все стороны, нет ли сих животных, которые, плавая всегда близ поверхности воды, издали означают себя струею.

Северо-восточный ветер, приняв настоящий вид пассата, дул ровно и умеренно более трех суток. Потом в ночь на 18-е число вовсе затих, и после того настали опять маловетрия и штили. Изредка иногда на короткое время дул какой-либо ровный ветер; погода большею частью была облачная. После 18-го числа, не встретив ничего примечательного, шли мы до Азорских островов 15 дней. Флорес и Корву³⁰¹ увидели поутру 3 июня.

На западной стороне Флореса мы ясно видели два селения, из коих одно, довольно обширное, лежит севернее другого, и оба находятся почти на средине между двумя оконечностями острова при небольших вгибах берега. Домики в них очень низки, и в большом селении некоторые из них выбелены, а в малом есть церковь. Около домов приметили мы множество садов и огородов, а по когору над селениями видно было большое пространство разделенных межами полей, из коих некоторые зеленелись, а другие были только вспаханы. Леса же на сей стороне острова вовсе не видали. В 7-м часу вечера настал свежий ветер от юга, при коем ночью мы старались лавированием обойти южную сторону Флореса, которую и прошли утром на другой день. Идучи от берега весьма близко, на сей стороне острова мы видели два больших селения и весьма много полей, по отлогостям возвышенного берега возделанных, но леса не приметили.

От острова Флореса стали мы править к острову Фаялу³⁰²; при нем есть один, из всей купы сей, доволь-

но удобный рейд, и тем лучше можно запастись всем нужным, нежели на прочих. 9 июня, поутру, увидели мы гору Пико³⁰³ во всем ее величии, только светлое узкое облако опоясывало посредине. В полдень стал дуть тихий ветер от северо-запада, и мы пошли ко входу вдоль юго-западного берега Фаяла в расстоянии 4 миль от оногo. Берег с сей стороны оканчивается утесом и от оногo вверх идет косогором, по коему рассеяно множество сельских домиков, окруженных пространными обработанными полями: сие показывало, что Фаял многолюден. К южной стороне он ниже и оканчивается к морю отлогостию, на коей видели мы белое каменное строение, во всем похожее на католический монастырь. В сие время усмотрели мы в разных местах селения на острове Пико.

В 2 часа ветер сделался несколько свежее. С помощью оногo в 5 часов, пришедши на фаяльский рейд, стали на якорь. Таким образом, мы совершили плавание от острова Вознесения до Фаяла, между коими расстояния только 2903 мили, в 74 дня; следовательно, в каждый день шли мы по 39¼ миль: это весьма неудачное плавание!! Но при нас пришел сюда из Рио-Жанейро бразильский корабль, который проходил экватор гораздо западнее нашего, и на переход 3790 миль (от Рио-Жанейро до Фаяла) употребил 108 дней, что составляет по 35 миль в сутки. Корабль сей претерпевал большой недостаток в пресной воде и съестных припасах, имея весьма много больных; у нас же экипаж был в самом лучшем состоянии: мы имели только трех человек больных, которые чрез несколько дней здесь выздоровели.

Поставив шлюп на два якоря, тотчас послал я офицера к губернатору известить его о причине нашего прихода и просить позволения запастись припасами и водою. Офицер скоро возвратился с благоприятным ответом. В 8-м часу вечера приехал ко мне наш вице-консул предложить свои пособия и услуги: мы с ним условились о способе снабжения шлюпа.

На другой день мы были у губернатора, а после осматривали город, который, кроме положения и кратера, ничего занимательного не имеет. Кон-

сул наш показывал нам, в числе здешних любопытностей, монастыри, которых здесь три мужских и два женских. Здешние жители за диковинку показывают дома консулов американского и бывшего испанского. Оба они стоят на весьма выгодных местах и построены красиво, но не великолепно; при них есть хорошие сады, кои, однако, здесь не чудо: деревья, которым удивляются у нас в оранжереях, растут здесь на открытом воздухе, как около Петербурга береза и рябина.

Трудность доставления на корабль воды и медленность при покупке припасов, за коими нужно было посылать по всему острову и даже на другие острова, не позволили консулу сдержать свое слово, и мы вместо 7 пробыли здесь 17 дней. Но я об этом не жалею, ибо во все сие время дули противные ветры, а между тем мы провели время весело. Наш консул, а также консулы английский и американский старались оказать нам гостеприимство и доставить всякое удовольствие, какое здешнее место позволяло. Мы ездили по загородным местам, где есть прекрасные сады и величественные виды; дороги здесь очень дурны, и ездить по ним не иначе можно, как верхом.

Город, обыкновенно называемый Фаялом, по имени острова, в бумагах же именуется Вилла де Орта, то есть сад-город, по прекрасному его положению. Он стоит при небольшом заливе на самом берегу и расположен по косогору, так что большие здания одно другого не заслоняют и все видны с рейда. Позади города возвышаются постепенно горы, коих вершины часто скрываются в облаках. По отлогости гор видны загородные дома с окружающими их садами; далее являются хлебородные поля, а позади всего вершины гор необработанных, кои бледно зеленеются и увеличиваются стоящими над ними облаками. Все сие является в виде амфиатра. Кратер, называемый португальцами Калдера «котел», действительно имеет подобие ужасной величины котла: он в окружности будет версты в 4 или 5, а в глубину около версты. Дно его ровное, и в оном есть небольшое озеро. Кругом же озера и по крутизнам внутри сей про-

Город Фаял.

Из альбома путешествий первой половины XIX века.

пасти растет разного рода мелкий лес, трава и тростник. Кратер сей находится на вершине одной высочайшей горы острова, которая часто скрывается в облаках, Когда мы туда ездили, поутру было ясно, и мы видели кругом все предметы. Но к вечеру облачный туман покрыл нас, и зрение наше недалеко простиралось; кратер же, наполнившись туманом, вовсе не был виден. Но как туман не имел места распространяться, а другой сверху находил на него, то он в кратере волновался, как море, и представлял необыкновенное зрелище. Мы употребили целый день, чтоб доехать до кратера, осмотреть его и возвратиться.

Июня 22-го американский консул пригласил нас к обеду и на бал, по случаю торжества, которое во всех областях американских северных штатов в этот день (4 июля н. с.) ежегодно празднуют: в оный объявили они себя независимыми. На бале

здешние дамы были в платьях, сшитых по английским образцам. Чрез два дня обедали у меня на шлюпе губернатор, некоторые офицеры и консулы, а после обеда сделали мне посещение, к великому моему удивлению, все дамы, бывшие на бале.

Июня 26-го в 8-м часу вечера, при свежем восточном ветре, пошли мы в путь, будучи довольны ласковым приемом наших фаяльских знакомых; равным образом и они нами. Губернатор и другие значащие здесь люди часто говорили мне, что они желали б иметь здесь беспрестанно русские суда. Напротив того, когда английское военное судно приходит, то жители желают, чтоб оно скорее ушло, ибо матросы на берегу пьянствуют и заводят ссоры и драки. Из наших же людей, которых я отпускал на берег каждый день по 12 человек и более, никто не только не сделал драки, но не было ни одного человека пьяного.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Плавание от Азорских островов до Англии. Пребывание в Портсмуте и отбытие из оного. Переход до Копенгагена и оттуда до Кронштадта.

По отбытии нашем от Азорских островов три дня беспрестанно дул совершенно противный нам северо-восточный умеренный ветер. С полуночи на 30-е число перешел он в юго-западную четверть и стал дуть поровнее.

Это был первый настоящий благополучный ветер, которого мы, после самого приближения к экватору, не имели. При сухой, впрочем облачной погоде он продолжал дуть умеренно до 1 июля, а тогда перешел в северо-восточную четверть, следовательно, сделался опять нам противный. С рассветом он усилился, и погода настала пасмурная.

После сего до 6 июля беспрестанно дул ветер с северо-восточной стороны, и довольно крепко. Погода стояла облачная и холодная, а в последние три дня сделалась она пасмурною, и мрачность нередко походила на туман.

6-го числа ветер вечером перешел в северо-западную четверть и стал свежеть; тогда могли мы идти настоящим своим курсом очень скоро. На другой день северо-западный ветер, при пасмурной, сырой погоде, дул очень свежо, и мы шли по 6 и 9 миль в час, почти до полудень, потом ветер отошел к северу и дул очень крепко с порывами.

Северный свежий ветер, с облачною и пасмурною погодою дул до 3 часов пополудни 9-го числа.

После сего ветры были переменные тихие и большею частию противные нам и по временам с такою пасмурностию, что мыса Лизарда мы видеть не могли, а 16 июля вечером показался Эдистонский маяк³⁰⁴, в расстоянии от нас миль 12 или 15. Невзирая на такое большое расстояние, приезжали к нам на гребных судах плимутские лоцманы предлагать свои услуги. Между ними были и контрабандисты, которые спрашивали у нас, нет ли продажных вещей, а особливо джину: они почли нас за голландцев. Тишина, а после совершенно противный ветер от востока не позволили нам идти в Канал.

Вечером, уже при захождении солнца, сделался северный ветер, с которым пошли мы прямым своим путем; но в ночь на 18-е число опять перешел он к востоку и дул весьма тихо двое суток, так что мы не прежде могли притти в Портсмут, как 20 июля.

На другой день был я у главнокомандующего здесь адмирала; а вечером, с двумя офицерами, поехал в Лондон по казенным надобностям, поруча шлюп старшему офицеру, которому приказал сделать на нем некоторые поправки, состоявшие большею частию в починке парусов и окраске наружных частей шлюпа. Все сие можно было скоро окончить и я надеялся чрез неделю уйти; но в Лондоне встретились препятствия: инструменты и вещи, приготовленные в Англии для разных департаментов правительства, которые я должен был отвезти в Россию, не были привезены в Портсмут, и я должен был их дожидаться в Лондоне.

Во время пребывания моего в Лондоне пришли в Портсмут наши военные суда*, назначенные для открытий в полярных морях к северу и югу.

Окончив дела в Лондоне и Портсмуте, простились мы с нашими приятелями и 15 августа вечером отправились в путь при благополучном ветре с западной стороны, который дул тихо и часто вовсе затихал во весь следующий день, а к вечеру был даже нам противный. Погода стояла ясная.

На рассвете же 17-го числа ветер сделался от юго-запада. С помощью сего ветра к вечеру мы совсем вышли из Доверского канала и направили путь к ютландскому берегу, который, не встретив ничего примечательного, увидели 19-го числа, и, подойдя к оному на расстояние миль 6 или 7, пошли вдоль него к

* «Восток» и «Мирный», назначенные на юг, под начальством капитана 2-го ранга барона Беллинггаузена; а «Открытие» и «Благонамеренный» — к северу, под командою капитан-лейтенанта Васильева.

мысу Скагену, к которому подошли в следующее утро.

У Скагена нашли мы около 50 купеческих судов разных народов, лавировавших к Зунду; это показывало, что в Категате несколько дней уже был южный ветер, ибо суда, шедшие Северным морем с попутным ветром, здесь встречали его противным, о чем на следующий день узнали мы достоверно от норвежских лоцманов, приехавших к нам. В сие время до 120 судов, шедших с нами, были у нас в виду.

21-го числа в 8 часов вечера прошли мы Нидингские маяки³⁰⁵. При сем случае должно заметить, что шведское правительство, кажется, весьма дурно поступило, приняв за правило зажигать маяки не прежде 8 часов вечера, вместо того чтоб надлежало им гореть с самого захождения солнца. От сей бездельной экономии корабли чувствуют большое неудобство и нередко претерпевают гибель. В сей раз мы и сами много потеряли оттого, что заблаговременно не видали маяков; ибо, полагая их далее, правили к ним ближе и чрез то, при боковом, почти противном ветре, пришли в такое положение, что приближались к норвежскому берегу более, нежели безопасность позволяла.

Легкий ветерок при ясном небе во весь день 23-го так тихо дул, что мы к Кронборгской крепости подошли уже после полуночи 24-го числа, где и стали на якорь.

По рассвете снялись и начали лавировать с помощью попутного течения.

Сначала успех наш был невелик. Но после, когда ветер сделался свежее, мы много выиграли и к вечеру, невзирая на совершенно противный ветер, подошли к Копенгагену на 8 миль, где, по совету лоцмана, стали на якорь.

Непредвидимый случай, повстречавшийся с нами при входе в Зунд, заставил нас пробить на копенгагенском рейде пять дней. Когда мы поровнялись с Кронборгским замком, то салютовали датскому флагу 7 выстрелами, но получив ответ 5 выстрелами, я уже не салютовал более ни брандвахтенному военному судну, ни копенгагенским крепостям, а отнесся

о сем к нашему посланнику и получил в ответ, что причиною сему упущение датчан и что я при отбытии получил два выстрела лишние. На другой день, в 9-м часу отдав паруса, я сделал крепости салют 7 выстрелами, но в ответ вместо девяти получил только равное число. Сие заставило меня лично объясниться с посланником, и он приписал упущение датчан недостатку времени для нужного сообщения по сему предмету от первого министра начальнику города и что при отбытии моем, если я стану салютовать, то непременно получу в ответ два выстрела лишних.

Августа 28-го стояла пасмурная погода с переменными легкими ветерками, а потому и невозможно было покуситься на проход сквозь пролив Драго.

Итак мы опять должны были простоять сии сутки, равно как и следующие, на месте.

Августа 31-го судьба сжалилась над нами: после полудня повеял попутный ветер с северо-западной стороны, и мы в 4-м часу, со множеством купеческих судов, пустились в путь. На салют наш датчане отвечали двумя выстрелами более и тем поправили свою ошибку*. На рассвете 4 сентября прошли мыс Дагерорд; стоящий же на нем маяк видели еще ночью весьма хорошо, будучи от него в 25 милях, несмотря на пасмурную и весьма облачную погоду. Войдя в Финский залив, вступили в пределы нашего отечества. Ветер благоприятствовал нам скоро плыть по заливу: в 5-м часу пополудни прошли мы Ревель близ северной стороны Ревельской губы; а на другой день в 12-м часу утра усмотрели подле мыса Стирсуддена³⁰⁶ небольшое судно без мачт, которое ветром и волнением скоро несло к берегу, где бы его неминуемо разбило. Желая избавить его от гибели, мы подошли к нему и взяли на буксир; оно сего же утра от крепкого ветра потеряло мачты. Имея такое судно на буксире, мы не прежде могли притти на кронштадтский рейд, как в 6-м часу по-

* Хорошо делают англичане, что не любят салютов: у них ни с кем нет трактатов об оных. Очень нередко случалось, что даже начальники наших эскадр не получали от датчан должных салютов и принуждены были жаловаться.

полудни, совершив наше путешествие вокруг света в 2 года и 10 дней.

В продолжение всего путешествия потеряли мы из 130 человек только троих, и то двое из них сделались жертвою собственной своей безрас- судности (как о том в путешествии

упомянуто); случайно же мы не лишились ни одного человека, и также не было ни одного, который бы сделался неспособным к службе; равным образом не потеряли ни одного кана- та, ни якоря, ни мачты, ни стеньги и никогда не изорвало у нас никакого значащего паруса.

ПРИБАВЛЕНИЯ

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СЕЛЕНИЙ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ
По ведомостям, в начале 1818 года составленным

Компанейские крепости и селения

Названия	Широта N	Долгота W от Гринвича	Примечания
На острове Кадьяке Павловская гавань	57°47'	152°18'	См. стр. 328. Главное селение острова, при коем есть крепостца, церковь и по- рядочные магазины для складки товаров.
Игатский залив	57°30'	152°39'	В сих селениях живут артели для рыбных промыслов; а также за- нимаются ловлею лисиц и явра- шек, но более сих последних до- бывают.
Гавань Трех Святителей	57°05'	153°25'	
Алитакский залив	57°34' "	154°00'	Подле самого Кадьяка к северу от него.
Карлугский залив			
Малиновский залив			
Селения на острове Афогнаке	Подле самого Кадьяка.		
Катмайское	55°49'	154°56'	В сих крепостцах компания дер- жит отряды промышленных, или артели для торговли с природ- ными жителями, которые промени- вают им разного рода меха на ев- ропейские вещи, им нужные.
Сутхумское			
На острове Укамоке			
На острове Евращеьем	Подле самого Кадьяка.		Учрежден торговый пост для ме- ны с дикими.
На острове Лесном			
В Чугатской губе крепости:			
Воскресенская	61°00'	147°48'	См. стр. 334
Константиновская	60°22'	146°09'	
В Кенайской губе крепость Нико- лаевская	59°15'	152°03'	См. стр. 342
На американском берегу севернее полуострова Аляксы—крепость Александровская	58°52'		
При Ситхинском заливе—крепость Ново-Архангельская	57°03'		
На берегах нового Альбиона—кре- пость Росс	38°33'	135°06' 122°45'	

Число природных жителей*	Всех возрастов		
	муж. пола	жен. пола	обоих полов
На острове Кадьяке	1484	1769	
В крепости Ново-Архангельске кадьякских жителей	142	35	
На полуострове Аляксе	402	467	
На берегах Кенайской губы	723	748	
На берегах Чугатской губы	172	188	
Унгалецких	51	66	
На реке Медной	294	273	
В крепости Александровской			86
На Лисьих островах	463	559	
На островах Павла и Георгия жителей с Лисьих островов	188	191	
В Ново-Архангельске жителей с Лисьих островов	42	26	
В крепости Россе кадьякских			78
Всего обоих полов			8446

* Здесь включены только те из природных жителей, которые находятся в зависимости компании.

Примечание. Сверх того компания имеет селения на гряде Алеутских островов, называемую Адриановскою, но как оные острова принадлежат к ведению охотской конторы, а не американского правления, то в сей таблице они не помещены.

Селения	Русских промышленников		Креолов*	
	Всех возрастов		Всех возрастов	
	муж. пол.	женск. пол.	муж. пол.	женск. пол.
В Ново-Архангельске	194	10	97	109
На Кадьяке и окружающих островах	73			
На острове Укамоке	2		39	
В Катмайском	4			
В Сутхомском	3			
В Воскресенской	2		1	
В Николаевской	11			
В Константиновской	17		7	
В Александровской	11		3	
В Россе	27			
Всего	344	10	147	109

* По примеру европейцев, имеющих колонии в Западной Индии, компания называет креолами родившихся от русских отцов и алеуток или американок.

Примечание. Здесь не означено, сколько русских и креолов находится на Лисьих и Прибыловых островах¹, потому что точное число их мне было неизвестно; впрочем оное не превышает 25 или 30 человек.

¹ Острова Св. Павла, открытые штурманом Прибыловым.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ДОНЕСЕНИЕ КОМИТЕТА, СОСТАВЛЕННОГО АМЕРИКАНСКИМ КОНГРЕССОМ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ СОСТОЯНИЯ КОЛОНИЙ, ПРИ БЕРЕГАХ ТИХОГО ОКЕАНА* НАХОДЯЩИХСЯ, И ВЫГОДНО ЛИ БУДЕТ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ ЗАНЯТЬ РЕКУ КОЛУМБИЮ

(Донесение сие читано в общем собрании конгресса в январе 1821 года)

Комитет начинает свое донесение тем, что «он со всем возможным вниманием рассматривал все обстоятель-

* Здесь под сим именем американцы разумеют северный Великий океан, который мы иногда называем Северо-восточным океаном.

ства, до возложенного на него поручения принадлежащие, и полагает, согласно с обычаями всех народов, существовавшими как прежде, так и после открытия Америки, что Соединенные штаты имеют полное право на обладание весьма обширную частью се-

веро-западного берега Америки; ибо комитет не находит, чтобы какой-либо европейский народ, кроме Испании, предъявлял свои права на западный берег Америки, от самого мыса Горна до шестидесятого градуса широты северной».

Очень странно, что никому из членов сего комитета не удавалось читать ни одной из множества книг, изданных на английском языке (который и им природный), ни путешествий капитана Кука и Ванкувера, во всех коих по нескольку раз упоминается, что русские прежде всех европейцев открыли северо-западный берег Америки и прежде всех заняли его. Английские мореплаватели, первые после русских посетившие сии берега, нашли уже там наших промышленников и получили от них некоторые сведения касательно того края. Кук упоминает о Измайлове, который доставил ему карту Алеутских островов, а Ванкувер о Баранове, присылавшем ему гостинцы. Вообще комитет был столько несчастлив в своих изысканиях, что, будучи составлен именно для исследования вопроса, изъясняемого в вышеупомянутых книгах, не наткнулся ни на одну из них; иначе он тотчас усмотрел бы, что Чirikов открыл помянутый берег гораздо далее на полдень, нежели 60 градусов широты. Разве комитет думает, что русские потому не предъявили своих прав на сии берега, что министерскими нотами не сообщали всем государствам об оных; но членам оного, кажется, надлежало бы знать, что открыть землю, занять ее и утвердиться в ней почиталось во всех веках и у всех народов самым действительным из всех дипломатических актов.

Потом комитет кратко обозревает историю открытия и занятия Америки разными европейскими народами. В сие обозрение умел он очень ловко и будто нечаянно вставить несколько замечаний, весьма благоприятствующих его видам. Во-первых, он говорит, что хотя права Испании на присвоение себе Америки имели основанием народное суеверие, уважавшее власть папы, коею делил он обретаемые земли по своему произволению; но как власть сию почти вся Европа признавала священною, следовательно все то, что по силе оной тогда было сделано, и ныне должно признаваться законным и справедливым.

Второе: когда английские короли давали права своим подданным на занятие восточного берега Северной Америки, то в грамотах означали только пространство вдоль берега, а внутрь земли предоставляли власть занимать кому сколько угодно будет, или доколе не встретят они областей, занятых другими христианскими державами. Смыслу сих грамот комитет дает такой толк: первые англичане, занявшие восточный берег Америки в означенных грамотах по длине его пределах, имели право на все пространство земли, лежащей под одною широтою с занятым берегом до самого Северного Великого океана, буде на сем пространстве никто из европейцев прежде их не поселился, и что в грамотах выражение: доколе не встретят областей, занятых другими христианскими державами, относится к одной Испании, ибо она одна только имела свои владения по западным берегам Америки и права на занятия оных.

Признав законность и справедливость вышеозначенных предположений, комитет думал тем утвердить права своего отечества на весь западный берег Америки, лежащий под теми же градусами широты с восточными их владениями; ибо сии последние наследовали американцы от предков своих первых поселившихся в Америке англичан* и приобрели уступки от Франции** и Испании***, со всеми пределами, правами и преимуществами, сим областям принадлежащими.

Сколь неосновательны и, можно сказать, нелепы сии и подобные им притязания, о том, не видав еще донесения комитета, я упомянул в моем путешествии.

Далее комитет упоминает о каких-то, впоследствии времени принятых правилах (а когда именно, кем и по какому случаю не сказано), как определять пространство земель, на которое перво-открыватели оных имеют право. Комитет говорит, что «держава, открывшая какую-либо землю, имеет право на обладание всем пространством оной, которое орошается главною в земле сей рекою и ее источни-

* Почти все области, вошедшие в состав республики Северо-Американских Соединенных Штатов, при самом ее основании.

** Луизиана.

*** Восточная и Западная Флорида.

ками, буде основано на ней заселение и взята она открывателем во владение с обыкновенными в таких случаях обрядами».

Кто бы мог подумать, чтобы в нынешнем просвещенном веке стали ссылаться на такое смешное и нелепое правило? Полагая, что не всем известны сии обряды принятия земель во владение, признаваемые здесь столь нужными, даже необходимыми для утверждения полного права собственности на открытую землю, сначала я опишу для любопытных в чем состоят они. Испанцы и португальцы в таких случаях поступали следующим образом: несколько человек в полном вооружении съезжали с кораблей на берег с распущенными флагами, которые обыкновенно были выставляемы на возвышенных местах. На берегу начальник кораблей спрашивал всех с ним съехавших, а если были жители, то и их (хотя они друг друга и не понимали), знают ли они, что прежде его никто к сим берегам не приставал и никому из просвещенных народов доньше известны они не были? Получив на сей вопрос удовлетворительный ответ, брал он в левую руку крест, а в правую обнаженную шпагу, приходил на самый берег и, поставив одну ногу на землю, а другую в воду, объявлял громогласно следующее: «Я, такой-то, призываю бога, небо, землю и весь мир во свидетели, что такого-то числа, месяца и года я первый открыл сей берег, наименовал его так-то и теперь сим торжественным образом принимаю его и все земли, моря и воды, к нему принадлежащие, в вечное и потомственное владение законного моего государя, его величества короля такого-то». По окончании сего объявления, по данному знаку, с кораблей палили из пушек, а на берегу из ружей, при громких восклицаниях: да здравствует король такой-то. В новейшие времена англичане переменили сей обряд: креста не употребляют, шпаги не обнажают, в воду не ходят; но, подняв флаг, без дальних околичностей, пьют вином или чем бог послал за здоровье своего короля, кричат «ура» и палят из пушек. Но в довершение сего важного обряда те и другие зарывают в землю бутылку, в которую кладут лоскут пергамента или бумаги с означением, когда, кем и на чье имя укреплена земля сия. Вот тот священный акт, которым мореплаватели, по

какому праву не знаю, укрепляют в вечное, наследственное, неоспоримое владение государям своим обширные страны земного шара! Упомянув о сем, противном здравому рассудку праву, комитет имел в виду присвоение своему отечеству реки Колумбии, устье коей нашли американцы* и сделали от оною вверх по реке несколько заселений; а англичане, составляющие так называемую северо-западную компанию**, подобрались к ним из Канады и по верховью реки Колумбии учредили несколько торговых пристанищ***.

Еще далее комитет говорит: «Испания, по праву открытия и первоначального занятия Мексики и по принадлежности ей Луизианы, простирала свои требования на северо-западный берег Америки до 60 градуса широты; и для подкрепления своего права в 1789 году послала военный корабль для конфискования или отогнания от упомянутых берегов разных судов, снаряженных в восточной Индии английскими купцами на собственный их страх для торговли с дикими американцами; сие поручение исполнил Мартинед, офицер его католического величества морской службы. По поводу сего происшествия, в 1790 году дело было препровождено от английского короля в парламент, в котором хотя много было говорено на счет поведения Испании и даже члены изъявляли желание отмстить испанцам за их поступки с англичанами, взятыми ими в плен, но дело кончено без войны и при всем производстве оною со стороны Англии не было предъявлено никакого требования на право обладания землями, за кои две сии державы спорили. Напротив того, в сие время, казалось, Великобритания сама признала права Испа-

* Роберт Грей, на корабле «Колумбия» из Бостона, в 1791 году, нашел сию реку и назвал оную по имени своего корабля Колумбию; так же и Америку иногда называют.

** Северо-западная компания не то, что Гудсонская: первая получила исключительное право производить промыслы и торговлю с дикими пушным товаром из Канады, а последняя с берегов Гудсонского залива; отряды их однакож так далеко ходят, что часто встречаются, ссорятся между собой; и нередко дело у них доходит до кровопролития. Говорят, что ныне обе они соединились и составили одно торговое общество.

*** Это точно то же, что у нас прежде в Сибири были остроги, и с тою же целью построены: отряды, укрепясь в оных, могли безопасно торговать с жителями.

нии, а только требовала привилегии пользоваться по берегам торговлей и промыслами. Привилегию сию она и получила и проч.»

Уму непостижимо, каким образом комитет, правительством республики учрежденный, мог написать и обнаружить столь явную и грубую ложь. Неужели члены оного не имели никакого понятия о том предмете, о котором взялись рассуждать? Или комитет думал, что пишет для таких людей, которые ни дела сего не понимают, ни справляться не будут, но примут все им сказанное за истину на честное слово? Стоит только развернуть начальные листы Ванкуверова путешествия, чтоб обнаружить несправедливость американского комитета. В инструкции, данной от английского правительства Ванкуверу, именно предписано ему свободно плавать и производить исследования свои по северо-западным берегам Америки между широтами 60° и 30°, стараясь всеми мерами, без самой крайней надобности, не приставать к берегам южнее сей последней широты, дабы не подать испанцам причины к подозрению и неудовольствию. Не ясно ли сие показывает, что англичане считают американский берег севернее широты 30° отнюдь не принадлежащим Испании? Сверх того, тою же самою инструкцией повелено Ванкуверу торжественным образом принять во владение от испанского чиновника, который для сдачи назначен будет, все те места и земли, кои в заливе Нутке занимали англичане до изгнания их испанцами; и в Ванкуверовом же путешествии приложено официальное повеление от испанского министра*, именем короля, к губернатору порта Св. Лаврентия посланное, коим предписывалось ему сдать вышеупомянутые места англичанам со всеми принадлежностями оных. Если сих доказательств мало, то можно привести еще следующее: в путешествии Ванкувера несколько раз упоминается, что он в разных местах американского берега посылал на оные гребные суда и с известными обрядами принимал их во владение своего короля. Известно, что Ванкуверово путешествие, прежде напечатания, было рассмотрено и исправлено верховным морским департа-

ментом, следовательно не было бы в нем помещено о принятии во владение Англии таких земель, которые она признает подвластными другой державе.

Таким образом комитет, наполнив свое донесение ложными и ничего не доказывающими доводами, утверждает, что республика Соединенных Штатов имеет неопровержимое право на обладание всем северо-западным берегом Америки, заключающимся между широтами 36° и 60°, и показывает причины, по которым республика должна занимать реку Колумбию и основать при устье оной прочное заселение. Сии причины, в отношении к торговым выгодам Соединенных Штатов, весьма справедливы. Читая сие место донесения, нельзя не заметить, что если не все, то, по крайней мере, большая часть членов комитета должны быть сами участниками в торговле, пользу коей для нации вообще они с таким необыкновенным усилием представить стараются; ибо для показания выгод, доставляемых разным народам меховою торговлею, комитет выходит из пределов возложенного на него поручения и вместо того, чтобы представить настоящее состояние сей торговли и пользу, которую она ныне и в грядущие времена может принести отечеству, он, в официальном своем донесении, как будто в похвальном слове звериным промыслам, за несколько веков начинает исчислять и продолжает до наших времен все случаи, показывающие важность торговли пушными товарами, которые всегда и у всех народов были в большом уважении; например: комитет доносит сенату (конгрессу), что меха еще во время Атилы много уважались в Италии, куда привозили их из нынешней Швеции; что в Галлии они продавались еще в 940 году по весьма дорогим ценам; что в 1252 году у татарского хана весь шатер был подбит дорогими мехами; что в 1337 году английский король Эдуард III запретил употребление мехов тем, у кого нет ста фунтов стерлингов годового дохода, и проч. и проч.

Но всего удивительнее и смешнее в донесении комитета есть то, что он, наполнив оное всякою всячиною, до самого конца ни слова не говорит о России; так точно, как будто бы мы никогда никакого участия не имели ни в его

* От графа Флориды Бланки, подписанное 12 мая 1791 года в Аранхуэце.

открытиях, ни в промыслах и торговле по северо-западным берегам Америки, и как будто бы вовсе были там народ неизвестный. В заключении уже он прилагает о ней свои замечания, которые почти при каждом слове показывают невежество членов, комитет сей составляющих. В доказательство моего мнения, помещаю здесь замечание сие в переводе от слова до слова; вот оно:

«Россия, владения коей по азиатскому берегу (северо-западного океана) занимают почти такое же пространство, какое нам принадлежит по американскому (!), искони знала всю важность сей весьма прибыльной торговли (пушными товарами). Хотя государство сие не обращало на себя внимание даже и европейских держав, исключая небольшое число весьма достопримечательных событий, в которых оно недавно участвовало *, но влияние оно на дела повсюду чувствительно. Россия не шадит ни трудов, ни иждивения, — словом, ничего для освоения четырех частей света. Крепости, арсеналы, селения, города по всему тому берегу ** воздвигаются, как будто бы волшебною силою, и торговля ее повсюду распространяется. Держава сия, с миллионом войск в ружье, пребывает в совершенной безопасности со стороны Европы и не только угрожает туркам, персианам, китайцам и японцам (!), но и владения короля испанского в Северной Америке для нее равно приступны и столько же могут быть подвержены действию ее могущества (!). Всегда бдительная ее дальновидность беспрестанно изобретает новые источники выгодной торговли. Даже в самые беспокойные, смутные времена, посреди обширных военных приготовлений, Россия не пропустила случая утвердиться в двух весьма важных местах на северо-западном берегу Америки: в Новом Архангельске, лежащем под широтою около 59° *** и

* Здесь, кажется, разумеются происшествия, случившиеся после нашествия Наполеона на Россию, которая будто бы прежде того не была ничему славна в Европе! Одно сие замечание уже показывает, из каких голов был составлен американский комитет.

** На каком берегу такие чудеса творятся? — Дай бог, чтоб это пророчество скорее сбылось!

*** Широта Ново-Архангельска 57°03'; надобно полагать, что комитет и сам мало знал и худые источники имел для приобретения сведений, к его предмету принадлежащих.

в заливе Бодеге, в широте 38°34' *. Первая из сих крепостей находится при одной из лучших гаваней сего берега, стоит на возвышенном холме, мысом выдавшемся, и укреплена весьма хорошо; крепость сия всегда бывает достаточно снабжена съестными припасами и военными снарядами, а на стенах ее поставлено сто двадцать (!) орудий, калибром от 18 до 24 фунтов (!!). Крепость в заливе Бодеге также хорошо построена и снабжена орудиями, при ней находится очень хорошая гавань *. Здесь русские имеют в изобилии военные снаряды и товары для жителей; они производят здесь столь же значительную торговлю **, как и в Новом Архангельске. Кроме пушек, поставленных на стенах крепости, в ней находится множество самого лучшего литья полевых орудий. Все сии запасы доставлены сюда по неизмеримым пространствам, через океаны около мыса Горна; такие предприятия могут только совершить русская политика и их настойчивость *. Легкие снаряды и товары для жителей из Петербурга перевозят через Сибирь на санях ** на сей перевоз потребно только три месяца времени, между тем как морем надлежало бы употребить на то же самое два лета *. Русские имеют сообщение с Камчаткой посредством Охотска, стоящего при одной из лучших гаваней в свете *¹⁰ и находящегося от Петербурга в расстоянии десяти тысяч миль *¹¹. Народ, который в состоянии

*⁴ Крепость Росс не в заливе Бодеге (иначе в порте Румянцева), но на 15' севернее, при открытом берегу.

*⁵ Совершенно противное: при ней нет никакой гавани.

*⁶ В крепости Росс нет и не бывало никакой торговли у русских с дикими.

*⁷ Благодарим за комплимент; но это сказано не с тем, чтобы нас похвалить, а чтоб побранить свое правительство, которое, по мнению комитета, недовольно занимается сего торговлею, как то мы ниже увидим.

*⁸ Не все на санях, но иногда на телегах и по рекам.

*⁹ Письма между Петербургом и Охотском по обыкновенной почте проходят в три месяца; то как же товары могут быть перевезены так скоро? А морем шлюп «Камчатка» из Кронштадта в Камчатку пришел в 8 месяцев и можно было бы скорее притти, если бы надобность того требовала.

*¹⁰ Охотск стоит при реке, в которую вход есть один из самых опаснейших в целом свете.

*¹¹ Здесь разумеется мили, коих 69½ в градусе, следовательно 10 тысяч миль составят более 16 тысяч верст, а в самом деле от Петербурга до Охотска только 9655 верст.

предпринимать такие путешествия, часто по едва проходимым горам и по ледовитым морям, во время таких бурь и снежных вихрей, что зрение и на несколько шагов не может достигать, конечно знает всю важность и цену торговли, для которой он пускается в столь отдаленные странствования.

Надлежит заметить, что в числе многих выгод, коими Россия пользуется, обладая северо-восточными берегами Азии, не последнюю составляет возможность удобного сообщения между Камчаткою и Япониею, ибо на всем пространстве между сими двумя странами лежит цепь островов, а потому переезд сей можно совершить даже на гребных судах.

Итак, комитет, по повелению вашему (конгресса) составленный, совершенно уверен, что с небольшим старанием и малозначащими издержкам граждане сей республики могут одни пользоваться всеми выгодами бобровой и меховой торговли, не только ныне весьма прибыточной, но обещающей великую прибыль и на грядущие времена».

Для достижения сей цели, комитет предлагает основать постоянное заселение при устье реки Колумбии* и чтобы колонисты имели с собою своих жен и детей, дабы со временем потомки их имели привязанность к месту своей родины и не скучали бы уединенности оного. В поселенцы избрать советует он китайцев, как народ трудолюбивый, неприхотливый и по бедности своей готовый везде жить, где только может снискать пропитание и проч. и проч.

Если бы сочинение, подобное сему донесению, было написано частным человеком, то оное не заслуживало бы ни малейшего внимания и даже стыдно было бы писать на него опровержение; но будучи составлено комитетом, от конгресса уполномоченным, оно есть акт американского правительства и в сем отношении достойно того, чтоб показать публике неосновательные суждения американцев о России и несправедливые их притязания на земли, по всем правам народным нам принадлежащие.

* Апреля 20, 1822 года получено здесь известие, что конгресс уважил представление комитета и определил при устье реки Колумбии основать колонию, на первый случай из 200 человек состоящую.

Здесь, я думаю, кстати будет сказать несколько слов о статье, напечатанной в одной из лондонских газет**, касательно новых привилегий Российской Американской компании***. Статья сия стоит внимания, потому что в ней есть одно замечание, которое, недовольно вникнувшим в предмет сей, действительно может показаться весьма сильным возражением против запретительной системы, в пользу американской нашей компании установленной. Сочинитель статьи признает, что Россия, как и всякое другое государство, имеет полное право в своих владениях и по берегам, ей принадлежащим, делать такие учреждения, какие она признает нужными в отношениях ей к другим державам; но оные не должны быть противны общим народным правам. Российское правительство, запретив чужестранным кораблям подходить к берегам ее владений при Северо-восточном океане на расстояние ближе ста миль итальянских, присвоило себе такое пространство вод, на которое никакой народ никогда не простирает своих требований, и что сим запрещением нарушается искони признанное основательным и справедливым правило «свобода всем плавать и производить рыбную ловлю в открытых морях и что отнятие сей свободы есть народное оскорбление». Истину сию сочинитель подкрепляет примерами из истории, ссылаясь на Венецию и Англию; впрочем, никто ее и опровергать не станет во всех общих случаях, не допускающих никакого изъятия. Сто миль, конечно, слишком уже большое расстояние, стеснительное для мореплавания и не соответствующее «свободе производить рыбную ловлю в открытых морях». Только не в отношении к берегам, о коих здесь речь идет, и вот почему: Россия не позволяет иностранным кораблям подходить ближе ста миль к берегам ее в таком море, по которому нет другого прохода, как только к ее владениям, а она не хочет там принимать гостей; следовательно, иностранный корабль должен идти туда или для тайной торговли с российскими областями, или для рыбных промыслов. Само собою разумеется, что первая подвергает корабль конфискации, а по-

** «The Times» ноября 10 н. с. 1821 г.

*** В сентябре 1821 года.

следняя должна быть только одним подлогом для производства первой; ибо ни один беспристрастный человек с здравым рассудком и знакомый с мореплаванием не станет утверждать, чтоб европейский корабль нашел выгоду в рыбном промысле на Северо-восточном океане, когда возбранен ему вход в гавани наших владений. Какую рыбу может он там ловить в открытом море? Никакой: рыбы очень много, но ее иначе нельзя ловить, как при берегах и в устьях рек. Китовые промыслы также ни малейшей пользы не могут принести кораблю, не имеющему права к берегам приставать, ибо нет мест, где жир перетапливать, а не перетопленный жир кусками, долго лежавший в корабле, теряет всю свою цену, и такой промысел не заплатит одной трети иждивения, которое надлежит употребить на снаряжение и содержание корабля в столь отдаленном и продолжительном плавании. Следственно, под каким бы подлогом ни вошел корабль в те моря, но настоящая цель его должна быть непозволяемая России торговля, которую иначе и отвратить невозможно, как только запрещением подходить к берегам ее владений ближе ста миль; ибо, положим, что сие расстояние было бы определено только в десять миль, тогда никакими способами нельзя было бы контрабандистов обуздать или поймать, потому что американский берег весь состоит из бесчисленного множества островов, разделяемых проливами, почти повсюду для мореплавания удобными; корабль, подошедши к берегу миль на 15 или 20 и встретив русский крейсер, объявит, что он тут находится для китовой ловли, между тем, опознав берег, ночью войдет в проливы, в которых поймать его никак невозможно. Сочинителю вышеупомянутой статьи надлежало бы, кажется, подумать, что русское правительство, хорошо обсудивши дело сие, издало свои постановления, которыми, как я уверен, нима-

ло не хотело нарушать общих народных прав; ибо таким нарушением Россия сделала б себе более вреда, нежели другим, потому что подала бы пример учреждать подобные запрещения; но теперь единственною причиною сему было одно только местное положение ее областей, запретительной системе подлежащих.

В заключение скажу, что возражение сие на запретительную нашу систему имело бы еще более вида справедливости и силы, если бы сочинитель не испортил оного помещением некоторых совсем неприличных и к делу непринадлежащих замечаний, например: он говорит, что Россия наложила запрещение на плавания около таких берегов, о которых первое подробное сведение получила она от английских мореходств. Во-первых, это неправда, о чем свидетельствуют и сами те мореходы. Берега Америки нужны нам для звериных промыслов и торговли пушным товаром; а в сем отношении не только во времена Кука и Ванкувера, но и ныне, едва ли русские не лучше всех англичан об них знают. Впрочем, если б это даже и справедливо было, то к чему может служить такое замечание? Опровергая, например, постановления Английской Восточно-Индийской компании, можно ли в доказательство против их сказать, что первые подробные известия об Индии англичане получили от португальцев? Одно лишь хвастовство заставило сочинителя сделать сие замечание; оно привело мне на память анекдот, о котором я читал, не помню, в какой-то французской книге, что один английский проповедник, говоря надгробное слово некоему знаменитому лорду, исчислил все его добродетели, высокий ум, достославные подвиги, а в заключение не мог утерпеть, чтоб не сказать в похвалу ему, что высокопочтенный лорд выпивал за столом по две бутылки портвейну и всегда был трезв.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ *Северо-восточный океан* — северная часть Тихого океана.

² *Капитан Кук*. Джеймс Кук плавал у северо-западного побережья Америки в 1778 году, во время третьего кругосветного путешествия, за несколько месяцев до своей гибели на Гавайских островах.

³ *«По фрегатскому расположению»*. Фрегат — парусное военное судно, следующее по силе вооружения за линейными кораблями.

⁴ *Шлюп*. Фрегат был «наречен» шлюпом, так как предназначался для экспедиционной работы. См. также примечание 3 на стр. 116.

⁵ *Сприсова эссенция*. Из нее варилось суррогатное пиво, считавшееся противоязготным средством.

⁶ *Ревель* — тогда главный город Эстляндской губернии; теперь — Таллин, столица Эстонской ССР.

⁷ *Дагерорт* — западный выступ острова Даго (теперь остров Хиума Эстонской ССР).

⁸ *Готланд (Gothland) и Эланд (Oeland)* — шведские острова на Балтийском море близ юго-восточного берега Скандинавского полуострова.

⁹ *Остров Борнхольм* — принадлежит Дании, см. примечание 12 на стр. 116.

¹⁰ *Остров Мэн* — один из датских островов, см. примечание 13 на стр. 116.

¹¹ *Фалстербууский риф* — скалы у мыса Фалстербо, юго-западной оконечности Швеции у южного входа в пролив Зунд.

¹² *Кегебухта* у Копенгагена, см. примечание 15 на стр. 116.

¹³ *Гельсингер* — датский порт, см. примечание 28 на стр. 117.

¹⁴ *Врангель*, Федор Петрович. Впоследствии адмирал, почетный член Российской академии наук и многих научных учреждений. В. М. Головнин первый оценил выдающиеся способности молодого мичмана и по окончании плавания на шлюпе «Камчатка» горячо рекомендовал его в качестве начальника намечавшейся экспедиции по изучению северных берегов Восточной Сибири. Эта экспедиция, длившаяся 4 года, доставила Ф. П. Врангелю мировую известность полярного исследователя. Его именем назван остров, положение которого он предположительно указал на карте — к северу от мыса Якан.

¹⁵ *Мыс Скаген* — северо-восточная оконечность Ютландии, см. примечание на стр. 117.

¹⁶ *Доверский канал* — Па-де-Кале.

¹⁷ *Брест (Brest)* — французский военный порт на западном берегу полуострова Бретань.

¹⁸ *Английский канал* — Ла-Манш.

¹⁹ *Мыс Лизарда* — см. примечание 57 на стр. 118.

²⁰ *Мыс Финистера (Finisterre — «конец земли»)* — северо-западный мыс Испании, у 43° северной широты.

²¹ *Порто-Санто* — остров архипелага Мадейры, см. примечание 62 на стр. 118.

²² *Тенериф* — центральный остров Канарского архипелага.

²³ *Острова Зеленого мыса* — португальская колония, см. примечание 68 на стр. 118.

²⁴ *«Торговля невольниками»*. Закон об отмене торговли невольниками в британских владениях был принят английским парламентом в 1807 г. См. примечание 143 на стр. 121.

²⁵ *Фальшфейер* — сигнальная ракета.

²⁶ *Американские инсургенты*. По-испански *insurgente* — мятежник, повстанец. Плавание Головнина совпало с новым подъемом революционного движения в Испанской Америке (так называемый второй этап Войны за независимость).

²⁷ *Сан-Сальвадор*, официальное название São salvador da Bahia de Todos os Santos («святой спаситель залива всех святых»), более известен под простым именем Баия (залив); крупный портовый город восточной Бразилии, теперь — столица старейшего бразильского штата Баиа.

²⁸ *Фрегат «Фисгард»* — см. примечание 17 на стр. 116.

²⁹ *Мыс Св. Августина* — крайний восточный выступ Бразилии.

³⁰ *Капитан Ванкувер*. — известный английский мореплаватель. Головнин очень ценил его опыт.

³¹ *Клерк 13-го класса*. Клерк — нестроевой служащий военного флота. По табели о рангах, введенной в России в 1722 году, все военные и гражданские чины делились на 14 классов (или рангов). Самый высший класс — первый.

³² *Пиастры* — испанская монета; один пиастр в начале XIX века равен был пяти рублям серебром.

³³ *Мель Абриохос* (правильно Аброльос) — см. примечание 79 на стр. 118.

³⁴ *«Ураган у бразильских берегов в это время года»*, т. е. в начале лета южного полушария.

³⁵ *Мыс Фрио*, к востоку от Рио-де-Жанейро, см. примечание 80 на стр. 118.

³⁶ *Санта-Крус* («святой крест») — см. примечание 84 на стр. 119.

³⁷ *«По обязанности... доносить королю»*. В 1815 году, в связи с перенесением резиденции португальского короля из Лиссабона в Рио-де-Жанейро (см. прим. 91 на стр. 119), португальская монархия была переименована в Соединенное Королевство Португалии и Бразилии.

³⁸ *Юпитер, Марс* — имена римских богов.

³⁹ *Ливорно* — важнейший порт итальянского великого герцогства Тосканского, во главе которого стояла в то время династия, родственная австрийским Габсбургам.

⁴⁰ *«Рынок негров»*. В это время началось быстрое развитие бразильского плантационного хозяйства, что вызвало усиление работорговли. Рабство в Бразилии было упразднено только в 1888 году.

⁴¹ *Осада Рио-де-Жанейро* французами происходила в начале XVIII века во время войны за испанское наследство, когда Португалия, ставшая союзницей Англии, находилась в состоянии войны с Францией.

⁴² *Вицерой* — вице-король.

⁴³ *Лангсдорф*, Григорий Иванович (1774—1852), известный ученый и путешественник. В качестве члена-корреспондента Российской Академии Наук Лангсдорф принимал участие в первой русской кругосветной экспедиции Крузенштерна и Лисянского (1803—1806); путешествовал затем по Русской Америке; вернулся в Петербург через Сибирь. В 1812 году получил звание академика и в том же году

был назначен российским генеральным консулом в Бразилию; во время посещения Бразилии Головинным исполнял обязанности российского поверенного в делах. На средства Российской Академии Наук Г. И. Лангсдорф в 1822—1828 гг. обследовал сначала восточную, а затем центральную Бразилию и собрал очень ценные материалы как по флоре и фауне страны, так и касающиеся этнографии бразильских индейских племен.

⁴⁴ «В Лиссабоне повесили Гомеца де-Фрейру и нескольких чиновников». В Португалию в это время происходило революционное брожение, фактически направленное против английских оккупационных властей; завершилось оно национально-буржуазной революцией 1820 года.

⁴⁵ *Корветта* (обычно — корвет) — небольшое военное парусное судно, следующее по силе оружия за фрегатом.

⁴⁶ *Папские италяны* — подданные светского государства римского папы в Средней Италии (так называемой Папской области); восстановленное в 1815 году, оно существовало до 1870 года.

⁴⁷ *Иллирийцы* — жители северо-западных приморских областей Балканского полуострова, подвластных в то время Австрии (теперь входят в Югославию).

⁴⁸ *Рио-де-Жанейро Сан-Себастьян* — официальное название бразильской столицы (A Cidade de São Sebastião do Rio de Janeiro) — в честь католического святого и по имени мнимой реки, «открытой» португальцами 1 января 1531 года.

⁴⁹ «О перемене... не заботились». Подобно этому, морской залив у безводной области в Западной Сахаре, ошибочно принятый португальскими моряками XV века за золотоносную реку, до последнего времени называется Рио-де-Оро («золотой рекой»).

⁵⁰ *Бельведер* (французское *belvédère*) — вышка или терраса над домом.

⁵¹ *Сарачинское писно* — рис.

⁵² «Английские произведения». Англичане фактически монополизировали внешнюю торговлю Португалии и ее колониальных владений еще со второй половины XVII века, а оформили эту монополию договором 1703 года.

⁵³ *Пернамбуко* (правильно Пернамбуко) — восточная провинция (теперь штат) Бразилии. Главный город — Ресифе, который обычно называется Пернамбуко.

⁵⁴ *Залив Всех Святых* — см. выше примечание 27.

⁵⁵ *Остров Сен-Доминго*. Остров Гаити часто называется Сан-Доминго по имени старейшего испанского города в Америке, основанного в начале XVI века Варфоломеем Колумбом, братом великого мореплавателя.

⁵⁶ *Minas Geraes* (Минас Жераес) — в настоящее время один из самых многочисленных бразильских штатов (около 7 миллионов жителей); расположен к северу от Рио-де-Жанейро.

⁵⁷ *Алмазы*. Бразилия долго была важнейшим поставщиком алмазов для мирового рынка. Теперь она уступает в этом отношении нескольким африканским странам.

⁵⁸ *Опорто* — правильно Порту.

⁵⁹ *Рио Гранде*, Великая река, см. примечание 92 на стр. 119.

⁶⁰ *Область Святой Екатерины* — Санта-

Катарина, южная провинция (теперь штат) Бразилии, см. примечание 83 на стр. 118.

⁶¹ *Саго* — прозрачная крупа из сердцевин саговой пальмы.

⁶² *Маниок* (в Америке — кавава) — кустарник из семейства молочайных (*Manihot utilisima* — «полезнейший»). Его большие и богатые крахмалом корни идут в пищу в вареном виде. Из них также готовят суррогат саговой крупы (саго).

⁶³ Головинн иронизирует над суверенным горожан.

⁶⁴ *Монтевидео* — нынешняя столица южноамериканской республики Уругвай. Постройка города началась в 1724 году португальцами, считавшими, что южные границы Бразилии доходят до Ла-Платы, закончилась испанцами, вытеснившими португальцев. Позднее, в течение первой четверти XIX века, город и провинция Монтевидео были объектом спора между Португалией и Испанией и несколько раз переходили из рук в руки. В тексте речь идет о захвате всей провинции Монтевидео бразильцами в 1817 году. (В дальнейшем, в 1828 году, после войны между Аргентиной и Бразилией, провинция выделилась в независимую республику Уругвай.)

⁶⁵ *Перуанский вицерой* — вице-король «королевства» (испанской колонии) Перу.

⁶⁶ *Река Плата*, Ла-Плата — см. примечание 100 на стр. 119.

⁶⁷ «Возмущившиеся в Южной Америке испанцы нападают на суда всех народов, кроме англичан». Англия и США были заинтересованы в отделении испано-американских областей от их метрополии; поэтому они помогали революционерам деньгами и оружием, организовывали отряды добровольцев. К судам же держав, вливавшихся в Священный Союз, республиканцы относились с законным подозрением.

⁶⁸ *Статенландия* — Земля генеральных Штатов, см. примечание 102 на стр. 119.

⁶⁹ *Петрель* — буревестник.

⁷⁰ «Термометр стоял не выше 16°». Здесь и ниже Головинн приводит температуру воздуха по Реомюру (1° R = 1,25° C).

⁷¹ *Сармиенто Педро* — известный испанский мореплаватель середины XVI века, фактический руководитель экспедиции Менданья (1567—1570), открывшей Соломоновы острова.

⁷² *Лемеров пролив* — у Огненной Земли, см. примечание 102 на стр. 119.

⁷³ *Сан-Жуан* — правильно Сан-Хуан.

⁷⁴ «*Порт-Эгмонтская курица*» Порт Эгмонт — английский поселок, существовавший с 1770 по 1771 год на западном острове Фолклендского архипелага.

⁷⁵ *Остров Кампанья* (*Satrapa*) находится в центральной части Чилийского архипелага. Его северная оконечность лежит у 48° южной широты.

⁷⁶ *Берега Хили*. Здесь и дальше Головинн неправильно произносит название Chile (Чили) и пишет его как Хили.

⁷⁷ *Летучая рыба* характерна для субтропических и тропических зон мирового океана.

⁷⁸ *Каллао*, правильно Кальяво (*Callao*) — порт перуанской столицы Лимы.

⁷⁹ *Инсургентские корсары*. Речь идет об испано-американских республиканских каперсах (см. ниже примечание к слову «патент»).

⁸⁰ *Вальпарайсо* (Valparaiso) — важнейший порт Чили, выход к морю для центрального столичного района Сант-Яго.

⁸¹ *Концепсия*, правильно Консепсьон (Consepsion) — город центрального Чили, южнее Вальпарайсо.

⁸² *Патент*, или каперское свидетельство, — письменное разрешение, выдававшееся владельцу торгового судна («каперу») правительством какой-либо воюющей державы на право захвата неприятельских торговых судов, а также для осмотра нейтральных судов и захвата их в том случае, если там будет обнаружена военная контрабанда. Каперство запрещено в 1856 году Парижским международным конгрессом.

⁸³ *Камергер* — высокое придворное звание при европейских дворах.

⁸⁴ «*Главный фактор Филиппинской компании*» — главный агент компании, ведущей торговлю Филиппин с Испанией и Испанской Америкой. См. также главу тринадцатую «О Маниле».

⁸⁵ *Стол дорического ордера* (ордена) — простая, несколько тяжеловатая колонна с желобками, венчается плоской «подушкой» и плитой.

⁸⁶ «*Найти Лиму красивым городом*». Через несколько лет после посещения Головинным Лимы последняя стала застраиваться новыми правительственными зданиями. Но и в настоящее время ее нельзя назвать красивым городом. Жителей в ней (к 1940 году) было всего 316 тысяч, а вместе с портом Кальяо — около 400 тысяч.

⁸⁷ *Изабелла* — королева Кастилии, давшая средства Колумбу на его первые экспедиции. В 1492 году завоевала Гранаду (последнее мусульманское государство на Пиренейском полуострове) вместе со своим мужем Фердинандом, королем Арагона, за что оба супруга получили звание «католических королей» (reyes católicos).

⁸⁸ «*Senor Intendente*» — господин управляющий. И в настоящее время некоторые окраинные провинции в Колумбии называются интенденсиями.

⁸⁹ *Президент* (presidente) — в данном случае, вероятно, представитель колониального правления (аудиенсии).

⁹⁰ Рыба подавалась только в католические посты.

⁹¹ «*Испанцы после обеда отдыхают*» — так называемая «сыеста» (послеобеденный отдых) южных романских народов.

⁹² «*10 миллионов пиастров*» — по тогдашнему курсу 50 миллионов рублей серебром. Обычно суда с таким ценным грузом собирались в так называемые «серебряные флотилии», так как за одиночными кораблями охотились пираты.

⁹³ *Перуанское королевство*. Большие области самой Испании и Испанской Америки назывались «королевствами».

⁹⁴ *Пизарро* (правильно Писарро), Франсиско — знаменитый конкистадор, завоеватель Перу.

⁹⁵ *Флиорье* — французский моряк, автор книги о мореплавателе Маршанде (см. примечание 96 на стр. 119).

⁹⁶ *Дариенский перешеек* — восточная часть Панамского перешейка. Вдоль него проходит горная цепь. Испанец Бальбоа, высадившийся на северном, атлантическом

берегу перешейка, перевалил в 1513 году через горы и увидел на юге открытое море. Бальбоа назвал его Южным и составил нотариальный акт о присоединении его к кастильским владениям. Уже тогда возникло предположение, что море, открытое Бальбоа, простирается очень далеко на юг, а на запад, возможно, до Китая и Индии. Основываясь на этом предположении, Магеллан составил свой проект плавания западным путем в Индию. В 1519 году он отплыл от испанских берегов, в 1520—1521 годах пересек «Южное море» при тихой погоде, почему и назвал его Тихим океаном.

⁹⁷ *Аудиенция*, правильно аудиенсия — (audiencia) — присутствие, главное колониальное правление.

⁹⁸ «*Святая инквизиция*» (по-латыни inquisitio — расследование) — судебно-следственная церковная католическая организация по делам «еретиков». В «королевствах» Испанской Америки инквизиция была уничтожена после провозглашения их независимыми республиками, в самой Испании — только во второй четверти XIX века.

⁹⁹ *Верхнее Перу* (Alto Peru) — центральное нагорье в Андах к юго-востоку от озера Титикака; позднее получило название Боливийского нагорья и стало ядром республики Боливия (в честь одного из вождей испано-американской революции — Боливара).

¹⁰⁰ «*Объявление себя независимыми жителями Буэнос-Айреса и Хили*». «Соединенные провинции Ла-Платы» (Аргентина, включившая сначала и Уругвай) объявили себя независимой республикой в 1816 году, Чили — в 1817 году (в результате похода лаплатского генерала Сан-Мартина).

¹⁰¹ «*Негров... испанцы покупали в Рио-Жанейро*». В начале XIX века город Рио-Жанейро был центром унизительной работорговли.

¹⁰² «*Их (негров)... везли сухим путем в Хили*». Этот путь шел от Буэнос-Айреса на запад через равнины до города Мендосы, лежащего у восточного подножия Анд. Оттуда партии рабов заставляли совершать труднейший путь в Вальпарайсо через высокогорный перевал (около 3700 м над уровнем моря) между двумя горными вершинами — Аконкагуа и Тупунгато.

¹⁰³ *Ямайка*, открытая Колумбом в 1494 г. формально уступлена Испании в 1670 г.

¹⁰⁴ «*Суперкарг, или прикащик, сего судна*». Английский термин supercargo, заимствованный от испанского sobrecargo (carga — груз), обозначает одного из младших помощников капитана торгового судна, на которого возлагается обязанность наблюдать за выгрузкой и погрузкой. Иногда же собственник груза или судовладелец назначал для этой цели специальное лицо, своего «приказчика».

¹⁰⁵ *Хина*. Дикорастущее хинное дерево распространено на восточных склонах Анд, в тропической зоне. Перу в XVI—XIX веках было важнейшим поставщиком хинной коры. Но в настоящее время хина доказывается почти исключительно культурным хинным деревом, которое разводится на плантациях на острове Ява (Индонезия).

¹⁰⁶ *Сассапарель*, сарсапариль (Smilax) — род лазящих растений, семейства лилейных. Во время Головина корни некоторых тропи-

ческих видов сарсапарилей широко применялись в медицине.

¹⁰⁷ *Вигонья шерсть*. Вигонь — дикое животное из семейства верблюдовых, род лам. Но возможно, что вигоней Головинн называл также шерсть домашней альпаки. Та и другая очень ценны и в настоящее время вывозятся из Перу, но составляют лишь незначительную часть экспорта страны.

¹⁰⁸ *Кадикс* (правильно Кадис) — город и порт в ю.-з. Испании. Через Кадис шла почти вся внешняя торговля Испании с ее заокеанскими колониями.

¹⁰⁹ *«Между Перу и Хили вовсе никакого сообщения нет»*. Препятствием, хотя и преодолимым, служила пустыня Атакама, а не горы, которые в этом районе отступают от моря иногда на десятки километров.

¹¹⁰ *Панама* — портовый город на южном тихоокеанском берегу Панамского перешейка, основанный в 1519 году. Теперь — столица одноименной республики.

¹¹¹ *Портобелло* — правильно Портобельо (Portobello) — портовый город на северном, атлантическом берегу Панамского перешейка; в XVI—XIX веках играл очень большую роль в торговле и связи Европы с тихоокеанскими странами Америки. После сооружения Панамского канала порт, находящийся в стороне от него, потерял значение.

¹¹² *Калифорния*. Речь идет о «Верхней», континентальной Калифорнии (теперь североамериканский штат), а не о «Нижней», полуостровной — пустынной и очень слабо заселенной мексиканской области.

¹¹³ *«Перу рано или поздно должно отпасть от Испании»*. Перу отложилось от Испании в 1820 году.

¹¹⁴ *«Мощь одной сильной морской державы»*. Головинн намекает на Англию: США тогда еще не могли называться сильной морской державой.

¹¹⁵ *«...независимые одна от другой области»*. В ближайшие годы (к 1826 году) испанские колониальные владения в Америке распались на восемь республик: Мексика, Соединенные Штаты Центральной Америки; Колумбия, включавшая нынешнюю Колумбию, Венесуэлу и Эквадор; Боливия, Перу, Чили, Парагвай и Соединенные провинции Ла-Платы. В дальнейшем распад продолжался, и в настоящее время на двойном западном континенте имеется 16 испано-американских республик и, кроме того, еще две на Антильских островах.

¹¹⁶ *Гваякиль* — правильно Гуаякиль (Guayaquil) — важнейший испанский тихоокеанский порт между Панамой и Кальяо, находящийся теперь на территории республики Эквадор.

¹¹⁷ *«Между Перу и Бразилией обитает варварский лютый народ»*. Неизвестно, о каком именно индейском народе говорит Головинн, так как испанские завоеватели, как и всякие другие колонизаторы, обвиняли в жестокости все племена, восставшие против их власти.

¹¹⁸ *Инки* — каста, господствовавшая в Перу до испанского завоевания.

¹¹⁹ *Пачакама* (правильно Пачакамак) — развалины храмов, воздвигнутых в честь бога Пачакамак (это имя миссионеры переводили как «творец мира»).

¹²⁰ *Каменья Гормигас* (правильно Орми-

гас) — скалы в открытом океане в 100 милях западнее Кальяо.

¹²¹ *Острова Галлионагос*, Галапагос (Galapagos) — архипелаг вулканического происхождения в открытом океане; расположено приблизительно в тысяче километров к западу от берегов Южной Америки, пересекается экватором и меридианом 90° западной долготы. Открыт испанцами во время завоевания Перу. В настоящее время принадлежит республике Эквадор.

¹²² *Острова Маркиза Мендозы* — Маркизские острова, см. примечание 99 на стр. 119.

¹²³ *Вашингтоновы острова* — необщепринятое название для северной группы Маркизских островов. Упоминаемая Головинным Нукагива — крупнейший из Маркизских островов.

¹²⁴ *Гиану* (иначе Хнау и даже Ио) по-французски Ниау — северо-западный остров Маркизской группы.

¹²⁵ *Мель Имануила Родерика*. На современных картах такой мели нет.

¹²⁶ При переходе через 180-й меридиан Головинн, двигавшийся с востока на запад, должен был прибавить к календарному счету лишний день. См. ниже, примечание 204.

¹²⁷ *«Теплые воды»*. Восточный хребет на Камчатке изобилует горячими источниками.

¹²⁸ *Капитан Кларк* (правильно Клерк) Чарлз, — английский мореплаватель, ставший во главе 3-й экспедиции Джемса Кука, после его гибели на Гавайских островах. Повторил попытку Кука пройти Северным проходом из Тихого в Атлантический океан, достиг 69° северной широты, но вынужден был из-за льдов повернуть обратно и умер у берегов Камчатки (1779 г.).

¹²⁹ *Штунский мыс* — к востоку от Петропавловска у 160° восточной долготы.

¹³⁰ *Коцебу О. Е.*, начальник русской кругосветной экспедиции на бриге «Рюрик» (1815—1818) и его спутник, знаменитый немецкий поэт *Адалберт Шамиссо* (француз по происхождению), оставили интересные описания своего плавания. Вторично Коцебу совершил кругосветное плавание на шлюпе «Предприятие» (1823—1826).

¹³¹ *Остров Уналашка*, один из больших восточных Алеутских островов.

¹³² *Кроноцкий мыс*. Расположен к северо-востоку от Петропавловска, у 162° восточной долготы, на параллели южных оконечностей обоих Командорских островов — Берингова и Медного, т. е. за 59 $\frac{1}{3}$ ° северной широты.

¹³³ *«Сопка сего имени»* — Кроноцкая сопка близ северного берега Кроноцкого залива.

¹³⁴ *Берингов остров* — западный, наибольший из Командорских островов, у которого Беринг (открывший его) потерпел кораблекрушение и где умер от чумки в 1741 году.

¹³⁵ *Художники*. В первой половине XIX века, когда Головинн писал «Записки», слово «художник» употреблялось в смысле «ремесленник». Сравнить у Баратынского обращение к поэту: «...ты избранник, не художник».

¹³⁶ *Атта (Атту)* — самый западный из «Ближних» (ближайших к Камчатке) островов Алеутской гряды.

¹³⁷ *Остров Агату* (из «Ближней» группы) расположен к юго-юго-востоку от Атту.

138 *Танага* — один из «Крысьих» островов Алеутской гряды, у 180°.

139 *Адриановская гряда*, Андрияновские острова — центральная группа Алеутской гряды, между 180 и 170° западной долготы.

140 *Амлея (Амля) и Сеуам* — восточные острова из группы Андрияновских островов.

141 Название «Шумагинские острова» в настоящее время общепринято. Имя Унга сохранено за центральным островом этой группы.

142 *Тахкинях* — небольшой остров из этой же группы Шумагинских.

143 *Укамок* — небольшой остров к юго-западу от Кадьяка. Головин доказал его тождество с островом Чирикова.

144 *Чириков, Алексей Ильич* — великий русский мореплаватель, спутник Беринга в обеих его экспедициях. В 1741 году, командуя кораблем «Святой Павел» и разлучившись со «Святым Петром», на котором находился Беринг, Чириков на 1—2 дня раньше Беринга достиг северо-западного берега Америки, точнее — островов, прилегающих к юго-восточной окраине Аляски. На обратном пути открыл Алеутские острова Умнак, Адак, Агатту и Атту.

145 *Евдокийские* (Евдокеевские) острова, иначе Семиди. Об ошибке Кука, снова «открывшего» их, см. текст на стр. 338.

146 «*Взяв рифы... пошли мы бейдевинд*». Рифы — веревочные завязки, пришитые к большому парусам. «Брать рифы» — привязывать рифами к реям части парусов, чтобы уменьшить их площадь при сильном ветре. Бейдевинд — под острым углом к ветру.

147 *Яврашка*, иначе еврашек — суслик.

148 *Ситхунюк и Туеидок* — острова близ юго-западной оконечности Кадьяка. На английских картах их общее название — Trinity (Троица). Об ошибке Кука, вновь «открывшего» их, см. стр. 338.

149 *Остров Кадьяк*, см. стр. 328 текста.

150 Алякса. В. М. Головин пишет «Алякса» вместо принятого теперь «Аляска».

151 Угак — один из островов у Кадьяка, входящих в группу Тринити (Троицы).

152 *Лисянский, Юрий Федорович (1773—1837)* — знаменитый русский кругосветный мореплаватель, командовавший кораблем «Нева» в экспедиции Крузенштерна (1803—1806). Его именем назван один из крайних северо-западных Гавайских островов (у 174° западной долготы).

153 *Хвостов и Давыдов* — см. выше «В плену у японцев».

154 *Мамура* — поляника, *шикша* — водяника.

155 *Хайко* — кета.

156 *Гольцы*. Здесь речь идет, конечно, не о мелких рыбах, сходных с вьюнами, а о крупной рыбе (0,5 и более метра длины) семейства лососевых.

157 «*Большое сходство в языке гренландцев с кадьякским*». Теперь языковеды включают алеутский (унганский) язык в эскимосскую группу палеоазиатских языков.

158 *Шелехов, Григорий Иванович (1747—1796)*, правильно Шелихов — основатель торговой компании, позднее переименованной в Российско-Американскую компанию. Колонизировал Кадьяк осенью 1784 года и прожил там с зимовщиками до весны 1786 года.

159 *Баранов, Александр Андреевич*

(1746—1819) — главный правитель Русской Америки, фактически присоединивший Аляску к русским владениям. Его именем назван большой остров у юго-западного берега территории Аляски.

160 *Порт Ново-Архангельск* (Ситка) — центр Русской Америки. Основан Барановым в 1799 году под именем Ситка на одноименном острове. В 1802 году поселок был сожжен индейцами, подстрекаемыми иностранными матросами, а почти все русские и алеуты, находившиеся там, убиты или взяты в плен. В 1804 году восстановлен и тогда назван Ново-Архангельском.

161 *Монтерей (Monterey)* — поселок, основанный во второй половине XVIII века в Верхней Калифорнии монахами-францисканцами для утверждения испанского господства и католической пропаганды среди местных индейцев. Монтерей расположен у одноименного залива, южнее Сан-Франсиско.

162 *Гагенмейстер* — главный правитель Русской Америки во время плавания Головина.

163 «*При истреблении русских*». Речь идет о резне 1802 года в поселке Ситка (Ново-Архангельск), см. примечание 160.

164 *Бобры*. Головин имеет в виду морских бобров.

165 *Колюжи*, калюжи или колоши — индейцы племени тлинкит, жившие в приморской полосе северо-западной Америки и на прилегающих островах (на территории нынешней Аляски и соседних районов Канады). По языку и образу жизни сильно отличались от остальных индейских племен.

166 *Миллер Герард Фридрих* (Федор Иванович) — известный историк Сибири. Головин, вероятно, имеет в виду его «Описание морских путешествий по Ледовитому морю, с российской стороны учиненных», опубликованное в 1758 году.

167 *Американские соединенные области* — Соединенные Штаты Америки.

168 *Мыс Мендосино* (Mendocino) — самый западный выступ Верхней Калифорнии, к северу от залива Сан-Франсиско (у 42 $\frac{1}{2}$ ° северной широты).

169 *Фок* — большой нижний передний парус.

170 *Новый Альбион* (New Albion) — название, данное английским пиратом Дрейком открытой им в 1578 году во время кругосветного плавания части калифорнийского берега.

171 *Миссия* (по-испански *mision*) — поселение, основанное монахами (в данном случае францисканцами) среди «язычников» или новообращенных еретиков.

172 *Рейтары* — кавалеристы.

173 «*Пели священные стихи на еврейском языке*». Католические священники обучались древнееврейскому языку, наряду с латинским и древнегреческим, как одному из трех языков, на которых писались «богословные книги» и, по преданию, составлена была надпись на «кресте господнем».

174 *Верхняя или Новая Калифорния* (California Altao Nuowa) — теперь североамериканский штат Калифорния.

Старая Калифорния (California Antiqua), иначе Нижняя (Важа) Калифорния — полуостров к югу от «Верхней» Калифорнии, теперь Важа California, принадлежит Мексике.

¹⁷⁵ *Миссия Св. Диего* (San Diego) — теперь военный порт США у мексиканской границы. В 1807—1808 годах там побывал русский промышленник Швецов, обследовавший весь тихоокеанский берег от реки Колумбия до Калифорнийского полуострова в поисках новых охотничьих угодий.

¹⁷⁶ *Мыс Св. Луки* (San Lucas) — южная оконечность Калифорнийского полуострова.

¹⁷⁷ *Лорето* (Loreto) — миссия на берегу Калифорнийского залива, у 26° северной широты; в настоящее время — незначительный рыбачий поселок.

¹⁷⁸ *Провинция Сонора* (Sonora). Южная ее часть в настоящее время составляет мексиканский штат Сонора, прилегающий к Калифорнийскому заливу. Северная часть отошла к США (теперь штат Аризона).

¹⁷⁹ *Св. Варвара* (Santa Barbara) — порт у одноименного пролива, отделяющего от материка острова Санта-Роса и Санта-Крус (оба у 34° северной широты).

¹⁸⁰ *Мыс де-Лос-Рейес* (Мыс королей) — у 38° северной широты, на северном полуострове, отделяющем залив Св. Франциско от открытого океана.

¹⁸¹ *Порт Румянцева*, (теперь Бодега) — бухта у северного берега полуострова, заканчивающегося на юге мысом Королей. К северу от бухты в океан впадает «Русская река» (Russian River).

¹⁸² *Дрейк Френсис* — известный пират, первый английский мореплаватель, совершивший после Магеллана кругосветное путешествие (в последний четверти XVI века).

¹⁸³ *Дрейков залив*. Место высадки Дрейка в точности не установлено.

¹⁸⁴ *Пресидия Сан-Франциско* — ячейка нынешнего города США.

¹⁸⁵ *Залив Троицы* (Тринидад) — у 41° северной широты (к северу от залива Гумбельда). В 1808 году там обосновались русские звероловы с Аляски под начальством Слободчикова.

¹⁸⁶ «...не признавали Иосифа королем испанским». Жозеф Бонапарт был возведен своим братом Наполеоном I на испанский престол (1808—1813).

¹⁸⁷ *Пролив Аниан*. На некоторых картах XVI—XVII в. в северной части Тихого океана показан пролив Аниан, отделяющий Азию от Америки, причем очертания обоих материков на этом участке нанесены были без всякого соответствия с действительностью. Название Аниан, заимствованное у Марко Поло, впервые отнесено к проливу на итальянских картах середины XVI в.; во всяком случае, нельзя доказать его испанское происхождение.

¹⁸⁸ «Оставить одно место в Северной Америке». Речь идет о восточном побережье Северной Америки — о неудачной попытке англичанина Ралей в 1584—1587 годах организовать колонию Виргиния.

¹⁸⁹ *Залив Нутка* (Nootka Sound), точнее — пролив, отделяющий остров Нутка от острова, который позднее был назван именем Ванкувера (у 49½° северной широты).

¹⁹⁰ По договорам 1824 года с США и 1825 года с Англией Россия согласилась признать южной границей своих американских владений (параллель 54°41' северной широты).

¹⁹¹ *Фаральонес* — скалы перед входом в залив Сан-Франциско.

¹⁹² *Северо-восточная американская республика*. Головини так называет США, потому что в то время фактическая граница республики проходила к востоку от Скалистых гор.

¹⁹³ «Даг большие реки, впадающие в северную сторону залива Св. Франциска», — реки Сакраменто и Сан-Хоакин, образуя общее устье, впадают в бухту Сан-Пабло (северную часть залива Св. Франциска).

¹⁹⁴ *Река Славянка*, теперь Русская река (Russian River). Близ ее истоков действительно находится большое озеро Светлое (Clear), но, как в настоящее время доказано, Русская река берет начало не там, а в горах к северо-западу от него. Из озера же, в направлении, указанном Головинным, течет один из притоков Сакраменто.

¹⁹⁵ *Огнедышащая гора*. В верховьях реки Сакраменто, впадающей в залив Сан-Франциско, возвышается огромный действующий вулкан Шаства (4370 метров над уровнем моря).

¹⁹⁶ «Из озера течет на запад третья большая река». К северу от мыса Мендосино в океан впадает значительная река Ил (по-английски Eel — угорь). Ее верховья сближаются со «Светлым» озером, но связи с ним она, как и Русская река, не имеет.

¹⁹⁷ *Остров Овайи*, теперь на русских картах его принято называть Гавайи, юго-восточный самый большой из Гавайских (Сандвичевых) островов, у 20° северной широты.

¹⁹⁸ «Острова Неккера и риф Французских Фрегатов», расположены к северо-западу от Гонолулу, у тропика Рака (центральная часть Гавайской островной цепи).

¹⁹⁹ *Остров Лисянского* — к юго-востоку от острова Мидуэй (северо-западная часть Гавайской островной цепи).

²⁰⁰ *Риф Крузенштерна* — к юго-западу от острова Лисянского, наиболее выдвинутый к югу риф западной части Гавайской островной цепи у 22° северной широты. Близ него проходит оживленный морской путь Шанхай—Гонолулу.

²⁰¹ *Остров Джонстон* расположен у 17° северной широты и 169° западной долготы. Теперь фактически принадлежит США, но на английских картах показывается как британское владение.

²⁰² *Мауна-Роа*, правильно Мауна-Лоа, — действующий вулкан на острове Гавайи (4168 метров над уровнем моря).

²⁰³ *Карекекуа*, на нынешних картах Kealakekua — залив на западном берегу острова Гавайи, место гибели Кука.

²⁰⁴ Очевидно, в честь английских Питта (Pitt) Уильяма Старшего и Младшего, — знаменитых английских политических деятелей, отца (умер в 1778 году) и сына (умер в 1806 году).

²⁰⁵ *Тамеамае*, правильно Камеамае (Kamehameha), — один из племенных вождей гавайцев, объединил под своей властью все острова архипелага (1789—1795) и объявил себя королем под именем Камеамае I.

²⁰⁶ *Кайруа* (Кайлуа) — залив на западном берегу Гавайи к северо-западу от Карекекуа (у 156° западной долготы).

²⁰⁷ *Остров Ваау*, правильно Оаху (Oahu), — к северо-западу от Гавайи (158° западной долготы), отделенный от последнего группой островов. На южном берегу остро-

ва Оаху — прекрасная естественная гавань, у которой возник портовый город Гонолулу, нынешняя столица Гавайских островов.

²⁰⁸ «Животно-растение». Повидимому, Головинн имеет в виду одну из морских форм животных, ведущих сидяче-прикрепленный образ жизни.

²⁰⁹ *Морогой*, иначе Молокай (Molokai), у 157° западной долготы.

Мови, иначе Мауй (Maui), расположен против северо-западной оконечности острова Гавайи, отделен от него широким проливом.

²¹⁰ *Тагорору*, иначе Кахулау (Kahului) — небольшой остров к югу от Мауй. *Рекай*, иначе Ланай (Lanai), к югу от Молокай.

²¹¹ *Атуай*, иначе Кауай, — наиболее выдвинутый к северо-западу из крупных островов Гавайского архипелага (22° северной широты, 159¹/₂° западной долготы).

²¹² *Компанейское заселение*. Медик Шефер в 1816 году пытался, действуя якобы по поручению Российско-Американской компании, организовать поселение на острове Атуай и поднять там русский флаг. Поселение это через год было ликвидировано гавайцами.

²¹³ *Сандальное дерево* на Гавайях, как и на многих других островах тропической Океании, было одним из самых важных предметов торга с европейцами.

²¹⁴ «Торг с Китаем принадлежит одной *Ост-Индской компании*. Английская *Ост-Индская* торговая компания монополизировала британскую торговлю с Китаем. Но с этой монополией не считались граждане других государств, в том числе США.

²¹⁵ *Тимерман* — корабельных дел мастер.

²¹⁶ «Общество европейцев под управлением одного чужестранного для них медика» — группа поселенцев под управлением немца, медика Шефера. См. выше прим. 212.

²¹⁷ *Гюйс* — флаг, поднимаемый на носу военных судов во время стоянки.

²¹⁸ *Фальконет* — старинное легкое артиллерийское орудие, вышло из употребления уже в XVIII веке.

²¹⁹ *Кава* (Piper methysticum) — вид перца, растущего на островах тропической Океании.

²²⁰ «Имена сих островов... всего *одиннадцати*». Общеприняты теперь названия восьми крупнейших островов помещены в том же порядке, как и в тексте (в скобках дана их площадь в тысячах квадратных километров): Гавайи (10,4), Мауй (1,9), Кахулау (0,1), Ланай (0,4), Молокай (0,7), Оаху (1,6), Кауай (1,4), Нишау (0,2). Остальные три очень малы. Их общепринятые названия: Леа, Каула, Молокин.

²²¹ «*Две горы* считаются в числе *высочайших в свете*: высота Мауна-Кеа (Большая гора) 4213 метров, Мауна-Лоа (Большая гора) 4168 метров над уровнем моря (обе — на большом острове Гавайи). В настоящее время известно множество гораздо более высоких гор в других странах.

²²² *Платан* (по-испански platan) — банан. Головинн относит к «платанам» несладкие сорта бананов.

²²³ *Деревья хлопчатой бумаги*. Среди нескольких десятков видов хлопчатника есть несколько видов деревьев, но культивируются они очень редко.

²²⁴ «*Число жителей... можно уменьшить вдвое*». Соображения Головинна правильны:

и в настоящее время на большом Гавайском острове всего 68 тысяч жителей, на всем же архипелаге, несмотря на его колонизацию заморскими элементами, — 422 тысячи человек (1940), в том числе 66 тысяч коренных жителей, включая метисов.

²²⁵ «*По причине частых дождей*». Некоторые местности на большом Гавайском острове принадлежат к числу самых влажных на земном шаре.

²²⁶ В 1940 году на острове Мауй было 52¹/₂ тысячи жителей.

²²⁷ Ананасы в настоящее время являются важнейшей статьей экспорта в США в виде консервов на десятки миллионов долларов. На втором месте — тростниковый сахар.

²²⁸ В 1940 году на острове Оаху было 310 тысяч жителей, в том числе в Гонолулу, ставшем портовым центром мирового значения — 181 тысяча.

²²⁹ В 1940 году на острове Кауай было 93 тысячи жителей.

²³⁰ «*Флаг другой сильной европейской державы*» — России.

²³¹ Речь идет о медике Шефере.

²³² В 1940 году на острове Молокай было только 5 тысяч жителей.

²³³ В 1940 году на острове Ланай было 2¹/₂ тысячи жителей.

²³⁴ В 1940 году на острове Нишау было только 136 постоянных жителей.

²³⁵ Остров Кахулау необитаем и в настоящее время, если не считать сторожей маяка.

²³⁶ Островки Малокин, Каула и Леула необитаемы и в настоящее время.

²³⁷ *Моду-Папатах*. Нельзя точно сказать, о каком именно, западном островке идет речь. *Островок Моду-Мана* — название передано и переведено правильно. Кроме него, в настоящее время к Гавайской цепи причисляют и более отдаленные островки и рифы (до 180° меридиана и 30° северной широты).

²³⁸ *Арима*. На плетеные изделия на Гавайских островах употреблялось льико дикорастущего Elaeocharis. Но это ли растение называли гавайцы «арима», или другое — трудно установить.

²³⁹ Pandanus — род небольших деревьев с воздушными корнями и длинными, узкими, зубчатыми листьями.

²⁴⁰ «*Географы... несогласны, были ли Сандвичевы острова прежде Кука посетены европейцами*». В настоящее время преобладает мнение, что Гавайские острова со второй половины XVI века иногда посещались испанскими кораблями, которые возвращались с Филиппин в Мексику северным путем, пользуясь попутными течениями и постоянными (в высоких широтах) западными ветрами.

²⁴¹ *Долгота 204¹/₂°*. Двигаясь с востока на запад, Головинн пересек в первых числах ноября 180-й меридиан, следовательно оказался в восточном полушарии. 204¹/₂° = 155¹/₂° восточной долготы.

²⁴² *Гуахан* (теперь общепринято Гуам) — самый южный из Марианских островов, открытых Магелланом и принадлежавших Испании до 1899 года.

²⁴³ *Испанская лига* равна, приблизительно, 7 километрам.

244 *Малеспина* — испанский мореплаватель конца XVIII века.

245 «*Рюрик*» — корабль (бриг) русской кругосветной экспедиции под начальством Коцебу (1815—1818).

246 *Марианская или Ладронская купа* (группа). По-испански *ladron* — вор, разбойник. Острова были открыты в марте 1521 года Магелланом, который назвал их сначала островами Парусов (*Islas de los velas*) из-за треугольных парусов на туземных лодках. Но так как островитяне, взбиравшиеся на его корабли, похищали различные, невиданные ими раньше мелкие вещи, то за островами надолго укрепилось название «Воровских». Марианскими они официально были названы в XVII веке в честь испанской королевы Марии, жены Филиппа IV. В 1899 году Испания, потерявшая Филиппины, продала Марианские острова, кроме Гуама, отошедшего к США, Германии. В 1920 году они перешли к Японии как мандатная территория, а после разгрома Японии и до настоящего времени (1949 г.) оккупированы США.

247 *Лорд Ансон* — английский мореплаватель XVII века. См. прим. 107 на стр. 120.

248 «*Каролинских... власть испанцев не достигала*». Каролинские острова частично открыты испанцами вскоре после Магеллановой экспедиции (начиная с 1526 года). Но испанское правительство утвердило там свою власть только в 1885 году, чтобы помешать немцам захватить их. В 1899 году Испания продала Каролинские острова Германии. В дальнейшем их постигла участь Марианских островов. (См. выше прим. 246).

249 «*Число жителей... до 40 тысяч*». Перед второй мировой войной на всех Марианских островах было около 70 тысяч коренных жителей и, кроме того, несколько десятков тысяч японцев и тысячи американцев (последние — на Гуауме).

250 *Город Св. Игнатия Аганского*, теперь Аганья (*Agaña*), — резиденция американского губернатора Гуама.

251 *Порт Св. Лудовика Апры*, теперь Апра (*Apra Harbour*) — превращен в военный порт.

252 *Галлон* (испанское *galèon*) — грузовой парусный корабль в XVI—XVIII вв.

253 Потеряв Филиппины, захваченные США в 1899 году (после испано-американской войны 1818 года), Испания немедленно продала остальные тихоокеанские острова Германии.

254 *Мандарины* — высшие китайские чиновники.

255 *Баши* (*Bashi*) — группа островов у 20° северной широты, между Формозой и Филиппинами. До 1898 года принадлежали Испании, в 1899 году вместе с Филиппинами перешли к США.

256 *Лукония*, правильно Лусон (*Luzon*), — северный и самый большой из Филиппинских островов.

257 *Китайское море*. Здесь — Южно-Китайское море.

258 *Кавите* — гавань в Манильском заливе, к юго-западу от Манилы, теперь — военный порт.

259 *Индийский театр*. Испанцы называли филиппинцев индейцами (*indianos*), так же

как коренных жителей своих американских владений.

260 *Кабилда*, правильно *кавилдо* (по-испански *Sabildo*) — городской совет.

261 *Землетрясения*, частые как на Филиппинах, так и на всех других островах Восточной Азии, вызываются перемещением расплавленных масс в земной коре (так называемые тектонические землетрясения) и гораздо реже — извержением вулканов.

262 *Магига* — центральная балка.

263 *Дерево бамбу* — бамбук.

264 В 1941 году в Маниле, столице Филиппин, было 673 тысячи жителей.

265 В 1941 году на Филиппинах было 17 миллионов жителей.

266 *Прежние французы* — эмигранты-роялисты, враждебные и французским республиканцам, и Наполеону I.

267 *Гласис* — насыпь перед крепостным ровом.

268 «*Древние здешние жители*» — различные народности малайского происхождения.

269 «*Жители Тагалы*», правильно тагалогги, — одна из наиболее развитых в культурном отношении филиппинских народностей, живущая в западной и центральной области острова Лусон, в частности — в районе столицы Филиппин, Манилы. Тагалогское наречие в 1937 году объявлено национальным языком для всех филиппинцев и государственным языком — наряду с испанским и английским

270 «*Все они говорят по-испански*». Головинн имеет в виду горожан. Среди филиппинских крестьян испанский язык распространен гораздо слабее, чем среди индейцев Центральной и Южной Америки, где он (за сравнительно малыми исключениями) вытеснил местные языки.

271 *Бетель* (*Piper betle*) — один из видов перца. Его листья, смешанные с семенами пальмы — ареки, употребляются для жевания как наркотическое средство.

272 *Индиго* — синяя краска, добываемая из тропического растения индигоноски. До изобретения искусственного индиго (1880) индигоноска разводилась в Индии и других азиатских странах, в том числе и на Филиппинах, а индиго было очень ценным экспортным товаром.

273 «*Большее всего отпускается сахару*». Тростниковый сахар и в настоящее время является важнейшим экспортным продуктом Филиппин.

274 «*Неосторожный покупатель... бывает обманут*». Речь идет о приемах посредничества (так называемой «компрадорской») китайской буржуазии.

275 *Фокин* (правильно Фуцзянь) — юго-восточная приморская провинция Китая, прилегающая к Формозскому проливу.

276 *Акапулка*, Акапулько, — тихоокеанский порт Мексики. В настоящее время играет ничтожную роль во внешней торговле страны.

277 «*Остров производит в изобилии*». Головинн ниже дает перечень многих сельскохозяйственных продуктов, но не упоминает о важнейшей культуре — кокосовой пальме, дающей продукцию мирового значения (копру и кокосовое масло).

278 «*Серебряные, медные и железные руды*». В настоящее время на Филиппинах,

кроме названных Головинным металлов, добывается также золото, хром.

²⁷⁹ *Гаспарский и Зондский проливы* в Индонезии. Гаспарский пролив (Gaspar) — между островами Банка и Биллитон; через него проходит важный путь от Сингапура до Батавии (Ява).

²⁸⁰ *Пуло* (остров) *Кондор* — скалистый островок на Южно-Китайском море, близ южного берега Индо-Китая, против устья реки Меконг. Во время плавания Головина принадлежал государству Аннам. В 1862 году перешел к Франции.

²⁸¹ *Тимоан* (правильно *Тиоман*) — небольшой остров у восточного берега полуострова Малакки (140° восточной долготы), к западу от архипелага Анамба; принадлежит Англии.

²⁸² *Пуло* (остров) *Аор* — скалистый островок к юго-востоку от Тиоман.

²⁸³ *Латинские паруса* — косые треугольные паруса.

²⁸⁴ *Toti* (Toti) — островок к северу от острова Банка.

²⁸⁵ *Банка* (Bangka) — большой остров (свыше 11 000 кв. километров) у восточного берега Суматры. На острове — оловянные рудники с добычей мирового значения. Выделен в отдельную провинцию Индонезии.

²⁸⁶ *Гаспар* (Gâspar) — островок у северного входа в одноименный пролив между островами Банка и Биллитон. См. прим. 279.

²⁸⁷ *Древесный (Камениый Корабль), Средний* — скалы у юго-восточного берега острова Банка, к юго-западу от острова Гаспар.

²⁸⁸ *«Острова, называемые Два Брата, от коих начинается Зондский пролив»*. На голландских картах островки у северного входа в Зондский пролив называются Два («поперек пути»).

²⁸⁹ *Каракатоа* (правильно *Кракатау*) — маленький вулканический островок в центре Зондского пролива (у 6° южной широты). В 1883 году стал известен всему миру из-за колоссального землетрясения, которое сопровождалось страшным по силе извержением вулкана, уничтожившим большую часть острова. Волна, поднятая землетрясением, докатилась до берегов Африки.

²⁹⁰ *Остров Принца* — у западного выступа Явы.

²⁹¹ *Новая Голландия* — Австралия.

²⁹² *Амстердам и Павел* (Новый Амстердам и Сен-Поль) — два одиноких необитаемых острова в южной части Индийского океана, на полпути между юго-западной Австралией и Южной Африкой, у 40-й параллели. С конца XIX века принадлежат Франции.

²⁹³ *Родриг*, правильно *Родригес* (Rodrigues) — остров в тропической зоне Индийского океана (у 20° южной широты), в 350 милях к востоку-северо-востоку от острова Маврикия. Открыт португальцами в начале XVI века. В XVIII веке захвачен и заселен французами. В 1814 году вместе с островом Маврикием отошел к Англии. В 1931 году на острове было свыше 8 тысяч жителей.

²⁹⁴ *«Вести счет по порядку»*. В настоящее время международной границей перемены чисел календаря принят 180-й меридиан. Суда,двигающиеся с востока на запад (от Америки к Азии или Австралии), при переходе 180-го меридиана прибавляют к счету лишний день, а двигающиеся в обратном направлении — убавляют один день, т. е. считают дважды дату перехода.

²⁹⁵ *Остров Св. Елены* — одинокий вулканический остров на Атлантическом океане, в 1200 милях от западного берега Африки (16° южной широты и 5 $\frac{3}{4}$ ° западной долготы). Открыт в 1502 году португальцами, но не был заселен ими. В 1631 году захвачен голландской Ост-Индской компанией, устроившей там станцию для снабжения водой и продуктами своих судов, направляющихся в Южную и Восточную Азию. В 1659 году английская Ост-Индская компания окончательно вытеснила оттуда голландцев. С 1815 года остров стал местом ссылки Наполеона I, умершего там в 1821 г.

²⁹⁶ *Первый член Ост-Индского совета*. Остров Св. Елены оставался во владении английской Ост-Индской компании до 1834 года, затем был превращен в прямую («коронную») британскую колонию.

²⁹⁷ *Компания* — английская Ост-Индская компания.

²⁹⁸ *Мадрасский совет* — областная организация английской Ост-Индской компании в южной Индии. Резиденцией ее был город Мадрас.

²⁹⁹ *Остров Вознесения, Эсеншен* (по-английски Ascension) — небольшой одинокий вулканический остров в 700 милях к северо-западу от Св. Елены.

³⁰⁰ *«...неудачи северо-полярной их экспедиции»*. Речь идет о попытке английской экспедиции на судах «Доротея» и «Трент» под начальством Давида Бьючена (Buchan) достигнуть северного полюса (1818 год). Попытка эта окончилась неудачей. Суда не смогли преодолеть тяжелые льды, преградившие им путь на 80°34' северной широты, и вынуждены были вернуться обратно в весьма жалком состоянии.

³⁰¹ *Флорес и Корво* — крайняя западная группа Азорских островов у 31° западной долготы.

³⁰² *Остров Фаял* в центральной группе Азорских островов у 29° западной долготы.

³⁰³ *Пико* (Pico Alto) — высочайшая гора Азорских островов (2320 метров над уровнем моря) на одноименном острове центральной группы, к юго-востоку от острова Фаял.

³⁰⁴ *Эдистонский маяк* (Eddystone Lighthouse) — маяк в западной части Английского канала (Ла-Манш), в 10 милях от входа в Плимутскую бухту.

³⁰⁵ *Нидинские маяки*. *Нидинг* (Nidingen) — шведский островок у северного входа в Каттегат, против датского острова Лесё.

³⁰⁶ *Стирсудден* (Стирс-удде) — мыс при входе в Кронштадтскую бухту (у 20° восточной долготы), на северном берегу залива.

О п и с а н и е
ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ
КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ,
п р е т е р п е н н ы х
РУССКИМИ МОРЕПЛАВАТЕЛЯМИ

СОБРАНО И ПОПОЛНЕНО
ПРИМЕЧАНИЯМИ И ПОЯСНЕНИЯМИ
ФЛОТА КАПИТАНОМ-КОМАНДОРОМ
ГОЛОВНИНЫМ

ГИБЕЛЬ 74-ПУШЕЧНОГО КОРАБЛЯ «ПРИНЦ ГУСТАВ»* (ПОД
НАЧАЛЬСТВОМ КАПИТАНА ТРЕСКИНА И ПОД ФЛАГОМ КОНТР-
АДМИРАЛА КАРЦОВА) У НОРВЕЖСКИХ БЕРЕГОВ 4 НОЯБРЯ
1798 ГОДА

Император Павел I, желая усилить морское свое ополчение, в союзе с англичанами против общих врагов действовавшее, повелел в 1798 году отправить в Англию еще одну эскадру, долженствовавшую там вступить под начальство вице-адмирала Макарова. Эскадра сия состояла из пяти кораблей и одного фрегата и была вверена начальству контр-адмирала Карцова.

21 августа 1798 года контр-адмирал, подняв свой флаг на корабле «Принц Густав», отправился со всей эскадрой в путь с ревельского рейда и 12 сентября стал на якорь в Гельсиноре¹. Здесь для получения лоцманов и исправления разных других надобностей эскадра простояла пять дней, а 17-го числа при ровном юго-восточном ветре снялась с якоря и менее чем сутки прошла Каттегатом: 18-го числа, в 4 часа пополудни, она находилась уже севернее мыса Скагена²; но на этом месте, казалось, судьба изрекла: «Здесь предел, его же не преjdeши». Благополучное плавание эскадры кончилось: ветер постепенно стал усиливаться, а в 9-м часу вечера нашел от W прежестокый порыв и покрыл корабли такой пасмурностью,

что, невзирая на близкое между ними расстояние, они друг друга не могли видеть. За порывом последовала с той же стороны ужасная буря, которая вскоре заставила корабли закрепить марсели.

19-го числа буря свирепствовала с прежней жестокостью и произвела такое сильное волнение, что на корабле «Принц Густав» повредился бушприт и галюн³, а сверх того, в носовой части и около грузовой ватерлинии открылась течь, и вода прибывала по 10 дюймов в час. Положение адмирала было весьма неприятное, но еще более беспокоился он об участи других судов эскадры, ибо на сигналы его «показать свои места» не отвечал никто.

На другой же день, когда пасмурность уменьшилась, показались под ветром два корабля и фрегат, к которым он тотчас и спустился; но нашедшая снова густая мрачность скрыла их вновь.

Около полуночи на 21-е число ветер, не переменяясь в жестокости, переменялся в направлении и сделался от севера, попутный в Англию. Тогда адмирал велел править на W и в то же время сигналом приказал кораблям показать свои места; нашлось, что с ним были корабль «София-Магдалина» и фрегат, а «Изяслав» и по рассвете не показался.

22-го числа буря смягчилась и потом, утихая понемногу, уступила место штилю.

* Этот корабль знаменит в истории русского флота: в 1788 году на нем был взят в плен шведский вице-адмирал Вахмейстер в сражении, происходившем между двумя флотами.

Капитан Трескин по внимательном осмотре корабля нашел, что в носовой части под баргоутом ⁴ на обеих сторонах в настоящей обшивке выбило конопать на 4 сажени в длину; также была выбита или выжата пенька у двух баргоутных досок в шпунтах подле форштевня ⁵. Все это тотчас законопатили, а галюн и бушприт укрепили найтовами ⁶. Между тем течь прежде была по 10, а когда стихло, по 6 дюймов в час. После тишины настал опять противный ветер, который потом усилился и 24-го числа начал снова вредить эскадре и умножать течь в кораблях. Адмирал, приблизившись к берегам, взял лоцманов и вошел в залив Мандель ⁷ вместе с кораблем «София-Магдалина» и фрегатом.

Хорошо от всех ветров закрытый, безопасный порт доставил эскадре случай исправить свои повреждения. После сих поправок корабль стал течь только по 2 дюйма в час.

Начальник эскадры при первом удобном случае вышел из залива с судами, при нем бывшими, но едва успел удалиться от него на несколько миль, как опять встретили его противные крепкие ветры и тотчас причинили кораблям новые повреждения. Адмирал рассудил вторично зайти в безопасную гавань. На сей раз убежищем ему послужил норвежский порт Эквог, в котором крепкие ветры с южной стороны прoderжали его почти

целый месяц, и он вышел не прежде 28 октября; «София-Магдалина» и фрегат ему сопутствовали.

Ветер был попутный, эскадра правила к Англии и 20-го числа находилась уже на Доггер-банке ⁸. В то время ветер стал дуть порывами и часто переменялся, а на другой день, утвердась на румбе WNW, начал усиливаться; тогда же огромная зыбь предзнаменовала бурю, которая со всей яростью настала в 3-м часу пополудни. Ужасный сей шторм повлек с собою дождь и пасмурность, и адмирал потерял из виду свою эскадру. «Принц Густав», кроме нижних, не мог нести никаких других парусов и вскоре от чрезвычайной качки и многих повреждений получил столь сильную течь, что экипаж, действуя всеми помпами, едва мог отгнать воду.

Капитан Трескин, свидетельствуя все части корабля, вскоре нашел, что в носу концы обшивных досок, вышедши из шпунтов, оставляли воде свободный проход, которым она лилась с таким стремлением, что даже слышно было ее журчание. Это крайне опасное положение корабля угрожало всему экипажу неизбежной гибелью; оставалась некоторая надежда на помпы, но и та скоро исчезла, ибо звенья цепей от беспрестанного действия начали ломаться.

Капитан и офицеры, не теряя ни малю присутствия духа, прилагали неусыпное старанье содержать помпы в исправности и ломаные звенья немедленно заменяли новыми; но, несмотря на то, воды в трюме час от часа становилось более, а в 5 часов вечера поднялась она уже выше 4 футов. Такая пагубная течь возлагала на адмирала обязанность принять нужные меры для спасения экипажа. Употребив все способы, какие только опытность и совершенное знание морского искусства могли изобрести для отвращения течи, и не получив от них никакого успеха, адмирал прибегнул к последнему средству: приказал спуститься от ветра и править к мысу Фланборгед ⁹, чтоб укрыться в гавани.

31 октября ветер дул уже умеренно. В 3 часа пополудни с корабля «Принц Густав» увидели трехмачтовое судно: адмирал тотчас к нему спустился и вскоре после того, к неизъяснимой радости всего экипажа, открылось, что

это был корабль «Изяслав», которому тогда же сигналом велено было «держаться близ адмиральского корабля»: большая течь в последнем требовала этой осторожности. Ветер между тем начал утихать и 1 ноября сделался совсем тихим, но течь в корабле несколько не уменьшалась. Капитан Трескин, беспрестанно осматривая все части, нашел и донес адмиралу, что, кроме прежней течи, открылась еще другая с обеих сторон в подводной части и столь опасная, что в трюме даже слышно, как бежит вода. Адмирал, желая испытать все возможные средства для спасения корабля, дал приказание подвести под него паруса, «нашпигованные» пенькой, которые во всяком другом случае могли бы совершенно соответствовать своей цели, но теперь большой зыбью корабль качало так сильно, что их тотчас изорвало. К несчастью, и помпы от беспрестанного действия начали чаще портиться, и запасных материалов для починки их почти совсем не осталось. Итак, для спасения корабля предстояло только одно средство: войти скорее в порт, но противные тихие ветры и течения от берегов препятствовали этому. На другой день во все сутки экипаж занимался беспрестанным отливанием воды, а 3-го числа корабль находился в небольшом расстоянии от местечка Дроммель¹⁰ на норвежском берегу, а для призыва лоцманов палил временно из пушек, но никто к нему не приехал.

4 ноября корабль находился также вблизи берегов и пушечными выстрелами требовал помощи, но тщетно. Между тем положение его становилось ежеминутно отчаяннее: вода,

можно сказать, уже не прибывала в корабль, а лилась в него, ибо течь дошла почти до 10 футов в час; все помпы испортились; люди от беспрестанной и продолжительной работы потеряли силы; словом, не оставалось никаких способов отлить воду, следовательно и средств спасти корабль.

На сей конец был призван сигналом на адмиральский корабль командир корабля «Изяслав». Тогда, собрав всех офицеров, адмирал составил совет, в котором единогласно признано было, что для спасения экипажа не остается другого средства, как оставить корабль «Принц Густав» и переехать на «Изяслав». В полдень спустили на воду с обоих кораблей все гребные суда и начали перевозить людей, при сем случае, к чести офицеров, должно сказать, никто не помышлял о своем имуществе: они следовали примеру бескорыстного и великодушного своего адмирала. В 6-м часу вечера капитан Трескин последний оставил утопающий корабль свой, в котором тогда было 12 футов воды. Вскоре после того ветер повеял от севера и дул тихо. «Изяслав», по приказанию адмирала, во всю ночь держался подле оставленного корабля, который в 9-м часу скрылся в темноте, а поутру его уже не видали: во время ночи он, без всякого сомнения, погрузился в морскую бездну.

5-го числа сделался опять прекрепкий ветер от северо-востока.

Пользуясь попутным ветром, адмирал приказал править к берегам Англии и вскоре прибыл на ярмутский рейд¹¹, где и вступил под начальство главнокомандующего русской вспомогательной эскадры вице-адмирала Макарова.

БЕДСТВЕННОЕ И КРАЙНЕ ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРАБЛЯ
«РЕТВИЗАН»* (ПОД НАЧАЛЬСТВОМ КАПИТАНА ГРЕЙГА), НА
МФЛИ ПРИ ВХОДЕ В ПОРТ ГЕЛДЕР, ЧТО У ОСТРОВА ТЕКСЕЛЯ,
В АВГУСТЕ 1799 ГОДА

В августе 1799 года английский флот, вспомоществуемый союзной ему нашей эскадрой¹², высадил войска на голландские берега, между местечками

* Шведский корабль, взятый в 1790 году на погоне фрегатом «Венус», под начальством капитана (впоследствии адмирала) Кроуна.

Кин-доуном и Кампер-доуном, и овладел укреплениями мыса Гелдера¹³. На рейде пред сим мысом находилась тогда голландская эскадра, состоявшая из восьми линейных кораблей, трех фрегатом и одного шлюпа. Чтоб взять эту эскадру, надлежало атаковать ее морской силой. Исполнение

сего предприятия было возложено на вице-адмирала Митчеля, которому для того поручено было в начальство восемь английских линейных кораблей; главнокомандующий всего ополчения адмирал Дункен предписал командующему союзной эскадрой вице-адмиралу Макарову назначить из оной два корабля для содействия англичанам. Вице-адмирал избрал корабли «Ретвизан» и «Мстислав», под начальством капитана Грейга и Моллера, которые тотчас вступили под команду вице-адмирала Митчеля.

19 августа был день, назначенный вице-адмиралом Митчелем для нападения на неприятеля, и союзная эскадра в 5 часов утра, при попутном ветре и течении, пошла так называемым большим проходом к острову Текселю¹⁴. Но как в этом проходе голландцами сняты были все баканы¹⁵ и направление течений между мелями англичанам неизвестно, то путь сей подвергал эскадру большой опасности. Передовым кораблем в боевой линии был «Глатон», который при одном изгибе прохода коснулся мели, но, по малому своему углублению, прочертил только по ней килем и избежал опасности, а корабль «Ретвизан», второй по линии, шедший непосредственно за «Глатоном», будучи грузнее его, стал плотно на мель; прочие же корабли, увидев опасность, легко могли уже миновать ее, вышедши на настоящий фарватер, кроме корабля «Америка» и фрегата «Латон», которые поблизости «Ретвизана» также стали на мель.

В следующую ночь ветер усилился, и «Ретвизан» находился на краю гибели. И я к тому утвердительно* могу присовокупить, что корабль «Ретвизан» обязан своим спасением присутствию духа и искусству своего начальника, твердости и непоколебимому усердию офицеров, расторопности нижних чинов и вообще редкому порядку и дисциплине, существовавших на сем корабле во всю кампанию. При сем случае особенно содействовали капитану Грейгу и отличились: капитан-

* Я тогда находился флаг-офицером при вице-адмирале Макарове, следовательно имел случай знать состояние каждого корабля, бывшего в вспомогательной эскадре; а будучи употребляем к переводам и в сношениях главнокомандующего с английскими адмиралами, я знал также хорошо и их мнение о каждом из наших кораблей и капитанов.

лейтенант Быченский, первый лейтенант Миницкий, и лейтенант Хвостов**. Бедственное положение «Ретвизана» описано уже красноречивым пером знаменитого нашего историографа флотов¹⁶, притом с такой справедливостью, что мне остается только поместить здесь описание его почти от слова до слова:

«Двукратное стояние на мели корабля «Ретвизан», и наипаче в этот второй раз, было столь бедственно, что весьма любопытно знать о подробностях сего несчастного происшествия.

По занятии сухопутными войсками всех на Гельдере береговых укреплений вице-адмирал Митчель накануне снятия своего с якоря, получая, как мы уже то видели, на все корабли свои лоцманов, рано поутру вступил под паруса и направил путь свой к NNO. Корабль «Ретвизан» в линии был вторым и шел за «Глатоном». Вскоре по вступлении их под паруса на корабле вице-адмирала Митчеля сделан был сигнал «приготовиться к сражению». В 6 часов утра проходили они между мелями, имея при свежем ветре довольно скорый ход. Капитан корабля «Ретвизан», все офицеры и лоцман находились тогда на шканцах. Капитан, почувствовав вдруг прикосновение корабля к мели, закричал: «Руль на борт!». Но едва успел он произнести сии слова, как уже корабль стукнулся и сел плотно на мель. Тогда было время прилива и вода шла еще на прибыль. Тотчас начали крепить паруса, завозить верп¹⁷ и сигналами требовать помощи.

Немедленно присланы были к ним два шлюпа, именуемые «Барбет» и «Дарт»; но как в то же время один из задних английских кораблей, а именно «Америка», стал также на мель, то шлюп «Дарт» пошел на помощь к нему, а «Барбет» неподалеку от них лег на якорь. Завезли на него два кабельтова¹⁸, из коих один на шлюпе, а другой на корабле положили на шпиль¹⁹. Тогда уже было 8 часов; начали общими силами вертеть как сии кабельтовы, так равно и кабельтов завезенного верпа; корабль тронулся с места и стал понемногу двигаться, но вдруг на шлюпе, подумав, что он сошел уже с мели, и опа-

** Николай Александрович Хвостов, известный по «Двукратному путешествию морских офицеров в Америку».

саясь сближения с ним, тем паче, что и шлюп несколько к нему дрейфовало, перестали вертеть шпиль и отдали кабельтов.

Корабль остановился.

Надлежало употребить новые силы и средства для вторичного покушения стягивать оный, но, по несчастю, это было уже поздно; ибо, во-первых, завезенный верп, частью от того, что полз по дну моря, частью же от движения к нему корабля, находился в близком от него расстоянии; во-вторых, вода, достигнув уже до высочайшего предела своего, начинала сбывать. И так должно было, оставя надежду снятия корабля с мели до будущего прилива, помышлять о том, чтоб во время малой воды не повалило его на бок.

Да позволено мне будет прервать на время сие описание, дабы сказать, сколь приключение сие при таковых обстоятельствах должно было быть горестно для находившихся на сем корабле офицеров: не столько опасность жизни, сколько соревнование к славе их беспокоило. Я не могу лучше и справедливее изобразить чувств их, как поместив здесь точные слова, взятые мною из писанных в сие самое время одним офицером * черновых записок, которые нечаянно попались мне в руки.

«Состояние наше,— пишет он,— весьма несомно: все корабли проходят мимо нас, а мы стоим на мели и служим им вместо бакена. Вся наша надежда быть в сражении и участвовать во взятии голландского флота исчезла. В крайнем огорчении своем мы все злились на лоцмана и осыпали его укоризнами, но он и так уже был как полумертвый. Английский корабль «Америка» стал на мель; это принесло нам некоторое утешение. Хотя и не должно радоваться чужой напасти, но многие причины нас к тому побуждают: по крайней мере, англичане не скажут, что один русский корабль стал на мель, и, может быть, Митчель без двух кораблей не решится дать баталли, а мы между тем снимемся и поспеем разделить с ними славу» **.

Таковы были чувства их, и они

* Лейтенантом Хвостовым.

** Впоследствии оказалось, что насчет славы забота офицеров корабля «Ретвизан» была напрасна, ибо начальник голландской эскадры контр-адмирал Стори принужде-

тем более надеялись на отложение, до снятия их, атаки, что когда все прошли мимо них и передовой корабль «Глаттон» подходил к голландскому флоту, вице-адмирал Митчель сделал ему сигнал: «не итти далее»; и как он, не зирая на то, продолжал еще путь свой, то вице-адмирал, при поднятии вымпела его, повторил ему оный с пушечным выстрелом, после чего «Глаттон» лег на якорь и весь флот сделал то же. Но обратимся к кораблю «Ретвизан».

Предупреждая отлив моря и опасаясь, как выше сказано, чтоб при сбытии воды не повалило корабль на бок, принуждены они были с обеих сторон его спускать за борт запасные стеньги и рей, привязывая к нижним концам их по несколько чугунных баластин, а верхние концы оных упирая в порты нижнего дека и снайтовливая²¹ оные между собою так, чтоб эти деревья могли служить подпорами кораблю, не допуская его при обмелении ложиться на бок. Многогрудная

был отдать ее англичанам, не сделав ни одного выстрела, потому что, кроме его самого и офицеров, все служители целой эскадры признали единодушно прежнее правительство и не хотели сражаться против союзников принца Оранского²⁰.

работа сия продолжалась до 2 часов после полудня. В это время, ожидая прибывания воды и не надеясь на прежние свои к стягиванию средства, велели они на случившуюся у них по счастью лодку положить якорь плехт с канатом и, сделав завоз, стали по нем тянуться. Употребили все свои силы: люди для способнейшего действия сняли с себя платье и в одних рубахах вертели шпиль; все измучились, но стянуть не могли; корабль подвинулся на один только кабельтов. Глубины воды было вокруг его с лишком 3 сажени.

Между тем ветер, постепенно прибавляясь, развел великое волнение, и корабль било о грунт с такой силой, что едва можно было стоять на ногах. Капитан созвал всех офицеров и сделал «консилиум». Сначала полагали срубить мачты, но рассудили оставить это до нужнейшего времени. В 5-м часу оторвало от корабля одно из гребных судов, на котором было три человека. Приключение это могло бы в другое время произвести сожаление о сих несчастных, но в это время невозможность спасти их и собственная своя опасность не позволяли никому о том думать.

Вскоре потом шлюп «Барбет» подрейфовало; он распустил паруса и ушел. В то же почти время сорвало с якоря лоцманскую лодку, на коей было пятнадцать матросов с мичманом Александровым, и тотчас унесло в Тексель. В 6-м часу принуждены были спустить стеньги и реи вниз, производя беспрестанную из пушек пальбу в знак требования помощи. В 7-м часу прислано к ним было одно десантное судно, которое никакого пособия подать было не в состоянии, кроме, в случае крайности, могло спасти несколько человек. Они взяли его багштов²². Между тем время приближалось уже к 8 часам вечера, и вода начала убывать. Надлежало брать предосторожности, прибавляя новые и укрепляя прежние подпоры, дабы корабль не повалило на бок. Наконец, не оставалось ничего делать. Дали людям выпить по чарке вина и съесть по сухарю. Праздность еще более умножала уныние.

Горизонт, отъемля остаток света, начал покрываться угрюмыми облаками и черными тучами. В 10 часов

налетел порывистый шквал, который свирепость прежнего ветра более усилил. Вскоре волнение сделалось подобно превеликим белеющимся в мрачности горам, нападающим на корабль с ужасной лютостью. Совершенная темнота ночи, визг ветра, рев бурунов, беспрестанная пушечная пальба, слышимая от претерпевающих подобное же бедствие английских судов, и притом удары корабля о землю, потрясавшие все его члены и от которых, казалось, раздробляется он на части, удобны были самый твердый дух привести в трепет и содрогание. Скоро появилась в нем течь; люди, не отходя от помп, едва могли отливаться. В 11 часов стоящее на багштове десантное судно залило и поворотило вверх дном, для чего принуждены были отрубить багштов.

Наступила полночь и час пополуночи. Вода стала убывать. Тогда положение сделалось еще худшим. Валы, приподнимая корабль высоко и развезаясь под ним, с такой силой опускали его вниз, что при жестоких о неровный грунт ударах не только все члены его расходились, но и палубы гнуло так, что ожидали ежечасного преломления корабля и что, может быть, корма его останется на мели, а нос, оторвав, унесет в море. В сем гибельном состоянии, ожидая ежеминутно конца и не видя никакого к спасению средства, прибегнули, однакож, они еще к некоторому опыту: велели отдать канат в той надежде, что, может быть, корабль подвинется и станет плотнее; через это удары его хоть несколько уменьшатся и можно будет получить надежду, что, по крайней мере, до рассвета его не разобьет. Отдали канат до 150 сажень: корабль немного подвинулся, но тотчас остановился, и состояние его нимало не облегчилось.

В 3 часа разрушение его, казалось, уже было неминуемо: палубы начали трещать, пол в констапельской каюте²³ приподняло, румпель²⁴ переломился, руль и тиллер-транец²⁵ повредило. В половине четвертого часа ужас их еще более увеличился: они в темноте увидели влекомый по мелям сближающийся с ними корабль «Америка», который, как думать надлежало, был не в лучшем их состоянии. В это время отчаяние у них было всеобщее: никто уже не помышлял о сво-

ем спасении; везде было единое при-
готовление к смерти; люди стояли все
на коленях и с горестными слезами
приносили теплые и последние к все-
вышнему молитвы. Капитан, видя, что
не остается уже никаких к спасению
корабля и людей способов, посовето-
вавшись с офицерами, решился, если
не к лучшему, то, по крайней мере, к
скорейшему концу, переменить безна-
дежное положение свое и предать себя
на произвол судьбе, для чего прика-
зал отрубить канат и распустить стак-
сели ²⁶.

Паруса наполнились, корабль дви-
нулся и пошел, стуча о землю. Ужа-
сна была его неподвижность, но дви-
жение его было еще ужаснее: гро-
мада эта, лишенная руля, став совер-
шенным игрищем свирепого ветра и
волнения, шестует, без всякого управ-
ления, по мелям, влача с собою под-
ставы свои и раздирая килем своим
дно моря; толстые обшивные доски от-

рываются от нее и позади ее всплы-
вают вверх; казалось, что сильное тре-
ние и удары в скорости обнажат ее
до самых ребер и наполнят водой, но
кто вообразит себе радость их, когда
они вдруг почувствовали, что корабль
их сошел на глубину и имеет под со-
бою 11 сажень воды!

Тотчас бросили якорь. Тогда на-
чинало уже рассветать. Немедленно
приступили к исправлению всего того,
что могли, и капитан, видя, что вице-
адмирал Митчель стоит еще на якоре,
и думая, что он, по причине уменьше-
ния двумя кораблями линии своей, не
вступает в сражение, тот же час, не
взирая на чрезмерное корабля своего
повреждение и на великое, после столь
страшного бедствования, сил своих
изнурение, послал к нему рапорт, что
он снялся с мели и вскоре место свое
в линии заступит и бой начать готов.
Через краткое время, в самом деле,
был уже он в своем месте*.

КРУШЕНИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ СУДНА
«СВЯТОЙ НИКОЛАЙ» (ПОД НАЧАЛЬСТВОМ ШТУРМАНА
БУЛЫГИНА) ПРИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ БЕРЕГАХ АМЕРИКИ
В ШИРОТЕ ОКОЛО 47½ ГРАД., У ОСТРОВА, НАЗВАННОГО ВАН-
КУВЕРОМ DESTRUCTION ISLAND (ПАГУБНЫЙ ОСТРОВ),
1 НОЯБРЯ 1808 ГОДА

В бытность мою (1810) в Америке
получил я от компанейского правителя,
коллежского советника Баранова ²⁷,
журнал, в коем описано это корабле-
крушение одним из приказчиков ком-
пании, находившимся на погибшем
судне. Приказчик сей, Тимофей Тара-
канов ²⁸, разумел изрядно мореплава-
ние и был, как говорится, мужик
смышленный и прямой, но малограмот-
ный, и потому для уразумения его
журнала я должен был несколько раз
призывать его и других бывших с ним
промышленников для изъяснения мест
темных и непонятных. Повествование
их весьма любопытно и хотя при са-
мом кораблекрушении не было пока-
зано никакого искусства и твердости,
которые могли бы служить примером
и были достойны подражания, но впо-
следствии русские показали свой дух
и характер с самой выгодной стороны.
Замечания их о диких северо-западного
берега Америки также весьма занима-
тельны и тем более, что народ сей
еще очень мало известен географам.

По сим причинам, в надежде угодить
просвещенным читателям, я решил
ся приложить здесь, если можно так
сказать, в переводе весь журнал Та-

* Это происшествие с кораблем «Ретви-
зан» напомнило мне те счастливые для
русского флота времена, в которые оно
случилось. Кто бы мог поверить, чтобы люди,
взятые на морскую службу большей частью
от сохи и посланные с берегов какой-нибудь
речки, озера, лужи по волнам свирепого
океана, в несколько месяцев сравнялись с
английскими матросами и даже часто в ма-
неврах превосходили их! Я не говорю уже
о тех кораблях, где прилагаемо было осо-
бенно старание довести их до совершенства,
но даже и у капитанов, не слишком много
обращавших внимание на сей предмет, эки-
пажи ничем не хуже управлялись с корабля-
ми. Отчего же это происходило? От охоты,
с какой тогда все служили на кораблях. В
сей эскадре все, от главнокомандующего ад-
мирала до последнего матроса, были совер-
шенно довольны своим состоянием. Капитаны
и офицеры гордились своей службой и по-
рядком и дисциплиной своих кораблей. Охота
к службе до того простиралась, что некото-
рые из капитанов много неположенных по-
штату вещей делали на свой счет. Когда

раканова, которого слог я перемежил совсем, но все мысли и происшествия остались те же, без малейшей прибавки и без сокращения.

В сем описании повествователем я поставил самого Тараканова, который о себе везде говорит в первом лице.

«Компанейский бриг «Святой Николай», на коем я находился в звании суперкарга²⁹, состоял под начальством флотского штурмана (офицерского чина) Булыгина и был назначен с особыми поручениями от главного правителя колоний к берегам Нового Альбиона³⁰. 29 сентября 1808 года отправились мы в путь, а около 10 октября подошли к мысу Жуан-де-Фука³¹, лежавшему в широте 48°22'. Тут безветрие продержало нас четверо суток; потом повеял легкий западный ветерок, с которым шли мы поблизости берегов к югу и, описывая оные, клали на карту и делали на них наши замечания. На ночь обыкновенно мы от берега несколько удалялись, а днем подходили к нему весьма близко, и в это время приезжало к нам много жителей на своих лодках, так что иногда число лодок у борта простиралось до нескольких десятков или даже до ста. Впрочем, они были не очень велики: редкие могли вместить человек десять, а в большей части находились по три и по четыре человека. Со всем тем, однакож, мы остерегались и никак не впускали на бриг в одно время более трех человек. Эта предосторожность казалась нам тем нужнее, что жители были вооружены. Многие из них имели даже ружья, а у других были стрелы, сделанные из оленьего рога, железные копья без древков и костяные

бывало, чужой корабль снимался с якоря, ложился на якорь или делал какой-либо маневр, офицеры оставляли обед и всякое дело и выбегали с зрительными трубами наверх, чтоб только видеть, замечать, перенимать, как что делается; нижние чины снимали с них пример. Словом, во всех было какое-то особенное благородное честолюбие превзойти друг друга в познании своей должности и искусства по службе. Мне кажется, если не ошибаюсь, судя по собственным моим чувствам, что для усовершенствования какой-либо части не столько нужны деньги, предписания и даже самые планы и проекты, как искусство вселять к ней охоту: так сказать, облагораживать часть, чтоб занимающиеся ею гордились, а не краснели, что принадлежат к ней, и отправляли свою должность точно из чести и для чести.

рогатины, на длинных шестах насаженные; последние походили на наши сенные вилы. Сверх того, имели они особого рода оружие, сделанное из китовой кости наподобие косаря или турецкой сабли, длиной до полуаршина, шириной в два с половиною дюйма, четверть дюйма в толщину и с обоих краев тупое. Сначала мы никак не могли догадаться, к чему могло бы служить такое оружие, но после узнали, что оно употребляется при ночных нападениях, столь обыкновенных между здешними народами: пробравшись в шалаши неприятельские, они бьют сими косарями сонных врагов своих по головам.

Жители привозили к нам на продажу морских бобров, оленьи кожи и рыбу. За большого палтуса я им платил по нитке в четверть аршина голубых корольков³² и по пяти и по шести вершков такого же бисера; но за бобров не только корольков или бисера не хотели они брать, но даже отвергали с презрением китайку³³ и разные железные инструменты, а требовали сукна, какое они видели на камзолах наших промышленных; но как мы его не имели, то и торговля наша не состоялась.

Тихие ветры и благоприятная погода продолжались несколько дней, наконец, не припомню которого числа, около полуночи стал дуть ровный ветер, который к рассвету усилился до степени жестокой бури. Начальник брига приказал закрепить все паруса, кроме совсем зарифленного грота, под которым мы лежали в дрейфе. Буря с одинаковой силой свирепствовала трое суток. Потом перед рассветом вдруг утихла и наступила тишина; но зыбь была чрезвычайная, и туман pokrыл нас совершенно. Вскоре по восхождении солнца туман исчез, и тогда показался нам берег не далее 3 миль от нас. Мы бросили лот: глубина 15 сажень. Тишина не позволяла удалиться от опасности под парусами, а зыбь мешала употребить буксир или весла; она же прижимала нас ближе и ближе к берегу, к которому, наконец, подвинула нас так близко, что мы простыми глазами весьма явственно могли видеть птиц, сидевших на камнях. Мы в это время находились, по нашему счислению, против бухты, именуемой жителями Клоукоты, южный мыс коей лежит в широте 49° и

нескольких минут*. Американские корабли в тихие ветры часто заходят в сию бухту, но в бурю или при большом волнении такое покушение было бы сопряжено с крайней опасностью. Гибель брига казалась нам неизбежной, и мы ежеминутно ожидали смерти, доколе божьим милосердием не повеял северо-западный ветер, пособивший нам удалиться от берегов. Но ветер сей, поблагоприятствовав нам шесть часов, превратился в ужасную бурю и заставил лечь в дрейф, убрав все паруса. После того, как буря укротилась, ветры дули с разных сторон и с разной силой, а мы, пользуясь оными, подавались к югу.

29 октября при умеренном западном ветре, приблизились мы к берегу, и зашли на остров Дистракшин³⁴, лежащий в широте $47^{\circ}33'$, обойдя по южную его сторону. Но, к несчастью нашему, за островом не было удобного якорного места, и мы нашлись принужденными опять выйти в море. Едва успели мы удалиться от берега мили на три, вдруг сделалось тихо, и во всю ночь не было никакого ветра, отчего зыбью валило нас к берегу; а 31-го числа в 2 часа пополудни протащило мимо вышеупомянутого острова по северную его сторону и приблизило к каменной гряде, находившейся не далее одной мили от твердой земли.

Командир брига, штурман Булыгин, не зная, что предпринять, прибегнул к общему совету, вследствие коего стали мы держать вместо камней к самому берегу с намерением зайти за оные и, пройдя их, очутились в середине надводных и скрытых под водою рифов; тогда командир приказал положить якорь, а вскоре и другой; но они не могли задержать судна, которое, беспрестанно дрейфуя, приближалось к берегу. Когда брошены были остальные два якоря, оно остановилось, однакож не на долго, ибо вечером, когда стемнело, подорвало у нас два перетертых о камень каната, а около полуночи с третьим случилось то же, и вскоре потом поднялся свежий ветер от SO, которым подорвало последний канат. Теперь нам не оставалось другого средства спасти бриг и себя, как отважиться на выход в море

* Около сей широты есть много заливов, и потому неизвестно, который из них жители называют Клоукоты.

между камнями. Тем путем, которым мы вошли, ветер не позволял итти, и так мы пустились, как говорится, куда глаза глядят, и, к общему нашему удивлению, невзирая на чрезвычайную темноту, прошли столь узким проходом, что, наверное, ни один мореплаватель и днем не осмелился бы итти оным. Но лишь успели миновать опасность, как переломился у нас фока-рей³⁵: положение наше не позволяло убрать паруса для починки рея, и мы принуждены были нести оный доколе было можно.

На рассвете ветер перешел прямо на берег. Фока-рея исправить мы не могли и запасного не имели, а без фока не было никакой возможности отлавировать от берега, к которому нас приближало весьма скоро, и, наконец, в 10-м часу утра 1 ноября бросило валом в буруны, а потом на берег в широте $47^{\circ}56'$.

Итак, участь брига решилась; надлежало помышлять о нашей собственной. Мало того, что мы сами могли спастись, нам должно было также спасти оружие, без которого не имели мы никаких средств сохранить свободу; а сделавшись пленными, должны были влачить в рабстве у диких жизнь, стократ ужаснейшую самой смерти.

Судно наше валяло бурунами с боку на бок страшным образом, и оно

в полтрюма наполнилось уже водой; мы с оружием в руках выжидали время: когда находил большой вал, ударял в судно и, рассыпавшись, опять сливался с берегов, тогда мы бросались с борта и выбегали на берег за пределы воды; там принимали от своих товарищей, оставшихся на бриге, ружья и амуницию. К великому нашему счастью, случилось, что мы стали на мель при отливе и на мягком грунте; ибо хотя все члены судна расшатало и оно наполнилось водой, но уцелело и по сбытии воды осталось на суше.

Мы тотчас сняли с него пушки, порох и разные другие, нужные нам вещи; потом перечистили огнестрельное оружие и приготовили заряды, чтоб быть в состоянии отразить нападение диких, которых мы имели причину теперь страшиться более всего на свете. Наконец, поставили из парусов две палатки в расстоянии сажен семи одна от другой; меньшую из них Николай Исакович* и я назначили для себя. Сделав все это, развели большой огонь, обогрелись и обсушились.

Едва успели мы кончить эти первые наши занятия, как появилось множество здешних жителей, которые, усмотрев нас, тотчас к нам приблизились. Между тем штурман, взяв с собой четырех промышленников, отправился на бриг с намерением спустить стеньги и реи и снять с него верхнюю оснастку, чтоб при большой воде менее его валяло. В предосторожность они взяли с собой горящий фитиль, ибо на судне оставалось еще несколько пушек. Сам командир, стоя подле брига, распоряжался работами, а мне приказал наблюдать за движениями и поступками диких. Около нашей ставки (или табора, как говорит Тараканов), в приличных местах поставили мы караул и часовых.

В нашей палатке сидела супруга Булыгина, Анна Петровна, один кальякский алеут, женщина того же народа, я и двое из здешних жителей, вошедших к нам без приглашения. Один из них, молодой человек, называвший себя тоёном (старшиною), приглашал меня посмотреть на его жилище, отстоявшее недалеко от нас. Я согласился было с ним итти, но товарищи, мой, подозревая со стороны

диких вероломство, меня удержали. Я старался всеми способами внушить сему старшине миролюбие и уговаривал его нас не обижать и не выводить из терпения. Он обещался поступать с нами по-дружески и вселить то же расположение к нам в своих единоземцах. Между тем два раза уже приходили мне сказывать, что колюжи** растаскивают наши вещи. Я уговаривал своих людей сколько возможно стараться не начинать ссоры: «Снесите, братцы,— говорил я им,— поелику можно, а старайтесь как-нибудь отжить их от табора без ссоры»***. В то же время представлял я тоёну о неблагонамеренных поступках его подчиненных и просил его приказывать им оставить нас в покое; но как мы не очень хорошо понимали друг друга, то разговоры наши были весьма продолжительными, и пока я с ним рассуждал и вел переговоры, а там уже дело дошло и до расправы.

Наши стали гнать диких прочь от табора, а они начали в них бросать камнями. Анна Петровна первая увидела это и сказала мне: «В наших бросают камнями». В то же время промышленные открыли огонь по колюжам. Я бросился из палатки, но меня встретили копьем и ранили в грудь. Воротясь, схватил я ружье и выбежал, увидел ранившего меня дико: он стоял за палаткой и держал в левой руке копье, а в правой камень, который так сильно бросил мне в голову, что я не мог на ногах устоять и присел на колоду; но, выстрелив, поверг врага моего мертвого на землю. Вскоре после того дикие ударились в бегство; при сем случае успели они и командира нашего ранить копьем в спину, а камнем в ухо. Впрочем, кроме четверых, бывших на судне, все до одного человека потерпели от камней более или менее. Из неприятелей же убито было трое, из коих одного они утащили, а сколько раненых — не знаю; в добычу нам досталось много оставленных на месте сражения копий, плащей, шляп, и пр.

** Сим именем называется одно поколение жителей северо-западного берега Америки; имя это наши промышленники распространили и на все народы здешнего края³⁵.

*** Слова в кавычках означают собственные слова Тараканова; я их иногда помещал для показания, что он хотя не умел писать, но умел дело делать.

* Имя штурмана Булыгина.

На ночь одна смена заняла кругом табора караул, а прочие, собравшись в палатку, оплакивали горькую свою участь. Поутру ходили мы осматривать окружность и выбирали место, где можно было бы нам расположиться зимовать и обезопасить себя укреплениями. Но нашли, что берег здесь имел самое неблагоприятное намерение нашему положению и свойство: он был покрыт дремучим лесом и столь низок, что большими водами его заливало. Начальник, собрав всех нас, открыл нам свое намерение следующей речью: «Господа! По предписаниям, данным мне от главного правителя колоний, я знаю, что в непродолжительном времени должен притти к здешним берегам компанейский корабль «Кадьяк» и именно в гавань, отстоящую не далее шестидесяти пяти миль от места, где мы теперь находимся. Между сими двумя местами на карте не означено ни бухт, ни заливов и ни одной реки, а потому мы весьма скоро можем достигнуть помянутой гавани. Вы сами видите, что здесь, не подвергая себя очевидной и почти верной гибели, нам оставаться нет никакой возможности: дикие весьма легко могут истребить всех нас. Если же мы немедленно тронемся с места, то они останутся здесь грабить судно и делить поживу и, верно, за нами не погонятся, потому что не будут иметь в том никакой нужды». На это мы единогласно отвечали: «В воле вашей, мы из повиновения не выходим».

Итак, взяв с собою на каждого человека по два ружья и по одному пистолету, все патроны в сумках, три бочонка пороху и небольшое количество съестных припасов, выступили мы в поход. Что принадлежит до оставшегося оружия, то пушки мы заклепали, у ружей и пистолетов переломав замки, побросали их в воду; порох, копья, топоры и все железные вещи также бросили в море.

Поход наш начался переездом через реку на своем ялике; потом прошли мы лесом три мили и вечером за темной располжались ночевать; ночь провели очень покойно под охранением четырех часовых.

Поутру вышли мы из леса на морской берег, отдохнули и, перечистив оружие, пошли далее. Часу во втором пополудни догнали нас двое диких;

один из них был тот самый старшина, который видел нас в палатке при начале ссоры. На вопрос, что им надобно, отвечали они, что пришли нарочно показать нам дорогу; ибо, идучи берегом, мы встретим много излучин и непроходимые утесы, но лесом есть хорошая, прямая дорога, которую они нам показали и советовали итти по ней, а сами хотели удалиться. Тогда я просил их подождать и посмотреть действие нашего оружия; потом, сделав на доске кружок, выстрелил в нее из винтовки в расстоянии сажен тридцати, попал в цель и пробил доску. Сим способом я желал им показать опасность, какой они подвергнутся, если вздумают нападать на нас. Дикие, посмотрев пробоину и измерив расстояние, оставили нас, а мы пошли далее своим путем и расположились ночевать в лесу под утесом, где случайно попала нам на глаза пещера.

Ночью свирепствовала жестокая буря с дождем и снегом; поутру ветер утих, но дурная погода продолжалась и заставила нас передневать в пещере. В течение дня падали с утеса подле нас камни; сначала мы никак не могли постигнуть сему причины; но после узнали, что неприятели наши, дикие, скатывали их на нас. Мы видели, как из них три человека пробежали мимо нас вперед по тому пути, по которому нам итти надлежало.

Следующего утра, при ясной, весьма хорошей погоде, отправились мы в дорогу и около полудня достигли небольшой, довольно глубокой реки, вдоль коей вверх была пробита тропинка, по которой пошли мы в надежде сыскать брод, и вечером подошли к одному большому шалашу. В нем не было ни одного человека, но висело много вяленой рыбы кижуч*; подле разведен был огонь, а в реке против шалаша находился для рыбной ловли закол. Мы взяли тут двадцать пять сушеных рыб и повесили на дверях сажени три бисеру и несколько корольков, зная, что вещи эти у здешних диких в большом уважении. Учтив таким образом заочную за рыбу плату, отошли мы от шалаша в лес сажен на сто и расположились ночевать.

* Кижуч — сим именем в Камчатке и Америке называется особый род лососей.

Когда поутру мы готовы были выступить, тогда увидели, что нас окружили дикие, вооруженные копьями, рогатинами и стрелами. Я пошел вперед и, не желая никого из них ни убить, ни ранить, выстрелил из ружья вверх. Гром выстрела и свист пули произвели желанное действие: колюжи, рассеявшись, спрятались между деревьями, а мы пошли в путь. Боже мой! Кто поверит, чтоб на лице земли мог существовать такой лютой, варварский народ, как тот, между которым мы теперь находились! Невзирая на то, что, кроме небольшого числа оружия, мы оставили сим диким наше судно со всем грузом, они ограбили его и сожгли и, не быв еще сим довольны, преследовали нас, чтоб лишить жизни, которая для них не могла быть ни вредна, ни опасна: казалось, что они завидовали самому нашему существованию*.

Таким образом до 7 ноября мы, можно сказать, отступали от диких, которые, преследуя нас, выжидали благоприятного случая сделать на нас решительное нападение; между тем временно производили над нами поиски. Но поутру сего числа встретили мы трех мужчин и одну женщину, которые, снабдив нас вяленой рыбой, начали поносить то поколение, от которого мы столько потерпели, и хвалить свое собственное. Люди сии последовали за нами, и мы все вместе, уже поздно вечером, пришли к устью небольшой реки, на другой стороне коей находилось их жилище, состоявшее из шести больших хижин. Мы просили у них лодок для переправы за реку; а они советовали нам подождать прилива, говоря, что в малую воду переезжать через реку неудобно и что с прибылою водой они перевезут нас ночью; но мы в темноте ехать с ними не согласились, а потому, отойдя назад около версты, переночевали.

Рано поутру, возвратясь к устью реки, требовали мы перевоза. Диких тогда сидело подле своих хижин около двухсот человек, они не отвечали нам ни слова. Подождав несколько

* Тараканов судит по своим понятиям, думая, что все должно покоряться и рабствовать перед европейцами, которых дикие считают грабителями, похищающими их собственность, и потому признают должным и справедливым умерщвлять их повсюду, где только есть случай.

минут, пошли мы вверх по реке, чтобы сыскать удобное место для переправы. Колюжи, увидев наше намерение, тотчас отправили к нам лодку с двумя нагими гребцами; лодка эта могла поднять человек десять, и потому просили мы их прислать другую, чтоб нам всем можно было переехать вдруг. Дикие исполнили наше желание: прислали другую лодку, но такую, в которую никак не могло поместиться более четырех человек; в ней приехала та самая женщина, которая вместе с тремя мужчинами встретила нас на дороге. В ее лодку сели г-жа Булыгина, одна кадыкская островитянка, малолетний ученик Котельников и один алеут; а в большую поместились девять человек самых отважных и проворных промышленников; все же прочие остались на берегу.

Когда большая лодка достигла середины реки, бывшие в ней дикие, выдернув пробки, на дне ее воткнутые в нарочно сделанные дыры, бросились в воду и поплыли к берегу, а лодку понесло мимо хижин, откуда колюжи, закричав страшным образом, начали бросать в наших копья и стрелы. К счастью, скоро подхватило ее отраженное течение и привнесло к берегу на нашу сторону, прежде нежели успела она наполниться водой и потонуть. Таким образом, по благодати божией, спаслись они чудесным образом, однакож все были переранены и двое** весьма опасно. Находившиеся же в малой лодке взяты были в плен.

Дикие, заключив, что бывшие в лодке ружья должны быть подмочены и к действию не годятся, немедленно переехали на нашу сторону, будучи вооружены копьями, стрелами, а двое ружьями. Мы же, видя злодейский их умысел, укрепились («отаборясь», говорит Тараканов) наскоро, как могли. Дикие, став в строй от занятого нами места в расстоянии около сорока сажень, начали бросать в нас стрелы и один раз сделали ружейный выстрел. Мы имели еще несколько сухих ружей, которыми отражали неприятеля в продолжение около часа, и не прежде обратили его в бегство, как переранив многих из его ратников и положив двоих на месте. С нашей стороны один Собачников был смертельно ранен стрелой, которой обломок

** Собачников и Петухов.

остался в животе. Он никак не в силах был идти с нами, а мы ни под каким видом не хотели его оставить на жертву варварам и потому понесли с собою на руках.

Когда мы прошли с версту от места сражения, раненый наш товарищ, чувствуя нестерпимую боль и скорое приближение смерти, просил нас оставить его умереть в тишине лесов и советовал, чтоб мы старались скорее удалиться от диких, которые, конечно, сбьрут новые силы и будут нас преследовать. Простившись с несчастным нашим другом и оплавав горькую его участь, мы оставили его уже при последних минутах жизни и пошли в путь, а для ночлега избрали удобное место в горах, покрытых лесом.

Опасность, в которой мы находились в продолжение дня, страх и беспрестанная забота о сохранении своей жизни не оставляли нам времени на размышления. Но теперь ночью, на досуге, первая мысль наша обратилась на чрезвычайное многолюдство диких: мы не могли понять, как помещалось более двухсот человек в шести хижинах. После мы уже узнали, что они с разных мест собрались нарочно для нападения на нас: более пятидесяти человек в числе их находилось из того народа, который нападал на нас при кораблекрушении, и многие даже были с мыса Гревилля³⁷. Гибельное наше положение приводило нас в ужас и отчаяние, но более всех страдал несчастный командир наш: лишившись супруги, которую он любил более самого себя, и не зная ничего о ее участи в руках варваров, Бульгин мучился жестоким образом; нельзя было смотреть на него без крайнего сожаления и слез.

9, 10 и 11-го числа шел проливной дождь. Не зная сами, куда шли, мы бродили по лесу и по горам, стараясь только укрыться от диких, которых мы страшились встретить в такую ненастную погоду, когда ружья наши были бы бесполезны. Голод изнурил нас совершенно; мы не находили грибов, ни других диких произведений и принуждены были питаться древесными губками (наростами), подошвами от торбасов*, кишечными и

горловыми камлеями** и лахтачными*** чехлами с ружей. Наконец и этого запаса не стало. Тогда мы решились подойти опять к прежней реке, на берегу коей увидели две хижины; но как погода тогда была чрезвычайно мокрая, то мы, опасаясь встретить тут большое число диких, отошли от берега в лес верст на пять, поставили шалаш и ночевали. 12-го числа мы не имели уже ни куска пищи, а потому начальник наш послал отряд в лес собирать по деревьям губки. Но можно ли было сим способом насытить шестнадцать человек! Мы решились заколоть постоянного нашего друга, неизменного стража, верную собаку, и мясо разделили на всех поровну.

В это злополучное время Бульгин, собрав нас, со слезами на глазах сказал: «Братцы! Мне в таких бедствиях прежде быть не случалось и теперь почти ума своего лишаюсь и управлять вами более не в силах; я теперь препоручаю Тараканову, чтоб он управлял всеми вами, и сам из послушания его выходить не буду; сверх того, если вам не угодно, выберите из своих товарищей кого хотите». Однакож все единодушно изъявили свое согласие на предложение Николая Исаковича; тогда он, написав карандашом о возведении меня на степень начальника бумагу, сам первый ее скрепил своей рукой, а ему последовали и все другие, кто умел писать.

13 ноября шел сильный дождь, заставивший нас целый день пробывать на месте; мы съели остаток собачьего мяса и, не имея более пищи, согласились на другой день напасть на две виденные нами хижины.

14-го числа погода нам благоприятствовала: день был ясный. Подкравшись к хижинам и окружив оные, мы закричали, чтоб все находившиеся в них вышли вон, но нашли только одного пленного мальчишку, лет тринадцати, который знаками показал нам, что люди все, испугавшись наших следов, переправились за реку. Взяв здесь на каждого из нас по двадцати пяти рыб в связках, пошли мы на прежний свой стан. Но едва успели отойти с версту от хижины, как увидели бе-

* Торбасами в Камчатке и Америке называются большие сапоги, кои наши рыбаки именуют иногда бахилами.

** Камлея — платье покроем рубахи: кишечные шьются из медвежьих кишек, а горловые — из горлов сивучей или морских львов.

*** Лахтак — выделанная сивучья кожа.

гущего за нами дикого, который кричал что-то для нас непонятное. Боясь, чтоб он не открыл места нашего убежища, мы прицелились в него ружьями и тем самым заставили от нас удалиться.

На пути нашем в овраге находилась речка, у которой товарищи мои с моего согласия расположились отдыхать и завтракать; а я с промышленником Овчинниковым и одним алеутом в это время вздумал подняться на близлежащую гору, чтоб осмотреть окружные места. Овчинников поднялся первый и лишь ступил на самую вершину горы, как я увидел, что он был поражен стрелой в спину. Я тотчас закричал следовавшему за ним алеуту выдернуть у него из спины стрелу, но в самую эту минуту и его ранили. Тогда я, оборотясь, увидел на горе против нас, за речкой, множество колюжей, а сверх того человек двадцать бежавших, чтоб отрезать нас троих от наших товарищей; между тем стрелы сыпались на нас, как град. Я тотчас выстрелил по ним из винтовки и ранил одного в ногу. Тогда дикие, подхватив его на плечи, ударились бежать; а мы, соединясь со своими товарищами, достигли благополучно ночлега, где, осмотрев раненых, нашли, что раны их были не опасны. На сем месте для восстановления сил своих пищей и для отдохновения раненых пробыли мы двое суток.

Здесь мы изобрели и утвердили новый план нашим действиям. Время года не позволяло нам уже достичь гавани, чтоб встретить там ожидаемое судно, ибо неизвестно, когда мы будем в состоянии переправиться через реку. И для того мы решились идти вверх по ней, доколе не встретим озера, из коего она вытекает, или на ней самой удобного для рыбной ловли места, где, укрепясь, зимовать, а весной уже действовать, смотря по обстоятельствам. После сего, достигнув реки, шли мы беспрестанно вверх по ней, а удаляясь в горы тогда только, когда встречали непроходимую чащу или утесы, но вскоре опять выходили к ее берегам. Ненастные погоды, почти беспрерывно продолжавшиеся, много препятствовали успеху нашего путешествия; мы подавались вперед весьма медленно. К счастью, нередко попадались нам жители, ездившие по реке на лодках; некоторые из них, по

приглашению нашему, приставали к берегу и продавали нам рыбу за бисер, пуговицы и другие мелочи.

В несколько дней прошли мы довольно большое расстояние по излучинам реки, но, взяв оное по прямой черте, не более как верст двадцать, и, наконец, вдруг очутились подле самых дверей двух хижин. Мы спросили продажной рыбы и получили весьма малое количество: жители отзывались, что более не имеют, и этот недостаток приписывали большой воде, покрывшей заколы, через кои рыба уходит. Крайность заставила нас прибегнуть к насильственным мерам, которые, впрочем, совесть наша совершенно оправдывала: жители довели нас до последней степени человеческого злополучия, следовательно мы имели полное право не только силой взять необходимое для нашего существования от их единоземцев, но даже и мстить им, а потому с нашей стороны и то может почесться уже великодушным, что мы не хотели сделать им никакого вреда. Итак, грозным, повелительным голосом приказали мы обитателям хижин немедленно вынести к нам всю рыбу, у них бывшую. Требование наше тотчас было исполнено, и мы взяли на каждого из нас рыбы по связке в подъем человека, да два мешка, сделанные из тюленьих кож, с икрой. За все это заплатили диким бисером и корольками, и как казалось, к совершенному их удовольствию. Потом, выпросив у них двух человек пособить нам донести запас до первого ночлега, мы пошли в путь и, отойдя версты две, расположились ночевать. Диким за труды дали мы по бумажному платку и отпустили их.

На другой день поутру прибыли в нашу ставку двое колюжей и очень смело вошли в шалаш: один из них был хозяин хижины, где мы взяли рыбу, а другой незнакомый. Они принесли на продажу пузырь китового жира. Потолковав с нами кое о чем, незнакомый спросил у нас, не хотим ли мы выкупить у его соотечественников нашу женщину Анну, разумея под сим именем госпожу Булыгину. Предложение это всех нас удивило и обрадовало, а Булыгин, услышав эти слова, вне себя был от радости. Мы тотчас открыли переговоры о выкупе. Булыгин предложил ему последнюю шинель за свою супругу; к шинели я

прибавил свой новый китайчатый халат; все прочие наши товарищи, не исключая даже и алеутов, также каждый прибавлял что-нибудь: кто камзол, а кто шаровары, и, наконец, из сих вещей составила порядочная грудка; но дикий уверял, что землякам его этого мало, и требовал в прибавок четырех ружей. Мы ему не отказали, но объявили, что прежде заключения условия хотим видеть Анну Петровну.

Дикий обещал доставить нам это удовольствие и тотчас отправился.

Вскоре соотечественники его привели ее на другой берег реки, прямо против нас; мы просили привезти на нашу сторону; тогда они, посадив ее в лодку с двумя человеками и подвезя к нашему берегу на расстоянии сажен пятнадцати или двадцати, остановились и начали с нами переговариваться. Я не в силах изобразить того положения, в каком находилась несчастная чета при сем свидании. Анна Петровна и супруг ее заливались слезами, рыдали и едва могли говорить; глядя на них, и мы все горько плакали; одни лишь дикие были нечувствительны к сему горестному явлению. Она старалась успокоить своего супруга и уверяла нас, что ее содержат хорошо и обходятся с нею человеколюбиво, что взятые вместе с нею люди живы и находятся теперь при устье реки.

Поговорив с нею, мы стали рассуждать с дикими о выкупе и предлагали за нее все прежние вещи и в прибавок одно испорченное ружье; но они стояли в своем и хотели непременно получить четыре ружья; когда же увидели, что мы решительно на их требование ничего не отвечаем, то увезли ее немедленно за реку.

В это время Булыгин, приняв на себя вид начальника, приказывал, чтоб я велел отдать требуемый дикими выкуп; но я ему представил, что у нас осталось только по одному годному ружью на каждого человека, что мы не имеем никаких инструментов для починки оных и что в ружьях состоит единственное наше спасение, следовательно, лишиться такого значительного числа ружей крайне неблагоприятно; а если взять еще в рассуждение, что эти самые ружья будут тотчас употреблены против нас, то исполнение его приказания совершенно нас

погубит, и потому я просил его извинить меня, что в сем случае осмеливаюсь его послушаться. Но он, по причинам, ему, без сомнения, простительным, не хотел уважить моих доводов, а старался убедить других ласками и обещаниями согласиться на его желание. Тогда я сказал твердо и решительно моим товарищам, что если они согласятся отдать колюжам хотя одно годное ружье, то я им не товарищ и тотчас последую за дикими. На это все до одного человека в голос отвечали, что покуда живы, с ружьями ни за что не расстанутся. Мы чувствовали, что отказ сей должен был, как громом, поразить злосчастного нашего начальника. Но что нам было делать! Жизнь и свобода человеку милее всего на свете, и мы хотели сохранить их.

После этого горестного происшествия шли мы несколько дней вверх по реке и часто видели ходившие по оной лодки; из сего заключили, что вверх реки долженствовало быть не в дальнем расстоянии селение, которого нам достичь хотелось. Но выпавший 10 декабря еще первый глубокий снег уничтожил наше намерение. Снег не сходил, а оттого мы никак не могли продолжать путь. Теперь надлежало пешись, как бы провести зиму лучше и прокормиться. На сей конец я велел при реке расчистить место и рубить лес для построения избы; а между тем мы жили в шалашах. Замета о доставлении себе пищи беспокоила нас более всего.

Пока мы устраивали свое жилье, однажды под вечер приехала к нам лодка с тремя человеками, из них один молодой, проворный малый показался нам сыном какого-нибудь тоёна, в чем мы и не ошиблись. На вопрос наш об их жилище он нам сказал, что оно находится от нас весьма близко. Мы спросили, не возьмут ли они с собою одного из наших людей, который купит у них рыбы, а они бы его к нам опять доставили. На это предложение они тотчас с радостью согласились и начали чрезвычайно торопиться к отъезду: они, без сомнения, радовались, что имеют прекрасный случай захватить в плен так легко еще одного из нас. Из наших промышленников Курмачев был готов ехать с ними, но когда они приглашали, чтоб он скорее садился в лод-

ку, мы потребовали, чтоб они вместо него оставили у нас аманата³⁸. Это им крайне не понравилось, но делать было нечего, желание наше надлежало исполнить. Дикого мы строго караулили во всю ночь, а на другой день освободили, когда привезли Курмачева. Он приехал, однакож, с голыми руками. Коложи ничего ему не дали и не продали. Жилище их состояло в одной хижине, в которой Курмачев видел шестерых мужчин, кроме троих, к нам приезжавших, и двух женщин.

Дикие нас обманули; за то мы положили переведаться с ними иначе: посадив под караул гостей своих, мы отправили на их лодке к хижине с ружьями шесть человек, которые, взяв у них всю рыбу, вечером привезли домой; тогда мы задержанных отпустили, одарив их чем могли. Вскоре за сим один старик привез к нам в лодке девяносто кижучей (лососей) и продал за медные пуговицы.

Через несколько дней поспела наша изба, или казарма, и мы переехали на новоселье. Она была квадратная, с будками по углам для часовых. Вскоре потом посетил нас тот же молодой тоенский сын, с которым мы имели дело. Мы опять спрашивали у него продажной рыбы, но получили грубый отказ, за что, посадив его под караул, объявили, что не дадим ему свободы, доколе он не доставит нам на зиму нужного количества рыбы. Мы требовали от него четырехсот лососей и десяти пузырей икры, отметив ему количество это черточками на палке. Узнав, в чем состоит наше требование, он немедленно отправил своих товарищей, а куда, нам было неизвестно. После того в продолжение недели приезжали они к нему два раза и говорили между собой потихоньку. Когда они были во второй раз, аманат наш стал просить, чтоб пропустили вниз по реке лодки с его людьми; мы на это охотно согласились, и через полчаса потом спустилось мимо нас тринадцать лодок, на которых было обоюго пола до семидесяти человек. Люди сии вскоре возвратились и доставили нам требуемое количество рыбы и икры, а сверх того выпросили мы у них одну лодку, способную поднять до шести человек. Тогда мы отпустили задержанного молодого человека, подарив ему испортившееся ружье, суконный плащ,

ситцевое одеяло и китайчатую рубаху. Имея теперь свою лодку, мы часто отправляли ее с вооруженными людьми вверх по реке за рыбой.

Коложи нас оставили, а мы, решив сию важную дипломатическую статью, на долгое время оставались единственными владетелями присвоенного себе участка земли и вод и в продолжение уже всей зимы жили покойно и имели изобилие в пище*.

Целую зиму занимались мы составлением плана будущим нашим действиям. Я предложил, а товарищи мои приняли и утвердили построить другую лодку, весною ехать вверх по реке, доколе будет можно, а потом, оставив лодки, итти в горы и, склоняясь к югу, выйти на реку Колумбию, по берегам коей обитают народы не столь варварские, как те, с коими мы должны иметь здесь дело. К сему, впрочем, весьма трудному в исполнении предначертанию побудила нас совершенная крайность; мы знали, что дикие при устье реки собирали большие силы с намерением делать нам все возможные препятствия в нашем пути вдоль морского берега и производить беспрестанные над нами поиски. Мы приготовили лодки и ожидали только наступления теплых дней, как вдруг повстречалось с нами неожиданное происшествие, совершенно уничтожившее все наши намерения.

Булыгин объявил, что желает опять принять начальство над нами, и стал входить в распоряжения по команде. Я без малейшего прекословия возвратил ему право и был очень доволен, что избавился заботы и беспокойств, сопряженных с должностью начальника в столь критическом положении. 8 февраля 1809 года, оставив наше жилище и в нем немалое количество рыбы, пустились мы вниз по реке и остановились на том самом месте, где в прошлом году коложи предлагали нам на выкуп г-жу Булыгину. Мы видели цель нашего начальника и к чему дело клонилось, но, уважая его страдания и жалостное положение супруги его, решились лучше подвергнуть себя опасности, чем

* Люди, привыкшие к хлебу и разнородным яствам, называли бы пропитание одной рыбой голодом, но промышленники наши и в добрую пору в своих собственных селениях почти всегда питались рыбой, к которой им все приправа: и трава, и дикие коренья, и раковины.

сопротивлением довести его до отчаяния. Здесь посетил нас один старик и подарил нам ишкат пареных квасных кореньев*. Он любопытствовал знать, куда мы едем, и, услышав ответ наш: к устью реки, хотел выведать, куда пойдём отсюда, но этого мы и сами не знали. Старик был очень услужлив, а с какой целью, это другое дело. Увидев, что наш огонь заливает сильным дождем, он нас оставил и вскоре возвратился с двумя широкими досками, которыми могли мы прикрыть его от ветра и дождя; за это дали мы ему платок и шапку. Потом вызвался он ехать с нами и до устья реки, чтоб служить нам путеводителем и предохранять наши лодки от наносного леса. Мы приняли его услуги и были ими очень довольны: он ехал впереди и показывал нам безопаснейший путь; а где было много дерев, он садился в наши лодки и препровождал нас с великой осторожностью. Таким образом продолжая наше плавание, приехали мы к небольшому острову; тогда проводник вдруг остановился и советовал нам пристать к берегу, а сам поехал на остров, на котором вскоре увидели мы несколько человек, в суетах и тревоге бегавших взад и вперед с луками и стрелами. Старик между тем, отвалив, вскоре к нам возвратился и известил нас, что на острове собралось много людей, которые хотят бросать в нас стрелы и копья, коль скоро мы поедем мимо их; а потому он взялся проводить нас другим, весьма узким проходом, и исправно сдержал свое слово.

Достигнув устья реки, остановились мы против селения диких на противоположном берегу, где поставили шалаш и лодки свои вытащили на берег, а провожавшему нас старику подарили рубашку и шейный платок. Сверх того, наградили мы его медалью, нарочно на сей случай из олова вылитую: на одной стороне изобразили мы кое-как орла, означающего Россию, а на другой — год, месяц и число, когда этот дикий, по имени Лютлюлок, получил ее: мы велели ему носить ее на шее. На другой день поутру приехало

* «Ишкат» — из прутьев или кореньев сплетенная корзинка, столь плотная, что не пропускает воды; а квасными кореньями называется растение пупырья потому, что промышленные делают из них кислый напиток, подобный квасу.

к нам из-за реки множество людей; в числе их находились две женщины, одна из них была та самая плутовка, которая участвовала в обманывании нас на дороге и перевозила Булыгину и других трюх через реку, когда дикие захватили их в плен. Схватив тотчас эту женщину и одного молодого мужчину, мы посадили их в колодки, объявив тогда же их единосемцам, что не освободим их, доколе не возвратят наших пленных. Вскоре после сего происшествия явился к нам муж задержанной женщины; он уверил нас, что наших людей здесь нет, ибо они достались по жребью другому поколению, но что он нарочно за ними пойдёт и через четыре дня возвратит нам всех их, если только мы дадим ему обещание, что не умертвим жены его.

Начальник наш, слышав сие уверение, был вне себя от радости, и мы тотчас решились провести здесь несколько дней; но как занятое нами место было очень низко и при крепком ветре в ночь его затопило, то мы, удалясь на гору в расстоянии от берега около версты, там укрепились. Спустя восемь дней после переговоров о размене пленных прибыло на берег реки около пятидесяти человек колюжей; расположась на противном берегу, они хотели открыть с нами переговоры; я с некоторыми из своих товарищей тотчас спустился к берегу. Дикие были под предводительством одного пожилого человека, в куртке и панталонах и в пуховой шляпе. Между ними, к великой нашей радости, увидели мы свою Анну Петровну.

После первых взаимных приветствий Булыгина объявила, что задержанная нами женщина — родная сестра старшины, по-европейски одетого, что как она, так и брат ее — люди весьма добрые, оказали ей большие услуги и обходятся с нею очень хорошо, а потому требовала, чтоб мы освободили немедленно эту женщину. Когда же я ей сказал, что супруг ее желает освободить пленных не иначе, как в размен за нее, тогда Булыгина дала нам ответ, поразивший всех нас, как громом, и которому мы несколько минут не верили, приняв за сновидение. Мы с ужасом, горестью и досадой слушали, когда она решительно сказала, что, будучи теперь довольна своим состоянием, не хочет быть вместе с нами и советует нам добровольно от-

даться в руки того народа, у которого находится она; что старшина человек прямой и добродетельный, известен по всему здешнему берегу и верно освободит и отправит нас на два европейских корабля, находящиеся в это время в проливе Жуан-де-Фука. О троих пленных вместе с ней она объявила, что Котельников достался народу, жившему на мысе Гревиле, Яков у того поколения, на берегах которых разбилось наше судно, а Марья у здешнего племени, на устье реки.

Я не знал, как сказать Булыгину, страстно любившему свою супругу, о таком ее ответе и намерении. Тщетно уговаривал я ее опомниться и пожалеть о несчастном своем муже, которому она была всем обязана. Долго я колебался, но делать нечего: таить правду было нельзя, надлежало все открыть злополучному нашему начальнику и сразить его. Выслушав меня, он, казалось, не верил моим словам и полагал, что я шучу. Но, подумав несколько, вдруг пришел в совершенное бешенство, схватил ружье и побежал к берегу с намерением застрелить свою супругу. Однакож, пройдя несколько шагов, остановился, заплакал и приказал мне одному идти и уговаривать ее и даже погрозить, что он ее застрелит. Я исполнил приказание несчастного моего начальника, но успеха не было: жена его решилась оставаться с дикими. «Я смерти не боюсь, — сказала она, — для меня лучше умереть, нежели скитаться с вами по лесам, где, может быть, попадемся мы к народу лютому и варварскому; а теперь я живу с людьми добрыми и человеколюбивыми; скажи моему мужу, что я угрозы его презираю». Булыгин, выслушав меня терпеливо, долго молчал и стоял, подобно человеку, лишившемуся памяти, наконец, вдруг зарыдал и упал на землю, как мертвый. Когда мы привели его в чувство и положили на шинель, он стал горько плакать и не говорил с нами ни слова, а я между тем, прислонясь к дереву, имел время подумать о затруднительном нашем положении. Начальник наш, лишась супруги, которая за его любовь и привязанность изменила ему и презрела его, не помнил уже сам, что делал, и даже желал умереть; за что же мы должны были погибать? Рассуждая таким образом, я представил Булыги-

ну и всем нашим товарищам, что если Анна Петровна, будучи сама россиянка, хвалит сей народ, то неужели она к тому научена дикими и согласилась предать нас в их руки? Мы должны ей верить, следовательно лучше положиться на них и отдаться им во власть добровольно, чем бродить по лесам, беспрестанно бороться с голодом и стихиями и, сражаясь с дикими, изнурить себя и, наконец, попасться к какому-нибудь зверскому поколению.

Булыгин молчал, а все прочие опровергли мое мнение и не хотели согласиться со мной. Тогда я им сказал, что уговаривать их более не смею, но сам решился поступить, как предлагал, и отдамся на волю диких. В это время и начальник наш объявил свое мнение: он был во всем согласен со мной, а товарищи наши просили позволения подумать. Таким образом кончились в тот день переговоры: дикие удалились к устью реки, а мы остались ночевать в горе.

Путру дикие опять явились на прежнем месте и снова стали просить об освобождении их пленных. Тогда я объявил старшине, что из нашего общества пять человек*, считая их людьми честными и добродетельными, решились им покориться в надежде, что они нам никакого зла не сделают и на первом корабле позволят отправиться в свое отечество. Старшина уверял нас, что мы в предприятии своем не раскаемся и уговаривал остальных последовать нашему примеру, но они упорно стояли на своем и, выпустив из-под караула диких, простились с нами со слезами и по-братски: мы отделились диким и пошли с ними в путь, а товарищи наши остались на прежнем месте.

На другой день достигли мы Кунищатского** селения, где хозяин мой, коему я достался, вышеупомянуемый старшина, по имени Ютрамаки, в эту зиму имел свое пребывание. Булыгин достался тому же хозяину, но по собственному своему желанию перешел к другому, которому принадлежала его супруга; Овчинников и алеуты также попались в «разные руки». Что же принадлежит до прочих наших товарищей,

* Штурман, Тараканов, Овчинников и два алеута.

** Имя одного поколения, недалеко от мыса Жуан-де-Фука живущего.

то они того же числа, как с нами растались, вздумали переехать на остров Дестракшин, но на сем переезде нашли на камень, разбили свою лодку, подмочили весь порох и сами едва спаслись. Лишась единственной своей обороны — пороха, хотели они нас догнать и отдаться кунищатскому поколению, но, не зная дороги, встретили при переправе через одну реку другой народ. Дикие эти на них напали и всех взяли в плен, а потом некоторых продали кунищатам, а других оставили у себя. Хозяин мой, пробыв около месяца у кунищат, вздумал переехать в свое собственное жилище, находящееся на самом мысе Жуан-де-Фука, но прежде отправления выкупил Булыгина, дав ему обещание выкупить вскоре и супругу его, которая уже теперь получила от своего мужа прощение и жила с ним вместе. Переехав на новоселье, мы жили с Булыгиным у своего хозяина очень спокойно: он обходился с нами ласково и содержал нас хорошо, доколе не случилась ссора между ним и прежним хозяином Булыгина. Последний прислал назад данный за Николая Исаковича выкуп, состоявший в одной девушке и двух сажнях сукна, и требовал возвращения своего пленника, но Ютрамаки на это не соглашался. Наконец, Булыгин объявил ему, что по любви к жене своей непременно желает быть вместе с ней, и просил продать его прежнему хозяину. Желание его было исполнено, но после того дикие беспрестанно нас из рук в руки то продавали, то меняли или по родству и дружбе уступали друг другу и дарили. Николай Исакович со своей Анной Петровной имели самую горькую участь: иногда их соединяли, а иногда опять разделяли, и они находились в беспрестанном страхе увидеть себя разлученными навеки. Наконец, смерть прекратила бедствия злополучной четы: госпожа Булыгина скончалась в августе 1809 года, живя врозь со своим супругом, а он, узнавши о ее смерти, стал более сокрушаться, сохнуть и в самой жестокой чахотке испустил дух 14 февраля 1810 года. Г-жа Булыгина при смерти своей находилась в руках столь гнусного варвара, что он не позволил даже похоронить тело ее, а велел бросить в лес.

Между тем самое большое время моего плена я находился у доброго моего хозяина Ютрамаки, который об-

ходил со мной, как с другом, а не так, как с пленником. Я старался всеми способами заслуживать его благорасположение. Люди эти совершенные дети: всякая безделица им нравится и утешает их. Пользуясь их невежеством, я умел заставить их себя любить и даже уважать. Например, я сделал из бумаги змея и, приготовив из звериных жил нитки, стал спускать его. Поднявшийся до чрезвычайной высоты змей изумил диких; приписывая изобретение это моему гению, они утверждали, что русские могут достать солнце. Но ничем я так не услужил моему хозяину, как пожарной трещоткой («сплошная пожарка», по именованию Тараканова). К счастью, мне удалось растолковать ему, что разнотонные звуки трещотки могут означать разные движения в войне и что она весьма полезна при нападении на неприятеля и при отступлении от него. Инструмент сей довершил мою славу: все удивлялись моему уму и думали, что подобных гениев мало уже осталось в России.

В сентябре мы оставили мыс Жуан-де-Фука и переехали на зиму далее вверх по проливу сего же имени. Тут построил я себе особую от всех небольшую землянку и жил один. Осенью занимался я стрелянием птиц, а зимою делал для своего хозяина и на продажу разного рода деревянную посуду. Для сей работы сковал я скобель и зауторник из гвоздей посредством каменьев. Труды мои дикие видели и удивлялись. Старшины в общем собрании положили, что человек, столь искусный, как я, должен непременно быть сам старшиною или тоеном. После сего меня везде звали в гости вместе с моим хозяином и угощали во всем наравне со своими старшинами. Они крайне удивлялись, каким образом Булыгин, не умевший ни птицы застрелить на лету, ни хорошо владеть топором, мог быть нашим начальником.

В эту зиму здешние жители терпели большой недостаток в продовольствии, так что принуждены были друг другу платить по бобру за десять вяленых лососей, и мой хозяин употребил много бобров на покупку рыбы. Но у некоторых из старшин был совершенный голод: промышленники Петухов, Шубин и Зуев от недостатка пищи бежали ко мне; хозяин мой их кормил, и когда их хозяева требовали

их выдачи, он сказал им, что они живут у меня, следовательно, и возвращение их от меня зависит. Дикое отнеслись ко мне, и я отпустил бежавших не прежде, как на условии, чтоб они их не обижали и кормили.

В марте переехали мы на летнее жилище, где я построил другую землянку, обширнее первой, и укрепил ее с морской стороны «бойницами». Слава сего здания разнеслась далеко, и старшины через большое расстояние приезжали смотреть и удивляться ему.

Наконец, милосердный бог внял мольбам нашим и послал нам избавление: 6 мая рано утром показалось двухмачтовое судно и вскоре приблизилось к берегу. Хозяин мой, взяв меня с собою, тотчас поехал на судно. Бриг этот принадлежал Соединенным Штатам, назывался «Лидия» и был под начальством капитана Броуна. На нем, к немалому моему удивлению, нашел я товарища своего Валгусова и узнал, что он был перепродан на берега реки Колумбии, где выкуплен капитаном Броуном. Капитан, потолковав со мною о наших бедствиях, как умел, изъяснил моему хозяину, чтоб он велел своим единоземцам привести к нему всех пленных русских, которых он намерен выкупить. Хозяин уехал, а я остался на бриге.

На другой день дикие привезли бывшего с нами англичанина Джона Виллиамса, за которого сначала запросили чрезвычайный выкуп, но потом согласились взять пять байковых одеял, пять сажень сукна, слесарную пилу, два стальных ножа, одно зеркало, пять картузов пороху и такой же величины пять мешков дробы. После и за всех нас получили они по тако-

му же количеству, кроме Болотова и Курмачева, которых дважды просили такой чрезвычайный выкуп, что плата за каждого превосходила ценою то, что дано за всех нас вместе; но как диким требуемого не дали, то они увезли несчастных сих людей назад, а притом объявили, что и Шубина мы не увидим, ибо он продан хозяину, который уехал для китовых промыслов на остров Дестракшин.

Упрямство диких заставило капитана Броуна принять другие меры: он захватил одного старшину, родного брата тому тоену, у которого находились в неволе Болотов и Курмачев, и объявил ему, что он доколе не получит свободы, доколе русские не будут освобождены. Поступок сей имел желанный успех: в тот же день привезли Болотова и Курмачева; тогда мы стали требовать Шубина, назначив сутки сроку. Но его привезли уже на другой день, когда мы находились в море, милях в пятнадцати от берега. Тогда капитан Броун освободил старшину, заплатив ему за каждого из выреченных людей такой же выкуп, какой дан и за других. Таким образом капитан Броун выкупил нас тринадцать человек **; во время бедствий наших и в плену умерло семеро ***: один **** продан отдаленным народам и остался у них; а один (алеут) был еще в 1809 году выкуплен капитаном американского корабля «Меркурий» Парсом с берегов реки Колумбии.

10 мая отправились мы в путь и шли беспрестанно вдоль берега, часто заходили в разные гавани для торговли с дикими, а 9 июня прибыли благополучно в порт Ново-Архангельск.

КРУШЕНИЕ ВОЕННОГО БРИГА «ДИСПАЧ» (ПОД НАЧАЛЬСТВОМ
КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА КАСЛИВЦОВА) У БЕРЕГОВ ОСТРОВА
РЮГЕНА В НОЧЬ С 5 НА 6 ОКТЯБРЯ 1805 ГОДА

Контр-адмирал Сарычев* летом 1805 года начальствовал небольшой эскадрой, которая плавала в Балтийском море для окончания произведенных им в прежние годы астрономических наблюдений и для обучения гардемарин на самом деле управлению

* Гаврило Андреевич, впоследствии адмирал, государственных Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейского департамента член и генерал-гидрограф.

кораблей, или, так называемой, морской практике.

** Тимофей Тараканов, Дмитрий Шубин, Иван Болотов, Иван Курмачев, Афанасий Валгусов, Касьян Зырянов, Савва Зуев, Абрам Петухов, Джон Виллиамс, алеутов два и алеуток две.

*** Штурман Булыгин с женой, Яков Петухов, Козьма Овчинников, Харитон Собачников и двое алеутов.

**** Малолетний ученик Филипп Котельников.

В августе предписано ему было нанять и приготовить в Ревеле и Риге нужное число купеческих судов для отвоза в Померанию десантных войск³⁹. Исполняя это вновь возложенное на него поручение, контр-адмирал Сарычев прибыл в Ригу 21 августа, а 17 сентября пришел туда же бриг «Диспач», под начальством капитан-лейтенанта Касливцова. Он прислан был к контр-адмиралу именно для препровождения конвоя с войсками. Бриг сей, построенный в Англии, был одним из лучших в своем роде военных судов и управляем весьма искусным морским офицером.

23 августа конвой, состоявший из двадцати шести судов, отправился в путь под предводительством контр-адмирала Сарычева, имевшего свое пребывание на бриге «Диспач». Сначала плавание их продолжалось благополучно, выключая некоторые неприятные, впрочем не слишком важные, повреждения, приключившихся двум или трем из купеческих судов; но в ночь на 25-е число, когда конвой выходил уже из пролива между курляндским берегом и островом Эзелем⁴⁰ в Балтийское море, «Диспач» коснулся дна рулем, который тремя ударами сбросило с петель и вовсе оторвало. Контр-адмирал полагал, что это несчастье случилось на четырехсаженной банке, находящейся посреди пролива при выходе в море.

Потеря руля привела бриг в самое опасное положение и даже угрожала ему крушением, которого он, может быть, и не избежал бы, если б управлялся менее искусными мореходцами, ибо дувший тогда крепкий северный ветер прижимал его к курляндскому берегу, а без руля нельзя было им править. В таком гибельном состоянии он обязан своим спасением присутствию духа начальствующего конвоем, который говорит*: «Я решился на последнее средство к избавлению судна от кораблекрушения: стать на якорь на глубине двенадцати сажен. Но как по положению трех якорей бриг дрейфовало, то приказал я обрубить стеньги, из коих изорванные и незакрепленные паруса много противостояли ветру. Тогда ветер перестал тащить нас с якорей, и мы останови-

лись на глубине девяти сажен при песчаном грунте, в двух итальянских милях от берега, между мысом Люзерортом и городом Виндавой⁴¹».

На сем месте, стоя на якорь, в течение трех дней экипаж успел исправить все повреждения брига и сделать фальшивый руль. Но когда бриг готов уже был отправиться в путь к острову Рюгену⁴², начальник конвоя получил уведомление, что в прошедшую бурю несколько судов его конвоя претерпели крушение по Курляндскому берегу между мысами Люзерортом и Домеснесом⁴³. Это заставило его посетить берег, осмотреть, что потеряно и что спасено, и сделать нужные, судя по обстоятельствам, распоряжения.

Осматривая берег между вышеупомянутыми двумя мысами, контр-адмирал нашел, что на сем пространстве в числе многих погибших судов были восемь, принадлежавших к его конвою, и что на них погибли из казачьей команды майор Фролов, один хорунжий и 91 рядовых. При сем кораблекрушении с двух судов были спасены лошади чудным образом: «Кзаки вытаскивали их на веревках из интрюма⁴⁴, наливавшегося уже водой, и с борта судна толкали прямо в воду; тогда они сами выплывали на берег, и ни одна из них не потонула». Сделав распоряжения касательно спасшихся людей и снятых с потерянных судов снарядов и съестных припасов, контр-адмирал Сарычев возвратился на бриг 1 октября и того же числа в 8 часов вечера, при юго-западном ветре, отправился в путь.

Поутру 3-го числа бриг увидел мыс Гоборг⁴⁵, составляющий южную оконечность острова Готланда, а на рассвете следующего дня встретил корабль «Януарий», шедший из Рюгена в Россию, от которого узнал, что флот наш стоит у сего острова против мыса Перта⁴⁶. В 7 часов вечера прошли Борнгольм, а поутру 5-го числа подошли к Рюгену; но как ветер усилился и поднялось большое волнение, то бриг никак не мог обойти восточного мыса сего острова и принужден было во весь день лавировать под одними нижними парусами. Между тем, от чрезвычайной качки беспрестанным сильным движением руля перетерло державшие оный нижние бакштаги⁴⁷, отчего руль стал действовать слабо, и бриг не мог

* См. «Дневные записки плавания вице-адмирала Сарычева», стр. 134.

уже поворачивать через фордевинд⁴³. Тогда ему оставалось только стать на якорь, который они положили в 10 часов вечера у местечка Виттова, на глубине 17 сажен и иловатом дне. Но как один якорь не задержал, то в помощь ему был брошен другой, и бриг остановился, однакож не надолго: через час опять стало его дрейфовать, и глубина скоро уменьшилась до 6 сажен.

В это время опасное положение брига требовало скорых и решительных мер. Но ничто уже не могло спасти его. Контр-адмирал Сарычев повествует о сем несчастном событии таким образом.

«Для остановки и спасения брига велел я срубить мачты, но при всем том не переставало его дрейфовать, и в 11 часов ночи принесло к мели, поворотило поперек волнения, начало сильно бросать с боку на бок и бить о грунт; тогда свирепые волны вздымались подобно горам, разбивались о борт и, с седой пеной переливаясь через судно, сильно потрясали его, двигая по мели; каждый из нас старался держаться крепче, чтоб волнением не сбросило его в море, ожидая ежеминутно потопления. Положение наше тем было ужаснее, что темнота ночи препятствовала видеть, сколь далеко находимся мы от берега. Когда судно наполнилось водой, поворотило его носом к берегу, и волнение, разбиваясь о корму, не столь уже его потрясало. Некоторые из служителей усмотрели перед судном чернеющий берег и закричали: «Земля видна!» Тогда все люди собрались на бак, обрадовавшись показавшейся надежде к спасению; измокши и перезябши, ожидали с нетерпением наступления дня. Между тем лекарь наш, умея хорошо плавать, раздевшись, бросился в море, и мы тотчас потеряли его из виду в свирепующих волнах. На рассвете увидели мы, что находимся в полудверсте от высокого и крутого берега, под которым приметили людей. С великим трудом спустили мы на воду ялик и, привязав к нему веревку, отправили с тремя человеками к берегу. Они долго пробивались между бурунов и камней; наконец, когда преодолели большие трудности, выкинули их на сушу, и островитяне помогли им выйти. Таким образом, имея уже завезенную на берег веревку, спустили

мы еще два гребных судна и на них с помощью сего завоза перевезли всех служителей с судна».

Жители Рюгена тотчас развели огни по берегу, чтоб согреть спасшихся, и впоследствии обходились с ними весьма хорошо. Контр-адмирал Сарычев пишет*: «Граф Ливен** и я с великим трудом взобрались на высокий и крутой берег. От сего места надобно было еще итти пешком до селения целую версту; но я, после претерпенного в прошедшей ночи от мокроты и стужи, так ослабел, что не в силах был итти далее и пал бы тут от изнеможения, если б великодушный граф, будучи и сам почти в таком же положении, но напрягая последние свои силы, не подал мне помощи и не довел меня до избы, где добродушные поселяне сняли с нас мокрое платье, положили в постель, укутали теплыми одеялами и тем отогрели».

Здесь нашли они отважного своего доктора***, который к берегу приплыл благополучно, но тут волнами о камень избило его жестоким образом, и он несколько времени был очень болен. Мужественный его поступок достоин величайшей похвалы, ибо он, невзирая на усталость и ушибы, кое-как добрался до селения и первый уведомил жителей о бедствующем судне, вследствие чего они тотчас собрались и пошли к берегу на помощь претерпевающим кораблекрушение.

Контр-адмирал впоследствии осматривал стоявший на мели бриг и нашел, что все его скрепления были целы и крепки и члены во всех частях тверды; это приписывает он особенно хорошей постройке, а потому старался сыскать в Стральзунде корабельного мастера, который взялся бы снять его с мели и исправить. Мастер хотя был найден и поряжен за шестнадцать тысяч талеров снять бриг с мели, однакож в предприятии своем не успел, но спас с него только то, что было можно. Между тем экипаж брига был размещен по кораблям эскадры, стоявшей у Рюгена, а сам контр-адмирал переехал на корабль «Рафаил», на котором и находился до прибытия его в Кронштадт.

* См. «Дневные записки плавания вице-адмирала Сарычева», стр. 138.

** Генерал-майор при десантных войсках; он находился на «Диспаче».

*** Имя его Василевский.

КРУШЕНИЕ КОРВЕТА «ФЛОРА» (ПОД НАЧАЛЬСТВОМ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА КОЛОГРИВОВА), ПОГИБШЕГО В НОЧЬ НА 28 ЯНВАРЯ 1807 ГОДА В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ У БЕРЕГОВ АЛБАНСКИХ

Корвет «Флора» погиб на берегах Албании в то время, когда турки уже объявили войну России⁴⁹, и потому экипаж сего судна, спасшись при кораблекрушении, попался в плен к народу, поступившему с ним жестоким образом. По сим обстоятельствам кораблекрушения командир корвета не мог сохранить морского журнала и никаких других бумаг, из которых можно было бы составить полное оному описание; но как самое кораблекрушение, так и происшествия, случившиеся после того с экипажем в плену у турок, весьма хорошо описаны в журнале служившего тогда на сем корвете лейтенанта Сафонова, то я помещаю здесь выписку из него:

«7 января адмирал со всею эскадрой вышел из Бокка-ди-Каттаро⁵⁰ в море; ветер был крепкий, погода пасмурная со шквалами. Ночью ветер сделался противный в Корфу⁵¹, и по темноте мы с адмиралом разлучились;

ветер крепчал до чрезмерности, и к утру снесло нас к Курцоле⁵², куда мы, наконец, и спустились.

9 января на курцольском рейде нашли два наших корабля — «Елену» и «Уриил», — поставленных для защиты крепости от неприятеля.

24 января, с первой переменой ветра, вышли в море: ветер был пресильный, но благополучный.

26 января ветер более и более усиливался и, наконец, сделался противным; облака летали подобно молнии; слышен был глухой подземный шум и чувствовался запах сала от воды; потом все небо покрылось одним черным облаком. Со страшным шумом восстал вихрь и порывисто переменил свое направление вокруг всего компаса; море вздымало валы свои до необъятной высоты. Вдали воздух сделался теплым, и в туче показалось страшное явление кровавого цвета. Это послужило нам верным признаком жестокого шквала. Немед-

ленно послали людей крепить паруса, но не успели дойти до марсов⁵³, как жестокий шквал повалил судно на бок. Увы! Хотели уже проститься с светом, но, к счастью нашему, в тот же момент молния ударила в мачты, они сломались и упали в море. От убавки сверху тяжести корвет пришел в прежнее положение. Немедленно бросились спасать погибающих людей; двадцать спасли, а двадцать два утонули. Вскоре потом ярость стихий мало-помалу укротилась, настала тишина, и взору представились повсюду печальные следы опустошения. По счислению нашему, мы находились близко от берега и, по лоту видя уменьшение глубины, стали на якорь около мыса Дураццо (в Далмации)⁵⁴.

На другой день, исправясь фальшивым вооружением, направили путь в Корфу; до 11 часов шли благополучно; ввечеру ветер сделался противный и чрезвычайно крепкий; нас начало валить к албанскому берегу. Не имея возможности нести паруса, не могли удалиться от берегов, а глубина беспреестанно убавлялась. Решились стагь на якорь. Но, к несчастью нашему, первый якорь не задержал; бросили другой — и тот также, наконец и третий — все тщетно. Лишь только хотели бросить четвертый, как уже корвет ударило о мель и вышибло руль. «Боже! — вскричали все. — Погибаем!» Не было возможности спастись, вода в трюме увеличивалась, дождь лил ливмья, ночь претемная, везде стон и молитвы — ожидали каждую минуту своей гибели, но увидели утро. Ветер сделался немного мягче, но жестокий бурун ходил во круг судна.

Сделали консилиум и положили, несмотря на угрожающую опасность, спасти людей, по крайней мере тех, которых удастся; но всевышний был милосерд ко всем, и мы с капитаном последние, по спасении команды, съехали на берег. 28 января развели огонек и расположились переночевать на неприятельском берегу. Во всю ночь ветер был крепкий и с проливным дождем, но после наших несчастий и трудов мы спали запертво и не слышали дождя. Поутру корвет уже был разбит и видны были одни члены. Две беды миновались — настает третья: толпы албанцев отводят нас в Берат⁵⁵

к паше. Турок объявил несогласие Оттоманской Порты⁵⁶ с Россией и что мы пленные.

9 февраля, по повелению его, отправились в Царьград при конвое под начальством аги⁵⁷.

10 февраля прибыли мы в загородный дворец паши, построенный в азиатском вкусе на горе. По приказанию паши, дано нам было здесь на десять человек по барану, которых мы полбански изготовили сами, изжарив целиком над огнем, и растерзали руками по порции. Переночевав довольно изрядно на дворе, в 4 часа утра отправились далее. Провожатые наши начинают быть с нами уже посмелее и обыскивают наши карманы; но, к несчастью, не находят в них ни гроша.

11 февраля прибыли в Албесан⁵⁸, где жители, по врожденной ненависти к христианам, приняли нас с большим руганием и боязми; на квартира была порядочная, и хозяин дома, грек, был к нам милостив; одни только толпы турок, желавших нас видеть, как какое-либо чудо, до самой ночи беспокоили нас мучительно.

Наутро отправились; дорога шла горами.

12 февраля прибыли в крепость Огеру⁵⁹, коей управление зависит от паши бератского; она построена на высокой горе при озере. Строение готическое, но защищено довольно изрядно; жители большей частью болгары и греки. Обид в этом городе мы не терпели, но кормили нас весьма худо — обедками хлеба, оставшегося после провожатых. С тощими желудками горестно перешли мы расстояние, ведущее высокими горами.

13 февраля пришли в город Монастырь⁶⁰, населенный большей частью турками; болгар и греков весьма мало. Варварский народ встретил нас еще за триста шагов от ворот, и провожал до самой квартиры ругательствами и бросанием в нас камнями и грязью. Вдобавок к сему мучению дали нам предурную квартиру: на голом полу принуждены были за худой погодой пролежать двое суток. Во все это время турки не переставали нас беспокоить, так что один из старших турок принял в нас участие и отгонял сих злодеев несколько раз от окошек. К счастью нашему, мы рано

вышли из сего проклятого места, а то досталось бы нам еще; дорога была грязная.

18 февраля прибыли в Прилеп⁶¹. Он окружен лесами и населен болгарями, кои встретили нас с неописанной радостью, чего никак мы не ожидали. Хотя квартирой нашей был сарай, но, впрочем, мы очень были довольны. Добрые жители принесли нам мяса, вина (не красна изба углами, а красна пирогами), и, к нашему счастью, пробыли мы здесь двое суток. Добрые болгары брали столь живое участие в горестном нашем положении, что наши стражи, приметив это, отгоняли их от нас палками.

Слава богу! Ноги отдохнули; погода была прекрасная. Кажется, все нам благоприятствовало, как один проклятый прожатый подъезжает ко мне и требует у меня платок с шеи. Я прошу оставить его требование, но вижу — он вынимает ятаган, и я, не дожидаясь комплиментов, отдал ему требуемое. До сего считал я себя счастливым против товарищей моих, у которых было уже все отобрано: видно, дошла очередь и до меня. Однакож я взял свои меры: выучил наизусть их песню и по приказанию солдат и аги пел, когда им было скучно; таким образом, угождая им, не платил пошлины.

Таким образом, продолжая напевать, да подпевать, да выдумывать разные проказы, кои отчасти были мне знакомы с детства и весьма теперьгодились, продолжал я путь с большой выгодой против моих товарищей.

19 февраля пришли в город Крюперли⁶², при подошве горы, населенный турками; греков и болгар немного. Он зависит от Али-паша. Город большой и многолюдный; нас порядочно покормили и... поколотили.

20 февраля прошли крепость Иштип⁶³, построенную на горе.

21 февраля находились в небольшом городе Родовиште⁶⁴, заселенном на равнине, простирающейся верст на семь вокруг и кончающейся высокими горами. Природа обогатила местоположение это всеми прелестями и украсила обработанными полями и виноградниками; жители — болгары. Мы отгостили у них, по врожденному их состраданию к несчастным, довольно хорошо. Здесь заслуживает внимания кладбище: каждая могила обсажена кипарисом и тополем, что вместе составляет прелестнейшую рощу, испещренную мавзолеями. Такие кладбища должны быть во всей Турции по закону алкорана⁶⁵; деревья сажаются у головы, которая всегда кладется обращенной к Мекке, и у ног. Мнение народа таково, что ежели деревья эти не примутся, покойника считают недостойным быть в раю с Магометом. Христиане также следуют сему обычаю: насаждают деревья при могилах своих, но только не кипарисы, ибо они исключительно принадлежат туркам.

22 февраля ночевали в городе Стримице⁶⁶. Достоин похвалы устройство и повиновение народа к начальникам. Ни один турок не осмелился подойти к нам без дозволения. Кормили нас

довольно изрядно, и квартира была порядочная. Время нам к пути благоприятствовало; только наша одежда едва уже прикрывала наготу, и что было покрепче, то отнято нашими сторожами. Вчера бедные мои пуговицы были оторваны сторожом, который уверял меня, что они золотые, и никак не верил, что медные: этого зверя, одного из провожатых, не мог я сделать к себе великодушным и сострадательным.

23 февраля пришли в Петриче⁶⁷, большой и многолюдный город, окруженный каменной стеной. Нужда заставила меня время отдыха употребить на выделывание деревянных застежек вместо пуговиц и, таким образом, привязав к веревочкам палочки, соорудил порядочно оборванный вицмундир свой и потом показал злодею мое положение, до коего он довел меня. Он усмехнулся и одобрил, сказав: «Мудрен, собака!» Кормили нас хотя дурно, но мы были спокойны со стороны обид.

На другой день, при пасмурной погоде, отправились в город Демисар⁶⁸, окруженный высокими горами: на некоторых видны были развалины крепостей; сам паша приходил нас смотреть, разговаривал с нами ласково и велел накормить и не обижать; но по выходе из города все-таки каждому досталось удара по два палкой по спине, а бедному нашему доктору разбили сверх того камнем нос.

25 февраля, при хорошей погоде и прекрасной дороге, но с худыми сапогами, прибыли мы в большой и торговый город Севас⁶⁹. В нем паша имеет великолепный дворец в азиатском вкусе. Любопытствуя видеть нас, приказал он привести к себе на двор, где окружила нас его гвардия и народ. Сам же он с своей свитой смотрел на нас из великолепной галереи. Между тем шуты, принадлежащие его особе, бегали около нас и забавляли его разными кривляньями.

По окончании сего парада, препроводили нас с криком, шумом и барабанным боем в сарай (обыкновенную нашу квартиру на станциях). Мимоходом заметил я великолепные торговые лавки с хорошо расположенными товарами. В это время было там множе-

ство войск, собранных пашой против Георга Черного⁷⁰, и все это валилось нас смотреть. Тут мы испытали все неприятности, какие только можно себе вообразить, особливо устав от дальнего перехода. День был жаркий, томительный; мы были измучены совершенно и даже в отчаянии от сих наглцов. Дерзость одного из них простиралась так далеко, что он пнул нашего офицера, ругая его сколько можно более, и привел нас, давно уже привыкших к подобным поступкам, в ожесточение — я забыл сам себя и ударил этого басурмана так крепко, что он полетел стремглав. В минуту засверкали сабли, и я получил такой сильный удар в голову, что упал без памяти; но дело этим бы не кончилось, если б, по счастью, не случился тут француз, служащий в турецкой артиллерии; он умел привести все в порядок и утишить волнение.

Не имел во весь день и ночь покоя, отправились мы в дальнейший путь; меня же по болезни посадили на осла. При выходе из города народ не упустил случая попотчевать нас палками и грязью, и опять более всех досталось доктору; его треугольная шляпа казалась им смешной, и мы неоднократно просили его скинуть ее, а надеть какую-нибудь скуфейку, чтобы избавить себя и нас от побоев; но он был упрям и терпел за то до самого Цареграда.

Версты две дорога продолжалась аллею, насаженной престарелыми кипарисными деревьями. По выходе из оной представилось нам прелестное поле, на которое природа истощила, кажется, все дары свои. Потом дорога привела нас к высочайшим горам, где между оврагами прошли мы расстояния часов на восемь времени. Поистине искусный живописец не в состоянии изобразить этих скал, висящих над нашими глазами, на которых дикие кустарники и разного рода деревья, переплетаясь между собой, пустили корни и отрасли свои через трещины камней по бокам глубоко в овраги.

Таким образом дошли мы до фонтана и караван-сарая⁷¹, за два года перед сим построенных одним пашой. Вода течет с высоты гор, клубится, кипит и падает через несколько каменных порогов в глубокую яму, которая обведена мраморной стеной с че-

тырьмя кранами, при коих висят на цепочках ковшки. Старец вышел к нам навстречу и утолил жажду нашу. Стена вся исписана турецкими золотыми буквами, означающими имя строителя и год. Сей почтенный старец с участием смотрел на нас и, заметив, что я болен, из сострадания вынес мне кусок хлеба, за что я очень его благодарил, ибо два дня ничего не ел. Вскоре закричали наши провожатые «гайда!» и мы расстались с ним.

Вдали сквозь долину открылся прелестный вид города Мири⁷², лежащего на берегу Архипелага⁷³, а в правую сторону видны были острова Имбро и Самондраки⁷⁴; потом показались корабли, и верно, русские; но вместо радости произвели они на нас горестное ощущение; я почувствовал всю жестокость своей участи, представляя себе соотечественников своих, сотоварищей, торжествующими владыками сих морей, страхом мусульман, а себя в рубище, в самом жалком, низком положении, страшащимся ежеминутно умереть от голода, изнурения или, подобно собаке, от руки последнего турка в забаву его или из презрения...

К вечеру пришли в город Мири; квартиру дали нам, как обыкновенно, самую скверную и по куску хлеба, и то дожидались, пока собрали с домов объедки; но нас это уже не беспокоило, мы к тому привыкли — только бы поскорее отдохнуть и быть готовым к маршу. Наутро, слава богу, мне гораздо было лучше, и кажется, я сделался крепче. Погода нам благоприятствовала: верст восемь шли аллеею из оливковых деревьев вдоль моря.

В 6 часов пополудни прибыли в небольшой город Фернеи⁷⁵, обведенный каменной стеной и очень бедный. Не понимаем, по каким причинам наш ага расположился здесь на двое суток. В эти два дня мы получили по маленькому куску хлеба, а квартира была самая несносная, без пола, полная сору, паутины и мышей; вместо разбитых стекол, на случай нашего прибытия приколотили кошкам доски; мы и тому были рады, ибо они препятствовали черни плевать на нас.

Один дерзкий турок вошел посмотреть нас в то время, как я спал и сво-

ей шляпой прикрыл лицо; без всяких церемоний он чубуком столкнул с лица моего шляпу. Я проснулся и сказал с досадой: «Что тебе надобно?» — «Купек», отвечал он мне с презрением (то есть, собака). Разумея эти слова, я усмехнулся и он тоже, назвав меня опять гяуром (неверным). Мы с товарищами засмеялись таким приветствиям, за которые попросил я у него табаку; он дал мне его довольно щедро, и мы закурили с ним трубки. Потом он пошел домой и вскоре принес кусок сырого мяса и бросил мне; мы растерзали сей кусок на части и тотчас изжарили на палочках.

Двухдневное отдохновение, а более диэта, хотя и невольная, совершенно поправили мое здоровье.

На третий день, при холодной и дождливой погоде, дошли до реки Морища⁷⁶. Тут принуждены мы были дожидаться за скопившеюся при переправе многочисленной конницей Измаил-бея⁷⁷. Хотя ожидали мы много себе обид, побоев, ругательств от необузданных разбойников, но, кроме обыкновенной брани, ничего не получили; некоторые даже давали нам хлеба. Через два часа переправились, и мы и вскоре прибыли в большой город Кешан⁷⁸, лежащий на горе и окруженный также стеной, от которой до подошвы горы простираются обработанные поля. Вид прекрасный. Жители большей частью греки; квартиру мы имели изрядную и кормили нас довольно хорошо. Здесь услышали мы, будто англичане прошли Дарданеллы и сожгли турецкий флот⁷⁹.

10 марта прибыли в небольшое селение Молтжери, разоренное от междоусобной брани; квартирой нашей была тюрьма, но кормили нас изрядно и огня было довольно, следовательно и обсушиться было время. На другой день в 4 часа утра отправились далее; дорога была хорошая и день ясный. Через пять часов вышли на вид Мраморного моря и, наконец, достигли торгового и приморского города Родоса⁸⁰, лежащего при проливе. Вид прекраснейший. Природа не поскупилась убирать его всеми красотами; и в самом городе дома и улицы очень хорошие, множество лавок, набитых товарами. Нас вели по всем улицам, как будто для показа. Стечение народа было вокруг нас ужасное; чернь при-

метным уже образом становилась образованнее, хотя и не ласковее; по крайности мы не имели обид. Кормили нас порядочно, и квартирой были довольны; только во все время любопытные не отходили от окошек.

На другой день, 12-го числа, время также было хорошее; но утро было очень холодное, а ветхое наше платье, едва прикрывавшее наготу, не защищало от холода и ветра. В 10 часов утра прибыли на постоялый двор, принадлежащий одной сумасшедшей женщине, бывшей наложнице султана. Она поблизости имеет свой замок и земли. Узнав о прибытии нашем, прискакала вооруженная, как мужчина, и с открытым лицом, в пребогатейшем платье и, чуждая нежности, свойственной прекрасному полу, исполнена дерзости и жестокости, не дав отдохнуть и не накормив нас, велела выгнать из селения. Ага и прочие провожатые, не смея противоречить, принуждены были вести нас далее. По крайней мере, дорога была не скучна: все заняты были проклинанием этой женщины и от турок ей досталось.

Наконец, прибыли в приморский город Селиврию⁸¹. На пути до одного тура, наевшийся опия, пристал к нам и в сумасшествии, подобно пьяному, делал большие забиячества как с нами, так и с товарищами своими. Никто из провожатых не мог его унять; одного покусившегося на то ударил он по голове ятаганом, просек скуфейку и шаль, а другого чуть не убил досмерти из пистолета — к счастью, не попал в него. Не знали, как отделаться от такого товарища. Наконец, решились связать его, выколотили по пятам палками и оставили больного на дороге.

Город сей также имеет приятный вид и многолюден.

Квартирой был нам сарай, кормили досыта.

14-го отправились в путь: дорога и день были прекраснейшие, повсюду представлялись обработанные поля и виноградные сады. Через шесть часов прибыли в селение, где дали нам позавтракать, и таким образом приготовили ввести в столицу. Мы весьма радовались скорому концу нашего несчастья. По крайней мере, избавимся, думали мы, от ежеднев-

ных побоев и беспрестанной опасности жизни.

Прибытие наше было уже известно в Стамбуле. У шлагбаума мы были встречены вновь присланными для конвоя янычарами⁸², а старые должны были сдать нас у ворот. Приняв нас, они, по обычаю, осмотрели наши карманы, и что осталось не взятого старыми, отнято было новыми, даже и платки с шеи не постыдились стащить, варвары.

Представьте теперь наше положение: в изорванном платье, босиком, на голове тряпки, обросшие бородами, бледные, сухощавые лица, неизвестность будущего... Народ по улицам дождался нашего шествия; нас разделили попарно: к каждой паре приставили по четыре янычара и одного впереди адабаша, то есть сержанта.

Таким образом растянули линию, дабы уверить народ, что взято много, и даже старались разглашать, что взяли нас сопротивляющимися в Албании, которую хотели мы покорить.

Наконец, привели нас на двор к визирю и поставили попарно. Таким образом дожидались мы около часа. Двор и дом преогромные. Народу вокруг нас собралось множество; караульные наши стояли с дубинами и с ятаганом, а некоторые из чиновников и с плетью: признаться, не без ужаса посматривали мы на них. Вдруг шум в толпе утихает, является на балконе визирь. Посмотрев на нас и не спросив ни слова, сделал он знак чубуком, и нас повели на приготовленные барказы для переезда через залив мимо Перы и Галаты⁸³.

Вскоре привезли нас на каторжный двор, называемый курень, или банья. Пройдя несколько ворот за караулом, дошли до последних; там заковали нас в железо попарно; но как я по жребию остался один в почетах, то принадлежащие двум кандалы должен был принять один.

Наконец, отворились и последние железные ворота; тюремщик, сосчитав нас, закричал: «гайда!», указывая на тюрьму. Боже мой! Какое зрелище представилось нам. Темнота, смрад, грязь, и по углам послышались стенания и вздохи. То были бедные русские больные и израненные. Немедленно бросились мы к ним с вопроса-

ми, откуда они и каким образом попали в адское сие место. Потом потужили вместе, порадовались и посмеялись...

На другой день меня сковали с донским казаком Ивановым, предобрым человеком, и в таком положении более месяца щеголяли мы с ним в железах. Наконец, узнавши, что мы офицеры, через разные посторонние доказательства, а не по одежде, ибо мы были в совершенном рубище и обросли бородами, турки заковали нас поодиночке.

Тюрьма представляет большое четырехугольное каменное здание. Оно выстроено нарочно для государственных преступников и разделено на два этажа, из коих верхний — род полатей, поддерживаемых столбами, с прибитыми к ним цепями, на кои сажают самых важных преступников, а прочие все до единого человека скованы парно. В наше время преступников находилось до шестисот человек, да пленных русских, более из драгун, двести. Свет в тюрьму проходит из слуховых окошек и из дверей, а по стенам окошек нет. Против дверей отгорожен небольшой уголок греческой церкви. Каждое воскресенье для службы приходит греческий священник, которому строго воспрещено, впрочем, иметь какие-либо сношения с узниками. В другом углу в стене находятся два крана с водой для питья с двумя медными кувшинами на цепочке. Всего несноснее, что тут же немного в сторону отведено место для всякой нечистоты, которая не прежде как через неделю очищается: ужасное зловонье исходит из сего места.

Каждое утро, в 6 часов, узники ходили на работу в адмиралтейство, не снимая желез, кроме нас, офицеров, и ввечеру в 7 часов возвращались в тюрьму и получали по два небольших хлебца и кашницу из круп и воды. Тюремщики в это время считают число людей, потом еще выгоняют вон и опять пересчитывают и, наконец, запирают железные двери. Один из каторжных определен старшиною — смотреть за внутренним спокойствием; через каждые три часа к дверям подходит дозор человек из двадцати находя-

щихся при тюремщике янычар, и, поставив в барабан, тюремщик спрашивает Кириаки (имя внутреннего старшины), хорошо ли все. Он отвечает: хорошо, и все закричат «ишалла». Всю ночь продолжают ходить кругом тюрьмы и бить в барабан; поутру пересчитывают вновь и выгоняют на работу.

Здесь также производится казнь над преступниками: им рубят головы и удавливают; накануне рокового дня заковывают их кругом. Некоторые остаются здесь в заключении вечно. В то время как бунт в Константинополе возгорелся против султана Селима⁸⁴, мы были еще в тюрьме. Можно представить себе, в какой опасности мы тогда находились. Ожидали каждую минуту, что бунтовщики, восставшие против всего европейского, влямятся к нам в тюрьму и перерубят нас всех. Каждый выстрел, глухо отдававшийся в сводах нашей преисподней, казался нам предтечею нашей гибели; три дня не смыкали мы глаз от страха. Но бог помиловал — буря обошла нас и рушилась над визирем и вельможами: они были изрублены в куски и не могли спастись никоим образом.

Государь император Александр повелел через датского агента давать нам содержание, которое и производилось офицерам по пиастру, а рядовым вполтину. До сего совершенно терпели мы голод, получая один маленький хлебец и будучи изнурены побоями и усталостью. Подконец, сверх того, я нечаянно открыл еще способ помогать себе и любезнейшим моим товарищам: выпросив красок и бумаги, нарисовал я однажды маленький морской эстампек для турка, которому чрезвычайно он понравился; после сего многие турки приходили меня видеть и просили рисовать, задавая мне свои мысли. Я рисовал всегда, что турецкий корабль разбил трех английских и несколько французских; за это получал деньги, а иногда и съестное, которое делил с товарищами; сверх сих выгод, для рисовки выводили меня из тюрьмы — и я пользовался еще чистым воздухом. Таким образом напоследок жили мы безнуждно...

ГИБЕЛЬ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЯ
«НЕВА» * НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ АМЕРИКИ, У МЫСА
ЭДЖКОМА **, В ШИРОТЕ 57°11' 9 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА

В ноябре 1813 года, возвратясь из Японии в Камчатку, нашел я в Петропавловской гавани флота лейтенанта Подушкина и некоторых других чиновников, бывших в службе Российско-Американской компании и находившихся на корабле «Нева» во время крушения оного. От них получил я сведения касательно несчастного сего кораблекрушения и по обыкновению моему записал оное со всеми подробностями в журнал свой. Следующее повествование взял я из моих записок и при составлении оного воспользовался также замечаниями Василия Николаевича Берга ***, некогда служившего на флоте и совершившего путешествие вокруг света. Впрочем, не все путешествия, случившиеся в плавании корабля «Нева» из Охотска до Америки и при самом кораблекрушении, я описал так, как они помещены у сего почтенного человека; он писал с показания, как и сам говорит, Терпигорева, который тогда был оставленным кадетом из морского корпуса и ехал в Америку с дядей своим, коллежским советником Борноволокным. Ни по званию его, ни по летам не мог он приобрести той опытности, которую нужно иметь, чтоб безошибочно судить о морских происшествиях, а особливо при кораблекрушениях; бывали примеры, что и людям совершенных лет нос корабля казался кормой, и потому-то я думаю, что

* Сей корабль знаменит в летописях российского мореплавания: на нем, под командой капитана Лисянского, а под главным начальством И. Ф. Крузенштерна, русские совершили первое путешествие вокруг света. Он же был употреблен к содействию компанейской рати, под предводительством коллежского советника А. А. Баранова, при покорении колоужинской крепости на острове Ситхе.

** Cape Edgcomb — так сей мыс назван англичанами и под сим именем стоит на их картах; но русские, в Америке живущие, дали ему имя Трубицына, в память боцмана, служившего с Чириковым и умершего у здешних берегов.

*** Имя Берга хорошо известно публике по разным его любопытным и общепользным сочинениям⁸⁵. Описание сего кораблекрушения напечатано им особой книжкой под заглавием: «Описание несчастного кораблекрушения фрегата Российской Американской компании «Нева».

мое описание, составленное со слов не одного лица; а многих, рассказывавших в присутствии друг друга, будет ближе к истине.

Главный правитель компанейских колоний, коллежский советник Баранов, проведя в Америке беспрерывно двадцать лет, желал под старость возвратиться в отечество, чтоб остаток жизни провести в кругу родственников и друзей; на сей конец просил о назначении ему преемника. Тогда предложил компании свои услуги коллежский советник Терентий Степанович Борноволокнов. Летом 1812 года прибыл он в Охотск.

Для доставления Борноволокнова в Америку директоры назначили корабль «Нева», над коим начальство поручили флота лейтенанту Подушкину. Офицер сей служил с похвалой в Средиземном море, во флоте, бывшем под главным начальством вице-адмирала Д. Н. Синявина. Помощник у него был штурман 9-го класса Калинин, совершивший на том же корабле путешествие вокруг света. Он был весьма искусный мореходец и самый прилежный к своей должности, неутомимый офицер. Сверх вышеупомянутых чиновников, на корабле «Нева» находилось состоявших в компанейской службе разночинцев четырнадцать человек и промышленников пятьдесят шесть человек, да четыре женщины — жены и дочери компанейских служителей.

В последних числах августа 1812 года корабль «Нева» отправился с охотского рейда в путь при северо-западном попутном ветре, который, однакож, недолго ему благоприятствовал. Вскоре наступили противные ветры. С небольшой переменой дует от разных румбов компаса, они препятствовали успешному плаванию несчастного корабля и впоследствии были главной причиной его крушения и гибели многих из экипажа. Лейтенант Подушкин плыл поблизости Алеутских островов, по южную их сторону, но так неудачно, что не прежде как 6 ноября увидел американский берег в окружностях залива Якутата⁸⁶.

Впрочем, хотя плавание их от Охотска было необыкновенно продол-

жительно, судя по времени года, когда в высоких широтах господствуют большей частью ветры западные, но, по крайней мере, не случилось с ними никакого несчастья, а с прибытием на вид американских берегов, во-первых, оказался недостаток в пресной воде, а потом, 8 ноября ночью, при жестоким ветре с восточной стороны, сломило грот-стенгу и изорвало фок, грот и грот-марсель⁸⁷. Доселе они старались войти в какую-нибудь из гаваней островов Кадьяка, или Уналашки; но теперь решились уже спуститься в первый способный порт, где бы он ни находился, и куда только ветер допустит.

Лейтенант Подушкин, никогда прежде не служивший на Северо-восточном океане и вовсе незнакомый с американскими берегами, дал полную свободу штурману Калинину, как мореходцу, коему здешний край хорошо был известен по прежним его плаваниям и опытам, вести корабль, куда он заблагорассудит, для общей их безопасности. Калинин принял «Неву» в свое управление, воспользовался ветрами и привел корабль в небольшую безопасную гавань Чугатской губы⁸⁸.

К несчастью экипажа, раздоры и несогласия, возникшие между старшими офицерами на пути до сего места, здесь еще более усилились. Подушкин предлагал прозимовать в сем порте, представляя неизбежную опасность, сопряженную с плаванием в зимнее время по морям бурным на старом, худом корабле, с поврежденными снастями, неполным комплектом парусов и с неопытным экипажем, между которыми начали уже показываться разные болезни. Но Калинин был противного мнения: он думал, что зимование в столь свирепом климате, не имея удобного жилья, достаточной пищи и занятия для служителей, повергнет их в пагубную недеятельность и распространит между ними цынготную болезнь, которая, вероятно, лишит столь многих из них жизни, что корабль будет приведен в невозможность достичь какого-либо порта, обитаемого русскими. По сим причинам Калинин думал, что им надлежит непременно выйти в море и стараться достичь Ново-Архангельской крепости на острове Ситхе; господствующие при здешних берегах в сие время года се-

верные и северо-западные ветра обещали ему успех.

Борноволоков должен был решить спор между двумя мореходцами; он долго колебался, наконец, решился последовать совету Калинина.

Вместе с утверждением плана Калинина поручено ему было и начальство над кораблем, ибо лейтенант Подушкин отказался от командования оным. Исправив корабль, сколько возможность и обстоятельства позволяли, Калинин около 1 декабря вышел в море и направил путь к мысу Эджкому, лежащему при самом входе в Ситхинский залив, где находится крепость Ново-Архангельск. Через три или четыре дня пришли они на вид высокой горы на сем мысу.

Но в первых числах декабря начались жестокие противные ветры, которые скоро удалили корабль от берегов и потом, переменяясь, носили его по волнам моря около месяца. В продолжение сего времени несчастный экипаж не столько страдал от холода, ненастья, свирепых бурь и недостатка пищи и воды, сколько от несогласия управлявших им, ибо раздоры и беспорядок на корабле между офицерами вселяли в нижних чинов недоверчивость к своим начальникам, и служители имели причину полагать, что офицеры не были уверены в своем искусстве и сами не знали, что делали. Я не думаю, что Терпигорев был прав, когда уверял Берга, что в иной день переменяли они пять раз курс свой: то шли в Ситху, то в Кадьяк, Уналашку или Якутат. Едва ли съестся ныне в нашем флоте офицер столь малодушный, который бы с каждой переменной ветра переменял и порт своего назначения, чтоб только плыть с попутным ветром. Но мне известно, что на корабле «Нева» в это время господствовал совершенный беспорядок, а Борноволоков, не зная науки мореплавания, со всем своим умом, не мог решительно приказывать, что делать надлежало, и по необходимости следовал внушениям других, а посему повеления его часто переменялись. Однажды велел он править к Сандвичевым островам, о которых читал в одном путешествии и пленился ими: мысль его была весьма основательна, но морские офицеры объявили ему, что на переход туда нет у них ни съестных припасов, ни пресной воды,

о чем прежде, как человек не морской, он не догадался справиться.

Экипаж и пассажиры, глядя на своих старшин, также разделились на партии, которые между собою враждовали. Недоброжелатели прежнего командира, каковых всякий начальник более или менее имеет между своими подчиненными, старались даже распространить молву, будто бы он, назло Калинину, научал рулевых сбиваться неприметным образом с определенного курса, чтоб только запутать его в счислении пути. Но я, с моей стороны, никак этому не могу поверить: не говоря уже о таком поступке в отношении крайней его подлости, собственная безопасность заставила бы каждого воздержаться от оного; да и рулевые, зная, что целость корабля и собственная их жизнь зависят от верности счисления, никак не согласились бы исполнить столь пагубное приказание. Надобно сказать, что корабль в море некоторым образом уподобляется маленькому государству, независимому от постороннего влияния. Если на нем, от слабости и неблагоприятия управляющих, прекратится повиновение одному, тотчас обнаружатся характеры, которые в подобных обстоятельствах мы видим на большом театре света. Дела на корабле находились в таком горестном положении, пока судьба не положила конца им самым ужасным кораблекрушением.

8 января 1813 года вскоре по захождении солнца увидели влево высокий берег, по счислению и заключениям Калинина, основанным на астрономических наблюдениях, в полдень сего числа взятых, долженствовавший быть мыс Эджком. Берег открылся точно таким образом и в самое то время, как ожидал Калинин, и потому он, в полной уверенности, что наблюдения его были верны, не хотел упустить тихого попутного ветра и решился, пользуясь оным, плыть в продолжение ночи в Ситхинский залив, чтоб быть готовым тотчас по рассвете войти в порт Ново-Архангельск. Наружный вид берега, знакомый Калинину по прежнему его здесь плаванью, уверил его еще более в точности счисления; он нимало не сомневался, что видит гору Эджком, по положению коей определив курс, остался покойным. Ветер дул умеренно, и корабль шел от 3 до 4 миль в час.

Ночь была довольно темна, но позволяла увидеть берег на таком расстоянии, что без всякой опасности можно было от него отворотить, ибо он в сем месте чист и приглуб.

В полночь они видели берег и продолжали идти тем же курсом; наконец, когда нашла пасмурность с дождем и закрыла берега, Калинин и тогда велел продолжать тот же курс.

Трудно изъяснить причину, которая в это время руководствовала Калининым. Он поступил против всех правил морского искусства, и тем более в Ситхинском заливе, где находится много камней наравне с водою и подводных, и есть довольно сильный прилив, действующий неправильно; следовательно, одни только опытные местные лоцманы, коих здесь вовсе нет, могут принимать в соображение действие течений. Все сии обстоятельства, конечно, были известны Калинину, и потому я думаю, что весьма худое состояние, в котором находился корабль, заставило его отважиться на столь опасный и при лучших обстоятельствах неблагоприятный поступок; он боялся, что если крепким ветром отнесет их опять от берегов, то они должны будут погибнуть в море, и для того решился во что бы ни стало не упускать благоприятного ветра, позволявшего ему войти в желанный порт.

Часа за два до рассвета (9 января) отчаянный голос с бака: «Земля вплоть перед носом!» сначала произвел страх, а потом замешательство по всему кораблю. Все кричали, бегали, суетились; все хотели управлять, советовать. Словом, произошел величайший беспорядок, какой обыкновенно при опасных случаях бывает в обществах, где нет единоначалия и подчиненности. Сперва хотели отворотить, но не знали, в которую сторону, и потому решились бросить якорь, которого канат в несколько минут весь высучило, ибо в испуге и второпях позабыли пристопорить его как должно. После сего несчастья понесло корабль к берегу: экипаж пытался поворотить его, чтоб отлавировать от опасности, однакож без успеха: он стал на каменья вблизи огромного, неприступного утеса. Когда это случилось, ветер дул от запада очень умеренно, но вскоре после того на самом рассвете начал усиливаться и в самое

короткое время рассвирепел чрезвычайно.

Между тем на корабле как офицеры, так и из нижних чинов те, которые были посмелее и побойчее других, «умничали» и хотели повелевать, всякий по своим понятиям и на свой лад. Срубали мачты: это было нужно и сделано по-морскому. Насажали людей в барказ и хотели спустить оный на воду: это также иногда удается, когда делается порядком, без замешательства и при умеренном волнении. Но теперь, на несчастье экипажа корабля «Нева», волнением барказ был залит, и несколько человек на нем потонуло, в том числе женщины и дети. Сделали плоты из запасных стеньг, реев и других дерев, хотели на них искать своего спасения; но плоты сии разбило и разнесло волнением.

Других средств экипаж не испытывал, доколе около полдня волны не стали ломать корабля на части, а вскоре, совсем сокрушив его, и поглотили. Тогда всякий ухватился, кому за что случилось, и искал своего спасения на корабельных обломках. Но бурун, или прибой, у берега был столь велик, что многие из бедствующих, приплыв благополучно к берегу, были избиты волнами об утес и камни или ушиблены членами корабля и запертво выкинуты на берег, а некоторые от сильных ушибов и ран даже лишились жизни. В числе сих последних находились Борноволоков и Калинин; но прежний командир корабля лейтенант Подушкин спасся: он запертво был выкинут на берег и приведен в чувство попечением своих товарищей. Некоторые же, спасшись при кораблекрушении, умерли уже на берегу. Из числа служителей и пассажиров корабля «Нева» остались в жи-

вых только двадцать пять человек; около пятнадцати умерли во время пути; все остальные погибли при кораблекрушении.

Спасенным попалась небольшая лодка, на которой двое промышленников достигли Ново-Архангельской крепости; тогда Баранов отправил к ним вооруженную помощь, которая их спасла и доставила в крепость.

Спасшиеся рассказывали о многих чудесах, случившихся при сем кораблекрушении, которые, впрочем, не заслуживают большого вероятия, во-первых, потому, что самые происшествия несбыточны, а во-вторых, что не все о них рассказывали одинаково. Например, будто те, которые при разбитии корабля имели на себе платье, были выкинуты на берег совсем нагие, и что они не помнят, как лишились одежды. Между тем я знаю, что лейтенант Подушкин, когда надобно было спастись вплавь, для легкости надел на себя китайчатую фуфайку и панталоны; его выбросило на берег, как выше сказано, запертво; но платье уцелело; странно только то, что оно хотя нигде не было изорвано, но между верхом и подкладкой набилось большое количество самого мелкого песку. Еще уверяли, что обшивная медь корабля волнением была так избита и смешана с песком и другими веществами, что превратилась в некоторый род руды, и показывали образцы оной; но я за три года до разбития корабля «Нева» имел у себя такой же точно кусок, подаренный мне Барановым; кусок сей в числе многих найден на американском берегу у мыса св. Илии и был не что иное, как обыкновенная железная руда, округленная и сглаженная волнением.

ГИБЕЛЬ ИМПЕРАТОРСКОГО ФРЕГАТА «ПОЛЛЮКС» (ПОД
НАЧАЛЬСТВОМ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА ТРОТСКЕВИЧА) БЛИЗ
ОСТРОВА УНАСА 25 ОКТЯБРЯ 1809 ГОДА

Из многих кораблекрушений, при всех возможных обстоятельствах случаящихся, нет ужаснее и достойнее большого сожаления тех, которые происходят от неизвестных мелей и подводных камней.

В нашем флоте экипажу фрегата «Поллюкс» определено было судьбою испытать всю жестокость такого ко-

раблекрушения. Без ужаса и величайшего сожаления нельзя помыслить о несчастных, погибших на сем фрегате мореходцах. Военный фрегат, управляемый искусными офицерами, под руководством опытного лоцмана, при благоприятном ветре плывет у берегов своего отечества по известным водам, которые, однакож, покрывали ги-

бельную гряду камней, утаившуюся от поисков проворливых, сведущих, неутомимых гидрографов. На эту ужасную гряду набегают он среди дня и через несколько часов, сошедши с оной, погружается на дно морское; а вместе с ним из двухсот тридцати двух человек экипажа сто сорок утопают, в том числе все офицеры, кроме двух, делая жертвами морских волн.

Описание сего кораблекрушения составлено мною из официальных донесений, которые даны мне были из министерского департамента.

Осенью 1809 года командиру фрегата «Поллюкс» капитан-лейтенанту Тротскевичу предписано было от высшего начальства принять под свой конвой восемнадцать транспортных и купеческих судов, нагруженных провиантом для финляндских крепостей и портов, и итти с ними в Свеаборг⁶⁹. Конвой, по причине противного ветра, по пути зашел в порт Роченсальм⁹⁰ и оттуда отправился на рассвете 25 октября при свежем благополучном ветре. До острова Лехты⁹¹ фрегат прошел под препровождением лоцманов весьма хорошо и, оставив тут конвой, долженствовавший итти шхерами⁹², сам пошел в открытое море за маяк Лакруне большим проходом и также под руководством лоцмана. Но в 2 часа пополудни, пройдя от маяка к западу около восьми итальянских миль, стал на мель. Фрегат имел тогда марсели, фок, грот и брамсели и шел по 7 миль в час. Первый удар о камень был столь жесток, что он лишился руля и отбило часть килия от самого стема⁹³ до грот-мачты.

Весьма естественно, что неожиданное это происшествие сначала расстроило в экипаже страх и беспорядок, которые, однакож, присутствием духа и благоразумием капитана и офицеров были тотчас прекращены, и команда пришла в полное повиновение. Капитан немедленно приказал спускать гребные суда и завозить верпы. Между тем со всех сторон сыпались угрозы и укоризны на бедного лоцмана, который, однакож, оправдывался, что несчастье это случилось на гряде камней, до того времени никому неизвестных: он был совершенно невинен, ибо опасной сей гряды не было означено ни на одной карте.

Когда два верпа были готовы, на фрегате, бросив в воду несколько пу-

шек, начали вертеть шпилями завозы и сим средством скоро стащили его на глубину. Но, избежав одной беды, несчастные мореходцы подверглись другой, несравненно опаснейшей: фрегат начал сильно течь; не было другого средства спасти его, как только поставив у берега на мягкую мель. На сей конец капитан с беспримерной решительностью приказал отрубить кабельтовы и поставить фор-марсель, кливер и грот-стенг-стаксель, приказав лоцману править к такому берегу, у которого есть песчаный грунт. Но малодушный лоцман до того оробел, что почти себя не помнил и не в силах был ни за что взяться; а потому капитан Тротскевич сам стал править к острову Унасу⁹⁴. Не дошедши, однакож, до него, в темноте фрегат вторично набежал на камень, и хотя в ту же минуту были закреплены паруса и брошен якорь, но фрегат вскоре волнением снесло с камней, и он очутился на глубине 12 сажень.

В это время показалась в нем страшная течь. Воду стали отливать помпами, ведрами, котлами; подвели под него паруса, но все было тщетно: фрегат начал опускаться на дно. Тогда капитан дал повеление людям оставить внизу работу и спешить наверх, а гребные суда приказал подтягивать с багштова к борту. Ветер между тем усилился и дул отменно крепко; а течь во фрегате до того увеличилась, что не успели еще подтянуть к нему гребных судов, как он столько погрузился, что борта сравнялись с поверхностью моря. Тогда-то наступила страшная роковая минута. Вода с ужасным стремлением хлынула во все порты и в самое короткое время наполнила фрегат, который в 9 часов вечера вдруг пошел, как камень, ко дну. Служители в это время, со слезами и воплем принося последние мольбы и покаяние богу, бросались во все стороны. Одни успели вскочить на гребные суда, другие в отчаянии хватались за что ни попало и, кидаясь в море, утопали, а некоторые, будучи расторопнее и легче прочих, пустились на верхи мачт и успели уйти от воды, добравшись до стеньг-вант⁹⁵, которые, когда фрегат стал на дно, были выше морской поверхности. Число сих последних простиралось до пятидесяти четырех человек, между коими находились повествователь злосчастного

Если бы капитан Тротскевич помышлял только о спасении людей, то когда, при первом ударе фрегата о камень, увидел он, что часть киля была оторвана и что он не мог уже долго держаться на воде, надлежало бы ему положить якоря и срубить мачты, чтоб фрегата не снесло на глубину, и перевозить людей на гребных судах. Но он в сем случае заботился более о своей

честь, нежели о жизни, и поступил, как должно искусному и неустрашимому морскому офицеру: он не хотел вдруг оставить вверенного ему фрегата, а желал испытать все, что было можно и должно для спасения его. Опыт имел пагубные следствия, но капитан не был виноват, а напротив, поступок его достоин удивления и подражания.

КРУШЕНИЕ 74-ПУШЕЧНОГО КОРАБЛЯ «ТОЛЬСКАЯ БОГОРОДИЦА» НА ЧЕРНОМ МОРЕ У БЕРЕГОВ МИНГРЕЛИИ, ПРИ УСТЬЕ РЕКИ КОПИ, 8 ДЕКАБРЯ 1804 ГОДА

Гибель корабля «Тольская Богородица», в числе многих других подобных кораблекрушений, служит к убеждению мореплавателей, что на открытых рейдах больших морей никогда не должно полагаться на якоря, но всегда надлежит ставить корабль, если место и обстоятельства позволяют, в такое положение и держать его в такой готовности, чтоб при наступлении бури с открытого моря тотчас можно было вступить под паруса и удалиться от берегов. Эта осторожность особенно нужна осенью и зимой, когда бури бывают чаще, сильнее и продолжительнее.

Столь ужасные следствия сопровождали разбитие корабля сего, что из двухсот пятидесяти пяти человек, составлявших экипаж его, погибли восемь офицеров и сто пятьдесят нижних чинов, сверх коих утонули еще шесть человек солдат из числа сухопутных войск, на сем корабле привезенных, а остались в живых пять офицеров и девяносто два нижних чинов; из них, однакож, только двадцать восемь человек спаслись при кораблекрушении, прочие же были столь счастливы, что съехали на берег до наступления бури.

Это пагубное происшествие показывает, что экипажу невозможно было при оном помышлять о спасении журналов и других корабельных бумаг, и потому нельзя было составить подробного описания сему кораблекрушению, а известие о нем взято с рапорта лейтенанта Викорста, одного из спасшихся офицеров.

2 октября 1804 года корабль «Тольская Богородица», под начальством капитана 1-го ранга Шостака, отправил-

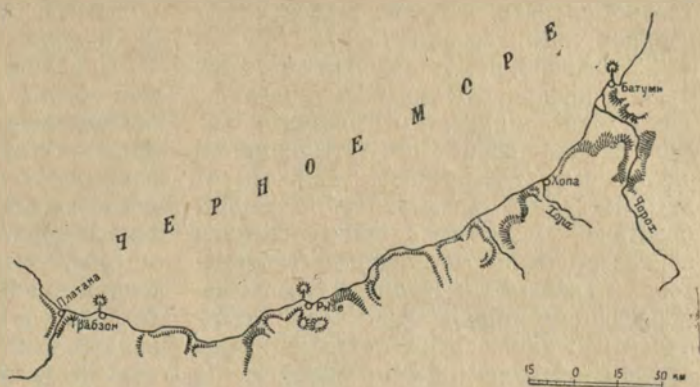
ся с отрядом сухопутных войск и с провиантом к берегам Мингрелии¹⁰¹, где правительство предполагало производить вырубку корабельных лесов для черноморских портов. Плавание корабля, по причине неблагоприятных ветров, было очень медленно, и он принужден был для получения съестных припасов и пресной воды зайти в местечко Платану, на берегах Анатолии¹⁰², которое Викорст представляет местом для якорного стояния безопасным и изобильным во всех нужных для мореплавателей припасах. «Тольская Богородица» в Платане простояла тринадцать дней и 24 ноября отправилась в путь, а 2 декабря прибыла к берегам Мингрелии и стала на якорь против устья реки Копи¹⁰³, на глубине 8½ сажен, в 2 верстах от берега.

Шесть дней корабль стоял очень покойно; в это время главной заботой капитана было отправление на берег солдат и провианта, и он успел высадить весь привезенный им отряд и перевезти 600 четвертей муки и 32 четверти круп. Но 8 декабря с полночи ветер, дувший от запада, начал усиливаться и в самое короткое время превратился в жестокую бурю. В 6 часов утра корабль подрейфовало на расстояние трех кабельтов, и он очутился на глубине 4½ сажен. Тогда стало его бить о дно страшным образом: выбило руль и пять портов нижнего дека с левой стороны; в то же время посредине корабля сделался перелом, «а через несколько минут после того рассыпало по мелким штукам всю часть корабля до нижней палубы, и только барказ и два катера находятся в целости на берегу, а из остатков корабельных вынута на

берег 175 пудов железа».

Вот все, что находится в выписке из рапорта лейтенанта Викорса, присланной морскому министру, касательно сего крайне гибельного кораблекрушения.

В это же самое время на том же рейде разбился военный бриг «Александр», с которого погибло только семь человек, в том числе командир оно-го капитан-лейтенант Влито, а спаслись семьдесят один человек. Экипаж брига был счастливее, веро-

ятно, потому, что бриг, по малому его углублению, разбило ближе к берегу.

КРУШЕНИЕ ВОЕННОГО БРИГА «ФАЛЬК», ПОГИБШЕГО У ТОЛ- БУХИНА МАЯКА, В СЕМИ ВЕРСТАХ ОТ КРОНШТАДТА 20 ОКТЯБРЯ 1818 ГОДА

Страшна и жестока должна быть участь странника, погибающего среди снегов отдаленной пустыни, где нет никакого для него убежища, ниже селений, откуда мог бы он надеяться получить помощь; но стократно ужаснее и мучительнее гибель несчастного, который замерзает, так сказать, на пороге, на пороге собственного своего дома и для спасения которого стоило бы только отворить двери, если б домашние его, покоящиеся в сладком сне, знали о месте его пребывания. Подобную сей, горькую чашу суждено было испить злосчастному экипажу брига «Фальк», разбившегося при самом входе в главный наш порт Кронштадт. Крушение брига описано флота лейтенантом Бестужевым* в журнале «Сын Отечества», из коего я взял это описание и помещаю здесь от слова до слова:

«Целое лето нынешнего 1818 года не было жестоких ветров: первая буря случилась 20 октября и, начавшись рано поутру от северо-запада с морозом в $3\frac{1}{2}^{\circ}$, продолжалась почти

* Бестужев с успехом занимается словесностью: просвещенные читатели знают его по весьма приятному сочинению: «Записки о Голландии»; а ныне (1822), по повелению государственного Адмиралтейского департамента, занимается он сочинением российской морской истории.

до полудня 21-го числа. В продолжение сей бури, по известиям, дошедшим доселе, разбило английский купеческий корабль «Индастри», шедший из Бергена¹⁰⁴ с селдями, у мыса Стирсудена¹⁰⁵, лежащего верстах в тридцати от Кронштадта по правую сторону Финского залива: люди с сего корабля с трудом спаслись на берег. Любекское¹⁰⁶ судно «Гофнунг», ушедшее с грузом из Кронштадта, близ Гогланда¹⁰⁷ брошено было на мель и едва спаслось рачением шкипера, который со всем тем принужден был воротиться в Кронштадт по причине великой течи. Два галиота русских потеряли мачты и один выбросило на берег на кронштадтском рейде. Русское судно «Магдалина», шедшее из Ливерпуля с солью, кинуло на мель на кронштадтском же рейде, сорвав оное с якорей. Это самое судно, будучи снято с мели, оказалось такие повреждения и течь, что принужденным нашлось войти в гавань и остаться там на зиму для починок. Четыре лодки с зеленью и съестными припасами и один плот из бревен разбило на берегах; многие суда потеряли свои якоря.

Теперь приступаю к описанию важнейшего из всех сих несчастных приключений. Все мною изочтенное до сих пор состоит из обыкновенных

только случаев, встречающихся с мореплавателями весьма часто.

22-го числа, по утишении немного сей бури и по прочищении пасмурности, с Толбухина маяка, отстоящего от Кронштадта верст на четырнадцать, сделан был телеграфом сигнал, что от него к западу военное судно терпит бедствие. Вследствие сего сигнала приказано было от военного губернатора и главного в Кронштадте командира вице-адмирала фон-Моллера отправить с дальней брантвахты гребное судно с офицером, чтоб разведать, где стоит это судно, и для подания ему помощи. Я был послан с потребными орудиями и достаточным числом людей.

Приехав уже к самому маяку, увидел я судно поблизости от него, во все затонувшее, у коего мачты были срублены, а над водой оставалась одна только кормовая часть. Подъезжая ближе, мне казалось, что люди, на нем находящиеся, протягивали руки и просили о скорейшей помощи, и потому я поспешил перегрести расстояние 100 сажен или немного более от маяка до судна, удивляясь, однакож, каким образом маяк, дав знать сигналом о судне, сам не подает доселе помощи, видя людей сих в таком положении.

Но какой ужас объял меня, когда, приблизившись к судну, увидел я множество людей замерзших и обледенелых в разных положениях: одни лежали свернувшись, другие в кучах, третьи держались за борты, как бы прося о спасении. Первый предмет, поразивший меня, был лейтенант Щочкин, товарищ и приятель мой с самого малолетства, коего узнал я в ту же минуту, распростертый навзничь с обмерзлыми волосами и одеждой; за руку его держался денщик и, казалось, желал согреть оную своими руками; прочие люди лежали кучами, как бы в намерении согреть друг друга взаимной теплотой. Под одной кучей лежащих людей узнал я молодого офицера Абрютину, коего, вероятно, матросы хотели согреть собой; унтер-офицер был обложен подобным же образом; другой офицер, облокотясь на борт, казался спящим. Все вообще имели вид спящих или умоляющих небо о своем спасении; одна мертвенная оценелость удостоверила меня, что люди эти уже умерли, и я едва мог опомниться от нового мне чувства —

большого, нежели страх, и сильнеешего жалости.

Скрепив, однакоже, сердце я думал было осматривать, нет ли еще живых людей, как приехала с маяка лодка, с коей меня известили, что старания мои будут бесполезны и что двое из сих несчастных, найденные в живых, давно уже сняты с судна. Осмотрев, однакоже, хорошенько и не нашед ничего, я вышел на маяк, чтобы разведать о сем приключении, и нашел там двоих спасенных: комиссара Богданова и унтер-офицера Изотова, столь слабых, что они едва были в состоянии отвечать на мои вопросы. Они объявили следующее:

Военный бриг «Фальк», нагруженный мукой, отправился 25 сентября из Кронштадта в Свеаборг под управлением лейтенанта Щочкина 1-го, с мичманами Жоховым, Абрютиными 2-м и 3-м, вышесказанным комиссаром Богдановым, штурманом Калашниковым, тридцатью пятью человеками команды и пассажиркой, пожилой женщиной, с двенадцатилетним ее сыном. Вышед из Кронштадта с благополучным ветром, вскоре получили противный. Дувшие непрерывно западные ветры заставляли бриг несколько раз спускаться в разные места и останавливаться там на якоре. Дважды он стоял за Гогландом, дважды в Бюрке¹⁰⁸, раз за Сессаром¹⁰⁹ и раз за мысом Стирсуденом. К сему последнему подошли они 12 или 13 октября. Лейтенант Щочкин, желая по назначению попасть скорее в Свеаборг и выполнить во всей мере долг свой, никак не хотел итти назад в Кронштадт, рассчитывая, что с первым, хотя немного благоприятным ветром он гораздо легче может сняться с якоря от Стирсудена, нежели из Кронштадта, из коего не при всяком ветре удобно выходить. В сем положении он стоял около шести или семи дней.

20-го числа началась буря; в 7 часов пополудни порыв северо-западного ветра, дувшего со снегом и морозом, был столь велик, что судно, стоявшее на одном якоре, потащило. Мичман Жохов, бывший на вахте, видя, что при достаточном количестве выпускаемого каната судно не перестает тащить, хотел бросить другой якорь на помощь первому и для этого якорь сей, обыкновенно привязываемый горизонтально вдоль судового

борта, был отвязан и оставлен вертикально в висячем положении, подвешенным к кокору, называемой кранбалкою¹¹⁰ *.

Лейтенант Щочкин, уведомленный о сем в ту же минуту, вышел наверх, отменил было кидать другой якорь, но, узнав, что оный висит уже на кранбалке, и зная опасность сего положения при качке, тотчас велел бросить.

Не напрасно было опасение Щочкина, вследствие коего он велел отнять якорь: обледеневшая веревка, на коей он висел, не могла в скорости быть развязана, надлежало ее рубить, и в это время якорь, раскачиваемый жестоким волнением, ударяя беспрестанно одним из своих рогов в судно, пробил обшивку, и вода хлынула в большом количестве по всему трюму.

Спустить якорь на кранбалку, обрубить мерзлую веревку и в это время получить от якорной лапы пролом было дело одной минуты. Шкиперский помощник первый увидел течь и известил о том начальника. Все меры против оной остались тщетными; наконец, после многих бесполезных усилий, решено было, отрубив якорь, спуститься прямо на Толбухинский маяк, видимый от Стирайудена, и стать там на мель, чтобы, по крайней мере, можно было поблизости к берегу спасти людей. Отрубили канаты, распустили паруса, пошли. Течь начала усиливаться.

Отчаяние овладело всеми. Увещания начальника не действовали: близкая смерть и неизвестность, в состоянии ли будет судно дойти, не затонув, до маяка, сделала всех глухими к приказаниям. Начали прощаться между собою; все побежали переменять на себе белье по старинному русскому обычаю **; наконец, вода в судне так распространилась, что переменявшие внизу белье — иные, не успев выскокить, остались там, другие выбежали в одних рубахах, и судно, не дошед саженой ста до маяка, село на дно, так

* Якорь подвешивается на эту кранбалку посредством особенной веревки, продетой сверх каната в якорное кольцо. Когда веревку эту развяжут, якорь падает в воду и тащит за собою канат, который выдают, смотря по силе ветра.

** «Между простым народом господствует мнение, что, переменяв перед смертью белье, он совершил свою исповедь, очистился от грехов и готов предстать чистым на суд божий».

однакож, что вода не покрывала верха судна.

Со всем тем волнение столь было жестоко, что бриг начало сносить с мели. Щочкин, опасаясь, чтоб судно не потонуло на глубине, велел бросить остальную якорь и верп (или якорь меньшего разбора), чтобы удержаться ими на мелком месте; велел срубить мачты, на коих незакрепленные паруса более и более сдвигали судно с места. Повторяемые удары о камень отбили руль, киль, и, наконец, нижняя часть судна начала разбиваться в щепы; бочки и прочие вещи выносило из люков или выходов наверх; судно погрузилось совсем, одна только задняя часть оставалась сверх воды. Барказ или большое судно, стоявшее наверху палубы, мгновенно было оторвано стремившимися уже через верх волнами и, оными поднимаясь, перебило многих людей, собравшихся на корме.

В сем положении, во 100 сажнях от маяка, вблизи возможного спасения, должны были они оставаться около двенадцати часов подверженными яростным волнам. Все гребные их суда и барказ оторвало, прежде нежели могли приступить к их употреблению; спастись вплавь — значило ускорить свою смерть. Никакого знака не можно было подать на маяк; пушки, порох были в воде; огня достать было невозможно; крик не помогал, и тщетны были все усилия, чтоб их услышали на маяке: рев волн, разбиваемых о камень, окружающие маяк, и свист ветра в снасти телеграфа, стоящего при маяке, препятствовали им быть услышанными. Темнота осенней ночи, увеличиваемая снегом и светом самого маяка, препятствовала часовым с оно-го видеть на несколько сажень вдали. Таким образом, несчастные страдальцы принужденными нашлись, из боязни быть снесенными волнами, держаться друг за друга, оставаясь так без всякого движения, могшего их скольконибудь разогреть и избавить от холодной смерти. С 9 часов вечера до самого рассвета оставались они в сем положении; холод увеличился почти до 5°; многие из них уже замерзли, многие снесены были волнами; остальные едва дышали, оцепенев от холода.

В исходе 7-го часа, лишь только можно было различать предметы, с маяка усмотрели несчастных и по-

спешили отправить небольшую лодку с семью человеками. Другого судна не можно было послать по чрезмерности волнения, о камни разбивающегося. Лодка опрокинулась на камнях, и семь человек вброд едва спаслись сами; однакож, поймав лодку и исправив оную по возможности, пустились опять. Часа два или более прошло, пока лодка могла добиться до судна, так что, подъехав туда, нашли уже только двоих живыми, и то без всякого движения, с едва заметными знаками жизни; прочие поодиночке умирали прежде, нежели могли дожидаться спасения. Искав долго между мертвыми и не находя ни одного человека в живых, люди сии с великой трудностью возвратились на маяк, где, подав возможную помощь двум несчастным, к исходу только дня привели их в состояние рассказать все обстоятельства сего пагубного случая.

Люди с судна были сняты. В числе сей команды не доставало девяти человек и одного офицера. Одни оста-

лись внизу, где старая пассажирка также окончила жизнь свою с сыном; других смыло волнами».

Из сего описания видно, что крушение брига «Фальк» последовало от течи, а течь произошла от якоря, на крамбал отданного и пробившего лапой на волнении обшивные доски. С трудом можно поверить, чтоб при нынешнем состоянии мореплавания сыскался еще морской офицер, который бы не знал, что на ходу и при волнении непременно якорь должно отдавать с рустова и крамбала¹¹¹ вдруг: опытные мореплаватели во всяком случае так поступают. Человек, вовсе незнакомый с морской службой, взглянув на якорь, отданный на крамбал во время волнения или при большом ходе, подумал бы, что это острое орудие свешено нарочно для пробития корабельного дна. В грубых ошибках по службе молодость извинить не может: для неопытных офицеров есть книги; надобно только иметь охоту ими пользоваться.

РАЗБИТИЕ ВОЕННОГО КОРАБЛЯ «ВЯЧЕСЛАВ» У БЕРЕГОВ ШВЕЦИИ В 1771 ГОДУ.

(Соч. А. С. Шишкова)

Под сим заглавием в журнале «Отечественные Записки» * напечатано описание бедствий, претерпенных одним русским линейным кораблем. Описание это, с позволения почтенного издателя **, я помещаю здесь от слова до слова, пополнив оное некоторыми моими замечаниями.

Должно признаться, что в поступках офицеров сего корабля мореплавателю немного сыщется примеров похвальных и заслуживающих подражания, а напротив того, увидит в них деяния, жалости и смеха достойные. Но как и худые примеры часто приносят молодым людям пользу, возбуждая в них большее отвращение и ненависть к пороку, то я и сие описание не считаю лишним.

«В начале 1771 года посланы мы были сухим путем под начальством кадетского капитана к городу Архангельску с тем, чтоб оттуда морем возвратиться на построенных там кораблях. Нас было с лишком 30 человек.

* В книжках на декабрь 1821 г., на январь и февраль 1822 г.

** Павел Петрович Свиный.

Мы жили в прилежащей к городу слободе, называемой Соломбала, в обнесенных тыном казармах. По вскрытии Двины и по спуске на воду трех шестидесятишестипушечных кораблей расписали нас по оным. Я написан был на корабль «Вячеслав».

Прежде нежели приступлю к описанию нашего путешествия, нужно читателю узнать свойства и нравы бывших на сем корабле офицеров. Начальствовавший над оным капитан 1-го ранга N был человек довольно добрый, но властолюбивый, пылкий. Второй по нем, наш кадетский капитан, также человек весьма добрый, услужливый, усердный к службе и довольно неглупый, но перед старшими себя до крайности почтительный и робкий. Два лейтенанта, из коих M.— видный собою, искусный в деле своем и дружный с кадетским капитаном; лейтенант W— человек простой; два мичмана, один констапель (артиллерийский офицер) и нас восемь человек гардемарин. да при солдатской команде капитан, человек дородный, толстый и грубый.

По нагружении кораблей мы от-

правились в поход и плыли по Белому морю с переменными и тихими ветрами. В один день, во время густого тумана, при бросании лота оказалось, что вдруг с глубины 25 сажен взошли на глубину 7 сажен. Устрашась сего обстоятельства, стали мы тотчас на якорь. Но как туман не прочищался и ветер делался свежее, то, опасаясь стоять тут долее и обмеря на посланных шлюпках вокруг себя глубину, подняли якорь и пошли в ту сторону, где становилось глубже. Течение моря было с нами и ветер дул нам попутный. Мы шли несколько часов и стали опять на якорь.

После полудня туман прочистился, и мы увидели, верстах в трех или четырех перед собою, крутой каменный берег. Сей грозный сосед принуждал нас удалиться от него поскорее. Но как довольно свежий ветер, дующий прямо на берег, и сильное туда же течение моря наводило нам страх, чтоб при медленности поднимания обыкновенным образом якоря не прижало нас к берегу, то рассуждали, чтоб вступить под паруса вдруг, то есть распустить и наполнить их, не поднимая якоря, и когда корабль возьмет движение, отрубить канат.

Однакож капитан был на то несогласен: ему не хотелось лишиться якоря. Он спросил, нет ли на корабле кого-нибудь из архангельских рекрут, Сыскали одного матроса. Спрашивают его, хаживал ли он по Белому морю (архангельские жители почти все рыболовы). Он отвечал: «Хаживал». — «Какой же это берег?» — «Тот, который идет от Орлова Носа». — «А где Орлов Нос?» — «Остался назади, мы его прошли». (Это сказание матроса не согласно было с нашим счислением, ибо мы по карте считали себя далеко еще не дошедшими до мыса, называемого Орлов Нос.) — «Можно ли нам сняться с якоря?» — «Можно, — отвечал он: — берег приглуб, течение хотя и бросит нас к нему, но встречное от него течение понесет нас вдоль его».

Капитан велел сниматься с якоря. Мейтенант М. представлял, что в подобных случаях не должно полагаться на слова матроса и лучше потерять один якорь, чем подвергать корабль опасности. Однакож капитан велел медленно сниматься. Опыт показал, что матрос говорил правду: лишь

как стрела, полетел на каменный утес: якорь отделился от дна моря, корабль, мы досмерти перепугались; но чем ближе к берегу, тем быстрота его становилась меньше, отражающееся от берега течение спиралось натекающим на оное и не допускало нас к нему приблизиться. Мы успели вывернуть якорь, убрать его, наполнить паруса и направить путь свой в море.

По выходе в океан и по долгом плавании, при противных ветрах, зашли мы, чтоб запастись пресной водой, в пролив между лапландским берегом и островом Кильдюйном¹¹². Остров сей необитаем. Мы нашли на нем несколько рыбачьих хижин. Летом приезжают на него рыболовы и осенью уезжают назад. Они сказывали мне, что ходят для промысла в океан и удаляются верст на сто от берега. Видя худые суда их, я спросил, как могут они на таких судах так далеко ходить: «Ну, ежели застанет буря?» — «Так что ж, — отвечали философы с холодностью: — кого застанет, тот утонет».

Я видел тут еще семидесятилетнего старика, сторожа оленей, который во всю свою жизнь, как себя запомнит, из Кильдюйна никуда не отлучался. Летом месяца три проводит он с приезжающими рыбаками, а в остальное время года живет один. Разговаривая с ним, я спросил у него: «Как же зимою, когда пролив замерзает, не боишься ты забегающих сюда волков и медведей?» — «Чего бояться, — отвечал он с уверенностью, — они меня уж знают и не тронут».

Простояв дня три в Кильдюйне, пошли мы опять в океан и продолжали путь свой. Сделались противные и крепкие ветры: мы долго с ними боролись и ничего не видали, кроме кувыркающихся китов, которые из воды выставляли хребты свои, наподобие черных холмов, и, фыркая, пускали из ноздрей высокие водометы. Мы забрались далеко к северу, так что солнце в самую полночь не заходило уже под горизонт.

После долгого времени ветры стали становиться попутнее, ночи длиннее и темнее. Мы перешли большое расстояние; миновали опасную пучину, называемую Мальштром¹¹³. Я в свободные часы занимался рассматриванием разных явлений: иногда днем по целому часу смотрел в воду,

которая была так прозрачна, что опустится в нее белый камушек, можно было видеть его несколько секунд, пока не погрузится он сажень на двадцать или более. Иногда любовался плавающими в ней цветами, которые показывались из-под кормы наподобие пестрых распутившихся колпаков. Прекрасный вид их, когда их поймешь и вынешь из воды тотчас исчезал и превращался в некую оседшую неприятную слизь.

Всего же более нравилось мне по ночам сидеть на носу корабля; вода имела некое лучезарное свойство, так что обмоченная в нее вещь казалась в темноте огненной. Валы, ударяя в нос и отражаясь от него, раздроблялись на бесчисленное множество брызг, светящихся подобно разноцветным искрам. Казалось, корабль, шествуя, сражается ежеминутно с нападающими на него исполинами, в гневе попирая их, сыплет от себя огонь и пламя.

В один день достали мы лотом дно морское: глубина была 70 сажень. Мы наехали в это время на необъятное количество сельдей. Корабль наш несколько часов, почти при совершенной тишине ветра, плыл тихо, как бы посреди их, ибо от самого верха воды до такой глубины, до какой взор при чистоте и прозрачности ее проникать мог, вся она наполнена была слоями сих рыб, и вокруг корабля, сколько зрением при ясной погоде можно было обнять, повсюду гладкая поверхность воды рябела от прикосновения их к оной.

Наконец, по долгом странствовании и по претерпении многих бурь пришли мы уже в половине октября (21 сентября) в Копенгаген, где пробыв несколько дней, спешили отправиться в путь. Мы снялись с якоря около полдня и с крепким попутным ветром в весьма темную ночь стали приближаться к острову Борнгольму. В 3 часов вечера, по означению на карте пункта (т. е. места, в котором мы себя считали), и по определении от него курса (то есть пути, которым кораблю плыть надлежало), капитан, дав о том приказание вахтенному (на страже стоящему) лейтенанту, лег спать.

Настал 10-й час — время, в которое, по соображению скорости хода, должны мы были проходить между

шведским берегом и островом Борнгольмом. Ветер усилился. Ход корабля был чрезвычайно быстрый — по 20 верст в час. Ночь претемная. Поставленные нарочно для смотрения на баке люди, на вопрос, часто повторяемый: не видать ли земли, отвечивали всегда: «Ничего не видать».

В сих обстоятельствах штурман берет карту, смотрит на нее, меряет и пожимает плечами. Вахтенный лейтенант подходит к нему и спрашивает: «Что ты посматриваешь на карту и пожимаешься?» Он отвечает: «Остров этот меня крепко беспокоит; курс наш по карте, конечно, хорош, ведет мимо него, но кто может положиться на точность исчисления? Притом же мрачность погоды не позволила нам ясным рассмотрением берегов хорошо проверить оно; итак, если положить, что подлинное место наше в восемь часов было мористее (далее от шведских берегов), нежели как означенный нами на карте пункт показывает, то мы, идучи сим курсом, попадем на остров, а берега его так круты и приглубы, что при такой темноте и скорости хода не успеем мы его увидеть, как уже об него ударимся и, может быть, разобьемся в щепы».

Сомнение это устрасило лейтенанта; он говорит: «Что ж нам делать? Не разбудить ли нам капитана?» Штурман отвечает: «Капитан не поможет, потому что, полагая погрешность счисляемого пункта в одну сторону, путь сей опасен, а полагая ее в другую, перемена онога опасна; итак, капитан, не больше нашего о верности пункта известный, будет точно в такой же нерешимости, как и мы».

Разговор сей умножал час от часу более страх их, у которого, как говорит пословица, глаза велики. Лейтенант несколько раз спрашивал: «Не сказать ли капитану?» Штурман отвечал всегда, что от того не произойдет никакой пользы. «Мое бы мнение, — продолжал он, — не сказывая ему, спуститься немного к шведским берегам и через полчаса взять опять тот путь которым идем теперь. Таким образом, если б и была предпологаемая мною погрешность в исчислении, то мы, не дав никому того приметить, поправили бы оную и миновали бы остров». Лейтенант, по некотором колебании, согласился на его предложение. Они переменяют путь

спускаются на два или на три румба к шведскому берегу, чтоб уклониться от ужасающего воображение их острова.

Не прошло десяти минут, как люди, стоящие на носу корабля, стали кричать: «Кажется, как будто земля чернеется?» — «Где? — «В правой руке, перед носом». — «Вот, — вскричал обрадованный штурман, — это Борнгольм! Хорошо, что мы от него отворотили, а то бы попали прямо на него». В это самое время капитан выходит из своей каюты, ему говорят: «Борнгольм виден». Он смотрит и говорит: «У меня глаза худы, я ничего не вижу».

Через две или три минуты с носу корабля вдруг несколько голосов закричали: «Кругом видна земля!» Эти слова, всех как громом, поражают. Кадетский капитан и лейтенант М. выбегают снизу наверх. Последний из них, посмотрев на компас и видя, что корабль лежит не на том пути, как положено было держать, закричал: «Лево руля!» Но едва он успел это произнести, как вдруг мы почувствовали такой удар, что едва могли устоять на ногах.

Корабль тотчас повернуло. Он стал боком против ветра. Паруса заполоскали. Ветер, не надувая их более, начал сильно рвать и бить их о мачту. Под кораблем было 3 сажени воды: он стоял уже дном своим на дне моря. Волны, подобные горам, то поднимали его кверху, то опускали стремительно вниз. Тяжелая громада эта, имеющая около двухсот тысяч пудов весу, с такой силою ударялась о землю, что казалось, что все члены ее мгновенно расторгнутся и рассыплются: высота и тяжесть мачт с тысящами на них реями и снастями при каждом ударе наклоняла ее час от часу ниже на бок, так что напоследок верхние пушки стали доставать до воды, и на палубе невозможно было стоять, не схватясь за что-нибудь руками.

Сначала людям велели итти на мачты, чтоб убрать и закрепить паруса; они в числе около ста человек, несмотря на трудность и угрожающую им великую опасность, полезли смело и две или три минуты были уже там; но когда при повторении нескольких ударов, капитан увидел, что мачты, сами по себе высокие и тяжелые, но еще более тяжестью людей вверху

обремененные, повалят корабль на бок, то велел тотчас рубить их. Время не позволяло обождать столько, чтоб дать людям сойти на низ. Мы удивлялись только тем, что закричали им: «Мачты рубят!». Минута гибели наступила (ибо с первым или со вторым наклоном корабля ожидали, что он повалится); надлежало ее предупредить; но как можно было в несколько секунд срубить три дерева, каждое охвата в два толщину! В невозможности сего велели, как можно скорее с наветренной стороны перерубить только по несколько талрепов¹¹⁴ у вант каждой мачты.

Мачты, освобожденные уже от поддерживания веревками, не переносят более стремительности наклона, и все три в один миг с ужасным треском ломаются и падают в море. Из бывших на них людей ни один не погибает: все они с удивительным проворством успели по висячим веревкам спуститься вниз.

Облегченный от мачт корабль перестало валить с боку на бок, но продолжало приподнимать валами и стучать о землю. Темнота ночи не позволила нам осмотреть, где мы и на какую мель сели. В опасении, чтоб корабль, двигаясь по дну моря, не насунулся на такой величины камень, который мог его проломить, положили мы якорь. Вскоре руль выбило, многие наружные доски или пояса, называемые обшивкою, отодрали, и в корабле показалась течь, так что накопляющуюся в него воду едва всеми помпами могли отливать.

Состояние наше после срубления мачт сделалось бездейственное, но тем более ужасное. Сильные удары потрясали все члены корабля. Каждый час угрожал гибелью. Люди, приговариваясь к смерти, надевали на себя белые рубашки. Между тем шум моря, скрип членов корабля, унылый свист ветра вокруг обломков мачт и пушечные, для призвания помощи ежеминутно производимые выстрелы напоминали беспрестанно, что мы гибнем и нет спасения.

Посреди сей общей горести и плача всех бодрее, всех веселее был между нами констапель N, человек молодой, статный собою и хороший мне приятель. Он с распущенными волосами бегал по кораблю и поминутно кричал: «Пали!» Часто подходил ко

мне, шутил, смеялся и, утешая меня, говорил: «Не бойся, я сделаю, что нас услышат и подадут нам помощь».

Наконец, после ужасных часов бесконечной ночи расцветает день. Мы видим себя в двух или менее верстах подле шведского берега. Мнимый остров Борнгольм был мыс сего берега. Погрешность в счислении действительно оказалась, но только с той еще ошибкою, что штурман полагал настоящее место корабля далее от берегов, нежели счисляемый на карте пункт, а оно, напротив того, было ближе, а потому для избежания опасности надлежало бы не от Борнгольма к ним, но от них к Борнгольму придерживаться, то есть сделать противное тому, что мы, по несчастию, сделали*.

Настало утро. Мы узнали место пребывания своего, но положение наше нимало не сделалось через то лучше. Ветер дул тот же и столь же крепкий. Сила ударов не уменьшалась. Корабль наш приходил в худшее состояние, и сокрушение оного становилось через несколько часов неминуемым. Внутри оного царствовали смуты и страх. Капитан заперся в каюте и не выходил из нее. Лейтенант W был почти в иступлении ума. Он лежал в постеле своей и беспрестанно повторял: «Я виноват. Я погубил».

Оставались действующими лицами кадетский капитан и лейтенант M., которые оба, а особливо первый из них, сохранили в себе отличное присутствие духа и не переставали обо всем пешичь. Капитан созвал к себе офицеров, урядников и несколько человек из старших матросов для совета (консилиума), на котором положено было следующее: «Как нет никакой надежды к спасению корабля (ибо он при столь сильных ударах через несколько часов должен сокрушиться), то остается только помышлять о спасении людей; для сего приступить немедленно к выпусканию каната, дабы сила ветра могла беспрепятственно двигать корабль ближе к берегу. Но как, вероятно, глубина станет по мере того уменьшаться и корабль остановится, в таком случае стараться всеми средствами

облегчать его, а именно: сталкивать и выбрасывать пушки и все большие тяжести в воду, рубить помосты, пояса, доски, связывая их веревками вместе, дабы в то время, когда корабль погибать начнет, люди на сих плотах могли спастись».

Тотчас приступают к исполнению того, что положено в совете. Сперва хотят столкнуть за борт несколько пушек, но лейтенант M. возражает против сего, представляя опасность, что корабль о самые сии пушки, когда они упадут подле него на дно моря, может быть проломлен. И так отступают от сего намерения и велят только выпускать канат. Корабль, не удерживаемый более якорем и после всякого удара подьемлемый волной, сходит с места своего и силою ветра двигается по земле. Едва перешел он 40 или 50 сажень, как меряющий на корме глубину подштурман закричал: «Воды под кораблем три с половиною сажени!» Слова сии произвели неопишанную радость. «Полсажени прибавилось!» повторили все. Вскоре потом закричал он опять: «Четыре сажени!», и вслед затем опять: «Четыре с половиною сажени!» Каждое восклицание было как бы некий благодатный глас, отсрочивающий нашу гибель. Все закричали тотчас: «Положить якорь! Положить якорь!»

Действительно, якорь в ту же минуту был брошен, и корабль, став на вольной воде, перестал ударяться о землю. Восторг наш в первые минуты был чрезвычайный: мы обнимались, целовались, плакали от радости, поздравляли друг друга, но вскоре оный весьма уменьшился. Размышление, что мы без мачт, без руля, что корабль наш течет, что, вероятно, глубина эта есть небольшая, окруженная мелью яма, из которой нам нельзя будет выйти, что, может быть, якорь нас не удержит или что ветер, сделавшись с другой стороны, поворотит корабль и кинет опять на ту мель, с которой он сошел, — все сии размышления снова погрузили нас в уныние, и наступающая ночь казалась нам столь же страшною, как и прошедшая.

Между тем мы с великим трудом успели спустить шлюпку, с тем чтоб отправить ее на берег для требования помощи. На ней посылался констапель и при нем два человека солдат с унтер-офицером. Я в это время был внизу

* Если корабль, приближаясь ночью к берегам, до того запутается в счислении, что не будет знать своего места, в таком случае благоразумие заставляет лечь в дрейф и дожидаться рассвета: ибо лучше потерять ночь хода, чем подвергать себя гибели.

корабля в моей каюте. Констапель прибегает ко мне и с восхищением говорит: «Знаешь ли что? Меня посылают на берег. Поедем со мною: здесь опасно оставаться, а там мы будем спокойны. Хочешь ли, я скажу капитану, что ты мне надобен?»

Я согласился, и мы пошли вместе, но лишь приходим мы к дверям капитанской каюты, как вдруг не знаю отчего родившийся во мне страх переменяет во мне мысли. Я останавливаю констапеля и усиленно прошу его: «Ради бога! Не говори обо мне капитану: я не хочу ехать». Он удивляется, спрашивает меня: «Что с тобою сделалось?» Просит, убеждает, говорит: «Эй, ты будешь жалеть о том, да уж поздно. Через пять минут мы будем на берегу». Но все слова его были тщетны: я стоял упорно в моем намерении и просил его убедительно не упоминать имени моего перед капитаном.

Он вошел в каюту и, получив приказание, вышел оттуда, чтоб сесть в шлюпку, которая стояла уже у борта совсем готовой. Мы заметили в нем великую перемену: он был смутен, обыкновенная веселость его исчезла, слезы катились по лицу. При сходе с корабля на шлюпку, сказал он: «Прощайте, братцы! Я первый еду на смерть», и шлюпка отвалила, распустила паруса, понеслась птицей по морю, ныряет между валами; мы провожаем ее глазами и, наконец, видим, что, подходя к берегу, опрокидывается. Тут бросился я в свою каюту, затворился в ней. Потом лег в постель. Печальное воображение о приятеле моем, несчастном констапеле, долго меня тревожило, пока напоследок усталость и проведенные в страхе и беспокойстве ночь и утро погрузили меня в крепкий сон...

Но сон мой недолго продолжался; вдруг будят меня с торопливостью и говорят: «Капитан спрашивает, сперее». Я испугавшись и спросонку вскочил и бегу, как был, в тулупе. Вижу, что уже смеркалось; нахожу на борте много людей, смотревших на лодку с двумя человеками, держащуюся в некотором отдалении от корабля. Капитан приказывает мне расспросить у них, откуда они и кто их прислал. (Надобно знать, что на всем корабле не было никого, выключая констапеля и меня, кто бы на каком-либо

другом языке, кроме русского, умел говорить *.) Я спрашиваю, они худым немецким языком отвечают, что послал их некто господин Салдерн из города Истада¹¹⁵ для проведения о нашем корабле.

Капитан велел их звать на корабль, однакож они на то не согласились, отзываясь, что по причине ночи и крепчающего ветра не могут долее оставаться; в самом же деле казалось, что они, считая нас в крайности, опасались, чтоб мы не завладели их лодкой. Насилу, по великой просьбе и убеждениям, чтоб взяли от нас с собою человека, пристали они, и то не к борту, а к всячей с кормы веревочной лестнице, и притом требуя, чтоб посылаемый ту же минуту сошел, или они отваят и уедут. Капитан, оборотясь ко мне, приказывает, чтоб я тотчас по сей лестнице спустился к ним в лодку и ехал с ними.

Это неожиданное приказание и скорость времени, с какой надлежало оное исполнить, так меня поразили, что я, как бы обезумленный, не знал, что со мною делается, и не прежде опомнился, как уже в некотором расстоянии от корабля. Обезображенный вид оного и горящие на нем огни привели мне на память, что я уже не на нем больше, не с товарищами вместе,

* Иностранцы; путешествовавшие по России, давно заметили, что у нас все лучшего состояния люди знают разные чужие языки и между собою даже не иначе хотят говорить, как по-французски. Но как бы они удивились, если б узнали, что из всех офицеров и гардемаринов линейного корабля только двое могли объясняться с иностранцами! К чести нынешних морских офицеров надобно сказать, что они более прежних стараются выучивать как чужие языки, так и словесность своего собственного и некоторые из них занимаются с успехом полезными переводами и сочинениями. И действительно, ничто так не нужно морскому офицеру в чужом порте, как знание иностранных языков. Сколь неприятно и тягостно должно быть для начальника корабля или эскадры, находящейся за границей, как в сношениях его с разными державами, так и в частных обществах с иностранцами употреблять беспрепятственно переводчиков. Когда один адмирал пенял (1799 г.) главнокомандующему английского флота, что он не сообщил ему тайной цели некоторых военных приготовлений, о которых знать адмирал имел право, англичанин извинялся тем, что он не мог иначе с ним говорить, как посредством молодых офицеров, его переводчиков, которым он опасался вверить тайну столь великой важности. Но незнание во-время сей тайны наделало адмиралу много хлопот.

но один, на малой лодке посреди бурного моря.

Мы плыли не прямо на берег, куда послана была наша погибшая шлюпка: опасность от буруна * не позволяла нам туда ехать, а держали в небольшой городок, называемый Истад. Он лежал верстах в десяти от корабля. Мы должны были плыть против ветра, против валов, которые в темноте, как бы некие мрачные горы, бежали поглотить щепку, на коей мы сидели; но, казалось, довольствовались только тем, что пенящимися вершинами своими с яростью на нее брызгали. Однакож и одни эти брызги были небезопасны: вода накоплялась от них в лодке, так что из двух бывших на ней человек, один только греб веслами, а другой беспрестанно выливал воду.

В страхе, чтоб нас не залило, сел я в самый нос лодки, чтобы спиною своей сколько-нибудь удерживать летящие с волн брызги. Состояние мое было со всех сторон жалкое: я был в одном тулупе (как встал с постели); не знаю, кто сунул мне в руки матросскую шляпу, ибо и той у меня в ту минуту, как вдруг меня послали, не было, и время не позволило взять. Я не имел с собою ни полушки денег, ни куска хлеба; не знал, с кем, куда и зачем еду, ибо не сказано мне было ни одного слова, кроме сего: «Ступай, ступай скорее».

Плавание наше продолжалось с лишком восемь часов. Во все это время холодный осенний ветер дул в меня, обмоченного с ног до головы так, что не осталось на мне ни одной сухой нитки.

Мы приехали в город часу в третьем пополудни. Я вышел из лодки, как сонный, почти без памяти. Матросы мои привели меня в какой-то дом; подали огня, разбудили хозяина. Он вышел ко мне и стал со мною говорить; но я не мог отвечать ни слова: язык мой не ворочался и был деревянный. Хозяин велел подать мне рюмку вина; я выпил. Он начинает опять со мною говорить, но, видя, что я ничего не отвечаю, оставляет меня одного и уходит. Я не знаю сам, что делаю, иду вон из горницы, схожу с

* Сим именем называется волнение, производимое сильным ветром, дующим с моря. Бурун бывает также и при безветрии на открытых берегах, где есть прилив.

низкого крыльца и, отойдя сажен двадцать, останавливаюсь. Память возвращается ко мне, и я, думая, куда я иду, осматриваюсь кругом, а в темноте ничего не вижу. Хочу итти назад, но не могу вспомнить, с которой стороны я пришел на это место. В этом недоумении прихожу я в отчаяние: ноги мои подкашиваются подо мною, я невольно сажусь на землю и теряю совершенно всякое понятие и память.

По долгом некоем забытии, с отменной легкостью и свободою чувств, открываю глаза: вижу свет, вижу, что я в какой-то избушке лежу раздетый на соломенной постели, между двумя какими-то незнакомыми мне человеками, которые подле меня крепко спят. Протираю глаза, не верю сам себе; думаю, что это мне видится во сне. Но между тем чувствую в себе новые силы, новую бодрость, свежесть и веселие.

Напоследок хозяева мои просыпаются, и я узнаю от них, что они те самые матросы, которые привезли меня на лодке (ибо я до сего времени лиц их не видал за темнотою). Они, возвращаясь домой из того дома, куда меня проводили, нечаянно наткнулись на меня, сидящего согнувшись на улице, и, видя, что я в беспомощности, подняли меня, отвели, или, лучше сказать, отнесли в свою хижину, раздели, разули и положили между собою в постель, где я, успокоенный, обсохший и согретый, сладко уснул.

Не имея чем возблагодарить сих добрых людей, я только обнимал их и целовал. Тут я обулся, надел на себя едва просохший и весь оскорузлый мой тулуп и просил их отвести меня к тому господину Салдерну, у которого мы были прошедшую ночь. Я объяснил ему причину, по которой за несколько часов перед сим не мог ему на вопросы его отвечать; просил, чтоб он подал кораблю нашему помощь.

Он сказал мне: «Я здесь человек заезжий, случайно остановившийся и не имеющий никакой власти над городом; брат мой родной находился в вашей службе и потому, принимая в вас участие и услышав о бедствии русского корабля, нанял я лодку и послал о том проведать. Здесь начальствует бургомистр; сходите к нему и требуйте от него помощи; но советую вам

не говорить, что вы в крайней опасности, для того, что эти люди, в ожидании добычи, обыкновенно при разбитии судов получаемою, не станут вам охотно помогать».

С сим сделанным мне наставлением пошел я к бургомистру, но не знал сам хорошенько, каких пособий мне от него требовать. Отъезд мой с корабля был с такой поспешностью, что капитан не успел ничего мне приказать*. Идучи дорогой, размышлял я о сем. Первое представлялось мне самонужнейшим — истребовать лоцманов, которые бы взялись проводить (буде можно) корабль в безопасное место; второе, у нас было много больных, а именно более ста человек, и потому казалось мне нужным послать на корабль несколько лодок, которые бы всех их свезли на берег.

С сими мыслями пришел я к бургомистру. Он принял меня ласково, охотно выслушал мою просьбу и тотчас отправил на корабль двух лоцманов и десять или более лодок.

По счастью, ветер сделался тише, и все больные в тот же день свезены были на берег к тому месту, куда послана была наша шлюпка. Бургомистр пригласил меня у него отобедать, чему я был очень рад, потому что крепко проголодался и, не имея денег, не имел надежды что-нибудь поест. За столом он много разговаривал со мной (разумеется, по-немецки) и, казалось, меня полюбил.

После обеда был я в великом затруднении, где ночевать. Отыскал одну маленькую гостиницу (трактир), но хозяин не хотел меня пустить, отговариваясь, что он не принимает более никаких постояльцев; в самом же деле (как он после сам мне признался) опасался имени русского, которое со времен Петра Великого не переставало у них быть страшным. Наконец, дал мне комнату и постель.

Я ночевал спокойно и, поутру проснувшись, узнал, что ночью ветер скрепчал так, что лодки не могли более ходить по морю и всякое сообщение между берегом и кораблем преклось. Зная, что на том месте (ибо

в бытность мою на корабле я оно видел), куда свезены больные, нет никакого строения, кроме одной малой избушки, и воображая, что они должны лежать на открытом воздухе, пришел я о них в сожаление. Я захотел их увидеть. Как ни трудно казалось мне идти туда и назад пешком (ибо мест это находилось верстах в восьми от города), однакож я пошел. Дующий с моря бурный ветер, сырая погода и непротоптанная по песчаным буграм дорога весьма меня утомляли; а печальный вид стоящего вдали корабля нашего и воображение, что иду туда, где шлюпка наша погибла, наводили на меня уныние.

По приходе же моем представилось мне плачевное зрелище: больные, с лишком сто человек, лежали на берегу, ничем от ветра не закрытые, без пищи, без одежды, без всякого призрения. По свозе их с корабля ветер вдруг сделался крепок, так что ничего для них свезти не могли, даже и сам лекарь не успел съехать. Они, увидя меня, все застонали и стали жаловаться, что умирают от холода и голода.

Второе зрелище было еще плачевнее. Неподалеку от страдающих больных лежали выкинутые со шлюпки тела, из коих иные были столь обезображены, что на лицах не видно было ни глаз, ни носа: так волнами разбило их о шлюпку. Между ними лежал и приятель мой, констапель.

Пролив о нем слезы, я возблагодарил бога за чудесное спасение меня от одинакой с ними участи. Мы вырыли в песке яму и похоронили сослуживцев.

С опрокинутой шлюпки из тринадцати человек избавилось от смерти только два гребца. Один из них рассказал мне, как он спасся: «Когда шлюпку опрокинуло, — говорил он, — умея хорошо плавать, хотел бороться с волнами, но вдруг почувствовал, что кто-то тянет меня на дно; это был сидевший подле меня унтер-офицер, который так крепко за меня уцепился, что я никак оторваться от него не мог, пока он сам потерял чувство и меня привел в такое же состояние. Я, уже не помня, что со мною происходило, очутился на берегу подле камня; волна, выбросившая меня, набежала опять, покрыла меня снова и, стекая с берега, силилась увлечь с собою. Я схватился за камень

* Все подобные сему неслыханные беспорядки должно относить к старым временам, но ныне едва ли случиться может, чтоб начальник, отправляя куда-нибудь своего подчиненного, позабыл сказать ему, зачем он его посылает.

и когда увидел себя опять на суше, то спешил скорее всползти на берег, и хотя волна еще раз догнала меня, однако была уже так слаба, что не могла стащить меня с места, и я от нее ушел».

Выслушав повествование матроса и видя, что уже день клонится к вечеру, я спешил возвратиться в город, обнадеев больных, что приложу о них всевозможное попечение.

Несмотря на чрезвычайную усталость, я пришел прямо к бургомистру. Первое мое движение было броситься к нему на шею и просить о сохранении жизни многим несчастным.

Бургомистр долго сомневался, отговаривался, колебался, однако, наконец, смягченный неотступной моей просьбой, а особливо уверениями, что такое его благодеяние сделает имя его известным в России, дал мне слово и спросил, какую помощь им подать. Я отвечал: 1) отвести дом, который бы не тесен, чист и тепел был; 2) купить хлеба, зелени, свежего мяса и приказать изготовить для них пищу; 3) приставить одного или двух лекарей, которые бы за ними ходили и лекарство им прописывали; 4) напоследок, послать столько подвод, чтоб всех больных одним разом забрать и привезти.

Все это исполнено было в точности. Бургомистр пошел сам со мною. Дом отвели, вычистили, протопили, постлали соломенные постели и стали стряпать кушанья. Привели двадцать подвод, пришли два лекаря, и я вместе с ними отправился туда на телеге. Солдатский капитан, велел класть и сажать больных на подводы. Все они, как хворые, так и здоровые, чрезвычайно были обрадованы.

Мы приехали в город, когда уже смеркалось. Освещенный дом, теплые покои, свежая пища, после столь долгого мрака, холода, изнурения и отчаяния, всех их так оживили, что у самых слабых и почти без движения лежавших написана была на лице радость. Я так утомился, что как скоро пришел домой, то кинулся в постель и ту же минуту заснул крепким сном.

На другой день ветер стал тише. Я нанял лодку и поехал на корабль, чтоб донести капитану о всем происходившем, и нашел там всех в радости: корабль перетянулся; лоцманы вывели его далее на море, на глубину 15 сажен. Он был вне опасности в

рассуждении мелей, но оставалось еще великое сомнение в его спасении. Гавань в Истаде была так мелка, что он не мог в нее войти, а к походу был безнадёжен.

Однакож нечего было делать, надлежало помышлять о походе; положили итти в ближайший шведский город Карлсгамн¹¹⁶, имеющий хорошую гавань и отстоящий от Истада верст шестьдесят или семьдесят. Но как корабль чрезвычайно тек и опасно было, чтоб на море при умножении течи он не утонул, то рассудили нанять находившиеся на тот раз в истадской гавани два купеческих судна, с тем чтоб оные провожали корабль, и если случится, что он будет тонуть, то старались бы спасти с него людей.

В сем намерении капитан послал меня опять на берег с приказанием привезти ему ответ, пожелают ли корабельщики (шкипера) тех двух судов наняться и чего будут просить. Я съездил на берег, переговорил с ними и, возвратясь, донес, что они соглашались, но меньше трех тысяч рублей не берут. Капитан послал меня опять и велел давать две тысячи. Корабельщики отвечали мне, что они получили письма, по которым нужно им итти в свой путь, и что потому не могут они теперь и той цены взять, какую просили, а если хотят нанять их, то заплатили бы четыре тысячи рублей, и то с тем, чтоб через сутки дать им решительный ответ.

С сим известием поехал я опять на корабль. Надобность принудила капитана дать просимую ими цену, но как на корабле столько наличных денег не было, то надлежало занять их и с корабельщиками сделать письменный договор. Капитан велел мне отправиться на берег и все это как можно скорее привезти к окончанию. Я приехал к приятелю моему бургомистру (ибо он меня очень полюбил, и я у него всякий день обедал). Заем денег требовал некоторого времени, потому что один бургомистр без собрания магистрата сделать сего не мог. Написать договор я не умел, не только на немецком, ниже на русском языке, и так это весьма меня затрудняло.

Бургомистр вступился в мои хлопоты, сочинил договор, который я перевел потом на русский язык. В нем сказано было, что половинное число денег (то есть две тысячи рублей) вру-

чить корабельщикам на месте, а другую половину, «заявя о том бургомистру», заплатить по прибытии в Карлсгамн; они же с своей стороны обязываются тотчас, как скоро на корабле сделан будет условный знак, забрать на суда свои наших больных, притти к кораблю и во время путешествия его итти с ним вместе до Карлсгамна, не отлучаясь от него и держась всегда ближе, чтобы в случае несчастья можно было с корабля свезти на них людей, о спасении которых должны они прилагать всевозможное старание.

Корабельщики согласны были на эти условия, и так осталось только им и капитану подписать их. Я поехал с ними на корабль. Капитан и они подписали договор, написанный на немецком языке с русским переводом. Капитан послал меня еще раз на берег, с тем чтобы занять в магистрате половинное число денег (две тысячи рублей) и отдать им при бургомистре, заявя ему, что остальные две тысячи заплачены будут по прибытии в Карлсгамн. Все это было сделано, и я, простясь с бургомистром и благодаря его за все ко мне ласки, поехал на корабль, не имея никакой более надобности возвращаться на берег.

Корабль между тем приготавлился к походу. На обломки мачт поставлены были запасные стеньги (тонкие мачты) с поднятыми на них реями и парусами; вместо руля приделан был искусственный, каким по нужде заменяют иногда настоящий. Оставалось докончить еще некоторые работы и ожидать благополучного ветра. Все больше устранилось от нас позднее время (ибо тогда был уже ноябрь).

Первый мой съезд с корабля, трудная ходьба пешком, нередко ночью и в сырую погоду по песчаному берегу, частые и далекие в глубокую осень по открытому морю переезды с корабля на берег и беспрепятственные заботы и хлопоты оказали напоследок действия свои: я занемог и в последней мое возвращение на корабль чувствовал уже такой жар, что по приезде принужден был тотчас лечь в постель.

На другой день стало мне еще хуже. Корабль был уже совсем готов; вдруг слышу я превеликую радость, кричат: «Ветер переменился! Ветер сделался благополучный!». Подняли тотчас знак, чтоб нанятые суда шли к ко-

раблю. Ожидают их с нетерпением (ибо вся надежда спасения состояла в попутном ветре и потому крайне опасались, чтоб его не упустить). Проходит час, другой и третий — суда нейдут. Палят из пушек; дают им знать, чтоб они шли немедленно. Нет, не появляются. Наступает вечер; не знаем, что думать. Радость наша превращается в непонятное и грустное удивление.

Ночь проходит в беспокойстве. Потру, с рассветом дня, поднимают опять знак и возобновляют пальбу из пушек: нет, суда нейдут.

Капитан велел спустить шлюпку и сказать мне, чтоб я ехал на берег узнать о причине сей медленности судов. Я отвечаю ему, что я не в состоянии, лежу в постеле, и не могу встать на ноги. Он велел мне повторить, что необходимость требует того, и прислал людей поднять меня с постели и отнести на руках. Люди подняли меня, принесли к борту, подвязали веревками и опустили на шлюпку.

По прибытии в город два человека отнесли меня к бургомистру. Он удивился моему приезду и весьма обо мне сожалел; посадили меня в кресла, обложили подушками, и я пересказал ему, зачем прислал. Он велел позвать к себе корабельщиков, и по объяснении вышло следующее недоразумение. В договоре, в услови о деньгах, поставлено было слово *deponieren*, которое я, не разумея хорошенько, перевел: «заявить бургомистру», а надлежало перевести: «положить за руку». Я понимал так, что остальные две тысячи рублей заплатить им в Карлсгамне, заявя только или сказав о том бургомистру, что оные еще не заплачены; а корабельщики понимали и требовали, чтоб эти две тысячи оставить в залог у бургомистра, и как оные не были оставлены, то суда и не шли, ожидая наперед выполнения договора.

Это обстоятельство чрезвычайно меня растревожило. Поправить оное требовалось, по крайней мере, еще двои сутки, ибо надлежало привезть от капитана прошение о займе сих двух тысяч; должно было собраться магистрату и сделать свое определение, между тем как корабль всякий час благополучного ветра упускал со страхом, и состояние мое было такое, что мне от часу становилось хуже. Я про-

сил бургомистра уговорить корабельщиков, что это равно, здесь ли оставить за руками деньги или там заплатить; что ошибка в переводе вышла от моего недоразумения слова *deronieggen*, но что сия ошибка не делает для них никакой разности; напротив, они еще скорее получают свои деньги.

Бургомистр всячески их уговаривал, но они, сидя с важностью и куря табак, не хотели согласиться. Спор наш долго продолжался и приводил меня в крайнее беспокойство. Напоследок, по истощении всех моих просьб и убеждений, вышед из терпения, сказал я бургомистру: это стыдно для шведов не верить русскому военному кораблю в двух тысячах рублях. Если господа корабельщики сомневаются в получении оных, то я отдаю им себя в залог; я остаюсь здесь, покуда они получат свои деньги; и если б капитан не заплатил им и правительство наше не удовлетворило их (чему никак статься невозможно), то отец мой, русский дворянин и достаточный человек, меня выкупит. Эти слова, произнесенные мною с жаром и досадой, поколебали суровую холодность корабельщиков. Они взглянули друг на друга, встали, походили по горнице, пробормотали нечто между собою и потом подошли сказать, что они соглашаются. Между тем настал вечер; я взял с них слово, что они при первом рассвете дня заберут больных и, нимало не мешкая, выйдут из гавани.

Оконча таким образом мое посольство, велел я отнести себя на шлюпку, в намерении, невзирая на темноту ночи, ехать на корабль (ибо огонь на нем был виден), но ветер так скрепчал, что бывшие в гавани лодочки не световали мне пускаться. И так я принужден был ночевать у них в будке. Как скоро стало рассветать, тотчас поехал, и лишь только успели меня поднять на корабль, как и суда вслед за мною вышли из гавани. Корабль по приближении их снялся с якоря и отправился в путь.

Плавание наше продолжалось несколько дней, потому что попутный ветер не долго нам служил и не скоро сделался опять благополучен. В это время болезнь моя до того усилилась, что я в выздоровлении моем был отчаян. Воображение, что мы не успеем дойти до берега и что меня зашьют в дерюгу и бросят с камнем в воду

(обыкновенное в море погребение мертвых), меня ужасало. Горячка моя была такого рода, что спирающаяся в груди мокрота меня душила, и чем легче было днем, тем тяжелее становилось к вечеру, так что всякую ночь проводил я в беспамятстве, в мечтаньях и бреду.

По несчастию, за два года перед сим был я болен в кадетской больнице, и подле моей кровати лежал товарищ мой кадет, точно в такой горячке, какую в это время примечал я в себе. Он на моих глазах умер, и подлекарь, бывший тогда при нас, почти при самом начале его болезни предугадал смерть его, сказывая, что он болен такой горячкой, от которой редко выздоравливают. Эта мысль, как скоро я приходил в память, не переставала мне мечтаться и приводить меня в уныние.

В одно утро, после весьма тяжелой ночи, стало мне отменно легко, и это привело меня в крайнюю робость: я почти несомненно уверился, что будущую ночь не переживу.

За мною ходил старик-матрос. Поправляя у меня изголовье и туза обо мне, он шепнул мне с усердием на ухо: «Батюшко! Позволь мне положить нечто к тебе под головы; авось тебе будет легче». Я спросил: «Что такое?» Он промолчал и сунул мне под подушку какую-то маленькую рукописную тетрадку. Удары в колокол для возвещения полдня напомнили мне о приближении тех часов, в которые обыкновенно становилось мне тяжелее, и я начинал забываться и терять память. Это напоминание как бы твердило мне: вот уже не больше двух часов остается тебе размышлять, и если ты теперь ничего не придумаешь, то жизнь твоя кончится.

Вдруг посреди сего мучительного страха и недоумения представляется мне странная мысль: я чувствовал превеликое отвращение к чаю, а особенно, когда уже он несколько остынет; самое это отвращение рождает во мне желание попросить того, что столько мне противно. Я говорю старику-матросу моему: «Принеси мне стакан теплой воды». Лишь только парной запах воды коснулся моему обонянию, как вдруг вся внутренность моя поворотилась, и я не знал более, что со мною делается.

Я не прежде почувствовался, как

через несколько часов. Слабость моя была так велика, что я ни одним членом моим пошевелиться не мог. Однакож некое внутреннее спокойствие и тишина уверяли меня в великой происшедшей со мною перемене. Старик мой рассказал мне, что никакое сильное рвотное не могло бы произвести того действия, какое произвело во мне одно простое поднесение ко рту стакана теплой воды. Силы мои стали от часу прибавляться; я ночью уснул и поутру мог уже сам ворочаться, а потом и вставать.

Тут скоро пришли мы в Карлсгамн. Нам отвели дом, в котором внизу жил сам хозяин, вверху, в одной половине, кадетский капитан с лейтенантом М., а в другой все мы гардемарины, в двух смежных комнатах. Когда я съехал с корабля и, пришед в теплый покой, сел подле печки, которая топилась, то мне казалось, что нет никого благополучнее меня на свете: так теплота, здравие и покой драгоценны тому, кто давно ими не наслаждался.

Через несколько дней я совсем оправился и мог ходить со двора.

Из Стокгольма, от посланника нашего Остермана, пришло повеление всех нас, гардемарин, отправить с капитаном для продолжения наук в Карлскрону, шведский город и главный корабельный порт, где находился шведский кадетский корпус. Дня через три по получении повеления мы отправились.

Корабль наш между тем исправлялся; на нем ставили новые мачты и подводили новый киль*, потому что старый от сильных ударов о землю весь истерся. Удивительно было видеть в нем превеликие брусья так измятыми, как мочалы, и железные, толще руки, болты так между собою перевившимися, как склокоченные волосы.

Наконец корабль был готов: наступило время отправиться в Россию.

Плавание наше недолго продолжалось.

Мы пришли в Кронштадт, куда уже морской кадетский корпус, после бывшего пожара, переведен был из Петербурга».

* Самый нижний брус под кораблем, простирающийся во всю длину его, толстый, составленный из многих брусьев, скрепленных между собою толстыми железными болтами.

* * *

Какой хороший офицер пожелает служить на корабле, таким образом управляемом, как управлялся корабль «Вячеслав»? Оставляя уже без внимания ежеминутную опасность, коей подвергались корабль и экипаж его от беспорядочных поступков капитана, даже самая честь каждого из офицеров с благородными чувствами от них страдала. Если б собственный рапорт капитана*² и письменное признание*³ офицеров, тайным образом курс переменявших, не подтверждали помещенного здесь описания бедствий, с вышеупомянутым кораблем случившихся, в важнейших их происшествиях, то можно было бы даже усомниться в справедливости его. Кто бы поверил, что капитан военного корабля, идущего в темную осеннюю ночь в крепкий ветер, по 8 миль в час и приближающегося к берегам, пошел в свою каюту покойно спать, и тогда, когда верность корабельного счисления подвержена была большому сомнению? *⁴ Что вахтенный лейтенант и штурман решились сами собою переменить курс*⁵? Что когда корабль стал на мель, то капитан, вместо того чтоб употреблять все средства к спасению его и экипажа, заперся в каюту? И что, наконец, капитан решился послать на чужестранный берег с просьбою о помощи гардемарина в тулупе, не сказав ему, кому и зачем он его посылает; а тот поехал и сам не ведая для чего? Самый призыв матросов на совет*⁶ унижает не только офицеров, но и самую службу. Такого рода «мирские сходки»*¹ могут быть терпимы только

*² Рапорт в государственную Адмиралтейств-коллегию, записанный в корабельном протоколе под № 234, 18 октября. (Прим. В. М. Г.)

*³ Признание, сделанное на бумаге лейтенантом и штурманом в перемене курса без ведома капитанского; оно отправлено в Адмиралтейскую коллегию и находится в ее архиве. (Прим. В. М. Г.)

*⁴ Морского устава в книге 3. главе 1, § 14, строго предписано капитану наблюдать осторожность в ходу.

*⁵ Морского устава книга 3. глава IV, § 9. «Не может (лейтенант) переменить курса, или корабль поворотить на другой борт без доклада капитанского, под лишением чина».

*⁶ Из рапорта капитанского видно, что «рядовые» были призваны в совет во всех случаях, как-то: они решили, что нужно срубить мачты, отдаваться далее на мель по канату и пр. (Прим. В. М. Г.)

на купеческих судах. А притом какую пользу капитан думал из того извлечь? Если он хотел посредством их оправдать свои меры перед военным судом, сославшись на согласие матросов, какие законы давали ему право надеяться, что оно должно быть принято в уважение?

Мне кажется, одна из важнейших обязанностей начальника состоит в том, чтоб всякого из подчиненных держать в месте, предназначенном ему законами: никого без причины и формального отрешения не унижать и никого по каким-либо видам и связям не возвышать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гельсинор*, часто *Эльсинор*, правильно Хельсингёр, см. примечание 28 на стр. 117.

² *Мыс Скаген* — см. прим. 33 на стр. 117.

³ *Бушприт* — см. примечание 4 на стр. 116.

Гальюн — надводная носовая часть корабля.

⁴ *Баргоут* — см. примечание 88 на стр. 119.

⁵ *Шпунты* — затычка. *Фрштевень* — бревно, служащее основой носу корабля.

⁶ *Найтов* — скрепа веревкой.

⁷ *Залив Мандель* (Мандаль), на южном берегу Норвегии, у 58° северной широты.

⁸ *Доггер-банка* — мель в Северном море; одно из величайших в мире рыболовных угодий.

⁹ *Мыс Фланборгед* (Flamborough Head) — мыс на восточном берегу Великобритании, против Доггер-банк.

¹⁰ *Дроммель* (Драммен) — город к юго-западу от Христиании (Осло).

¹¹ *Ярмут* — рыбачий порт на восточном берегу Англии.

¹² В 1799 году Англия вместе с Россией воевала против революционной Франции, оккупировавшей Нидерланды, провозглашенные Батавской республикой.

¹³ *Гелдер* (Helder) — мыс у входа в Зюдерзее, в Голландии, к югу от острова Тексель.

¹⁴ *Остров Тексель* — один из Западных Фризских островов, отделяющих залив Зейдерзе от Северного моря. Расположен у 53° северной широты, против мыса Гелдер.

¹⁵ *Баканы* — пловучие навигационные знаки, см. прим. 23 на стр. 117.

¹⁶ «*Знаменитый наш историограф флотов*» — Шишков Александр Семенович (1754—1841) (Собрание морских журналов, т. 2, стр. 108).

¹⁷ *Верп*, малый якорь (завоз), двулапый или четырехлапый.

¹⁸ *Кабельтов*. Здесь — канат, на котором бросается якорь.

¹⁹ *Шпиль* — стоячий ворот на судне для подъема или спуска якоря, для подтягивания судна и т. п.

²⁰ *Принц Оранский* — низвергнутый в 1795 году после провозглашения Батавской республики наследственный правитель Нидерландов.

²¹ *Снайтовливать* — скреплять веревкой.

²² *Багштов* (бакштов) — буксирный канат.

²³ *Констапель* — морской артиллерийский офицер (прапорщик морской артиллерии).

²⁴ *Румпель* — рычаг для управления корабельным рулем.

²⁵ *Тиллер-транец*. Tiller (англ.) — румпель. Транец — оборудование на корабельной корме.

²⁶ *Стаксель* — треугольный косой парус.

²⁷ *Баранов, Александр Андреевич* — см. примечание 159 к «Путешествию на «Камчатке» (стр. 444).

²⁸ *Тараканов, Тимофей* — приказчик Российско-Американской компании. Позднее был на тюленьих промыслах в заливе Сан-Франциско; затем три года прожил на Гавайских островах.

²⁹ *Суперкарг* — см. примечание 104 к «Путешествию на «Камчатке» (стр. 442).

³⁰ *Новый Альбион* — участок западного (тихоокеанского) берега Северной Америки в районе Сан-Франциско, открытый известным английским пиратом Дрейком в 1578 году, во время его кругосветного плавания (второго, после Магеллановой экспедиции); назван так в честь Альбиона (Англии).

³¹ *Мыс Жуан (Хуан) де-Фука* — у западного входа в одноименный пролив, отделяющий с юга остров Ванкувер от материка; на английских картах часто этот мыс называется Флеттери (Flattery).

³² *Корольки* — бусы.

³³ *Китайка* — простая хлопчатобумажная ткань.

³⁴ *Остров Дистракшин* (Destruction) — островок к югу от мыса Флеттери, у берега нынешнего штата Вашингтон (США).

³⁵ *Фока-рей* — рей на передней мачте.

³⁶ *Коложи* (или колоши) — русское название индейцев Аляски — тлинкитов; см. примечание 165 к «Путешествию на «Камчатке» (стр. 444).

³⁷ *Мыс Гревиль* (Гревиль, англ. Granville) — на западном берегу США, штат Вашингтон.

³⁸ *Аманат* — заложник.

³⁹ «*Для отвоза в Померанию десантных войск*». В 1805 году Россия, как член так называемой Третьей коалиции, воевала с наполеоновской Францией. Померания — южная прибалтийская полоса; ее западная часть вместе с островом Рюген принадлежала

в то время Швеции, также входившей в состав Третьей коалиции.

⁴⁰ *Остров Эзель*, теперь Сарема, Эстонской ССР.

⁴¹ *Мыс Люзерорт* — против юго-западного выступа острова Сарема, на северном берегу Курляндии (теперь в Латвийской ССР).

Виндава, теперь Вентспилс, портовый город Латвийской ССР, в устье реки Венты (Виндавы).

⁴² *Рюген* (Rügen) — остров у берегов Померании; в то время принадлежал Швеции (см. выше примечание 39).

⁴³ *Мыс Домеснес* — у входа в Рижский залив, на крайнем севере Курляндии; теперь — в Латвийской ССР.

⁴⁴ *Интриум* — самая нижняя часть триума.

⁴⁵ *Мыс Гоборг* — южная оконечность острова Готланд (Суурсари) в Финском заливе.

⁴⁶ *Мыс Перт*. Эта территория принадлежала в то время Швеции (Шведская Померания).

⁴⁷ *Бакштаг* — снасть, укрепляющая стеньгу (продолжение мачты) с боков; бакштагом также называют попутный боковой ветер и ход парусного корабля под этим ветром.

⁴⁸ *Фордевинд* — полный попутный ветер и ход парусного корабля под этим ветром.

⁴⁹ Русско-турецкая война началась в 1806 году (закончилась в 1812 году присоединением к России Бессарабии по Бухарестскому мирному договору).

⁵⁰ *Бокка-ди-Каттаро* (итал. Bocche di Cattaro) — бухта Котор у берегов Черногории (Югославия).

⁵¹ *Корфу* — остров у западных берегов Греции (один из Ионических островов) у входа в Адриатическое море. На нем — одноименный порт.

⁵² *Курцола*, теперь Корчула, — остров у берегов Герцеговины (Югославия).

⁵³ *Марс* — площадка у соединения мачты со стеньгой.

⁵⁴ *Дураццо*, теперь Дуррес, — важнейший албанский порт (на Адриатическом море).

⁵⁵ *Берат* — город в Южной Албании.

⁵⁶ *Оттоманская Порта* (иначе Блистательная Порта, Высокая Порта) — неправильное, но общепринятое в дипломатических сношениях название бывшей Турецкой империи.

⁵⁷ *Ага* (турецкое) — господин, прежде — начальник янычар.

⁵⁸ *Албесан* (правильно Эльбасан) — город в центральной Албании.

⁵⁹ *Огера* — у нынешней албано-югославской границы.

⁶⁰ *Монастырь* (Монастир), иначе Битоль, — город в Македонии (Югославия).

⁶¹ *Прилеп* — македонский городок к северо-востоку от Битоля (Югославия).

⁶² *Крюперли* (правильно Кёпрюлю), теперь Велес, — македонский город к северо-востоку от Прилепа (Югославия).

⁶³ *Штип* (Штип) — македонский город к востоку от Велеса (Югославия).

⁶⁴ *Радовишт* (Радовиште) — македонский город к юго-востоку от Штипа (Югославия).

⁶⁵ *Алкоран*, коран — священная книга мусульман.

⁶⁶ *Стрмица* (Струмица) — македонский город к югу от Радовишта (Югославия).

⁶⁷ *Петриче* (Петрич) — болгарский город в низовьях реки Струмци (юго-западная Болгария).

⁶⁸ *Демисар* (правильно Демирхисар) — македонский поселок в северо-восточной Греции, к северо-востоку от Салоник.

⁶⁹ *Севас* — название искажено: правильно Серес.

⁷⁰ *Георг Черный* — Карагеоргий, вожь сербских повстанцев, предок сербской королевской династии Карагеоргиевичей.

⁷¹ *Караван-сарай* — постоялый двор в скотоводческих районах Передней Азии.

⁷² *Мири* — приморский поселок на северо-восточном берегу Эгейского моря.

⁷³ *Архипелаг* — здесь Море-Архипелаг (Эгейское море).

⁷⁴ *Имбро* (правильно Имброс), принадлежит Турции.

Самондраки (правильно Самофраки), принадлежит Греции.

⁷⁵ *Фериеи* — правильно Фереджини.

⁷⁶ *Морица*, река — название искажено; вероятно — Марица.

⁷⁷ *Измаил-бей* — глава янычар.

⁷⁸ *Кешан* — селение к востоку от устья Марицы, в Европейской Турции.

⁷⁹ Слух этот был неверен.

⁸⁰ Речь идет, конечно, не об островном городе Родосе, а о городке Родосто (Текирдаг) у Мраморного моря, в Европейской Турции.

⁸¹ *Селивриа* (Силиври) — приморский городок между Родосто и Стамбулом.

⁸² *Янычары* (турецкое уeníçerî — новое войско) — регулярная пехота, созданная в XVII веке султаном Орханом из христианских мальчиков, насильственно обращенных в ислам; позднее превратилась в военную касту, терроризовавшую турецкое правительство и население и активно вмешивавшуюся в политику; была истреблена султаном Махмудом II в 1826 году.

⁸³ *Пера* и *Галаата* — два района, составляющих так называемый Новый город Стамбула, где сосредоточено нетурецкое население и расположены важнейшие торговые предприятия.

⁸⁴ «...Как бунт возгорелся против султана Селима». Этот бунт завершился убийством янычарами султана Селима III, пытавшегося провести ряд реформ, в том числе заменить янычар новым регулярным войском.

⁸⁵ Речь идет о Василии Берхе, авторе «Хронологической истории открытия Алеутских островов или подвига Российского купечества», СПб., 1823.

⁸⁶ *Залив Якутат*, у 140° западной долготы.

⁸⁷ *Фок, грот и грот-марсель*. Фок — нижний парус на передней мачте. Грот — большой прямой парус на нижнем рее средней мачты. Марсель — второй снизу прямой парус. Грот-марсель — второй парус на средней мачте.

⁸⁸ *Чугатская губа* (Чугацкий залив) или Чугач-залив — у восточного берега полуострова Кенай; на англ. картах Prince William Sound.

⁸⁹ *Свеаборг* (Суоменлинна) — крепость на островках у входа в гавань Хельсинки, столицы Финляндии.

⁹⁰ *Порт Роченсальм* — гавань на северо-восточном берегу Финского залива.

⁹¹ *Остров Лехта* — один из восточных островков у морских берегов, в частности — у северных берегов Финского залива.

⁹² *Шхеры* — цепи скалистых островков у морских берегов, в частности — у северных берегов Финского залива.

⁹³ *Марсель, фок, грот* — см. выше примечание 87. *Брамсель* — третий снизу прямой парус на мачте. *Стем* — бревно, служащее основой носу корабля; иначе — форштеньг. *Грот-стенги-стаксель*: стаксель — верхний косой парус, без реев; грот-стенга — второе колено средней мачты.

⁹⁴ *Унас* — небольшой остров в поясе шхер.

⁹⁵ *Стеньг-ванты* (стенгванты) — смоляные веревки или тросы, поддерживающие стеньги.

⁹⁶ *Констапель* — см. примечание 23 на стр. 503.

⁹⁷ *Леер* — туго натянутая веревка.

⁹⁸ *Крюйс-стенг-ванты* — веревочные лесенки выше марсовой площадки.

⁹⁹ *Остров Питколод* — небольшой остров в поясе шхер.

¹⁰⁰ *Галёт* (галиот) — небольшое парусное судно.

¹⁰¹ *Мингрелия* (Мегрелия) — западная Грузия между низовьями рек Ингур и Рион.

¹⁰² *Анатолия* — Малая Азия.

¹⁰³ *Устье Копи* — у берегов Колхиды (теперь Грузинская ССР).

¹⁰⁴ *Берген* — важнейший рыбопромышленный центр Норвегии и второй по значе-

нию (после столицы Осло) торговый порт страны.

¹⁰⁵ *Стирсуден* (Стирс-удде) — мыс при входе в Кронштадтскую бухту (у 20° восточной долготы) на северном берегу залива.

¹⁰⁶ *Любек* — один из трех германских вольных городов, в юго-западном углу Балтийского моря.

¹⁰⁷ *Гогланд*, остров в восточной части Финского залива.

¹⁰⁸ *Биорке* (Жойвисто) — остров у северо-восточного берега Финского залива, близ входа в Кронштадтскую бухту.

¹⁰⁹ *Сескар* — остров к югу от Биорке, против входа в Кронштадтскую бухту.

¹¹⁰ *Кранбалки* — два бруса на носу судна, с обеих сторон бушприта, для отдачи или подъема якоря.

¹¹¹ *Рустов* — цепь, прихватывающая лапы якоря при его подъеме и уборке вдоль борта.

Крамбал — то же, что кранбалка.

¹¹² *Кильдойн*, правильно *Кильдин*, — остров у мурманского берега Кольского полуострова, у 34° восточной долготы.

¹¹³ *Мальштром* (Мальстрём) — водоворот между Лофотенскими островами.

¹¹⁴ *Талреп* — веревочная снасть, которой стягиваются блоки на бортах судна для прикрепления вант.

¹¹⁵ *Истад* (Istad) — в южной Швеции, восточнее Мальма.

¹¹⁶ *Карлсхамн* — в южной Швеции, между Карлскруной и Кристианстадом.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
Василий Михайлович Головнин (биографический очерк)	5

ПУТЕШЕСТВИЕ ШЛЮПА «ДИАНА» ИЗ КРОНШТАДТА В КАМЧАТКУ, СОВЕРШЕННОЕ ПОД НАЧАЛЬСТВОМ ФЛОТА ЛЕЙТЕНАНТА ГОЛОВНИНА В 1807, 1808 и 1809 ГОДАХ

ЧАСТЬ I

<i>Глава первая.</i> Предмет экспедиции, выбор корабля, вооружение и приготовление оною	17
<i>Глава вторая.</i> На пути из Кронштадта до Англии и в Англии	20
<i>Глава третья.</i> На пути из Англии до Бразилии	33
<i>Глава четвертая.</i> Пребывание в гавани острова Св. Екатерины в Бразилии и описание оной	43
Местное положение, гидрография и укрепление гавани	46
Выгоды и невыгоды, какие гавань Св. Екатерины представляет заходящим в нее судам	48
<i>Глава пятая.</i> На пути от Бразилии к мысу Горну и оттуда к мысу Доброй Надежды	50
<i>Глава шестая.</i> Пребывание на мысе Доброй Надежды	59

ЧАСТЬ II

<i>Глава первая.</i> Состояние колонии мыса Доброй Надежды. Описание вод, его окружающих, и метеорологические замечания	70
Описание Капштата и Симанштата	—
Капштат	—
Симанштат	72
Произведения колонии, нужные мореплавателям. Обманы, употребляемые купцами при снабжении судов. Средства с выгодой запастись всем нужным, не имея помощи в агентах	—
Произведения	—
Обманы купеческие при снабжении судов	74
О характере, обычае и образе жизни жителей	76
О внутренней и внешней торговле	80
Географическое положение мыса Доброй Надежды относительно к мореплавателю	81
Заливы и рейды	—
Столовый залив	82
Фалс-Бай и Симанский залив	85
<i>Глава вторая.</i> На пути от мыса Доброй Надежды до острова Таны	86

<i>Глава третья.</i> Пребывание на острове Тана и некоторые замечания об оном	92
<i>Глава четвертая.</i> На пути от острова Таны до Камчатки	110
Примечания к I и II части.	116

ЗАПИСКИ ВАСИЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА ГОЛОВНИНА В ПЛЕНУ
У ЯПОНЦЕВ В 1811, 1812 И 1813 ГОДАХ

ЧАСТЬ I

Первое свидание с японцами на Итурупе.— Взятие нас в плен.— Содержание в тюрьме в Хакодате.— Содержание в тюрьме в Мацмае.— Перемена к лучшему в нашем заключении.— Намерение наше уйти, причины и способы.— Мур остается, мы же обманываем его и уходим.	127
---	-----

ЧАСТЬ II

Русские скитаются по горам Мацмая.— Японцы окружают их и возвращают в Мацмай.— Пребывание в плену.— Двукратное прибытие шлюпа «Диана» к берегам Японии.— Освобождение	208
Примечания к I и II части.	267

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА НА ШЛЮПЕ «КАМЧАТКА»
В 1817, 1818 И 1819 ГОДАХ

<i>Глава первая.</i> Приготовление к путешествию. Плавание от Кронштадта до Рио-Жанейро и пребывание в сем порте с замечаниями об оном	273
Замечания о Рио-Жанейро и о Бразилии вообще	283
<i>Глава вторая.</i> Плавание от Рио-Жанейро около мыса Горна. Прибытие в порт Каллао, на берегу перуанском, и пребывание в оном	287
<i>Глава третья.</i> Замечания о Лиме и Перу	299
<i>Глава четвертая.</i> Плавание от Лимы до Петропавловской гавани. Пребывание в Камчатке с краткими замечаниями о сей области	306
<i>Глава пятая.</i> Плавание из Петропавловской гавани к Беринговым островам, оттуда к западнейшему из островов Алеутских и вдоль гряды сей. Прибытие к острову Кадьяку и пребывание на оном	316
Об острове Кадьяке	328
<i>Глава шестая.</i> Плавание от острова Кадьяка к северо-западным берегам Америки и пребывание в порте Ново-Архангельске, с замечаниями об оном	331
Замечания о Ново-Архангельске	334
<i>Глава седьмая.</i> Плавание от Ново-Архангельска к крепости Росс, на берегу Нового Альбиона находящейся, оттуда в порт Монтерей и пребывание в оном	340
<i>Глава восьмая.</i> Замечания о Калифорнии	345
<i>Глава девятая.</i> Плавание от Монтерея до порта Румянцова, пребывание в оном и плавание из оного до крепости Росс, с замечаниями о Новом Альбионе	354
Замечания о Новом Альбионе	356
<i>Глава десятая.</i> Плавание от берегов Нового Альбиона до Сандвичевых островов и пребывание на оных	362
<i>Глава одиннадцатая.</i> О Сандвичевых островах	376
<i>Глава двенадцатая.</i> Плавание от Сандвичевых островов до острова Гуахана. Пребывание на оном, с замечаниями об островах Марианских. Плавание до Манилы и пребывание в сем порте.	397
<i>Глава тринадцатая.</i> О Маниле	408
<i>Глава четырнадцатая.</i> Плавание от Манилы до острова Св. Елены, с замечаниями об оном	416
Остров Св. Елены	419
<i>Глава пятнадцатая.</i> Плавание от острова Св. Елены до острова Вознесения, с замечаниями о сем последнем, и от острова Вознесения до ост-	

рова Фаяла. Пребывание на оном. Замечания об Азорских островах	425
Остров Вознесения	—
Глава шестнадцатая. Плавание от Азорских островов до Англии. Пребывание в Портсмуте и отбытие из оного. Переход до Копенгагена и оттуда до Кронштадта	430
Примечания	440

ОПИСАНИЕ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ,
ПРЕТЕРПЕННЫХ РУССКИМИ МОРЕПЛАВАТЕЛЯМИ

Гибель 74-пушечного корабля «Принц Густав» (под начальством капитана Трескина и под флагом контр-адмирала Карцова) у норвежских берегов 4 ноября 1798 года	451
Бедственное и крайне опасное положение корабля «Ретвизан» (под начальством капитана Грейга) на мели при входе в порт Гелдер, что у острова Текселя, в августе 1799 года	453
Крушение Российско-Американской компании судна «Святой Николай» (под начальством штурмана Булыгина) при северо-западных берегах Америки в широте около 47 $\frac{1}{2}$ град., у острова, названного Ванкувером Destruction Island (пагубный остров), 1 ноября 1808 года	457
Крушение военного брига «Диспач» (под начальством капитан-лейтенанта Каслишцова) у берегов острова Рюгена, в ночь с 5 на 6 октября 1805 года	470
Крушение корвета «Флора» (под начальством капитан-лейтенанта Кологривова), погибшего в ночь на 28 января 1807 года в Средиземном море у берегов Албанских	473
Гибель Российско-Американской компании корабля «Нева» на северо-западном берегу Америки, у мыса Эджкома, в широте 57°11'9 января 1813 года	480
Гибель императорского фрегата «Поллюкс» (под начальством капитан-лейтенанта Тротскевича) близ острова Унаса 25 октября 1809 года	483
Крушение 74-пушечного корабля «Тольская Богородица» на Черном море у берегов Мингрелии, при устье реки Копи, 8 декабря 1804 года	486
Крушение военного брига «Фальк», погибшего у Толбухина маяка, в семи верстах от Кронштадта, 20 октября 1818 года	487
Разбитие военного корабля «Вячеслав» у берегов Швеции в 1771 году	490
Примечания	502

Обложка, титул, шмуцтитулы, заставки,
концовки и инициалы
художника *Б. В. Шварца*

Редактор *А. С. Блажко*

Технический редактор *Н. И. Москвичева*

Подписано к печати 27/XI 1949 г. А14655
Объем 31³/₄ п. л. и 3 вкл. Уч.-изд. 52,56 л. В 1 п. л.
6570) зн. Тираж 20 000 экз. Формат бумаги 70×108¹¹/₁₆.
Цена 21 руб. Зак. 2568.

Отпечатано во 2-й типографии издательства
Академии Наук СССР
Москва, Шубинский п., дом 10

Цена 21 руб.

III-2947